IX Уральский демографический форум. Том I

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

IX Уральский демографический форум

Международная научная конференция

(г. Екатеринбург, 8-9 июня 2018 г.)

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

IX Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статей

Том I

Екатеринбург 2018

УДК 312
ББК 60.7(2Рос)
Д 31

Ответственный редактор д-р социол. наук, проф. А. И. Кузьмин

Рецензенты: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова, д-р социол. наук Н. Г. Чевтаева

Организационная поддержка: Институт экономики УрО РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Ванадзорский государственный университет имени Ов. Туманяна, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Институт экономических исследований, г. Донецк, РОО «Форум женщин Урала».

Д 31 **Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития** [Текст]: сб. ст. IX Уральского демографического форума: в 2-х томах / отв. ред. д. социол. н. А. И. Кузьмин. — Том I. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. — 704 с.

ISBN 978–5-94646-613-4

В сборник вошли статьи участников IX Уральского демографического форума. В материалах форума нашел отражение широкий круг вопросов, связанных с изучением демографических процессов: естественного воспроизводства населения, миграции, брачных и семейных отношений, демографической и миграционной политик.

В первом томе размещены материалы научных докладов пленарного заседания и дискуссионных площадок конференции: «Социально-экономические факторы воспроизводства и миграции населения» и «Социологические, психологические и медико-демографические аспекты функционирования семьи и общественного здоровья».

Материалы форума представляют интерес для специалистов в области междисциплинарных исследований процессов воспроизводства и здоровьесбережения населения, их влияния на устойчивое развитие регионов России и зарубежных стран

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978–5-94646-613-4

© Институт экономики УрО РАН, 2018

Содержание

I. Пленарные доклады 7

Архангельский В. Н. Рождаемость и репродуктивное поведение в России в период активизации поддержки семей с детьми 7
Соловьев А. К. Пенсионный возраст в России: демографические предпосылки и макроэкономические ограничения 26
Рой О. М. Демографическая устойчивость территории: методология оценки. 38
Синельников А. Б. Приоритетная поддержка законных супругов как принцип демографической политики 52
Гусев А. В. Российская семья XXI века. Штрихи к портрету 69
Калачикова О. Н. Конфликт гендерных ролей и обязанностей: «тройная занятость» женщин как источник нестабильности брака 76
Кузьмин А. И., Макарова М. Н. Опыт оценки продолжительности жизни населения Екатеринбурга как показателя общественного здоровья 86
Sibanda-Thusi N. M. Nelson Mandela International Day 18 July 2018 96

II. Социально-экономические факторы воспроизводства и миграции населения 98

Абдульзянов А. Р. Дорожно-транспортная безопасность как фактор демографической устойчивости населения (региональный аспект) 98
Ишуков А. А., Бедрина Е. Б. Оценка влияния миграций студентов на развитие экономического потенциала населения: сравнение опыта ЕС и ЕАЭС 106
Биктимиров Н. М. Особенности изменения возрастной структуры женщин репродуктивного возраста в Республике Татарстан за 1990–2017 гг. 111
Гараева Э. И., Костина Н. Б. Добровольная бездетность: действенны ли пронаталистские меры профилактики? 117
Гокова О. В. Анализ демографического развития Омской области 123
Грудина Т. Н. Повышение рождаемости и уровня жизни населения в контексте целей устойчивого развития 136
Ильвес Э. В. Снижение прекаризации родительского труда как условие воспроизводства человеческого капитала в России 143
Ильдарханова Ф. А. К вопросу о демографической устойчивости региона..... 153
Козлова О. А., Селезенева Е. А. Аудит качества труда как инструмент в системе управления персоналом предприятия 161
Комбарова Т. В. Некоторые детерминанты прироста населения в Тюменском регионе 168
Комлева Р. Н. Финансовая составляющая семейной политики (на примере Республики Башкортостан) 173
Коровкин А. Г., Единак Е. А., Королев И. Б. Анализ прогнозных оценок численности и региональной структуры населения РФ 188
Куприна Т. В., Иброхимов А. С. Иностранные языки и миграционные процессы как инклюзивные составляющие социо-экономических показателей 207

Левина Е. И., Бозоян М. В., Табакова А. О. Миграция в Кемеровской области: оценка проблем на основе результатов опроса населения..... 220
Лобарева Н. С., Глухих П. Л. Молодежное стартап-движение как один из социально-экономических факторов устойчивого развития старопромышленных территорий 228
Логинов В. Г. Особенности воспроизводства населения в условиях Уральского Севера 239
Макарова М. Н., Пышминцева О. А. Пространственные и возрастные структурные сдвиги в демографическом развитии малых и средних городов Екатеринбургской агломерации на перспективу до 2035 года 255
Малыш Е. В. Виды экономического поведения домохозяйств при поиске ренты..... 259
Мельникова А. С. Оценка рисков, возникающих в результате применения адаптационных практик мигрантов..... 273
Минеева Н. Н. Трансформация архитектоники АПС как условие развития сельских территорий..... 279
Мостахова Т. С. Основные угрозы демографической безопасности в Республике Саха (Якутия) и приоритеты региональной демографической политики 292
Мыслякова Ю. Г. Оценка предпринимательского духа российских и зарубежных студентов 306
Неганова В. П., Седельников В. М. Концепт ценности в маркетинге взаимоотношений..... 313
Неклюдова Н. П. Миграция как социальная детерминанта здоровья населения..... 325
Подкина К. Ю., Квашнина К. В. Социально-экономические проблемы, влияющие на демографию Индии 335
Скрябина Я. А. Результативность демографической политики Республики Башкортостан в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи 343
Сукнёва С. А., Барашкова А. С. Феномен внебрачной рождаемости: тенденции, проблемы, взгляд социума 357
Сухинин С. А. Проблемы устойчивого демографического развития Ростовской агломерации 370
Талалаева Г. В. Демографическая безопасность ожидаемого репродуктивного поведения молодых сотрудников МЧС России 382
Тимошенко М. В. Теоретические и прикладные подходы к выявлению и оценке факторов миграции трудовых ресурсов 397
Туманова Д. В. Территориальные особенности смертности в Республике Саха (Якутия) 412
Тухтарова Е. Х. Роль миграции в снижении неравенства по доходам на примере стран СНГ..... 421
Цатурян А. М., Минасян С. М. Об одном адиабатическом инварианте устойчивости государств в процессе международной миграции..... 426
Чистова Е. В. Подход к оценке пенсионной обеспеченности населения на региональном уровне..... 435

Шамова Е. А. Факторное влияние уровня жизни населения на устойчивое развитие региона 444
Шмарова И. В., Багирова А. П. Исследование динамики материальных затрат на воспроизводство населения в Свердловской области 450
Шубат О. М., Багирова А. П. Экономические детерминанты рождаемости в России: оценка потенциала воздействия 461

III. Социологические, психологические и медико-демографические аспекты функционирования семьи и общественного здоровья 474

Акрамова Ф. А. Социально-психологические факторы создания прочных семейных отношений 474
Боброва А. Г., Петракова Ю. Н., Щербина Н. М. Вызовы демографического развития Беларуси и Литвы на современном этапе 480
Бызов Н. С., Ножкина Н. В. Современные вопросы медико-демографических последствий и здоровьесбережения при цереброваскулярных заболеваниях..... 494
Валидова А. Ф. Влияние «материнского капитала» на рождаемость по данным российских обследований домохозяйств..... 506
Казанцева А. В., Ножкина Н. В., Ануфриева Е. В., Михалева Н. В. Здоровье и социально обусловленные факторы риска у подростков..... 514
Калачикова О. Н., Груздева М. А. Участие прародителей в воспитании внуков как форма личной самореализации..... 522
Клименков Г. В. Основные подходы к здоровью и болезни территориальных сообществ в системе здравоохранения 528
Клименков Г. В. Профилактико-медицинские знания и услуги с позиции сбережения здоровья и экономики знаний 537
Коровина А. В., Лаврентьева И. В. Состояние репродуктивного здоровья девочек-подростков, страдающих головной болью напряжения..... 542
Королев С. В. Динамика и факторы, влияющие на уровень потребления алкоголя в удмуртской республике..... 547
Костина С. Н., Зайцева Е. В., Кузьмин А. И. Состояние системы государственной поддержки многодетности на региональном уровне..... 553
Кривенко Н. В. Проблемы сохранения человеческого капитала и здоровья населения в рамках обеспечения социально-демографической и экономической безопасности региона..... 563
Кучмаева О. В. Мобильность инвалидов: проблемы и пути решения (по результатам выборочного обследования)..... 578
Лавренюк Н. М., Третьякова К. В. Брачность молодежи и мотивы создания семьи в республике Башкортостан 593
Лифшиц М. Л., Неклюдова Н. П. Миграция и распространение социально опасных заболеваний в России 603
Новоселов В. М. Взгляд на болезнь Ивана Грозного глазами лечащих врачей В.И. Ленина 613
Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Казанцева А. В., Васянина А. К. Снижение младенческой смертности в Свердловской области: от достижения целевых показателей к задачам по устранению неравенства 629

Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Ошкордина А. А. Социально-демографические и экономические аспекты потерь, обусловленных заболеваниями органов пищеварения 638
Остапчук Е. С. Тревожно-депрессивные нарушения в остром периоде инсульта 646
Рослая Н. А., Базарова Е. Л. Современные тенденции оценки влияния вредных профессиональных факторов на состояние здоровья работающего населения 652
Шаталова Н. И. Теоретический подход к моделированию функционирования семьи как способ ее научного анализа и прогнозирования 665
Шевалдина Е. И. Оценка качества оказания медицинской помощи населению 682
Шевалдина Е. И. Развитие сферы спортивно-оздоровительных услуг в Республике Башкортостан 688
Шелуханова Л. В. Ресурсный потенциал современной молодой семьи, имеющей ребенка до трех лет 697

I. ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 314.3

Архангельский В. Н.

РОЖДАЕМОСТЬ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРИОД АКТИВИЗАЦИИ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ [1]

С 2007 г. в России заметно активизировалась поддержка семей с детьми на федеральном и региональном уровнях. Реализуется комплекс мер, ориентированных в первую очередь на поддержку вторых и последующих рождений. В этот период произошли существенные позитивные изменения в динамике рождаемости, которые, наряду с влиянием других факторов, вероятно, определялись и активизацией мер поддержки семей с детьми. В большей степени это проявилось в изменении величины суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям. Однако и в реальных поколениях стабилизировалось (после существенного снижения) среднее число рожденных детей, повышается доля родивших второго и третьего ребенка среди родивших, соответственно, первого и второго. Тайминговые сдвиги, связанные с более ранним рождением детей, которых не было в первые годы реализации мер, видимо, имели, в какой-то степени, место в 2014–2016 гг. И, скорее всего, именно они обусловили значительное снижение рождаемости в 2017 г. Сравнение результатов «Выборочных наблюдений репродуктивных планов населения», проведенных в 2012 и 2017 гг., показало, что возросла доля отметивших помощь мер поддержки семей с детьми в принятии решения о рождении ребенка. Причем произошло относительно большее увеличение доли ответивших, что меры помогли в принятии решения о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить, по сравнению с приростом доли ответивших, что они помогли в рождении ребенка, которое до этого откладывалось.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное поведение, поддержка семей с детьми, установки детности, реальные поколения, очередность рождения

Период активизации поддержки семей с детьми в России можно, вероятно, рассматривать начиная с 2007 года. 9 октября 2007 г. была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Среди направлений решения задачи по повышению уровня рождаемости в Концепции, прежде всего, отмечено «усиление государственной поддержки семей, имеющих детей, включая поддержку семьи в воспитании детей».[2] Еще раньше, с 1 января 2007 г., при рождении

---

[1] © Архангельский В. Н. Текст. 2018.

[2] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года

второго или последующего (если раньше не пользовались этой мерой) ребенка семьи стали получать право на материнский (семейный) капитал[1]. С начала 2007 г. также был существенно увеличен размер пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 года (минимальный размер этого пособия был дифференцирован по уходу за первым и вторым и последующими детьми), была установлена компенсация части родительской платы за детей, посещающих государственные и муниципальные дошкольные образовательные учреждения (в дифференцированном размере на первого, второго, третьего и последующих детей)[2]. Подробный анализ этих мер содержится в ряде работ В.В. Елизарова (см., например, [3, с. 5–27]).

В 2011 г. в большинстве регионов начали предоставлять земельные участки семьям с тремя и более детьми. Основной размах реализация этой меры начала приобретать в 2012 г.

С 2012 г. в большинстве субъектов Российской Федерации был введен региональный материнский (семейный) капитал. В ряде регионов он начал предоставляться на детей, родившихся начиная с 2011 г. (республики Алтай, Коми, Марий Эл и Саха (Якутия), Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский и Хабаровский края, Амурская, Владимирская, Вологодская, Калининградская, Кемеровская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Псковская, Рязанская, Самарская, Сахалинская, Свердловская и Ульяновская области, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа) или еще раньше (Магаданская, Костромская и Смоленская области). Как правило, он предоставляется в случае рождения третьего или последующего ребенка, но в отдельных регионах — второго или последующего (Московская, Нижегородская, Сахалинская, Смоленская, Ульяновская области). В некоторых регионах, наоборот, он предоставляется при рождении не третьего ребенка, а более старших порядков очередности: в республиках Алтай, Карачаево-Черкесской и Марий Эл — четвертого, в республиках Кабардино-Балкарской и Тыве — пятого, в Республике Бурятия — седьмого.

В Указе Президента Россиской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» было рекомендовано «высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации установить до 1 июля 2012 г. нуждающимся в поддержке семьям ежемесячную денежную выплату в размере определенного

(http://docs.cntd.ru/document/902064587).

[1] См. Федеральный закон № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902021711.

[2] См. Федеральный закон № 207-ФЗ от 5 декабря 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902017431).

в субъекте Российской Федерации прожиточного минимума для детей, назначаемую в случае рождения после 31 декабря 2012 г. третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет»[1]. Для регионов с неблагоприятной демографической ситуацией было предусмотрено софинансирование этой выплаты с участием ассигнований из федерального бюджета. Первоначально на 2013 г. было выделено 50 таких регионов[2]. В 2014 г. их перечень пополнился одним регионом, в 2015 г. — двумя. На 2017 г. список этих регионов снова сократился до 50, а на 2018 г. — возрос до 60-ти[3]. В ряде регионов эта выплата осуществляется полностью за счет регионального бюджета.

Существенное повышение числа родившихся, которое может быть связано с реализацией этих мер, началось во второй половине 2007 г. Если в первом полугодии, по сравнению с 2006 г., оно увеличилось на 4,9 %, то во втором — на 12,6 %. В первом полугодии наибольший прирост был в мае (9,2 %), а в остальные месяцы он составлял от 3,1 % (июнь) до 5,5 % (январь). Уже в июле 2007 г. прирост числа родившихся составил 10,6 %. Наименьшим во втором полугодии он был в августе (9,6 %, т. е. больше, чем в любом из месяцев первого полугодия), а в последующие месяцы постоянно возрастал: сентябрь — 10,0 %, октябрь — 14,3 %, ноябрь — 15,7 %, декабрь — 16,4 %[4]. Казалось бы, нет оснований связывать существенное повышение числа родившихся в июле-сентябре 2007 г. с началом реализации мер поддержки семей с детьми с 1 января. Однако нужно иметь в виду, что о введении этих мер с 1 января 2007 г. Президент Российской Федерации сказал в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г.[5] То есть семьи, предполагавшие рождение ребенка, знали об этих

[1] Указ Президента Российской Федерации № 606 от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» (http://docs.cntd.ru/document/902345094).

[2] См. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1354-р от 26 июля 2012 г. «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, в отношении которых за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета будет осуществляться софинансирование расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при установлении нуждающимся в поддержке семьям ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной пунктом 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» (http://docs.cntd.ru/document/902361398).

[3] См. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2565-р от 18 ноября 2017 г. «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, в отношении которых в 2018 году за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета будет осуществляться софинансирование расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при установлении нуждающимся в поддержке семьям ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной пунктом 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» (http://docs.cntd.ru/document/555742941).

[4] Рассчитано по данным Росстата.

[5] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской

мерах заранее. Возможно, часть женщин, дождавшись в начале января 2007 г. подтверждения реализации новых мер поддержки семей с детьми, не стали прерывать беременность. Кроме того, у части женщин могли быть преждевременные роды.

Общий коэффициент рождаемости в 2007 г. повысился на 1,0 ‰-пунктов (с 10,3 ‰ в 2006 г. до 11,3 ‰). Величина этого показателя в России повышалась после достижения минимума в 1999 г. (8,3 ‰). Однако наибольший его прирост до 2007 г. составлял 0,7 ‰-пунктов в 2002 г., а в остальные годы — от 0,1 до 0,5 ‰-пунктов (в 2005 г. имело место его сокращение). Прирост общего коэффициента рождаемости в 2007 г. был самым большим за рассматриваемый период. По 0,7 ‰-пунктов он составлял в 2008 и 2012 гг., а в остальные годы был существенно меньшим. Начиная с 2013 г. рост величины этого показателя прекратился, а в 2016 г. и особенно в 2017-м, она значительно снизилась[1]. При этом следует, конечно, иметь в виду, что общий коэффициент рождаемости существенно зависит от половозрастной структуры населения, а ее изменения в последние годы негативно влияют на величину этого показателя, так как активного репродуктивного возраста достигают относительно малочисленные контингенты женщин, родившихся в 1990-е гг. Расчеты показывают, что негативное влияние структурных сдвигов на динамику общего коэффициента рождаемости может продолжаться до конца 2020-х гг. В 2019–2021 гг. за счет этих сдвигов (т. е. при неизменных возрастных коэффициентах рождаемости) ежегодное снижение величины этого показателя будет превышать 3 %.

Суммарный коэффициент рождаемости, который не зависит от половозрастной структуры населения, в 2007 г. повысился на 0,111 (с 1,305 в 2006 г. до 1,416) (для сравнения: максимальный прирост в предшествующие годы был в 2002 г. — 0,063). О весьма значительном приросте величины этого показателя можно, видимо, говорить применительно к 2008 (0,086) и 2012 (0,109) гг. В остальные годы он был примерно таким же, как в 2000–2004 гг., или несколько больше (2009 г. — 0,040; 2014 г. — 0,043). Максимальная величина суммарного коэффициента рождаемости была достигнута в 2015 г. (1,777). В 2016 г. она снизилась до 1,762[2], а в 2017 г. — очень значительно, до 1,621[3].

Многие реализуемые меры поддержки семей с детьми, как показано выше, ориентированы на семьи с тем или иным числом детей, рождения детей той или иной очередности. Это обусловливает необходимость использования для оценки возможного влияния этих мер на показатели рождаемости, дифференцированные по очередности рождения (табл. 1).

Федерации 10 мая 2006 г. (http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23577).

[1] Рассчитано по: Демографический ежегодник России 2017: стат. сб. М., 2017. С. 37.

[2] Рассчитано по: Там же. С. 45.

[3] Предварительные данные Росстата [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html).

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождений в России в 2006–2016 гг. *

Год	Суммарный коэффициент рождаемости					
	первые рождения	вторые и последующие рождения	в том числе			
			вторые	третьи	четвертые	пятые и последующие
2006	0,754	0,551	0,408	0,100	0,027	0,016
2007	0,759	0,657	0,477	0,126	0,034	0,020
2008	0,786	0,716	0,515	0,144	0,037	0,020
2009	0,801	0,740	0,534	0,147	0,038	0,021
2010	0,786	0,781	0,564	0,156	0,040	0,021
2011	0,781	0,802	0,574	0,165	0,041	0,022
2012	0,809	0,881	0,620	0,189	0,047	0,025
2013	0,811	0,897	0,625	0,198	0,049	0,025
2014	0,799	0,950	0,658	0,212	0,053	0,027
2015	0,787	0,990	0,688	0,219	0,055	0,028
2016	0,763	0,999	0,686	0,225	0,058	0,030

* Рассчитано по данным Росстата (рождения с неизвестной очередностью для каждой возрастной группы женщин распределены пропорционально по очередности рождения).

Суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим рождениям в 2007 г. увеличился на 0,106, в том числе по вторым рождениям — на 0,069. Есть два основания связывать столь значительный прирост величины этого показателя с началом реализации новых мер поддержки семей с детьми. Во-первых, он был в 2,8 раза больше, чем его максимальный прирост в предшествующие годы: в 2002 г. — 0,038. В целом за пятилетие 2000–2004 гг.[1] суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим рождениям вырос на 0,092 (с 0,480 в 1999 г. до 0,572 в 2004 г.), т. е. в меньшей степени, чем за один 2007 г. Никаких других факторов, которые могли бы спровоцировать столь резкое увеличение этого показателя в 2007 г. (подчеркнем, что речь именно о значительном приросте в 2007 г., а не об общем положительном тренде, начавшемся в начале 2000-х гг.), кроме начала реализации новых мер поддержки семьи и, прежде всего, материнского (семейного) капитала не было. Во-вторых, значительный прирост имел место только по вторым и последующим рождениям, на поддержку которых ориентирован материнский (семейный) капитал, тогда как суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям повысился лишь на 0,005.

В последующие годы значительный (хотя и существенно меньший, чем в 2007 г.) прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям был в 2008 г. (0,059), 2012 (0,079) и 2014 (0,053) гг.

[1] Используется период 2000–2004 гг., так как в 2005 и 2006 гг. величина суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям была ниже, чем в 2004 г.

2008 г. был вторым годом реализации новых мер поддержки семей с детьми. В 2012 г. начали активно реализовываться региональные меры, и прежде всего региональный материнский (семейный) капитал. Значительный прирост величины этого показателя можно было бы связать с ежемесячной выплатой на третьего и последующих детей. Отчасти, видимо, влияние этой меры сказалось. Но тогда непонятно, почему эта мера почти не повлияла на прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям (в 2013 г. он составил 0,016 и был самым низким за период 2007–2015 гг.), хотя о том, что она точно будет действовать и в каких именно регионах будет осуществляться ее софинансирование из федерального бюджета, было известно еще в середине 2012 г. Кроме того, значительный прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2014 г. был не только по третьим и последующим рождениям, но и по вторым (0,033). Причем почти таким же он был в 2015 г. (0,030). Эти величины сопоставимы с приростом суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2008 г. (0,038).

Представляется, что наряду с влиянием ежемесячной выплаты на третьего и последующих детей существенный прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2014 и 2015 гг. мог быть обусловлен тайминговыми сдвигами, более ранним рождением детей в связи с приближающимся сроком завершения программы федерального материнского (семейного) капитала, которая первоначально была рассчитана до конца 2016 г.

Если так, то слова Президента Российской Федерации В.В. Путина в Послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. о продлении как минимум на два года программы федерального материнского (семейного) капитала[1] могли повлиять на общее снижение рождаемости, которое началось через 9 месяцев.

Анализ помесячных данных о числе родившихся в 2016 г. показывает, что в январе-августе оно было меньше, чем в 2015 г., на 0,85 %. Расчеты показывают, что такое сокращение было полностью обусловлено сокращением численности женщин активного репродуктивного возраста, тогда как возрастные и суммарный коэффициенты рождаемости были выше, чем в 2015 г. За первые 8 месяцев только в июле сокращение числа родившихся, по сравнению с соответствующим периодом 2015 г., превысило 3 %, составив 4,5 %. Ни в одном из последних 4 месяцев 2016 г. это сокращение не было меньшим, чем на 4 %, а в целом за сентябрь-декабрь 2016 г. число родившихся было меньше, чем в сентябре-декабре 2015 г., на 6,3 %. Сокращение числа родившихся в последние 4 месяца 2016 г. (на 40,9 тыс.) было в 3,7 раза больше, чем в первые 8 месяцев (на 11,0 тыс.). Таким образом, сокращение уровня рождаемости в России началось осенью 2016 г., и в 2017-м существенно усилилось.

[1] См. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542/page/2)

После таймингoвых сдвигов, связанных с более ранним рождением детей, неизбежно следует таймингoвый провал, который, видимо, и имел место в конце 2016 г. и в 2017 г. Если это так, то глубина этого провала должна была быть наибольшей в 2017 г. В последующие годы показатели рождаемости, вероятно, по крайней мере, стабилизируются, а скорее всего может иметь место их некоторое повышение, хотя маловероятно, что они достигнут уровня 2015 г. Пока об этом, скорее, можно говорить лишь как об основной гипотезе объяснения значительного снижения рождаемости, которая требует проверки с использованием более полных и окончательных данных за 2017 г. и последующие годы.

Еще одним фактором, вероятно повлиявшим на снижение рождаемости в 2017 г., является самое большое за 2000-е гг. сокращение числа зарегистрированных браков в 2016 г. (на 15,1 % по сравнению с 2015 г.).[1]

В существенно меньшей степени подвержены влиянию таймингoвых сдвигов показатели рождаемости для реальных поколений, а итоговые средние числа рожденных детей не подвержены их влиянию совсем, за исключением случаев, когда откладывание рождения (что тоже обусловливает таймингoвые сдвиги) приводит к невозможности рождения или принятию решения о его нецелесообразности. Использование однолетних возрастных коэффициентов рождаемости позволяет делать текущий оценочный расчет показателей рождаемости для реальных поколений, не ограничиваясь только данными переписи и микропереписи населения, непосредственно дающими такую информацию.

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях снижалось после его некоторого повышения в поколениях женщин 1950-х гг. рожд., обусловленного, в значительной степени, реализацией мер государственной помощи семьям с детьми в 1980-е гг. Можно, видимо, говорить о достижении его минимальной величины у женщин 1973 г. р. (1,57). У женщин 1974–1978 гг. р. среднее число рожденных составило на начало 2017 г. 1,60–1,61 (табл. 2) и до окончания репродуктивного периода может еще немного повыситься.

Поколенческая динамика среднего числа рожденных детей находится под влиянием двух разнонаправленных тенденций.

С одной стороны, сокращается среднее число первых рождений или, по сути дела, доля родивших хотя бы одного ребенка. Если в большинстве поколений 1950-х гг. р. величина этого показателя составляет 0,93–0,94, а у женщин 1960-х гг. р. — 0,92, то у женщин, родившихся в середине 1970-х гг., она уже не превышает 0,90 (табл. 3).

С другой стороны, несколько повышается в поколениях женщин второй половины 1970-х гг. р. среднее число вторых и третьих рождений. Среднее число вторых рождений у женщин 1958–1959 гг. р. составляет 0,67. В более молодых поколениях оно неуклонно снижается, достигая минимума (0,50) у женщин 1970–1973 гг. р. А у женщин 1976–1979 гг. р. уже на начало 2017 г.

[1] Рассчитано по: Демографический ежегодник России 2017: стат. сборник. М., 2017. С. 50.

Таблица 2

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях в России (на начало 2017 г.)*

Год рождения	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Среднее число рожденных детей	1,82	1,88	1,87	1,86	1,86	1,83	1,77	1,74	1,71	1,69	1,67	1,65	1,63	1,63	1,61
Год рождения	**1971**	**1972**	**1973**	**1974**	**1975**	**1976**	**1977**	**1978**	**1979**	**1980**	**1981**	**1982**	**1983**	**1984**	**1985**
Среднее число рожденных детей	1,60	1,59	1,57	1,61	1,60	1,60	1,60	1,60	1,59	1,54	1,50	1,48	1,42	1,36	1,28

* Рассчитано по: The Human Fertility Database [Электронный ресурс]. URL: http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS &tab=asfr&t1=3&t2=4, данные Росстата.

Таблица 3

Показатели рождаемости по очередности рождения в реальных поколениях в России (на начало 2017 г.)*

Год рождения	Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы 1ребенка)	Доля родивших 2-го ребенка среди родивших 1-го (%)	Доля родивших 3-го ребенка среди родивших 2-го (%)	Год рождения	Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка (%)	Доля родивших 2-го ребенка среди родивших 1-го (%)	Доля родивших 3-го ребенка среди родивших 2-го (%)	Год рождения	Среднее число первых рождений (доля родивших хотя бы одного ребенка)	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого (%)	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго (%)
1956	0,90	72,9	27,5	1966	0,92	60,5	24,0	1976	0,88	58,5	28,0
1957	0,93	72,7	26,9	1967	0,92	58,6	24,3	1977	0,88	59,4	28,4
1958	0,93	72,0	26,7	1968	0,92	57,2	24,5	1978	0,87	59,9	28,4
1959	0,94	70,9	26,2	1969	0,92	56,1	24,7	1979	0,87	59,9	28,0
1960	0,95	70,0	25,5	1970	0,92	54,5	25,0	1980	0,85	59,2	27,3
1961	0,94	68,9	25,0	1971	0,92	54,2	25,4	1981	0,84	58,7	26,3
1962	0,92	68,0	24,5	1972	0,91	54,8	25,7	1982	0,83	58,1	25,2
1963	0,92	66,4	24,1	1973	0,89	55,7	26,4	1983	0,81	57,2	23,6
1964	0,92	64,4	24,3	1974	0,90	56,7	27,1	1984	0,80	55,1	22,4
1965	0,92	62,4	23,9	1975	0,89	57,6	27,7	1985	0,77	52,2	21,2

* Рассчитано по: The Human Fertility Database ..., данные Росстата.

величина этого показателя составляет 0,52 и вероятно еще ее некоторое повышение до конца репродуктивного периода.

Схожая ситуация имеет место по третьим рождениям. Их среднее число снижалось с 0,19 у женщин 1954–1955 гг. р. до 0,13 у женщин 1966–1973 гг. р., а у женщин 1977–1979 гг. р. оно составило на начало 2017 г. 0,15 (итоговое будет еще выше).

Для более корректной оценки рождаемости по вторым и третьим рождениям в реальных поколениях целесообразно использовать доли родивших второго ребенка среди родивших первого и родивших третьего ребенка среди родивших второго. Это важно и с точки зрения оценки влияния мер поддержки семей с детьми, ибо, как уже отмечалось, многие из них ориентированы, прежде всего, на поддержку вторых, третьих и последующих рождений.

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого была максимальной у женщин 1956 и 1957 гг. р. (соответственно, 72,9 % и 72,7 %). При этом имело место ее повышение по сравнению с более старшими поколениями (например, 1945 г. р. — 65,1 %, 1950 г. р. — 67,5 %), связанное в какой-то мере, как уже отмечалось выше, с реализацией мер государственной помощи семьям с детьми в 1980-х гг. В поколениях 1960-х гг. р. доля родивших второго ребенка существенно и неуклонно снижалась, достигнув минимума у женщин 1971 г. р. (54,2 %). У более молодых женщин величина этого показателя неуклонно повышалась и в поколениях 1978–1979 гг. р. уже на начало 2017 г. составлял 59,9 %. Учитывая, что в 2017 г. этим женщинам 38–39 лет, доля родивших второго ребенка среди них еще непременно возрастет. Даже у женщин 1983 г. р. (в 2017 г. им еще только 34 года) величина этого показателя (57,2 %) уже такая же, какая имеет место у тех, кто на 15 лет старше (1968 г. р.) (табл. 3).

С.В. Захаров отмечает, что «вероятность вторых рождений сегодня еще очень далеко отстоит от значений, достигнутых в 1980-е годы поколениями 1950–1960-х годов рождения» [4, с. 13].

Конечно, доля родивших второго ребенка даже в поколениях 1970-х гг. р. с максимальной ее величиной (1978–1979 гг. р. — 59,9 %) далека от того уровня, который имел место у женщин 1956 и 1957 гг. р. (соответственно, 72,9 и 72,7 %). Но, видимо, нужно учитывать, с какого уровня в реальных поколениях повышалась доля родивших второго ребенка в 1980-е гг. и с какого уровня она повышается сейчас. У женщин 1946 г. р. величина этого показателя составляет 64,3 %, а у тех, кто моложе их на 10 лет (1956 г. р.), она поднялась до 72,9 %, т. е. возросла на 8,6 %-ных пунктов. У женщин 1971 г. р. она составляет 54,2 % (точка минимума), а у женщин 1978–1979 гг. р. — 59,9 %, т. е. прирост равен 5,7 %-ным пунктам. Таким образом, разница в приростах составляет 2,9 %-ных пунктов. Это значительно меньше, чем разница в максимальной величине доли родивших второго ребенка, достигнутой у женщин 1950-х гг. р. и 1970-х гг. р., которая составляет 13,0 %-ных пунктов.

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго снижалась с 28,0 % у женщин 1954 г. р. до 23,9 % у женщин 1965 г. р., а в более молодых поколениях она повышается. Пока (на начало 2017 г.) максимальная ее величина у женщин 1977–1978 гг. р. (28,4 %). Столь высокой величины этого показателя в России не было, по крайней мере, начиная с поколения 1944 г. р. Следует иметь в виду, что итоговая величина будет еще выше (в 2017 г. женщинам 1977–1978 гг. р. 39–40 лет). У женщин 1979 г. р. доля родивших третьего ребенка среди родивших второго составила на начало 2017 г. 28,0 %, т. е. столько же, сколько у женщин 1954 г. р. (по сути дела, в поколении их матерей). У молодых поколений величина этого показателя еще повысится до конца репродуктивного периода, т. е. среди этих женщин доля родивших третьего ребенка будет несколько выше, чем в поколении их матерей.

Представляется, что повышение доли родивших второго и третьего детей в значительной степени обусловлено реализацией мер поддержки семей с детьми.

Если в 2014–2015 гг. и в первой половине 2016 г., как уже отмечалось, видимо, имели место тайминговые сдвиги в связи с более ранним рождением детей, то в предшествующие годы реализации новых мер поддержки семей с детьми их, вероятно, не было. Если в части семей, видимо, и имело место более раннее рождение детей, то оно компенсировалось реализацией отложенных рождений в других семьях, что способствовало удлинению, в среднем, интервалов между рождением первого и второго ребенка.

По результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2012 г. в 30 регионах России, среди родивших второго ребенка в 2007–2012 гг. существенно выше, по сравнению с родившими его в 2000–2006 гг., доля тех, у кого второй ребенок родился с большим интервалом после рождения первенца. Если среди родивших второго ребенка в 2000–2006 гг. доля тех, у кого это произошло с интервалом в 10 лет и более после рождения первого ребенка, составила 13,3 %, то у родивших второго ребенка в 2007–2012 гг. — 20,3 %. При интервале в 12 лет и более эти показатели равняются, соответственно, 5,1 и 12,2 %.

Средний интервал между рождением первого и второго ребенка (первый интергенетический интервал) у состоящих в первом браке женщин, у которых все рожденные дети от данного брака, по данным этого исследования, практически не различается у родивших второго ребенка в 2000–2006 (64,9 месяца) и в 2007–2012 гг. (67,1 месяца). Формально, у вторых он даже чуть выше (см. [2, с. 60–61]).

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом почти во всех регионах в 2017 г. (спустя 5 лет после первого аналогичного исследования), первый интергенетический интервал у женщин, у которых все дети рождены в одном браке, родивших второго ребенка в 2000–2004 гг., в среднем составляет 47,5 месяца,

Таблица 4

Разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка в реальных поколениях в России (лет; на начало 2017 г.)*

Год рождения	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка	4,13	4,00	3,87	3,76	3,57	3,43	3,35	3,31	3,35	3,46
Год рождения	**1966**	**1967**	**1968**	**1969**	**1970**	**1971**	**1972**	**1973**	**1974**	**1975**
Разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка	3,68	3,97	4,32	4,68	5,01	5,33	5,58	5,76	5,86	5,88
Год рождения	**1976**	**1977**	**1978**	**1979**	**1980**	**1981**	**1982**	**1983**	**1984**	**1985**
Разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка	5,83	5,70	5,51	5,27	5,06	4,80	4,49	4,16	3,76	3,39

* Рассчитано по: The Human Fertility Database [Электронный ресурс]. URL: http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4, данные Росстата.

в 2005–2009 гг. — 62,8 месяца, в 2010–2014 гг. — 66,4 месяца, в 2015–2017 гг. — 66,9 месяца[1]. Здесь опять же скорее можно говорить об увеличении интервала между рождением первого и второго ребенка в период активизации поддержки семей с детьми. Даже у родивших второго ребенка в 2015–2017 гг. он, в среднем, чуть больше, чем у родивших его в 2010–2014 гг., хотя выше отмечалась вероятность тайминговых сдвигов в 2014–2016 гг. Для проверки этого предположения целесообразно было бы проанализировать изменение величины этого интервала за каждый год в отдельности. Такая возможность появится, когда будет доступна база микроданных этого исследования.

Косвенно об изменении величины первого интергенетического интервала, наличии или отсутствии тайминговых сдвигов можно судить по поколенческим изменениям разницы в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка (табл. 4). Следует, конечно, иметь в виду, что этот показатель не идентичен среднему интервалу между рождением первого и второго детей. Идентичным он был бы в том случае, если бы в расчете использовался средний возраст при рождении первого ребенка не для всех родивших первого, а только для тех, кто впоследствии родил второго ребенка.

Если в поколениях женщин 1950-х — начала 1960-х гг. р. разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка сокращалась с 4,53 года у женщин 1950 г. р. до 3,31 года у женщин 1963 г. р.,

[1] Итоги «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г., таблица 23 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html).

что косвенно свидетельствует о сокращении, в среднем, интервала между рождением первого и второго ребенка и, следовательно, возможных таймингoвых сдвигах, обусловленных реализацией мер помощи семьям с детьми в 1980-е гг., то в более молодых поколениях женщин разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка существенно возрастает, достигая пока максимума у женщин 1975 г. р. (5,88 года). Отмечая некоторое сокращение этой разницы у более молодых женщин, следует иметь в виду, что процесс деторождения в этих поколениях продолжается и, следовательно, средний возраст матери при рождении детей будет расти. Причем вероятность рождения у них второго ребенка, видимо, несколько выше, чем первого. Следовательно, средний возраст матерей при рождении второго ребенка может увеличиться в большей степени, чем при рождении первого, и, значит, вероятно увеличение разницы между ними.

Оценивая возможное ее увеличение, отметим, что у женщин 1975 г. р. по сравнению с началом 2016 г. она возросла на 0,07 года. При таком же ее увеличении у женщин 1976 г. р. в течение 2017 г. (они были в 2017 г. в том же возрасте, что женщины 1975 г. р. в 2016 г.) она может составить на начало 2018 г. 5,90 года. У женщин 1976 г. р. разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка по сравнению с началом 2016 г. возросла на 0,09 года. Сохранение в этом возрасте такого же ее прироста в 2017 г. может привести к повышению ее у женщин 1977 г. р. до 5,79 года на начало 2018 г. Это уже несколько меньше, чем у женщин 1976 г. р. на начало 2017 г. У женщин 1977 г. р. разница в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого ребенка по сравнению с началом 2016 г. возросла на 0,13 года. Сохранение в этом возрасте такого же ее прироста в 2017 г. может привести к повышению ее у женщин 1978 г. р. до 5,64 года на начало 2018 г., что меньше, чем у женщин 1977 г. р. на начало 2017 г. Таким образом, уже в поколениях женщин конца 1970-х гг. р. можно ожидать некоторого сокращения разницы в среднем возрасте матерей при рождении второго и первого детей.

В период активизации поддержки семей в России было проведено несколько крупных, охвативших ряд регионов, исследований репродуктивного поведения. Прежде всего, нужно отметить два «Выборочных наблюдения репродуктивных планов населения», проведенных Росстатом в 2012 и 2017 гг. В 2012 г. это исследование было проведено в 30 регионах, а в 2017 г. — почти во всех субъектах Российской Федерации (кроме Республики Калмыкии, Магаданской области, Ненецкого и Чукотского автономных округов). В 2009 г. Росстатом в 30 регионах было проведено выборочное обследование «Семья и рождаемость». В 2004, 2007 и 2011 гг. Независимым институтом социальной политики проведены три волны исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) в 32 регионах. В 2006 и 2010 гг. Центром социального

прогнозирования были проведены опросы молодежи в возрасте до 35 лет в 18 регионах.

Вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей задавались и в микропереписи населения 2015 г. Однако полученные результаты вызывают сомнения. Среднее ожидаемое число детей, по данным микропереписи населения 2015 г., составило 1,72 у женщин и 1,60 у мужчин. Для сравнения, по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» его величина была одинаковой у женщин и мужчин и составила 1,92 в 2012 г. и 1,88 в 2017 г. Еще больше отличия по среднему желаемому числу детей. По данным микропереписи населения 2015 г., оно составило 1,91 у женщин и 1,76 у мужчин[1], по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г. — соответственно, 2,28 и 2,30[2], 2017 г. — 2,15 и 2,16[3]. Одной из возможных причин может быть то, что, в отличие от целевых исследований репродуктивного поведения, при проведении микропереписи возможно получение любого ответа в отношении всех членов домохозяйства от того человека, которого переписчик застал дома, а не обязательно от самого носителя мнения, установки[4].

Опросы молодежи проводились в рамках проектов под руководством проф. Л.Л. Рыбаковского в одних и тех же регионах в 2006 и 2010 гг. В 2006 г. было опрошено 1500 респондентов, в 2010 г — 1000. Опрос 2006 г. проводился накануне начала реализации дополнительных мер поддержки семей с детьми, но после официального объявления о них, а опрос 2010 г. — на четвертый год их реализации. По данным исследования 2006 г., среднее желаемое[5] число детей у женщин составило 2,03, у мужчин

[1] Рассчитано по: Итоги микропереписи населения 2015 года. Раздел V. Рождаемость и репродуктивные планы. Таблица 5.2. Население, принявшее участие в микропереписи, по возрастным группам, числу ожидаемых и желаемых детей (абсолютные данные) (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html).

[2] Итоги «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г., таблица 33 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html).

[3] Там же.

[4] В «Инструкции о порядке заполнения опросных листов федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года»», утвержденной приказом Федеральной службы государственной статистики от 2 апреля 2015 г. № 157, сказано: «Если во время посещения жилого помещения кто-нибудь из проживающих отсутствует, можно записать сведения о нем со слов других членов домохозяйства, если они могут дать ответы на вопросы микропереписи». В разделе 3.4 «Вопросы к переписчику и возможные варианты ответов» этой Инструкции сказано, что можно одному проживающему в квартире ответить за всех проживающих в ней, если он знает точную информацию. (Кроме вопросов о национальной принадлежности и родном языке, ответы на которые должен дать сам респондент). Понятно, что степень точности информации определяет в данном случае сам человек, которого застал переписчик в жилом помещении. (http: // www.garant.ru/product/ipo/prime/doc/70860988/).

[5] Здесь и далее по ответам на вопрос «*Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?*».

— 2,05, а ожидаемое[1] число детей, в среднем, — соответственно 1,65 и 1,75. Результаты опроса 2010 г. показали существенно большее среднее желаемое число детей (2,25 у женщин и 2,31 у мужчин), но меньшее среднее ожидаемое число детей (1,53 у женщин и 1,61 у мужчин). Впрочем, следует иметь в виду, что среди респондентов, опрошенных в 2010 г., была несколько выше доля имеющих высшее и неполное высшее профессиональное образование и, соответственно, ниже доля имеющих основное и среднее общее, среднее профессиональное образование. Различия в образовательной структуре могли повлиять на разницу величин средних желаемого и ожидаемого числа детей. Поэтому целесообразно произвести взвешивание данных 2006 г. по образовательной структуре респондентов, опрошенных в 2010 г. В результате такого взвешивания у женщин средние желаемое и ожидаемое числа детей не меняются, а у мужчин — немного повышаются, составляя, соответственно, 2,09 и 1,76. Таким образом, результаты исследования демографического поведения молодежи в 2010 г. показали, по сравнению с опросом 2006 г., более высокое, в среднем, желаемое число детей и, наоборот, более низкое ожидаемое.

Ранее, при сравнении с данными микропереписи населения 2015 г., было отмечено, что результаты «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» в 2017 г. показали существенно меньшее, по сравнению с аналогичным исследованием 2012 г., среднее желаемое число детей и совсем немного (на 0,04) меньшее среднее ожидаемое число детей. Однако эти данные не вполне сопоставимы, так как опросы в 2012 и 2017 гг. проводились в разном количестве регионов. Если по данным опроса 2017 г. рассчитать величины этих показателей только для тех регионов, в которых проводился опрос в 2012 г., то среднее ожидаемое число детей у женщин в 2017 г. такое же, как в 2012 г. (1,92), а среднее желаемое число детей ниже (2,19 против 2,28 в 2012 г.).[2]

Если по результатам опросов молодежи разрыв между средними желаемым и ожидаемым числами детей в 2010 г. (0,72 у женщин и 0,70 у мужчин) больше, чем в 2006 г. (соответственно, 0,38 и 0,33), то по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» у женщин в 2017 г. (0,27) он был меньше, чем в 2012 г. (0,37).

Установки детности не только в значительной степени детерминируют число рождающихся детей (см., например, [1, с. 56–62]), но связаны и с возрастом их рождения и, прежде всего, первого ребенка.

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г., у тех, кто хотел бы при наличии всех необходимых условий ограничиться одним ребенком, средний возраст при рождении первого ребенка на 1,6 года у женщин и на 1,5 года у мужчин выше, чем у тех, кто

[1] Здесь и далее по ответам на вопрос «*Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?*».

[2] Рассчитано по данным Росстата; возможность такого расчета для мужчин будет после появления на сайте Росстата базы микроданных.

Таблица 5

Средний возраст при рождении первого ребенка в зависимости от желаемого и ожидаемого числа детей, лет*

Желаемое / ожидаемое число детей	Средний возраст при рождении первого ребенка при данном желаемом / ожидаемом числе детей			
	Женщины		Мужчины	
	желаемое число детей	ожидаемое число детей	желаемое число детей	ожидаемое число детей
1	24,0	24,0	26,5	26,8
2	23,1	22,9	25,4	25,0
3 и более	22,4	21,5	25,0	24,6

* Рассчитано по базе микроданных «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г.

хотел бы иметь троих и более детей. Еще существеннее различия в среднем возрасте при рождении первого ребенка в зависимости от ожидаемого числа детей. У тех, кто собирается иметь одного ребенка, по сравнению с теми, кто собирается иметь троих и более детей, он больше на 2,5 года у женщин и на 2,2 года у мужчин (см. табл.5).

По результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г. у женщин, родивших первого ребенка в возрасте до 20 лет, среднее желаемое число детей составляет 2,44, а среднее ожидаемое — 2,18. У тех, у кого первый ребенок родился в 22–24 года, эти показатели равны, соответственно, 2,33 и 2,00, в 25–29 лет — 2,20 и 1,87, в 30 лет и старше — 2,06 и 1,62.[1]

С репродуктивными установками связан не только возраст рождения первого ребенка, но и возраст вступления в первый брак.

Например, по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г., разница в среднем возрасте вступления в брак у тех, кто собирается иметь одного и трех и более детей, составляет 1,0 год. Разница в величине этого показателя между аналогичными группами по желаемому числу детей составляет 1 год у женщин и 1,4 года у мужчин (см. табл. 6).

Вероятно, есть основания говорить о том, что установки детности, возраст вступления в брак и рождения детей определяются воздействием более общего по отношению к ним фактора — значимости ценности семьи, семейного образа жизни.

В «Выборочных наблюдениях репродуктивных планов населения» в 2012 и 2017 гг. задавался вопрос о помощи мер поддержки семей с детьми в принятии решения о рождении ребенка (см. табл.7).

По результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г. выше, чем в 2012 г., доля отметивших помощь мер поддержки семей с детьми в принятии решения о рождении ребенка. Ее

[1] Итоги «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г., таблица 38 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html).

Таблица 6

Средний возраст при вступлении в первый брак в зависимости от желаемого и ожидаемого числа детей, лет*

Желаемое / ожидаемое число детей	Средний возраст при вступлении в первый брак при данном желаемом / ожидаемом числе детей			
	Женщины		Мужчины	
	желаемое число детей	ожидаемое число детей	желаемое число детей	ожидаемое число детей
1	22,5	22,2	25,2	24,8
2	21,9	21,8	24,1	23,8
3 и более	21,5	21,2	23,8	23,8

* Рассчитано по базе микроданных «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г.

увеличение в большей степени произошло у женщин и, что важно отметить, несколько в большей мере (особенно, если иметь в виду относительный прирост) по доле отметивших, что «эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить». Возможно, это увеличение связано с изменением состава регионов, в которых проводился опрос (более корректное сравнение позволит сделать использование базы микроданных). Если же реально имеет место относительно большее увеличение доли ответивших, что меры помогли в принятии решения о рождении ребенка, которого без этого не могли позволить, по сравнению с приростом доли ответивших, что помогли в рождении ребенка, которое до этого откладывалось, то это может коррелировать с высказанным выше соображением о том, что в первые годы реализации мер в значительной части семей реализовывались откладывавшиеся рождения, тогда как в последующие годы это, видимо, имело место в меньшей степени, так как отложенные рождения реализовались, а новые откладывались, по крайней мере, реже, чем раньше.

По результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г. выше, чем в 2012 г., доля отметивших помощь мер поддержки семей с детьми в принятии решения о рождении ребенка. Ее увеличение в большей степени произошло у женщин и, что важно отметить, несколько в большей мере (особенно, если иметь в виду относительный прирост) по доле отметивших, что «эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить». Возможно, это увеличение связано с изменением состава регионов, в которых проводился опрос (более корректное сравнение позволит сделать использование базы микроданных). Если же реально имеет место относительно большее увеличение доли ответивших, что меры помогли в принятии решения о рождении ребенка, которого без этого не могли позволить, по сравнению с приростом доли ответивших, что помогли в рождении ребенка, которое до этого откладывалось, то это может коррелировать с высказанным выше соображением о том, что в первые годы реализации мер

Таблица 7

Оценка влияния дополнительных мер государственной поддержки семей с детьми на решение о рождении ребенка после 1 января 2007 г., % («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения» 2012* и 2017 гг.)**

Очередность рождения ребенка	Помогло ли Вам принять решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми?							
	помогло, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали		эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить		не помогло		трудно сказать	
	2012	2017	2012	2017	2012	2017	2012	2017
Женщины								
Первый	11,9	16,3	4,2	11,5	63,1	55,8	20,8	16,4
Второй	21,8	28,6	9,8	15,6	49,1	44,0	19,2	11,7
Третий	26,7	29,3	12,8	19,5	42,8	39,3	17,6	11,9
Мужчины								
Первый	12,5	16,1	5,0	12,7	60,0	54,6	22,6	16,6
Второй	23,4	25,2	9,5	14,3	46,9	46,2	20,2	14,2
Третий	29,6	25,3	10,2	14,3	49,0	45,3	11,2	15,1

* Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году, с. 23 (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/).

** Итоги «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г., таблица 28 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html). Данные за 2017 г. относятся ко всем регионам, а не только к тем, в которых проводился опрос в 2012 г.

в значительной части семей реализовывались откладывавшиеся рождения, тогда как в последующие годы это, видимо, имело место в меньшей степени, так как отложенные рождения реализовались, а новые откладывались, по крайней мере, реже, чем раньше.

Позитивные изменения в динамике рождаемости в России в 2007–2015 гг., наряду с влиянием других факторов, вероятно, определялись и активизацией мер поддержки семей. В большей степени это проявилось в изменении величины суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям. Однако и в показателях рождаемости для реальных поколений произошли положительные сдвиги. По крайней мере, стабилизировалось после существенного снижения среднее число рожденных детей. Повышается доля родивших второго и третьего ребенка среди родивших, соответственно, первого и второго. Тайминговые сдвиги, связанные с более ранним рождением детей, которых не было в первые годы реализации мер, видимо, в какой-то степени имели место в 2014–2016 гг. И, скорее всего, именно следствием их является значительное снижение рождаемости в 2017 г.

Список источников

1. *Андреев Е. М., Бондарская Г. А.* Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. — 2000. — № 11. — С. 56–62.

2. *Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л.* Результативность демографической политики России. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016.

3. *Елизаров В. В.* Новые меры демографической политики и их вклад в увеличение поддержки семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. — 2007. — № 5. — С. 5–27.

4. *Захаров С.* Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://demreview.hse.ru/data/2017/02/27/1166153024/DemRev_3_4_2016_6–26.pdf.

Информация об авторе

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46); ведущий научный сотрудник, Международная лаборатория демографии и человеческого капитала РАНХиГС (Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, дом 82, строение 1; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Arkhangelskiy V. N.

Fertility and Reproductive Behavior in Russia in the Period of Activating the Support of Families with Children

Since 2007, support for families with children at the federal and regional levels has become much more active in Russia. A set of measures is being implemented, aimed first at supporting second and subsequent births. During this period, there were significant positive changes in the dynamics of fertility, which, along with the influence of other factors, were probably determined by the activation of measures to support families with children. To a greater extent, this was manifested in a change in the magnitude of the total fertility rate by the second and subsequent births. However, in real generations, the average number of children born has stabilized (after a significant decrease), the proportion of those who gave birth to the second and third child among those who gave birth, respectively, the first and second. Timing shifts associated with the earlier birth of children, which were not in the early years of the implementation of measures, apparently had, to some extent, a place in 2014–2016. And, most likely, they caused a significant decline of fertility in 2017. Comparison of the results of "Selected Observations of Reproductive Population Plans", conducted in 2012 and 2017. showed that the proportion of support measures for families with children that celebrated their assistance in making a decision on the birth of a child increased. Moreover, there was a relatively larger increase in the proportion of respondents who answered that the measures helped in making the decision to give birth to a child whom they could not allow without this, compared to the increase in the percentage of respondents who answered that they helped in the birth of a child who had previously been postponed.

Keywords: fertility, reproductive behavior, support for families with children, the establishment of childhood, the real generation, the order of birth

Author

Arkhangelskiy Vladimir Nikolaevich — Candidate of Economic Sciences, Head of Sector, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Center for Population Studies (119991 Russia Moscow, Leninskiye Gory, 1–46), Leading Research Fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), International Laboratory of

Demography and Human Capital (Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82–5); e-mail: archangelsky@yandex.ru).

References

1. Andreev E. M., Bondarskaja G. A. Mozhno li ispol'zovat' dannye ob ozhidaemom chisle detej v prognoze chislennosti naselenija? // Voprosy statistiki. — 2000. — No. 11. — S. 56–62.

2. Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E., Rybakovskij L. L. Rezul'tativnost' demograficheskoj politiki Rossii. — M.: Izd-vo «Jekon-Inform», 2016.

3. Elizarov V. V. Novye mery demograficheskoj politiki i ih vklad v uvelichenie podderzhki semej s det'mi // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. — 2007. — No. 5. — S. 5–27.

4. Zaharov S. Skromnye demograficheskie rezul'taty pronatalistskoj politiki v kontekste dolgovremennoj jevoljucii rozhdaemosti v Rossii. Chast' 2 // Demograficheskoe obozrenie. — 2016. — T. 3. — No. 4 (https://demreview.hse.ru/data/2017/02/27/1166153024/DemRev_3_4_2016_6–26.pdf).

УДК 369

Соловьев А. К.

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ В РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ[1]

Представлены результаты исследования по актуарному обоснованию пенсионного возраста. В отличие от многочисленных работ по обоснованию его повышения исходя из динамики роста продолжительности жизни населения, пенсионный возраст рассматривается в системе макроэкономических ограничений. В качестве критерия оценивания пенсионного возраста применяется не только сокращение расходов на неназначенные пенсии, но и условие реализации страховых пенсионных прав различных категорий застрахованных лиц. Исходя из данного критерия обоснованы предельно допустимые границы повышения общеустановленного пенсионного возраста в системе обязательного пенсионного страхования с целью решения задач, поставленных в правительственной Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации. Повышение пенсионного возраста традиционно рассматривается как основной способ стабилизации в среднесрочной перспективе финансового положения ПФР и сокращения трансферта федерального бюджета бюджету Фонда. При этом существенное снижение доли населения, доживающего до нового пенсионного возраста, в расчет не принимается. Резервы стабилизации пенсионной системы, находящиеся за ее рамками и требующие изменения экономической политики (например, борьба со скрытой зарплатой и теневой занятостью), как правило, не учитываются, а крайне ограниченные возможности пенсионной системы к саморегулированию сокращают пространство для маневра, и потому требуются радикальные институциональные реформы. Первая задача, которую решает повышение пенсионного возраста в государственной страховой пенсионной системе, — финансовое обеспечение пенсионных обязательств перед каждым из застрахованным лиц, причем эти обязательства должны быть адекватны пенсионным правам, т. е. страховые пенсии должны соответствовать вкладу человека в пенсионную систему в трудоспособный период жизни.

Вторая задача — это гарантирование населению возможности реализовать достойный уровень жизни в нетрудоспособный период.

Третья задача — долгосрочная финансовая устойчивость пенсионной системы, которая позволит реализовать решение обеих социальных задач.

Ключевые слова: пенсионная система, обязательное пенсионное страхование, старение населения, дефицит бюджета ПФР.

Для решения указанных выше задач в Пенсионной стратегии [1, с. 32] в качестве целей развития пенсионной системы до 2030 года определены:

— гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения;

[1] © Соловьев А. К. Текст. 2018.

— обеспечение сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы.

Заявленные цели Стратегии могут считаться достигнутыми, если к концу периода ее действия целевые ориентиры будут доведены до следующих количественных значений:

— коэффициент замещения трудовой пенсией по старости — до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;

— средний размер трудовой пенсии по старости — не менее 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера.

Определив задачи, которые должно решить повышение пенсионного возраста, отметим ограниченность возможностей влияния каким-либо одним параметром на решение ключевых проблем пенсионной системы, поскольку они кроются не только в ее собственных недостатках, но и в сложившейся конфигурации внешних (демографических и макроэкономических) факторов. Иными словами, изменяя один параметр, пусть даже такой существенный, как пенсионный возраст, нельзя рассчитывать на то, что он позволит решить все накопившиеся проблемы и достичь поставленных целей.

Для того, чтобы ответить на второй из поставленных вопросов — какие потери, связанные с повышением пенсионного возраста, будут считаться допустимыми, рассмотрим влияние на застрахованных лиц, реализующих пенсионные права (пенсионеров) или еще только формирующих их, а также на бюджет ПФР и федеральный бюджет, несущий субсидиарную ответственность по обязательствам Фонда.

Наиболее ожидаемым эффектом от повышения пенсионного возраста — положительным с точки зрения наполнения доходной части бюджета ПФР — является увеличение соотношения численности лиц, за которых начисляются (уплачиваются) страховые взносы (далее — плательщики взносов), и численности получателей страховых пенсий. Оно может достигаться по двум направлениям: через рост численности плательщиков взносов и через сокращение численности пенсионеров.

Однако в сложившихся макроэкономических условиях функционирования пенсионной системы этот эффект превращается в потерю. Поясним причины такого вывода. Предельно возможная величина соотношения между плательщиками взносов и получателями пенсий зависит исключительно от демографических факторов, точнее, от соотношения численности населения в трудоспособном возрасте и возрасте старше трудоспособного. Если на начало 1991 г. на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 335 человек в возрасте старше трудоспособного, то на начало 2016 г. — в 1,27 раза больше — 427 человек. Обратный коэффициент — поддержки — составлял в начале периода 2,985 (т. е. 2985 человек трудоспособного возраста на 1000 лиц в возрасте старше трудоспособного), в конце — 2,340 (84,20 млн чел. к 35,99 млн чел.), что выше предельного, по мнению

некоторых экспертов [2], соотношения 2:1, при котором распределительная пенсионная система может функционировать относительно стабильно.

Увеличение пенсионного возраста может не просто приблизить соотношение плательщиков взносов и пенсионеров к пределу, обусловленному демографическими характеристиками населения, а сделать последний выше существующего за счет изменения возрастных границ трудоспособного и нетрудоспособного возрастов. Так, если единовременно повысить пенсионный возраст до 65 лет мужчинам и женщинам, то соотношение населения трудоспособного и старше трудоспособного возрастов выросло бы в 2,1 раза — до 4,906 (численность лиц в новом трудоспособном возрасте 16–64 года составила бы 99,84 млн чел., в возрасте старше трудоспособного — 20,35 млн чел.). Такое соотношение — если бы оно рассчитывалось из численности плательщиков взносов и пенсионеров — позволило бы стабилизировать финансовое состояние ПФР и повысить уровень пенсий на длительный период.

Однако на соотношение плательщиков взносов и пенсионеров помимо демографических ограничителей серьезно влияют макроэкономические факторы, состояние рынка труда и правовые нормы, регулирующие регистрацию населения в качестве плательщиков налогов и взносов (это высокий уровень незанятости, широкое распространение неформальной и теневой занятости, возможности осуществлять деятельность, приносящую прибыль, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и уплаты страховых взносов и т. п.).

Вследствие их влияния численность плательщиков взносов (тех, за кого хотя бы за один рабочий день в году уплачивались страховые взносы) по итогам 2015 г. составила 63,7 млн чел., т. е. даже с учетом занятых лиц пенсионного возраста она была ниже численности населения трудоспособного возраста на 24 %.

Численность получателей страховых пенсий, наоборот, была выше численности населения в возрасте старше трудоспособного на 8,8 % и составляла 39,15 млн чел. Таким образом, на 1000 пенсионеров приходилось1627 плательщиков (коэффициент поддержки), а на 1000 плательщиков — 615 пенсионеров (коэффициент нагрузки).

Разница между двумя коэффициентами поддержки, исчисленными: первый — на основе данных о населении, второй — на основе данных о плательщиках и пенсионерах, составляет 1,44 раза.

Следующий фактор, понижающий численность плательщиков взносов, — нормы, регулирующие размеры страховых взносов, уплачиваемых самозанятыми категориями плательщиков. Для доходов до 300 тыс. руб. (в расчете на год) их декларирует подавляющее число самозанятых — взносы рассчитываются по тарифу 26 % с одного МРОТ, который в 5,6 раза меньше, чем заработная плата среднестатистического наемного работника. Соответственно вклад самозанятого лица в формирование доходов

бюджета ПФР (0,26 × МРОТ) меньше вклада наемного работника (0,22 × 5,6 МРОТ = 1,23 МРОТ) в 4,7 раза.

Наконец, последний фактор, понижающий численность населения трудоспособного возраста до численности плательщиков взносов, — это продолжительность занятости наемных работников в течение года.

Таким образом, под влиянием различных факторов разница между коэффициентами, исчисленными на основе данных о населении трудоспособного и старше трудоспособного возрастов и на основе соотношения между наемными работниками трудоспособного возраста и получателями страховых пенсий, достигла 2,4 раза. Следовательно, рассмотренный выше эффект от единовременного повышения пенсионного возраста до 65 лет, в расчете на 01.01.2016 составивший 4,906 (4906 человек трудоспособного возраста на 1000 лиц старше трудоспособного возраста), понизится до 2044 (4906/2,4). Это даже ниже коэффициента поддержки, существующего в настоящее время.

Повышение пенсионного возраста в отсутствие для этого условий и только для того, чтобы достичь соотношения плательщиков и пенсионеров на уровне сегодняшнего демографического предела, который мог бы быть обеспечен путем совершенствования макроэкономической политики и политики занятости, — это прямая и значительная (200 %-ная) потеря эффекта, которая, по нашему мнению, не может считаться приемлемым результатом. Более того, в связи с развитием цифровой экономики есть все основания предполагать, что уровень занятости населения будет иметь тенденцию к снижению. А это дополнительный риск уменьшения соотношения численности плательщиков и пенсионеров, не учтенный в приведенных выше оценках.

Следующий вид потерь от повышения пенсионного возраста — это изменение удельного веса лиц, доживающих до возможности реализовать свои пенсионные права, накопленные в пенсионной системе за трудовую жизнь. Для застрахованных лиц эти потери должны быть минимизированы, а точнее, компенсированы дополнительными выгодами. Причем выгода должна обеспечиваться тем же людям, которые потенциально могут понести потери.

Поэтому повышение пенсионного возраста в идеале должно проводиться так, чтобы вероятность для застрахованных лиц дожить до момента начала реализации своих пенсионных прав либо не уменьшалась по сравнению с достигнутым уровнем, либо росла. В условиях роста ожидаемой продолжительности жизни последний вариант не является невозможным, но для его реализации следует четко согласовывать темпы повышения пенсионного возраста с изменением вероятности дожить до него.

Если же допустить возможность сокращения доли доживающих до нового пенсионного возраста, то следует установить минимальный предел, ниже которого ее снижение будет считаться неприемлемым. Нормативов в отношении такого ограничения не существует, поэтому руководствоваться

можно только международными нормами, например Конвенциями МОТ, регулирующими уровень охвата населения минимальными нормами соцобеспечения, а также Конституцией России, провозглашающей ее социальным государством.

Единомоментное повышение пенсионного возраста женщин на 5 лет (до 60 лет), при отсутствии других влияющих факторов, снизит вероятность дожить до него на 3,3 п.п. При единовременном повышении возраста до 63 лет до него будут доживать 84,79 % женщин и 62,29 % мужчин, а до 65 лет — соответственно 82,71 % и 58,14 %.

Во всех этих случаях своими пенсионными правами смогут воспользоваться более 80 % женщин, тогда как среди мужчин крайне низкий сегодняшний процент доживающих (менее 2/3 от числа родившихся) сократится еще значительнее.

При анализе вероятности дожить в региональном разрезе выявляется факт, что для жителей некоторых регионов повышение возраста для мужчин может обернуться катастрофой. Так, в 61 регионе вероятность для мужчин дожить до 60-летнего возраста ниже средней по стране (68,17 %), причем в 5 регионах она ниже 60 %. Это Еврейская автономная область (59,92 %), Амурская область (59,41), Иркутская область (58,25), Чукотский АО (57,23), Республика Тыва (53,38 % — минимум среди регионов). В этих регионах даже существующий общеустановленный пенсионный возраст для мужского населения является слишком высоким.

Вероятность для мужчин дожить до 65 лет ниже средней по стране (равной 58,14 %) была в 63 регионах, в которых проживает 62 % мужского населения этого возраста. В 10-ти из этих регионов до 65 лет доживает менее половины мужского населения: в Псковской области — 49,96 %, Новгородской области — 49,56, Республике Карелия — 48,93, Сахалинской области — 49,58, Амурской области — 49,14, Забайкальском крае — 48,96, Чукотском АО — 48,44, Иркутской области — 48,29, Республике Тыва — 43,11, Еврейской а.о. — 42,75 %.

Рассматривая повышение пенсионного возраста, необходимо учитывать не только усредненные для страны в целом демографические характеристики, но и их региональную дифференциацию, хотя большая часть регионов с самыми низкими показателями имеет в своем составе территории, относящиеся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, и люди, в них работающие, выходят на пенсию раньше общеустановленного пенсионного возраста. Для женщин противопоказаний к повышению пенсионного возраста с точки зрения вероятности дожить до него не существует (до 65 лет доживают 64,81 % в Тыве (минимум) и 91,65 % — в Ингушетии (максимум)).

Другой вид потерь от повышения пенсионного возраста у застрахованных лиц связан с сокращением ожидаемой продолжительности жизни по его достижении (ОПЖ$_n$), которая может рассматриваться как характеристика полноты реализации заработанных пенсионных прав, особенно

теперь, когда из пенсионной формулы опять исключен показатель ожидаемой продолжительности выплаты пенсии.

Повышение пенсионного возраста до 65 лет рассматривается его сторонниками как наиболее перспективный вариант, приносящий максимальный эффект. Причем как основной фактор, динамика которого требует повышения пенсионного возраста, многими сторонниками этой меры рассматривается ожидаемая продолжительность жизни при рождении ($ОПЖ_0$). В действительности, для определения пенсионного возраста ее величина не имеет значения, поскольку отражает среднюю продолжительность предстоящей жизни для новорожденных соответствующего года, но не показывает, какая их доля доживет до пенсии и сколько лет эти люди проживут после достижения пенсионного возраста. Тем не менее, рассмотрим некоторые итоги ее изменения.

Достигнутый прирост $ОПЖ_0$ составил в 2016 г. для всего населения 6,53 года и 10 % от уровня 2000 года, для мужчин 7,47 года, или 13 %, для женщин — значительно меньше — 4,8 года, или 7 %. Но если в 2000 г. $ОПЖ_0$ мужчин составляла 59,03 года и отставала от женской на 13,23 года, то в 2016 г. она возросла до 66,5 года, а гендерный разрыв по данному показателю сократился до 10,56 года, т. е. на 20 %.

Региональные различия по $ОПЖ_0$, как и по вероятности дожить, очень значительны. Для женщин в 2016 г. $ОПЖ_0$ варьируется от 69,35 года в Республике Тыва до 83,62 года в Республике Ингушетия (при средней 77,06 года), т. е. разброс значений составляет 14,27 года. При этом в 54 регионах, где проживают 53,86 % новорожденных девочек, $ОПЖ_0$ женщин была ниже среднероссийской.

$ОПЖ_0$ мужчин в 2016 г. по регионам варьировалась между 59,13 года (в Республике Тыва) и 77,35 года в Республике Ингушетия, т. е. минимальная региональная $ОПЖ_0$ у мужчин находится на уровне средней по России в 2000 году. В 61 субъекте Федерации, где $ОПЖ_0$ мальчиков ниже, чем в среднем по стране, родилось в 2016 г. 56,28 % мальчиков.

Таким образом, и с точки зрения достигнутых значений $ОПЖ_0$ для населения (особенно мужского) большей части регионов страны вопрос повышения пенсионного возраста неактуален.

Оценим возможные потери для населения в продолжительности получения пенсии в зависимости от числа прожитых лет. Прирост ОПЖ в возрастах 55 лет и старше был значительно меньше, чем при рождении (сравним не 2016 г. с 2000 г., как выше, а более корректно — 2015 г. с 2002 г., в которых показатели ОПЖ были ниже, к тому же и повышение ОПЖ, и пенсионная реформа в России начались именно с 2002 г.). Если $ОПЖ_0$ у женщин за рассматриваемый период выросла на 4,81 года, то $ОПЖ_{55}$ — только на 3,38 года, $ОПЖ_{60}$ — на 3,01 года, а 65-летних женщин — на 2,67 года (т. е. в 1,8 раза меньше, чем новорожденных). $ОПЖ_0$ мужчин выросла на 7,24 года, тогда как 60-летних — только на 3,16 года, а 65-летних — на 2,58 года (в 2,8 раза меньше, чем у новорожденных).

Таким образом, общероссийские показатели ОПЖ в нынешних пенсионных и 5–10 (в зависимости от пола) постпенсионных возрастах выросла существенно меньше, чем величина, на которую предлагается повышать пенсионный возраст.

Сейчас ОПЖ снижается у женщин на 0,85–0,8 года с каждым новым прожитым годом (в интервале от 55 до 61 года), затем на 0,79–0,78 года (от 61 до 65 лет). У мужчин снижение ОПЖ происходит медленнее — на 0,66–0,61 года за каждый прожитый год в возрастах 55–59 лет и 0,59–0,52 года — в возрастах 59–65 лет. В 65 лет потери ОПЖ и периода выплаты пенсии по сравнению с возрастом 55 лет составят 8,07 года у женщин и 5,82 года у мужчин, по сравнению с 60-летним возрастом — соответственно 3,93 года и 2,69 года.

Учитывая это, было бы актуарно справедливым не только увеличивать размеры назначаемых пенсий на суммы ИПК, заработанные за дополнительные годы стажа, но и повышать стоимость пенсионного коэффициента в связи с сокращением продолжительности периода получения пенсии (не ограничиваясь повышением из-за сокращения численности пенсионеров). А это повлечет за собой дополнительные расходы бюджета ПФР, актуарная оценка величины которых никем не осуществлялась.

В условиях действующего пенсионного возраста его средневзвешенная величина с учетом пропорций между мужчинами и женщинами, предусмотренных демографическим прогнозом Росстата, составит в 2020 г. 57,4 года, в 2025 г. — 57,1, в 2030 г. — 57,1, за рамками действия Стратегии он возрастет к 2050 году до 57,8 года. К 2050 г. она вырастет у мужчин в возрасте 60 лет на 2,3 года, а у женщин в возрасте 55 лет — на 2,6 года. Ожидаемая продолжительность выплаты страховых пенсий по старости женщинам вырастет с 25,3 года в 2015 г. до 27,9 года, мужчинам — с 16,0 до 18,3 года в 2050 году. В последнем году действия Стратегии она будет составлять соответственно 26,7 года и 17,7 года.

Для женщин ожидаемая продолжительность периода выплаты пенсии по старости приближается к средней продолжительности страхового стажа на дату назначения пенсии, которая составляет 32,4 года. Это означает, что реально заработанный коэффициент замещения зарплаты пенсией у женщин уже сегодня может быть лишь немногим выше, чем тариф страховых взносов на ОПС, а в 2030 г. индивидуальный коэффициент замещения при средней зарплате и нормативном стаже не может быть выше 26,7 %. Выплата же пенсии с более высоким коэффициентом замещения (предусмотренным Стратегией) сделает ее нестраховой. Поэтому для женщин повышение пенсионного возраста — в страховой пенсионной системе — можно назвать необходимостью.

Вероятность дожить до общеустановленного пенсионного возраста, согласно прогнозу Росстата, к 2030 г. возрастет в среднем для 60-летних мужчин и 55-летних женщин до 87 % (в настоящее время она составляет 82 %), а к 2050 г. — до 90 %. Для 60-летних мужчин она по-прежнему будет

значительно ниже, чем для 55-летних женщин, хотя ситуация начнет постепенно выравниваться: 77,5 % против 94,6 % в 2030 г. (разница 17,1 пп.) и 85,2 % против 96,3 % в 2050 году (разница 11,1 пп.).

Соотношение среднего размера трудовой пенсии по старости с ПМП до 2020 г. будет показывать некоторый рост, однако в последующие годы начнется его снижение и в 2030 г. оно составит, по оценкам, 156,5 % вместо необходимых 250–300 % ПМП.

Рассчитаем возраст выхода на пенсию, который обеспечит достижение целевого ориентира по соотношению пенсии с ПМП.

Для того, чтобы несколько нивелировать значительную разницу в ожидаемой продолжительности жизни между женщинами и мужчинами и, соответственно, разницу в продолжительности периодов формирования и реализации пенсионных прав, в расчетах предполагается установление для них одинакового пенсионного возраста.

Расчеты осуществлялись при тарифе 26 %, предусмотренном действующим законодательством, в двух вариантах. Вариант 1 предполагает, что численность занятых не увеличивается при повышении пенсионного возраста (по сравнению с развитием в условиях действующего законодательства), так как для этого не созданы необходимые социально-экономические условия. Вариант 2 предполагает рост по сравнению с базовым вариантом уровня и численности занятых при повышении пенсионного возраста, для чего, по мнению авторов, условия в настоящее время не созданы.

Актуарные расчеты по варианту 1 показывают, что при тарифе страховых взносов, равном 26 %, для обеспечения средней пенсии по старости, равной 250 % ПМП, пенсионный возраст должен составлять в 2020 г., как и в 2016 г., 66,7 года (т. е. на 6,7 года больше, чем у мужчин, и на 11,7 года больше, чем у женщин). В 2030 г. пенсионный возраст должен быть равным 69,9 года. Для поддержания пенсии по старости на уровне 250 % ПМП и за горизонтом действия Стратегии пенсионный возраст должен будет в начале 2030-х годов превысить 70 лет: в 2035 г. составить 70,5 года, а в 2050 г. — 70,9 года.

Вероятность дожить до возраста, обеспечивающего при тарифе 26 % среднюю пенсию по старости на уровне 250 %, составляет для представителей обоих полов в среднем 70 % в 2016 г. и 72 % в 2020–2030 годах против 82–90 % при сложившемся пенсионном возрасте. При этом ожидаемая продолжительность периода получения пенсии лишь в 2016–2020 гг. будет немногим выше 15 лет (сегодня она для 55-летних женщин и 60-летних мужчин составляет в среднем 22,2 года), в остальные годы прогнозного периода она составит 13–13,5 года, тогда как при сохранении сложившегося пенсионного возраста в 2030 г., по оценкам Росстата, она составит 22,9 года, т. е. на 9,9 года выше.

Если же стремиться достичь максимальной заявленной в Стратегии величины целевого ориентира — 300 % ПМП — только регулируя пенсионный

возраст, то в 2016–2020 гг. он уже должен бы составлять 69,5 года, в 2030 г. — 72,6 года, а в 2050 г. достичь 73,9 года. Воспользоваться повышенной пенсией смогут лишь 66 % мужчин и женщин, которые с рождения доживут до этого возраста. Период получения пенсии сократится против нынешнего до 13,7 года в 2020 г. и 11,8 года в 2030 году.

Учитывая нереалистичность установления такого пенсионного возраста и крайне низкие значения ожидаемой продолжительности выплаты пенсии, в дальнейшем будем ориентироваться только на соотношение 2,5 ПМП. Полученные результаты по варианту 1 свидетельствуют о невозможности достижения целевого ориентира по уровню соотношения пенсии по старости с ПМП в прогнозируемых макроэкономических и демографических условиях исключительно через повышение пенсионного возраста.

Во втором варианте предусматривается сохранение в возрастах, подпадающих под повышение пенсионного возраста, того же уровня занятости, который характерен в настоящее время для мужчин и женщин, находящихся в возрасте 55–59 (мужчины) и 50–54 года (женщины). Предположим также, что подобный рост уровня занятости в старших возрастах не приведет к снижению уровня занятости молодежи, т. е. в итоге численность занятых увеличится по сравнению с прогнозируемой Минэкономразвития России, вырастет фонд заработной платы и, соответственно, доходы ПФР по страховым взносам на ОПС.

В этих условиях для доведения уровня пенсии по старости до 2,5 ПМП при тарифе 26 % потребуется увеличение пенсионного возраста в 2030 г. до 68,6 года, что на 1,3 года ниже, чем в варианте 1. Ожидаемая продолжительность жизни в новом пенсионном возрасте будет значительно ниже, чем в настоящее время в общеустановленном возрасте в России и в большинстве развитых зарубежных стран: в 2020 — 2025 гг. она несколько превысит 15 лет, но в последующие годы снизится — до 14,3 года в 2030 г. и до 14,2 года в 2050 году.

При установлении пенсионного возраста, обеспечивающего 2,5 ПМП, рост численности занятых по сравнению с развитием в условиях действующего законодательства составит в 2020 г. 2,42 млн чел., в 2025 г. — 2,5 млн чел., в 2030 г. — 3,36 млн чел., а в 2050 г. — 4,32 млн чел.

Однако при значительно возросшем периоде формирования пенсионных прав должны будут увеличиться и их объемы. Так, при установлении пенсионного возраста равным 68,6 года (который в 2030 г. обеспечит соотношение пенсии с ПМП, равное 250 %) потенциальный (максимально возможный) период формирования пенсионных прав при начале трудовой деятельности в 20 лет составит 48,6 года, ожидаемая продолжительность выплаты пенсии — 14,3 года. Следовательно, при тарифе 26 % пенсия, эквивалентная пенсионным правам застрахованного лица, должна будет составить 26 % × 48,6 года / 14,3 года = 88,4 % от его зарплаты. Если, как ожидается, в 2030 году средняя зарплата составит 5,37 ПМП, то средняя пенсия, заработанная работником со средней зарплатой в течение

трудовой деятельности, должна будет составлять 475 % ПМП, а не 300 % и не 250 %, предусмотренные Стратегией (Пст2030 = 0,884 × 5,37 × ПМП = = 4,75 × ПМП).

Если стаж при повышении пенсионного возраста не увеличится, сохранившись на нынешнем среднем уровне — 32,4 года, пенсия составит 26 % × × 32,4 года / 14,3 года = 58,9 % зарплаты застрахованного или необходимые 300 % ПП (0,624 × 5,37 ПМП = 3,16 ПМП). Иными словами, целевой ориентир по соотношению пенсии с ПМП будет достигнут только в том случае, если застрахованные лица при повышении пенсионного возраста не станут работать дольше, чем сейчас, что противоречит сценарным условиям варианта 2.

Таким образом, достижение целевого ориентира Стратегии по уровню соотношения пенсии с ПМП исключительно за счет изменения пенсионного возраста будет означать:

— необходимость повышения возраста до уровня, неприемлемого с социально-демографической точки зрения, поскольку удельный вес доживших до нового пенсионного возраста будет крайне мал;

— лица, которые должны будут в рамках действия Стратегии подпасть под повышение пенсионного возраста, уже выйдут на пенсию ранее (т. е. в 2020 г. новый пенсионный возраст должен будет составить от 66 до 79 лет в зависимости от тарифа страховых взносов и уровня достигаемого соотношения пенсии по старости с ПМП, но застрахованные лица, достигшие этого возраста, стали пенсионерами еще до начала его повышения — в 2014 г. (для возраста 66 лет) — 2001 г. (для возраста 79 лет);

— пенсионные права, которые могут быть заработаны застрахованными в результате повышения возраста, превысят значение целевого ориентира и потребуют для своей реализации дополнительного расходования бюджетных средств.

Целевой ориентир Стратегии — индивидуальный коэффициент замещения для трудовой пенсии по старости не менее 40 % для работника, выработавшего нормативную продолжительность страхового стажа и имевшего заработную плату на уровне средней зарплаты в экономике. Для его достижения без роста уровня занятости в предпенсионных возрастах искомый пенсионный возраст составляет: в 2020 г. — 57 лет, в 2030 г. — 61 год, что близко к существующему в настоящее время. Если устанавливать пенсионный возраст с учетом гендерных различий, то возраст мужчин будет на 3 года выше возраста женщин.

Если повышение возраста будет сопровождаться увеличением уровня занятости и, соответственно, численности занятых, параллельно будет увеличиваться и продолжительность стажа застрахованных лиц, что приведет к росту объема их пенсионных прав. В этой связи для достижения коэффициентом замещения в 2030 году уровня 40 % при стаже 35 лет и зарплате, равной средней в экономике, пенсионный возраст должен быть

не ниже 63 лет для мужчин и женщин, т. е. на два года выше, чем при повышении возраста, не сопровождающемся ростом уровня занятости.

Повышение пенсионного возраста может привести к росту коэффициента замещения по Стратегии при условии, что пенсионные права каждого застрахованного лица расти не будут. Чем больше пенсионные права будут увеличиваться при повышении пенсионного возраста, тем меньше такое повышение будет влиять на увеличение размера пенсии получателя с нормативным стажем и средней заработной платой. Таким образом, повышение пенсионного возраста может не стать прямым регулятором уровня коэффициента замещения, определенного Стратегией.

Для нахождения компромиссного решения, которое позволит приблизиться к достижению целевых ориентиров, необходимо определить: предельное значение, до которого возможно повысить пенсионный возраст, темпы (шаг) и правила повышения (по году рождения или по году назначения). Верхний предел пенсионного возраста должен определяться, в первую очередь, демографическими характеристиками населения, отражающими остающуюся ОПЖ и возрастные характеристики смертности, т. е. удельный вес мужчин и женщин, которые смогут воспользоваться правом на пенсию. Выбор верхнего предела пенсионного возраста осложняется отсутствием в российском законодательстве определения понятия «старость» для назначения пенсии.

Таким образом, обеспечить достижение целевых ориентиров Стратегии одновременно по уровню пенсионного обеспечения, сбалансированности пенсионных прав и обязательств и бюджета ПФР только за счет изменения общеустановленного пенсионного возраста невозможно.

Список источников

1. Демографический прогноз до 2075 года, средний вариант / Росстат. 2017 год.

2. Актуарный анализ факторов — условий повышения пенсионного возраста в целях реализации стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации: Отчет о научно-исследовательской работе. — М.: ФУ при Правительстве РФ, 2017. — 196 с.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович — доктор экономических наук, профессор Финансового университета, заслуженный экономист Российской Федерации, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования, Пенсионный фонд Российской Федерации (Россия, 119991, г. Москва, ул. Шаболовка, 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

Solovev A. C.

Retirement Age in Russia: Demographic Prerequisites and Macroeconomic Restrictions

Results of a research on actuarial justification of a retirement age are presented. Unlike numerous works on justification of his increase proceeding from dynamics of growth of life expectancy of the population, the retirement age is considered in the system of macroeconomic restrictions. The criterion of estimation of a retirement age applies not only cut in expenditure on not granted pensions, but also a condition of realization of the insurance pension rights of various categories of the insured persons. Proceeding from this criterion maximum permissible borders of increase in a generally established

retirement age in the system of mandatory pension insurance for the purpose of the solution of the tasks set in the government Strategy of long-term development of pension system of the Russian Federation are proved. Raising the retirement age traditionally is considered as the main way to stabilize in the medium term a financial position of PFR and reduction a transfer of the federal budget to the budget of Fund. At the same time essential decrease in a share of the population living up to a new retirement age isn't taken into consideration. The reserves of stabilization of pension system which are behind her framework and demanding change of economic policy (for example, fight against the hidden salary and shadow employment), as a rule, aren't considered, and extremely limited opportunities of pension system to self-regulation reduce space for maneuver and therefore demand radical institutional reforms.

The first problem which is solved by raising the retirement age in the state insurance pension system — financial security of pension liability before everyone insured persons and these obligations have to be adequate to the pension rights, i.e. insurance pensions have to correspond to a contribution of the person to pension system to the able-bodied period of life.

The second task is a guaranteeing to the population of an opportunity to realize the worthy standard of living during the disabled period.

The third task — long-term financial stability of pension system which will allow to realize the solution of both social tasks.

Keywords: pension system, mandatory pension insurance, aging of the population, budget deficit of RPF

References

1. The demographic forecast till 2075, average option / Rosstat. 2017.

2. The actuarial analysis of factors — conditions of raising the retirement age for realization of strategy of long-term development of pension system of the Russian Federation: The report about scientifically — research. — M.: FAUGH at the Government of the Russian Federation, 2017 — 196 p.

Author

Solovev Arkadii Constantinovich — doctor of economics, professor, honored economist of Russia, Head of the Department of actuarial and strategic planning of the Pension fund (Russia Moscow; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

УДК 314.88

Рой О. М.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ТЕРРИТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ [1]

Демографическая устойчивость является важнейшим свойством территории, отображая ее способность к развитию и воспроизводству социальной и инженерной инфраструктуры. Особенно актуальной является проблема повышения демографической устойчивости в регионах с выбывающим населением. Цель статьи — в определении тенденций в формировании демографической устойчивости территорий Сибирского федерального округа, выявлении источников этой устойчивости и анализе причин ее нарушения. Методологической основой исследования является сравнительный анализ демографических показателей регионов Сибирского федерального округа, на основе которого выделены факторы устойчивости.

Ключевые слова: демографическая устойчивость территории, Сибирский федеральный округ, регион, миграционная активность

Введение

Демографическая устойчивость территории (ДУТ) является свойством локальных мест расселения, характеризующимся стабильными значениями динамики демографических показателей, отображающих высокую адаптируемость населения к условиям своего проживания. Качество устойчивости развития территориального образования подтверждает низкую степень намерения его жителей сменить место жительство на другой регион. Свойство демографической устойчивости служит концептуальной основой для формирования долгосрочных и комплексных программ развития территории и свидетельством ее зрелости и восприимчивости к внешним угрозам.

Состояние ДУТ отображает способность локального сообщества сохранять свою структуру и обеспечивать комплексное воспроизводство пронизывающих эту структуру связей, подвергать нейтрализации влияние внешних угроз и адаптироваться к постоянно меняющимся условиям внешней среды. Демографически устойчивая территория обладает привлекательностью как для самих местных жителей, так и для жителей других регионов, демонстрируя образцы рационального обустройства осваиваемого пространства и задавая высокие параметры качества среды.

В научной литературе имеется большое количество исследований, направленных на выявление параметров устойчивости по отношению к различным типам территориальных единиц [3, 11]. В центре внимания исследователей, в первую очередь, находятся города, на которые приходится более 70 % населения страны. Наиболее значимыми работами в области

[1] © Рой О. М. Текст. 2018.

исследования устойчивости в развитии российских городов являются труды И.Д. Тургель, Т.В. Малеевой [7, 15] и др. Социальные аспекты в исследовании устойчивости развития городских поселений представлены в работе А.В. Антюфеева [1]. Вопросам исследования устойчивости сельских территорий посвящены труды Н.С. Студенниковой, М.В. Муравьевой [6, 13] и др. Интересным представляется подход в использовании критерия устойчивости по отношению к приграничным территориям [5].

Но наиболее обширная библиография по данной проблематике приходится на уровень региона, где пересекаются сферы освоения всех входящих в регион административно-территориальных единиц — районов, городских и сельских поселений и пр. [9, 10, 14]. Регион, как никакой другой территориальный таксон, чувствителен к свойствам демографической устойчивости, поскольку выступает активным субъектом государственной региональной политики, будучи ответственным за комплексное и сбалансированное развитие всех находящихся на его территории локальных сообществ.

Таким образом, критерий устойчивости распределяется между различными иерархическими уровнями территориальных таксономий, начиная от населенного пункта и заканчивая регионом. Чем ниже уровень таксономической единицы, тем более случайными являются факторы, вызывающие в границах этих территориальных единиц демографические изменения. Основными показателями, характеризующими демографическую устойчивость территории, являются показатели естественного и миграционного прироста. Естественный прирост обеспечивает демографическую устойчивость изнутри, за счет планомерной репродуктивной политики и стимулирования рождаемости, тогда как миграционный — позволяет питать территорию человеческим ресурсом за счет предоставления экономических и социальных возможностей для мигрантов.

Роль демографической устойчивости территории в обеспечении качества жизни ее жителей

Демографически устойчивым регионом является определяемая статусом органа государственной власти административно-территориальная единица, сформировавшая в течение нескольких лет положительные демографические тренды, основанные на месте этого региона в структуре общественного разделения труда и особенностях сложившейся здесь государственной социальной политики. Положительный характер демографических трендов определяется темпами последовательного прироста сконцентрированного здесь человеческого капитала и обслуживающей его инфраструктуры. Таким образом, демографически устойчивым является регион, имеющий положительные демографические показатели, располагающий хорошей производственной и социальной инфраструктурой и открывающий перспективы социально-экономического и

пространственного развития, основанные на использовании имеющегося здесь природного и социального капитала.

Первичный анализ демографических процессов современного российского общества свидетельствует о глубоких внутренних различиях, проявляющихся между различными видами территориальных образований. Если в одних территориальных образованиях резко сокращается численность их жителей, то в других, напротив, ощущается заметный рост. Простые результаты внутреннего анализа территории на предмет ее демографической устойчивости позволяют выделить ряд факторов, которые оказывают наибольшее влияние на положительное восприятие территории как самими гражданами, так и потенциальными мигрантами. К наиболее значимым таким факторам следует отнести: административный статус территории, ее климатические особенности, транспортную отдаленность, наличие сильных промышленных предприятий и налаженную инфраструктуру. Однако более внимательный взгляд на проблему свидетельствует о серьезном влиянии других факторов и переоценке тех, которым приписывается большее значение.

Любое территориальное образование подвержено определенным влияниям внешних и внутренних факторов, реагируя на них увеличением или сокращением численности своих жителей. Удовлетворенность человека условиями своего существования лучше всего проявляется в показателях изменения численности населения, рассмотренных в контексте сложившихся в соответствующих территориальных единицах функциональных сред.

Демографическая устойчивость территории является сложным научным понятием, фиксирующим определенную констелляцию социальных институтов, обеспечивающую высокую привлекательность локальной территории и ориентацию ее базовых отраслей на достижение растянутых по времени стратегических целей. Демографическая устойчивость отображает сложившуюся систему поддержки повышения численности населения, сформированную на долгосрочный период. ДУТ находится в своем роде в обратном соотношении к демографической мобильности территории, которой присущи более резкие всплески миграционной активности по сравнению с прилегающими к ней территориями. Эта активность может иметь как внутреннюю направленность — приток, так и внешнюю — отток. Несмотря на то, что положительный смысл внутренних миграционных притоков может оцениваться как проявление сравнительно более высокого качества территории, нежели территорий, откуда эти потоки идут, в долгосрочном режиме эта тенденция способна вызывать негативные последствия. Территориальное образование может оказаться неготовым использовать прирастающее население в долгосрочном периоде, что повлечет за собой перегрузку социальной инфраструктуры, столкнувшейся с неспособностью справиться с новыми объемами работы.

ДУТ не означает демографическую консервацию территории, фатальную прикрепленность людей к своему жилью и работе: она представляет наличие определенного пакета прав граждан и предоставляемых местной властью и бизнесом социальных услуг, на присвоение которых человек имеет выход, будучи гражданином своей малой родины. Наличие этих возможностей, закрепленных за данной территорией, способствует интенсивным миграционным обменам и ведет к последовательному обретению территорией привлекающих людей качеств. В пакет этих прав должны входить возможности, предоставляющие человеку равные права с другими людьми, проживающими в других регионах. К ним следует отнести права на чистую природную среду, доступное образование, качественное медицинское обслуживание, транспортную оснащенность и пр.

К сожалению, обозначившийся в начале 90-х гг. разрыв в уровне социально-экономического развития между регионами сделал эту проблему чрезвычайно актуальной, поскольку спровоцировал «экономическое разбегание регионов», что воплотилось в стремительной перестройке миграционных потоков с Востока на Запад, и в первую очередь, в города Центрального федерального округа. С проблемой массовой миграции трудоспособного населения, особенно в начальной возрастной когорте, столкнулось подавляющее большинство российских регионов в восточной и северо-восточной частях страны [12]. Но как актуализировать эту проблему? Как доказать, что миграции населения являются следствием демографической неустойчивости региона, его низкой адаптированности к внешним условиям?

Методологические вопросы измерения ДУТ

Ключевым для теоретического осмысления является вопрос об измерении ДУТ. В демографической литературе наиболее близким по значению выступает индекс демографической напряженности (ИДН), включающий в себя расчет доли застроенности территории, плотности жилья, показателей рождаемости и смертности, общей годовой заболеваемости и др. ИДН отображает внутреннюю динамику демографических показателей территории, не принимая во внимание внешние факторы, берущие на себя в современном обществе значительную часть компенсационных механизмов. Значительную долю внешних факторов занимают показатели миграционного обмена, проявляющиеся все более активно по мере роста экономического благосостояния и оживления территориальных рынков.

Определенный признак устойчивости территории отображает и нетто-коэффициент воспроизводства населения (*RO*, *NRR* или *Net reproduction rate*), выражающий среднее число девочек, рожденных за всю жизнь одной женщиной, дожившей до конца репродуктивного периода при данных уровнях рождаемости и смертности. При помощи этого коэффициента можно обозначить скорость замещения материнского поколения дочерним и составить долгосрочный прогноз сохранения населения на данной

территории. Однако этот коэффициент рассчитывается без учета социальных и экономических условий развития территории. В отличие от ИДН и NRR показатель ДУТ является комплексным интегральным показателем, сочетающим в себе статический и динамический срезы процесса демографического развития и включающим в себя группу оценочных значений, выражающих способность территории удовлетворять последовательно развивающиеся потребности граждан.

ДУТ имеет два уровня измерения: структурный и динамический. Структурный уровень отображает цельность и равномерность экономического влияния локальных территорий по всей площади региона. Если предположить, что степень экономического влияния территории напрямую зависит от численности проживающего на ней постоянного населения, то наиболее чутким индикатором такого состояния может рассматриваться закономерность Ципфа, выстраивающая определенную математическую зависимость между рангом локальной территории, определяющимся ее численностью, и ее местом в иерархии других. Поэтому демографически устойчивыми в структурном смысле будут те регионы, где нет явных диспропорций в численности населения между несколькими его центрами, где 2–3–4 следующие по рангу районные или городские центры примерно в 2–3–4 раза имеют меньшую численность, чем самая населенная региональная столица. Структурное измерение включает в себя пространственную оценку региона, его включенность в межрегиональные сети и адекватность сложившейся административно-территориальной сетки требованиям решения текущих задач. Планомерное убывание численности региона по ранжированным поселениям равномерно распределяет демографический и социально-экономический потенциал в пространстве всего региона, противодействуя центростремительным тенденциям, присущим слабоосвоенным территориям.

Динамическое измерение складывается по мере естественной эволюции территориальных сообществ, сопровождаемой последовательным увеличением численности населения, стабильностью притока квалифицированной рабочей силы, высокими темпами строительства и продажи жилья. Динамическое измерение демографической устойчивости территории проявляется еще и в том, что проживающие здесь граждане уверены, что на любой стадии их эволюции: получения образования или поиска работы, приобретения загородного дома или ухода на «заслуженный отдых» — они смогут полностью себя реализовать, не выказывая намерения сменить место жительства. В России имеется большое количество даже крупных городов, где многие люди сталкиваются с ситуацией отсутствия возможности на территории своего города реализовать свои намерения (к примеру, поступить на бюджетную форму обучения любимой специальности или получить качественное медицинское обслуживание по определенному профилю заболевания). В этом случае регион, даже несмотря на его квазигосударственный (федеральный) статус, не способен удовлетворить

потребности наиболее активной трудоспособной части своих граждан, провоцируя их к выезду в другие регионы.

Концептуальной основой динамического среза может выступать перечень так наз. развилок жизненного пути гражданина, лежащих в основе его потенциального миграционного выбора. Отрицательный миграционный выбор, связанный с отказом гражданина покидать место своего проживания, определяется сравнительно высокой по сравнению с другими регионами стоимостью смены места жительства в случае соответствующего выбора вектора развилки и степенью доступности в удовлетворении его повседневных потребностей.

На наш взгляд, наиболее значимыми развилками, лежащими в основе демографических изменений, являются следующие:

Образовательная развилка — связана с возможностью получения полноценного и востребованного образования, сопряженной с намерениями гражданина проявить себя в карьерных устремлениях. Возникает в период поступления выпускника средней школы в вуз и выбора мест для обучения в магистратуре. Наличие полного спектра образовательных учреждений, оснащенных средним по стране показателем численности бюджетных мест, выступает условием, удерживающим активную часть населения региона от выезда.

Жилищная развилка — связана с возможностью человека решить жилищную проблему. Возникает в период 18–28 лет и поддерживается мерами государственной социальной поддержки и рыночными институтами. Доступные инструменты приобретения жилья, наличие рынка качественного арендного жилья или выгодные способы кредитования могут способствовать удовлетворенности молодых людей условиями своего пребывания в регионе, а также привлекать иногороднюю квалифицированную рабочую силу.

Трудовая развилка — связана с перспективами трудоустройства и удовлетворенностью содержанием своих рабочих функций. Возникает в период завершения основных образовательных циклов и определяется уровнем оплаты труда на местных предприятиях и объемом рабочих вакансий. Более низкая, нежели в других регионах, заработная плата будет служить мощным отталкивающим фактором, затрудняющим усилия местных компаний по привлечению квалифицированной рабочей силы.

Прохождение каждой такой развилки может быть выражено в значении соответствующего коэффициента, произведение которых может отражать в количественном выражении динамический статус демографической устойчивости данной территории.

Основные тенденции в развитии ДУТ

В России, на первый взгляд, значение ДУТ является более высоким, нежели в других странах, что объясняется тем статистическим фактом, что наши сограждане в значительно меньшей степени, чем зарубежные,

готовы на межрегиональные переезды. В развитых странах Европы и США скорее жилье следует за работой, чем наоборот. В течение своей рабочей карьеры зарубежный специалист 5–7 лет меняет место жительства, реагируя на приглашение работодателя. Трудовая мобильность зарубежного специалиста облегчается развитой системой арендного жилья, наличие которого отнюдь не всегда квалифицируется как признание низкого социального статуса арендующего. Приватизированное российским человеком жилье существенно закрепляет его за данной территорией и удерживает его от любых возможностей сменить место жительства, подчас даже и с некоторым перспективным увеличением доходности.

Поэтому ДУТ нельзя отождествлять с локальными территориями с низкой миграционной активностью или стабильной численностью населения, где показатели численности удерживаются неготовностью людей сменить место жительства в силу экономических или социальных причин. Демографически устойчивым развитие представляется в тех поселениях, где созданы особые условия для последовательной социализации граждан и стимулирования их внутренних способностей с целью собственного саморазвития и повышения статуса самого поселения.

Можно выделить несколько возможных вариантов нарушения устойчивости территориальных образований:

1. Численность территориального образования увеличивается за счет миграции, тогда как естественный прирост падает.

2. При высоком миграционном притоке основную долю прибывших составляет неквалифицированная рабочая сила.

3. Значительная часть проживающих на данной территории работает за пределами своего региона.

4. Высокие обороты как притока, так и оттока населения.

5. Высокие темпы прироста населения не обеспечиваются эквивалентными этому приросту действиями органов власти в области расширения инженерной и социальной инфраструктуры.

6. Волатильность динамики миграционного сальдо и естественного прироста.

7. Неравномерность в распределении прироста населения между смежными поселениями, входящими в единую иерархическую систему.

Формирование рыночных отношений в России вызвало радикальные изменения в структуре расселения, вызванные главным образом утратой тех преимуществ, которые имели граждане, работающие в отдаленных и малокомфортных для проживания регионах страны. В отдельных регионах (Чукотский АО, Магаданская область) убыль составила почти половину населения региона [2, с. 212].

Однако ДУТ многих регионов остается достаточно низкой даже несмотря на высокую миграционную активность населения. Россия катастрофическими темпами теряет свои поселения. В течение двух десятилетий страна потеряла почти 40 тыс. населенных пунктов. Если учесть, что их

общее число составляет на данный момент 136,5 тыс. ед., то мы видим яркое свидетельство кризиса демографической устойчивости российского государства.

Анализ демографической устойчивости регионов Сибирского федерального округа

В России имеются существенные различия между значениями демографической устойчивости макрорегионов. Наибольшие значения естественного и миграционного прироста имеют, в первую очередь, регионы Центрального федерального округа, что тесно коррелирует с экономическими показателями предприятий, функционирующих на территории округа [4]. Устойчивое снижение демографических показателей последние несколько лет демонстрирует Сибирский федеральный округ, где, по прогнозам специалистов Новосибирскстата, прогнозируется дальнейшее сокращение численности населения вплоть до 2031 г. [1]

Сравнительный анализ демографической устойчивости регионов СФО позволяет нивелировать ограничивающее значение климатического фактора, по отношению к которому у рассматриваемых субъектов нет особенных преимуществ друг перед другом. Фактор пространственной доступности в большей степени проявляется в тех регионах, где отсутствует постоянно действующая железнодорожная ветка: среди всех регионов СФО наихудшая ситуация в этом плане в Республике Тыва, в которой превалирует автомобильное и воздушное сообщение.

Для выявления факторов демографической устойчивости регионов есть смысл провести анализ динамики ключевых демографических показателей регионов СФО на предмет выявления источников нарушения устойчивости. В таблице 1 представлены демографические показатели регионов СФО.

Как можно видеть из таблицы 1, наилучшими показателями демографической устойчивости характеризуются Новосибирская область и Красноярский край. На наш взгляд, имеется ряд ключевых факторов, которые влияют на показатели устойчивости.

Первым фактором, безусловно, следует признать административный статус Новосибирска, позволивший ему привлечь в регион большое число практик, имеющих межрегиональную ориентацию. В Новосибирской области как центральной в СФО концентрируется большое количество обслуживающих весь округ регулирующих функций, для реализации которых в последние несколько лет сформировано большое число институтов.

Вторым фактором можно назвать наукоемкий характер отдельных направлений производственной деятельности местных предприятий, позволивший Новосибирску участвовать в производстве продукции, предполагающей активное участие специализированных малых предприятий, скооперированных в крупные хозяйственные комплексы. Это позволяет

[1] Численность населения Сибири уменьшится к 2031 году [Электронный ресурс]. URL: https://sib.fm/news/2016/06/15/chislennost-naselenija-sibiri-umenshitsja-k-2031-godu.

Таблица 1

Сравнительный анализ демографической устойчивости регионов Сибирского федерального округа

Субъекты РФ, входящие в СФО	Численность населения на 1 января 2016 г., чел.	Изменения за 2016 г.			Численность населения на 1 января 2017 г., чел.
		Общий прирост, убыль (–)	В том числе:		
			естественный прирост, убыль (–)	миграционный прирост, убыль (–)	
Сибирский федеральный округ	19324031	2165	14755	–12590	19326196
Республика Алтай	215161	1846	1749	97	217007
Республика Бурятия	982284	1850	5063	–3213	984134
Республика Тыва	315637	2913	4256	–1343	318550
Республика Хакасия	536781	887	697	190	537668
Алтайский край	2376774	–11094	–4622	–6472	2365680
Забайкальский край	1083012	–4029	2425	–6454	1078983
Красноярский край	2866490	8811	3983	4828	2875301
Иркутская область	2412800	–3899	3247	–7146	2408901
Кемеровская область	2717627	-8783	–6168	–2615	2708844
Новосибирская область	2762237	17318	2034	15284	2779555
Омская область	1978466	–5784	158	–5942	1972682
Томская область	1076762	2129	1933	196	1078891

Составлено по: Территориальное устройство Сибирского федерального округа (на 1 января 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: // http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/abacf600441ebc66a792a7fa17e1e317/demograf-sfo.pdf.

Новосибирской области сохранять на своей территории более 70 % собранных здесь налогов (в соседней Омской области, где большая часть предприятий включена в вертикально интегрированные холдинги, в регионе остается не более 45 %).

Третьим фактором является наличие мощной системы высшего образования, позволяющей проводить через местные университеты большое число студентов. К примеру, в Новосибирске только иностранных студентов обучается не менее 10 тыс. чел., а 60 % всех первокурсников приезжают сюда из других регионов. На новосибирские вузы выделено 12 450 бюджетных мест[1]. Для сравнения: в депрессивном Омском регионе в 2017 году поступило на первый курс около 16,5 тыс. человек (57 % из них — на бюджетные места). Вузы вообще сегодня превращаются в центры демографического роста, привлекая молодежь из других регионов и повышая инновационный потенциал территории. Ярким примером является и Томская область, поддерживающая устойчивое демографическое развитие в условиях пространственной отдаленности и неразвитости промышленного сектора.

Четвертым фактором следует назвать промышленный и сырьевой потенциал региона, обеспечивающий последнему возможность расширять сферу производства и осваивать новые рынки. Большое число красноярских предприятий сформировало вокруг себя достаточно мощные промышленные кластеры, обладающие высокой потенциальной емкостью для квалифицированной рабочей силы. Наиболее показательным по влиянию данного фактора является Красноярский край, который фактически примеривает на себя статус столицы Восточной Сибири.

Пятым фактором являются темпы строительства жилья, а также его доступность, подкрепляемые платежеспособным спросом на недвижимость и степенью распространения ипотечного кредитования. В 2017 году безусловными лидерами по вводу жилья также являются Новосибирская область и Красноярский край, на которые приходится, соответственно, 1725, 9 и 1042,9 тыс. кв. м общей площади жилых помещений [2]. Наибольший объем ипотечных кредитов, как и следовало ожидать, также приходится на Новосибирскую область и Красноярский край — 47 и 44 млрд руб. соответственно [3], что подтверждает привлекательность этих сибирских регионов для потенциальных мигрантов.

В таблице 2 представлено значение нетто-коэффициента воспроизводства населения по регионам Сибирского федерального округа (данные 2016 г.), анализ которого позволяет выявить связь

[1] См.: http://bk54.ru/news/article/1551/.

[2] Социально-экономическое положение федеральных округов — 2017. М.: Росстат, 2018. С. 22 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641).

[3] Итоги развития рынков ипотеки и жилья в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: // https://дом.рф/wp-content/uploads/2016/04/Itogi-razvitiya-rynka-za-2017-god.pdf.

Таблица 2

Нетто-коэффициент воспроизводства населения по регионам СФО

Регион	Все население	Городское население	Сельское население
Сибирский федеральный округ	0,889	0,804	1,230
Республика Алтай	1,220	0,777	1,929
Бурятия	1,071	0,929	1,382
Тыва	1,523	1,087	2,717
Хакасия	0,922	0,820	1,216
Алтайский край	0,860	0,744	1,148
Красноярский край	0,868	0,804	1,212
Иркутская область	0,930	0,866	1,239
Кемеровская область	0,807	0,789	0,922
Новосибирская область	0,864	0,811	1,139
Омская область	0,863	0,783	1,140
Томская область	0,762	0,672	1,205
Забайкальский край	0,939	0,825	1,337

социально-экономических факторов и показателей замещения поколений в разрезе деления населения на сельское и городское.

Из таблицы 2 видно, что сравнительно высокая по социально-экономическим показателям демографическая устойчивость Новосибирской области и Красноярского края приходит в определенное несоответствие с показателем NRR, составившим в целом по России в 2016 г. 0,841, впервые с середины 1990-х начавшего в этот период сокращаться[1]. В СФО данный коэффициент составляет долю чуть выше среднероссийского уровня — 0,889. Однако сравнительно высокие значения этого показателя определяются преимущественно двумя регионами с традиционно высокой рождаемостью и невысокими уровнями социально-экономического развития: 1,523 — в Тыве, 1,220 — в Республике Алтай. Во всех других сибирских регионах значение коэффициента находится в пределах 1, а у лидеров рейтинга — Новосибирской области и Красноярского края — его значение составляет всего 0,864 и 0,868, соответственно [2].

Данное обстоятельство свидетельствует о многообразии признаков демографической устойчивости и их слабой восприимчивости к изменениям других признаков. Степень демографической устойчивости определяется комплексом экономических, социальных и этнокультурных факторов, будучи подверженной влиянию свойств инерционности и спорадичности пронизывающих общество процессов. Важным свойством демографической устойчивости территории является также ее резервная емкость, т. е. потенциальная готовность проживающих за ее пределами граждан

[1] Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. / Росстат, 2017. С. 47.

[2] Демоскоп Weekly. № 769–770. 1–20 мая 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_nrr.php?reg=740.

вернуться на родину и привнести свой опыт и знания в реконструкцию и развитие местных институтов. В настоящее время, по оценкам исследователей, за рубежом проживают около 2,7 млн уроженцев России, из них примерно 1,5 млн человек сохраняют российское гражданство, что безусловно могло бы, в случае их возвращения, способствовать реальному повышению демографической устойчивости российских регионов, восполненной квалифицированной и мобильной рабочей силой [8, с. 16].

Заключение

Исследование свойств демографической устойчивости территории свидетельствует о сложности и многогранности этого феномена, его высокой роли в отображении качества развития современного общества. Усиление мобильности в перемещении трудовых ресурсов, формирование новых форм занятости, не требующих конкретного местонахождения работника, вызывают интерес к судьбе большого числа административно-территориальных единиц, теряющих население, а вместе с ним и перспективы собственного развития. Россия является пространственно неоднородной территорией, где население крайне неравномерно рассредоточено по регионам. В то же время тенденции последних двадцати лет актуализировали проблему депопуляции отдельных регионов и поселений. Возможность выявления факторов и внутренних свойств демографической устойчивости территории позволит нейтрализовать риски потери населения и исчезновения населенных пунктов и сформировать методологическую основу для конструирования сообществ с допустимым уровнем демографической устойчивости.

Список источников

1. *Антюфеев А. В.* Устойчивое развитие города и социальные аспекты градостроительной политики // Социология города. — 2010. — № 3. — С. 5–9

2. *Безвербный В. А.* Демографическое развитие России после распада СССР: тенденции, факторы, прогнозные сценарии // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием (Экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития. Медико-демографические аспекты естественного и механического движения населения. Опыт демографической политики на постсоветском пространстве: риски пенсионной реформы (круглый стол) / отв. ред.: А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — С. 210–217.

3. *Гаврикова А. В.* Социально-демографическая устойчивость региона: критерии оценки // Молодой ученый. — 2016. — № 5 (109). — С. 4–7.

4. *Зубаревич Н., Макаренцева А., Флоринская Ю.* Социально-демографическое развитие российских регионов: последние тенденции (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. — 2017. — № 9. — Т. 24. — С. 62–74.

5. *Лазарева В. В., Зинченко М. В., Власова Н. Ю.* Демографический аспект устойчивого развития приграничных регионов// Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 2 (204). — С. 23–28.

6. *Муравьева М. В.* Демографическая детерминанта устойчивого развития сельской местности зарубежных стран // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н. И. Вавилова. — 2013. — № 1. — С.77–8.

7. *Малеева Т. В.* Крупный город: устойчивое развитие и земельные ресурсы. — СПб.: СПБГИЭУ, 2006.

8. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. — № 1(62) Январь 2018 г. / С. Аксюк, Н. Зубаревич и др. — М.: Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, РАНХиГС, 2018.

9. *Пономарева М. А.* Совершенствование экономического механизма управления устойчивым развитием в российских регионах. — Ростов н/Д: Содействие — XXI Век, 2011.

10. *Пчелинцев О. С.* Регионы России: современное состояние и проблемы перехода к устойчивому развитию // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 1. — С. 102–115.

11. *Рыбкина И. Д.* Оценка демографической емкости регионов Сибири //Известия Самарского научного центра РАН. — 2010. — № 1–5. — Т. 12. — С. 1437–1442.

12. *Рой О. М.* От чего бегут омичи? Опыт научно-практического исследования // Национальные приоритеты России. — 2017. — № 5 (27). — С. 59–65.

13. *Студенникова Н. С.* Оценка уровня демографического развития как составляющая интеграционной оценки устойчивости развития сельской территории // Наука и современность. — 2014. — № 1 (1). — С. 108–116.

14. *Татаркин А. И.* Программно-проектное развитие регионов как условие устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации // Вестник УрФУ. Серия Экономика и управление. — 2011. — № 4. — С. 46–55.

15. *Тургель И. Д.* Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. — Екатеринбург: Уральский институт РАНХиГС, 2010.

Информация об авторе

Рой Олег Михайлович — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (e-mail: roi_omsk@mail.ru).

Roy O. M.

Demographic Sustainability of the Territory: Methodology of Evaluation

Demographic sustainability is the most important property of the territory, reflecting its ability to develop and reproduce the social and engineering infrastructure. The problem of increasing demographic stability in regions with a drop-out population is particularly relevant. The purpose of the article is to determine the trends in the formation of the demographic sustainability of the territories of the Siberian Federal District, to identify the sources of this sustainability and to analyze the causes of its violation. The methodological basis of the study is a comparative analysis of demographic indicators of the regions of the Siberian Federal District, on the basis of which stability factors have been identified.

Keywords: demographic sustainability of the territory, Siberian Federal District, region, migration activity

References

1. Antyufeev A. V. Sustainable development of the city and social aspects of urban policy // Sociology of the city. — 2010. — No. 3. — P. 5–9.

2. Bezverbny V. A. Demographic development of Russia after the collapse of the USSR: trends, factors, forecast scenarios // Socio-economic and spatio-temporal features of the development of demographic processes in the regions of Russia. a collection of materials of the VI Ural Demographic Forum with international participation (Economic and demographic behavior of households in conditions of transition to an innovative type of development. Medico-demographic aspects of the

natural and mechanical movement of the population. The experience of demographic policy in the post-Soviet space: the risks of pension reform (round table) / responsible editors: A. I. Tatarkin, A.I. Kuzmin. — Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. — P. 210–217.

3. Gavrikova A. V. Socio-demographic sustainability of the region: evaluation criteria // Young scientist. — 2016. — No. 5 (109). — C. 4–7

4. Zubarevich N., Makarentseva A., Florinskaya Y. Socio-demographic development of Russian regions: recent trends (according to the results of regular monitoring of INSAP RANHIGS) // Economic Development of Russia. — 2017. — No. 9. — T. 24. — P. 62–74.

5. Lazareva V. V, Zinchenko M. V. Vlasova N. Yu. Demographic aspect of sustainable development of border regions // Living standards of the population of Russian regions. — 2017. — No. 2 (204). — P. 23–28.

6. Muravjova M. V. Demographic determinant of sustainable development of rural areas of foreign countries // Bulletin of the Saratov State Agrarian University n.a N.I. Vavilov. — 2013. — No. 1. — P.77–81.

7. Maleeva T. V. Large city: sustainable development and land resources: monograph. — SPb.: SPBGEEU, 2006.

8. Monitoring of the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development. No. 1 (62) January 2018 / S. Aksyuk, N. Zubarevich and others. — Moscow: The Institute of Economic Policy. E. T. Gaydar., RANHIGS, 2018.

9. Ponomareva M. A. Improving the economic mechanism for managing sustainable development in the Russian regions: Monograph. — Rostov n / D: Promotion of the XXI Century, 2011.

10. Pchelintsev O. Regions of Russia: Current State and Problems of Transition to Sustainable Development // Problems of Forecasting. 2001. No. 1. P. 102–115.

11. Rybkina I. D. Estimation of Demographic Capacity of the Siberian Regions // Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. — 2010. — No. 1–5. — T. 12. — P. 1437–1442.

12. Roy O. M. What do Omskers run from? Experience of scientific and practical research // National priorities of Russia. — No. 5 (27). — P. 59–65.

13. Studennikova N. S. Estimation of the level of demographic development as a component of the integration assessment of the sustainability of rural development // Science and Modernity. — 2014. — No. 1 (1). — P. 108–116.

14. Tatarkin A. I. Programmatic and project development of regions as a condition for sustainable social and economic development of the Russian Federation // Bulletin of the UrFU. Series Economics and Management. — 2011. — No. 4. — P. 46–55.

15. Turgel I. D. Monofunctional cities of Russia: from survival to sustainable development. — Ekaterinburg: the Urals. RANHIGS Institute, 2010.

Author

Roy Oleg Mikhailovich — doctor of sociology, professor, Head of the Department of Regional Economics and Territory Management of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia; e-mail: roi_omsk@mail.ru)

УДК 314.57

Синельников А. Б.

ПРИОРИТЕТНАЯ ПОДДЕРЖКА ЗАКОННЫХ СУПРУГОВ КАК ПРИНЦИП ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ [1]

Автор статьи рассматривает предложение дать неженатым парам, которые прожили вместе не менее пяти лет, такие же права на общую собственность семьи, как и законным супругам. После разрыва отношений она подлежит разделу, как после развода.

С 1926 до 1944 гг. советские законы признавали сожительство «незарегистрированным браком». Но и получить развод с законным супругом тогда было так же легко, как и разорвать отношения с сожителем. Незамужняя мать могла без доказательств объявить отцом своего ребенка любого мужчину. Если он не мог доказать, что не является отцом, то должен был материально обеспечивать ребенка до совершеннолетия. Уничтожение различий между женатыми и неженатыми парами разрушает семью, как социальный институт, основанный на законном браке. Семейное законодательство неоднократно изменялось. Действующий Семейный кодекс был принят в 1995 г. Но после 1944 г. государство признает только зарегистрированные браки. По мнению автора, приравнивание сожительства к браку приведет к отказу не только от регистрации браков, но и от долговременных сожительств. Многие люди предпочитают сожительство и отказываются от регистрации брака из-за опасений за свою собственность. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации, собственность, приобретенная во время брака, считается совместной собственностью супругов даже тогда, когда один из них в это время не имел никакого личного дохода. После развода эта собственность должна делиться между бывшими супругами. Супруги могут заключить брачный договор, который предусматривает раздельную собственность. Автор предлагает сделать заключение брачного договора обязательным. По его мнению, это увеличит число браков и уменьшит число сожительств. Выводы автора основаны не только на изучении истории семейного законодательства в СССР и постсоветской России, но и на анализе данных социологических исследований.

Ключевые слова: законный брак, развод, неженатые пары, сожительство, прекращение отношений, законные супруги, сожители, раздел совместной собственности бывших сожителей, брачный контракт

Многие люди в России, как и в других развитых странах, предпочитают сожительство законному браку. Отказ от регистрации часто связан

---

[1] © Синельников А. Б. Текст. 2018.

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» № 18–011–01037.

с недоверием к сожителям и опасением лишиться квартиры или другой ценной собственности в случае развода.

Сенатор от Владимирской области в Совете Федерации А. В. Беляков предложил ввести в Семейный кодекс поправку, согласно которой имущество, приобретенное сожителями, состоящими в «фактических брачных отношениях» не менее пяти лет (а если у них есть хотя бы один общий ребенок, то не менее двух лет), считалось совместно нажитой собственностью. Это означает, что после разрыва отношений между ними оно подлежит разделу, как между бывшими супругами. Эта законодательная инициатива ставит знак равенства между сожительством и зарегистрированным браком [1]. Однако, в отличие от законных супругов, сожители сами дистанцируются от государства, чтобы оно не вмешивалось в их отношения. Значит, они не вправе рассчитывать на это вмешательство и сами должны отвечать за отказ от регистрации брака. Когда мужчина не хочет жениться на своей подруге, она не в силах принудить его к браку. Но и он не может заставить ее жить вместе с ним без регистрации в загсе, если она категорически против этого. Сожительство, как и брак, возможно только по взаимному согласию. Однако, в отличие от брака, оно не создает никаких обязательств, кроме обязанности отцов платить алименты на детей, рожденных вне брака. Но отцы платят алименты и на детей, родившихся от случайной связи, когда никакого сожительства не было.

Предложение А.В. Белякова имеет прецеденты в семейной политике двух первых десятилетий советской власти. В 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Кодекс уравнял в правах детей, рожденных в браке и вне брака. Незамужние матери получили право требовать алименты с отцов своих детей. Новый Кодекс законов о браке, семье и опеке, принятый в 1926 г., закрепил это право на более выгодных для матерей условиях. Если ребенок рождался у женщины, не состоящей в зарегистрированном браке, то она при получении свидетельства о рождении указывала в загсе адрес мужчины, которого считала отцом. Ему посылали извещение по почте. Если в течение месяца он не заявлял протест, то с него начинали взыскивать алименты — 1/3 зарплаты. В противном случае ему приходилось доказывать в суде, что он не является отцом. Если женщина не указала имя отца ребенка при регистрации рождения, то и после этого она могла обратиться в суд с иском об установлении отцовства, причем никаких доказательств от нее не требовалось.

Во всем цивилизованном мире понятие «брак» связано с «презумпцией отцовства мужа». Если ребенок рожден замужней женщиной, то «по умолчанию» отцом считается ее супруг. Если он не признает свое отцовство, то должен доказать, что отцом является кто-то другой. До появления генетической экспертизы это было очень сложно. Если же ребенок рожден незамужней женщиной, то она должна доказать в суде, кто именно

является отцом, либо этот мужчина сам признает свое отцовство. Но советская власть изменила эти законы.

В одном судебном решении 1920-х годов по делу об установлении отцовства было написано: «хотя истица и не доказала своего иска, но, учитывая ее забитость и тупоумие, ответчик должен быть признан отцом ребенка» [2, с. 29]. Другой иск удовлетворили на том основании, что «должен же кто-нибудь содержать ребенка» [2, с. 29]. Высшая судебная инстанция страны закрепила подобную судебную практику. В инструктивном письме Верховного Суда РСФСР от 11 июня1929 г. было указано: «отказ в иске на том основании, что истица иск не доказала, совершенно недопустим» [3, с. 17]. Некоторые матери указывали в загсе не настоящих отцов, а мужчин с очень высокой зарплатой, чтобы получать такие алименты, на которые можно было жить, не работая. Этих женщин называли «алиментщицами».

До 1944 г. законодательство ставило любого мужчину, не согласного с тем, что какая-то посторонняя женщина голословно объявила его отцом своего ребенка, в положение обманутого мужа, который не верит в верность жены и пытается оспорить отцовство. Это приравнивало сожительство и даже случайную связь к законному браку с общими детьми.

В 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке признал «незарегистрированным браком» даже сожительство без общих детей и запретил мужчинам и женщинам, состоящим в таком неоформленном союзе, регистрировать брак с третьими лицами. Если мужчина ушел от своей сожительницы, чтобы вступить в зарегистрированный брак с другой женщиной, то сожительница могла обратиться в суд и заявить, что он уже женат.

Доказательством фактических супружеских отношений обычно считались показания соседей о том, что пара жила вместе и вела общее хозяйство. В то время подавляющее большинство населения проживало в селах или в небольших городах. В больших же городах почти все жители ютились в коммунальных квартирах. В свидетелях не было недостатка. Если суд признавал их отношения браком, то для вступления в другой брак требовался развод, после которого приходилось делить имущество с бывшей «фактической супругой». Решить эту проблему было столь же трудно, насколько легко было развестись.

Согласно тому же кодексу, брак, даже при наличии общих несовершеннолетних детей, расторгался вообще без суда, прямо в загсе, по заявлению одной стороны. Для развода не требовалось объяснять его причину, доказывать вину другой стороны или получать ее согласие на расторжение брака. Еще раньше, чем был принят этот кодекс, сложилась практика «заочного развода». Один из супругов подавал заявление в загс, платил небольшую пошлину и тут же получал на руки свидетельство о разводе. Нередко это происходило даже без ведома другого супруга, которому просто сообщали по почте о разводе как о свершившемся факте. При таких порядках расторгнуть брак было не труднее, чем прекратить сожительство.

Французский юрист Р. Саватье писал: «Институт (брак), называемый так в советском кодексе, не есть брак, потому что сексуальный союз, даже объявленный, который не предполагает ни долга, ни верности, ни обязательности совместной жизни, который любой из супругов может разрушить по своей воле и дети которого ничем не отличаются от детей другого союза — так как статья 133 кодекса уничтожает все различия между так называемым внебрачным и законным родством, — такой союз не есть брак» ([4, p. 523, цит. по: [5, с. 154]). Р. Саватье имел в виду кодекс 1918 г. Применительно же к кодексу 1926 г., который полностью свел на нет все различия между браком и сожительством (даже без общих детей), его точка зрения еще более правомерна. Однако в то время большинство советских людей придерживались гораздо более традиционных представлений о браке и семье, чем руководство страны, которое приняло эти законы.

Статья Р. Саватье вышла в свет в конце 1936 г., т. е. уже после того, как советская власть стала корректировать свою семейную политику в более консервативном направлении. Летом 1936 г. были запрещены аборты (кроме прерывания беременности по медицинским показаниям) и изменена процедура развода — требовалось, чтобы оба супруга явились в загс. Пошлина за расторжение брака была увеличена, а при повторных разводах ее размер повышался. О каждом браке и разводе стали ставить штамп в паспорт. Это правило действует до сих пор. Но сожительство, которое можно было прекратить без уплаты пошлины и штампа в паспорте, по-прежнему приравнивалось к зарегистрированному браку.

В годы Великой Отечественной войны у многих солдат и офицеров появлялись так называемые фронтовые жены, а нередко и дети от них. Многие мужчины фактически имели по две семьи — одну в тылу, другую — на фронте. Приравнивание сожительства к зарегистрированному браку и презумпция правоты женщин при установлении отцовства шли на пользу фронтовой подруге и ее ребенку. Однако все это создавало сложные проблемы для «тыловой» жены и ее детей.

В наше время миллионы трудовых мигрантов годами работают в Москве, Санкт-Петербурге и других мегаполисах, время от времени навещая свои семьи, живущие в российской «глубинке» или в других странах СНГ. Если мигрант создал вторую семью при наличии первой законной жены, а потом распалась и эта новая семья, то его бывшая «гражданская жена» не может требовать раздела совместно нажитого имущества. По законопроекту А.В. Белякова, сожительство не должно приравниваться к законному браку, если хотя бы один из партнеров состоит в зарегистрированном браке. Но если обе «жены» мигранта — «гражданские» и с каждой из них он прожил не меньше пяти лет, то как надо делить имущество? Признание права на его раздел за обеими «гражданскими женами» узаконит многоженство: ведь их «муж» жил с ними одновременно, хотя и с перерывами.

Согласно Указу о браке и семье от 8 июля 1944 г. государство вновь стало признавать лишь зарегистрированные браки. Женщины, родившие вне брака, больше не имели права на судебное установление отцовства и, соответственно, на алименты. Если сам отец хотел признать и записать на свою фамилию внебрачного сына или дочь, то это разрешалось только после его женитьбы на матери ребенка. Но для этого, как правило, ему было необходимо развестись с первой женой. После войны в стране осталось очень мало неженатых мужчин. По данным переписи, проведенной в январе 1959 г., в СССР 95 % мужчин от 32 до 59 лет (поколения 1899–1926 годов рождения, принимавшие активное участие в военных действиях), были женаты. На 100 женщин тех же возрастов приходилось лишь 63 мужчины. Поэтому только 60 % этих женщин на момент переписи были замужем[1].

Чтобы мужчины не уходили беспрепятственно от своих жен к другим женщинам, указом от 8 июля 1944 г. был установлен исключительно судебный порядок расторжения брака (даже для супругов, не имеющих детей и согласных на развод) с предварительной публикацией в местной газете объявления о предстоящем бракоразводном процессе. В залах, полных публики, судьи выясняли у супругов причины развода и пытались примирить их. После первого судебного заседания мужу и жене давали время на размышление. Если истец и по истечении этого срока не отзывал заявление, то дело передавалось из районного или городского суда в областной суд, который в итоге и принимал решение о расторжении брака. Развод стал мешать продвижению по службе, особенно для офицеров, а также советских и партийных работников. Разведенные считались «морально неустойчивыми». Их неохотно посылали в командировки за границу. Эти негласные правила, не предусмотренные законодательством, действовали до эпохи «перестройки».

В эпоху «оттепели» после смерти Сталина советские законы стали смягчаться. В 1955 г. были вновь разрешены аборты по заявлениям женщин, у которых не было медицинских показаний для прерывания беременности, но они просто не желали иметь детей. В 1965 г. отменили как публикацию объявлений о предстоящих бракоразводных процессах, так и двухступенчатую процедуру рассмотрения дел о расторжении брака.

В 1969 г. был принят Кодекс о браке и семье (КОБС) РСФСР. При взаимном согласии на расторжение брака супруги, не имеющие общих детей до 18 лет, получили возможность разводиться без суда, т. е. прямо в загсе. Стало допускаться добровольное признание отцовства самими отцами в отношении детей, рожденных вне брака. Если отец и мать не подавали совместного заявления о регистрации рождения ребенка в загс, то со слов

[1] Рассчитано по: Демоскоп Weekly. Приложение. Справочник статистических показателей.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения СССР и союзных республик по полу, возрасту и состоянию в браке [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_mar_59.php (дата обращения 02.02.2018).

матери в свидетельство о рождении мог быть вписан «символический» отец. Его фамилия должна была совпадать с фамилией матери, а от его имени образовывалось отчество для ребенка. Это демонстрировало окружающим, что ребенок якобы рожден в браке, а его избавляло от позорного прочерка в графе «отец».

С этого времени отцовство могло быть установлено и по решению суда. Согласно статье 48 КОБС РСФСР, «при установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка или доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ответчиком отцовства» [6].

В 1996 г. вступил в силу ныне действующий Семейный кодекс РФ. При расторжении брака в загсе срок от подачи заявления до развода был уменьшен с 3 месяцев до одного, а в суде максимальный срок на примирение для супругов, один из которых возражал против расторжения брака, был уменьшен с 6 до 3 месяцев. Если же супруги, имеющие общих детей, разводятся в суде по взаимному согласию, то суд даже не выясняет мотивов развода (статья 23, пункт 1).

Согласно статье 49, посвященной установлению отцовства, «суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица». Прежде всего, имеется в виду генетическая экспертиза (ДНК-анализ).

При всех изменениях брачно-семейного законодательства после 1944 г. в нашей стране сожительство никогда больше не приравнивалось к браку. Законодательная инициатива А.В. Белякова, по сути, возвращает нас в те далекие времена, когда разрушение «старорежимной» семьи рассматривалось как революционная борьба против пережитков буржуазного образа жизни [7; 8, с. 24]. Но на практике борьба с традиционными семейными устоями была направлена против социального института семьи как такового.

Уравнение в правах сожителей с законными супругами создает эффект сообщающихся сосудов. Если соединить трубкой два сосуда, заполненных водой, то уровень воды в том сосуде, где он был ниже, повысится, а в том, где был выше, понизится. В итоге поверхность воды в обоих сосудах установится на одной высоте. Предоставление сожителям прав законных супругов повысит статус сожительства до уровня зарегистрированного брака, но статус брака при этом понизится до уровня сожительства. При этом регистрация брака может вообще лишиться смысла. Тем более, что развестись и в наше время не намного труднее, чем в первые годы советской власти. Один из супругов всегда может расторгнуть брак, даже если у них есть общие дети, а другой супруг ни в чем не виноват и не согласен на развод.

В Австралии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Испании, Канаде, Люксембурге, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии, Словении,

Франции, Чехии, Швеции и некоторых штатах США сожители, которые желают узаконить свои отношения в форме, отличной от брака, могут заключить договор о «гражданском союзе» (*civil union*). Во многих из этих стран такой союз дает практически те же права, что и законный брак, в отношении совместного владения собственностью, ее наследования, раздела и т. д. В некоторых странах *civil union* вначале предусматривались только как способ легитимации однополых отношений в форме, отличающейся от брака [9, с. 83–98]. Однако разнополые пары потребовали равноправия с однополыми (!) и добились этого. Тогда и однополые пары потребовали, чтобы им, так же, как и разнополым, разрешили вступать в брак. Их требование также было принято.

Основным преимуществом *civil union* по сравнению с браком является легкость расторжения «союза». Бракоразводные процессы бывают затяжными и дорогостоящими, а порой и скандальными, когда кто-то из супругов возражает против развода и (или) требуется доказать его (или ее) неверность, либо жестокое обращение с членами семьи. Если закон страны предусматривает подобные основания для развода, то доказать соответствующее поведение мужа или жены бывает весьма затруднительно и не всегда это вообще возможно.

В ряде стран, где разрешены *civil union* и даже однополые браки, до сих пор действуют строгие законы о разводе, принятые более ста лет тому назад и сильно затрудняющие расторжение брачного союза. Но договор о «гражданском союзе» расторгается по требованию одной из сторон без объяснения причин и без судебного разбирательства. В таких случаях, как и при заключении договора, требуется лишь помощь нотариуса.

Однако, если «гражданские партнеры» совместно приобретали какую-то собственность, то ее приходится делить так же, как и после развода. В этом аспекте *civil union* не лучше законного брака.

Наше бракоразводное законодательство — одно из самых либеральных в мире. Супруги без общих детей могут разводиться без суда, прямо в загсе. Для пар с детьми требуется судебная процедура, но это просто формальность. Развод давно стал морально приемлемым поступком. Но после него часто возникают сложные проблемы. Далеко не все отцы исправно платят алименты. Многие матери, особенно вступившие в повторный брак, не дают своим бывшим мужьям видеться с детьми. Процессы о разделе квартир и прочего имущества зачастую затягиваются на долгие годы. Поэтому у нас договор о «гражданском союзе» не имеет особого смысла. Расторгнуть его будет не намного легче, чем получить развод. Если же бывшие «гражданские партнеры» имели какую-то совместную собственность, то ее придется делить, нередко даже по решению суда, — так же, как это делают бывшие мужья и жены.

Заключение договора о гражданском союзе после того, как партнеры уже расстались, вряд ли возможно — это не в интересах одного из них. Если принять предложение А. В. Белякова, то фактические брачные отношения

можно будет признать только в судебном порядке, против воли одного из бывших сожителей и лишь после того, как эти отношения уже прекратились. К тому же большинство населения сейчас проживает в многоквартирных домах, жители которых мало знакомы друг с другом. Даже если соседи знают, что эта пара жила вместе, будет трудно доказать, что совместное проживание носило непрерывный характер.

По данным исследования «Религия, семья, дети», проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2003–2006 гг. (N = 1085), у 93 % респондентов семейный образ жизни в большой или в очень большой степени ассоциируется с наличием законного супруга. По этому показателю нет серьезных различий между верующими и неверующими. Несмотря на массовость «гражданских браков» и толерантное отношение к ним в обществе (по данным того же исследования, только 25 % респондентов считают сожительства совершенно неприемлемыми) [10, с. 58, 59, 67], основой семьи почти для всего населения все-таки остается законный брак.

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ, 46 % респондентов считают нормальным явлением совместное проживание мужчины и женщины без регистрации брака, хотя почти столько же (45 %) не одобряют отношения такого рода. Но при этом лишь 37 % опрошенных признают сожительство браком, а 56 % — не признают. Даже тогда, когда сожители имеют общих детей, только 42 % респондентов считают эти неофициальные союзы браком, а 48 % — не считают. 71 % опрошенных полагают, что рождению ребенка должна предшествовать регистрация брака [11]. Несмотря на широкое распространение сожительств, доля детей, родившихся в браке, среди всех новорожденных, по данным Росстата, увеличилась с 70 % в 2005 г. до 79 % в 2016 г.[1]

В 2012 году Федеральная служба государственной статистики (Росстат) провела выборочное наблюдение репродуктивных планов населения (далее — РПН-2012), охватившее 10 054 лиц (мужчин от 18 до 60 лет и женщин от 18 до 45 лет) в 30 субъектах РФ.

База микроданных РПН-2012 была размещена на одной из страниц официального сайта Росстата. Это дало возможность строить в режиме онлайн комбинационные таблицы по сочетанию ответов респондентов на несколько вопросов анкеты, а затем преобразовывать данные из этих таблиц в графическую форму.

Женщины, состоящие в незарегистрированном браке, значительно чаще, чем те, у которых есть законные супруги, вообще не имеют ни одного ребенка (рис. 1).

Число рожденных детей в расчете на 100 женщин к концу репродуктивного возраста (40–45 лет) составляет: у состоящих в зарегистрированном

[1] Расчет по: Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб./ Росстат. М., 2017. С. 68 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (дата обращения: 07.05.2018).

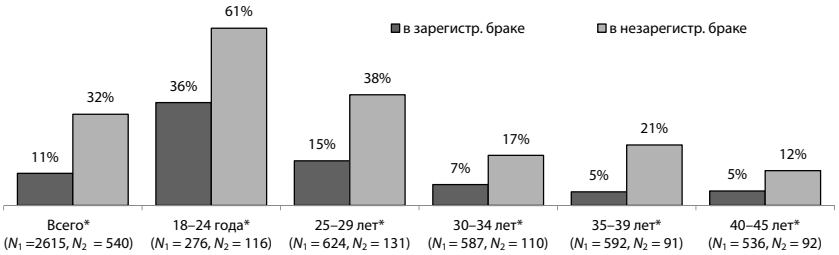


Рис. 1. *Доля никогда не рожавших в числе женщин данного возраста, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браках, %. Источник: расчеты по базе микроданных РПН-2012 (см. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2012 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 17.02.2018)). (N_1 — число женщин-респондентов данного возраста, состоящих в зарегистрированном браке; N_2 — число женщин-респондентов данного возраста, состоящих в незарегистрированном браке;*
** Различие между состоящими в зарегистрированном и незарегистрированном браках значимо при доверительном уровне $P \geq 0{,}95$)*

первом браке — 165; в незарегистрированном первом браке — 118; у никогда не состоявших в браке — 53, т. е. у каждой второй из них все же есть ребенок. Число детей на 100 женщин, состоящих в зарегистрированном повторном браке, — 195; на 100 женщин, состоящих в неофициальном повторном браке, — 159, а на 100 женщин, которые состояли в браке в прошлом, но не состояли в нем на момент опроса, — 134. Женщины, состоящие в неофициальном повторном браке, тоже находятся в промежуточной ситуации между теми, у кого этот брак зарегистрирован, и теми, которые после распада брака остались в одиночестве (с детьми или без них). Среднее число рожденных детей в расчете на 100 женщин, состоящих в законном повторном браке, больше, чем на 100 женщин, состоящих в законном первом браке (195 против 165). Та же ситуация имеет место у состоящих в незарегистрированном браке (показатель равен 159 на 100 повторных браков и 118 — на 100 первых браков). Но у тех, кто состоит в неофициальном повторном браке, на 100 женщин приходится меньше детей, чем в законном первом браке (159 против 165).

Данные РПН-2012 показывают, что сожительницы остаются бездетными значительно чаще, чем замужние женщины. Почти половина незарегистрированных браков (у мужчин — 50 %, у женщин — 46 %) являются повторными. Более половины (52 %) женщин-матерей с данным семейным положением имеют только одного ребенка. Почти все эти единственные дети (88 %) рождены не от нынешнего партнера, а от бывшего мужа или сожителя.

Приравнивание сожительства к браку понижает сам статус брака, а также статус социального института семьи, основанной на законном браке. Это лишает женатых мужчин и замужних женщин каких-либо

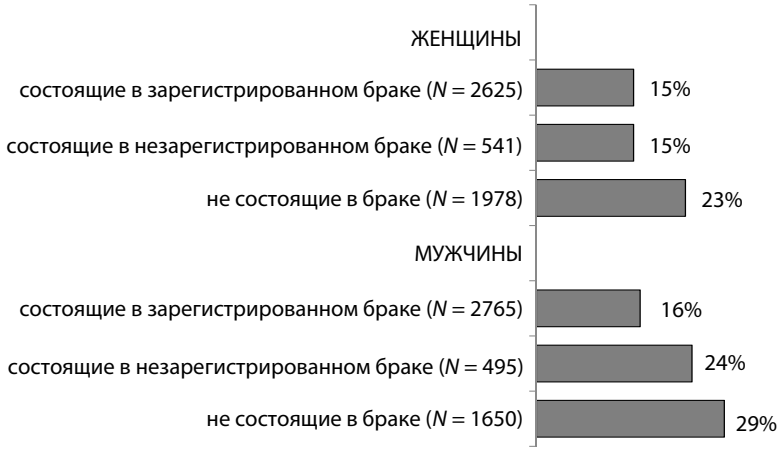


Рис. 2. *Доля респондентов, для которых очень важно быть свободными, независимыми и делать то, что хотят только они сами, в % к числу опрошенных данного пола и брачного статуса. Источник: расчеты по базе микроданных РПН-2012*

преимуществ перед сожителями, которые не имеют никаких взаимных обязательств и часто меняют партнеров. Демографическая политика, которая проводится в нашей стране с целью повышения рождаемости, не может быть достаточно успешной без повышения прочности и престижности законных браков.

Есть основания полагать, что многие сожители отказываются от регистрации брака, чтобы избежать семейных обязанностей, которые ограничивают их личную свободу и независимость. Но для кого более характерно такое поведение — для мужчин или для женщин?

В частности, анкета РПН-2012 содержит блок вопросов о значимости для респондентов достижения некоторых жизненных целей.

«Люди обычно хотят достичь в своей жизни определенных целей. Отметьте, пожалуйста, по пятибалльной шкале, насколько эти цели важны для вас лично (ответьте, пожалуйста, по каждой строке, имея в виду, что 1 балл означает «совсем не важно», а 5 — «очень важно»)».

Одна из этих целей определялась следующим образом: «*Быть свободной(ым), независимой(ым) и делать то, что хочу только я*».

Среди женщин, состоящих в зарегистрированном браке, только для 15 % очень важно быть свободными, независимыми и делать только то, что хотят они сами (они отметили цифру 5 по шкале от 1 до 5). Однако и среди женщин, состоящих в «гражданском» браке, такую цель тоже ставят себе те же самые 15 %. В то же время среди одиноких женщин, не состоящих ни в законном, ни в гражданском браке, эта доля составляет 23 %, т. е. почти в 1,5 раза больше. С учетом численности опрошенных в каждой из

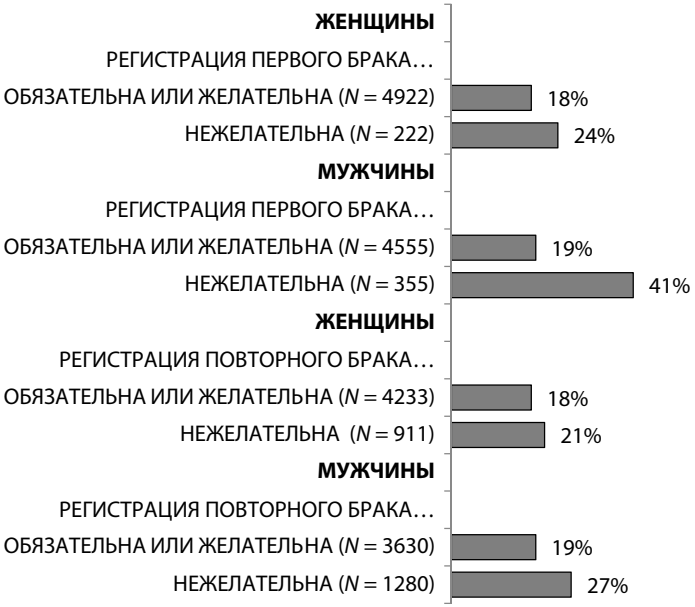


Рис. 3. *Доля лиц, ориентированных на личную независимость, в % к числу мужчин и женщин, считающих регистрацию первого и повторного брака обязательной (или желательной) либо нежелательной*

сравниваемых групп различия по данному показателю между одинокими и замужними женщинами статистически значимы.

Личная свобода и независимость очень важны для 16 % мужчин, состоящих в законном браке. У мужчин, состоящих в «гражданском браке», этот показатель заметно выше — 24 %. Разница между ними и женатыми статистически значима. Среди одиноких мужчин высоко ценят личную свободу и независимость 29 %. То есть, мужчины, состоящие в «гражданском браке», занимают промежуточное положение по признаку ценности личной свободы и независимости между женатыми и одинокими и даже несколько ближе к последним.

Однако ценность личной свободы для респондентов гораздо больше зависит от их принципиального отношения к регистрации брака, чем от их реального брачного статуса.

Достижение личной свободы и независимости является очень важной жизненной целью для 18 % женщин, считающих регистрацию первого брака обязательной или желательной, и для 24 % женщин, по мнению которых регистрировать даже первый брак нежелательно. Различие между этими группами невелико (6 %), но статистически достоверно ($t = 2{,}17$).

Иная ситуация у мужчин. Среди сторонников регистрации первого брака (ответы «желательно» или «обязательно») каждый пятый (19 %) считает

очень важной целью в жизни достижение личной независимости. Это почти совпадает с аналогичным показателем для женщин. Однако среди противников регистрации к личной свободе и независимости стремится почти половина (41 %), т. е. в два раза больше. Различие между сторонниками и противниками регистрации составляет 22 %, а его статистическая значимость бесспорна ($t = 7{,}89$).

Та же закономерность проявляется и в отношении к регистрации повторного брака, но в этом случае различия между группами заметно меньше, особенно у женщин. Среди сторонниц регистрации повторного брака ориентируются на личную независимость 18 %, а среди противниц — 21 %. Разница между группами невелика, но статистически значима ($t = 2{,}52$).

Среди мужчин — сторонников регистрации повторных браков считают личную независимость очень важной целью в жизни 19 %, а среди противников — 27 %. Значимость этого различия несомненна ($t = 5{,}99$).

Как среди мужчин, так и среди женщин доля противников регистрации повторных браков превышает показатели соответствующего отношения к законным первым бракам. Однако ориентация на личную свободу и независимость способствует неприятию законного брака вообще, независимо от его очередности. Эта ориентация является важным фактором негативного отношения мужчин к регистрации, как первых, так и повторных браков, но мало влияет на формирование аналогичного отношения к законному браку со стороны женщин.

В условиях сожительства личная свобода и независимость не может быть полной. Приходится все же принимать во внимание интересы сожителей, хотя и в меньшей степени, чем интересы законных мужей и жен [12, с. 59]. Однако многие люди согласны в какой-то степени ограничить свою личную свободу, пока они живут вместе с партнерами, но хотят сохранить за собой возможность вновь стать полностью независимыми в случае разрыва отношений.

Для законного брака такая возможность более проблематична. Если у супругов в совместной собственности есть квартира, которая слишком мала, чтобы на деньги от ее продажи можно было купить две другие квартиры, даже самые маленькие, то для кого-то из них, как правило для мужа, развод приносит личную свободу без крыши над головой. По данным переписи населения 2010 г., большинство российских семей из трех и более человек (как правило, это супруги с детьми) живет в домах и квартирах, где число комнат меньше числа членов семьи[1]. В случае распада семьи многие мужья имеют право на столь малую долю в квартире (меньше, чем на одну комнату), что это право никак нельзя использовать на практике,

[1] См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 томах. Том 9. Жилищные условия населения /Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. С. 52; Том 6. Число и состав домохозяйств /Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 21–24.

чтобы получить даже самое малогабаритное жилье. Нередко бывает, что муж просто уходит из квартиры, оставив ее целиком бывшей жене и детям.

Если же речь идет о «гражданских супругах», то квартира принадлежит тому из них, на чье имя она приобретена. Этот человек может разорвать отношения и вернуть себе полную свободу без последующего раздела жилья и прочего имущества. Если отнять у людей и такую возможность, то они будут не только отказываться от регистрации законного брака, но и не вступать в длительные сожительские отношения.

Согласно действующему законодательству РФ, все имущество супругов, совместно нажитое во время брака, считается общим. В случае расторжения брака оно должно быть разделено поровну, даже если один из них все это время имел намного меньший личный доход, чем другой, или вообще не имел никакого дохода. Суд может увеличить долю того из родителей, с кем остаются дети. Как правило, это мать.

Правда, Семейный кодекс РФ предоставляет супругам право заключить брачный договор, который определяет режим совместной, раздельной или долевой собственности на все их имущество или на его отдельные части (дом, квартира, земельный участок и т. д.). Но если жених предложит невесте подписать брачный договор, смысл которого, по ее мнению, состоит в отказе от претензий на его квартиру в случае развода, это может быть воспринято ею как чрезвычайно обидное недоверие и повлечь за собой разрыв отношений.

Поэтому число брачных договоров в нашей стране относительно невелико. В 2016 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 986 тысяч браков[1] и при этом заключено лишь 72 тысячи брачных договоров [13].

Наиболее адекватным решением проблемы могло бы стать не предоставление права заключать договор о «гражданском союзе», то есть об узаконенном сожительстве, а внесение поправки в Семейный кодекс о том, что перед регистрацией брака жених и невеста должны заключить брачный договор. Что обязательно, то не оскорбительно.

Брачные договоры (контракты) составлялись и до революции: закон этого не требовал, но допускал (как и теперь). Это было принято у богатых людей, которые имели, что терять. В СССР брачные контракты рассматривались как атрибут буржуазной семьи, не совместимый с советским образом жизни. А в Российской империи при составлении контрактов невесты опасались не столько развода, который тогда было очень трудно получить, сколько того, чтобы их будущие супруги не заложили или не продали их приданое. С той же целью заключались брачные контракты в католических странах Западной Европы еще в средние века, когда разводы там вообще не допускались.

[1] Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб./ Росстат. — М., 2017. — С. 50 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (дата обращения: 07.05.2018).

В этом аспекте брачные договоры актуальны и в наши дни. От режима совместной или раздельной собственности, предусмотренного условиями договора, зависит то, может ли один из супругов без согласия другого продать эту собственность или заложить ее в порядке обеспечения кредита. Если жених предлагает невесте (или она — ему) заключить брачный договор, это еще не означает, что он (или она) имеет в виду возможность развода в будущем.

Глава 8 Семейного кодекса РФ (статьи 40–44) целиком посвящена брачным договорам. Но в пункте 3 статьи 42 указано: «Брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства» [14]. Кроме того, согласно пункту 2 статьи 44 «суд может также признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение. Условия брачного договора, нарушающие другие требования пункта 3 статьи 42 настоящего Кодекса, ничтожны» [14].

Например, согласно брачному договору, квартира (которой у супругов пока что нет) должна принадлежать тому из супругов, на чьи деньги она будет куплена и на чье имя оформлена. Но после развода бывшая жена может заявить, что не имеет другого жилья и ей некуда уйти. Суд может с ней согласиться, и квартиру все-таки будут делить. На том же основании и муж может добиться раздела жилья. Мало кто из супругов имеет «запасное» жилье. Значит, большая часть брачных договоров может быть отменена.

Это резко снижает значение всей восьмой главы Семейного кодекса. Было бы весьма целесообразным исключить из статей 42 и 44 упоминания о «крайне неблагоприятных условиях», поскольку это весьма неоднозначное понятие. Должны ли прежние супруги в ущерб себе обеспечивать бывшим мужьям и женам условия лучше тех, которые у них были до вступления в брак? Выходом из положения может стать введение обязательной правовой экспертизы брачного договора до его вступления в силу. Если экспертиза подтвердит, что договор не ущемляет прав ни одной из сторон, то в дальнейшем он уже не должен оспариваться. Иначе он не будет иметь смысла.

Брак с обязательным заключением договора лучше сожительства без каких-либо обязательств. Заключение брачного договора, в отличие от договора о сожительстве, не противоречит самой идее брака. Права и обязанности супругов по умолчанию предусмотрены законом и моралью в связи с самой сущностью брачного союза. Договор позволяет уточнить

некоторые из них с учетом конкретных обстоятельств жизни данной пары (например, бизнеса одного из супругов, на который другой не должен претендовать после развода).

Если заключение брачных договоров станет обязательным, то люди, которым есть что терять, перестанут бояться регистрации в загсе, законных браков станет больше, а внебрачных сожительств — меньше.

Когда речь идет о социальной политике, то государство помогает семьям разных типов, а также одиноким людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Но меры демографической политики должны быть в первую очередь направлены на поддержку семей, состоящих из законных супругов с несколькими детьми. Только эти семьи способны обеспечить нормальное расширенное или хотя бы простое воспроизводство населения и правильное воспитание новых поколений. Следует предоставлять этим семьям определенные права и преимущества, а не стимулировать отказ от законного брака, который является оптимальной основой для нормальной семьи.

Список источников

1. *Голованов Р.* Сожительство хотят приравнять к официальным бракам // Комсомольская правда. Федеральный выпуск, 22.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/daily/26784/3818344 (дата обращения 23.01.2018).

2. *Иодковский А., Роднянский А.* Кодекс законов о браке, семье и опеке. — М., 1931.

3. *Бененсон С. Д.* Права матери и ребенка (установление отцовства и получение алиментов). — М., 1938.

4. *Savatier R.* Le communisme et le mariage // Revue catholique des institutions et du droit. — Novembre-desembre 1936. — P. 520–529.

5. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. — М.: Мысль, 1964.

6. Кодекс о браке и семье РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1969. — № 12. — Ст. 1086.

7. *Синельников А. Б.* Развод — революция в семье // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2010. — № 2. — С. 130–146.

8. *Синельников А. Б., Дорохина О. В.* Брак и развод в России с точки зрения формальных и неформальных социальных норм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. — 2015. — Т. 15. — № 3. — С. 21–28.

9. *Захаров С. В., Исупова О. Г.* Брачность и брачное состояние (Глава 2) // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — С. 83–98. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r12/sod_r.html (дата обращения: 08.11.2016).

10. *Синельников А. Б., Медков В. М., Антонов А. И.* Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). — М.: КДУ, 2009. — 288 с.

11. Брак и сожительство: ставим знак тождества? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. — № 3571. — 02.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923 (дата обращения: 07.05.2018).

12. *Вовк Е.* Практика сожительств в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. — 2006. — № 4. — С. 46–60 [Электронный ресурс]. URL: http://corp.fom.ru/uploads/socreal/30.pdf (дата обращения 24.02.2018).

13. *Занина А.* Что вписать в брачный контракт // Приложение к газете «Коммерсантъ» № 17 от 26.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3276492 (дата обращения: 12.08.2017).

14. Семейный кодекс Российской Федерации // Российская газета. — 1996. — 27 января. — № 17.

Информация об авторе

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, профессор социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кафедра социологии семьи и демографии (Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, дом 1, строение 33, социологический факультет; e-mail: sinelka@mail.ru).

Sinelnikov A. B.

Priority Support for Legal Spouses as a Principle of Demographic Policy

The author considers the proposal to give unmarried couples who have lived together for at least five years the same rights to common property of the family as legal spouses. After the breakup of the relationship, it is subject to division, as after divorce. From 1926 to 1944 Soviet laws recognized cohabitation as"unregistered marriage". But to obtain a divorce with the lawful spouse then it was as easy as to finish relationship with the cohabitant. An unmarried mother could declare any man as the father of her child without proof. If he could not prove that he was not a father, he had to provide for the child until adulthood. The elimination of differences between married and unmarried couples destroys the family as a social institution based on legal marriage. Family law has changed many times. The current Family code was adopted in 1995, but after 1944, the state recognizes only registered marriages. According to the author, equating cohabitation with marriage would result not only in the denial of marriage registration but also in the rejection of long-term cohabitation. Many people prefer cohabitation and refuse marriage registration because of concerns about their property. According to the Family code, property acquired during marriage is considered joint property of spouses even when one of them did not have any personal income at that time. After the divorce, the property must be divided between the former spouses. Spouses may conclude marital contract that provides for separate ownership. The author suggests to make the conclusion of the marital contract obligatory. In his opinion, this will increase the number of marriages and reduce the number of cohabitations. The author's conclusions are based not only on the study of the history of family law in the USSR and post-Soviet Russia, but also on the analysis of sociological research. Keywords: legal marriage, divorce, cohabitation, rupture of relations, legal spouses, cohabitants, partners, joint property of spouses, marital contract.

Keywords: legal marriage, divorce, unmarried couples, cohabitation, termination of relations, legal spouses, cohabitants, partition of joint property of former cohabitants, marital contract

References

1. Golovanov R. Cohabitation want to equate to official marriages / / Komsomolskaya Pravda. The Federal issue, 22.01.2018 [Electronic resource]. URL: https://www.kp.ru/daily/26784/3818344/ (accessed: 23.01.2018).

2. Iodkovsky A., Rodnyansky A. Code of laws on marriage, family and guardianship. — Moscow, 1931.

3. Benenson C. D. Rights of the mother and child (establishing paternity and obtaining child support). — Moscow, 1938.

4. Savatier R. Le communisme et le mariage // Revue catholique des institutions et du droit. — Novembre-desembre 1936. — P. 520–529.

5. Kharchev A. G. Marriage and family in the Soviet Union. Moscow: Mysl', 1964.

6. Marriage and Family Code of the RSFSR // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. — 1969. — No. 12. — St. 1086.

7. Sinelnikov A. B. Divorce — the Revolution in the Family // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18: Sociology and political science. — 2010. — No. 2. — P. 130–146.

8. Sinelnikov A. B., Dorokhina O. V. Marriage and divorce in Russia from the point of view of formal and informal social norms // Bulletin of the Saratov University. New series. Series Sociology. Political science. — 2015. — Vol. 15. — No. 3. — P. 21–28.

9. Zakharov S. V., Isupova O. G. Marriage and marital status (Chapter 2) // Population of Russia 2012: twentieth annual demographic report / resp. edited by A. G. Vishnevsky; NAT. research. University «Higher school of Economics». — Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 2014. — P. 83–98 [Electronic resource.] URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r12/sod_r.html (accessed: 08.11.2016).

10. Sinelnikov A. B., Medkov V. M., Antonov A. I. Family and faith in the sociological dimension (results of inter-regional and inter-confessional research). — Moscow: KDU, 2009. — 288 p.

11. Marriage and cohabitation: put the sign of identity? Press-bulletin of VCIOM № 3571. 02.02.2018 [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923 (date accessed: 07.05.2018).

12. Vovk E. Practice of cohabitation in Russia: prevalence, meanings, interpretations // Social reality. — 2006. — No. 4. — P. 46–60 [Electronic resource]. Access mode: http://corp.fom.ru/uploads/socreal/30.pdf (accessed: 24.02.2018).

13. Zanina A. What to write in the marriage contract // Annex to the newspaper «Kommersant» № 17 from 26.04.2017 [Electronic resource]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3276492 (accessed: 12.08.2017).

14. Family Code of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. — 1996. — January 27. — No. 17.

Author

Sinelnikov Alexander Borisovich — Professor, Doctor of Sociology, Moscow State Lomonosv University, Faculty of Sociology, Department of Family Sociology and Demography. (Russia, 119234, Moscow, Leninsky Gory 1–33, MGU, Faculty of Sociology; e-mail: sinelka@mail.ru).

УДК 316.348.32–053

Гусев А. В.

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ XXI ВЕКА. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ [1]

В статье описаны глубинные черты современной российской семьи на основании анализа общественного мнения, сделанного Национальной родительской ассоциацией. Автор показывает, что традиционные основы и ценности российской семьи играют значительную роль в жизни современных россиян.

Ключевые слова: семья, традиционные семейные ценности, функции семьи

Любая семья — это целая Вселенная, сложная, многогранная и трудно постижимая как для ее членов, так и для окружающих. Семья действительно сродни Космосу, ее изучение также жизненно важно для нашей жизни, как и изучение космического пространства и других тайн мироздания. Семья, с одной стороны, — древнейший устойчивый социальный институт, основа общества, а с другой стороны — динамично меняющееся явление, подверженное воздействиям бесчисленного количества различных факторов. Для общего повышения качества жизни, успешного воспитания детей необходимо выявление закономерностей, присущих черт, особенностей, ценностей, общих и индивидуальных черт современной семьи. При этом одинаково значимым является как научный, так и «народный», общественный взгляд, а также результат самооценки людьми своей семьи и отношения к семейным ценностям.

Парадокс в том, что затруднительно найти много людей, отрицающих семью и ее значение для жизни человека. Наше многоликое, расколотое, мозаичное общество порождает крайне разное понимание семьи. При этом очевидно, что значение ценности семьи находится где-то очень близко к понятию «национальная идея». И так же, как мы пока далеки от формулировки единой национальной идеи, далеки мы и от единого понимания и восприятия семьи. Хорошо это или плохо — трудно сказать однозначно.

Сейчас очень важно определять, совместными усилиями искать ориентиры, каждому человеку строить свою систему координат относительно семьи, опираясь на:

— знание фактов о семье, положительных примеров семьестроения;

— восприятие и включение в свою жизнь и мировоззрение позитивных образов семьи, лучших национальных традиций;

— постижение смыслов, связанных с семейной жизнью (чувств, этических ориентиров и нравственных норм).

Конечно, написать хотя бы приблизительно единый портрет семьи на фоне современной эпохи сложно. Слишком много различных и разнонаправленных факторов. Важно знать об отдельных ценностных и

[1] © Гусев А. В. Текст. 2018.

оценочных ориентирах, мировоззренческих установках, которые имеют место в нашем современном обществе. В этой статье я привожу наблюдения из опросов, проведенных Национальной родительской ассоциацией в 2016–2018 гг., а также опираясь на отдельные элементы из социологических опросов, опубликованных в 2017–2018 гг. крупнейшими российскими агентствами «Левада-центр», ВЦИОМ, Исследовательским центром «Ромир»[1] [1–6].

Предлагаю подтвердить гипотезу о том, что в современном российском обществе традиционные семейные ценности и элементы семейной жизни живы, активно транслируются и тиражируются. Среди этих ценностей:

— брак, заключаемый исключительно между мужчиной и женщиной;
— супружеская верность и взаимное уважение супругов;
— направленность семейной жизни на рождение и воспитание детей;
— уважение к авторитету и власти родителей в семье, признание их основополагающих прав в воспитании детей;
— защита семейной жизни от произвольного вмешательства извне.

Семейные ценности. Со значительным отрывом от остальных пунктов, обозначающих семейные ценности, респонденты отметили «уважение друг к другу» (заботиться, доверять, любить, выражать свои чувства и принимать чувства и предпочтения других) (27 %). На втором месте обосновалось «чувство значимости и необходимости» (21 %). На третьем — «честность и умение прощать» (чувство ответственности не только за себя, но и за других) (18 %). «Дети», как ценность и смысл, вопреки ожиданиям — только на 4 месте (15 %).

Интересно распределены ответы молодых граждан на вопрос «Что бы вы хотели перенести из своей родительской семьи в свою будущую семью?»[2] [2]. Наиболее популярны ответы:

— верность, взаимопомощь, понимание, умение быть веселым;
— растить детей правильно, уважать и любить;
— любовь и понимание, честность и уважение;
— честность, доброту, любовь к близким;
— отличные отношения с мамой;
— мудрость и терпение моей матери;
— верность слову, делу, долгу;
— позитив, любовь к чтению;
— тепло, уют, доброту;
— уважение друг к другу, заботу и любовь, радость;
— доверие, доброту, честность;
— честность и понимание;
— любовь, заботу;

[1] См. https://rossaprimavera.ru; http://molod.vbglenobl.ru/news/opros-na-temu-semya-v-sovremennom-obshchestve; https://wciom.ru; https://lenta.ru; https://regnum.ru; https://nra-russia.ru.

[2] См. http://molod.vbglenobl.ru/news/opros-na-temu-semya-v-sovremennom-obshchestve.

— хорошее отношение друг к другу, порядочность;
— отношение членов семьи друг к другу;
— тепло и уют, семейные походы;
— дружбу между членами семьи;
— мамину заботу;
— наши мужские разговоры;
— мужское уважение друг к другу.

Понятие «семья» в восприятии наших сограждан всё более связывается с уровнем счастья. Когда мы спрашиваем счастливых россиян, почему они счастливы, один из первых ответов, которые они дают: «Потому что есть семья, потому что семья поддерживает». В той или иной степени большинство россиян считает, что залог счастья — это наличие семьи.

Семейные ссоры. Ссоры, их причины и последствия — яркий индикатор семейных ценностей «в действии». Основными причинами семейных ссор у россиян являются нехватка денег (37 % опрошенных) и отсутствие взаимопонимания (32 %). Также конфликты между родственниками возникают из-за распределения домашних обязанностей (28 %), решения вопроса, кому определять, на что тратить деньги (16 %), и проблем с детьми (15 %). При этом около четверти опрошенных (26 %) никогда не ссорятся. В то же время три процента граждан скандалят с домочадцами почти каждый день, восемь процентов — раз или два в неделю, а в 21 % семей конфликты возникают один или несколько раз в месяц.

В ходе семейных ссор практически никогда не позволяют себе оскорблять оппонентов 42 % респондентов, 39 % делают это редко. В то же время 13 % россиян используют грубую брань в споре часто. Большинство опрошенных (82 %) не поднимают руку на родственников. Однако 12 % женщин и 7 % мужчин рассказали, что в их жизни были случаи побоев со стороны партнера. Половина конфликтов происходит между супругами. Около 18 % россиян ссорятся со своими детьми, 16 % — с родителями.

Представления россиян об идеальном распределении ролей в семье меняются очень быстро: еще в 2009 году только 34 % говорили, что решают судьбу семьи вместе, в 2018-м — уже подавляющее большинство. Представители семейных пар говорят о совместной организации досуга, о совместной покупке продуктов, о подарках друзьям, занятиях с детьми, управлении бюджетом и материальном обеспечении семьи.

Несмотря на то, что в целом наши соотечественники считают необходимым почти во всех семейных обязанностях участие и мужчин, и женщин, есть такие сферы, в которых, по мнению респондентов, равноправие не нужно. К чисто женским обязанностям сегодня относят стирку белья. По мнению россиян, это исключительно женская задача. На плечи жен и матерей эту функцию возлагают в 72 % семей. К чисто мужским 67 % респондентов причисляют мелкий ремонт по дому. Про ряд функций россияне говорят, что хорошо бы делать совместно, но реально очень большую

долю работы по-прежнему на себе несут женщины — это глажка, готовка, уборка, то есть самые энергоемкие виды домашнего труда.

Наибольшее гендерное равенство в российских семьях наблюдается по одному из самых острых вопросов — финансовому, хотя выше все-таки согласие в вопросе организации досуга.

Одним из показателей консерватизма взглядов относительно семьи является восприятие понятия «глава семьи». Только один процент россиян считает женщину достойной быть главой семьи. Но при этом респонденты сами не смогли бы сформулировать, кто такой глава семьи и чем он должен заниматься. Возможно, потому что в целом россияне перестают нуждаться в необходимости, при которой в семье есть однозначный глава. Ведь большинство россиян и мужчину перестают воспринимать главой семьи. Людей, которые считают, что мужчина — глава семьи, меньшинство. Их всего 16 %. Нужен ли семье глава — вопрос все более неуместный. За равноправие выступили 82 % опрошенных, а в реальности принимать важные решения совместно хотят уже 72 %.

Причины создания семьи. На первом месте среди причин создания семей вполне объяснимо признан фактор «продолжение рода и воспитание детей» (41 %), а вот на втором месте достаточно уверенно обосновался эмоциональный фактор — «Потому что позволяет людям, сплоченным общими интересами, больше времени проводить вместе» (27 %). Помимо этого, респонденты предложили свои варианты: «наполнение жизни новыми красками и смыслом» или более прагматичные «неспособность жить самостоятельно», «так проще жить».

Хозяйственная (экономическая) функция семьи. По мнению половины опрошенной молодежи 18–27 лет, задачей семьи является воспроизводство населения и его духовно-нравственное воспитание (по 28 %). Лишь менее 10 % респондентов упомянули материально-бытовую сторону вопроса. Семья, с одной стороны, перестает быть источником повседневного пропитания. Но при этом семья всё активнее начинает исполнять функцию обеспечения глобальной экономической стабильности, своеобразного стабилизатора устойчивости ее членов в бурных морях периодически наступающих экономических кризисов. В конце 2014 — начале 2015 года был отмечен колоссальный рост внимания россиян к своей семье, признания ее огромной ценности. Такие же всплески повышения ценности семьи происходили и в период кризиса 2008–2009 гг. Столкнувшись с экономическими проблемами, россияне остро почувствовали необходимость не только финансовой, но и психологической поддержки, и крайне остро осознали, как важна семья. Важным оказывается «чувство локтя», внушающее членам семьи уверенность в завтрашнем дне. Таким образом трансформируется экономическая функция.

Жизнеохранительная функция семьи. Основным защитником детей граждане считают семью или ближайших родственников, в этом единодушны 44 % опрошенных. Такое мнение лидирует с большим отрывом,

следующими по значимости защитниками интересов детей были названы дошкольные и школьные учреждения (9 %), государство и закон (8 %).

Коммуникативная функция семьи. Для этой важнейшей функции семьи показательно то, что почти половина опрошенных (49 %) указывает на негативное влияние мобильных технологий на семейные отношения. Пятая часть респондентов (21 %) считает, что все это никак не влияет, 22 % полагают, что современное интернет-пространство позитивно влияет на жизнь семей, а 8 % отметили и плюсы, и минусы развития мобильных технологий.

Воспитательная функция семьи. Меняется модель отцовства и материнства, при которой включение матери в процесс воспитания детей было обязательным, а отца — факультативным. Мы знаем, что семь лет назад только 29 % россиян говорили, что делят поровну ответственность за детей. Сегодня это число в два раза больше: 59 % семей делят поровну эту обязанность, при том, что 88 % мечтают о равноправии в этой сфере. По мнению респондентов, отцовское воспитание формирует в ребенке уважение к женщине (41 %), мужество и отвагу (32 %), ответственность (30 %), трудолюбие (16 %) и целеустремленность (11 %).

Репродуктивная функция семьи. Принципиально осуждают операции по прерыванию беременности четверть опрошенных (26 %). Тех же, кто не считает подобные действия предосудительными, немного больше (28 %).

Нынешнее время как благоприятное для рождения детей оценивают 42 % россиян. Интересно распределение этого оценочного мнения по возрасту: так считает практически половина людей в возрасте от 45 лет, при этом только 34 % россиян в возрасте от 25 до 34 лет назвали текущий период хорошим для деторождения. Еще меньше опрошенных в возрасте от 18 до 25 лет согласны с положительной оценкой возможностей для рождения детей в современном дне — 27 %. Однако в целом за 10 лет показатель вырос (в 2008 г. таких респондентов было 25 %).

Главными препятствиями для рождения детей они назвали небольшой размер детских пособий (24 %), недостаток детских садов (21 %), бедность (15 %) и низкий уровень медицины (14 %).

По мнению 51 % россиян, наиболее подходящий возраст для вступления в брак — с 18 до 24 лет. Каждый третий опрошенный назвал оптимальным возраст с 25 до 29 лет. 6 % россиян считают, что не стоит регистрировать отношения до 30 лет. Лишь 1 % респондентов поддерживает вступление в брак до наступления совершеннолетия.

При этом 60 % опрошенных женщин полагают, что вступать в брак лучше всего в возрасте до 24 лет. Эту точку зрения поддерживают 40 % мужчин. Такое же число респондентов мужского пола предпочли бы начать жить в браке с 26–29 лет.

Порядка 43 % считают, что в семье должно быть двое детей, еще 34 % — трое. 9 % россиян назвали идеальной семью с одним ребенком. 10 %

уверены, что детей в семье должно быть более четырех при наличии материальных возможностей.

В нынешних жизненных обстоятельствах подавляющее большинство респондентов (79 %), уже имеющих детей, не готовы к рождению еще одного ребенка. Но при этом за 12 лет доля россиян, которые хотели бы иметь четырех или более детей, удвоилась и составляет 14 %. Подобная тенденция отмечается одновременно с ростом доли тех, кто сознательно отказывается от продолжения рода (от нуля до шести процентов).

Значительное число граждан (40 %) по-прежнему считает идеальной модель двухдетной семьи. То, что дети должны рождаться в браке, — мнение более 70 % граждан России.

Сексуальная функция. Большая часть жителей России негативно относится к супружеским изменам, 64 % выступают за традиционную ценность верности, считая, что измена невозможна, 12 % допускают измены в браке. Следует отметить, что доля ярых противников супружеских измен среди россиян удвоилась за последние четверть века и достигла 52 %.

Каждый второй россиянин с пониманием относится к сожительству до брака. Треть респондентов назвали добрачное сожительство недопустимым.

87 % наших соотечественников считают многобрачие недопустимым для русских. 8 % опрошенных допускают подобную возможность. При этом 33 % респондентов позитивно относятся к идее разрешить многоженство для мусульманских народов России. 58 % считают эту форму брака недопустимой даже в исламе.

Отношение к регистрации брака как индикатор семейных ценностей. В России отношение к совместному проживанию мужчины и женщины без штампа в паспорте становится более толерантным. Так, 46 % граждан считают, что гражданский брак — это нормально (среди не состоящих в браке — 56 %). С другой стороны, 45 % опрошенных не одобряют подобные отношения (55 % среди 60-летних и старше, 52 % среди женщин против 38 % среди мужчин).

56 % жителей России не признают сожительство браком. Среди респондентов, состоящих в законном браке, таких 60 %, среди незамужних/неженатых — 50 %. Противоположного мнения придерживаются 37 % граждан.

Что касается пар, имеющих детей, то по мнению 48 % опрошенных в этом случае нельзя считать отношения мужчины и женщины браком, 42 % полагают, что можно.

На сегодняшний день против инициативы признать незарегистрированные отношения браком высказываются 50 % жителей России. Обратного мнения придерживаются 38 % опрошенных.

Можно ли как-то охарактеризовать в целом модель российской семьи? Считать ее традиционной или уже нет? Подтвердилась ли высказанная гипотеза? Приведенные факты и данные, являясь лишь отдельными характеристиками современной семьи, не позволяют сделать

исчерпывающих выводов, но являются интересной информацией к размышлению. Размышлению для дальнейшего постижения тайны под названием Семья…

Информация об авторе

Гусев Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, ответственный секретарь Координационного совета общероссийской общественной организации «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей» (Россия, 119048, г. Москва, ул. Усачёва, 64; e-mail: gusev-75@bk.ru).

Gusev A. V.

Russian Family of the 21st Century. Strokes to the Portrait

The article describes a set of a modern Russian family characteristics, based on the analysis of public opinion, arranged by the All-Russian National Parents Association. The author outlines a traditional baseline and values of a Russian family, playing an important role in the modern Russian nation live.

Keywords: family, traditional family values, family function.

Author

Gusev Alexey Vladimirovich — Ph. D. of History, chief executive Coordination Council of All-Russian public organization «National Russian Association of the social support of the family and protection of family values“ (Russia, 119048, Moscow, Usacheva Str., 64; e-mail: gusev-75@bk.ru).

УДК 314.154(470.12)

Калачикова О. Н.

КОНФЛИКТ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ И ОБЯЗАННОСТЕЙ: «ТРОЙНАЯ ЗАНЯТОСТЬ» ЖЕНЩИН КАК ИСТОЧНИК НЕСТАБИЛЬНОСТИ БРАКА[1]

В работе показаны тенденции разводимости и распространенности сожительств как проявлений девальвации института брака. В качестве одной из причин неудовлетворенности браком, относительно более высокой инициативности женщин в расторжении союзов, выступает конфликт ожиданий, продиктованных социальным стереотипом и реальной организацией семейной жизни. Сохраняются представления о ролях и обязанностях жены как матери, хранительницы очага, ведущей домашнее хозяйство и заботящейся обо всех членах семьи, и мужа-хозяина, добытчика, обеспечивающего материальный достаток и безопасность семейства. В то же время в большинстве союзов женщины вносят равный с мужчинами вклад в финансовое благополучие семьи, но при этом не делят с мужьями бытовые обязанности и воспитание детей. Показано, что наблюдается постепенная трансформация представлений: молодежь в большей степени ориентирована на паритетное распределение ролей и обязанностей.

Ключевые слова: девальвация брака, развод, социальный стереотип, гендерные роли, семейные обязанности, тройная занятость женщин

О том, что в российском обществе наступил период серьезных трансформаций организации семейной жизни, ведущие демографы писали еще в прошлом веке. Ряд изменений в области репродукции (повышение возраста вступления в брак, регулирование детности, «старение» материнства, распространение сожительств, внебрачных рождений) определили как «тихую революцию» [6, 10], а девальвация легитимного брака стала ярким признаком кризиса семьи [1]. Пройдя этапы от полного запрета до расторжения брака по немотивированному желанию одного из супругов [7, 8], развод стал обыденным явлением, не порицающимся обществом. Динамика коэффициента разводимости с конца XX — начала XXI века имеет «пики» середины 90-х и начала 2000-х гг., спады — 1998 и 2005 гг. Однако соотношение брачности и разводимости остается неблагоприятным и свидетельствует о нестабильности браков россиян (рис.).

При этом развод не перестал быть личной драмой и травмирующим событием для членов распавшейся семьи. В определенной степени ради избегания этого варианта жизненного сценария появились новые формы партнерских отношений, в частности — сожительства. Показателем

[1] © Калачикова О. Н. Текст. 2018.

Исследование выполнено за счёт средств гранта РНФ, проект № 16–18–00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

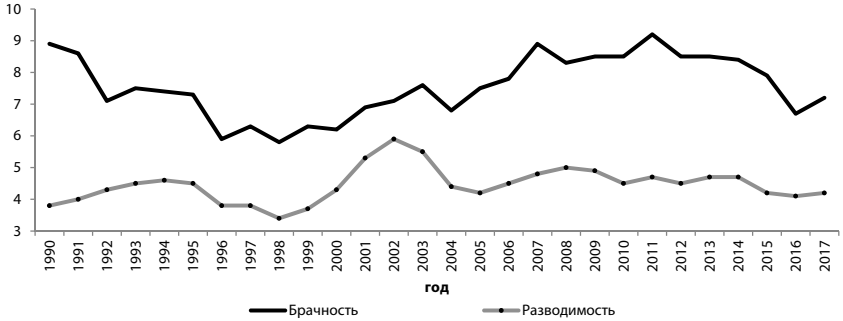


Рис. *Коэффициенты брачности и разводимости в России (на 1000 чел. населения)*

«признания» сожительств может считаться включение вопроса о статусе брачного союза граждан в анкету переписи населения в 2002 г. («Является ли Ваш брак зарегистрированным?»). Перепись показала, что в период ее проведения 9,7 % всех заявленных партнерских союзов были незарегистрированными (всего в браке состояли 57 % россиян)[1]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 87 % россиян официально зарегистрировали свои отношения, 13 % сожительствовали[2]. По данным микропереписи 2015 года, соотношение официальных и неофициальных браков изменилось в пределах 0,5 %[3]. За межпереписной период доля сожительствующих увеличилась незначительно — на 3 %, существенных гендерных отличий не обнаружено.

Согласно данным мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области[4], в общественном сознании сохраняется предпочтение официального брака. За период исследования (2005–2017 гг.) доля предпочитающих легитимный союз колебалась в пределах 66–71 %, доля отдающих предпочтение сожительству снизилась почти в 2 раза — с 21 до 11 %. Традиционно среди предпочитающих отношения без регистрации больше молодежи, чем представителей других возрастных групп, и мужчин, чем женщин, и распространена малодетность (среднее ожидаемое число детей 1,49 против 2,01 у предпочитающих брак по данным на 2017 г.).

[1] Итоги Всероссийской переписи населения — 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13.

[2] Итоги Всероссийской переписи населения — 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html.

[3] Итоги микропереписи населения-2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

[4] Мониторинг репродуктивного потенциала населения осуществляется ФГБУН ВолНЦ РАН с 2005 г. на территории Вологодской области, метод — раздаточное анкетирование, выборка квотная по полу и возрасту, с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Ошибка выборки — не более 5 %, $N = 1500$ человек.

Таблица 1

Регистрация браков в РФ

Год вступления в данный брак	Доля браков, начавшихся с регистрации, %				Средний интервал времени между вступлением в брак и его регистрацией по тем бракам, где регистрация откладывалась (месяцев)			
	Первый брак		Повторный брак		Первый брак		Повторный брак	
	Жены	Мужья	Жены	Мужья	Жены	Мужья	Жены	Мужья
До 1990	71,6	77,6	...	...	11,3	8,6	...4)	...
1990–1994	68,0	69,3	...	...	26,0	25,6	...4)	...
1995–1999	66,7	64,1	20,0	33,3	27,0	26,0	...4)	...
2000–2004	57,1	56,9	6,7	11,1	30,0	27,9	31,2	40,6
2005–2009	49,5	49,0	25,0	52,9	11,4	11,3	10,1	...

... — Показатель не приводится из-за того, что он рассчитан для совокупности менее 10 респондентов.

Источник: Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 году / Росстат URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html.

Характерной особенностью современного этапа эволюции семейных отношений является откладывание заключения брака. По данным Выборочного исследования репродуктивных планов населения Росстата[1], доля браков, начавшихся с регистрации, в первом десятилетии XXI века снизилась почти в 2 раза по сравнению с периодом до 1990 г. (табл. 1), примерно половина браков начинается с «репетиции» совместной жизни.

При этом доля и мужчин и женщин, считающих необязательной регистрацию брака при наступлении беременности и рождении ребенка, весьма представительна (суммарно оба варианта: 55 % у мужчин и 47 % у женщин) и за период между волнами обследования 2012 и 2017 гг. еще увеличилась, достигнув 60 % (табл. 2). Немалую роль в этом сыграло изменение порядка регистрации рождения ребенка по совместному заявлению родителей и таким образом признанию отцовства без заключения брака. Внебрачная рождаемость, как продукт сожительств, составляет примерно треть всех рождений. Такая ситуация сохраняется с 2000-х годов. С 2006 г. наблюдается снижение доли детей, родившихся вне брака, с 28 до 21 % в среднем по России, однако это в 2 раза больше соответствующего показателя в 1990 г.

Удлинившийся период достижения социально-экономической зрелости, а также распространение контрацепции, способствовали тому, что наряду с браком «постарело» и материнство. Средний возраст матери при рождении первенца в период до 1990 года составлял 19,1 года, в 2015–2017 гг. — 26,1 г.

[1] Выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 году // Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html.

Таблица 2

Условия регистрации брака, % опрошенных

Год исследования	Условие	Вариант ответа							
		Да, обязательно		Да, желательно		Нет		Трудно сказать	
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
2012	При отсутствии беременности	18,8	20,0	18,6	23,7	39,8	34,0	22,8	22,4
	В случае беременности	34,7	36,4	19,0	23,7	28,7	26,2	17,6	13,7
	При рождении ребенка	44,6	45,1	13,7	19,6	26,1	21,4	15,6	13,9
2017	При отсутствии беременности	18,1	16,4	21,6	24,4	41,7	38,5	18,5	20,7
	В случае беременности	31,8	30,9	21,7	25,8	33,3	29,1	13,2	14,1
	При рождении ребенка	38,0	35,8	14,5	19,5	33,1	28,9	14,4	15,8

Каковы же представления населения о браке, его основах, организации семейной жизни, как распределены роли и обязанности на самом деле и к чему это ведет — эти вопросы были включены в очередной этап мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области.

По мнению вологжан, основой брака являются любовь и уважение друг к другу. Так считают около 70 % респондентов. На третьем месте — финансовое состояние и здоровье партнера (по 28 %).

Вступление в брак предполагает приобретение новых социальных ролей (мужа или жены) и семейных обязанностей. От того, соответствует ли действительность ожиданиям, зависит и удовлетворенность браком. В целом, она довольно высока — 60 % состоящих в браке удовлетворены им определенно и примерно 20 % — «скорее да, чем нет». Говоря о ролях мужа и жены, вологжане продемонстрировали стереотип патриархальной семьи, где супруга — мать, любовница, хранительница очага, хозяйка, друг; муж — отец, сексуальный партнер, защитник, хозяин, глава семьи и добытчик (табл. 3). При этом факт выполнения роли главы семьи и добытчицы для жен существенно превышает представления. Это подразумевает вероятность наличия когнитивного диссонанса у женщин, которым приходится выполнять «мужские» роли.

Вместе с тем можно предположить и то, что существует часть женщин, которые условно поменялись ролями с мужем и принимают как данность ситуацию гиперответственности за семью. Согласно результатам опроса

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «*Укажите, какие роли в браке, на Ваш взгляд, должны выполнять супруги и какие выполняют в реальности*», % респондентов в Вологодской области

Роль	**Должна выполнять соответствующую роль**	**Выполняет данную роль**
Матери	88,1	87,8
Сексуальной партнёрши	81,8	81,3
Хранительницы «очага»	79,1	79,1
Хозяйки	78,4	78,9
Главы семьи	19,1	54,7
Добытчицы	20,9	58,5
Друга	57,5	59,2
Роль	**Должен выполнять соответствующую роль**	**Муж выполняет данную роль**
Отца	65,4	83,4
Сексуального партнёра	60,7	81,4
Защитника	62,2	76,6
Хозяина	56,9	71,8
Главы семьи	42,9	75,2
Добытчика	45,2	78,3
Друга	43,1	59,0

это явление чаще встречается у сельских женщин, как правило из многодетных семей.

Что касается распределения обязанностей, здесь, как и ранее коллегами [5], выявлено противоречие стереотипа и реальной дифференциации домашнего труда. В сознании вологжан весьма четко выстроен перечень мужских и женских дел и дел, которые выполняются совместно. В список мужских обязанностей входит исполнение работ по ремонту дома, бытовой техники и прочего, а также вынос мусора. Для жен список обязанностей шире и в основном включает решение повседневных бытовых задач — приготовления пищи, уборки, стирки и глажения белья, а также воспитательно-педагогических задач (помощь детям в выполнении домашнего задания, табл. 4). С обязанностями жены ассоциируется в разы большая ответственность, чем для мужей, за распределение семейного бюджета, воспитание детей, организацию досуга и развлечений, заботу о здоровье и благополучии членов семьи, обеспечение психологического комфорта, поддержание родственных связей, покупку продуктов и необходимых товаров. При этом в материальном обеспечении семьи совместно с мужем или исключительно участвует 70 % женщин. Складывается ситуация «тройной занятости», при которой помимо профессионального труда женщина выполняет работу по дому (домработница, повар, уборщица и т. д.)

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Если Вы состоите в браке, укажите, как между Вами и Вашим супругом (супругой) распределяются брачно-семейные обязанности», % от тех, кто состоит в зарегистрированном браке

Вариант ответа		Среднее по Вологодской области	Пол	
			Муж.	Жен.
Распределение семейного бюджета	Муж	13,0	18,0	8,3
	Жена	26,9	23,2	30,4
	Совместно	60,1	58,9	61,3
Уход за детьми и их воспитание	Муж	4,5	3,7	5,3
	Жена	39,0	38,2	39,7
	Совместно	56,5	58,2	54,9
Материальное обеспечение семьи	Муж	30,8	36,6	25,2
	Жена	7,2	5,5	8,8
	Совместно	62,0	57,9	65,9
Организация семейного досуга (отдых, развлечения)	Муж	6,6	8,1	5,2
	Жена	28,9	28,2	29,6
	Совместно	64,5	63,7	65,3
Забота о здоровье и благополучии членов семьи	Муж	5,1	7,1	3,2
	Жена	41,9	36,4	47,1
	Совместно	53,0	56,5	49,8
Обеспечение психологического комфорта	Муж	6,7	8,9	4,7
	Жена	40,5	32,9	47,5
	Совместно	52,8	58,2	47,8
Выполнение домашнего задания совместно с детьми	Муж	7,7	7,2	8,2
	Жена	52,0	48,1	55,6
	Совместно	40,3	44,7	36,2
Поддержание родственных связей	Муж	3,8	4,5	3,2
	Жена	18,5	15,7	21,0
	Совместно	77,7	79,8	75,7
Покупка продуктов и прочих товаров	Муж	9,0	8,1	9,9
	Жена	32,7	30,3	35,0
	Совместно	58,3	61,6	55,2
Приготовление пищи	Муж	6,9	7,9	5,9
	Жена	66,6	66,7	66,5
	Совместно	26,6	25,5	27,6
Уборка	Муж	5,6	5,7	5,4
	Жена	68,2	67,1	69,3
	Совместно	26,2	27,2	25,3

Окончание табл. на след. стр.

Окончание табл. 4

Вариант ответа		Среднее по Вологодской области	Пол	
			Муж.	Жен.
Стирка и глажение белья	Муж	6,9	6,8	6,9
	Жена	81,7	81,3	82,0
	Совместно	11,5	11,8	11,1
Работы по ремонту дома, бытовой техники и прочего	Муж	75,6	77,7	73,5
	Жена	8,9	9,9	7,9
	Совместно	15,5	12,3	18,6
Вынос мусора	Муж	44,2	45,5	43,0
	Жена	14,5	13,7	15,3
	Совместно	41,3	40,8	41,8

и родительский труд [2, с. 48–68, 4], т. е. работа педагога-воспитателя для своих детей.

Важно отметить, что наличие такого распределения признают и мужчины, и женщины. Это свидетельствует об устойчивости традиционного патриархального стереотипа в вологодских семьях. Характерно, что российские исследования ВЦИОМ констатируют, что «представления о строгом разделении семейных и домашних обязанностей между мужчинами и женщинами ушли в прошлое» [9]. Представляется, что имеется ряд регионов, в числе которых и Вологодская область, где сохраняется «патриархальный» гендерный стереотип в отношении домашнего труда и пока можно говорить о наличии тенденции его трансформации через определенные группы населения, например, молодежь.

Именно в молодых семьях заметны различия в распределении обязанностей: они более склонны делить их пополам. Молодые мужья чаще, чем их старшие «коллеги», занимаются бытовыми делами (моют посуду, стирают и пр.). В целом можно заключить, что молодые супруги стремятся к равенству полов, признают совместное равноценное участие супругов в семейной жизни, что говорит о формировании в молодежной среде нового стереотипа распределения семейных обязанностей.

Важность ощущения справедливости распределения домашнего труда подтверждает оценка вероятности развода у женщин с разной домашней нагрузкой. Условно мы выделили четыре «крайние» группы замужних женщин с разным соотношением участия мужей в домашнем труде. В первую группу вошли жены, выполняющие традиционно женскую домашнюю работу, мужья им не помогают вообще (их большинство среди рассмотренных — 64 %), во вторую группу — жены, дополнительно к женским обязанностям материально обеспечивающие семью (15 %). Третью и четвертую группы составили жены, делящие поровну с мужьями все обязанности или только «женские». При мало различающихся оценках общей удовлетворенности браком достаточно четко дифференцирует мнения вопрос о том,

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «*Посещали ли Вас мысли о разводе?*», % опрошенных в каждой группе

Вариант ответа	1	2	3	4
Нет, никогда	45,5	48,6	63,6	65,5
Да, иногда	44,8	48,6	36,4	31,0
Да, часто	5,8	2,7	0,0	0,0
Мы обсуждали этот вариант	1,3	0,0	0,0	3,4
Я (супруг) / мы принял (-и) решение о разводе	2,6	0,0	0,0	0,0

1. Жена выполняет «женские» обязанности
2. Жена в дополнение к «женским» обязанностям материально обеспечивает семью
3. Паритетное распределение обязанностей (совместное выполнение всех обязанностей)
4. Паритетное распределение обязанностей (совместное выполнение «женских» обязанностей)

задумывались ли женщины о разводе. В семьях с паритетным распределением обязанностей доля жен, никогда не думавших о расторжении брака, заметно выше, чем среди жен с «традиционной» нагрузкой и тех, кто совмещает ее с материальным обеспечением семьи (табл. 5). Реальные шаги (обсуждение, принятие решения) к расторжению брака предпринимались женщинами, мужья которых вообще не помогают им по дому.

Интересно, что среди женщин, в семьях которых мужья делят с ними обязанности, больше представлены руководители, инженеро-технические работники; больше, чем среди женщин первой группы, работниц сферы услуг, второй — представительниц интеллигенции.

То есть необходимость изменения стереотипов распределения обязанностей между супругами объективно имеется, но говорить о повсеместном (как в плане территорий, так и в разрезе социально-демографических групп) распространении нового паритетного принципа в этом вопросе, на наш взгляд, преждевременно. Социальные стереотипы выполняют важную функцию репликации образа жизни, в рассматриваемом вопросе разделение функционала между супругами основано в том числе на объективных гендерных различиях. Главная проблема сегодняшнего дня — конфликт интересов, когнитивный диссонанс и ущемленное чувство справедливости у тех жен, кто выполняет и мужские, и женские обязанности, не получая помощи от мужей. Именно они составляют группу риска по разводам. Какова бы ни была, но семья — «счастливая и дружная» — остается самой распространенной среди наиболее важных жизненных ценностей населения и будет оставаться актуальным предметом исследований, в том числе гендерных.

Список источников

1. *Антонов А. И.* Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи. — М.: ИС РАН, 1992.

2. *Багирова А. П.* Государственная семейная политика в Уральском регионе: опыт и новые социальные практики / под общ. ред. А. П. Багировой, О. М. Шубат. — Екатеринбург, 2014. — 200 с.

3. *Гурко Т. А.* Теоретические подходы к изучению семьи. 2-е изд., перераб. и доп. / Институт социологии РАН. М., 2016. 210 с. [Электронное издание]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

4. *Малышева М. М.* Женщины между карьерой и семьей: проблема совмещения // Женщины России XXI век. Гендерные исследования: сб. — М., 2016. — С. 29–34.

5. *Задворнова Ю. В.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. — 2014. — № 1. — С. 51–58.

6. *Захаров С. В.* Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. URL: http: //demoscope.hse.ru/zaharov.

7. *Синельников А. Б.* Семья и брак на европейском фоне // Мониторинг общественного мнения. — 2010. — № 4. — С. 53–76 [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4(98)_5_Sinelnikov.pdf.

8. *Синельников А. Б.* Трансформация семейных отношений и ее значение для демографической политики в России // Демографические исследования. — 2006. — № 97 [Электронный ресурс]. URL: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683.

9. Союз равных, или как устроена современная семья //ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3493 от 17 октября 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3612.

10. *Шпаковская Л. Л.* Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса [Электронный ресурс]. URL: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/11/2012_1_shpakovskaya.pdf.

Информация об авторе

Калачикова Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр РАН» (Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А).

Kalachikova O. N.

Conflict of Gender Roles and Responsibilities: «Triple Employment» of Women as a Cause of Marriage Instability

The article actualizes the problem of the prevalence of divorce and concubinage as signs of the devaluation of marriage. In this case, the woman more often than men expresses dissatisfaction with marriage and, therefore, takes the initiative of divorce. The authors prove that the reason for this negative phenomenon lies in the conflict of expectations between social stereotype and real life. This contradiction is the main issue of the article. On the one hand, traditional views on the role of women and men in the family remain in Russian society. The wife plays the role of mother and "homemaker" (she runs the household and takes care of all members of the family), while the husband performs the role of "breadwinner", provides material prosperity and family safety. On the other hand, in real life there is a more difficult situation. In most marriages, women contribute to the financial well-being of the family on an equal basis with men, but the wives are responsible for the daily care and upbringing of their children. Based on the results of research, the authors note that modern youth in the construction of family relations focuses on the parity distribution of roles and responsibilities.

Keywords: marriage devaluation, divorce, social stereotype, gender roles, family responsibilities, «triple employment» of women

Author

Kalachikova Ol'ga Nikolaevna — Candidate of Economics Sciences Deputy Director, Head of the Department Federal State Budget Institution of Science "Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo Str., 56A).

References

1. Antonov A. I. Crisis of family and parenthood // problems of parenthood and family planning. — M., IS. Rosan, 1992.

2. Bagirova A. P. State family policy in the Ural region: experience and new social practices / edited by A. P. Bagirova, O. M. Shubat. — Ekaterinburg, 2014. — 200 p.

3. Gurko T. A. Theoretical approaches to the study of the family. 2nd ed., pererab. I DOP. Institute of sociology RAS. — M., 2016. — 210 p. [Electronic edition]: 1 electron. wholesale. disk (CD-ROM).

4. Malysheva M. M. Women between career and family: the problem of combining // Women of Russia XXI century. Gender study. Sat. — M., 2016. — P. 29–34.

5. Zadvornova J. V. Differentiation of domestic labour in the family: gender stereotypes and current trends // Woman in Russian society. — 2014. — No. 1. — P. 51–58.

6. Zakharov S. V. Birth Rate in Russia: first and second demographic transition // Demo Weekly URL: http: //demoscope.hse.ru/zaharov.

7. Sinelnikov A. B. Family and marriage on the European background // monitoring of public opinion. 2010. No. 4. P. 53–76. URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4 (98)_5_Sinelnikov.pdf.

8. Sinel'nikov A. B. The Transformation of family relations and its importance for demographic policy in Russia // Demographic research. 2006. No. 97. URL: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=683.

9. Union of equals,or how does the modern family //VTSIOM. Press release No. 3493 of 17 October 2017. URL: https://wciom.EN/index.php?id=236&uid=3612.

10. Shpakovskaya L. L. Unregistered unions: marriage strategies of young representatives of urban middle class URL: http://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2013/11/2012_1_shpakovskaya.pdf.

УДК 314.4

Кузьмин А. И., Макарова М. Н.

ОПЫТ ОЦЕНКИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА КАК ПОКАЗАТЕЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ[1]

В статье представлен анализ динамики ожидаемой продолжительности жизни как показателя уровня общественного здоровья населения. Проанализированы временные и гендерные особенности формирования ожидаемой продолжительности жизни жителей г. Екатеринбурга. Выявлены существенные различия в порядке вымирания условных поколений у лиц мужского и женского пола. Обоснованы выводы о необходимости стимулирования процессов сбережения здоровья и повышения культуры здоровьесберегающего поведения населения.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, здоровье, город, население

Актуальность задачи формирования здорового образа жизни и стимулирования тенденции роста продолжительности здорового и полноценного существования человека все чаще подтверждается институционально. Стимулирование культуры самосохранительного поведения населения в российском обществе имеет государственное значение и отвечает вызовам глобального характера. В Федеральном законе № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» неоднократно подчеркивалась важность задачи поддержки усилий по формированию здорового образа жизни населения России [5]: «Формирование здорового образа жизни у граждан начиная с детского возраста обеспечивается путем проведения мероприятий, направленных на информирование граждан о факторах риска для их здоровья, формирование мотивации к ведению здорового образа жизни и создание условий для ведения здорового образа жизни, в том числе для занятий физической культурой и спортом» (ст. 30, п. 3).

Тем не менее задача продвижения норм «хелзтранзишин»[2] в массы оказалась нелегкой. Через год после опубликования ФЗ № 323 В.В. Путиным был подписан Указ № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», в котором Правительству России дается поручение обеспечить к 2018 году снижение смертности, в том числе за счет мероприятий по формированию здорового образа жизни граждан Российской Федерации [4].

---

[1] ©Кузьмин А. И., Макарова М. Н. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–010–01049-ОГН «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

[2] *Heaith transition* — массовый переход населений к усвоению новых норм самосохранительного поведения (*прим.* — авторов).

Таким образом, на законодательном уровне осознана необходимость формирования высокого уровня здоровья населения и принят комплекс мер, способствующих стимулированию норм здорового образа жизни, а укрепление здоровья населения, существенное снижение уровня социально значимых заболеваний, создание условий и формирование мотивации для ведения здорового образа жизни — это приоритетные задачи демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.

В свете реализации демографической и здоровьесберегательной политики в Федеральном законе № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» обращается особое внимание на такой показатель, как продолжительность жизни населения [6]. Увеличение продолжительности жизни населения является для любой страны показателем качества и результативности социально-экономического развития, а показатель ожидаемой продолжительности жизни населения широко используется в мире (в том числе Всемирной организацией здравоохранения) для оценки уровня здоровья той или иной популяции (общественного здоровья).

Под ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ) принято понимать временной интервал между рождением и смертью, равный возрасту в момент наступления смерти [1, с. 615]. Для вычисления данного показателя необходимо построить таблицы смертности (или таблицы дожития), которые демонстрируют, как некая совокупность лиц, родившихся в одно и то же время, последовательно, при наступлении каждого последующего возраста, вымирает (это может быть реальное или условное поколение).

В реальности индивидуальная продолжительность жизни (жизненного пути) зависит от многих факторов культурного, религиозного, экономического, семейного, психологического характера. Особо следует выделить зависимость продолжительности жизни от повседневного поведения личности и индивидуальных привычек. Кроме того, сильное влияние оказывают ментальность и ожидания ближайшего социального окружения и референтных групп, а также общий уровень развития культуры так называемого «самосохранительного» поведения.

Расчет показателя ожидаемой продолжительности жизни в России ведется на уровне как страны в целом, так и отдельных ее регионов. Однако исследовательский интерес представляют измерение и сравнение ожидаемой продолжительности жизни на отдельных территориях (городах или в сельской местности), что позволяет определить факторы и резервы роста данного показателя с позиции улучшения здоровья местного населения. Вместе с тем такие исследования крайне редки в связи с трудоемкостью расчетов и затрудненным доступом к статистическим данным на уровне муниципальных образований. В данной статье представлены результаты построения кратких таблиц смертности и вычисления ожидаемой продолжительности жизни населения Екатеринбурга за 2015–2016 гг. (табл. 1–3).

Таблица 1

Краткие таблицы смертности населения г. Екатеринбурга, оба пола (2015–2016 гг.)

Возрастные интервалы, лет	Численность населения, чел. 01.01.2015	Численность населения, чел 01.01.2016	Число умерших в 2015 г.	Вероятность умереть в данном возрасте, *qx*	Число доживающих до данного возраста, *lx*	Среднее число живущих, *Lx*	Число прожитых человеко-лет в возрасте старше данного, *Tx*	Ожидаемая продолжительность жизни, *ex*	Коэффициент дожития, *Px*
0–4	95189	102077	124	0,00125718	99637	99580	7341479	73,68	0,199159276
5–9	70623	74532	20	0,00076629	99368	99354	6843581	68,87	0,997737781
10–14	60180	62280	19	0,00029291	99238	99224	6346809	63,96	0,998683675
15–19	67797	67001	34	0,00040734	99075	99054	5850691	59,05	0,998286851
20–24	115223	103795	90	0,00066305	98790	98751	5355423	54,21	0,996944100
25–29	147499	146637	239	0,00122314	98281	98206	4861669	49,47	0,994483308
30–34	136749	141577	423	0,00233111	97315	97175	4370638	44,91	0,989497877
35–39	117019	119826	537	0,00378366	95560	95349	3884764	40,65	0,981207980
40–44	103850	106551	524	0,00475214	93389	93162	3408021	36,49	0,977062384
45–49	85949	88168	525	0,00549818	90959	90689	2942213	32,35	0,973454842
50–54	97886	93668	801	0,00718419	87926	87570	2488770	28,31	0,965611618
55–59	93602	95332	1050	0,0097158	83991	83537	2050921	24,42	0,953947388
60–64	85668	85963	1475	0,01410375	78826	78182	1633235	20,72	0,935897092
65–69	62059	69432	1553	0,02030321	71577	70751	1242324	17,36	0,904946481
70–74	36575	32417	1191	0,02886965	62672	61665	888571	14,18	0,871575838
75–79	46135	48099	2534	0,0436893	51552	50243	580248	11,26	0,814773419
80–84	21891	22025	1905	0,06910255	37411	35895	329035	8,80	0,714433108
85–89	13579	13914	2081	0,11578601	21789	20280	149560	6,86	0,564986814
90–94	3409	3896	825	0,18007953	8819	7885	48159	5,46	0,388788934
95–99	478	526	193	0,28347050	2005	1669	8735	4,36	0,211704058
100+	13	21	35	1	389	389	389	1,00	0,232974883

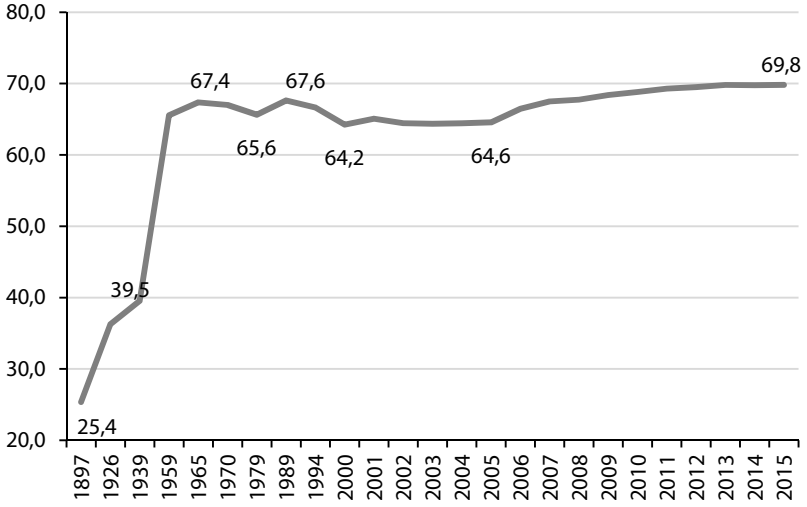


Рис. 1. *Динамика ожидаемой продолжительности жизни жителей г. Екатеринбурга (Свердловска), оба пола, лет*

Традиция измерения продолжительности жизни населения в г. Екатеринбурге (Свердловске) достаточно давняя и прочная, но в основном таковая поддерживалась представителями медицинской статистики [2].

Следует отметить, что средняя продолжительность жизни в Екатеринбурге (Свердловске) заметно прогрессировала в ходе демографического перехода. В 1920-е годы прошлого столетия средняя продолжительность жизни в Свердловске достигла 36,3 года. В 1950-х величина продолжительности жизни на Урале находилась в состоянии стагнации, а в г. Свердловске она продолжала расти и заметно выросла к началу 1990-х годов [2]. К 1994 г. в связи с тяжелейшими социально-экономическими трансформациями произошло значительное ухудшение общественного здоровья и, как следствие, падение ожидаемой продолжительности жизни. Затем, после выхода на траекторию экономического роста, ситуация стабилизировалась (рис. 1).

Оценить современный уровень продолжительности жизни в Екатеринбурге возможно на основе использования данных муниципальной статистики и построения повозрастных коэффициентов смертности населения. Это позволит определить вероятности дожития в пятилетних возрастных интервалах и исчислить накопленное число человеко-лет в условном поколении екатеринбуржцев, что даст возможность оценить продолжительность жизни горожан чисто формально в границах условного поколения (данные представлены за 2015–2016 гг.).

Средняя ожидаемая продолжительность жизни в г. Екатеринбурге в 2015 г. составила 73,7 года. Следует сразу отметить, что демонстрируемый

в столице Среднего Урала уровень продолжительности жизни жителей превысил показатели в целом по области (70,02) и даже по ее городской местности (70,32). На селе же данный показатель составил всего 68,3 года. Здесь уже содержится косвенный намек на то, что векторы миграции на территории Урала, как, впрочем, и в большинстве регионов России, направлены из зон с низкой продолжительностью жизни к территориям с более высокими показателями дожитий.

В целом по продолжительности жизни столица Урала приблизилась вплотную к городскому населению Санкт-Петербурга (74,9 года), опередив Севастополь (71,64 года), но заметно уступает Москве (77,08 года) по вполне понятным причинам высокого качества жизни населения в столице России. В то же время рядом со столицей Урала — на территории с суровыми климатическими условиями ХМАО–Югра — средняя продолжительность жизни составила в 2015–2016 гг. 73,5 года. Таким образом, показатели таблиц смертности Екатеринбурга практически совпадают с показателями таблиц смертности Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, что показывает значимость социально-экономических факторов в формировании высокого уровня здоровья населения. Так, например, размер номинальной начисленной заработной платы населения ХМАО выше аналогичного показателя в Свердловской области (63,6 и 44,0 тыс. руб. соответственно). Если же учесть, что в кратких таблицах смертности показатели продолжительности жизни несколько завышены из-за смещения средних показателей детской и младенческой смертности в первом пятилетнем интервале, то можно предположить, что в Ханты-Мансийском регионе дела с дожитиями населения обстоят даже лучше, чем в столице Урала. К тому же продолжительность жизни в городской местности Ханты-Мансийского округа достигла, по данным федеральной статистики, 73,74 года, что также превышает екатеринбургский уровень [2].

При использовании кратких таблиц смертности появляется возможность оценить величину дожитий поколений в экономически активном возрасте. Соотнесение числа доживающих до возраста 15 лет (99 054 человек условного поколения) и доживающих до возраста 72 года (61 665 человек условного поколения) показывает, что для екатеринбуржцев вероятность дожить от начала до конца экономически активного возраста составляет величину 0,62265, т. е. только 62 % населения доживает до момента выхода из возраста экономической активности.

Интересно, что по кратким таблицам смертности, составленным нами по архивным данным 1897 г. по Пермской губернии (в состав которой входил Екатеринбург), продолжительность жизни для лиц обоего пола находилась в пределах всего 28,7 года, а вероятность преодолеть возрастной интервал от 15 до 72 лет составляла 0,7446, т. е. была значительно выше современного уровня. Собственно, низкий уровень ожидаемой продолжительности жизни при рождении объясняется высочайшим уровнем младенческой и детской смертности в то время [3, с. 102–109].

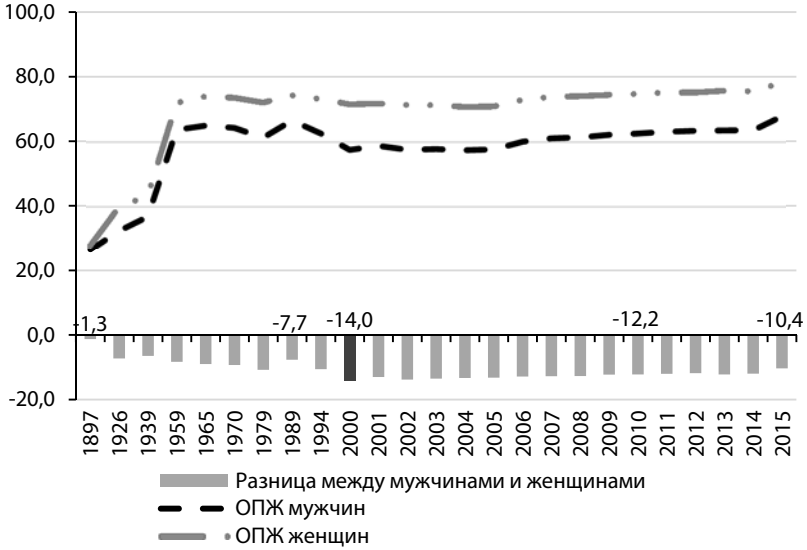


Рис. 2. *Гендерная дифференциация ожидаемой продолжительности жизни г. Екатеринбурга (Свердловска), лет*

Отдельно следует остановиться на гендерных различиях в показателях ожидаемой продолжительности жизни (рис. 2). За 80 лет XX века был накоплен значительный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин, который составил около 11 лет. Дальнейшие успехи социально-экономического развития, распространение здорового образа жизни и улучшение качества медицинского обслуживания позволили сократить данный разрыв до 7,7 года. Однако «лихие 90-е» свели на нет все достижения советского периода по увеличению продолжительности жизни населения, и уже в 1994 году он практически вернулся на уровень 1970-х гг., а в 2000 г. достиг своего максимума в 14 лет.

Расчеты методом кратких таблиц смертности по современному Екатеринбургу выявили, что средняя продолжительность жизни вновь выросла и составила у мужчин Екатеринбурга в 2015–2016 гг. 68,07 года, а у женщин — 78,43 года (табл. 2, 3).

Видны очень серьезные различия в порядке вымирания мужских и женских условных поколений в г. Екатеринбурге. Судя по дифференциалу смертности, модальный интервал частоты смертности лиц мужского пола падает в Екатеринбурге на возраст 70–74 лет. У женщин совершенно иная ситуация: модальная смертность (судя по ее дифференциалу) смещена в возраст 85–89 лет. Таким образом, разрыв в продолжительности жизни, накопленный в 1990-х годах прошлого века, не исчез и составил внушительную цифру — 10,4 года. Несмотря на общий прогресс, ситуация

Таблица 2

Основные показатели кратких таблиц смертности лиц мужского пола г. Екатеринбурга, 2015–2016 гг.

Возраст	Вероятность умереть в данном возрасте, *qx*	Число доживающих до данного возрастного интервала, *lx*	Число живущих данного возраста, *Lx*	Число умирающие в данном возрастном интервале, *dx*	Число прожитых человеко-лет в возрасте старше данного, *Tx*	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, *ex*	Коэффициент дожития, *Px*
0–4	0,001455	99585	99519	184	6779081	68,07	0,199037
5–9	0,000889	99261	99245	31	6281488	63,28	0,997255
10–14	0,000323	99131	99116	30	5785261	58,36	0,998696
15–19	0,00048	98944	98918	52	5289680	53,46	0,997999
20–24	0,000977	98568	98508	120	4795092	48,65	0,995854
25–29	0,001915	97761	97645	232	4302554	44,01	0,991241
30–34	0,003468	96294	96092	403	3814330	39,61	0,984101
35–39	0,005886	93684	93352	662	3333869	35,59	0,971478
40–44	0,007475	90289	89949	677	2867111	31,75	0,963553
45–49	0,008604	86648	86237	819	2417366	27,9	0,95873
50–54	0,011351	82189	81673	1026	1986181	24,17	0,947074
55–59	0,015604	76357	75683	1336	1577818	20,66	0,926663
60–64	0,02321	68782	67848	1842	1199402	17,44	0,896474
65–69	0,03332	58561	57457	2166	860163	14,69	0,846849
70–74	0,049979	46622	45274	2616	572878	12,29	0,787965
75–79	0,073498	32980	31619	2608	346508	10,51	0,698398
80–84	0,090856	20752	19767	1875	188412	9,08	0,625154
85–89	0,116337	11647	10872	1446	89577	7,69	0,549997
90–94	0,143372	5330	4930	740	35218	6,61	0,453446
95–99	0,181353	2123	1908	387	10569	4,98	0,387003
100+	1	1030	1030	1030	1030	1	0,540005

Рассчитано по: http://www.gis.gks.ru/StatGis2015/Viewer/?1616acae-241d-e811–8a63–90341755e173.

Таблица 3

Основные показатели кратких таблиц смертности лиц женского пола в г. Екатеринбурге, 2015–2016 гг.

Возраст	Вероятность умереть в данном возрасте, *qx*	Число доживающих до данного возрастного интервала, *lx*	Число живущих данного возраста, *Lx*	Число Умирающих в данном возрастном интервале, *dx*	Число прожитых человеко-лет в возрасте старше данного, *Tx*	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, *ex*	Коэффициент дожития, *Px*
0–4	0,001047	99692	99645	135	7818631	78,43	0,199289
5–9	0,000636	99482	99471	22	7320407	73,59	0,998253
10–14	0,000262	99353	99339	29	6823054	68,67	0,998674
15–19	0,000331	99216	99198	35	6326360	63,76	0,998585
20–24	0,000353	99025	99007	36	5830370	58,88	0,998072
25–29	0,000584	98791	98754	74	5335335	54,01	0,997441
30–34	0,001291	98289	98208	162	4841567	49,26	0,994471
35–39	0,001907	97331	97231	201	4350529	44,7	0,990051
40–44	0,002359	96286	96163	245	3864377	40,13	0,989022
45–49	0,002816	94996	94858	277	3383561	35,62	0,986424
50–54	0,003793	93281	93070	422	2909273	31,19	0,981153
55–59	0,005393	90991	90719	541	2443924	26,86	0,974746
60–64	0,008145	87765	87347	831	1990326	22,68	0,962825
65–69	0,01268	82827	82210	1225	1553592	18,76	0,941185
70–74	0,019343	75884	75058	1635	1142544	15,06	0,913007
75–79	0,03205	66127	64854	2494	767255	11,6	0,864051
80–84	0,060747	50615	48698	3684	442985	8,75	0,750889
85–89	0,1155	29895	27794	3902	199495	6,67	0,570745
90–94	0,192546	11612	10270	2365	60524	5,21	0,369514
95–99	0,317525	2182	1776	657	9173	4,2	0,172937
100+	1	292	292	292	292	1	0,164362

Рассчитано по: http://www.gis.gks.ru/StatGis2015/Viewer/?1616acae-241d-e811–8a63–90341755e173.

в Екатеринбурге как бы застыла. Причины этого явления следует рассмотреть подробнее в дальнейшем с привлечением данных о структуре причин смертности и брачной статистики.

Дальнейший анализ динамики ожидаемой продолжительности жизни требует подробного рассмотрения причин смертности по основным нозологическим группам и половозрастной структуре умерших, что составляет дальнейший предмет рассмотрения этой темы.

Список источников

1. Демографическая энциклопедия / ред. кол.: А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. Б. Денисенко и др. — М.: ООО « Издательство «Энциклопедия», 2013. — 944 с.

2. Курсаков Н. К., Бояршинова Н. П. Здоровье населения города Свердловска. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1988. –138 с.

3. Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др. — Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1996. — 212 с.

4. О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения : Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 [Электронный ресурс].URL: http://base.garant.ru/70170948/ (дата обращения: 20.04.2018 г.).

5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html (дата обращения: 20.04.2018 г.).

6. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70684666/ (дата обращения: 20.04.2018 г.).

Информация об авторах

Кузьмин Александр Иванович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения РАН» (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kuz53@list.ru).

Макарова Мария Никитична — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения РАН»(Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

Kuzmin A. I., Makarova M. N.

Experience in Assessing the Life Expectancy of the Population of Yekaterinburg as an Indicator of Public Health

The article presents an analysis of the dynamics of life expectancy as an indicator of the level of public health. The time and gender features of the formation of life expectancy in Yekaterinburg are analyzed. Significant differences in the order of extinction of conditional generations in males and females were revealed. The conclusions about the need to stimulate the processes of health saving and improve the culture of health-saving behavior of the population are substantiated.

Keywords: life expectancy, health, city, population

References

1. Tkachenko A. A., Anoshkin A. V., Denisenko M. B. et all, eds. Demography Encyclopedia. — Moscow: OOO “Izdatel’stvo “Entsiklopediya”, 2013. — 944 p.

2. Kursakov N. K., Boyarshinova N. P. Health of population in Sverdlovsk. — Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoye izdatel'stvo, 1998. — 138 p.

3. Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G., Kornilov Ye. et all., eds. Population of Urals. XX century. History of demographic development [Naseleniye Urala. XX vek. Istoriya demographicheskogo razvitiya]. — Yekaterinburg: Izdatel'stvo "Yekaterinburg", 1996. — 212 p.

4. The decree of the President of the Russian Federation, 2012 N 598 of May 7«On improvement of the state policy in the field of health care» [Electronic resource]. URL: http://base.garant.ru/70170948/ (accessed: 20.04.2018).

5. Federal law N 323-FZ of November 21, 2011 «On the basis of health protection in the Russian Federation» [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html (accessed: 20.04.2018).

6. Federal Law No. 172-FZ of 28 June 2014 «On strategic planning in the Russian Federation» [Electronic resource]. URL: http://base.garant.ru/70684666/ (accessed: 20.04.2018).

Authors

Kuzmin Aleksandr Ivanovich — Doctor of Sociology, Professor, Leading researcher at Center for on socio-economic dynamics research, Institute of Economics, Ural branch of RAS (Russia, Yekaterinburg, Moskovskaja St., 29; e-mail: kuz53@list.ru).

Makarova Maria Nikitichna — Candidate of Economics, senior researcher at Center for socio-economic dynamics research, Institute of Economics, Ural branch of RAS(Russia, Yekaterinburg, Moskovskaja St., 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

UDC

Sibanda-Thusi N. M.

NELSON MANDELA INTERNATIONAL DAY 18 JULY 2018 [1]

The Nelson Mandela International Day was launched on 18 July 2009. This was followed by the adoption of a United Nations General Assembly resolution on 10 November 2009, declaring the birthday of the late President Nelson Rolihlahla Mandela (more affectionally known as Madiba) as Nelson Mandela International Day.

President Mandela served as the first President of the democratic South Africa from 1994 to 1999. He dedicated 67 years of his life to the struggle to create a better South Africa and fighting against discrimination, through which he became a symbol of the struggle to end racism, sexism and all forms of human degradation.

Every year on 18 July the international community honour the late President Mandela. The overarching objective of Nelson Mandela International Day is to inspire individuals to take action to help change the world for the better, and in doing so build a global movement for good. It seeks to empower communities everywhere to "Take Action; Inspire Change; Make Every Day a Mandela Day".

In 2018, Nelson Mandela International Day is even more significant because it is also a Centenary of the late President Mandela. The current President of the Republic of South Africa, His Excellency Mr Cyril Matamela Ramaphosa has declared that 2018, South Africa and all South African Mission abroad will observe the Centenary of Nelson Mandela.

In honour of the life and legacy of the late President Mandela, the South African Embassy in Moscow has planned various activities in response to the call made by President Mandela in 2009, when he said "it is in your hands now":

On the occasion of the Nelson Mandela International Day, the South African Embassy, in partnership with the United Nations Information Centre in Moscow and Masterslavl will organise a charity event for the children from several charitable organisations such as All-Russian Society for the Deaf, Foundation "Be Together" for insulin-dependent Children, "Children for Russia" centre for children with oncological diseases and "Marias's Children" for children from orphanages.

The event will be followed by a reception to be hosted by the South African Embassy in partnership with Lotte Hotels & Resorts in Moscow. The reception will be utilised to raise awareness and expand the reach of the late President Mandela's values, i.e. fighting injustice, helping people in need and practicing reconciliation. No matter how small the action, the aim is to change the world for the better, just as Madiba did, every day.

The actual day (Nelson Mandela International Day, 18 July) will be preceded by number of activities by the South African Embassy in Moscow in partnership with Aspen Health LCC dedicated to benefit Lubertsi children's home and

Ivanteyevka Orphanage. This is in line with Madiba's love for children. To this end the Embassy in partnership with Aspen Health LCC will clean the territory, plant flowers, conduct master classes and paint the buildings.

The South African Honorary Consul in Vladivostok, in partnership with Aspen Health LCC and the Far Eastern and Regional State Social rehabilitation centre for children "Parus Nadezhdi" will dedicate the day to give support children from socially vulnerable families, including children who suffer from family violence and those who face permanent danger in their lives.

Madiba loved and prioritised children and the most disadvantaged society as he did everything possible to improve their quality of life. It is thus with immense pride that we, together with the rest of humanity embrace Madiba's values and honour his legacy through humanitarian acts and initiatives that acknowledge his quest to change the world for the better.

In Madiba's memory, let us once more dedicate ourselves to unity, love, forgiveness, reconciliation, respect for one another and tolerance. More importantly, let us recommit to eliminate all social ills from our communities such as the abuse of women and children, the abuse of drugs and other substances, crime and hooliganism, including acts of disobedience, disrespect and destruction of property, as well as the violence that usually accompanies these kinds of actions.

In unity, let us take forward Madiba's vision of ending poverty, inequality and unemployment and build a more prosperous society in which all, especially the poor and the working class, are assured a better life.

To this end Her Excellency Ms Nomasonto Maria Sibanda-Thusi, Ambassador Plenipotentiary and Extraordinary of the Republic of South Africa to the Russian Federation, calls on everyone to devote 67 minutes of their time on 18 July, and every day thereafter, to give back to fellow human beings by actively helping to change their circumstances as Madiba dedicated 67 years of his life making the world a better place. We're asking you for 67 minutes in honour of Madiba's legacy.

Author

Sibanda-Thusi Nomasonto Maria — Ambassador Plenipotentiary and Extraordinary of the Republic of South Africa to the Russian Federation.

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 314

Абдульзянов А. Р.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)[1]

В статье дан анализ социологических исследований, проведенных Центром семьи и демографии по изучению состояния безопасности дорожно-транспортного движения как фактора демографической устойчивости региона. Ежегодно в Республике Татарстан погибает 25 детей — один класс, и более 300 человек взрослого населения — население одного поселка. Эти процессы отражаются на депопуляции населения, составляют угрозу демографической безопасности. Автором проведены социологические исследования по дорожно-транспортной аварийности среди населения. Цель — выявить проблемы и причины смертности на дорогах, дать научно обоснованную интерпретацию фактов, выявить тенденции демографической безопасности населения.

Ключевые слова: демографическая безопасность, безопасность дорожного движения, социальное пространство города, модернизация дорожно-транспортной инфраструктуры

Во всем мире обеспечение безопасности дорожного движения имеет важнейшее значение. В России дорожно-транспортный травматизм вырос до уровня острейшей социально-экономической проблемы. В целях реализации государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения разрабатываются федеральные, региональные и местные программы, направленные на сокращение количества дорожно-транспортных происшествий и снижение ущерба от этих происшествий. Одним из первоочередных мероприятий реализации программ предусмотрено проведение мониторинга общественного мнения по проблемам, связанным с безопасностью дорожного движения.

Первое дорожно-транспортное происшествие в истории человечества произошло в городе Нью-Йорке в 1896 году, когда Генри Уэлс на своем электромобиле и велосипедист Эвелин Томас столкнулись. В результате ДТП велосипедист отделался лишь переломом ноги и легким испугом. В наши же дни каждый год ДТП в мире уносят жизни примерно 1,25 миллиона человек. Со снижением аварийности на дорогах борются не только в России, но и в других странах мира [1].

---

[1] © Абдульзянов А. Р. Текст. 2018.

США в последние несколько лет ведут активную пропаганду пешеходных и велосипедных передвижений, стимулируют использование общественного транспорта. В частности, меняются и нормативы проектирования городских улиц. Появляется акцент на учете уязвимых участников дорожного движения. Для России необходимы срочные и, прежде всего, комплексные действия, направленные на решение проблем с перегруженностью и аварийностью на дорогах и негативного влияния автомобилизации на окружающую среду и здоровье населения.

Для успеха действий по снижению негативных транспортных издержек критически важны:

— использование опыта стран, умеющих управлять транспортными издержками;

— наращивание собственного национального ресурса для реализации действий по управлению транспортными издержками: квалифицированные специалисты, современные технологии и материалы, информация (исследования, данные мониторинга), финансовые ресурсы.

Некоторые страны сумели найти выход из сложной ситуации, и сегодня в них при уровнях автомобилизации, в 2–2,5 раза превышающих российский уровень, риски гибели в ДТП в 10 раз ниже, чем в России.

Самый рациональный путь повышения безопасности дорожного движения — использование опыта стран — лидеров в области комплексного управления негативными внешними транспортными факторами (включая снижение дорожной аварийности) в условиях высоких уровней автомобилизации.

Предупреждение дорожно-транспортных происшествий, снижение уровня аварийности на дорогах — одна из наиболее серьезных и актуальных проблем современности, и в Татарстане ей уделяется постоянное повышенное внимание.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 864 от 3 октября 2013 г. «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [2] Министерством внутренних дел Республики Татарстан разработана государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие коррупции на 2014–2020 годы», утвержденная Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан № 764 от 16.10.2013, которая включает в себя подпрограмму «Повышение безопасности дорожного движения в Республике Татарстан на 2014–2020 годы». Подпрограмма предусматривает ежегодное финансирование первоочередных мероприятий по повышению безопасности дорожного движения из бюджета Республики Татарстан в объеме 1 млрд 499,81 млн рублей.

За 12 месяцев 2017 г. на дорогах Татарстана произошло 1641 ДТП, на месте совершения которых зафиксированы нарушения правил содержания и обустройства улично-дорожной сети (что составляет 35,3 % от общего числа происшествий). В указанных ДТП погибли 145 человек и 1929 получили

ранения различной степени тяжести. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ) количество дорожно-транспортных происшествий уменьшилось на 31,2 %, погибших на 30,6 %, раненых на 32,5 %.

За 12 месяцев 2017 года зарегистрировано 584 ДТП с участием детей, в которых 15 детей погибли и 608 получили травмы различной степени тяжести. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года отмечено снижение количества ДТП на 40 (–6,4 %) и числа раненых детей — на 48 (–7,3 %). Число погибших детей осталось на уровне АППГ (15). С участием детей — по вине водителей — зарегистрировано 443 ДТП (или 76,0 % от общего количества ДТП с детьми), в которых погибли 14 детей и 468 получили ранения различной степени тяжести.

Растет число как погибших, так и пострадавших в результате катастроф, гибнут дети, лица трудоспособного возраста, что сказывается на демографической ситуации в стране, наносит обществу большой социально-экономический ущерб, глобальные экономические потери. Статистика свидетельствует, что виновниками ДТП становятся в равной степени все категории участников дорожного движения.

Количественные показатели ДТП и причины их возникновения актуализируют необходимость работы по обеспечению безопасности дорожного движения. Эта проблема имеет как социальную, так и экономическую значимость. Социальная значимость заключается в необходимости сохранения жизни и здоровья жителей Республики Татарстан (РТ). Экономическая значимость связана с экономическим ущербом от последствий ДТП, которая составляет, по предварительным данным, 2–3 % валового национального продукта [4].

Центр семьи и демографии АН РТ провел мониторинг общественного мнения по проблемам безопасности движения с применением одного из основных социологических методов — метода анкетного опроса (анкетирования). Цель нашего исследования — получение достоверной информации по проблемам обеспечения безопасности дорожного движения, изучение мнения граждан [3]. Социологическое исследование, посвященное изучению мнения городского населения РТ о системе безопасности дорожного движения, проводилось в октябре-ноябре 2015 г. Объем выборочной совокупности составил 1600 человек. Отбор респондентов в возрасте18+ осуществлялся с применением квотной выборки, основные пропорции которой соответствуют социально демографическим показателям населения Республики Татарстан.

Проведение исследования позволяет решить следующие задачи: оценить удовлетворенность населения организацией дорожного движения, наметить меры, способствующие уменьшению ДТП, отследить соблюдение и результаты республиканских и федеральных целевых программ по безопасности дорожного движения. В исследовании участвовали респонденты разных категорий: пешеходы, пассажиры, водители транспортных средств.

Система обеспечения безопасности дорожного движения представляет собой многофункциональный институциональный комплекс, который призван реализовывать целую гамму ключевых общественных потребностей.

Обязательным условием безопасности дорожного движения (БДД) является соблюдение соответствующих правил всеми участниками движения. Нарушение установленных правил любым участником движения может привести к причинению тяжкого вреда здоровью или гибели людей [5]. Согласно полученным данным, большинство опрошенных оценили степень безопасности дорожного движения в своем городе как удовлетворительную (41,8 %). Треть считает ее хорошей (34,8 %), а одна пятая — неудовлетворительной (19,8 %).

Для половины опрошенных горожан безопасность дорожного движения — это соблюдение правил дорожного движения и безопасность движения транспорта (53,9 % и 55,2 %). Более трети опрошенных понимают под данным термином аккуратное поведение, взаимоуважение и высокую квалификацию водителей; отсутствие дорожно-транспортных происшествий и хорошее качество дорог, усовершенствование дорожной разметки (40,4; 36,5; 34,8 %). Незначительно от данных мнений отстал вариант, связанный с отсутствием пьяных водителей на дорогах (31,9 %). Четкую работу ГИБДД, ДПС и государственных служб вкладывают в значение БДД 23,9 % респондентов (рис. 1).

Следующая группа причин относится к невнимательности участников дорожного движения. В частности, невнимательность водителей как причину роста ДТП отметили 33,6 %, а пешеходов — 28,9 % участников опроса. В незнании правил дорожного движения водителей обвинили 28,5 %, а пешеходов — 24,9 % опрошенных. Вступая на «зебру», пешеход считает себя защищенным законом, однако на практике нередко подтверждается обратное. Поэтому наезды на пешеходных переходах — самая насущная проблема пешеходов на сегодняшний день. Ее разрешение вполне возможно, но требует инвестиций и комплексного подхода, обеспечивающего одновременное решение некоторых традиционных для российских пешеходов проблем. Менее значимыми причинами, по итогам исследования, выступают отсутствие и недостаточное количество подземных и наземных переходов, несовершенство и ошибки в расстановке дорожных знаков и полос (18,3 и 11,8 % соответственно).

По результатам проведенного исследования был составлен рейтинг различных аспектов безопасности на дорогах с применением трехбалльной оценки (где 3 — опасно; 2 — средняя степень опасности, 1 — неопасно). Согласно полученным результатам (рис. 2), наивысшую степень опасности имеют переход по нерегулируемому пешеходному перекрестку и проезд велосипедистов по проезжей части (2,57 и 2,52 балла). Оценка состояния дорог, качества покрытия набрала 2,22 балла. Замыкают тройку наиболее опасных аспектов проезд на автобусах по междугородним маршрутам и

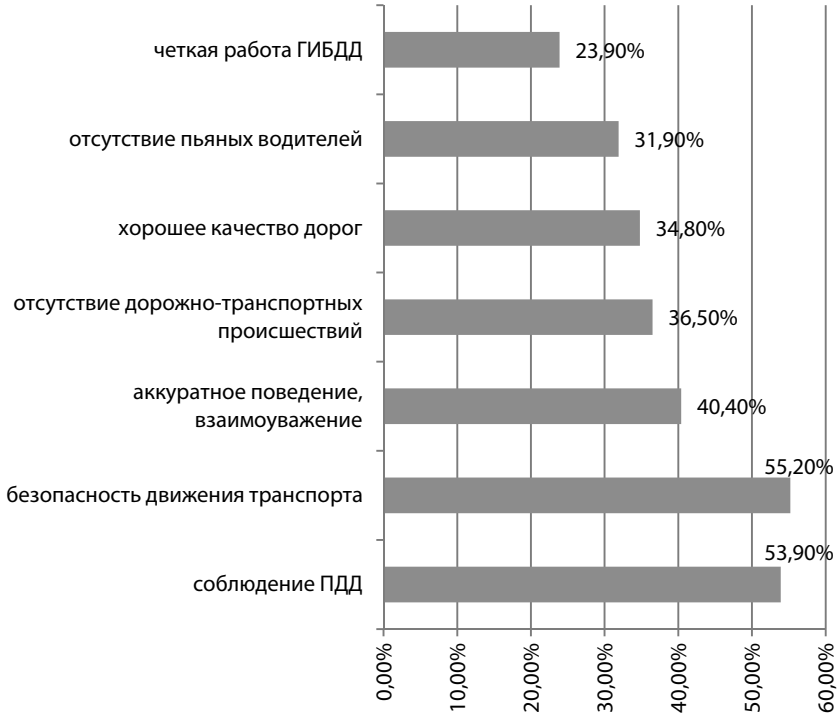


Рис. 1. *Мнения опрошенных о сущности понятия «безопасность дорожного движения», %*

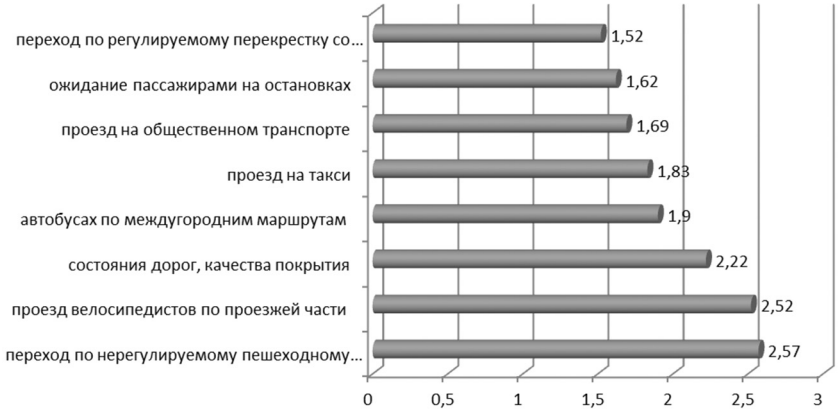


Рис. 2. *Мнения опрошенных о причинах, влияющих на безопасность дорожного движения (оценка в баллах)*

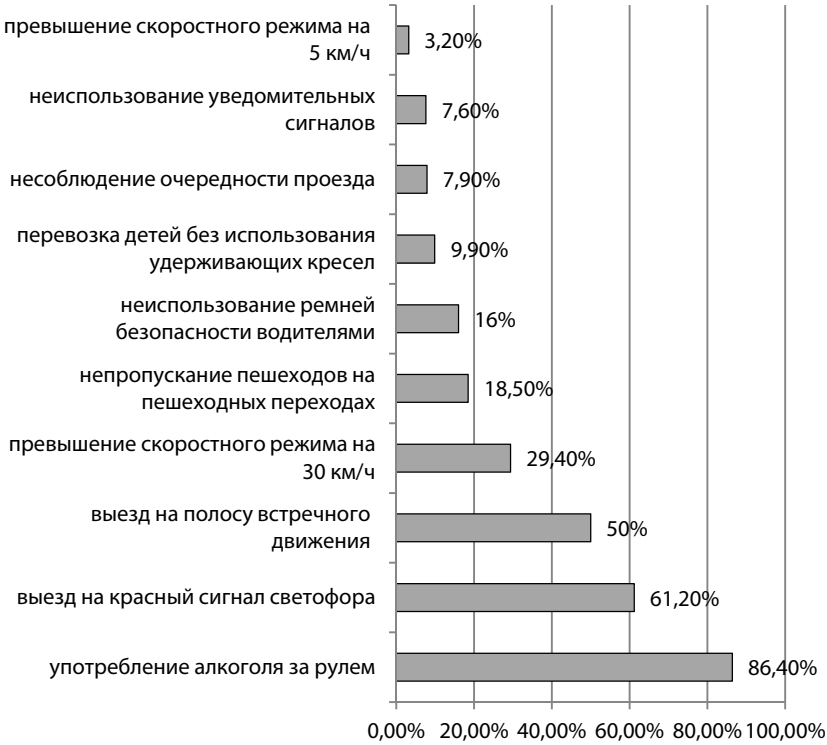


Рис. 3. *Мнения опрошенных о наиболее опасных правонарушениях, %*

такси (1,9 и 1,83 балла). Наименьшим уровнем опасности для населения обладают проезд на общественном транспорте, его ожидание на остановках и переход по регулируемому перекрестку со светофором (1,69; 1,62 и 1,52 балла соответственно).

Наиболее грубым и опасным правонарушением на дороге городские жители считают употребление алкоголя за рулем (86,4 %). Следующие по значимости идут такие нарушения, как выезд на красный сигнал светофора и выезд на полосу встречного движения в местах, где это запрещено (61,2 и 50 %). Каждый третий опрошенный назвал опасным превышение скоростного режима на 30 км/ч (29,4 %) (рис. 3).

При ответе на вопрос: «*Что, по Вашему мнению, позволит обеспечить безопасность детей на автомобильном транспорте?*» вариант «соблюдение правил перевозки детей водителями» набрал максимальное количество (61,2 %). За высокие штрафы за несоблюдение правил перевозки детей высказались 13,8 % опрошенных. Каждый десятый поддержал вариант, связанный с обучением детей основам безопасности дорожного движения

в школе (9 %). За обучение детей основам безопасности дорожного движения родителями высказались 6,2 % респондентов.

Таким образом, общественная оценка степени безопасности дорожного движения в городе, в котором непосредственно проживают респонденты, в целом удовлетворительная. Население также позитивно оценивает изменения, которые произошли в ее обеспечении за последние пять лет. Однако более детальный анализ проблем показал, что многие из них остаются нерешенными. В большей степени жителей волнуют нарушения правил безопасности со стороны водителей, хотя нарушения со стороны пешеходов тоже имеют место быть. Невнимательность обеих сторон также способствует росту дорожно-транспортных происшествий. Однако, когда респондентов попросили оценить личное отношение к соблюдению правил дорожного движения, доминировали варианты ответов о старательном их соблюдении, что является, на наш взгляд, несколько завышенным.

Исследование показало, что соблюдение правил дорожного движения и безопасность движения транспорта составляют основу в понимании горожанами транспортной безопасности в целом. Рейтинг различных ее аспектов позволяет утверждать, что горожане наиболее опасными считают переход по нерегулируемому пешеходному перекрестку и проезд велосипедистов по проезжей части. Средний уровень опасности присвоен ими проезду на автобусах по междугородним маршрутам и такси, а наименьший — проезду на общественном транспорте, его ожидание пассажирами на остановках и переход по регулируемому перекрестку со светофором.

Для решения этих проблем требуются не столько краткосрочные программы, сколько изменения мировоззренческих ориентиров. Однако данный переход осуществим только на уровне всего общества. Для его реализации требуется достаточное время, поскольку изменение ценностных и моральных установок — наиболее сложное из реформ.

Из вышеизложенного следует, что проблема безопасности дорожного движения должна решаться на уровне самостоятельного национального проекта. Решение огромного комплекса задач в области безопасности дорожного движения должно стать одним из главных государственных приоритетов обеспечения демографической безопасности России.

Список источников

1. *Олещенко Е. М., Сваткова Е. А.* Мировой опыт в области обеспечения безопасности дорожного движения: малозатратные и быстрореализуемые мероприятия // Транспорт Российской Федерации. — 2010. — Т. 29. — № 4. — С. 36–41.

2. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864 [Электронный ресурс]. URL: // http://pravo.gov.ru (дата обращения 26.04.2018).

3. Семья в социологическом измерении. Региональный аспект / отв. ред. Ильдарханова Ф. А. — Казань: Издательство Академии наук, 2016. — 68 с.

4. Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: интеллектуальные транспортные системы: материалы IV Международной научно-практической конференции / под

общей ред. д-ра техн. наук, проф. Р. Н. Минниханова. — Казань: ГБУ «Научный центр безопасности жизнедеятельности», 2016. — 688 с.

5. *Чирков Е. Н., Полушкин М. Ю.* Факторы, влияющие на безопасность дорожного движения // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2014. — № 4. — С. 20–22.

Информация об авторе

Абдульзянов Артур Рашидович — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань, ул. Левобулачная, д. 36а; e-mail: gailj_07@bk.ru).

Abdulzyanov A. R.

Road-transport security as a factor of demographic sustainability of population (regional aspect)

The article analyzes sociological studies devoted to the security state of road-transport movement held by Family and demography center of Tatarstan academy of sciences. Annually 25 children and more than 300 people die in the republic in road accidents. These processes influence on depopulation and form a threat to demographic security. The author held social surveys to reveal reasons of road-transport accidents among population, mortality on roads, and to give a scientifically grounded interpretation of facts, to find out tendencies of demographic security of population.

Keywords: demographic security, road movement security, rural city space, modernization of road-transport infrastructure

References

1. Oleshchenko E. M, Svatkova E. A. Mirovoj opyt v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: malozatratnye i bystrorealizuemye meropriyatiya / Transport Rossijskoj Federacii. — 2010. — T. 29. — № 4. — S. 36–41.

2. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 oktyabrya 2013 g. № 864 «O federal'noj celevoj programme «Povyshenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2013–2020 godah» [ehlektronnyj resurs] // http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya 26.04.2018).

3. Sem'ya v sociologicheskom izmerenii. Regional'nyj aspekt / Otv. red. Il'darhanova F. A. — Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk, 2016. — 68 s.

4. Sovremennye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: intellektual'nye transportnye sistemy: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Pod obshchej red. d-ra tekhn. nauk, prof. R. N. Minnihanova. — Kazan': GBU «Nauchnyj centr bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti», 2016. — 688 s.

5. Chirkov E. N., Polushkin M. Yu. Faktory, vliyayushchie na bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. — 2014. — № 4. — S. 20–22.

Author

Abdulzyanov Artur Rashidovich — candidate of sociological sciences, scientific researcher, Family and demography center of Tatarstan academy of sciences (Russia, 420111, Kazan, Levobulachnaya st., 36a, Family and demography center; e-mail: gailj_07@bk.ru).

УДК 339.92

Ишуков А. А., Бедрина Е. Б.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИЙ СТУДЕНТОВ НА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ: СРАВНЕНИЕ ОПЫТА ЕС И ЕАЭС[1]

В статье рассматриваются миграции студентов в рамках Европейского союза и Евразийского экономического союза. В частности, приводятся нормативно-правовые базы, регулирующие данные процессы в интеграционных объединениях, также рассматривается статистическая динамика. Отмечается, что политика ЕС и ЕАЭС способствует привлечению иностранных студентов. Делается вывод, что миграция студентов концентрируется в ближайших странах в рамках интеграционных объединений.

Ключевые слова: ЕС, ЕАЭС, миграции студентов

В настоящее время значительной популярностью пользуется миграция в зарубежные страны студентов и аспирантов. Причем количество иностранных студентов с 2000 по 2015 гг. увеличилось в более чем в 2 раза и продолжает расти.

Основными центрами концентрации миграций иностранных студентов уже длительное время можно называть Северную Америку и Европейский союз. Действительно, вузы США и Великобритании считаются лучшими по международным рейтингам (например, по рейтингу «QS»). Однако азиатские вузы из года в год все активнее наращивают свои позиции (в частности вузы Гонконга, Сингапура и Китая), поэтому в перспективе направления студенческой мобильности могут быть изменены в пользу Азиатского региона.

Миграционные процессы относительно студентов и аспирантов регулируются как на национальном уровне, так и в рамках интеграционных объединений, в которые входят страны. Для примера сравним опыт Евразийского экономического союза и Европейского союза.

1 января 2015 года договор о создании Евразийского экономического союза вступил в силу, что дало старт более глубокой и интенсивной интеграции России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Кыргызстана, в том числе и по вопросам развития рынка образовательных услуг. Развитие академической мобильности отражено в совместных соглашениях ЕАЭС и в нормативно-правовых базах самих стран. Например, в «Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг.» в число приоритетов попали «повышение конкурентоспособности российской системы образования в мировом пространстве», «повышение

[1] © Бедрина Е. Б., Ишуков А. А. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16–02–00422 ОГН «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

уровня дохода от экспорта образовательных услуг», «привлечение в страну квалифицированных кадров» и т. д. [2, с. 100]. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года одним из целевых направлений называется «увеличение доли иностранных студентов в российских образовательных учреждениях до 5 % от общего числа студентов» [3, с. 33]. В совместном «Соглашении о сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического сообщества в области образования» представлены задачи по «расширению сотрудничества в области образования», «поддержке развития связей между образовательными учреждениями», «развитию академической мобильности» и т. д.

Численность студентов образовательных организаций высшего профессионального образования, прибывших из стран-членов ЕАЭС, с 2011/12 по 2015/16 учебный год выросла в 1,4 раза. Причем динамика по странам разная — в Казахстане данный показатель увеличился в 2,4 раза, а в Белоруссии сократился в 2,1 раза. По Армении и России динамика непостоянная [1, с. 95].

В таблице 1 представлены основные направления входящей и исходящей академической мобильности в странах ЕАЭС.

Для Армении, Белоруссии, Казахстана и Кыргызстана Россия является основным направлением миграции студентов, другими популярными направлениями являются страны ЕС, в частности Германия, Франция и Великобритания. Студенты из близлежащих стран ЕАЭС, а также иностранные студенты из самих стран-членов объединения составляют значительную долю от числа всех прибывших студентов во всех пяти странах.

Высокий уровень академической миграции студентов между странами ЕАЭС обусловлен одинаковыми условиями поступления в вузы для собственных граждан и граждан стран-членов интеграционного объединения — конкурсный отбор.

Таблица 1

Направления входящей и исходящей академической мобильности студентов в странах ЕАЭС

Страна	Входящая мобильность	Исходящая мобильность
Армения	Россия, Грузия, Индия, Иран, Сирия	Россия, Франция, Германия, США, Великобритания
Беларусь	Туркменистан, Россия, Китай, Иран, Нигерия	Россия, Польша, Германия, Литва, Чехия
Казахстан	Узбекистан, Индия, Кыргызстан, Китай, Туркменистан	Россия, Кыргызстан, США, Турция, Великобритания
Кыргызстан	Казахстан, Индия, Таджикистан, Россия, Турция	Россия, Турция, Казахстан, Германия, Саудовская Аравия
Россия	Казахстан, Украина, Узбекистан, Туркменистан, Беларусь	Германия, Чехия, США, Великобритания, Франция

Источник: составлено авторами по материалам [5].

Согласно опросу студентов экономического факультета Российского университета дружбы народов и Сетевого университета СНГ доминирующими факторами академической мобильности являются перспективы трудоустройства и карьерного роста. Также основными факторами являются уровень преподавательского состава, материально-техническая база данных университетов и стоимость обучения и проживания [4, с. 936].

Наиболее популярная форма международной миграции студентов — программа второго диплома (программа, организованная совместно с зарубежным университетом). Также есть программа международного студенческого обмена по семестрам. В случае, если страна является членом Болонского процесса, то гармонизация академической мобильности упрощается (например, одинаковые стандартные зачетные единицы по курсам). Почти все страны ЕАЭС являются членами Болонского процесса: Россия с 2003 года, Армения с 2005-го, Казахстан с 2010-го, Беларусь с 2015 года.

Так же, как и страны Евразийского экономического союза, страны Европейского союза заинтересованы в привлечении иностранных студентов, для того чтобы впоследствии они стали высококвалифицированными кадрами на европейском рынке труда, так как в будущем может образоваться их дефицит на рынке из-за старения населения. Поэтому создаются привлекательные условия для жизни и выстраивания карьеры иностранных студентов, решаются вопросы о признании иностранных дипломов и квалификаций. Наиболее удобной для иностранных студентов, планирующих учиться в стране Европейского союза, является программа «Erasmus Mundus», так как она позволяет им не прерывать обучение в стране проживания и дополнительно получить образование в европейском вузе. Активными участниками этой программы являются страны-члены ЕАЭС, особенно Россия.

В таблице 2 представлены основные направления академической мобильности по некоторым странам ЕС, являющимся основными направлениями исходящей миграции стран ЕАЭС.

Преимущественно иностранные студенты ЕС предпочитают получать образование в близлежащих странах объединения. В свою очередь, в перечисленные страны ЕС в большей степени предпочитают приезжать студенты из развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Интересно, что во многих странах ЕС иностранным студентам после завершения учебы разрешается остаться для выстраивания карьеры. Это может происходить в двух случаях [6, с. 35]:

1) если иностранные студенты трудоустроены (Бельгия, Кипр, Испания, Эстония, Италия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Швеция и Великобритания);

2) если иностранные студенты находятся в поиске работы (Австрия, Германия, Финляндия, Франция, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Словения, Норвегия).

Таблица 2

Направления входящей и исходящей академической мобильности студентов в странах ЕС

Страна	Входящая мобильность	Исходящая мобильность
Великобритания	Китай, Индия, Нигерия, Малайзия, Гонконг	США, Австралия, Франция, Германия, Ирландия
Германия	Китай, Россия, Индия, Австрия, Франция	Австрия, Великобритания, Швейцария, США, Франция
Италия	Китай, Албания, Румыния, Иран, Греция	Великобритания, Австрия, Франция, Испания, Германия
Литва	Беларусь, Индия, Нигерия, Украина, Германия	Великобритания, Дания, Польша, Германия, Россия
Польша	Украина, Беларусь, Норвегия, Швеция, Чехия	Германия, Великобритания, Франция, Дания, Италия
Финляндия	Россия, Вьетнам, Китай, Непал, Пакистан	Швеция, Великобритания, Эстония, Германия, США
Франция	Марокко, Китай, Алжир, Тунис, Италия	Бельгия, Канада, Великобритания, Швейцария, Германия
Чехия	Словакия, Россия, Украина, Казахстан, Вьетнам	Словакия, Германия, Великобритания, Польша, США

Источник: составлено авторами по материалам [5].

Сравнивая опыт ЕС и ЕАЭС по студенческой миграционной политике, стоит отметить, что в обоих интеграционных объединениях такая политика считается приоритетной и законодательная база максимально способствует процессу привлечения иностранных студентов, однако в ЕС данный процесс более совершенен, например, по вопросам последующего трудоустройства. Также прослеживается общая для обоих объединений тенденция — динамика основных миграционных процессов показывает, что иностранные студенты, в первую очередь, мигрируют в близлежащие страны объединений.

Список источников

1. Евразийский экономический союз в цифрах: стат. ежегодник 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/ integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2016.pdf (дата обращения: 28.06.2018).

2. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций. — 2010. — № 1(27). — С. 96–106.

3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af 09d7244d 8033c 66928fa27e527/ (дата обращения: 26.06.2018).

4. *Чавыкина М. А.* Академическая мобильность в странах ЕАЭС: современное состояние и перспективы развития проблемы // Креативная экономика. — 2017. — № 9. — С. 931–942.

5. Global Flow of Tertiary-Level Students [Электронный ресурс]. URL: http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow (дата обращения: 25.06.2018).

6. Immigration of International Students to the EU European Migration Network Study 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.emn.lv/wp-content/uploads/Immigration_of_International_Students_to_the_EU_SR_11April2013_FINAL.pdf (дата обращения: 27.06.2018).

Информация об авторе

Ишуков Александр Александрович — экономист Центра исследований социоэкономической динамики, ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения РАН» (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29); ассистент кафедры международной экономики и менеджмента, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19), e-mail: a.a.ishukov@urfu.ru).

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29); доцент кафедры международной экономики и менеджмента Института Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: bedrina1967@mail.ru).

Ishukov A. A., Bedrina E. B.

Evaluation of the Influence of Migration Processes of Students on the Development of Economic Potential of the Population: Comparison of the Experience of EU and EAEU

The article deals with migration processes of students in the European Union and the Eurasian Economic Union. In particular, the regulatory and legal frameworks of these processes in integration associations are given, statistical dynamics is also considered. It is noted that the policy of the EU and the EAEU contributes to attracting foreign students. It is concluded that the migration of students is concentrated in the nearest countries in the integration associations.

Keywords: EU, EAEU, migration students

References

1. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz v cifrakh. Statisticheskiy ezhegodnik 2016 [Electronic resource]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2016.pdf (дата обращения: 28.06.2018).

2. Koncepcija eksporta obrazovatel'nykh uslug Rossiyskoy Federacii na period 2011–2020 gg. // Vestnik mezhdunarodnykh organizaciy. — 2010. — № 1(27). — P. 96–106.

3. Rasporyazhenije Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-p [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527.

4. Chavykina M. A. Akademicheskaya mobilnost' v stranakh YeAES: sovremennoe sostoyanie i perspectivy razvitija problemy // Kreativnaja ekonomika. — 2017. — № 9. — P. 931–942.

5. Global Flow of Tertiary-Level Students [Electronic resource]. URL: http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow.

6. Immigration of International Students to the EU European Migration Network Study 2012 [Electronic resource]. URL: http://www.emn.lv/wp-content/uploads/Immigration_of_International_Students_to_the_EU_SR_11April2013_FINAL.pdf.

Authors

Ishukov Alexander — Economist, Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, 29 Moskovskaya St.); Assistant of the Department of International Economics and Management, Ural Federal University (Russia, 620002, Yekaterinburg, 19 Mira St., e-mail: a.a.ishukov@urfu.ru).

Bedrina Elena Borisovna — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, 29 Moskovskaya St.), Associate Professor, Department of International Economics and Management; Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia (620002, Ekaterinburg, Mira St., 19); e-mail: bedrina1967@mail.ru).

УДК 314.1

Биктимиров Н. М.

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН ЗА 1990–2017 ГГ.[1]

В статье рассмотрены изменения возрастной структуры женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан с начала демографического кризиса до современного этапа развития региона, то есть за период 1990–2017 гг., в разрезе «город — село». Анализ динамики численности женщин репродуктивного возраста республики позволил выявить периоды наибольших и наименьших изменений. Показаны причины таких изменений, вызванные значимыми событиями в социально-экономической жизни региона. В работе показана роль миграций в изменении структуры населения Республики Татарстан в целом.

Для проведения иследования Центром семьи и демографии АН РТ была проанализирована динамика численности женщин репродуктивного возраста с 1990 по 2017 гг. в 7 возрастных группах. Определены возрастные интервалы, содержащие самую большую долю женщин в республике, за последние 28 лет. Особый интерес для нашего исследования представляет интервал 25–29 лет, в котором на сегодняшний день сконцентрировано больше всего женщин, проживающих в Татарстане. Указаны отдельные данные, которые могут быть полезны при прогнозировании населения. В работе представлен подробный анализ численности женщин Республики Татарстан в возрасте 15–49 лет за 1990–2017 гг; суммарного коэффициента рождаемости в регионе за 1959–2016 г.; динамики численности городских и сельских жительниц Республики Татарстан в возрасте 15–49 лет за 1990–2017 гг.; возрастной структуры женщин РТ репродуктивного возраста за разные годы.

Ключевые слова: женское население, возрастная структура женщин, репродуктивный возраст, Республика Татарстан, динамика численности населения, городское население, сельское население, Центр семьи и демографии АН РТ

Значительные социально-экономические преобразования, происходившие в 90-е годы XX века, существенно повлияли на демографическую ситуацию в России. Большинство субъектов Российской Федерации, даже те национально-территориальные образования, которые многие десятилетия выделялись высоким естественным приростом населения (республики Дагестан, Кабардино-Балкария, Татарстан и др.), столкнулись с демографической проблемой.

Резкий спад рождаемости в России и ее регионах, характерный для 90-х годов, вызвал существенные изменения возрастной структуры населения.

Возрастная структура населения является общей координатой всех демографических процессов, их универсальной независимой переменной,

[1] © Биктимиров Н. М. Текст. 2018.

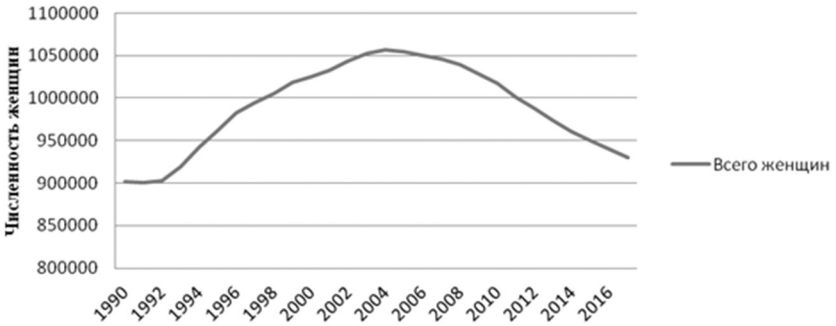


Рис. 1. *Динамика численности женщин Республики Татарстан в возрасте 15–49 лет за 1990–2017 гг., чел. Источник: https://fedstat.ru/indicator/33459*

которая фиксируется и учитывается при регистрации любых событий в жизни человека.

Возрастная структура женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан за 1990–2017 гг. значительно изменилась.

Анализ изменения возрастной структуры женщин репродуктивного возраста РТ за последние 28 лет показал общий рост количества женщин на 29,1 тыс. чел. (с 901,2 тыс. чел. до 930,3 тыс. чел.). Если обратить внимание на динамику изменения численности женщин репродуктивного возраста республики, то наиболее динамичный рост наблюдался в 1992–2004 годы, достигая наивысшего показателя в 2004 г. — 1 млн 57 тыс. чел., а с 2005 г. по 2017 г. можно увидеть только непрерывное снижение численности женщин (см. рис. 1.), и за исследуемый период количество женского населения, несмотря на общий рост, непрерывно стремится к уровню начала 90-х годов.

Причиной таких динамичных изменений стали значимые события в социально-экономической жизни региона, вызвавшие значительные сдвиги в естественном, механическом и социальном движении населения республики.

Создание Нижнекамского территориально-производственного комплекса, особенно строительство КАМАЗа, привело к усилению притока мигрантов в регион. С 1970 по 1986 гг. территория, занимаемая Нижнекамским ТПК, аккумулировала 500 тысяч мигрантов, среди которых 140 тыс. человек приехали на постоянное место жительства из других регионов России [3].

Если на 01.01.1979 г. численность населения Казани составляла 991,4 тыс чел., то спустя год — 1003,4 тыс. чел., соответственно прирост составил 11 тыс. чел. Несмотря на то, что в Набережных Челнах численность населения за этот период по сравнению с Казанью была более чем в три раза меньше, по приросту населения этот город опередил Казань. Прирост численности населения в Набережных Челнах составил 17,9 тыс. чел. (с 300,6

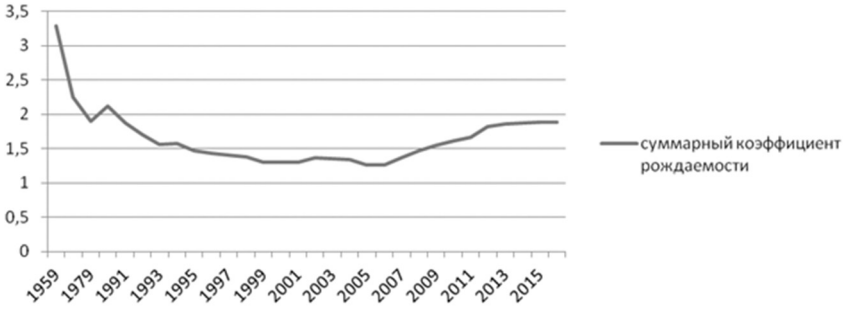


Рис. 2. *Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Татарстан в 1959–2016 гг. Источники: [4]; http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/7c3c3d804c72253a9069937dff7d05ed/MO-16.pdf 9 (дата обращения: 25.03.2018)*

до 318,5 тыс. чел). Это было связано с прибытием большого количества людей на строительство Камского автомобильного завода [1].

Пик наибольшего оттока населения из республики приходился на 1979–1982 годы, после чего началось снижение оттока. Однако в 1989 году отток населения из республики вновь увеличился.

Миграция существенно изменяет демографическую ситуацию, играет решающую роль при прогнозировании населения. Проблема изучения миграции населения становится наиболее актуальной в настоящее время, в период осложнения экономических и социальных проблем, связанных с некоторой степенью неопределенности механического движения населения.

Национальный состав мигрантов начали учитывать только после 1988 г.

В начале 90-х годов XX века сальдо миграции татар в 4,7 раза было больше сальдо миграции русских.

Приток вынужденных переселенцев в республику в 2002 г. по сравнению с 1997 г. сократился на 86,7 %. В течение этого времени увеличивалась (с 61,6 до 70,9 %) доля переселенцев, размещенных в городских поселениях [3].

Соответственно в 90-е годы Татарстан принимал большой поток мигрантов, среди которых существенную долю занимали женщины репродуктивного возраста. В начале XX века их численность уже снижалась [2], что можно увидеть на рис.1.

Высокий по сегодняшним меркам суммарный коэффициент рождаемости также «участвовал» в росте численности женщин репродуктивного периода за 1992–2004 годы (рис. 2).

Динамика численности сельских женщин репродуктивного возраста во многом сходна с городской, но в целом можно заметить, что наиболее динамичные изменения были характерны для городского населения (рис. 3).

Причинами резких изменений в динамике численности, в первую очередь городского населения, являются большое количество рождений в 80-х годах и положительное сальдо миграции 90-х годов XX века. Например, рождаемость в Республике Татарстан в абсолютных показателях своего

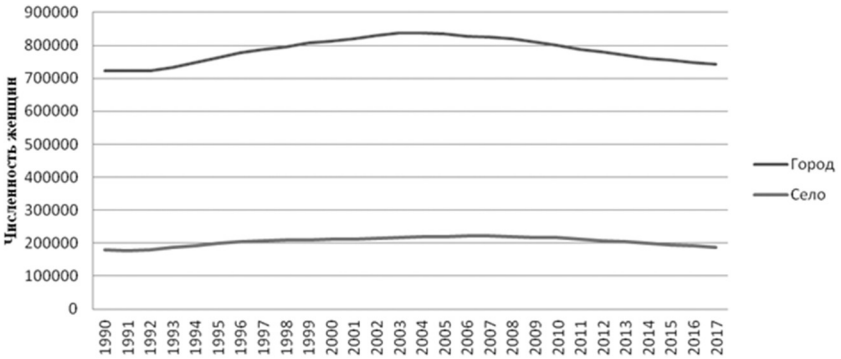


Рис. 3. *Динамика численности городских и сельских женщин Республики Татарстан в возрасте 15–49 лет за 1990–2017 гг. Источник: https://fedstat.ru/indicator/33459*

пика достигла в 1987 году. Рожденные в конце 80-х обеспечили рост рождаемости при вступлении в репродуктивный возраст. Средний возраст матери при рождении ребенка в Татарстане составил в 2016 г. 28,8 года.

Следующий этап исследования был связан с изменениями численности женщин репродуктивного возраста с 1990 по 2017 гг. в 7 возрастных группах: 15–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет, 30–34 года, 35–39 лет, 40–44 года, 45–49 лет в разрезе городского и сельского населения.

Все возрастные группы городского населения можно разделить на две. Первая группа — та, где динамика численности городских женщин детородного возраста устремлена вниз. Соответствующую динамику имеют возрастные интервалы 15–19, 20–24, 45–49 лет. Высока вероятность, что численность самых молодых и, наоборот, возрастных женщин репродуктивного возраста в дальнейшем будет еще меньше. Вторую группу, где динамика численности городских женщин детородного возраста устремлена вверх, образуют возрастные интервалы 25–29; 30–34; 35–39 лет.

Обращает на себя внимание когорта городских женщин в возрастном интервале 20–24 года, численность которых начиная с 2010 г. падает очень высокими темпами (см. рис. 4, 5).

За последние 28 лет самая большая доля женщин приходилась на следующие возрастные группы: 1990–1994 г.(30–34 года), 1995–1999 г.(35–39 лет), 2000–2004 г. (40–44 года), 2005–2008 г.(45–49 лет), 2009–2012 (20–24 года). Начиная с 2013 г. и по сегодняшний день больше всего женщин в Татарстане в возрасте 25–29 лет.

Значительные изменения происходят в интервалах 15–19 лет и 45–49 лет. Например, если определить доли численности женщин возраста 15–19 лет из всего населения репродуктивного возраста и проследить за весь исследуемый период, то можно увидеть слудующую особеность: в 1990 г. на их долю приходилось 13,7 %, а в 2017 г. — всего 9,7 % всех женщин репродуктивного возраста. При этом максимальное значение для этого

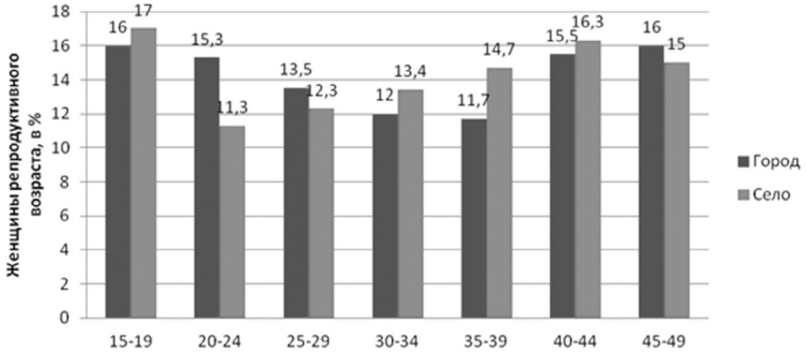


Рис. 4. *Возрастная структура женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан на начало 2005 г., % Источник: https://fedstat.ru/indicator/33459*

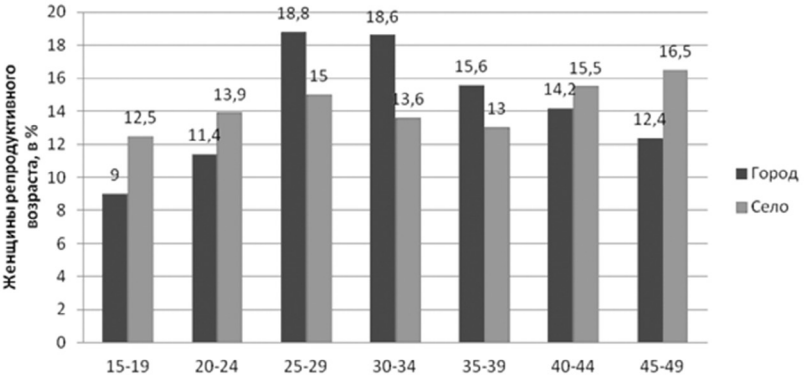


Рис. 5. *Возрастная структура женщин репродуктивного возраста Республики Татарстан на начало 2017 г., % Источник: https://fedstat.ru/indicator/33459*

интервала было не в 90-е годы XX века, а 2003–2005 гг. (16,2 %), а уже начиная с 2006 года можно увидеть только непрерывное снижение. При составлении прогнозов в обязательном порядке необходимо учитывать эти изменения. Таким образом, в абсолютных показателях самое большое количество детей родилось в Татарстане в конце 80-х годов XX века с рекордным количеством рождений за все историю существования республики (более 70 тыс. человек), что почти в 2 раза больше показателя 1992 года.

Рожденные в конце 80-х годов XX века в 2003–2005 годы вступили именно в данный интервал рождений.

Наиболее перспективный интервал для сельского населения — это 30–34 года, где наблюдается небольшой рост сельских женщин. Это необходимо учитывать и при оценке трудоресурсного потенциала сельских населенных пунктов республики.

Список источников

1. Государственный архив Республики Татарстан. — Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 1190. Л. 7.

2. Муниципальные образования Республики Татарстан 2016: стат. сборник / Татарстанстат. — Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2017.

3. *Мустафин М. Р., Биктимиров Н. М.* Современный этнодемографический и трудовой потенциал Республики Татарстан: монография. — Казань: Изд-во «Вестфалика», 2012. — 153 с.

4. Численность, состав и движение населения в Республике Татарстан в 2016 году: стат. сборник / Татарстанстат. — Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2017. — 154 с.

Информация об авторе

Биктимиров Нияз Миннахматович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия. 420111, г. Казань, ул. Левобулачная, 36 а, Центр семьи и демографии АН РТ; e-mail: Niyaz825@ mail.ru).

Biktimirov N. M.

Peculiarities of Changes in Women Age Structure of Republic of Tatarstan of Reproductive Age for 1990–2017

The paper considers changes in the age structure of women of the Republic of Tatarstan of reproductive age, from the beginning of the demographic crisis to the present stage of development of the region, that is, for the period 1990–2017 in the context of the city and village. An analysis of the dynamics of the number of women of reproductive age in the republic made it possible to identify the periods of the greatest and least changes. The reasons for such changes are shown, caused by significant events in the social and economic life of the region. The article shows the role of migrations in changing the structure of the population of the Republic of Tatarstan as a whole.

For the study, the changes in the number of women of reproductive age from 1990 to 2017 in 7 age groups were chosen. The age intervals containing the largest share of women in the republic for the last 28 years are determined. Of particular interest to our study is the interval of 25–29 years, where today most women concentrated in Tatarstan are concentrated.

Specific data are indicated that can be useful in predicting the population.

The paper presents a detailed analysis of the dynamics of the number of women in the Republic of Tatarstan aged 15–49 years in the period 1990–2017; the total fertility rate in the region for 1959–2016; dynamics of urban and rural women in the Republic of Tatarstan at the age of 15–49 years for 1990–2017; age structure of women of reproductive age in different years.

Keywords: female population, age structure of women, reproductive age, Family and demography center, Republic of Tatarstan, population dynamics, urban population, rural population

References

1. The State Archives of the Republic of Tatarstan. F. R-1296. Op.18. D.1190. P.7.

2. Municipal entities of the Republic of Tatarstan 2016. Statistical compilation / Tatarstanstat. — Kazan: Tatarstanstat Publishing Center, 2017.

3. Mustafin M. R., Biktimirov N. M. Modern ethnodemographic and labor potential of the Republic of Tatarstan: Monograph. — Kazan: Publishing house “Westfalica”, 2012. — 153 p.

4. The number, composition and movement of the population in the Republic of Tatarstan in 2016: Statistical Digest / Tatarstanstat. — Kazan: Tatarstanstat Publishing Center, 2017. — 154 c.

Author

Biktimirov Niyaz Minnakhmatovich — Ph.D. in Geography, Senior Researcher, Family and demography center, Tatarstan Academy of Sciences (Russia, 420111, Kazan, 420111, Levobulachnaya st., 36a, Family and demography center, e-mail: Niyaz825@ mail.ru).

УДК 314.3

Гараева Э. И., Костина Н. Б.

ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ: ДЕЙСТВЕННЫ ЛИ ПРОНАТАЛИСТСКИЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ?[1]

Одной из приоритетных задач, стоящих перед государством в последние годы, является повышение рождаемости. В данной статье анализируются аспекты российской государственной политики в области семьи. Акцент сделан на эффективности мер пронаталистской политики в профилактике бездетности. Также посредством интернет-опроса проведено исследование мотивов отказа от рождения ребенка среди добровольно бездетных людей. Проанализировав меры профилактики бездетности, авторы приходят к выводу, что пронаталистская политика должна быть направлена как на социальную поддержку семей, ориентированных на рождение и воспитание детей, так и на формирование соответствующих ценностей и ценностных ориентаций.

Ключевые слова: бездетность, чайлдфри, рождаемость, пронаталистские меры, добровольная бездетность.

В экономически развитых странах с 60-х годов XX столетия проявилась и продолжает оставаться устойчивой до сих пор тенденция низкой рождаемости. В России впервые спад рождаемости был зафиксирован в 20-х гг. прошлого столетия, связанный, прежде всего, с историческим переломом и последовавшими затем событиями нашей истории, кардинальным образом повлиявшими на демографическую ситуацию. К 1960-м годам XX века Россия достигла уровня индустриальных стран по показателям рождаемости, но проблема недостаточного уровня прироста населения остается актуальной в течение всего этого периода, вплоть до современности, несмотря на принимаемые и реализуемые государством направления социальной политики, формирования и пропаганды ценностей семьи, материнства и детства.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, 11,5 % женщин в репродуктивном возрасте не имеют детей [3]. По сравнению с данными переписи 2002 года, зафиксировавшими 7,5 % бездетных женщин, мы можем наблюдать рост бездетности [2]. Показатели российской статистики свидетельствуют и о том, что несмотря на некую волнообразность феномена рождаемости (повышения в одни годы — снижения в другие), в целом демографическая ситуация в стране характеризуется снижением рождаемости, одним из проявлений которого является формирование такой подгруппы семей, как бездетные семьи. Исследователи, как демографы, так и социологи, выделяют две категории бездетных семей. Первая группа — это те, кто не могут зачать ребенка по медицинским показаниям, вторая — добровольно отказывающиеся от рождения и воспитания

[1] © Гараева Э. И., Костина Н. Б. Текст. 2018.

детей при биологической возможности их иметь и растить. Наличие второй группы и их семейных практик получило у исследователей наименование «феномен чайлдфри», то есть в переводе с английского «свободных от детей».

Так, исследователи этой (второй) социальной группы Нил и Джоши, в свою очередь, выделили две подгруппы добровольно бездетных людей: «постоянные откладыватели» — сначала не отказываются от идеи продолжить род, но их временное «потом» постепенно переходит в «никогда»; и «волнообразные отказники» — к ним относятся те, кто в одно время не против завести ребенка, а в другое — совсем отказывается от этой идеи.

Что касается мотивов добровольной бездетности, то исследователи выделяют их спектр — от социально-психологических до экономических. Характеризуя жизнедеятельность и развитие конкретной семьи, мотивация на добровольную бездетность оказывает непосредственное влияние на демографическую ситуацию во всей стране. В связи с этим государственная политика народонаселения принимает во внимание альтернативы репродуктивного выбора, разрабатывая и реализуя программы содействия семьям, которые нацелены на продолжение рода. Но насколько реализация запланированных мероприятий способствует/не способствует отказу от добровольной бездетности? Этот вопрос пока не получил достаточного внимания не только со стороны исследователей-социологов, но прежде всего — управляющих субъектов, отвечающих за разработку и реализацию государственной семейной политики.

Итак, одной из приоритетных задач государственной социальной политики является стимулирование рождаемости, увеличения количества детей в семье, поддержка семей с приемными детьми. В целях стимулирования семей к рождению и воспитанию детей государство разрабатывает и реализует меры пронаталистской демографической политики. Рассмотрим некоторые из них.

Материнский капитал и выплата за первенца

С 1 января 2007 года вступил в силу Федеральный закон № 256 от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [6]. Программа материнского капитала нацелена на поддержку при рождении или усыновлении второго и последующих детей в размере 250 000 рублей (2007 г.). Данная сумма увеличивалась при ежегодной индексации в зависимости от уровня инфляции и к 2018 году достигла 453 026 рублей.

Тем не менее, судя по отчету Росстата, в 2016 году в России родилось 1,69 миллиона детей, что на 10,7 % меньше по сравнению с показателем за предыдущий год. Иными словами, несмотря на ежегодное повышение размера материнского капитала, это не оказывает ожидаемого влияния на увеличение рождаемости даже в тех семьях, которые сознательно планируют рождение и воспитание детей. Мы можем предположить, что данная

мера не оказывает влияния на группу семей, добровольно выбирающих бездетность. Данная гипотеза, безусловно, нуждается в эмпирической проверке.

В связи с падающими показателями рождаемости с января 2018 года была принята еще одна мера государственной поддержки, направленная на стимулирование рождаемости, — это ежемесячная выплата за первого ребенка [7]. В среднем данная выплата может составлять 10,5 тыс. рублей. Кроме того, такая выплата увязана с размером регионального прожиточного минимума, то есть претендовать на нее могут не все семьи, принявшие решение о рождении первого ребенка. Поскольку в семьях, добровольно отказывающихся от детей, уровень дохода, как правило, выше такого показателя, как региональный прожиточный минимум, вряд ли на эту подгруппу семей данная мера окажет стимулирующее воздействие.

Субсидии на приобретение жилья

Из постановления Правительства РФ «О некоторых вопросах выделения субсидий молодым семьям на приобретение жилища» следует, что «жилищные субсидии — это помощь гражданам в виде денежной выплаты из средств местного либо федерального бюджета» [5]. Как правило, государство оплачивает до 40 % от общей стоимости жилья. Если учитывать, что категорию бездетных составляют лица от 18 до 45 лет (до окончания фертильного возраста), получается, что одной из категорий граждан, которые могут получить безвозмездную субсидию на улучшение жилищных условий, являются семьи, где оба супруга не достигли 35-летнего возраста. Таким образом, если фактором, определяющим отказ семьи от рождения детей, является жилищная проблема, то они могут попробовать подать заявку на приобретение жилья не позднее 35-летнего возраста. Но, как показывают современные семейные практики, для современных россиян характерно и более позднее вступление в брак, и более позднее рождение первого и последующих детей. Вследствие этого также можно предположить, что данное решение не выполнит стимулирующей роли для группы добровольных бездетных и не приведет к отказу от выбранной стратегии.

Для подтверждения/опровержения выдвинутых гипотетических тезисов в 2017 г. нами было проведено эмпирическое социологическое исследование, а именно — интернет-опрос с помощью видеозвонков ($N = 15$), в ходе которого приверженцы добровольной бездетности форума «Планета Чайлдфри» отвечали на задаваемые нами вопросы о своем социально-демографическом положении (для составления социального портрета), о причинах и мотивах выбора бездетного образа жизни и т. д.

Полученные нами данные, а также посвященные этой проблематике вторичные исследования, позволяют сделать вывод, что в основном социальную группу, выбравшую добровольную бездетность, составляют люди, достаточно успешные в карьерном плане: «*У меня есть мечта — стать директором, у меня пока нет времени на ребенка*»; индифферентные к

религии («*Я 100 % атеист и никогда не верила в бога*»), к соблюдению традиций, ориентированные на комфортную жизнь («*Я хочу путешествовать, хочу приходить домой и отдохнуть после работы в тишине, а бывшая жена хотела детей, вот поэтому мы и развелись*»; «*У меня остается больше времени на любимого человека и на свои хобби, мне не нужно каждый день делать то, что мне не нравится — ухаживать за ребенком*»). Иными словами, у выбравших добровольную бездетность над традиционными семейными ценностями превалируют такие, как независимость, материальное благополучие, комфорт и т. д. Получается, что выбор добровольной бездетности — это не ответ на проблемы материального, финансового, жилищного характера, с этим у добровольно бездетных дела как раз обстоят лучше, чем у имеющих детей, а вопрос ценностей и ценностных ориентаций. Исследователи, фиксирующие этот факт, в частности К.А. Шестаков, отмечают, что для реализации эффективной пронаталистской политики нужно, в первую очередь, аксиологическое воздействие на ценностные ориентации, которые «отвечают» за репродуктивное поведение [8]. Так, например, с 2005 года в УрФО реализуется проект «Семья и семейные ценности», который имеет лекционно-просветительский характер и основан на использовании аксиологического фактора в регулировании репродуктивного поведения и репродуктивных установок. Целями лекций являются: формирование базовых ценностей, необходимых для развития единой, нравственно здоровой и зрелой личности; повышение престижа семьи и брака в молодежной среде; формирование ориентиров на рождение нескольких, двух и более детей в семье и т. д. Безусловно, проект не сводится только к просветительской работе, понятно, что лекции «не решат всех проблем». Но, как известно, под лежачий камень и вода не течет. XXI век — век информационных технологий. Одним из возможных инструментов трансляции семейных ценностей в современном мире является реклама. Воздействующую мощь информационно-рекламных ресурсов можно с успехом направить на демографическое развитие стран. «Популяризация семейного образа жизни, 3–4 ребенка в семье, профилактика разводов и насилия в семье — вот цели, которых можно достичь»[1]. Несмотря на то, что эта мысль высказана 10 лет назад, она не потеряла своей актуальности. Как не может обойтись без коммерческой рекламы любой бизнес, так и демографическая, социальная политика не может не нуждаться в сопроводительной социальной рекламе.

Таким образом, на наш взгляд, пронаталистская политика должна быть направлена не только на социальную поддержку семей, ориентированных на рождение и воспитание детей, но и на формирование соответствующих ценностей и ценностных ориентацией у подгруппы граждан, сознательно выбравших «чайлдфри».

Список источников

1. *Василенко И.А.* Роль рекламы в процессе формирования и трансляции ценности семьи в современном обществе // Вестник ОГУ. — 2008. — № 81. — С. 16.

2. Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis2002.

3. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis2010.

4. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725510.

5. Проект Приказа Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ «Об утверждении формы соглашения о предоставлении субсидии из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации на софинансирование расходных обязательств субъекта Российской Федерации на предоставление социальных выплат молодым семьям на приобретение (строительство) жилья в рамках подпрограммы „Обеспечение жильем молодых семей" Федеральной целевой программы "Жилище" на 2015–2020 годы» (подготовлен Минстроем России 20.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru.

6. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (в ред. от 7.03.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru.

7. О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (в послед. ред.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru.

8. *Шестаков К. А.* Аксиологические методы формирования репродуктивных установок молодежи: опыт УрФО // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX «Уральские социологические чтения» (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. — Екатеринбург: УрФУ, 2015. — С. 514–517.

Информация об авторах

Гараева Эльнара Ильфатовна — аспирант 1 курса обучения Уральской академии государственной службы — филиала РАНХиГС, кафедра теории и социологии управления (Россия, г. Екатеринбург; e-mail: elnara.garaeva@ui.ranepa.ru).

Костина Наталия Борисовна — доктор социологических наук, профессор Уральской академии государственной службы — филиала РАНХиГС, кафедра теории и социологии управления (Россия, г. Екатеринбург).

Garayev E. I., Kostina N. B.

Voluntary Childlessness: is the Pronatalistic Measures of Prevention?

One of the priority tasks facing the state in recent years is to increase the birth rate. This article analyzes the aspects of the Russian state policy in the field of family. The emphasis is made on the effectiveness of measures of pronatalist policy in the prevention of childlessness. Also, by means of an Internet survey, a study of the motives of refusal to give birth to a child among voluntarily childless people was conducted. Having analyzed the measures of childlessness prevention, the authors come to the conclusion that the pronatalist policy should be aimed both at social support of families focused on the birth and upbringing of children, and at the formation of appropriate values and value orientations.

Keywords: childlessness, childfree, fertility, pronatalist measures, voluntary childlessness.

References

1. Vasilenko I. A. The Role of Advertising in the Process of Formation and Translation of the Value of the Family in Modern Society // Vestn. — OSU. — 2008. — No. 81. — P. 16.

2. All-Russian population census of 2002 [Electronic resource]. URL: http: //www.perepis2002.

3. All-Russian population census of 2010 [Electronic resource]. URL: http: //www.perepis2010.

4. State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation for 2016 [Electronic resource]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725510.

5. Draft Order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation "On approval of the form of the agreement on granting a subsidy from the federal budget to the budget of the subject of the Russian Federation for co-financing the expenditure obligations of the subject of the Russian Federation for providing social payments to young families for the acquisition (construction) of housing under the subprogramme" Providing housing for young families "of the federal target program" Housing "for 2015 — 2020" (prepared by the Ministry of Construction of Russia on December 20, 2016) [Electronic resource]. URL: GARANT.RU: http://www.garant.ru.

6. The federal law. On additional measures of state support for families with children: Federal Law No. 256-FZ of December 29, 2006 (as amended on 7.03.2018) [Electronic resource]. URL: http://www.garant.ru.

7. The federal law. On monthly payments to families with children: Federal Law No. 418-FZ of December 28, 2017 (in the last edition) [Electronic resource]. URL: http://www.garant.ru.

8. Shestakov K. A. Axiological methods of formation of reproductive attitudes of youth: the UrFO experience // Socio-cultural development of the Great Urals: trends, problems, perspectives: materials of the jubilee All-Russian scientific and practical conference XX Ural sociological readings (Ekaterinburg, 27 -28 February 2015) / under the total. Ed. Yu. R. Vishnevsky. — Ekaterinburg: UrFU, 2015. — P. 514–517.

Authors

Garaeva Elnara Ilfatovna — Postgraduate 1 course, Ural Academy of Public Service-Branch, Russian Academy of Sciences, Department of Management Theory and Sociology (Russia, Yekaterinburg).

Kostina Natalia Borisovna — Doctor of Sociology, Professor, Ural Academy of Public Service-Branch of the Russian Academy of Science, Department of Management Theory and Sociology (Russia, Yekaterinburg).

УДК 314

Гокова О. В.

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

В данной статье проанализирована демографическая ситуация в одном из регионов России, для которого характерны общероссийские тенденции, — Омской области, и выявлены основные проблемы и тенденции развития. В Омской области с 1993 года отмечается снижение численности населения. Одной из основных причин депопуляции в области является низкая рождаемость, снижение которой отмечается еще с конца 1960-х годов, и она не обеспечивает простого воспроизводства населения. Снижение рождаемости коснулось практически всех регионов России. Вместе с тем, несмотря на общие низкие показатели рождаемости, существуют значительные региональные различия. Дифференциация регионов по уровню рождаемости в России зависит в основном от доли городского населения и национального состава. Рождаемость в Омской области характеризуется распространением 1–2-детности в семье, сближением параметров рождаемости городского и сельского населения, откладыванием на более поздние сроки рождения первенца, увеличением внебрачных рождений. Кроме этого, серьезной причиной депопуляции во многих регионах РФ, а также и в Омской области, которая придает ей особую остроту, является высокая смертность. В современной России сложилась уникальная для мировой практики ситуация: смертность населения возрастает при низких коэффициентах рождаемости и снижении численности населения. Особую тревогу в большинстве регионов страны вызывают очень высокие показатели смертности трудоспособного населения, причем 80 % — среди мужчин. Еще одной проблемой остается миграционная ситуация, т. е. миграционное движение не компенсирует естественную убыль населения Омской области. Снижается активность миграционных потоков. В Омской области с 1999 года отмечается отрицательное сальдо миграции. Тенденции замедления миграционной активности характерны и для других регионов России. Большая часть миграционных потоков сегодня — это межрегиональный внутрироссийский обмен.

Ключевые слова: демографическое развитие; депопуляция; воспроизводство населения; рождаемость и смертность населения; миграционные процессы

Омская область входит в состав Сибирского федерального округа, занимая в нем по площади девятое, по численности населения — 11-е место. Численность населения Омской области на 1 января 2018 года составила 1960,1 тыс. человек. Областной центр — город Омск — восьмой по величине город России (численность жителей города — 1172,0 тыс. человек, почти 60 % населения области)[2]. Заселена область крайне неравномерно. В характере заселенности преобладает естественный порядок, на который влияют

[1] © Гокова О. В. Текст. 2018.

[2] Численность населения Омской области: стат. бюл. / Омскстат. Омск, 2018. С. 6.

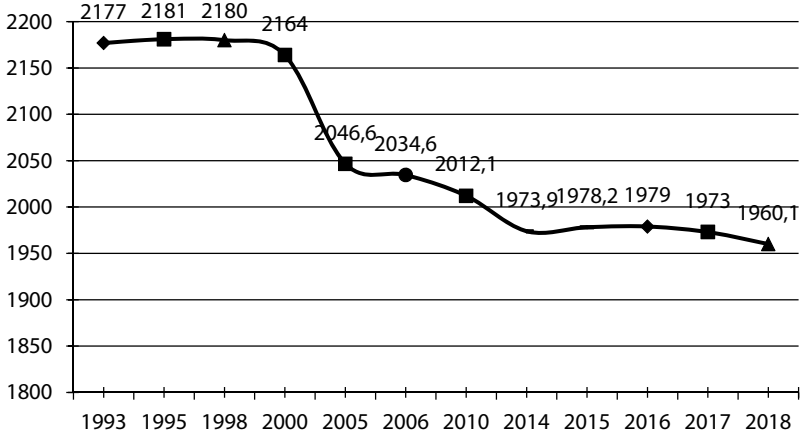


Рис. 1. *Численность населения Омской области с 1993 по 2018 годы, тыс. человек (построено автором по данным: Демографический ежегодник Омской области, 2001. С. 9; Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 13; Численность населения Омской области, 2018. С. 6)*

природно-климатические условия, благоприятные для жизни и ведения хозяйства.

В Омской области проживает население более 80 национальностей. Русские являются самой многочисленной национальностью — более 80 % от общей численности населения, казахи составляют 4,1 %, украинцы — 2,7 %, немцы — 2,6 %, татары — 2,2 %[1]. Этническая миграция в государства ближнего зарубежья, а также эмиграция в страны дальнего зарубежья меняют структуру национального состава. Среди наиболее многочисленных национальностей растет доля русских, казахов и украинцев, сокращается доля немцев.

С 1993 г. Омская область находится в ситуации депопуляции. За период с 1993 по 2018 гг. численность населения здесь сократилась с 2177,0 тыс. человек до 1960,1 тыс. человек, т. е. на 216,9 тыс. человек (рис. 1)[2].

Определяющими факторами в развитии демографических процессов на территории Омской области в течение последних двух десятилетий остаются естественная убыль населения и отрицательное сальдо миграции.

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении национального состава населения по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html (дата обращения: 27.04.2018).

[2] Демографический ежегодник Омской области: стат. сборник / Омскоблкомстат. Омск, 2001. С. 9; Демографический ежегодник Омской области: стат. сборник / Омскстат. Омск, 2017. С. 13; Численность населения Омской области: стат. бюл. / Омскстат. Омск, 2018. С. 6.

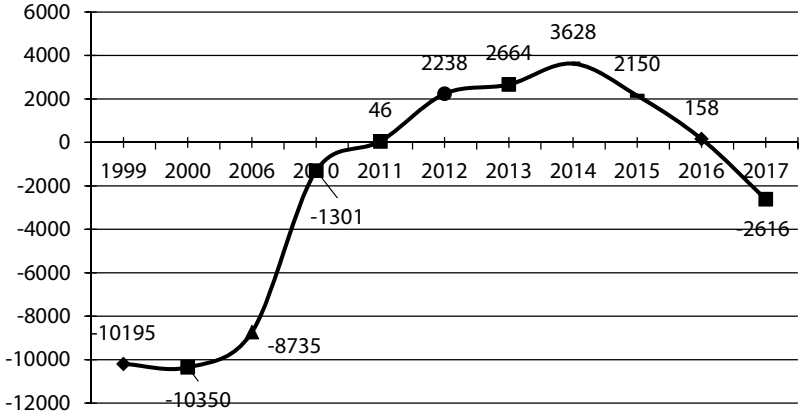


Рис. 2. *Естественный прирост/убыль населения Омской области, чел. (построено автором по данным: Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 23; Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. Омск, 2018. С. 7–8)*

В 2000 году число умерших превышало число родившихся на 10,3 тыс. человек, в 2005 году естественная убыль населения составила 10,4 тыс. человек, и с этого времени она сокращалась до 1,3 тыс. человек в 2010 году. С 2011 по 2017 гг. в Омской области отмечался небольшой ежегодный естественный прирост населения, однако с 2017 года показатели смертности вновь превысили рождаемость (рис. 2). Коэффициент естественной убыли в расчете на 1000 человек населения в период с 2000 по 2017 гг. соответственно снизился с 4,9 до 1,3[1].

На формирование естественного прироста (убыли) населения влияет уровень рождаемости и смертности населения.

В 2000 году в Омской области родилось 18,4 тыс. детей, а общий коэффициент рождаемости составлял 8,6 промилле, в 2005 году число рождений увеличилось почти на 16 % и достигло 21,3 тыс. детей (10,4 промилле), в 2010 году родилось 26,2 тыс. детей, или 13,2 промилле. Самые высокие показатели рождаемости отмечались в 2012–2014 годах, когда в Омской области ежегодно рождалось более 29 тыс. детей. При этом общий коэффициент рождаемости вырос в 2014 году до 15,1 промилле, что в 1,8 раза превышает показатель 2000 года. Повышение рождаемости в данный период обусловлено, с одной стороны, ростом числа женщин молодых возрастов (20–29 лет). На матерей этой возрастной группы приходится 68 % рождений. С другой стороны, происходит рост коэффициентов рождаемости во всех возрастных группах женщин фертильного возраста. В результате

[1] Демографический ежегодник Омской области, 2001. С. 28–30; Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 23; Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года: стат. бюл. / Омскстат. Омск, 2018. С. 7–8.

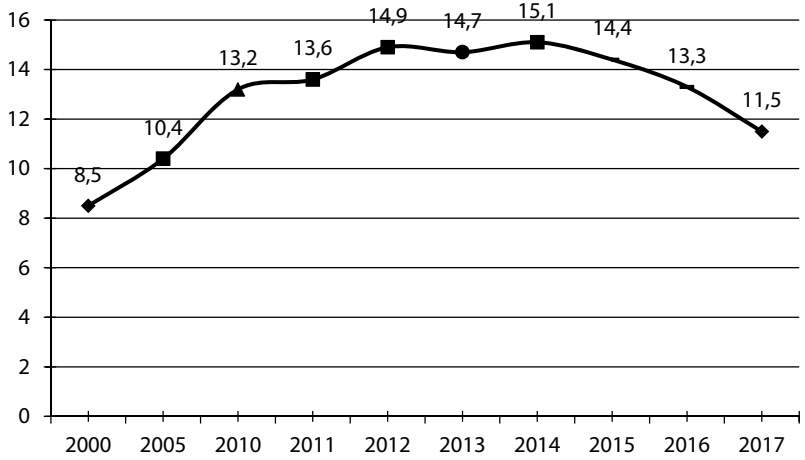


Рис. 3. *Общие коэффициенты рождаемости в Омской области (в промилле) (построено автором по данным: Демографический ежегодник Омской области, 2001. С. 28–30; Демографический ежегодник Омской области, 2011. С. 36–40; Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 35–39; Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. С. 7–8)*

суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за свою жизнь) увеличился с 1,12 в 2000 году до 1,95 в 2014 году)[1].

Однако с 2015 года наблюдается постепенное снижение общего коэффициента рождаемости с 14,4 промилле в 2015 году до 11,5 промилле в 2017 году. По уровню рождаемости Омская область занимала в 2016 году в Сибирском федеральном округе девятое место (рис. 3)[2].

В 2017 году Омскстатом было проведено исследование репродуктивных планов населения, в ходе которого было опрошено 180 семей и установлено, что за последние 10 лет увеличился интервал между началом супружеской жизни и рождением первого ребенка. В 1994 году этот период составлял 10 месяцев, в 2005–2009 годах — 2,4 года, а в 2015–2017 годах — 2,8 года. Аналогичная тенденция наблюдается и в увеличении интервала между рождениями первого и второго ребенка. В 1995–1999 годах второй ребенок в семьях появлялся в среднем через 3 года, а в 2015–2017 годах — только через 6 лет.

[1] Демографический ежегодник Омской области, 2001. С. 28–30; Демографический ежегодник Омской области, 2011. С. 36–40; Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 35–39; Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. С. 7–8.

[2] Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 83–84.

Что касается дополнительной господдержки семей, то с ее помощью 16 % женщин решились на рождение первого ребенка, которое до этого откладывалось, а для 29 % семей она стала стимулом для рождения второго и третьего детей.

При этом 46 % респондентов считают, что если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее количество детей, создав необходимые условия. 41 % согласны, что государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет, а 13 % женщин и 15 % мужчин придерживаются того мнения, что государство ни в коем случае и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей [1, с. 139; 2].

Важнейшим фактором рождаемости в воспроизводстве населения является семейная структура. В настоящее время в Омской области заключается примерно такое же количество браков, как и в 2000 году. Максимально высокие показатели отмечались в 2011–2013 годах, когда в год заключалось около 19 тыс. браков. Однако в 2016 году произошло серьезное сокращение числа зарегистрированных браков — по сравнению с 2011 годом их количество снизилось в 1,5 раза и составило 13,4 тыс. браков. В 2017 году было заключено 14,1 тыс. браков. Примерно каждый пятый брак — повторный. Необходимо отметить, что средний возраст вступления в брак вырос: если до 1994 года мужчины и женщины создавали семьи в 25 и 19 лет соответственно, то в 2015–2017 гг. — в 27 и 23 года[1].

Согласно исследованию Омскстата, официальную регистрацию первого брака считают обязательной 59 % мужчин и 66 % женщин. Более половины респондентов (54 %) полагают, что первый брак нужно регистрировать прежде, чем начать жить вместе, или сразу после начала совместной жизни, а 44 % населения считает, что сначала необходимо пожить вместе, а затем регистрировать брак. В отношении повторного брака так считает 60 % населения [2].

Число разводов также в 2017 году сократилось до 8,6 тыс., что ниже уровня 2000 года на 12,2 %. Свыше 60 % расторгнутых браков — это браки с несовершеннолетними детьми. На 1000 зарегистрированных браков в 2016 году приходилось 647 расторгнутых[2].

По числу браков на 1000 человек населения Омская область занимает 6-е место, по числу разводов — 3-е место среди регионов Сибирского федерального округа[3].

---

[1] Демографический ежегодник Омской области, 2001. С. 88; Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 63; Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. С. 15–16.

[2] Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. С. 15–16.

[3] Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 92.

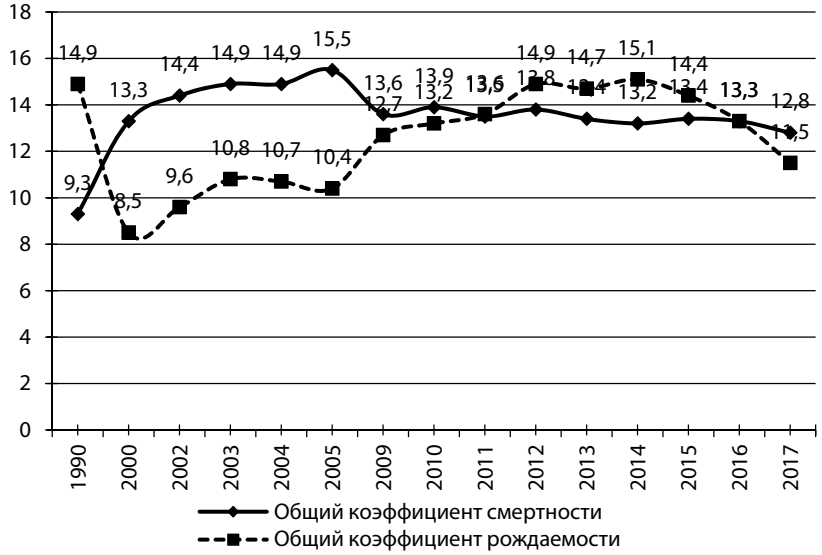


Рис. 4. *Общие коэффициенты рождаемости и смертности в Омской области (в промилле) (построено автором по данным: Демографические ежегодники Омской области: 2001, 2011, 2017. С. 88–89)*

Необходимо также отметить, что в области сохраняется депопуляция, на формирование которой оказывает влияние высокая смертность населения (рис. 4).

Если в 2000 году умерло 28,7 тыс. человек, то в 2005 году — 31,7 тыс. человек. Коэффициент смертности за эти годы увеличился с 13,5 до 15,5 промилле. С 2006 года уровень смертности постепенно снижается, но все равно сохраняется на достаточно высоком уровне: в 2017 году умерло 25,2 тыс. человек, или 12,8 промилле[1].

Общая динамика смертности населения характеризуется высокой преждевременной смертностью людей трудоспособных возрастов [3, с. 117]. В 2016 году потери населения трудоспособного возраста составили 6,4 тыс. человек (24,4 % от общего числа умерших). Подавляющее большинство умерших в трудоспособном возрасте (80 %) — мужчины[2].

Структура причин смертности в течение длительного периода времени сохраняется практически неизменной. Более 80 % умерших приходится на три класса: болезни системы кровообращения (43,5 %), новообразования (14,5 %) и несчастные случаи, травмы, отравления (9,1 %). В трудоспособном возрасте структура причин смертности населения несколько иная — на

[1] Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 47; Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. С. 9–10.

[2] Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 48–49.

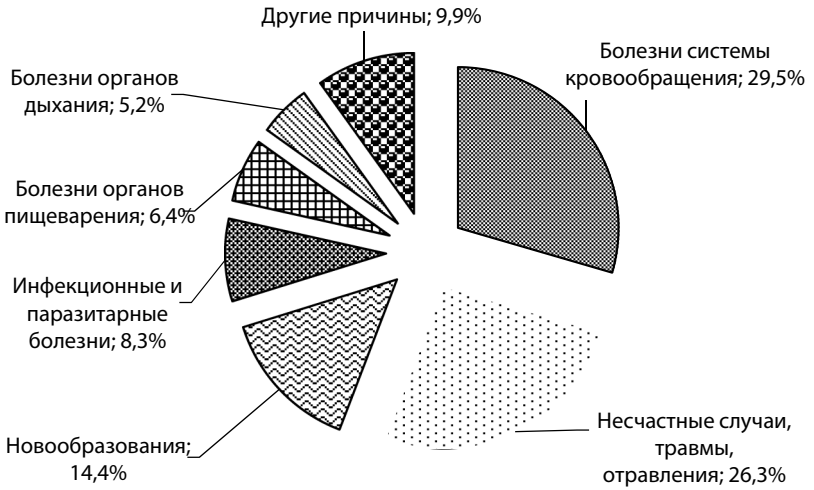


Рис. 5. *Структура причин смертности населения трудоспособного возраста в Омской области, % (построено автором по данным: Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 48–49)*

первом месте также находятся болезни системы кровообращения (29,5 %), а на втором месте — внешние причины (несчастные случаи, отравления и травмы) — 26,3 % , на третьем месте — новообразования (14,4 %) (рис. 5)[1].

Одной из важнейших медико-демографических характеристик здоровья населения является младенческая смертность. В Омской области показатель младенческой смертности — один из самых низких в Сибирском федеральном округе (4-е рейтинговое место по СФО)[2]. В 2017 году не дожив до возраста 1 года умерло 158 детей, или 6,8 чел. из 1000 новорожденных[3].

Позитивные изменения могли быть и более значительными, однако сдерживаются из-за неблагоприятных тенденций в репродуктивном здоровье населения. Так, в структуре причин младенческой смертности более 60 % случаев обусловлены отельными состояниями, возникающими в перинатальном периоде, врожденными пороками и аномалиями развития, то есть заболеваниями, тесно связными со здоровьем матери [4, с. 132–133].

Ежегодно растет показатель младенческой смертности по врожденным порокам и аномалиям развития (среднемноголетний темп прироста

[1] Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. С. 12–13.

[2] Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 88.

[3] Естественное движение и миграция населения Омской области в январе-декабре 2017 года. С. 14.

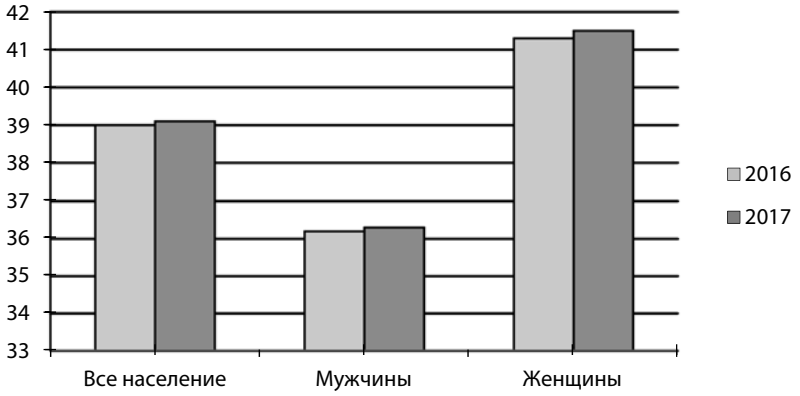


Рис. 6. *Средний возраст населения Омской области (лет)*

— 8 %). В среднем, с тем или иным пороком рождается 5 % детей, некоторые врожденные пороки развития несовместимы с жизнью. Это обуславливает большую значимость врожденных пороков развития как причины ранней детской смертности и инвалидизации детей [5].

Под воздействием демографических процессов формируется возрастная структура населения. В Омской области на 1000 мужчин приходится 1163 женщин. Средний возраст жителей области на начало 2017 года составлял 39,1 года: 36,3 года у мужчин и 41,5 года у женщин (рис. 6)[1].

Одним из факторов, оказывающих влияние на рост показателей смертности в последние годы, является общее старение населения. Численность населения в возрасте 65 лет и старше за период с 2000 по 2017 гг. выросла с 245,7 тыс. человек до 261,3 тыс. человек. При этом удельный вес населения данной возрастной группы в общей численности населения увеличился с 11,4 до 13,2 %[2].

В течение последнего десятилетия изменения возрастной структуры населения имели следующую направленность: численность детей и подростков уменьшалась, численность населения трудоспособного возраста — увеличивалась. Численность населения старше трудоспособного возраста увеличивалась до 1999 года, затем стала уменьшаться (рис. 7)[3].

Доля пожилых и старых людей (женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет) (24,4 % от всего населения) превышает долю населения в возрасте от 0 до 14 лет (18,3 %), тип возрастно-половой пирамиды населения в Омской области можно оценить как регрессивный. Фактически

[1] Возрастно-половой состав населения Омской области: стат. бюл. / Омскстат. Омск, 2017. С. 5–8.

[2] Демографический ежегодник Омской области, 2001. С. 14–15; Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 16.

[3] Там же. С. 5.

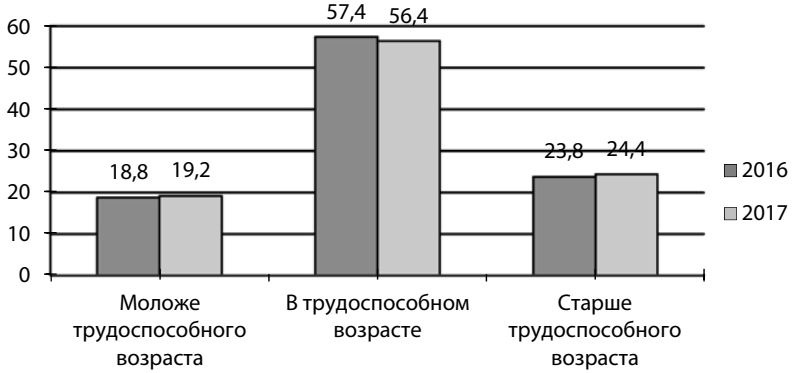


Рис. 7. *Изменение доли основных возрастных групп в Омской области, %*

в области развивается процесс демографического старения населения, растет показатель демографической нагрузки. Коэффициент демографической нагрузки (отношение лиц в возрасте моложе и старше трудоспособного к численности населения рабочих возрастов) к началу 2017 года составлял 772 человека на 1000 лиц трудоспособного возраста. По сравнению с 2016 годом коэффициент общей демографической нагрузки увеличился на 4,3 %, в том числе нагрузка детьми увеличилась на 4 %, а нагрузка лицами пожилого возраста — на 4,3 %[1].

В территориальном перераспределении, воспроизводстве населения и трудового потенциала области существенная роль принадлежит миграции. Начиная с 1999 года в Омской области складывается миграционная убыль населения, ее общая величина за эти годы составила 77,5 тыс. человек, наибольшая отмечалась в 2001 году (10,2 тыс. человек). Если в 2000 и 2001 годах миграционная убыль населения составляла соответственно 6,0 и 10,2 тыс. человек, то в 2010–2015 гг. отрицательное сальдо миграции сократилось до 2–3 тыс. человек в год. Однако за последние два года миграционная ситуация в Омской области существенно ухудшилась. В 2016–2017 гг. миграционная убыль населения составила 5,9 тыс. и 9,9 тыс. человек соответственно. По уровню миграционной убыли Омская область занимает шестое место среди 8 регионов Сибирского федерального округа, в которых сложилось отрицательное сальдо миграции[2].

Особенностью миграционных процессов, сложившихся на территории Омской области в последние годы, является снижение объемов всех видов переселений. Общий миграционный оборот по области за последние 10 лет сократился на 64,2 тыс. человек (на 42 %). Общий объем миграционных перемещений населения Омской области в 2017 году составил 118 тыс.

[1] Возрастно-половой состав населения Омской области, 2017. С. 5.

[2] Демографический ежегодник Омской области, 2001. С. 95; Миграционные процессы в Омской области: стат. бюл. / Омскстат. Омск, 2018. С. 11.

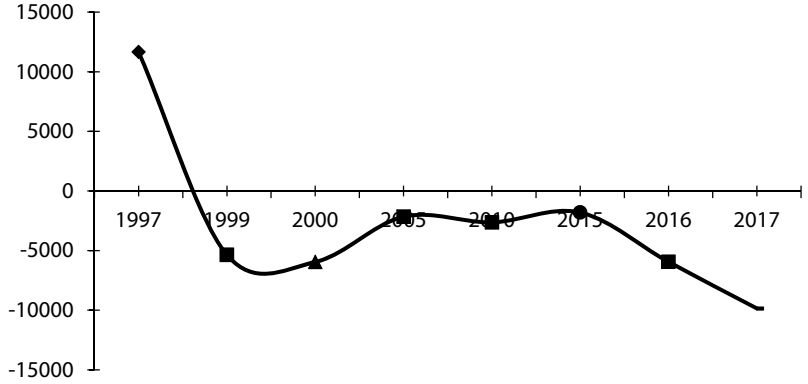


Рис. 8. *Миграционная убыль/прирост населения Омской области, чел. (построено автором по данным: Демографические ежегодники Омской области: 2001, 2005, 2010, 2017. — С. 95–96; Миграционные процессы в Омской области, 2018. — С. 11)*

человек. В том числе прибыло 54,1 тыс. человек, выбыло — 63,9 тыс. человек. Отрицательное сальдо миграции — 9,9 тыс. человек (рис. 8)[1].

В городе Омске миграционная убыль составила 5,5 тыс. человек. Среди 32 муниципальных районов Омской области миграционный прирост населения отмечен в Горьковском, Омском и Саргатском муниципальных районах, граничащих с областным центром, а в остальных районах зарегистрирована миграционная убыль.

Среди выехавших за пределы Омской области 27,6 тыс. человек (78,4 %) переселились в другие регионы России, 6,8 тыс. человек (19,4 %) — в страны СНГ, 0,8 тыс. человек (2,2 %) — в страны дальнего зарубежья, из них 320 человек (40,6 %) выехали в Германию. Для выбывших из Омской области в другие регионы России наиболее привлекательными в 2017 году были Тюменская область, Краснодарский край, г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург и Новосибирская область. Наибольшее число прибывших в Омскую область зарегистрировано из Тюменской и Новосибирской областей, г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга, Краснодарского и Алтайского краев. В целом по межрегиональному направлению сложилась миграционная убыль –11,0 тыс. человек.

Из стран СНГ в Омскую область прибыло 8,0 тыс. человек. Большинство мигрантов из Казахстана (6,4 тыс. человек, или 80 %), Украины (416 человек), Киргизии (243 человека), Армении (240 человек) и Узбекистана (226 человек). Выехало из Омской области в страны СНГ в 2017 году 6,8 тыс. человек, из них большинство переехало в Казахстан (4,7 тыс. человек или 69 %), Украину (696 человек), Армению (323 человека) и Узбекистан (319 человек).

[1] Миграционные процессы в Омской области, 2018. С. 11–15.

Высокой миграционной подвижностью обладало население в трудоспособном возрасте. Доля лиц этой возрастной группы в общем объеме миграции составляла 70,7 %. Максимальное число перемещений зарегистрировано по лицам в возрасте от 20 до 39 лет (46 % всех мигрантов). В целом для населения трудоспособного возраста характерно отрицательное сальдо миграции: число выбывших превышало число прибывших на 7,3 тыс. человек[1].

В 2017 году сохранялась активная внутрирегиональная (внутриобластная) миграция населения. Изменили место жительства, не покидая регион, 28,8 тыс. человек. Продолжался переток населения из муниципальных районов в областной центр. В течение 2017 года из районов области в город Омск переехало 9,6 тыс. человек.

Наиболее миграционно подвижными были жители Азовского немецкого национального, Любинского, Тарского и Омского муниципальных районов: в 2017 году миграционный оборот в них составлял от 3 до 7,2 тыс. человек.

В 2017 году объем срочной миграции (по месту пребывания на срок 9 месяцев и более) составлял около трети от общего объема миграции (33,3 тыс. человек)[2].

Основными причинами переезда омичей в другие регионы России и за рубеж являются причины личного, семейного характера (37,3 %), среди которых преобладают приобретение жилья в другом регионе (18,3 %), возвращение к родителям (6,6 %), к детям (5,1 %). Кроме того, Омскую область покидают в связи с работой (11,2 %) и учебой (5,7 %)[3].

Необходимо отметить, что за последние 10 лет существенно возросло количество омичей, которые покидают область из-за экологического неблагополучия. Если в 2008 году данную причину указали 28 человек в качестве решающей, в 2012 году — 46 человек, в 2014 году — 84 человека, то в 2016 году — 146 человек и в 2017 году — 213 человек[4].

Согласно данным демографического прогноза Федеральной службы государственной статистики на период до 2031 года, естественная убыль населения сохранится. Ожидается уменьшение общей численности населения. В возрастной структуре населения прогнозируются уменьшение численности детей и подростков и увеличение доли лиц старших возрастов. Численность населения трудоспособного возраста будет уменьшаться. В естественном движении населения ожидается стабилизация уровня рождаемости и смертности на достигнутых значениях: 11–12 новорожденных и 12–13 умерших в расчете на 1000 населения[5].

---

[1] Миграционные процессы в Омской области: стат. бюл. / Омскстат. Омск, 2018. С. 12–18.

[2] Там же. С. 12–15.

[3] Там же. С. 24.

[4] Там же. С. 24–25; Миграционные процессы в Омской области за 2008 2016 годы. С. 24.

[5] Демографический ежегодник Омской области, 2017. С. 77.

В создавшейся в Омской области демографической ситуации приоритетными направлениями в демографической политике органов государственной власти должны стать: разработка и реализация мер по снижению смертности от внешних причин, особенно среди молодых мужчин; преодоление высокого уровня заболеваемости и смертности, в том числе и по видам так называемых «социальных болезней», особенно у молодого населения; разработка мер по улучшению репродуктивного здоровья населения (в первую очередь женщин и новорожденных); разработка семейной и жилищной политики.

Список источников

1. Гокова О. В. Социально-экономическое исследование отношения молодежи к институту брака (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2015. — № 2. — С. 137–145.

2. Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 году / Омскстат [Электронный ресурс]. URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.04.2018).

3. Николаев И. С. О демографической ситуации в Сибирском федеральном округе // Вестник Бурятского государственного университета. Спецвыпуск. — 2012. — № SC. — С. 115–117.

4. Шелехов И. Л., Берестнева О. Г., Ясюкевич Ю. В. Анализ факторов, определяющих демографическую ситуацию в Сибирском федеральном округе // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. — 2013. — № 3 (91). — С. 131–135.

5. Щербакова Е. М. Младенческая смертность снизилась до 5,5 ‰ // ДемоскопWeekly. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0761/barom05.php (дата обращения: 04.05.2018).

Информация об авторе

Гокова Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры региональной экономики и управления территориями экономического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Россия, 644053, г. Омск, площадь Лицкевича, 1; e-mail: capri484@yandex.ru).

Gokova O. V.

The Analysis of the Demographic Development in the Omsk Region

In this article was studied the demographic situation and were identified the basic problems and the development tendencies in the Omsk region which is characterized by the nationwide pattern. Since 1993 the demographic situation in the Omsk region is marked by a population decline. The main reason for the depopulation process in the Omsk region is the low birth rate. This decline had started since the late 1960s when it had fallen below the replacement level. The decline in the birth rate has affected almost all Russian regions. However, the overall low rates hide enormous regional differences. The regional differentiation by the fertility rate in the Russian Federation depends mainly on the proportion of the urban population and on the ethnic composition. The fertility dimension in the Omsk region repeats the nationwide tendencies and defined by the mass distribution of families with a small number of children, the convergence of the urban population fertility level and the rural population fertility level, the postponement of childbearing, the increasing of extramarital births. The high mortal rate is another reason of the depopulation in Russia, and in the Omsk region particularly, that gives special poignancy to the demographic situation. The mortality pattern in present-day Russia is unique in world practice: the number of deaths is increasing with the depopulation birth rate and

population decline. The overall trend in the mortality rate dynamic among the population in most regions of the country is characterized by the excess mortality level of working-age people, about 80 % of whom are males. Yet another issue is the migration problem, that is, the migratory movements does not compensate for the natural decline in the population of the Omsk region. There is also a decrease in migratory flows activity. Since 1999 in the Omsk region has been the negative migration balance. The slowing down of the migration activity and the decline in the migration growth were not unique to the Omsk region, but for the Russian Federation as a whole. The largest part of migratory flows is the interregional domestic population exchange.

Keywords: demographic development, depopulation, population replacement, fertility and mortality rate, migration processes.

References

1. Gokova O. V. Socio-economic study of the relationship of youth to the institution of marriage (case study of the Omsk region) // Vestnik of Omsk State University. Series «Economy». — 2015. — No. 2. — P. 137–145.

2. Results of selective observation of population reproductive plans in 2017 / Omskstat. [Electronic resource]. URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/statistics / population/ (accessed date: 28.04.2018).

3. Nikolaev I. S. On the demographic situation in the Siberian Federal District // Vestnik of the Buryat State University. Special Issue. — 2012. — № SC. — P. 115–117.

4. Shelekhov I. L., Berestneva O. G., Yasyukevich Yu. V. Analysis of the factors determining the demographic situation in the Siberian Federal District // Vestnik of the ESSC of the SB RAMS. — 2013. — No.3 (91). — P. 131–135.

5. Shcherbakova E. M. Infant mortality decreased to 5.5 ‰ // DemoscopeWeekly. [Electronic resource]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0761/barom05.php (accessed date: 04.05.2018).

Author

Gokova Olga Vladimirowna — the senior lecturer of the Department of regional economics and territory management, Omsk State University n.a. F. M. Dostoevsky (Russia, 644053, Omsk, Litskevich Square, 1; e-mail: capri484@yandex.ru).

УДК 314.6

Грудина Т. Н.

ПОВЫШЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ[1]

В данной статье осуществляется социологический анализ различных точек зрения по поводу связи числа детей в семье с уровнем жизни населения. С учетом современных социально-демографических процессов в России анализируются меры проводимой демографической политики в нашей стране, ее перспективы, а также возможные результаты в контексте целей устойчивого развития.

Ключевые слова: рождаемость, цели устойчивого развития, социальное неравенство, уровень жизни, духовный кризис, институт семьи

С новым «майским» указом Президента России Владимира Путина, где говорится о поддержке демографии, связано много надежд впереди, но и достаточно сложных и продуманных решений. Указ обозначает одной из целей «обеспечение устойчивого естественного роста численности населения», которая стоит на первом месте. В частности, В. Путин поручил правительству к 2024 году добиться повышения средней продолжительности жизни россиян до 78 лет, а к 2030 году — до 80 лет. По данным Всемирного банка за 2016 год, средняя продолжительность жизни в России составляет 72 года. В Евросоюзе средняя продолжительность жизни — 81 год.

К 2024 г., согласно указу, необходимо обеспечить увеличение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 1,7. Необходимо отметить, что СКР на протяжении последних лет увеличивался [3] и дошел до максимума 1,78 в 2015 г., после чего снова было отмечено его понижение. В 2017 г. СКР опустился до 1,62 и в нынешнем году данный показатель вряд ли повысится, поскольку сейчас каждая женщина в среднем рожает все меньше.

В преамбуле указа [7] говорится не только об увеличении численности населения, но о «повышении уровня жизни граждан, создании комфортных условий для их проживания». Речь идет о повышении уровня благосостояния жизни людей и общества в целом.

Существуют различные точки зрения по поводу связи числа детей в семье с уровнем жизни. Суть одного из направлений состоит в попытке объяснить снижение рождаемости противоречием между ростом потребностей и отставанием возможностей для их удовлетворения, побуждающим вынужденный отказ от большого числа детей, потребность в которых «первично» высока. Б.Ц. Урланисом была разработана схема, «объясняющая

[1] © Грудина Т. Н. Текст. 2018.

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2000 гг.) № 18-011-01037.

различную распространенность рождений первой, второй и третьей очередностей неодинаковой мерой „эластичности" потребности в каждом из этих детей для брачной пары. Довольно близка к этому другая позиция, основывающаяся на противоречии между растущим благосостоянием, способствующим реализации высокой потребности в детях, и возросшим культурным уровнем населения, что порождает новые потребности, вступающие в конкуренцию с потребностью в детях. Одновременно растет и ответственность родителей за воспитание детей, и цена их социализации, образования и т. д.» [13, с. 150].

В западной демографической литературе это направление начал разрабатывать Г. Беккер. В первой половине 60-х годов он сформулировал основы так называемой экономики рождаемости, базируясь на собственных исследованиях идеального и фактического числа детей в семьях с различным социальным статусом и уровнем дохода. Г. Беккер считал, что «поскольку в процессе экономического развития растет цена человеческого времени, оно превращается, наряду с материальными, в самостоятельный фактор благосостояния семьи и личности. Вследствие этого рождение каждого ребенка объективно снижает его „предельную полезность", что и является главной причиной снижения рождаемости. Одновременно экономический прогресс предъявляет дополнительные, постоянно растущие требования к качеству социализации детей, стимулирует рост затрат. Таким образом, и на уровне общества в целом, и на уровне отдельной семьи (домохозяйства) происходит альтернативный выбор между количеством и качеством „человеческого капитала"» [15].

Концепции благосостояния и качества жизни стали развиваться интенсивно в 70-е годы в аспекте восприятия их людьми. Отметим, что в советской литературе в течение ряда лет развивалось экономическое направление анализа благосостояния такими экономистами, как В. Майер, Н. Римашевская, А. Карапетян и др. Народное благосостояние трактовалось как «уровень жизни, который понимается как обеспеченность населения необходимыми для жизни материальными и духовными благами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворенности личности этими благами» [12]. Через концепцию зависимости рождаемости от культурных особенностей общества Р. Лестеже изучал различия в уровнях рождаемости и времени, которое требуется обществу для перехода к современному типу воспроизводства. Выявленные тенденции были обусловлены отличиями в религиозных взглядах и практиках, в уровне секуляризации, материализма и индивидуализма. Дж. Колдуэлл на рубеже 1970–1980-х гг. разработал теорию потоков благ, где особым образом уделяется внимание взаимосвязи во внутрисемейных межпоколенных обменах с процессом демографического перехода. По мнению Колдуэлла, в обществах с традиционной моделью воспроизводства поток благ направлен от молодого поколения к более старшему; дети являются рабочей силой. Нуклеарная семья — поток благ от родителей к детям, рациональное

поведение — максимальное уменьшение числа детей. «Современные люди все более ясно осознают (а ученые это подтверждают), что в развитых капиталистических странах семейный способ производства отмирает, при этом высокая рождаемость сокращает жизненный уровень членов семьи, в то время как в семейном способе производства это отношение было обратным» [8].

В рамках теории репродуктивного поведения разработаны теоретические представления о двойственном влиянии материального благосостояния на внесемейные ценности, на реализацию потребности в детях и дана соответствующая критика односторонней «концепции прямой связи». Справедливо отметить, что существует некоторая противоречивость результатов исследований влияния благосостояния на рождаемость, связанная с неоднозначностью уровня благосостояния как характеристики образа жизни, с влиянием уровня жизни на потребность индивидов в детях, а также с особенностями используемых показателей благосостояния — совокупного и среднедушевого дохода семей. В частности об этом писал В.М. Медков: «Методически правильно анализировать связь дохода и результатов репродуктивного поведения только в группах с одинаковой потребностью в детях и с одинаковым соотношением семейных и внесемейных ориентаций, поскольку только в таких однородных группах можно в чистом виде изучать влияние различных социально-экономических факторов. В противном случае мы будем получать ложные корреляции между доходом и показателями репродуктивного поведения, поскольку здесь решающую роль играет не влияние дохода, например, на число детей в семье, а действие некоторого третьего фактора, который одновременно обуславливает повышение в среднем дохода и уменьшение потребности в детях» [10]. По мнению профессора кафедры труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС Александра Щербакова, необходим дифференцированный подход к стимулированию рождаемости — «не общестрановой, не общефедеральный, а дифференцированный по отдельным регионам в зависимости от их демографического состояния» [7].

Как же проявляется механизм взаимосвязи рождаемости и благосостояния? Суть «прямой связи» заключается в том, что при лучших условиях жизни показатели рождаемости выше, т. е. сохраняется сравнительно высокий уровень рождаемости при повышении благосостояния населения. Феномен же обратной связи рождаемости с уровнем жизни состоит в том, что в семьях с низким уровнем дохода и образования итоговое число детей зачастую оказывается выше, чем в семьях с высоким уровнем дохода и образования [1, с. 172; 10].

Повышение уровня благосостояния — это особая ценность, а сам этот уровень — важная характеристика благополучия семьи. Заметим, что улучшение материальных условий жизни может рассматриваться как ценность внутрисемейная, так как именно улучшение материальных условий

жизни, как видится, повышает возможности для реализации потребности в детях. Но здесь важно отметить, что деятельность по улучшению благосостояния осуществляется, как правило, за пределами семьи и влечет за собой ориентацию на достижение определенных целей, которые не имеют непосредственного отношения к семье и постепенно приобретают самостоятельную значимость (например, повышение уровня образования, квалификации, различного рода стажировки и т. п.). Важным также является тот факт, что при повышении уровня благосостояния семьи в значительной степени изменяется ее образ жизни, а также особую значимость приобретают внесемейные ценности, поэтому не совсем правильно рассматривать показатель дохода семьи как характеристику одной, четко определенной стороны жизни семьи.

Многие семьи сейчас начинают приспосабливаться к резко возросшим стандартам потребления, которые связаны с изменением социального статуса (карьерное продвижение), достижением и поддержанием престижных жизненных стандартов (покупка дорогостоящих вещей, жилья), с организацией и проведением досуга. Все эти характеристики, на наш взгляд, в определенной мере влияют на полноту реализации потребности в детях.

Ценностные ориентации имеют непосредственное влияние не только на потребность в детях, но и на восприятие условий ее реализации. Здесь важным является субъективное восприятие (а не объективная характеристика тех или иных условий), поскольку именно на нем индивид основывается в своем поведении. По словам В.Н. Архангельского, субъективное восприятие условий реализации потребности в детях «зависит как от объективной характеристики ситуации (например, доход, жилищные условия, занятость, бюджет времени и т. д.), состояние которой выступает как условие реализации потребности в детях, так и от значимости данной характеристики ситуации для индивида, уровня его притязаний. Например, можно предположить, что при одном и том же уровне дохода удовлетворенность им тем выше, чем ниже для человека значимость материального благополучия» [2, с. 43]. К вышесказанному можно добавить: то, насколько индивид готов реализовать свою потребность в детях (при наличии таковой), зависит от значимости различных ценностей для индивида, конкуренции его потребностей вообще.

Так, «ограниченность времени и материальных средств обуславливает необходимость альтернативного удовлетворения разнообразных потребностей семьи в условиях, когда товарное производство создает возможность реальной взаимозаменяемости потребительских ценностей и несопоставимое с прошлым множество материальных и культурных ценностей. Семья вынуждена выбирать, какие потребности и в какой мере она может удовлетворить, исходя из своих возможностей («эластичность потребностей» в терминологии Б.Ц. Урланиса). Это решение принимается на основе ценностной шкалы, достаточно жестко нормативно задаваемой на уровне общественного сознания и осваиваемой индивидом в процессе

социализации. Семья сопоставляет желание иметь еще одного ребенка с теми благами, которые она может потерять» [4, с. 157].

Согласно фамилистической парадигме «тайна обратной связи между рождаемостью и доходом (образованием, социальным положением») кроется в психологических особенностях разрыва между УП (уровнем притязаний) и УД (уровнем достижений)» [1, с. 172]. Здесь мы можем говорить о том, что особую важность имеет не сам уровень дохода, а уровень притязания индивидов на доход, насколько индивид удовлетворен теми возможностями, которые у него есть в наличии. Ведь по мере роста дохода в арифметической прогрессии уровень притязаний растет в геометрической прогрессии. Можно сказать, что сопоставление уровня притязаний и уровня достижений и дает нам такую характеристику, как образ жизни, в основе которого лежит иерархия потребностей (ходить в кино, иметь определенное число детей, быть модным, иметь высокую заработную плату и т. д.). Как в рамках семьи, так и на индивидуальном уровне всегда происходит конкуренция потребностей, которая осуществляется на основе тех ценностей, которые являются более важными и первостепенными. И если потребность в нескольких детях у индивидов достаточно высока, то, несмотря на внешние экономические и социальные факторы, она будет реализована.

Разумеется, существует множество обстоятельств, которые вносят определенные коррективы в действия индивидов при изменении материального положения семьи, а также влияющие на принятие репродуктивных решений в группах с различным уровнем благосостояния. Например, можно предположить, что рождение в семье очередного ребенка «наносит удар» прежде всего не по возможностям удовлетворения самих насущных потребностей (например, ухудшает качество питания), а наиболее престижных, самых значимых для личности потребностей, отказ от которых воспринимается особенно болезненно, так как они часто становятся частью «Я»-концепции. Так, рождение ребенка может отнять много времени и сил, необходимых для достижения очередной должности или ученой степени, снижает возможность заграничных путешествий, а также является препятствием для командировок и стажировок и т. п. Поэтому вероятность «блокирования» репродуктивных установок выше в тех семьях, где наиболее сильны подобные внесемейные ориентации, т. е. в группах с высоким уровнем благосостояния и образования. Отметим, что для более обоснованного суждения о роли подобных влияний требуются специальные социологические исследования.

С другой стороны, время, требуемое для диссертации или для повышения в должности на работе, уменьшает шансы появления ребенка. Поскольку очередное рождение (в соответствии с уровнем потребности в детях) не является престижным в общественном мнении, постольку оно не блокирует реализацию других престижных потребностей личности.

Следовательно, сама потребность в детях обесценивается в каждом новом поколении при сохранении такого порядка вещей.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятая государствами — членами ООН [14], содержит ряд целей, среди которых — ликвидация нищеты, сохранение ресурсов планеты, обеспечение благополучия для всех и пр. Решение перечисленных проблем ставится на глобальном уровнем, способы осуществления намеченных целей [6] и достижения определенных показателей каждое государство определяет свои [9].

Как сделать, чтобы рождение очередного ребенка не ущемляло положение семьи и приносило радость? По мнению президента нашей страны, «у демографической проблемы есть и экономическое измерение» [11]. Эксперты предлагают [1, 3, 5, 7, 9] увеличить стимулирование и считают, что «материнский капитал, размер которого еще не приблизился к половине миллиона рублей, неплохо стимулировал второе рождение. Но теперь надо стимулировать третье рождение. Для этого нужны бóльшие вложения, … чтобы реально стимулировать третье рождение, нужен средний стимул порядка миллиона рублей, чтобы мы перешли к массовой моде на трехдетную семью. Необходима серьезная прибавка к бюджету семьи, позволяющая улучшить жилищные условия практически во всех регионах, кроме Москвы» [5]. Возможно, простимулировав семьи экономически, получится повысить их уровень жизни путем улучшения таких показателей, как санитарно-гигиенические условия, потребление продовольственных товаров, жилищные условия, образование и культура, условия труда и занятости и пр.

Итак, повышение уровня благосостояния через ускоренный рост внесемейных ориентаций снижает число детей в семье, так как тормозит реализацию потребности в детях и не способствует росту ее уровня. Однако механизм воздействия в этих случаях различен, поэтому данный факт необходимо учитывать и в теоретических разработках, и при выработке мер демографической политики. Требуются исследования жизненных ориентаций и ценностей разных групп населения для понимания того, как могут изменяться в общей иерархии потребностей потребности в семье и детях.

Список источников

1. Антонов А. И., Медков В. М., Синельников А. Б. Репродуктивное поведение и динамика рождаемости // Население России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы. — М., 2002.

2. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. — М.: ТЕИС, 2006.

3. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России. — М.: Экон-Информ, 2016. — 307 с.

4. Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. — М.: Статистика, 1978.

5. Демограф Владимир Тимаков об ошибочных задачах Майского Указа Президента по стимулированию рождаемости… [Электронный ресурс]. URL: http://demographia.ru/node/1465.

6. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. — 298 с.

7. Демоскоп Weekly № 771–772. …о майском указе… [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0771/gazeta02.php.

8. Колдуэлл Дж. Теория рождаемости: от высокого «плато» — к дестабилизации [Электронный ресурс]. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=249.

9. Локосов В. В, Рыбальченко С. И., Каткова И. П. Демографический и трудовой потенциал России в контексте целей устойчивого развития // Народонаселение. — 2017. — № 4. — С. 19–43.

10. Медков В. М. Уровень жизни и поведение двухдетной городской семьи // Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. — Ереван, 1983. С. 138–139.

11. Накануне.RU. Новости от 01.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nakanune.ru/news/2018/03/01/22499755.

12. Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. Вып. 3 /отв.ред. А. О. Боронаев. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. у-та, 2000. — 196 с.

13. Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. — М.: Наука, 1974.

14. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/goalOfDevelopment.

15. Becker G., Lewis G. H. On the interaction between the Quantity and Quality of Children // Journal of Political Economy. 1973.Vol. 82. № 2. Part II.

Информация об авторе

Грудина Татьяна Николаевна — кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры истории и теории социологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ) (Россия, 119234, Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 33; e-mail: tngrudina@gmail.com).

Grudina T. N.

Increase in Birth Rate and Living Standard of the Population in the Context of Sustainable Development Goals

The paper presents the sociological analysis of various points of view concerning connection of children number in family with the living standard of the population. Taking into account modern social and demographic processes in Russia, the authors analyze measures of the pursued demographic policy in our country, its prospects as well as possible results in the context of sustainable development goals

Keywords: fertility, Sustainable Development Goals, social inequality, standard of living, crisis of spirit, family institution

Author

Grudina Tatiana Nikolaevna — PhD in Sociological sciences Senior Educator, the department of History of sociological theory Lomonosov Moscow State University (Russia, 119234, Moscow, Lenin gory, 1, p. 33; e-mail: tngrudina@gmail.com).

УДК 331.5

Ильвес Э. В.

СНИЖЕНИЕ ПРЕКАРИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ[1]

В условиях возрастания требований к воспроизводству качественного человеческого капитала страны усиливается актуальность анализа родительского труда как феномена прекаризированной занятости. В статье приводятся результаты анализа признаков и уровня прекаризации родительского труда в России за период 2010–2015 гг. Информационной базой исследования послужили официальные статистические материалы Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и данные, собранные автором в ходе экспертного опроса субъектов родительского труда и государственных муниципальных служащих, к функциям которых относится организация этого вида труда в России. Анализ динамики прекаризации родительского труда по видам трудового процесса показал, что наиболее проблемными в рамках родительского труда являются процесс ухода за объектом труда и процесс профессионализации объекта труда. Регулирование процесса ухода и профессионализации объектов труда будет способствовать снижению уровня прекаризации родительского труда и созданию социально-экономических условий для воспроизводства качественного человеческого капитала в России.

Ключевые слова: родительский труд, прекаризация труда, воспроизводство человеческого капитала

Наблюдаемое в настоящее время изменение денежных доходов населения, уменьшение реальной заработной платы, рост социальной и имущественной дифференциации на фоне увеличения бедности ведут к изменениям и в социальной культуре населения. Нивелируются возможности большинства российских семей по воспроизводству качественного человеческого капитала, наблюдается прекаризация родительского труда.

Родительский труд — это целесообразная деятельность субъектов труда, в результате которой формируется человеческий капитал детей, имеющая ряд признаков прекаризации — в частности, характеризующаяся нестабильностью занятости, отсутствием гарантий, защищенности, профессиональной самоидентификации субъектов труда, сужением их гражданских, политических и экономических прав. В условиях возрастания требований к воспроизводству качественного человеческого капитала страны усиливается актуальность анализа родительского труда как феномена прекаризированной занятости.

---

[1] © Ильвес Э. В. Текст. 2018.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ», № 16–32–00020/17-ОГОН).

Родительский труд характеризуется сложностью и разнообразием трудовых процессов и операций. Выделяется семь стадий родительского труда: перинатальная стадия, младенческая, дошкольная, младшая школьная, школьная подростковая, стадия профессиональной подготовки, инкорпоративная стадия. Объектом родительского труда является личность и ее характеристики, а предметом (продуктом) — человеческий капитал. Субъект родительского труда может быть выделен на разных уровнях: личностном (родители), групповом (семья), общественном (социальные институты). Содержание родительского труда может быть охарактеризовано с точки зрения логики трудового процесса в целом, в нем можно выделить логическую, исполнительскую, регистрирующую и контролирующую, а также регулирующую функции труда. Трудовой процесс родительского труда описывается с трех сторон: психофизиологической, организационно-технической и экономической. Нами впервые разработана и апробирована методика анализа признаков и уровня прекаризации родительского труда [1]. В данной работе мы покажем результаты анализа прекаризации родительского труда по видам трудового процесса.

Для анализа были сформированы соответствующие массивы данных значений индикаторов прекаризации по видам трудового процесса родительского труда. В качестве индикаторов уровня прекаризации родительского труда нами рассматриваются ключевые параметры состояния социально-трудовой сферы: уровень жизни населения, занятость, безработица. Например, в таблице 1 представлены данные и производные данных Федеральной службы государственной статистики, которые использовались нами в качестве индикаторов прекаризации родительского труда по виду трудового процесса «уход за объектом труда».

При выборе временного интервала мы учли исследование А.П. Багировой и О.М. Шубат, показывающее, что введение государственного сертификата на материнский (семейный) капитал при рождении второго и последующего ребенка существенно повлияло на рост рождаемости в России в 2007–2009 гг. [2].

Для анализа был выбран временной интервал с 2010 по 2015 гг., сформированы массивы данных значений индикаторов прекаризации родительского труда и проведены соответствующие расчеты: по всем отобранным индикаторам прекаризации были рассчитаны индексы индикаторов прекаризации, индексы прекаризации, групповые индексы прекаризации по отдельным видам трудового процесса и интегральные индексы прекаризации родительского труда по видам трудового процесса в целом. Расчет вели за двухлетние периоды (2010–2011, 2011–2012 и т. д.) и за период 2010–2015 гг. Значение интегрального индекса, превышающее 1, свидетельствует об усилении прекаризации родительского труда по видам трудового процесса. Динамика прекаризации родительского труда по видам трудового процесса представлена в таблице 2.

Таблица 1

Индикаторы прекаризации родительского труда по виду трудового процесса «уход за объектом труда»

Признак прекаризации	Индикаторы (данные, производные данных Федеральной службы государственной статистики
Отсутствие стабильной занятости	Уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей дошкольного возраста (0–6 лет), %
	Расходы домашних хозяйств в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году
	Потребительские расходы домашних хозяйств на продукты питания и безалкогольные напитки, в % к итогу
	Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет по основным классам болезней (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни), тыс. человек на 100 000 детей
	Потребительские расходы домашних хозяйств на медикаменты, медицинское оборудование, в % к итогу
Отсутствие гарантий и защищенности у субъектов труда	Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году
	Ежемесячное пособие по уходу за первым ребенком до достижения им возраста полутора лет в соотношении с величиной прожиточного минимума, в %
	Численность воспитанников, приходящихся на одну организацию, осуществляющую образовательную деятельность по программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, человек
	Численность воспитанников, приходящихся на 100 мест в дошкольных образовательных организациях
	Результаты профилактических осмотров детей в возрасте 0–14 лет в % от численности подлежащих осмотрам
	Число больничных коек для детей на 10 000 детей в возрасте 0–17 лет
	Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия за год, тысяч, в % от числа семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях

Таблица 2

Динамика прекаризации родительского труда по видам трудового процесса

Вид трудового процесса	2010–2011	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2010–2015
	А) Групповые индексы прекаризации родительского труда					
Вынашивание и рождение ребенка	0,990	0,961	0,985	0,980	0,978	0,898
Уход	1,001	1,052	1,032	1,026	1,035	1,155
Воспитание	1,010	0,926	0,992	1,027	1,027	0,977
Обучение и развитие	1,006	0,996	0,968	0,999	0,988	0,959
Социализация	0,979	0,962	0,964	0,946	0,964	0,828
Профессионализация	1,036	1,006	1,029	0,991	1,089	1,157
	Б) Интегральный индекс прекаризации родительского труда					
	1,003	0,983	0,995	0,994	1,013	0,988

Видно, что интегральный индекс прекаризации родительского труда за шесть лет (с 2010 по 2015 гг.) меньше единицы, что говорит об отсутствии признаков прекаризации родительского труда по видам трудового процесса в целом. Причем, по двум видам родительского труда — вынашиванию и рождению объекта родительского труда и социализации объекта труда — наблюдаются наибольшие положительные сдвиги. Вместе с тем имеет место рост прекаризации родительского труда в процессе ухода за объектом труда и его профессионализации.

Наибольший вклад в групповой индекс прекаризации в процессе ухода за объектом труда вносят следующие параметры: «число семей, улучшивших жилищные условия (из числа стоящих на учете как нуждающиеся» (индекс прекаризации — 1,800), «число коек для детей» (индекс — 1,460) и «ежемесячное пособие по уходу за первым ребенком до достижения им возраста полутора лет в соотношении с величиной прожиточного минимума» (индекс — 1,357). Динамика показывает отсутствие прекаризации по показателям: «результаты профилактических осмотров детей» (индекс — 0,868), «заболеваемость детей (диагноз установлен впервые)» (индекс — 0,941), «численность воспитанников, приходящихся на 100 мест в дошкольных образовательных организациях» (индекс — 0,991). Определенный вклад в групповой индекс прекаризации вносят такие параметры, как «расходы домашних хозяйств в сопоставимых ценах» (индекс — 1,167), «потребительские расходы домашних хозяйств на медикаменты, медицинское оборудование» (индекс — 1,167), «потребительские расходы домашних хозяйств на продукты питания и безалкогольные напитки» (индекс — 1,084), «реальные располагаемые денежные доходы населения» (индекс — 1,094).

Несмотря на наблюдаемое снижение реальных располагаемых денежных доходов, рост доли потребительских расходов домашних хозяйств на продукты питания, медикаменты и медицинское оборудование, определяющими в динамике прекаризации родительского труда в процессе ухода за объектом труда являются отсутствие гарантий удовлетворительных условий проживания детей, обеспеченности семей жильем, обеспеченности детей медицинской помощью, медицинскими койками в случае заболевания и недостаточность гарантий экономической поддержки семей при рождении ребенка — снижается величина ежемесячного пособия на рождение первого ребенка до достижения им возраста полутора лет в соотношении с прожиточным минимумом.

Среди достижений, способствующих росту защищенности субъектов этого вида труда, можно наблюдать диспансеризацию детей, дающую своевременные результаты профилактических осмотров и позволяющую не допускать заболевания или выявлять их на ранней стадии. Успешно решается задача по предоставлению детям мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам дошкольного образования, присмотра и ухода за детьми.

Динамика прекаризации родительского труда за шесть лет (с 2010 по 2015 гг.) в процессе профессионализации объекта родительского труда показывает следующую картину. Индексы прекаризации меньше единицы по следующим параметрам: «уровень безработицы» (индекс — 0,767), «удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более» (индекс — 0,910), «уровень безработицы в возрасте 20–24 года» (индекс — 0,960), «уровень участия населения в рабочей силе» (индекс — 0,979). Наибольший вклад в групповой индекс прекаризации в процессе профессионализации объектов труда вносит динамика по таким факторам, как «численность студентов, приходящихся на одну образовательную организацию подготовки квалифицированных рабочих, служащих» (индекс — 2,150), «минимальный размер пособия по безработице в соотношении с величиной прожиточного минимума» (индекс — 1,744), «размер государственных академических стипендий студентов, обучающихся по программам высшего образования, в соотношении с величиной прожиточного минимума» (индекс — 1,434), «размер государственных академических стипендий студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, в соотношении с величиной прожиточного минимума» (индекс — 1,426). Остальные параметры показывают динамику прекаризации с индексом от 1,000 до 1,353.

Анализируя ситуацию, можно сказать следующее. Практически не оказывают влияния на профессионализацию детей наблюдающийся уровень участия населения в рабочей силе и уровень безработицы. При выборе профессии молодые люди не изучают рынок труда, который к тому же весьма подвижен и зачастую не оправдывает прогнозов. Факторы, обусловливающие рост прекаризации в процессе профессионализации, связаны с недостаточностью гарантий и защищенности в процессе становления объекта труда как специалиста, профессионала. Действительно, реформирование системы профессионального образования привело к отказу от такого типа образовательных учреждений, как начальные профессиональные образовательные учреждения (профессиональные училища: ПТУ, ГПТУ, СГПТУ). Сейчас рабочую профессию можно получить двумя путями. Первый путь — обучение в системе среднего профессионального образования, СПО. Обучаться здесь можно и на базе основного общего образования, на базе 9-ти классов. Второй путь — краткосрочное (со сроками от одного месяца) обучение рабочей профессии в системе учебных центров различного профиля. Обучение здесь возможно только на базе среднего общего образования, на базе 11-ти классов, и оно ведется на коммерческой основе (причем стоимость обучения невысока). Как правило, обучаются по таким программам рабочие и специалисты по направлениям организаций, а выпускники школ о возможности таким путем получить профессию не знают и не пользуются доступными услугами многочисленных учебных центров.

В отсутствие профессии молодые люди не могут найти работу, они вынуждены регистрироваться в службах занятости как безработные. Размер

пособия по безработице, назначаемый при постановке на учет в службу занятости молодому человеку без стажа работы, чрезвычайно низкий. В таких же экономических условиях находятся и те молодые люди, которые получают профессию в образовательных учреждениях. Даже если ребенок обучается за счет государственного бюджета и получает стипендию, ситуация остается чрезвычайно сложной. Размеры государственных стипендий обучающимся настолько малы, что, очевидно, не могут самостоятельно обеспечить прожиточный минимум для молодого человека: прожить на эти средства невозможно. Поэтому поддержка молодых людей ложится на плечи родителей, что, в конечном счете, усиливает прекаризацию родительского труда.

Таким образом, анализ динамики прекаризации по видам трудового процесса показал, что наиболее проблемными видами трудового процесса в рамках родительского труда являются трудовой процесс ухода за объектом труда и трудовой процесс профессионализации объекта труда. Следовательно, именно эти виды трудового процесса требуют регулирования для снижения уровня прекаризации родительского труда в целом. Недостатки в организации процесса родительского труда обнаруживаются в: а) необеспеченности родительского труда доступным жильем, детскими поликлиниками и больницами, профессиональными образовательными учреждениями подготовки квалифицированных рабочих, служащих; б) необеспеченности денежными ресурсами потребительских расходов субъектов труда, направленных на питание и медицинское обслуживание объектов труда, денежными ресурсами по обеспечению ухода за объектом труда до достижения им возраста полутора лет, денежными ресурсами обеспечения профессионализации объектов труда в форме государственных академических стипендий студентов и минимальных пособий по безработице.

Получается, что предпринимаемые государством усилия по поддержанию семьи не слишком эффективны, так как не могут компенсировать риски прекаризации и помочь адаптироваться семье к новым социально-экономическим условиям. К тому же, меры государственной поддержки имеют, как правило, адресный характер и направлены на поддержание материальной обеспеченности только ряда категорий семей с детьми. Таким образом, если государство заинтересовано в результатах родительского труда по воспроизводству качественного человеческого капитала детей, то оно должно вырабатывать новые «правила игры», найти возможность стимулировать родительский труд, инвестировать в каждого ребенка, и не только в самые первые годы жизни, а на протяжении всего периода роста и социализации.

С целью получения представления о возможных путях регулирования прекаризации родительского труда нами была проведена серия экспертных интервью с субъектами родительского труда и государственными муниципальными служащими, к функциям которых относится организация

этого вида труда в России. Исследование проводилось по двум блокам вопросов: оценка экспертом существующей ситуации и прогнозы эксперта на будущее.

Приведем анализ ответов субъектов родительского труда — родителей и родственников, членов семьи. Ситуацию с воспроизводством человеческого капитала в России субъекты родительского труда оценивают по-разному: «улучшилась», «имеет большой потенциал», «прилагаются огромные усилия для развития», «наблюдается убыль населения», «меры не дают нужного результата» «остается сложной», «серьезная проблема». Эксперты выделяют следующие проблемы воспроизводства человеческого капитала: «экономические проблемы», «низкий уровень жизни», «плохое медицинское обслуживание», «высокие ставки ипотечного кредитования», «отсутствие гарантий стабильной занятости и гарантированной заработной платы», «высокая материальная затратность развития детей», «отсутствие возможностей для реализации накопленных детьми знаний и умений», «духовно-нравственные проблемы», «утрата ориентиров на семейные ценности», «отсутствие государственной поддержки каждой семьи, поддержки работающих родителей». Признаки прекаризации родительского труда видят все опрошенные. В качестве основных индикаторов прекаризации субъекты труда называют уровень жизни населения, занятость, государственную поддержку семей с детьми. Все эксперты поддерживают необходимость исследования проблемы создания и развития человеческого капитала вообще и феномена прекаризации родительского труда, в частности.

Субъекты родительского труда, как правило, прогнозируют снижение рождаемости в будущем, естественную убыль населения, ухудшение демографической ситуации. Есть надежда, что «процент рождаемости вырастет, так как появились новые стимулы — новые пособия на первого ребенка». В оценке информированности населения о проблемах с воспроизводством человеческого капитала мнения экспертов разделились: «население … достаточно хорошо информировано … дополнительного информирования не требуется», «население мало что знает, хорошо осведомлены только специалисты», «население осведомлено достаточно … только в связи с низким уровнем жизни мало кто задумывается об этой проблеме», «нет … население вообще мало о чем осведомлено», «осведомленность однобокая … население знает о сложной демографической ситуации, но не связывает это с воспроизводством человеческого капитала», «мало знают, что государство борется за рождаемость». Наиболее эффективной мерой государственной поддержки называется выплата материнского капитала. Некоторые субъекты родительского труда воспользовались этим сертификатом для улучшения жилищных условий. Эффективность материнского капитала, по мнению экспертов, снижается. Для некоторых субъектов труда эта мера вовсе не является стимулом (поскольку, по их мнению, «реальная стоимость «материнского капитала» не сопоставима с затратами на

родительский труд»). Обеспечение местами в детских садах, в представлении экспертов, «хорошая мера», однако они отмечают, что «детский сад — это не только здание», подчеркивая необходимость «реанимирования» системы дошкольного образования.

Анализ ответов государственных муниципальных служащих, к функциям которых относится организация работы с родителями и детьми, показывает следующее. В отношении существующей в России демографической ситуации эксперты считают, что «демографическая ситуация находится под особым контролем государства», однако часть проблем по-прежнему не решается, с ними «семьям приходится справляться самостоятельно». Обсуждение прекаризации родительского труда разделило мнения экспертов: одни признают существование этого феномена и обосновывают свою точку зрения, другие — признают только в отношении приемных родителей («в настоящее время — только в труде приемных родителей, взявших на воспитание детей в свои семьи»). Эксперты поддерживают выбор в качестве индикаторов прекаризации родительского труда параметры состояния социально-экономической сферы: уровень жизни, занятость, безработицу. На вопрос о необходимости исследования проблемы создания и развития человеческого капитала вообще и феномена прекаризации родительского труда, в частности, эксперты отвечают: «исследовать нужно, чтобы понимать происходящие процессы и составлять прогнозы на будущее, корректировать курс» или затрудняются с ответом.

Эксперты — государственные муниципальные служащие, к функциям которых относится организация работы с родителями и детьми, рассматривают пессимистический вариант развития событий в будущем «в случае бездействия или же неверно принятой стратегии влияния». Они признают, что население недостаточно информировано о проблемах с воспроизводством человеческого капитала. Основная проблема: молодежь предпочитает свои СМИ — это «ютюб, мессенджеры и соцсети, где в основном действуют другие ценности и царствует совершенно другая культура, в которой человеческий капитал не считается капиталом». В качестве самых эффективных мер, предпринимаемых государством в рамках демографической политики, эксперты признают «материнский капитал», подчеркивая, однако, что значимость этой меры утрачивается. В качестве мер снижения прекаризации родительского труда видят достойную работу, доступное образование, жилье и преодоление безнравственности общества потребления. В заключение эксперты расходятся во мнениях: одни считают, что «государство предпринимает достаточно мер для решения вопросов воспроизводства человеческого капитала», другие — что «система мер социальной поддержки должна совершенствоваться — не много мелких пособий и выплат, которые нужно выхаживать по инстанциям, а целостная поддержка граждан по факту рождения и воспитания детей. Стимулирование рождаемости в единстве со стимулированием брачности, создания и сохранения семьи».

Мы видим, что мнения экспертов подтверждают результаты нашего исследования. Чтобы снизить уровень прекаризации родительского труда и обратить внимание на важность формирования и развития будущего человеческого капитала детей, необходимо перейти от поддержания семей сразу после рождения и в первые годы жизни ребенка, т. е. на первых стадиях родительского труда, к поддержке родительского труда на всех последующих стадиях. При этом особое внимание необходимо уделять процессам ухода и профессионализации объектов труда и вовлечению молодежи в процесс родительского труда. Чтобы родительский труд не воспринимался как прекаризированная занятость, необходимо предусмотреть нормы, делающие его привлекательным. Снижение прекаризации родительского труда следует рассматривать в качестве фактора устойчивого развития российского общества. Если российское государство заинтересовано в устойчивом развитии, в результатах родительского труда по воспроизводству качественного человеческого капитала детей, то оно должно найти возможность регулировать прекаризацию родительского труда.

Список источников

1. Ilves Edgar. The precarity of parental labour in Russia and experience of measuring it / Edgar Ilves, Anna Bagirova // THE 11th International Days of Statistics and Economics. September 14–16. — Prague, 2017. P. 595–604.

2. Shubat O. The use of econometric models in the study of demographic policy measures (based on the example of fertility stimulation in Russia) / O. Shubat, A. Bagirova // Proceedings –31st European Conference on Modelling and Simulation, ECMS 2017. — 2017. — Vol. l. — P. 47–52.

Информация об авторе

Ильвес Эдгар Владиславович — аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: edgar.ilves@urfu.ru).

Ilves E. V.

Decrease of the Parental Labour Precarity as a Condition for Reproduction of Human Capital in Russia

The article presents the results of the analysis of signs and the level of precarity of parental labour in Russia from 2010 to 2015. The information base of the study was the official statistics and the data collected during the expert survey. The analysis of the dynamics of the parental labour precarity has shown the most problematic processes. Regulation for the process of care and professionalization of objects of labour will lead to reduce the level of precarity of parental labour and create social and economic conditions for the reproduction of quality human capital in Russia.

Keyword: parental labour, labour precarity, reproduction of human capital

References

1. Ilves Edgar. The precarity of parental labour in Russia and experience of measuring it / Edgar Ilves, Anna Bagirova // THE 11th International Days of Statistics and Economics, September 14–16. — Prague, 2017. P. 595–604.

2. Shubat O., Bagirova A. The use of econometric models in the study of demographic policy measures (based on the example of fertility stimulation in Russia) / Proceedings — 31st European Conference on Modelling and Simulation, ECMS 2017. — 2017. — Vol. l. — P. 47–52.

Author

Ilves Edgar Vladislavovich — post-graduate student, Ural Federal University (Russia, Yekaterinburg, Myra st., 19; e-mail: edgar.ilves@urfu.ru).

УДК 314

Ильдарханова Ф. А.

К ВОПРОСУ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА[1]

В статье рассмотрены проблемы демографической устойчивости Республики Татарстан в условиях социально-экономического развития региона. Социологические исследования, проведенные Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан среди учащейся молодежи, студентов, показывают, что семья — главная ценность. Репродуктивное поведение молодежи направлено на желание иметь двоих, троих детей. В целях демографической устойчивости села правительством республики предприняты дополнительные меры поддержки семьи, женщин. Новым в подходе к изучению семейно-демографических процессов будет дифференцированный анализ демографических перспектив агломераций республики с учетом их изначального потенциала. Предстоит определение зон демографической устойчивости и риска, разработка адресной политики по зонам демографического риска, а также разработка новых экспериментальных предложений по нивелированию пространственно-демографической сегрегации населения в городах и селах региона.

Ключевые слова: демографическая устойчивость, региональный подход, «татарстанская модель», трансформация общества, репродуктивное поведение

Демографическое развитие происходит под воздействием всех процессов: социальных, экономических, политических, национальных и др. В свою очередь, и демографические проблемы оказывают влияние на ход всех общественных процессов.

Для демографических процессов, происходящих в Республике Татарстан, характерны те же тенденции, что и для всей России, но они имеют и свои особенности: естественная убыль населения республики менее интенсивна, чем в России в целом, благодаря более высокой рождаемости и более низкой смертности в некоторых сравнительно молодых городах и в некоторых районах республики, а также более низкой смертности городского населения в сравнении с сельским.

Естественный прирост населения в 2016 году составил 10959 жителей. В 2017 году, к сожалению, констатируется снижение на –6801. По состоянию на 1 января 2017 года население Республики Татарстан составляло 3 885 253 человека[2].

Основным условием эффективного практического решения всего комплекса демографических проблем является учет этнорегиональных особенностей Республики Татарстан. Регионологический подход

[1] © Ильдарханова Ф. А. Текст. 2018.

[2] Статистический бюллетень. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс]. URL: tatstat.gks.ru.

предполагает, что комплексное изучение социальных проблем семьи и демографии осуществляется под углом зрения наличия в республике:

1) многовековых традиций конструктивного взаимодействия этносов и конфессий, обуславливающего взаимовлияние и взаимопроникновение этнокультур, отражающихся в продуктах духовной деятельности населения региона и, в частности, в демографических установках граждан, в брачно-семейных ориентациях;

2) исторически сложившегося в регионе размещения производительных сил, определяющего высокий уровень дифференциации показателей, характеризующих демографическую ситуацию и тенденции ее развития, как по типам поселений (столица / провинциальные города; «молодые» города с рудиментами моноотраслевой социально-экономической структуры / центры нефтяной промышленности; крупные СП, поселения, расположенные рядом с транспортными коммуникациями / поселения в «глубинке»), так и по этническому составу поселений (поселения с преобладанием одного из этносов / поселения полиэтнические; поселения с высоким удельным весом мигрантов / поселения с преобладанием коренного населения);

3) «татарстанской модели» социально-экономической трансформации общества, опирающейся на адекватную государственную и муниципальную политику и активно воздействующей на социальное самочувствие и социальное поведение людей, на формирование моделей брачно-семейного и демографического поведения.

Все вышеобозначенные тенденции демографического развития республики нуждаются в репрезентативных социологических исследованиях, что означает необходимость научно обоснованного анализа происходящих процессов. Успех реализации осуществляемых национальных проектов и программ во многом определяется наличием тщательно проработанных рекомендаций и прогнозов.

С реализацией национальных проектов стимулирования рождаемости на федеральном и региональном уровнях, вложением инвестиций в повышение рождаемости следует ожидать определенного улучшения демографической ситуации в стране, республике.

Вопрос о рывке в демографии превращается сегодня в наиважнейший для России, ее регионов, а увеличение, защита и сбережение человеческого капитала становятся наиболее приоритетными направлениями государственной политики и делом национальной безопасности.

Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года предусматривает стратегию накопления человеческого капитала — важного ресурса экономического развития территории.

Стратегия накопления человеческого капитала включает два блока отраслевых стратегий: стратегии факторов формирования человеческого капитала, к которым относятся демографическое развитие (включая миграцию) и образование, а также стратегии улучшения условий накопления и

использования человеческого капитала (система здравоохранения, культура, рынок труда и поддержка занятости, социальная защита).

По данным Стратегии РТ-2030, численность населения Республики Татарстан увеличивается: за 1990–2013 годы прирост составил 163 тыс. человек. При этом рост населения был обеспечен за счет миграции, так как рождаемость в республике стала превышать смертность только с 2010 года.

Увеличение рождаемости обеспечивалось как ростом интенсивности рождений, так и увеличением численности женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах. При этом в Татарстане, как в городском, так и в сельском населении, пик интенсивности рождений приходится не на возраст 20–24 лет, как это было ранее, а на 25–29 лет. Календарь рождений смещается к старшим возрастам, что соответствует тенденции, наблюдаемой в экономически развитых странах. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) превысил 1,8, что является высоким значением для европейских стран, в сельском населении СКР в 2012 году составил 2,09, т. е. приблизился к уровню, необходимому для простого воспроизводства населения. Однако доля сельского населения в республике невелика, поэтому данный показатель не может серьезным образом повлиять на показатели воспроизводства населения по республике в целом.

В целях устойчивого развития сельской демографии в республике приняты региональные меры поддержки семьи, женщин: при рождении первого ребенка женщине (в возрасте 18–24 лет) выплачивается 50 тысяч рублей, при рождении третьего ребенка — 100 тысяч рублей.

По показателям смертности и ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОПЖ) ситуация в Татарстане благоприятнее, чем в других регионах Приволжского федерального округа. Коэффициенты по всем основным классам причин смертности на протяжении всех последних лет ниже, чем в целом по стране и по Приволжью. ОПЖ непрерывно росла с 2002 года, увеличившись с 61 года до 66 лет у мужчин и с 74,5 до 77,5 года у женщин.

Вопросы демографической стабильности приобретают чрезвычайную общественную значимость и актуальность в настоящее время, особенно в связи с тем, что эксперты предвидят замедление темпов прироста населения в России в самое ближайшее время. Ситуация по рождаемости в Татарстане начиная с 2016 года идет на снижение, особенно рождение первых детей. Так, по мнению специалистов Федеральной службы государственной статистики, начиная с 2016 года естественный прирост населения уйдет в «отрицательную зону», т. е. страну ждет крен в «естественную убыль» населения[1].

[1] Демографический прогноз до 2030 года. Родившиеся, умершие и естественный прирост населения. «Федеральная служба государственной статистики» [Электронный ресурс] URL: www.gks.ru.

Прекращение естественной убыли населения потребует повышения уровня рождаемости за счет увеличения детности семей, т. е. изменения репродуктивного поведения населения.

Трансформация репродуктивного поведения, характеризующаяся ранним началом половой жизни, сменой партнеров, западных установок «чайлдфри», «синглтонов», гостевых, лавандовых браков, увеличивающееся количество сожительств среди молодежи, обесценивание института семьи — все эти тенденции являются неблагоприятным фоном демографического благополучия страны, региона.

Социологические исследования, проведенные Центром семьи и демографии Академии наук РТ «Образ семьи в восприятии школьников» [2], показали, что хотели бы иметь двоих или троих детей 45 %. Выросло целое поколение однодетных семей без братьев, сестер.

На вопрос «*Через какое время после вступления в брак стоит заводить детей?*» 34,2 % ответили «*как получится*», 24,8 % — «*в течение трех лет совместной жизни*».

Центром семьи и демографии АН РТ проведены, с позиций количественной и качественной методологии, социологические исследования «Репродуктивные установки молодежи Татарстана» [1].

Для выявления тенденций динамики населения и составления прогнозов демографического развития региона важным является детальный анализ репродуктивных установок молодежи, от которых зависят перспективы демографических процессов. Но если быть более точным, то не просто от молодежи, но прежде всего от образованной ее части, так как исследованиями было обнаружено, что важнейшей социальной характеристикой, влияющей на репродуктивные установки, выступает уровень образования. В связи с этим важно изучить репродуктивные установки студенчества, которое по своей численности является одной из самых значительных групп молодежи.

Как известно, родительская семья является основным институтом, выполняющим функцию формирования репродуктивных желаний индивида. Среди опрошенных нами студентов большинство (56,6 %) выросли в двухдетной семье, 23 % респондентов не имеют братьев и сестер, 17,4 % являются одним (одной) из трех детей в семье. Четверо и более детей в семьях у 2,9 % респондентов.

Приведенные данные (табл.1), свидетельствуют о некотором сбое в преемственности нормативной регуляции репродуктивного поведения и трансляции семейных ценностей, так как выходцы как из однодетных, так и многодетных семей ориентированы на двухдетную модель собственной семьи. Таким образом, своеобразным эталоном семьи для опрошенных респондентов, вне зависимости от пола, возраста, материального положения и места рождения, выступает двухдетная семья. Данный тип семьи предпочтителен для более чем половины (55,5 %) всех опрошенных. Второе место занимает трехдетная семья (25,7 %). Однодетная семья, которая на

Таблица 1

Репродуктивные установки студенчества [1], % респондентов

Сколько у Вас родных братьев / сестер (вместе с Вами)?	Сколько детей Вы хотели бы иметь?						
	Одного	Двоих	Троих	Более трех	Не хочу иметь детей	Не задумывалась (-лся) над этим	Затрудняюсь ответить
Единственный ребенок	7,8	54,9	21,6	4,9	2,9	2,9	4,9
Двое	7,9	57,9	24,8	3,9	0,8	3,5	1,2
Трое	1,3	51,3	34,6	6,4	0,0	3,8	2,6
Четверо и более	7,7	46,2	23,1	7,7	0,0	7,7	7,7

практике является сейчас самой распространенной, согласно предпочтениям студентов, занимает лишь третье место. Только 7 % всех респондентов выбрали однодетную семью в качестве желаемой модели.

В ходе выборочного обследования репродуктивного здоровья (ВОРЗ)[1] 2011 года были изучены мнения российских женщин относительно идеального размера семьи. Более половины женщин (55 %) заявили, что идеальным размером семьи являются два ребенка, еще 20 % предпочитают иметь трех детей, что значительно выше реального суммарного коэффициента рождаемости, равного 1,6 ребенка на одну женщину. Около 8 % респондентов, участвующих в обследовании, заявили, что молодая семья должна иметь столько детей, сколько возможно, в то время как 5 % заявили, что молодая семья должна иметь столько детей, сколько «бог даст». Менее одной десятой респондентов (8 %) считали, что в семье должен быть один ребенок или не быть детей вообще. Жительницы Москвы чаще предпочитали иметь столько детей, сколько возможно (18 %), по сравнению с жительницами населенных пунктов других типов (6–8 %).

Структура механизмов демографической политики свидетельствует о ее материальной направленности. Это обусловлено наличием значимой положительной связи между уровнем рождаемости и экономическим развитием страны.

Известный ученый демограф А.Г. Волков признавал формирование модели однодетной семьи. Сегодня прослеживается тенденция отказа вообще от рождения детей — «чайлдфри», т. е. «поживем для себя», «дети — это обременительно», а также тенденции молодых семей откладывать рождение детей «на потом». Исследование Центра семьи и демографии АН РТ «Демографическое сознание молодежи» показало, что молодежь планирует получить хорошее образование (два и даже три диплома), построить карьеру и жилье, путешествовать, при таком раскладе дети остаются

[1] Репродуктивное здоровье населения Росси. 2011 г. / Росстат. Министерство здравоохранения РФ. — М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2012.

«на потом». Становится модной и тенденция «синглтоны» — не имеющие намерения создать семью.

Для каждого исторического этапа характерна определенная модель демографического поведения.

Известный социолог Питирим Сорокин в очерке «Кризис современной семьи» [5] изложил признаки ослабления семьи — как союза супругов, так и союза родителей и детей. Он считал, что семья теряет одну за другой свои функции и превращается во все более худеющую, уменьшающуюся и разваливающуюся семейную храмину. Ученый уже тогда ставил вопросы: а что дальше?, какая форма семьи идет на смену отживающей?

Факт уменьшения деторождения, писал он, служит одновременно и причиной ослабления семьи, и, в то же время, признаком ее распада.

Вышеназванные социальные процессы определяются как демографические угрозы. Поэтому необходима целенаправленная деятельность государства, общества в области реализации демографической и семейной политики, формирования наиболее оптимального типа воспроизводства населения, сохранения и изменения существующих тенденций динамики численности, состава, качества населения, миграционных процессов, повышения качества жизни населения.

Усиленные государственные меры предложены в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию: «В целом за предстоящие шесть лет на меры демографического развития, на охрану материнства и детства нам нужно будет направить не менее 3,4 триллиона рублей. Это большая, но не запредельная, реалистичная цифра, это на 40 процентов больше, чем за предыдущие шесть лет. В 2012–2017 годах мы с вами направили на эти цели 2,47 триллиона рублей» [4].

В основе расчета демографических показателей для субъектов Российской Федерации — обеспечение достижения целей и задач демографического развития, определенных Концепцией демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года (утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351) и третьего этапа ее реализации.

Согласно целевым показателям демографического развития Республики Татарстан на 2018–2020 гг. продолжительность жизни должна достигнуть почти 76 лет, а коэффициент рождаемости — увеличиться до 2,061 (табл. 2).

При планировании социально-экономического развития республики, разработке стратегических направлений социальной сферы необходимо учитывать демографические процессы, происходящие в регионе: рост рождаемости, трудовые ресурсы, продолжительность жизни, миграция, уровень смертности.

В работе известного российского ученого, доктора физико-математических наук С.П. Капицы «Очерк теории роста человечества» [3] изложена модель роста человечества, рассмотрены вопросы развития

Таблица 2

Целевые показатели демографического развития Республики Татарстан на 2018–2020 годы

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Ожидаемая продолжительность жизни (оба пола, лет)	74,76	75,31	75,88
Общий коэффициент смертности населения на 1000 человек	10,7	10,6	10,6
Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения на 1000 человек	1,5	1,8	1,9
Суммарный коэффициент рождаемости	1,908	1,994	2,061

информационного общества и его воздействие на мировые демографические процессы. По мнению ученого, «в основу рассмотрения роста и развития человечества положен подход к населению мира как к целому, как к развивающейся динамической системе. На такой основе уже следовало определять рекомендации по демографической политике». Далее он отмечает, что «глобальная демографическая революция сопровождается резким изменением скорости роста, что должно привести к значительным изменениям в развитии человечества».

Ученый отмечает также, что наступивший демографический кризис поражает своей стремительностью: он продолжается всего 90 лет и синхронно охватывает все человечество как глобальное системное явление; кризис имеет «фундаментальный характер». Причины Капица видит в распаде традиционных идеологий в современном мире, появлении либеральных ценностей и отсутствии организующих концепций, невостребованности образования и инфантильности молодежи. Он прогнозирует, что «в России при сохранении этих тенденций население через 50 лет уменьшится в 1,5–2 раза, и это самый сильный сигнал, который нам дает демография» [3].

Список источников

1. *Бурганова Л. А., Ильдарханова Ф. А., Хадиева Л. Г.* Репродуктивные установки молодежи. — Казань: Изд-во инновационных технологий, 2009.

2. *Ильдарханова Ф. А.* Семья в турбулентном обществе (региональный аспект). — Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. — 170 с.

3. *Капица С. П.* Очерк теории роста человечества: Демографическая революция и информационное общество. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 128 с.

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: // http://kremlin.ru/events/president/news/56957.

5. *Сорокин П. А.* Кризис современной семьи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 1997. — № 3. — С. 65–67.

Информация об авторе

Ильдарханова Флюра Амировна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань, ул. Левобулачная, д. 36а; e-mail: gailj_07@bk.ru).

Ildarhanova F. A.

Demographic sustainability of the region

The article covers problems of demographic sustainability of the Republic of Tatarstan in conditions of social-economic development of the region. Sociological surveys held by Family and demography center of Tatarstan Academy of sciences among pupils and students show that family is the main value. Reproductive behavior of youth is oriented to the desire to have two or three children. The government of the Republic of Tatarstan fulfills extra measures to support families and women. Differential analysis of demographic perspectives of agglomerations of the republic taking into account their initial potential is a new approach in the regional study of social and demographic processes. It is necessary to define zones of demographic sustainability and risk and to develop new experimental suggestions to level space-demographic segregation of population in cities and villages of the region.

Keywords: demographic sustainability, regional approach, Tatarstan model, transformation of society, reproductive behavior

References

1. Burganova L. A., Il'darhanova F. A., Hadieva L. G. Reproduktivnye ustanovki molodezhi. — Kazan': Izd-vo innovacionnyh tekhnologij, 2009.

2. Il'darhanova F. A. Sem'ya v turbulentnom obshchestve (regional'nyj aspekt). — Kazan': Izd-vo Akademii nauk RT, 2015. — 170 s.

3. Kapica S. P. Ocherk teorii rosta chelovechestva: Demograficheskaya revolyuciya i informacionnoe obshchestvo. Izd. 2-e. — M.: LENAND, 2014. — 128 s.

4. Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu [Elektronnyj resurs]. URL: // http://kremlin.ru/events/president/news/56957 (data obrashcheniya 25.04.2018).

5. Sorokin P. A. Krizis sovremennoj sem'i // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. — 1997. — No. 3. — S. 65–67.

Author

Ildarhanova Flura Amirovna — doctor of sociology, leading scientific researcher, Family and demography center of Tatarstan academy of sciences (Russia, 420111, Kazan, Levobulachnaya st., 36a, Family and demography center; Tel. 89030350275, e-mail: gailj_07@bk.ru).

УДК 331.1
JEL: A 10, J 24, M 12

Козлова О. А., Селезенева Е. А.

АУДИТ КАЧЕСТВА ТРУДА КАК ИНСТРУМЕНТ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ[1]

В статье рассматриваются вопросы использования аудита качества труда в практике повышения эффективности работы персонала предприятия. Рассмотрено содержание понятия «аудит качества труда». Проведен анализ методики аудита качества труда, сформулированы результаты проведения аудита качества труда на конкретном предприятии, сформулированы основные пути повышения качества труда персонала. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что аудит качества труда является одним из основных инструментов решения задачи повышения эффективности работы предприятия.

Ключевые слова: аудит качества труда, оценка качества труда, управление качеством труда, методы аудита качества труда

В связи с постоянно происходящими преобразованиями, не только в рыночной экономике, но и в обществе в целом, качество труда работников на предприятиях и в разнообразных организациях выходит первый план. В процессе развития производства и трудовых отношений постоянно возрастают требования к рабочей силе. Работники воспринимаются не просто как трудовые ресурсы, от них начинают требовать гораздо большего.

В нынешних условиях повышение эффективности общественного производства является одним из главных направлений экономического прогресса. В значительной степени оно зависит от качества труда рабочей силы. В этой связи актуальным становится повышение эффективности труда. Усовершенствование производства, ускорение научно-технического прогресса приводят к тому, что труд становится более разнообразным и многогранным. [1, с. 76]

Качество труда — одна из главных категорий, оказывающих воздействие на объемы выпуска продукции. [5, с. 64]

Оценка качества труда в организации — процесс субъективный, но он дает возможность дать объективную оценку личностным и деловым качествам сотрудников.

Оценка качества труда предполагает систематическое детальное изучение качественного состава рабочей силы для его постоянного развития посредством обновления, перемещения и повышения квалификации. В

[1] © Козлова О. А., Селезенева Е. А. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ № 16–02–00164–ОГН «Научно-методический инструментарий измерения оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России».

связи с этим в странах с развитой экономикой оценке качества труда уделяют большое внимание.

Аудит качества труда — это система мероприятий охватывающая большое количество условий и показателей, характеризующих качество труда на предприятии. [6]

Именно по данным аудита качества труда и его анализу можно определить резервы эффективного использования трудовых ресурсов, а также факторы, при помощи которых можно обеспечить количественное и качественное изменение трудовых показателей и показателей социального развития трудовых коллективов.

Аудит качества труда является одной из ветвей аудита труда и охватывает большое количество условий и показателей, в частности определенный уровень квалификации работников, отсутствие нарушений техники безопасности и др.

Данные аудита качества труда и его анализа дают возможность определить резервы эффективного использования трудовых ресурсов на основе развития прогрессивных форм организации и стимулирования труда, а также факторы, которые обеспечивают количественное и качественное изменение трудовых показателей и показателей социального развития трудовых коллективов. [4, с. 82]

В целом аудит качества труда дает возможность провести оценку экономической эффективности труда на уровне предприятия и его структурных подразделений. В своем заключении аудитор должен дать рекомендации по улучшению организации управления сотрудниками, которые будут предусматривать приведение в полное соответствие с требованиями рынка имеющихся в компании форм, методов и процедур работы с кадрами, а также изменения функций и структуры служб, обеспечивающих кадровую политику.

Аудит качества труда из-за его многофакторности нельзя определить по какой-либо одной формуле. Качество труда определяется широким спектром условий и показателей: отсутствие рекламаций и нарушений технологической дисциплины, улучшение потребительских и физических свойств товаров и услуг. Под аудит качества труда попадают потери от брака, уменьшение которых позитивно сказывается на качестве труда и дает возможность экономии рабочего времени, так как есть возможность повысить объем выпуска продукции без роста затрат труда. В процессе проведения анализа качества труда могут быть рассмотрены вопросы экономии численности работников за счет снижения потерь от брака выпускаемой продукции.

Б. А. Райзберг считал, что «управление качеством труда — это часть более широкого процесса управления, включающего планирование, организацию, контроль и мотивацию, основанного на соотношении количества продукции, выпущенной производственной системой, и затрат на эту продукцию» [1, с. 144].

Впервые об оценке качества труда стали говорить в США. Тогда ее называли «оценка по заслугам». Оттуда она распространилась в другие страны. В России также накапливался опыт такой оценки, однако она имела другие названия: система труда без дефектов, система управления качеством труда, а измеряли специально разработанным коэффициентом трудового участия.

Каждая организация и ее подразделения в зависимости от специфики деятельности разрабатывают свои показатели качества труда, каждый из этих показателей имеет свою количественную оценку, выраженную в баллах или коэффициентах. В иностранной практике оценка качества труда используется для фиксирования развития сотрудника. Данный подход объясняется довольно просто — за организацию труда и выполняемые сотрудником профессиональные обязанности в большей степени отвечает менеджер, чем сам работник. А для работника несомненно важно развитие требуемых ему для реализации профессиональной деятельности качеств. А значит, оценка по заслугам используется для изучения личных качеств работника, улучшения профессиональных навыков сотрудника с помощью поощрения его участия в системе подготовки в повышения уровня квалификации, продвижения в карьере, установления финансовых стимулов, выявления работников, не соответствующих профессионально. [3, с. 73] Обычно при формировании системы оценки качества труда используют некоторое количество показателей — от 4 до 19. Использование большого числа элементов оценки чревато сложностью их восприятия и создает сложности в их учете. Критерии оценки должны быть свойственными большинству работников и характерны для данного вида деятельности. Существуют и стандартные показатели, которые используют большинство организаций. Например, стабильно высокая производительность труда, мастерство, инициативность, смежные профессиональные навыки. Выбор элементов для оценки выбираются на основании математической статистики, психологи и физиологии труда и ряда других. [2, с. 241]

Весь комплекс методов аудита качества труда можно подразделить на три основных группы: организационно-аналитические, социально-психологические и экономические методы.

Организационно-аналитические методы содержат в своей основе анализ кадровой документации и отчетности за исследуемый период, а также основных трудовых показателей, которые характеризуют результативности деятельности предприятия и его сотрудников.

Социально-психологические методы подразумевают проведение социологических опросов, анкетирования, индивидуальных и коллективных бесед, интервьюирования сотрудников различных уровней и категорий. [8]

Экономические методы дают возможность посредством сопоставления социально-экономических показателей работы предприятия с законодательно установленными нормами и нормативами или со средними либо

лучшими в отрасли показателями дать оценку конкурентоспособности предприятия на рынке труда, эффективности функционирования служб управления персоналом и эффективности самого аудита персонала.

Опираясь на обозначенные положения, можно говорить о том, что аудит качества труда — важная часть философии всеобщего управления качеством, и ходит в эту систему как экономический и социальный элемент и нацелено на улучшение деятельности собственных работников предприятия и удовлетворение рыночных потребителей.

Несомненно, предприятие, ставящее целью внедрение системы управления качеством, должно следовать в своей деятельности этим алгоритмам.

Для примера был проведен аудит качества труда в ООО «Уралэлектромедь» в процессе которого были найдены подтверждения выдвинутым тезисам.

Аудит качества труда основывался на следующих документах:

— форме №4 — «Сведения о численности, заработной плате и движении работников»;

— учредительных документах организации;

— решениях о назначении в должности;

— штатном расписании;

— правилах внутреннего трудового распорядка;

— положений о персональных данных;

— инструкциях и положениях по технике безопасности;

— приказах;

— трудовых книжках;

— приложениях, которые предусмотрены нормативными правовыми актами.

Аудит планировался и был проведен таким образом, чтобы получить достаточную уверенность в том, что предоставленная документация не содержит существенных ошибок и искажений.

Проведенный на предприятии аудит качества труда дал возможность сформулировать следующие выводы:

— Ядром компании является ее руководство — на нем лежит основная нагрузка по управлению компанией.

— Управление ведется согласно проработанной системе управления и организационной структуры.

— Работники проинструктированы и четко понимают свою зону ответственности и полномочий.

— Работники имеют невысокий уровень мотивации к труду.

— Отмечена сплоченность коллектива в его негативном аспекте (круговая порука).

— Руководство уделяет внимание повышению квалификации сотрудников, однако нет четкого графика повышения квалификации персонала, имеющего рабочие специальности.

— Система отбора и найма работников достаточно четко отлажена.

— Ведется строгий контроль за качеством выпускаемой продукции.

Данные аудита качества труда и его анализа позволили определить резервы эффективного использования трудовых ресурсов на основе развития прогрессивных форм организации и стимулирования труда, а также факторы, которые обеспечивают количественное и качественное изменение трудовых показателей и показателей социального развития трудовых коллективов.

По результатам проведенного анализа для повышения качества труда были сформулированы рекомендации, согласно которым должна быть проведена работа по осуществлению внедрения новой системы управления персоналом. В частности, были предложены активно внедрять следующие направления работы с персоналом:

— разработать график повышения квалификации работников;

— разработать и внедрить систему быстрого карьерного роста сотрудников;

— сформировать базовый социальный пакет;

— разработать программу повышения корпоративного духа в организации;

— внедрить в практику работы с персоналом методику его оценки «360 градусов».

Разработка и реализация данных предложений позволит увеличить эффективность работы предприятия, повысить производительность труда и улучшить эффективность управления организацией.

Таким образом, можно прийти к выводу, что от системы стимулирования труда работников и показателей, применяемых при оценке качества работы персонала, во многом зависит повышение качества труда. Экономика претерпевает изменения, и необходимо подстраиваться под них. Преобразования требуют инициативных высококвалифицированных работников, глубоко вовлеченных в рабочий процесс, чего можно добиться соответствующей организацией труда.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что повышение качества труда — одна из основных задач предприятий и организаций, которую необходимо решать совместными усилиями. В свою очередь, аудит качества труда — важный инструмент для повышения эффективности деятельности предприятия.

Список источников

1. *Адамчук В. В., Конкин Ю. П., Яковлев Р. А.* Экономика труда. — М. : ЗАО «Финстатинфо», 2016. — 257 с.

2. *Андреев А. Ф., Гришина Н. В.* Основы кадрового менеджмента. — М. : Юрайт, 2014. — 354 с.

3. *Мизинцева М. Ф., Сардарян А. Р.* Оценка персонала — М. : Юрайт, 2016. — 378 с.

4. *Попов Л. А.* Анализ и моделирование трудовых показателей. — М. : Экономика, 2016. — 366 с.

5. *Потемкин В. К.* Качество управленческого труда. Учеб. пособие: изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб. : СПбГЭУ., 2015. — 243 с.

6. *Гуменюк М. М., Гуменюк Н. В.* Качество труда, как показатель степени удовлетворения работников своими потребностями [Электронный ресурс]. URL: http://ir.kneu.edu.ua:8080/bitstream/2016/2987/1/Gumeniuk.pdf (дата обращения 10.06.2018).

7. *Штефан В. И.* Социальная составляющая — качество труда // «Кадры предприятия», 2016, № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://dis.ru/library/581/25579/?sphrase_id=403682 (дата обращения 10.06.2018).

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, рук. центра исследования социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: olga137@mail.ru); профессор кафедры экономики труда и управления персоналом ФБГОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62).

Селезенева Евгения Анатольевна — магистрант кафедры экономики труда и управления персоналом ФБГОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62).

Kozlova O. A., Selezeneva E. A.

Audit of Quality of Labor as a Tool in the Personnel Management System of an Enterprise

The paper discusses the use of quality audit work in the practice of improving the efficiency of the enterprise personnel. The content of the concept "audit quality of work" is considered. The analysis of the methodology for auditing the quality of labor has been carried out, the results of conducting an audit of the quality of labor at a particular enterprise have been formulated, and the main ways of improving the quality of the personnel's work have been formulated. Based on the analysis, it was concluded that the audit of the quality of labor is one of the main tools for solving the problem of improving the efficiency of the enterprise.

Keywords: labor quality audit, labor quality assessment, labor quality management, labor quality audit methods

References

1. Adamchuk V. V., Konkin Yu. P., Yakovlev R. A. Labor economics. — M.: ZAO Finstatinfo, 2016. — 257 c.

2. Andreev A. F., Grishina N. V. Basics of personnel management. — M. : Yurayt, 2014. — 354 p.

3. Mizintseva M. F., Sardaryan A. R. Personnel assessment. — M. : Yurayt, 2016. — 378 p.

4. Popov L. A. Analysis and modeling of labor indicators. — M. : Economy, 2016. — 366 p.

5. Potemkin V. K. The quality of managerial work Study Guide 2nd Edition, revised and enlarged. — SPb. : SPbGEU., 2015. — 243 p.

6. Gumenyuk M. M., Gumenyuk N. V. The quality of labor, as an indicator of the degree of satisfaction of workers with their needs [Electronic resource]. URL: http://ir.kneu.edu.ua:8080/bitstream/2016/2987/1/Gumeniuk.pdf (appeal date 10.06.2018).

7. Stefan V. I. Social component — quality of work // Personnel of the enterprise. — 2016. — No. 1 [Electronic resource]. URL: http://dis.ru/library/581/25579/?Sphrase_id=403682 (the date of circulation 10.06.2018).

Authors

Kozlova Olga Anatolyevna — Doctor of Economics, Prof., Centre of Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaja Str., 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Selezeneva Evgeniya Anatolyevna — postgraduate of chair of Labour economics and personal management department, Ural State University of Economics (Russia, Yekaterinburg, 8 Marta Str. 62).

УДК 314

Комбарова Т. В.

НЕКОТОРЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ[1]

Тюменская область и два округа, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, входящие в ее состав, перешли от миграционого прироста населения к естественному, сократив при этом темпы снижения смертности. Географический и профессиональный состав миграции в последнее десятилетие существенно изменился.

Ключевые слова: Тюменский регион, воспроизводство населения, миграция, миграционные потоки

Проводимая в России демографическая политика оказала влияние на демографическую ситуацию в Тюменском регионе. Тюменская область и автономные округа, входящие в ее состав, — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, всегда притягивали миграционные потоки как из республик Советского Союза в связи с открытием и разработкой нефтяных и газовых месторождений, так и после развала Советского Союза. Эта миграция всегда носила экономический характер: даже когда молодежь ехала «за туманом и за запахом тайги», «большой рубль» всегда был серьезным мотивирующим фактором. Долгие годы население региона прирастало миграцией.

В постсоветские годы, как и на территории всей страны, смертность стала превышать рождаемость. Не обошло это стороной и Тюменский регион. С начала 2000-х годов миграционный прирост населения сменился естественным. Повышение рождаемости сопровождается снижением смертности (табл. 1).

Как видно из таблицы, показатели в течение 5 лет мало менялись, однако к 2016 г. число родившихся снижается, что вполне можно объяснить вступлением в репродуктивный возраст поколения, родившегося в 90-е годы XX века, само по себе малочисленное. А повышение числа детей в семье пока не очень прослеживается, несмотря на многочисленные льготы.

К XXI веку Тюменский регион воспроизводит население благодаря правильно выстроенной демографической политике. Естественно, что миграция населения из других регионов продолжается, но она уже не имеет такого значения, как в середине XX века.

К 90-м годам XX века ситуация с миграционными потоками внутри региона начала меняться. Привлекательные прежде северные округа стали уступать пальму первенства югу Тюменской области (т. е. Тюменской области без округов). Развитие юга Тюменской области в 2000-х годах шло большими темпами, улучшилась инфраструктура, растет уровень жизни, развивается сельское хозяйство, строятся заводы, снабжающие

[1] © Комбарова Т. В. Текст. 2018.

Таблица 1

Число рождений и смертей на 1000 человек населения в Тюменском регионе

Территории региона	Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Юг Тюменской области	Родившихся на 1000 населения	12,0	16,6	17,0	16,7	15,9
	Умерших на 1000 населения	9,9	10,0	9,3	8,6	7,2
ХМАО	Родившихся на 1000 населения	17,7	17,5	17,2	16,6	15,7
	Умерших на 1000 населения	6,3	6,3	6,4	6,4	6,2
ЯНАО	Родившихся на 1000 населения	16,8	16,6	16,9	16,6	15,4
	Умерших на 1000 населения	5,4	5,1	5,1	5,3	5,3

Источники: [2, с. 15; 3, с. 13; 4, с. 14].

Таблица 2

Миграционный прирост (убыль) на 1000 населения [2, с. 15; 3, с. 13; 4, с. 14]

Территории	1990 г.	1997 г.	2000 г.	2003 г.	2008 г.	2011 г.	2015 г.
Юг Тюменской обл.	20,5	59,3	1,1	–6,8	50,0	97,9	124,4
ХМАО	16,6	110,3	100,8	61,5	–143,9	32,2	34,0
ЯНАО	–125,2	40,5	–26,4	47,4	–114,2	117,7	–222,9

Источники: [2, с. 15; 3, с. 13; 4, с. 14].

продукцией северные округа. В Тюмени находятся высшие учебные заведения, готовящие специалистов для всего региона. Сам город Тюмень стал привлекательным не только для тех, кто транзитом проезжал на север.

Северные округа стали избирательно привлекать трудовых мигрантов. Для уже разработанных месторождений нужны квалифицированные кадры. К тому же динамика реальных денежных доходов в 2015 году по сравнению с 2014 годом упала на 0,5–0,6 %. Да и направление прибывающих миграционных потоков несколько изменилось [1].

Для начала посмотрим, как менялся миграционный прирост (убыль) в течение последних десятилетий (табл. 2).

По данным этой небольшой таблицы можно увидеть тенденцию: прирост мигрантов в регион изменил свое направление с севера на юг области. Не все трудовые мигранты, прибывающие в северные округа из смежных областей (особенно из Курганской области), из депрессивных регионов России и из стран бывшего СНГ, приживаются в суровых условиях. Хотя необходимо признать, что в Ханты-Мансийский автономный округ — Югру и в Ямало-Ненецкий автономный округ эффективно привлекают мигрантов с целью получения высокооплачиваемой работы и долговременного проживания, когда они могут перейти в разряд старожилов со всеми вытекающими отсюда льготами.

Особенно привлекательным для трудовых мигрантов остается Ханты-Мансийский автономный округ, климат которого несколько мягче, чем в Ямало-Ненецком автономном округе. В ХМАО предпринимается многое для того, чтобы приезжающие мигранты закрепились на месте, инфраструктура постоянно улучшается, нет очередей в детские сады, значительно вырос уровень медицинского обслуживания.

Потоки трудовой миграции меняют не только свое географическое направление — с северных округов на юг области, но и профессиональное направление. На юг области едут традиционно из Казахстана — сопредельной страны бывшего СНГ, в некоторые периоды коэффициент миграционного прироста достигал 4868 человек в год. Через Казахстан идут потоки мигрантов из стран Средней Азии. Если в конце XX — начале XXI века миграция из таких стран бывшего СНГ, как Таджикистан, Узбекистан, составляла очень незначительную часть в общем числе, то в 2015 году численность мигрантов из этих стан превысила количество мигрантов из Армении, Казахстана, Украины (табл. 3). Ситуация с приезжающими из Украины напоминает качели. Миграционный прирост с отрицательного меняется на положительный. По этим данным можно наблюдать отражение политической ситуации на Украине. Миграционные потоки с Северного Кавказа, традиционные для всего Тюменского региона, меняются на потоки из Средней Азии. Стали приезжать также из Киргизии и Беларуси.

Традиционно приезжают в Ханты-Мансийский автономный округ мигранты из Казахстана, Украины, число их практически не меняется, если не принимать во внимание те же «качели» прибытия — убытия с Украины и обратно. Число приезжающих из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Азербайджана также постоянно растет (табл. 4). Обычно мигранты из Средней Азии заняты в регионе на неквалифицированных, подсобных работах.

Ямало-Ненецкий автономный округ теряет свое притяжение для трудовых мигрантов по следующим причинам: реальные доходы населения округа в последние годы падали; в первую очередь принимаются квалифицированные кадры; суровость климата. Несмотря на это, потоки миграции идут из тех же стран бывшего СНГ –Казахстана, Украины, Таджикистана, Узбекистана, хотя в 2014 году уехавших обратно в эти страны было больше, чем прибывших. Положительное сальдо сохраняется с Белоруссией и Азербайджаном (табл. 5).

Миграция, существовавшая в годы освоения Тюменского региона, изменила не только свое географическое направление, но и квалификационную направленность. Мигранты, не имеющие квалификации для выполнения тех работ, что требуются в настоящее время в регионе, могут быть заняты только неквалифицированным трудом, следовательно, не смогут зарабатывать такое количество денег, на которое они, возможно, рассчитывали. (Не будем касаться обмана и недооплаты произведенного труда). Если на юге области приезжающие могут заняться привычным, скажем,

Таблица 3

Показатели миграционных связей стран СНГс югом Тюменской области (прирост, убыль на 10000 населения), чел.

Страны	1990	1997	2000	2003	2008	2011	2015
Азербайджан	–177	376	219	–4	378	299	319
Армения	–30	225	119	33	431	298	1126
Казахстан	484	6609	1914	144	908	766	865
Таджикистан	108	228	108	28	248	1469	2451
Узбекистан	318	167	221	42	253	1118	1907
Украина	–146	704	294	16	197	199	745

Источник: [2, с. 15].

Таблица 4

Показатели миграционных связей с Ханты-Мансийским автономным округом (прирост, убыль на 10000 населения), чел.

Страны	1990	1997	2000	2003	2008	2011	2015
Азербайджан	–252	798	–1	–1	–8	585	559
Армения	–11	148	24	24	–24	359	113
Казахстан	528	4704	440	440	–739	4105	3505
Таджикистан	85	604	97	97	62	687	389
Узбекистан	254	470	144	144	254	1314	446
Украина	–1768	3004	189	189	–1768	4243	1830

Источник: [3, с. 13].

Таблица 5

Показатели миграционных связей с Ямало-Ненецким автономным округом (прирост, убыль на 10000 населения)

Страны	1990	1997	2000	2003	2008	2011	2015
Азербайджан	–9	395	148	44	271	326	77
Армения	–32	42	14	3	29	265	–261
Казахстан	–106	1172	425	131	150	200	–42
Таджикистан	38	105	46	15	85	453	–336
Узбекистан	60	146	91	46	61	1543	–1893
Украина	–2737	1505	510	–24	462	3971	–1817

Источник: [4, с. 14].

сельскохозяйственным трудом, то в северных регионах необходимы квалифицированные работники для специфических видов труда.

Немаловажную роль играет и нелегальная миграция, отследить которую очень тяжело. Из Казахстана идут автобусы, перевозящие рабочих из стран Средней Азии. Необходимо отметить, что многие мигранты, как легальные, так и нелегальные, устраиваясь в регионе, перевозят свои семьи, так как во многих республиках СНГ родовспоможение либо малоквалифицированное, либо платное. Многие мигранты перевозят беременных жен в регион для того, чтобы они получили квалифицированную медицинскую помощь. Следовательно, из числа родившихся в регионе некоторую часть

составляют и младенцы из мигрантских семей. То же можно сказать и о статистике смертей.

Список источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб./ Росстат. — М., 2017. — 1402 с.

2. Тюменская область без автономных округов в цифрах: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. — Тюмень, 2017. — 76 с.

3. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра в цифрах: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. — Тюмень, 2017. — 76 с.

4. Ямало-Ненецкий автономный округ в цифрах: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. — Тюмень, 2017. — 76 с.

5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году: стат. бюллетень / Росстат. — М., 2016. — 169 с.

Информация об авторе

Комбарова Татьяна Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет (Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16, к. 105; e-mail: tvkombarova@mail.ru).

Kombarova T. V.

Some factors of population growth in the Tyumen region

Tyumen oblast, and two districts, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, included in its composition shifted from migracionnogo population growth to estestvennomu, while reducing reducing mortality. The geographical and professional composition of migration in the last ten years has changed significantly.

Keywords: Tyumen region, population reproduction migration, migration flows

References

1. Region of Russia. Socio-economic indicators. 2017. Stat. Sat. / Rosstat. — M., 2017. — 1402 p.

2. Tyumen oblast Autonomous districts in figures: Krat. Stat. sat / Federal state statistics service of the Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. So, 2017. — 76 p.

3. Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra in numbers: Krat. Stat. sat / Federal state statistics service of the Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. So, 2017. — 76 p.

4. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in numbers: Krat. Stat. sat / Federal state statistics service of the Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. So, 2017. — 76 p.

5. Population size and migration of the Russian Federation in 2015. Stat. Bulletin / Rosstat. — M., 2016. — 169 p.

Author

Kombarova Tatyana Viktorovna — Candidate of sociology, associate Professor Tyumen state University (Russia, Tyumen, Lenina str., 16, K. 105; e-mail: tvkombarova@mail.ru).

УДК 314 316.4

Комлева Р. Н.

ФИНАНСОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ (на примере Республики Башкортостан)[1]

Изменения последних лет в области проводимых мер социальной поддержки семей с детьми отражают тенденцию к постепенной децентрализации социальной политики: все больше полномочий по ее реализации передается в регионы. Тем не менее большинство регионов продолжают зависеть от федеральных дотаций и финансирования, поэтому инициатива по проведению тех или иных мер чаще всего исходит из федерального центра, а их реализация осуществляется на региональном или местном уровне. В статье анализируются расходы регионального и местного бюджетов Республики Башкортостан в контексте общероссийских тенденций развития экономики и социальной сферы. Делается вывод о том, что возлагаемая на муниципалитеты ответственность по реализации семейной политики не обеспечивается соответствующей финансовой поддержкой, а региональная политика по поддержке семьи сводится в основном к поддержке наиболее уязвимых категорий семей с детьми. В целом же объемы выделяемых средств и направленность семейной политики в Республике Башкортостан, как и в большинстве регионов России, сильно зависит от экономической и политической конъюнктуры и политики местных властей.

Ключевые слова: семейная политика, демографическая политика, бюджетные расходы, социальные расходы, региональная политика, пособия

Изучение семейной политики, проводимой как на федеральном, региональном, так и на местном уровне, невозможно без анализа финансовых затрат, структура и объемы которых позволяют определить реальные политические приоритеты, направленность политики и основной контингент получателей средств.

В бюджетных расходах семейная политика не выделена отдельно как направление, расходы на нее содержатся в общесоциальных расходах, которые помимо семьи, материнства и детства направлены на другие социально уязвимые категории населения.

Прежде чем приступить к анализу расходов на семейную политику в Республике Башкортостан, рассмотрим динамику расходов на общесоциальные цели в российских регионах, так как общероссийские тенденции в области социальной политики влияют на приоритетность и объемы распределения средств в Республике Башкортостан в рамках семейной политики.

Как показывают более ранние исследования [7, с. 18; 1, с. 216], объем выделяемых средств на социальные расходы далеко не всегда зависит

[1] © Комлева Р. Н. Текст. 2018.

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ «ИСИ РБ» за 2018 г.

от бюджетной обеспеченности региона. У каждого региона имеется своя стратегия по распределению бюджетных средств исходя из имеющихся особенностей развития, демографических условий, отраслевой принадлежности и политики местных властей. Два важнейших направления расходов, по которым зачастую возникает дилемма относительно вложения средств, — это расходы на развитие экономики, включающей в себя целый ряд отраслей экономики (расходы на национальную экономику), и социальные расходы (статья «расходы на социальную политику»), включающие различные социальные трансферты населению.

Для большинства дотационных регионов вопрос о приоритетности распределения средств не стоит, так как имеющиеся средства приходится в большей степени распределять на социальные цели. Это, в основном, сырьевые и аграрные регионы Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока и некоторые регионы центральной России (табл. 1). В группе социально ориентированных регионов есть и такие развитые регионы, как Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ, которые всегда придавали большое значение социальной защите населения.

Большинство развитых и среднеразвитых регионов вкладывают свои средства более или менее сбалансированно: с небольшим перевесом в пользу развития экономики или социальной политики [1, с. 215] в соответствии с политической и экономической конъюнктурой. Однако имеется группа регионов, для которых финансирование инвестиционных проектов является более приоритетным направлением. К таким регионам относятся богатые регионы нефтегазового сектора с высоким бюджетным обеспечением, финансово-экономические центры г. Москва и г. Санкт-Петербург и некоторые амбициозные регионы с меньшими возможностями бюджета — Белгородская, Калужская, Калининградская области, Республика Татарстан (табл. 2).

Эмпирические данные по направлениям расходов регионов за 2005, 2011 и 2016 годы показывают, что помимо индивидуальных стратегий бюджетной политики на распределение средств в регионах влияют общая экономическая ситуация и новые направления федеральной политики. Если в 2005 году в среднем по регионам затраты на национальную экономику превышали социальные расходы на 2,7 п. п. (среднее значение разницы между расходами на экономику и социальную политику по регионам, в % от общего объема расходов), то в 2011 году имелся небольшой перевес в пользу социальных расходов (0, 1 п. п.), а в 2012 расходы на экономику снова превысили социальные расходы на 1,4 п. п. [6].

Эти изменения связаны с общими тенденциями в экономике и социальной сфере: с начала до середины 2000-х годов происходило развитие экономики и средства в большей степени вкладывались в промышленность, инвестиции и инфраструктуру. По достижении относительной стабильности и в связи с курсом правительства на решение демографических проблем и развитие социальной сферы (2006–2007 годы) происходит

Таблица 1

Некоторые регионы с повышенной долей социальных расходов по сравнению с расходами на национальную экономику в 2005, 2011, 2016 гг., п. п.*

Регионы	Разница между расходами на национальную экономику и социальными расходами, в % от общей суммы расходов		
	2005 г.	2011 г.	2016 г.
Ивановская обл.	–3,2	–7,8	–16,2
Московская обл.	1,5	–11,9	–6,4
Мурманская обл.	–4,3	–10,3	–8,2
Астраханская обл.	–1,0	–7,6	–9,4
Волгоградская обл.	3,2	–4,9	–8,0
Респ. Дагестан	4,6	0,3	–14,5
Респ. Ингушетия	–6,9	–1,3	–10,6
Чеченская Респ.	–8,4	–1,7	–8,2
Оренбургская обл.	0,7	–3,3	–10,4
Саратовская обл.	1,7	–7,6	–7,5
Респ. Бурятия	–12,9	–3,1	–2,8
Красноярский край	0,0	–3,5	–2,8
Хабаровский край	–1,5	–8,4	–3,3
Амурская обл.	2,0	–2,7	–13,9

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 1402 с.

Таблица 2

Некоторые регионы с высокой долей расходов на национальную экономику по сравнению с социальными расходами в 2005, 2011, 2016 гг., п.п.

Регионы	Разница между расходами на национальную экономику и социальными расходами, в % от общей суммы расходов		
	2005 г.	2011 г.	2016 г.
Белгородская обл.	19,2	25,2	17,7
Калужская обл.	1,2	4,4	5,6
Курская обл.	13,6	3,6	5,1
Тамбовская обл.	2,3	5,5	12,2
г. Москва	16,5	5,4	11,1
Калининградская обл.	-0,1	17,5	40,9
г. Санкт-Петербург	0,7	8,4	11,2
Респ. Мордовия	32,7	12,7	10,5
Респ. Татарстан	17,2	25,9	17,3
Тюменская обл.	30,7	36,6	17,4
Респ. Алтай	7,4	21,4	10,5
Камчатский край	1,3	6,6	12,3
Сахалинская обл.	12,8	9,5	21,1
Чукотский автономный округ	10,2	13,4	27,6

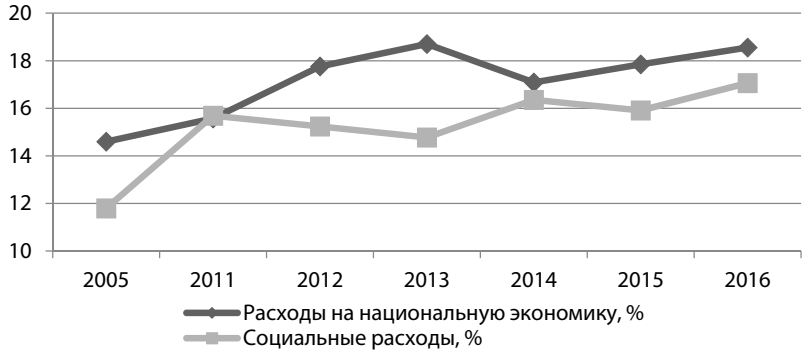


Рис. 1. *Средние расходы по регионам на национальную экономику и социальные расходы, в % от общего объема расходов*

постепенное увеличение социальных расходов в подавляющем большинстве регионов [4, с. 71]. Увеличение социальных расходов было также вызвано кризисом 2008–2009 гг., когда в условиях нарастания социальных проблем и растущего дефицита региональных бюджетов были увеличены федеральные вливания в региональные бюджеты, которые в основном направлялись на социальную сферу. Майские указы 2012 года, которые существенно увеличили бюджетную нагрузку регионов, и, позднее, введение экономических санкций в отношении России в 2014 г. усложнили экономическое положение регионов, положили начало стагнации в экономике и новой волне кризиса [2, с. 38; 5]. В этих условиях началось сокращение расходов региональных бюджетов, сначала за счет расходов на национальную экономику, сферу ЖКХ, а затем и социальную сферу [3].

Республика Башкортостан относится к группе регионов с более или менее сбалансированной политикой распределения средств: имеется лишь небольшой перевес в пользу расходов на национальную экономику. Однако на рисунке 2 можно видеть, что в последние годы идет тенденция к увеличению вложений в национальную экономику, тогда как доля расходов на социальные цели не растет или даже снижается. Данная тенденция идет в русле общероссийских процессов, когда регионы в условиях экономической турбулентности стремятся инвестировать в инфраструктуру и реальный сектор, чтобы сохранить финансовый баланс и не потерять конкурентоспособность.

Рассмотрим, как эти процессы отражаются на расходах на семейную политику. Данные по расходам на семейную политику были получены путем выделения расходных статей из перечня бюджетных расходов, содержащихся в законах об исполнении регионального бюджета за 2008–2011 и 2016 годы. К расходам на семейную политику относились статьи бюджета, содержащие следующие меры:

— различные виды материнских пособий, выплаты и компенсации;

Рис. 2. *Расходы Республики Башкортостан на национальную экономику и социальную политику, %*

— меры поддержки многодетных семей;

— меры социальной поддержки детей-сирот;

— меры социальной поддержки различных категорий семей — малоимущих, студенческих семей и семей аспирантов, семей военнослужащих;

— жилищные программы для семей («Обеспечение жильем молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2015–2020 годы, подпрограмма «Устойчивое развитие сельских территорий Республики Башкортостан до 2020 года»);

— мероприятия по организации досуга, отдыха, оздоровления и занятости детей, подростков и учащейся молодежи Республики Башкортостан;

— меры по обеспечению доступности диагностических мероприятий, оказанию медицинской помощи беременным женщинам, матерям и детям.

Как можно видеть на графике (рис. 3), расходы на семейную политику с некоторыми колебаниями росли с 2008 по 2016 гг. в соответствии с увеличением суммарных расходов.

После временного кризисного снижения расходов на семейную политику в 2009 г. последовал значительный рост расходов в 2010 г., как и в большинстве регионов. Согласно данным Росстата, расходы консолидированного бюджета Республики Башкортостан на социальную политику в целом выросли на 34 % в 2010 г. по сравнению с предыдущим годом. По-видимому, источником такого роста стало перераспределение бюджетных средств в пользу семейной политики за счет резкого сокращения финансирования жилищно-коммунального хозяйства — почти на 40 % в 2010 г.

В этом году, в частности, было увеличено финансирование некоторых пособий, повысились расходы на такие республиканские программы, как

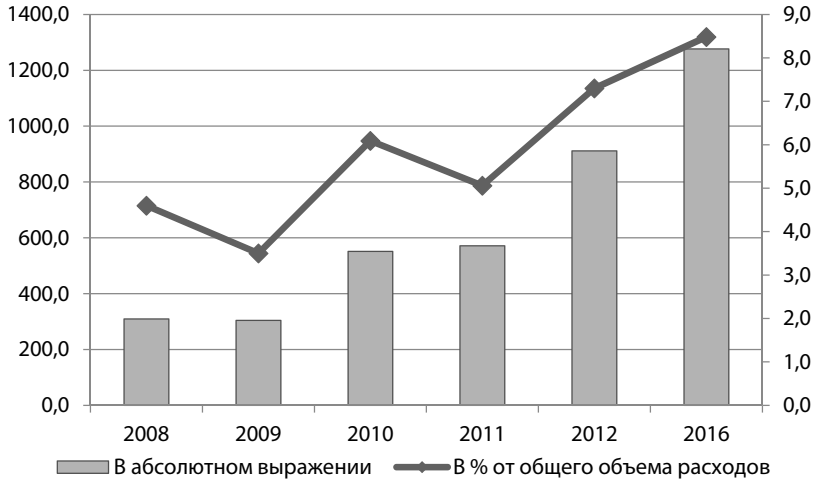


Рис. 3. *Расходы на семейную политику в Республике Башкортостан*

«Развитие системы дошкольного образования в Республике Башкортостан на 2008–2012 годы», «Программа государственной поддержки молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, на 2003–2010 годы», расходы на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся под опекой (попечительством), не имеющих закрепленного жилого помещения, и др.

С 2012 г., который был объявлен Годом благополучного детства и укрепления семейных ценностей в Республике Башкортостан, в действие вступил еще ряд законов [1, с. 217], увеличивающих государственные расходы на семейную политику. В их числе: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 25 июля 2012 г. № 254 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, в которых одновременно родились двое и более детей»; Закон Республики Башкортостан от 3 июля 2012 г. № 550-з «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Башкортостан» в части повышения размера вознаграждения приемным родителям, патронатным воспитателям, а также поддержки семей и развития кадрового потенциала в сельской местности.

В период с 2013 по 2016 гг. доля расходов на семейную политику в Республике Башкортостан росла более низкими темпами, как и показатель социальных расходов в целом, который стагнировал последние 4 года. Это заметно и в сфере правового обеспечения семейной политики: за этот период почти не принималось законодательных инициатив, улучшающих жизнь семей с детьми. Указ Главы республики 2015 года «Об утверждении Концепции семейной политики Республики Башкортостан на период до

2025 года» носил пока декларативно-плановый характер и не влиял напрямую на финансовые показатели в этот период.

Рассмотрим, какие виды социальной помощи доступны семьям с детьми в Республике Башкортостан, выплачиваемые за счет средств республиканского бюджета:

1. Ежемесячное пособие на ребенка (выплачивается трудоспособным членам многодетной семьи, проживающим в сельской местности, или одному из родителей в неполной семье).
2. Ежемесячная денежная выплата многодетным малоимущим семьям на каждого ребенка, рожденного третьим и последующим, в возрасте от 1,5 до 3 лет.
3. Ежемесячная денежная компенсация отдельным категориям многодетных семей.
4. Ежемесячное пособие отдельным категориям многодетных семей.
5. Ежемесячное пособие семьям, в которых одновременно родились двое и более детей.
6. Ежегодный отдых и оздоровление детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.
7. Специальное социальное пособие семьям студентов и аспирантов, имеющих детей.
8. Единовременное денежное пособие гражданам, усыновившим (удочерившим) ребенка (детей).
9. Единовременная адресная социальная помощь на основании социального контракта.
10. Ежемесячное пособие детям граждан, имеющих особые заслуги.
11. Единовременная денежная выплата многодетным семьям, воспитывающим 9 и более несовершеннолетних детей.
12. Ежемесячная денежная выплата на каждого ребенка, рожденного в 2018 году третьим или последующим, в возрасте до трех лет включительно (выплачивается многодетным малоимущим семьям).

Как можно видеть из данного перечня мер, выплаты, которые осуществляются за счет регионального бюджета, доступны лишь наиболее социально уязвимым категориям семей (многодетным и малоимущим одновременно, неполным семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, студентам и т. д.). Для участия в жилищных программах также необходимо иметь документы о признании нуждающимся в улучшении жилищных условий и наличии собственных средств и/или постоянного дохода в достаточном размере для погашения кредита. То же самое касается получателей мер медицинской помощи и диагностики, отдыха и оздоровления.

Таким образом, большинство мер социальной защиты, доступных всем семьям с детьми (включая материнские пособия, материнский капитал, различные компенсации), реализуется на федеральном уровне, на региональном уровне семейная политика носит исключительно адресный характер.

Для более полного представления о реализации семейной политики в Республике Башкортостан рассмотрим также расходы бюджетов муниципальных образований (МО) республики.

При анализе финансовых расходов на семейную политику мы опирались на данные отчетов о финансовых затратах, полученные от муниципальных образований (по заданной форме, прилагаемой к запросу). Отчеты о финансовых затратах в том или ином виде были получены из 50 из 63 муниципальных образований.

Следует отметить, что информация, полученная от МО, по расходам на семейную политику не может считаться надежной и достаточно полной, поэтому проведение объективного сравнительного анализа не представляется возможным. Тем не менее, полученные данные позволяют выделить и охарактеризовать основные направления расходов муниципальных образований.

Полученные данные позволяют заключить, что большая часть мер, указанных в финансовых отчетах, реализуется в рамках основной деятельности органов муниципальной власти (предоставление различных социальных выплат, пособий, содержание организаций социальной сферы, мероприятия в области здравоохранения и пр.) и за счет федерального или республиканского бюджета. Однако для нас, прежде всего, представляет интерес, как распределяются средства муниципального бюджета, в какой мере они направляются на финансирование существующих направлений политики (софинансирование федеральных и муниципальных программ) и какие дополнительные направления и меры осуществляются на муниципальном уровне.

В результате анализа полученных данных можно выделить следующие основные направления в структуре расходов муниципальных районов на указанные цели:

1. Расходы на улучшение жилищных условий граждан. В основном это направление реализуется в виде софинансирования жилищных государственных программ, таких как подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» в рамках ФЦП «Жилище» на 2015–2020 годы, ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 г. и на период до 2020 г.». Данное направление расходов является одним из наиболее значительных по размеру вкладываемых средств на муниципальном уровне. В среднем по районам, финансирующим жилищные программы, на эти цели выделяется около 50 %[1] всех затрат на семейную, демографическую, миграционную политику (согласно предоставленным данным). Софинансирование государственных жилищных программ реализуется в следующих районах: Архангельский, Аургазинский, Баймакский, Белокатайский, Дуванский, Дюртюлинский, Зилаирский, Иглинский, Краснокамский, Мелеузовский, Салаватский, Стерлибашевский, Татышлинский, Чекмагушевский, Чишминский. Основной категорией получателей мер господдержки по

[1] От 4,5 % в Баймакском районе до 100 % в Белебеевском районе.

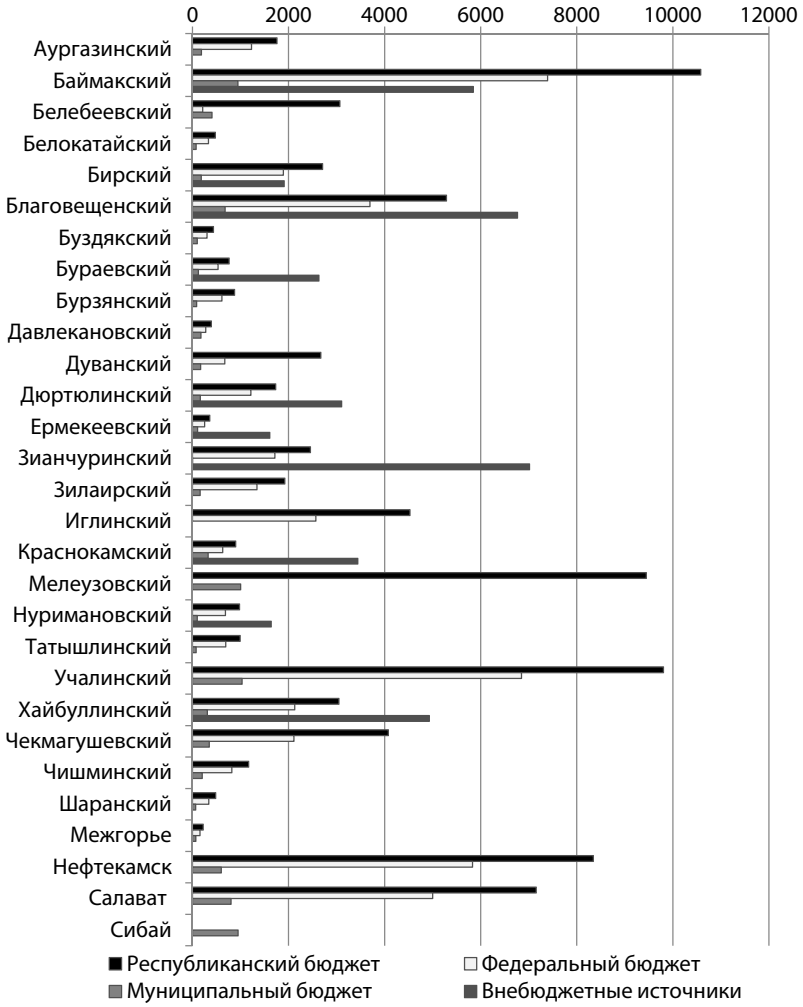


Рис. 4. *Затраты на обеспечение мероприятий подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» ФЦП «Жилище» на 2015–2020 годы по районам и городам РБ, тыс. руб.*

данным программам являются молодые семьи и граждане, проживающие в сельской местности.

Как можно видеть на диаграммах (рис. 3, 4), основными источниками расходов на улучшение жилищных условий являются федеральные, республиканские и внебюджетные средства, доля муниципальных средств в среднем не превышает 10–12 %.

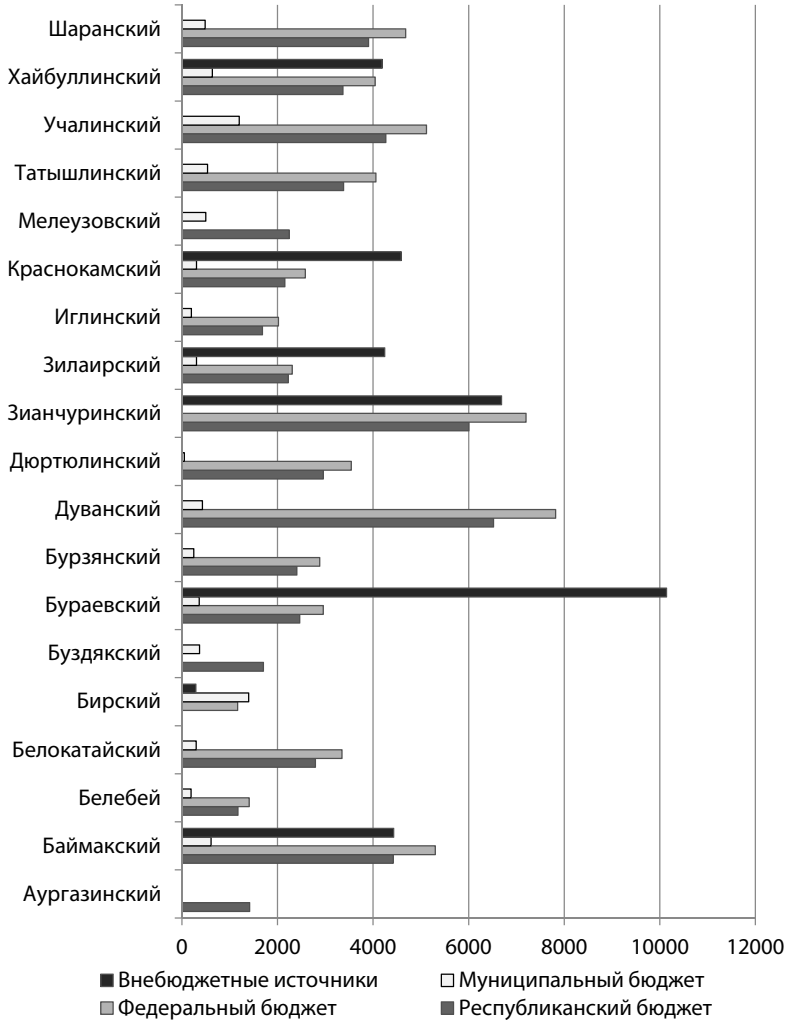


Рис. 5. *Затраты на улучшение жилищных условий молодых семей и молодых специалистов, проживающих в сельской местности, в рамках ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 г., тыс. руб.*

Кроме вышеуказанных государственных программ в некоторых районах (Бирский, Буздякский, Дюртюлинский, Ермекеевский, Зианчуринский, Мелеузовский, Нуримановский, Татышлинский, Учалинский, Хайбуллинский, Чишминский, города Межгорье, Нефтекамск, Октябрьский) имеются также затраты на осуществление государственных полномочий по

обеспечению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями, которые реализуются за счет средств бюджета Республики Башкортостан и федеральных средств.

С 2017 года в республике реализуется обеспечение жилыми помещениями инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, нуждающихся в жилых помещениях, вставших на учет после 1 января 2005 года и страдающих тяжелыми формами хронических заболеваний (указанных в пункте 4 части 1 статьи 51 ЖК РФ). Сведения о реализации данной меры пока были предоставлены только Дюртюлинским районом, и помимо средств республиканского бюджета данная мера была профинансирована в 2017 г. муниципальными средствами в размере 143,7 тыс. руб.

Кроме предоставления социальных выплат на улучшение жилищных условий различным категориям граждан, в некоторых районах (Шаранском, Краснокамском, Дуванском) и г. Салават предусмотрены выплаты на проведение кадастровых работ по межеванию земельных участков в целях их предоставления гражданам для индивидуального жилищного строительства однократно и бесплатно.

Различные виды поддержки оказаны семьям с детьми, в особенности льготным категориям семей (многодетным, малообеспеченным, неполным, имеющим детей-инвалидов и пр.): обеспечение бесплатным питанием детей из льготных категорий семей в дошкольных учреждениях, компенсация за непредоставление детского сада для ребенка от 1,5 до 3 лет (Буздякский район, ГО Стерлитамак), организация и обеспечение отдыха и оздоровления детей (Буздякский, Куюргазинский районы), модернизация региональных систем дошкольного образования и прочие.

Помимо вышеуказанных стандартных мер поддержки, оказываемых на муниципальном уровне, в некоторых районах реализуются разово или на постоянной основе дополнительные меры по поддержке семей с детьми: единовременная социальная выплата в связи с одновременным рождением двух и более детей (табл. 3.), обеспечение новорожденных детей комплектами «Подарок новорожденному» в Татышлинском районе, выплата стипендий главы Администрации городского округа Салават, оказание материальной помощи семьям с детьми, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (Кугарчинский район, Агидель) и др.

2. Различные мероприятия пропагандистского и культурно-просветительского характера, направленные на укрепление института семьи и духовно-нравственных традиций семейных отношений, пропаганду здорового образа жизни. Это направление включает расходы муниципальных образований на организацию и проведение различных праздничных мероприятий, круглых столов, конкурсов, акций, соревнований. Расходы по данному направлению в основном несут администрации муниципальных районов (иногда отделы культуры или образования), поэтому они чаще всего реализуются за счет средств муниципального бюджета. Согласно полученным данным, в структуре расходов муниципального бюджета

Таблица 3

Расходы районов на единовременную социальную выплату в связи с одновременным рождением двух и более детей

Районы	Источник средств	Размер израсходованных средств по годам, тыс. руб.	
		2016 г.	2017 г.
Дюртюлинский	Муниципальный бюджет	0	430
Нуримановский	Внебюджетные источники	нет данных	138
ГО Салават	Муниципальный бюджет	800,0	750,0

Таблица 4

Информация о расходах МО на мероприятия пропагандистского и культурно-просветительского в 2017 г.

Районы	Всего потраченных средств, тыс. руб.	Доля в общем объеме муниципальных расходов, %
Дуванский	1736,8	74
Иглинский	2540	92
Илишевский	144	100
Кармаскалинский	15	100
Мечетлинский	49	100
Салаватский	827,7	39
Стерлибашевский	175,9	30
Туймазинский	23	100
Чекмагушевский	1136,5	22
Сибай	2680,9	24

районов, представленных в таблице 4, данное направление расходов является значительным или превалирующим. У некоторых районов это связано с отсутствием средств для реализации других мер (или софинансирования мер республиканских или федеральных программ), в других районах исполнители по данному запросу ограничились лишь предоставлением информации по мероприятиям, не указав расходы на иные меры. В отчетах о финансовых затратах большинства районов расходы на различные мероприятия вообще не указаны.

Что касается мер в области трудовой занятости граждан, то данное направление затрат реже встречается в структуре затрат районов. Основное внимание в рамках данного направления в муниципальных районах уделяется занятости молодежи, в том числе несовершеннолетней. Так, в ГО Сибай производится финансирование мер в рамках программы «Содействие занятости молодежи города Сибай на 2014–2020 годы», в Бакалинском районе — подпрограммы «Организация временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время в МР Бакалинский район Республики Башкортостан», в Краснокамском районе — «Организация временного

трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет — детей из многодетных, малообеспеченных семей», в Куюргазинском районе также осуществляется финансирование мероприятий по содействию трудовой занятости.

В целом можно сказать, что семейная политика реализуется за счет средств федерального и республиканского бюджетов, муниципальные средства не играют такой значимой роли в реализации указанных направлений политики. Поэтому сложно ожидать, что политика, проводимая на муниципальном уровне (за счет средств муниципального бюджета), в состоянии коренным образом изменить сложившуюся в муниципальных образованиях ситуацию и переломить негативные тенденции в области демографии и семейных отношений.

Большинство муниципальных программ по своему содержанию близки республиканским программам и включают меры, которые в большей степени финансируются республиканскими и федеральными средствами. Это объясняется низкой бюджетообеспеченностью муниципальных районов, а также общей ситуацией в экономике и социальной политике, сжатием в последние годы бюджетного сектора и соответственно снижением затрат на социальную политику в целом на государственном уровне. Немаловажное значение играют активность, инициативность и компетентность местных властей, которые определяют приоритетность в распределении средств, их умение привлечь внебюджетные источники для реализации семейно-демографической политики. Зачастую ввиду нехватки средств в муниципальных образованиях с низкой бюджетообеспеченностью проведение семейно-демографической политики сводится в основном к мероприятиям организационного характера (создание рабочих групп по различным направлениям политики, проведение круглых столов и т. д.).

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Существует разрыв между ответственностью, возлагаемой на муниципальные органы власти по реализации семейной политики, и финансовыми возможностями, которыми они обладают. Низкая бюджетная обеспеченность, отсутствие в большинстве МО системного подхода к семейной политике с учетом особенностей и проблемных точек района не позволяют реализовывать ее на сколько-нибудь эффективном уровне.

2. Семейная политика, проводимая за счет республиканского бюджета, носит исключительно адресный характер и направлена на преодоление и профилактику крайней степени детской бедности, нежели на социальную защиту и адаптацию к рыночным условиям всех семей с детьми.

3. Финансовая составляющая региональной семейной политики подвержена большим колебаниям в соответствии с динамикой социальных расходов исходя из экономической и политической конъюнктуры и политики местных властей.

Список источников

1. *Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Хилажева Г. Ф., Бурханова Ф. Б.* Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общей ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. — Уфа: Восточная печать, 2013. — 283 с.

2. *Зубаревич Н.* Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. — 2015. –№ 4. — С. 37–52.

3. *Зубаревич Н. В.* Мониторинг кризиса и посткризисного развития регионов России. М.: НИСП, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris. shtml#no36.

4. *Зубаревич Н. В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. — М.: Независимый институт социальной политики, 2010. — 160 с.

5. *Синельников-Мурылев С., Мамедов А.* Региональные бюджеты — 2015: Три способа решения проблемы дефицита // Форбс. 2014. 12 ноября.

6. Финансовая устойчивость региональных бюджетов: доклад / РАНХиГС. 2015.

7. Социальные расходы в России: федеральный и региональные бюджеты — М.: НИУ ВШЭ, 2015. — 63 с.

Информация об авторе

Комлева Рената Наилевна — научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (Россия, 450008, г. Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: komlevarn@isirb.ru)/

Komleva R. N.

Financial Component of Family Policy (on the Example of the Republic of Bashkortostan)

Changes of recent years in social support sphere reflect the trend towards a gradual decentralization of social policy: more responsibilities for its implementation are transferred to the regions. Nevertheless, most of the regions continue to depend on federal subsidies and funding. Therefore, the initiative to implement certain measures, most often comes from the federal center, and their implementation is carried out at the regional or local level. The article analyzes the expenditures of the regional and local budgets of the Republic of Bashkortostan in the context of all-Russian trends in the development of the economy and the social sphere. It is concluded that the responsibility for implementing family policies imposed on municipalities is not provided with adequate financial support, and the regional family support policy is basically aimed at supporting of the most vulnerable categories of families with children. In general, the amount allocated and the direction of family policy in the Republic of Bashkortostan, as in most regions of Russia, depends heavily on the economic and political situation and the policies of local authorities.

Keywords: family policy, demographic policy, budgetary expenditures, social expenditures, regional policy, allowances

References

1. Valiakhmetov R. M., Baymurzina G. R., Khilazheva G. F., Burkhanova F. B. Sem'ya i chelovecheskoye razvitiye. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Respublike Bashkortostan / pod obshchey redaktsiyey R. M. Valiakhmetova, F. B. Burkhanovoy, G. F. Khilazhevoy. Ufa: Vostochnaya pechat', 2013. 283 s.

2. Zubarevich N. (2015). Regional'naya proyektsiya novogo rossiyskogo krizisa // Voprosy ekonomiki. 2015. № 4. S. 37–52.

3. Zubarevich H. V. (2016). Monitoring krizisa i postkrizisnogo razvitiya regionov Rossii. M.: NISP, 2016. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris. shtml#no36.

4. Zubarevich N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya. — M.: Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki, 2010. — 160 s.

5. Sinel'nikov-Murylev S., Mamedov A. Regional'nyye byudzhety — 2015: Tri sposoba resheniya problemy defitsita // Forbs. 2014. 12 noyabrya.

6. Finansovaya ustoychivost' regional'nykh byudzhetov: Doklad / RANKhiGS. 2015.

7. Sotsial'nyye raskhody v Rossii: federal'nyy i regional'nyye byudzhety — M.: NIU VSHE, 2015. — 63 s.

Author

Komleva Renata Nailevna — the researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Russia, 450008, Ufa, Kirova 15; e-mail: komleva@isirb.ru).

УДК 314.7, 314.9, 331.5

Коровкин А. Г., Единак Е. А., Королев И. Б.

АНАЛИЗ ПРОГНОЗНЫХ ОЦЕНОК ЧИСЛЕННОСТИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РФ[1]

В статье дается обзор заявленных методик и полученных на их основе прогнозных оценок численности населения РФ и ее регионов. Рассматривается методика оценки перспективной численности населения субъектов РФ с учетом структуры и динамики его движения на базе модели движения населения и трудовых ресурсов, учитывающей неоднократные переходы людей. Анализируются оценки перспективной численности населения РФ с учетом различных ретроспективных и перспективных тенденций рождаемости, межрегиональной миграции населения и иммиграции. Рост численности населения может произойти при условии или роста объемов иммиграции, или в случае высокой рождаемости. При прочих равных, сложившиеся на интервале 1999–2015 гг. тенденции оказывают более благоприятное влияние на рост численности населения РФ по сравнению с тенденциями периода 1991–2015 гг. В статье также представлены сценарии прогнозной динамики численности населения в разрезе субъектов РФ. Вне зависимости от сценария состав субъектов РФ, входящих в десятку регионов с наибольшим и наименьшим приростом населения, практически не меняется, т. е. одни регионы как в оптимистичном, так и в пессимистичном варианте будут устойчиво терять население (с разной степенью интенсивности), в то время как другие — наращивать, и изменить эту динамику будет чрезвычайно трудно даже целенаправленными мерами. В предположении о постоянстве на уровне 2011 г. структуры движения населения трудоспособного возраста и внешней эмиграции были получены прогнозные оценки его численности и региональной структуры до 2030 г. В условиях принятых предпосылок численность населения трудоспособного возраста в РФ снизится к 2030 г. на 7 % по сравнению с 2016 г. При этом наибольшие потери понесут Дальневосточный и Сибирский ФО.

Ключевые слова: прогнозирование, население РФ, моделирование, территориальное движение, баланс

В рамках системы народнохозяйственного прогнозирования оценка перспективной численности и структуры населения и его отдельных категорий (трудовых ресурсов, рабочей силы, занятого населения) рассматривалась неотъемлемо от решения задачи повышения эффективности использования трудовых ресурсов — одной из центральных задач социально-экономического развития страны. Необходимым условием ее решения

[1] © Коровкин А. Г., Единак Е. А., Королев И. Б. Текст. 2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 16–06–00347 «Прогнозно-аналитическое исследование межрегионального движения населения и рабочей силы на основе балансовых построений».

было определение оптимального распределения трудовых ресурсов между отраслями, профессиями, регионами и поиск путей его достижения. В этой связи особое внимание уделялось изучению, анализу, моделированию и развитию методов прогнозирования различных форм движения населения и рабочей силы: велась большая работа по построению отчетных балансов движения населения и трудовых ресурсов для отдельных регионов; предпринята попытка разработки перспективного баланса отраслевого движения [2, 5, 15]. Также была предложена для построения система балансов движения населения и трудовых ресурсов за отчетный период и на перспективу на различных уровнях экономики для интеграции разрозненных статистических данных и таблиц по аналогии с межотраслевым балансом производства и распределения продукта [5]. Подобные шахматные таблицы и сегодня используются нами для практического решения целого ряда научных задач (см., например, [6, 7]), в том числе для исследования различных аспектов движения населения и рабочей силы.

Таким образом, прогноз численности и структуры населения являлся лишь частью комплексного прогнозирования динамики и структуры трудовых ресурсов, занятости населения и рабочей силы. Сам комплекс моделей состоял из нескольких последовательных прогнозных расчетов, каждый из которых соответствовал определенной стадии воспроизводства населения. На базе демографического прогноза разрабатывались прогноз численности и структуры трудовых ресурсов; прогноз численности занятого населения и его распределения по сферам и отраслям народного хозяйства, прогноз производительности труда; прогноз образовательной и профессионально-квалификационной структуры занятого населения [13]. Вышеназванные направления в той или иной степени развиваются в рамках проводимых в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН исследований. Естественно, в силу специфики функционирования плановой экономики разработанные в тот период под ее особенности методы и подходы имеют сегодня ограниченное применение и нуждаются в адаптации к условиям переходной и тем более рыночной экономики. Однако в современных условиях сокращения не темпов роста, как в конце 1960-х годов, а численности населения в трудоспособном возрасте, с одной стороны, и острой необходимости наращивания темпов экономического роста — с другой, важно учитывать накопленный опыт в целях его использования для решения ряда актуальных сегодня задач.

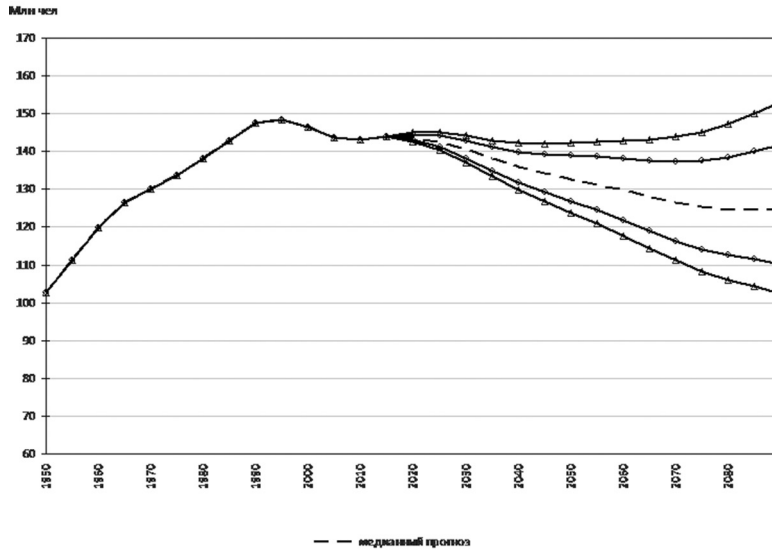
Оценки перспективной численности и региональной структуры населения страны являются основополагающими при разработке социально-экономической стратегии ее развития, концепций демографической политики и национальной безопасности и др. Кроме того, возрастает потребность в таких оценках со стороны бизнеса, например, при прогнозировании объема спроса на соответствующие товары и услуги на территории данной страны. В этой связи актуально совершенствование методов демографического прогнозирования с целью повышения их точности.

Последняя зависит от достоверности исходной статистической информации, обоснованности гипотез об изменении как самих демографических процессов, так и социально-экономических факторов, оказывающих на них влияние, а также от продолжительности периода прогноза [1]. Ниже представлен обзор заявленных различными организациями методик прогноза населения РФ и полученных на их основе результатов.

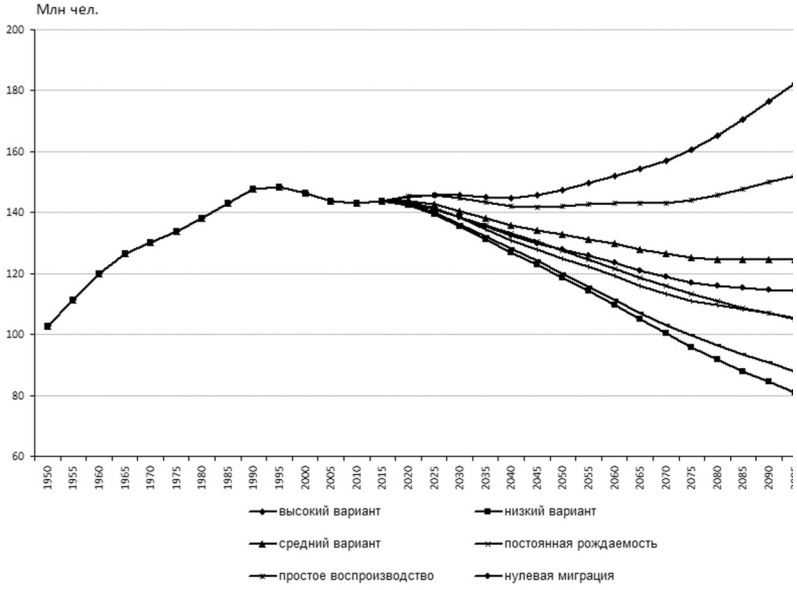
Опыт макроэкономического прогнозирования численности и структуры населения. Разрабатываемый отделом населения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН с 1950 г. прогноз численности населения по всем странам, крупным регионам и миру в целом является официальным на мировом уровне и наиболее глобальным в смысле странового охвата. Лежащая в основе методика расчета учитывает будущие тенденции (заложенные в сценариях, число которых варьируется в различных прогнозах) рождаемости, смертности и международной миграции, и именно они являются предметом перспективных расчетов ООН. В прогнозных расчетах численности населения (их последняя версия опубликована под названием «Перспективы мирового населения пересмотра 2017 г.» [21]) также учитывается его сложившаяся половозрастная структура (через прогнозные оценки возрастных коэффициентов рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни в разбивке по полу).

Разрабатываемые ООН прогнозы численности населения, в том числе и РФ, подразделяются на вероятностные и детерминистские. В рамках вероятностного подхода рассматриваются пять вариантов: средний (медианный) вариант вероятностного прогноза численности населения (формируется на базе медианных траекторий из множества спрогнозированных вероятностных траекторий суммарной рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни для каждой страны мира), а также значения для верхних и нижних границ 80- и 95-процентных доверительных интервалов. В рамках детерминистского прогноза в последнем пересмотре (2017 г.) разработано 8 сценариев траекторий изменения численности населения с учетом различных сочетаний перспективных динамик рождаемости, смертности и международной миграции.

Подробный разбор методики и анализ прогнозных расчетов ООН сценарных трендов рождаемости, смертности, международной миграции, а также численности населения России пересмотров различных лет (по 2015 г. включительно), представлен в работе [20]. На рисунке 1 изображены вероятностные и детерминистские сценарии прогнозов численности населения РФ на интервале 2015–2100 гг., опубликованные в последнем (2017 г.) варианте пересмотра. На рисунке также представлены ретроспективные пересчеты численности населения до 1950 г., которые выполняются экспертами ООН по каждой стране. По медианному прогнозу численность населения России к 2035 г. снизится на 4 % по сравнению с 2015 г., к 2100 г. — на 14 %. Вилка 80 % доверительного интервала составит 37,5



(а)



(б)

Рис. 1. *Оценки (1950–2015 гг.), вероятностные (а) и детерминистские (б) прогнозы ООН (2015–2100 гг.) численности населения России, млн чел., пересмотр 2017 г.*

млн чел. (от 107,3 до 144,8 млн чел.) в 2100 г., для 90 % доверительного интервала — 60 млн. чел. (от 98,7 до 159 млн чел.). В рамках детерминистского прогноза два сценария — низкий вариант и вариант без изменений[1] — прогнозируют снижение численности населения РФ к 2010 г. ниже уровня 1950 г. И согласно только двум из восьми сценариев (высокий вариант и вариант простого воспроизводства[2]) численность населения РФ к 2100 году вырастет и составит 131 % и 106,7 %, соответственно, от своего значения за 2015 г.

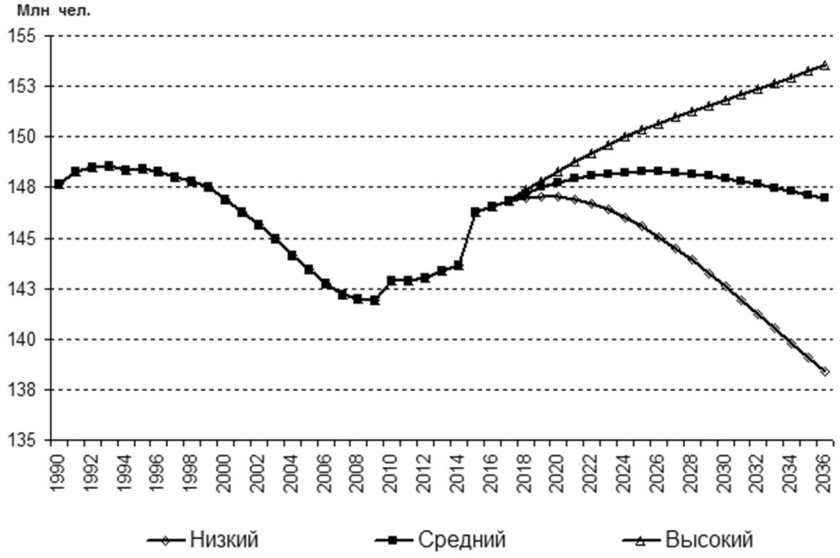
В последнем варианте пересмотра прогноз численности населения РФ не учитывает население Крыма, кроме того, ООН не разрабатывает прогнозы в региональном разрезе, в связи с чем существует необходимость в альтернативных, более детализированных, вариантах демпрогноза.

Расчет Росстата предположительной численности населения по трем вариантам (низкий, средний, высокий) является официальным демпрогнозом, используемым при разработке государственной политики РФ на федеральном и региональном уровнях (актуальная версия опубликована в [16]). Прогноз разрабатывается на базе трех возможных сценариев динамики рождаемости (сценарными переменными являются суммарный коэффициент рождаемости и средний возраст матери при рождении ребенка), смертности (ожидаемая продолжительность жизни при рождении и коэффициент младенческой смертности) и миграции (суммарный коэффициент выбытия). В рамках прогноза учитываются влияние социально-экономической ситуации на ход демографических процессов, вероятности наступления событий, способных привести к их резким колебаниям, а также опыт других (например, европейских) стран. Кроме того, в расчетах учитывается миграция населения между городскими поселениями и сельской местностью, между субъектами внутри России и внешняя миграция. Актуальный демпрогноз Росстата населения РФ в целом и в разрезе трех укрупненных возрастных групп до 2036 г. представлен на рисунке 2.

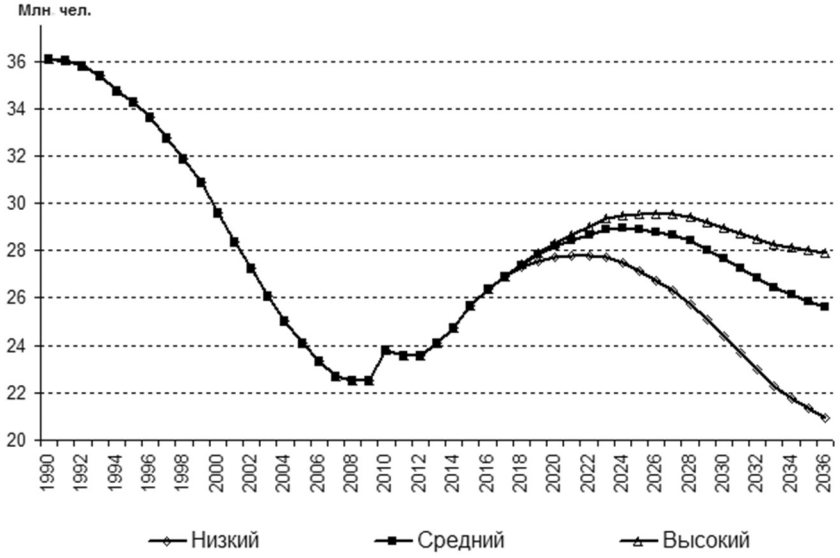
Согласно среднему сценарию численность населения РФ к 2036 г. по сравнению с 2017 г. не изменится (рис. 2 (а)), в то время как по высокому сценарию она увеличится на 4,6 %, а по низкому — снизится на 5,8 % (два последних сценария выходят за рамки интервала колебания численности населения с 1990 г.). Остальные три графика со всей очевидностью демонстрируют перспективную тенденцию увеличения демографической нагрузки на население трудоспособного возраста. Вне зависимости от

[1] Низкий вариант подразумевает сочетание низкой рождаемости и нормальных тенденций (т. е. медианной траектории из пучка сотни тысяч вероятностных траекторий) смертности и международной миграции; вариант без изменений — постоянных на уровне 2010–2015 гг. тенденций рождаемости и смертности, а также нормальной международной миграции.

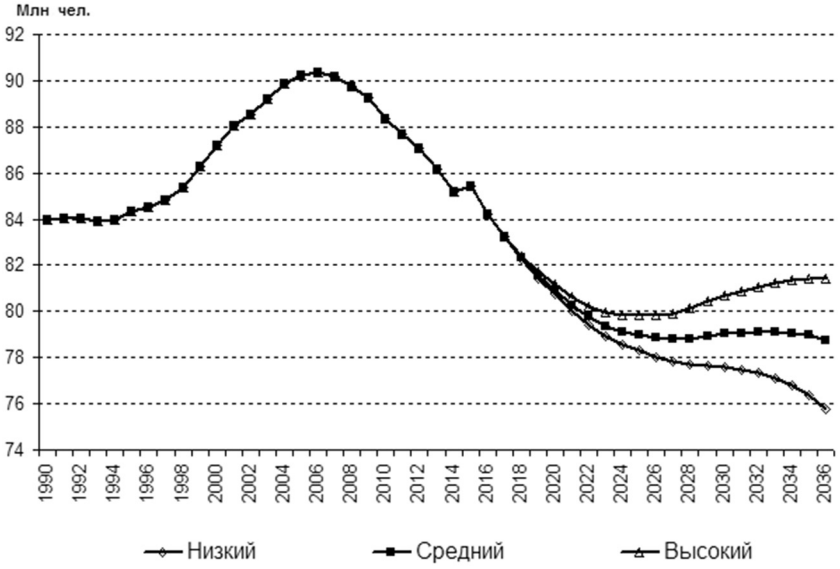
[2] Построены на базе сочетания тенденций высокой рождаемости (высокий вариант) и рождаемости на уровне простого воспроизводства (вариант простого воспроизводства) с 2015–2020 гг., соответственно, при нормальных тенденциях смертности и международной миграции для обоих вариантов.


Млн. чел.
155
153
150
148
145
143
140
138
135
1990
1992
1994
1996
1998
2000
2002
2004
2006
2008
2010
2012
2014
2016
2018
2020
2022
2024
2026
2028
2030
2032
2034
2036
Низкий
Средний
Высокий

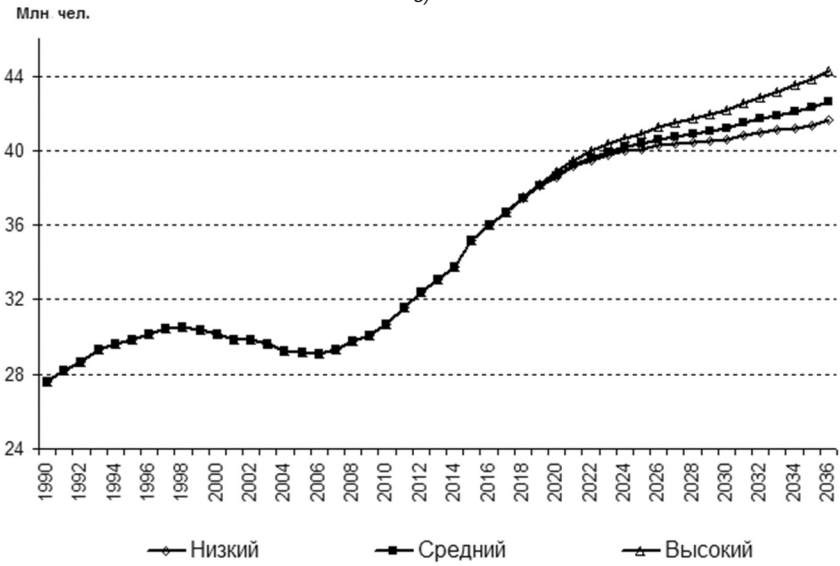
а)


Млн. чел.
36
34
32
30
28
26
24
22
20
1990
1992
1994
1996
1998
2000
2002
2004
2006
2008
2010
2012
2014
2016
2018
2020
2022
2024
2026
2028
2030
2032
2034
2036
Низкий
Средний
Высокий

б)



в)



г)

Рис. 2. *Предположительная численность населения РФ (млн чел.) по трем сценариям до 2036 г.: всего (а); младше трудоспособного возраста (б); трудоспособного возраста (в); старше трудоспособного возраста (г); Росстат*

сценария численность населения младше трудоспособного возраста будет снижаться, но различными темпами, в то время как численность населения старше трудоспособного возраста вырастет: в 2036 г. на 13,5–20,6 % к 2017 г. в зависимости от варианта. Соответствующие расчеты выполнены Росстатом в разрезе субъектов РФ, в том числе для мужского и женского населения.

Разрабатываемый в Центре демографических исследований НИУ ВШЭ прогноз численности и структуры населения РФ является альтернативным вариантом прогнозу Росстата. Центр разрабатывает как традиционные, так и вероятностные прогнозы; как среднесрочные — на 15–20 лет, так и долгосрочные — на 50 и 100 лет. Различные варианты развития (высокий, средний, низкий) трех ключевых демографических процессов — рождаемости, смертности и миграции — позволили разработать в 2012 г. 36 вариантов прогнозных сценариев численности и половозрастной структуры населения РФ до 2030 года [14]. В основу расчетов положены данные Росстата, международных организаций, национальных статистических служб зарубежных стран и собственные расчетные показатели центра. Исходя из полученных результатов, «только 9 из 36 рассмотренных вариантов позволяют рассчитывать на рост населения до 145 млн человек или более, причем шесть из этих девяти вариантов осуществимы только при объединении по меньшей мере двух «высоких» сценариев, из которых четыре включают высокую миграцию. По всем остальным вариантам численность населения России будет либо стагнировать, либо сокращаться» [14, с. 407–408]. Кроме того, все варианты предсказывают ухудшение с социальной и экономической точек зрения возрастной структуры населения за счет роста демографической нагрузки на трудоспособное население.

Методика оценки перспективной численности населения с учетом структуры и динамики его движения. В дополнение к рассмотренным в предыдущем разделе подходам к прогнозированию численности и структуры населения с учетом перспективных тенденций его естественного и территориального движения может быть использована балансовая модель движения населения и трудовых ресурсов, учитывающая неоднократные переходы людей и адаптированная к предоставляемым российской статистикой данным [5, 7]. Модель позволяет рассчитать ряд характеристик движения. В частности, на основе предпосылок модели можно оценить вероятности итоговых за отчетный год переходов из исходных состояний в конечные (P=//pij//). Такие оценки позволяют исследовать данные о движении населения и трудовых ресурсов, используя результаты, полученные для дискретных марковских моделей, например, всевозможные вероятностные величины, выраженные в терминах фундаментальной матрицы [18, 19]. Рассматриваемая модель используется для разработки соответствующего прогнозного баланса движения на ряд лет в будущем и оценки перспективной численности и территориальной структуры населения [2, 7].

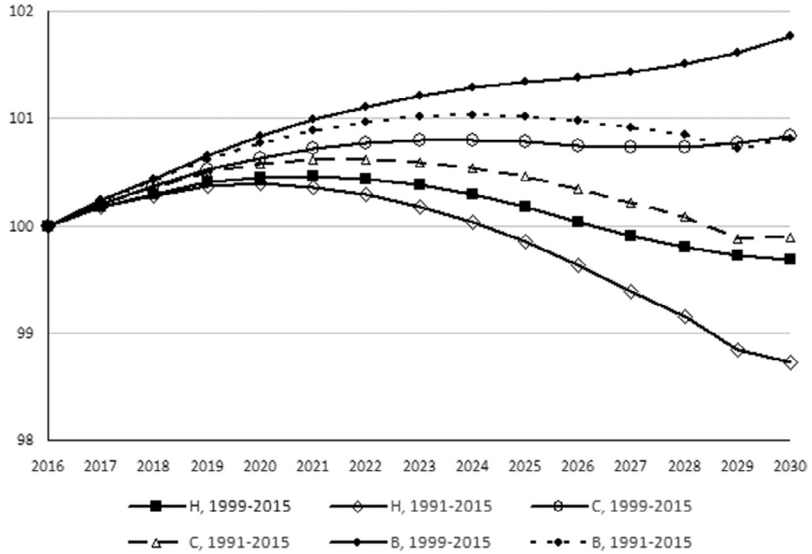
В основе прогнозирования динамики численности и структуры населения на базе балансового подхода может лежать интегрированная факторно-трендовая модель межрегиональной миграции [9, 17]. По одной из ее модификаций расчеты проводятся по факторной (регрессионной) модели, которая представляет собой гравитационную модель, учитывающую социально-экономическое расстояние (соотношение социально-экономических факторов для регионов въезда и выезда). Результаты разработки факторного прогноза с использованием социально-экономического расстояния в качестве объясняющего фактора представлены, например, в [9].

Использование данных отчетного баланса движения позволяет в свою очередь глубже изучить процесс движения и, прежде всего, исследовать его структуру с точки зрения возможных последствий ее сохранения или изменения. Пассивный (трендовый) прогноз разрабатывается в предположении либо неизменной во времени структуры движения, установленной на базе данных отчетного баланса движения населения, либо в соответствии с определенными гипотезами о ее перспективном изменении. Такой прогноз позволяет дать оценку возможного диапазона изменений численности населения РФ и ее регионов с учетом тенденций его межрегионального движения и различных гипотез относительно процессов рождаемости и иммиграции.

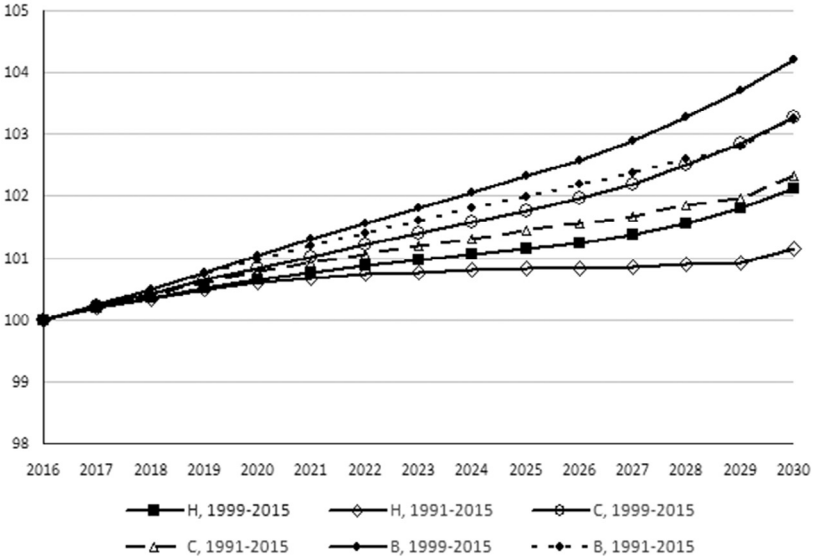
Оценки перспективной численности и региональной структуры населения РФ на основе методов пассивного прогнозирования. При разработке трендового прогноза межрегиональной миграции населения учитывались ее тенденции, сложившиеся на двух базовых временных периодах (1991–2015 гг. и 1999–2015 гг.); в основе перспективной динамики числа родившихся лежат расчеты Росстата (низкий, средний и высокий сценарии); в отношении иммиграции рассматривались два потенциальных сценария: сохранение ее объемов на уровне 2015 г. и ежегодного ее увеличения на 5 %. Сочетание названных вариантов дает 12 вариантов прогнозных сценариев численности и структуры населения до 2030 года.

На рис. 3 представлена прогнозная динамика темпов роста численности населения на базе различных сценариев рождаемости (Н — низкий вариант, С — средний вариант, В — высокий вариант), тенденций межрегиональной миграции (1991–2015 и 1999–2015 гг.) и динамики иммиграции (рис. 3, а) — на уровне 2015 г.; рис. 3, б) — с учетом ее ежегодного увеличения на прогнозном периоде на 5 %).

С точки зрения изменения численности населения страны совокупность вариантов можно разбить на две группы: варианты, прогнозирующие ее рост и снижение (см. подробнее [10]). Рост численности населения к 2030 г. до 145 млн человек и более, согласно расчетам, может произойти в рамках девяти вариантов. Шесть из них подразумевают ежегодный рост объемов иммиграции на 5 % (см. рис. 3, б), три сценария учитывают объемы иммиграции на уровне 2015 г. и высокую рождаемость, а также средний вариант рождаемости и пролонгацию сложившихся за период



а)



б)

Рис. 3. Прогнозная динамика темпов роста численности населения на базе сочетания различных сценариев рождаемости, тенденций межрегиональной миграции и динамики иммиграции на уровне 2015 г. (а); с учетом ее ежегодного увеличения на прогнозном периоде на 5 % (б), %, 2016–2030 гг.

1999–2015 гг. тенденций межрегиональной миграции. В рамках других трех сценариев в ближайшие 14 лет население России упадет ниже уровня 2016 г., по худшему из них — до 142 млн человек. Это может произойти в условиях нулевого иммиграционного прироста, низкой рождаемости и одного среднего варианта рождаемости с учетом пролонгации тенденций межрегиональной миграции, сложившихся за период 1999–2015 гг. Среди двух базовых периодов более благоприятное влияние на рост численности населения РФ оказывают тенденции, сложившиеся на интервале 1999–2015 гг. за счет улучшения и демографической ситуации (снижения смертности населения), и эмиграционной динамики. Приволжский и Дальневосточный федеральные округа в любом из рассмотренных выше сценариев теряют население с различной интенсивностью в зависимости от сочетания факторов, тогда как население Центрального, Южного и Уральского федеральных округов будет расти во всех сценариях, кроме одного, прогнозирующего снижение численности населения РФ.

Прогнозная динамика численности населения в разрезе субъектов РФ. Среди всей совокупности прогнозных сценариев выделим три: низкий (низкая рождаемость, иммиграция постоянна на уровне 2015 г., базовый период — 1991–2015 гг.), медианный (низкая рождаемость, иммиграция ежегодного увеличивается на 5 %, базовый период — 1991–2015 гг.) и высокий (высокая рождаемость, иммиграция ежегодно увеличивается на 5 %, базовый период — 1999–2015 гг.). В таблице 1 представлены регионы, в которых численность населения больше всего растет или сильнее всего сокращается к 2030 г.

Вне зависимости от сценария, состав первой десятки субъектов практически не меняется. Среди лидеров по величине прироста численности населения — г. Москва с Московской областью и г. Санкт-Петербург благодаря высокой интенсивности как внутренней миграции, так и иммиграции. Северо-Кавказский ФО представлен тремя субъектами, перспективный рост численности населения в которых объясняется высокой рождаемостью. Кроме этого, состав лидеров представлен также Республикой Саха (Якутия), Краснодарским краем, Тюменской и Калининградской областями. На долю субъектов первой десятки приходится прирост населения от 4,54 млн чел. (низкий вариант) до 6,91 млн чел. (высокий вариант) при изменении численности населения РФ на –1,85 млн чел. и 6,1 млн чел. по отношению к 2016 г., соответственно. Таким образом, в обоих крайних вариантах эти регионы будут «наращивать» население за счет как внутренней, так и внешней миграции. Последняя десятка регионов, напротив, во всех трех сценариях теряет население с различной интенсивностью в зависимости от варианта: от –1,16 млн чел. (низкий вариант) до –0,81 млн чел. (высокий вариант). При этом состав этой десятки также практически постоянен и представлен пятью из девяти субъектов Дальневосточного ФО (Еврейская, Магаданская, Сахалинская области, Хабаровский край, Чукотский АО), тремя из одиннадцати субъектов Северо-Западного ФО

Таблица 1

Оценки изменения численности населения по субъектам РФ по трем вариантам, прирост в 2030 г. к 2016 г., %

Низкий вариант		Медианный		Высокий вариант	
Субъекты РФ	**Прирост, %**	**Субъекты РФ**	**Прирост, %**	**Субъекты РФ**	**Прирост, %**
10 субъектов с наибольшим приростом					
Респ. Саха (Якутия)	127,6	Респ. Саха (Якутия)	128,8	Респ. Ингушетия	131,2
Респ. Ингушетия	123,8	Респ. Ингушетия	124,3	Чеченская Респ.	130,8
Тюменская обл.	117,0	Тюменская обл.	121,7	Тюменская обл.	127,7
г. Москва	114,4	г. Москва	116,2	Московская обл.	121,9
Московская обл.	112,4	Московская обл.	115,8	ХМАО	118,3
Краснодарский край	110,1	Краснодарский край	112,6	г.Москва	118,2
Чеченская Респ.	108,8	Калининградская обл.	110,1	Краснодарский край	116,9
Респ. Дагестан	107,8	Чеченская Респ.	109,0	Калининградская обл.	114,6
г. Санкт-Петербург	105,2	Новосибирская обл.	108,6	г. Санкт-Петербург	113,5
Калининградская обл.	105,1	г. Санкт-Петербург	108,5	Ненецкий АО	111,3
Итого (тыс.чел.):	4 543	Итого (тыс.чел.):	5 015	Итого (тыс.чел.):	6 911
10 субъектов с наименьшим приростом					
Псковская обл.	86,5	Респ. Калмыкия	88,8	Тверская обл.	93,1
Сахалинская обл.	86,2	Кировская обл.	88,0	Псковская обл.	92,1
Чукотский АО	84,2	Тамбовская обл.	88,0	Орловская обл.	91,6
Респ. Коми	84,1	Чукотский АО	86,4	Респ. Калмыкия	91,4
Курганская обл.	84,0	Курганская обл.	85,9	Кировская обл.	90,4
Архангельская обл.	83,1	Респ. Коми	85,6	Тамбовская обл.	90,3
Тамбовская обл.	81,9	Магаданская обл.	84,5	Респ. Коми	89,7
Магаданская обл.	80,6	Архангельская обл.	83,8	Архангельская обл.	89,3
Хабаровский край	80,0	Хабаровский край	82,9	Еврейская АО	86,5
Еврейская АО	73,9	Еврейская АО	75,5	Курганская обл.	86,3
Итого (тыс.чел.):	–1 164	Итого (тыс.чел.):	–1 045	Итого (тыс.чел.):	–809

(Псковская, Архангельская области, Республика Коми), тремя из восемнадцати субъектов Центрального ФО (Тамбовская, Тверская, Орловская области), а также Курганской, Кировской областями, Республикой Калмыкия.

Таким образом, в любом варианте, оптимистичном или пессимистичном, ряд перечисленных выше регионов при сложившихся тенденциях будет устойчиво терять население (с разной степенью интенсивности), и

изменить эту динамику будет чрезвычайно трудно даже целенаправленными мерами.

Пример таких мер — принятая в 2015 г. специальная программа по повышению трудовой мобильности в целях обеспечения рабочей силой отдельных регионов, привлечение трудовых ресурсов в которые является приоритетным. Из 16 российских субъектов, относящихся к территориям приоритетного привлечения трудовых ресурсов, семь являются дальневосточными. Кроме того, четыре из этих семи субъектов (Магаданская, Сахалинская области, Хабаровский край и Чукотский АО) входят в состав десятки регионов, в которых сильнее всего сокращается численность населения (к 2030 г.). Однако на текущий момент программа имеет низкую популярность (за три года программой воспользовались чуть больше 1,1 тыс. чел.). Таким образом меры, принятые в рамках программы, хотя и способствуют привлечению специалистов из других регионов на вакантные рабочие места, но не в состоянии переломить глобальный тренд и достичь обозначенных в Концепции демографической политики развития Дальнего Востока на период до 2025 года ориентиров по численности населения в 6,5 млн чел. в Дальневосточном ФО к 2025 г.

Очевидно, что сложившиеся в стране демографические тенденции являются на текущий момент серьезным ограничением роста общей численности рабочей силы и, в частности, занятого населения. В свою очередь это ограничивает возможности покрытия дефицита рабочей силы в одних регионах за счет ее избытка в других. На рис. 4 видны различные сочетания динамик численностей рабочей силы и населения в рабочих возрастах за 1990–2017 гг. На фоне роста последней численность рабочей силы снижалась до 1998 г. (что явно имело экономические причины), затем — росла (с провалом в 2002 г.). Снижение численности населения в рабочих возрастах, начавшееся в 2008 г., сопровождается «консервированием» численности рабочей силы на уровне 75,6 млн чел. (до 2014 г.)[1], что, очевидно, стало возможным в результате роста участия населения в рабочей силе. Однако потенциал этого роста ограничен, что, в свою очередь, сужает возможности дальнейшего роста занятости. Согласно обследованию Росстата, объем потенциальной рабочей силы за 1–3 кварталы 2017 г. составляет не более полумиллиона человек (при исключении тех, кто отчаялся найти работу). Другие аспекты влияния демографического фактора на развитие сферы занятости и рынка труда представлены, например, в работе [8]. Совокупность «связок» обусловливает необходимость изучения взаимосвязей форм движения населения и отдельных его экономических групп. Подходящим инструментарием для этого являются балансы движения.

В свое время были разработаны с учетом существующей статистики подходы к построению балансов территориального движения населения трех укрупненных возрастных групп: младше трудоспособного,

[1] Рост численности и населения и рабочей силы в 2015 г. по отношению к 2014 г. объясняется присоединением Крыма.

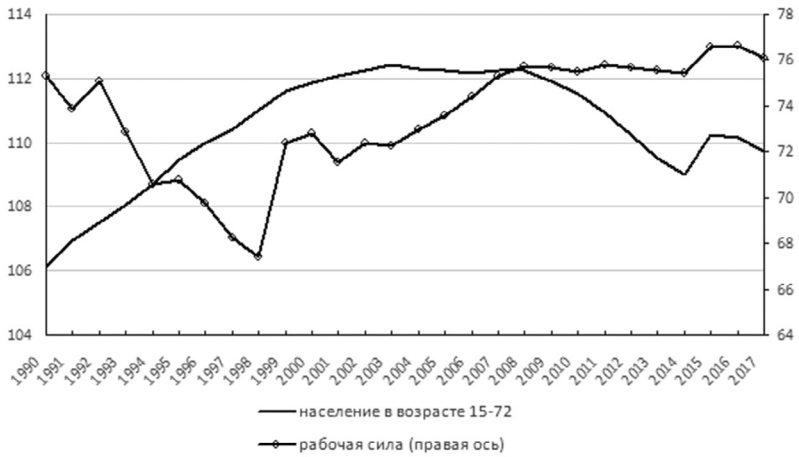


Рис. 4. *Динамика численностей рабочей силы и населения в возрасте 15–72 лет, тыс. чел.*

трудоспособного и старше трудоспособного возраста [4, 11]. Оценки потоков движения (в том числе и межрегиональных) населения отдельных возрастных групп могут быть полезны при выработке демографической политики на федеральном и региональном уровнях. Так, аналогично прогнозу населения в целом могут быть получены оценки прогнозной численности и региональной структуры населения трех укрупненных возрастных групп с учетом фактора их движения. Если зафиксировать структуру движения населения в целом или отдельной его категории (выраженных в относительных показателях, рассчитанных на базе соответствующих балансов территориального движения) на уровне одного года, то на ретроспективе может быть исследован вопрос о ее постоянстве.

На базе показателей структуры движения населения трудоспособного возраста за 2011 г. (рассчитанных на основе соответствующего баланса) с учетом гипотезы об их неизменности были получены ретроспективные оценки его численности и территориальной структуры за 2012–2016 гг. (табл. 2).

Расчеты показывают, что ошибка прогноза хотя и нарастает по мере удаления от начальной точки (2011 г.), но к 2016 г. только два округа — Центральный и Южный (за счет включения в его состав Крым и Севастополя) — отклоняются от своего фактического значения более чем на 5 %. На этой основе можно сделать вывод, с определенной долей условности, о постоянстве структуры движения населения начиная с 2011 г. (в 2010 г. произошла смена методологии учета внутренней миграции населения, что затрудняет сопоставимость показателей структуры движения до и после этого года). В предположении о постоянстве на уровне 2011 г. структуры движения населения трудоспособного возраста и эмиграции были получены прогнозные

Таблица 2

Расчетная численность населения трудоспособного возраста по федеральным округам РФ, 2012–2016 гг., и отклонения от фактических значений

Федеральный округ	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Прогноз, тыс. чел.					
Центральный	23 415	23 464,1	23 538	23 594,4	23 702,9
Северо-Западный	8 307	8 245,6	8 195	8 142,9	8 104,3
Южный	8 225	8 154,1	8 093	8 030,7	7 980,6
Северо-Кавказский	5 737	5 715,1	5 696	5 676,3	5 665,6
Приволжский	17 632	17 259,1	16 912	16 573,3	16 262,4
Уральский	7 326	7 184,4	7 056	6 928,7	6 805,8
Сибирский	11 473	11 206,4	10 960	10 718,7	10 490,1
Дальневосточный	3 822	3 724,4	3 635	3 547,3	3 464,4
Ошибка прогноза, %					
Центральный	–0,82	–1,92	–3,25	–4,70	–6,31
Северо-Западный	0,09	0,24	–0,32	–1,46	–2,09
Южный	0,04	0,05	13,53	13,27	13,10
Северо-Кавказский	0,23	0,27	0,53	0,46	0,58
Приволжский	0,70	1,21	1,57	1,69	1,95
Уральский	1,01	1,61	2,09	2,39	2,96
Сибирский	1,04	1,83	2,51	3,03	3,73
Дальневосточный	1,20	1,91	2,63	3,23	4,09

оценки его численности и региональной структуры до 2030 г. (рис. 5). В условиях принятых предпосылок численность населения трудоспособного возраста в РФ снизится к 2030 г. на 7 % по сравнению с 2016 г. (полученная оценка находится в интервале между низким и средним вариантами прогноза Росстата). Ожидаемо, что на этом фоне два округа (Центральный и Северо-Кавказский) покажут положительный прирост населения соответствующей категории, в то время как все остальные с разной степенью интенсивности будут терять население трудоспособного возраста; наибольшие потери понесут Дальневосточный и Сибирский ФО.

Дальнейшее развитие прогнозно-аналитического инструментария может быть направлено в сторону разработки балансов для различных категорий населения. Это позволит разрабатывать прогнозы численности и структуры рабочей силы, занятых, безработных, в зависимости от динамики их движения и демографических тенденций. Так, оценки межрегионального движения населения в трудоспособном возрасте могут дать приближенное представление об интенсивности и структуре межрегиональной трудовой миграции рабочей силы, или отдельно занятого населения (подход к разработке и оценке показателей баланса территориального движения занятого населения изложен в [3]). Разработка прогноза динамики численности и структуры населения на базе балансового подхода имеет особую значимость при исследовании характера влияния

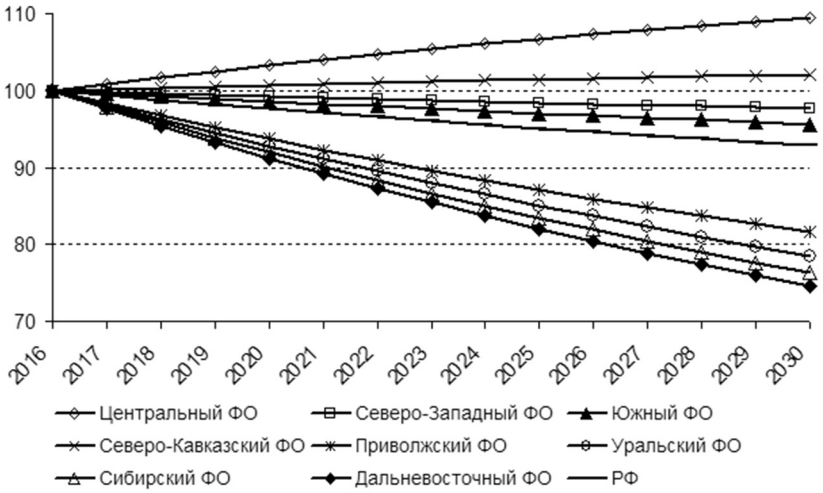


Рис. 5. *Темпы роста численности и региональной структуры населения трудоспособного возраста, % к 2016 г.*

территориального движения населения на предложение рабочей силы в регионах (традиционно — на численность населения в трудоспособном возрасте), на взаимосвязи локальных рынков труда (территориальное движение занятого и безработного населения, мобильность разных групп экономически неактивного населения: учащихся, пенсионеров). Результаты таких исследований важны, поскольку для повышения эффективности функционирования национального и региональных рынков труда требуется детально разработанный и адаптированный к современным условиям инструментарий прогноза развития сферы занятости и рынков труда регионов РФ, учитывающий существующие и перспективные взаимосвязи между ними. Применение прогнозных и аналитических моделей движения населения и трудовых ресурсов должно способствовать решению задачи выработки надежных экономических и социальных прогнозов, что в свою очередь будет способствовать рачительному использованию трудовых ресурсов и повышению эффективности экономики РФ и ее субъектов.

Список источников

1. *Архангельский В. Н., Елизаров В. В.* Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М.: МАКС Пресс, 2016. — С. 524–545.

2. *Бреев Б. Д.* Подвижность населения и трудовых ресурсов. — М.: Статистика, 1977. — 175 с.

3. *Единак Е. А., Коровкин А. Г.* Вопросы построения баланса территориального движения занятого населения (на примере федеральных округов РФ) // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 3.

4. *Единак Е. А., Коровкин А. Г.* Оценка структуры межрегиональных потоков населения РФ по трем укрупненным возрастным группам // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М.: МАКС Пресс, 2010. — С. 110–134.

5. *Коровкин А. Г.* Движение населения и трудовых ресурсов: опыт анализа и прогнозирования // Мы и наши планы. — М.: Мысль, 1986.

6. *Коровкин А. Г.* Движение трудовых ресурсов: анализ и прогнозирование. — М.: Наука, 1990. — 208 с.

7. *Коровкин А. Г.* Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. — М.: МАКС Пресс, 2001. — 319 с.

8. *Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Единак Е. А., Королев И. Б.* Учет демографических тенденций при анализе и прогнозировании динамики занятости и рынка труда РФ // Прикладные демографические исследования. — 2018. — № 28.

9. *Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б., Полежаев А. В.* Подходы к факторному прогнозированию внутренней миграции населения и рабочей силы России // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М.: МАКС Пресс, 2009. — С. 626–658.

10. *Коровкин А. Г., Единак Е. А., Королев И. Б.* Прогнозирование численности и структуры населения на базе балансового подхода // Демографический потенциал стран ЕАЭС. VIII Уральский демографический форум: сб. статей. — Т. II. — Екатеринбург, 2017. — С. 290–295.

11. *Коровкин А. Г., Подорванова Ю. А.* Оценка межрегиональных переходов населения с учетом возраста // Проблемы прогнозирования. — 2002. — № 3. — С. 109–124.

12. *Коровкин А. Г., Полежаев А. В., Андрюнин А. В.* Структурные изменения и взаимодействия региональных рынков труда: методы и анализ // Проблемы прогнозирования. — 2002. — № 4. — С. 134–148.

13. Методы народнохозяйственного прогнозирования / под ред. акад. Федоренко Н. П., акад. Анчишкина А. И., д. э. н. Яременко Ю. В. — М.: Наука, 1985.

14. Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 412 с. — ISBN 978–5–7598–1233–3.

15. Перспективный межотраслевой баланс движения населения и трудовых ресурсов. Метод. и методол. вопр. / отв. ред. Э. Ф. Баранов. — М.: Наука, 1984.

16. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года (статистический бюллетень). — Москва, 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812.

17. Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие / под ред. В. В. Ивантера, И. А. Буданова, А. Г. Коровкина, В. С. Сутягина. — М.: Экономистъ, 2007.

18. *Снелл Дж.* Конечные цепи Маркова. — М.: Наука, 1970.

19. *Феллер В.* Введение в теорию вероятностей и ее приложения. — М.: Мир, 1964. — Т. 1.

20. *Щербакова Е. М., Козлов В. А.* Население России по прогнозам ООН // Демоскоп Weekly. 2017. № 7017–718 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/tema01.php.

21. World Population Prospects 2017 Revision [Электронный ресурс]. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp.

Информация об авторах

Коровкин Андрей Германович — доктор экономических наук, зав. лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

Единак Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

Королев Иван Борисович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

Korovkin A. G., Edinak E. A., Korolev I. B.

Forecast Estimates of the Number and Regional Structure of the Russian Federation Population Analysis

The declared methods and forecast estimates of the Russian Federation and its regions population, obtained on their basis, are considered in the article. The methodology of estimating the prospective population of the Russian Federation regions through the model of the population and workforce mobility taking into account repeated motions made by people is considered. The model considers the structure and dynamics of population movement. Estimates of the prospective the Russian Federation population, taking into account various retrospective and prospective tendencies of fertility, interregional migration of the population and immigration, are analyzed. The population growth may occur under the condition of either an increase in the immigration volume or in the case of a high birth rate. Ceteris paribus formed in the period 1999–2015 trends have a more favorable effect on the Russian Federation population growth in comparison with the trends in the period 1991–2015. The article also presents scenarios of the forecast population dynamics in the context of the Russian Federation regions. Regardless of the scenario, the Russian Federation region composition, which are among the top ten regions with the largest and least population growth, remains practically unchanged. Some regions, both in an optimistic and pessimistic version, will sustainably lose population (with varying degrees of intensity), while others will increase. To change this dynamic will be extremely difficult even for targeted measures. Predictive estimates of the working-age population size and regional structure, assuming that the structure of its movement and external emigration were constant at the 2011 level, were received until 2030. In the conditions of the accepted assumptions, the working-age population in the Russian Federation will decrease by 7 % in 2030 as compared with 2016. The Far East and Siberian federal districts will suffer the greatest losses.

Keywords: forecasting, the Russian Federation population, modeling, territorial movement, balance.

References

1. Arkhangelsky V. N., Elizarov V. V. Demographic Projections in Contemporary Russia: Analysis of Results and Selection of Hypotheses // Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS. — Moscow, Maks Press Publ., 2016. — P. 524–545. (in Russ.)

2. Breev B. D. The mobility of the population and labor resources. — Moscow, Statistika Publ., 1977.

3. Edinak E. A., Korovkin A. G. Construction of Balance of Territorial Mobility of Employed Population: Case Study of Federal Districts of the Russian Federation // Studies on Russian Economic Development. — 2014. –No. 3. (in Russ.)

4. Edinak E. A., Korovkin A. G. Structure Estimate of Interegional Streams of RF population According Three Enlarged Age-Groups // Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS. — Moscow: Maks Press Publ., 2010. — P. 110–134. (in Russ.)

5. Korovkin A. G. Movement of population and labor resources: experience in analyzing and forecasting // We and our Plans. Mysl'. — Moscow, 1986. (in Russ.)

6. Korovkin A. G. Labour Resources Movements: Forecast and Analysis. — Moscow, Nauka Publ., 1990.

7. Korovkin A. G. Employment and Labour Market Dynamics. Problems of macroeconomic Analysis and Forecasting. — Moscow: MAKS Press Publ., 2001. — 319 p.

8. Korovkin A. G., Dolgova I. N., Edinak E. A., Korolev I. B. The Employment and Labour Market Dynamics Analysis and Forecasting Taking Demographic Trends into Account // Applied Demographic Research. — 2018. — No. 28. (in Russ.)

9. Korovkin A. G., Dolgova I. N., Korolev I. B., Polezhaev A. V. Approaches to factorial forecasting population and labour force internal migration in Russia // Scientific Proceedings: Institute of Economic Forecasting RAS. — Moscow: Maks Press Publ., 2009. — P. 626–658. (in Russ.)

10. Korovkin A. G., Edinak E. A., Korolev I. B. The Number and Population Structure Forecasting on the Base of the Balance Approach // Demograficheskij potencial stran EAEHS. VIII Ural'skij demograficheskij forum, sbornik statej. — T. II. — Ekaterinburg, 2017. — P. 290–295.

11. Korovkin A. G., Podorvanova Yu. A. Agewise Estimation of Interregional Population Shifts // Studies on Russian Economic Development. — 2002. — No. 3. — P. 297–309.

12. Korovkin A. G., Polezhaev A. V., Andryunin A. V. Struktural changes and regional labor markets interrelation: methods and analysis // Studies on Russian Economic Development. — 2002. — No. 4. — P. 134–148. (in Russ.)

13. Methods of economic forecasting // Ed by acad. Fedorenko N. P., acad. Anchishkin A. I., d.e.n. Yaremenko Yu. V. — Moscow: Nauka Publ., 1985.

14. Naselenie Rossii 2012: dvadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / otv. red. A. G. Vishnevskij; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ehkonomiki». — M. : Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2014. — 412 p. ISBN 978–5–7598–1233–3.

15. Perspective balance sheet of interindustry of population and labour resources movements / Ed. by E. F. Baranov. — Moscow: Nauka Publ., 1984.

16. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii do 2035 goda (statisticheskij byulleten'). — Moskva, 2017.

17. Applied national economy forecasting / Ed by V. V. Ivanter, I. A. Budanov, A. G. Korovkin, V. S. Sutyagin. — Moscow: Ekonomist Publ., 2007.

18. Snell Dzh. Markov final chains. — Moscow: Nauka Publ., 1970.

19. Feller V. Introduction in the theory of probability and its applications. — Moscow: Mir Publ., 1964. — T. 1.

20. Sherbakova E. M., Kozlov V. A. The population of Russia is projected by the United Nations // Demoscope Weekly. — 2017. — № 7017–718.

21. World Population Prospects 2017 Revision [Electronic resource]. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp.

Authors

Korovkin Andrey Germanovich — Doctor of economic sciences, Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, head of the laboratory of labor resources forecasting, professor of Economic Department Lomonosov Moscow State University (Russia, 117418, Moscow, Nachimovskij prospect, 47; e-mail: akor@ecfor.ru).

Edinak Ekaterina Alexandrovna — Candidate of Economic Sciences, Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, laboratory of labor resources forecasting, Researcher (Russia,117418, Moscow, Nachimovskij prospect, 47; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

Korolev Ivan Borisovich — Candidate of Economic Sciences, Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, laboratory of labor resources forecasting, Senior Researcher (Russia, 117418, Moscow, Nachimovskij prospect, 47; e-mail: ecfor1809@mail.ru).

УДК 339.924

Куприна Т. В., Иброхимов А. С.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ИНКЛЮЗИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ[1]

В статье рассматривается новое направление в экономической теории, касающееся взаимовлияния языковой и экономической систем. Ранее одним из авторов (Т.В. Куприной) уже представлялись материалы о влиянии гуманитарных факторов на развитие экономических показателей. В данной статье более подробно описано влияние взаимодействующих языков на уровень торговли, инвестиций, возможности вхождения на международные рынки. Связь между языком и масштабом доступных его носителям рынков подтверждается рядом эмпирических исследований как на микро-, так и на макроуровне. Определяется различие во влиянии языка на продвижение однородных и разнородных товаров, взаимосвязь с миграционными процессами, объединяющими людей различного лингвистического и социокультурного происхождения. Как правило, в большинстве случаев отдается предпочтение общему языку коммуникации, что зависит от целей международных компаний и в ряде случаев от политики взаимодействия отдельных стран. Среди источников влияния языка, на который, прежде всего, обращают внимание, являются этнические связи, доверие и языковая толерантность. Однако языковая система может быть использована и как барьер для вхождения на международные рынки. Подготовка квалифицированных кадров может помочь снизить издержки на переводческие и другие сопроводительные услуги. Для развития навыков толерантного коммуникативного поведения необходимо создание специальных программ, оснащенных необходимыми учебно-методическими материалами, доступными на международных языках общения. Один из подобных практикумов предложен в представленной статье.

Ключевые слова: язык, международные языки, влияние, миграционные процессы, международные рынки, образование

Язык является основным вектором коммуникации, в свою очередь, коммуникация развивает языки в течение всей истории человечества. Естественной потребностью людей является коммуникация на их родном языке, наиболее удобном средстве самовыражения и понимания других (Lai, Lin, Kersten, 2010). В настоящее время увеличивается необходимость во взаимодействии. Компании, предлагая товары и услуги, могут принадлежать различным культурам и говорить на разных языках, преодолевая территориальные границы [9, с. 162].

[1] © Куприна Т. В., Иброхимов А. С. Текст. 2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 16–02–00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

Среди многообразия инструментов осуществления межкультурной коммуникации наиболее частым является использование языка международного общения. Причем, на выбор общего языка коммуникации оказывает влияние не только контекст, но и социальные, культурные, экономические характеристики коммуникантов.

Современность изменила глобальную парадигму коммуникации, обозначив переоценку роли языков как официальными, так и неформальными сообществами, включая носителей различных языков, в том числе и при спонтанной коммуникации (Grosse, 2004; Firth, 2009; Kankaanranta, Louhiala-Salminen, Karhunen, 2015).

Если сравнивать процесс развития языковой системы с процессом развития глобализации и рассматривать их как комплементарные явления, мы также отмечаем переход на новый синархический уровень.

Глобализация языковой лексической системы — это процесс перехода от статичной, относительно устойчивой организации отдельных языковых лексических систем к их постоянно развивающемуся взаимодействию по законам синархии и комплементарности [4, с. 12].

Предположение динамики предпочтения международных языков является необходимым для политической, деловой и академической среды. Эпоха открытий и колонизации закончилась после II мировой войны. К тому времени были выделены 10 наиболее используемых языков: английский, французский, испанский, португальский и русский были колониальными языками, в то же время китайский, малайский, бенгальский являлись языками деколонизации, а арабский играл двойную роль (Ehlich, 2007).

Развитие международной торговли и усиление роли глобальных организаций стремятся к упрощению коммуникации. В частности, ООН (1992) были выделены шесть официальных языков: английский, арабский, китайский, испанский, русский, французский. С другой стороны, международные корпорации предпочитают либо язык страны происхождения компании, либо нейтральный, что позволяет осуществлять коммуникацию между работниками, принадлежащими различным культурам. Многие компании пытаются осуществлять коммуникацию с целевыми странами на меньшем количестве языков или на английском языке как одном из универсальных. В то же время другие компании используют как можно большее количество языков, создавая множество диалоговых групп, общающихся на их родном языке, таким образом, адаптируя мультилингвальный подход (Grosseck, 2012; Grin, Sfreddo, Vaillancourt, 2013).

В настоящее время экономическая теория языка находится в стадии становления. В основном присутствуют исследования отдельных явлений: феномен языкового империализма (например, английского языка) как элемента политико-экономического империализма (Skutnabb-Kangas, Phillipson, 2013; Марусенко, 2013; 2014); взаимосвязь языковой политики и глобализации как социально-экономического и культурного процесса

(Ricento, 2013); экономическая логика принятия решений об изучении языков (Gabszewicz et al., 2011; Laitin, 1993; Van Parijs, 2000; Reksulak et al., 2004). В любом случае авторы указывают на неразрывную взаимосвязь политико-экономической, социальной, лингвокультурной сфер в жизнедеятельности общества.

Некоторые авторы (Д.В. Кадочников) сравнивают экономический и социолингвистический подходы. Если социолингвистика изучает связь между языковой и социально-экономической реальностью, то экономическая теория подходит к языковой реальности как к части экономической, к языку — как к экономическому явлению, к языковой ситуации — как к рыночной, а к языковой политике — как к элементу экономической [2].

Существует множество определений такой сложной знаковой системы, как язык, оказывающей сильнейшее воздействие на человеческое мышление и поведение. В данном контексте мы рассматриваем так называемые контактные языки, т. е. естественные языки, стихийно возникающие в условиях межэтнических контактов и не являющиеся родными ни для одного этноса, но вынужденных контактировать в силу определенных потребностей. Таким образом, образуется *lingua franca*. В настоящее время в силу различных исторических и общественных процессов таким языком стал английский, имеющий множество разновидностей. В таком виде английский язык призван наладить контакты с представителями различных стран и культур, осуществляющих совместную деятельность.

Однако следует учитывать и другие языки межнационального общения. Например, в силу исторического развития русский язык до сих пор является языком межнационального общения между странами СНГ.

Концепция признания языка для целей межкультурной коммуникации может быть полезна для предположения дальнейшей эволюции языка при международном общении. Наиболее признанные языки на глобальном и региональном уровнях будут стимулировать институциональный и индивидуальный интерес целевого населения к владению языком на хорошем уровне по политическим и экономическим причинам. С другой стороны, менее признанные языки имеют тенденцию к изоляции на глобальном уровне, становясь объектом политики национального и интернационального мультилингвистического и культурного разнообразия. У этих языков есть шанс служить специальным целям в бизнес-организации с инвестированием в странах, говорящих на наименее популярных языках, которые желают получить конкурентное преимущество в малом и среднем бизнесе (Backer, 2001). Они будут поощрять использование локального языка на международном уровне, по крайней мере, для топ-менеджеров и сотрудников, занятых в международной торговле, с целью сохранения коммуникативной и культурной адаптации [9, с.165].

В то же время, как отмечает Д.В. Кадочников, экономическая теория, в широком смысле, изучает закономерности взаимодействия людей (индивидов и групп, а в общем — экономических агентов), направленного на

эффективную организацию производства, распределения, обмена, потребления благ [2].

Inoue указывает на три фактора, определяющих рыночную ценность языка: количество населения, экономическая сила сообщества, говорящего на этом языке, количество информации и уровень развитии культуры, как дополнительный фактор — размер территории, где говорят на этом языке (Inoue, 2007).

Таким образом, экономическое взаимодействие людей требует единого информационного поля, единого языка общения, создающего именно ту базу, которая способствует реализации намерений контактирующих сторон. При отсутствии языковых навыков должного уровня стороны обращаются к переводчикам. Однако в настоящее время во многих случаях недостаточно просто переводить с языка на язык. Для осуществления эффективной коммуникации необходимы навыки кросс-культурного менеджмента, способствующего пониманию ментальности других культур и, следовательно, их способа ведения бизнеса и выстраивания деловых контактов. С экономической точки зрения данный подход сопряжен с рядом издержек для фирм-участниц: переводческие и сопроводительные услуги дороги. Кроме того, существует вероятность утечки информации.

Однако услуги переводчиков не могут полностью компенсировать отсутствие языковых навыков у менеджеров не только в связи с дополнительными материальными и временными затратами, но и в связи с психологическим дискомфортом и субъективным ощущением неопределенности (O'Grady, Lane, 1996; Chong et al., 2010). Языковые навыки как важный элемент культуры влияют на формирование деловых связей и сетей, которые в существенной степени основаны на культурно-языковой общности; именно поэтому дву- и многоязычные эмигранты — члены диаспоры становятся часто первыми проводниками деловых интересов фирм страны происхождения, особенно когда речь идет о сильно различающихся культурах [2].

Одним из аспектов изучения является анализ взаимозависимости единого языка общения и международной торговли. На основе гравитационной модели доказано (Melitz (2008), Egger and Lassmann (2011), Melitz and Toubal (2014), Egger and Lassmann (2015)), что общие культурные и лингвистические признаки влияют на расширение двусторонней торговли до определенных пределов. Существует и различие во влиянии языка на продвижение однородных и разнородных товаров. Эластичность влияния общего языка возрастает с 0,68 для однородных товаров до 1,24 для разнородных. Кроме того, повышенный эффект от влияния языка в случае с разнородными товарами может служить стимулом к изучению языков [10].

На сегодняшний день существует подтверждение и позитивного влияния миграционных сетей на международную торговлю (see Gould, 1994; Egger, Nelson and von Ehrlich, 2012a, 2012b). Влияние может осуществляться через два канала: предоставление информации о существовании и

характеристиках определенных товаров и их поставщиках и хотя бы частичной ликвидации асимметрии между продавцами страны происхождения и покупателями в других странах.

Огромные миграционные потоки людей и товаров, перемещающихся по всему миру, объединяют людей различного лингвистического и социокультурного происхождения. В результате отдается предпочтение общему языку коммуникации (Rogerson-Revell, 2007). Такой язык может способствовать торговле (Baker, 2001), по крайней мере, две третьих влияния языка происходит только от облегчения коммуникации (Melitz & Toubal, 2014). Если выбор официального/ рабочего языка международными организациями основывается на геополитических причинах, то выбор международными корпорациями локального языка, который становится языком международного общения, основан на бизнес-интересах компании (Andersen, Rasmussen, 2004; Louhiala-Salminen, Kankaanranta, 2012).

На основе гравитационной модели на примере стран ОЭСР Matthias Lu Ёcke и Tobias Sto Ёhr также доказали, что существует сильное положительное влияние двусторонних мигрантов на прямые зарубежные инвестиции, если резиденты двух стран имеют некоторые общие языковые навыки; или мигрантов, которые говорят на языке принимающей страны. В этих группах увеличение на 1 % мигрантов со средним уровнем необходимых языковых навыков увеличивает инвестиции на 0,2–0,4 %. Таким образом, доказано, что инвестиции увеличиваются, прежде всего, благодаря языковым навыкам, а не другим характеристикам, таким как знание культуры. Так как большинство резидентов развивающихся стран имеют некоторые общие языковые навыки с резидентами развитых стран, мигранты из развивающихся стран играют ключевую роль в инвестировании в страны происхождения. Таким образом, подтверждается решающая роль языковых навыков у мигрантов в данном контексте [11, с. 1].

Далее было проведено сравнение со странами-соседями принимающей страны, подтверждающее полученные выводы. Географическая близость является хорошим доказательством для знакомства с культурой, что может помочь увеличению инвестиций. Однако в этом случае эффект не такой явный. Полученные данные, в основном, релевантны для инвестиций стран с высоким доходом в страны со средним и низким доходом. В парах богатых стран резиденты обычно общаются на английском языке или своих официальных языках, избегая необходимости для мигрантов увеличивать зарубежные инвестиции. В противоположность, в паре одна богатая страна и одна развивающаяся общий язык имеет решающее значение. В этих парах стран иммигранты в богатой стране с «правильными» языковыми навыками играют решающую роль в увеличении прямых зарубежных инвестиций. Продвижение как зарубежных, так и внутренних инвестиций часто рассматривается как одна из важных стратегий развития. Полученные данные указывают, что развивающиеся страны, также как и

оказывающие помощь, должны находить связь между обеспечением инвестиций и политикой диаспор [11, с. 20].

Одним из источников влияния языка, на который прежде всего обращают внимание, являются этнические связи и доверие. Однако легкость в общении является гораздо более значимым фактором. Облегчение коммуникации в торговле часто зависит от перевода и переводчиков. Так как небольшое количество людей обладают знанием более 2–3 языков, а в мире существует около 400 разговорных языков, на которых говорят свыше 1 миллиона человек, представителей около 200 стран, перевод и переводчики играют значительную роль в облегчении коммуникации в торговле, но и имеют свои издержки, как уже было указано выше.

Исследование показало значительное положительное влияние знания языка на уровень зарплаты мигрантов (McManus, Gould and Welch (1983), Chiswick and Miller (1995, 2002, 2007), Dustmann and van Soest (2002), Dustmann and Fabbri (2003).

Существует и определенная выгода от внедрения изучения языка, в частности, английского, через государственную политику. С точки зрения мировой перспективы очевидно, что изучение английского языка имеет большую пользу, чем любого другого языка. Если абстрагироваться от различий в стоимости при изучении различных языков, любое количество ресурсов, выделенных на изучение английского языка, на основе модели Dixit-Stiglitz (*Dixit-Stiglitz utility-based price level*), будут снижать уровень цен больше, чем изучение любого другого языка и, таким образом, резко увеличат мировое потребление. Однако многое зависит от самой страны. Например, в Казахстане или Кыргызстане хорошее знание русского языка, возможно, останется более значимым, чем английского. Тем не менее, важность английского языка для торговли широко отражена в существующей государственной политике и частных инициативах, стимулирующих его изучение. Существует также большая проблема, касающаяся оптимального количества языков в мире, которая требует дальнейшего изучения, где отдельные языки не являются препятствием к торговле. Правильным было бы признать преданность людей родному языку и выгоды лингвистического разнообразия как разнообразия в потреблении [12, с. 42].

В сложившейся ситуации в развитии коммуникативных как лингвистических, так и межкультурных навыков огромную роль играет система образования. Рассмотрим указанное положение на примере Республики Таджикистан.

Независимая Республика Таджикистан является полноправной частью мирового сообщества. В последние годы общие изменения в политической, социальной, культурной и экономической жизни произошли благодаря именно приобретению независимости республики.

Система образования Таджикистана ориентирована на европейские стандарты, что требует от учреждений высшего образования решения новых задач. С целью создания единой системы образования правительством

был подписан ряд важных правовых документов: Закон Республики Таджикистан «Об образовании», Национальная концепция образования Республики Таджикистан, Закон Республики Таджикистан о высшем профессиональном образовании и последующем профессиональном образовании, национальная Концепция воспитания в Республике Таджикистан, Концепция развития профессионального образования в Республике Таджикистан, Государственные стандарты профессионального образования и другие важные документы, создающие благоприятные условия для развития всех типов средних и высших профессиональных учреждений.

В приказе Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Государственной программы по улучшению изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан», подписанного президентом республики 2 декабря 2003 г., указывается, что преподаватели высших учебных заведений и специалисты средних общеобразовательных учреждений должны решить одну из важных задач в образовании: существенно улучшить преподавание русского и английского языков [7, с. 2].

В национальной концепции образования Республики Таджикистан говорится и о необходимости обучения иностранным языкам во взаимодействии с национальным: «Изучение иностранных языков, особенно русского и английского, во взаимодействии с таджикским языком должно начинаться с начальных классов и охватывать все этапы образования. Необходимость изучения иностранного языка обусловлена тем, что он является источником получения знаний, освоения достижений науки, культуры, научно-технического прогресса, а также является средством общения между нациями, что необходимо принять во внимание» [8, с. 104].

Новая ситуация привела к изменению статуса иностранного языка в обществе, особенно английского. Английский язык перешел из вторичного предмета в ряд основных, которые отвечают потребностям обучаемых в таджикских школах. Это, в свою очередь, способствовало пересмотру целей и задач изучения иностранного языка в школах и университетах.

Кроме того, сейчас Таджикистан сотрудничает со многими зарубежными странами в области науки, культуры и бизнеса. Молодые люди осознают необходимость изучения иностранных языков, а именно, английского языка, стараются использовать его как средство коммуникации. Однако в изучении английского языка нуждаются не только молодые, но и немолодые жители страны, родители хотят, чтобы их дети с детства изучали английский язык, и приводят их в различные языковые учебные центры, частные лицеи, гимназии, на дополнительные курсы.

Одна из важных сфер деятельности Европейского союза в Таджикистане — область образования, где программы Tempus и Erasmus Mundus предоставляют стипендии таджикским студентам для обучения за рубежом. Благодаря программам ЕС за последние годы сотни таджикских студентов получили возможность обучаться в университетах мира. Tempus — программа, финансируемая ЕС, направлена на содействие реформированию

системы высшего образования путем финансирования совместных проектов между западноевропейскими университетами и высшими учебными заведениями стран-партнеров на западных Балканах, в Восточной Европе. В Таджикистане Tempus работает с 2004 года. 13 ноября 2015 года на базе Таджикского государственного медицинского университета им. Абу Али ибн Сина Национальный Офис Эразмус+ в Таджикистане запустил программы Европейского союза Эразмус+. За это время в Таджикистане было профинансировано более 35 проектов на общую сумму 8,27 млн евро. В рамках проектов европейскими вузами-партнерами совместно с вузами Таджикистана проводятся практические семинары и тренинги для преподавателей и академического состава. В сотрудничестве с европейскими университетами разрабатываются новые учебные программы в области управления водными ресурсами и охраны окружающей среды, по подготовке преподавателей (бакалавриат, магистратура и докторантура), информационным технологиям, по усилению связей производства с наукой, продвижению Болонского процесса и улучшению качества высшего образования. Благодаря программе таджикские вузы сотрудничают с 159 вузами из различных стран: 65 университетами из 18 стран ЕС и 94 университетами из 8 стран-партнеров (Азербайджан, Беларусь, Грузия, Россия, Центральная Азия) [5].

Для сравнения можно привести пример международного сотрудничества в области образования Уральского федерального университета. В настоящее время в Уральском федеральном университете обучаются около 2000 иностранных студентов из 80 стран мира: Средней Азии, Китая, Монголии, Кореи, Вьетнама, Гвинеи. Университет проводит ежегодные международные летние школы, посвященные русскому языку и культуре, экономике и менеджменту. Ежегодно более 150 студентов и исследователей Уральского федерального университета выезжают за границу в рамках программ академической мобильности.

Однако следует учитывать, что складывающаяся поликультурная образовательная среда требует внедрения различных систем адаптации как студентов-иностранцев, так и российских студентов, возможно, впервые встречающих представителей многочисленных культур.

В проведенном нами исследовании был выделен ряд проблем, с которыми сталкиваются педагогические работники школ Екатеринбурга и Свердловской области. Наибольшей проблемой является слабое владение русским языком (82,6 %). Важным показателем для успешной адаптации является знание национальных обычаев и традиций. По данным нашего исследования, незнание детьми местных традиций, общепринятых правил поведения отмечают 39,1 %, а недостаточность знаний о национальных, религиозных и культурных нормах приезжих у самих учителей даже превышает детский уровень на 3,9 % (43,0 %). Данный факт также указывает на невозможность обоюдной адаптации субъектов учебного процесса: учитель — ученик [3, с. 60].

Следует отметить, что в Уральском федеральном университете постоянно ведутся научные исследования в этой области, результаты которых внедряются в процесс обучения и воспитания. В частности, был внедрен учебно-методический практикум «Five Lessons for Developing Tolerance» («Пять уроков развития толерантности», 2016) [1], одобренный и рецензированный высшими учебными заведениями Армении, Венгрии, России, Словакии и Хорватии в качестве учебно-методической разработки, направленной на развитие толерантности студентов на занятиях по иностранному (английскому) языку. Кроме того, практикум получил положительную оценку Ученого совета Института социальных и политических наук УрФУ за конкретные научно-прикладные результаты исследования. Данный факт еще раз доказывает возможности использования иностранных языков не только как средства коммуникации, но и как базы для развития личностных качеств специалиста.

Таким образом, языковые навыки могут рассматриваться как актив (элемент человеческого капитала), поскольку в ситуациях взаимодействия их обладателя с другими индивидами или группами они приносят ощутимые выгоды, избавляя от необходимости нести издержки на перевод/посредничество и от сопряженной с этим неопределенности и рисков (или позволяя обладателю самому заработать в качестве переводчика/посредника). Выгоды, определяющие ценность языковых навыков как элемента человеческого капитала, выступают частью совокупных выгод их носителя от взаимодействия, в котором он участвует на тех или иных рынках. Иными словами, ценность языковых навыков непосредственно связана с потенциалом рынков, доступ к которым они открывают обладателю [2].

Так, ценность языковых навыков для индивида зависит от параметров рынков, к которым соответствующий язык открывает доступ. Недостаточное владение английским языком статистически связано с меньшими заработками среди мигрантов в США, однако соответствующие потери азиатских мигрантов существенно меньше, чем испаноязычных, что снижает экономическую мотивацию первых к изучению английского (Kossoudji, 1988). Это может быть связано с тем, что первые в гораздо большей степени ориентированы не на рынок труда в целом, а на его отдельные сегменты, где велика роль азиатских бизнесменов. На примере США (Tubergen, Kalmijn, 2009) и Австралии (Chiswick, Miller, 1996) было показано, что стремление осваивать английский у мигрантов тем ниже, чем больше их соотечественников проживает в конкретном районе, чем сильнее социальные и деловые связи внутри диаспоры и доступнее медиапродукция на родном языке. В Канаде знание языка меньшинства наряду с языком большинства имеет тем более положительное воздействие на заработки, чем больше представителей данного меньшинства проживает в географической близости (Pendakur, Pendakur, 2002). В нижней точке делового цикла, когда высок уровень безработицы, готовность мигрантов в США изучать английский ниже, что также указывает на связь между

перспективами на рынке труда и языковым поведением (Chiswick, Miller, 2002) [2].

Связь между языком и масштабом доступных его носителям рынков подтверждается рядом эмпирических исследований как на микро-, так и на макроуровне. Наличие у стран общего языка статистически связано с большей взаимной торговлей товарами (Hutchinson, 2005; Melitz, 2008; Isphording, Otten, 2013; Melitz, Toubal, 2014), услугами (Ceglowski, 2006), с более интенсивным обменом знаниями и технологиями (Welch, Welch, 2008), с большими взаимными прямыми инвестициями (Oh et al., 2011; Benito, Gripsrud, 1992), торговлей культурными благами (литературные произведения и иные публикации, музыкальные произведения, кино- и телефильмы, теле- и радиопередачи, игровая продукция и т. д.) (Disdier et al., 2010). Влияние наличия общего языка на взаимную торговлю стран подтверждается и объясняется и на микроуровне. В ряде эмпирических исследований продемонстрировано, что владение иностранными языками среди управляющих компаниями (особенно в малом и среднем бизнесе) в заметной степени связано с принятием решения об экспорте продукции на соответствующие иностранные рынки и с последующим успехом на этих рынках, поскольку языковые навыки открывают доступ к рыночной информации, позволяют эффективнее вести переговоры и учитывать местную культурную специфику (Stoian, 2007; Knowles et al., 2006; Clarke, 1999; Schlegelmilch, Ross, 1987; Cunningham, Spigel, 1971) [2].

Следовательно, достаточные языковые навыки обеспечивают его обладателю доступ на рынок рабочей силы в сфере как производства, так и интеллектуального труда; получению различных услуг, в том числе и в области образования; проводить операции в сфере торговых услуг и инвестирования, расширяя, таким образом, масштабы рынков.

С другой стороны, сложности при осуществлении коммуникации можно рассматривать как один из видов рыночных барьеров. Однако его сложнее регулировать, так как доступ к изучению языков и осуществлению коммуникации между людьми в современном мире практически неограничен. Государственное ограничение на уровне официальных языков не может ограничивать широкомасштабное общение в глобальном мире. Все большее количество людей стремятся изучать иностранные языки в зависимости от своих потребностей и желаний. В целом многоязычие ведет к расширению возможностей как для экономических отношений, так и для личных целей, следовательно, осуществляется определенное программирование поведенческих действий взрослых, отражающиеся на программировании языкового поведения их детей.

Влияние языковой ситуации на экономическую и наоборот подтверждается рядом эмпирических сравнений экономических показателей стран, гомогенных и гетерогенных в языковом отношении. Страны, более единые в языковом отношении, с большей вероятностью могут добиться экономического прогресса (Pool, 1972; Fishman, 1968; Nettle, 2000).

Вместе с тем политика, направленная на языковую стандартизацию и унификацию, даже принося выгоды обществу в целом, может сопровождаться снижением благосостояния отдельных языковых коллективов, члены которых, в силу недостаточного владения доминирующим языком, оказываются на общественно-экономической периферии (Ginsburgh, Weber, 2011) [2].

Языковые барьеры могут быть не единственными для функционирования на рынках труда. Такие барьеры, как, например, ограничение миграционных потоков и условий занятости или обучения, желание сохранить свою языковую, а значит и национальную идентичность, могут снижать желание изучения тех или иных языков.

Таким образом, по справедливому замечанию Н.Д. Холдена, язык — это неоткрытый континент менеджмента и как фасилитатор — это неформальный язык технологий, средство переноса наилучших приемов работы [6, с. 267]. Однако следует помнить, что являясь средством расширения контактов во всех сферах деятельности, включая новые рынки товаров и услуг, возможность выгодного инвестирования, трудоустройства с более высокими доходами, получения необходимой информации и адаптации в межкультурной среде, он может стать средством выстраивания барьеров и манипулирования.

Список источников

1. *Бекетова А. П., Куприна Т. В.* Five Lessons for Developing Tolerance (Пять уроков развития толерантности). — Екатеринбург: УрФУ, 2016. — 168 с.

2. *Кадочников Д. В.* Теоретико-экономический взгляд на языковую политику [Электронный ресурс]. URL: http://institutiones.com/theories/2748-teoretiko-ekonomicheskii-vzglyad-na-yazykovuyu-politiku.html (дата обращения: 17.02.2018).

3. *Куприна Т. В.* Оценка проблем и потенциала учебной миграции на территории г. Екатеринбурга и Свердловской области // Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России. Оценка факторов и эффектов. –Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — С. 58–64.

4. *Куприна Т., Журавлева Ю.* Русский или английский: неологизация в полистилистической культуре // AUSPICIA. A reviewed magazine for questions of social sciences. Czech Republic: College of European and Regional Studies, 2007. — No1. — P. 10–14.

5. Темпус и Эразмус Мундус — европейское качество образования [Электронный ресурс]. URL: http://www.toptj.com/news/ (дата обращения 01.05. 2018).

6. *Холден Н. Д.* Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 384 с.

7. Ҡарори Хукумати Чумҳурии Тоҷикистон. «Дар бораи тасдиқи барномаи давлатии такмил ва омӯзиши забонҳои руси ва англиси дар Чумҳурии Точикистон барои солхои 2004 — 2014». Асноди меъёри ва хукукии сохаи маориф. [Постановление правительства Республики Таджикистан «Об утверждении государственной программы по улучшению и изучению русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2004–2014 г.». Нормативные и юридические документы сфере образования]. — 2003. — № 3. — С. 2–3.

8. Консепсияи миллии маълумоти Чумҳурии Точикистон // Мактаби оли (ҳисми аввал) [Национальная концепция по информации Республики Таджикистан // Высшая школа (первая часть)]. — Душанбе: ИТЭС, 2007.

9. Constantinescu Gabriel-Cristian Vocation of Language for International Communication — a Prediction Tool for Future Evolutions in Global Communication // Cross-Cultural Management Journal. — 2015. — Vol. XVII. — Issue 2 (8). — P.161–173.

10. *Egger P. H., Lassmann A.* Cultural Distance through Language and the Impact of Migration Networks on Trade. 2015 [Electronic resource]. URL: etsg.org/ETSG2015/Papers/288 (дата обращения: 19.04.2018).

11. *LuËcke M., StoËhr T.* Heterogeneous Immigrants and Foreign Direct Investment: The Role of Language Skills // The Kiel Institute for the World Economy. — 2015. — P. 1–20 (1) [Electronic resource]. URL: http://www.iaw.edu/glic/publications.html (дата обращения: 19.04.2018).

12. *Melitz J., Toubal F.* Native language, spoken language, translation and trade // CEPII, WP. No 2012–17. P.42–46.

Информация об авторах

Куприна Тамара Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры международной экономики и менеджмента и кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Иброхимов Асадулло Сунатуллоевич (Республика Таджикистан) — магистр кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: bassota_91@mail.ru).

Kuprina T. V., Ibrokhimov A. S.

Foreign Languages and Migration Processes as Inclusive Components of Socio-Economic Indicators

The article deals with a new direction in the economic theory concerning the mutual impact of language and economic systems. Earlier, one of the authors (T. V. Kuprina) presented materials on the impact of humanitarian factors on the development of economic indicators. The article describes in more detail the impact of interacting languages on the level of trade, investment, opportunities to enter international markets. The link between the language and the scale of the markets available to is confirmed by a number of empirical studies, both at the micro- and macro- levels. The difference in the language impact on the promotion of homogeneous and heterogeneous goods, the relationship with migration processes that unite people of different linguistic and socio-cultural origin is determined. In most cases, a common language of communication is generally preferred, depending on the objectives of international companies and, in some cases, on the policies of individual countries. Among the sources of impact of the language, which, first of all, pay attention to, are ethnic ties, trust and language tolerance. However, the language system can also be used as a barrier to entering international markets. Training of qualified personnel can help reduce the cost of translation and other support services. To develop the skills of tolerant communicative behavior, it is necessary to create special programs supported with the necessary teaching materials available in international languages. One of these tutorials is proposed in the article.

Keywords: language, international languages, impact, migration processes, international markets, education

References

1. Beketov A. P., Kuprina T. V. Five Lessons for Developing Tolerance. Ekaterinburg: Urfu, 2016. 168 p.

2. Kadochnikov D. V. Theoretical and Economic View on Language Policy [Electronic resource]. URL: http://institutiones.com/theories/2748-teoretiko-ekonomicheskii-vzglyad-na-yazykovuyu-politiku.html (accessed February, 17, 2018).

3. Kuprina T. V. Evaluation of Challenges and Potential of Academic Migration on Territory of Ekaterinburg and Sverdlovsk Region // Regional Aspects of International Labor Migration in Modern Russia. Evaluation of Factors and Effects. — Ekaterinburg: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2017. — P. 58–64.

4. Kuprina T., Zhuravleva Yu. Russian or English: Neological Aspects in Polystylistical Culture // AUSPICIA. A reviewed magazine for questions of social sciences. Czech Republic: College of European and Regional Studies. — 2007. — No1. — P. 10–14.

5. Tempus and Erasmus Mundus — European Quality of Education [Electronic resource]. URL: http://www.toptj.com/news/ (accessed May, 1, 2018).

6. Holden. Nigel Cross-Cultural Management. A Knowledge Management Perspective. — M.: UNITI-DANA, 2005. — 384 p.

7. Resolution of the government of the Republic of Tajikistan «On Approval of the Governmental Program for Improving and Learning Russian and English languages in the Republic of Tajikistan for 2004–2014». Normative and legal documents in the sphere of education. — 2003. — No. 3. — P. 2–3.

8. National information concept of the Republic of Tajikistan // Higher school (first part). — Dushanbe: ITES, 2007.

9. Constantinescu Gabriel-Cristian. Vocation of Language for International Communication — a Prediction Tool for Future Evolutions in Global Communication // Cross-Cultural Management Journal. — 2015. — Vol. XVII. — Issue 2 (8). — P.161–173.

10. Egger Peter H., Lassmann Andrea. Cultural Distance through Language and the Impact of Migration Networks on Trade. 2015 [Electronic resource]. URL: etsg.org/ETSG2015/Papers/288 (accessed: April, 19, 2018).

11. LuËcke Matthias & StoËhr Tobias Heterogeneous Immigrants and Foreign Direct Investment: The Role of Language Skills // The Kiel Institute for the World Economy. — 2015. — P.1–20 [Electronic resource]. URL: http://www.iaw.edu/glic/publications.html (accessed: April, 19, 2018).

12. Melitz Jacques, Toubal Farid. Native language, spoken language, translation and trade // CEPII, WP No 2012–17. P.1–80

Authors

Kuprina Tamara V. — Ph. D., Associate Professor, Department of International Economics and Management and Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University (Russia, 620002, Ekaterinburg, 19, Mira St.; e-mail: vkuprina@mail.ru).

Ibrokhimov Asadullo S. (Republic of Tajikistan), Master, Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University, 620002, Ekaterinburg, 19, Mira St.; e-mail: bassota_91@mail.ru).

УДК 314.

Левина Е. И., Бозоян М. В., Табакова А. О.

МИГРАЦИЯ В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОЦЕНКА ПРОБЛЕМ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ[1]

В статье представлены результаты проведенного авторами опроса мигрантов Кемеровской области. Раскрыты причины миграции, выявлено, что в качестве основных обстоятельств, вызвавших необходимость смены места жительства, доминируют поиск лучшей жизни, безработица на прежнем месте жительства и учеба. Кроме этого, в работе выявлены проблемы, с которыми чаще всего приходится сталкиваться прибывающим в Кемеровскую область.

Ключевые слова: миграция, численность населения, субъективный подход, формы статистического наблюдения, опрос

Несмотря на то, что Кемеровская область остается самым густонаселенным регионом Сибирского федерального округа (СФО), где в среднем на одном квадратном километре проживает почти 30 человек (в то время как в СФО плотность населения составляет около 4 человек на квадратный километр) [4, с. 136], ежегодно наблюдается снижение численности населения. В таблице 1 представлены основные компоненты ее изменения.

Из представленных в таблице 1 данных видно, что снижение численности было обеспечено как естественной, так и механической убылью населения области. Однако наибольший вклад в снижение численности населения области (за исключением 2013 г.) внесла естественная убыль населения, т. е. превышение числа умерших над числом родившихся. Однако, несмотря на негативные тенденции в динамике численности, есть все основания считать миграцию основным источником возможного пополнения численности населения Кемеровской области.

В связи с этим весьма актуальным представляется изучение мнения приехавших в Кемеровскую область с помощью субъективного подхода. При изучении миграции данный подход используется для выявления факторов, движущих сил, мотивов миграции и других характеристик мигрантов. Субъективный подход использует мнение индивидов и/или самых разных групп людей как источник информации для выработки рекомендаций, подготовки и принятия управленческих решений, способных повысить эффективность миграционной политики.

Субъективный подход основывается на использовании опроса как одного из способов статистического наблюдения [2]. «Главным инструментом реализации методов наблюдения и опроса является анкета (вопросник)…»

---

[1] © Левина Е. И., Бозоян М. В., Табакова А. О. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 18–010–01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Таблица 1

Компоненты изменения общей численности населения Кемеровской области, чел.*

Год	Численность населения на 1 января	Изменение за год			Численность населения на 31 декабря
		общая убыль	естественная убыль	миграционная убыль	
2013	2742450	–8375	–2458	–5917	2734075
2014	2734075	–9085	–3771	–2314	2724990
2015	2724990	–7363	–5422	–1941	2717627
2016	2717627	–8783	–6168	–2615	2708844
2017	2708844	–13967	–9837	–4130	2694877

* Рассчитано авторами по: Численность населения Кемеровской области на начало года; Общие итоги миграции населения Кемеровской области по потокам [Электронный ресурс] URL: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 28.03.2018).

[5, с. 22]. В анкете из трех возможных основных форматов задаваемых вопросов — открытые вопросы, закрытые вопросы и вопросы со шкалой ответов — использовались только первые два. Открытый вопрос позволяет ответить на него своими словами и избежать предвзятости и стремления навязать определенный ответ. Закрытый вопрос содержит все возможные варианты ответов, из которых респондент делает свой выбор. Опрос проводился методом самозаполнения анкет.

Сбор данных осуществлялся преподавательским коллективом кафедры управленческого учета и анализа Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева и обучающимися по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика» (профиль «Бухгалтерский учет, анализ и аудит») в мае 2017 г. по методике, предложенной О. В. Аракчеевой [1], с адаптацией ее к нашим условиям. Исследованием было охвачено население Кемеровской области — женщины в возрасте 18–55 лет и мужчины в возрасте 18–60 лет, которые случайным образом были выбраны для участия в этом опросе. Вся собранная информация использовалась исключительно в научных целях и только в сводном виде.

Анкета содержит вопросы, разделенные на 3 блока: первый предусматривает рассмотрение демографических характеристик респондентов (пол, возраст, состояние в браке, уровень образования и национальность); второй блок направлен на изучение миграции населения (причины миграции, время выбытия, почему выбрали именно этот регион); третий анализирует процесс адаптации мигрантов в Кемеровской области (с какими проблемами столкнулись и как решали и т. д.).

По случайной выборке было опрошено 865 человек, из них 47,2 % составили мужчины и 52,8 % женщины. В таблице 2 представлено распределение ответов респондентов на вопрос о возрасте.

Из представленных в таблице 2 видно, что большая часть мигрантов являются людьми трудоспособного возраста, приехавшими в Кемеровскую область из других регионов Российской Федерации и из

Таблица 2

Распределение респондентов по возрасту

Варианты ответов, лет	Количество человек	В % к итогу
а) 18–22	60	6,9
б) 23–30	234	27,1
в) 31–40	200	23,1
г) 41–50	156	18,0
д) 50–55	120	14,0
е) 56–60	69	7,9
ж) 60 и больше	26	3,0
Итого	865	100,0

Таблица 3

Распределение респондентов по уровню образования

Вариант ответа	Количество человек	В % к итогу
а) начальное	—	—
б) средне	295	34,1
в) среднее специальное	138	16,0
г) незаконченное высшее	250	28,9
д) высшее	182	21,0
е) ученая степень	—	—
Итого	865	100,0

стран ближнего зарубежья, преимущественно из Центральной Азии — Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, а также из Азербайджана, Грузии и Армении.

Одной из ключевых характеристик респондентов является уровень их образования. В таблице 3 представлено распределение ответов респондентов на вопрос об образовании.

Из общего числа опрошенных 34,1 % респондентов имеют среднее образование, 28,9 % — незаконченное высшее, 21,0 % — высшее образование и 16,0 % — среднее специальное. Низкий уровень образования является одним из факторов, снижающих адаптационные возможности человека. Высокий уровень образования относят к факторам, снижающим уровень стресса адаптации к новой культуре. Зачастую уровень образования не гарантирует успешность адаптации, так как не обеспечивает получение работы, соответствующей специальности и квалификации. Поэтому мигрантам приходится снижать свой профессиональный уровень, переходя на неквалифицированную работу в других сферах. Результаты исследования показывают, что в область прибывают квалифицированные мигранты, тем самым способствуя обострению конкуренции и безработицы на рынке труда.

На территории Кемеровской области проживают более ста народов разных национальностей и этнических групп, и они взаимно обогащают свои культуры. По национальному составу среди опрошенных мигрантов

преобладают русские (54,0 %). Большой удельный вес среди опрошенных составляют представители кавказских (36,0 %) и среднеазиатских (10,0 %) народов. Подобная структура миграционного потока свидетельствует о существенном разнообразии миграционных связей региона, а само это многообразие может быть использовано для регулирования миграционных потоков и привлечения определенных категорий населения в область.

Часть мигрантов, а именно 43,9 % от общего числа опрошенных, приехали в Кемеровскую область из крупных городов и областных центров, 22,9 % — из малых городов, 38,3 % — из сельских поселений, 4,9 % — из поселков городского типа. Более половины мигрантов состоят в браке и имеют детей. Именно безысходность заставляет многих мигрантов соглашаться на разные условия труда и менять место жительства.

Основной миграционный поток в область осуществляется за счет приехавших из других регионов Российской Федерации (преимущественно из восточных), их удельный вес составляет 59,9 %, и 39,1 % из бывших республик Советского Союза, только 1,0 % — из стран дальнего зарубежья. Более половины приехавших в область респондентов имеют российское гражданство.

Природные и климатические условия для адаптации мигрантов в Кемеровской области опрошенные оценили как благоприятные. Как «удовлетворительные во всех отношениях» природные условия охарактеризовали 60,2 % респондентов. «Неблагоприятными» посчитали природные условия 13,0 % мигрантов, причем именно по условиям ведения сельского хозяйства, а не по комфортности.

К основным причинам, по которым мигранты были вынуждены покинуть свое место жительства, относятся: поиск лучшей жизни, жилье (40,0 %), безработица (27,1 %), учеба (20,9 %). Об этом свидетельствуют данные, представленные в таблице 4.

Большое количество мигрантов занято в таких сферах, как: ведение частного домашнего хозяйства (17,0 %), промышленность (16,5 %), транспорт и связь (13,0 %), сельское и лесное хозяйство (10,0 %).

Приблизительно 43,0 % опрошенных заявили, что после переезда в Кемеровскую область их условия жизни изменились в лучшую сторону и что переезд повлиял на их материальное положение. В результате около 16,5 % респондентов решили проблему с жильем. Некоторые мигранты отметили, что нашли хорошую работу и стали зарабатывать намного больше, чем на прежнем месте жительства.

Опрос мигрантов показал, что более 37,0 % мигрантов имеют работу, удовлетворяющую основным запросам, и 39,1 % имеют работу, которая им интересна, но плохо оплачиваема. Хорошо оплачиваемую работу в Кемеровской области имеют 12,9 % переселенцев, хотя она им неинтересна, и 11,0 % оценили свою работу как «плохая» во всех отношениях.

Анкетирование показало, что большинство мигрантов опасаются остаться без работы, при этом они боятся сменить свою специальность, к

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «*Основные причины, по которым Вы были вынуждены покинуть свое местожительство*»

Вариант ответа	Количество человек	В % к итогу
а) безработица	234	27,1
б) поиск лучшей жизни, жилья	346	40,0
в) на учебу	181	20,9
г) военные действия	17	2,0
д) конфликт на национальной почве	—	—
е) конфликт на религиозной почве	—	—
ж) переезд к мужу (жене)	78	9,0
з) другие	9	1,0
Итого	865	100,0

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос «*Каковы доходы семьи в месяц?*»

Вариант ответа, руб.	Количество человек	В % к итогу
а) до 10000	190	21,9
б) 10000–20000	459	53,1
в) 20000–50000	173	20,0
г) более 50000	17	2,0
д) нет ответа	26	3,0
Итого	865	100,0

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «*С какими проблемами столкнулись после переезда в Кемеровской области?*»*

Вариант ответа	Количество человек	В % к итогу
а) трудоустройство	192	18,1
б) худшие жилищные условия	460	43,9
в) бедность	21	2,0
г) плохое отношение со стороны старожилов	96	9,0
д) необходимость жить в поселении более низкого ранга	—	—
е) приспособление к чужой культурной среде	223	20,9
ж) непривычность природных условий	43	4,1
з) непонимание со стороны родственников	21	2,0
Итого	1064	100,0

* Сумма ответов не соответствует объему выборочной совокупности, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

ним относятся 68,1 % от общего числа опрошенных. 31,9 % респондентов сохраняют место работы из-за высокой отплаты труда, добрых отношений в коллективе и осознания того, что лучшей работы им не найти.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Каковы доходы семьи в месяц?» представлено в таблице 5.

Согласно данным анкетирования большинство опрошенных мигрантов (53,1 %) зарабатывают от 10000 до 20000 рублей в месяц. Примерно одинаковое количество респондентов имеют доходы до 10000 рублей и от 20000 до 50000 рублей (21,9 и 20,0 % соответственно).

Распределение ответов респондентов на вопрос «Отношение к Вам местного населения» показало, что одной из самых важных и сложных проблем для мигрантов является адаптация на новом месте жительства. Отношение коренного населения к респондентам влияет на успешность процесса адаптации. Однако 30,1 % мигрантов чувствуют равнодушное отношение, а 15,0 % — подозрительное и враждебное отношение со стороны коренных жителей. Проблема взаимоотношений местных жителей и мигрантов остра в основном в сельской местности, потому что здесь люди больше общаются между собой. В таблице 6 представлено распределение ответов респондентов на вопрос о проблемах, возникших после переезда в Кемеровскую область.

Среди проблем, с которыми столкнулись мигранты после переезда в Кемеровскую область, — решение жилищной проблемы (43,9 %). Данная проблема всегда является затруднительной для адаптации в регионе, ее сумели решить 65 % мигрантов, а 20,9 % респондентов, не имеющих собственного жилья, проживают у родственников или знакомых. Более 12 % переселенцев снимают жилье — это больше относится к людям, которые живут в городах. В числе других проблем, с которыми столкнулись мигранты после переезда, — трудоустройство (18,1 %) и приспособление к чужой культурной среде (20,9 %). Многие из приехавших работают не по специальности и не имеют работы. Практически все переселенцы сталкиваются с трудностями адаптации к чужой культурной среде. Сложности данной проблемы возникают при взаимодействии с местными жителями, восприятии местных обычаев, правил и норм.

На вопрос «Ваши планы на будущее?» 40,3 % опрошенных ответили, что останутся в Кемеровской области, 33,1 % хотят уехать из страны, а 10,0 % хотят переехать в другой регион России. Несмотря на сложные социальные и экономические проблемы в Кемеровской области, регион все же привлекает мигрантов, но меры по их адаптации далеки от совершенства. Все это требует выработки конкретной миграционной политики для лучшей адаптации мигрантов на новом месте жительства.

Таким образом, использование субъективного подхода в исследовании миграции населения в Кемеровской области позволило выявить, что регион является привлекательным для мигрантов. В основном на территорию области прибывает население, находящееся в трудоспособном возрасте и обладающее достаточно высоким уровнем профессиональной квалификации. К основным проблемам, с которыми сталкиваются прибывшие в Кемеровскую область, относятся жилищный вопрос, трудоустройство и

приспособление к чужой культурной среде. В этой связи области требуется дополнительное финансирование на их обустройство, предоставление рабочих мест, строительство объектов для их жизнедеятельности [3, с. 375].

Список источников

1. *Аракчеева О. В.* Пространственные особенности миграции, адаптации мигрантов и управления современными миграционными процессами (на материалах Нижегородской области): дис. … канд. геогр. наук / Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2012.

2. *Кучерова Е. В.* Статистика: учеб. пособие / Е. В. Кучерова, Т. А. Понкратова, Е. И. Левина; ФГБОУ ВПО «Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева». — Кемерово, 2011. — 156 с.

3. *Левина Е. И.* Некоторые основные характеристики миграции населения Кемеровской области // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. статей VII Уральского демографического форума с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин, д-р социол. наук А. И. Кузьмин. Т. II. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. — С. 370–375.

4. *Левина Е. И.* О некоторых тенденциях в естественном движении населения Кемеровской области: 1959 — 2008 гг. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2011. — № 1 (83). — С.136–141.

5. *Понкратова Т. А.* Маркетинговый анализ: учебное пособие; Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. — Кемерово, 2009. — 96 с.

Информация об авторах

Левина Елена Ивановна — старший преподаватель, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; e-mail: lei.bu@kuzstu.ru).

Бозоян Марине Варужановна — обучающийся гр. ЭУб-151, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, г. Кемерово, Весенняя, 28; e-mail: marine.bozoyan@mail.ru).

Табакова Анастасия Олеговна — обучающийся гр. ЭУб-151, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; e-mail: nastenka.tabakova@mail.ru).

Levina E. I., Bozoyan M. V., Tabakova A. O.

Subjective Approach in the Study of Migration of the Population of the Kemerovo Region

The article presents the results of a survey of migrants from the Kemerovo region conducted by the authors. The reasons for migration are revealed, from which it follows that the search for a better life, unemployment at the former place of residence and study dominate as the main circumstances that necessitated a change of residence. In addition, the work identified problems that are most often encountered arriving in the Kemerovo region.

Keywords: migration, population size, subjective approach, forms of statistical observation, survey

References

1. Arakcheeva O. V. Prostranstvennye osobennosti migratsii, adaptatsii migrantov i upravleniya sovremennymi migratsionnymi protsessami (na materialakh Nizhegorodskoy oblasti): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kand. geogr. nauk. Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. — Voronezh, 2012.

2. Kucherova E. V. Statistika ucheb. posobie / E. V. Kucherova, T. A. Ponkratova, E. I. Levina; FGBOU VPO «Kuzbasskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet im. T. F. Gorbacheva». — Kemerovo, 2011. — 156 p.

3. Levina E. I. Nekotorye osnovnye kharakteristiki migratsii naseleniya Kemerovskoy oblasti // Dinamika i inertsionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokoleniy v Rossii i SNG. Sb. st. VII Ural'skiy demograficheskogo foruma s mezhdunar. uchastiem / otv. red. akad. RAN A. I. Tatarkin, d-r sotsiol. nauk A. I. Kuz'min. T. II. — Ekaterinburg : Institut ekonomiki UrO RAN, 2016. — P. 370–375.

4. Levina E. I. O nekotorykh tendentsiyakh v estestvennom dvizhenii naseleniya Kemerovskoy oblasti: 1959 — 2008 gg. // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. — 2011. — № 1 (83). — P. 136–141.

5. Ponkratova T. A. Marketingovyy analiz: uchebnoe posobie / Kemerovskiy tekhnologicheskiy institut pishchevoy promyshlennosti. — Kemerovo, 2009. — 96 p.

Authors

Levina Elena Ivanovna — associate professor, T. F. Gorbachev State Technical University (Russia, 650000, Kemerovo, 28 Vesennyaya st.; e-mail: lei.bu@kuzstu.ru).

Bozoyan Marina Varuzhanovna — T. F. Gorbachev State Technical University (Russia, 650000, Kemerovo, 28 Vesennyaya st., e-mail: marine.bozoyan@mail.ru).

Tabakova Anastasiya Olegovna — T. F. Gorbachev State Technical University (Russia, 650000, Kemerovo, 28 Vesennyaya st.; e-mail: nastenka.tabakova@mail.ru).

УДК 332.146

Лобарева Н. С., Глухих П. Л.

МОЛОДЕЖНОЕ СТАРТАП-ДВИЖЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ[1]

В настоящее время для высокоразвитой новой экономики большую роль играют такие характеристики глобального общества, как информационность, наукоемкость и креативность, выступающие в одной связке. Эффективно использовать данные характеристики может молодежь в силу своей гибкости, креативности и готовности к риску. Рационально применяя главный инструмент новой экономики — знания в отношении главного ресурса — информации, используя главное свойство — креативность, молодые предприниматели способны получать продукт новой экономики — инновацию, использование которой в качестве основной деятельности является основной характеристикой стартапа. Устойчивое развитие старопромышленных территорий невозможно без серьезной трансформации специфики их хозяйственной деятельности, в которой активное участие принимает молодежное стартап-движение. Это обусловливает актуальность исследования роли молодежного стартап-движения как социально-экономического фактора развития старопромышленной территории. В связи с этим целью авторского исследования является изучение специфики и проблем молодежи рассматриваемых территорий, особенностей, факторов развития и проблем молодежного стартап-движения и определение его роли в экономике старопромышленной территории. В результате данного исследования было определено, что молодежное стартап-движение способствует повышению качества сферы материальных благ и услуг; укреплению технологического кластера региона; росту инвестиционной привлекательности территории; решению проблем самозанятости. В методологическом плане исследование основывается на социально-экономическом подходе, который использует инструментарий экономического и социокультурного анализа. Дальнейшие направления исследования могут быть связаны с социально-экономической оценкой влияния молодежного стартап-движения на экономику старопромышленной территории и разработку рекомендаций по поддержке данного явления в регионе.

Ключевые слова: стартап, молодежь, стартап-движение, старопромышленная территория, стартап-компания, предпринимательство, инвестиции

Мировое экономическое сообщество сегодня находится в состоянии созидания экономики, основанной на интеллектуальных ресурсах, информационных и наукоемких технологиях. Старопромышленные территории

[1] © Лобарева Н. С., Глухих П. Л. Текст. 2018.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–310–00130.

в данных условиях испытывают некоторые трудности, связанные со своей спецификой, заключающейся в наличии преобладающей доли устаревающей промышленности, в основе которой не лежат высокие технологии. Однако данные территории имеют и ряд преимуществ, так как они когда-то были опорой государства, где на протяжении многих лет аккумулировались ресурсы, развивалась инфраструктура. Во многом они и сейчас сохранили свой технологический, ресурсный и кадровый потенциал. Вместе с тем данный потенциал не всегда используется в полной мере и, кроме того, практически не восполняется, что является важной проблемой.

В силу своих исторических особенностей старопромышленные территории (в частности Урал) обладают достаточно высоким уровнем креативности, что является одним из условий инновационного развития субъекта, но лидерами инновационного развития страны, самостоятельно достигающими конечного результата посредством своей научной, исследовательской деятельности, пока не являются [13, с. 145].

Одной из составляющих ресурсного и кадрового потенциала старопромышленной территории является молодежь, к которой относится население в возрасте 16–35 лет. Именно молодежь может стать «носителем» инноваций в данном регионе, способствуя его устойчивому развитию, так как это наиболее креативная и активная часть общества, способная с легкостью воспринимать все новое и брать на себя риски [4, с. 3].

Отличительные особенности молодежи старопромышленных территорий в основном определяются ее качеством как работников, конкурентоспособностью и востребованностью на региональном рынке труда, связанным с этим материальным положением, миграционными настроениями и ролью политики в ее жизни.

Перечисленные особенности отражаются на трудностях, с которыми приходится сталкиваться молодым людям рассматриваемых территорий. Рассмотрим наиболее важную из проблем молодежи — проблему занятости. Данная проблема двояка. С одной стороны, спрос на рабочую силу существует как со стороны действующих градообразующих предприятий, отражающих специфику территории, так и со стороны непроизводственных предприятий. С другой стороны, молодежь не может полностью удовлетворить существующий спрос ввиду либо нежелания, либо невозможности работать по полученной профессии. Чаще всего это связано с низким уровнем предлагаемой заработной платы, плохими условиями труда, непрестижностью профессии или трудностями поиска работы по приобретенной профессии [12, с. 139].

Невозможность трудоустроиться в совокупности с присущей данной категории населения креативностью, амбициозностью, решительностью побуждает все большее количество молодых людей прибегать к поиску альтернативных форм занятости, к которым можно отнести инновационное предпринимательство, одной из форм которого является стартап [10]. Так, известный исследователь предпринимательства Д. Стори в качестве

одной из разновидностей структурных изменений в обществе называет изменение отношения молодежи к проблемам выбора рабочего места, поясняя это тем, что крупные компании стали казаться скучными и забюрократизированными, а более мелкие компании — считаться динамичными и предоставляющими среду для раскрытия творческих возможностей [8, с. 80].

Еще один представитель исследователей предпринимательства — А. Купер считает, что новые и небольшие предприятия — это отличные карьерные перспективы для тех, кто обладает хорошими способностями к развитию новых организаций [8, с. 25]. Так, в США многие студенты обладают хорошей базой в этой среде, таким образом, количество направлений малого предпринимательства постоянно растет. Учащиеся приходят к выводу, что им самим необходимо позаботиться о своей карьере, а не тратить 40 лет на службу в одной организации. Они осознают, что интересная карьера и перспективы связаны именно с инновационным предпринимательством. Большое влияние на процесс принятия решений молодежью оказывает и современный общий фон «повсеместного восхищения» предпринимателями — ими восхищаются молодые специалисты, их поддерживает государство, средства массовой информации создают престижный образ успешного предпринимателя.

Кроме того, А. Купер к факторам, способствующим привлечению молодых специалистов в стартап-движение, относит успешное развитие некоторых отраслей, предлагающих дополнительные возможности для основания стартап-фирм [8, с. 27].

Для успешного развития молодежного стартап-движения и развития стартап-компаний необходимо создание питательной стартап-среды, объединяющей разные отрасли, позволяющей заложить основу успеха первых компаний, к которым впоследствии смогут присоединиться новые участники.

Относительно перечня факторов стартап-среды, влияющих на возникновение стартапов, существуют различные точки зрения исследователей. Так, Д. Стори называет данные факторы детерминантами и выделяет семь детерминант: рост спроса; уровень урбанизации (агломерации); уровень безработицы; уровень благосостояния индивидов (домохозяйств); доля малых предприятий и отраслевая специализация; политические идеалы и государственные расходы/государственная политика. Проведенные им исследования показывают, что средний уровень возникновения и региональные различия образования стартапов примерно одинаковы по странам, и в наиболее динамичных с точки зрения появления стартапов территориях годовой уровень их возникновения в два раза выше, чем в наименее динамичных. Исследователь обращает особое внимание на три фактора: рост спроса (прирост населения и возрастание его доходов), численность предприятий (с преобладанием малых фирм) и уровень урбанизации, позволяющий реализовать преимущества агломерации [8, с. 87].

Д. Берч в результате своих исследований, проведенных в США, выявляет, что инновационные компании, играющие наибольшую роль в росте экономики, в первую очередь зависят от «мозгов», а не от земли и сырья. Исследователь делает вывод о том, что стартапы будут располагаться в креативной среде, в той среде, которую квалифицированные работники считают привлекательной. Для создания благоприятного пространства для инновационных компаний необходимы некоторые элементы, чтобы привлечь квалифицированных работников, — это долгий процесс. Вместе с тем, в сравнении с промышленными компаниями стартапы более свободны в выборе территориальной локализации, несмотря на то, что для создания привлекательных районов размещения им требуется поддержка государства [8, с. 21].

Похожую точку зрения разделяет и П. Рейнольдс, считающий, что не характеристики регионов, а люди создают новый бизнес [8, с. 248].

Среди отечественных исследователей, видящих успех стартапа в удачном использовании потенциала трудовых ресурсов территории, можно отметить О.Н. Головинова и Л.А. Дмитриченко, которые обращают внимание на необходимость кадрового совмещения в деятельности компании высококлассных специалистов с хипстерами, образующими базу рабочей силы технологических фирм, с их молодежной и альтернативной энергетикой. Также они уверены, что без творческих натур и интернет-гениев технологические кластеры не смогут стать площадкой для формирования бизнеса будущего. Еще одним фактором успеха стартапа авторы считают наличие команды у стартапера, ведь инвесторы вкладывают деньги преимущественно в команды, а не в стартап-проекты, поэтому хотят знать и понимать причины и мотивы создания стартапа командой, иметь представление о способностях, интеллектуальных возможностях и профессиональном опыте участников команды. Связано это с тем, что стартаперам придется приложить много усилий в ходе реализации стартапа, проект бизнес-модели которого будет неоднократно меняться. Кроме того, значение команды в достижении поставленной цели трудно переоценить, так как могут появиться новые конкуренты, новые технологии [3, с. 15].

Проведенный анализ изложенных выше точек зрения позволяет сделать вывод о том, что среди факторов стартап-среды на первый план выходит фактор трудовых ресурсов — молодых высококвалифицированных, креативных, инновационных. Необходимо выяснить, в каких условиях данный фактор развивается наиболее эффективно, какие условия для этого может предложить старопромышленная территория.

Большую роль в развитии молодежного стартап-движения играют образовательные учреждения территории, в частности вузы, так как, во-первых, они являются «точками» концентрации и инкубирования талантливой и инновационной молодежи. Так, в Свердловской области, являющейся типичным представителем старопромышленных территорий, наблюдается стабильный рост охвата молодежи высшим образованием.

В 2009 году значение данного показателя достигло максимума и составило 54,7 %. В 2010 году значение показателя несколько уменьшилось — до 43,4 %[1]. Сегодня Свердловская область занимает первое место по количеству вузов среди субъектов Уральского федерального округа [15, с. 111].

Во-вторых, в настоящее время усиливается роль университета как фактора развития молодежного предпринимательства — студент рассматривается как потенциальный предприниматель, являющийся связующим звеном между учеными и инвесторами. Данные утверждения в большей части применимы к странам Запада, но и в Россию постепенно приходит понимание необходимости развития инновационного малого предпринимательства (стартапа) в вузах [4, с. 3].

Изучением роли университетов в развитии стартап-движения занимаются многие западные исследователи. Например, С. Шейн — лауреат Всемирной премии за исследования в области предпринимательства — целью одного из своих исследований видит необходимость объяснения того, почему некоторые университеты способствуют появлению большего числа стартапов, чем другие. Причину этого явления исследователь находит в существовании определенных способствующих факторов, таких как доступ к венчурному капиталу; высокое значение и почитание интеллектуального труда; относительный уклон в сторону коммерчески ориентированных исследований; политика университета. Кроме того, С. Шейн замечает, что на рост стартапов некоторых университетов мог повлиять принятый Акт Бейа-Доула (Bayh-DoleAct), который был нацелен на усиление стимулирования университетов в области коммерциализации исследований и мог повлиять на мотивацию вузов, побудив их сконцентрироваться на тех технологиях, которые требуют оформления патентов и лицензий [8, с. 449].

В работе другого западного исследователя инновационного предпринимательства и стартапов — Д. Стори утверждается, что кооперация между стартап-фирмами и местными учебными заведениями важна в первую очередь для выживания фирмы, поэтому менеджеры технопарков, которые отвечают за связи с промышленностью со стороны вузов, играют большую роль в поощрении и стимулировании более формальных отношений между стартапами и вузами с течением времени [8, с. 90].

Отечественные исследователи, в частности В.И. Столяров, в своих работах также приходит к выводу, что успешному решению проблемы молодежной занятости может способствовать активная организация при учебных заведениях малых инновационных молодежных предприятий, которые помогут повысить уровень теоретической и практической подготовки студентов; улучшить их материальное положение; установить деловые связи с фирмами, где учащиеся желали бы работать [12, с. 135].

[1] Университеты, академии, институты // Федеральный портал «Российское образование» [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/abitur/act.5/rgn.65542000/index.php (дата обращения 5.07.2018).

Несмотря на то, что основу системы профессионального образования, как правило, государственного, представляют учреждения с технической направленностью, отражающие специфику старопромышленной территории, на рынке образовательных услуг существует и негосударственный сектор образования, представленный учреждениями, осуществляющими подготовку по новым востребованным направлениям (IT, страхование, туристический и сервисный бизнес и др.) [6].

Наряду с образовательными учреждениями на развитие молодежного стартап-движения влияют также уже существующие предприятия территории — это могут быть и организации малого предпринимательства, и крупные градообразующие предприятия. Такие предприятия называют «организациями-инкубаторами».

А. Купер в своих исследованиях выясняет, что большое количество стартапов открываются в территориальной близости от своих организаций-инкубаторов, этот факт подтверждает, что предпринимательство в регионе сильно зависит от существующего пула людей. Стартапы также связаны со своими инкубаторами осуществляемым видом бизнеса [8, с. 28]. Эта связь наиболее сильна между технологическими стартапами и производственными организациями-инкубаторами, отражающими специализацию старопромышленной территории. Связано это с тем, что молодые предприниматели, основывающие стартап, используют собственные знания, которые приобретены в организации-инкубаторе, поэтому новая фирма чаще работает на том же основном рынке или с той же технологией, что и организация-инкубатор. Для нетехнологических стартапов данная связь не важна, так как знания они получают по другим каналам.

В настоящее время большая часть старопромышленных территорий уже успела подвергнуться технологической инвентаризации и модернизации, поэтому сохранившиеся и обновленные организации-инкубаторы образуют технологические кластеры с развитыми рынками сбыта и тесными производственными взаимоотношениями, превращаясь в места сосредоточения молодых стартаперов. Молодые фирмы при этом получают следующие выгоды: доступ к специализированной рабочей силе, специализированным материалам и капиталу; близость к потребителям и технической поддержке.

Стартапы, организованные молодежью, в процессе своего развития испытывают ряд трудностей. О. Н. Головинов и Л. А. Дмитриченко отмечают, что отечественный рынок испытывает явный недостаток качественных стартап-проектов. Это может быть связано с недостаточной мобильностью отечественных инноваторов и плохим знанием английского языка. Участие инноваторов в местных конференциях приносит меньший полезный эффект, нежели время, проведенное в ведущих мировых технологических кластерах. Поиск интересных наработок и проектов в западных университетах может дать возможность использования зарубежной интеллектуальной собственности [3, с. 15].

К трудностям также можно отнести нехватку финансовых средств. Данная проблема появляется сразу, как только проект начинает нуждаться в финансовой поддержке. Нередко найти инвестора нелегко даже опытным предпринимателям, владеющим успешным бизнесом и хорошей репутацией, а молодым стартаперам, не имеющим пока ни репутации, ни опыта, ни прибыли от своего проекта, сделать это еще проблематичнее [9].

Финский предприниматель П. Вильякайнен, выступающий в роли советника президента фонда «Сколково» по стартапам, наоборот, не считает, что в России есть недостаток в финансировании стартапов. В качестве проблемы называет неудовлетворенную потребность в экспертном сопровождении новых проектов, а именно — недостаток лидеров, которые могли бы повести за собой молодых предпринимателей [2].

Также можно отметить установившийся в России венчурно-инвестиционный дисбаланс между инвестициями в Интернет и реальную экономику. Причины такого дисбаланса исполнительный директор Российской ассоциации венчурного инвестирования А. Никконен объясняет так: «Если брать высокие технологии, то там нужно дорогостоящее оборудование, сложный производственный цикл и так далее. А в IT нужен только компьютер и мозги» [2].

С появлением большого числа стартапов в технологическом кластере начинают расти арендные ставки, это приводит к тому, что стартапы, которые находятся в фазе роста и редко получают прибыль, вынуждены менять место своей локализации. На новое место деятельности приходится переезжать и сотрудникам компании, в связи с этим становится важным наличие необходимого доступного жилья и благоприятная среда обитания.

Одной из слабых черт молодых организаторов стартапа является недостаточная финансовая грамотность и слабые навыки презентации проекта. Отсутствие бизнес-образования часто является причиной того, что многие предприниматели, имея лишь техническое образование, не могут воплотить свою идею в жизнь. У большинства из них нет навыков анализа и оценки рынка, способностей просчитывать будущие продажи и бизнес-модель, которая сможет заинтересовать потенциальных инвесторов. Иногда инвестор предоставляет собственный опыт построения работающей бизнес-модели, становясь при этом полноценным партнером. Повысить финансовую грамотность помогают специальные образовательные программы, создаваемые, в том числе, венчурными фондами. С их помощью молодые предприниматели получают возможность общения с действующими стартаперами, которые в деталях разбираются в тонкостях развития стартапа. Повышение экономической компетенции новаторов преследует цель максимального ускорения и развития стартапа [3, с. 15].

Молодежное стартап-движение оказывает на старопромышленную территорию определенное влияние. Во-первых, молодые предприниматели, создавая свои или адаптируя эффективные заимствованные

бизнес-модели, привносят в регион инновации, способствуя тем самым повышению качества благ и услуг.

Во-вторых, стартаперы вступают в производственно-коммерческие отношения с предприятиями технологического кластера региона, способствуя его укреплению.

В-третьих, молодежные стартап-команды активно привлекают отечественных и зарубежных инвесторов, повышая инвестиционную привлекательность региона.

В-четвертых, молодежная бизнес-активность выступает как инструмент социальной политики, позволяющий временно смягчать наиболее острые и болезненные перекосы на рынке труда, вызванные модернизацией и оптимизацией градообразующих предприятий территории, так как стартап образует дополнительные рабочие места [8, с. 480].

Таким образом, молодежное стартап-движение может одновременно и являться формой самозанятости молодых людей старопромышленных территорий, и стать одним из факторов устойчивого развития данной территории. Оценка роли и социально-экономического влияния данного явления на регион требует дальнейшего исследования.

Список источников

1. *Бланк С., Дорф Б.* Стартап: Настольная книга основателя: пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2013. — 485 с.

2. *Булин Д.* Стартапы в России: модное слово или устойчивый тренд? // Би-би-си. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/business/2013/05/130528_russia_startups_dynamics.shtml (дата обращения: 15.07.2018).

3. *Головинов О. Н., Дмитриченко Л. А.* Стартап как форма развития малой инновационной предпринимательской деятельности // Экономика, управление и инвестиции. — 2015. — № 3. — С. 1–17.

4. *Иванова А. В.* Комплексная оценка факторов развития молодежного предпринимательства в университетской среде: автореф. дис. …канд. экон. наук: 08.00.05. — Екатеринбург, 2013. — 24 с.

5. *Кашпур В. В.* Предпринимательство как жизненная перспектива современной молодежи (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2009. — № 1. — С. 53–68.

6. Негосударственные вузы России — битва со стереотипами // Бизнес-образование в России и за рубежом [Электронный ресурс]. URL: http://www.ubo.ru/articles/?cat=100&pub=1665 (дата обращения 17.07.2018).

7. *Рис Э.* Бизнес с нуля. Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. — М.: Альпина Паблишер, 2014. — 256 с.

8. Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010) / пер. с англ., под науч. ред. А. Ю. Чепуренко; предисл. и послесл. А. Ю. Чепуренко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Науч.-учеб. лаб. исследований предпринимательства. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 527 с.

9. Стартап — что это такое: определение и значение термина, этапы развития Startup-проекта. ТОП-10 лучших идей для стартапа с минимальными вложениями // Финансовый журнал [Электронный ресурс]. URL: https://richpro.ru/biznes/investicii-v-startap-chto-eto-

takoe-prostymi-slovami-opredelenie-idei-s-minimalnymi-vlozhenijami.html (дата обращения: 15.07.2018).

10. Стартап как он есть // Наука и жизнь. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nkj.ru/news/23261/(дата обращения: 13.07.2018).

11. Стартапы в России — самые интересные стартапы страны // helloboss [Электронный ресурс]. URL: https://helloboss.ru/biznes-idei/idei-dlya-startapa/startapyi-v-rossii.html (дата обращения: 15.07.2018).

12. *Столяров В. И.* Трудовая занятость населения и ее регулирование. — Екатеринбург: МЩЗ, 2008. — С. 139.

13. *Суворова А. В.* Старопромышленные регионы Урала в контексте креативности // Старопромышленные территории России и Германии: возрождение или стагнация: Международная научно-практическая конференция. — Екатеринбург: УИ РАНХиГС, 2012. — С. 144–149.

14. *Шалахова Н. В., Черняева Р. В.* Тенденции и проблемы стартап-движения в России // Научный потенциал молодёжи — будущему России: сб. статей IV межрегиональной научно-практической конференции. — Волгодонск, 2013. — С. 237–240.

15. *Шеметова Н. К.* Характеристика высшего профессионального образования старопромышленного региона на примере Свердловской области // Старопромышленные территории России и Германии: возрождение или стагнация: Международная научно-практическая конференция. — Екатеринбург: УИ РАНХиГС, 2012. — С. 110–113.

Информация об авторах

Лобарева Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского социально-педагогического института (фил. Российского государственного профессионально-педагогического университета (Россия, 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57; e-mail: nata140484@mail.ru).

Глухих Павел Леонидович — кандидат экономических наук, научный сотрудник центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН; доцент кафедры технологи и экономики Уральского государственного педагогического университета (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: Gluchih_P_L@mail.ru).

Lobareva N. S., Glukhikh P. L.

Youth Start-Up Movement as One of the Socio-Economic Factors of Sustainable Development of Old Industrial Territories

Currently highly developed of the new economy, a greater role played by such features of the global society, as the information, knowledge intensity and creativity, the speakers in the bundle. Young people can use these characteristics effectively because of their flexibility, creativity and risk-taking. Rationally applying the main tool of the new economy-knowledge, in relation to the main resource — information, using the main feature — creativity, young entrepreneurs are able to get the product of the new economy — innovation, the use of which as the main activity is the main characteristic of a startup. Sustainable development of old industrial areas is impossible without a serious transformation of the specifics of their economic activities, in which the youth start-up movement takes an active part. This determines the relevance of the study of the role of the youth startup movement as a socio-economic factor in the development of the old industrial territory. In this regard, the purpose of the author's study is to study the specifics and problems of youth in the areas under consideration, the features, development factors and problems of the youth startup movement and determine the role of the youth startup movement in the economy of the old industrial territory. As a result of this study, it was determined that the youth startup movement contributes to improving the quality of the sphere of material goods and services;

strengthening the region's technological cluster; increasing the investment attractiveness of the territory; solving the problems of self-employment. In terms of methodology, the study is based on the socio-economic approach, which uses the tools of economic and socio-cultural analysis. Further directions of research may be related to the socio-economic assessment of the impact of the youth startup movement on the economy of the old industrial area and the development of recommendations to support this phenomenon in the region.

Keywords: startup, youth, start-up movement, old industrial territory, start-up company, entrepreneurship, investments.

References

1. Blank S., Dorf B. Startup: Reference book of the founder. — Moscow: Alpina Pablisher, 2013. — 485 p.

2. Bulin D. Startups in Russia: fashionable word or steady trend? [Electronic source]. URL: https://www.bbc.com/russian/business/2013/05/130528_russia_startups_dynamics.shtml (Date of access: 15.07.2018)

3. Golovinov O. N., Dmitrichenko L. A. Startup as form of development of small innovative business activity // Economy, management and investments. — 2015. — No. 3. — P. 1–17.

4. Ivanova A. V. Kompleksnaya otsenka faktorov razvitiya molodezhnogo predprinimatelstva v universitetskoy srede: PhD, Diss. [Complex assessment of factors of development of youth business in the university environment. PhD. Diss.]. –Yekaterinburg, 2013. — 24 p.

5. Kashpur V. V. Business as vital prospect of modern youth (on the example of the Tomsk region) // Bulletin of the Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Political science. — 2009. — No.1. — P. 53–68.

6. Non-state higher education institutions of Russia — fight with stereotypes. Business education in Russia and abroad [Electronic resource]. URL: http://www.ubo.ru/articles/?cat=100&pub=1665 (Date of access :17.07.2018).

7. Rice E. Business from scratch. The Lean Startup method for fast testing of the ideas and the choice of a business model. — Moscow: AlpinaPablisher, 2014. — 256 p.

8. Modern classics of the theory of business. Winners of the International award for a contribution to researches of business and small business (1996–2010). — Moscow, 2013. — 527 p. (Russ. ed.: Chepurenko A. Yu. Sovremennye klassiki teorii predprinimatelstva. Laureaty Mezhdunarodnoy premii za vklad v issledovanie predprinimatelstva i malogo biznessa (1996–2010). — Moscow: House of Higher School of Economics, 2013. — 527 p.).

9. Startup — what is it: definition and value of the term, stages of development of the Startup-project. TOP-10 the best ideas for a startup with the minimum investments. Financial magazine [Electronic resource] URL: https://richpro.ru/biznes/investicii-v-startap-chto-eto-takoe-prostymi-slovami-opredelenie-idei-s-minimalnymi-vlozhenijami.html (date of access: 15.07.2018).

10. Startup as it is. Science and life [Electronic source]. URl: https://www.nkj.ru/news/23261/ (Date of access: 13.07.2018).

11. Startups in Russia — the most interesting startups of the country. Helloboss [Electronic source] URl: https://helloboss.ru/biznes-idei/idei-dlya-startapa/startapyi-v-rossii.html (Date of access: 13.07.2018).

12. Stolyarov V. I. Labor employment of the population and her regulation. — Yekaterinburg: MSHCHZ, 2008. — 139 p.

13. Suvorova A. V. Old industrial regions of the Urals in the context of creativity: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Staropromyshlennye territorii Rossii I Germanii: vozrozhdenie ili stagnatsiya» [Proc. Int. Conf. «Old industrial territories of Russia and Germany: revival or stagnation»]. — Yekaterinburg, 2012. — P.144–149. (In Russ.).

14. Shalakhova N. V., Chernyaeva R. V. Tendencies and problems the Startup movement in Russia: Sbornik statey IV mezhregionalnoy nauchno-prakticheskaoy konferentsii «Nauchny po-

tentsial molodezhi — budushchemu Rossii» [Proc. Int. Conf. « Scientific potential of youth — to the future of Russia »]. — Volgodonsk, 2013. — P. 237–240.

15. Shemetova N. K. The characteristic of higher education of the old industrial region on the example of Sverdlovsk region: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Staropromyshlennye territorii Rossii I Germanii: vozrozhdenie ili stagnatsiya» [Proc. Int. Conf. «Old industrial territories of Russia and Germany: revival or stagnation»]. — Yekaterinburg, 2012. — P. 110–113 (In Russian).

Authors

Lobareva Natalya Sergeevna — PhD in Economics, Assistant Professor, Department of Humanities, social and economic Sciences, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) Russian State Vocational Pedagogical University (Russia, 622031, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya St., 57; e-mail: nata140484@mail.ru).

Glukhikh Pavel Leonidovich — Russian Federation, Yekaterinburg, PhD in Economics, research fellow, Centre of regional comparative researches, Institute of economics of the Ural branch of Russian academy of sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: Gluchih_P_L@mail.ru); Assistant Professor, Technology and Economics Department, Ural State Pedagogical University (Russia, 620017, Yekaterinburg, pr. Kosmonavtov, 26; e-mail: Gluchih_P_L@mail.ru).

УДК 314.04

Логинов В. Г.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УРАЛЬСКОГО СЕВЕРА[1]

Основной целью исследования является оценка демографических процессов в северном (Ханты-Мансийском автономном округе — Югре) и арктическом (Ямало-Ненецком автономном округе) субъектах Федерации Уральского Севера, где они, с одной стороны, очень схожи и, с другой стороны, имеют определенные различия как с более южными, так и с соседними северными регионами, что обусловлено природно-климатическими условиями, историей освоения и развития этих территорий, специализацией промышленного производства, базирующегося на разработке высокоэффективных нефтегазовых ресурсов. Созданный еще в советский период с высокими издержками демографический потенциал, стремительно растущий во время освоения нефтегазовых ресурсов в 1970-е и 1980-е годы, и социально-экономическое благополучие населения этих субъектов Федерации в 1990-е и последующие годы позволили в значительной степени избежать негативных демографических изменений, характерных для России и большинства ее регионов, смягчить последствия перехода к рынку, обеспечить положительный естественный прирост и положительное сальдо миграции в постсоветский период, отрицательное значение которого в отдельные годы компенсировалось естественным приростом, что позволило, в отличие от преобладающего числа субъектов РФ, демонстрировать рост численности населения. В статье выполнен ретроспективный анализ демографических процессов и рассмотрены вопросы воспроизводства населения. Выявлены причины изменения численности населения в динамике с советских времен до настоящего времени. Показаны роль и особенности естественного и миграционного прироста в воспроизводстве населения и в формировании половозрастной структуры этих субъектов Российской Федерации в советский и постсоветский периоды. При подготовкее статьи были использованы статистический, ретроспективный и сравнительный анализ и другие методы.

Ключевые слова: северный регион, арктический регион, демографический потенциал, воспроизводство населения, естественный прирост, миграция, половозрастная структура населения

Введение

Демографические процессы в северных и арктических районах России отличаются значительной дифференциацией: наряду с территориями,

---

[1] © Логинов В. Г. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Программы УрО РАН проект № 18–6–7–42 «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Урала: потенциальные возможности, приоритеты и перспективы пространственного освоения».

испытывающими значительную убыль населения, в том числе трудоспособного, имеются регионы, сохранившие положительный прирост его численности. К ним относятся так называемые районы «нового» промышленного освоения 1970–1980-х гг., не исчерпавшие свой природно-ресурсный и экономический потенциал, в первую очередь, регионы нефтегазодобывающей специализации: Ханты-Мансийский (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа, входящие в настоящее время в Уральский федеральный округ (УрФО), занимая его северную окраину — Уральский Север. Здесь наблюдается положительный естественный прирост и до настоящего времени в отдельные годы положительное сальдо миграции. Естественный прирост населения был обеспечен благодаря низким коэффициентам смертности и более молодой половозрастной структуре населения. Высокий уровень жизни населения делает автономные округа привлекательными для мигрантов — как легальных, так и нелегальных.

По данной проблематике имеются многочисленные публикации, как научные статьи, так и монографии и их разделы, отражающие различные аспекты демографических процессов в рассматриваемых регионах [1; 5–11; 13–14; 16–17], и многочисленные интернет-ресурсы. Предметом настоящего исследования является выявление особенностей формирования и воспроизводства населения в условиях северных нефтегазовых территорий — ХМАО-Югры и ЯНАО с использованием методов демографической статистики, ретроспективного и сравнительного анализа.

На долю этих субъектов РФ приходятся 22 % от общей численности населения Российского Севера и четверть городского населения, доля которого составляет 92,3 % в ХМАО-Югре и 83,8 % в ЯНАО (на 01.01.2018 г.). При этом по численности населения Ханты-Мансийский автономный округ занимает первое место, Ямало-Ненецкий — седьмое, и третье место в Арктической зоне РФ.

Открытие высокоэффективных месторождений нефти и газа обеспечило быстрый приток инвестиций и рост населения уже на начальной стадии их освоения, что сделало эти малозаселенные районы Западной Сибири главным проектом СССР второй половины XX века. За исторически краткий период времени изменился экономический, инфраструктурный и социальный ландшафт территории. Были построены промышленные объекты топливно-энергетической и лесной отраслей, появились железные и автомобильные дороги, разветвленная сеть газо- и нефтепроводов, выросли города и рабочие поселки. С 1970 по 2018 гг. население Уральского Севера увеличилось на 1842,5 тыс. чел., или в 6,2 раза. Здесь появился 21 новый город, среди них Сургут, ставший в настоящее время самым крупным населенным пунктом Российского Севера (366,2 тыс. чел. на 1.01.2018 г.), обойдя Мурманск и Архангельск. Второй по численности — г. Нижневартовск — насчитывает 275,5 тыс. чел., численность жителей еще трех городов — Нефтеюганска, Нового Уренгоя и Ноябрьска — превышает

100 тыс. чел., к этой отметке приближается столица Югры — г. Ханты-Мансийск (98,5 тыс. чел.).

Специфические особенности воспроизводства населения ХМАО-Югры и ЯНАО определяются природно-климатическими, природно-ресурсными и институциональными факторами, относительно недавней историей освоения природно-ресурсного потенциала территории, государственной политикой советского и постсоветского периодов в отношении социально-экономического развития этих регионов, этнической структурой населения. Данные факторы обусловили очень высокую схожесть демографических процессов, происходящих в этих субъектах Федерации. Это проявляется как в естественном, так и механическом воспроизводстве коренного и пришлого населения, в географии и направлении миграционных потоков, их национальном и половозрастном составе, в структуре прибывшей и выбывшей рабочей силы.

Роль миграции в формировании населения и трудовых ресурсов

Динамика численности населения Уральского Севера в советский период в большей степени определялась не рождаемостью и смертностью, а миграцией. В настоящее время основным источником воспроизводства населения является естественный прирост. Население рассматриваемой территории характеризуется положительными тенденциями: большей, по сравнению с общероссийскими показателями, средней продолжительностью жизни; низким уровнем смертности; высокой долей лиц трудоспособного возраста и др.

Наиболее значительные изменения количественных и качественных показателей человеческого потенциала происходили в 1970–1980-е гг. на пионерном этапе освоения территории и природных ресурсов в ХМАО и ЯНАО. В этот период на долю прибывших из других регионов приходилось в отдельные годы более 80 % общего прироста, а сальдо миграции превышало 60 тыс. чел. (Югра, 1986 г. — 62 685 чел.), в ЯНАО — 15 тыс. чел. (1987 г. — 15 307 чел.). Этот процесс сопровождался высоким суммарным оборотом миграции ($К_{со}$) — порядка 30 % среднегодовой численности населения. В настоящее время он снизился в 2–3 раза по сравнению с показателями советского периода. К другим показателям, отражающим миграционный процесс, относятся интенсивность миграции, определяемая коэффициентами (в промилле): прибытия ($К_{п}$), выбытия ($К_{в}$), сальдо миграции ($К_{см}$) и оценка результативности миграции — коэффициент КРМС [12, с. 76] (табл. 1).

Миграционный обмен в населении между субъектами РФ Уральского Севера и другими территориями по соотношению численности прибывших и выбывших имеет незначительные различия, о чем свидетельствует близость как абсолютных, так и относительных показателей. Для Югры максимальный разбег между этими показателями пришелся на первое пятилетие нулевых годов, для ЯНАО — на период 2011–2015 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Механическое движение населения Уральского Севера, чел.

Показатель	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
	ХМАО-Югра					ЯНАО				
Сальдо	–7694	28078	31332	14062	4775	–18842	–6684	1338	–12048	–21042
$К_{со}$	103	74	53	56	101	132	81	59	56	160
$К_{п}$	51	39	29	29	51	62	39	30	26	76
$К_{в}$	52	35	24	27	50	70	42	29	30	84
$К_{см}$	–1	4	5	2	1	–8	–3	1	–4	–8
КРМС*	1024	893	847	935	988	1127	1069	982	1170	1103

Примечание. За 2016–2017 гг. в Югру прибыло 164 376 чел., выбыло 163 488 чел., сальдо миграции — 888 чел.; в ЯНАО прибыло 71 163 чел., выбыло 77 452 чел., сальдо миграции — 6289 чел. (оценка). Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата и Ямалстата; статсборникам: Демографический ежегодник (2003–2007): стат. сборник: в 4-х частях. Часть III. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ч. IV. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007–2011): стат. сборник: в 4-х частях. Часть II. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть III. Ямало-Ненецкий автономный округ. Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012–2016): стат. сборник: в 3-х частях Тюмень, 2016.

* КРМС — коэффициент результативности миграционных связей, отношение чисел выбывших и прибывших в промилле, показатель обратничества, использовавшийся в дореволюционной переселенческой деятельности. В случае результативности обмена значение коэффициентов должно быть меньше 1000, и наоборот.

Таблица 2

Механическое движение и сальдо миграции населения Уральского Севера со странами СНГ, чел.

Показатель	2006–2010	2011–2015	2016	2006–2010	2011–2015	2016
	ХМАО-Югра			ЯНАО		
Прибыло, всего	216238	406238	86702	69693	203334	36283
В том числе из СНГ	32783	39809	12599	12528	48041	4751
Выбыло, всего	202176	401463	82838	81541	224376	39774
В том числе в СНГ	5785	16079	3608	2983	34320	2448
Сальдо миграции	14062	4775	3864	–12048	–21042	–3491
В том числе со странами СНГ	26998	23730	8991	9545	13721	1303

Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата и Ямалстата; статсборникам: Демографический ежегодник (2003–2007): стат. сборник: в 4-х частях. Часть III. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть IV. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007–2011): стат. сборник: в 4-х частях. Часть II. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть III. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012–2016): стат. сборник: в 3-х частях. — Тюмень, 2016.

Значительное место в общем потоке мигрантов занимали выходцы из бывших союзных республик. По национальности более половины из них были этнические русские. Граждане из стран СНГ и в настоящее время имеют положительное сальдо миграции, но национальный состав мигрантов приобретает уже этническую окраску места выхода мигрантов (табл. 2).

С 2006 по 2016 гг. сальдо миграции в целом по Уральскому Северу составило –17 380 чел., убыль –1 580 чел. в год. Иная картина миграционного процесса сложилась со странами СНГ, с которыми данный показатель за это время составил 84288 чел. (59719 чел. — Югра, 24569 чел. — ЯНАО), или 7662 чел. в год. Таким образом, эти страны являются постоянными поставщиками населения и трудовых ресурсов в северные регионы УрФО, покрывая в значительной мере отток в другие субъекты РФ. Основными поставщиками мигрантов в 2007–2011 гг. были Украина и бывшие союзные республики Центральной Азии, на долю которых пришлось 69 % сальдо миграции.

Среди регионов России положительное сальдо сложилось с субъектами Федерации Северо-Кавказского федерального округа (республики Северного Кавказа), таковым оно было в 1990-е и в последующие годы. За 2011–2016 гг. оно составило 26783 чел. (5 681 чел. — ЯНАО и 21 102 чел. — Югра), или всего в 1,8 раза ниже этого показателя со странами СНГ. Из других территорий за этот период положительное сальдо было с Сибирским федеральным округом — 14 105 чел. и в незначительном размере с Дальневосточным ФО — 774 чел.

Положительное сальдо со странами Центральной Азии и республиками Северного Кавказа, значительный вес мигрантов которых представлен коренными национальностями, увеличивает долю мусульманского населения в пределах Уральского Севера, об этом свидетельствуют данные переписей населения. Так, с 1989 по 2010 гг. численность народов Центральной Азии и Казахстана выросла в Югре в 9,2 раза, в ЯНАО в 2,6 раза, республик Северного Кавказа — в Югре в 4,9 раза, в ЯНАО в 3,2 раза, при росте общей численности населения этих субъектов соответственно в 1,2 и 1,08 раза. Однако, несмотря даже на высокие темпы увеличения их численности, они занимают пока незначительный удельный вес в населении как Югры, так и Ямала. Совокупная их доля в ХМАО-Югре не превышала 5 %, в ЯНАО — немногим более 3 % (2010 г.), но со временем, учитывая их постоянный приток в районы Уральского Севера, общая численность представителей этих народов увеличивается и в настоящее время (2017 г.), по предварительной оценке, составляет около 130 тыс. чел., или 6 %. С учетом нелегальной миграции, приток которой в автономные округа УрФО из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана и др. стран идет ежегодно (особенно в летний и осенний периоды), эта цифра еще выше. Нелегальная миграция, по оценкам специалистов, на порядок выше легальной. Для Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «поставщиками» незаконных мигрантов в наибольшей степени являются: Таджикистан — около

3000 незаконных мигрантов, Узбекистан — около 1500, Азербайджан — около 1500, Кыргызстан — около 1000, Украина — около 500 незаконных мигрантов[1].

Процесс проникновения как легальных мигрантов, так и нелегалов обычно идет по классической схеме, имеющей место не только в районах Уральского Севера, но и на межстрановом уровне: примыкание к сформировавшимся национальным диаспорам (цепочке землячеств), легально осевшим уже в стране или в регионе. Формирование диаспор способствует росту миграции [4, с. 59]. В результате этого возникают локальные участки, где живут этнически однородные мигранты, создаются довольно жесткие диаспоры со своими обычаями. При международной миграции рост диаспоры способствует сокращению ее взаимодействия с коренным населением и расширением культурной дистанции между ними, последствием которого является снижение доверия между мигрантами и коренными жителями [4, с. 193]. Это характерно в значительной степени и для рассматриваемой территории. Так, социологические исследования, проведенные в Югре, выявили сложности в межэтнических отношениях, которые с начала проведения «радикальных реформ» приобрели характер напряженности, уровень которой растет с 1995 г. и очень заметно возрос после 2001 г. [9, с. 144; 16, с. 139]. Одним из основных источников межэтнической напряженности нередко становится миграция, в том числе из регионов Кавказа и Средней Азии [3, с. 87].

Нелегальные мигранты используются в качестве дешевой рабочей силы обычно на рабочих местах, малопривлекательных для местных жителей и не требующих высокой квалификации: дорожные, земляные, подсобные работы, озеленение и др. В связи с тем, что такая работа носит сезонный характер, нелегальная миграция также сезонна и не превышает 3–6 месяцев. Данная группа мигрантов социально не защищена и подвергается дискриминации со стороны работодателей. Это касается всех аспектов: занятости, зарплаты, социальных выплат и льгот. Однако часть мигрантов присутствует здесь длительный срок. Эта группа занята на продовольственных рынках, представители ее не имеют регистрации и являются одним из каналов поступления наркотиков и одним из источников криминалитета [5, с. 11].

Еще одна группа мигрантов — вынужденные переселенцы, к которым относится русскоязычное население, прибывшее сюда из Казахстана, республик Центральной Азии и Кавказа. Статистика их фиксирует с 1994 года. Эта группа также является одним из факторов формирования населения и трудовых ресурсов. Главная ее особенность состоит не в количественной стороне, а в качестве рабочей силы. Это, как правило, представители русскоязычного населения из Казахстана и республик Центральной Азии. Вынужденные переселенцы вносят определенный вклад в рост

[1] Информационный демографический бюллетень. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — С. 11.

численности населения и особенно рабочей силы, так как их представители трудоспособного возраста имеют высокий квалификационно-образовательный уровень.

В рамках трудовой миграции особое место занимает межрегиональный вахтовый метод работы. Данный метод традиционно являлся особенностью освоения северных территорий. Условия его применения на Севере были источником научных дискуссий в советский период. Необходимость его использования в виде привлечения рабочей силы из других регионов России и из-за рубежа в настоящее время обусловлена как сложившимися в доперестроечный период экономическими связями, так и отсутствием квалифицированной рабочей силы, несмотря на фактический избыток трудовых ресурсов. Промышленное производство, строительство и транспорт испытывали постоянный дефицит рабочих кадров, в связи с чем значительная доля трудовых ресурсов привлекалась со стороны. Основные территории использования вахтового метода — места добычи нефтегазовых ресурсов: Нефтеюганский, Нижневартовский и Сургутский районы (ХМАО-Югра); Надымский и Пуровский районы (ЯНАО), в 2010-е гг. быстро увеличивается вахтовый персонал в арктических районах ЯНАО — Тазовском и Ямальском, отличающихся наиболее экстремальными природными условиями, затрудняющими создавать постоянный контингент из пришлого населения.

Наметившиеся с начала нового века тенденции к снижению положительного механического прироста населения привели к его отрицательному значению (это наблюдалось в отдельные годы в Югре и в большинстве лет в ЯНАО), хотя по прогнозу он предполагался положительным [2, Приложение 1, с. 388]. Отрицательное значение вектора миграции сложилось за счет лиц старшего поколения, значительная часть которых покидала северные территории по программам переселения в более благоприятные по климатическим условиям районы, но и других когорт. В возрастной структуре мигрантов устойчивое положительное сальдо в последние годы сохранилось в группе детей до 16 лет, такая же ситуация, только со знаком минус, характерна для лиц старше трудоспособного возраста. Что касается трудоспособного возраста, то в Югре, в отличие от ЯНАО, даже при общем отрицательном сальдо в отдельные годы сохранялся положительный прирост в этой группе, особенно в наиболее активных молодых группах трудоспособного населения (20–39 лет) (табл. 3).

Изменения в направлениях миграционных потоков и их количественных характеристиках связаны в основном с экономическими причинами: реструктуризацией промышленного производства, сокращением объемов нового строительства, отработкой крупных месторождений полезных ископаемых, конъюнктурой мирового сырьевого рынка. Сохранению отрицательного сальдо миграции способствует и превалирующий подход к освоению новых месторождений полезных ископаемых, которые располагаются в прибрежной и шельфовой зоне, когда большая часть

Таблица 3

Динамика распределения среднегодовой численности мигрантов по возрасту, 2011–2016 гг., чел.

Возраст	Прибыло		Выбыло		Сальдо миграции	
	Югра	ЯНАО	Югра	ЯНАО	Югра	ЯНАО
0–15 лет	16338	5274	14391	4874	1947	400
Трудоспособный	66843	34214	62818	36188	4025	–1974
Старше трудоспособного	7230	2635	10416	5942	–3186	–3307
Всего	90411	42123	87625	47004	2786	–4881

Примечание. Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата и Ямалстата; статсборникам: Демографический ежегодник (2003–2007): стат. сборник: в 4-х частях. Часть III. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть IV. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007–2011): стат. сборник: в 4-х частях. Часть II. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть III. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012–2016): стат. сборник: в 3-х частях. — Тюмень, 2016.

квалифицированных работников привлекается межрегиональным вахтовым методом без создания стационарных поселений, то есть без соответствующего роста постоянного населения, что позволяет экономить на социальной инфраструктуре, обходясь вахтовыми и трассовыми поселками. Об этом свидетельствует сложившаяся практика реализации инвестиционных проектов в природно-ресурсных районах Севера и особенно Арктики, предполагающая вахтовый метод привлечения рабочей силы, где при создании объектов социальной инфраструктуры учитываются только затраты на обустройство вахтовых поселков.

Ханты-Мансийский автономный округ является единственным субъектом Федерации северной зоны, который в 2000-е гг. имел положительное сальдо миграции, но уже во второй половине первого десятилетия века произошло его двукратное среднегодовое снижение (в 2,2 раза) по отношению к предыдущему пятилетию. Следует отметить, что положительное сальдо миграции здесь было в значительной степени обеспечено за счет женского населения, доля которого в механическом приросте составляла около 70 % (2002–2010 гг.). Отрицательное сальдо миграции в ЯНАО сложилось во многом благодаря сдвигу процесса освоения во второй половине нулевых годов в заполярные районы с более суровыми природно-климатическими условиями, предполагающими широкое использование вахтового метода с привлечением рабочей силы из других регионов страны, что ограничивало более полное использование местных кадров. С одной стороны, этот фактор, а с другой — реализация переселенческих программ способствовали оттоку населения.

Ретроспективный анализ миграционных процессов в ХМАО-Югре за период 1999–2010 гг. свидетельствует о том, что ведущее место в положительном сальдо миграции занимали возрастные группы 20–24 и 25–29 лет, отрицательное сальдо характерно для групп 16–19 лет, 50–54 года, 55–59

лет и 60–64 года. Однако положительное или отрицательное сальдо двух первых групп не оказывало существенного влияния на численность населения в автономном округе, так, его доля не превышала 2 % в общей численности этих групп. Положительное и отрицательное сальдо миграции, характерное для смежных возрастных когорт, в определенной степени обусловлено выездом молодежи на учебу за пределы округа (16–19 лет) и обратным возвратом ее после получения высшего и среднего специального образования, а также лиц, прибывших после окончания службы в армии (20–24 года).

Позитивное влияние миграции проявляется в ежегодной ротации, в результате которой идет процесс увеличения молодых возрастов, особенно за счет когорты 20–24 лет, на долю которой устойчиво из года в год приходилось 22 % мигрантов Югры. И даже в те годы (1991, 1992, 1999, 2005–2006, 2013–2015), когда сальдо миграции по другим возрастным группам населения было отрицательным, число прибывших представителей этой группы превышало число выбывших.

Естественный прирост как основной фактор воспроизводства населения

В демографическом отношении Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа остаются благополучными территориями, имеющими более лучшие показатели естественного воспроизводства населения, чем в большинстве регионов России. При этом следует отметить очень близкие показатели коэффициентов воспроизводства населения, свидетельствующих о схожести демографических процессов в данных регионах (табл. 4).

Начиная со второй половины 1990-х гг., после резкого спада показателей естественного прироста с начала рыночных реформ, в Югре и ЯНАО начался постепенный рост рождаемости и естественного прироста при незначительной степени повышения или стабилизации смертности. При этом самые высокие показатели рождаемости (17,7 промилле) и естественного прироста (11,4) были достигнуты в Югре в 2012 г., в ЯНАО (соответственно 16,9 и 11,8 промилле) — в 2014 г. В эти годы суммарный коэффициент рождаемости превысил 2 единицы, т. е. был на границе к простому воспроизводству населения, а у сельского населения Ямала он достиг 3,2 рождения на 1 одну женщину, что уже соответствовало расширенному воспроизводству. Однако выше приведенные средние показатели рождаемости и естественного прироста населения были ниже, чем в конце советского периода, соответственно: в Югре — 24,0 и 20,3, в ЯНАО — 21,7 и 18,9 промилле (1987 г.).

В период 2011–2017 гг. доля естественного прироста в воспроизводстве населения составляла в общем приросте в ХМАО-Югре около 96 %, в ЯНАО весь прирост пришелся на естественный, который к тому же покрыл отрицательное сальдо миграции (табл. 5).

В целом при устойчивом ежегодном положительном естественном приросте населения на изменение его численности значительное влияние

Таблица 4

Динамика среднегодовых коэффициентов естественного воспроизводства населения ХМАО-Югры и ЯНАО, промилле

Субъект РФ	К	1987–1990 гг.	1991–1995 гг.	1996–2000 гг.	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011–2015 гг.
ХМАО-Югра	$К_р$	20,2	12,1	11,0	13,4	15,3	17,1
	$К_с$	3,9	8,8	6,5	6,9	6,8	6,4
	$К_{еп}$	16,3	3,3	4,5	6,5	8,5	10,7
ЯНАО	$К_р$	18,3	13,3	12,4	13,5	14,6	16,5
	$К_с$	3,0	5,3	5,5	5,9	5,5	5,2
	$К_{еп}$	15,3	8,0	6,9	7,6	9,1	11,3

Примечания: $К_р$ — коэффициент рождаемости; $К_с$ — коэффициент смертности; $К_{еп}$ — коэффициент естественного прироста. Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата и Ямалстата; статсборникам: Демографический ежегодник (2003–2007): стат. сборник: в 4-х частях. Часть III. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть IV. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007–2011): стат. сборник: в 4-х частях. Часть II. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть III. Ямало-Ненецкий автономный округ. Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012–2016): стат. сборник: в 3-х частях. Тюмень, 2016.

Таблица 5

Динамика воспроизводства населения ХМАО-Югры и ЯНАО, чел.

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2011–2017 гг.
Естественный прирост	14642 5384	15325 6181	17826 6183	17475 6382	16527 6136	15459 5436	13063 4916	110317 40618
Сальдо миграции	8779 6249	4999 –1127	–4478 –8124	–2537 –6068	–1848 –11972	3864 –3491	–4067 –2418	4712 –26951
Общий прирост	23421 11633	20324 5054	13348 –1941	14938 314	14679 –5836	19323 1945	8996 2498	115029 13667

Примечания. В числителе — ХМАО-Югра; в знаменателе — ЯНАО.

Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата и Ямалстата; статсборникам: Демографический ежегодник (2003–2007): стат. сборник: в 4-х частях. Часть III. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть IV. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007–2011): стат. сборник: в 4-х частях. Часть II. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть III. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012–2016): стат. сборник: в 3-х частях. — Тюмень, 2016; Естественное движение населения Российской Федерации в 2017 году: стат. бюллетень. — М., 2018.

оказывает сальдо миграции, положительное значение которого увеличивает общий прирост, а отрицательное при его превышении над естественным приростом — снижение численности населения.

Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа относятся к немногим субъектам Федерации, имевшим положительный естественный прирост населения в постсоветский период развития России, который с начала 2000-х гг. приобрел здесь растущий тренд. Пик его пришелся на 2012–2014 гг., после которых началось некоторое снижение, обусловленное изменением возрастной структуры женщин фертильного возраста, являющимся наследием воспроизводства населения в 1990-х — лет с самым низким уровнем рождаемости. Вследствие этого в ближайшие годы произойдет снижение рождаемости и естественного прироста в связи с вступлением в детородный возраст когорты 1990-х гг. и ростом числа лиц пенсионного возраста, способствующим увеличению показателей смертности.

Так, уже в 2016 г. совокупная численность лиц возрастных групп 16–19 лет (64,5 тыс. чел.) и 20–24 лет (86,2 тыс. чел.) в ХМАО-Югре фактически была равна или близка таковой для когорты 25–29 лет (146,3 тыс. чел.). В ЯНАО — соответственно 23,8; 26,9 и 44,4 тыс. чел., и в том, и другом регионе — ниже численности когорты 30–34 года. Динамика возрастной структуры представлена в таблице 6.

Соответственно, сократится в ближайшие годы доля женского населения в наиболее активном детородном возрасте, что при сложившейся возрастной структуре рождений не позволит сохранить рождаемость на

Таблица 6

Динамика возрастной структуры населения, на 1 января, %

Возраст, лет	ХМАО-Югра				ЯНАО			
	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г.	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г.
0–15	20,5	22,0	22,8	2,3	22,1	22,7	23,8	1,7
16–19	4,5	4,1	3,9	–0,6	4,7	4,6	4,5	–0,2
20–24	8,6	6,1	5,3	–3,3	7,8	5,4	5,0	–2,8
25–29	10,1	10,1	9,0	–1,1	9,9	9,8	8,3	–1,6
30–34	9,4	9,9	9,9	0,5	9,7	10,2	10,3	0,6
35–39	8,4	8,7	8,9	0,5	9,2	9,6	9,6	0,4
40–44	7,3	7,6	7,9	0,6	7,8	8,7	8,9	1,1
45–49	8,6	7,1	6,9	–1,7	9,1	7,9	7,7	–1,4
50–54	9,0	8,8	7,8	–1,2	9,1	9,3	8,4	–0,7
55–59	6,2	6,9	7,6	1,4	5,7	6,3	7,1	1,4
60 и старше	7,3	8,7	10,0	2,7	5,0	5,5	6,4	1,4
Всего	100,0	100,0	100,0		100,0	100,0	100,0	

Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата и Ямалстата; статсборникам: Демографический ежегодник (2003–2007): стат. сборник: в 4-х частях. Часть III. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть IV. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007–2011): стат. сборник: в 4-х частях. Часть II. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Часть III. Ямало-Ненецкий автономный округ. Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012–2016): стат. сборник: в 3-х частях. Тюмень, 2016.

уровне первой половины 2010-х гг. По авторской оценке, к 2021 г. доля самых репродуктивных женских возрастов (20–39 лет) сократится в 1,2 раза, что обусловит снижение коэффициентов рождаемости при сохранении современного воспроизводства и структуры населения с 17 до 14 промилле.

Подавляющая часть рождений приходится на материнский возраст 20–29 лет — 66,1 % (2004 г.). Такой же показатель был характерен для лет высокой рождаемости конца 1980-х — 66,9 % (1988 г.), однако соотношения между 20–24-летними и когортой 25–29 лет были обратными. В 2010 г. доля этой группы снизилась до 61,1 % в результате уменьшения численности лиц в возрасте 20–24 года. Основным различием в структуре рождаемости прошлого и современного периодов в других когортах является повышение доли возрастов 30 лет и старше (25,5 % — 1988 г., 23,9 % — 2004 г., 31,3 % в 2010 г.), и рост, а затем снижение почти в два раза, удельного веса рождений в группе до 20 лет, соответственно 7,6, 10,0 и 5,4 %. Изменение числа рождений в когортах 30 лет и старше связано как с увеличением их численности, так и их ростом за счет 2 и 3-го рождений в связи с реализацией демографической политики. В группе до 20 лет их число полностью коррелируется с изменением численности женщин и снижением возрастных коэффициентов. Таким образом, основной индикатор изменения числа рождений при прочих равных условиях зависит в первую очередь от численности женского населения в возрастных группах 20–39 лет, на долю которых приходится более 90 % всех рождений.

Изменение возрастных коэффициентов рождаемости на примере данных по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре представлено в таблице 7.

Таблица 7

Динамика возрастных коэффициентов рождаемости населения Югры, на 1000 женщин

Родившиеся у женщин в возрасте:	1993 г.	1995 г.	2002 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г. к 1993 г., %
моложе 20 лет	50,1	45,2	34,1	29,2	30,6	29,2	28,7	27,3	25,7	51,3
20–24	153,5	126,2	110,6	104,5	101,9	106,4	119,1	121,9	125,1	81,5
25–29	63,3	73,1	87,9	90,2	113,3	113,0	123,7	125,2	127,5	201,4
30–34	29,1	29,1	52,0	55,5	78,3	78,7	86,4	89,7	90,2	310,0
35–39	11,1	10,7	18,0	21,0	35,3	36,1	40,7	40,1	42,8	385,6
40–44	2,1	2,3	3,2	3,2	6,3	6,6	7,5	7,7	8,8	419,0
45–49	0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3	0,4	0,3	300,0
15–49	39,0	36,5	41,7	42,8	55,7	56,8	62,5	62,9	63,3	162,3
СКР	Н.д.	Н.д.	1,545	1,514	1,814	1,838	2,023	2,050	2,090	

Примечания. СКР — суммарный коэффициент рождаемости.
Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата.

Суммарный коэффициент рождаемости с 2002 по 2014 гг. вырос на 0,545 ед., достигнув максимума, затем началось его снижение. В 2016 г. он уже составил 2,020. Аналогично данный процесс шел на Ямале, где СКР с 2014 по 2016 гг. снизился с 2,189 до 2,084 ед.

С начала рыночных реформ после первых лет переходного периода во всех возрастных когортах, за исключением группы женщин до 20 лет, наблюдался плавный рост возрастных коэффициентов рождаемости. Исключением является также когорта 20–24 лет, которая в 1990-е гг. находилась под влиянием демографической инерции последних лет советского периода и характерным для нее более поздним возрастом заключения брачных отношений. Уровень смертности в Югре и ЯНАО, несмотря на незначительную степень его повышения, оставался низким по сравнению с большинством субъектов РФ. Ее структура, в целом сохранив преемственность, претерпела незначительные изменения в последние годы.

Со второй половины нулевых годов уровень смертности плавно снижался: в Югре до 2013 г., в ЯНАО — до 2014 г., затем наметился его незначительный подъем, который в первом субъекте вновь снизился в 2016 г. По-прежнему основными причинами смертности остаются болезни системы кровообращения, онкология и внешние причины. Положительным моментом изменений в структуре смертности является абсолютное и относительное снижение доли смертей от внешних причин. Особенно значительное снижение данного показателя произошло среди мужчин, который в трудоспособном возрасте в 1990-е и в начале нулевых годов достигал 70 %. В настоящее время (2016 г.) он составляет в целом по населению в Югре 12,3 %, в ЯНАО — 21,6 % летальных исходов, среди мужчин, соответственно, 16,4 и 26,0 %. В связи с этим разработка мероприятий по снижению уровня смертности остается действенным фактором увеличения продолжительности жизни населения как в Югре, так и в ЯНАО.

Ориентир продолжительности жизни для России (75 лет) в субъектах Уральского Севера пока не достигнут. В Югре ее величина составила 73,5 года (10-е место в стране), в ЯНАО — 72,13 года (22-е место). Оба субъекта Федерации, несмотря на северное расположение, не относятся, согласно сформированному на основе анализа демографических показателей рейтингу, к наихудшим для проживания мужчин и женщин регионам [15, с. 114], наоборот, они ближе к первой десятке наилучших для проживания территорий.

По итогам последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., средний возраст жителей автономных округов составлял 26,0 (Югра) и 25,7 года (ЯНАО). Эти показатели были соответственно на 0,4 и 0,7 года ниже, чем по итогам предыдущей переписи 1979 г., вследствие высокого механического притока в межпереписной период лиц молодого возраста. Созданный в эти годы демографический потенциал позволил сохранить положительный естественный прирост населения в постсоветское время.

Таблица 8

Коэффициенты демографической нагрузки (приходится на 1000 чел. трудоспособного возраста лиц нетрудоспособных возрастов, моложе и старше трудоспособного возраста), на конец года

Субъект РФ	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Всего								
ХМАО-Югра	391	453	471	496	523	551	581	608
ЯНАО	378	428	427	437	458	479	511	536
Моложе трудоспособного возраста								
ХМАО-Югра	283	298	307	321	335	348	360	371
ЯНАО	302	315	311	318	331	342	360	370
Старше трудоспособного возраста								
ХМАО-Югра	108	164	164	175	188	203	221	237
ЯНАО	76	116	116	119	127	137	151	166

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 52; 54; 56.

В 1990-е годы в половозрастной структуре населения снизилась абсолютная и относительная численность детей до 16 лет и увеличилось число лиц старше трудоспособного возраста, что свидетельствовало о процессе демографического старения населения, идущего сразу в двух направлениях — «старение снизу», вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызванное ростом числа пожилых и старых людей. В нулевые годы доля и численность как молодых возрастов (в связи с ростом рождаемости), так и лиц старше трудоспособного возраста, увеличились (с 2005 по 2016 гг. доля старших возрастов в Югре и в ЯНАО увеличилась в 1,8 раза, составив соответственно 14 и 10 % в общей численности населения). Высокие темпы изменений в когорте пожилых людей привели к повышению среднего возраста населения. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., он составил 33,7 года (на 7,7 года выше, чем в 1989 г.) в Югре и 32,6 года в ЯНАО (на 6,9 года). Этот процесс продолжается в настоящее время и будет таковым в перспективе.

В связи с вышеизложенным очевидно, что с каждым годом растет нагрузка на население в трудоспособном возрасте лицами нетрудоспособных возрастов (табл. 8).

При этом следует отметить, что если темпы увеличения лиц моложе трудоспособного возраста были примерно одинаковы в том и другом субъекте РФ, то процесс старения в ЯНАО идет медленнее, что объяснимо большим объемом выезда старших возрастов в более благоприятные регионы страны. В гендерной структуре населения в постсоветский период основные изменения связаны с ее выравниванием — повышением доли женщин, которая увеличилась с 48,7 (Югра) и 47,6 % (ЯНАО, 1989 г.) до 51,0 и 50,4 % (2010 г.) в основном за счет преобладания их среди лиц старше трудоспособного возраста.

Заключение

Субъекты РФ Уральского Севера обладают значительным демографическим потенциалом, фундамент которого был заложен еще в советский период на этапе пионерного освоения этих территорий. В настоящее время население ХМАО-Югры и ЯНАО, в сравнении с другими регионами и со средними показателями по России, имеет большую продолжительность жизни; низкий уровень смертности и относительно высокую рождаемость; высокую долю лиц трудоспособного возраста.

На воспроизводство населения Уральского Севера оказывают влияние положительный естественный прирост, который является в настоящее время основным фактором воспроизводства, и компенсации в различной степени миграционного оттока населения, что даже при отрицательным сальдо миграции обеспечивало общий прирост населения.

На сложившуюся в настоящее время половозрастную структуру населения Югры и ЯНАО значительное влияние оказали миграционные процессы 1970–1980-х годов и условия естественного воспроизводства населения в 1990-х и в начале 2000-х гг.

Происходящие изменения в возрастной структуре женского населения, сопровождающиеся снижением их численности в наиболее репродуктивном возрасте, уже в ближайшее пятилетие окажут влияние на уровень рождаемости в сторону его уменьшения, а идущий, хотя и медленнее, чем в других регионах страны, процесс роста численности старших возрастов повлияет на увеличение показателей смертности, что в итоге обусловит снижение естественного прироста населения.

Список источников

1. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: ситуация, прогноз, политика /под ред. Л. Л. Рыбаковского и А. В. Филипенко. — М.: Экон-информ, 2002. — 213 с.

2. *Дмитриев А. В.* Миграция: конфликтное измерение. — М.: Альфа-М, 2006. — 432 с.

3. *Ерохина Е. А.* Коренные малочисленные народы и добывающие компании на Обском Севере: сотрудничество или конфликт // ЭКО. — 2018. — С. 81–92.

4. *Коллиер П.* Исход: как миграция меняет наш мир. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 384 с.

5. Концептуальные основы формирования и реализации проекта «Урал промышленный — Урал Полярный» / под общ. ред. А. И. Татаркина. — М.: Экономика, 2007. — 361 с.

6. *Логинов В. Г., Балашенко В. В.* Срединный арктический регион: ресурсы, социум, экология и экономика. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. — 291 с.

7. *Корнилов Г. Г., Корнилов Г. Е., Михалев Н. А., Оруджиева А. Г.* Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. — Екатеринбург: Издательство АМБ, 2013. — 360 с.

8. *Логинов В. Г., Пахомов В. П., Масленников В. В., Мельников А. В.* Население Югры: состояние и перспективы: препринт. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. — 73 с.

9. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Влияние миграционных процессов на этносоциальную ситуацию и характер межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре) (по материалам социологических исследований 1991–2013 гг.) // Этносоциальные

процессы в Сибири: темат. сборник / под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2014. — Вып. 10. — С. 140–147.

10. *Мильчакова С. Н., Спиридонова Л. А.* Миграция — структурный элемент рынка труда ХМАО-Югры // Вестник Тюменского университета. — 2011. — № 11. — С. 158–168.

11. Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / науч. ред. С. С. Артоболевский, О. Б. Глезер. — М.: Экономистъ, 2007. — 415 с.

12. *Рыбаковский Л. Л.* Демографическое будущее России и демографические процессы. — Социс. — 2005. — № 3. — С.71–81.

13. Социально-демографическая политика северных регионов России: методология и практика (на примере Ханты-Мансийского района ХМАО) / Кузьмин А. И., Шеломенцев А. Г., Нифантова Р. В. и др. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. — 210 с.

14. *Силин А. Н.* Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 4 (40). — С. 109–123.

15. *Тухтарова Е. Х., Кузьмин А. И., Неклюдова Н. П.* Социально-культурные факторы дожития лиц мужского и женского пола в экономически активном возрасте // Экономика региона. — 2018. — Т. 14 (вып.1). — С. 109–122.

16. *Удалова И. В.* Русский народ в системе межэтнических отношений (по материалам социологических исследований в Югре) // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сборник / под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. — Вып. 7. — С. 138–144.

17. Югра — взгляд в будущее. Обзор социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры /кол. авт. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006. — 384 с.

Информация об авторе

Логинов Владимир Григорьевич — доктор экономических наук, заведующий сектором регионального природопользования и экологии Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

Author

Loginov Vladimir Grigorevich — Doctor of Economics, Head of the Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moscovskaya st., 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

УДК 332.1

Макарова М. Н., Пышминцева О. А.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ НА ПЕРСПЕКТИВУ ДО 2035 ГОДА[1]

В статье рассматривается прогнозная динамика демографической структуры населения малых и средних городов, входящих в состав Екатеринбургской агломерации, в перспективе до 2035 года. Авторами рассчитаны индексы пространственных структурных изменений размещения населения между исследуемыми городами и доказано дальнейшее вымывание населения из малых и средних городов в пользу мегаполиса и смыкающихся с ним территорий. Кроме того, представлены индексы изменений возрастной структуры населения, определены три типа доминирующих структурных сдвигов в зависимости от экономической функции города в составе агломерации.

Ключевые слова: малый город, структурный сдвиг, демографическое развитие, пространственное развитие

Развитие системы расселения и активные процессы урбанизации в мире привели к формированию не только крупных, но и малых населенных пунктов городского типа. В настоящее время во всем мире малые и средние города играют существенную роль в общественном развитии — они являются хранителями культурного наследия и национального колорита страны. Вместе с тем, несмотря на их важнейшую связующую роль в экономическом пространстве России, нарастают диспропорции в развитии малых и средних городов, с одной стороны, и больших и крупных — с другой.

В предыдущем исследовании [1] нами смоделировано пространственное размещение населения в Свердловской области, включая оценку его неравномерности, а также определена роль малых городов в пространственной структуре размещения населения. Обосновано, что причинами сокращения численности населения в малых городах и роста ее в больших и крупных городах являются не только социально-экономические факторы (диспропорции в экономическом и социально-культурном потенциале), но и стремление пространственной структуры размещения населения региона как динамической самоорганизующейся системы к более равновесному состоянию согласно распределению Ципфа. В этой ситуации малые и средние города являются донорами человеческого капитала

[1] © Макарова М. Н., Пышминцева О. А. Текст. 2018.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16–32–01041-ОГН «Методический инструментарий оценки факторов и перспектив социально-демографического развития малых и средних городов России».

Таблица

Прогнозная динамика пространственной структуры населения в муниципальных образованиях первого пояса Екатеринбургской агломерации

Муниципальные образования	Население, тыс. чел.		Пространственная структура населения, %		Динамика пространственной структуры, п. п.			
	2015	2035	2015	2035	все население	моложе ТВ*	ТВ	старше ТВ
ГО Дегтярск	16,1	15,8	0,9	0,8	–0,1	–0,2	0,0	–0,2
Арамильский ГО	18,2	18,4	1,0	0,9	–0,1	–0,2	–0,1	–0,1
ГО Среднеуральск	23,0	28,5	1,3	1,5	0,2	0,0	0,2	0,2
Белоярский ГО	34,4	31,8	1,9	1,6	–0,3	–0,5	–0,2	–0,5
Сысерский ГО	62,5	61,4	3,5	3,1	–0,4	–0,9	–0,3	–0,2
Березовский ГО	73,9	78,0	4,1	4,0	–0,2	–0,5	–0,1	–0,1
ГО В. Пышма	81,4	106,8	4,6	5,4	0,9	0,9	1,0	0,5
МО г. Екатеринбург	1477,7	1621,1	82,7	82,6	0,0	1,4	–0,5	0,4
ИТОГО	1787,2	1961,8	100,0	100,0				
Индекс реструктуризации, %					1,1	2,3	1,2	1,0

* ТВ — трудоспособный возраст.

для больших и крупных городов области. Более того, ожидается, что эта тенденция продолжится в ближайшем будущем, и она должна быть учтена при разработке региональной социально-экономической политики в части сохранения и развития потенциала малых городов Свердловской области.

Эти выводы нашли свое подтверждение при прогнозировании динамики пространственной и возрастной структуры населения малых и средних городов, входящих в состав первого пояса Екатеринбургской агломерации. Используя когортно-компонентный метод демографического прогноза, мы оценили динамику численности и структуры населения указанных городов до 2035 г., а также рассчитали индексы реструктуризации[1] в пространственном разрезе (табл.).

Из таблицы видно, что в пространственной структуре размещения населения в первом поясе Екатеринбургской агломерации значительных изменений не произойдет, индекс реструктуризации составит 1,1 %. Проанализированные малые и средние города будут преимущественно отдавать свое население в пользу двух муниципалитетов (ГО Верхняя Пышма, ГО Среднеуральск), территориально смыкающихся

[1] Индекс реструктуризации измеряет интенсивность структурных сдвигов. Рассчитан по формуле: индекс реструктуризации = $0,5 \Sigma |a_{j0} - a_{jt}|$, где a_{j0} — доля города j в общей численности населения в начале периода, а a_{jt} — доля города j в общей численности населения в конце периода [2, с. 51]

с мегаполисом и образующих единое социально-экономическое пространство. Таким образом, можно говорить о подтверждении нашей гипотезы о функции малых городов как доноров человеческого капитала в регионе.

Рассматривая отдельные возрастные категории, следует отметить, что наибольше структурные изменения пространственного размещения ожидают население моложе трудоспособного возраста, которое составит 2,3 %. Кроме того, прогнозируется дальнейшая концентрация молодых в ядре агломерации и на территориях городов-спутников (Екатеринбург +1,4 п. п., В. Пышма +0,9 п. п., Среднеуральск +0,01 п. п.).

Отдельно необходимо указать на динамику пространственной структуры трудоспособного населения, которая также окажется несколько выше, чем в целом по населению, и составит 1,2 % Ожидается концентрация трудового потенциала вокруг ядра агломерации — в ГО Верхняя Пышма и Среднеуральск, в то время как сам Екатеринбург потеряет 0,5 п. п. по данному показателю.

Динамика структуры пространственного размещения населения несколько ниже аналогичного показателя в целом по агломерации и составляет 1 %. Территориями притяжения выступают те же три муниципалитета — Екатеринбург +0,4 п. п., В. Пышма + 0,5 п. п., Среднеуральск +0,2 п. п.

В заключение еще раз отметим, что на перспективу до 2035 г. в Екатеринбургской агломерации ожидаются пространственные и возрастные структурные сдвиги в демографическом развитии территорий. Малые и средние города продолжат выполнять функцию поставщиков и аккумуляторов человеческого капитала, реализация которого предполагается в ядре агломерации — г. Екатеринбурге.

Список источников

1. *Макарова М. Н.* Малые города в пространственной структуре размещения населения региона // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз — 2017. — № 2 — С. 181–194 [Электронный ресурс]. URL: http://esc.vscc.ac.ru/article/2222.

2. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: Доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ / под. ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. — М.: НИУ ВШЭ, 2017. — 148 с.

Информация об авторах

Макарова Мария Никитична — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения РАН» (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

Пышминцева Ольга Александровна — ведущий экономист Центра исследований социоэкономической динамики, ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения РАН» (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: economics08@mail.ru).

Spatial and Age Structural Shifts of Demographic Development of Small And Medium-Sized Cities Being a Part of Yekaterinburg Urban Agglomeration for The Period Until 2035

The article deals with the prospective dynamics of the demographic structure of small and medium-sized cities being a part of the Yekaterinburg agglomeration for the period until 2035. The authors calculated the indices of spatial structural shifts in population distribution between the studied cities and proved the further reducing the small and medium-sized cities population in favor of the metropolis and its surrounding areas. In addition, the authors estimated the indices of age structure shifts and identified three types of dominant structural shifts depending on the city's economic function in the agglomeration.

Keywords: small city, structural shift, demographic development, spatial development

References

1. Makarova M. N. Small Towns in the Spatial Structure of Regional Population Distribution // Economic and social changes-facts trends forecast. 2017. Vol. 50. Issue 2. Pp. 181–194 [Electronic resource]. URL: http://esc.vscc.ac.ru/article/2222.

2. Russia labor market: trends, institutes, structural changes. Report of Labor Research Centre and Labor Market Research Laboratory of HSE. / eds. V. Gimpel'son, R. Kapelyushnikov, S. Roshchin. — Moscow: HSE. 2017. — 148 p.

Authors

Makarova Mariya Nikitichna — Candidate of Economics, senior researcher at Centre of socioeconomic dynamics research, Institute of Economics, the Urals branch of Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, 29, Moskovskaya st.).

Pishmintseva Olga Aleksandrovna — senior economist at Centre of socioeconomic dynamics research, Institute of Economics, the Urals branch of Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, 29, Moskovskaya st.).

УДК 330.567.2:332.68

Малыш Е. В.

ВИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ ПРИ ПОИСКЕ РЕНТЫ[1]

В статье рассматривается возможность применения понятий экономического поведения и рентоориентированного поведения к домохозяйству как к активному экономическому субъекту. Исследуется взаимосвязь типов экономической активности домохозяйств и их экономического потенциала. Показано влияние рентоориентированного поведения домохозяйств на их экономическую жизнеспособность.

Ключевые слова: домохозяйство, рентоориентированное поведение, экономическое поведение, поиск прибыли, поиск ренты

Представители институционального подхода в экономической теории исследуют рентоориентированное поведение социально-экономических агентов как проявление рентных отношений в современной экономике. Ими утверждается, что для всех субъектов рентных отношений характерно рентоориентированное поведение, обусловленное рентным интересом. Рентный интерес — это действия, направленные на получение рентного дохода. Таким образом, рентные отношения относят к элементам социальных отношений.

Целью настоящего исследования является выявление основных тенденций экономического и рентоориентированного поведения домохозяйств как социально-экономических субъектов, влияющих на генерацию ренты любыми видами хозяйств.

Общие аспекты проявления доходного фактора домохозяйства, влияющие на социально-экономическую активность (поведение) домохозяйства, следующие:

— общий уровень дохода;
— оценка домашней зарплаты каждого члена дома;
— оценка личной собственности членов;
— распределение доходов;
— другие источники доходов;
— конечное потребление.

Термин «экономическое поведение» стал активно применяться в российских экономических исследованиях только примерно с 1990-х гг., это связывают с проблемами реформенного периода и вопросами стратегического развития. Считается, что впервые термин применил академик РАН Н.Я. Петраков в рамках экономико-математических исследований.

---

[1] © Малыш Е. В. Текст. 2018.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2018–2020 гг.

На рубеже веков, в связи с необходимостью разработки экономических разделов партийных программ, предпринимались попытки прогнозирования экономического поведения. В этой связи можно упомянуть работы Е.Т. Гайдара, М.М. Гуревичева, С.Н. Мареева [1, 2, 8].

В это же время, но более обстоятельно, проблема экономического поведения человека исследована в работах западных авторов. Сложившийся в западной литературе спектр мнений относительно возможности применения аспектов социального поведения в экономике можно разделить на следующие части:

— экономическая редукция любых поведенческих актов — концепция Г.С. Беккера;

— междисциплинарный подход, синтез социального, психологического и экономического подходов — концепция Р.Л. Хайлбронера;

— концепции синтетических и компромиссных взглядов на природу и характер экономического поведения людей в современном обществе — теории потребительского поведения, рационального выбора и предпочтений Р.Х. Франка, экологического характера человеческих ценностей Н.Ф. Реймерса, ценностно-рациональная модель экономического поведения Л. Роббинса;

— специальные (прикладные) маркетинговые исследования, касающиеся особенностей потребительского поведения людей, применяемые в рамках микроэкономических процессов.

К концу XX в. экономисты и социологи начинают все большее сближение по позициям экономического поведения. Среди базовых научных трудов, свидетельствующих об этом, нужно назвать работу австрийского и американского экономиста, политолога, социолога и историка экономической теории Й.А. Шумпетера «Теория экономического развития». В рамках созданной им теории предпринимательства и предпринимательского поведения Й. Шумпетер различал цель экономической деятельности (приобретение благ) и более широкое понятие экономического мотива [16, с. 57]. Экономическое поведение, по Шумпетеру, возможно только в отношении экономических благ. Направляющей силой поведения выступает удовлетворение потребностей. Существуют и внеэкономические факторы, влияющие на поведение предпринимателей: географическая среда, социальная среда, накопленные теоретические знания, запасы благ.

Заметным вкладом в исследование экономического поведения в рамках институционализма стали и работы известного американского экономиста-теоретика Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» [3] и «Экономические теории и цели общества» [4]. Дж. Гэлбрейт отметил коренное изменение социальной природы поведения в экономической жизни. Неоклассическая теория исходила из желаний потребителя как исходного момента экономической системы и имела этический оттенок. Погоня за новым становится в сфере потребления массовым общепринятым

стандартом поведения. В результате экономика получает самодовлеющие цели, отличные от общественных.

Самым значительным достижением социологов является совместный труд Т. Парсонса и Н. Дж. Смелзера «Экономика и общество: исследование по интеграции экономической и социальной теории», выполненный в рамках структурно-функционалистской парадигмы. Концептуальной основой здесь послужила теория социального действия Т. Парсонса. На уровне макроанализа Т. Парсонс и Н. Дж. Смелзер [10, 13] уделяют основное внимание исследованию социальной обусловленности экономики и ее взаимодействия с другими (внеэкономическими) подсистемами общественной жизни — наукой, моралью, образованием, семьей, политикой, правом и т. п.

Признанным основоположником поведенческой экономической теории считается Г. Саймон, его исследования имели междисциплинарный характер и протекали на пересечении психологии, теории информации, организации, компьютерного моделирования принятия решений. Его вклад в экономическую науку относится к монографии «Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении». В 1978 г. Г. Саймону была присуждена Нобелевская премия по экономике «за новаторское исследование процесса принятия решений в рамках экономических организаций». Центр тяжести поведенческого анализа, по мнению Г. Саймона [12, с. 54–72], лежит не в области мотивации, а в сфере обработки информации и принятия решений.

Идейные основы экономики поведения, поведенческой экономики, поведенческой экономической теории, или бихевиоральной экономики, были заложены в статье двух американо-израильских психологов — лауреата Нобелевской премии по экономике 2002 г. Д. Канемана и его многолетнего соавтора А. Тверски. Статья «Теория ожиданий: принятие решений в рискованных ситуациях» появилась в 1979 г. в журнале «Econometrica». Авторы этой работы в серии экспериментов продемонстрировали, что живые люди отнюдь не склонны поступать в соответствии с предписаниями неоклассической экономики и часто демонстрируют склонность к абсолютно нерациональному поведению.

При проведении выборочного исследования (в рамках задач настоящего исследования) категории экономического поведения можно обнаружить, что большинство авторов дают определения термину «экономическое поведение» в рамках трех подходов. Первый подход можно назвать «чисто экономическим», экономическое поведение здесь исследуется в рамках поведенческой концепции в экономической теории. Второй подход поддерживается экономической социологией, основывается на сочетании экономических подходов с учетом социальных представлений. Третий подход изучает экономическое поведение с учетом социально-психологических представлений. При исследовании генезиса экономического поведения в экономической мысли можно выделить три круга

проблем, вокруг которых происходило обсуждение и вместе с этим росло понимание сути экономического поведения.

1. Статус экономики как общественной науки. Если считать, что экономика независима от других социальных наук, то все ее категории являются самодостаточными. Если наоборот и экономика существует в рамках конкретного социума, то экономические категории должны учитывать особенности социума. Первый круг проблем связан с теорией так называемого «экономического империализма».

2. Проблема мотивации в экономическом поведении. Вопрос о мотивах деятельности связан с предыдущей проблемой. Соответственно, если признается влияние социума на экономическую деятельность индивидуумов, то нужно учитывать мотивы внеэкономического характера.

3. Вопрос о природе экономического поведения. Выделение основных социально-экономических дихотомий.

Отмечая недостаточную устойчивость предметной области отечественной теории экономического поведения, исследователи отмечают, тем не менее, первичное разделение теории экономического поведения по:

— основным экономическим субъектам: поведение индивидуумов в рамках конкретной роли в обществе (работники, потребители, инвесторы, сберегатели и другие); поведение фирм (предприятий, организаций, учреждений); экономическое поведение государства, его регионов, районов и муниципалитетов;

— основным видам экономической деятельности организаций: инвестиционное поведение, организационное, конкурентное, финансовое, фискальное, маркетинговое и др.;

— основным видам экономической деятельности отдельных групп населения: потребительское, здравоохранительное, сберегательное, миграционное, трудовое, репродуктивное (демографическое) поведение.

Большинство российских исследователей проводят анализ экономического поведения в рамках институционализма. Основной вопрос, решаемый в рамках интитуционалистского подхода, при этом и его основная сложность, — это переход от индивидуальных моделей поведения к групповым, позволяющим согласовывать экономические интересы.

Основным объектом институциональных исследований экономического поведения являются фирмы.

Все современные подходы, которые исследуют экономическое поведение, понимают его с должной степенью абстракции. Степень абстракции определяется уровнем моделирования, т. е. степенью идеализации «экономического человека». Любая модель «человека экономического» строится исходя из следующих посылов: цели человека; средства (материальные и идеальные) для достижения цели; знания (или информация), при применении которых можно достичь цели. Экономическое моделирование «берет» от человека некоторые допущения, связанные с человеком как

социальным субъектом: эгоистичен, независим, рационален и информирован. Для экономики все многообразие хозяйственных мотивов решается путем выбора основного мотива. Мотив экономического поведения определяет основную проблему экономической теории (признаваемую всеми современными экономическими школами) — проблему рационального выбора.

Группа отечественных авторов в монографии «Поведенческая экономика: современная парадигма экономического развития» утверждают, что поведенческая экономика или поведенческий подход «присущ деятельности различных субъектов: от индивида и фирмы до рынков и регионов; систематически повторяется и усложняется; позволяет выявить глубинные мотивы деятельности агентов, не всегда следующих канонам традиционной экономики» [12, с.10]. Поведенческая экономика рассматривает человека как абсолютно нерациональное существо. Его иррациональность неслучайная и небессистемная. Д.С. Петросян и Н.Л. Фаткина делают попытку создания метатеории управления поведением человека в социально-экономических системах, анализируют так называемый «экономический империализм» экономической теории в теорию управления. Указывают на необходимость «разработки метаязыка, объединяющего понятийные аппараты конвергируемых областей научного знания» [11, с. 175]. Авторы осознают трудность исследования человеческого поведения в экономике.

Об экономическом империализме пишет и В.С. Любченко, объясняя его внедрение в социальную жизнь «экспансией рынка, проникновением рыночных правил игры в различные сферы социума, а также распространением «экономического империализма» как своеобразной идеологии рыночной экспансии» [7, с. 60]. Экономическое поведение активно проникает в социальную жизнь общества. Жесткое отделение экономического поведения от всех других видов человеческого поведения автор связывает с рациональностью выбора.

Теория экономического империализма, возникшая примерно на рубеже 1950–1960-х гг., обозначила большой толчок в развитии экономической социологии. Две однонаправленные тенденции — растущая экономизация социальной жизни и социализация экономической жизни, продолжающиеся последние две сотни лет. Первая тенденция особо проявлялась весь XIX в. и примерно до первой половины XX в., вторая последовала за ней. Обе тенденции дали весомый толчок развитию как экономической теории, так и социологии. Экономическая теория за это время, развивая концепцию экономического поведения, выработала ряд моделей «человека экономического». Развитие шло и в интенсивном направлении, и в экстенсивном — были разработаны модели потребительского поведения, организационного поведения фирм, предпринимательского поведения. Большинство моделей строилось на базе рационалистических представлений о поведении человека.

Начиная примерно с 1980-х гг. исходным понятием для экономического поведения стало не понятие рациональности, а понятия определенности или, соответственно, неопределенности. В условиях неопределенности люди вынуждены вести себя нерационально, опираются на ожидания, интуицию. Здесь изменяется целевая функция. Целью экономического поведения становится не столько максимизация полезности, сколько обеспечение самореализации, творчество, контроль над любой ситуацией. Экономическое поведение становится все более и более социальным.

Социологи указывают на то, что экономическое поведение является частью социального поведения. Объяснение этому довольно простое: мотивы индивидов часто носят неэкономический характер. Основой воспроизводства рынка становятся социальные связи — сети: информационные, социальные, доверительные и др. Сети способствуют формированию, концентрации интересов, изменению классических ориентаций в поведении индивидуумов, групп, организаций, трансформации экономических отношений в направлении их социализации.

На неэкономические характеристики экономического поведения микроэкономических субъектов указывает в своих исследованиях М.В. Козина: «нерепрезентативные решения субъектов, интернализация экономического статуса, формальная рациональность, множественность рутин, влияние институтов, реципрокность соглашений, частный и коллективный оппортунизм» [5, с. 333].

Сложность объекта теории экономического поведения обусловлена особенностями современного общества, которое объективно не только развивает у людей высокие стандарты материального потребления, но и задает общие социальные установки относительно качества жизни, возможности самореализации, полноценного и разнообразного досуга, социальную и природную экологичность окружающей среды.

Экономическое поведение человека в современной экономике обычно исследуют в социокультурном контексте, рассматривая действия самых разнообразных общественных институтов, воспроизводящих конкретные типы общественных отношений. Изучаются разнообразные потребности и ценности как источники мотивации, анализируются культурные традиции и стереотипы, присущие системе регуляции экономической активности людей и различных социальных групп. Если подвергнуть рассмотрению экономическое поведение в рамках экономической теории, тогда в качестве объекта теоретического анализа придется анализировать сложный и многоплановый объект социальной природы. Здесь потребуется привлечение исследовательского аппарата не только экономической теории, но и целого ряда смежных с экономической наукой общественных дисциплин: политической экономии, экономической социологии, экономической психологии, философии хозяйственной жизни и др. Наиболее ярко воздействие этических норм на экономическое поведение проявляется в представлениях о социальной справедливости при распределении

доходов. Уровни дифференциации доходов в обществе формируются под влиянием не только экономических, но и целого ряда социокультурных факторов: политических, социальных, национальных и др.

Современные российские экономисты не выработали единство мнений по поводу тождества или отличий в содержании и сферах использования понятий «экономическое поведение» и «экономическая деятельность». М.В. Козина предлагает разделить понятия по уровню экономического анализа: если анализ микроэкономический, то применяют термины «поведения»; если макроэкономический — «деятельность». Экономическая деятельность анализируется как агрегированная категория, при рассмотрении которой нивелируется экономическое поведение отдельных субъектов. Экономическое поведение связано с проблемой выбора индивидуума. Исследователь Э.Р. Кошеварова предлагает разделить «экономическое поведение» и «экономическое действие». Это разделение, по ее мнению, даст возможность дать дополнительные характеристики поведения, такие как нормы поведения, активность, свобода, дисперсия, эффективность. Используя сочетание характеристик социального поведения и экономического, Э.Р. Кошеварова представляет комплексную систематизацию экономического поведения [6].

В философии принята к рассмотрению триада терминов: «поведение — действие — деятельность». Триада изучается, кроме философии, другими науками: в первую очередь, конечно, психологией, во вторую очередь — социологией, новой наукой — социальной психологией, этикой, историей, антропологией. Ими всеми вместе выявлены различные типы и виды экономического поведения, сформулированы принципы, обозначены функции, сконструированы модели, зафиксированы национальные, региональные, культурные различия в принятых способах хозяйствования. Всякая деятельность являет собой осознанный процесс. Деятельность «является реальной движущей силой общественного прогресса и условием существования общества. <…> Если основанием Д. является сознательная формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне Д., в сфере человеческих мотивов, идеалов и ценностей» [15, с. 151]. Общественная или социальная деятельность есть сущность социального взаимодействия, жизненная активность человека или групп людей. Не существует какого-либо другого поведения людей, кроме социального. «Существует многообразные классификации форм деятельности — разделение Д. на духовную и материальную, производственную, трудовую и нетрудовую и т. д.» [15, с. 151].

Социологи выделяют такие специфические черты социальной деятельности: 1) осознанный целенаправленный характер; 2) деятельность всегда имеет идеальную форму в сознании человека; 3) завершается результатом, который, в общем, должен отличаться от поставленной цели; 4) деятельность человека всегда находится в рамках сложившихся к данному моменту типов социальных взаимодействий, деятельность всегда обусловлена социальной средой. Термин «социальное действие» понимается в двух

контекстах. Первый, следуя за К. Марксом и Ф. Энгельсом, это «форма или способ разрешения социальных проблем и противоречий, в основе которых лежит столкновение интересов и потребностей основных социальных сил данного общества» [15, с. 637]. Социальное действие в этом понимании — это всегда действие, подготовленное группой лиц, объединенных общей целью и совершающих общие действия в обществе. В зависимости от вида целей действия могут быть политическими, экономическими и другими; когда смотрят, чьи интересы представляют социальные действия, то выделяют и соответствующие социально-групповые действия; еще действия разделяют по реализуемым социальным методам. Второй контекст социального действия относят к действиям индивидов, личностей. Здесь уже применяется формулировка с использованием термина «поступки», рассматриваются преднамеренные комплексы поступков. Обычно понимание распространяется на рационально обоснованные «поступки, имеющие общественное значение, <…> (мотивация поступков, намерений, отношение к „Я" как источнику и субъекту действия, соотношение смысла и значение действия, рационального и иррационального, сознательного и бессознательного в его мотивации)» [15, с. 637]. Выполнение социальных действий всегда сопряжено с привлечением методов и средств достижения целей.

Социальные действия — это некоторые виды социального поведения. Анализом феномена социального поведения занимаются в настоящее время бихевиоризм, теория социального обмена, интеракционизм и этнометодология, феноменология, структурно-функциональный анализ, инвайронментализм. Поведение является «процессом взаимодействия живых существ с окружающей средой» [15, с. 504], реакцией живых организмов на внешние и внутренние изменения, это материальный, объективный процесс. Поведение изучается как отдельная категория рядом наук: биологией, социологией, информатикой и экономикой. Конечно, основной современной наукой, изучающей поведение, является психология. Под социальным поведением понимают совокупность человеческих поведенческих процессов, связанных с соответствующими статусными ожиданиями, как реакции на окружающую социальную среду.

Социальное поведение зависит от ряда факторов: индивидуальных эмоционально-психологических качеств актора; личной заинтересованности актора в событиях; от адаптивного поведения актора; от потенциала преодоления ситуативного поведения; от поведения, обусловленного моральными принципами и нравственными ценностями актора; от компетентности актора; от поведения, обусловленного манипулированием; от насильственного принуждения к определенному типу поведения. Социальное поведение является возможностью проявления социальными акторами своих мотивов и возможностей осуществления социальных действий. Социальные поведение индивида и общности принято разделять на четыре группы: 1) реакция на актуальные события; 2) привычные

действия; 3) целенаправленные последовательные действия; 4) реализация стратегических целей (жизненных, общественных).

Философская триада «поведение — действие — деятельность», как системный объект, имеет структурные элементы, каждая составляющая триады имеет объектно-субъектную структуру. Социальное действие в обществе подразумевает направленность на решение конкретной дискретной общественной проблемы. Социальное поведение непрерывно, направлено на поддержание жизни, на постоянное решение проблем, решаемых человеком в общественной жизни. Социальная деятельность — динамическая система взаимодействий человека и окружающего его мира и с социальной реальностью. Деятельность — это и реализация требований общества по отношению к индивиду, и результат собственно поведения, действий.

Обобщая все эти различия, можно сказать, что деятельность как система социально организованных совместных действий людей выступает инвариантом поведения, задающим его социальную определенность, направленность, институциональную структуру. Если деятельность можно охарактеризовать как социальную и организованную систему социальных действий, то социальное поведение, в свою очередь, как ситуативное и индивидуальное проявление социальной деятельности. Социальное поведение выступает как феноменальный уровень деятельности, а социальная деятельность — как более глубокая, сущностная сторона проявления социальной активности личности. Поведение это ведение себя по ситуации, по жизни, образующее последовательную и осмысленную связность отдельных социальных действий. В социальном поведении присутствует и функциональная, и реактивная стороны, каждая из которых, в свою очередь, может носить как целенаправленный, так и спонтанный характер.

Исходя из двух сторон социального поведения, существуют два подхода к его истолкованию. Первый подход — позитивистски ориентированные парадигмы социологического знания исходят из приоритета социальной структуры по отношению к социальному действию. Социальное поведение здесь определяют как различные реакции субъекта на определенную социальную ситуацию. Индивид выступает некой реализацией и персонификацией определенной социальной функции. Социальное поведение в данном подходе носит функцию адаптации, т. е. приспособления к существующим социальным условиям, а затем обязательно в интернализации задаваемых обществом образцов поведения. Второй подход — гуманистический — сконцентрирован на рефлексивной стороне социального поведения, которое соответственно понимается как реализация определенных намерений и ценностей индивида. В центре внимания оказываются процессы ценностного самоопределения в пространстве альтернатив социальной трансформации.

Поведенческая экономика и психология взаимно влияли друг на друга тремя способами: 1) жесткое разделение психологии и поведенческой экономики; 2) небольшое применение психологии в экономике, применение

в экономике особенностей психологии личности (например, особенности психологического поведения населения М.А. Бухараева, поведение предпринимателей — Н.А. Журавлева); 3) формирование нового раздела экономической теории — поведенческой экономики — учет психологических характеристик поведения людей при принятии экономических решений.

Территориальные исследования экономического поведения предпринимались не только экономистами, но и социологами, географами, историками, демографами. Рост числа исследований связан с возрастанием интереса к проблемам региональной идентичности региональных и локальных социумов.

Мы считаем, что первая попытка концептуализации экономического поведения в российской науке была предпринята не экономистами, а социологами — И.П. Рязанцевым и А.Ю. Завалишиным, и связана она с изучением коммуникативного механизма взаимодействия экономических субъектов в системе территориального экономического поведения. В основе территориальной идентификации экономического поведения лежат несколько посылов: 1) территория — это экономическая и социальная среда, в которой осуществляют жизнедеятельность и индивидуумы, и конкретный социум; 2) территория является средой для интеракций, обусловленной территориальным ресурсным потенциалом — природным и социально-экономическим; 3) содержание территориального экономического поведения опосредовано общественным территориальным разделением труда, его региональной спецификацией и закрепленностью.

Социолог А.А. Тюплин [14] предложил рассматривать три базовые модели территориального экономического поведения: нерыночную, рыночную, псевдорыночную, в зависимости от регионального разделения труда и уровня развития территории. В субъектном разделении экономическое поведение находится за пределами методологического индивидуализма и, конечно, разделяется на индивидуальное и групповое, коллективное и еще называют институциональное.

Одной из первых работ о рентоориентированном поведении в российской практике является труд А. Ослунда [9].

По нашему мнению, на основе анализа генезиса экономического поведения можно выявить существующие в настоящее время теоретические оппозиции, отражающие различные аспекты реального выбора действий, с которым сталкиваются экономические субъекты: самодостаточность и социальная обусловленность; соотношение собственно экономической и внеэкономической мотивации хозяйствующего субъекта; рациональный или иррациональный характер экономического поведения; нерефлектированный, или предопределяющийся принадлежностью к той или иной социальной группе, типу культуры, к этническим традициям и т. п. Экономическая рациональность не является универсальным типом рациональности, это всего лишь один из типов рациональности, характерных для экономических субъектов. Направленность на получение максимального

дохода приводит субъекта к тому, чтобы использовать всё окружающее (и деятельность других экономических субъектов, и окружающую среду, и окружающий социум) для наращивания капитала. Полученные в результате трансформации экономического поведения новые элементы экономических отношений продолжают ориентацию на индивидуальные тактики получения рыночной власти или на использование власти собственника.

Методологической основой системного анализа рентоориентированного поведения любого рантье мы считаем фундаментальную триаду «собственность власть — нравственность» как общего условия функционирования общества и индивида. Тогда основными факторами экономического поведения будут являться отношения распределения, экономической власти и собственности. Основные виды противоречий в современной российской рентной экономике связаны: во-первых, с наличием разных типов экономического поведения экономических субъектов и, во-вторых, с противоречивостью и неоднозначностью развития постиндустриального общества.

По нашему мнению, применение термина «поведение» к рентоориентированному поведению нельзя считать правильным. По итогам анализа триады «поведение — действие — деятельность» и исходя из основных понятий экономического поведения рентоориентированное поведение нужно называть рентоориентированной деятельностью. Подмена понятий в общепринятых терминах произошла, по нашему мнению, из-за того, что в определении рент указывается на непроизводительный характер действий рантье.

Исследование домохозяйства требует комплексного подхода, т. е. сочетания социологических и экономических концепций. Крайне важно не упускать из вида экономическую составляющую домохозяйства, но, в то же время, необходимо изучение домохозяйства как социального явления, которое имеет свою социальную структуру и распределение социальных ролей.

В домохозяйстве, как в любой малой группе, присутствует распределение социальных ролей. Ему присущ ряд институциональных функций, направленных на удовлетворение материальных, духовных и иных потребностей своих членов.

Домохозяйство как социальное явление сложно и многогранно.

К сожалению, нужно констатировать, что рентные отношения все более и более оказывают влияние на экономическое поведение домохозяйств, которое в свою очередь коррелирует с их социальным и демографическим поведением.

Для всех субъектов рентных отношений характерно рентоориентированное поведение, обусловленное рентным интересом, т. е. действиями, направленными на получение рентного дохода. В рамках институционализма исследование рентных отношений значительно усложняется: в экономической системе появляются не только те рентные

доходы, образование и присвоение которых происходит в результате действия естественных факторов, но и различные виды ренты, которые создаются искусственно, вследствие действия отрицательных стимулов и поведения социально-экономических агентов. Эта концепция получила название теории «поиска ренты». Возможность получения ренты является основным стимулом для владельцев ресурсов искать варианты их наиболее выгодного размещения.

Рентоориентированное поведение домохозяйств осуществляется, по нашему мнению, двумя путями. Первый путь — участие в расширении предложения товаров и услуг в рамках производительной деятельности на базе традиционных ресурсов предпринимательства, которое обычно называют «поиском прибыли». Второй путь — участие в процессе усовершенствования ресурсов; предприниматель стремится делать доступные ему ресурсы все более редкими и уникальными, предложение ресурсов не является эластичным, в процессе своего использования подобные ресурсы приносят в составе выручки от реализации продукции, созданной с их участием, всё большую рентную составляющую. Процесс называют «поиском ренты». Включенность домохозяйств в процессы формирования предпринимательских ресурсов, дающих ренту, и определяет качество поведения домохозяйств в поиске ренты.

Таким образом, в ходе анализа сущности рентоориентированного поведения экономических субъектов региональной экономики было получено, что методологической основой системного анализа рентоориентированного поведения рантье служит фундаментальная триада «собственность — власть — нравственность». Вероятность приобретения ренты является ключевым стимулом для владельцев ресурсов искать варианты максимально выгодного их размещения. Представление о продуктивности рентоориентированной деятельности устанавливается соотношением стоимости затрачиваемых ресурсов, которые вкладывает рантье, и величины рентных доходов, которые ему вышло присвоить. Уровень включенности домохозяйств в эти процессы формирует линию их экономического поведения.

Список источников

1. *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. — СПб. : Изд-во «Норма», 1997. — 224 с.

2. *Гуревичев М. М.* Государственное регулирование в условиях рыночной экономики (исследование эволюции). — Харьков : «Основа», 1993. — 240 с.

3. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество: пер. с англ. П. А. Алябьев и др. — М. : Эксмо, 2008. — 1197 с.

4. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества. — М. : Прогресс, 1976. — 408 с.

5. *Козина М. В.* Анализ и оценка мотивационного потенциала работников корпораций в условиях транзитивной экономики // Вестник ЮУрГУ. — 2005. — № 12 (52). Вып. 5. — С. 330–334. — Серия «Экономика».

6. *Кошеварова Э. Р.* Эволюция форм экономического поведения хозяйствующих субъектов Российской Федерации // Проблемы современной экономики. — 2008. — № 4 (28). — С. 512–522.

7. *Любченко В. С.* Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. — 2007. — № 2. — С. 60–64.

8. *Мареев С. Н.* Введение в пострыночную экономику. — М., 1993. — 50 с.

9. *Ослунд А.* «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. — 1996. — № 8. — С. 99—108.

10. *Парсонс Т.* Система современных обществ: пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 269 с.

11. *Петросян Д. С.* «Экономический империализм» как научная парадигма / Д. С. Петросян, Н. Л. Фаткина // Общественные науки и современность. — 2009. — № 1. — С. 166–176.

12. Поведенческая экономика: современная парадигма экономического развития: монография / под ред. Г. П. Журавлёвой, Н. В. Манохиной, В. В. Смагиной. — Москва ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. — 340 с.

13. *Смелзер Н. Дж.* Социология // Социологические исследования. — 1992. — № 4. — С. 79–91.

14. *Тюплин А. А.* Территориальная идентичность как фактор локализации // Научный и общественно-политический журнал РАГС «Социология власти». — 2007. — № 5. — С. 127–133.

15. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М. : Сов. Энциклопедия, 1983. — 840 с.

16. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития : Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры: пер. с нем. В. С. Автономова и др. — М. : Прогресс, 1982. — 455 с.

Информация об авторе

Малыш Елена Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Российская академия наук Уральское отделение ФГБУН Институт экономики; доцент кафедры Региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности, Уральский федеральный университет (620014, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, malysz.elena@mail.ru).

Malysh Y. V.

Types of Economic Behaviour of Households by Search of the Rent

In article the possibility of application of concepts of economic behavior and rent-seeking behavior to a household, as to the active economic subject is considered. The interrelation of types of economic activity of households and its economic potential is investigated. Influence of rent-seeking behavior of households on their economic viability is shown.

Keywords: household, rent-seeking behavior, economic behavior, search arrived, search of a rent

References

1. Gaidar E. T. State and evolution. How to separate property from the power and to increase welfare of Russians. SPb.: Norma publishing house, 1997. 224 p.

2. Gurevichev M. M. State regulation in the conditions of market economy (an evolution research). Kharkiv: “Basis”, 1993. 240 p.

3. Galbraith J. K. New industrial society / transl. from english P. A. Alyabyev, etc. M.: Eksmo, 2008. 1197 p.

4. Galbraith J. K. Economic theories and purposes of society. M.: Progress, 1976. 408 p.

5. Kozina M. V. The analysis and assessment of motivational potential of employees of corporations in the conditions of transitive economy // Bulletinr UrGU. Economy series. Issue 5. Chelyabinsk, 2005. N 12 (52). P. 330–334.

6. Koshevarova E. R. Evolution of forms of economic behavior of economic entities of the Russian Federation // Problems of modern economy. 2008. N 4 (28). P. 512–522.

7. Lyubchenko V. S. Economic behavior: methodology of a sociological research // Theory and practice of social development. 2007. N 2. P. 60–64.

8. Mareev S. N. Introduction to post-market economy. M, 1993. 50 p.

9. Aslund A. "Rentooriyentirovanny behavior" in the Russian transitional economy // Eeconomy Questions. 1996. N 8. P. 99–108.

10. Parsons T. System of modern societies / transl. from english L. A. Sedov and A. D. Kovalyov. M.: Aspect Press, 1998. 269 p.

11. Petrosyan D. S, Fatkina N. L. "An economic imperialism" as scientific paradigm // Social sciences and present. 2009. N 1. P. 166–176.

12. Behavioural economy: modern paradigm of economic development: the monograph / under the editorship of G. P. Zhuravlyova, N. V. Manokhina, V. V. Smagina. — M.; Tambov: TGU publishing house of G. R. Derzhavin, 2016. 340 p.

13. Smelzer N. J. Sociology // Sociological researches. 1992. N 4. P. 79–91.

14. Tyuplin A. A. Territorial identity as localization factor // Scientific and social and political magazine of RAGS "Sociology of the Power". 2007. N 5. P. 127–133.

15. Philosophical encyclopedic dictionary / Edition L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseyev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. M.: Sov. Encyclopedia, 1983. 840 p.

16. Schumpeter J. A. Theory of economic development: Research of enterprise profit, capital, credit, percent and cycle of an environment. M.: Progress, 1982. 455 p.

Информация об авторе

Malysh Yelena Vladimirovna — Ph.D., Senior Research Associate, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Regional Economy, Innovative Business and Safety, Ural Federal University (620014, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, malysz.elena@mail.ru).

УДК 314.748

Мельникова А. С.

ОЦЕНКА РИСКОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИМЕНЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК МИГРАНТОВ[1]

Статья посвящена проблемам применения адаптационных практик мигрантов. Выделены основные подходы к миграционной политике через социальную адаптацию с выделением формальных и неформальных процедур. Рассмотрены теоретические особенности нормативного и интерпретивного подходов к адаптации мигрантов. С точки зрения адаптационных практик мигрантов выделены угрозы, которые находят отражение в общественном сознании. Подтверждена гипотеза о смещении акцентов опасений с экономических факторов на угрозы изменения социокультурной среды принимающего сообщества. С точки зрения применения различных сценариев адаптационного поведения рассмотрены риски формирования национальных анклавов и тех угроз местному сообществу, которые они могут нести. Результатом исследования стал поиск эффективных решений для смещения акцентов государственной политики с решения экономических вопросов пребывания мигрантов в стране на создание сферы формирования особой социально-культурной среды. Эта среда должна создавать условия для формирования конструктивных стратегий поведения мигрантов, перехода с потребительского отношения к принимающей стране на интеграционное адаптационное поведение.

Ключевые слова: мигранты, адаптационные практики, интеграция, национальные анклавы

Применение адаптационных практик мигрантов сталкивается с большим количеством проблем. Существующая система формальных нормативно предписанных процедур существенно отличается от действительного положения дел. Первичное вовлечение в принимающее сообщество связно не с социальной адаптацией, а с решением экономических проблем: поиска работы и поиска жилья. Часто решение вопросов получения разрешения на работу, поиска работы, получения медицинских справок и постановки на миграционный учет мигранты связывают не с государственными институтами поддержки мигрантов, а с поддержкой диаспоры и получением услуг у теневых бизнес-структур. Так, опросы показывают [3], что оплата посредников, помогающих в решении проблем трудоустройства и оформления документов, составляет ежемесячно 10–15 % дохода мигрантов.

Сложившаяся ситуация ставит под сомнение действенность существующих адаптационных практик мигрантов. Это и определило актуальность

[1] © Мельникова А. С. Текст. 2018.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №16–02–00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов».

исследования теоретических и практических вопросов применения адаптационных практик, оценки возникающих рисков.

Термин адаптация связан с понятием приспособления. Самое общее определение адаптации связано с процессом поддержания функционирования системы при изменении внешней и внутренней среды [5]. Первоначально термин «адаптация» стал использоваться в XIX веке в биологии, но со временем получил распространение и в других сферах науки. С точки зрения социологии адаптация связана с возможностью человека построить модель своего поведения в соответствии со сложившимися условиями среды. В целом такой подход можно использовать применительно к адаптационным практикам мигрантов. Но следует учитывать некоторую чужеродность среды, в которую попадают приезжие. Под адаптационными практиками мигрантов автор предлагает понимать процесс приспособления мигрантов к условиям, отличным от обычной социально-культурной среды, которое включает развитие специфических моделей поведения.

Адаптационные практики мигрантов могут существенно отличаться от формальных институциональных процедур, что способствует социальной изолированности этнических мигрантов. Нужно понимать, что препятствием успешной адаптации выступают две стороны: общины мигрантов и принимающее общество. На поведенческие модели, формируемые у мигрантов, оказывают воздействие не только бытовые, социальные и культурные отношения с местным сообществом, но и социально-культурные институты, призванные обеспечить процесс социализации.

С этой точки зрения необходимо рассмотреть в теоретико-методическом аспекте взаимосвязь самоидентификации и адаптации личности мигранта, изменение ценностных ориентиров в процессе адаптации [2].

Основными подходами к адаптационной деятельности в социологии выступают нормативный и интерпретативный подходы.

Первый, нормативный, подход процесс адаптации связывает с соответствием между характеристиками человека и сложившимися объективными нормами среды обитания. Нормы поведения окружающей среды принимаются за стабильную величину. При таком подходе мигранты выступают в «пассивной» роли объекта, адаптирующего воздействия принимающей среды. Исследования [4] показывают несостоятельность такого подхода, поскольку мы не наблюдаем полного «растворения» мигрантов в принимающем обществе.

Второй подход, интерпретативный, связан с работами М. Вебера и В. Дильтея. Он шире рассматривает роль личности в процессе адаптации через осознание цели включения в новую среду и желание к ней адаптироваться. Можно сказать, что первоначально формируются внутренние ценностные ориентиры, которые выражаются в адаптационных практиках приспособления к новой среде. По отношению к мигрантам можно сказать, что в период адаптации к принимающей территории приезжий

формирует отношение к окружающей среде через изменение собственных ценностных установок.

Автору более близок второй подход, поскольку он предполагает изменения системы взаимопроникновения личности мигранта и сложившегося в принимающем обществе отношения к нему. Адекватное понимание путей и способов адаптации мигрантов к местному сообществу невозможно без качественной оценки этого процесса. С одной стороны, нельзя не учитывать ориентацию части мигрантов на принятие социально-культурных ценностей принимающей стороны, что ведет к их интеграции. С другой стороны, мы отмечаем стремление мигрантов использовать принимающую среду исключительно как ресурс, подлежащий использованию в собственных целях без изменения личностных социально-культурных стандартов. В этой связи мы можем говорить о формировании национальных анклавов как некоего буфера, позволяющего мигрантам сохранить свою идентичность со средой исхода. Рассматривая две стороны процесса адаптации — интеграции и анклавизации части мигрантов — можно сделать вывод о приоритетности государственных программ, направленных не только на экономическую адаптацию мигрантов, а и на создание условий для социально-культурной адаптации приезжих.

Именно отказ части мигрантов принять ценности среды принимающего сообщества приводит к формированию негативного отношения населения принимающей стороны. В продолжение авторского исследования количественного контент-анализа электронных информационных источников был составлен рейтинг угроз влияния мигрантов на принимающее сообщество, распространенного в общественном сознании. Объектом был выбран массив веб-страниц в поисковой системе Яндекс за период с ноября 2015 г. по апрель 2018 г. в целом по России. Результаты исследования показаны в таблице 1.

Новые данные подтверждают список угроз, отраженных в общественном сознании. Больше всего население принимающей территории опасается того, что мигранты не примут ценности сообщества и будут жить по своим законам (129920 упоминаний, или 70 %). Значительно меньшее опасение вызывает возможность увеличения преступности благодаря приезду мигрантов («изнасилования» — 20485 упоминаний, или 11 %; «преступность» — 14195 упоминаний, или 7,6 %). Менее значимы эмоционально негативные мнения («мигранты не нужны» — 8561 упоминание, или 2,6 %, и «мигранты, уезжайте» — 4845 упоминаний, или 1,8 %). По сравнению с 2017 г. наблюдается увеличение упоминаний, связанных с угрозой территориального объединения мигрантов (1643 упоминаний, или 0,9 % против 0,8 % в 2017 г.). При этом смысловая единица «национальный анклав» не упоминается после июля 2017 г.

В образе мигранта, сформированным масс-медиа, акцент делается на экономические угрозы, угрозы жизни и здоровью местного населения [1]. Приведенный анализ электронных СМИ на подтверждает эту гипотезу.

Таблица 1

Динамика упоминаний и их доля в общей совокупности на веб-страницах поисковой системы Яндекс смысловых единиц, отражающих угрозы со стороны мигрантов, смысл. ед.

Смысловые единицы	Период					Итого	
	11 /2015-04 /2016	05 /2016–10 /2016	11 /2016–04 /2017	05 /2017–10 /2017	11 /2017–04 /2018	смысл. ед.	%
Угрозы, в том числе:	40 109	24 857	52 665	35 082	32 947	185 660	100
мигранты + свои законы	24 196	15 758	39 224	27 336	23 406	129 920	70,0
мигранты + изнасилования	6 872	2 288	6 607	2 033	2 685	20 485	11,0
мигранты + преступность	4 091	2 484	3 051	2 001	2 568	14 195	7,6
мигранты + не нужны	1 633	1 771	1 612	1 616	1 929	8 561	4,6
мигранты + уезжайте	1 391	872	847	748	987	4 845	2,6
мигранты + нелегалы	977	843	532	559	500	3 411	1,8
район мигрантов	198	320	338	362	425	1 643	0,9
мигранты + заболевания	552	326	229	221	222	1 550	0,8
мигранты + не платят налоги	199	195	225	206	225	1 050	0,6

Смысловые единицы, отражающие возможное нелегальное трудоустройство, формирование теневой экономики, продажу наркотиков, замещение рабочих мест, практически не находят отражения в общественном мнении посредством электронных СМИ. Угрозы, связанные с возможным ростом заболеваний и экономических рисков неуплаты налогов, занимают последние места в составленном рейтинге угроз, соответственно, 0,8 % и 0,5 %.

Таким образом, опасения принимающего населения можно разделить на экономические и связанные с влиянием на образ жизни со стороны мигрантов. Исследование показало, что большее значение принимающее сообщество отводит угрозам, связанным с влиянием на образ жизни, что может быть связано с навязыванием чуждых культурных и религиозных ценностей, потерей национальной идентичности. Обеспокоенность территориальной консолидацией иммиграционных сообществ повышается, но еще не связывается с формированием национальных анклавов.

Снижение рисков конфронтации мигрантов и населения принимающей стороны в социокультурном аспекте связано с формированием сценариев адаптационного поведения. Такое формирование возможно как через государственную политику, так и через СМИ. В основе адаптационного поведения лежит выбор одного из основных подходов.

Первый подход — прагматический, или приспособительный. Он не предполагает существенных изменений в поведении, образцах поведения, ценностных ориентирах и культурных шаблонах мигрантов. Сам процесс адаптации для мигранта не предполагает необходимость глубокого освоения культурных и этнических ценностей принимающей стороны. Такой подход носит потребительский характер, мотивы приезда в чужую страну связаны с получением экономических благ: работа, заработок, пособия. Часто прагматическое отношение к принимающей стране характеризует временную трудовую миграцию. Для мигрантов, планирующих постоянное проживание в принимающей стране, такие установки дают благодатную почву для формирования национальных анклавов.

Второй подход — адаптационный. Предполагает трансформацию ценностно-культурных установок отдельных мигрантов и их групп через формирование новых ценностей, связанных с желанием интегрироваться в новое сообщество. Главный признак такого подхода — это самоидентификация мигранта как полноценного члена местного сообщества. Адаптационный подход предполагает взаимное обогащение культур принимающей стороны и стороны исхода.

В результате исследования можно выделить основные риски принимающего сообщества со стороны мигрантов. Это риск и прямые финансовые потери, связанные с использованием ресурсов принимающей стороны без соответствующего вклада в экономику. Вторая группа рисков связана с потерей социально-культурной идентичности принимающего сообщества через навязывание чуждых национальных и религиозных ценностей мигрантов. Снижение этих рисков возможно через смещение акцентов государственной миграционной политики с решения экономических вопросов пребывания мигрантов в стране на создание программы социально-культурной адаптации. Такой подход снижает риски формирования анклавов, в том числе как центров национальной теневой экономики, создает условия для интеграции мигрантов с местное сообщество, взаимный обмен культурными ценностями.

Список источников

1. Региональные аспекты международной трудовой миграции в современной России: оценка факторов и эффектов / Бедрина Е. Б., Вандышев М. Н., Куприна Т. В.и др. Российская академия наук, Уральское отделение, Институт экономики. — Екатеринбург, 2017.

2. *Корель Л. В.* Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. — Новосибирск : Наука, 2005 . — 423 с.

3. *Мукомель В. И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. — 2011. — № 1. — С. 34–50.

4. *Чернова К. В., Бедрина Е. Б.* Миграция человеческого капитала из развивающихся государств Европы в условиях европейской интеграции: причины и следствия // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. — 2017. — Т. 16. — № 1. — С. 46–65.

5. *Юдин Б. Г., Симонов А. Н.* Подготовка электронной публикации и общая редакция: Центр гуманитарных технологий / Текст [Электронный ресурс]. URL: https://gtmarket.ru/concepts/7172.

Информация об авторе

Мельникова Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом ФБГОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (Россия, 620219, г. Екатеринбург, ул. 8-е Марта, 62); старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Россия, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: anuta_kk@mail.ru).

Melnikova A. S.

Assessment of the Risks Resulting from Application Adaptation the Practician of Migrantov

Article is devoted to problems of application adaptation the practician of migrants. The main approaches to migration policy through social adaptation with allocation of formal and informal procedures are allocated. Theoretical features of standard and interpretivny approach to adaptation of migrants are considered. From the point of view of adaptation the practician of migrants threats which find reflection with public consciousness are allocated. The hypothesis of shift of accents of fears from economic factors on threats of change of the sociocultural environment of the accepting community is confirmed. From the point of view of application of various scenarios of adaptation behavior risks of formation of national enclaves and those threats to local community which they can bear are considered. Search of effective decisions for shift of accents of a state policy from the solution of economic problems of stay of migrants in the country on creation of conditions of formation of special welfare environment became result of research. This Wednesday has to create conditions for formation of constructive strategy of behavior of migrants, transition from the consumer relation to the host country to integration adaptation behavior.

Keywords: migrants, adaptation practices, integration, national enclaves

Refrences

1. Bedrina E. B., Vandyshev M. N., Kuprina T. V., Lifshits M. L., Melnikova A. S., Neklyudova N. P., Panshina D. A., Smirnova N. L., Struin N., Trushkova E. A., Tukhtarova E. Kh., Chernova K. V. Regional Aspects of International Labor Migration in Modern Russia: Evaluation of Factors and Effects / Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of Economics. — Yekaterinburg, 2017.

2. Korel L. V. Sociology of adaptations. Questions of theory, methodology and methodology. — Novosibirsk: Science, 2005. — 423 p.

3. Mukomel V. I. Integration of migrants: challenges, politics, social practices // World of Russia. — 2011. — No.1. — P. 34–50.

4. Chernova K. V., Bedrina E. B. Migration of human capital from developing countries of Europe in the context of European integration: causes and effects // UrFU Bulletin. Series: Economics and Management. — 2017. — Vol. 16. — No. 1. — P. 46–65.

5. Yudin B. G., Simonov A. N. Preparation of electronic publishing and general edition: Center for Humanitarian Technologies [Electronic resource]. URL: https://gtmarket.ru/concepts/7172.

Author

Melnikova Anna Sergeevna — PhD, associate professor of Labour Economics and Personal Management Department, Ural State University of Economics (Russia, 620219, Yekaterinburg, 8th of March Str., 62); Institute of Economics, the Urals Branch of Russian Academy of Science (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya str., 29; e-mail: anuta_kk@mail.ru).

УДК 331.5.024

Минеева Н. Н.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТОНИКИ АПС КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ[1]

Современное аграрное производство характеризуется ослаблением прямой зависимости размещения от природно-климатических факторов и трудовых ресурсов, что приводит к появлению нового специфического понятия — агропродовольственная система (АПС), наиболее точно отражающего место сельского хозяйства в экономике. В связи с этим актуальность приобретает разработка методологии прогнозирования трансформации АПС конкретной территории, а также оценка влияния этого процесса на уровень жизни населения и состояние продовольственной безопасности региона и страны в целом. Целью исследования является анализ текущего состояния и определение перспектив развития сельских территорий УрФО. Реализация цели исследования была достигнута посредством сравнительного, статистического и системного анализа, а также социально-экономического мониторинга по авторской методике. Главная задача исследования: установление определяющих направлений трансформации региональной агропродовольственной системы УрФО на основе анализа существующих тенденций. Период исследования — 2014–2017 годы. Результат исследования — обоснование оптимальной модели развития сельских районов промышленных областей на основе диверсификации — инновационной переориентации типичных для территорий отраслей с переносом ключевых характеристик агропродовольственной системы с отраслевого на территориальный аспект.

Ключевые слова: агропродовольственная система, сельские территории, трудовые ресурсы

В результате влияния процессов глобализации и других макроэкономических условий национальные продовольственные комплексы трансформируются в эффективные наукоемкие сферы — агропродовольственные системы (АПС), имеющие существенные отличия организационно-экономического характера по сравнению с агропромышленным комплексом (АПК).

Агропродовольственная система объединяет весьма разнообразные и многочисленные отрасли и субъекты. В условиях глобализации мировой экономики при активном воздействии на аграрные отрасли научно-технического прогресса, усиливающем связи вертикальной интеграции, становится вполне правомерным говорить о формировании большой технологической системы производства продовольствия по промышленному типу, состоящей из основных и вспомогательных отраслей, с четкой территориальной спецификой — мировой, национальной, региональной и т. п.

[1] © Минеева Н. Н. Текст. 2018.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ФГБУН ИЭ УрО РАН на 2018–2020 гг.

Различие природно-климатических условий, часовые пояса и другие особенности регионов России обуславливают уникальность каждой территориальной агропродовольственной системы регионов — одновременно и обособленной, и взаимосвязанной с сетью АПС других регионов, составляющих АПС страны в целом. Территориальность формирования АПС имеет четкую цель — сохранение экономических и торговых связей между населенными пунктами в ареале тяготения к определенному административному центру. При этом распределение земельных, трудовых и производственных ресурсов сельской местности происходит в пределах экономического оборота территории, а не конкретной отрасли сельского хозяйства, имеющей существенные риски развития.

Расширенное понимание агропродовольственных систем (АПС) по сравнению с понятием агропромышленного комплекса (АПК) предполагает введение новых понятий, в частности — отход от узкого функционала чистого труда, рабочей силы и трудовых ресурсов. В условиях АПС предпочтение имеет сложный труд, мультиотраслевое взаимодействие человеческого капитала, объединенного в большей степени территориально, нежели профессионально. Традиционная организация экономической деятельности (сельское хозяйство — в сельской местности, промышленность — в городах) сглаживается и теряет четкие границы под влиянием трансформации общества, урбанизации, диверсификации производства, появления новых отраслей, технологий, видов и форм занятости, разделения места работы и места проживания, и многих других факторов. Вместе с тем, на размещение сельских населенных пунктов по-прежнему решающее влияние оказывают природно-географические факторы, а размещение городского населения находится в большей зависимости от уровня развития и технической оснащенности ведущих отраслей экономики страны. По мере удаления от административно-промышленных центров (крупных городов) снижается наполняемость таких индикаторов качества жизни, как условия труда, денежные доходы, жилищные условия, демографические показатели, социально-культурная инфраструктура, экологические условия и личная безопасность.

Состояние сельских территорий отражает неоднозначность происходящих в агроэкономике процессов, обусловленных влиянием экономических и социальных преобразований в России. При этом в сельской местности ситуация на рынке труда характеризуется большей напряженностью, поскольку возможности трудоустройства и выбор вакансий сильно ограничены, а темпы роста и продолжительность безработицы выше, чем в городе, и превышают социально допустимый уровень. В этих условиях детальное изучение складывающейся в аграрной сфере ситуации выходит на одно из первых мест в проблематике, связанной с развитием сельских территорий.

В 2017 году сельское население России составляло 37,8 млн чел., или 26 % общей численности населения страны, и этот показатель неуклонно

Таблица 1

Численность городского и сельского населения

Регион	Население, тыс. чел.						Структура населения, %			
	всего		городское		сельское		городское		сельское	
	2014	2017	2014	2017	2014	2017	2014	2017	2014	2017
Российская Федерация	146360	146804	106549	109032	39811	37772	72,4	74,3	27,6	25,7
УрФО — всего	12374	12328	9992	10019	2382	2309	80,7	81,2	19,3	18,8
Курганская обл.	1019	846	574	523	445	323	56,3	61,8	43,7	38,2
Свердловская обл.	4486	4329	3944	3664	542	665	87,9	84,6	12,1	15,4
Тюменская обл. (включая АО)	3265	3660	2526	2943	739	717	77,4	80,4	22,6	19,6
ХМАО-Югра	1433	1646	1302	1520	131	126	90,9	92,3	9,1	7,7
ЯНАО	507	536	423	449	84	87	83,4	83,8	16,6	16,2
Челябинская обл.	3604	3493	2948	2889	656	604	81,8	66,0	82,3	17,3

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages.

снижается. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в Уральском федеральном округе. Регионы, входящие в состав УрФО, относятся к урбанизированным, поскольку более 80 % населения округа составляют городские жители. В УрФО доля сельского населения несколько ниже, чем в Российской Федерации в целом, и также имеет тенденцию к снижению по причине естественной убыли населения, которая обусловлена как снижением рождаемости, так и увеличением смертности, а также миграционными процессами. На сегодняшний день численность сельского населения УрФО превышает 2 млн чел.

Сокращение численности сельского населения приводит к уменьшению количества сельских населенных пунктов, что особенно характерно для северных регионов Урала — Тюменской области, ХМАО-Югры, ЯНАО. В Свердловской области в течение исследуемого периода (2014–2017 гг.) наблюдается увеличение сельского населения (на 20 % по сравнению с показателем 2014 года) с одновременным ростом доли сельского населения в общей численности (табл. 1).

На размещение экономически активного населения на городских и сельских территориях УрФО влияют следующие факторы:

— уровень оплаты труда;
— уровень занятости (безработицы);
— качество, направления и размеры социальной поддержки;

Таблица 2

Основные индикаторы качества жизни трудоспособного населения регионов Уральского федерального округа

Регион	Средняя оплата труда, тыс. руб. / год				Уровень безработицы, %		Уровень социально значимых расходов бюджета на душу населения, тыс. руб.	
	по экономике в целом		в сельском хозяйстве					
	2014	2017	2014	2017	2014	2017	2014	2017
УрФО — всего	406,8	526,2	243,4	282,7	6,6	6,3	26,1	41,6
Свердловская обл.	333,6	412,1	201,3	270,4	6,6	6,4	26,1	30,4
Тюменская обл. (включая АО)	535,2	765,6	236,4	280,6	4,7	4,5	35,3	32,4
ХМАО-Югра	664,8	796,5	508,8	477,9	5,1	4,0	81,6	71,7
ЯНАО	775,2	1078,0	180,0	563,9	3,4	3,5	88,5	166,1
Челябинская обл.	278,4	386,4	196,8	235,2	6,4	7,1	22,8	67,7
Курганская обл.	234,0	302,9	66,0	156,1	8,8	10,3	24,9	30,5

— качество и доступность бытовой и социальной инфраструктуры.

Несмотря на сокращение численности работоспособного населения, на сельских территориях УрФО отмечается превышение предложения рабочей силы над спросом, что вызвано сокращением объемов традиционных производств на сельских территориях, отсутствием вакантных рабочих мест, слабым развитием несельскохозяйственных отраслей экономики. Уровень безработицы в 2017 году в целом по Российской Федерации составил 5,4 %, по УрФО этот показатель несколько выше — 6,3 %, а в Курганской области превышает 10 %. Наблюдается превышение уровня безработицы среди сельских жителей по сравнению с уровнем безработицы среди городских жителей в 1,7 раза. Одновременно с уменьшением численности сельского населения наблюдается переход части экономически активного населения в категорию нестандартно, частично или альтернативно занятых.

Другой проблемой сельского рынка труда является несоответствие качественных характеристик рабочей силы условиям труда, организационно-техническому оснащению и квалификационным требованиям предприятий, а также уровню предлагаемой оплаты труда. Так, номинальная заработная плата работников сельского хозяйства примерно на 40 % ниже средней заработной платы в стране (табл. 2).

В настоящее время в УрФО производится примерно 7 % всей продукции сельского хозяйства России [4]. Ведущим в структуре экономики Уральского федерального округа является промышленное производство, на которое приходится свыше половины производства валового регионального продукта, доля сельского хозяйства составляет лишь 2,5 %. Сельскохозяйственное производство в целом по округу играет весьма незначительную роль в структуре видов экономической деятельности (2,6 %),

в 2 раза уступая среднероссийскому показателю. В то же время по отдельным субъектам, традиционно развивающим отрасли агропромышленного комплекса, его доля существенна: в Челябинской области она составляет 8 %, в Курганской области — почти 16 %.

Увеличение этих показателей в прогнозируемый период до 2020 года представляется маловероятным, поскольку специфической особенностью сельского хозяйства региона является высокая трудоемкость и низкая доходность базовых отраслей, что сопровождается оттоком ресурсов, в том числе человеческих, в другие сферы производства. Большая часть сельскохозяйственных организаций неплатежеспособна, их материально-техническая база разрушается, сокращаются масштабы хозяйственной деятельности, уменьшается число занятых в производстве и увеличивается уровень безработицы. Положение усугубляется сложной демографической ситуацией и снижением уровня жизни на сельских территориях, отсутствием важных для жизнеобеспечения людей объектов социальной и инженерной инфраструктуры. Всё это, а также низкая эффективность сельскохозяйственного производства и неравномерное размещение производительных сил на сельских территориях, ограничивает инвестиционную привлекательность производства продуктов питания и натурального сырья в УрФО.

В процессе проведения данного исследования был разработан и проведен социально-экономический мониторинг человеческих ресурсов и качества персонала различных отраслей АПС, а также анализ влияния этих факторов на уровень развития сельскохозяйственных территорий и состояние продовольственной безопасности региона и страны в целом. Социально-экономический мониторинг аграрной сферы сельскохозяйственной территории, отражающий качество жизни населения трудоспособного возраста, изменение уровня профессиональной подготовки, соотношение социальной и экономической составляющих труда, а также динамику качества и стоимости труда и рабочей силы в разрезе районов Свердловской области (табл. 3) проводился по следующим индикаторам:

1. Эффективность затрат на персонал в разрезе экономических субъектов отрасли, определяемая отношением затрат к уровню производительности труда при среднеотраслевом ресурсном обеспечении (I_1).

Показатель сформирован как отношение показателей расходов экономического субъекта на оборудование рабочих мест, охрану труда и технику безопасности, специфическую подготовку кадров, дополнительное социальное обеспечение и т. п. к производительности труда в стоимостном выражении. В настоящее время более 1,3 тыс. рабочих мест в отрасли нуждаются в модернизации по причине низкой производительности труда, и это — почти треть рабочих мест, нуждающихся в модернизации по области в целом. Поэтому при расчетах среднеобластной показатель I_1 принят за 1, а индекс в разрезе сельских территорий Свердловской области — как доля относительно среднеобластного значения.

Таблица 3

Рейтинг сельских территорий районов Свердловской области по результатам социально-экономического мониторинга (2014–2017 гг.)

Районы	I_1	I_2	I_3	I_4	I_5	I_6	I_7
Алапаевский	0,4	0,7	0,1	0,6	0,5	0,7	0,5
Артемовский	0,5	0,6	0,1	0,4	0,3	0,4	0,4
Артинский	0,4	0,5	0,1	0,7	0,5	0,5	0,5
Ачитский	0,4	0,5	0,1	0,3	0,4	0,5	0,4
Байкаловский	0,4	0,5	0,1	0,4	0,4	0,7	0,4
Белоярский	0,6	0,5	0,1	0,9	0,5	0,6	0,5
Богдановичский	0,6	0,5	0,1	0,8	0,5	0,2	0,4
Верхнесалдинский	0,3	0,6	0,1	0,7	0,5	0,3	0,4
Верхотурский	0,3	0,4	0,1	0,7	0,5	0,3	0,4
Гаринский	0,3	0,4	0,1	0,6	0,4	0,2	0,3
Ирбитский	0,5	0,8	0,1	0,9	0,4	0,3	0,5
Каменский	0,3	0,6	0,1	0,3	0,4	0,2	0,3
Камышловский	0,4	0,8	0,1	0,6	0,4	0,2	0,4
Красноуфимский	0,4	0,8	0,1	0,6	0,5	0,8	0,5
Невьянский	0,4	0,6	0,1	0,7	0,4	0,3	0,4
Нижнесергинский	0,4	0,7	0,1	0,8	0,5	0,7	0,5
Новолялинский	0,3	0,6	0,1	0,4	0,4	0,6	0,4
Пригородный	0,5	0,8	0,1	0,9	0,6	0,9	0,6
Пышминский	0,5	0,6	0,1	0,8	0,5	0,5	0,5
Режевский	0,3	0,5	0,1	0,7	0,4	0,4	0,4
Серовский	0,3	0,8	0,1	0,8	0,5	0,3	0,5
Слободо-Туринский	0,3	0,5	0,1	0,5	0,6	0,4	0,4
Сухоложский	0,3	0,6	0,1	0,7	0,5	0,4	0,4
Сысертский	0,5	0,7	0,1	0,9	0,6	0,8	0,6
Таборинский	0,3	0,4	0,1	0,6	0,4	0,2	0,3
Тавдинский	0,3	0,4	0,1	0,4	0,4	0,2	0,3
Талицкий	0,5	0,5	0,1	0,5	0,5	0,2	0,4
Тугулымский	0,3	0,3	0,1	0,3	0,3	0,4	0,3
Туринский	0,3	0,5	0,1	0,8	0,5	0,7	0,5
Шалинский	0,3	0,4	0,1	0,5	0,4	0,2	0,3

2. Соотношение уровня оплаты труда в отраслевом разрезе и уровня смертности сельского населения (I_2).

Показатель сформирован исходя из постулата, что размер заработной платы работника должен обеспечивать как минимум процесс восстановления физических сил, затраченных в процессе труда. Показатель характеризует динамику уровня оплаты труда в сельском хозяйстве в прямом отношении к продолжительности жизни и уровню смертности. Аналогично предыдущему индексу, значение по области в целом оценено как 1, а показатели сельских территорий — по отношению к среднеобластному значению.

3. Соответствие квалификации кадров основных профессий масштабам инновационных преобразований в аграрной сфере (I_3).

Показатель соответствия уровня и своевременности подготовки кадров основных профессий инновационным преобразованиям в аграрном секторе установлен условно на крайне низком уровне для всех районов Свердловской области из-за отсутствия взаимосвязи прироста квалифицированных кадров и увеличения числа инноваций в районах (прирост кадров наблюдался, в основном, по другим причинам). Доля организаций сельского хозяйства, осуществлявших какие-либо инновации в исследуемый период, в общей численности экономических субъектов области ничтожно мала.

4. Уровень безработицы в сельских районах (I_4).

Показатель динамики уровня безработицы в сельских районах сформирован исходя из абсолютных показателей безработицы в сельском хозяйстве района в сравнении со среднеобластным значением (6,4 %).

В течение исследуемого периода наблюдается тенденция, при которой для заполнения вакантных рабочих мест практически не требовались неквалифицированные работники и работники с низкой квалификацией (менее 0,4 % от общей занятости). Вместе с тем отмечается высокий спрос в сельском, лесном, охотничьем хозяйствах, в рыбоводстве и рыболовстве: 2,2 тыс. чел. (4,4 % от общей численности занятых) квалифицированных и 7,8 тыс. чел. (2,9 % от общей численности занятых) высококвалифицированных.

5. Состояние социальной инфраструктуры сельских территорий (I_5).

Состояние социальной инфраструктуры отдельных сельских территорий также оценивается как крайне неудовлетворительное даже в сравнении со среднеобластным показателем. Социальная инфраструктура практически всех сельских территорий слабо развита. Так, в частности, уровень газификации сельского жилищного фонда составляет свыше 30 % (по РФ — 51,1 %), а уровень обеспеченности питьевой водой — 45 %.

6. Уровень мотивации при раскрытии профессиональных качеств работника, определяемый как отношение средней производительности труда работников аграрной сферы к аналогичному показателю в инновационно ориентированных районах (I_6) в округе.

Расчет основан на допущении, что уровень мотивации персонала аграрной сферы в большей степени имеет привязку к конкретной территории как к месту постоянного проживания, чем к отрасли. Соответственно, определяющие показатели производительности труда соотносились с аналогичными показателями конкретной территории (Северный, Западный, Восточный, Южный, Горнозаводской округа и агломерации вне округов).

7. Совокупный индекс I_7 определяется как средняя арифметическая величина индексов I_1–I_6, характеризует социально-экономическое развитие сельской территории того или иного района Свердловской области.

Проведенный мониторинг человеческого капитала сельскохозяйственных территорий (см. табл. 3) по приведенным индикаторам лишь условно выражает зависимость качества жизни работников сельского хозяйства УрФО от результатов их труда и трудовых затрат. Низкая оплата труда и специфическая безработица на селе, продолжающаяся деградация сельского хозяйства снижают интерес квалифицированных специалистов к аграрному производству и не способствуют инновационным преобразованиям в этой сфере. Сельскохозяйственный труд по-прежнему является малопривлекательным, предпосылки устойчивого развития сельских территорий и повышения уровня продовольственной безопасности за счет собственных внутренних резервов отсутствуют.

Подобное состояние дел заставляет оценивать сельскохозяйственное производство в УрФО по-прежнему как рискованное, что усиливается влиянием диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и естественных монополий. Климатические условия способствуют повышенному потреблению энергоресурсов, поэтому затраты на энергоносители в среднем втрое превышают аналогичные расходы зарубежных компаний. В связи с этим (наряду с другими факторами) себестоимость продовольственной продукции внутреннего производства на 20–30 % выше импортируемой.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» государство прямо и непосредственно регулирует процессы развития в сельском хозяйстве [2]. Так, основными целями данной программы являются:

— обеспечение продовольственной независимости России в параметрах, заданных Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации [1];

— ускоренное импортозамещение основных видов продуктов питания;

— повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Ожидаемыми результатами развития сельского хозяйства должны стать, в частности [3]:

— увеличение производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) в 2020 году по отношению к уровню 2012 года на 24,8 %, пищевых продуктов — на 32,5 %;

— обеспечение среднего уровня рентабельности сельскохозяйственных организаций на уровне 17 % (с учетом субсидий);

— доведение соотношения уровней заработной платы в сельском хозяйстве и в среднем по экономике страны до 55 %.

Вместе с тем ежегодное финансирование этих мероприятий, а значит и развитие деятельности на сельских территориях с населением около 40

Таблица 4

Объем бюджетных ассигнований на реализацию «Государственной программы развития сельского хозяйства…» за счет средств федерального бюджета

Показатели	Год			
	2017	2018	2019	2020
Всего, млн руб.	215852	197958	194056	194060
Посевные площади, тыс. га	79993	79993*	79993*	79993**
На 1 га посевных площадей				
руб.	2698	2475	2426	2426
евро (курс 69,75 руб.*)	39	36	35	35

* Для сравнения: в странах Евросоюза, имеющих благоприятные для ведения сельскохозяйственной деятельности природно-климатические условия и где сельское хозяйство на сегодняшний день несоизмеримо более развито и оснащено, выделяется до 500 евро на 1 га посевных площадей.

** Условно.

млн чел., в масштабах страны сопоставимо с бюджетом крупного областного центра и имеет тенденцию к снижению (табл. 4).

Таким образом, нет смысла ожидать каких-либо позитивных изменений в динамике развития отраслей сельского хозяйства за счет мер государственного воздействия.

Обеспечение экономического роста и социального благополучия населения сельских территорий возможно лишь при условии трансформации архитектоники АПС по следующим направлениям:

1) расширение объемов производства сельскохозяйственной продукции путем совершенствования существующих видов деятельности (модернизация материально-технической базы, изменение инфраструктуры продовольственного рынка, и т. п.);

2) диверсификация отраслей АПС.

Совершенствование существующей агропродовольственной системы представляется весьма актуальным, поскольку именно обеспечение продовольствием является основой бесперебойной деятельности основных отраслей экономики УрФО. Решение этой задачи предполагает выход сельского хозяйства на качественно новый технологический уровень производства, стимулируемый масштабным привлечением в отрасль инвестиционных средств, ослаблением инфраструктурных ограничений, освоением малозаселенных территорий, формированием новых рынков и улучшением уровня жизни сельского населения. Последнее весьма актуально для населения России и особенно для работников сельского хозяйства, чья заработная плата в настоящее время значительно ниже среднероссийского показателя, а рентабельность агропроизводителей несопоставима с аналогичными значениями других отраслей.

Одновременно с увеличением производства продовольствия возможно увеличение экспорта продукции сельского хозяйства. В настоящее время вывоз продовольственных товаров осуществляется главным

образом в другие субъекты, входящие в состав УрФО, а также в Сибирский, Центральный и Северо-Западный федеральные округа. В структуре вывоза продовольственной продукции доминирующие позиции занимают цельномолочная продукция, колбасные изделия, мясо и птица, а также рыбная продукция. Основным поставщиком является Курганская область. Вместе с тем потенциал для развития производства продукции растениеводства и животноводства имеют Свердловская и Челябинская области, животноводства (оленеводства) и рыболовства — Тюменская область, ХМАО-Югра и ЯНАО.

Для того чтобы оценить имеющийся потенциал сельских территорий УрФО и полностью использовать имеющиеся возможности стабильного развития, в рамках данного исследования был проведен SWOT-анализ трансформации АПС (табл. 5).

Данный SWOT-анализ показал, что одной из причин, препятствующих эффективной трансформации АПС, является недостаток базового потенциала для успешного внедрения новых эффективных технологий и методов производства в сельском хозяйстве. Многие руководители сельскохозяйственных организаций готовы использовать инновации в своей деятельности, но не имеют финансовых, технических и технологических возможностей для их эффективного освоения.

Поэтому наряду с инновационными перспективами возможно расширение границ ведения малого и среднего предпринимательства как в традиционных, так и — в большей степени — новых для сельского хозяйства отраслях. Результатом диверсификации сельскохозяйственного производства прогнозируемо станет повышение доли торговли, социальных и коммерческих услуг в структуре производимого валового регионального продукта, создание новых рабочих мест, снижение уровня безработицы населения сельских территорий, улучшение экологической ситуации в регионе.

В связи с этим наиболее приемлемыми организационно-правовыми формами в диверсифицируемых отраслях сельского хозяйства являются предприятия малого и среднего бизнеса (по примеру стран Евросоюза), а перспективными направлениями деятельности — новые и нетипичные отрасли и подотрасли агропроизводства, не имеющие прямой зависимости от природно-климатических условий:

1) увеличение объемов производства агрокультур, традиционно и стабильно возделываемых на той или иной территории;

2) цветоводство, ландшафтный дизайн и озеленение, флористика с использованием местных растений и культур;

3) производство расходных материалов для сельского хозяйства;

4) услуги по обработке земли, улучшению качества почв, воды, воздуха;

5) переработка продукции собственного производства;

6) агротуризм (в том числе контактные зоопарки, дома отдыха, пансионаты и оздоровительные центры с кратким сроком пребывания, и т. п.).

Таблица 5

SWOT-анализ трансформации АПС УрФО

Сильные стороны	*Слабые стороны*
1. Неэластичный спрос на продукты питания 2. Обеспеченность достаточным количеством территорий для ведения сельского хозяйства 3. Наличие специализированных учреждений (НИИ), занимающихся научными разработками в аграрной сфере 4. Наличие на территории области специализированного аграрного вуза 5. Наличие в области бизнес-единиц, реализующих инновационные стратегии 6. Наличие областных программ, направленных на поддержку реконструкции сельскохозяйственных объектов, модернизации отраслей АПК	1. Сезонность производства 2. Низкая продуктивность 3.Неблагоприятные природно-климатические условия 4. Недостаток финансовых средств 5.Отток высококвалифицированных специалистов из отрасли в связи с низкой оплатой труда, старение кадров 6.Снижение уровня и масштабов прикладных исследований в аграрной сфере 7. Низкий уровень освоения инновационных технологий и инновационной активности 8. Высокий износ основных средств 9. Устаревшие технологии
Возможности	*Угрозы*
1. Практически неограниченный спрос на продукты питания на продовольственном рынке 2 Технологическое перевооружение производства с компенсацией части затрат за счет средств областного бюджета 3. Увеличение несвязной поддержки 4. Формирование саморазвивающейся и самофинансируемой научно-исследовательской системы 5. Наличие возможностей диверсификации отраслей агропродовольственной системы	1. Снижение до критического уровня производственных, кадровых, финансовых и др. ресурсов 2. Сокращение финансирования из бюджетов всех уровней 3. Полный физический и моральный износ производственных фондов 4. Отсутствие радикальных инновационных, научно-технических, научно-технологических и научно-организационных разработок, максимально учитывающих особенности территории

Диверсификации сельского хозяйства в общем случае однозначно приводит к сокращению бедности населения, повышению уровня и качества жизни, снижению социальной напряженности на депрессивных территориях, включая моногорода.

Однако подобная трансформация экономики сопряжена с определенными объективными проблемами, среди которых основной является, в частности, непредсказуемость результатов сельскохозяйственной деятельности, поскольку по своим климатическим характеристикам большинство регионов России, и в частности УрФО, относятся к зонам рискованного земледелия. Этот факт практически полностью исключает возможность развития агроструктур за счет средств частных инвесторов, а привлечение средств из бюджетов разного уровня ограничивается экономическими приоритетами сырьевых и нефтегазовых отраслей.

Список источников

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document.

2. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (в ред. от 01.03.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document.

3. Изменения в Стратегию развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 30.06.2016 № 1378-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document.

4. О Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2011 № 1757-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.zakonprost.ru/content/base/part/830026.

Информация об авторе

Минеева Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: 9220350757@mail.ru.

Mineyeva N. N.

Transformation of Architectonika Aps as the Condition of Development of Rural Territories

Modern agrarian production is characterized by a weakening of the direct dependence of accommodation on natural and climatic factors and labor resources, which leads to the emergence of a new specific concept — the agro-food system (APS), which most accurately reflects the place of agriculture in the economy. In this connection, the development of a methodology for forecasting the transformation of the APS of a particular territory, as well as an assessment of the impact of this process on the standard of living of the population and the state of food security in the region and the country as a whole, is becoming topical. The purpose of the study is to analyze the current state and determine the prospects for the development of rural areas of the Urals Federal District. The goal of the research was achieved through comparative, statistical and system analysis, as well as socio-economic monitoring by author's methodology. The main objective of the study is to establish the determining directions for the transformation of the regional agro-food system of the Urals Federal District on the basis of an analysis of existing trends. The research period is 2014–2017. The result of the study is the rationale for the optimal model for the development of rural areas of industrial regions on the basis of diversification — the innovative reorientation of typical industries for the territories with the transfer of key characteristics of the agrifood system from the sectoral to the territorial aspect.

Keywords: agro-food system, rural areas, labor resources

References

1. On the Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 30.01.2010 № 120 [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document.

2. On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Foodstuffs for 2013–2020: Decree of the Government of the Russian Federation of 14.07.2012 № 717 (as amended on 01/03/2018) [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document.

3. Changes in the Strategy for the Development of the Food and Processing Industry of the Russian Federation for the Period to 2020: Order of the Government of the Russian Federation of June 30, 2016 № 1378-r [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document.

4. On the Strategy for Social and Economic Development of the Urals Federal District for the period until 2020: Order of the Government of the Russian Federation of 06.10.2011 № 1757-r Electronic resource]. URL: http://www.zakonprost.ru/content/base/part/830026.

Author

Mineeva Natalia Nikolaevna — PhD in Economic Sciences, Senior Researcher Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, 29 Moskovskaya St.; e-mail: 9220350757@mail.ru.

УДК [314.18+18+314.15] (571.56–17)

Мостахова Т. С.

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) И ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ[1]

Вопросы демографической безопасности имеют особую значимость для северных регионов России в силу специфики формирования населения, экстремальных природно-географических и социально-экономических условий регионов. Эти факторы оказывают существенное влияние на состояние демографической безопасности регионов Севера. Цель исследования состоит в выявлении региональной специфики воспроизводства населения и определении основных угроз демографической безопасности с применением методов демографического анализа. По сравнению с предыдущими работами уточнены современные тенденции в развитии демографического потенциала, проанализирована региональная демографическая политика. Анализ воспроизводства населения позволяет определить в качестве основных угроз такие, как сохранение миграционного оттока, наличие высоких потерь трудоспособного населения в результате преждевременной смертности от внешних причин смерти; сохранение сверхсмертности мужчин, постарение населения, наличие безбрачия коренного населения. В формировании численности населения сохраняется отрицательная роль миграционного оттока населения, который почти в 2 раза превышает соответствующие показатели по Дальневосточному федеральному округу. Начиная с 2015 года вновь появилась тенденция к снижению естественного прироста населения: за 2014–2017 гг. он сократился на 32 %. Серьезные угрозы отмечаются в сфере смертности населения (значительная доля умерших в трудоспособном возрасте и умерших от внешних причин, высокая сверхсмертность мужчин), что в итоге формирует невысокую продолжительность жизни населения. В итоге это отражается на отсутствии значимого демографического роста, относительно невысокой ожидаемой продолжительности жизни. Явственным становится процесс постарения населения. Отмечается значительное безбрачие среди коренного населения республики. Республика Саха (Якутия) имеет значительный опыт в реализации демографической политики. Однако на современном этапе существующие угрозы демографической безопасности не достаточно адекватно отражаются в мерах региональной демографической политики.

Ключевые слова: угрозы, демографическая безопасность, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, миграция, демографическая политика, северный регион, Республика Саха (Якутия)

Исследование проблем демографической безопасности выступает одной из составляющих совершенствования региональной демографической

[1] © Мостахова Т. С. Текст. 2018.

политики. В этом смысле исследование проблемных вопросов развития демографического потенциала закономерно можно оценивать как научное обеспечение мер, направленных на улучшение развития народонаселения в регионе.

Значительный природно-ресурсный потенциал, которым обладают почти все северные и арктические регионы, в свою очередь требует определенных трудовых ресурсов для его освоения и, соответственно, определенного демографического потенциала. В связи с этим для северных регионов России вопросы демографической безопасности представляются особенно актуальными. Необходимо учитывать и тот факт, что воспроизводство населения на Севере происходит в экстремальных природно-климатических и социально-экономических условиях. Кроме того, большинство северных и арктических территорий являются слабозаселенными, имеют низкую плотность населения, что выдвигает дополнительно и геополитические аспекты демографической безопасности.

Республика Саха (Якутия), как и другие северные и арктические регионы, всегда имела существенные отличия в демографической ситуации [2]. Длительный период времени численность населения региона пополнялась за счет миграционного притока из-за пределов республики. Эта особенность формирования населения во многом определяла и другие отличительные характеристики воспроизводства населения, прежде всего в возрастно-половом распределении населения, что в свою очередь становилось фактором специфики основных демографических процессов — рождаемости и смертности. Наряду с существовавшими отличиями в сфере рождаемости, связанными с особенностями этнического состава, эта особенность формирования населения определяла региональную специфику народонаселения. В то же время эта особенность определила и современные риски и угрозы демографической безопасности региона, отмечаемые в настоящее время.

Имеющиеся угрозы демографической безопасности в концентрированном виде отображаются в отсутствии значимого роста численности населения (табл. 1).

Изменилось соотношение источников формирования населения, что послужило основной причиной такой динамики численности. С 1991 года отмечается достаточно интенсивный отток населения [6, с. 89–92]. Миграционное сальдо вплоть до 2013 года по своему абсолютному размеру превышало естественный прирост. И в настоящее время миграционный отток в республике превышает аналогичные показатели по Дальнему Востоку (табл. 2), представляя серьезную демографическую угрозу в аспекте его влияния на динамику численности населения.

В 2016 году было отмечено некоторое улучшение миграционной обстановки. Однако итоги 2017 года вновь показали, что миграционный отток населения сохраняет свою значимость как угроза демографической безопасности в регионе.

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Саха (Якутия) за 2002–2017 гг.

Категория населения	2002	2005	2010	2015	2016	2017	2017/2002
Всё население	949,3	953,2	958,5	956,9	959,7	962,8	1,014
Городское	610,0	609,5	614,6	624,7	627,8	630,5	1,034
Сельское	339,3	343,6	344,0	332,2	331,9	332,3	0,953

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2017. С. 13.

Таблица 2

Динамика коэффициента миграционного прироста, на 10 тыс. чел.

Территории	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	25	20	19	21	19	16,8	17,9	14,43
Дальневосточный федеральный округ	–83	–81	–49	–53	–40	–39	–28,1	–27,72
Республика Саха (Якутия)	–92	–28	–71	–96	–70	–56,2	–43,2	–48,25

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2017. С. 243.

Таблица 3

Динамика коэффициента естественного прироста населения

Территория	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	–6,6	–5,9	–1,7	–0,9	0	0,2	0,2	0,3	–0,01	–0,9
Дальневосточный федеральный округ	–3,5	–3,8	–0,6	–0,3	0,9	1,3	1,5	1,3	0,8	0,0
Республика Саха (Якутия)	4,0	4,1	7,0	7,7	8,5	8,8	9,2	8,6	7,6	6,3

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2017. С. 243; www.gks.ru/free_doc/2017/demo/t1_3.xls.

Долговременным трендом в динамике естественного прироста, другого источника формирования населения, остается снижение, хотя за определенный период времени, после принятия ряда федеральных мер по стимулированию рождаемости (2000–2014 гг.), он возрос в 2,3 раза (табл. 3). Однако начиная с 2015 года вновь появилась тенденция к снижению естественного прироста населения: за 2014–2017 гг. он сократился на 32 %.

Демографическая безопасность в сфере рождаемости характеризуется, кроме того, суммарным коэффициентом рождаемости. Динамика этого индикатора в настоящее время вновь показывает снижение, хотя на предыдущем этапе отмечался значительный рост (табл. 4). В настоящее время он только ненамного превышает уровень простого воспроизводства населения [5, с. 307–313]. По сравнению же с динамикой в Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе снижение было минимальным.

Особо следует обозначить угрозы демографической безопасности в сфере смертности населения. Во-первых, это достаточно высокая доля умерших в трудоспособном возрасте (табл. 5). На протяжении 2000–2016 гг.

Таблица 4

Суммарный коэффициент рождаемости за 2000–2017 гг.

Территория	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2017/ 2000
Российская Федерация	1,19	1,29	1,57	1,71	1,75	1,78	1,76	1,62	1,361
Дальневосточный федеральный округ	1,26	1,42	1,63	1,81	1,87	1,89	1,86	1,73	1,373
Республика Саха (Якутия)	1,77	1,73	2,00	2,17	2,25	2,19	2,09	1,93	1,090

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2017. С. 80; https://fedstat.ru/indicator/31517.

Таблица 5

Доля умерших в трудоспособном возрасте, в % к общему числу умерших

Пол	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Оба пола	46,5	48,2	46,9	45,5	43,2	41,4	40,2	38,7	37,5
Мужчины	59,1	61,1	60,6	58,3	57,4	55,6	53,8	52,5	50,5
Женщины	26,3	26,7	25	25	21,5	20,3	20,2	18,7	19,3

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха(Якутия)стат, 2017. С. 100.

Таблица 6

Динамика индекса сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия)

Возрастные группы, лет	2000	2005	2010	2015	2016	2016/2000
Всего	1,67	1,76	1,70	1,55	1,49	0,889
0–4	1,33	1,59	1,16	1,38	1,19	0,891
5–9	2,25	1,00	1,25	1,00	1,50	0,667
10–14	2,50	2,25	1,00	1,33	1,33	0,533
15–19	2,00	2,89	3,13	3,00	1,83	0,917
20–24	4,64	5,10	3,60	3,00	4,17	0,897
25–29	4,18	3,53	3,13	4,88	3,20	0,766
30–34	4,30	4,40	5,27	3,27	3,12	0,725
35–39	3,46	4,08	3,25	3,18	2,91	0,841
40–44	3,19	3,51	3,62	3,80	3,03	0,951
45–49	2,97	3,19	2,87	2,54	2,68	0,902
50–54	2,82	2,96	2,92	2,96	2,62	0,929
55–59	2,97	30,75	2,75	2,99	2,76	0,929
60–64	2,11	2,20	2,47	2,60	2,62	1,242
65–69	1,81	2,14	2,40	2,17	2,17	1,196
70+	1,26	1,33	1,40	1,32	1,31	1,040

Рассчитано по: Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2016 год: стат. сборник № 5/261. Т. 1. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2017. С. 59–60.

этот показатель у мужчин в 2 и более раз превышал аналогичный показатель у женщин [10, с. 289–291]. К сожалению, подобная ситуация остается стабильной.

Таблица 7

Индекс сверхсмертности мужчин в трудоспособном возрасте за 2005–2017 гг.

Территория	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017/2005
Российская Федерация	3,85	3,73	3,66	3,65	3,64	3,64	3,56	3,55	3,51	0,911
Дальневосточный федеральный округ	3,38	3,36	3,36	3,30	3,22	3,20	3,14	3,21	3,23	0,954
Республика Саха (Якутия)	3,75	3,66	3,47	3,77	3,76	3,62	3,75	3,31	3,73	0,995

Рассчитано по: Смертность населения Республики Саха (Якутия) за 2016 год: стат. сборник № 167/318. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2017. С. 44–47.

Во-вторых, как еще одну угрозу демографической безопасности следует расценивать сверхсмертность мужчин. В динамике этого показателя отмечается позитивная тенденция к снижению практически во всех возрастных группах населения, за исключением самых старших возрастов (табл. 6). Тем не менее в группах активных трудоспособных возрастов (от 40 до 59 лет) эта позитивная динамика не столь существенна.

В трудоспособном возрасте индекс сверхсмертности мужчин особенно высок, причем по сравнению с Российской Федерацией в целом и Дальневосточным федеральным округом позитивная динамика за 2005–2017 гг. практически отсутствует (табл. 7).

В качестве одной из угроз в сфере смертности можно оценивать смертность от внешних причин, которые перманентно занимают 2-е место в структуре причин смерти. В 2016 году они определяли 16,2 % общего числа умерших (для сравнения: в 1990 году — 24,6 %).

Существенной проблемой в сфере смертности населения является то, что в структуре причин смерти длительное время сохраняется значительный удельный вес умерших от несчастных случаев, отравлений и травм, т. е. от внешних причин. Высокая смертность в результате внешних причин смерти выступает как одна из наиболее существенных угроз демографической безопасности региона.

Наблюдается положительная динамика в сокращении доли этих причин смерти в общем числе умерших: 1990 год — 24,6 %, 2015 год — 17 %. Тем не менее внешние причины смерти устойчиво занимали 2-е место после болезней системы кровообращения (табл. 8).

Итоги 2017 года показали, что на вторую позицию в структуре причин смерти в республике вышли новообразования, а внешние причины смерти перешли на 3-е место. Тем не менее, удельный вес умерших от несчастных случаев, отравлений и травм, т. е. от внешних причин, все еще значителен [12, с. 65–69]. Высокая смертность в результате внешних причин смерти выступает как одна из наиболее существенных угроз демографической безопасности региона.

В разрезе отдельных причин этого класса наибольшие показатели индекса сверхсмертности мужчин в 2016 году были характерны для

Таблица 8

Динамика коэффициентов смертности по основным классам причин смерти, на 100000 чел.

Год	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
Российская Федерация						
2000	24,9	204,7	846,1	70,2	44,4	219,0
2005	27,2	200,6	905,4	66,0	65,4	220,1
2010	23,5	205,2	806,4	52,4	64,4	151,8
2014	22,3	201,9	653,9	54.4	67,2	129,9
2015	23,5	205,1	635,3	51,8	69,6	121,3
2016	24,1	204,3	616,4	48,0	67,0	114,2
2016/2000	0,968	0,998	0,728	0,684	1,509	0,521
Дальневосточный федеральный округ						
2000	32,6	166,7	632,1	55,5	46,4	251,2
2005	39,8	184,1	795,3	67,1	78,0	284,9
2010	32,5	190,9	735,4	58,8	78,1	202,4
2014	24,2	190,4	638,5	57,1	77,5	165,8
2015	26,0	200,5	589,7	57,8	81,3	160,3
2016	24,7	200,2	576,7	52,7	79,6	147,8
2016/2000	0,758	1,201	0,911	0,949	1,715	0,588
Республика Саха (Якутия)						
2000	15,2	132,6	381,7	43,3	45,8	243,9
2005	15,3	125,8	465,1	36,3	46,1	229,2
2010	11,4	120,7	469,5	34,9	55,7	195,3
2014	10,6	128,2	406,3	27,9	37,1	155,0
2015	12,6	130,1	386,7	27,9	42,2	145,3
2016	15,0	134,6	368,7	26,8	38,1	135,4
2017	13.2	135.6	361.6	28.1	38.2	132.5
2016/2000	0,987	1,015	0,966	0,619	0,832	0,555

Источник: Смертность населения Республики Саха (Якутия) за 2016 год: стат. сборник № 167/318. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2017. С. 30–31.

Таблица 9

Индекс сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия) за 2000–2016 гг.

Причины смертности	2000	2005	2010	2015	2016	2016/2000
Все причины	1,66	1,75	1,69	1,55	1,48	0,89
Внешние	4,51	4,77	4,08	4,57	4,47	0,99
Все виды транспортных травм	3,38	3,72	3,80	3,67	2,96	0,88
Самоубийства	5,54	6,04	4,25	4,63	6,26	1,13
Убийства	5,36	5,95	5,25	10,46	4,45	0,83

Рассчитано по: Смертность населения Республики Саха (Якутия) за 2016 год: стат. сборник № 167/318. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2017. С. 30–31.

Таблица 10

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Пол	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017/2000
Российская Федерация											
Оба пола	65,3	65,4	68,9	69,8	70,2	70,8	70,9	71,4	71,9	72,7	1,113
Мужчины	59,0	58,9	63,1	64,0	64,6	65,1	653	65,9	66,5	67,5	1,144
Женщины	72,3	72,5	74,9	75,6	75,9	76,3	76,5	76,7	77,1	77,6	1,074
Дальневосточный федеральный округ											
Оба пола	63,2	62,2	65,8	66,4	67,0	67,8	68,2	68,7	69,2	70,1	1,109
Мужчины	57,3	56,1	60,0	60,6	61,4	62,2	62,7	63,3	63,8	64,8	1,131
Женщины	70,0	69,4	72,1	72,6	73,1	73,8	74,1	74,4	74,8	75,5	1,079
Республика Саха (Якутия)											
Оба пола	63,7	64,7	66,8	6767	67,9	69,1	69,8	70,3	70,8	71,7	1,125
Мужчины	57,9	58,7	61,0	61,9	62,4	63,5	64,3	64,9	65,8	66,4	1,147
Женщины	70,3	71,5	73,1	74,0	73,9	75,0	75,5	75,8	76,0	77,1	1,096

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2017. С. 244.

самоубийств (табл. 9). Именно по этой причине смерти происходит и рост индекса сверхсмертности мужчин, в отличие от других причин (транспортные травмы, убийства), по которым отмечается некоторая позитивная динамика.

Эта демографическая угроза обладает четкой гендерной спецификой, задаваемой высокой смертностью мужчин от внешних причин [11, с. 479–484]. Индекс сверхсмертности в 2016 году составлял 4,47 раза (в 2000 г. — 4,51). К сожалению, гендерная составляющая во внешних причинах смерти остается без изменений.

Таким образом, проблемы в сфере смертности представляют одну из главных угроз для демографической безопасности северного региона. Итоговый индикатор демографической безопасности в сфере смертности — ожидаемая продолжительность жизни — превысил уровень в 70 лет только в 2015 году (табл. 10). Кроме того, необходимо отметить значительный разрыв в продолжительности жизни у мужчин и женщин [9, с. 176–180].

Формирование населения региона за счет миграционного притока наряду с высокой рождаемостью оказало существенное влияние на возрастную структуру населения республики. Ее особенностью в республике по сравнению с другими территориями России является значительно более высокая доля лиц в трудоспособном возрасте и детского населения, на фоне относительной малочисленности людей пенсионного возраста [7, с. 41–46]. Трансформация демографических процессов в республике отразилась и на изменениях в распределении населения по возрасту и полу (табл.11). Происходит старение населения республики: доля пожилого населения возросла почти в 2 раза по сравнению с 1990 годом: с 6,7 до 16,4 % в 2017 году. Большой вклад в постарение населения северных регионов вносит миграционный отток из зоны Севера, который приводит

Таблица 11

Распределение населения Республики Саха (Якутия) по основным возрастным группам, %

Категории населения по возрасту	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Младше трудоспособного возраста	28,2	25,0	23,3	24,4	24,7	24,8
В трудоспособном возрасте	62,0	64,8	64,0	60,5	59,6	58,8
Старше трудоспособного возраста	9,8	10,2	12,7	15,1	15,8	16,4
Средний возраст, лет	30,8	31,9	32,9	33,7	33,9	34,1

Рассчитано по: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2017. С. 26–28.

к существенному превышению общероссийских темпов увеличения процента населения старше трудоспособного возраста [8, с. 16].

Рост доли пожилого населения, безусловно, связан с ростом ожидаемой продолжительности жизни, т. е. его можно расценивать как весьма позитивный факт. Тем не менее, постарение населения вызывает рост экономико-демографической нагрузки на трудоспособное население, что можно оценивать и как определенный риск в демографической безопасности региона.

В качестве специфической черты демографического развития региона можно указать высокий уровень безбрачия среди коренного населения республики. Хотя присутствует достаточно благоприятное соотношение между мужчинами и женщинами среди якутов (саха) по сравнению с остальными народами, тем не менее доля состоящих в браке среди них гораздо ниже — как среди мужчин, так и среди женщин. Сельское коренное население позже вступает в брак и гораздо чаще, по сравнению с городскими жителями, вообще не создает семью. Например, по данным переписи 1989 г., в возрасте 30–34 года никогда не состояли в браке 26,4 % мужчин-саха и 22,9 % женщин-саха. А у русских в этом возрасте, соответственно, только 9,1 и 3,7 %. В возрасте 50–54 года (возраст окончательного безбрачия) никогда не имели семью 9 % мужчин-саха и 8 % женщин-саха, проживающих на селе [4, с. 94–111].

По весьма обобщенным показателям переписи 2002 года видно, что различия в состоянии в браке среди русских и якутов сохранились. У мужчин-якутов доля никогда не состоявших в браке (из 1000 человек в возрасте старше 16 лет) составляла 34,6 %, у русских мужчин — 25,7 %. У женщин эти показатели были соответственно 31,2 и 17 % (табл. 12).

Среди мужчин состояние в браке у русских выше, чем у якутов, почти на 9 %, а категория «никогда не состоявшие в браке», наоборот, имеет существенно меньшую распространенность (на 25,6 %). Среди женщин состояние в браке ненамного различается среди русских и якуток. В то же время среди якуток больше женщин, никогда не состоявших в браке, — более чем в 1,8 раза.

По данным переписи населения 2010 года эта разница в состоянии брака продолжает сохраняться (табл. 13). И мужчины, и женщины из числа

Таблица 12

Состояние в браке по отдельным национальностям (по данным переписи населения 2002 года)

Национальность	Всего в возрасте 16 лет и старше*	В том числе			
		Состоящие в браке	Из них в:		Никогда не состоявшие в браке
			зарегистрированном	незарегистрированном	
Мужчины, на 1000 чел.					
Якуты	1000	574,4	519,5	54,9	345,8
Русские	1000	625,5	527,8	97,7	257,2
Женщины, на 1000 чел.					
Якутки	1000	507,6	456,2	51,4	311,6
Русские	1000	586,6	494,0	92,6	169,7

* А также до 16 лет, указавшие состояние в браке.

Данные переписи населения 2002 года (http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17).

Таблица 13

Состояние в браке по отдельным национальностям (по данным переписи населения 2010 года)

Национальность	Всего в возрасте 16 лет и старше*	Состоящие в браке	В том числе		
			Из них в:		Никогда не состоявшие в браке
			зарегистрированном	незарегистрированном	
Мужчины, на 1000 чел.					
Якуты (саха)	1000	570	485	85	348
Русские	1000	619	493	126	260
Женщины, на 1000 чел.					
Якутки (саха)	1000	504	425	78	308
Русские	1000	569	453	116	162

* А также до 16 лет, указавшие состояние в браке.

Рассчитано по материалам переписи населения 2010 года (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).

якутов (саха) имеют более высокие показатели безбрачия по сравнению с русским населением.

Проблема безбрачия коренного населения не носит характера явной демографической угрозы, но, тем не менее, представляет определенный интерес с позиции воспроизводства коренного населения региона.

Для республики, обладающей самой значительной территорией среди всех субъектов России, чрезвычайно важны пространственные аспекты. Помимо территориальных особенностей всех демографических процессов, которые можно обозначить как определенные риски демографической безопасности, следует указать и на проблему усиления территориальной концентрации населения. К 2010 году индекс территориальной концентрации сократился до 4,07 % (в 2002 году — 6 %) [3, с. 104].

Таким образом, анализ показывает, что развитие народонаселения Республики Саха (Якутия) сопровождается сохранением угроз, определяя

напряженность в сфере демографической безопасности. В качестве основных угроз демографической безопасности можно определить такие, как сохранение миграционного оттока, наличие высоких потерь трудоспособного населения в результате преждевременной смертности от внешних причин смерти; сохранение сверхсмертности мужчин, постарение населения, наличие безбрачия коренного населения. В итоге это отражается на отсутствии значимого демографического роста, относительно невысокой ожидаемой продолжительности жизни.

Угрозы демографической безопасности должны находить адекватное отражение в региональной демографической политике. Более значимую приоритетность должны иметь меры по снижению смертности населения.

Республика Саха (Якутия) имеет значительный опыт по реализации демографической политики [1, с. 200–204]. Еще в 1993 году был создан Комитет по вопросам семьи, женщин и демографической политике при Президенте Республики Саха (Якутия). В 1999 году Комитет был преобразован в Комитет по делам семьи и детства при Президенте РС(Я). В полномочия Комитета входила разработка и координация семейной и демографической политики, политики по улучшению положения детей и женщин, политики ЗОЖ, т. е. были охвачены все стороны жизнедеятельности семьи как основного социального института, который главным образом создает фундамент для улучшения демографических процессов. Деятельность Комитета охватывала практически все функции семьи — репродуктивную, воспитательную, здоровьесберегающую.

Была сформирована нормативно-правовая база: разработаны Концепции семейной и демографической политики, Доктрина ЗОЖ, Концепция по улучшению положения женщин. В качестве финансового механизма были использованы План действий по реализации Концепции семейной и демографической политики, План действий по улучшению положения женщин, государственная программа «Дети Республики Саха (Якутия)», затем преобразованная в целевую программу «Семья и дети Республики Саха (Якутия)». При Комитете функционировали Республиканский фонд охраны семьи, поддержки материнства и детства, Дирекция программы «Дети РС(Я)», Международный фонд «Дети Саха-Азия», Исполнительная дирекция семейной экономики. Организационными формами реализации семейной и демографической политики стали проведенные тематические годы — Годы семьи (1993–1994 гг.), Год детства и детского спорта (1999–2000 гг.), Годы здоровой семьи (2003–2006 гг.). Были учреждены республиканские праздники — День матери (с 1993 года) и День отца (с 1999 года). Учреждены государственные награды — Знак высшей благодарности матери, «Ытык аһа» (Почтенный отец), медаль «Материнская слава (2003 г.), Почетный знак «Уйе саас» для долгожителей, достигших 100-летнего возраста. Постоянно издавались доклады: государственный доклад «О положении детей», аналитические доклады «О положении семьи в РС(Я)», «О положении в области народонаселения РС(Я)» «О положении женщин».

Сформированный за годы работы Комитета организационно-финансовый механизм, комплексный подход к решению вопросов семьи и демографии позволили стабилизировать демографическую ситуацию в республике, не допустить ухудшения института семьи.

Такой достаточно значительный опыт в проведении демографической политики дает основание предполагать, что новые реалии в демографическом воспроизводстве найдут отражение в совершенствовании мер в отношении развития народонаселения, соотносимых с угрозами и рисками в демографической безопасности региона.

В настоящее время уполномоченным органом исполнительной власти в сфере демографической и семейной политики является Министерство по делам молодежи и семейной политики Республики Саха (Якутия). В течение 2014–2016 гг. оно курировало исполнение государственной программы «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в Республике Саха (Якутия) на 2014–2016 годы», где присутствовала подпрограмма № 3 «Семейная и демографическая политика». В качестве задач в ней были определены профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства, популяризация семейных ценностей и реализация мероприятий в области семейной и демографической политики, информационно-аналитическое сопровождение реализации семейной и демографической политики и совершенствование системы профессиональной подготовки.

На 2018–2022 гг. принята Государственная программа «Реализация молодежной, семейной политики и патриотического воспитания граждан в Республике Саха (Якутия)», в которую структурно входит подпрограмма № 4 «Демографическая политика». В качестве мероприятий определены следующие: «Разработка экономических и организационных основ регулирования миграционных процессов с целью сокращения миграционного оттока постоянного населения; переселение жителей депрессивных арктических поселков в районы с более благоприятным климатом» и «Создание положительного образа сельских территорий для населения, информирование широких масс населения о сравнительных преимуществах жизни в сельской местности, в том числе о доступном и просторном жилье, здоровой окружающей среде, дружелюбной социальной атмосфере, возможностях для реализации творческого потенциала граждан». Нет сомнений, что миграционный отток представляет одну из основных демографических угроз. Однако ограничение исключительно этими мероприятиями в региональной демографической политике вызывает опасения в плане ее адекватности существующим проблемам в развитии народонаселения республики.

Список источников

1. Будущее Республики Саха (Якутия): в 5 книгах. Книга 2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. — Якутск, 2015. — 220 с.

2. Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы. — Якутск, 1994. — 72 с.

3. Демографические процессы в Республике Саха (Якутия): территориальный аспект. — Якутск: Сахаада, 2017. — 208 с.

4. *Мостахова Т. С.* Этническая специфика демографического развития в Республике Саха (Якутия) // Этническая демография: сборник. Серия «Демографические исследования». — М., 2010. — С. 94–111.

5. *Мостахова Т. С.* Рождаемость в Республике Саха (Якутия): тенденции и особенности // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. — Екатеринбург, 2015. — С. 307–313.

6. *Мостахова Т. С.* Миграционная подвижность населения Республики Саха (Якутия) // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: сб. трудов международной научно-практической конференции / под общей редакцией: С. В. Рязанцева, Н. М. Пестеревой, М. Н. Храмовой. — Владивосток, 2015. — С. 89–92.

7. *Мостахова Т. С.* Воспроизводство населения в Республике Саха (Якутия): современные тенденции и ключевые вызовы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2017. — № 1(05). — С. 41–46.

8. *Попова Л. А., Зорина Е. Н.* Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. — Сыктывкар, 2014. — 122 с. (Коми научный центр УрО РАН).

9. *Сукнёва С. А., Туманова Д. В.* Вопросы снижения смертности в трудоспособном возрасте в северном регионе // Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых [Электронное издание]. — Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. — С. 176–180.

10. *Туманова Д. В.* Динамика смертности населения Республики Саха (Якутия) в условиях социально-экономических трансформаций // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений. — Якутск, 2016. — С. 289–291.

11. *Туманова Д. В.* Особенности смертности от внешних причин в северном регионе // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. статей VIII Уральского демографического форума / отв. ред. А. И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — С. 479–484.

12. *Туманова Д. В.* Потери жизненного потенциала населения от внешних причин смерти в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 2 (204). — С. 65–69.

Информация об авторе

Мостахова Татьяна Семеновна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (Россия, 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 2; e-mail: mostakhovats@mail.ru.

Mostakhova T. S.

The Basic Threats of Demographic Safety in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Priorities of the Regional Demographic Policy

Issues of demographic security are of particular importance for the Northern regions of Russia due to the specifics of the formation of the population, extreme natural-geographical and socio-economic conditions of the regions. These factors have a significant impact on the demographic security of the regions of the North. The aim of the study is to identify the regional specificity of population

reproduction and identify the main threats to demographic security using the methods of demographic analysis. Compared to previous works by contemporary trends in the development of the demographic potential are refined, regional demographic policy was analyzed. Analysis of the reproduction of the population allows to identify as the main threats to the persistence of migration, the presence of high losses of able-bodied population due to premature mortality from external causes of death; conservation of high mortality of males, the aging of the population, the presence of the celibacy of the indigenous population. In the formation of the population, the negative role of migration outflow of the population remains, which is almost 2 times higher than the corresponding figures in the Far Eastern Federal district. Since 2015, the tendency to decrease in natural population growth has reappeared: in 2014–2017 it decreased by 32 %. Serious threats are noted in the sphere of mortality of the population (a significant proportion of those who died in working age and died from external causes, a high death rate of men), which eventually forms a low life expectancy of the population. As a result, this is reflected in the absence of significant demographic growth, relatively low life expectancy. The process of aging of the population is becoming clear. There is considerable celibacy among the indigenous population of the Republic. The Republic of Sakha (Yakutia) has considerable experience in the implementation of demographic policy. However, at the present stage, the existing threats to demographic security are not adequately reflected in the measures of regional demographic policy.

Keywords: threats, demographic security, population reproduction, fertility, mortality, migration, demographic policy, Northern region, Republic of Sakha (Yakutia))

References

1. The future of the Republic of Sakha (Yakutia) in 5 books. Book 2. Processes of demographic reproduction and tasks of social and demographic policy. — Yakutsk, 2015. — 220 p.

2. Demographic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): problems and prospects. — Yakutsk, 1994. — 72 p.

3. Demographic processes in the Republic of Sakha (Yakutia): territorial aspect. — Yakutsk: Sahaada, 2017. — 208 p.

4. Mostakhova T. S. Ethnic specificity of demographic development in the Republic of Sakha (Yakutia). Ethnic demography. Series “Demographic research”. — Moscow, 2010. — P. 94–111.

5. Mostakhova T. S. Fertility in the Republic of Sakha (Yakutia): trends and features // Demographic processes in the post-Soviet space: proceedings of the VI Ural demographic forum with international participation / Edited by A. I. Tatarkin, A. I. Kuzmin. — Yekaterinburg, 2015. P. 307–313.

6. Mostakhova T. S. Migration mobility of the population of the Republic of Sakha (Yakutia) // Migration processes in the Asia-Pacific region: history, modernity, practices of interaction and regulation: proceedings of the international scientific-practical conference. Under the General editorship: S. V. Ryazantsev, N. M. Pesterev, M. N. Ckramova. — Vladivostok, 2015. — P. 89–92.

7. Mostakhova T. S. Reproduction of the population in the Republic of Sakha (Yakutia): current trends and key challenges // Vestnik of North-Eastern Federal University. M. K. Ammosova. Series: Economics. Sociology. Culturology. — 2017. — No.1 (05). — P. 41–46.

8. Popova L. A., Zorina E. N. Economic and social aspects of population ageing in the Northern regions. –Syktyvkar, 2014. — 122 p. (Komi science center Uro RAS).

9. Sukneva S. A., Tumanova D. V. Issues of mortality reduction in working age in the Northern region // Resource economy in the context of modern globalization trends: materials of the all-Russian scientific-practical conference of students and young scientists [Electronic edition]. — Yakutsk: SVFU Publishing house, 2015. — P. 176–180.

10. Tumanova D. V. Dynamics of mortality of the population of the Republic of Sakha (Yakutia) in the conditions of socio-economic transformations // Modern problems of interethnic and interfaith relations. — Yakutsk, 2016. — P. 289–291.

11. Tumanova D. V. Features of mortality from external causes in the Northern region // Demographic potential of the EAEU countries. A collection of articles VIII Ural demographic of the forum / Executive editor A. I. Kuzmin. — Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural branch of RAS, 2017. — P. 479–484.

12. Tumanova D. V. Losses of vital potential of the population from external causes of death in the Republic of Sakha (Yakutia) // Standard of living of the population of regions of Russia. — 2017. — No. 2 (204). — P. 65–69.

Author

Mostakhova Tatyana Semyonovna — doctor of Economics, leading researcher of the Department of regional economic and social research. Yakutsk scientific center of Siberian branch of RAS (Russia, 677000, Yakutsk, Petrovsky str., 2; e-mail: mostakhovats@mail.ru).

УДК 314.06

Мыслякова Ю. Г.

ОЦЕНКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДУХА РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТУДЕНТОВ[1]

В настоящее время одним из актуальных вопросов повышения результативности образования выступает расширение функций вузов. Поэтому данная статья посвящена ответу на вопрос: «Должны ли вузы формировать предпринимательские компетенции у молодого населения?» и оценке предпринимательского духа российских студентов за 2011–2016 годы.

Ключевые слова: предпринимательский дух; российские студенты; влияние вуза; сферы развития предпринимательства; опрос студентов; международная выборка; оценка.

Сегодня идут споры о том, необходимо ли вузам включать в свои образовательные программы модули по развитию предпринимательских компетенций и формированию предпринимательского духа у студентов. Безусловно, университеты должны формировать жизненно необходимые навыки. Считаем, что девиз Государственного университета — Высшая школа экономики «Не для школы, а для жизни мы учимся»[2] отражает необходимость развития именно предпринимательских способностей молодого населения, отвечающего за выход России на путь высокотехнологичного предпринимательства.

Так, А.А. Аузан утверждает, что возраст обучения в университетах является наиболее благоприятным периодом для кристаллизации новых ценностей, которые затем, в более старших возрастах, становятся устойчивыми и начинают формировать, по мере роста влияния поколения, общую картину общественной и экономической жизни в стране [1]. А Ортега-и-Гассет и фон Гумбольдт в своих трудах говорили о воздействии вузов на общество через создание и распространение национальной культуры, проявляющемся в привитии здорового образа жизни студентам и выпускникам; приобщении их к культуре и науке, повышении их творческой и общественной активности [2]. Получаем, что вуз, прежде всего, может оказывать существенное влияние на развитие предпринимательского духа студентов [5], для того чтобы они понимали время, в котором живут, могли ориентироваться в нем и изменять его в соответствии с потребностями общества, самостоятельно формируя эти потребности.

В данной статье попытаемся оценить, каким образом сейчас обстоят дела в аспекте формирования предпринимательского духа у российских студентов. Для этого воспользуемся результатами анкетирования студентов ведущих российских вузов и международной выборкой,

---

[1] © Мыслякова Ю. Г. Текст. 2018.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-010-00802.

[2] См.: https://atsinis.livejournal.com/27764.html.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «*Кем Вы собираетесь стать после получения высшего образования?*», %

Выбор	Российские студенты						Зарубежные студенты					
	2011		2013		2016		2011		2013		2016	
	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В	А	В
Наемный работник	66,6	28,6	75,3	28,3	74	32,1	67,8	38,2	79,6	50,5	80,5	47,2
Учредитель	11,7	47,1	9,4	52,6	10,7	51,3	11	34,4	6,6	30,7	8,8	37,8
Преемник	5,9	7,2	4	4,9	4,3	4,5	3,9	8,9	1,8	4,3	2,6	4,8
Другое	15,9	17,0	11,3	14,2	11	12,1	17,3	18,6	12	14,4	8,1	10,2

Примечание: А — сразу после окончания вуза; В — через 5 лет после окончания вуза.

Таблица 2

Распределение развернутых ответов респондентов на вопрос: «*Кем Вы собираетесь стать после получения высшего образования?*»

Выбор сферы деятельности	Российские студенты, %				Зарубежные студенты, %			
	2011		2016		2011		2016	
	А	В	А	В	А	В	А	В
Наемный работник:								
В малом и среднем бизнесе	27,9	4,0	37,4	5,52	22,4	7,1	35,13	10,64
В крупном бизнесе	28,7	19,3	27,74	20,19	26,2	15,0	23,69	17,54
В академической / научной среде	7,1	3,1	4,46	2,97	9,2	7,6	7,02	6,17
В общественном секторе	2,8	2,3	4,46	3,4	10	8,6	14,71	12,82
Учредитель:								
Своя собственная компания	11,7	47,1	10,73	51,28	6,9	25,7	8,77	37,77
Преемник:								
Продолжение функционирования семейного бизнеса	4,4	3,8	3,09	2,34	2,3	2,9	1,88	2,35
Поглощение компанией вне семьи	1,5	3,4	1,18	2,17	1,6	6,0	0,72	2,49
Другое / еще пока не решил для себя:								
Не знаю	8,8	10	6	6,67	7,9	9,9	4,44	5,63
Другое	7,9	7,0	4,97	5,46	9,4	8,7	3,63	4,6

Примечание: А — сразу после окончания вуза; В — через 5 лет после окончания вуза.

предоставленными Высшей школой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета [3, 6].

Выборка исследования состоит из студентов 23 вузов России. На вопросы анкеты ответили в 2011 году 2882 российских студента и 93 265 зарубежных студентов по 26 странам [3, с. 10]. В 2016 году приняли участие в опросе 4152 российских студента и 21700 зарубежных студентов из 50 стран [6, с. 8].

Ответы респондентов на вопрос: «*Кем Вы собираетесь стать после получения высшего образования?*» представлены в таблице 1. Данные

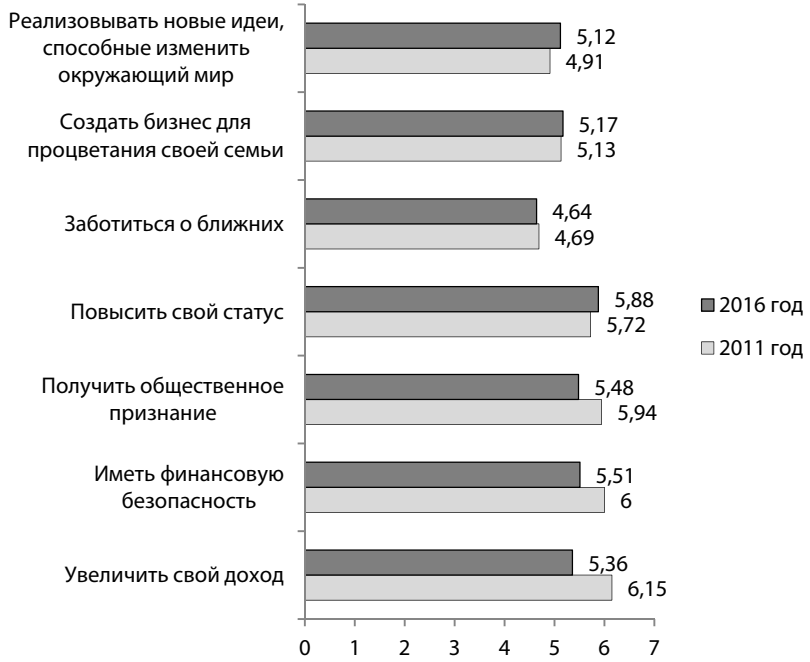


Рис. 1. *Мотивы стать предпринимателем у российских студентов в 2011 и 2016 годах, баллы*

свидетельствуют о том, что за период 2011–2016 гг. тенденция стать наемными работниками остается в приоритете у российских студентов сразу после окончания вузов, при этом через 5 лет после окончания вуза наблюдается тенденция создать свой бизнес. Что касается международной выборки, то она свидетельствует о том, что зарубежные студенты в большей степени ориентированы «работать» на кого-то сразу после окончания университетов и после 5 лет окончания вуза желающих стать предпринимателем существенно меньше, чем в сообществе российских студентов.

Сразу после окончания вуза российские студенты планируют трудоустроиться в реальном секторе экономики, академическая научная среда и общественный сектор вызывают меньший интерес, чем крупный и малый бизнес. Такая же тенденция сохраняется среди зарубежных студентов (см. табл. 2).

У респондентов, решивших стать учредителями своих компаний, были уточнены мотивы стать предпринимателями. Их ответы представлены на рисунке 1. Наиболее популярными ответами по 7-балльной шкале стали следующие: «*увеличить свой доход*» (оценка — 6,15); «*иметь финансовую безопасность*» (оценка — 6); «*получить общественное признание*» (оценка

Рис. 2. *Сферы развития потенциального бизнеса по мнению студентов в 2011 году и 2016 годах, %*

— 5,94). Ответ «*повысить свой статус*» в 2016 году стал менее популярным по сравнению с 2011 годом, в котором он занимал лидирующее место.

Также респонденты, решившие стать учредителями своих компаний, отметили потенциальные сферы развития предпринимательства. Их ответы представлены на рисунке 2. В 2011 году молодое население планировало создавать бизнес в торговле (15,83 % опрошенных респондентов); в гостиничном и туристическом бизнесе (13,98 %); в рекламной сфере (10,7 % опрошенных респондентов).

В 2016 году молодое население планировало создавать бизнес в торговле (22 % опрошенных респондентов) — и эта тенденция говорит о том, что молодежь выбирает «легкий», по их мнению, способ заработать быстро большие деньги; в рекламной сфере (14 % опрошенных респондентов) — за 5 лет вырос интерес к рекламной деятельности и дизайну, что

Рис. 3. *Факторы, препятствующие развитию предпринимательства в России, по мнению российских студентов, в 2016 году, %*

говорит о развитии сферы услуг; в гостиничном и туристическом бизнесе (9 % опрошенных респондентов). Вызывает тревогу тот факт, что молодое население не готово развивать производственную сферу: так, в 2011 году только 8 % опрошенных студентов выбрали ее для создания своего бизнеса. К 2016 году ситуация немного улучшилась, теперь данный показатель фиксируется на отметке 11 %, что говорит о медленных изменениях в предпринимательских ценностях студентов, осознании того, что необходимо развивать собственное производство, в том числе сокращающее импортную зависимость экономики.

При этом наибольшее влияние на формирование бизнес-идей и выбор сфер развития потенциального предпринимательства оказывают:

— личные увлечения и хобби (21 % опрошенных российских студентов и 13,1 % опрошенных зарубежных студентов);

— вузы и образовательные программы в них (18 % опрошенных российских студентов и 19 % зарубежных);

— своя идея или идея сокурсников (18 % опрошенных российских студентов и 12 % зарубежных);

— члены семьи (9,7 % опрошенных российских студентов и 7,7 % опрошенных зарубежных студентов).

Научные исследования, проводимые в вузах, не оказывают существенного влияния на формирование новаторских идей и новых решений, так, об этом свидетельствует незначительный процент ответивших респондентов (4 % опрошенных российских студентов и 5 % зарубежных).

Особого внимания заслуживают факторы, затрудняющие желание стать предпринимателями, которые отмечают студенты (см. рис. 3).

Студенты отметили в качестве наиболее затрудняющих факторов следующие: «отсутствие стартового капитала» (34 % опрошенных респондентов); «нехватка знаний» (26 %); «отсутствие бизнес-идеи» (20 %) и «слабая защита интеллектуальной собственности» (20 % опрошенных респондентов). Отсутствие бизнес-идеи является актуальным фактором и для зарубежных студентов, поэтому в качестве источника ее возникновения они отметили предыдущую работу (11 % опрошенных респондентов).

Считаем, что за нехватку знаний и формирование бизнес-идеи должны отвечать вузы, поэтому им в первую очередь нужно на это обратить внимание. В настоящее время большинство российских вузов либо не ведут вообще никакой целенаправленной работы по обучению студентов предпринимательству, либо предлагают им ряд курсов по предпринимательству, инновационному менеджменту, управлению рисками в предпринимательстве и т. п. Только 5 % российских вузов имеют комплексную инфраструктуру предпринимательства, включая бизнес-инкубаторы, центры поддержки предпринимательства и т. д. [4]. И если университеты не воспримут задачу формирования предпринимательского духа как одну из важнейших, то появление новых источников экономического роста будет по-прежнему затруднено и временно отложено.

Список источников

1. *Аузан А. А.* Социокультурные коды в экономическом анализе //Журнал НЭА. — 2013. — № 1 (17). — С. 173–176.

2. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета: пер. с исп. М. Н. Голубевой; ред. перевода А. М. Корбут; под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Минск: БГУ, 2005. — 104 с.

3. *Широкова Г. В., Куликов А. В.* Глобальное исследование предпринимательского духа студентов (Guess): Национальный отчет. — 2011. — 38 с.

4. *Широкова Г. В.* Обучение предпринимательству в России: факторы развития предпринимательского духа студентов // Бизнес-образование. — 2012. — № 1. — С. 35–40.

5. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 1991. — Vol. 50 (2). — P. 179–211.

6. *Shirokova G. V., Bogatyreva K. A. Beliaeva T. V., Tsukanova T. V., Laskovaia A. K.* Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey: National report. Russia 2016. — 49 p.

Информация об авторе

Мыслякова Юлия Геннадьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра региональных компаративных исследований Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: jul_jul@inbox.ru); доцент

кафедры маркетинга и международного менеджмента Уральского государственного экономического университета (Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62).

Myslyakova Y. G.

Assessment of Enterprise Spirit of the Russian and Foreign Students

Now one of topical issues of increase of productivity of education is expansion of functions of higher education institutions acts. Therefore, this article is devoted to the answer to a question: "Have to form higher education institutions enterprise competences at the young population?" and an assessment of enterprise spirit of the Russian and foreign students for 2011–2016.

Keywords: enterprise spirit; Russian students; influence of higher education institution; spheres of development of business; poll of students; international selection; assessment.

References

1. Auzan A. A. Socioculturniye kody v economicheskom analize // Journal NEA. — 2013. — No.1 (17). — P. 173–176.

2. Ortega-i-Gasset X. Missiya universiteta / pod obsch. red. M. A. Gusakovskogo. — Minsk: BGU, 2005. — 104 p.

3. Shirokova G. V., Kulikov A. V. Globalnoe issledovaniye predprinimatelskogo duha studentov: Nacionalniyotchet. — 2011. — 38 p.

4. Shirokova G. V. Obuchenie predprinimatelstvu v Rossii: factory razvitiya predprinimatelskogo duha studentov // Бизнес-образование. — 2012. — No. 1. — P. 35–40.

5. Ajzen I. 1991. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes/ — 1991. — Vol. 50 (2). — P. 179–211.

6. Shirokova G. V., Bogatyreva K. A. Beliaeva T. V., Tsukanova T. V., Laskovaia A. K. Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey. National report. — Russia 2016. — 49 p.

Author

Myslyakova Yuliya Gennadyevna — Cand. Econ. Sci., associate professor of Marketing and International management Department, Ural State University of Economics (Russia, 620144, Yekaterinburg, 8 Marta Str., 62,); senior Researcher, Institute of Economics, UrB RAS (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya Str, 29; e-mail: jul_jul@inbox.ru).

УДК 332.01

Неганова В. П., Седельников В. М.

КОНЦЕПТ ЦЕННОСТИ В МАРКЕТИНГЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ[1]

Выделены точки зрения отечественных и зарубежных авторов относительно понятия целевые аудитории региона, обозначены потенциальные социальные группы, которые могут быть включены в данное понятие. Рассмотрены теоретические подходы отечественных и зарубежных ученых относительно дефиниций «ценность» и «ценностные ориентации», подчеркнута междисциплинарность данных категорий. Классифицированы 6 групп подходов к определению понятия ценность (философский, с позиции экономической теории, социокультурный, психологический, политический и маркетинговый). Сделан вывод о том, что данные подходы не противоречат друг другу, а органично дополняют друг друга, рассматривая различные стороны понятия ценность. Представлены основные отличия в процессе создания ценности в рамках традиционного маркетинга и маркетинга взаимоотношений.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, целевые аудитории региона, маркетинг взаимоотношений

В настоящее время в условиях беспрепятственного перемещения людей, товаров, услуг, капитала и информации наблюдается значительное изменение структуры управления регионом. В качестве основной цели стоит не управление находящимися на территории региона хозяйственными комплексами, предприятиями, сетями, объектами и районами, а работа с региональными сообществами, их социальными интересами, потребностями, ожиданиями и ценностями.

Как отмечают П.В. Магданов и В.Ю. Падей, процесс стратегического планирования на региональном уровне имеет определенные особенности [8]. Во-первых, существует необходимость согласования решений с большим количеством заинтересованных социальных групп, при этом в самих группах могут наблюдаться различные мнения об объекте и предмете планирования. Во-вторых, разные социальные группы по-разному воспринимают горизонт стратегического планирования. В особенности это относится к группам с низким финансовым и социальным статусом, у которых процесс планирования ассоциируется с ожиданием быстрых улучшений в регионе, которые, в свою очередь, могут значительно снизить эффективность стратегических преобразований. В этих условиях необходимо, с одной стороны, заручиться общественной поддержкой по принимаемым управленческим решениям, а с другой стороны, не получить в качестве результата набор популистских, эклектичных решений.

При этом, на наш взгляд, вовсе не стоит отказываться от инструментария стратегического планирования, а необходимо его усовершенствовать

[1] © Неганова В. П., Седельников В. М. Текст. 2018.

с помощью задействования маркетинговых технологий, позволяющих управлять целевыми аудиториями региона и их ожиданиями.

В первую очередь целесообразно рассмотреть точки зрения отечественных и зарубежных ученых относительно того, что собой представляют целевые аудитории и какие социальные группы могут быть в них включены.

Так, академик РАЕН Н.К. Борисюк в своей работе к числу ключевых целевых аудиторий относит следующие:

1) стейкхолдеры — руководители крупнейших предприятий, представители бизнес-ассоциаций, общественных организаций, партий и общественно-политических движений, руководители органов власти;

2) хозяйствующие субъекты различных отраслей и форм собственности;

3) население региона в целом и отдельных муниципальных образований [1].

Ф. Котлер в своей книге «Маркетинг мест» отмечает семь широких аудиторий, которые могут быть заинтересованы в том, чтобы жить, путешествовать, работать или осуществлять инвестиции в конкретном регионе:

1) местные жители;
2) посетители;
3) менеджеры;
4) инвесторы;
5) предприниматели;
6) иностранные покупатели;
7) специалисты по подбору месторасположений [5].

Исследователь Д.В. Визгалов в своей книге «Маркетинг города» выделяет целевые аудитории как во внешней, так и во внутренней среде региона [2]. Так, к внешним целевым аудиториям относятся инвесторы, туристы, потенциальные жители и сторонние группы влияния. Под сторонними группами влияния понимаются те категории людей, которые не проживают в данном регионе (часто даже и не бывают в нем), но оказывают значительное влияние на его жизнедеятельность, например чиновники вышестоящих уровней власти (региональных и федеральных), журналисты, бывшие жители региона. В качестве внутренней целевой аудитории рассматривается наличное население региона.

А.П. Панкрухин включает в число ключевых региональных субъектов следующие:

1) представители федеральных, региональных и муниципальных органов власти;

2) производители региональных товаров и услуг — промышленные и строительные предприятия, туристические агентства, банки, страховые организации, учреждения культуры и отдыха, учебные заведения;

3) общественные организации — партии, движения, научные учреждения, спортивные комитеты и федерации [13].

На основании представленных точек зрения ученых необходимо отметить, что к числу основных целевых аудиторий, вне зависимости от их географического расположения по отношению к региону, могут быть отнесены: инвесторы и бизнес, наличное население и потенциальные жители, туристы, региональные органы власти, региональные товаропроизводители, высшие учебные заведения и т. д.

Кроме того, продолжая тематику, затронутую в книге Д.В. Визгалова «Маркетинг города», можно к числу целевых аудиторий отнести крупных налогоплательщиков, сенаторов от отдельных регионов, молодежь в целом и высококвалифицированных молодых специалистов в частности, журналистское сообщество.

Наконец, немаловажное значение для развития региона и формирования его имиджа могут иметь бывшие жители региона, его уроженцы или выпускники региональных вузов, добившиеся значительных успехов в той или иной сфере деятельности за пределами региона. Сохраняя связь со своим регионом, они могут, так или иначе, содействовать продвижению и лоббированию его интересов как на региональном, так и на федеральном уровне.

Вместе с тем в настоящее время происходит замена концепции простого экономического обмена концепцией обмена ценностями [6]. Уже недостаточно определить пул ключевых игроков регионального стратегического планирования, узнать их потребности и ожидания. Необходимо вовлекать вышеназванные целевые аудитории в процесс совместного создания экономической ценности, благо подобные тенденции проявляются с обеих сторон взаимодействия, а взаимозависимость отношений партнеров воспринимается сегодня в качестве одного из ключевых конкурентных преимуществ.

Впервые основные аспекты теории отношенческой ценности описали Д. Уилсон и С. Джантраниа:

— Экономический аспект (качество инвестиций, инжиниринг, снижение издержек);

— Стратегический аспект (ключевые компетенции, качество стратегии);

— Поведенческий аспект (социальные связи, доверие, культура) [6].

В развитие традиционного подхода к выделению ключевых целевых аудиторий региона, на наш взгляд, целесообразно рассмотрение теоретических подходов отечественных и зарубежных ученых относительно дефиниций «ценность» и «ценностные ориентации», которые далее будем считать синонимичными.

В настоящее время не существует единого определения понятий «ценности» и «ценностные ориентации». Проблема определения данных дефиниций является одной из фундаментальных междисциплинарных проблем, привлекающей большое число исследователей в области философии, социологии, психологии, политики и маркетинга. Каждая из обозначенных

наук имеет различные подходы к определению данных понятий, опираясь на большую теоретико-методологическую и эмпирическую базу, возникшую в результате длительного генезиса идей в этой области.

Именно поэтому авторами были выделены 6 основных подходов к определению понятий «ценность» и «ценностные ориентации».

В рамках первого, *философского*, подхода ценность понимается в качестве базовой составляющей при анализе качественных аспектов социальных процессов, социальных и культурных значений определенных явлений действительности. Основные представители данного подхода (А.А. Ивина, Р. Перри, П. Менцер, Э.К. Асп, С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова) приводят определение ценности как интеллектуального или материального объекта, который имеет позитивное значение для человека или общества. Для философского понимания этого феномена характерно выделение субъективных и объективных ценностей. Субъективные ценности выражаются в форме нормативных представлений (установок, оценок, императивов и запретов и т. п.). Объективные ценности являют собой соотношение истины и неистины, допустимого и запретного, справедливого и неправедного и т. п. Ценностные ориентации отграничивают существенное и важное для данного человека от несущественного. В силу этого ценностные ориентации выступают важным фактором, обуславливающим мотивы действий и поступков личности. Ценностные ориентации являются важнейшим, решающим фактором развития личности [9].

Второй подход, с позиции *экономической теории*, понимает под ценностью совокупность полезных свойств товара, благодаря которым он удовлетворяет потребности человека или общества. В качестве основных представителей данного подхода можно назвать К. Маркса, О. Бем-Баверка, К. Менгера и Дж.С. Милля.

Социокультурный подход, основными представителями которого можно назвать Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Э. Гидденса, Н. Смелзера и Н.И. Лапина, под ценностью понимает разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения (терминальные и инструментальные ценности). Стоит отметить, что социологов ценностные ориентации интересуют, прежде всего, как объективно детерминированные факторы, возникающие на пересечении всевозможных социальных отношений. Ценностные ориентации в социологии (этические, эстетические, политические, религиозные и т. п. основания) представляют собой критерии оценочного отношения личности (группы личностей) к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются как предметы (или их свойства), цели и средства для удовлетворения потребностей личности (группы личностей).

Четвертый, *психологический*, подход к определению ценности понимает под ней устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или

социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения либо конечная цель существования. В качестве основных представителей данного подхода можно назвать М. Рокича, С.Л. Рубинштейна, Д.А. Леонтьева, И.В. Алешину и Ш. Шварца. Ценностные ориентации личности Е.И. Головаха рассматривает в рамках исследования проблемы жизненных перспектив. Планируя свое будущее, человек исходит, прежде всего, из определенной иерархии ценностей, представленной в его сознании [12]. Как мы можем видеть, психологов в первую очередь интересуют субъективные стороны деятельности и отношения к ценностям.

В рамках пятого, *политического*, подхода ценностные ориентации в системе электорального процесса представляют собой иерархическую систему с гибкой технологией выбора, управление которой должно быть дифференцировано [7].

Наконец, шестой, *маркетинговый*, подход к определению ценности понимает под ней разницу между совокупностью ценностей (выгод) как функционального, так и экономического, эмоционального характера и явными и неявными издержками потребителя на всех этапах процесса принятия решения. В качестве основных представителей данного подхода можно назвать Д.В. Кревенса, В.И. Ильина, Ф. Котлера, Ж.-Ж. Ламбена, У. Руделиуса, И.В. Липсица, В. Зайзмела, Р. Вудруфа, К. Прахалада, В. Рамасвами, В.П. Неганову, А.В. Чиркова, И.С. Неганову, О.А. Третьяк, О.У. Юлдашеву, С.В. Никифорову, С.Ю. Полонского. Как известно, нужды и потребности людей эволюционируют вместе со стремительным развитием рынков товаров и услуг, воплощаясь в ценностях. Соответственно, изучение ценностей индивида способствует пониманию основных мотивирующих факторов, объясняющих поведение потребителя в процессе принятия решения.

Ценность как ключевое понятие в концепции холистического маркетинга является движущей силой мотивации потребителя и основой формирования его жизненного стиля, обусловливающего потребительское поведение. Знание приоритетных ценностей потребителей позволяет осуществлять продвижение товара опосредованно — через продвижение ценностей, значимых для потребителя, использовать их в качестве коммуникационных аргументов, мотивирующих потребителя на достижение целей (жизненных ценностей) [4].

Помимо вышеперечисленных подходов также встречаются и следующие группы дефиниций:

1) ценности как мнение, представление или убеждение (М. Рокич);

2) ценности (или ценностные ориентации) как разновидность или подобие социальных установок (отношений) или интересов (М. Вебер, А.Г. Здравомыслов, Д.Н. Узнадзе);

3) ценности как потребности и мотив (Г.Г. Дилигенский, Б.И. Додонов, Ф.Е. Василюк);

4) ценности как смыслы (Э.В. Галажинский, Д.А. Леонтьев, А.В. Серый, М.С. Яницкий, В. Франкл, Р.Х. Шакуров) [12].

Многообразие и плюрализм точек зрения ученых относительно понятий «ценность» и «ценностные ориентации» подчеркивает междисциплинарность данных категорий [3]. Вместе с тем, и философский, и социологический, и маркетинговый подходы не противоречат, а органично дополняют друг друга, рассматривая различные стороны понятия ценность.

Анализ позиций различных авторов позволяет выделить те ключевые моменты, которые учитываются при определении ценности:

— философия: соотношение представления об оцениваемом объекте с утверждением о том, каким он должен быть;

— экономическая теория: соотношение полезности и стоимости товара;

— социология: разделяемые в обществе убеждения относительно целей развития и методов их достижения;

— психология: внутренний фактор поведения потребителей;

— политика: система свободного выбора в рамках электорального процесса;

— маркетинг: соотношение выгод и затрат от использования товара (услуги).

Рассмотрим более подробно, что собой представляет концепт ценности в рамках маркетингового подхода к его определению, что можно увидеть из таблицы 1.

Стоит отметить, что все авторы подчеркивают, что ценность — это совокупность приобретаемых потребителем выгод от использования товара (услуги) за вычетом издержек на их приобретение. Вместе с тем, нельзя не выделить и некоторые отличия.

Так, авторы Ф. Котлер, К. Келлер, К. Мёллер, Д. Уилсон, П. Гембл, М. Стоун, Н. Вудкок, Д. Леманн, Р. Винер в основу понятия ценность вкладывают аспект соотнесения денежных затрат и полученных выгод («денежный аспект»).

Ж.-Ж. Ламбен, П. Дойль подчеркивают аспект учета индивидуальных потребностей потребителей при оценке способности того или иного товара или услуги удовлетворить вышеназванные потребности («аспект потребностей»).

Наконец, К. Гренрус, Я. Гордон, Э. Пейн и Л. Шехтер рассматривают ценность как совокупность всех факторов, которые составляют суммарный покупательский опыт, как оценку покупателем результата работы с продавцом, выделяя аспект не только функциональных признаков самого товара (услуги), но и эмоциональные признаки ценности, приобретаемые в процессе установления взаимоотношений продавца с потребителем («отношенческий аспект»).

Исходя из вышеобозначенных позиций, на наш взгляд, ценность в рамках маркетингового подхода может рассматриваться как субъективная категория, формирующаяся в сознании потребителя и представляющая

Таблица 1

Концепт ценности в маркетинге

Подходы к определению ценности в маркетинге	Авторы	Определение
Холистический маркетинг	Ф. Котлер, К. Келлер, 2007	Ценность отражает воспринимаемые материальные и нематериальные выгоды и издержки покупателя; ее можно представить как комбинацию качества, сервиса и цены (КСЦ — «триада потребительской ценности»)
Стратегический маркетинг	Ж.-Ж. Ламбен, 1996	Ценности являются «психическим отображением основополагающих индивидуальных и институциональных потребностей и существуют на более реалистическом уровне». Более практичная альтернатива — понятие «воспринимаемой ценности товара для покупателя», опирающееся на полное знание и понимание конечного использования товара
Концепция стоимостного маркетинга	П. Дойль, 2001	Ценность — это оценка потребителем способности товара или услуги удовлетворять его потребности
Промышленный маркетинг	К. Мёллер, Д. Уилсон, 2002	Ценность — это предоставление клиенту наибольших выгод по цене, которую потребитель считает меньшей, чем приобретаемая им ценность
Маркетинг взаимоотношений	К. Гренрус, 1999	Ценность рассматривается как основной объект обмена. Ценность — это оценка покупателем результата работы с продавцом
Маркетинг партнерских отношений	Я. Гордон, 2001	Ценность покупателей определяется согласно средней годовой ценности покупателей в категории, под которую каждый из них подпадает, прогнозируемого времени жизни клиентов как покупателей и прогнозируемых изменений в объеме их приобретений со временем. Ценность можно рассматривать в отношении характерных признаков двух категорий: а) признаки, описывающие функции, которые осуществляет товар; б) эмоциональные и другие нефункциональные признаки, охватываемые торговой маркой
Менеджмент взаимоотношений с клиентами — CRM	Э. Пейн, 2007	Ценность, получаемая клиентом, — это совокупность выгод, которые он/она извлекает из основного продукта или услуги компании. Потребительская ценность — это результат обеспечения максимальной ценности для клиента с развертыванием обновленных стратегий по привлечению и удержанию клиентов и использованием эффективного управления каналами дистрибуции. Ценность, получаемая компанией от клиента,

Подходы к определению ценности в маркетинге	Авторы	Определение
		определяется прибылью за все время взаимоотношений с компанией — его полной прибылью и экономикой привлечения/удержания. Ценность, получаемая клиентом от компании, состоит в воспринимаемых выгодах сделанного ему предложения, которые выходят за рамки основного продукта/услуги. Потребительская ценность есть неотъемлемая часть предложения продукта/услуги, и компания может активно управлять ею к выгоде клиента. Акционерная ценность складывается из благоприятной нормы прибыли на инвестированный капитал
Маркетинг взаимоотношений с потребителями	П. Гембл, М. Стоун, Н. Вудкок, 2002	Первым элементом потребительской ценности является денежный аспект; второй элемент — дополнительные затраты потребителя на получение тех выгод, которые его интересуют; третий элемент — ценность, которую потребитель получает в обмен на уплаченные деньги
Поведение потребителей	L. Schechter, 1984	Ценность — все факторы, составляющие суммарный покупательский опыт: качественные и количественные, субъективные и объективные
Маркетинг — менеджмент	П. Дойль, 2002	Ценность для покупателей — это полезность или полное удовлетворение, которое они получают при использовании товара, а также минимальные цена и операционные издержки в течение всего срока службы продукта. Ценность = Полезность — Цена. Ценность товара есть единство его цены и воспринимаемого потребителями качества
Управление товаром	Д. Леманн, Р. Винер, 2004	С точки зрения потребителя это ценность товара, или потребительная стоимость, т. е. насколько ценен данный товар для потребителя. Экономическая ценность для потребителя (ЭЦП) представляет собой чистую ценность в денежном выражении (экономию), полученную за счет использования определенного товара (часто — нового) вместо соответствующего заменителя (того, который используется в настоящее время). ЭЦП — это разность между значениями общих прямых затрат использования двух конкурирующих товаров. Потребительная стоимость (ценность) — стоимость продукта или услуги для потребителя в денежном выражении

Источник: составлено авторами на основании материалов: [4; 10].

Таблица 2

Процесс создания ценности в традиционном маркетинге и маркетинге взаимоотношений на уровне региона

	Традиционный маркетинг	Маркетинг взаимоотношений
Создание ценности, ориентированное на:		
	Регион и региональный продукт	**Целевые аудитории и опыт**
Концепция ценности	Ценность ассоциируется с возможностями региона. Конкурентное пространство ориентировано на предлагаемые регионом товары (услуги)	Ценность ассоциируется с индивидуализированным подходом к каждой целевой аудитории и совместным опытом взаимодействия. Конкурентное пространство ориентировано на желания, возможности и опыт потребителей (целевых аудиторий региона)
Роль региона	Определение и создание ценности для потребителя	Привлечение отдельных групп целевых аудиторий региона к определению и совместному созданию уникального опыта
Роль потребителя	Пассивный субъект спроса на определяемые регионом предложения и решения	Активный игрок, ищущий, создающий и извлекающий ценность
Концепция создания ценности	Ценность создается регионом; потребители имеют выбор — ассортимент товаров (услуг), предлагаемый регионом	Потребитель (целевые аудитории региона) создает ценность совместно с регионом и другими потребителями

Источник: доработано автором на основании материалов [10].

собой разность полученных потребителем выгод и издержек, связанных с приобретением товара.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с позицией К. Прахалада и В. Рамасвами, которая заключается в том, что ценность — это не только соотношение выгод и издержек для потребителя, это также и опыт ее совместного создания между потребителем и производителем товара (услуги). Именно ценность взаимоотношений является нематериальным активом компании, поскольку отражает общий уровень удовлетворенности покупателя процессом взаимодействия с поставщиком и, соответственно, уровень приверженности покупателя поставщику [11].

Это абсолютно справедливо как для уровня микроэкономики, так и для мезо- и макроэкономики, поскольку представляет собой именно тот клиентоориентированный механизм, которого так не хватает в стратегиях развития регионов.

Действительно, используемый в настоящее время в региональных стратегиях комплекс регионального маркетинга 4P может не приносить желаемого результата. Это связано с тем, что только один элемент комплекса — региональный товар не претерпевает изменений, все остальные

составляющие — финансовая составляющая, региональное расположение и маркетинговые коммуникации — в условиях беспрепятственного перемещения людей, ресурсов, капитала и развития информационных технологий значительно видоизменяются.

В этих условиях, на наш взгляд, в дополнение к инструментам традиционного маркетинга могут быть предложены механизмы маркетинга взаимоотношений, особенно в процессе создания совместной ценности между целевыми аудиториями региона.

Рассмотрим основные различия в процессе создания ценности в рамках традиционного маркетинга и маркетинга взаимоотношений, что можно увидеть из таблицы 2.

Таким образом, в условиях несоответствия потенциальных мер развития экономики, заявляемых в региональных стратегиях, и реальных ожиданий, ценностей и потребностей целевых аудиторий региона, на наш взгляд, целесообразно помимо традиционного подхода использование маркетинга взаимоотношений для повышения клиентоориентированности региональных стратегий, с одной стороны — за счет учета ценностей и удовлетворения потребностей целевых аудиторий региона как конечных потребителей стратегии, а с другой стороны — за счет постоянного взаимодействия органов власти, бизнеса и населения в процессе совместного создания этих ценностей.

Список источников

1. *Борисюк Н. К.* Организационно-методические аспекты стратегического планирования и проектного финансирования социально-экономического развития на региональном уровне: Отчет о НИОКР. НИИ СП РФ, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart8.

2. *Визгалов Д. В.* Маркетинг города. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. — 110 с.

3. *Елишев С. О.* Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. — 2011. — № 2 (11). — С. 82–96.

4. *Капустина Л. М., Тимохина Г. С.* Маркетинговое управление процессом принятия решения о покупке потребителем посредством предоставления ценности // Известия УрГЭУ. — 2011. — № 1 (33). — С. 94–101.

5. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. — 376 с.

6. *Кущ С. П.* Маркетинг взаимоотношений на промышленных рынках / С.-Петерб. гос. ун-т, факультет менеджмента. — СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 272 с.

7. *Лупенкова Е. Ю.* Динамика ценностных ориентаций субъектов российского электорального процесса // Вестник РУДН. Серия Социология. — 2013. — № 2. — С. 89–96.

8. *Магданов П. В., Падей В. Ю.* Подход к организации стратегического планирования социально-экономического развития региона // ARS ADMINISTRANDI. — 2011. — № 4. — С. 1–16.

9. *Нагоева Л. Х.* Ценностные ориентации: понятие и феномен // Новые технологии. — 2011. — Вып. 4. — С. 286–289.

10. *Неганова В. П.* Категория ценности в маркетинге взаимоотношений // Известия УрГЭУ. — 2012. — № 3 (41). — С.122–127.

11. *Неганова В. П.* Маркетинг взаимоотношений: механизмы формирования портфеля потребителей // Известия УрГЭУ. — 2012. — № 4 (42). — С. 81–86.

12. *Нугаева О. Г., Криводонова Ю. Е.* Психологическая сущность и соотнесение понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Специальное образование. — 2012. — № 2. — С. 120–128.

13. *Панкрухин А. П.* Маркетинг территорий. — 2-е изд., дополн. — СПб.: Питер, 2006. — 416 с.

Информация об авторах

Неганова Валентина Петровна — доктор экономических наук, профессор, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, Московская, 29; e-mail: vp-neganova@yandex.ru).

Седельников Владислав Михайлович — аспирант, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, Московская, 29; e-mail: vms-1990@mail.ru).

Neganova V. P., Sedelnikov V. M.

Value Concept in Relationship Marketing

Are singled out the points of view of domestic and foreign authors regarding the concept of target audiences of the region, are designated potential social groups that can be included in this concept. Are considered the theoretical approaches of domestic and foreign scientists regarding the definitions of "value" and "value orientations", and is underlined the interdisciplinarity of these categories. Are classified six groups of approaches to the definition of the concept of value (philosophical, from the standpoint of economic theory, sociocultural, psychological, political and marketing). It is concluded that these approaches do not contradict each other, but complement each other organically, considering the different sides of the concept of value. Are presented the main differences in the process of value creation in the framework of traditional marketing and relationship marketing.

Keywords: value, value orientations, target audiences of the region, relationship marketing

Referencts

1. Borisyuk N. K. Organizational and methodical aspects of strategic planning and project financing of social and economic development at the regional level / Report on R & D. SRI SP RF, 2009 [Electronic resource]. URL: http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart8.

2. Vizgalov D. V. Marketing of the city. — Moscow: The Institute for Urban Economics, 2008. — 110 p.

3. Elishev S. O. The study of the concepts of "value", "value orientations" in the interdisciplinary aspect // Values and meanings. — 2011. — No. 2 (11). — P. 82–96.

4. Kapustina L. M., Timokhina G. S. Marketing management of the decision-making process of purchasing by the consumer through the provision of value // Izvestia of Ural State University of Economics and Management. — 2011. — No.1 (33). — P. 94–101.

5. Kotler F., Asplund K., Rein I., Haider D. Marketing places. Attraction of investments, enterprises, residents and tourists to cities, communes, regions and countries of Europe. — St.Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2005. — 376 p.

6. Kushch S. P. Relationship marketing in industrial markets. — St.-Petersburg. state. University, Faculty of Management. — St. Petersburg: Publication. house of S.-Petersburg. state. University, 2006. — 272 p.

7. Lupenkova E. Yu. Dynamics of value orientations of subjects of the Russian electoral process // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Sociology. — 2013. — No. 2. — P. 89–96.

8. Magdanov P. V., Padey V. Yu. Approach to the organization of strategic planning of social and economic development of the region // ARS ADMINISTRANDI. — 2011. — No. 4. — P. 1–16.

9. Nagoyeva L. H. Value orientations: concept and phenomenon // New technologies. — 2011. — Issue 4. — P.286–289.

10. Neganova V. P. A category of value in marketing of mutual relations // Izvestiya UrGeU. — 2012. — No. 3 (41). — P.122–127.

11. Neganova V. P. Marketing of mutual relations: mechanisms of formation of a portfolio of consumers // Izvestiya UrGeU. — 2012. — No. 4 (42). — P. 81–86.

12. Nugayeva O. G., Krivodonova Yu. E. Psychological essence and correlation of the concepts of "values" and "value orientations" // Special education. — 2012. — No. 2. — P. 120–128.

13. Pankrukhin A. P. Marketing of territories. — 2nd ed., Supplement. –St. Petersburg: Peter, 2006. — 416 p.

Authors

Neganova Valentina Petrovna — Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moscow St., 29; e-mail: vp-neganova@yandex.ru).

Sedelnikov Vladislav Mikhailovich — postgraduate student, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moscow St., 29; e-mail: vms-1990@mail.ru).

УДК 314.74

Неклюдова Н. П.

МИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ[1]

В статье рассмотрено влияние международной миграции на общественное здоровье принимающей территории. Масштабные перемещения людей оказывают влияние на здоровье всех участвующих в этом процессе сторон: общественное здоровье страны исхода мигрантов, здоровье самих мигрирующих и здоровье населения принимающих территорий. Миграция резко меняет как условия проживания самого индивида, так и его социальное окружение. Коренные жители, принимающие в свою среду мигрантов, также подвергаются воздействию этого фактора. Кроме того, международная миграция оказывает влияние на работу врачей и всей системы здравоохранения принимающей стороны. По этой причине наряду с образом жизни, материальным достатком, социально-экономическими условиями раннего детства индивида, жилищными условиями и условиями работы (или безработицы) международная миграция может и должна выступать социальной детерминантой здоровья населения.

Ключевые слова: международная миграция, общественное здоровье, социальные детерминанты здоровья

Здоровье населения — важнейшая характеристика качества жизни любого государства и его стратегический ресурс, который должен занимать центральное место среди социальных приоритетов общества.

Социальные детерминанты здоровья — это условия, в которых люди рождаются, растут, живут, работают и стареют, включая системы здравоохранения. Эти обстоятельства формируются под воздействием распределения денег, власти и ресурсов на глобальном, национальном и местном уровнях, на которые, в свою очередь, оказывает воздействие проводимая политика. Социальные детерминанты здоровья являются основной причиной несправедливости в отношении здоровья — несправедливых и предотвратимых различий в состоянии здоровья, наблюдаемых внутри стран и между ними.

Международная миграция в качестве социальной детерминанты общественного здоровья стала учитываться совсем недавно [1] и признается пока не всеми. Впервые о миграции как о факторе, оказывающем влияние на здоровье населения, заговорили спустя несколько лет после печально известной «арабской весны», когда значительно возрос приток беженцев

[1] © Неклюдова Н. П. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ №16–02–00164–ОГН «Научно-методический инструментарий измерения оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России»

в страны Европы. Так, например, годовой отчет по эпидемиологии инфекционных заболеваний, опубликованный в 2017 г. в Институте Роберта Коха, указывает на негативные последствия массового притока мигрантов для здоровья населения Германии. В отчете перечисляются болезни, случаи распространения которых увеличились, в том числе: холера, гепатит, СПИД, проказа, малярия, сифилис, туберкулез[1].

В настоящее время около 3,4 % живущих на Земле проживают, законно или незаконно, в стране, которая не является им родной, то есть являются мигрантами. В 2000 г. их доля составляла 2,8 %. Около 64 % мигрантов, или 165 млн человек, проживают сейчас в странах с высоким уровнем доходов. Их доля растет: из 85 млн человек, ставших мигрантами с 2000 года, 64 млн (75 %) переехали именно в такие страны[2]. В ближайшие годы глобальное перемещение людей лишь усилится. Причины этого следующие.

Во-первых, выросла численность населения на земном шаре. В 1950 году население Земли составляло 2,6 млрд человек. В 2017 году оно насчитывало уже 7,5 млрд человек[3]. Соответственно увеличилось и число мигрантов. Если в 1960 году, по оценке ООН, число международных мигрантов составляло 76 миллионов человек, то в 2017 году их уже было 258 млн человек[4]. При этом с начала века, то есть всего за 17 лет, их численность увеличилась на 49 %.

Во-вторых, значительно увеличилась доступность быстрого и относительно недорогого транспортного сообщения между странами-поставщиками и странами, принимающими мигрантов.

В-третьих, повысился уровень информированности населения развивающихся стран, в том числе среди населения бедных государств, о неравенстве в уровне жизни между страной их происхождения и развитыми странами. Причины миграции часто связаны с желанием людей менять собственную жизнь и свой статус в обществе в лучшую сторону. Особенно это важно для молодых мигрантов, для которых выезд в другие страны, в том числе и в Россию, — это миграция в более модернизированную и свободную страну.

Наконец, миграция всегда основывалась на стремлении к процветанию и/или стремлении убежать от гражданского или стихийного бедствия. Миграционные потоки тесно связаны с социально-экономическими

[1] Infektionsepidemiologisches Jahrbuch meldepflichtiger Krankheiten für 2016 Robert Koch-Institut, Berlin, 2017. URL: http://www.rki.de/DE/Content/Infekt/Jahrbuch/Jahrbuch_2016.pdf?__blob=publicationFile(дата обращения 15.03.2018).

[2] Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/MigrationStockDocumentation_2017.pdf (дата обращения 10.06.2018).

[3] Всемирный банк URL: https://www.google.ru/publicdata/explore?ds=d5bncppjof8f9_&met_y=sp_pop_totl&hl=ru&dl=ru (дата обращения 10.06.2018).

[4] Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/MigrationStockDocumentation_2017.pdf (дата обращения 10.06.2018).

условиями жизни в различных районах одного государства или различных государств, что и определяет в значительной мере вектор движения этих потоков [2].

Миграция, являющаяся по сути демографическим процессом, оказывает значительное влияние на все стороны жизни человеческого общества — экономику, политику, культуру, экологию, эпидемиологию, общественное здоровье. Такие масштабные перемещения людей не могут не оказывать влияние на здоровье всех участвующих в этом процессе сторон: страны исхода мигрантов, самих мигрирующих из населения принимающих территорий. Миграция резко меняет как условия проживания самого индивида, так и его социальное окружение. Коренные жители, принимающие в свою среду мигрантов, также подвергаются воздействию этого фактора. Кроме того, международная миграция оказывает влияние на работу врачей и всей системы здравоохранения принимающей стороны. По этой причине наряду с образом жизни, материальным достатком, социально-экономическими условиями раннего детства индивида, жилищными условиями и условиями работы (или безработицы) международная миграция может и должна выступать социальной детерминантой общественного здоровья.

В нашей работе мы рассмотрим влияние международной миграции на общественное здоровье принимающих территорий.

Приток большого числа молодых мужчин и женщин приводит к изменениям демографического поведения (брачности, рождаемости, разводимости). Как показывают исследования, каждый шестой иностранный ребенок, родившийся в России, — азербайджанец; каждый седьмой — таджик, каждый десятый — киргиз, узбек, армянин или украинец [3].

В. Н. Архангельский отмечает, что в возрастной группе 15–19 лет доля родившихся у иногородних женщин за 10-летний период (1993–2003) в Москве выросла в 3,5 раза, в возрасте 20–24 года — более чем в 3 раза, 25–29 лет — в 2,7 раза, 30–34 года — в 2,8 раза [4].

При этом, как отмечают исследователи, среди женщин-мигранток доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, выше, чем у постоянных жительниц Москвы во всех возрастах. Это явно доказывает факт роста внебрачной рождаемости в группах трудовых мигрантов в России. Это новый и уникальный феномен, учитывая, что многие трудовые мигранты происходят из мусульманских стран с довольно традиционными установками на рождение детей исключительно в официальном браке. Но, очевидно, что массовое вовлечение мусульманских женщин в трудовую миграцию разрушает эти стереотипы [3]. Еще одним социальным последствием можно назвать рост числа отказов от рожденных детей мусульманскими женщинами — трудовыми мигрантками в России. Треть всех брошенных детей в Москве приходится на трудовых мигрантов[1].

[1] Не чужие дети: судьбы детей мигрантов в российских детдомах // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/disabled_deti/20170320/1490280698.html (дата обращения 10.06.2018).

Миграционные процессы существенно влияют на особенности генофонда населения регионов, характеризующихся интенсивной миграцией.

Расчеты, выполненные О.Л. Курбатовой и Н.К. Янковским [5], показывают, что если бы интенсивность миграции в России продолжала сохраняться на уровне 1990-х годов, то генный вклад россиян в собственный генофонд составил бы 83 %, а 17 % генетической информации было бы привнесено из-за рубежа (в основном из ближнего зарубежья). При таком темпе замены генофонда коренного населения России он практически полностью обновился бы за 10 поколений. Естественно, что динамика частот конкретных генов будет зависеть не только от интенсивности миграции, но и от этнического состава мигрантов. Однако, как свидетельствуют данные статистики, поток мигрантов становится все более пестрым в этническом плане, способствуя увеличению численности и этнического, а следовательно, и генетического разнообразия населения России. Расчеты авторов позволяют судить о том, как будет изменяться этнический состав населения России при сохранении соотношений миграционной активности этнических групп, характерных для 1990-х годов. Так, ожидается заметное увеличение доли народов Закавказья и таджиков и менее значительное — украинцев, узбеков и лезгин; наибольшая убыль прогнозируется для немцев и евреев как следствие их селективной эмиграции из России [5].

Таким образом, миграция увеличивает не только численность, но и наследственное разнообразие популяции, в которую направлен поток генов. Эффект тем значительнее, чем большую долю составляют мигранты в популяции и чем больше различия между ними и коренными жителями (в частности, чем разнообразнее этнический состав мигрантов и больше географическое расстояние от места рождения мигранта до населенного пункта, в который он прибыл). Конечно же, для мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург), куда устремлены основные миграционные потоки, этот эффект будет выражен сильнее.

Давно установлено, что вспышки инфекционных заболеваний, охватывавших города, страны и континенты, были связаны с перемещением больших групп людей: войск, беженцев, военнопленных, мигрантов из регионов, охваченных голодом, людей с территорией распространения природных катаклизмов. Приносили с собой инфекционные болезни торговые караваны, корабли купцов и контингенты мигрантов в поисках работы.

Мигранты приносят не только свои нравы, обычаи и диалекты, но и гены и болезни. При этом существуют два типа заболеваний. Одни распространяются в основном «горизонтально» и, будучи излеченными, не оставляют следа в будущих поколениях. Другие, в основном наследственные, болезни могут передаваться «вертикально» — из поколения в поколение и закрепиться в генофонде популяции [5]. Многие исследователи сходятся во мнении о том, что международная миграция вносит значительный вклад в распространение социально опасных болезней [6–14].

С другой стороны, позиция ВОЗ по проблеме здоровья трудовых мигрантов состоит в следующем: проблемы со здоровьем, имеющиеся у мигрантов, аналогичны тем, с которыми сталкивается остальное население, однако в некоторых группах эти проблемы могут быть более широко распространены. Несмотря на распространенное представление о наличии связи между миграцией и завозом инфекционных заболеваний, систематическая связь между этими явлениями отсутствует, а более высокая заболеваемость инфекционными заболеваниями главным образом связана с бедностью[1]. Результаты нашего исследования показали, что из социально опасных заболеваний наиболее тесная положительная связь с занятостью иностранных граждан имеется у заболеваний педикулезом и хроническими вирусными гепатитами. Иммиграция и легальная занятость иностранных граждан не влияют на показатели заболеваемости ВИЧ. Наркомания занимает промежуточное положение: есть корреляция и с негативными, и с положительными показателями. Распространение таких социально опасных заболеваний, как туберкулез, сифилис и энтеробиоз, тесно связано с общим социально-экономическим положением в регионе (бедностью, неудовлетворительными жилищными условиями, алкоголизмом, низким уровнем занятости) и практически не зависит от уровня прибытия международных мигрантов [15].

Взаимосвязь между миграцией и инфекционными эпидемиями не всегда отрицательна. Между прибывшим и местным населением могут быть различия. Эти различия могут быть разными в зависимости от времени, направления и поколения. Переселения между странами Азии и Европы без большой культурной дистанции демонстрируют небольшую разницу в здоровье. Наконец, известны случаи, когда здоровье пришлого населения лучше коренного [16–19]. Но даже этот эффект со временем может сойти на нет.

В ряде случаев особенности процесса миграции заключаются не только в том, что мигранты должны адаптироваться к местной системе здравоохранения, но и в том, что местное население должно приспосабливаться к совместному с мигрантами пользованию услугами этой системы. По мнению некоторых экспертов [20], угроза заражения инфекционными заболеваниями от мигрантов стала выталкивать местных жителей в сектор платной медицины. В качестве примера здесь можно привести ситуацию с родовспоможением. Роды относятся к разряду срочной, экстренной медицинской помощи. Такая помощь, в том числе и для иностранных граждан, является обязательной и бесплатной. То есть, если иностранные граждане вызывают наряд медиков скорой помощи по факту родов, то в этой помощи им не откажут. Роды будут приняты в местном роддоме бесплатно. Этим правом иностранные граждане охотно пользуются, даже

[1] Миграция и здоровье: ключевые вопросы. ВОЗ. Европейское региональное бюро [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/migration-and-health/migrant-health-in-the- european-region/migration-and-health-key-issues).

появились термины для этого явления: «родильный тур», «родильный туризм». Проблемы в данном примере вызваны не только экономическими аспектами, хотя расходы для системы здравоохранения ощутимы, но и тем обстоятельством, что женщины-мигрантки обращаются за помощью в самый последний момент, не проходя предварительно никаких обследований. Отказать беременным мигранткам врачи не имеют права, даже если те без документов и с набором опасных болезней. В итоге в группу риска попадают все остальные женщины и новорожденные. Не желая оказаться в одной палате с иностранками, некоторые москвички, например, предпочитают обращаться в платные родильные дома.

Ситуация с медицинским обслуживанием складывается таким образом, что, предоставляя медицинские услуги незарегистрированным мигрантам, медицинские службы действуют вопреки финансовым нормам, а если они не будут оказывать медицинскую помощь, то нарушат права человека и исключат наиболее уязвимых людей.

Поскольку мигранты являются частью принимающего сообщества, их собственное здоровье также является составной частью общественного здоровья. Уязвимое положение мигрантов с точки зрения получения доступа к здравоохранению в принимающем обществе обусловлено такими факторами, как языковой барьер, культурные различия, субъективные представления о здоровье и болезни, расовая или этническая дискриминация со стороны тех, кто оказывает услуги, или населения в целом [20].

В социально-экономических и демографических исследованиях конца XX века широко использовалось понятие «эффект здорового мигранта» [16–19]. Оно основано на допущении, что в трудовую миграцию вовлекаются люди молодые и здоровые, способные выполнять работу, а люди, не уверенные в своих силах и способности заработать, не решаются на миграцию. То есть объяснялось это явление самоотбором более здоровых людей, решившихся на переезд со своей родины в другую страну. В настоящее время в исследовательских работах, посвященных здоровью мигрантов, все чаще встречается описание состояния мигрантов, которое можно назвать «эффектом истощённого мигранта» [20, 21]. Наложение на плохие социально-экономические условия политических, административных, культурных факторов приводит к ухудшению показателей здоровья мигрантов и потере трудоспособности. С этой точки зрения также существует риск для здоровья принимающего сообщества.

Таким образом, можно выделить следующие проблемы, характеризующие формирование здоровья населения в контексте международных миграций: мигранты могут менять генофонд населения; могут быть носителями инфекций, представляющих существенную опасность для окружающих; мигранты оказывают нагрузку на систему здравоохранения принимающих территорий; вследствие нагрузки мигрантами местное население может быть оттеснено в сферу платных медицинских услуг. То есть миграция наряду с другими социальными детерминантами оказывает

влияние на общественное здоровье. Население стран становится все более разнообразным, соответственно системы здравоохранения (как стран исхода, так и принимающих стран) должны найти способы соответствовать этому разнообразию.

Список источников

1. *Castañeda H., Holmes S. M., Madrigal D. S., Young M-ED, Beyeler N., Quesada J.* Immigration as a social determinant of health // Annu Rev Public Health. — 2015. — No. 36. — P. 375–392 [Electronic resource]. URL: https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-publhealth-032013–182419 (дата обращения: 10.10.2018).

2. *Зайончковская Ж. А.* Россия: миграция в разном масштабе времени. — М., 1999. — С. 68.

3. *Рязанцев С. В., Каримов М.* Влияние трудовой миграции на рождаемость и репродуктивное здоровье (на примере таджикских трудовых мигрантов в России) // Вестник ТГУПБП. — 2013. — No. 2 (54) [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-trudovoy-migratsii-na-rozhdaemost-i-reproduktivnoe-zdorovie-na-primere-tadzhikskih-trudovyh-migrantov-v-rossii (дата обращения: 10.10.2018).

4. *Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л., Рязанцев С. В.* Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития / Под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. — М.: ЦСП, 2006.

5. *Курбатова О. Л., Янковский Н. К.* Миграция — основной фактор популяционной динамики городского населения России // Генетика. — 2016. — Т. 52, № 7.— С. 831–851.

6. *Алсалих Н. Д., Сычев Д. А., Подопригора И. В.* Распространенность вирусного гепатита С среди трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию // Вестник «Здоровье и образование в XXI веке». — 2017. — № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rasprostranennost-virusnogo-gepatita-s-sredi-trudovyh-migrantov-pribyvayuschih-v-rossiyskuyu-federatsiyu (дата обращения: 17.10.2017).

7. *Алсалих Н. Д., Сычев Д. А., Потемкин И. А., Кюрегян К. К., Михайлов М. И.* Распространенность серологических маркеров вирусных гепатитов среди трудовых мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию // Журнал инфектологии. — 2017. — № 9(2). — Р. 80–85.

8. Вопросы доступа мигрантов к мероприятиям по раннему выявлению, диагностике, профилактике и лечению туберкулеза и туберкулеза, сочетанного с ВИЧ-инфекцией в странах СНГ (аналитический обзор) / О. В. Демихова, О. Б. Нечаева [Электронный ресурс]. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/CMT/migranty.pdf.

9. *Истомин П. В.* Особенности проявления ВИЧ-инфекции в Ямало-Ненецком автономном округе / П. В. Истомин, В. В. Мефодьев, В. Г. Бычков // Медицинская наука и образование Урала. — Тюмень, 2017. — № 1. — С. 92–97.

10. *Мальцева Н. С., Старостина И. С., Кузнецова С. А.* К вопросу о частоте выявления парентеральных и энтеральных вирусных гепатитов среди трудовых мигрантов г. Хабаровска // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. — 2009. — № 14. — Ст. 16. — С. 63–64.

11. *Рашкевич Е. Е., Фролова Ю. В., Ермашова М. А., Виноградова А. Г.* Скрининг и верификация туберкулезной инфекции у детей из семей мигрантов // Смоленский медицинский альманах. — 2016. — № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/skrining-i-verifikatsiya-tuberkuleznoy-infektsii-u-detey-iz-semey-migrantov (дата обращения: 17.10.2017).

12. Циркуляция вируса гепатита Е на территории Хабаровского края / Солонин С. А., Мальцева Н. С., Троценко О. Е., Исаева О. В., Кюрегян К. К., Михайлов М. И., Попова О. Е., Кожанова Т. В., Отт В. А., Каравянская Т. Н. // Дальневосточный журнал инфекционной патологии. — 2010. — № 16. — С. 31–36.

13. *Струин Н. Л., Шубина А. С.* Социальные инфекции у мигрантов, факторы, способствующие заболеваемости: обзор литературы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2015. — № 11–5. — С. 676–679.

14. *Щербак Н. Я., Улюкин И. М.* Опыт организации медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях мегаполиса // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. — 2014. — № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-organizatsii-meditsinskogo-osvidetelstvovaniya-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-usloviyah-megapolisa (дата обращения: 17.10.2017).

15. *Неклюдова Н. П., Лифшиц М. Л.* Влияние международной трудовой миграции на распространение заболеваний, представляющих опасность для окружающих // Сборник статей VIII Уральского демографического форума / Институт экономики Уральского отделения РАН; отв. редактор А. И. Кузьмин. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55736/1/8udf2_066.pdf (дата обращения: 17.09.2018).

16. *Abraido-Lanza A. F., Dohrenwend B. P., Ng-Mak D. S., Turner J. B.* The Latino mortality paradox: A test of the "salmon bias" and healthy migrant hypotheses // American Journal of Public Health. — 1999. — Vol. 89(10). — P. 1543–1548 [Electronic resource]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/10511837.

17. *Franzini L., Ribble J. C., Keddie A. M.* Understanding the Hispanic paradox // Ethnicity and Disease. — 2001. — Vol. 11(3). — P. 496–518 [Electronic resource]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11572416.

18. *Turra C. M., Elo I. T.* The Impact of Salmon Bias on the Hispanic Mortality Advantage: New Evidence from Social Security Data // Population research and policy review. — 2008. — Vol. 27(5). — P. 515–530. — doi: 10.1007/s11113–008–9087–4 [Electronic resource]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2546603.

19. *Lu Y., Qin L.* Healthy migrant and salmon bias hypotheses: a study of health and internal migration in China // SocSci Med. — 2014. — Vol. 102. — P. 41–48. — doi: 10.1016/j.socscimed.2013.11.040 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24565140.

20. *Кузнецова И. Б., Мухарямова Л. М., Вафина Г. Г.* Здоровье мигрантов как социальная проблема // Казанский мед. журн. — 2013. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-migrantov-kak-sotsialnaya-problema (дата обращения: 26.09.2018).

21. *Бедрина Е. Б., Козлова О. А.* К вопросу о социальном здоровье мигрантов в Российской Федерации // CCS&ES. — 2018. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnom-zdorovie-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 10.10.2018).

Информация об авторе

Неклюдова Наталья Павловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014 г. Екатеринбург, ул. Московская, 29); доцент кафедры экономики и информатизации Гуманитарного университета (Россия, 620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19; e-mail: nnp81@mail.ru).

Neklyudova N. P.

Migration as a Social Determinant of Public Health

The article concerns the influence of international migration on public health of the accepting territory. Large-scale mobility affects health of all parties participating in this process: public health of outcome country, health of migrants themselves and health of the population of the accepting

territories. Migration sharply changes both conditions of accommodation of the individual, and his /her social environment. The natives accepting migrants are also affected by this factor. Besides, the international migration influences health care system of host country. For this reason along with a way of life, material prosperity, social and economic conditions of the early childhood of the individual, living conditions and working conditions (or unemployment) the international migration can and has to act as a social determinant of public health.

Keywords: international migration, public health, social determinants of health.

References

1. Castañeda H., Holmes S. M., Madrigal D. S., Young M.-E. D., Beyeler N., Quesada J. Immigration as a social determinant of health // Annu Rev Public Health. — 2015. Vol. 36. — P. 375–392 [Electronic resource]. URL: https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-publhealth-032013–182419 (accessed: 10.10.2018).

2. Zayonchkovskaya Zh. A. Russia: migration in different time scale. — Moscow, 1999. — P. 68.

3. Ryasantsev S. V., Karimov M. M. The Influence of Labour Migration upon Birth Rate and Reproductive Health (on the Material Related to Labour Sojourners in Russia) // Bulletin of TSULBP. — 2013. Vol. 2 (54) [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-trudovoy-migratsii-na-rozhdaemost-i-reproduktivnoe-zdorovie-na-primere-tadzhikskih-trudovyh-migrantov-v-rossii (accessed 10.10.2018).

4. Arkhangelsky V. N., Ivanova A. E., Rybakovsky L. L., Ryazantsev S. V. A demographic situation in Moscow and a tendency of its development /Edited by prof. L. L. Rybakovsky. — M.: TsSP, 2006.

5. Kurbatova O. L., Yankovsky N. K. Migration — a major factor of population dynamics of urban population of Russia // Genetics. — 2016. — No. 7, Vol. 52.— P. 831–851.

6. Alsalikh N. D., Sychev D. A., Podoprigora I. V. The prevalence of viral hepatitis C among labor migrants arriving in the Russian Federation // Online scientific & educational Bulletin "Health and Education Millennium". — 2017. — Vol. 19. — No 7 (In Russian).

7. Alsalikh N. D. et all. The prevalence of serological markers of viral hepatitis among labor migrants arriving in the Russian Federation // Journal of infectious diseases. — 2017. — Vol. 9(2). — P. 80–85. — DOI: 10.22625/2072–6732 (In Russ.).

8. Access for migrants to actions for early identification, diagnostics, prevention and treatment of tuberculosis and tuberculosis combined with HIV infection in the CIS countries (analytical review) / O. V. Demikhova, O. B. Nechayeva [Electronic resource]. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/CMT/migranty.pdf.

9. Istomin P. V., Mefod'ev V. V., Bychkov V. G. Peculiarities of HIV infection in the Yamalo-Nenets autonomous district // Medical science and education of Urals. — 2017. — Vol. 18. — No. 1. — P. 92–97 (In Russ.).

10. Mal'tseva N. S., Starostina I. S., Kuznetsova S. A. Rate of detection of parentheral and enteral viral hepatitis in labor migrants in Khabarovsk city // Far eastern magazine of infectious pathology. — 2009. — No. 14. — P. 63–64. Available at: (In Russ.).

11. Rashkevich E. E. et all. Screening and verification of tuberculosis infection in children from migrant families // Smolensk Medical Almanac. — 2016. — No 1 [Electronic resource]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/skrining-i-verifikatsiya-tuberkuleznoy-infektsii-u-detey-iz-semey-migrantov (In Russ.).

12. Solonin S. A. et all. Circulation of the hepatitis E virus in the Khabarovsk Territory // Far Eastern Journal of Infectious Pathology. — 2010. — No. 16. — P. 31–36 (In Russ.).

13. Struin N. L., Shubina A. S. Social infection of migrants, factors contributing to morbidity: a review // International Journal of Applied and Fundamental Research. — 2015. — No. 11–5. — P. 676–679 (In Russ.).

14. Shcherbak N. Ya., Ulyukin I. M. Experience of medical examination' management of foreign citizens and stateless persons in the megapolis // Health — the basis of human potential: problems and solutions. — 2014. — Vol. 9. — No. 2 (In Russ.). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-organizatsii-meditsinskogo-osvidetelstvovaniya-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-usloviyah-megapolisa.

15. Neklyudova N. P., Lifshitz M. L. Influence of the international labour migration on prevalence of public health hazard 2017 [Electronic resource]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55736/1/8udf2_066.pdf.

16. Abraido-Lanza A. F., Dohrenwend B. P., Ng-Mak D. S., Turner J. B. The Latino mortality paradox: A test of the "salmon bias" and healthy migrant hypotheses // American Journal of Public Health. — 1999. — Vol. 89(10). — P. 1543–1548 [Electronic resource]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/10511837.

17. Franzini L., Ribble J. C., Keddie A. M. Understanding the Hispanic paradox. Ethnicity and Disease. — 2001. — Vol. 11(3). — P. 496–518 [Electronic resource]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11572416.

18. Turra C. M., Elo I. T. The Impact of Salmon Bias on the Hispanic Mortality Advantage: New Evidence from Social Security Data // Population research and policy review. — 2008. — Vol. 27(5). — P. 515–530. — doi:10.1007/s11113–008–9087–4 [Electronic resource]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2546603.

19. Lu Y., Qin L. Healthy migrant and salmon bias hypotheses: a study of health and internal migration in China // Soc Sci Med. — 2014. — Vol. 102. — P. 41–48. — doi: 10.1016/j.socscimed.2013.11.040. [Electronic resource]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24565140.

20. Kuznetsova I. B., Mukharyamova L. M., Vafina G. G. Health of migrants as a social problem//Kazan medical journal. — 2013. — No. 3 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-migrantov-kak-sotsialnaya-problema.

21. Bedrina E. B., Kozlova O. A. Social health of migrants in the Russian Federation // CCS&ES. — 2018. — No. 3 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialnom-zdorovie-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii.

Author

Neklyudova Natalya Pavlovna — PhD in Economics,senior research associate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (620014 Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, nnp81@mail.ru); assistant professor of Chair of economics&IT at the Liberal Arts University (Russia, 620049, Yekaterinburg, Studencheskaya St., 19; e-mail: nnp81@mail.ru).

УДК 338.001.36

Подкина К. Ю., Квашнина К. В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДЕМОГРАФИЮ ИНДИИ[1]

В статье выявлены основные социальные проблемы развивающихся стран, влияющие на воспроизводство и миграцию населения.

Приведены показатели, которые характеризуют социально-экономическое состояние страны, на примере Индии. С помощью этих показателей рассмотрены социально-экономические проблемы, влияющие на демографию страны в целом.

Ключевые слова: социально-экономические проблемы, демография, миграция, Индия, развивающиеся страны

Существует множество подходов и определений понятия «развивающиеся страны». Так, например, в универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия дается следующая трактовка: развива́ющиеся стра́ны (developing countries) — обозначение группы независимых, в том числе бывших колониальных и полуколониальных (освободившихся), стран со слаборазвитой экономикой, невысоким уровнем социально-экономического потенциала, сохранением докапиталистических отношений, пытающихся преодолеть барьер отсталости и выйти на уровень развитых стран [5].

На основе анализа нескольких вариантов определений предложено авторское определение: под развивающимися странами понимается группа стран с низким уровнем ВНП и доходов населения, характеризующихся отсутствием свободного рынка, многоукладной экономикой, слаборазвитым производством, страдающих от недостатка капиталов и инвестиций.

На сегодняшний день к развивающимся странам относят свыше140 государств Азии, Африки, Латинской Америки и Океании, которые охватывают больше 1/2 площади суши Земли с населением около 3/5 от мирового, а это 3,2 млрд чел. Среди основных экономических показателей развивающихся стран можно выделить приведенные на рис. 1.

Ведущие экономисты предполагают, что к 2050 году развивающиеся страны станут ближе к уровню развитых и вклад в мировой ВВП каждого отдельно взятого государства существенно изменится [6]. Так, через три десятка лет ВВП развивающихся стран сможет увеличиться с 37 до 50 %, а доля Китая в мировом ВВП достигнет 20 %. Также по доле ВВП Индия займет второе место, а Индонезия — четвертое [1].

Рассмотрев классификацию развивающихся стран, мы решили выделить основные социальные проблемы, непосредственно влияющие на воспроизводство и миграцию населения [3]:

— стремительные темпы роста населения. По сравнению с развитыми странами показатели смертности в развивающихся странах находятся

[1] © Подкина К. Ю., Квашнина К. В. Текст. 2018.

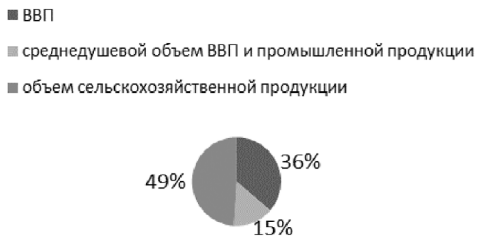


Рис. 1. *Экономические показатели развивающихся стран, %*

на высоком уровне. Кроме того, показатели младенческой смертности, а также низкие показатели продолжительности жизни мужчин и женщин оставляют желать лучшего;

— распределение богатства. Неравенство доходов становится главной причиной неравномерного их распределения в сельских районах. Так, во многих развивающихся странах коэффициент Джини, применяемый для оценки неравномерности распределения совокупных доходов общества, составляет от 0,32 до 0,39, а в большинстве развивающихся стран он превышает 0,50;

— низкий уровень жизни;

— отсутствие здоровой и безопасной среды;

— высокий уровень неграмотности;

— неудовлетворительность образовательных, транспортных, коммуникационных и медицинских услуг;

— неустойчивый государственный долг;

— недоедание матери и младенца;

— высокий уровень безработицы и нищеты.

Исходя из перечисленных проблем, можно отметить, что все их объединяет одна — бедность, что приводит к миграции населения в другие, более развитые страны, а также к снижению рождаемости, так как вырастить здоровое потомство в таких условиях является практически нереальной задачей. В первую очередь, это низкий доход населения, маленькие инвестиции, низкий уровень индустриализации. Развивающиеся страны могут достичь быстрого роста в определенном виде промышленного производства при условии достижения экономической стабильности. Одной из угроз, препятствующих совершенствованию, можно считать милитаризацию. Некоторые среди развивающихся стран сталкиваются с терроризмом и угрозой национальной безопасности, из-за чего тратятся миллиарды долларов на приобретение военного оборудования, что приводит к сокращению средств на развитие и инновации. К таким странам относятся Индия, Китай, Вьетнам.

На примере Индии мы решили рассмотреть некоторые социально-экономические показатели, которые смогли бы наглядно продемонстрировать положение развивающихся стран на мировой арене. Выбор был

обусловлен тем, что Индия входит в тройку наиболее значимых развивающихся стран. Население страны составляет 1,3 млн человек, а площадь — 3,3 млн кв. км. По объему ВВП Индия занимает 5-е место в мире, но по уровню доходов населения относится к бедным странам [7]. По данным исследований компании PwC, к 2050 году Индия по объему ВВП будет расти быстрее всего — по 5 % в год [1].

В структуру национального хозяйства входят угольная промышленность, нефтедобыча, производство электроэнергии, черная металлургия, машиностроение, легкая и пищевая промышленность, софт-индустрия. Индия является экспортером сельскохозяйственного и промышленного сырья, продовольственных и текстильных товаров, драгоценных камней и изделий из них, некоторых видов машин и оборудования, фармацевтических товаров и предметов бытовой химии. Одно из высокоприбыльных направлений экспортной стратегии Индии — это поставки на мировой рынок высококачественных компьютерных программ. Импортирует Индия нефть и нефтепродукты, машины, сложное оборудование, оружие.

Показатели, которые характеризуют социально-экономическое состояние Индии, приведены в таблице.

Как видно из диаграммы (рис. 2), за последние 5 лет население Индии стремительно увеличивалось, а по данным ООН на сегодняшний день составляет 1360,009 млн чел.

Как видно из рисунка 3, в период с 2012 по 2016 гг. наблюдался рост процента поступивших в высшие учебные заведения, однако показатели все равно остаются низкими.

Также мы рассмотрели уровень безработицы среди трех групп населения: мужчины, женщины, молодежь в возрасте 15–24 (рис. 4).

Рис. 2. *Динамика численности населения Индии, млн чел.*

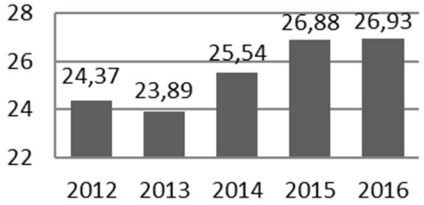


Рис. 3. *Зачисление в вузы, % соответствующих детей*

Таблица

Показатели Индии [4]

Показатель	Анализ данных
1. Численность населения	Занимает 2-е место в мире после Китая. Проблема высоких темпов роста населения актуальна для Индии и по сей день (рис. 2)
2. Расходы на образование	Уровень образования, в первую очередь, характеризует общий уровень грамотности населения. По последним данным UNESCO, уровень грамотности населения Индии за 2011 год составил всего лишь 69,3 %, а уровень грамотности молодежи от 15 до 24 лет — 86,14 %. В 2013 году на образование было вложено государством всего 3,84 % от ВВП и 14,05 % от государственных расходов. Данные цифры очень маленькие, и именно они объясняют сложившуюся ситуацию невысокой грамотности у населения
3. Зачисление в вузы (% соответствующих детей)	Высшее образование является главной ступенью в карьерном развитии, а без молодых и опытных специалистов модернизация экономики наступить просто не сможет. Динамика показателей с 2011 по 2016 гг. является положительной, однако все равно процент поступивших остается низким (рис. 3)
4. Средняя продолжительность жизни	В связи с тем, что для развивающихся стран характерны эпидемии и высокий уровень заболеваемости, мы изучили статистику случаев туберкулеза на 100 000 человек населения (рис. 4). Оценив числовые показатели, можно утверждать, что продолжительность жизни в Индии находится не на самом высоком уровне
5. Заболеваемость, расходы на здравоохранение	Число больных людей немаленькое. Это говорит о том, что здравоохранение в стране развито слабо. Так, в 2014 г. на душу населения по охране здоровья было выделено 74,99 долл. в год, что является очень незначительной суммой
6. Уровень безработицы	Одной из основных проблем развивающихся стран является высокий уровень безработицы. Среди молодежи Индии высок уровень безработицы. Такая проблема, к сожалению, остается актуальной, что выражается растущей динамикой исследуемого показателя
7. Государственный долг	Государственный долг в % от ВВП в 2013 г. составил 50,31 %, а к 2017 г. достиг 70,2 %. Такие цифры подтверждают тот факт, что государственный долг является неустойчивым
8. ВВП на душу населения по ППС	ВВП по ценам покупателя — это сумма валовой добавленной стоимости всех производителей-резидентов в экономике, плюс любые налоги на продукты и минус любые субсидии, не включенные в стоимость продуктов. В Индии держится на стабильном уровне

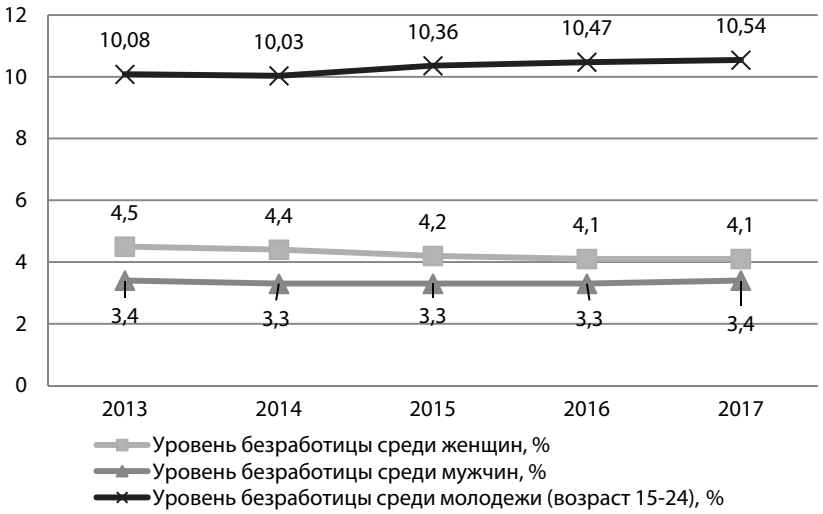


Рис. 4. *Уровень безработицы среди разных групп населения, %*

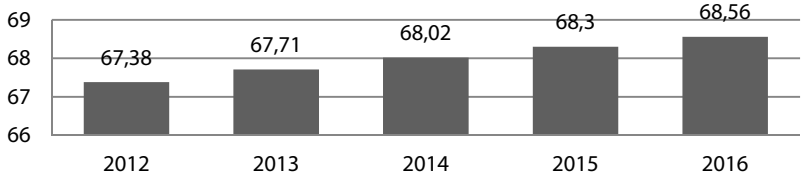


Рис. 5. *Средняя продолжительность жизни, лет*

Стоит отметить, что в настоящее время в Индии возросло число трудовых миграций, связанных с безработицей. В связи с этим мы проанализировали такой показатель, как коэффициент чистой миграции — число мигрантов за вычетом числа эмигрантов за период, деленное на число человеко-лет, прожитых населением принимающей страны за этот период. Этот показатель выражен как чистое число мигрантов на 1000 населения. В 2015 г. показатель составил –0,41 и его изменение по сравнению с 2010 г. (–0,49) составило –17,37 % [2].

Для оценки уровня жизни и здравоохранения мы изучили такой показатель, как средняя продолжительность жизни (рис. 5). В период с 2012 по 2016 гг. продолжительность жизни возросла, но незначительно

По данным рис. 6 видно, что динамика заболеваемости туберкулезом на момент с 2012 г. снизилась до 211 человек к 2016 г.

ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) имеет положительную динамику и к 2016 г. достиг 6092,65 долл. (рис. 8).

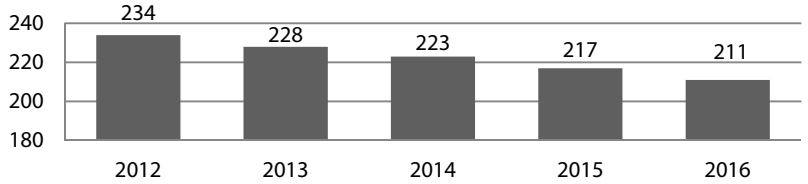


Рис. 6. *Случаи туберкулеза на 100 000 человек*

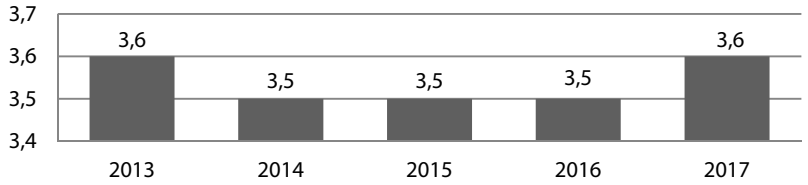


Рис. 7. *Уровень безработицы, %*

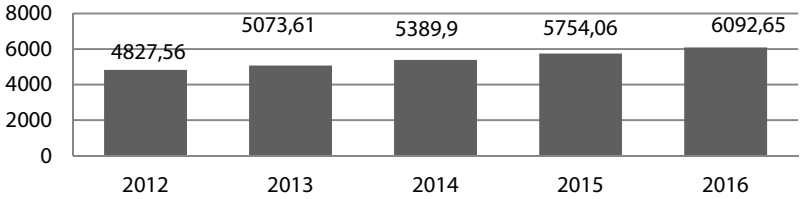


Рис. 8. *ВВП по ППС, долл.*

Так, с помощью вышеперечисленных показателей мы рассмотрели социально-экономические проблемы развивающихся стран на примере Индии.

На наш взгляд, проблема бедности в развивающихся странах может быть решена реформами в экономической политике индивидуально для каждой страны, а именно: 1) укрепление экономического роста; 2) преодоление отставания от развитых стран; 3) повышение уровня жизни населения; 4) укрепление позиций на мировом рынке; 5) изменение позиции в международном разделении труда; 6) развитие экспортоориентированной индустриализации.

Из-за недостатка внутренних финансовых ресурсов, современных знаний и технологий, падения цен на сырьевые экспортные товары привлечение иностранного капитала просто необходимо, поэтому немаловажной станет финансовая помощь развитых стран и международных организаций. Стоит отметить, что привлечение инвестиций не помешает сохранить мелкое производство, которое является необходимым элементом социально-экономической структуры и обеспечивает товарами и услугами массовый спрос населения и занятость.

Реализация поставленных выше задач станет возможна только благодаря вовлеченности государства в экономику страны, его способности мобилизовать внутренние ресурсы и зависит от успешного привлечения иностранного капитала и инвестиций в целях модернизации хозяйства.

Список источников

1. Какой будет мировая экономика в 2050 году — прогноз PwC [Электронный ресурс]. URL: http://businessviews.com.ua/ru/economy/id/prognoz-razvitija-ekonomiki-ot-pwc-1478.

2. Мировой Атлас Данных [Электронный ресурс]. URL: https://knoema.ru/atlas.

3. Развивающиеся страны [Электронный ресурс]. URL: http://www.yaklass.ru/materiali?mode=lsntheme&subid=186&themeid=188.

4. Руководство по глобальной экономике [Электронный ресурс]. URL: http://ru.theglobaleconomy.com.

5. Универсальная мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. URL: http://megabook.ru/article.

6. Характеристика развивающихся стран [Электронный ресурс]. URL: http://www.0gn.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/xarakteristika_razvivayushhixsya_stran.php.

7. Knigi.link. India [Электронный ресурс]. URL: https://knigi.link/sotsialnaya-geografiya-ekonomicheskaya/indiya-49959.html.

Информация об авторах

Подкина Ксения Юрьевна — аспирант Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: ksenechka-150@rambler.ru).

Квашнина Ксения Вячеславовна — студентка 2-го курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62).

K. Y. Podkina, K. V. Kvashnina

Socio-Economic Problems Affecting the Demography of India

The article reveals the main social problems of developing countries, affecting the reproduction and migration of the population.

The indicators that characterize the socio-economic state of the country are given, using the example of India. With the help of the above mentioned indicators, social and economic problems affecting the demography of the country as a whole are considered.

Keywords: socio-economic problems, demography, migration, India, developing countries

References

1. What will be the world economy in 2050 — PwC forecast [Electronic resource]. URL: http://businessviews.com.ua/en/economy/id/prognoz-razvitija-ekonomiki-ot-pwc-1478.

2. Developing countries [Electronic resource]. URL: http://www.yaklass.ru/materiali?-mode=lsntheme&subid=186&themeid=188.

3. Guide to the global economy [Electronic resource]. URL: http://www.theglobaleconomy.com.

4. Universal mega encyclopedia of Cyril and Methodius [Electronic resource]. URL: http://megabook.ru/article.

5. Characteristics of developing countries [Electronic resource]. URL: http://www.0gn.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/xarakteristika_razvivayushhixsy_stran.php

6. Knigi.link. India [Electronic resource]. URL: https://knigi.link/sotsialnaya-geografiya-ekonomicheskaya/india-49959.html.

Authors

Podkina Kseniya Yurievna — post-graduate student of the IE of the Ural Branch of the Russian academy of sciences (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaja St., 29; e-mail: senechka-150@rambler.ru).

Kvashnina Ksenia Vyacheslavovna — 2-year student, FGBOU VO "Ural State Economic University" (Russia, Ekaterinburg, 8 Marta St., 62).

УДК 314.15

Скрябина Я. А.

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ОБЛАСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ И УКРЕПЛЕНИЯ СЕМЬИ[1]

В статье анализируется эффективность демографической и семейной политик в регионе, показатели рождаемости. Исследованы приоритеты демографической и семейной политик в отношении рождаемости и укрепления семьи и пути их реализации.

Ключевые слова: демографическая политика, семейная политика, рождаемость, брачно-семейные отношения

Благоприятный демографический период с 2006 по 2015 гг. в Республике Башкортостан, как и в России в целом, за счет вступления в брачный и репродуктивный возраст многочисленного поколения родившихся в середине 1980-х гг. закончился. На современном этапе снижения рождаемости, сокращения числа официально регистрируемых браков и увеличения числа разводов актуализируется вопрос об управляемости и регулировании процессов воспроизводства населения. Может ли государство воздействовать на демографическое развитие в целях достижения желательного (оптимального) в долгосрочной перспективе типа воспроизводства населения?

Известно, что элементы демографической политики как рекомендации по воздействию на население с целью сохранить или изменить его численность, оптимизировать расселение известны с древних времен. Так, римский император Гай Юлий Цезарь распределял общественные земли для помощи многодетным семьям с тремя и более детьми. Для поддержания «оптимальной» пропорции между количеством земли, продовольствием и населением в V в. до н. э. весьма эффективной оказалась мера, предложенная древнекитайским философом Конфуцием, переселять жителей из густонаселенных районов в малонаселенные с избытком земли.

Философы древности Платон и Аристотель считали необходимым поддерживать численность населения на определенном уровне: при недостатке населения стимулировать рождение детей, а при избытке — ограничивать. По их мнению, сдерживать с помощью страха, закона, религии безудержное стремление людей к продолжению рода является одной из важнейших задач государства. Платон видел первооснову государства прежде всего в упорядочении рождения детей и предполагал, что основой для их рождения должно стать законодательство о браке, не допускающее чрезмерного увеличения населения. Аристотель же рекомендовал контролировать возраст вступления в брак и рождения детей, допускал аборты и детоубийства.

[1] © Скрябина Я. А. Текст. 2018.

В дальнейшем в рамках демографической политики римские императоры предусматривали государственную помощь беднейшим семьям с детьми, стимулирование рождаемости через привилегии семьям с детьми, принуждение граждан репродуктивного возраста к длительному супружеству и др.

В процессе развития общества происходит модернизация демографического поведения. Развитие населения является очень сложным процессом, в котором под воздействием множества факторов — социально-экономических, политических, культурных, религиозных, медико-биологических, климатических и др. — и собственно демографических одновременно происходят количественные изменения (прирост или убыль населения) и качественные трансформации (изменение половозрастной, семейно-брачной и других структур). Оказать влияние на демографические процессы и снизить вероятность возникновения критической ситуации в воспроизводстве населения возможно с помощью демографической политики как одной из частей социально-экономической политики страны.

Под демографической политикой понимается целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. Целью демографической политики является формирование и поддержание оптимального режима воспроизводства населения, соответствующего целям успешного социально-экономического развития страны. В отношении же конкретно рождаемости — определение желаемого типа репродуктивного поведения. Желаемое число детей и параметры рождаемости должны быть определены количественно, так как система мер по стимулированию рождаемости двоих детей отличается от системы мер по стимулированию рождаемости троих-четверых детей, и, соответственно, предполагает разные объемы средств на выбранную цель. Демографическая политика состоит из двух обязательных частей: концепции и программы (плана) действий. Концепция как правовой документ определяет стратегию действий для реализации демографической политики, а программа действий детерминирует систему мероприятий, направленных на преодоление негативных тенденций в демографических процессах.

Выдающийся российский демограф, один из основных создателей теоретических основ демографической политики в СССР, активный разработчик ее целей, принципов, мер, методов оценки эффективности А. Я. Кваша считал, что комплекс мер демографической политики, как и любая система управляющих мер, может быть эффективным лишь в том случае, если четко определена ее цель [5, с. 101–106]. То есть необходимо четкое обозначение параметров желательного типа воспроизводства населения, какой именно тип семьи в зависимости от детности считать наиболее оптимальным.

В 2006 г. в Послании к Федеральному Собранию Президент России В. В. Путин обозначил демографию как самую острую проблему России и

предложил три основных направления улучшения демографической обстановки: снижение смертности, повышение рождаемости, регулирование миграции.

С целью обеспечения условий для устойчивого демографического развития страны была разработана и 9 октября 2007 г. утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. На основе вышеуказанной концепции с учетом региональных особенностей демографического, экономического и социально-культурного развития была разработана Концепция демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года (далее — Концепция), реализация основных приоритетов которой направлена на уменьшение отрицательных последствий сокращения трудовых ресурсов, значительных демографических, экономических и социальных потерь.

Наиболее острая проблема в демографической повестке сегодняшнего дня — падение рождаемости. В Концепции задачи в области повышения рождаемости и укрепления института семьи объединены в одно направление, поскольку на рождаемость большое влияние оказывают собственно демографические факторы, а именно в данном контексте — семейно-брачные отношения. Большинство детей рождается в официально зарегистрированных браках или в брачных союзах, регламентированных обществом, частота рождения детей у женщин, состоящих в браке, намного выше, чем у женщин, не состоящих в браке [6, с. 197], т. е. воспроизводство поколений осуществляется в основном через брак [2, с. 107].

От распространенности, времени заключения, стабильности и прочности брака зависит уровень рождаемости, а сам характер матримониального поведения зависит от исторического этапа развития общества, культурных норм, соотношения социальных и этнических групп в населении и других факторов. К сожалению, на современном этапе общественного развития малодетность стала нормой репродуктивного поведения, а непрочность, недолговечность брачных союзов, различные виды сожительства, неподготовленность к семейной жизни — нормой семейно-брачных отношений.

Таким образом, приоритеты в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи пересекаются и предполагают решение следующих задач:

— повышение материального благосостояния семей с детьми;

— совершенствование системы государственных детских пособий;

— оказание государственной помощи семьям, имеющим детей, в решении жилищных проблем;

— обеспечение совместного отдыха и досуга детей и родителей;

— формирование в обществе нравственных, прежде всего семейных, ценностей, установок на создание полной, состоящей в законном браке семьи с двумя и более детьми;

— создание работникам, на иждивении которых находятся дети, условий, позволяющих сочетать трудовую деятельность с рождением и воспитанием детей;

— оказание материальной и социально-психологической помощи детям из неполных, многодетных и малообеспеченных семей, детям, оставшимся без попечения родителей, и детям-инвалидам;

— способствование улучшению и укреплению репродуктивного здоровья населения.

Реализация мер демографической политики в период с 2007 г. дала заметные положительные результаты: выросла рождаемость, несколько снизилась смертность, соответственно, увеличилась продолжительность жизни. В 2009 г. впервые за последние двадцать лет хотя и не очень большой, но сложился естественный прирост населения. Указанные позитивные сдвиги, с одной стороны, стали результатом реализации мер государственной политики в области воспроизводства населения, с другой — сложившейся благоприятной половозрастной структуры населения. Но многочисленные поколения женщин, рожденных в середине 1980-х гг., постепенно выходят из репродуктивного возраста, а на смену им в этот возраст начинают вступать малочисленные поколения женщин, родившихся в конце 1980-х — начале 90-х годов. Вследствие этого рождаемость будет иметь тенденцию к снижению.

В настоящее время Республика Башкортостан, как и все российские регионы, стоит перед серьезными демографическими вызовами. В 2016 г. мы вступили в новый, может быть, самый опасный этап демографического кризиса, вызванный, прежде всего, серьезным падением — не снижением, а именно падением рождаемости. На демографическую структуру (прежде всего — численность женщин в репродуктивном возрасте), под воздействием которой складывается уровень рождаемости, повлиять уже невозможно, она сложилась.

Оценим уровень рождаемости в Республике Башкортостан.

Уровень рождаемости играет определяющую роль в будущих тенденциях изменения численности населения как в целом страны, так и ее регионов. Для правильной, глубокой оценки процесса рождаемости и для составления демографического прогноза необходимо анализировать систему показателей рождаемости.

По предварительным данным за 2017 год, общий коэффициент рождаемости (ОКР) для всего населения республики составил 12,1 ‰, что на 11,7 % ниже, чем в 2016 году. Если ОКР ниже 16 ‰, то такой уровень рождаемости характеризуется как низкий, недостаточный для замещения поколений родителей поколениями детей.

В соответствии со шкалой оценки общего коэффициента рождаемости по данным за январь-март 2018 г.[1] муниципальные образования Республики Башкортостан можно разделить на три группы:

[1] Показатели естественного движения [Электронный ресурс]. URL: http://bashstat.gks.ru/

1 группа — очень низкий уровень рождаемости (ОКР до 10 ‰) — 14 муниципальных образований;

2 группа — низкий уровень рождаемости (ОКР = 10,0 – 15,0 ‰) — 69 муниципальных образований;

3 группа — уровень ниже среднего (ОКР = 16,0 – 20,0 ‰) — 6 муниципальных образований.

Уровень рождаемости ниже среднереспубликанского (ОКР = 11,6 ‰) наблюдается в январе-марте 2018 г. в 34 муниципальных образованиях.

Следующий показатель, который более точно характеризует уровень рождаемости, — это суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Он показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина за репродуктивный период. В 2000 г. значение СКР в республике опустилось ниже критического уровня 1,5 ребенка, рожденных одной женщиной, и составило для всего населения 1,419. С момента начала реализации Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 г. СКР увеличился с 1,630 в 2007 г. до 1,948 в 2014 г., с 2015 г. значение СКР снижается и по данным за 2017 г. по сравнению с 2016 г. он сократился на 8,6 % и составил 1,696.

Для наиболее точной характеристики воспроизводства населения с учетом рождаемости и смертности используется нетто-коэффициент воспроизводства населения, который выступает количественной мерой замещения материнского поколения дочерним. Он имеет самостоятельное значение при анализе рождаемости. За период 2002–2016 гг. значение нетто-коэффициента воспроизводства для всего населения республики (рис.) колебалось в пределах 0,546–0,929. Значение нетто-коэффициента меньше 1,0 характеризует воспроизводство населения как суженное. Минимальное значение было в 2006 г. — 0,546, значит, следующий демографический провал ожидается через длину поколения к 2030 году.

Современная демографическая проблема вызвана в первую очередь существенными изменениями в семейно-брачных отношениях, во многом определившими изменения в репродуктивном поведении и, соответственно, рождаемости.

Снижение рождаемости по демографическим итогам 2016 г. продиктовало необходимость разработки плана дополнительных мероприятий по повышению рождаемости в Республике Башкортостан на 2017–2020 годы [7]. План состоит из мероприятий по четырем направлениям:

1) медицинские мероприятия, направленные на снижение числа абортов, предупреждение нежелательной беременности, снижение младенческой смертности, полноценное медицинское обследование беременных женщин, оказание высокотехнологичной медицинской помощи с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО, ИКСИ), проведение диагностики и лечения нарушений репродуктивного здоровья

wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/3a0c7e004d05b50fbd76fd5b3577459f/Естественное+движение+населения+январь-март+2018.pdf.

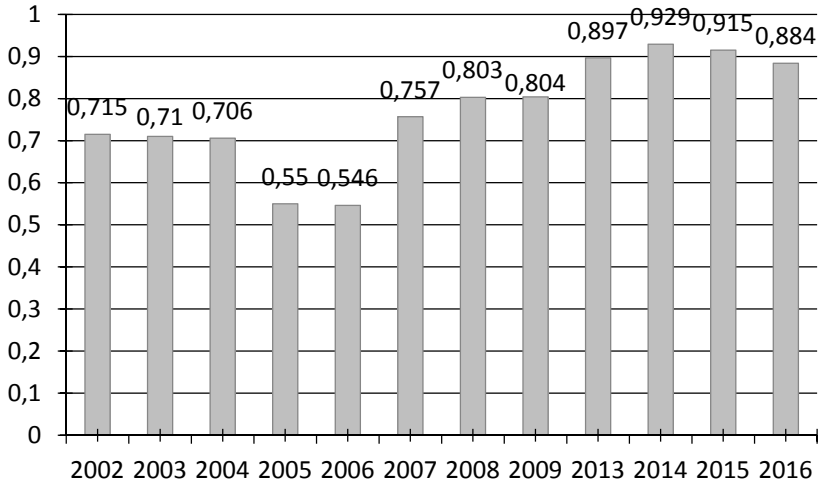


Рис. *Чистый коэффициент воспроизводства населения, все население, Республика Башкортостан*

мужчин, выявление наследственных заболеваний супружеских пар при планировании рождений детей, патронаж семей социального риска в целях выявления беременных женщин и семей, имеющих детей от 0 до 3 лет, наблюдение подростков в плане сохранения их репродуктивного здоровья;

2) социальные мероприятия предполагают работу с молодыми семьями[1]; мониторинг здоровья детей и подростков; внедрение экспериментальных образовательных программ «Семьеведение» и модуля «Этика и психология семейной жизни» для учеников 9–11-х классов; подушевой учет всего сельского населения трудоспособного возраста (занятость, род деятельности, семейное положение, место работы (вахтовики, люди на «временных» заработках, заработках без оформления трудовой книжки)); поддержку студенческих семей с детьми; расширение использования гибких форм занятости для родителей, имеющих малолетних детей; организацию досуга детей, создание групп по интересам с учетом отражения в социальных сетях (с включением материалов о семейных ценностях, ответственности материнства и отцовства); мониторинг реализации комплексных планов демографического развития муниципальных районов и городских округов РБ;

3) информационные мероприятия предусмотрены в форме организации и проведения ежеквартального «круглого стола» для определения

[1] В Республике Башкортостан в 4 муниципальных образованиях запущен пилотный проект «Молодая семья» в рамках стратегической инициативы «Семья-2030», который предполагает работу с молодыми семьями, их психологическую, юридическую и консультационную поддержку.

основных факторов, влияющих на рождаемость и зависящих от поведения целевой аудитории; стимулирования работы СМИ, направленной на популяризацию семейных ценностей, формирования в сознании людей здорового образа жизни, образа счастливой семьи, включающей отца, мать и более чем двух детей; проведения информационно-просветительских мероприятий по профилактике абортов; создания социальных роликов, направленных на повышение рождаемости; издания и распространения информационных буклетов о федеральных и региональных мерах по поддержке семей с детьми и мерах, предоставляемых в связи с рождением детей;

4) финансовые мероприятия предусматривают государственную помощь семьям, имеющим детей, в решении жилищных проблем (так с 1 января 2017 г. по 31 декабря 2018 г. введена единовременная социальная выплата на приобретение (строительство) жилого помещения или погашение остатка основного долга по ипотечному жилищному кредиту (займу) в размере 300 тыс. руб. семьям, признанным нуждающимися в жилом помещении, в которых возраст обоих супругов не превышает 35 лет, при рождении первого ребенка); увеличение денежных выплат на детей и др.

Реализация мероприятий по всем направлениям предполагает получить дополнительные рождения: в 2017 г. — 2580 детей, 2018 г. — 3580 детей, 2019 г. — 3620 детей, 2020 г. — 3710 детей. В 2016 г. в Республике Башкортостан родилось 55628 детей, в 2017 г. — 49260, т. е. не только не достигнута прибавка в ожидаемое число дополнительных 2580 рождений, но и на 6368 детей родилось меньше, чем в 2016 году.

Все меры, направленные на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, определенные в плане дополнительных мероприятий по повышению рождаемости в Республике Башкортостан на 2017–2020 годы, важны и необходимы. Но следует отметить, что предложенные меры практически не учитывают ни одной из существующих концепций рождаемости, которые объясняют изменения в репродуктивном поведении населения. Так, снижение рождаемости объясняет теория социальной капиллярности французского социолога Дюмона, когда индивиды в стремлении продвинуться вверх по социальной лестнице ограничивают число детей в семье, или теория второго демографического перехода, в основе которой лежит распространение личного контроля над рождаемостью. В информационном обществе можно выбрать множество стратегий формирования семьи — сегодня процветает свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, широкое использование средств контрацепции. Следовательно, план мероприятий необходимо усилить мерами не только по созданию условий семьям для реализации имеющейся потребности в детях, но и по формированию потребности в трех-четырех детях.

Важно понять и осознать, что сокращение рождаемости — не временное явление, а начавшийся в середине 1960-х гг. переход от естественной, высокой рождаемости к малодетной, планируемой. В принципе, мы этот

переход завершили в середине 1990-х гг., повышение же рождаемости в период 2006–2015 гг. — лишь реакция на новые меры демографической политики в отношении рождаемости на фоне благоприятной возрастной структуры женщин в репродуктивном возрасте. Количественная оценка репродуктивного потенциала Республики Башкортостан и степени его реализации, выполненная по методу В.А. Борисова (расчет гипотетического минимума естественной рождаемости[1] (ГМЕР), наглядно показывает, что этот потенциал реализуется менее чем на треть за счет внутрисемейного регулирования числа рождений и интервалов между ними. Подавляющее большинство населения республики и в целом России перешло на внутрисемейный (индивидуальный) контроль рождаемости, разрушилась слитность брачного, сексуального и репродуктивного поведения [10, с. 188–191]. Учитывая, что потенциал рождаемости в Республике Башкортостан достаточно высок, но степень его реализации низкая, при разработке мер демографической политики в отношении рождаемости необходимо учитывать соотношение факторов демографической структуры и репродуктивного поведения в их совокупном влиянии на уровень рождаемости, более активно воздействовать на репродуктивное поведение населения, способное увеличить степень его реализации.

Демографическая политика в той или иной степени затрагивает интересы семьи. Очень часто термин «демографическая политика» заменяют термином «семейная политика» и наоборот. Но эти два понятия нетождественны. Семейная политика направлена исключительно на создание оптимальных условий для выполнения семьей ее функций; на социальную защиту семьи; оказание адресной поддержки семьям определенных типов. В отличие от демографической политики семейная политика не ставит цель по достижению каких-то определенных демографических результатов. Так, одна из основных задач государственной семейной политики — развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей, — не задает количественный индикатор в виде такого целевого показателя, как суммарный коэффициент рождаемости, а предусматривает материальную поддержку семей с детьми. В целом семейная политика направлена на улучшение условий и повышение качества жизни семьи.

В августе 2015 г. утверждена Концепция семейной политики Республики Башкортостан на период до 2025 года. Цели Концепции: поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав ее членов.

[1] В основе метода лежит сравнение значения общего коэффициента рождаемости с минимальной величиной естественной рождаемости, ниже которой общий коэффициент может опуститься под влиянием только четырех причин: недоучета числа родившихся, высокой доли бесплодных браков, высокой доли раздельно живущих супругов и намеренного ограничения числа рождений в браке, играющего в этом квартете решающую роль.

В настоящее время нет единого органа, который занимался бы в целом вопросами демографической политики и демографического развития России, нет координации действий и концептуального подхода. Сегодня демографическими процессами занимаются разные ведомства: здоровьем и продолжительностью жизни — одни, миграцией — другие, семейными вопросами — третьи, рождаемостью — практически никто. Очевидно, что в условиях вступления в очередной этап демографического кризиса необходимо иметь и на федеральном, и на региональных уровне соответствующие организационные структуры, которые занимались бы демографической проблематикой не только целенаправленно и комплексно, но и со знанием закономерностей воспроизводства населения.

В Башкортостане в августе 2017 г. Министерство труда и социальной защиты населения преобразовано в Министерство семьи, труда и социальной защиты населения, в структуре которого создано Управление семейной политики. Основные направления деятельности Управления — вопросы реализации семейной политики, повышение престижа семьи, в частности многодетной семьи, а также вопросы профилактики семейного неблагополучия. В принципе новая структура ориентирована на обеспечение необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышение качества жизни семьи. Показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни остались за Министерством здравоохранения.

На наш взгляд, такое дробление ответственности за демографические показатели в корне неверно. Все демографические процессы тесно взаимосвязаны между собой. Известный отечественный демограф А.Г. Волков при демографическом исследовании семьи выделял три ее стороны [2, с. 12, 13]. Во-первых, изучение семьи охватывает круг проблем, связанных с деторождением в семье и его демографическими факторами (возрастом вступления в брак и образования семьи, возрастом вступления в брак и начала деторождения, календарем рождений). Во-вторых, семья изучается как фактор демографических процессов, протекающих на уровне населения в целом, и показывается зависимость рождаемости от брачного состояния, состава семьи, числа детей в ней, и зависимость уровня общей смертности от брачного и семейного состояния. Ученые установили, что люди, живущие в браке, реже имеют обострения сердечных болезней и быстрее восстанавливаются. А смертность от болезней сердца среди неженатых мужчин выше на 60 и более процентов, а среди не состоящих в браке женщин — на 70 % и более [4]. На младенческую смертность влияют число детей в семье и очередность рождений. Соотношение смертности мужчин и женщин сказывается на овдовении. В-третьих, исследуется собственно процесс образования и развития семей.

Воспроизводство населения — это единство процессов рождаемости, смертности, брачности и прекращения брака. Демографическая наука изучает «семейную структуру населения во взаимосвязи с половозрастной структурой, используя данные демографической статистики о размере и

составе семьи, распространенности тех или иных семейных структур, о тенденциях брачности, детности, разводимости» [1, с. 24]. Таким образом, семью, семейно-брачные отношения невозможно отделить от других демографических процессов. Как отмечено в Демографическом понятийном словаре, взаимодействуя между собой, они превращаются по отношению друг к другу в факторы демографические [8].

Территориальные различия в демографических показателях прослеживаются не только на региональном уровне, но и на локальном — на уровне муниципальных образований. Как отмечает Р.А. Галин, выдающийся демограф Республики Башкортостан, в воспроизводстве населения в городских и сельских муниципальных образованиях существуют большие различия, но отсутствие анализа состояния демографических процессов муниципалитетов, во-первых, не дает возможность полностью оценить демографическую ситуацию, во-вторых, не позволяет конкретизировать меры по регулированию демографических процессов на низовом уровне административно-территориальных образований [3].

С целью анализа социально-демографической ситуации в муниципальных образованиях и координации органов местного самоуправления Республики Башкортостан в вопросах реализации семейной политики разработан социальный паспорт «Основные показатели реализации семейной политики в муниципальных образованиях Республики Башкортостан». Показатели распределены по блокам (табл.).

Как видно из таблицы, в социальный паспорт включены блоки с показателями, которые охватывают практически все стороны жизнедеятельности человека. Готовые паспорта обсуждены на совещаниях с участием представителей республиканских органов исполнительной власти, заместителями глав муниципальных образований по социальным вопросам, общественных объединений, научных и иных организаций. Анализ показателей социального паспорта позволил выделить основные проблемы в социально-демографическом развитии территорий. К ним можно отнести сокращение рождаемости, снижение репродуктивного потенциала, старение населения, рост числа абортов, суициды среди подростков, сокращение числа браков и рост разводов, отток населения из сельской местности, вахтовую миграцию селян, увеличение заболеваемости, нехватку медицинских работников в сельской местности и др.

Статистические данные в паспортах подтверждают, что социально-демографические процессы, протекающие в городской и сельской местности, имеют существенные различия. В настоящий момент сельское население значительно отстает от городского, что выражается в высоких показателях заболеваемости сельского населения, более низкой продолжительности их жизни, неудовлетворительном состоянии социальной инфраструктуры и др. Республика Башкортостан делится на 7 социально-экономических зон, которые дифференцированы по уровню социально-экономического развития, степени урбанизации, демографическому,

Таблица

Содержание социального паспорта «Основные показатели реализации семейной политики в муниципальных образованиях Республики Башкортостан»

Социальный паспорт «Основные показатели реализации семейной политики в муниципальных образованиях Республики Башкортостан»	1. Административно-территориальное устройство
	2. Демография 2.1. Численность и состав населения 2.2. Естественное движение населения 2.3. Браки и разводы 2.4. Статистический портрет семьи 2.5. Миграция
	3. Образование
	4. Здравоохранение
	5. Занятость и оплата труда
	6. Пенсионное обеспечение
	7. Социальное обслуживание и социальная поддержка
	8. Организация отдыха летнего отдыха детей, развлечений и культуры
	9. Спорт
	10. Правонарушения
	11. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей
	12. Улучшение жилищных условий молодых семей, семей с детьми
	13. Предоставление семьям с детьми земельных участков для индивидуального жилищного строительства
	14. Организация социальной сферы

трудовому, природно-ресурсному потенциалам, этническому составу населения и другим параметрам. Следовательно, мероприятия демографической и семейной политик Республики Башкортостан должны быть дифференцированы по месту проживания — для городской и сельской местности. Необходим субрегиональный подход к решению демографических проблем.

В целом социальный паспорт напоминает мониторинг демографической ситуации, когда постоянно (ежегодно) идет отслеживание изменения численности и состава населения, динамики демографических процессов и демографического поведения. В книге «Демография для практических работников» Л.Л. Рыбаковский подробно описал методологию мониторинга демографической ситуации и предоставил рекомендации по разработке демографических паспортов территорий [9]. Цель составления социального паспорта, также как и демографического паспорта, заключается в возможности постоянного учета изменений в демографической ситуации для корректировки мер реализуемых демографической и семейной политик.

Демографические и социально-экономические процессы тесно взаимосвязаны. Не случайно социальный паспорт, разработанный специалистами Управления семейной политики Республики Башкортостан,

охватывает кроме чисто демографического блока показатели сферы образования, здравоохранения, занятости и оплаты труда; пенсионное обеспечение, социальную защиту, спортивную, культурную, досуговую, жилищную и др. сферы.

С помощью социального паспорта выявляются как общие проблемы социально-демографического развития, характерные для большинства муниципальных образований республики, так и частные, присущие отдельным территориям. Следующим шагом после выявления проблемных точек конкретного района станет разработка муниципальной «дорожной карты», направленной на устранение указанных в паспорте проблем и содержащей основные целевые показатели.

К основным задачам социального паспорта относятся сбор и анализ демографической и сопутствующей социально-экономической статистики, оценка изменений в демографических процессах и, соответственно, оценка результативности демографической и семейной политик с последующей корректировкой существующих мер и предложением новых. «Дорожные карты» позволят сравнить достигнутые демографические показатели с целевыми и найти причины как их недовыполнения, так и перевыполнения.

На современном этапе изучение региональных аспектов формирования и реализации государственной демографической политики становится крайне важной и актуальной задачей, без решения которой рассчитывать на успех в преодолении демографического кризиса как в целом в России, так и в Республике Башкортостан вряд ли возможно.

Результативность демографической политики зависит не только от материального стимулирования рождаемости, которое может породить иждивенчество и использование «детских» денег не по назначению, но и от оказания реальной помощи тем семьям с детьми, которые действительно в ней нуждаются, от повышения потребности в детях и создания условий для максимально полной реализации этой потребности. Под реальной помощью семьям с детьми мы имеем в виду то, что помощь семьям с детьми должна быть направлена на «качественную» рождаемость, т. е. осознанное, желанное рождение ребенка от здоровых (физически и психически) родителей, а не ради пособий, которые стимулируют рождаемость в семьях «социального дна», где низкий уровень жизни и девиантное поведение — норма жизни. В то же время семьи с детьми, среднедушевой доход которых чуть выше прожиточного минимума (т. е. средний слой населения), и которые вполне могли бы родить и воспитать детей, если бы были уверены в завтрашнем дне, и государство выделило бы им дополнительные средства, льготы и т. д., то такие семьи, имеющие 1–2 детей при наличии потребности в 3–4 детях могли бы полностью реализовать свой репродуктивный потенциал.

Таким образом, на вопрос о возможности управления демографическими процессами можно ответить утвердительно, если демографический

фактор не игнорировать в управлении экономикой и социальной сферой; если будет создана специальная структура, занимающаяся в целом вопросами демографического развития, реализацией демографической и семейной политик Республики Башкортостан, если будут проводиться комплексные научные демографические исследования, ежегодный полноценный мониторинг и изучение демографической ситуации региона и систематический мониторинг состояния семейно-брачных отношений. Перечисленные мероприятия должны сопровождаться мощной пропагандистской кампанией, нацеленной на формирование в обществе нравственных и семейных ценностей, на создание позитивного образа семьи с несколькими детьми, состоящей в законном браке. На всех уровнях общества — от отдельно взятого индивида через социальные институты до общества в целом — должна быть создана благожелательная атмосфера по отношению к семье, к детям.

На современную демографическую ситуацию в Республике Башкортостан оказали влияние те же социально-экономические факторы, которые присущи переходному периоду России в целом. Однако в воспроизводстве населения республики имеются свои особенности, обусловленные своеобразием динамики демографических процессов в предшествующие периоды, многонациональным составом населения, низкой степенью урбанизации, которые необходимо учесть при корректировке мер демографической и семейной политик региона.

Список источников

1. *Антонов А. И., Медков В. М.* Социология семьи. — М., 1996. — 304 с.

2. *Волков А. Г.* Семья — объект демографии. — М., 1986. — 272 с.

3. *Галин Р. А.* Анализ воспроизводства населения в муниципальных образованиях Башкортостана // Экономика и управление. — 2016. — № 1. — С. 38–43.

4. *Звездный П.* Смерть от безбрачия [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2013/02/01_kz_4949285.shtml.

5. *Кваша А. Я.* Демографическая политика в СССР. — М. : Финансы и статистика, 1981. — 200 с.

6. Курс демографии / под ред. А. Я. Боярского. — М., 1967. — 197 с.

7. Об утверждении плана дополнительных мероприятий по повышению рождаемости в Республике Башкортостан на 2017–2020 гг.: Распоряжение Правительства РБ от 31 мая 2017 г. № 480-р // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

8. *Рыбаковский Л. Л.* Демографический понятийный словарь [Электронный ресурс]. URL: http://rybakovsky.ru/uchebnik1a5.html.

9. *Рыбаковский Л. Л.* Демография для практических работников [Электронный ресурс]. URL: http://rybakovsky.ru/uch1/uchebn1.html.

10. *Скрябина Я. А.* Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики. — Уфа : БАГСУ, 2012. — 284 с.

Информация об авторе

Скрябина Яна Альбертовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Россия, 450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40; e-mail: skryana67@mail.ru).

Skryabina Ya. A.

Performance of the Demographic Policy of the Republic of Bashkortostan in the Field of Stimulation of Fertility and Family Strengthening

The article analyzes the effectiveness of demographic and family policies in the region, fertility rates. The priorities of the demographic and family policies with regard to fertility and family strengthening and ways of their realization.

Keywords: demographic policy, family policy, birth rate, marriage-family relations.

References

1. Antonov A. I., Medkov V. M. Sociology of the family. — M., 1996. — 304 p.
2. Volkov A. G. Family — the object of demography. — M., 1986. — 272 p.
3. Galin R. A. Analysis of population reproduction in municipalities of Bashkortostan // Economics and management. — 2016. — No. 1. — P. 38–43.
4. Zvezdni P. Death from celibacy [Electronic resource]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2013/02/01_kz_4949285.shtml.
5. Kvasha A. Ya. Demographic Policy in the USSR. — M.: Finance and Statistics, 1981. — 200 p.
6. The course of demography / ed. A. Ya. Boyarsky. — M., 1967. — 197 c.
7. On approval of the plan for additional measures to increase the birth rate in the Republic of Bashkortostan for 2017–2020: Ordinance of the Government of the Republic of Belarus of May 31, 2017, N 480-r // Access from the reference and legal system Consultant Plus.
8. Rybakovsky L. L. Demographic conceptual dictionary [Electronic resource]. URL: http://rybakovsky.ru/ uchebnik1a5.html.
9. Rybakovsky L. L. Demographics for practitioners [Electronic resource]. URL: http: //rybakovsky.ru/uch1/uchebn1.html.
10. Skryabina Y. A. Features of the reproductive behavior of the population in the context of the transformational Russian economy. — Ufa: BAGSU, 2012. — 284 p.

Autor

Skryabina Yana Albertovna — Candidate of Economic Sciences, associate Professor of economic theory and socio-economic policy, Bashkir academy of public administration and management under the Head of Republic Bashkortostan (Russia, 450008, Ufa, Zaki Validi st.,40; e-mail: skryana67@mail.ru).

УДК 314.32.06

Сукнёва С. А., Барашкова А. С.

ФЕНОМЕН ВНЕБРАЧНОЙ РОЖДАЕМОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ВЗГЛЯД СОЦИУМА[1]

Одной из острых демографических проблем Республики Саха (Якутия) была и остается внебрачная рождаемость населения, которая актуальна как для городской, так и для сельской местности. Цель статьи заключается в определении масштабов и тенденций распространения внебрачной рождаемости, вклада различных возрастных групп, раскрытии объективных и субъективных причин и условий, приводящих к рождению детей женщинами, официально не состоящими в браке. Информационной базой послужили данные текущего статистического учета рождаемости в разрезе места проживания и возраста матери, двух последних всероссийских переписей населения, а также материалы социологических опросов населения республики, проведенных при участии авторов в 2008 и 2017 гг. в форме групповых фокусированных интервью. Определены направления и масштабы изменения рождаемости, включая внебрачные рождения, по городской и сельской местности с 2001 по 2016 гг. Установлено снижение вклада молодых матерей до 25 лет и рост внебрачных рождений в старших возрастных когортах. Акцент в данной работе сделан на анализе побудительных мотивов принятия представительницами различных возрастов решения родить ребенка вне брака. Выявлено, что с возрастом женщина ощущает себя более свободной в реализации репродуктивных планов, менее подвержена общественному порицанию даже в сельских районах с преимущественным сохранением традиционной модели брачно-семейных отношений. По результатам исследования можно заключить, что отношение социума к феномену внебрачной рождаемости вне зависимости от места проживания респондентов лояльно. При этом признается, что социально-демографические последствия данного явления многоаспектны и вызывают обоснованную тревогу за будущее института семьи и брака.

Ключевые слова внебрачная рождаемость, семья, репродуктивный возраст, репродуктивные планы, групповое фокусированное интервью, Республика Саха (Якутия)

Длительное время (с середины 1950-х до конца 1980-х годов) укрепление демографического потенциала Якутии было обусловлено совокупным воздействием процессов естественного воспроизводства и миграционного притока населения [2, с. 62–70; 9]. Коренная смена тренда миграционных потоков с начала 1990-х годов, вызвав значительную потерю числа жителей республики, привела к утрате значимости миграционной компоненты формирования населения [7; 11]. Происшедшие изменения в соотношении факторов роста населения вызвали необходимость более пристального

[1] © Сукнёва С. А., Барашкова А. С. Текст. 2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17–02–00446-ОГН).

внимания к особенностям демографического поведения населения, и прежде всего рождаемости. Признаем, что динамизм или инерционность процесса рождаемости, как основной составляющей демографического поведения, во многом зависит от степени восприимчивости населением новых веяний в репродуктивной сфере. Один из результатов этих изменений — следование модели самостоятельного решения женщины родить ребенка вне зарегистрированного брака.

Широкое распространение внебрачных рождений рассматривается демографами как признак второго демографического перехода [3; 13]. Мы склонны видеть в данном феномене попытку освоения женщинами новых жизненных стратегий, моделей поведения в эпоху глубоких перемен привычной социально-экономической среды, политической обстановки [1; 6; 10], в свою очередь быстро меняющих систему жизненных ценностей населения республики [12]. Видимо, в отношении внебрачной рождаемости следует согласиться с утверждением, что образцы демографического поведения, раз возникнув, распространяются очень быстро, и причина этого заключается в наличии сходных глубинных оснований новых типов поведения [4, с. 49]. Новый тип поведения в рассматриваемом ракурсе скорее характерен для представителей молодого поколения, нежели для лиц старшего возраста.

Тенденции и проблемы распространения внебрачной рождаемости

О масштабах феномена внебрачной рождаемости в Республике Саха (Якутия) можно судить по темпам роста как абсолютной, так и относительной численности детей, рожденных женщинами, не состоящими в зарегистрированном браке. Число внебрачных рождений в Якутии за 1990–2016 гг. возросло на 37,5 %, при сокращении общего числа рождений на 32,7 %. На долю внебрачных детей в 1990 г. приходилось 17,9 % всех рождений, а среди новорожденных 2016 г. каждый третий был ребенком матери-одиночки (34,8 %). Такой уровень в целом держится с 2000 г. Колебания в ту или иную сторону составили всего ±6,6 п. п. (38,3 % — в 2005 г. и 31,7 % — в 2013 г.). Вполне закономерным является факт, что наибольшая доля внебрачных детей приходится на молодых матерей. Так, в 2000 г. «вклад» женщин 24 лет и моложе во внебрачную рождаемость равнялся 54,9 %, в 2005 г. данный показатель возрос (57,2 %). В 2010 г. каждый второй внебрачный ребенок приходился на женщин именно этой возрастной группы. Однако к 2016 г. доля молодых матерей-одиночек заметно снизилась — до 38,7 % за счет достаточно выраженного «участия» женщин последующих возрастных групп, и прежде всего в возрасте старше 40 лет.

Последующий анализ касается динамики распространения внебрачной рождаемости. Из данных, представленных в таблице 1, видна достаточно выраженная территориальная дифференциация рассматриваемого явления. Так, в сельской местности общий рост числа рождений за 2001–2016 гг. был обеспечен почти 1,5-кратным скачком увеличения

Таблица 1

Темпы роста (убыли) общего числа и внебрачных рождений женщинами разных возрастных групп в Республике Саха (Якутия) за 2001–2016 гг., ± %

Возраст, лет	Всего по республике		Городские поселения		Сельская местность	
	Число рождений	Из них вне брака	Число рождений	Из них вне брака	Число рождений	Из них вне брака
Всего	15,9	22,4	19,9	8,1	9,8	48,0
19 и моложе	–50,2	–32,0	–59,9	–50,7	–33,5	0,0
20–24	–20,9	–3,7	–33,4	–30,0	1,4	44,9
25–29	50,1	49,8	51,7	29,6	47,3	96,3
30–34	82,5	103,1	120,3	111,8	34,8	89,1
35–39	44,6	66,0	115,8	95,3	–14,7	29,9
40 и старше	26,6	43,7	107,9	87,7	–32,5	–9,3

Источник: авторские расчеты.

внебрачных рождений. Причем для женщин отдельных возрастных групп рост их абсолютных величин не уступал, а даже превышал динамику числа внебрачных рождений городского населения соответствующего возраста. В частности, это касается темпов роста внебрачных рождений сельских женщин моложе 30 лет. Горожанки чаще, нежели селянки, стали рожать внебрачного ребенка в старших возрастах.

Изучение внебрачной рождаемости как результата реализации репродуктивных установок женщин требует анализа возрастного распределения данного феномена. В целом сохранена тенденция высокой частоты внебрачных рождений у молодого поколения (до 24 лет). Такая ситуация наблюдалась как в 2001 г., так и в 2016 г., особенно в сельской местности (рис. 1). При этом в 2001 г. у женщин моложе 19 лет (вне зависимости от их места проживания) каждый второй ребенок рождался вне брака. К 2016 г. доля внебрачных детей среди новорожденных у юных матерей возросла повсеместно: 60,2 % в городских поселениях и 73,8 % в сельской местности. Почти каждый третий случай деторождения молодыми мамами-горожанками в возрасте 20–24 лет приходится на внебрачных детей. Сельские женщины данной возрастной группы заметно чаще рожают внебрачных детей: в 2001 г. — 35,6 %, в 2016 г. — уже 46,5 %.

Положительной тенденцией для городских поселений может считаться некоторый спад удельного веса внебрачных рождений у женщин в следующих возрастных группах. Иное положение сложилось в сельской местности: в 2001 г. доля внебрачных детей у женщин старше 25 лет здесь была заметно ниже, чем в городских поселениях. Однако к 2016 г. за небольшим исключением доля внебрачных рождений во всех возрастных группах превышает аналогичные показатели по городской местности.

Возникает вопрос: во всех ли случаях внебрачная рождаемость в Якутии означает одинокое материнство? Судя по росту численности мужчин и женщин, пребывающих в незарегистрированном браке, и признанию

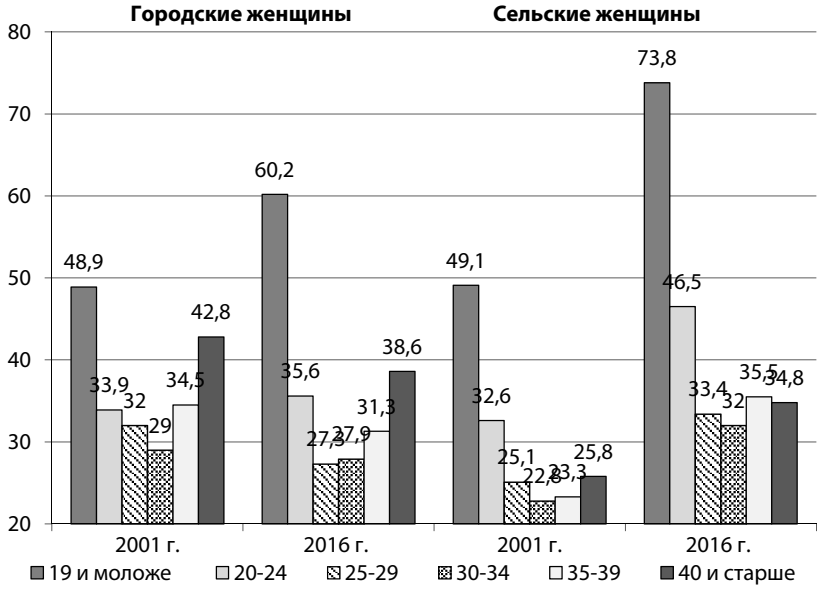


Рис. 1. *Динамика доли внебрачных рождений среди новорожденных у женщин разного возраста за 2001 и 2016 гг., %*

отцовства при составлении акта о рождении ребенка, это не так. Так, за 2002–2010 гг. общая численность лиц, состоящих в браке, практически не изменилась (100,5 %), а численность сожителей возросла в 1,4 раза (табл. 2).

Причем, цифры говорят о росте абсолютной численности тех, кто не спешит регистрировать свои отношения с фактическим брачным партнером. Подобная ситуация характерна для молодых мужчин (до 25 лет) и 25–34-летних женщин. Своеобразные «качели» регистрации или воздержания от нее характерны и для следующей возрастной группы мужчин и женщин.

Следующий косвенный момент, не позволяющий назвать всех внебрачных детей безотцовщиной, — установление отцовства[1] по совместному заявлению родителей при составлении акта о рождении ребенка. Так, если в 1990 г. лишь для 33,9 % внебрачных детей было установлено отцовство, то в 2016 г. таковых детей оказалось 60,8 %. Соответственно отмечается заметное повышение сознательности мужчин в вопросе признания отцовства. Отрадно, что такая тенденция в равной мере характерна как для мужчин среднего и старшего возраста, так и для весьма молодых независимо от их места проживания (рис. 2).

Итак, внебрачная рождаемость в Республике Саха (Якутия) обрела черты нового типа репродуктивного поведения населения. Хотя число

[1] Установление отцовства может происходить и позже, но уже по решению суда.

Таблица 2

Темпы роста абсолютной численности мужчин и женщин Республики Саха (Якутия) в возрасте 16 лет и старше, состоящих в браке, за 2002–2010 гг., ± %

Пол	Состояние в браке	Все население	25 лет и моложе	25–34-летние	35–49-летние
Мужчины	Состоящие в браке — все	0,5	10,8	3,1	–19,3
	В зарегистрированном браке	–4,9	–5,7	–4,3	–24,6
	В незарегистрированном браке	36,5	59,5	37,2	20,2
Женщины	Состоящие в браке — все	0,4	–0,8	6,1	–19,7
	В зарегистрированном браке	–5	–12,8	–1,6	–24,8
	В незарегистрированном браке	36,1	34,7	45,6	22,6

Источник: авторские расчеты.

внебрачных рождений у молодых мам моложе 24 лет в отдельные годы численно превосходит подобные случаи для представительниц остальных возрастных групп, но общий тренд заключается в том, что внебрачная рождаемость в Якутии взрослеет, и прежде всего в городских поселениях. Выявленная тенденция сопровождается повышением сознательности мужчин в вопросе признания отцовства. Иначе говоря, не все дети, рожденные вне брака, лишены заботы и опеки обоих родителей.

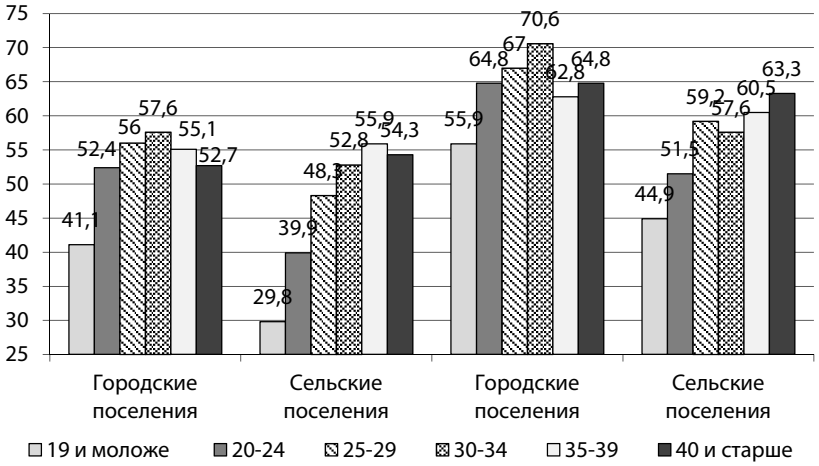


Рис. 2. *Динамика доли внебрачных детей, для которых установлено отцовство в местах их рождения, 2010 и 2016 гг., %*

Взгляд социума на феномен внебрачной рождаемости

Для оценки феномена внебрачной рождаемости недостаточно оперировать только статистическими данными. Важным источником информации служат социолого-демографические опросы, в частности в форме групповых фокусированных интервью. Обследования были проведены авторами в 2008 и 2017 гг. в ряде городских и сельских поселений Республики Саха (Якутия). Эти материалы помогают раскрыть объективные и субъективные условия, при которых возможна реализация репродуктивных планов одинокой женщины. Кроме того, на их базе можно показать мотивы решения женщины, не состоящей в браке, родить ребенка, а также отношение социума к данному вопросу и последствия распространения внебрачной рождаемости в плане ослабления демографического потенциала республики. В проведенных интервью участники, выступая как эксперты различных жизненных ситуаций, могли свободно высказывать свое мнение по обсуждаемому кругу вопросов.

Причины все большего распространения внебрачных рождений участники обследований видят в перемене взглядов на ценность семьи, в ослаблении института семьи. Пожалуй, возникли даже условия, когда изменился смысл самого понятия «семья», произошло преломление смыслового содержания данной категории. Ныне, в представлениях социума, семья не обязательно может иметь «ядро» (отец, мать, ребенок); достаточно присутствия ребенка (детей) [8]. Такая точка зрения нашла горячую поддержку в фокус-группах и в 2017 г. (сёла Харбала, Чурапча). С сожалением подчеркивается влияние Запада: «*мы слишком открыли влияние Запада для людей с другим менталитетом. Незрелые умы нашей молодежи быстро подхватили это. Стала модной ночная жизнь, тусовки*» (2017 г., с. Майя)[1].

Пагубность новых отношений в брачно-семейной сфере, не обязательно ориентированных на брак и семью, усугубляется дефицитом внимания к детям собственно в семье. Подчеркивается, что целые поколения детей 90-х и «нулевых» практически были, с одной стороны, лишены семейного воспитания. С другой стороны, во многих семьях присутствует гиперопека, особенно сыновей, поэтому «мальчики не крепко стоят на ногах; таких неуверенных мужчин мы воспитали и наштамповали целое поколение». Это мнение матерей.

Мужчины в вопросах воспитания детей делают достаточно четкое гендерное различие. Так, многодетный отец из села Майя считает: «*в 90 годы на воспитание мальчиков, мужчин уделялось большое внимание. В тот период не уделили должного внимания на воспитание девочек. Сейчас как раз надо начинать с воспитания девочек, уделить этому пристальное внимание. Мальчики сами по себе живут, попадая в разные ситуации, это зависит от природы мужчины, мужчина учится, если он что-то потеряет. Только тогда он понимает. А девушка так не делает, ее надо изначально воспитывать,*

[1] Здесь и далее высказывания участников выделены курсивом и сохранен авторский стиль речи.

научить себя беречь, научить, чтоб поняла и понимала мужчину, пожестче воспитывать надо девочек». Недостаточность воспитания девочек в должном русле нередко приводит к тому, что «*когда девочки уезжают из отчего дома, на свободу, то сразу бросаются на того мужчину, который уделит ей внимание. Девушка надеется на любовь со стороны молодого человека, например, из-за нехватки отцовской любви*». Довольно бескомпромиссное суждение, однако, почерпнутое из реальных событий в жизни знакомых.

Ноты беспокойства исходили также от того, что вся забота о подрастающих детях была сосредоточена лишь на удовлетворении их утилитарных потребностей, а «родители были озабочены трудоустройством или зарабатыванием денег». Особую тревогу участников фокус-групп вызывало то обстоятельство, что ребенка с дошкольного возраста окружает женское сообщество: «*в детском саду, например, воспитатели все женщины, учителя все женщины, а как ребенок получит воспитание отцовское?*» (2017 г. сёла Харбала, Чурапча).

Достаточно широк и круг субъективных факторов. В частности, прозвучало: «*раньше все было спокойно и мы (народ), семьи, обстановка были спокойнее. А сейчас и молодые такие раздражительные. Не терпят друг друга, характерами не сходятся или посчитают, что не сойдутся, всё…, их не останавливает даже беременность*» (2008 г., с. Намцы). По мнению представителей старшего поколения, девиз у современной молодежи — это «бери от жизни все! В основном — это удовольствие от жизни». И если «*ребенок становится частью этого удовольствия, интерьера и того приятного, что есть в жизни*», то решаются рожать и без мужа (2008 г., г. Покровск). При этом признается, что основный уход за малышом осуществляют родители. Аналогичные суждения звучали из уст участников и в 2017: «*сейчас общее стремление — это комфортная жизнь*» (Якутск). В ходе разговора в с. Нерюктяй даже прозвучало: «жизнь — это игра», и, видимо, круты те, кто успевает сыграть самые разные роли, в том числе роль матери-одиночки.

Возможно, такая мысль у женщин-участниц опроса возникает как непроизвольная реакция на снижение роли мужчин: «*статус мужчин упал. Уже матриархат. Женщины все решают сами, бегают, а мужчины оказываются при такой женщине не при делах, становятся подкаблучниками. И мужчины, не желая слыть таковыми, просто ищут жертву*», временное утешение. Попадают в такую ловушку неопытные молодые девы, выпорхнувшие из родительского гнезда, — вот в чем трагедия жизни!

Что движет женщиной, когда она решается родить ребенка без мужа? По мнению молодых участниц ряда интервью, это, как правило, желание завести себе ребенка (г. Покровск, 2008 г., сёла Майя, Чурапча, 2017 г.). Практически в каждой фокус-группе подчеркивалось повышение независимости женщин в данном вопросе. Немаловажным является также тот факт, что девушки-женщины не могут найти себе ровню, парни, особенно сельские, необразованны. Как следствие, они не имеют постоянной хорошо оплачиваемой работы, чтобы содержать семью, а еще грешат вредными

привычками. «*Зачем ребенку отец, который пьет, подает плохой пример?*» (города Покровск, Якутск, 2008 г.; сёла Харбала, Нерюктяй, 2017 г.).

Приведем отдельные фрагменты фокусированного интервью с холостыми горожанками (2008 г.). «*Я думаю, что это отчаянный шаг. Например, когда годы идут, партнера нету. Идеала своего не нашла и приходится для того, чтобы в старости на кого-то можно было опереться, родить ребенка*» (Ася, 33 года). Аналогичной позиции придерживается и Айта: «*Пусть рожают, почему нет? Конечно, нужно стремиться к идеалу, созданию семьи, но ситуации бывают разные*» (34 года). Диаметрально противоположную мысль высказала Оксана (31 год): «*Внебрачные дети — такого вообще не должно быть. Дети должны рождаться только в браке — папа, мама, ребенок. А так только для себя родить ребенка, лишая человека другого родителя, это вообще эгоизм. Ты думаешь только о себе. Ты думаешь, что тебе будет хорошо, у тебя будет ребенок. У ребенка должны быть мать и отец. Поэтому внебрачных детей мне жалко и к таким женщинам я отношусь не очень хорошо…Для себя можно взять собачку, машину, но не ребенка*». Ответственная женщина должна думать, что ответить подрастающему ребенку: кто его отец? Почему его нет рядом? Слова Агаты (32 года), что «*новый человечек увидит белый свет и женщина — всего лишь проводник, даёт жизнь новому человеку. С ее стороны — это смелый шаг*» практически поставили точку в дискуссии. Итак, городские участницы выделяют, прежде всего, право женщины самостоятельно принимать решение.

Сельские участницы фокусированных интервью как в 2008 г., так и в 2017 г. основную причину внебрачных рождений видят в вынужденности такого шага со стороны женщин из-за того, что «*у нас мужчин совсем мало*». А те, кто рядом, не отличаются ответственностью. Кроме того, «*современные девушки и юноши ищут богатого, материально обеспеченного, с образованием супруга. А таких мало, поэтому многие так и остаются в поиске*». «*И еще: все ищут непьющих, а молодежь очень сильно пьет*». Огромной социальной проблемой Якутии остается пьянство, и данный фактор является во многих случаях истинной причиной бегства мужчин. А женщина, ожидающая ребенка от мужчины с вредной привычкой, скорее всего, не станет связывать свою судьбу с алкоголиком.

Нередкой причиной незапланированной беременности и потом рождения ребенка является то, что девушка надеется на то, что встретила свою судьбу, доверяется. А молодой человек после того, как девушка беременеет, убегая от ответственности, не женится, просто уходит. «*А брать грех на душу, избавляться от ребенка — это не в традиции народа саха*».

Опросы позволяют заметить, что в вопросе одинокого материнства сельские женщины независимо от возраста, вслед за горожанками, начинают проявлять весьма высокую самостоятельность. Так, одна женщина делится коллизиями своей жизни: «*Была в браке, забеременела, но не выдержала конфликт, разошлась, но ребенка родила. Сейчас сыну 5 лет и я сознательно от любимого человека родила еще дочь. Если я не смогу в будущем*

вступить в брак, то дети для меня будут опорой, смыслом моей жизни. Рожу еще третьего, когда мои дети подрастут, я еще крепче встану на ноги. Мне хочется иметь троих детей» (2017 г., с. Харбала).

Необходимо отметить, что немаловажным фактором одинокого материнства в селах остается неодобрение родителей. Родители девушки не согласны с ее выбором зачастую не из-за того, что не нравится молодой человек, а потому что «*знают всю родовую: что, как, когда, с кем? И зачем мы будем родниться с ними?*» Табу в современном обличии столь же безжалостно, как и прежде.

Отношение социума к внебрачной рождаемости

В ходе групповых фокусированных интервью как в городских, так и в сельских поселениях подчеркивалось, что уже нет общественных предрассудков в отношении женщин, решившихся родить ребенка без мужа. «Ради бога! женщина сделала карьеру, она чего-то добилась, рожает ребенка только для себя» (г. Покровск, 2008 г.). «*Я понимаю желание женщин, по той или иной причине оставшихся одними, родить ребенка даже без брака. Иметь родного человека, свою кровинку — что плохого?*» (с. Харбала, 2017 г.)

На внебрачного ребенка не наклеиваются, как ранее [5], обидные ярлыки. Женщины, по их мнению, рожают осознанно, реализуют свое предназначение. «*Человек живет на этом свете один раз. Не считаю ее виноватой в этом желании, может (или должна) оставить кого-то после себя. Не думаю, что из него обязательно вырастет моральный урод. Если это был желанный ребенок, может быть, наоборот, очень даже приличный человек вырастет, чем ребенок, выросший в полной, нов неблагополучной семье*». Это, как правило, сформировавшиеся личности.

Сто́ит заметить, что в отдельных случаях и в городе внебрачная рождаемость осуждается. «*Когда 19-летняя, без образования, без работы, сама на ногах не стоит. Еще с ребенком сядет на шею родителей — это не годится. Таких я осуждаю*» (г. Покровск, 2008 г.). При всем лояльном отношении и даже сочувствии к одиноким матерям осуждению подвергаются такие случаи: «*Никто не осуждает матерей-одиночек. Но, если родив ребенка, оставили в доме ребенка, это уже другой разговор, и снова с кем-то встречается, беременеет, рожает и снова оставляет…*» (2017 г., с. Харбала).

Если в городе неодобрение и социальный контроль проявляются исподволь, то в селах осуждение высказывается в довольно нелицеприятной форме. Например, «*погуляли на вечеринке, не предохраняясь*», «*это — безрассудное безответственное поведение и в первую очередь по отношению к ребенку. Ребенок будет обездоленный. Хоть за какого угодно мужчину надо выйди замуж. Но сделай из него человека*». Указывается также безнравственность «*рожать ребенка для себя от женатого мужчины*», поскольку не исключено, что через ребенка женщина может разрушить семью, а «*там ведь тоже дети*». Иными словами, в условиях небольшого села, как оказалось, все-таки социальный контроль поддерживается. Именно здесь есть

примеры однозначно отрицательного отношения к внебрачной рождаемости.

Последствия распространения внебрачной рождаемости в плане ухудшения социально-демографического климата республики

Хотя в программу фокусированных интервью не входил прямой вопрос о воздействии одинокого материнства на упрочение демографического потенциала республики, но отдельные высказывания участников свидетельствуют об их озабоченности данным феноменом. Ныне социум с сочувствием относится к матерям-одиночкам, понимая тот объем непосильных нагрузок, которые они сознательно или вынужденно возложили на себя: «*Полноценных семей очень мало. А как одна мать будет воспитывать двоих? Еще работать, еще то, и другое. Все на ее плечах*» (г. Покровск, 2008 г.).

Почти в каждой фокус-группе подчеркивалось, что многое зависит от общества, окружения, среды, даже детской. «*Не секрет, что дети зависимы от среды, нередко тянутся к плохому, запретному. Вырастая, проявляют непослушание, неуважение к матери (потому, что она родила без мужа). Женщина в конце концов даже боится своего собственного ребенка*» (с. Намцы, 2008 г.).

Несколько неожиданными оказались откровения замужних женщин. «*Мужчины по-другому относятся к одинокой женщине-матери. Пристают, домогаются, требуют определенной оплаты за услуги. Мало ли в деревне работы, требующей мужских рук? Замужние женщины это подсознательно тоже понимают и потому сохраняют свой брак не только ради детей, а чтобы иметь статус*» (2008 г., с. Намцы; 2017 г., с. Чурапча). Возникает своеобразное сложное переплетение: неуспех какой-либо односельчанки на брачном рынке, оказывается, таит в себе угрозу для замужних женщин, которые волнуются за сохранение своего брака.

Помимо социальных аспектов последствий одинокого материнства существует целый пласт демографических вопросов внебрачной рождаемости. В частности, она отражается на семейной структуре населения: во-первых, на накоплении числа неполных семей, во-вторых, на широком распространении малых по размеру семей. Подобная взаимосвязь четко прослеживается в арктических районах Республики Саха (Якутия), где, по переписям населения 2002 и 2010 гг., абсолютное большинство двухчленных семей состояли именно из одинокой матери с одним ребенком (рис. 3). Причем в этом показателе практически не обнаруживается территориальных различий.

Итак, проведенное исследование свидетельствует о том, что феномен внебрачной рождаемости в Республике Саха (Якутия) базируется на вполне осознанных поступках женщин старших возрастов, как правило, не реализовавших свои матримониальные намерения. Другую категорию одиноких матерей составляют юные женщины, оказавшиеся перед сложным

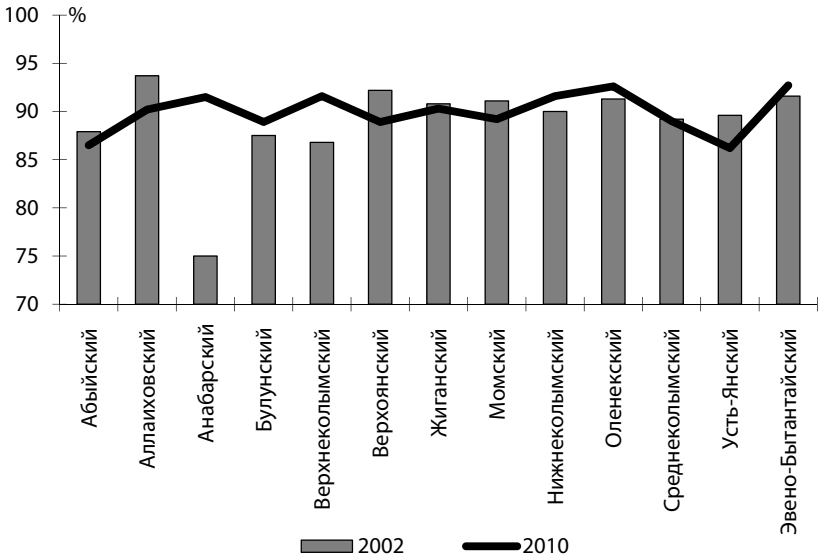


Рис. 3. *Динамика доли малых семей с детьми моложе 18 лет, возглавляемых матерями (недостающая до 100 % доля приходится на отцов с детьми), %*

выбором: рожать ребенка или решиться на аборт. Не исключены также случаи существования фактического брака, который по какой-то причине молодые не торопятся регистрировать. Приведенные в статье материалы говорят о весьма терпимом отношении социума к внебрачной рождаемости, детям без отца и матерям-одиночкам. Главное демографическое последствие внебрачной рождаемости — нереализованные репродуктивные намерения многих женщин репродуктивного возраста, ухудшение семейного состава населения. Внешнее проявление этого — широкое распространение малых семейных групп, которое может быть расценено как относительно новое явление в демографической ситуации Республики Саха (Якутия), в регионе, более известном высокой рождаемостью и традициями многодетности. Угроза также кроется в том, что ребенок растет, воспитывается одной матерью, у него не формируется образ отца, модель полноценной семейной ячейки, что не может не волновать исследователей и практиков.

Список источников

1. *Абалкин Л.* Смена тысячелетий и социальные альтернативы // Вопросы экономики. — 2000. — № 12. — С. 27–40.

2. Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы. — Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. — 72 с.

3. *Захаров С.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. — 2005. — № 3(24) [Электронный ресурс]. URL: http://www.

strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod (дата обращения: 01.05.2018).

4. *Михеева А. Р.* Сожительства в сибирской деревне: опыт ретроспективного анализа // Семья в России. — 1996. — № 2. — С. 48–64.

5. *Попов Б. Н., Попов В. Б.* Современные проблемные ситуации при создании семьи // Семья у народов Северо-Востока СССР / отв. ред. М. К. Панкратова. — Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1988. — С. 51–65.

6. *Рывкина Р. В.* Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. — 2001. — № 4. — С. 32–39.

7. *Сукнёва С. А.* Миграционные процессы в северном регионе // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2010. — № 1. — С. 74–84.

8. *Сукнёва С. А., Барашкова А. С.* Семья и дети в системе жизненных ценностей населения Якутии // Регион: экономика и социология. — 2016. — № 3. — С. 98–117.

9. *Фёдорова Е. Н.* Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). — Новосибирск: Наука, 1998. — 207 с.

10. *Шабанова М. А.* Проблема встраивания рынка в «нерыночное» общество // Социологические исследования. — 2005. — № 12. — С. 33- 45.

11. *Sukneva S., Barashkova A.* Demographic development and marital status of the population of the Russian Northeast, 1990–2011 // Sibirica. — 2014. — Vol. 13. — No 2. — P. 62–92.

12. *Sukneva S. A., Barashkova A. S.* Family in the System of Northeners Life Values // Anthropology & Archeology of Eurasia. — 2016. — Vol. 52. — No. 2. — P. 113–130.

13. *Van de Kaa D. J.* Demographic Transition, Second // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. — 2001. — Vol. 5. — P. 3486–3488.

Информация об авторах

Сукнева Светлана Александровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, пр. Ленина, 1, каб. 711; e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru.

Барашкова Анастасия Спиридоновна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, пр. Ленина, 1, каб. 708; e-mail: asbarashkova52@mail.ru.

Sukneva S. A., Barashkova A. S.

The Phenomenon of Illegitimate Fertility: Trends, Issues, Opinion of the Society

Illegitimate fertility problem is relevant for both urban and rural areas of the Sakha Republic (Yakutia). The purpose of the study is to determine the scope and trends of the spread of illegitimate fertility, the contribution of different age groups, disclosure of objective and subjective causes and conditions leading to the birth of children by not married women. Current statistics of fertility in the context of the place of residence and mother's age, the results of two recent censuses, and materials of sociological surveys in Yakutia, conducted with the participation of the authors in 2008 and 2017 in the form of focused group interviews served as the information bas of this work. Directions and scales of change of a birth rate including illegitimate fertility in urban and rural areas from 2001 to 2016 are defined. It is presented that the contribution of young mothers up to 25 years decrease and the illegitimate fertility in the older age cohorts increasing. The emphasis in this work is made on the analysis of the motivations of different age's women to make a decision to give birth to a child out of marriage. It is revealed that with increase in age the woman feels herself freer in realization of reproductive behavior and becomes is less subject to public censure even in rural areas with primary preservation of traditional model of marital and family relations. According to the results of the study,

it can be concluded that the attitude of society to the phenomenon of illegitimate fertility, regardless of the place of residence of respondents is quite loyal. It is recognized, however, that the socio-demographic consequences of this phenomenon are multidimensional and cause reasonable concern for the future of the family and marriage.

Keywords: illegitimate fertility, family, childbearing age, reproductive plans, group focused interview, Sakha Republic (Yakutia)

References

1. Abalkin L. Smena tysyacheletij i social'nye al'ternativy // Voprosy ehkonomiki. — 2000. — No.12. — P. 27–40.

2. Demograficheskaya situaciya v Respublike Saha (Yakutiya): problemy i perspektivy. Yakutsk: YANC SO RAN, 1994. — 72 p.

3. Zaharov S. Perspektivy rozhdaemosti v Rossii: vtoroj demograficheskij perekhod // Otechestvennye zapiski. — 2005. — No. 3 (24). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod (data obrashcheniya: 01.05.2018)

4. Miheeva A. R. Sozhitel'stva v sibirskoj derevne: opyt retrospektivnogo analiza // Sem'ya v Rossii. — 1996. — No. 2. — P. 48–64.

5. Popov B. N., Popov V. B. Sovremennye problemnye situacii pri sozdanii sem'i // Sem'ya u narodov Severo-Vostoka SSSR / Otv. red. M. K. Pankratova. — Yakutsk: YANC SO AN SSSR, 1988. — P. 51–65.

6. Ryvkina R. V. Obraz zhizni naseleniya Rossii: social'nye posledstviya reform 90-h godov // Sociologicheskie issledovaniya. — 2001. — No. 4. — P. 32–39.

7. Sukneva S. A. Migracionnye processy v severnom regione // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. — 2010. — No. 1. — P. 74–84.

8. Sukneva S. A., Barashkova A. S. Sem'ya i deti v sisteme zhiznennyh cennostej naseleniya Yakutii // Region: ehkonomika i sociologiya. — 2016. — No. 3. — P. 98–117.

9. Fedorova E. N. Naselenie Yakutii: proshloe i nastoyashchee (geodemograficheskoe issledovanie). — Novosibirsk: Nauka, 1998. — 207 p.

10. Shabanova M. A. Problema vstraivaniya rynka v «nerynochnoe» obshchestvo // Sociologicheskie issledovaniya. — 2005. — No.12. — P. 33- 45.

11. Sukneva S., Barashkova A. Demographic development and marital status of the population of the Russian Northeast, 1990–2011 // Sibirica. — 2014. — Vol. 13. — No 2. — P. 62–92.

12. Sukneva S. A., Barashkova A. S. Family in the System of Northeners Life Values // Anthropology & Archeology of Eurasia. — 2016. — Vol. 52. — No. 2. — P. 113–130.

13. Van de Kaa D. J. Demographic Transition, Second // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. — 2001. — Vol. 5. — P. 3486–3488.

Authors

Sukneva Svetlana Aleksandrovna — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, North-Eastern Federal University, Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North (Russia, Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk,1, Lenina st.; e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru.

Barashkova Anastasiya Spiridonovna — PhD, Leading Researcher, North-Eastern Federal University, Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North (Russia, Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, 1, Lenina st.; e-mail: asbarashkova52@mail.ru.

УДК 314.04 : 332.1

Сухинин С. А.

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОСТОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ[1]

На основе статистических данных рассматриваются аспекты и проблемы устойчивого демографического развития Ростовской агломерации (Большого Ростова) как крупнейшей на Юге России. Анализируется пространственная неоднородность демографического развития Ростовской агломерации под влиянием естественного движения и миграций населения. Подчеркивается поляризация численности населения в ядре агломерации, что усиливает ее моноцентрическую структуру. Определяется влияние воспроизводства населения на возрастную структуру и уровень старения населения, которые выбраны в качестве ведущих индикаторов, отражающих устойчивость демографического развития. Дается сравнительная оценка индикаторов устойчивости демографического развития Ростовской агломерации в сравнении с их общемировыми или среднероссийскими значениями. Показывается, что сокращение рождаемости и рост продолжительности жизни населения привели к трансформации возрастной структуры населения в сторону сокращения доли дотрудоспособного населения, роста численности и доли населения старше трудоспособного возраста. Эти изменения привели к установлению в пределах агломерации развитой демографической старости, которая, наряду с высокой демографической нагрузкой, признана главной угрозой устойчивости демографического развития Ростовской агломерации. Развитая демографическая старость связана с ростом доли числа пожилых людей в численности населения на фоне сокращения рождаемости и снижения доли детей. Делается предположение о том, что закрепление положительной тенденции появления естественного прироста в муниципалитетах ядра Ростовской агломерации, сложившейся в последние годы, может в перспективе способствовать улучшению демографической ситуации, увеличению демографического потенциала и росту устойчивости ее развития.

Ключевые слова: демографическая ситуация, устойчивое развитие, Ростовская агломерация, воспроизводство населения, миграции населения, демографическое старение, демографическая нагрузка.

Одной из крупнейших агломераций России является Ростовская агломерация, получившая также название Большой Ростов. Она выступает демографическим фокусом опорного каркаса населения области и всего Юга России и занимает 4-е место по численности населения в стране. На своей территории Ростовская агломерация концентрирует более половины населения области, в том числе 62 % городских жителей и 32 % сельского населения[2].

---

[1] © Сухинин С. А. Текст. 2018.

[2] Ростовская область в цифрах 2016: стат. сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2017. 760 с.

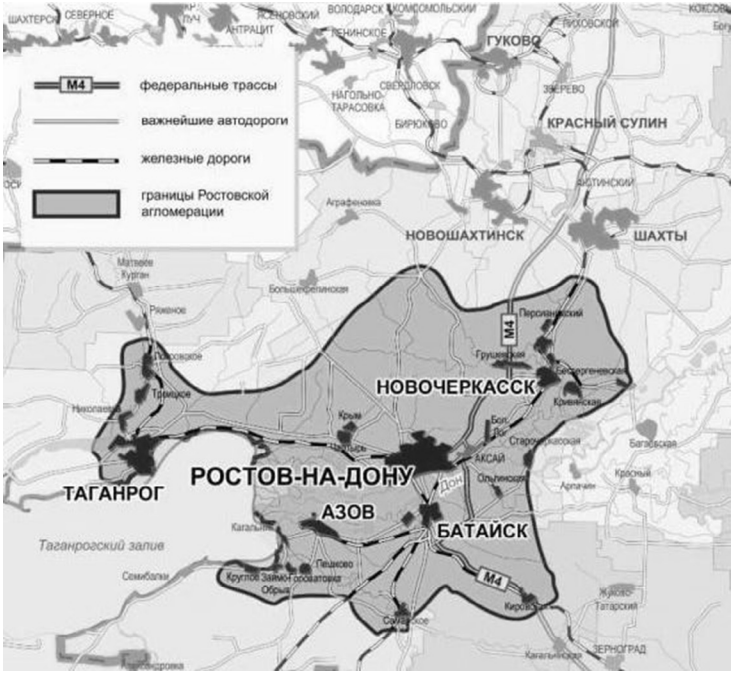


Рис. 1. *Пространственная локализация Ростовской агломерации. Источник: [5, с. 13]*

Современная пространственная структура Ростовской агломерации отличается сложностью, мозаичностью, фрагментарностью и обладает рядом специфических черт своего устройства. Являясь моноцентрической, агломерация Большой Ростов в своей пространственной структуре объединяет ядро (центр агломерации) и опорную территорию [5]. Ядро агломерации образует город Ростов-на-Дону как административно-управленческий центр всей области, крупнейший по численности населения город на юге России и главный населенный пункт в иерархии поселений региона. Ближайшими по расположению к Ростову-на-Дону являются два его спутника — города Аксай и Батайск, которые в силу процессов субурбанизации и рурбанизации практически срослись в единое урабанизационное пространство (рис. 1) [6]. Опорными точками агломерации на ее периферии являются города Азов на юге, Таганрог на западе и Новочеркасск на востоке (см. рис. 1). Исходя из окраинного положения на границах агломерации, эти три города мы определяем как города-маргиналы в ее составе.

В состав опорной территории агломерации также входят 9 муниципальных районов с преобладанием сельского населения (см. рис. 1). Причем Азовский, Аксайский, Мясниковский, Родионово-Несветайский

районы в силу непосредственного соседства с ядром агломерации сфокусированы в своем демографическом и социально-экономическом развитии на Ростове-на-Дону, в то время как другие (Матвеево-Курганский, Неклиновский, Куйбышевский, Багаевский, Кагальницкий) районы ориентируются на ближайшие к ним города-маргиналы [5]. Прямая территориальная близость и конфигурация транспортной сети (в основном автодорог как главного сообщения в агломерации) (см. рис. 1) являются предпосылками доминирования именно городов-маргиналов в социально-экономическом развитии окраинных муниципальных районов, с которыми у них установилось демографическое взаимодействие, в том числе посредствам маятниковых миграций [5, 6].

Пространственная структура агломерации определяет неравномерность концентрации населения. На ядро агломерации и ее опорную территорию приходится равная численность населения, в то же время Ростов-на-Дону является явным демографическим центром, осуществляющим поляризацию всего демографического пространства. Такая поляризация, основанная на концентрации населения в главном городе, носит двойственный характер. С одной стороны, это способствует концентрации трудовых ресурсов, производства и потребления, но, с другой стороны, это вызывает ряд сопутствующих проблем развития — транспортную напряженность, ухудшение экологической ситуации, удорожание земли и жилья, рост социально-психологической напряженности. К тому же крупный город является более инертным в демографическом плане, менее восприимчивым к социально-демографическим изменениям, но в то же время и более устойчивым в демографических трендах [2].

Внутри опорной территории демографическая поляризация пространства менее выражена и по мере удаления от ядра агломерации ослабевает. В городах-спутниках Ростова-на-Дону проживает всего лишь 7,5 % населения агломерации, в городах-маргиналах — 22 %, а на муниципальные районы приходится около 1/5 населения (табл. 1). Аналогичную закономерность демографической пространственной дисперсии можно выявить и на основе плотности населения. Если плотность населения в ядре агломерации превышает 3200 чел/км^2 (см. табл. 1), то в пределах опорной территории она составляет 80 чел/км^2. При этом в других городах агломерации плотность населения в 2–5 раз ниже, чем в Ростове-на-Дону, и колеблется от 660 чел/км^2 в городе Аксай до 1660 чел/км^2 в Батайске. Только Таганрог за счет большей численности населения в сравнении с другими городами опорной территории агломерации имеет плотность населения наравне с Ростовом-на-Дону — 3100 чел/км^2. Муниципальные районы Ростовской агломерации также дифференцированы по плотности населения: в районах, расположенных вблизи ядра агломерации, она максимальна (30–60 чел/км^2), а по мере удаления — снижается до 15–20 чел/км^2. В целом же в пределах Большого Ростова плотность населения в 3,5–4 раза выше среднеобластного уровня (42 чел/км^2).

Таблица 1

Показатели демографического развития Ростовской агломерации*

Показатели	Ядро	Опорная территория			Ростовская агломерация в целом
	г. Ростов-на-Дону	Города-спутники	Города-маргиналы	Сельские муниципальные районы	
Численность населения (на 1 января 2017 г.), млн чел.	1125,3	169,5	500,4	437,8	2233
Доля в численности населения агломерации, 2017 г., %	50,4	7,6	22,4	19,6	100,0
Плотность населения, 2017 г., чел/км^2	3229	1190	1824	33	157
Прирост численности населения, 1989–2017 гг.	11,7	35,4	–12,4	17,6	7,5
Общий коэффициент естественного прироста, 2016 г., ‰	0,7	3,9	–5,9	–2,0	–1,1
Коэффициент сальдо миграции, 2016 г., ‰	4,2	19,6	0,4	8,3	5,1
Коэффициент общей демографической нагрузки, 2016 г., ‰	663	715	823	793	725
Коэффициент старения населения, 2016 г., %	23,4	21,3	26,3	23,3	24,0

* Составлено по данным: Ростовская область. Население / База данных показателей муниципальных образований РФ // Федеральная служба государственной статистики России [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения 05.05.2018).

Демографическое развитие Большого Ростова отличается пространственно-временной неоднородностью. За период 1989–2017 гг. население ядра агломерации увеличилось более чем на 100 тыс. человек. Однако наибольшей интенсивностью роста отличаются города-спутники — численность их населения за 1989–2017 гг. возросла более чем на 35 %, в то время как в Ростове-на-Дону — всего лишь на 12 %. В сравнении с городами-маргиналами, для которых характерно сокращение числа жителей, и муниципальными районами, где динамика численности населения имеет разнонаправленный характер и подчиняется эффекту агломерационного

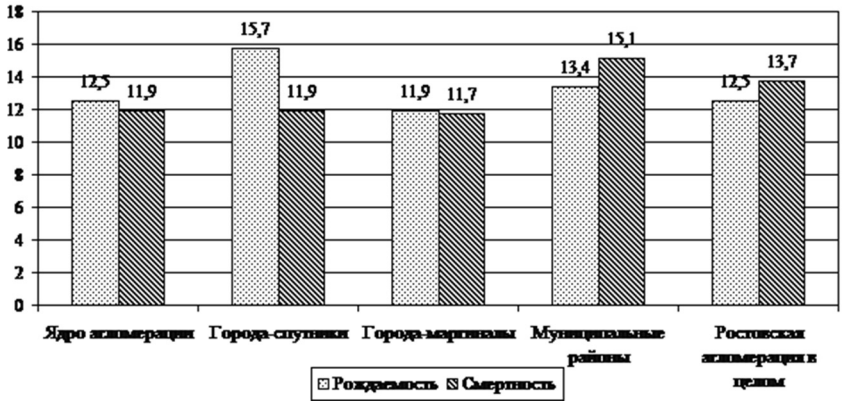


Рис. 2. *Уровни рождаемости и смертности в Ростовской агломерации, 2016 г., ‰ (Составлено по данным: Ростовская область в цифрах 2016: стат.сб. / Ростовстат. — Ростов-на-Дону, 2017. — 760 с.)*

влияния ядра, именно города-спутники обеспечивают общий рост населения всей агломерации, который за рассматриваемый период составил 7,5 %. Отметим также, что на фоне фактически стагнации численности населения области в целом, Ростовская агломерация выступает своеобразным «островком демографического позитива», демонстрируя стабильный ежегодный прирост численности жителей.

Динамика численности населения Ростовской агломерации осуществляется под влиянием как естественного движения населения (рис. 2), так и миграционных процессов. Имеющиеся данные позволяют проследить современную демографическую ситуацию за 2010–2017 гг. В городах-спутниках рост числа жителей обеспечен не только миграционным притоком, но и естественным приростом, который установился здесь раньше, чем в других муниципалитетах Ростовской области, — еще в 2010–2011 годах. Аналогично сельские муниципальные районы, соседствующие с ядром агломерации, помимо положительного сальдо миграции отличаются еще и естественным приростом населения (см. табл. 1), что указывает на более лучшую демографическую ситуацию в сравнении с другими городами и районами Ростовской агломерации. Сам центр агломерации впервые за последние четверть века продемонстрировал положительный естественный прирост населения только в 2015–2016 гг. (см. табл. 1, рис. 2).

Наихудшая демографическая ситуация сохраняется в двух городах-маргиналах — Новочеркасске и Таганроге. Продолжающаяся затяжная демографическая убыль в этих городах негативно сказывается на устойчивости их демографического развития и привела к сокращению численности населения за период 1989–2017 гг. в Таганроге на 13,8 %, в Новочеркасске — на 15,7 %. Продолжение данной тенденции в ближайшие годы приведет к потере Таганрогом статуса крупного города (при численности жителей

менее 250 тыс. чел.) и снижению численности населения Новочеркасска до менее 150 тыс. чел. В связи с этим в развитии этих двух городов Ростовской агломерации, как опорных точек, стоит обратить внимание на реализацию мер демографической и экистической политики.

В результате сохранения естественной убыли населения в большинстве сельских муниципальных районов и в городах-маргиналах Ростовская агломерация становится весьма уязвимой в демографическом развитии. Характерная для нее уже на протяжении двух десятилетий естественная убыль могла бы привести к глубокой депопуляции, если бы не перекрывалась миграционным приростом. Именно положительное сальдо миграции выступает тем позитивным компонентом демографического развития Большого Ростова, который снижает негативные последствия суженного воспроизводства населения. Превышение иммиграции над эмиграцией способствовало росту численности населения агломерации в целом на 7,5 %, хотя в отдельных муниципалитетах имеет место и миграционная убыль (см. табл. 1). Наибольшим миграционный прирост является в городах-спутниках — именно они за счет территориальной близости к ядру агломерации и более низких цен на жилую недвижимость наиболее привлекательны для притока мигрантов. Поэтому города-спутники отличаются наибольшей величиной среднего годового положительного сальдо миграции среди всех населенных пунктов области — за период 2010–2017 гг. в Батайске оно составляло 15,1 ‰, а в Аксае — 5,6 ‰.

Сложная демографическая ситуация, связанная с сочетанием естественной убыли населения и миграционного прироста, повлияла на трансформацию возрастной структуры населения агломерации, рост уровня демографического старения и демографической нагрузки. Увеличение численности и доли населения старше трудоспособного возраста (табл. 2) способствовало росту коэффициента старения населения, величина которого в целом по агломерации составляла на начало 2017 г. 26 % и увеличилась по сравнению с 2011 г. на 2 % (см. табл. 1). При этом наибольшее значение коэффициента старения населения отмечается в городах-маргиналах (28–30 %), что связано большей частью не с увеличением продолжительности жизни горожан, а с ростом доли населения старше трудоспособного возраста на фоне снижения доли детей в численности населения по причине низкой рождаемости, которая здесь достигает минимальных значений по области (9–12 ‰) (см. табл. 2, рис. 2). В целом же демографическая ситуация Большого Ростова может быть охарактеризована как развитая демографическая старость с очень высоким уровнем, о чем свидетельствуют значения коэффициента старения более 18 %. Столь высокий показатель является крайне негативным признаком неустойчивости демографической ситуации, поскольку рост численности и доли пожилых людей не обеспечивает переход к расширенному воспроизводству населения в будущем [1, 7].

Таблица 2

Возрастная структура населения Ростовской агломерации*

Возрастные категории населения	Ядро	Опорная территория			Ростовская агломерация в целом
	г. Ростов-на-Дону	Города-спутники	Города-маргиналы	Сельские муниципальные районы	
2011 год					
Моложе трудоспособного возраста	142 714	18 122	80 787	78 537	320 160
В трудоспособном возрасте	692 638	70 368	346 774	280 100	1 389 880
Старше трудоспособного возраста	255 602	23 908	152 485	108 856	540 851
2017 год					
Моложе трудоспособного возраста	167 801	24 075	70 553	87 903	350 332
В трудоспособном возрасте	676 490	72 716	241 591	269 107	1 259 904
Старше трудоспособного возраста	281 008	27 914	128 260	125 591	562 773

* Ростовская область. Население / База данных показателей муниципальных образований РФ // Федеральная служба государственной статистики России. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm; Ростовская область в цифрах 2016: стат. сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2017. 760 с.

Некоторое оживление воспроизводства населения в виде роста рождаемости и снижения смертности способствовало позитивному изменению возрастной структуры населения Ростовской агломерации в направлении увеличения доли населения в дотрудоспособном возрасте (см. табл. 2). В целом по агломерации на начало 2017 г. она составила 16 %, а в городах-спутниках, отличающихся устойчивым естественным приростом, начиная с 2010 г. доля детей максимальна по области и приближается к 20 % населения (см. табл. 2).

Еще одной проблемой устойчивого демографического развития Ростовской агломерации выступает значительная демографическая нагрузка. В целом по агломерации на начало 2017 г. на каждую 1000 трудоспособных лиц в среднем приходится 278 детей и 446 человек старше трудоспособного возраста. В итоге общая демографическая нагрузка весьма существенна — 725 человек на 1000 трудоспособных лиц, а в некоторых сельских муниципальных районах и городах-маргиналах превышает 800 человек на каждую 1000 трудоспособных. Диспропорция между долей детей и пожилых людей в возрастной структуре населения Ростовской агломерации сохранится и в ближайшем будущем и может быть выровнена только при условии сохранения и дальнейшего развития активных мер демографической политики, направленной на поддержку семьи,

Таблица 2

Индикаторы устойчивости демографического развития Ростовской агломерации в сравнении с их предельно-критическими значениями*

Индикаторы	Предельно-критическое значение	Ростовская агломерация	Отклонение значения
Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1,0	1,079	+0,079
Ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении, лет:			
всего по населению	69	72	+3
мужчин	67	67	0
женщин	71	77	+6

* Составлено и рассчитано по данным: Ростовская область в цифрах 2016: стат. сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2017. 760 с.; The World Factbook CIA. Официальный сайт ЦРУ США. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook.

деторождений, материнства и детства, пропаганду здорового образа жизни и снижение смертности на основе прогресса медицины [1].

Выявить особенности устойчивости демографического развития Ростовской агломерации возможно также и на основе некоторых других количественных показателей, выявив отклонение от нормативного уровня, в качестве которого принимается среднее мировое значение (табл. 3) [3, 4]. Анализ пригодных для оценки устойчивости развития демографического потенциала показателей позволяет говорить о приближении Ростовской агломерации к простому типу воспроизводства населения на фоне высокого уровня старения населения и демографической нагрузки.

В целом анализ уровней и масштабов демографических процессов, пропорций, сложившихся в населении Ростовской агломерации, позволяет оценить устойчивость ее демографического развития и определить степень приближенности к демографическому оптимуму, под которым понимают наиболее рациональный из всех возможных с точки зрения избранных критериев тип воспроизводства населения [1, 4]. При этом демографический оптимум включает в себя не только оптимальную интенсивность процессов рождаемости и смертности, но также и воспроизводство демографических структур и миграцию населения.

Наиболее оптимальным признается расширенный тип воспроизводства населения с невысоким годовым естественным приростом населения. Для Ростовской агломерации после периода демографического спада в 1990 — начале 2000-х гг., выразившегося в резком сокращении рождаемости, росте смертности и переходе к суженному типу воспроизводству, в последние годы характерно постепенное выравнивание уровней рождаемости и смертности. Это неизменно приводит к сокращению естественной убыли населения до –1 ‰ (см. табл. 1, рис. 1), и дальнейшие позитивные

тенденции приведут в ближайшие годы к выходу на простое, а затем и расширенное воспроизводство. В итоге достижение данного аспекта устойчивого демографического развития возможно в ближайшей перспективе, что позволит сохранить тренд роста численности населения Большого Ростова не только за счет миграционного прироста, но и естественного.

Сохраняющийся в Ростовской агломерации миграционный прирост, уровень которого в последние годы составляет около 5 ‰, связан с большими, в сравнении с другими муниципалитетами области, возможностями трудоустройства прибывающих мигрантов на предприятиях промышленности и социальной сферы, а также более высоким уровнем оплаты труда. Учитывая сложившийся профиль специализации экономики Ростовской области и относительно высокие темпы ее развития в последние годы, можно предположить закрепление положительного сальдо миграции в агломерации и на ближайшую перспективу, что увеличит демографический потенциал и будет способствовать росту устойчивости ее развития.

Следует также отметить, что демографическое развитие Ростовской агломерации неоднородно. Наибольший позитивный вклад в него вносят города-спутники, которые выполняют своеобразную поддерживающую роль в развитии и самого ядра агломерации. Это позволяет нам прийти к выводу, что именно от благоприятного проявления демографических процессов в ближайшей по отношению к ядру агломерации селитебной зоне зависит устойчивость демографического развития и самого ядра, и всей агломерации. Напротив, города-маргиналы, расположенные в периферийной зоне агломерации вместе с прилежащими к ним муниципальными сельскими районами, формируют в рамках Ростовской агломерации своеобразную группу аутсайдеров демографического развития, сохраняя до настоящего времени все черты депопуляции. Негативными последствиями депопуляции являются чрезвычайно высокий уровень старения населения и демографической нагрузки, проявляющиеся в агломерации и достигающие наибольших значений в ее периферийной зоне.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Ростовская агломерация является четвертой по численности населения в стране и крупнейшей на Юге России. Ее формирование обусловлено концентрацией населения в крупных городах юго-востока Ростовской области, территориальная близость которых способствуют образованию и развитию устойчивых связей между поселениями на основе сложившихся отраслей специализации, различиях в выполняемых социально-экономических функциях городов и маятниковых миграций их жителей.

2. Ростовская агломерация представляет собой специфическую урбанистическую группировку поселений и обладает сложной пространственно выраженной структурой. В ее составе выделяется ядро, представленное административным центром области — городом Ростовом-на-Дону, и опорной территорией агломерации. В структуре опорной территории

можно выделить города-спутники (Батайск и Аксай), сельские муниципальные районы и три города-маргинала (Азов, Новочеркасск и Таганрог), являющиеся ее главными локалитетами на периферии.

3. Ростовская агломерация является демографическим фокусом опорного каркаса населения области. Она концентрирует более половины населения всей Ростовской области, в том числе 62 % городских жителей и 32 % сельского населения. Демографическое развитие агломерации является неоднородным и подчиняется множеству условий и факторов, обусловливающих ее специфические черты. Пространственная неоднородность выступает не только главной особенностью демографического развития Большого Ростова, но одновременно и создает определенные угрозы ее устойчивому развитию.

4. Своеобразным парадоксом демографического развития Ростовской агломерации является проявление более положительной динамики населения (под влиянием процессов воспроизводства и миграций) не ядра агломерации, а ближайших к нему городов-спутников. Именно для них характерны как естественный прирост, так и положительное сальдо миграции, способствующие существенному приросту численности жителей. Поэтому города-спутники за счет положительных тенденций воспроизводства и миграций населения выступают базисом для сохранения устойчивости демографического развития всей агломерации на фоне сохраняющейся естественной убыли в городах-маргиналах и существенной эмиграции в муниципальных районах периферийной зоны опорной территории агломерации.

5. Доминантой Ростовской агломерации является областной центр — город Ростов-на-Дону. Он концентрирует в себе значительную часть демографического потенциала области и с середины 2000-х годов, в ситуации социально-экономической стабилизации, усилил влияние на сопредельные территории посредствам взаимодействия с соседними муниципалитетами агломерации. При этом Ростов-на-Дону является полюсом роста всей агломерации, аккумулируя человеческие ресурсы, выступает «работодателем» для жителей близлежащих поселений. Это активизирует не только маятниковые миграции из других населенных пунктов, но и способствует росту численности жителей соседних городов-спутников и сельских муниципальных районов. Следствием такого влияния Ростова-на-Дону на развитие агломерации является усиление поляризации ее демографического пространства в форме концентрации населения вблизи ядра агломерации и снижения плотности населения по мере удаления от него.

6. Существенной проблемой демографического развития Ростовской агломерации является затяжная депопуляция в городах-маргиналах и муниципалитетах периферийной части. В связи с этим для сохранения устойчивости демографического развития агломерации необходимо обратить внимание органов управления именно на эти территории, активизировав здесь меры демографической политики.

7. Определенными угрозами устойчивости демографического развития Ростовской агломерации являются развитая демографическая старость с чрезвычайно высоким уровнем коэффициента старения населения и высокая демографическая нагрузка, связанная с ростом доли числа пожилых людей в численности населения на фоне сокращения рождаемости и снижения доли детей.

8. Параметрами позитивного развития Ростовской агломерации, придающими ей большую демографическую устойчивость, являются последовательный рост средней ожидаемой продолжительности жизни населения, которая находится на уровне общероссийских величин и значительно превышает среднемировые индикаторы, а также пониженное значение условного коэффициента депопуляции, указывающее на близость числа умерших к числу родившихся. Это указывает на возможность перехода агломерации к простому типу воспроизводства населения в ближайшие годы и полного преодоления тенденций депопуляции как главной угрозы ее стабильного развития.

Список источников

1. *Галецкий В. Ф.* Демографические аспекты устойчивого развития России // Проблемы прогнозирования. — 2005. — № 6. — С. 161–171.

2. Города и городские агломерации в региональном развитии / под ред. Ю. Г. Липеца. — М.: Институт географии РАН, 2003. — 330 с.

3. *Елисеева И. И., Васильева Э. К., Клупт М. А.* и др. Демография и статистика населения / под ред. И. И. Елисеевой. — М.: Финансы и статистика, 2006. — 688 с.

4. *Лисицин В. И., Федченко П. Ю.* Демографическая ситуация в регионе: состояние, динамика, тенденции (на примере Новгородской области) // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. 2012. № 6. URL: http://vestnik.mednet.ru (дата обращения 07.05.2018).

5. *Миргородская Е. О.* Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова) // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2017. — Т. 19. — № 4. — Серия 3: Экономика. Экология. — С. 6–20.

6. *Миргородская Е. О., Сухинин С. А.* Концептуальные подходы и методика идентификации неоднородности экономического пространства региона // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2017. — Т. 19. — № 3. — Серия 3: Экономика. Экология. — С. 143–154.

7. *Островский Н. В.* Критерии устойчивого развития: муниципальные аспекты // Урал атомный, Урал промышленный: материалы IX международного экологического симпозиума. — Екатеринбург: УрО РАН, 2001. — С. 110–113.

Информация об авторе

Сухинин Сергей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и предпринимательство» Донского государственного технического университета (Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д. 162; e-mail: suhmax@mail.ru).

Sukhinin S. A.

Problems of Sustainable Demographic Development of the Rostov Agglomeration

The author considers aspects of sustainable demographic development of Rostov agglomeration (Greater Rostov) as the largest in South of Russia on the basis of statistical data. Is analyzed the spatial heterogeneity of the demographic development of the Rostov agglomeration under the influence of natural movement and population migrations. Attention is drawn to the polarization of the population in the nucleus of agglomeration. As the main indicators reflecting the sustainability of demographic development in agglomeration is selected indicators of age structure and demographic aging. The author determines the influence of population reproduction on age structure and level of population ageing. Comparison of indicators of the sustainable demographic development of Rostov agglomeration with global and average values across Russia is given. In Rostov agglomeration remains low birth rate, but there is an increase in the life expectancy of population. This led to the transformation of age structure of population and establishment of the demographic old age. The main risks to the sustainability of demographic development of Rostov agglomeration are aging of the population and a high demographic burden. The author suggests that further development positive trend of natural growth in the nucleus of Rostov agglomeration can in the long term improve the demographic situation and contribute to its sustainable development.

Keywords: demographic situation, sustainable development, Rostov agglomeration, population reproduction, population migration, demographic ageing, demographic burden

References

1. Galetskiy V. F. Demographic aspects of sustainable development of Russia // Studies on Russian Economic Development [Problems of forecasting]. — 2005. — No. 6. — P. 161–171.

2. Cities and urban agglomerations in regional development / edited by Yu. G. Lipets. — Moscow: Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, 2003. — 330 p.

3. Eliseeva I. I., Vasilyeva E. K., Klupt M. A. Demographics and population statistics / Edited by I. I. Eliseeva. — Moscow: Finance and statistics, 2006. — 688 p.

4. Lisitsyn V. I., Fedchenko P. Yu. Demographic situation in the region: state, dynamics, trends (by the example of the Novgorod region) // Social aspects of public health. Electronic scientific journal. — 2012. — No. 6 [Electronic resource]. URL: http://vestnik.mednet.ru (accessed 07.05.2018).

5. Mirgorodskaya E. O. Assessment of the territorial and economic connection of cities in the agglomeration (the case of Big Rostov) // Science Journal of VolSU. Global Economic System. — 2017. — Vol. 19. — No 4. — P. 6–20.

6. Mirgorodskaya E. O., Sukhinin S. A. The heterogeneity of the region's economic space: conceptual approaches and identification methods // Science Journal of VolSU. Global Economic System. — 2017. — Vol. 19. — No 3. — P. 143–154.

7. Ostrovsky N. V. Criteria for sustainable development: municipal aspects // Urals atomic, Urals industrial: materials of the IX International Environmental Symposium. — Ekaterinburg: UrB RAS, 2001. — P. 110–113.

Author

Sukhinin Sergey Alexandrovich — Candidate of Sciences (Pedagogic), Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of the Don State Technical University (Russia, 344022, Rostov-on-Don, Socialisticheskaja st, 162; e-mail: suhmax@mail.ru).

УДК 314.044

Талалаева Г. В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОЖИДАЕМОГО РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ[1]

Актуальность темы связана с развитием в России цифровой экономики, которая модифицирует демографическое поведение молодежи. Ранее нами показано (Г.В. Талалаева, Б.С. Павлов, 2008), что у молодых сотрудников силовых и спасательных служб России демографический переход происходит на фоне внутриличностного конфликта, сопровождается признаками аномий, амбивалентности репродуктивных планов, диссонансом декларируемого и реализуемого брачного поведения. Настоящее исследование с лагом в десять лет уточняет сценарий демографического перехода на примере курсантов Уральского института ГПС МЧС России. Опрошено 104 респондента. Составлен рейтинг качеств потенциальных супругов, важных, по мнению респондентов, для счастливого супружества. В качестве эталона использован рейтинг, составленный по результатам опроса студентов Уральского федерального университета (Е.Г. Попова, 2007). Показано, что в рейтингах 2007 и 2017 гг. родительские установки занимают разные позиции. В 2007 г. в рейтинге мужских качеств выделено два системообразующих кластера. Первый (социальный) включал в себя мужественность, образованность, физическую силу; второй (репродуктивный) — любовь к детям, сексуальность, материальную безопасность. В рейтинге 2017 г. выделено три кластера качеств. Первый составили образованность, материальная обеспеченность, мужественность, любовь к детям; второй — физическая сила; третий (психофизиологический) — чистоплотность, сексуальность, великодушие, порядочность, красота. Любовь к детям, ранее связанная с сексуальностью и материальной обеспеченностью, в рейтинге 2017 г. была отделена от этих качеств. Репродуктивное поведение как таковое в 2017 г. дистанцировано от своей социальной и биологической основы (от потребности в образовании, материальной обеспеченности и сексуальности). Полученные результаты указывают на доминирование самосохраняющего поведения курсантов над репродуктивным, их готовность к интеграции в цифровую экономику; являются сигналом для оптимизации демографической политики государства, нацеленной в настоящее время на увеличение численности населения страны.

Ключевые слова: демографическая безопасность, репродуктивное поведение, четвертая промышленная революция

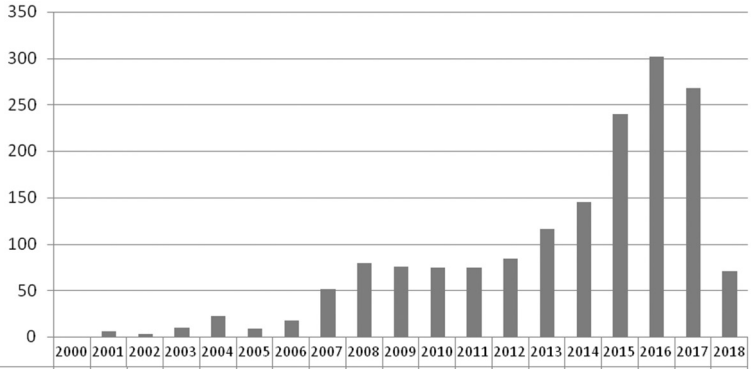
Демографическая ситуация в современной России характеризуется высокой степенью динамичности: модели брачного и репродуктивного поведения отдельных групп молодежи существенно отличаются друг от друга

[1] © Талалаева Г. В. Текст. 2018.

и в целом от старшего поколения. Причинами ускоренной трансформации моделей демографического поведения молодежи являются объективные социально-экономические процессы: переход к цифровой экономике, формирование шестого технологического уклада, осуществление четвертой промышленной революции. Качественное изменение средств производства влечет за собой повышение требований к производительным силам, создает необходимость непрерывного самосовершенствования, самообразования и саморазвития работника.

Автор книги «Четвертая промышленная революция» К. Шваб утверждает, что развитие цифровой экономики не только открывает перед человечеством новые перспективы, но и выдвигает новые угрозы; при которых «отношения человека с миром, с собой и с другими людьми должны будут кардинально измениться» [27]. При формировании цифровой экономики и экономики знаний в когортах социально активной молодежи повышается престиж качественного высшего образования, зарубежных стажировок и дополнительных курсов обучения, увеличивающих их шанс на построение успешной карьеры и будущего ответственного родительства.

Можно также предположить, что переход к новым моделям демографического поведения у разных социальных групп будет осуществляться с различной скоростью и соответствовать их вовлеченности в процесс трансформации технологического уклада. Уже сейчас очевидна временная неоднородность (анизохрония) российского социума по различным параметрам социальной адаптации [1]. Данные литературы подтверждают правомерность применения концепции анизохронии к описанию демографического перехода в Российской Федерации. Наиболее детально признаки анизохронии второго демографического перехода в масштабах регионов охарактеризованы в исследованиях, проведенных в Сибирском федеральном округе [16], Забайкалье [10], Хабаровском крае [5], Свердловской области [21]. Показано, что мозаичность и неоднородность демографических процессов на территории РФ необходимо учитывать при выработке стратегии государственной демографической политики и планировании ее мероприятий на региональном и муниципальном уровнях [9, 14]. На этапе разработки мероприятий демографической политики целесообразно принимать во внимание высокую сложность и самоорганизацию демографических процессов, учитывать вектор, интенсивность и качественные параметры процесса воспроизводства населения [7, 18]. В процессе реализации демографической политики важно учитывать фазность социального и экономического развития страны, которые влияют на социокультурную, социально-экономическую и международную обусловленность процесса воспроизводства населения, определяют «многомерность человеческого потенциала» и «социокультурную мотивированность репродуктивного поведения населения» [4, с. 82]. Временная неоднородность реализации демографического перехода в разных социальных когортах является объективной основой снижения качества государственного и социального



	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Число публикаций	0	6	3	10	22	9	17	51	79	75	74	74	84	116	145	240	302	268	71

Рис. *Динамика количества публикаций в базе РИНЦ по поисковому запросу «демографическая безопасность» за период 2000–2018 гг.*

менеджмента в условиях цифровой экономики. Разнообразие и нестабильность моделей демографического поведения россиян (самосохранительного и родительского) в условиях перехода к шестому технологическому укладу затрудняет процесс прогнозирования демографических показателей на кратко- и среднесрочную перспективу.

Анизохрония демографического перехода в различных группах российского социума создает основу для возникновения новых угроз комплексной безопасности страны, в частности, для появления угроз демографической безопасности нового типа, которые отличаются от ранее известных, таких как демографический взрыв, миграционная бомба, демографическая нагрузка. Особенность демографических угроз нового типа заключается в том, что они формируется не за счет избытка определенных когорт населения (абсолютного или относительного), а в результате дефицита тех когорт, которые в силу высокого качества своего человеческого капитала могут обеспечить государственную независимость, национальную и экономическую безопасность страны в условиях цифровой экономики.

В связи с появлением демографических угроз нового типа представляется важным отследить публикационную активность экспертов по вопросу демографической безопасности. Для решения этой задачи нами был проведен наукометрический анализ базы данных РИНЦ. В качестве поискового запроса использовано словосочетание «демографическая безопасность». Отслежено общее количество публикаций по указанному запросу по всей базе РИНЦ, проанализирована хронология публикаций в интервале с 2000 по 2018 гг., т. е. в интервале, равном одному демографическому поколению. Установлено, что база данных РИНЦ содержит 1464 публикации, соответствующие поисковому запросу «демографическая безопасность». Динамика количества публикаций за период 2000–2018 гг. представлена на рисунке.

Как следует из графика (рис.), в 2000 г. отсутствовали публикации на заданную тему. Наибольшее число публикаций по указанной проблеме зафиксировано в 2016 г. В публикационной активности, представленной на графике, отчетливо выделяются три периода: 2001–2006, 2007–2012, 2013–2017 гг. В эти периоды количество публикаций, включенных в базу данных РИНЦ, ступенчато и неуклонно возрастало. В первом периоде количество публикаций, ежегодно включаемых в базу РИНЦ, варьировало от 3 до 22 в год, во втором периоде — от 51 до 84, в третьем — от 116 до 302. 2018 год отмечен снижением интереса исследователей к данной проблематике. Метод наложения эпох обнаруживает факт совпадения роста числа публикаций и периодов социально-экономической нестабильности страны (финансового кризиса 2008 г., введения экономических санкций против РФ 2012–2016 гг.). Снижение числа публикаций в 2018 г. хронологически совпадает со значимым политическим событием в стране — переизбранием Президента России В.В. Путина, которое привнесло в социально-экономическую атмосферу общества и жизнь большинства россиян дополнительный элемент стабильности, прогнозируемости и предсказуемости.

Анализ содержания публикаций, представленных в базе РИНЦ, позволяет сделать вывод, что последние десять лет российскими специалистами проведена большая работа по определению понятия «демографическая безопасность». В зависимости от целей и задач исследования демографическая безопасность интерпретируется как «условие защиты национальных интересов современной России» [8], «защищенность количества и этнического состава» населения страны [18, 13], «сбережение народа и индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)» [4], «составная часть экономической и национальной безопасности страны» [25]. Подробный обзор трактовок термина «демографическая безопасность» приведен в публикации [26]. В ней автор отмечает широкий диапазон характеристик, входящих в определение понятия «демографическая безопасность». По нашему мнению, все приведенные в указанной публикации дефиниции можно разделить на три группы. Две из них демонстрируют междисциплинарный методологический подход и одна — узкоспециализированный. Выделенные группы определений обозначены нами как геополитическая, социально-экономическая и демографическая. Примером определений первой группы может служить характеристика демографической безопасности как режима «функционирования популяции, обеспечивающего целостность, независимость, суверенитет и сохранение существующего геополитического статуса государства». Примером дефиниций второй группы является определение демографической безопасности как «сложной синтетической категории, аккумулирующей в себе множество атрибутов социальной комфортности, влияющих на процесс воспроизводства населения, включая ощущение личной безопасности проживания на данной территории, состояние систем здравоохранения и образования, доходы, сбережения, жилищные условия, удовлетворение духовных

потребностей, благополучие экологической обстановки». Примером третьей группы определений является характеристика демографической безопасности как состояния «защищенности процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей ... с удлинением человеческой жизни, повышением эффективности демографического воспроизводства, расширением демографической свободы».

Очевидно, что узкоспециализированный подход к интерпретации понятия демографической безопасности методологически более прост и доступен для мониторинга; однако его эвристический потенциал ниже междисциплинарных исследований. Будучи внутрисистемным, он более ограничен в своем прогностическом значении, и поэтому его прикладная значимость для решения задач государственного и муниципального управления ниже, чем у методологических подходов, ориентированных на междисциплинарные исследования. Приверженность междисциплинарному подходу при анализе демографических ситуаций и демографических процессов демонстрируют многие исследователи.

А.И. Антонов обращает внимание на роль поведенческих факторов населения в реализации государственной политики, а также их историческую обусловленность, и пишет: «Семейно-демографическая политика строится на основе поощрения, а не принуждения, создания всех необходимых условий для населения по реальному выбору разных моделей семьи и семейно-детного родительства. Задача государства заключается в том, чтобы добиться приоритетного выбора населением тех семейных форм жизни, которые отвечают интересам нации по воспроизводству населения и полноценной социализации новых поколений» [2, с. 516].

В.М. Медков десять лет назад еще более эмоционально и образно охарактеризовал зависимость выбираемых населением моделей демографического поведения от фазы развития научно-технического прогресса и предсказал неизбежную трансформацию типа воспроизводства населения в эпоху развития робототехники. Автор следующим образом сформулировал свою позицию: «Необходимо подчеркнуть еще раз: человечество уже вступило в период депопуляции, оказавшись в невиданной ранее ситуации, когда все прежние представления о демографической динамике и о ее последствиях потеряли (или теряют) свою актуальность. ...И пусть нас не утешают мысли о том, что до этого еще далеко — этот «прекрасный новый мир», мир клонов, киборгов и биороботов уже здесь, на пороге... И если ничего не предпринимать, он наступит быстрее, чем мы думаем» [11, с. 151].

А.Г. Вишневский также рассматривает демографические процессы с позиций сложных систем и цитирует слова И. Пригожина и И. Стенгерса из их работы «Порядок и хаос. Новый диалог человека с природой» (1986): «К моделированию сложных явлений следует относиться с осторожностью: в сложных системах дефиниция самих сущностей и взаимодействия между ними в процессах эволюции могут претерпевать изменения...

есть основания считать «несущую способность» систем не постоянной…, а функцией того, как используется система. Такое расширение позволит нам учесть некоторые дополнительные аспекты экономической деятельности, и в частности некоторые «эффекты усиления»,… описать самоускоряющиеся свойства системы и пространственную дифференциацию различных уровней активности» [6, с. 98].

Нам представляется оправданным экстраполировать на термин «демографическая безопасность» как составную часть национальной безопасности страны те формулировки, которые предусмотрены российским законодательством для определения термина «безопасность», и обозначить понятие «демографической безопасности» как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, создающее условия для их прогрессивного развития. Данная формулировка, на наш взгляд, объединяет в себе объективные и субъективные факторы воспроизводства населения, предусматривает вариативность типов воспроизводства в зависимости от исторических и социально-экономических факторов эволюции общества, а также учитывает изменение их роли и баланса на разных этапах научно-технического прогресса.

Если принять данную формулировку термина «демографическая безопасность», то станет очевидным, что для ее обеспечения необходимо отслеживать траектории реализации демографического перехода в социально активных и экономически перспективных группах молодежи. Обозначенный дискурс продолжает дискуссию на тему «Количество или качество народонаселения?», которая автором данной статьи впервые была вынесена на публичное обсуждение в 2001 г. во время работы круглого стола, посвященного обсуждению проекта «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года» [19]. За годы, прошедшие с момента проведения круглого стола, острота альтернативы «количество или качество народонаселения» стала еще более очевидной. Проблема демографической безопасности при бурном развитии информационных технологий приобретает новые очертания, которые можно обозначить как когнитивно-акмеологические. Они имеют объективную социально-экономическую основу и четко выраженную субъективную характеристику. Мощным катализатором возникновения демографической угрозы нового типа является системная трансформация иерархии жизненных ценностей общества, особенно репродуктивных когорт населения и, в первую очередь, студенческой молодежи.

В постиндустриальном обществе в силу многократно возросших скоростей обновления технологий и знаний востребованным становится такой тип самоорганизации и тайм-менеджмента студенческой молодежи, при котором потребность в свободном личном времени доминирует над потребностью в деторождении. При этом высвободившееся свободное время используется для дополнительного образования, получения смежной профессии, стажировок, других мероприятий, направленных

на непрерывное образование, повышение профессионального уровня и карьерный рост. Необходимо отметить, что выбираемая студенчеством модель демографического поведения соответствует главному приоритету социально-экономического развития страны на современном этапе, а именно — технологическому прорыву, обеспечению суверенитета и независимости государства в условиях информационного общества. Данный тезис подтверждается прогнозом экспертов в области цифровой экономики и роботехники, согласно которому в ближайшее десятилетие ожидается существенное изменение перечня востребованных профессий, обеспечивающих в индустриальном обществе стабильный доход большинству семей среднего достатка. Прогнозируются вытеснение с рынка труда работников и замещение их автономными роботами. Данная перспектива актуальна и для сотрудников силовых структур и служб спасения. В МЧС России уже сегодня активно применяются робототехнические устройства. Они используются для поиска и спасения пострадавших от чрезвычайных ситуаций, тушения пожаров, ликвидации последствий аварий. В описанных условиях гарантией профессиональной востребованности и успешной карьеры будущих спасателей, нынешних курсантов МЧС России, становится их ориентация на добросовестное выполнение служебного долга, осознанный выбор самосохраняющего демографического поведения с реализацией репродуктивного поведения в виде ответственного отложенного родительства. Формирование такого типа демографического поведения является новой педагогической задачей для профессорско-преподавательского состава вузов МЧС России. Ее решение затрудняется активной рекламой в СМИ тех проектов демографической политики, которые фокусируют потребности молодежи на родительском поведении как способе наиболее быстрой и успешной социализации.

Настоящая статья вносит посильный вклад в развитие дискуссии о количестве и качестве народонаселения и акцентирует внимание на оптимальных моделях репродуктивного поведения курсантов ведомственных вузов, которые находятся на государственном обеспечении и в силу выбранной ими профессии призваны обеспечить комплексную безопасность населения и территорий РФ в среднесрочной перспективе. Речь идет, прежде всего, о трансформации структуры витальных ценностей молодежи, которая наиболее ярко проявляется на примере иерархии семейных ценностей студенческой молодежи. Трансформация структуры витальных ценностей, вне зависимости от вызвавших ее причин, неизбежно сопровождается актуализацией аномий, напряжением внутри- и межличностных конфликтов, изменением структуры семейных ценностей [3, 12, 22, 23, 27]. По нашему мнению, ускоренная трансформация иерархии ценностей молодежи в условиях перехода к цифровой экономике неизбежно повлечет за собой модификацию семейно-брачных и родительских установок молодежи. Это, в свою очередь, может негативно

сказаться на качестве народонаселения. Можно предположить, что шлейф негативных изменений затронет как минимум два смежных поколения. Нельзя исключить следующий сценарий: произойдет дивергенция репродуктивных когорт населения на две группы в зависимости от их устремленности в цифровую экономику и потребности в самоактуализации. Экономически и социально активная часть населения репродуктивного возраста, несмотря на меры государственной политики по повышению рождаемости, будет избирать самосохраняющую модель демографического поведения, включающую в себя отложенное родительство. Выбор репродуктивного поведения в ущерб самосохраняющему будут осуществлять пары, ориентированные на текущие и среднесрочные события своей жизни, не планирующие интеграцию в цифровую экономику и не нацеленные на непрерывное обучение, пошаговую смену профессии, повторные курсы профессиональной переподготовки. Таким образом, в ближайшей перспективе дивергенцию населения на когорты с разными репродуктивными планами будет формировать не экономический фактор. Фактором дивергенции станут когнитивные и акмеологические характеристики потенциальных родителей. Дети, рожденные и воспитанные родителями обозначенных когорт населения, в определенной мере (в силу действия социальных факторов) будут копировать модель самореализации своих родителей. Если не принять своевременных и адекватных мер в области государственной демографической политики, то описанная цепочка событий определит недостаточную готовность российского социума к цифровой экономике в среднесрочной перспективе.

Существующая концепция демографической политики России в силу инерционности механизмов социального менеджмента и государственного управления ориентирована на модели воспроизводства населения, характерные для индустриального общества, создает благоприятные условия для репродуктивного поведения второй когорты населения, не нацеленной на ускоренное вхождение в цифровую экономику. Вместе с тем, в 2018 г. произошли события, которые свидетельствуют об изменении вектора государственной демографической политики России. Эти изменения указывают на адаптацию концепции повышения рождаемости к задачам ускоренного формирования в стране шестого технологического уклада, обеспечения прорывного экономического роста и вхождения в пятерку наиболее развитых стран мира. Новый вектор демографической политики заложен в Указе Президента Российской Федерации от 7.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [24]. Данным указом в качестве целевого показателя обозначен суженный тип воспроизводства населения страны со значением суммарного коэффициента рождаемости 1,7 при том, что простое воспроизводство поколений обеспечивается величиной показателя в 2,2, а расширенное — 2,3 и более.

На наш взгляд, главными вопросами демографической безопасности при смене вектора демографической политики станут следующие: Готова ли молодежь к смене курса демографической политики государства? Примут ли переход от государственного стимулирования рождаемости к самостоятельной регуляции деторождения те когорты населения, которые находятся в репродуктивном возрасте? Сумеет ли молодежь, действуя в моделях самосохраняющего поведения, обеспечить стране достаточный уровень человеческого капитала у себя и своих потомков?

В 2007 г. было показано [20], что брачные и репродуктивные планы курсантов МЧС России характеризуются аномией: признавая приоритетную ценность семьи и детей, респонденты не планировали связывать себя узами брака. Мы предположили, что развитие цифровой экономики, а также каскад связанных с этим событий, таких как модернизация образования, внедрение робототехники в практику служб спасения и пожаротушения, необходимость многоуровневого обучения (внедрение магистратуры в ведомственные вузы), могут усилить данный акмеологический конфликт. Десять лет спустя представлялось важным уточнить траекторию демографического перехода в когортах курсантов ведомственного вуза МЧС России. В 2017 г. респондентам было предложено количественно оценить значимые качества будущего мужа, гарантирующие счастливый брак. Курсантам предлагалось оценить в процентах каждое из качеств, представленных в списке, исходя из того, что общая сумма ранжируемых качеств должна соответствовать 100 %. В опросе приняло участие 110 молодых сотрудников МЧС России, проходящих обучение в ФБГОУ ВО «Уральский институт ГПС МЧС России» (УрИ ГПС МЧС России). Перечень значимых качеств заимствован в исследованиях, выполненных в 2007 г. на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ) [15]. Результаты опроса приведены в таблице.

Как следует из табличных данных, курсанты 2017 г. продемонстрировали меньший интерес к психофизиологическим качествам будущего супруга (мужественности, сексуальности, любви к детям), чем студенты 2007 года, и уделили большее внимание социально-экономическим характеристикам (образованности, материальной обеспеченности). Также курсанты придавали большее значение любви к детям как гарантии счастливого супружества (12,3 % против 10,0 % у студентов), хотя при этом обнаруживали увеличение ранговой дистанции между потребностью в детях и материальной обеспеченностью (до 2,7 % против 0 % у студентов). В совокупности эти результаты указывали на осознанное отношение к родительству и доминирование самосохраняющего поведения над репродуктивным. Увеличение дистанции между самосохраняющим и репродуктивным поведением у респондентов 2017 г. по сравнению с респондентами 2007 г. побудило нас провести углубленный структурно-функциональный анализ показателей, приведенных в таблице.

Таблица

Качества будущего мужа, необходимые для счастливого супружества (в %, исходя из общей суммы в 100 %)

Качества	Мнение студентов УрФУ, 2007 г.	Мнение курсантов УрИ ГПС МЧС России, 2017 г.	Градиент различий при сравнении «курсанты 2017 г. — студенты 2007 г.»
Мужественность	19,0	14,9	–4,1
Образованность	17,0	15,2	–1,8
Физическая сила	12,0	10,5	–1,5
Материальная обеспеченность	10,0	15,0	+5,0
Сексуальность	10,0	6,7	–3,3
Любовь к детям	10,0	12,3	+2,3
Порядочность	9,0	7,2	–1,8
Великодушие	7,0	5,9	–1,1
Красота	5,0	5,4	+0,4
Чистоплотность	2,0	6,9	+4,9

Для формализации результатов структурно-функционального анализа был использован кластерный подход. Показатели 2007 и 2017 гг. были сгруппированы в три кластера: с высокой, средней и низкой частотой выбора. Для определения границ кластера со средней частотой выбора была применена концепция равнозначных потребностей (равного выбора или безразличия), согласно которой потребности могут быть взаимно заменены в случае их равной значимости для индивида. Учитывая, что анализируемый рейтинг содержит десять позиций, сумма которых равна 100 %, определено, что средняя частота выбора при одинаковой (равной) частоте выбора каждой из позиций равна 10 %.

В рейтинге студентов УрФУ 2007 г. мужские качества, необходимые для счастливого супружества, распределились следующим образом. Кластер с высокой частотой выбора (более 10 %) составили мужественность, образованность и физическая сила. Совокупность этих доминирующих качеств была обозначена как социальный кластер. В кластер со средней частотой выбора (10 ± 1 %) вошли четыре качества: материальная обеспеченность, сексуальность, любовь к детям, порядочность. Данный кластер обозначен как репродуктивный. Примечательно, что в нем три из этих четырех качеств (материальная обеспеченность, сексуальность, любовь к детям) характеризовались равной частотой выбора в 10 %, т. е. являлись друг по отношению к другу равнозначными и взаимозаменяемыми. Великодушие, красота и чистоплотность составили третий, редко выбираемый, морально-этический кластер.

Структура рейтинга курсантов 2017 г. оказалась более поляризованной, чем у студентов 2007 г. В кластер с высокой частотой выбора в порядке убывания вошли четыре качества: образованность, материальная

обеспеченность, мужественность, любовь к детям. Кластер со средней частотой выбора оказался обедненным по сравнению с рейтингом 2007 г.: в него вошло лишь одно качество — физическая сила. Кластер с низкой частотой выбора оказался наиболее многочисленным по своему составу, в него вошла половина всех качеств, представленных в списке, включая сексуальность.

Таким образом, обнаружено принципиальное различие в моделях планируемого репродуктивного поведения у респондентов 2007 и 2017 гг. Студенты 2007 г. планировали свое будущее родительство исходя из равного для них по значимости триединства сексуальности, любви к детям и материальной обеспеченности. Данный факт является объективной основой применения материнского капитала в качестве технологии управления репродуктивным поведением респондентов данной группы.

Курсанты 2017 г. продемонстрировали большую значимость для них любви к детям, чем студенты 2007 г., но при этом обнаружили увеличение ранговой дистанции между названным качеством и другими качествами счастливого супружества. В итоге любовь к детям дистанцировалась от таких биологических качеств родительства, как сексуальность и физическая сила. Данный факт, на наш взгляд, лимитирует применение материнского капитала и социальной рекламы многодетной семьи как технологий демографической политики применительно к моделированию поведения молодых сотрудников ведомственных служб. Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы. Сценарий ответственного родительства с опорой на собственную социально-экономическую состоятельность отчетливее проявляется у курсантов 2017 г. по сравнению со студентами 2007 г. Данный факт благоприятен для профессиональной самореализации молодежи и ее ускоренной интеграции в цифровую экономику. Однако переход на новые модели репродуктивного поведения сопровождается разобщением биологической и социально-экономической составляющих ожидаемого родительства. Данное обстоятельство чревато появлением новых демографических угроз, а также снижением эффективности проводимой государством демографической политики. Поэтому углубленное исследование когнитивно-акмеологических аспектов ожидаемого репродуктивного поведения молодежи в условиях цифровой экономики становится актуальной задачей междисциплинарных исследований демографов, социологов и специалистов в области национальной безопасности.

Список источников

1. *Амбарова П. А., Зборовский Г. Е.* Время социальной общности. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2017. — 347 с.

2. *Антонов А. И.* Современная динамика населения и приоритеты семейно-демографической политики // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: материалы Всероссийской научной конференции; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ / под общ. ред. В. П. Васильева. — М.: МАКС Пресс, 2016. — С. 511–516.

3. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну: пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 363 с.

4. *Белкин В. Д., Вишневский А. Г., Стороженко В. П.* План-проспект Белой книги «Россия на пороге третьего тысячелетия: проблемы и перспективы» (краткая версия) // Экономическая наука современной России. — 1998. — № 1. — С. 74–90.

5. *Бондаренко Н. А., Сюпова М. С.* Формы проявления демографической безопасности региона и оценка ее угроз // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2017. — № 3(46). — С. 183–190.

6. *Вишневский А. Г.* Демографический переход и гипотеза гиперболического роста населения // Демографическое обозрение. — 2018. — № 5. — С. 64–105 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7710 (дата обращения 30.01.2018).

7. *Колесников Л. Ф., Косьмин А. Д.* Демографическая безопасность России: состояние, тенденции и перспективы // Вестник экономической интеграции. — 2012. — № 2. — С. 210–222.

8. *Кондратенко А. И.* Демографическая безопасность как условие защиты национальных интересов современной России // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — Т. 10, № 5. — С. 73–78.

9. *Косьмин А. Д., Косьмина Е. А.* Проблемы обеспечения демографической безопасности России. — М.: Изд-во «Экономика», 2015. — 212 с.

10. *Кузьмин А. И.* Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. — 2013. — № 4(51). — С. 62–69.

11. *Медков В. М.* Демографические прогнозы ООН для мира и России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2008. — № 1. — С. 135–151 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11671379_42495858.pdf.

12. *Механик А.* Жаль: О выгорании умов и характеров и об экономическом росте // Эксперт. — 2018. — № 3 (1059). — С. 82–84.

13. *Милованова Ю. К.* Демографическая политика в Российской Федерации и ее влияние на национальную безопасность // Новая наука: Стратегии и векторы развития. — 2016. — № 118–2. — С. 261–263.

14. *Панова Т. В.* Демографические аспекты национальной безопасности России // Экономические науки. — 2017. — № 51. — С. 30–33.

15. *Попова Е. Г.* Любовь как главная ценность человека // Семья и будущее России: материалы международной научно-практической конференции (1–2 марта 2007 г.) — Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2007. — С. 131–136.

16. *Соболева С. В., Чудаева О. В.* Демографическая безопасность России: факторы, проблемы, индикаторы // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск: СО РАН, 2008. — С. 589–602.

17. Социокультурные трансформации подростковой субкультуры: Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. XX / под ред. В. С. Собкина. — М.: Центр социологии образования РАО, 2006. — 167 с.

18. Стратегия демографического развития России / под ред. В. Н. Кузнецова и Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. 208 с. [Электронный ресурс]. URL: http://isprras.ru/pics/File/books/Demographyc%20strategy%20of%20Russia.pdf (дата обращения 30.01.2018).

19. *Талалаева Г. В.* Количество или качество народонаселения? (дополняют или противостоят друг другу эти понятия в демографической политике России XXI века?) // Материалы Круглого стола по обсуждению проекта «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года». — Екатеринбург, 2001. — С. 16–20.

20. *Талалаева Г. В., Павлов Б. С.* Демографические аспекты самосохраняющего поведения молодежи. — Екатеринбург: Российская акад. наук, Уральское отделение, 2008. — 146 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19665531.

21. *Талалаева Г. В.* Титульная или гибридная нация: актуальная проблема демографии Урала // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сб. материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред.: А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. — Екатеринбург, 2015. — С. 361–367 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24667310.

22. *Талалаева Г. В., Пономарева О. Я.* Диалог поколений по проблеме бытия и отношения к здоровью с позиций междисциплинарного подхода // Семья и будущее России: материалы международной научно-практической конференции (1–2 марта 2007 г.) — Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2007. — С. 141–143.

23. *Ткачук Е. А., Тармаева И. Ю.* Нервно-психическое развитие детей дошкольного возраста в условиях информатизации // Гигиена и санитария. — 2014. — № 6. — С. 23–26.

24. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html (дата обращения 30.01.2018).

25. *Хайрова Д. Р.* Демографическая безопасность России: современное состояние и угрозы // Контентус. — 2017. — № 8(61). — С. 44–57.

26. *Шакмаева А. Р.* Значение категории «демографическая безопасность» в специальных дисциплинах профессиональной подготовки студентов в сфере экономической безопасности // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2015. — Т. 3. — № 12. — С. 342–349.

27. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. — М.: «Эксмо», 2016. — 138 с.

Информация об авторе

Талалаева Галина Владленовна — доктор медицинских наук, доцент, профессор, ФГБОУ ВО Уральский институт ГПС МЧС России (Россия, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 22; e-mail: gvtalal@mail.ru).

Talalaeva G. V.

Demographic Safety of Expected Reproductive Behavior of Young Employees Emergency of Russia

The relevance of the topic is related to the development in Russia of a digital economy that modifies the demographic behavior of young people. Earlier we showed (G. V. Talalayeva, B. S. Pavlov, 2008) that young demobilization officers of Russia's power and rescue services are experiencing a demographic transition against the background of an intrapersonal conflict with signs of anomies, the ambivalence of reproductive plans, and the discord of declared and implemented marital behavior. This study, with a lag of ten years, clarifies the scenario of the demographic transition by the example of the cadets of the Urals Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia. 104 respondents were interviewed. The rating of qualities of potential spouses is made, according to respondents, important for a happy marriage. As a benchmark, a rating based on a survey of students at the Ural Federal University (E. G. Popova, 2007) is used. It is shown that in the ratings of 2007 and 2017 is different. Love of children as the parent settings occupy different positions. In 2007, two system-forming clusters were identified in the ranking of masculine qualities. The first (social) included masculinity, education, physical strength; second (reproductive) — love of children, sexuality, material security. In the ranking of 2017, three clusters of qualities were identified. The first (socio-economic) was education, material security, masculinity, love of children; second (reproductive) — physical strength; the third (psychophysiological) — cleanliness, sexuality, generosity, decency, beauty. Love for children,

previously associated with sexuality and material security, in the rating of 2017 was separated from these qualities. Reproductive behavior as such in 2017 is distanced from its social and biological basis (from the need for education, material security and sexuality). The results indicate the predominance of the cadets' self-preserving behavior over reproductive behavior, their readiness to integrate into the digital economy; are a signal for optimizing the demographic policy of the state, which is currently aimed at increasing the population of the country.

Keywords: demographic security, reproductive behavior, fourth industrial revolution.

Reference

1. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. Time of social community. — Ekaterinburg: publishing house of the Humanitarian University, 2017. — 347 p.

2. Antonov A. I. Modern population dynamics and priorities of family and demographic policy // Management of social changes in unstable conditions: All-Russian scientific conference; May 24, 2016 Moscow, MSU: Conference proceedings / Under the general / Ed. V. P. Vasilyeva. — Moscow: MAX Press, 2016. — P. 511–516.

3. Beck U. Risk Society: Towards Another Modernity / Trans. with him. V. Sedelnik, N. Fedorova — M. Progress-Traditsiya, 2000. — 363 p.

4. Belkin V. D., Vishnevsky A. G., Storozhenko V. P. Plan-Avenue of the White Book «Russia on the Threshold of the Third Millennium: Problems and Prospects» (short version) // Economic Science of Modern Russia. — 1998. — No.1. — P. 74–90.

5. Bondarenko N. A., Syupova M. S. Forms of manifestation of the demographic security of the region and assessment of its threats // Bulletin of the Pacific State University. — 2017. — No. 3 (46). — P. 183–190.

6. Vishnevsky A. G. Demographic transition and the hypothesis of hyperbolic population growth // Demographic Review. — 2018. — No. 5. — P. 64–105. Access mode https://doi.org/https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7710 (reference date is 30/01/2018).

7. Kolesnikov L. F., Kosmin A. D. Demographic security of Russia: state, trends and prospects // Vestnik of economic integration. — 2012. — No. 2. — P. 210–222.

8. Kondratenko A. I. Demographic security as a condition of protection of national interests of modern Russia // Srednerussky Vestnik of Social Sciences. — 2015. — T. 10. — No. 5. — P. 73–78.

9. Kosmin A. D., Kosmina E. A. Problems of Ensuring the Demographic Security of Russia. — M.: Izdatelstvo «Ekonomika», 2015. — 212 p.

10. Kuzmin A. I. Socio-economic factors of fertility in the light of the concept of demographic transition // Uchenye zapiski Transbaikalia State University. Series: Philosophy. Culturology. Sociology. Social work. — 2013 . — No. 4 (51). — P. 62–69.

11. Medkov V. M. UN Demographic Projections for the World and Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. — 2008. — No. 1. — P. 135–151.

12. Mechanic A. Zhal: On the burning out of minds and characters and on economic growth // The expert. — 2018. — No. 3 (1059). — P. 82–84.

13. Milovanova Yu. K. Demographic Policy in the Russian Federation, and Its Impact on National Security // New Science: Strategies and Vectors of Development. — 2016. — No. 118–2. — P. 261–263.

14. Panova T. B. Demographic Aspects of National Security of Russia // Economic Sciences. — 2017. — No. 151. — P. 30–33.

15. Popova E. G. Love as the main value of man // Family and the Future of Russia: Materials of the International Scientific and Practical Conference (March 1–2, 2007) — Ekaterinburg: Ural Humanitarian Institute, 2007. — P. 131–136.

16. Soboleva S. V., Chudaeva O. V. Demographic Security of Russia: Factors, Problems, Indicators // Russia and Russians in the New Century: Challenges of Time and Horizons of Development: Studies of the Novosibirsk Socio-Economic School. Russian Academy of Sciences,

Siberian Branch, Institute of Economics and Industrial Engineering. — Novosibirsk, 2008. — P. 589–602.

17. Sociocultural transformations of the teenage subculture: Proceedings on the Sociology of Education. T. XI. Issue. XX / Ed. V. S. Sobkin. — Moscow: Center for Sociology of Education, Russian Academy of Education, 2006. — 167 p.

18. The Strategy of Russia's Demographic Development / Edited by V. N. Kuznetsova and L. L. Rybakovsky. — M., 2005. — 208 p. URL: http://isprras.ru/pics/File/books/Demographyc%20strategy%20of%20Russia.pdf (reference date is 30/01/2018).

19. Talalaeva G. V. Number or quality of population? (complement or oppose each other these concepts in the demographic policy of Russia in the 21st century? // Materials of the Round Table on the discussion of the project «Concepts of the Demographic Policy of the Russian Federation for the Period to 2015». — Ekaterinburg, 2001. — P. 16–20.

20. Talalaeva G. V., Pavlov B. S. Demographic aspects of self-preserving behavior of youth. — Ekaterinburg: Russian Acad. Sciences, the Ural branch, 2008. — 146 p. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19665531 (reference date is 30/01/2018).

21. Talalaeva G. V. Title or hybrid nation: an urgent problem of the Urals' demography // Socio-economic and spatio-temporal features of the development of demographic processes in the regions of Russia: a collection of materials of the VI Ural Demographic Forum with international participation / Otv. Ed.: A. I. Tatarkin, A. I. Kuzmin. — Ekaterinburg, 2015. — P. 361–367. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24667310 (reference date is 30/01/2018).

22. Talalaeva G. V., Ponomareva O. Ya. Dialogue of generations on the problem of being and attitude to health from the standpoint of an interdisciplinary approach // Family and the Future of Russia: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (1–2 March 2007). — Ekaterinburg: Ural Humanitarian Institute, 2007. — C. 141–143.

23. Tkachuk E. A., Tarmaeva I. Yu. Neuropsychic development of children of preschool age in conditions of informatization // Hygiene and Sanitation. — 2014. — No. 6. — P. 23–26.

24. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 №. 204 «On national goals and strategic tasks of the development of the Russian Federation for the period until 2024»/ URL: https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html (reference date is 30/01/2018).

25. Khayrova D. R. Demographic Security of Russia: Current State and Threats // Content. — 2017. — No. 8 (61). — P. 44–57.

26. Shakmayeva A. R. The significance of the category «demographic security» in special disciplines of professional training of students in the sphere of economic security // Economics and management: problems, solutions. — 2015. — T. 3. — No. 12. — P. 342–349.

27. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. — Moscow: «Exmo», 2016. — 138 p.

Author

Talalaeva Galina Vladlenovna — Doctor of Medical Sciences, Professor, Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia (Russia, Yekaterinburg, 620062, Mira st., 22; e-mail: gvtalal@mail.ru).

УДК 331.55

Тимошенко М. В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ И ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ[1]

Статья посвящена проблемам выявления и оценки факторов, инициирующих территориальные перемещения населения и служащих для обоснования текущих целей регулирования миграции трудовых ресурсов.

Ключевые слова: миграция, факторы и условия миграции, регулирование, миграционный климат

Множественность политических, экономических, демографических, социальных, правовых и других факторов, инициирующих перемещения населения, и существующая возможность целенаправленного на них воздействия во многом определяют формирование и функционирование системы регулирования миграции трудовых ресурсов. Совокупность условий жизнедеятельности, на наш взгляд, формирует благоприятный или неблагоприятный «фон» для осуществления территориальных перемещений, проживания и трудоустройства. Мы в полной мере согласны с мнением Л.Л. Рыбаковского, что факторами миграции можно называть лишь те элементы объективно сложившейся совокупности условий, которые непосредственно воздействуют на явление [5, с. 78–82]. Результаты исследования концептуальных подходов к определению факторов территориального перемещения трудовых ресурсов приведены в таблице.

Среди рассмотренных концепций весьма сложно выделить доминирующую, поскольку, по нашему мнению, ни одна из них не в состоянии объяснить все феномены данного явления. Однако, базируясь на тщательном анализе и обобщении их исходных положений, можно выделить основные группы обстоятельств, на различных уровнях инициирующих и поддерживающих желание работников к смене места жительства и приложения труда:

1) микроуровень (под микроуровнем понимается индивид, осуществляющий миграцию, и мигрантское домохозяйство): индивидуально-психические особенности личности; индивидуальный доход и совокупный доход семьи; социальный статус и возможности для социального развития; график имеющейся работы и режим труда; уровень образования; возраст; наличие и состав семьи; наличие в собственности жилья; получаемые льготы; уплачиваемые налоги; стратегия семьи; доступность общественных благ в регионах выезда и прибытия; наличие материальных средств для миграции без существенного ущерба для благосостояния семьи; ожидаемый доход в месте прибытия; наличие родственников и друзей в предполагаемом месте прибытия; предполагаемая вероятность

[1] © Тимошенко М. В. Текст. 2018.

Таблица 1

Факторы, инициирующие перемещение трудовых ресурсов, в соответствии с различными теориями миграции

Представители	Факторы миграции	Достоинства	Недостатки
Теории возникновения миграции			
Неоклассическая теория			
Дж. Хикс, Д. Массей, Дж. Харрис	Дифференциация заработной платы, обусловленная различиями в состоянии рынка труда и условиях занятости, неравным распределением факторов производства (макроуровень)	Выделены ключевые экономические факторы, инициирующие трудовую миграцию	Излишне упрощается действительность; расхождение теории с эмпирическими данными
М. Тодаро, Л. Маружко	Экономическая и социальная политика, затрагивающая доходы населения и условия занятости (макроуровень); ожидаемые, а не фактические различия между уровнями оплаты труда в принимающем и отдающем трудовые ресурсы регионах; вероятность получения работы на новом месте (микроуровень)	Построена модель, отражающая роль миграции в выравнивании доходов в принимающих и отдающих регионах; уделено внимание выявлению причин миграции из сельской местности в города	Не рассматриваются экономические факторы международной миграции, связанные с процессами глобализации
Новая экономическая теория трудовой миграции			
Е. Катц, Р. Арнольд, Дж. Минсер	Реализация стратегии домохозяйства, нацеленной на рост доходов и диверсификацию их источников (микроуровень)	Произведена попытка объединить экономический, социальный, психологический подходы при объяснении причин миграции работников	Принятие решения отдельным домохозяйством рассматривается в отрыве от внесемейных факторов; не учитывается государственное регулирование
О. Старк, Дж. Тейлор	уровень доходов окружения семьи, принимающей решение о миграции; занимаемое социальное положение (микроуровень)		
Теория двойного рынка труда			
М. Пиоре, А. Портес	Структурные потребности экономики в принимающих регионах, выражающиеся в раздвоении рынков труда (межрегиональные различия в оплате труда не являются	Объяснено отсутствие значимого воздействия миграции на уровень оплаты труда и занятость	Не уделяется внимание факторам миграции на уровне домохозяйства

Представители	Факторы миграции	Достоинства	Недостатки
	определяющими) (макроуровень)	в принимающих трудовые ресурсы регионах	
Теория индивидуального выбора			
Г. Беккер, Дж. Борджас, Б. Чизвик, Дж. Мюнцер	Получаемый доход и наличие материальных средств для реализации трудовой миграции; образование, возраст, наличие семьи; предполагаемые издержки миграции, в т. ч. психологические; график работы и режим труда; вероятность трудоустройства на новом месте; ожидаемый доход; получаемые льготы и уплачиваемые налоги (микроуровень)	Трудовая миграция исследуется с точки зрения инвестиций в развитие человеческого капитала; принятие решения о миграции рассматривается на основе оценивания индивидом выгод и издержек территориального перемещения	Не учитывается государственное регулирование; характеризуется упрощенностью (предполагает совершенное предвидение индивидом результатов миграции)
Теория «притяжения — выталкивания»			
Г. Джером, Э. Ли	Одновременное действие «выталкивающих» макроэкономических условий и «притягивающих» факторов в регионах выбытия и приема соответственно (макроуровень); неудовлетворительные условия существования индивида (факторы «выталкивания»); высокий уровень ожидаемых доходов, отсутствие языковых барьеров и др. (факторы «притяжения») (микроуровень)	Осуществлен комбинированный подход, совмещающий действие факторов в регионах — донорах рабочей силы и регионах-реципиентах	С целью упрощения предполагается, что рынок труда свободен для перемещения
Теория исторического структурализма			
С. Кастлес, Г. Козак, М. Миллер, П. Стокер	Дифференциация уровней развития различных регионов; государственное регулирование миграционных потоков; хозяйственная деятельность крупных корпораций (макроуровень)	Акцентировано внимание на роли государственных воздействий в формировании миграционных потоков трудовых ресурсов	Упускаются из вида предпочтения домохозяйств

Окончание табл. 1

Окончание табл. 1

Представители	Факторы миграции	Достоинства	Недостатки
Теория обратной связи экономических циклов			
Б. Томас	Чередование циклических фаз экономического развития государств, вызывающее международную циркуляцию трудовых ресурсов (макроуровень)	Осуществлена попытка своеобразного синтеза кейнсианского и неоклассического подходов	Не рассматривается микроуровень; противоречит тенденциям притока мигрантов в развитые страны даже в условиях экономического спада
Концепция «геоэкономики»			
Э. Люттвак	Состояние мирового рынка труда, не имеющего четко обозначенных границ; мировая динамика политических, экономических, демографических процессов (глобальный уровень)	Расширен спектр факторов; объясняются устойчивые потоки трудовых ресурсов из одних регионов в другие	Не рассматривается микроуровень; не учитывается внутренняя политика государств
Теория мировых систем			
И. Уоллерстейн, С. Сассен, Э. Петрас	Процессы глобализации, модифицирующие взаимоотношения между нанимателями и работниками; развитие технологий, появление новых средств связи и т. д.; наличие культурно-исторических связей между бывшими метрополиями и колониями (глобальный уровень)	Расширен спектр факторов, воздействующих на развитие международных трудовых миграций	Не рассматривается микроуровень; не учитывается внутренняя экономическая и социальная политика государств
Теории постоянной миграции			
Теория кумулятивной обусловленности			
Г. Мюрдаль	Способность процессов трудовой миграции к самовоспроизводству (социально-экономические и культурно-психологические изменения в обществе, вызванные трудовой миграцией, порождают дальнейшее расширение перемещений трудовых ресурсов) (макроуровень)	Используются элементы синергетического подхода к изучению социальной реальности	Недостаточная роль отводится государственному регулированию миграционных процессов; не учитывает индивидуальный характер данного явления

Представители	Факторы миграции	Достоинства	Недостатки
Теория социальной сети			
Д. Массей, Г. Хьюго, Дж. Тейлор, Дж. Госс, Б. Линдквист	Созданные «мигрантами-первопроходцами» социальные сети (объемы перемещений не обязательно зависят от уровня заработной платы и занятости в принимающем регионе, поскольку расширяющиеся социальные сети снижают риски и затраты на переезд и автономно поддерживают миграционный процесс) (микроуровень)	Акцентировано внимание на процессе принятия решения о миграции индивидом; среда, в которой принимается решение о миграции, рассматривается в динамике, что расширяет круг причин, активизирующих перемещение населения	Не учитываются факторы макроуровня; незначительная роль отводится государственному регулированию миграционных процессов
Институциональная теория			
Х. Ченг, О. Уильямсон	Непосредственное участие государства; действие субъектов рынка труда; специфика социального контракта между государством и обществом; действие неформальных институтов (традиций, культурных норм и ценностей) (макроуровень)	Миграционный процесс рассматривается с точки зрения взаимных связей между основными агентами, действующими на рынке труда	Упускается из вида процесс принятия решения на уровне индивида (домохозяйства)
Теория миграционных систем			
Х. Злотник, М. Критц	Принимаются во внимание все факторы, исследуемые в предшествующих концепциях трудовой миграции (исследуются микро-, макро- и глобальный уровни)	Осуществлена попытка синтеза всего выработанного в рамках различных концепций теоретического знания о факторах трудовой миграции с учетом эмпирического материала	Не рассматривается внутристрановая миграция работников

Примечание. Составлено автором на основе: [1; 2, с. 544–545; 3, с. 26; 8; 9; 10, с. 12–47; 11, с. 121, 131–135, 243–248; 12, с. 94–117, 178–194; 14, с. 3–26; 15; 16, с. 32–37; 17, с. 173–178].

трудоустройства; информированность о состоянии рынка труда в регионе прибытия; знание языка, близость культур, общность традиций;

2) региональный и макроуровень: обеспеченность факторами производства; проводимая социальная и внутренняя экономическая политика; структурные изменения в экономике; конъюнктура рынка труда и уровень занятости; уровень оплаты труда; темпы инфляции; политическая устойчивость; экологическая обстановка, климатические особенности; демографическая ситуация; состояние кредитно-финансовой системы; размещение, уровень развития промышленного, сельскохозяйственного производства, сферы услуг; инвестиционные программы; внешнеторговая политика; политика в области внешней и внутренней миграции; инновационная деятельность; хозяйственная деятельность крупных корпораций; состояние системы образования; неформальные институты (традиции, обычаи, социальные нормы и т. д.);

3) глобальный уровень: неравномерность обеспеченности факторами производства; международное разделение труда; развитие международных экономических отношений; международная экономическая интеграция; взаимозависимость национальных хозяйств; неравномерность циклических фаз экономического развития государств; мировая политическая, экономическая, демографическая динамика; транснационализация производства, глобализация.

Данные условия и факторы миграции представлены в обобщенном виде. Четкое разграничение условий и факторов затруднено, поскольку многоаспектность феномена миграции предполагает высокую вариативность сочетаний условий и факторов при каждом единичном факте территориальных перемещений.

На наш взгляд, одни и те же факторы одновременно стимулируют работников к территориальному перемещению и оказывают стабилизирующее воздействие на данный процесс. При этом характер их влияния зависит от соответствия сложившихся обстоятельств в месте проживания и трудоустройства работника и реальных (или ожидаемых) условий жизнедеятельности в регионе потенциальной миграции. Миграция трудовых ресурсов по своей природе явление социально-экономическое, складывающееся из бесконечного множества индивидуальных актов территориальных перемещений на основе субъективного оценивания условий окружающей среды. Следовательно, выделенные нами факторы не только объективно воздействуют на направленность и интенсивность миграции, но и, преломляясь в индивидуальном, групповом и общественном сознании, приобретают субъективный характер, т. е. оказывают опосредованное влияние на перемещение трудовых ресурсов. На этой основе для социальных по своей сути явлений Л.Л. Рыбаковский предложил трехчленную схему, в которой промежуточным звеном между фактором и инициируемым им действием является причина [5, с. 78–82]. Суть его рассуждений, логически дополненная нами, схематично представлена на рисунке.

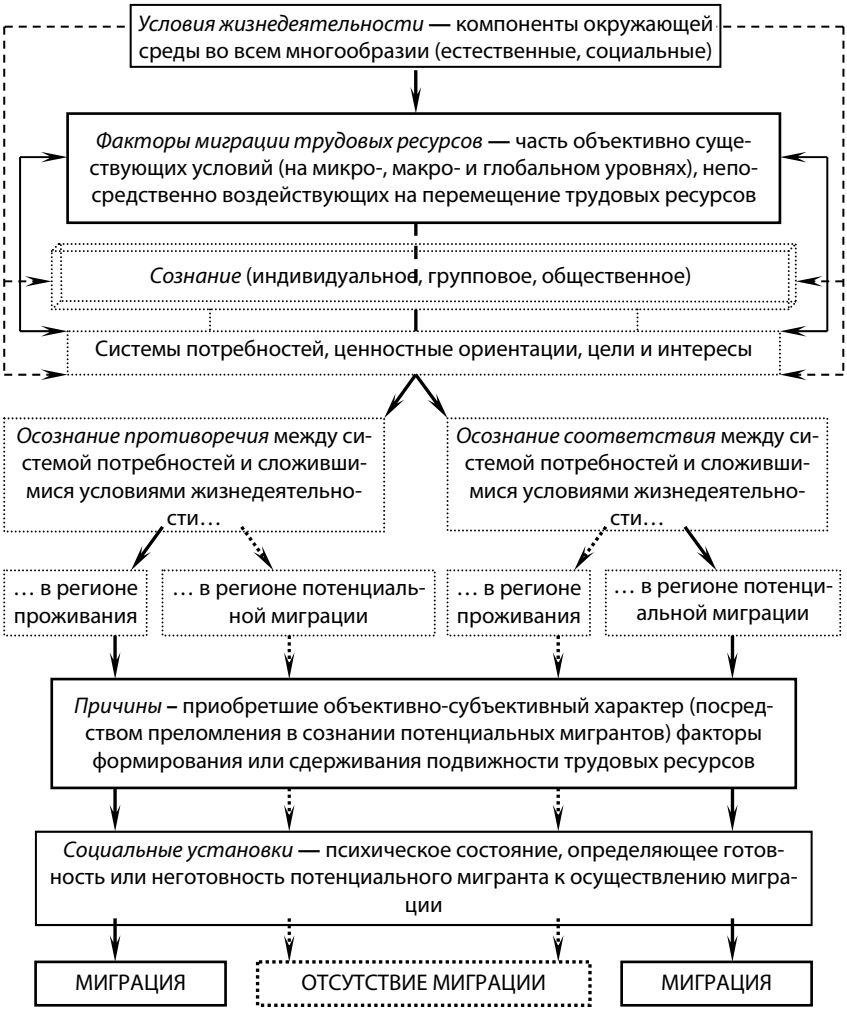


Рис. *Действие факторов миграции трудовых ресурсов (составлено на основе [5, с. 78–82])*

По мнению ученого, факторы преобразовываются в причины миграции на этапе осознания индивидом противоречий между внутренними потребностями и условиями окружающей среды, которые при достижении достаточной степени остроты формируют определенные социальные установки и активизируют мобильность. На наш взгляд, противоречие возникает лишь с условиями-факторами, характеризующими действие

выталкивающих сил. Если же речь идет о «силах притяжения», то перемещение осуществляется на основе осознания потенциальным мигрантом соответствия собственных ценностных установок, потребностей, целей и интересов существующим или ожидаемым условиям в месте прибытия, что отражено в нижней части рисунка.

Полагаем, что значимую роль в регулировании социальных процессов в целом играет воздействие на условия жизнедеятельности населения (верхняя часть рисунка), поскольку они формируют благоприятную или неблагоприятную среду для проживания и осуществления трудовой деятельности и изначально являются основой формирования мировоззрения (ценностных ориентаций, убеждений и принципов) любого члена общества и, следовательно, находят отражение в иерархии потребностей, в соответствии с которыми принимается решение о смене места приложения труда. Такое регулирование весьма долгосрочное, поскольку для формирования определенных социальных установок в обществе необходим продолжительный период времени. Вместе с тем изменение условий жизнедеятельности населения в ракурсе наиболее полного удовлетворения потребностей, и прежде всего базовых, имеет перспективный и фундаментальный характер. И, на наш взгляд, только таким образом возможно воздействие на причины миграции (нижняя часть рисунка).

По нашему мнению, наличие субъективной составляющей изменяет силу воздействия различных факторов на миграционные процессы и степень их регулируемости. С точки зрения восприимчивости к государственным регулирующим воздействиям Т.И. Заславская разграничивает факторы миграции на неуправляемые и управляемые, отмечая, что последние всегда социальны (носят неэкономический или социально-экономический характер), поскольку лежат в сфере общественных отношений и призваны влиять на социальное поведение людей [4, с. 56–57]. Отметим, что выделенные нами условия-факторы микроуровня преимущественно являются неуправляемыми, но косвенно регулируемыми государством. Факторы же регионального и макроуровня в основном являются управляемыми. Мы в полной мере согласны с мнением Т.И. Заславской, что условно-неуправляемые факторы миграции, зависящие от социально-психологических характеристик личности, поддаются воздействию на основе расширения информированности населения об условиях жизни в различных местах, возможностях переселения и трудоустройства [4, с. 58–59].

Таким образом, совокупность условий внешней среды определяет объемы, направления и интенсивность миграционных потоков трудовых ресурсов, оказывающих противоречивое влияние на различные аспекты экономической и социальной реальности, и предопределяет возникновение стремления государства к извлечению максимальных выгод от миграции и потребности в нивелировании неблагоприятных ее последствий для развития хозяйственной системы. Возвращаясь к схеме, предложенной Л.Л. Рыбаковским (см. рисунок), отметим, что государственным

воздействиям наиболее подвержены объективно существующие условия-факторы и в меньшей мере — причины, имеющие субъективно-объективный характер. На наш взгляд, воздействуя на условия жизнедеятельности, устраняя территориальные и межпоселенные их различия, государство имеет возможность с достаточной оперативностью косвенно регулировать процессы перемещения трудовых ресурсов с целью получения системного положительного эффекта для национальной экономики.

В соответствии с изложенным выше, одной из основных функций регулирования перемещений населения, формирующей информационную базу для определения направлений воздействий, является мониторинг и комплексный сравнительный анализ условий среды. Полагаем, целесообразным является введение в научный оборот понятия «миграционный климат», что позволяет облегчить описание и системный анализ совокупности условий, формирующих или сдерживающих территориальные перемещения трудовых ресурсов, а следовательно, определить направления регулирующих воздействий. Несмотря на метафоричность, понятие «климат», вошедшее в экономический терминологический инструментарий из метеорологии и адаптированное теорией финансов применительно к описанию условий инвестирования, выступая полезной и удобной формой абстракции, позволяет достаточно четко и комплексно оценивать среду, в которой протекают миграционные процессы, как благоприятную, содействующую притоку ресурсов труда в экономику, или неблагоприятную, приводящую к оттоку работников в направлении стран (регионов, населенных пунктов) со сравнительно более приемлемыми условиями жизнедеятельности. Использование данной категории позволяет в дальнейших исследованиях характеризовать условия и факторы формирования и сдерживания потоков определенной интенсивности и направленности, сравнивать территории и выстраивать их рейтинги в зависимости от степени их привлекательности для миграционного притока.

Для включения в научный оборот понятия «миграционный климат», на наш взгляд, существуют следующие объективные предпосылки:

а) тесное взаимопереплетение политических, экономических, социальных, демографических, экологических «сил», воздействующих на перемещения трудовых ресурсов;

б) механизм принятия решения о миграции, основанный на комплексном оценивании индивидом широкого спектра преимуществ проживания и уровня благосостояния (т. е. миграционного климата в целом) в принимающем регионе в сравнении с регионом выбытия;

в) расширение объемов территориальных перемещений трудовых ресурсов, а следовательно, увеличение потребности в обобщенной информации об условиях миграции как для субъектов регулирования, так и для потенциальных мигрантов [6, с. 378].

Итак, под миграционным климатом, по нашему мнению, целесообразно понимать совокупность политических, экономических, правовых,

информационных, социокультурных, демографических и других условий для формирования и реализации территориальной и территориально-отраслевой мобильности трудовых ресурсов. На наш взгляд, это комплексная объективно-субъективная категория, поскольку объединяет как реально сложившиеся условия для движения работников, так и субъективное оценивание их потенциальными мигрантами. Подвижность населения является воплощением решений индивидов как результат их субъективной оценки сложившихся условий. В результате трудовые ресурсы перемещаются в географическом пространстве в том направлении, где миграционный климат для них более предпочтителен.

Миграционный климат тесно взаимосвязан с регулированием миграции, направленным на создание условий для привлечения, сдерживания притока или стимулирования оттока трудовых ресурсов на уровне страны, региона, населенного пункта. Государство может в определенной мере корректировать состояние миграционного климата, усиливая или сглаживая действие сил притяжения и выталкивания трудовых ресурсов. При этом миграционный климат, с одной стороны, определяет стартовые условия для разработки направлений регулирования перемещений населения, с другой — является результатом реализации государственных воздействий. Совокупность условий, определяющих миграционный климат для различных видов миграции, вследствие их гетерогенной природы, разнообразна по количеству и составу и может включать различные комбинации условий-факторов, отраженных выше. С позиции регулирования миграции трудовых ресурсов, на наш взгляд, целесообразно выделить ключевые, подверженные воздействиям со стороны государства, укрупненные составные части миграционного климата, характеризующиеся комплексами показателей:

1) Элементы, отражающие исходные условия для разработки системы регулирования миграции:

— уровень и качество жизни населения — пространственная дифференциация социально-экономических условий жизни, а также различия в состоянии политической и экологической среды, воздействуют на стремления к смене места жительства и трудоустройства;

— состояние рынка труда — различные соотношения спроса и предложения труда создают дифференциацию в возможностях трудоустройства, а следовательно, находят отражение в развитии процессов миграции;

— деятельность субъектов хозяйствования — объем совокупного спроса нанимателей на труд и возможности его расширения являются одной из детерминант формирования миграционных потоков, что в свою очередь определяется финансовым положением, состоянием материально-технической базы и кадровой политикой организаций.

2) Элементы, отражающие результаты реализации регулирующих воздействий:

— позиция органов власти и соответственно осуществляемые ими регулирующие воздействия в отношении внутренней и внешней миграции трудовых ресурсов — дифференциация подходов в регулировании перемещений населения и состояния нормативно-правовой базы, отличающихся большей или меньшей степенью либерализации, формируют различные условия для физического переезда (или выезда-въезда для внешней миграции), поселения и доступа на рынки труда для иногородних и иностранных граждан;

— развитие международных экономических отношений (для внешней миграции) — взаимозависимость национальных экономик, интеграционные процессы, двусторонние и многосторонние международные договоры и соглашения, регулирующие движение населения между странами, воздействуют на соотношение сил притяжения и выталкивания трудовых ресурсов.

Мы в полной мере согласны с Н. Фонер, по мнению которой сравнительный подход к миграциям позволяет раскрыть условия и факторы, влияющие на конечный результат миграции [13, с. 48]. В настоящее время актуальной является проблема диагностики совокупности исходных условий для формирования миграционной подвижности, результаты которой могут явиться основой для ранжирования стран (административно-территориальных образований в рамках одной страны) с позиции миграционной привлекательности и разработки направлений регулирования территориальных перемещений населения. Учитывая это, нами предлагается к использованию методика сравнительной оценки миграционного климата в различных государствах (регионах), состоящая из нескольких этапов [6, с. 379–383]:

1) формирование системы показателей для оценки миграционного климата по пяти выделенным выше элементам: уровень и качество жизни населения, состояние рынков труда, деятельность субъектов хозяйствования, позиция органов власти в отношении миграции трудовых ресурсов (преимущественно для межстрановых сравнений), активность включения в международные экономические отношения (преимущественно для межстрановых сравнений);

2) сравнительный анализ исследуемых территорий по группам показателей;

3) нормализация значений входящих в группы показателей для каждой территории;

4) расчет обобщенного индекса миграционного климата для каждой территории;

5) ранжирование исследуемых территорий по степени привлекательности миграционного климата для притока трудовых ресурсов.

Предлагаемая методика разработана для целей управления миграцией трудовых ресурсов, поэтому не охватывает обстоятельства на микроуровне, являющиеся преимущественно условно-неуправляемыми, воздействие

на которые можно осуществлять лишь опосредованно, путем регулирования условий-факторов регионального и макроуровня. Формирование групп показателей, заложенных в основу анализа, осуществляется с позиции прямого или косвенного отражения ими условий жизнедеятельности, благоприятствующих мобильности трудовых ресурсов или ее сдерживающих. Отметим, что в зависимости от уровня проводимой оценки (страны, регионы, отдельные населенные пункты), специфики поставленных задач, интересов исследователей и потребителей конечной информации, формирующейся в результате диагностики, состав показателей в группах может изменяться, а также дополняться другими показателями, которые дают возможность судить о состоянии миграционного климата. Важно обозначить, что основными принципами отбора показателей, на наш взгляд, должны быть их представительность, достоверность, простота и доступность для широкого круга аналитиков, сопоставимость по времени, территории и содержанию и возможность использования официальных статистических данных.

Ранжирование осуществляется на основе сведения входящих в группы показателей к относительным уровням (нормализации). При этом учитывается, является ли максимальное значение каждого показателя наилучшим с позиции наибольшей привлекательности страны (региона) для миграции. Подобный подход позволяет привести значения показателей к унифицированной шкале измерений в интервале от нуля до единицы, так чтобы значение «0» соответствовало наименьшей привлекательности исследуемой территории для миграции, а значение «1» — наибольшей. Расчет обобщенного индекса на основе нормализованных значений показателей производится по формуле простой средней арифметической, исходя из допущения о равенстве составляющих компонент для характеристики привлекательности страны (региона) для миграции трудовых ресурсов. Чем ближе величина итогового индекса к 1, тем большей притягательной силой обладает регион для привлечения мигрантов и тем более высокое место ему присваивается в ходе ранжирования.

Заинтересованность в подобного рода ранжировании стран, регионов, прежде всего, возникает у органов государственного регулирования, а также у потенциальных мигрантов, которые зачастую имеют весьма слабое представление о реальных условиях проживания и трудоустройства, сложившихся в предполагаемых странах (регионах) прибытия.

Предлагаемая методика направлена на содействие решению следующих задач [7, с. 59]:

— систематизация информации об условиях для миграции трудовых ресурсов в различных странах (регионах);

— отражение ситуации в виде рейтингов стран (регионов), что наиболее доступно для различного уровня заинтересованных в подобного рода информации потребителей;

— совершенствование инструментария привлечения трудовых ресурсов;

— оптимизация международных, межрегиональных и межпоселенных миграций;

— стратегическое планирование и разработка направлений регулирования миграции на национальном, региональном и местном уровнях;

— создание более благоприятного миграционного климата в регионах, испытывающих дефицит труда;

— отражение степени достижения поставленных целей в регулировании развития миграционной подвижности трудовых ресурсов.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что исследование сложившихся в истории экономической мысли концептуальных подходов к определению факторов территориального перемещения трудовых ресурсов позволяет выделить основные группы обстоятельств (на микро-, макро- и глобальном уровнях), инициирующих и поддерживающих желание работников к смене места приложения труда, воздействие которых может характеризоваться как стимулирующее к перемещению или как стабилизирующее. Наличие субъективной составляющей при восприятии и оценивании условий-факторов отдельными членами общества, базирующейся на сложившихся внутренних системах потребностей и ценностных установках, существенным образом изменяет степень их регулируемости.

На данной основе целесообразным представляется введение в научный оборот комплексной объективно-субъективной категории «миграционный климат», использование которого позволяет облегчить характеристику и системный анализ совокупности условий, способствующих перемещениям трудовых ресурсов или сдерживающих мобильность населения, дает возможность сравнивать территории и выстраивать их рейтинги в зависимости от степени привлекательности их для миграционного притока.

Предложенная к использованию методика сравнительной оценки миграционного климата для территориальных перемещений трудовых ресурсов позволит систематизировать информацию об исходных условиях для миграции в географическом разрезе для развития системы регулирования миграции, а также о результатах реализации государственных воздействий, проявляющихся в изменении отдельных элементов миграционного климата в соответствии с поставленными целями; сопоставлять миграционную привлекательность различных территорий, в том числе по основным группам детерминант; совершенствовать инструментарий привлечения и сдерживания оттока трудовых ресурсов в регионах, испытывающих дефицит труда; создаст возможности для осуществления стратегического планирования и проверки достижения поставленных целей регулирования.

Список источников

1. *Греневольд Дж.* Теории миграции и их применение / Нидерл. ин-т междисциплинар. демограф. исслед. — 2005 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/2005/01/migration/11.r.ppt (дата обращения: 15.04.2018).

2. *Колосницына М. Г.* Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования / М. Г. Колосницына, И. К. Суворова // Эконом. журн. ВШЭ. — 2005. — № 4. — С. 543–565.

3. *Метелев С. Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. — 271 с.

4. Миграция сельского населения / Т. И. Заславская [и др.] ; под ред. Т. И. Заславской. — М. : Мысль, 1970. — 348 с.

5. *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика / под ред. Т. И. Заславской. — М. : Наука, 1987. — 199 с.

6. *Тимошенко М. В.* Миграционный климат страны (региона): сущность понятия и методический подход к оценке // Формування ринкової економіки : зб. наук. тр. — спец. вип. : у 3 т. / Київ. нац. екон. ун-т ім. В. Гетьмана ; редкол.: О. О. Бєляєв [та інш.]. — Київ, 2010. — Т. 2: Соціально-трудові відносини: теорія та практика. — С. 377–383.

7. *Тимошенко М. В.* Миграционный климат страны в контексте системного подхода к регулированию перемещений населения // Развитие инновационной экономики: результаты, проблемы, перспективы: сб. науч. статей междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию основания ун-та, Гомель, 9–10 окт. 2014 г./ редкол.: С. Н. Лебедева [и др.]; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. С. Н. Лебедевой. — Гомель : БТЭУ, 2014. — С. 57–60.

8. *Тодаро М. П.* Экономическое развитие : учебник: пер. с англ. под ред. С. М. Яковлева, Л. З. Зевина. — М. : Эконом. факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997. — 671 с.

9. *Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая контрактация»: пер. с англ., науч. ред., вступ. ст. В. С. Катькало. — СПб.: Лениздат, 1996. — 702 с.

10. *Цапенко И. П.* Управление миграцией: опыт развитых стран / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. — М. : Academia, 2009. — 384 с.

11. *Юдина Т. Н.* Социология миграции : учеб. пособие для вузов. — М. : Академ. Проект, 2006. — 272 с.

12. *Castles S.* The age of migration / S. Castles, M. Miller. — 3-ed. — London : Macmillan Press, 2003. — 333 p.

13. *Foner N.* Towards a comparative perspective on Caribbean migration // Caribbean migration: globalised identities / ed. by M. Chamberlain. — New York : Rutledge, 1998. — P. 47–60.

14. *Massey D.* Social structure, household strategies and the cumulative causation of migration // Population index. — 1990. — No. 56. — P. 3–26.

15. *Piore M. J.* Birds of passage: migrant labor and industrial society. — New York : Cambridge University Press, 1979. — 229 p.

16. *Stalker P.* Work of strangers: a survey of international labour migration. — Geneva : ILO, 1994. — 327 p.

17. *Stark O.* The new economics of labor migration / O. Stark, D. Bloom // The American Economic Review. — 1985. — Vol. 75. — No. 2. — P. 173–178.

Информация об авторе

Тимошенко Мария Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой мировой и национальной экономики Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (Республика Беларусь, 246029, г. Гомель, пр. Октября, 50; e-mail: mv_timoshenko@mail.ru).

Timoshenko M. V.

Theoretical and Applied Approaches to the Identification and Estimation of the Factors of Labour Migration

The article is devoted to the problems of identification and estimation of the factors that trigger population movement and serve to justify the current regulatory objectives.

Keywords: migration, labour resources, factors and conditions, regulation, migration climate.

Author

Timoshenko Maria Vladimirovna — PhD, Associate Professor in Economics, Head of the Department of World and National Economy, The Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (Belarus, 246029, Gomel, 50 Prospect Oktyabrya; e-mail: mv_timoshenko@mail.ru).

УДК 314.18 (571.56–17)

Туманова Д. В.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)[1]

Демографическую ситуацию в Республике Саха (Якутия) в целом можно оценить как достаточно благополучную по сравнению с Российской Федерацией и Дальним Востоком. На протяжении последних лет наблюдается устойчивое снижение общего коэффициента смертности. Однако в территориальном разрезе можно отметить более высокий уровень смертности населения в трудоспособном возрасте в северных районах Республики Саха (Якутия). Прежде всего прослеживается дифференциация в показателях смертности у городского и сельского населения. В городских поселениях общий коэффициент смертности либо несколько ниже среднереспубликанского уровня, либо равен ему; в сельской местности наблюдается обратная картина. Общий коэффициент смертности имеет тенденцию к небольшому уменьшению практически во всех районах республики, за исключением 15 районов из 36 муниципальных образований, из которых половина — это северные и арктические районы республики. И для сельской, и для городской местности свойственно сокращение абсолютного числа умерших за 2000–2016 годы. Для северных районов республики характерна более высокая доля умерших в трудоспособном возрасте. В целом по республике, как и в других северных регионах России, доля женщин, умерших в трудоспособном возрасте, значительно ниже доли мужчин. Однако в некоторых районах наблюдается уровень доли женщин, сопоставимый с показателем у мужчин; в основном это северные и арктические районы Якутии. Таким образом, ситуацию в области смертности населения Республики Саха (Якутия) можно оценить как неблагоприятную. Наблюдается рост коэффициентов смертности в отдельных возрастных группах. Высокой остается смертность трудоспособного населения. Сохраняется значительный разрыв между этими показателями у мужчин и женщин. В структуре причин смерти продолжается преобладание причин экзогенного характера, что в целом дает основание предполагать наличие благоприятной возможности для воздействия на процессы смертности населения.

Ключевые слова: смертность, смертность в трудоспособном возрасте, сверхсмертность мужчин, территориальные особенности, северные районы, Республика Саха (Якутия)

Неотъемлемой частью процесса воспроизводства населения является смертность. Смертность населения как важная составляющая процесса естественного движения населения представляется одним из главных факторов, определяющих характер и темпы движения населения Республики Саха (Якутия).

[1] © Туманова Д. В. Текст. 2018.

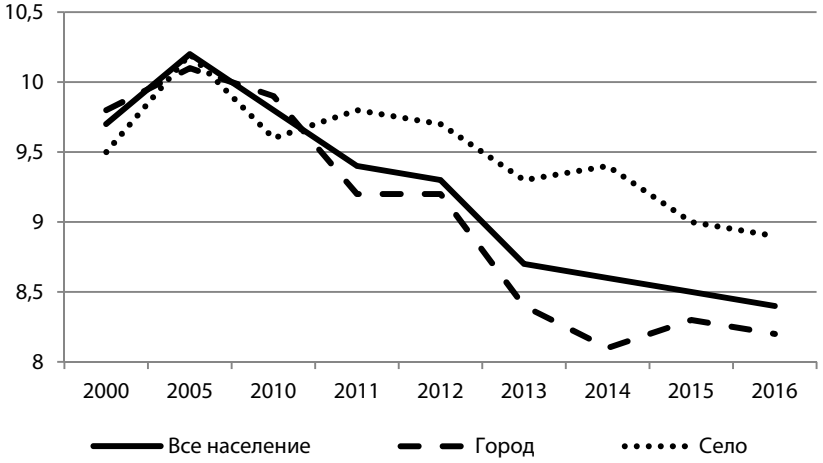


Рис. 1. *Общий коэффициент смертности в Республике Саха (Якутия), на 1000 чел.*

За период 2000–2016 гг. общий коэффициент смертности в целом по Республике Саха (Якутия) понизился с 9,7 до 8,4 ‰, максимальное значение данного коэффициента за рассматриваемый период зафиксировано в 2005 г. (10,2 ‰), минимальное — в 2015 г. (8,5 ‰). В городских поселениях общий коэффициент смертности либо несколько ниже среднереспубликанского уровня, либо равен ему. В сельской же местности наблюдается обратная картина. К примеру, в 2000 г. коэффициент смертности в городской местности был равен 9,8 ‰, а в сельской — 9,5 ‰, в 2016 г. — 8,1 и 9,4 ‰ соответственно (рис. 1).

Общий коэффициент смертности также имеет тенденцию к небольшому уменьшению практически во всех районах республики. Исключение составляют Абыйский, Аллаиховский, Амгинский, Верхневилюйский, Верхнеколымский, Жиганский, Мегино-Кангаласский, Нерюнгринский, Нижнеколымский, Оймяконский, Среднеколымский, Сунтарский, Усть-Янский, Усть-Майский и Усть-Янский районы, где общий коэффициент смертности в 2016 году вырос по сравнению с 2000 годом.

Абсолютное число смертей также уменьшилось за период 2000–2016 гг. В 2000 г. в целом по республике умерло 9325 человек, а в 2016 г. — 8053 человек. В период 2010–2016 гг. наблюдается стойкое снижение абсолютного числа умерших. Так, в 2005 г. умерло максимальное количество человек за рассматриваемый период — 9696, а в 2010 г. уже 9402 человека.

В городской и сельской местности также можно наблюдать небольшое снижение абсолютного числа умерших. Наибольшее число людей в городских поселениях умерло в 2005 г. — 6196 человека. В сельских же поселениях абсолютное число умерших ниже, чем в городских. Так, в 2000 г. оно составило 3269 человек, в 2016 г. — 2942 человека (рис. 2).

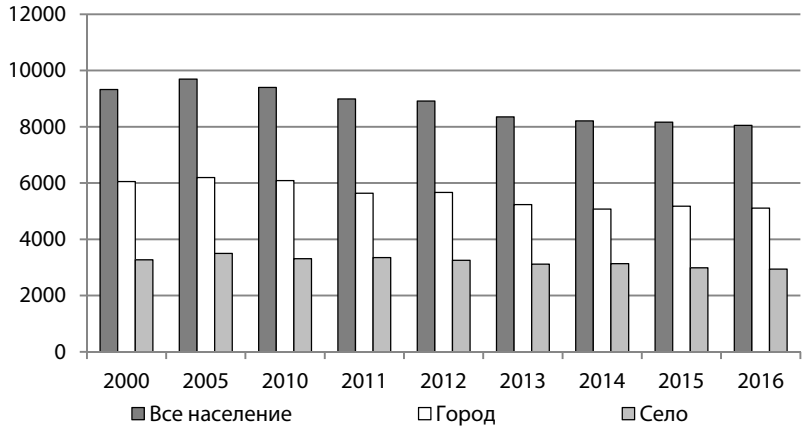


Рис. 2. *Абсолютное число умерших в Республике Саха (Якутия), чел.*

Количество умерших мужчин значительно превышает количество умерших женщин. В 2000 г. умерло 5749 мужчин, в то же время женщин умерло 3576, в 2016 г. — 4897 и 3312 соответственно (табл. 1). Такое же положение сохраняется и в городской, и в сельской местности [1].

Абсолютное число умерших в трудоспособном возрасте в 2000–2016 гг. уменьшилось с 4340 до 3458 человек. При этом число умерших мужчин в трудоспособном возрасте значительно превышает число женщин (рис. 3). Число мужчин, умерших в трудоспособном возрасте в 2000–2016 гг., снизилось с 4340 до 2368 чел. Практически аналогичная картина наблюдается среди женщин, умерших в трудоспособном возрасте: снижение с 942 чел. в 2000 г. до 649 чел. в 2016 г.

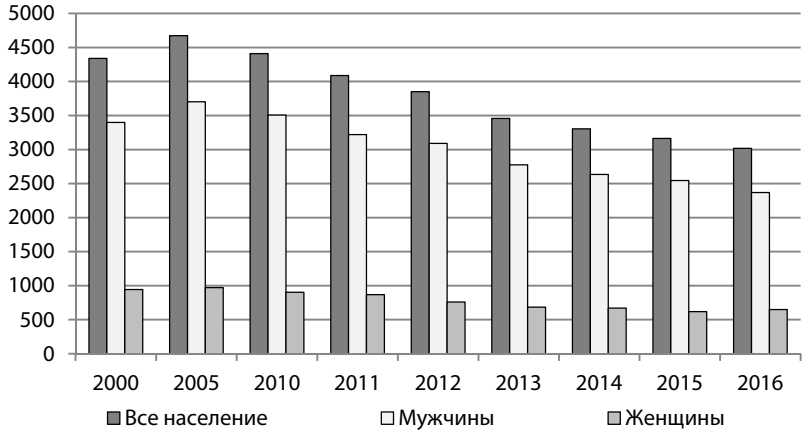


Рис. 3. *Число умерших в трудоспособном возрасте, чел.*

Таблица 1

Абсолютное число умерших мужчин и женщин в Республике Саха (Якутия), чел.

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Мужчины									
Всего по РС(Я)	5749	6062	5790	5523	5385	4990	4897	4846	4691
Город	3829	3894	3740	3552	3354	3128	3002	3044	2944
Село	1920	2168	2050	1971	1931	1862	1895	1802	1747
Женщины									
Всего по РС(Я)	3576	3634	3612	3469	3533	3361	3312	3319	3362
Город	2227	2302	2349	2190	2291	2106	2071	2133	2167
Село	1349	1332	1263	1382	1242	1255	1241	1186	1195

Источник: Демографический ежегодник РС(Я), 2016.

Таблица 2

Доля умерших в трудоспособном возрасте в общем числе умерших,%

Пол	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего	46,5	48,2	46,9	45,5	43,2	41,4	40,2	38,7	37,5
Мужчины	59,1	61,1	60,6	58,3	57,4	55,6	53,8	52,5	50,5
Женщины	26,3	26,7	25,0	25,0	21,5	20,3	20,2	18,7	19,3

Источник: Демографический ежегодник РС(Я), 2016.

Доля умерших в трудоспособном возрасте среди всех умерших в 2000 г. составила 46,5 %. К 2016 г. она снизилась до 37,5 %. Максимальное значение показателя наблюдалось в 2005 г. и равнялось 48,2 %, с 2011 г. отмечается постепенное снижение показателя. Сохраняется существенный разрыв между этими показателями у мужчин и женщин. Доля мужчин, умерших в трудоспособном возрасте, на протяжении всего рассматриваемого периода в 2 и более раз превышает долю женщин (табл. 2).

Среди районов республики наибольшая доля умерших в трудоспособном возрасте в 2000 г. наблюдалась в ряде северных улусов — Анабарском (61,4 %), Булунском (67,3 %) и Усть-Янском (68,8 %). Наиболее низкая доля умерших в трудоспособном возрасте отмечалась в Горном (31,8 %) и Чурапчинском (34,3 %) улусах. В 2013 г. максимальная доля умерших в трудоспособном возрасте также отмечена в северных районах — Аллаиховском (54,0 %), Нижнеколымском (54,7 %) и Анабарском (72,4 %). В этом же году минимальный уровень умерших в трудоспособном возрасте пришелся на Усть-Майский (29,5 %) и Абыйский (30,2 %) улусы. Наиболее высокая доля умерших в трудоспособном возрасте характерна для северных улусов, а также для некоторых промышленных районов, таких как Нерюнгринский и Мирнинский.

Среди мужчин наибольшая доля умерших в трудоспособном возрасте в 2000 г. отмечена в Булунском (70,3 %), Нижнеколымском (70,4), Мирнинском (73,5) и Усть-Янском (77,8) улусах, наименьшая — в Момском (39,3) и Горном (42,4 %) улусах. В 2013 г. число районов с долей умерших в трудоспособном возрасте более 70 % уменьшилось (Нижнеколымский

— 71,8 %, Анабарский — 75,0 %). В Усть-Майском (43,8 %) и Сунтарском (47,2 %) районах отмечен минимальный уровень данного показателя среди районов республики.

Как уже упоминалось выше, доля женщин, умерших в трудоспособном возрасте, значительно ниже, чем доля мужчин [5, с. 378–383]. Однако в некоторых районах наблюдается уровень доли женщин, сопоставимый с уровнем доли мужчин. В 2000 г. в Анабарском и Жиганском улусах доля женщин, умерших в трудоспособном возрасте, составила 50 %, в Аллаиховском — 52,6, в Усть-Янском 53,2, в Булунском — 58,3 %. В 2013 г. — в Анабарском — 60,0 %, Оленекском –47,4 % и Булунском — 48,5 %. Наиболее низкие значения этого показателя достигнуты в 2000 г. в Абыйском (9,5 %) и Намском (14,3 %) улусах, в 2013 г. — в Абыйском (4,3 %) и Усть-Майском (10,4 %). Таким образом, проблема снижения смертности в трудоспособном возрасте приобретает особую актуальность для укрепления демографического и трудового потенциала населения Севера России [7, с. 176–180].

Один из негативных фактов в области смертности населения — это сверхсмертность мужчин, т. е. высокие показатели смертности мужчин в основном трудоспособного возраста от несчастных случаев, отравлений и травм, чаще всего связанных с алкоголизмом. Повозрастные показатели смертности значительно дифференцированы по полу. Распределение показателей смертности населения республики по полу наглядно иллюстрирует явление мужской сверхсмертности. Для мужского населения свойственны не только более высокие показатели смертности, но и более значительный рост (табл. 3). В течение многих лет показатели смертности мужчин выше, чем у женщин. К примеру, в 2007 г. смертность мужчин оказалась в 1,65 раза выше аналогичных показателей для женщин (соответственно 11,9 и 7,2 ‰). В 2006 г. превышение было еще больше — 1,97 раза. Причем превышение смертности мужчин над смертностью женщин за 2000–2016 гг. осталось практически неизменным.

Наибольшее превышение смертности мужского населения над женским отмечается в молодом возрасте. Максимальные значения индекса сверхсмертности отмечаются в возрастных группах 20–24, 25–29, 30–34 года. Интересно, что даже среди детей в возрасте до 1 года смертность мальчиков гораздо выше, чем девочек.

Рост индекса сверхсмертности мужчин за 2000–2016 гг. был характерен для возрастных групп 10–14, 15–19, 20–24, 45–49, 50–54, 55–59, 65–69 лет, т. е. в основном в молодых и старших трудоспособных возрастах (табл. 4). Хотя этот разрыв несколько сокращался, но последующая динамика, к сожалению, вновь оказалась неблагоприятной. Если в 2006 г. максимальное значение индекса сверхсмертности наблюдалось в возрастной группе 20–24 года (4,5 раза), то в 2007 г. максимум регистрировался уже на значении 5,0 раза, в 2008 — в 7,0 раза.

В сравнении с показателями индекса сверхсмертности в Российской Федерации особенно тревожно выглядят такие возрастные группы, как

Таблица 3

Повозрастные коэффициенты смертности в Республике Саха (Якутия)

Возраст, лет	Мужчины					Женщины				
	2000	2005	2010	2015	2016	2000	2005	2010	2015	2016
всего	12,2	13,0	12,4	10,4	10,1	7,3	7,4	7,3	6,7	6,8
0–4	5,2	3,5	2,2	2,2	1,9	3,9	2,2	1,9	1,6	1,6
5–9	0,9	0,5	0,5	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,4	0,2
10–14	1,0	0,9	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3
15–19	2,6	2,6	2,5	1,5	1,1	1,3	0,9	0,8	0,5	0,6
20–24	6,5	5,1	3,6	3,0	2,5	1,4	1,0	1,0	1,0	0,6
25–29	7,1	6,0	5,0	3,9	3,2	1,7	1,7	1,6	0,8	1,0
30–34	8,6	8,8	7,9	4,9	5,3	2,0	2,0	1,5	1,5	1,7
35–39	9,7	10,2	9,1	7,0	6,7	2,8	2,5	2,8	2,2	2,3
40–44	11,8	13,0	12,3	9,5	9,1	3,7	3,7	3,4	2,5	3,0
45–49	17,2	18,5	15,8	10,4	10,7	5,8	5,8	5,5	4,1	4,0
50–54	21,7	24,6	22,2	16,0	14,4	7,7	8,3	7,6	5,4	5,5
55–59	35,6	326	30,5	23,3	20,4	12,0	10,6	11,1	7,8	7,4
60–64	46,7	39,9	38,6	31,7	32,8	22,1	18,1	15,6	12,2	12,5
65–69	57,6	59,9	54,7	41,8	44,2	31,8	28,0	22,8	19,3	20,4
70 лет и старше	100,8	108,9	94,3	87,0	86,4	80,2	81,6	67,4	65,8	66,1

Источник: Демографический ежегодник РС(Я), 2016.

Таблица 4

Индекс сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия)

Возраст, лет	2000	2005	2010	2015	2016
0–4	1,67	1,76	1,70	1,55	1,49
5–9	1,33	1,59	1,16	1,38	1,19
10–14	2,25	1,00	1,25	1,00	1,50
15–19	2,50	2,25	1,00	1,33	1,33
20–24	2,00	2,89	3,13	3,00	1,83
25–29	4,64	5,10	3,60	3,00	4,17
30–34	4,18	3,53	3,13	4,88	3,20
35–39	4,30	4,40	5,27	3,27	3,12
40–44	3,46	4,08	3,25	3,18	2,91
45–49	3,19	3,51	3,62	3,80	3,03
50–54	2,97	3,19	2,87	2,54	2,68
55–59	2,82	2,96	2,92	2,96	2,62
60–64	2,97	3,08	2,75	2,99	2,76
65–69	2,11	2,20	2,47	2,60	2,62
70 лет и старше	1,81	2,14	2,40	2,17	2,17
Всего	1,26	1,33	1,40	1,32	1,31

Рассчитано по: Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) в 2008 году: стат. сб. — Якутск: стат.сб. / Саха (Якутия) стат, 2009; Смертность населения в Республике Саха (Якутия) в 2008 году: стат.сб. / Саха(Якутия)стат, Якутск 2008; Демографический ежегодник. 2008: стат. сб. / Саха (Якутия)стат. — Якутск, 2008. Демографический ежегодник РС (Я). 2010: стат. сб. / Саха (Якутия)стат. — Якутск,2010; данные сайта www.gks.ru.

20–24, 25–29 и 30–34 года, где наблюдается значительное превышение показателя над среднероссийскими. Так, в возрастной категории 20–24 года в 2009 г. республиканский показатель превысил российский в 1,35 раза, 25–29 лет — в 1,33 раза. Неблагоприятная ситуация со сверхсмертностью мужчин отмечается уже достаточно длительный период [3, с.111–115]. Особенно негативна эта ситуация в группе трудоспособных возрастов, где продолжает сохраняться превышение коэффициентов смертности у мужчин по сравнению с аналогичными показателями у женщин [4, с. 40–44]. Очевидны последствия мужской сверхсмертности — как экономические (потери трудоспособного населения), так и социальные (с точки зрения жизни семьи).

В структуре причин смерти на первом месте располагаются болезни системы кровообращения, на второе место в 2017 году вышли новообразования. Третью позицию занимают внешние причины смерти. В арктических районах это превышение составляет два и более раз [6, с. 543–549].

Таким образом, ситуацию в области смертности населения Республики Саха (Якутия) можно оценить как неблагоприятную. Несмотря на снижение общего показателя и абсолютного числа умерших наблюдается рост коэффициентов смертности в отдельных возрастных группах. Высокой остается смертность трудоспособного населения. Сохраняется значительный разрыв между этими показателями у мужчин и женщин. В структуре причин смерти продолжается преобладание причин экзогенного характера, что, в целом, дает основание предполагать благоприятную возможность для воздействия на процессы смертности населения. Сохраняется неблагоприятная ситуация в сфере смертности в северных и арктических районах республики [2, с. 66–69].

Также можно утверждать, что более низкий уровень продолжительности жизни населения Республики Саха (Якутия) по сравнению с таковым в Российской Федерации и его продолжающееся снижение связаны с двумя основными факторами высокой смертности. Во-первых, это смертность от болезней системы кровообращения, показатели которой в отличие от развитых стран не снижаются, а наоборот, возрастают. Во-вторых, это сверхсмертность от несчастных случаев, отравлений, травм, убийств и самоубийств, особенно в трудоспособном возрасте у мужчин, которая также имеет тенденцию к росту и является ведущей причиной, препятствующей повышению продолжительности жизни.

Список источников

1. Будущее Республики Саха (Якутия): в 5 книгах. — Кн. 2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. — Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2015. — 220 с.

2. *Мостахова Т. С.* Смертность населения в северных и арктических районах Республики Саха (Якутия) в аспекте демографической безопасности // Якутский медицинский журнал. — 2015. — № 4(52). — С. 66–69.

3. *Мостахова Т. С., Туманова Д. В.* Демографическая безопасность региона // Региональная экономика: теория и практика. — 2009. — № 14 (107). — С. 111–115.

4. *Туманова Д. В.* Современное состояние сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. — 2012. — № 17(248). — С. 40–44.

5. *Туманова Д. В.* Демографические проблемы в Республике Саха (Якутия) // Арктическая зона Российской Федерации: северо-восточный вектор развития: сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства. — СПб., 2013. — С. 378–383.

6. *Сукнёва С. А.* Тенденции демографического развития в арктических районах Республики Саха (Якутия) // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения-2016. Материалы VIII Международной научно-практической конференции (Апатиты, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е. П. Башмаковой, Е. Е. Торопушиной. — Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. — С. 543–549.

7. *Сукнёва С. А., Туманова Д. В.* Вопросы снижения смертности в трудоспособном возрасте в северном регионе // Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации. — Якутск, 2015. — С. 176–180.

Информация об авторе

Туманова Дарья Викторовна — специалист-аналитик Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, отдел региональных экономических и социальных исследований (Россия, 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 2; e-mail: dasha-tumanova@mail.ru).

Tumanova D. V.

Territorial Characteristics of Mortality in the Republic of Sakha (Yakutia)

The demographic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) as a whole can be estimated as quite prosperous compared to the Russian Federation and the Far East. In recent years, there has been a steady decline in the overall mortality rate. However, in the territorial context, the higher mortality rate in the working-age population in the Northern regions of the Sakha Republic (Yakutia) can be noted. First of all, differentiation in mortality rates in urban and rural populations is observed. In urban settlements, the overall mortality rate is either slightly below or equal to the national average; in rural areas, the opposite is true. The overall mortality rate tends to decrease slightly in almost all regions of the Republic, with the exception of 15 districts out of 36 municipalities, half of which are the Northern and Arctic regions of the Republic. For both rural and urban areas, the absolute number of deaths is declining in 2000–2016. The Northern regions of the Republic have a higher proportion of deaths in working age. n General, in the Republic, as in other Northern regions of Russia, the proportion of women who died in working age is significantly lower than that of men. However, in some areas, the level of female participation, comparable to that of men, is observed, mainly in the Northern and Arctic regions of Yakutia. Thus, the situation in the field of mortality in the Republic of Sakha (Yakutia) can be assessed as unfavourable. Mortality rates in some age groups have increased. The mortality rate of the working-age population remains high. A significant gap remains between these indicators among men and women. In the structure of causes of death, the predominance of exogenous causes, which suggests a favorable opportunity to influence the processes of mortality.

Keywords: mortality, mortality in working age, men's superstition, territorial peculiarities, Northern regions, Republic of Sakha (Yakutia).

References

1. The future of the Republic of Sakha (Yakutia): 5 volumes. Vol. 2. Processes of demographic reproduction and tasks of social and demographic policy. — Yakutsk: Publishing house of the northeastern Federal University, 2015. — 220 p.

2. Mostakhova T. S. Mortality of the population in the Northern and Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) in terms of demographic security // Yakut medical journal. — 2015. — No. 4 (52). — P. 66–69.

3. Mostakhova T. S., Tumanova D. V. Demographic security of the region // Regional economy: theory and practice. — 2009. — No. 14 (107). — P. 111–115.

4. Tumanova D. V. The Current state of men's super-mortality in the Republic of Sakha (Yakutia) // Regional economy: theory and practice. — 2012. — No. 17 (248). — P. 40–44.

5. Tumanova D. V. Demographic problems in the Republic of Sakha (Yakutia) // Arctic zone of the Russian Federation: northeast vector of development. Collection of materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 380th anniversary of Yakutia's integration into the Russian state. — St. Petersburg, 2013. — P. 378–383.

6. Sukneva S. A. Demographic trends in the Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) // Sever and the Arctic in the new paradigm of world development. Luzin readings — 2016. Materials of the VIII International scientific-practical conference (Apatity, April 14–16, 2016) / under the General editorship of E. P. Bashmakova, E. E. Carousing. — Apatity: KSC RAS, IEP, 2016. — P. 543–549.

7. Sukneva S. A., Tumanova D. V. The Issues of reducing mortality in working age in the Northern region // Resource Economics in the context of modern globalisation trends. — Yakutsk, 2015. — P. 176–180.

Author

Tumanova Darya Viktorovna — analyst, Yakutsk scientific center of Siberian branch of RAS, Department of regional economic and social research (Russia, 677000, Yakutsk, Petrovsky st., 2; e-mail: dasha-tumanova@mail.ru).

УДК 314.74; 331.5

Тухтарова Е. Х.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В СНИЖЕНИИ НЕРАВЕНСТВА ПО ДОХОДАМ НА ПРИМЕРЕ СТРАН СНГ[1]

В статье исследуется проблема неравенства между странами СНГ. На взгляд автора, одной из основных причин международной миграции является неравенство в доходах между странами — участницами миграционных процессов. В этом случае международные мигранты создают предпосылки для снижения неравенства между странами — участницами данного процесса.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, неравенство по доходам, ВВП на душу населения, денежные переводы, международные мигранты, доходы, зарплата

Масштабы миграционных процессов, вызванных глобализацией, привели к возникновению такого явления, как денежные переводы. Сегодня их объемы достигают столь внушительных размеров, что порой превышают иностранные инвестиции, безвозмездные гранты и помощь мировых институтов слаборазвитым странам [1]. Так, по оценкам Всемирного банка, в 2015 году объем полученных переводов в денежной форме вырос почти в 10 раз за 26 лет — с 64 млрд долл. в 1990 г. до 601,3 млрд долл. в 2018 г. [2]. Такие значительные объемы финансовых потоков естественным образом привлекли внимание исследователей, задавшихся вопросом: каково же влияние такого фактора, как денежные переводы, на экономику страны-донора и реципиента?

Для экономики большинства развивающихся стран денежные переводы международных мигрантов служат дополнительным источником финансирования экономического развития страны исхода мигранта, повышения жизненного уровня домохозяйств в перераспределении доходов в мировой экономике. Так, Е. Садовская указывает на то, что денежные переводы международных мигрантов все больше и больше используются на цели развития страны исхода мигранта, а не только на потребление [3]. Тогда как другие исследователи полагают, что эффект от денежных переводов имеет лишь краткосрочный позитивный тренд. В долгосрочной же перспективе эти эффекты имеют отрицательный характер [4]. Действительно, благодаря денежным переводам международных мигрантов уменьшаются диспропорции экономического развития стран, смягчается проблема «Севера» и «Юга», хотя далеко не всегда денежные переводы ведут к снижению бедности внутри одной конкретно взятой страны, в

[1] © Тухтарова Е. Х. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16–02–00164 ОГН «Научно-методический инструментарий измерения оценки и управления факторами социально-экономического неравенства в системе воспроизводства трудового потенциала регионов России».

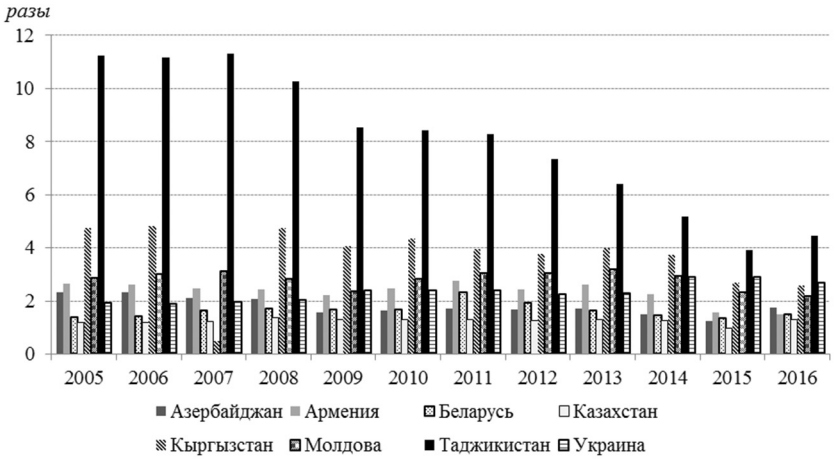


Рис. 1. *Превышение в уровне среднемесячной заработной платы России над странами СНГ и Грузии за 2005 — 2016 гг., разы. Источник: составлено по данным Статкомитета СНГ*

связи с тем, что наиболее бедные домохозяйства обычно не участвуют в миграционных процессах [5].

Современная Россия, являясь активным участником глобальной экономики и привлекая на свою территорию трудовых мигрантов, главным образом из стран бывшего Советского Союза, является активным участником международных трансакционных операций. Эти операции осуществляются как в свободно конвертируемой валюте (доллар США, евро), так и в рублях.

Столь значительные масштабы денежных переводов из России в страны СНГ объясняются социоэкономическом неравенством между ними. Так, если сравнивать по индикатору заработная плата, которая до сих пор является основным источником доходов населения на пространстве СНГ, то ее уровень в России значительно выше, чем в других странах Содружества (см. рис. 1). При этом наибольший разрыв в оплате труда по индикатору среднемесячная заработная плата на протяжении 12 лет сформировался между Россией и Таджикистаном, что и предопределило значительную миграцию из этой страны. В отдельные периоды времени этот разрыв составлял 11 раз.

Как можно наглядно убедиться, тенденции в динамике разрыва по зарплате с 2010 г. имеют тренд на снижение неравенства в доходах. В целом этот разрыв в 2016 г. между Россией и странами СНГ составил: с Таджикистаном 4,5 раза, с Украиной — 2,7, с Молдавией — 2,2, с Киргизией — 2,6, с Азербайджаном — 1,8, Арменией и Беларусью — 1,5 раза. На наш взгляд, одним из объяснений в снижении разницы по доходам является результат резкой девальвации рубля 2015 г. Другим объяснением являются

Таблица

Доля денежных переводов из России в ВВП стран бывшего СССР, %

Страна	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Азербайджан	1,8	2,0	1,8	1,5	1,5	1,6	1,6	1,7	1,6
Армения	8,3	10,2	10,7	9,8	11,0	12,7	13,6	14,4	12,2
Беларусь	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Грузия	3,9	5,5	5,3	4,8	4,9	4,6	4,6	4,9	4,2
Казахстан	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Киргизия	13,5	18,8	22,5	19,1	23,1	25,0	27,8	28,4	27,4
Молдавия	13,4	18,3	18,4	13,7	14,5	15,3	16,2	15,8	15,3
Таджикистан	29,5	43,9	48,8	34,6	39,3	46,2	47,6	48,8	41,5
Туркмения	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
Узбекистан	5,1	7,5	10,7	6,3	7,2	9,4	11,1	11,7	8,9
Украина	0,7	1,0	0,9	1,1	1,3	1,4	1,5	1,7	1,7

Источник: рассчитано автором на основе данных Мирового банка и ЦБ России.

роль трудовых мигрантов и их денежные переводы на родину и повышение уровня жизни через международный трансмиссионный механизм.

Денежные переводы в странах являются важнейшей частью экономик стран СНГ. Среди этих стран наибольшая зависимость от состояния российской экономики наблюдается у Таджикистана, здесь доля денежных переводов в ВВП составляет свыше 48 % (см. табл.) в благоприятные периоды для российской экономики периоды. Несмотря на то, что доля денежных переводов из России в Киргизию составляет свыше четверти от ВВП национальной экономики, она также является ощутимой и в настоящее время служит поддержкой для существования домохозяйств в странах — донорах рабочей силы.

Влияние миграционных процессов на повышение благосостояния в странах исхода мигрантов отмечено многочисленными исследованиями, через связь мигранты → денежные переводы → потребление → ВВП. В частности, исследователем Г. Микаеляном была выявлена высокая теснота связи между миграционным потоком из Армении в Россию и такими показателями, как ВВП на душу населения и конечное потребление в Армении на уровне 0,89 [6]. Такая высокая степень зависимости, по мнению автора, объясняется разницей в уровне жизни, индикатором притяжения России для Армении выступает фактор ВВП на душу населения.

Анализируя с данной позиции привлекательность России для стран — поставщиков трудовых мигрантов, отметим, что ВВП на душу населения в России был выше даже в период 1990 — 2000 гг. (см. рис. 2). Максимальный разрыв между Россией и другими странами зафиксирован накануне мирового финансового кризиса (2008 г.). Так, ВВП на душу населения России в 2008 г. был выше, чем в Узбекистане, в 11 раз, Киргизии — более чем в 12 раз, Таджикистане — более чем в 16 раз. Существенный разрыв между Россией и странами Центральной Азии предопределил характер мягкого

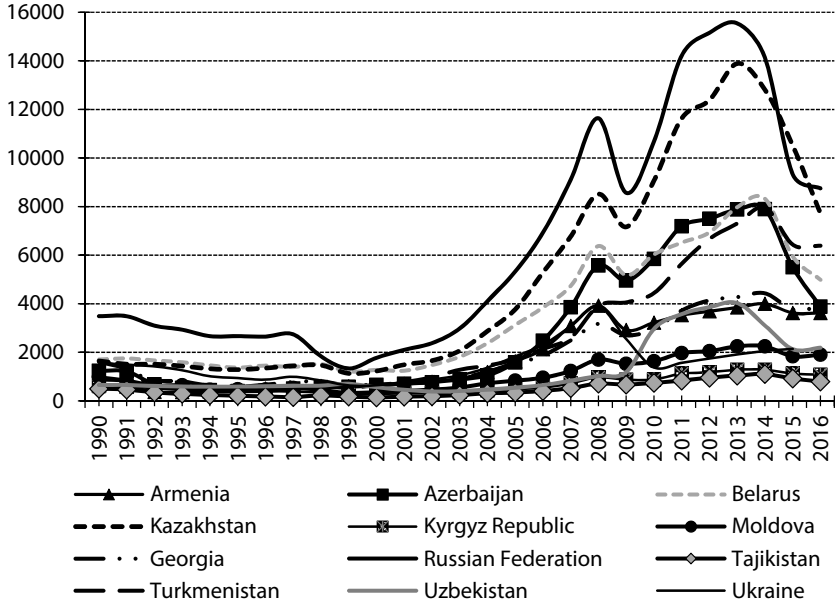


Рис. 2. *Динамика среднедушевого ВВП в странах СНГ и Грузии за 1990 — 2016 гг., долл. США. Источник: составлено по данным Всемирного банка*

сценария развития миграционных потоков. Однако изменение климата в геополитике в 2014 г. и более высокая вовлеченность России в мировую экономику существенным образом сократили разрыв в ВВП на душу населения между Россией и странами СНГ и Грузией, что и создало предпосылки для снижения миграционных потоков и их переориентации на другие страны.

Но, как видно на рисунке 2, в снижении разрыва по индикатору доходов ВВП на душу населения наметился тренд в сторону сближения. На наш взгляд, одним из объяснений данной динамики является обозначенная выше связь между трудовыми мигрантами и денежными переводами, с одной стороны, и потреблением и повышением уровня ВВП в стране мигранта, с другой стороны. Таким образом, отметим, что миграционные процессы являются важнейшей частью экономического развития страны- донора. Трудовые мигранты являются одним из мощнейших катализаторов развития для бедных стран с низким уровнем доходов населения. Направляемые денежные переводы в страны-доноры позволяют домохозяйствам в этих странах увеличить свое потребление, уровень благосостояния, что с течением времени позволяет повышать общий уровень доходов в стране-доноре. Для принимающей трудовые ресурсы территории тоже имеются плюсы: в долгосрочной перспективе происходит

выравнивающий эффект по доходам между странами — участницами, что в последующем позволит снизить миграционные процессы и стабилизировать социоэкономические процессов в странах.

Список источников

1. *Навроцкая Н. А.* Трансформация мирового инвестиционного пространства в условиях глобализации // Економічний часопис — XXI. — 2013. — № 3–4. — С. 37–40.

2. World Bank Group (2015). Migration and Remittances. Factbook 2016. Third Edition.

3. *Садовская Е.* Денежные переводы мигрантов и их роль в мигрантских домохозяйствах стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2006. — № 3 (45). — С. 130–144.

4. *Чепель С. В., Бондаренко К. А.* Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2015. — № 4. — С. 142–166.

5. Доклад ПРООН. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие // Общество и экономика. — 2009. — № 10. — С. 99–188.

6. *Микаелян Г.* Экономические факторы миграции населения Армении // Аналитические записки Института Кавказа. — Март 2015. — Ереван: Институт Кавказа, 2015 г. — 26 с.

Информация об авторе

Тухтарова Евгения Хасановна — ведущий экономист Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, Московская, 29; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).

Tukhtarova E. H.

The Role of Migration in Reducing Income Inequality in the Countries of the CIS

The article studies the problem of inequality between the CIS countries. In the author's opinion, one of the main reasons for international migration is income inequality between countries involved in migration processes. In this case, international migrants create conditions for reducing inequality between countries involved in this process.

Keywords: migration, migration processes, GDP per capita, remittances, international migrants, income, salary

References

1. Navrotskaya N. A. The transformation of the global investment space in the conditions of globalization // Economic journal — XXI. — 2013. — No. 3–4. — P. 37 — 40.

2. World Bank Group (2015). Migration and Remittances. Facebook 2016. Third Edition.

3. Sadovskaya E. Migrant remittances and their role in migrant households in Central Asia // Central Asia and the Caucasus. — 2006. — No. 3 (45). — P. 130–144.

4. Chepel S. V., Bondarenko K. A. Whether external labor migration is a factor of economic growth. Econometric analysis and conclusions for the CIS countries // Journal of the new economic Association. — 2015. — No. 4. — P. 142 — 166.

5. The UNDP report Overcoming barriers: human mobility and development // Society and economy. — 2009. — № 10. — P. 99 — 188.

6. Mikayelyan G. economic factors of migration of the population of Armenia // Caucasus Institute. — 2015 — 26 p.

Author

Tukhtarova Eugeniya Khasanovna — chief economist, Institute of Economics, Ural branch of RAS (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moscowsraja st., 29; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).

УДК 314. 748

Цатурян А. М., Минасян С. М.

ОБ ОДНОМ АДИАБАТИЧЕСКОМ ИНВАРИАНТЕ УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВ В ПРОЦЕССЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ[1]

В статье рассматриваются вопросы сохранения устойчивости государств в процессе международной миграции. В качестве метода исследования выбран социологический подход, при котором основное внимание уделяется проблемам, связанным с адаптацией мигрантов к новым условиям жизни.

Поставлена задача выявить воздействие международной миграции на устойчивость государств, при этом предпринята попытка установить определенные соотношения между характеристиками, которые могут играть роль инвариантов стабильности стран. Учитывая сущность и монотонность процесса миграции, с целью его количественного и качественного изучения в работе впервые применен метод аналогии, а именно, осуществлен перенос физических представлений об определении адиабатических инвариантов разных систем. При этом в качестве характерного времени системы нами выбрано среднее время социальной адаптации (социализации) мигрантов.

В результате проведения некоторых расчетов нами сделаны выводы и предложения для разных групп стран. В частности, для государств, у которых адиабатический инвариант имеет большое значение, население малочисленное и имеет низкую рождаемость, местное население и мигранты исповедуют разные религии, устойчивость хрупкая и чревата возникновением общественной напряженности. Полученные результаты можно применить в социологических и экономических исследованиях. В рамках данного подхода можно более широко исследовать миграционные процессы с учетом многих внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: миграция, устойчивость государства, метод аналогии, адиабатический инвариант, абсолютный миграционный коэффициент

Проблемы управления миграционной политикой становятся особенно актуальными. Изучение и регулирование миграционных процессов в мире с помощью теоретических подходов и методов требует разработки новых инструментов исследования, в том числе путем моделирования.

В определенных условиях необоснованная и непредусмотренная международная миграция может со временем создать такой дисбаланс общественной жизни, который приводит к кризису социокультурной жизни страны.

Цель статьи — проанализировать и выявить совокупность тех параметров, которые при определенных отношениях могут претендовать на роль инвариантов, обеспечивающих устойчивость в определенных группах стран в условиях международной миграции.

[1] © Цатурян А. М., Минасян С. М. Текст. 2018.

Среди научных подходов к изучению миграции (международной) нами выбран социологический подход, при котором основное внимание уделяется проблемам, связанным с адаптацией мигрантов к новым условиям жизни. Стремление создать целостную специальную социологическую теорию миграции и найти универсальные подходы и решения задач приводит нас к необходимости провести моделирование миграционных процессов и придумать методологию их применения в конкретных случаях.

Нам представляется, что процесс миграции для мигранта и государства можно считать успешным, если в итоге мигрант адаптирован к обществу. Естественно, для этого необходимы определенное время и благоприятные условия. Для коренных жителей каждой страны всегда существует опасность потери идентичности, которая может привести к определенной напряженности. Согласно теории социальной идентичности Тежфела (H. Tajfel), одной из основных закономерностей идентичности является стремление человека к достижению позитивной идентичности — позитивному образу себя [8].

Рассматривая вопрос устойчивости стран в условиях международной миграции, мы предполагаем, что эти страны образуют относительно замкнутую систему.

Наша задача — выявить воздействие международной миграции на устойчивость государств, при этом пытаясь отделить характеристики, определение соотношений которых является инвариантом стабильности страны. При этом необходимо четко разделить миграционные процессы, которые происходят плавно и монотонно, и те, которые происходят внезапно в больших масштабах, в результате разных катастроф (война, землетрясение, цунами и т. д.).

Для предсказания будущего развития общества в настоящее время при изучении социальных процессов широко применяется математическое моделирование. Оно может оказаться положительным, если в качестве параметров и характеристик общества отбирать наиболее решающие и рассматривать их на больших временных интервалах.

Нам представляется, что должны существовать определенные соотношения между ключевыми параметрами и характеристиками миграционных процессов, сохранение которых может гарантировать относительную устойчивость и стабильность государства в процессе миграции. Речь идет о поиске некоего инварианта относительно систем внутри государств в условиях внешней миграции, который при определенных условиях будем считать медленно и монотонно измененным.

Учитывая сущность и монотонность процесса миграции, с целью его количественного и качественного изучения в работе впервые нами применен метод аналогии, а именно, осуществлен перенос физических представлений об определении адиабатических инвариантов разных систем. В урбанистике известно также понятие «гравитационная модель миграции», которое тоже является аналогом физических представлений [7].

Адиабатические инварианты — это величины, сохраняющиеся с большой точностью при медленном изменении параметров системы. Медленность этого изменения по сравнению с характерным временным параметром системы, а также его монотонность на протяжении времени, намного больше этого временного параметра, — вот два важнейших момента, которые в первую очередь должны учитываться при рассмотрении данного вопроса.

Адиабатичность изменения параметра означает, что характерное время этого изменения гораздо больше характерного времени процессов, происходящих в самой системе.

В рассматриваемых нами миграционных процессах в качестве характерного времени τ изменения параметра уместно выбрать время, в течение которого при монотонном потоке мигрантов их общее число становится равным числу коренного населения.

$$\tau = \frac{N_0 - N_{0M}}{R_M}, \qquad (1)$$

где N_0 — число коренного населения страны, N_{0M} — число мигрантов, уже живущих в стране, в знаменателе — интенсивность миграции: объем поступления за единицу времени.

В качестве характерного времени системы (T) удобно взять среднее время социальной адаптации (социализация) мигрантов, под которым понимаем процесс усвоения мигрантами «поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе» [2].

Известно, что присутствие универсальных законов развития в истории общества объясняется тем, что эволюция отпечатала в психике людей целесообразные адаптивные реакции [4].

Время адаптации T очень относительно и сильно зависит от многих факторов, среди которых миграционная политика государства, возраст мигранта, религиозная принадлежность, знание языка, место миграции (населенность лиц данной национальности), занятость и т. д.

Для того, чтобы удостовериться, что в большинстве случаев миграция носит адиабатический характер, приведем пример Нидерландов (население ≈ 17 млн чел., иммигранты — 1,8 млн, интенсивность миграции за последние 10 лет приблизительно 13 000 мигрантов в год).

Для Нидерландов получается $\tau \approx 1000$ лет . В качестве времени адаптации возьмем усредненное число $T = 4$ года для молодых, а для взрослых 15 лет. Тогда можно утверждать, что $\tau >> T$, следовательно, число мигрантов изменяется монотонно и адиабатично.

Теперь попробуем найти адиабатический инвариант для системы государств относительно ее устойчивости с точки зрения международной миграции.

Допустим, в какой-то момент число коренных жителей в каком-то государстве равно N_0, а число мигрантов N_{0M}. Обозначим отношение числа

мигрантов к числу всего населения γ и назовем его относительным миграционным коэффициентом.

$$\gamma_1 = \frac{N_{0M}}{N_0 + N_{0M}}. \quad (2)$$

Допустим, для определенного периода времени миграционное сальдо равно N_M, а за это время естественный прирост коренного населения и уже живущих мигрантов — соответственно D_0, D_{0M}. Тогда относительный миграционный коэффициент будет равен:

$$\gamma_2 = \frac{N_{0M} + D_{0M} + N_M}{N_0 + N_{0M} + D_0 + N_M + D_{0M}}. \quad (3)$$

Если в конкретном государстве при определенном γ отсутствует напряженность в обществе, то можно утверждать, что сохранение этой величины может являться показателем устойчивости при медленном и монотонном изменении числа международных мигрантов. Можно утверждать, что это равносильно сохранению времени адаптации и, следовательно, социальной энтропии. Из условия $\gamma_1 = \gamma_2$ после несложных математических преобразований и учитывая, что $N_M + D_{0M} = D_M$ — общее число прироста мигрантов за рассматриваемое время, получим:

$$\frac{N_{0M}}{N_0} = \frac{D_M}{D_0}. \quad (4)$$

Левая часть уравнения (4) представляет собой отношение числа мигрантов к числу основного населения в какой-то момент времени, то есть абсолютный миграционный коэффициент, а правая — такой же коэффициент для прироста мигрантов и коренного населения.

Так как интервал времени выбран нами произвольно, то при условии $\gamma_1 = \gamma_2$ отношение $G_M = D_M / D_0$ должно оставаться постоянным, то есть *then* G_M является адиабатическим инвариантом в рассматриваемом нами процессе миграции, при котором отсутствует напряженность в обществе.

Из условий адиабатичности процесса миграции ($\tau >> T$) и из факта существования адиабатического инварианта ($G_M = \text{const}$) можно сделать ряд выводов относительно устойчивости государства в зависимости от международной миграции.

Принято считать, что размерная постоянная в определении энтропии — адиабатический инвариант системы. Мы получили, что при миграционных процессах он выражается в определенных отношениях количественных и качественных характеристик, которые имеют свои особенности для отдельно взятого государства.

Естественно, адиабатический инвариант (G_M) для разных стран разный и зависит от исходного значения N_{0M} / N_0. Например, для Нидерландов он равен приблизительно 0,12 или 1/8.

Сохранение коэффициента G_M для определенного периода времени равносильно воспроизводству мигрантов в размере $D_M = G_M \cdot D_0$. Для Нидерландов естественный прирост населения за 2015 г. составил 20 000. Это значит, что для сохранения G_M необходимо, чтобы прирост мигрантов в целом за год не превысил $D_M = \frac{1}{8} \cdot 20000 \approx 2500$. Но за 2015 год число только внешних мигрантов составило выше 100 000.

При этом не только нарушается условие адиабатичности процесса миграции, но и резко повышается число *value* G_M, следовательно, растут социальная энтропия и время адаптации мигрантов. Но если поток новых мигрантов N_M зависит от миграционной политики государства, то естественный рост уже живущих мигрантов обусловлен степенью их воспроизводства. Как правило, в развитых странах сальдо коренного населения в основном отрицательное, что со временем приводит к серьезным демографическим проблемам. В таких странах государство должно любым способом стимулировать рождаемость и регулировать поток мигрантов. Сохранение абсолютного миграционного коэффициента G_M позволяет синхронизировать миграционный процесс со временем адаптации.

Существуют два подхода к решению демографической проблемы: опираться на свои собственные силы, а также проводить открытую иммиграционную политику.

Сейчас важно обсудить вопрос о минимизации времени адаптации (T) мигрантов в зависимости от особенностей миграционной политики страны и характера динамики изменения населения в связи с миграцией.

Стремление к минимизации значения времени адаптации — это стремление понижения социальной напряженности в зависимости от миграции и, следовательно, понижение социальной энтропии, вызванной миграцией. В работе [1, с. 145–146] выдвинута идея о существовании так называемой конструктивной напряженности, выполняющей функцию преодоления социокультурных противоречий. Вектор этой напряженности направлен против дезорганизации энтропийных процессов.

Среди многочисленных факторов, которые препятствуют быстрой адаптации мигрантов, и, следовательно, увеличивают время адаптации, можно выделить более значительные, такие как религиозное отличие, большой возраст, незнание языка, присутствие общины, занятость, неэффективная миграционная политика и т. д. При присутствии этих препятствий время адаптации наряду с социальной энтропией возрастает. Если минимальное время адаптации в определенных благоприятных условиях обозначим T_0, то при наличии препятствий это время увеличится:

$$T = T_0 + T^*, \tag{5}$$

где T^* — сумма времени, которое добавляется к минимальному времени адаптации при разных препятствиях. Можно уверенно сказать, что самая большая доля времени T^* приходится на религиозное отличие, так как с

ним связан идеологический аспект адаптации социокультурной коммуникации.

Большое накопление тесных связей внутри сообществ иммигрантов способствует созданию инфраструктуры жизнеобеспечения и даже политической мобилизации. Все это приводит к обособлению групп мигрантов относительно остальных и, как следствие, формированию неустойчивой системы связей с местным населением, неопределенным социальным отношениям, испытывающим колебания от вполне добрососедских до быстро развивающихся в конфликтные [5, с. 97–98]. Принимающему обществу в целом миграция может «подарить» очаги социальной напряженности в местах повышенной концентрации мигрантов, локальные вспышки этнических конфликтов, рост ксенофобии, политического радикализма и экстремизма, провоцируемый напряженностью и конфликтами [3].

Психологические проблемы этнической миграции наиболее ярко раскрываются в процессе адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде.

Главный аргумент основан на психологии восприятия угрозы стилю жизни и локальной идентичности «исконных жителей» — такое чувство с большой вероятностью возникает в сравнительно более этногомогенных микрорайонах при изначальном притоке мигрантов (реальном или ожидаемом, но мнимом) [6, с. 372–403].

Среди видов государственной миграционной политики, которая препятствует быстрой адаптации мигрантов, можно выделить политику мультикультуризма. Последняя существует как в Европе, так и в России. Она оказалась нежизнеспособной и в настоящее время вошла в кризисную стадию. Сравнительно успешной оказалась концепция «плавильного котла», которая противопоставляется мультикультуризму и предполагает слияние всех культур в одну (США, Канада и т. д.).

Для понижения социальной энтропии, обусловленной миграцией, государствам необходимо проводить «профилактическую работу», а именно, предугадать и оценить те характеристики, которые способствуют уменьшению времени адаптации.

В условиях миграции социальное напряжение и демографический дисбаланс ожидаются в странах, в которых:

1) абсолютный миграционный коэффициент G_M имеет большое значение и отсутствует государственная миграционная политика по его снижению;

2) не балансируется обмен социальной энтропии с внешними миграционными процессами;

3) население малочисленное и принимает много мигрантов, у которых степень рождаемости высокая;

4) коренные жители и мигранты исповедуют разные религии, что часто приводит к идеологическим конфликтам и препятствует адаптации мигрантов;

5) существующая политика мультикультуризма способствует созданию инфраструктуры внутри сообществ иммигрантов, тем самым усложняя их и интеграцию в общество;

6) система образования не способствует культурной «интеграции» мигрантов на основе общечеловеческих ценностей.

Предметом отдельного исследования является внезапная, массовая миграция. В случае массовой миграции, когда за короткий период времени поток вынужденных мигрантов (беженцев) во много раз превышает обычный, условие $\tau >> T$ больше не действует, процесс перестает быть адиабатическим. Тогда резко повышается абсолютный миграционный коэффициент G_M и, следовательно, энтропия и время адаптации мигрантов. При этом, когда территорией миграции становится не только одна страна, а целый регион, при распределении мигрантов необходимо учитывать не только население и площадь государств, а в первую очередь их насыщенность мигрантами, то есть значение для них G_M. Где оно больше, там риски большие. В случае массовой иммиграции перенос представлений, господствующих по одну сторону границы, автоматически повлечет за собой некоторое снижение уровня общественного согласия.

Итак, применением метода аналогии совершен перенос физических представлений об определении адиабатических инвариантов разных систем в миграционные процессы, который позволил моделировать и изучить эти процессы на новом количественном и качественном уровне и в связи с этим сделать ряд предложений и рекомендаций.

Полученные результаты можно применить в социологических и экономических исследованиях. В рамках данного подхода можно более расширенно исследовать миграционные процессы с учетом многих внешних и внутренних факторов.

Список источников

1. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1991. — С. 145–146.

2. *Мещеряков Б., Зинченко В.* Социализация // Большой психологический словарь. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

3. *Старченков Г. И.* Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. — М.: Моск. центр. Карнеги, 1999. — С. 151–191.

4. *Фейджер Р., Фейдимен Д.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. — СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2002.

5. *Юдина Т. Н.* Социология миграции. — М.: Академический проект, 2006. — С. 97–98.

6. *Green D. P., Strolovitch D. Z., Wong J. S.* Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology. — 1998. — No. 104(2). — P. 372–403.

7. *Rodrigue J.-P., Comtois C., Slack B.* The Geography of Transport Systems. — London; New York: Routledge, 2009.

8. *Tajfel H.* Social Categorization in the Social Psychology of Intergroup relations. — London: Academic Press, 1978.

Информация об авторах

Цатурян Армен Мишаевич — доктор педагогических наук, профессор Академии естествознания РФ. Доцент кафедры физики Ванадзорского государственного университета (Республика Армения, Лорийская область, г. Ванадзор, Тиграна Меци 65/21); директор ГНКО «Ванадзорская спецшкола с углубленным обучением математике и естественным дисциплинам» (Лорийская область, 377200, г. Ванадзор, Вардананц 100; e-mail: evrika24@rambler.ru).

Минасян Светлана Михаеловна — кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры теории и истории педагогики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна (Республика Армения, Ереван; e-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com).

Tsaturyan A. M., Minasyan S. M.

About One Adiabatic Invariant of Countries' Sustainability in International Migration Process

The article deals with the issues of preserving the sustainability of countries in the process of international migration. The sociological approach is selected as a research method, which focuses on issues related to the adaptation of migrants to new life conditions.

The presented task is to identify the impact of international migration on the sustainability of countries, while trying to establish some relations between the characteristics which may play a role of invariants of countries' sustainability. Taking into account the nature and monotony of the migration process, with a view to quantitative and qualitative research in the article the method of analogy is first applied, namely, there is a transfer of physical concepts about adiabatic invariants of different systems. Besides, as the characteristic time of the system we have selected the average time of social adaptation (socialization) of migrants.

Making some calculations, in particular, for the countries where the population is of small size and has a low birth rate, the local people and migrants are of different religions, the sustainability is fragile and fraught with the emergence of social tensions. The results obtained can be applied in the sociological and economic research. Under the approach there can be more advanced research of migration processes, taking into account many external and internal factors.

Keywords: migration, state sustainability, method of analogy, adiabatic invariant, absolute migration rate

References

1. Akhiezer A. S. Russia: critics of historical experience. — Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1991. — P. 145–146.

2. Meshcherekov B., Zinchenko V. Socialization // Big Psychological Dictionary. — M.: OLMA-PRESS, 2004.

3. Starchekov G. I. Forced migration and migrant-phobia in Russia. Intolerance in Russia: Old and New Phobias. — M.: Centr Karnegi, 1999. — P. 151–191.

4. Fager R., Fadiman J. Personality: theory, experiments, exercises. — SPb: Praym-Evro-Znak, 2002.

5. Yudina T. N. Sociology of Migration. — M.: Akademicheskiy proect, 2006. — P. 97–98.

6. Green D. P., Strolovitch D. Z., Wong J. S. Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime // American Journal of Sociology. — 1998. — No. 104(2). — P. 372–403.

7. Rodrigue J.-P., Comtois C., Slack B. The Geography of Transport Systems. — London; New York: Routledge, 2009.

8. Tajfel H. Social Categorization in the Social Psychology of Intergroup relations. — London: Academic Press, 1978.

Authors

Tsaturyan Armen M. — Doc Sc. (Pedagogics), Professor RANH, Associate Professor, Physics Department, Vanadzor State University after H. Tumanyan (Republic of Armenia, Vanadzor, 65/21 Tigran Metsi St.); Director of SNPO Vanadzor special school of thorough teaching mathematics and natural sciences (Republic of Armenia, Loriysky Region, 377200,Vanadzor, 100 Vardanants St.; e-mail: evrika24@rambler.ru).

Minasyan Svetlana M. — PhD, Professor RANH, Associate Professor of the Department of Theory and History of Pedagogics, Armenian State Pedagogical University after Kh.Abovyan, (Yerevan, Armenia); e-mail: s.minasyanpmesi@gmail.com).

УДК 368.042

Чистова Е. В.

ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ПЕНСИОННОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ[1]

В настоящее время сложилась значительная региональная дифференциация по уровню пенсионного обеспечения, при том, что на территории России действует единая пенсионная система. Чтобы выявить факторы такой дифференциации, в исследовании поставлена и решена задача формирования методологического подхода к оценке пенсионного обеспечения населения на региональном уровне. Рассмотрены два подхода, лежащие в основе формирования страховой пенсии. Описаны двойственная природа пенсионного обеспечения, заключающаяся в балансе интересов плательщиков страховых взносов и получателей пенсий, и функции, направленные на ее реализацию. Раскрыт социально-страховой принцип, предполагающий эквивалентности пенсионных прав при накопительной пенсионной системе и зависимость размера пенсии от «трудового участия» при распределительной. Однако помимо страховых случаев назначения пенсии (наступление страхового риска утраты трудового дохода по причинам невозможности продолжения трудовой деятельности либо потеря кормильца) в российской пенсионной системе сохраняется комплекс «нестраховых» элементов, которые не имеют эквивалентных источников своего обеспечения. Одним из таких элементов является система установления досрочных пенсий. Как отмечается в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ, такая система установления досрочных пенсий не соответствует современным условиям рыночной экономики и социально несправедлива, а также противоречит страховому принципу. В отношении самозанятых, работающих на временной работе, и работников, чья заработная плата не превышает двух прожиточных минимумов, также нарушается зависимость размера пенсии от «трудового участия» каждого застрахованного лица. Страховые принципы нарушены и в «новой» пенсионной формуле, поскольку она допускает разную оценку одинакового вклада в пенсионную систему. Отход от страховых принципов имеет региональный характер, зависящий от специализации регионов (система досрочных пенсий для работников вредных и опасных производств), их климатических условий («северная» пенсия), населения (возможности и желания лиц пенсионного возраста работать) и др.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, страховой принцип, страховая пенсия, регион, нестраховые элементы, досрочные пенсии, пенсионная формула

В рейтинге Индекса устойчивости пенсионных систем (Pension Sustainability Index) компании Allianz Global Investors пенсионная система России заняла 14-е место из 50-ти и оценена как стабильная и

[1] © Чистова Е. В. Текст. 2018.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18–010–00493).

Таблица

Уровень пенсионного обеспечения населения в России

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Средний размер назначенных пенсий, в среднем за год, руб.	7476,3	8202,9	9040,5	9917,5	10786,0	11986,0	12391,1	13304,0
Величина прожиточного минимума пенсионера, руб.	4521	5032	5123	5998	6617	7965	8081	8496*
Соотношение среднего размера назначенных пенсий и величины прожиточного минимума пенсионера, раз	1,65	1,63	1,77	1,65	1,63	1,51	1,53	1,57*
Коэффициент замещения, %	35,7	35,1	33,9	33,3	33,2	35,2	33,7	34,0

Источник: данные Росстата.

Примечание: * величина прожиточного минимума пенсионера — за III квартал 2017 г.

сбалансированная [1]. Однако место в рейтинге не говорит об уровне пенсионного обеспечения в стране, а показывает, насколько актуально реформирование действующей системы. Основная идея этого индекса — в оценке системы как таковой, ее уровне устойчивости в стареющем обществе в долгосрочной перспективе [16]. За двадцатилетнюю историю реформирование пенсионной системы России, в ходе которой произошли четыре волны преобразований, не удалось обеспечить достойный уровень пенсионного обеспечения населения (табл.).

Размер пенсий не превышает двух уровней прожиточного минимума пенсионера, но и этот минимальный уровень материального обеспечения имеют не все пенсионеры. Согласно российскому законодательству, пенсионерам, размер пенсии которых не достигает прожиточного минимума, назначается социальная доплата до его уровня (федерального или регионального). В 2017 г. 6,7 млн пенсионеров (14,6 % от общей их численности) получили социальные доплаты к пенсии. Другими словами, каждому седьмому пенсионеру сложившиеся проблемы в пенсионной системе не позволили в течение своего трудоспособного периода обеспечить даже минимальный уровень пенсии. Достойный же уровень пенсии (согласно Конвенции МОТ, он должен быть не менее 40 % от утраченного заработка) в среднем по России пока не достигнут. В то же время сложилась значительная региональная дифференциация по уровню пенсионного обеспечения (при том, что на территории России действует единая

пенсионная система). Так, на 1 января 2018 г. коэффициент замещения в России варьировался от 20,5 % (в г. Москве) до 54,4 % (в Ивановской области).

Существующие подходы к оценке уровня пенсионного обеспечения населения регионов заключаются в анализе отдельных показателей уровня жизни пенсионеров, что дает общее представление, но не позволяет выявить факторы и тенденции. Отсутствие такого комплексного подхода определяет актуальность исследования в этом направлении.

В своем исследовании В.Д. Роик [14] выделил две теоретико-методологические платформы пенсионного обеспечения. С социальной позиции — это концепции прав человека, качества жизни, доктрины социальной справедливости, правового и социального государства, социального страхования социальных рисков [11] и социальной защиты [19]. С финансово-страховой позиции — это теоретические и концептуальные положения страхового переноса риска, раскладки ущерба, страхового фонда [18], социального бюджетирования [15]. Эти же позиции в российской пенсионной системе заложены в страховой пенсии, поэтому в рамках данного исследования не рассматриваются другие виды пенсий, которые имеют свои источники финансирования.

Согласно федеральному закону[1], определение страховой пенсии и заключается в этих двух подходах. Первый подход предусматривает защиту населения от бедности и гарантирует минимальный уровень пенсионного дохода. Второй подход компенсирует утраченный доход (либо его часть) при наступлении установленных страховых событий и представляет собой резерв части заработной платы. В научной литературе такое сочетание подходов обозначено как двойственная природа пенсионного обеспечения [7], которая строится на балансе интересов плательщиков страховых взносов и получателей пенсий.

Для поддержания баланса интересов участников пенсионной системы реализуются две основные функции: воспроизводственная и распределительная [2, 9], которые соответствуют первому и второму подходам. В своем исследовании А.С. Волкова [5] выделяет семь функций пенсий (воспроизводственная, социальная, перераспределительная, стимулирующая, политическая, регулирующая и статусная), но по сути их содержание сводится к этим двум.

Пенсионная система основана на социально-страховом принципе функционирования для обеспечения экономической заинтересованности

[1] Страховая пенсия — ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости или инвалидности, а нетрудоспособным членам семьи застрахованных лиц — заработной платы и иных выплат и вознаграждений кормильца, утраченных в связи со смертью этих застрахованных лиц, право на которую определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными Федеральным законом от 28.12.2013 № 400-ФЗ.

застрахованных работников (плательщиков страховых взносов) в активном участии. Согласно этому принципу, трудовая пенсия представляет собой компенсацию части утраченной заработной платы работника в случаях достижения им пенсионного возраста, наступления инвалидности, а также в связи со смертью кормильца (применительно к нетрудоспособным членам семьи умершего работника)[1]. Такой принцип предполагает эквивалентность пенсионных обязательств накопленным пенсионным правам застрахованных лиц. Следует отметить, что более правомерно использовать понятие «эквивалентности пенсионных прав» в отношении накопительной пенсионной системы [3, 17]. В рамках же распределительной системы должна соблюдаться зависимость размера пенсии от «трудового участия» каждого застрахованного лица (продолжительности стажа и суммы уплаченных страховых взносов).

Однако помимо страховых случаев назначения пенсии (наступления страхового риска утраты трудового дохода по причинам невозможности продолжения трудовой деятельности либо потеря кормильца) в российской пенсионной системе сохраняется комплекс «нестраховых» элементов, которые не имеют эквивалентных источников своего обеспечения. Одним из таких элементов является система установления досрочных пенсий. В соответствии с пенсионным законодательством правом на досрочную пенсию обладают 22 профессиональные и 10 социальных категорий граждан в силу неблагоприятных климатических, социальных условий и неудовлетворительных условий труда. До 2013 г. абсолютное большинство пенсионеров-«досрочников» финансировалось за счет страховых взносов обязательного пенсионного страхования (исключение составляли отдельные категории граждан) [6]. Как отмечается в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ[2], такая система установления досрочных пенсий не соответствует современным условиям рыночной экономики и социально несправедлива. В своих исследованиях [6] В.А. Долотов выделил основное противоречие в системе досрочного пенсионного обеспечения, которое заключается в следующем. С одной стороны, условия труда полностью зависят от работодателя, которому досрочные пенсии позволяют привлекать кадры на рабочие места с вредными и опасными условиями труда. С другой стороны — досрочные пенсии финансируются из бюджета Пенсионного фонда России (ПФР), что уменьшает размер пенсии всем остальным категориям пенсионеров. В целях обеспечения источника финансирования досрочных трудовых пенсий с 2013 г. введен дополнительный тариф страховых взносов в ПФР для работодателей, имеющих рабочие места с вредными и опасными производствами. В настоящее время в отношении остальных категорий граждан, имеющих право на досрочную пенсию, пенсионным законодательством самостоятельных источни-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 N 2524-р (ред. от 06.12.2017) «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации».

[2] Там же.

ков финансирования не установлено. В Стратегии[1] все пенсионные права «нестрахового» характера предлагается учитывать в рамках государственного пенсионного обеспечения с установлением механизма финансового обеспечения за счет средств федерального бюджета.

В отношении самозанятых, работающих на временной работе, и работников, чья заработная плата не превышает двух прожиточных минимумов, также нарушается зависимость размера пенсии от «трудового участия» каждого застрахованного лица. Такие формы занятости сопряжены с риском ненакопления необходимых финансовых ресурсов на личных пенсионных счетах [13]. Охват пенсионным страхованием самозанятого населения и населения, занятого в неформальном секторе, составляет порядка 15–20 % их общей величины [10]. Не участвуя в финансировании системы обязательного пенсионного страхования (или участвуя в минимальном объеме, с финансовой точки — символично), эти категории граждан не могут сформировать пенсионные права в объеме, соответствующем объему прав граждан, работающих по найму. В итоге выплата пенсии этим лицам финансируется за счет взносов остальных работников и бюджетных трансфертов, что социально неоправданно [8]. Такой механизм не обеспечивает страховые стимулы для самозанятого населения к формированию своих пенсионных прав.

Страховой принцип нарушен и в «новой» пенсионной формуле, поскольку она допускает разную оценку одинакового вклада в пенсионную систему. Эта формула ликвидирует непосредственную зависимость размера пенсии от суммы взносов [12]. При равной продолжительности стажа и одинаковой сумме уплаченных страховых взносов застрахованный работник может получить разный размер пенсии, если отложит ее оформление. Такое «нестраховое» солидарное перераспределение, безусловно, решает проблемы нехватки трудовых ресурсов, вызванной процессом старения населения, но и является причиной нивелирования пенсионных прав.

Таким образом, современная пенсионная система России, основанная на страховых принципах, сохраняет черты прежней советской системы социального обеспечения. А ее переходный характер, как отмечает В.Д. Роик [10], связан с незавершенностью преобразований в налоговой системе, в сфере доходов и занятости населения. Отход от страховых принципов имеет региональный характер, зависящий от специализации регионов (досрочные пенсии для работников вредных и опасных производств), их климатических условий («северная» пенсия), населения (возможности и желания лиц пенсионного возраста продолжить работать) и другого. Поэтому, с одной стороны, особенности регионов (теневая занятость, уровень заработной платы и др.) влияют на объем поступлений страховых взносов [4], а значит и в целом на уровень пенсионного обеспечения, а с другой стороны — наличие «нестраховых» элементов вызывает региональную дифференциацию по уровню пенсионного обеспечения. Схематично

[1] Там же.

Рис. *Методологический подход к оценке пенсионного обеспечения населения на региональном уровне*

методологический подход к оценке пенсионного обеспечения населения на региональном уровне представлен на рисунке.

Из представленной схемы видно, что финансовую основу обязательного социального пенсионного страхования составляют страховые отношения. Смещение пенсионной системы в сторону социального обеспечения

усиливает отход от страховых принципов и увеличивает финансовую нагрузку. Обеспечение зависимости размера пенсии от «трудового участия» каждого застрахованного лица (продолжительности стажа и суммы уплаченных страховых взносов) является основной задачей при проведении параметрических пенсионных преобразований.

Список источников

1. 2014 Pension Sustainability Index: International Pension Papers 1/2014. — Munich: Allianz SE, 2014. — 32 p. [Электронный ресурс]. URL: http://pensionreform.ru/files/69424/2014_PSI_ES_final.pdf (дата обращения: 03.05.2018).

2. *Борисенко Н. Ю.* Пенсионное обеспечение. — М.: Дашков и Ко, 2009. — 576 с.

3. *Бурлака Н. П.* Некоторые проблемы реализации страховых принципов в российской пенсионной системе // Достижения науки и образования. — 2016. — № 4(5). — С. 22–24.

4. *Васильева А. В., Тарасьев А. А.* Оценка выпадающих налоговых поступлений в бюджеты субъектов Российской Федерации от нелегальной деятельности трудовых мигрантов (на примере Свердловской области) // Уровень жизни населения регионов России. — 2013. — № 6 (184). — С. 88–92.

5. *Волкова С. А.* Функции пенсионной системы и показатели их оценки // Идеи и идеалы. — 2011. — № 4(10). — Т. 2. — С. 17–24.

6. *Долотов В. А.* Проблемы досрочных пенсий и их влияние на финансовую устойчивость пенсионной системы России // Уровень жизни населения регионов России. — 2012. — № 3. — С. 31–38.

7. *Ермак Л. А.* Пенсионирование в системе социального страхования. — М.: Институт экономики РАН, 2016. — 47 с.

8. *Малева Т. М., Горлин Ю. М., Гришина Е. Е.* Преимущества и риски введения фиксированного платежа с застрахованных лиц в пенсионную систему // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2016. — № 9 (91). — 30 с.

9. *Орлов С. Н., Шеметов А. П.* Пенсионное обеспечение в Российской Федерации. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. –106 с.

10. *Роик В. Д.* Архитектура пенсионных институтов России: состояние и перспективы // Журнал новой экономической ассоциации. — 2015. — № 3 (27). — С.184–189.

11. *Роик В. Д.* Основы социального страхования: организация, экономика и право. — М.: Изд-во РАГС, 2007. — 456 с.

12. *Роик В. Д.* Пенсионная реформа: критерии оценки // Народонаселение. — 2013. — № 4(62). — С. 4–17.

13. *Роик В. Д.* Пенсионное страхование в XXI веке // Народонаселение. — 2015. — № 2(68). — С. 28–38.

14. *Роик В. Д.* Пенсионное страхование и обеспечение: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2018. — 350 с.

15. *Роик В. Д.* Социальный бюджет России и основы социального бюджетирования. — М.: Изд-во АТиСО, 2008. — 421 с.

16. Россия занимает 14 место в Индексе устойчивости пенсионных систем Allianz. Информационно-аналитический портал Лаборатория пенсионной системы. URL: http://pensionreform.ru/69563 (дата обращения: 03.05.2018).

17. Социальная политика: учебник для бакалавров / под ред. Е. И. Холостовой и Г. И. Климантовой. — М: Юрайт, 2011. — 367 с.

18. *Худяков А. И.* Теория страхования. — М.: Статут, 2010. — 656 с.

19. *Якушев Л. П.* Социальная защита. — М.: Изд-во Университета управления, 1998. — 291 с.

Информация об авторе

Чистова Елена Витальевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620114, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: elvitvas@ya.ru).

Chistova E. V.

Approach to Assessing the Retirement Provision of the Population at Regional Level

Currently, there is a significant regional differentiation in the level of pension provision, despite the fact that in Russia there is a single pension system. In order to identify the factors of such differentiation, the study set and solved the problem of forming a methodological approach to assessing the pension provision of the population at the regional level. Two approaches underlying the formation of the insurance pension are considered. The dual nature of pension provision consisting in balance of interests of insurance premium payers and pension recipients and functions aimed at its realization is described. The social insurance principle, assuming equivalence of pension rights at accumulative pension system and dependence of the size of pension on «labor participation» at distributional one, is revealed. However, in addition to insured cases of pension assignment (occurrence of insurance risk of loss of labor income due to inability to continue working or loss of a breadwinner), the Russian pension system retains a set of "non-insurance" elements that do not have equivalent sources of their security. One such element is the early retirement scheme. As noted in the Strategy of long-term development of the pension system of the Russian Federation, such a system of establishing early pensions does not meet modern conditions of the market economy and is socially unfair, as well as contradicts the insurance principle. In the case of self-employed workers, temporary workers and workers whose wages do not exceed two living wages, the dependence of the pension on the «labour participation» of each insured person is also violated. The insurance principles are also violated in the «new» pension formula, as it allows different assessment of the same contribution to the pension system. The departure from the insurance principles has a regional character, depending on the specialization of the regions (the system of early pensions for workers of harmful and hazardous industries), their climatic conditions («Northern» pension), the population (possibility and desire of retirement age persons to work), etc.

Keywords: pension, insurance principle of pension provision, region, the uninsured elements, early retirement, pension formula

References

1. 2014 Pension Sustainability Index, International Pension Papers 1/2014. Munich: Allianz SE, 2014. 32 p. URL: http://pensionreform.ru/files/69424/2014_PSI_ES_final.pdf (circulation date: 03.05.2018).

2. Borisenko N. Yu. Pension. — M.: Dashkov & Co, 2009. — 576 p.

3. Burlaka N. P. Some problems of implementation of insurance principles in the Russian pension system // Achievements of science and education. — 2016. — No. 4 (5). — P. 22–24.

4. Vasileva A. V., Tarasyev A. A. Assessment of the drop in tax revenues to the budgets of subjects of the Russian Federation from illegal activities of labour migrants (by the example of Sverdlovsk region) // Living Standards of the population of Russian regions. — 2013. — No. 6 (184). — P. 88–92.

5. Volkova S. A. Functions of the pension system and the indicators of assessment // Ideas and ideals. — 2011. — No. 4 (10). –Vol. 2. — P. 17–24.

6. Dolotov V. A. Problems of early pensions and their impact on the financial stability of the pension system of Russia // Living Standards of the population of Russian regions. — 2012. — No. 3. — P. 31–38.

7. Ermak L. A. Pensions in the system of social insurance. — M.: Institute of Economics of RAS, 2016. — 47 p.

8. Maleva T. M., Gorlin Y. M., Grishina E. E. Benefits and risks the introduction of fixed payment to the insured individuals into the pension system // Management of economic systems: electronic scientific journal. — 2016. — No. 9 (91). — 30 p.

9. Orlov S. N., Shemetov A. P. Pension provision in the Russian Federation. — Kurgan: Publishing House of Kurgan state University, 2013. — 106 p.

10. Roik V. D. Architecture of pension institutions in Russia: state and prospects // Journal of the new economic Association. — 2015. — No. 3 (27). — P. 184–189.

11. Roik V. D. Fundamentals of social insurance: organization, economics and law. — Moscow: Publishing House of RACS, 2007. — 456 p.

12. Roik V. D. Pension reform: evaluation criteria // Population. — 2013. — No. 4 (62). — P. 4–17.

13. Roik V. D. Pension insurance in the XXI century // Population. — 2015. — No. 2 (68). — P. 28–38.

14. Roik V. D. Pension insurance and security: study guide for bachelor's and master's degree. — 2nd edition, revised expanded edition. — M.: Publishing house of Yurayt, 2018. — 350 p.

15. Roik V. D. Social budget of Russia and the basics of social budgeting. — M.: Publishing house of atiso, 2008. — 421 p.

16. Russia ranks 14th in the Index of sustainability of pension systems Allianz. Information and analytical portal laboratory of the pension system. URL: http://pensionreform.ru/69563 (date: 03.05.2018).

17. Social policy: textbook for bachelors / ed. by E. I. Kholostova and G. I. Klimantova. — M: Yurayt, 2011. — 367 p.

18. Khudyakov A. I. Theory of insurance. — M: Statute, 2010. — 656 p.

19. Yakushev L. P. Social protection. — Moscow: Publishing house of the University of management, 1998. — 291 p.

Author

Chistova Elena Vitalyevna — PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Russia (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moskovskaja St., 29; e-mail: elvitvas@ya.ru).

УДК 332.14.+330.43

Шамова Е. А.

ФАКТОРНОЕ ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА[1]

В статье изложены результаты исследования факторного влияния показателей уровня жизни населения региона на уровень его устойчивого развития. Описана авторская методика оценки факторного влияния, в соответствии с которой проведены расчеты по 80 регионам РФ по данным 2015 г. Инструментарий исследования: методы многомерного статистического анализа — факторный анализ, корреляционно-регрессионный анализ. Предложено в качестве результирующего показателя устойчивого развития региона использовать индекс регионального экономического благосостояния, по своей экономической сути сопоставимый с международным показателем Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW). Сделаны выводы о значимости отдельных факторов уровня жизни, оказывающих влияние на уровень устойчивого регионального развития. Даны рекомендации по проведению государственной политики, направленной на устойчивое развитие российских регионов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки программ мероприятий по обеспечению регионального устойчивого развития с учетом факторов уровня жизни населения.

Ключевые слова: цели развития тысячелетия, устойчивое развитие, региональное развитие, уровень жизни населения, факторы развития, государственная политика

В сентябре 2015 г. на Саммите ООН были подведены итоги реализации человечеством Целей развития тысячелетия [2] и приняты новые Цели устойчивого развития на 2016–2030 гг. Устойчивое развитие и его цели предусматривают сбалансированную динамику социальной, экономической и экологической компонент. В принятой на Саммите Повестке дня до 2030 г. [3] рекомендуется всем государствам-членам подготовить национальные программы, охватывающие аспекты перехода к устойчивому развитию. В основе данных программ должны лежать принципы, указанные в Декларации «Будущее, которое мы хотим» (принята в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН в 2012 году [4]). Они отражают переход к устойчивому развитию, подразумевающему экономический и социальный прогресс при условии сохранения благоприятной окружающей среды. Несмотря на то, что данные программы имеют национальный уровень, для Российской Федерации должны быть рассмотрены особенности ее реализации на региональном уровне в свете значительной региональной дифференциации внутри страны.

---

[1] © Шамова Е. А. Текст. 2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта фундаментальных исследований Уральского отделения Российской академии наук № 18–6-7–18 «Научно-технологическое развитие регионов на принципах зеленой экономики».

Поскольку устойчивое развитие подразумевает сбалансированную динамику социальной, экономической и экологической компонент, в последние годы появилось достаточно большое число исследований как в России, так и за рубежом, посвященных взаимоувязке этих трех процессов, в том числе степени их воздействия на региональное развитие, а также факторному влиянию компонент друг на друга. Но большинство из них посвящено анализу экономической или экологической компонент, тогда как социальная компонента, измеримая показателями уровня жизни, не столь подробно изучена.

Программа перехода к устойчивому развитию должна определить мониторинговые индикаторы, позволяющие оценить достижение поставленных целей. При оценке устойчивости регионов одним из распространенных приемов является использование интегральной оценки, которая сводится к обоснованному отбору наиболее информативных показателей и подходов к их нормированию. Данный подход используется в большинстве исследований по оценке уровня устойчивого развития регионов. Так, среди системы индикаторов целей развития тысячелетия, предложенной ООН, направленой на оценку эффективности действий по решению социальных проблем и развитию человеческого потенциала в развитых странах, можно выделить ряд показателей, которые характеризуют цели роста качества жизни [5]. Однако простой индикативный метод не позволяет выявить взаимосвязи между параметрами уровня жизни и устойчивым развитием территорий. Поэтому цель настоящего исследования заключается в разработке методики оценки влияния факторов уровня жизни на уровень устойчивого развития регионов РФ.

Методика оценки факторного влияния уровня жизни населения на устойчивое развитие региона включает в себя последовательное прохождение следующих этапов. Сначала формируется система показателей на основании данных Федеральной службы государственной статистики, поскольку эти данные отвечают таким критериям, как достоверность, надежность, информативность, сопоставимость и качество информации. Далее проводятся обработка и анализ исходного массива данных на основании факторного анализа. На основании полученного массива данных осуществляется решение задачи о числе значимых факторов. Для каждого выделенного фактора проводится определение оценок, в том числе интегральных. Полученные оценки по каждому выделенному фактору являются основой построения регрессионной модели, позволяющей оценить взаимосвязи между факторами уровня жизни и устойчивым развитием территорий. После построения регрессионной модели зависимости между результирующим показателем — устойчивым развитием территории и выделенными факторами уровня жизни населения производится проверка значимости параметров регрессии по критериям Стьюдента и Фишера. В заключение дается интерпретация результатов исследования.

Таблица 1

Система показателей, характеризующая уровень жизни населения региона

Переменная	Показатель
x_1	Реальные денежные доходы населения (в процентах к предыдущему году)
x_2	Реальная начисленная заработная плата работников организаций (в процентах к предыдущему году)
x_3	Реальный размер назначенных пенсий (в процентах к предыдущему году)
x_4	Ежемесячные потребительские расходы в среднем на душу населения (в процентах к предыдущему году)
x_5	Коэффициент фондов, раз
x_6	Соотношение с величиной прожиточного минимума среднедушевых денежных доходов, %
x_7	Соотношение с величиной прожиточного минимума среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций, %
x_8	Соотношение с величиной прожиточного минимума среднего размера назначенных пенсий (на 1 января 2017 г.), %
x_9	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума
x_{10}	Индекс уровня сбережений населения
x_{11}	Индекс численности безработных
x_{12}	Уровень безработицы, %
x_{13}	Коэффициент напряженности на рынке труда
x_{14}	Уровень участия в рабочей силе
x_{15}	Среднегодовая численность занятых (в процентах к предыдущему году)
x_{16}	Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя (в процентах к предыдущему году)
x_{17}	Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда
x_{18}	Уровень благоустройства жилого фонда

В качестве исходного массива данных было отобрано 18 показателей, характеризующих уровень жизни населения по регионам РФ (табл. 1).

После проведения редукции данных на основе использования техники факторного анализа было выделено 6 главных факторов (табл. 2). При этом по причине незначимости полностью ушли переменные x_3, x_4, x_8, x_{10}, x_{11}, x_{13}, x_{15}, x_{16}, x_{17}, x_{18}. В случае двух объясняющих переменных в составе фактора осуществлялось построение интегральных оценок на основе применения метода многомерной средней. Анализ был произведен для 80 регионов РФ (без учета Крыма) по каждому выделенному фактору.

Таблица 2

Факторы уровня жизни регионов РФ за 2016 г.

Факторы	Номер фактора	Показатели
Фактор уровня доходов населения	F_1	x_1, x_2
Фактор уровня расслоения населения	F_2	x_5
Фактор уровня благосостояния населения	F_3	x_6, x_7
Фактор уровня бедности населения	F_4	x_9
Фактор уровня безработицы	F_5	x_{12}
Фактор уровня занятости населения	F_6	x_{14}

В качестве показателя, характеризующего уровень устойчивого развития региона, выступил показатель «индекс регионального экономического благосостояния». Данный показатель является интегральным, предложен нами с целью максимально близкой интерпретации показателя Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW), который расчитывается на уровне национальных экономик и предназначен для определения уровня устойчивого развития страны [1]. Особенностью данного показателя является учет в показтеле ВВП социального неравенства и экологической нагрузки, характерных для конкретной территории. При расчете индекса происходит корректировка размера личного потребления на величину дифференциации доходов, как правило, измеримую с помощью коэффициента Джини. Далее индекс уменьшается на величину стоимостной оценки загрязнения окружающей среды и снижения уровня природного потенциала и биоразнообразия территории. Индекс регионального экономического благосостояния рассчитывается на основании данных показателя фактического конечного потребления домашних хозяйств, скорректированного на коэффициент Джини. Поскольку в статистике последним годом, по которому есть данные ВРП, является 2015 г., расчеты были проведены на этот год. Далее из скорректированных данных по потреблению домохозяйств вычитаются расчетные стоимостные показатели по оценке ущерба от загрязнения окружающей среды, полученные как произведение выбросов в атмосферу, не уловленных очистными сооружениями, в тоннах на условную стоимость экологического ущерба от одной тонны загрязняющих веществ. Также вычитаются штрафы за загрязнение окружающей среды в пределах и выше предельно допустимых норм. Но при этом суммируются расходы региональной экономики на сохранение и воспроизводство природной среды.

На основе рассчитанных факторных интегральных оценок и результирующего показателя индекса регионального экономического благосостояния за 2015 г. была построена регрессионная модель. В процессе построения модели часть факторов была исключена, поскольку они не проходили по критериям значимости Стьюдента и Фишера. Полученное линейное уравнение регрессии:

$$Y = -147511 + 423{,}6\,F_3 - 2120\,F_4 + 2723{,}5\,F_6.$$

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

1) Два фактора формируют уровень показателя регионального экономического благосостояния: занятость населения и уровень его благосостояния. Суммирующее влияние данных факторов должно превышать отрицательную константу, которая отражает отрицательное воздействие экономики на экологию.

2) Наиболее значимым фактором, оказывающим влияние на формирование регионального экономического благосостояния, является занятость населения. Поэтому первоочередные мероприятия при формировании политики, направленной на повышение устойчивости регионального развития, должны быть направлены на обеспечение занятости населения. При этом доходы от занятости должны стремиться к максимальному превышению над величиной прожиточного минимума, а ежегодный рост доходов от занятости быть выше уровня роста величины прожиточного минимума.

3) Фактор бедности населения, опирающийся на расчетный показатель численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, оказывает непосредственное отрицательное воздействие на формирование регионального экономического благосостояния. Таким образом, государственная политика роста уровня устойчивости региона должна быть непосредственным образом связана с политикой ликвидации бедности.

4) Влияние остальных трех социальных факторов, приведенных в таблице 2, на формирование устойчивого экономического роста региона незначительно. При этом следует отметить, что такие индикаторы, как уровень доходов населения (F_1) и уровень расслоения населения (F_2) имеют положительное влияние на формирование результирующего показателя, а уровень безработицы (F_5) — отрицательный. Это означает то, что с одновременным развитием региона растут как средний уровень дохода населения, так и уровень его расслоения, при снижении безработицы на территории.

Список источников

1. *Stockhammera E., Hochreiterb H., Obermayrb B., Steinerb K.* The index of sustainable economic welfare (ISEW) as an alternative to GDP in measuring economic welfare. The results of the Austrian (revised) ISEW calculation 1955–1992 [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.1016/S0921–8009(96)00088–2.

2. Summing up the results of the global partnership for development. Report of the Task Force on the Assessment of Progress towards the MDGs; The Millennium Development Goals: a report for 2015; Development Cooperation Report 2015. Official website of the United Nations [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/millenniumgoals/reports.shtml.

3. Transformation of our world: An Agenda for Sustainable Development for the period until 2030. UN, 2015. 45 p. Official website of the United Nations [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/70/L.1.

4. The future that we want. The final document of the UN Conference. — Riode Janeiro, 2012. — 66 p.

5. Цели развития тысячелетия ООН. [Electronic resource]. URL: http://russia-un.ru/ru/node/29

Информация об авторе

Шамова Елена Алексеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: heleneo@mail.ru).

Shamova E. A.

Factor Effect of the Living Standards of the Population on the Sustainable Development of the Region

The article contains the results of a study of factor influence of the living standards of the population of the region on the level of its sustainable development. The author's methodology for assessing the factorial influence is described, according to which calculations were made for 80 regions of the Russian Federation according to the data of 2015.Research tools: methods of multivariate statistical analysis — factor analysis, correlation-regression analysis. The index of regional economic welfare, which is comparable in economic terms to the international indicator Index of Sustainable Economic Welfare (ISEW). Conclusions are drawn about the significance of certain factors in the standard of living that affect the level of sustainable regional development. Recommendations are given on the implementation of state policy aimed at sustainable development of Russian regions.The results of the study can be used to develop programs of measures to ensure regional sustainable development, taking into account the factors of the living standards of the population.

Keywords: Millennium Development Goals, sustainable development, regional development, living standards, development factors, public policy

References

1. Stockhammera E., Hochreiterb H., Obermayrb B., Steinerb K. The index of sustainable economic welfare (ISEW) as an alternative to GDP in measuring economic welfare. The results of the Austrian (revised) ISEW calculation 1955–1992 [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.1016/S0921–8009(96)00088–2.

2. Summing up the results of the global partnership for development. Report of the Task Force on the Assessment of Progress towards the MDGs; The Millennium Development Goals: a report for 2015; Development Cooperation Report 2015. Official website of the United Nations. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/millenniumgoals/reports.shtml.

3. Transformation of our world: An Agenda for Sustainable Development for the period until 2030. UN, 2015. 45 p. Official website of the United Nations. [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/70/L.1.

4. The future that we want. The final document of the UN Conference. — Rio de Janeiro, 2012. — 66 p.

5. The Millennium Development Goals of the UN (in Russian). [Electronic resource]. URL: http://russia-un.ru/ru/node/29.

Author

Shamova Elena Alekseevna — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620014, Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: heleneo@mail.ru).

УДК 314.146 : 314.15

Шмарова И. В., Багирова А. П.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРАТ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

В статье представлены результаты исследования динамики материальных затрат на воспроизводство населения. С этой целью было реализовано два эмпирических исследования: анализ динамики существующих затрат на воспроизводство населения и изучение изменения материального положения семей с детьми. Была проанализирована динамика выплат государственных материнских и детских пособий, расходов бюджета Свердловской области на обеспечение детей дошкольным, общим и профессиональным образованием, социальную поддержку семей с детьми, расходов на детское здравоохранение, исследованы уровни и динамика изменения заработной платы репродуктивно активной группы населения и др. Источником информации для анализа являются данные Федеральной службы государственной статистики, а также бюджетов Свердловской области за период с 2011 по 2016 гг.

Результаты исследования позволили выявить положительную динамику государственных расходов на воспроизводство населения как на федеральном, так и на региональном уровне. Вместе с тем низкое соотношение величины выплат пособий на ребенка и величины прожиточного минимума на ребенка не позволяет говорить о том, что поставленные в демографической политике задачи материального стимулирования и поддержки воспроизводства населения полностью решены. Выявлено смещение выплат государственных пособий в сторону обеспечения поддержки родителей до достижения ребенком 1,5 года и последующего стимулирования трудовой активности родителей, путем возложения прямых затрат на уход и развитие ребенка на плечи родителей после достижения указанного возраста. Одновременно в статье показано увеличение уровня безработицы женщин с детьми, а также величины существующего разрыва заработной платы женщин фертильного возраста по отношению к заработной плате мужчин этой же возрастной категории, что может явиться сдерживающим фактором при принятии женщинами решения о рождении второго и последующих детей.

Полученные результаты могут быть использованы при корректировке мер демографической политики, реализуемой в Свердловской области.

Ключевые слова: затраты на воспроизводство населения, материальные затраты родительского труда, демографическая политика, Свердловская область

---

[1] © Шмарова И. В., Багирова А. П. Текст. 2018.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

В последнее десятилетие на всех уровнях руководства страны стало понятно, что для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации необходим рост уровня воспроизводства населения. Это привело сначала к признанию кризисного положения семьи в российском обществе, а затем к разработке мер, направленных на поддержку материнства и детства, стимулирование вторых и третьих рождений и т. п. [1, с. 97]. Вместе с тем проблему демографического развития общества все еще нельзя назвать решенной: по-прежнему высока вероятность наступления пессимистического варианта официального демографического прогноза, согласно которому естественная убыль населения не будет восполняться миграционным приростом, что приведет в течение последующих двадцати лет к снижению численности населения России практически на 10 %[1].

Анализ исследований российских ученых, занимающихся этой проблематикой, показал, что они фиксируют в нашем обществе следующие тенденции:

— воздействие экономических факторов на воспроизводство населения (занятость женского населения, изменение материальных условий, эффективность системы пособий, экономическое развитие территории и благополучия населения и др. [2, 3, 4, 5]);

— влияние социальных факторов, в числе которых в качестве детерминант рождаемости отмечаются брачное, контрацептивное, абортивное поведение, репродуктивное здоровье [6];

— кризис института семьи [7] и др.

В мировой демографической науке изучению экономических причин снижения рождаемости уделяется особое внимание. Например, в работах А. Адсера, Н. Ан, П. Мира в качестве факторов, оказывающих сильное влияние на уровень рождаемости в стране, выделены уровень занятости женщин, а также величина упущенной выгоды, которая определяется авторами как снижение заработной платы матери вследствие потерянного опыта работы во время нахождения в отпуске по уходу за ребенком, низкий рост заработной платы работающих матерей, а также повышенный риск безработицы [8]. А. Кэлвейдж, С. Оливетти, В. Петронгл выявили положительное влияние на показатели рождаемости государственных расходов на семейные пособия, пособия по беременности и родам, пособий по уходу за ребенком, а также субсидий на уход за детьми [9]. М. Авендано, Л. Беркман, А. Бруджавини, Дж. Пасини показали, что реализуемая на государственном уровне политика материальной поддержки родительства также оказывает долгосрочное воздействие на психологическое здоровье матери [10].

Изучение демографических показателей в Свердловской области позволило увидеть наличие негативной популяционной динамики: если в период с 2011 по 2015 гг. происходил рост численности населения области

[1] Демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/36727.

вследствие увеличения рождаемости, то в 2016–2017 гг. этот рост сменился естественной убылью населения, а общий коэффициент рождаемости снизился на 13,8 % по отношению к уровню 2015 г.[1] Представляется, что в текущих условиях приоритетными направлениями демографической политики Свердловской области должны стать разработка и реализация мер, направленных на увеличение рождаемости, укрепление ценности родительского труда, поддержку института молодой семьи.

Принято считать, что экономические меры поддержки рождаемости являются ключевыми в стимулировании рождаемости. Так, например, согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в декабре 2017 г., 63 % россиян уверены в том, что улучшение материального благосостояния семей может помочь увеличить рождаемость[2]. Вместе с тем разработка, реализация, а также оценка эффективности мер материальной поддержки должны предваряться изучением затрат, связанных с реализацией родительского труда. При этом для их адекватной оценки необходимо анализировать не только величину затрат, которая возмещается государством (например, в виде выплачиваемых материнских и детских пособий, льгот, сумм, направляемых на получение детьми образования, и др.), но и той их части, которая финансируется из бюджета семьи (т. е. полностью возлагается на родителей). В связи с этим мы выделяем прямые и косвенные затраты родительского труда. Прямые затраты — это затраты семьи, направленные на воспитание, уход за ребенком, его образование и социализацию, величина которых зависит от возраста ребенка (вследствие изменения потребностей ребенка) и от желания/готовности родителей инвестировать в человеческий капитал своих детей. К косвенным затратам относятся затраты государства на получение детьми образования, детское здравоохранение, развитие детско-юношеского спорта и др., финансируемые на текущий момент из государственных бюджетных и внебюджетных фондов. К особенностям косвенных затрат можно отнести отсутствие их выраженной связи с функциями родительского труда (например, увеличение финансирования школьного образования непосредственно не приведет к увеличению рождаемости), ограниченное влияние на общий уровень затрат родительского труда, а также, в отличие от прямых затрат, невозможность непосредственного соотнесения этих затрат с результатами родительского труда. Классификация затрат на основе предложенных критериев позволит выделить материальную составляющую затрат на осуществление родительского труда, что в свою очередь приведет к более точной оценке затрат, связанных с воспроизводством населения, а также разработке действенных мер демографической политики.

Мы провели два эмпирических исследования:

---

[1] Демографические показатели Федеральной службы государственной статистики о численности населения [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/31556.

[2] Рождаемость в России: меры и мнения. Опрос ВЦИОМ 22.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116649.

Рис. *Структура выплат материнских и детских пособий в Свердловской области (по: Данные о денежных доходах и расходах населения в 2011–2016 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/9416e1004017ce639c45fec7692f4691), %*

1) Анализ динамики существующих затрат на воспроизводство населения (как на государственном уровне, так и на уровне домохозяйств) за 2011–2016 гг., источником информации стали данные Федеральной службы государственной статистики и бюджета Свердловской области.

2) Изучение изменения материального положения семей с детьми в РФ за период 2011–2016 гг. Источник информации — данные Федеральной службы государственной статистики. В ходе исследования анализировались показатели расходов на конечное потребление, показатели изменения прожиточного минимума на ребенка, а также изменение роста заработной платы женщин фертильного возраста и уровень безработицы женщин с детьми в Свердловской области.

Основные результаты этих исследований таковы:

1. В период с 2011 по 2016 гг. в Свердловской области наблюдался рост объемов выплаченных материнских и детских пособий в 2,44 раза. Применение индексного метода факторного анализа позволило выявить, что изменение этого показателя было обусловлено увеличением суммы выплат на одного ребенка более чем в 2 раза, а также увеличением численности детей на 11 %. Одновременно изучение структуры выплат материнских и детских пособий позволило выявить дисбаланс в объеме выплачиваемых пособий в сторону выплат на начальном этапе родительства — до достижения ребенком 1,5 года (рис.).

2. Исследование косвенных затрат на уровне бюджета Свердловской области свидетельствует о заинтересованности региональных властей в реализации мер государственной демографической политики. За анализируемый период (2011–2016 гг.) инвестиции в человеческий капитал, осуществляемые государством, выросли в 2,21 раза. Это увеличение произошло в том числе за счет:

Таблица 1

Динамика косвенных затрат на осуществление родительского труда на основе анализа бюджета Свердловской области, тыс. руб.

Показатели	2011	2016	Индекс роста
Расходы государства на обеспечение образования детей	24751147	48187111	1,95
Расходы государства на оказание высокотехнологичной медицинской помощи, связанной с репродуктивными технологиями, а также на охрану здоровья детей	30625	536702	17,52
Социальные выплаты	4790425	16247129	3,39
Косвенные затраты родительского труда	29572197	64970943	2,20

— роста областных расходов на оказание высокотехнологичной медицинской помощи, связанной с репродуктивными технологиями, а также расходов на охрану здоровья детей;

— увеличения областных расходов на обеспечение образования детей;

— увеличения социальных выплат, включающих в себя оказание услуг (выполнение работ) организациями социального обслуживания семьи и детей, социальные выплаты и пособия, финансируемые из областного бюджета, предоставление областного материнского капитала и др. (табл. 1).

3. За анализируемый период 2011–2016 гг. домашние хозяйства Свердловской области стали более позитивно оценивать свое финансовое положение: в 2,23 раза увеличилось количество домохозяйств, которые могут позволить купить все, что считают нужным, происходит снижение доли малоимущих домохозяйств с детьми в общей численности домохозяйств[1].

Вместе с тем за этот же период произошел рост средней величины прожиточного минимума на ребенка в 1,62 раза, суммы расходов на конечное потребление домохозяйств с детьми также увеличились[2]. Как следует из представленных в таблице 2 данных, суммы пособий на детей в исследуемом периоде были в 4–6 раз меньше величины прожиточного минимума на ребенка.

В связи с тем, что объем финансирования материнских и детских пособий в большей степени ориентирован на выплаты пособий до достижения ребенком 1,5 года, затраты, связанные с уходом за ребенком после

[1] Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы о доле малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#.

[2] Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о величине прожиточного минимума на ребенка до 15 лет [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#.

Таблица 2

Соотношение величины выплат пособий на ребенка и величины прожиточного минимума в Свердловской области

Год	Средняя величина прожиточного минимума на ребенка, руб.	Величина выплачиваемых детских пособий на 1 ребенка в месяц, руб.	Соотношение величины материальных пособий на 1 ребенка в месяц и средней величины прожиточного минимума
2011	6363	1154,55	0,18
2012	6360,5	1243,85	0,20
2013	7257,5	2063,45	0,28
2014	8001,5	2115,14	0,26
2015	9818	2445,29	0,25
2016	10300,5	2535,17	0,25

Таблица 3

Динамика количества безработных женщин фертильного возраста в РФ

Годы	Количество безработных женщин, тыс. человек			Индекс роста		
	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–39 лет
2014	350	289	402	1,00	1,00	1,00
2015	385	320	471	1,10	1,11	1,17
2016	370	343	491	1,06	1,19	1,22

достижения этого возраста, практически полностью ложатся на плечи родителей. Изучение уровня безработицы женщин, имеющих детей в возрасте до 6 лет, показало, что в период с 2014 по 2016 гг. данный показатель в РФ увеличился на 18,6 %[1].

Полученные показатели коррелируют с ростом показателей количества безработных женщин фертильного возраста в Российской Федерации в изучаемый промежуток времени (табл. 3).

Еще одним фактором, способным повлиять на решение о рождении ребенка и на благосостояние семей с детьми, является рост заработной платы родителей. Изучение показателей заработной платы с разделением по половозрастному признаку позволит не только выявить динамику показателя, но и определить гендерный разрыв в заработной плате. Кроме того, для родителей любое изменение величины заработной платы будет являться более значимым, нежели для бездетных семей, вследствие наличия ребенка на иждивении.

Анализ уровня заработной платы по полу и возрастным группам позволил выявить существенное превышение уровня заработной платы мужчин в каждой из анализируемых возрастных групп (табл. 4). В 2011–2015 гг. во

[1] Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики об уровне безработицы женщин, имеющих детей дошкольного возраста (0–6 лет) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#.

Таблица 4

Сравнение уровня средней начисленной заработной платы работников по полу и возрастным группам*

Показатель	2011 г.			2015 г.		
	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет
Руководители						
Уровень средней начисленной заработной платы мужчин, руб.	31865	44243	54192	50091	60473	72417
Уровень средней начисленной заработной платы женщин, руб.	24939	33941	37059	35294	46889	50991
Соотношение между уровнем заработной платы мужчины и женщины	1,28	1,30	1,46	1,42	1,29	1,42
Специалисты высшего уровня квалификации						
Уровень средней начисленной заработной платы мужчин, руб.	25588	32529	35602	35950	43883	51447
Уровень средней начисленной заработной платы женщин, руб.	19491	23224	23715	28363	33650	33914
Соотношение между уровнем заработной платы мужчины и женщины	1,31	1,40	1,50	1,27	1,30	1,52
Специалисты среднего уровня квалификации						
Уровень средней начисленной заработной платы мужчин, руб.	23920	31222	31443	35304	43246	43591
Уровень средней начисленной заработной платы женщин, руб.	14916	16371	16214	24033	26733	27116
Соотношение между уровнем заработной платы мужчины и женщины	1,60	1,91	1,94	1,47	1,62	1,61
Неквалифицированные рабочие						
Уровень средней начисленной заработной платы мужчин, руб.	14529	15396	15022	20799	23171	21214
Уровень средней начисленной заработной платы женщин, руб.	10605	10277	10124	15873	15824	15387
Соотношение между уровнем заработной платы мужчины и женщины	1,37	1,50	1,48	1,31	1,46	1,38

* Данные о средней начисленной заработной плате работников организаций по занятиям, полу и возрастным группам [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm.

всех рассматриваемых возрастных группах происходит рост заработной платы более чем в 1,34 раза. При этом наибольшие показатели прироста заработной платы демонстрирует возрастная группа 20–24 года.

Реализованное исследование позволило, с одной стороны, дать положительную оценку реализации выбранного курса демографической политики, а с другой — выявить негативные тенденции, требующие их более

внимательного изучения и последующей соответствующей корректировки реализуемых в настоящее время мер.

Так, к положительным моментам можно отнести увеличение расходов государства на реализацию демографической политики на всех уровнях руководства страны (федеральном и региональном), что привело к более позитивной оценке финансового положения домохозяйств с детьми.

Вместе с тем, были получены и негативные результаты:

1) Низкий уровень соотношения величины выплат пособий на ребенка и величины прожиточного минимума не позволяет говорить о достаточности мер материальной поддержки родительства. При этом, согласно данным Росстата, несмотря на то, что часть домохозяйств стала более позитивно оценивать свое финансовое положение (снизилось количество домохозяйств, которым не хватает денег на еду или товары длительного пользования) в период с 2011 по 2016 гг., численность домохозяйств, финансовое положение которых позволяет приобрести все, что они считают нужным, упала с 3,1 до 2,7 %[1].

2) Смещение суммы выплачиваемых пособий в сторону выплат до достижения ребенком полутора лет свидетельствует о том, что государство в большей степени стремится поддержать молодое родительство и компенсировать затраты в период декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком. Исследование источников государственного финансирования прямых затрат родительского труда также подтверждает уменьшение количества выплачиваемых пособий после достижения ребенком 1,5 года.

Согласно списку назначаемых социальных пособий и выплат, гражданам РФ до возраста ребенка 1,5 года могут выплачиваться следующие виды пособий[2]:

— единовременное пособие при рождении ребенка;

— единовременное пособие при рождении двух и более детей одновременно;

— ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет;

— единовременное и ежемесячное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;

— единовременная и ежемесячные выплаты на усыновленного ребенка;

— ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего службу по призыву;

— ежемесячная выплата многодетным семьям (в случае рождения 3-го или последующего выплата назначается на каждого ребенка);

---

[1] Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики о доходах, расходах и потреблении домашних хозяйств. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812.

[2] Назначаемые социальные пособия и выплаты гражданам РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/actual/posobiya.

— областное ежемесячное пособие на ребенка.

В свою очередь, после достижения ребенком 1,5 года количество пособий существенно уменьшается. Так, например, в период обучения ребенка в школе родители могут рассчитывать на:

— компенсацию расходов на покупку школьной формы (многодетные);

— единовременное и ежемесячное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;

— единовременную и ежемесячную выплату на усыновленного ребенка;

— ежемесячную денежную компенсацию на питание детей в образовательных организациях (определенные категории граждан).

При этом следует отметить, что даже существующие виды пособий после 1,5 года доступны лишь определенным категориям граждан. Вместе с тем, в зависимости от стадии родительского труда состав связанных с ним затрат может существенно расширяться. Это связано с тем, что по мере взросления ребенка появляются затраты не только на приобретение питания, одежды, средств гигиены, но и затраты, связанные с развитием и социализацией ребенка (посещение дополнительных секций, приобретение специальной литературы и т. п.).

3) Увеличение уровня безработицы женщин с детьми до 6 лет, женщин в возрасте 20–39 лет, а также существенный разрыв в величине начисленной заработной платы между женским и мужским населением репродуктивного возраста свидетельствуют о существовании гендерного разрыва, который может привести к усилению конфликта «семья — работа», а также выбору бездетной или однодетной формы семьи.

Для решения стоящих перед страной демографических проблем, на наш взгляд, необходимо продолжение государственной материальной поддержки родительства. При этом возможна разработка мер, позволяющих осуществлять дополнительную поддержку семей с детьми после 1,5 года, особенно в период выхода матери из декретного отпуска. Кроме того, гибкое трудовое законодательство, распространение практики привлечения молодых матерей на условиях занятости на неполный рабочий день, обеспечение возможности повышения квалификации в период декретного отпуска будут способствовать снижению гендерного разрыва в уровне заработной платы и, как следствие, смягчению конфликта «семья — работа». Все это в совокупности позволит, на наш взгляд, положительно повлиять на демографическую динамику в Свердловской области.

Список источников

1. *Гнедаш А. А.* Семейная политика в регионах современной России: институциональные и программные аспекты // Женщина в российском обществе. — 2015. — № 3–4. — С. 96–108.

2. *Мосакова Е. А.* Женская занятость в демографической политике современной России // Практический маркетинг. — 2014. — № 11 (213). — С. 25–29.

3. *Синица А. Л.* Уход за детьми дошкольного возраста и демографическая безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — № 12 (345). — С. 188–198.

4. *Елизаров В. В.* Демографические и экономические аспекты поддержки семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 8. — С. 78–92.

5. *Мезенева М. В.* Влияние материального положения на репродуктивные установки молодой семьи (на примере Вологодской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2010. — № 1. — С. 372–380.

6. *Калачикова О. Н.* Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы / О. Н. Калачикова, А. А. Шабунова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — 172 с.

7. *Зритнева Е. И.* Объективные и субъективные показатели кризиса института семьи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2013. — № 1 (34). — С. 148–150.

8. *Ahn N., Mira P.* A Note on the Changing Relationship between Fertility and Female Employment Rates in Developed Countries // Journal of Population Economics. — 2002.

9. *Olivetti C., Petrongolo B.* The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries // Journal of Economic Perspectives. — 2017. — No. 1 (31). — P. 205–230.

10. *Avendano M., Berkman L. F., Brugiavini A., Pasini G.* The long-run effect of maternity leave benefits on mental health: Evidence from European countries // Social Science & Medicine. — 2015. — No.132. — P. 45–53.

Информация об авторах

Шмарова Ирина Викторовна — старший преподаватель ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru)

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Shmarova I., Bagirova A.

Dynamics of Material Costs for the Population Reproduction in the Sverdlovsk Region[1]

The article presents the results of a study of the dynamics of material costs for the population reproduction. For this purpose, two empirical studies have been implemented: an analysis of the dynamics of the existing costs of population reproduction and the study of changes in the financial situation of families with children. We studied the dynamics of welfare payments to mothers and children made by the state, expenditures of the budget of the Sverdlovsk region on providing children with preschool, general and vocational education, social support of families with children, expenditures on children's health, levels and dynamics of changes in the wages of the reproductively active population group, etc. Official Russian statistics and the budgets of Sverdlovsk Region were analysed for the period from 2011 to 2016.

The results of the study revealed the positive dynamics of government spending on the population reproduction both at the federal and regional levels. At the same time, the low ratio of child benefits paid to the subsistence minimum for one child does not allow us to say that the tasks set out in

[1] The article is processed as one of the outputs of the research project "Fertility and parenting in Russian regions: models, invigoration strategies, forecasts", supported by the President of Russian Federation, project no. NSh-3429.2018.6.

demographic policy are completely solved. State spending has been focused primarily on the initial stage of parenting (until the child reaches the age of 1.5), which means that the government seeks to reimburse the costs that parents incurred during the maternity and parental leave and thus stimulates parents' employment at later stages. In addition, the article shows an increase in the unemployment rate of women with children, as well as the size of the size of the existing wage gap of women of child-bearing age relative to the wages of men of the same age group, which may be a deterrent to women's decision to give birth to second and subsequent children.

The obtained results can be used to adjust the demographic policy measures implemented in the Sverdlovsk region.

Keywords: spending on population reproduction, material costs of parental labor, demographic policy, Sverdlovsk region.

References

1. Gnedash A. A. Family policy in the regions of modern Russia: institutional and policy aspects// Woman in Russian society. — 2015. — No. 3–4. — P. 96–108.

2. Mosakova E. A. Women's employment Demographic Policy in Modern Russia// Practical marketing. — 2014. — No. 11 (213). — P. 25–29.

3. Sinitsa A. L. Care for preschool children and the demographic security of Russia// National interests: priorities and security. — 2016. — No. 12 (345). — P. 188–198.

4. Elizarov V. V. Demographic and economic aspects of support of families with children // Living Standards of the population of Russian regions. — 2011. — No. 8. — P. 78–92.

5. Mezeneva M. V. Impact of material welfare on reproductive attitudes of a young family as exemplified by Vologda Oblast //Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy. — 2010. — No. 1. — P. 372–380.

6. Kalachikova O. N. Reproductive behavior as a factor of population reproduction: trends and prospects / O. N. Kalachikova, A. A. Shabunova. — Vologda: ISEDT RAS, 2015. — 172 p.

7. Zritneva E. I. Objective and subjective indicators of the family institution crisis // Bulletin of the North-Caucasian Federal University. — 2013. — No. 1 (34). — P. 148–150.

8. Ahn N., Mira P. A Note on the Changing Relationship between Fertility and Female Employment Rates in Developed Countries // Journal of Population Economics, 2002.

9. Olivetti C., Petrongolo B. The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries // Journal of Economic Perspectives. — 2017. — No. 1 (31). — P. 205–230.

10. Avendano M., Berkman L. F., Brugiavini A., Pasini G. The long-run effect of maternity leave benefits on mental health: Evidence from European countries // Social Science & Medicine. — 2015. — No. 132. — P.45–53.

Authors

Shmarova Irina Viktorovna — Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, 620002, Ekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru).

Bagirova Anna Petrovna — Doctor of Economic Sciences, Ph.D., Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, 62002, Ekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

УДК 314.387

Шубат О. М., Багирова А. П.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ВОЗДЕЙСТВИЯ[1]

Проблема поиска детерминант демографических процессов крайне актуальна сегодня в России как стране с негативной демографической динамикой. До сих пор остаются нерешенными вопросы, связанные с детерминантами рождаемости, возможностями и методами ее регулирования. Цель нашего исследования — изучение взаимосвязи между показателями благосостояния населения и уровнем рождаемости в России. Среди показателей благосостояния населения были взяты валовый внутренний продукт на душу населения, индекс уверенности потребителей, средняя площадь жилья, приходящаяся на душу населения. Анализ проводился за период с 2010 по 2016 гг. Источником данных являлись информационные ресурсы Всемирного банка и Федеральной службы государственной статистики России. Для изучения взаимосвязи временных рядов исследовали корреляции отклонений от трендов. Для оценки силы связи мы применяли коэффициенты Пирсона и Спирмена. Моделирование трендов осуществлялось методом аналитического выравнивания. Для проверки гипотезы о возможном влиянии показателей благосостояния на рост рождаемости мы оценивали модели и проверяли взаимосвязь изучаемых показателей на синхронных данных, а также на данных с лагом в один и два года. Результаты нашего анализа показали отсутствие взаимосвязи между уровнем благосостояния населения и уровнем рождаемости. Это расходится с результатами многих других исследований. Возможные причины этого таковы: 1) высокая дифференциация российских регионов по уровню рождаемости и доходов населения; 2) различия в детерминантах рождений детей разной очередности; 3) более сильное влияние на рождаемость субъективных, а не объективных факторов. Результаты нашего анализа заставляют сомневаться в эффективности материнского капитала как меры стимулирования рождаемости в России.

Ключевые слова: рождаемость, доход, обеспеченность жильем, регрессионные модели, временные ряды

Введение

Проблема поиска детерминант демографических процессов крайне актуальна в странах с негативной демографической динамикой. Сегодняшняя Россия относится к числу таких стран. Действительно,

[1] © Шубат О. М., Багирова А. П. Текст. 2018.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

уровень рождаемости в стране существенно ниже уровня простого воспроизводства населения. В советские времена суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в стране еще оставался на этом уровне, но с 1980-х годов началось его снижение. Несмотря на то, что начиная с 2001 года динамика СКР была положительной, ее темпы оставались довольно низкими, а потенциал дальнейшего роста, по всей видимости, исчерпан — в 2016 и 2017 гг. СКР в России снижается. Кроме того, в 2017 г. его значение составляло 1,621, что практически на 23 % ниже уровня простого воспроизводства населения[1].

На этом фоне остро стоит вопрос изучения демографических процессов, поиска их детерминант и построения обоснованных прогнозов. Важнейшим демографическим процессом, в отношении которого не утихают научные и политические дискуссии, является рождаемость. Необходимо констатировать, что до сих пор остаются нерешенными вопросы, связанные с детерминантами рождаемости, возможностями и методами ее регулирования.

Следует отметить, что влияние мер демографической политики на рождаемость и отдельные детерминанты рождаемости активно изучаются учеными во многих странах мира. К примеру, в работе Н. Балбо и его соавторов представлен широкий обзор имеющихся результатов на эту тему, где все детерминанты рождаемости дифференцированы по трем уровням: микро (детерминанты индивидуального и/или семейного уровня), мезо (социальные связи и социальные сети) и макро (культурные и институциональные нормы) [4]. Согласно теории В. Борисова, В. Архангельского, А. Антонова и др., в России существуют две группы факторов низкой рождаемости: социально-психологические (или — низкая потребность в детях) и социально-экономические (или — плохие условия реализации потребности в детях). К первой группе относятся, например, желание иметь то или иное число детей, распространенные в обществе социальные нормы относительно числа детей и т. д. Вторая группа факторов включает уровень дохода, жилищные условия, наличие детских садов и т. д. [1]. Важно, что влияние этих групп факторов взаимосвязано, и нельзя, например, говорить о детерминации рождаемости только экономическими причинами, не связывая их с уровнем потребности в детях. Российские социологи прежде всего изучают потребность различных категорий женщин в детях, гораздо реже — влияние социально-экономических условий реализации этой потребности на рождаемость. При этом, как отмечает А. Синица, «в российских исследованиях присутствует много рекомендаций в сфере государственной политики, тогда как в зарубежных — в основном только описание происходящих процессов» [3, с. 106].

[1] Суммарный коэффициент рождаемости. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/31517.

Следует отметить, что характер взаимосвязи показателей рождаемости и благосостояния населения в мировой демографической науке изучается для разных групп объектов — территорий с разным уровнем доходов; проживающих на одной территории семей/женщин с разным уровнем доходов; конкретных территорий (стран, регионов), на которых наблюдается динамика доходов населения и показателей рождаемости. Несмотря на то, что еще Адам Смит заметил, что «бедность, скорее, даже представляется благоприятной для воспроизводства населения» [9, с. 33], современные исследователи все же с осторожностью признают отрицательный характер взаимосвязи показателей доходов и рождаемости. Причины подобных сомнений связываются, например, с тем, что в странах с похожей экономической динамикой может наблюдаться различная по темпам обратная динамика рождаемости. Кроме того, низкая рождаемость наблюдается в странах с разным уровнем доходов населения.

Не говоря о тотальном характере снижения рождаемости в связи с ростом доходов населения, исследователи все же выделяют две основные причины этого явления.

Во-первых, по мере роста доходов населения потенциальные родители начинают больше ценить не количество, а качество детей. Следовательно, это предполагает все большие вложения (финансовые, трудовые, временные) в качество человеческого капитала детей [5; 7]. Родители, понимая ограниченность своих ресурсов, вынуждены делать выбор между количеством и качеством детей и предпочитают — в условиях развитой экономики — повышать их качество.

Вторая причина связана с ограничениями, которые накладывают дети на родителей — в первую очередь на матерей. Речь прежде всего идет о так называемых «штрафах за материнство» — снижении доходов, которое происходит после рождения детей. Когда доходы населения высоки, то и это снижение становится более заметным [6; 10]. Дополнительными негативно влияющими на показатели рождаемости факторами становятся снижение возможностей профессиональной реализации, затруднения в профессиональной карьере женщин-матерей. Понимание этих взаимосвязей в странах с развитой экономикой и высокими доходами населения приводит к снижению репродуктивных ориентаций и, как следствие, к сокращению рождаемости.

Несмотря на многочисленные подтверждения отсутствия положительной взаимосвязи между уровнем благосостояния населения и рождаемостью, в России, как нам видится, экономические условия жизнедеятельности по-прежнему рассматриваются в качестве ключевой детерминанты рождаемости. Это приводит к реализации соответствующих мер демографической политики, крайне затратных для бюджета страны. Важнейшей такой мерой, безусловно, является введенный в действие с 2007 г. материнский капитал.

С другой же стороны, столь явное заблуждение вряд ли могло быть положено в основу демографической политики России. Следовательно, можно предположить, что реальной детерминантой рождаемости являются не экономические условия жизни, а их субъективная оценка населением, выражающаяся, например, в осознании населением гарантий будущей экономической и социальной стабильности. Материнский капитал как мера повышения рождаемости с этой точки зрения может рассматриваться не как возможность реального улучшения материальных условий, а как внимание властей к проблемам семьи, ориентация политики на базовые семейные ценности, что, в свою очередь, повышает уверенность населения в будущем и создает для него определенные жизненные гарантии.

В связи с этим целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи между показателями благосостояния населения и уровнем рождаемости в России.

Методика исследования

1. Для проведения исследования мы использовали данные о годовой динамике ряда социально-демографических показателей. Источником данных являлись информационные ресурсы Всемирного банка и Федеральной службы государственной статистики России. Анализ проводился за период с 2010 по 2016 гг., что было связано с наличием за этот период необходимой информации по всем изучаемым показателям в открытом доступе. Это, в свою очередь, обеспечило сопоставимость показателей по длине временного ряда.

2. В анализ были включены показатели, приведенные в таблице 1.

Выбор именно этих показателей объяснялся тем, что мы стремились включить в наш анализ как объективные, так и субъективные показатели благосостояния населения. К объективным мы отнесли статистические показатели обеспеченности населения жильем и уровня доходов, к субъективным — социологические, связанные с оценкой населением экономической ситуации в целом и своего материального положения в частности. Таким образом, в процессе исследования мы тестировали следующие гипотезы:

— уровень рождаемости связан с доходами населения;

— уровень рождаемости связан с субъективными представлениями населения относительно своих доходов и материального положения;

— уровень рождаемости связан с уровнем обеспеченности населения жильем.

3. Для изучения взаимосвязи временных рядов мы использовали один из наиболее широко применяемых методов анализа — исследование корреляции не исходных данных, а вычисленных отклонений от трендов. Для оценки силы такой связи мы применяли коэффициент корреляции Пирсона и коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Моделирование же самих трендов осуществлялось методом аналитического выравнивания

Таблица 1

Показатели, примененные в исследовании

Показатель	Описание показателя
ВВП на душу населения	Валовый внутренний продукт, отнесенный на среднегодовую численность населения. Данные рассчитаны в долларах США и зафиксированы по состоянию на 2010 год (источник — Всемирный банк*)
Индекс уверенности потребителя — общий, а также отдельно для мужчин и женщин	Обобщающий индекс, который рассчитывается на основе пяти частных индексов: — произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения; — произошедших и ожидаемых изменений экономической ситуации в России; — благоприятности условий для крупных покупок. Эти индексы рассчитываются на основе данных, собранных в ходе репрезентативных опросов населения (источник — данные Росстата**)
Средняя площадь жилья, приходящаяся на душу населения	Показатель характеризует уровень обеспеченности жильем. Это — наиболее приемлемый и общий показатель, характеризующий стандарты обеспеченности жильем в российской статистике. Эти данные доступны с 1980 года (источник — данные Росстата***)
Суммарный коэффициент рождаемости	Среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте независимо от смертности и от изменений возрастного состава. СКР является более точным измерителем уровня рождаемости, нежели общий коэффициент рождаемости, поскольку он измеряет число рождений в расчете на женщину (источник — данные Росстата****)

* ВВП на душу населения в долларах США. Всемирный банк. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD?locations=RU (дата обращения: 08.05.2018).

** Индекс уверенности потребителя. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/33651 (дата обращения: 08.05.2018).

*** Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/40466 (дата обращения: 08.05.2018).

**** Суммарный коэффициент рождаемости. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 08.05.2018).

— оценивались модели регрессии для указанных временных рядов. В качестве метода оценки параметров регрессионных уравнений применялся метод наименьших квадратов. В отдельных случаях в моделях была обнаружена автокорреляция в остатках ($AR(1)$). Поскольку неправильная спецификация моделей была нами исключена, для устранения автокорреляции

мы оценивали такие уравнения на основе обобщенного метода наименьших квадратов, итеративной процедуры Кохрейна — Оркатта и поправки Прайса — Уинстена.

4. Для проверки гипотезы о возможном влиянии показателей благосостояния на рост рождаемости мы оценили модели и проверили взаимосвязь изучаемых показателей на синхронных данных, а также на данных с лагом в один и два года. Мы предположили, что изменение уровня обеспеченности населения жильем или уровня доходов может приводить к изменению рождаемости не сразу, а с некоторым запаздыванием (например, с лагом в 1–2 года).

5. Для оценки потенциального влияния материнского капитала на рост рождаемости мы оценили модели и проверили взаимосвязь исследуемых показателей отдельно для двух периодов времени: 1) за весь доступный для анализа период; 2) за период после введения этой меры (т. е. с 2007 года по настоящий момент).

Результаты исследования

1. Исследование временных рядов рождаемости и уровня доходов за сопоставимый период времени показало, что характер их динамики

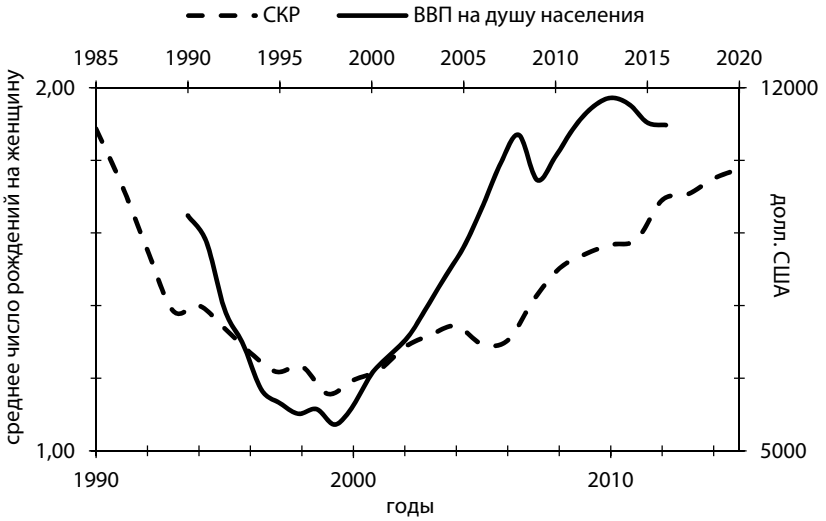


Рис. 1. *Динамика показателей рождаемости и доходов населения в России (построено по данным Росстата (по: Суммарный коэффициент рождаемости. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 08.05.2018)) и Всемирного банка (по: ВВП на душу населения в долларах США. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD?locations=RU (дата обращения: 08.05.2018)))*

Таблица 2

Корреляция между уровнем рождаемости и уровнем доходов населения

Показатель	Значение показателя
Коэффициент Пирсона и уровень его статистической значимости	–0,457 (0,101)
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена и уровень его статистической значимости	–0,215 (0,195)

наилучшим образом аппроксимируется квадратичной функцией. При этом годы смены тренда для показателей различаются. Общим является то, что в период с 2000 по 2013 гг. динамика обоих показателей укладывается в восходящую ветвь параболы (рис. 1). В ходе дальнейшего анализа именно для этого временного периода мы проверили гипотезу о наличии взаимосвязи рождаемости и доходов населения.

Для проведения анализа были оценены регрессионные уравнения трендов обоих показателей и вычислены остатки (отклонения от тренда). Анализ на основе исследования корреляции остатков не выявил взаимосвязи между СКР и ВВП на душу населения в России. Коэффициенты корреляции Пирсона оказались невысокими и статистически незначимыми (табл. 2). Расчеты с лагом в один и два года также не подтвердили наличие взаимосвязи.

2. Для тестирования гипотезы о возможности влияния на рождаемость субъективных представлений населения о доходах и материальном положении мы исследовали временные ряды индексов потребительской уверенности. При этом были проанализированы три индекса — для населения в целом, а также отдельно для мужского и женского населения. Анализ показал, что в период с 2000 по 2016 гг. эти индексы не демонстрировали однонаправленной тенденции развития. Если до 2007 г. потребительская уверенность достаточно поступательно росла, то затем наступил период ее высокой волатильности с тенденцией к резкому снижению (рис. 2). Таким образом, с учетом непрерывности роста СКР в этот же период времени гипотеза о взаимосвязи рождаемости и субъективных представлений населения об уровне доходов и материальном положении не подтвердилась.

3. Для тестирования гипотезы о взаимосвязи рождаемости с уровнем обеспеченности населения жильем мы провели ретроспективный анализ соответствующих временных рядов. Как показало исследование, в исторической перспективе динамика этих показателей не совпадала. Так, количество квадратных метров жилья в среднем на одного жителя России начиная с 80-х годов XX века неуклонно увеличивалось. СКР же в долгосрочной перспективе не имел однонаправленной тенденции развития (рис. 3). Так, в период с 1980 по 2000 гг. этот показатель снижался, и лишь с 2000 г. начала формироваться тенденция его роста. В этот период СКР в стране ежегодно рос (за исключением 2005 г., когда уровень рождаемости снизился).

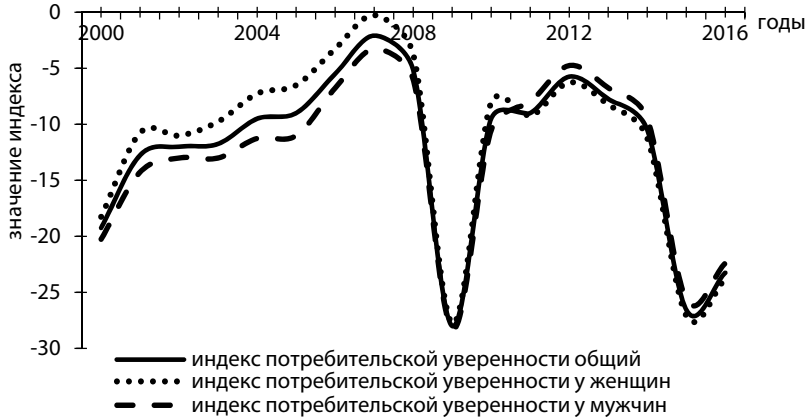


Рис. 2. *Динамика индексов потребительской уверенности населения в России (построено по данным Росстата (Индекс уверенности потребителя. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/33651 (дата обращения: 08.05.2018)))*

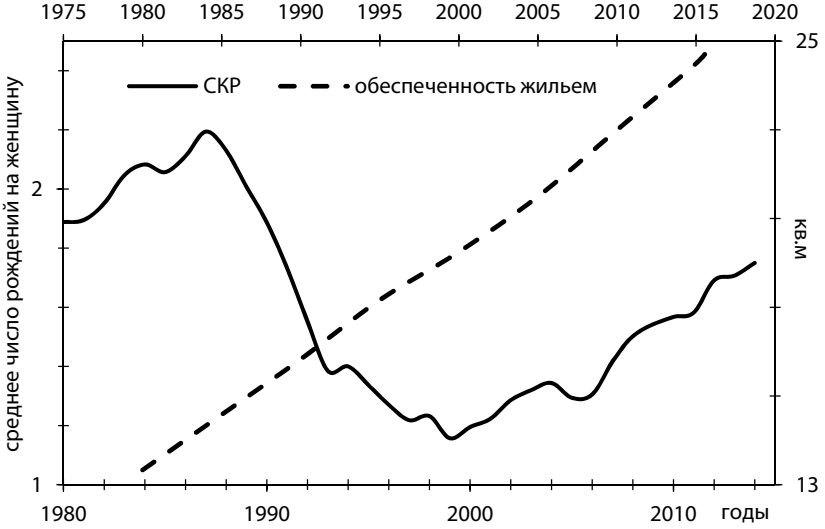


Рис. 3. *Динамика суммарного коэффициента рождаемости и обеспеченности населения жильем (построено по данным Росстата (по: Суммарный коэффициент рождаемости. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 08.05.2018). Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://fedstat.ru/indicator/40466 (дата обращения: 08.05.2018)))*

Таблица 3

Корреляция между уровнем рождаемости и обеспеченностью населения жильем

Показатель	Значение в период с 2000 по 2016 гг.	Значение в период с 2007 по 2016 гг.
Коэффициент Пирсона и уровень его статистической значимости	0,366 (0,164)	–0,014 (0,972)
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена и уровень его статистической значимости	0,279 (0,295)	0,017 (0,966)

Поскольку однонаправленность развития обоих изучаемых показателей установилась лишь в 2000 г., дальнейшее моделирование их возможной взаимосвязи было проведено именно для этого периода времени. Корреляционный анализ отклонений от выявленных трендов показал, что рождаемость и обеспеченность населения жильем в рассматриваемый период времени взаимосвязаны не были. Моделирование трендов в динамике изучаемых показателей в период действия программы материнского капитала (т. е. начиная с 2007 г.), а также исследование их взаимосвязи на основе отклонений от тренда показало, что и в этот период времени взаимосвязи между обеспеченностью населения жильем и уровнем рождаемости не наблюдалось (табл. 3).

Отметим, что анализ с учетом возможного лагового эффекта в реакции рождаемости на улучшение жилищных условий (с отставанием в 1–2 года) не подтвердил наличие взаимосвязи между изучаемыми показателями. Аналогичный анализ с учетом возможного лага в улучшении жилищных условий в ответ на рост рождаемости (как предусматривалось программой материнского капитала) также не показал наличие взаимосвязи.

Дискуссионные вопросы исследования

Результаты нашего анализа выявили отсутствие взаимосвязи между уровнем благосостояния населения и уровнем рождаемости. Отметим, что это расходится с результатами многих других исследований. На наш взгляд, это может объясняться несколькими причинами.

Во-первых, российские регионы сильно дифференцированы по уровню рождаемости и доходов населения. К примеру, в 2016 г. минимальная величина СКР (1,318) была зафиксирована в Ленинградской области. При этом самый высокий уровень рождаемости превышает эту величину более чем в 2,5 раза (СКР в Республике Тыва в 2016 г. составил 3,345[1]). Отметим, что подобная дифференциация может быть обнаружена на протяжении всего анализируемого нами периода и для всех переменных, задействованных в исследовании. Такое положение дел порождает важную методологическую проблему, связанную с корректностью использования усред-

[1] Суммарный коэффициент рождаемости. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 08.05.2018).

ненных оценок в анализе. Действительно, при таком уровне разброса исходных данных показатели доходов и рождаемости, характеризующие ситуацию в целом по стране, вряд ли могут выступать в качестве валидных индикаторов. Это, в свою очередь, может являться причиной того, что результаты однотипных исследований (рождаемости и обеспеченности жильем, рождаемости и ВВП на душу населения), использующих в качестве переменных временные ряды общестрановых показателей, зачастую противоречат друг другу.

Во-вторых, у рождений разной очередности могут быть разные детерминанты. Например, в исследовании Дж. Вуда и его соавторов, проведенном по семи европейским странам, были выявлены специфические экономические и институциональные факторы, которые влияют именно на рождения вторых детей [11]; в исследовании А. Матыщак и И. Жалма показано, что одни и те же меры демографической политики могут оказывать разное влияние на рождение первых и вторых детей [8].

В-третьих, на рождаемость более сильное влияние могут оказывать не объективные, а субъективные факторы. Известно, что репродуктивное поведение реализуется на фоне определенных стереотипов в отношении родительства и детности, влияющих на его структурные элементы и детерминирующих его результаты. В частности, такими субъективными факторами могут выступать существующие в обществе социальные нормы в отношении числа детей, образа родительства, представления будущих родителей о преимуществах и недостатках наличия детей, и т. д. К числу субъективных факторов можно отнести и представления о семье и детях, существующие в различных религиозных доктринах.

Отдельных комментариев заслуживает тот факт, что в процессе исследования мы не обнаружили взаимосвязи между динамикой уровня рождаемости и обеспеченности населения жильем. Такие результаты дают основания сомневаться в эффективности материнского капитала — самой затратной для страны государственной меры по стимулированию рождаемости. Об этом свидетельствуют и данные других российских исследователей. Так, например, Т. Малева и О. Синявская оценивали вероятность рождения детей в зависимости от разных социально-экономических индикаторов в период с 2001 по 2004 гг. Они зафиксировали, что у женщин, уже имеющих детей, решение о рождении следующего ребенка не было связано с жилищными условиями. Эти ученые отмечают, что «при прочих равных жилищная обеспеченность статистически значимо увеличивает вероятность рождения ребенка в модели для всех состоявшихся рождений, и в еще большей степени — в модели рождения первенца, однако оказывается незначимой для рождения второго и последующего детей» [2, с. 183]. Следовательно, можно утверждать, что уже изначально материнский капитал не мог воздействовать на ту категорию женщин, на которую он был нацелен (женщины, имеющие одного ребенка и потенциально готовые к рождению второго).

Заключение

Проведенное нами исследование рядов динамики не подтвердило результаты других исследований взаимосвязи рождаемости и доходов населения, полученных на основе стационарных данных. Это закономерно ставит вопросы к методике анализа взаимосвязи динамических процессов с высокой волатильностью исходных данных. Очевидно, что для получения более надежных и устойчивых результатов в процесс изучения взаимосвязи рядов динамики нужно интегрировать многомерные методы анализа. Более методологически оправданным является анализ показателей, взятых по однородным территориальным или временным сегментам.

Важно отметить, что реализуемые сегодня в России меры демографической политики разрабатываются исходя из наличия взаимосвязи между доходами населения и рождаемостью. Вместе с тем, однозначных подтверждений причинно-следственной связи этих показателей нет.

Кроме того, основываясь на полученных нами результатах, мы можем предположить, что введению материнского капитала в России как государственной меры стимулирования рождаемости не предшествовал глубокий статистический и демографический анализ. Так, на наш взгляд, не имелось достаточных оснований для увязки вводимых мер демографической политики исключительно с изменениями жилищных условий населения. Кроме того, не был учтен факт дифференциации российских регионов, что окончательно свело на нет возможный эффект от введения материнского капитала.

Список источников

1. *Архангельский В. Н.* Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов «Демографические исследования». Вып. 21 / под ред. Н. В. Зверевой и В. Н. Архангельского. — М.: МАКС Пресс, 2012.

2. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. — М.: Независимый институт социальной политики, 2007. — С. 171–216 [Электронный ресурс]. URL: http://www.socpol.ru/publications/pdf/PiDMiG1_end.indd.pdf (дата обращения: 08.05.2018).

3. *Синица А. Л.* Уход за детьми дошкольного возраста как фактор репродуктивного поведения: теоретические подходы // Детерминация демографических процессов. «Демографические исследования». — Вып. 21 / под ред. Н. В. Зверевой и В. Н. Архангельского. — М.: МАКС Пресс, 2012.

4. *Balbo N., Billari F. C., Mills M.* Fertility in Advanced Societies: A Review of Research // European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie. — 2013. — Vol. 29. — Issue 1. — P. 1–38.

5. *Becker G. S., Murphy K. M., Tamura R.* Human capital, fertility and economic growth // Journal of Political Economy. — 1990. — Vol. 98. — Issue 5. — P. S12-S37.

6. *Begall K., Mills M. C.* The influence of educational field, occupation, and occupational sex segregation on fertility in the Netherlands // European Sociological Review. — 2012. — Vol 9. — Issue 4. — P. 720–742. — doi: 10/1093/esr/jcs051.

7. *Lee R., Mason A.* Fertility, human capital and economic growth over the demographic transition // European Journal of Population. — 2010. — Vol 26. — Issue 2. — P. 159–182.

8. *Matysiak A., Szalma I.* Effects of parental leave policies on second birth risks and women's employment entry // Population. — 2014. — Vol 69. — Issue 4. — P. 659–698. — doi: 10.3917/popu.1404.0659.

9. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. — Edinburgh, University Press for T. Nelson and P. Brown, 1827.

10. *Van Bavel J.* Choice of study discipline and the postponement of motherhood in Europe: The impact of expected earnings, gender composition and family attitudes // Demography. — 2010. — Vol. 47. — P. 439–458.

11. *Wood J., Neels K., Vergauwen J.* Economic and Institutional Context and Second Births in Seven European Countries // Population research and policy review. — 2016. — Vol 35. — Issue 3. — P. 305–325. — doi: 10.1007/s11113–016–9389-x.

Информация об авторах

Шубат Оксана Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620002, г. Екатеринбург, пр. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке и инновациям Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 13Б; e-mail: a.p.bagirova@urfu).

Shubat O. M., Bagirova A. P.

Economic Determinants of Russian Fertility: an Assessment of the Potential Impact

The problem of finding determinants of demographic processes is extremely relevant today in Russia as a country with a negative demographic dynamics. Issues related to fertility determinants, opportunities and methods of birth control are still unresolved. The aim of our research is to analyze the relationship between indicators of well-being and fertility in Russia. Gross domestic product per capita, consumer confidence index, average housing area per capita were taken as the indicators of the population's well-being. The period under review was 2000 to 2016. The data source was the information resources of the World Bank and the Federal state statistics service of Russia. To explore the correlation between the time series, we used the methodology of estimating trend deviation. We used Pearson and Spearman coefficients to estimate the coupling strength. Modeling of trends was carried out by the method of analytical smoothing. To test the hypothesis on the possible influence of indicators of well-being and boost the birth rate, we estimated the model and tested the relationship of the studied parameters on the synchronous data and on data with a lag of one and two years. Our analysis shows that there is no correlation between the well-being of the population and the birth rate. This is at odds with the results of many other studies. Possible reasons for this are as follows: 1) high differentiation of Russian regions in terms of birth rate and population income; 2) differences in determinants of births of children of different priorities; 3) stronger influence on the birth rate of subjective rather than objective factors. The results of our analysis make us doubt the effectiveness of maternity capital as a measure to stimulate fertility in Russia.

Keywords: fertility, income, housing availability, regression models, time series.

References

1. Arkhangelsky V. N. Methodological issues in research into determinants of demographic processes. In: Zvereva N. V., Arkhangelsky V. N. (eds.) Determinants of demographic processes: compendium. — Moscow: Maks Press, 2012.

2. Maleva T., Sinyavskaya O. Socio-economic factors of fertility in Russia: Empirical measurement and social policy challenges. In Maleva T., Sinyavskaya O. (Eds.), Parents and Children, Men and Women in Family and Society. Moscow, NISP, 2007. URL: http://www.socpol.ru/publications/pdf/PiDMiG1_end.indd.pdf (access date 08.05.2018).

3. Sinitca A. L. Caring for pre-school children as a factor of reproductive behaviour: theoretical approaches. In: Zvereva N.V., Arkhangelsky V.N. (eds.) Determinants of demographic processes: compendium. — Moscow: Maks Press, 2012.

4. Balbo N., Billari F. C., Mills M. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research // European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie. — 2013. — Vol. 29. — Issue 1. — P. 1–38.

5. Becker G. S., Murphy K. M., Tamura R. Human capital, fertility and economic growth // Journal of Political Economy. — 1990. — Vol. 98. — Issue 5. — P. S12-S37.

6. Begall K., Mills M. C. The influence of educational field, occupation, and occupational sex segregation on fertility in the Netherlands // European Sociological Review. — 2012. — Vol. 9. — Issue 4. — P. 720–742. — doi: 10/1093/esr/jcs051.

7. Lee R., Mason A. Fertility, human capital and economic growth over the demographic transition // European Journal of Population. — 2010. — Vol. 26. — Issue 2. — P. 159–182.

8. Matysiak A., Szalma I. Effects of parental leave policies on second birth risks and women's employment entry // Population. — 2014. — Vol. 69. — Issue 4. — P. 659–698. — doi: 10.3917/popu.1404.0659.

9. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. — Edinburgh, University Press for T. Nelson and P. Brown, 1827.

10. Van Bavel J. Choice of study discipline and the postponement of motherhood in Europe: The impact of expected earnings, gender composition and family attitudes // Demography. — 2010. — Vol. 47. — P. 439–458.

11. Wood J., Neels K., Vergauwen J. Economic and Institutional Context and Second Births in Seven European Countries // Population research and policy review. — 2016. — Vol. 35. — Issue 3. — P. 305–325. — doi: 10.1007/s11113–016–9389-x.

Authors

Shubat Oksana Mikhaylovna — Associated Professor, Graduate School of Economics and Management. The Ural Federal University. Address: 19, Mira St., (Russia, 620002, Yekaterinburg, 19, Mira St.; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Bagirova Anna Petrovna — Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for science and innovations of the Institute of public administration and entrepreneurship. The Ural Federal University (Russia, 620014, Yekaterinburg, 13-B, Lenina St.; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

III. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕМЬИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

УДК 378.014.61(575.1)

Акрамова Ф. А.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЗДАНИЯ ПРОЧНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ[1]

Формирование семейно-брачных отношений и семейной структуры населения в целом происходит на здоровой основе. Благополучие и долголетие совместного брака зависит от степени понимания обоими супругами основных принципов и постулатов, на которых строятся отношения. В связи с этим в статье раскрыты необходимые социально-психологические факторы создания прочных семейных отношений. Анализированы результаты экспресс-опроса, проведенного среди молодежи. На примере проведенного исследования изложены рекомендации по укреплению семьи.

Ключевые слова: семья, прочность семьи, семейные отношения, семейные ценности, подготовка к семье, психологические факторы, возраст вступления в брак, мотивы создания семьи

Семья является важнейшим социальным институтом общества. Согласно статье 63 Конституции Республики Узбекистан семья является «основной ячейкой общества и имеет право на защиту общества и государства». В Узбекистане семья, ее ценности всегда были священны. Семья — это основа и краеугольный камень нашего общества. Именно в семье закладываются представления о чести и доброте, уважительное отношение к старшим, формируется мировоззрение человека в духе национальных и общечеловеческих ценностей.

Семья — ячейка общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т. е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство на основе единого семейного бюджета. Жизнь семьи характеризуется материальными и духовными процессами [1, с. 23]. Многие исследователи выделяют два типа психологического климата семьи: благоприятный и неблагоприятный. Многолетние наблюдения показывают, что довольно значительной части семей присущ противоречивый психологический климат.

Исходной основой благоприятного психологического климата является супружеская совместимость, в первую очередь такой ее компонент, как общность идейно-нравственных взглядов мужа и жены. Для

[1] © Акрамова Ф. А. Текст. 2018.

благоприятного психологического климата характерны следующие признаки: сплоченность, возможность всестороннего развития личности каждого ее члена, высокая доброжелательная требовательность членов семьи друг к другу, чувство защищенности и эмоциональной удовлетворенности, гордость за принадлежность к своей семье, принципиальность, ответственность [1, с. 25].

В семье с благоприятным психологическим климатом каждый ее член относится к остальным с любовью, уважением и доверием, к родителям — еще и с почитанием, к более слабому — с готовностью помочь в любую минуту.

Важный показатель благоприятного психологического климата семьи — стремление ее членов проводить свободное время в домашнем кругу, беседовать на интересующие всех темы, вместе выполнять домашнюю работу, подчеркивать достоинства и добрые дела каждого, преподносить друг другу приятные сюрпризы, вместе путешествовать [2, с. 9].

Как известно, благополучие и долголетие совместного брака зависят от степени понимания обоими супругами основных принципов и постулатов, на которых строятся отношения. Взаимоуважение, добросовестное выполнение своих обязательств по содержанию и воспитанию детей, по развитию и укреплению семейных уз, по охране здоровья членов семьи и другие сопутствующие вопросы являются неотъемлемой частью гармонично развитой семьи.

Обучение лиц, вступающих в брак, представляется на сегодняшний день одним из важнейших факторов, способствующих предотвратить разводы, спровоцированные нехваткой у молодых знаний или навыков по основам семейной жизни. В создании семьи необходимы знания по следующим направлениям: социальные (данные об общественной сущности брачно-семейных отношений, предназначении семьи, семейных ценностях, социальных ролях супругов и родителей); нравственно-этические (взаимное уважение, верность, уважение к матери, отцу, старшим и младшим; ответственность, верность, честность, сдержанность, доброта, уступчивость; чувство долга перед супругой (супругом)); правовые (ознакомление с основами законодательства о браке и семье; семейного права); психологические (понятия о личностном развитии; об особенностях психологии межличностных отношений, о психологических основах брака и семейной жизни); физиолого-гигиенические (знания физиологических особенностей мужского и женского организмов; особенностей половой жизни, вопросов личной гигиены и др.); хозяйственно-экономические (знания о бюджете семьи, культуре быта, умение вести домашнее хозяйство и т. д.); религиозные (значение семьи в исламе, порицание развода, воспитание детей в исламе, роль девочек, девушек и женщин: их права, защищенность и защита).

Для того чтобы оценить знания молодежи, вступающей в семейную жизнь, нами был проведен экспресс-опрос, состоящий из нескольких вопросов.

Вопрос 1. *Как Вы оцениваете свои знания о семейной жизни?*

Молодые достаточно самокритичны насчет своих знаний. Большинство (60,8 %) оценили их на уровне средних. В то же время 28,1 % считают свои знания о семье достаточными.

Вопрос 2. *Что является важным для построения крепкой семьи?*

Молодые наиболее важными считают «здоровье» (77,4 %), «духовность» (47,9 %), которая, возможно, видится им как залог хороших отношений в семье.

Вопрос 3. *Что, на Ваш взгляд, надо знать для создания счастливой семьи?*

Картина, предстающая перед нами, показывает, что молодые отмечают самые важные факторы создания семьи. Большинство (59,9 %) считают, что надо знать, как вести хозяйство; 43,3 % полагают, что необходимо уметь разрешать семейные конфликты. Однако всего 23 % молодежи уделяют внимание вопросу заработка. Создается впечатление, что проблемы денег для них не существует. Такое иждивенческое настроение следует изучать и находить пути убеждения молодежи, что жизнь должна быть сосредоточена в их собственных руках, и только они несут за нее полную ответственность, в том числе и финансовую.

Вопрос 4. *Что, на Ваш взгляд, необходимо знать для достижения устойчивых семейных отношений?*

Достаточный уровень зрелости можно проследить также в ответах по поводу установления крепких семейных отношений. Большинство молодежи (59 %) справедливо считают, что умение устанавливать взаимоотношения между мужем и женой является важным условием устойчивости отношений.

Отрадно также отметить то, что практически столько же брачующихся (54,4 %) считают отношения родителей с детьми почти такими же важными для достижения устойчивости семейных отношений, как и отношения мужа и жены.

Вопрос 5. *Какой возраст считаете оптимальным для создания семьи?*

Большинство девушек считают оптимальным возрастом для замужества 21–22 года, тем не менее (43,3 %) считают, что нужно вступать в брак

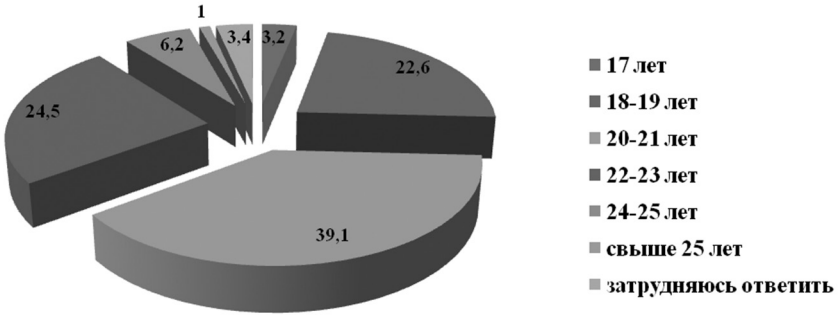


Рис. 1. *Мнения девушек относительно возраста вступления в брак, % опрошенных*

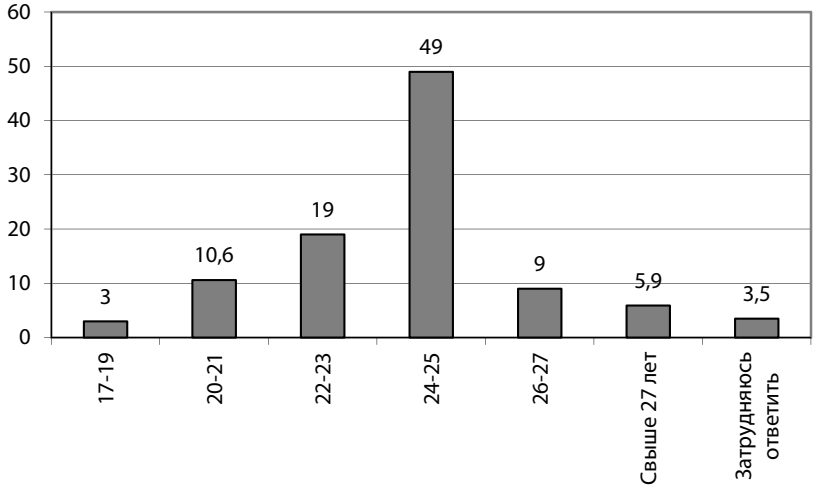


Рис. 2. *Мнение молодых мужчин относительно возраста вступления в брак, %*

в 22–23 года; , т. е. через 3–4 года после школы, колледжа или с окончанием бакалавриата. Даже 36,9 % тех, кто считает возраст 20–21 год приемлемым для брака, успевают завершить учебу в школе и колледже.

По мнению большинства парней, жениться целесообразно в 24–25 лет, к этому времени они уже получат профессиональное образование и устроятся на работу. Мужчины в качестве оптимального называли более старший возраст. Это вполне естественно, так как они будут нести материальную ответственность за семью и за ее устойчивость. Однако достаточно большую величину составляют мужчины, настроенные на более ранний брак, даже в 17–19 лет. Такие ранние браки у мужчин могут быть обусловлены сложившимися семейными обстоятельствами. Для большинства молодых (62,2 %) время брака приходится на возраст от 24 до 26 лет. Даже для мужчин (30 %), считающих приемлемым для себя возраст от 19 до 23 лет, это не однозначно безответственное брачное поведение, так как они успевают окончить колледж. Некоторые из них уже успели проработать около трех лет и подготовиться к браку.

Вопрос 6. *Какой мотив является оптимальным для создания семьи?*

Общеизвестно, что мотивы побуждают создание семьи и брачных отношений. По данным обследования, более половины (58,3 %) респондентов считают, что лучше всего строить семью на основании сватовства и по решению родителей, которое является давно сложившейся традицией. Интересно, что заключение брака по любви в большей степени предпочитают женщины более старшего возраста (31 — 40 лет), а в меньшей степени — самого молодого (соответственно 41,7 и 30,9 %). Эти три мотива создания семьи являются решающими, на них приходится 92,5 % всех ответов

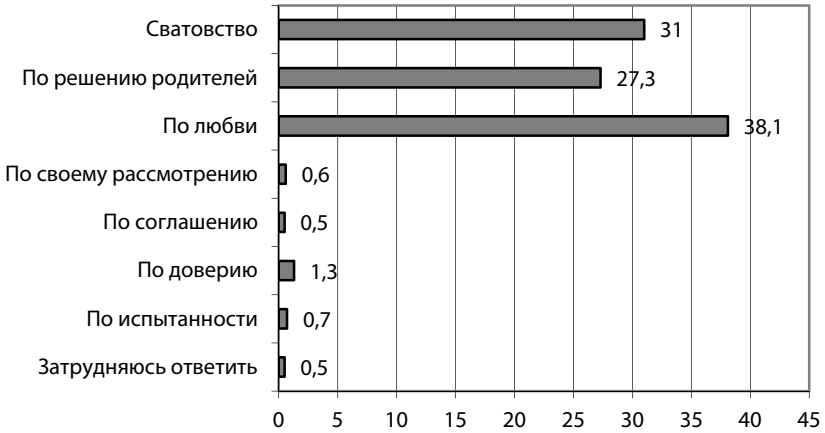


Рис. 3. *Распределение ответов на вопрос «По какому мотиву Вы строите семью?», %*

респондентов (рис. 3). Остальные причины (по своему рассмотрению, по испытанности, по доверию) занимают незначительную долю, причем независимо от возраста.

Результаты проведенного экспресс-опроса показали, что для создания прочной семьи и семейных отношений необходимо внедрение обязательных учебных дисциплин в программы обучения старшеклассников, слушателей колледжей и лицеев, а также студентов, по вопросам подготовки их к семейной жизни; важно разработать и выпустить на всех востребованных языках «умную книжку» с описанием основных принципов благополучной семьи и раскрытием доступно и наглядно основных вопросов семейной жизни; подготовить специальных работников, которые ведут работу с семьей «от и до»; проводить интересные встречи с известными семьями, перешагнувшими свои серебряные и золотые юбилеи, и другие меры.

Список источников

1. *Williams B.* Marriages, Families & Intinamte Relationships. — Boston, MA: Pearson, 2005. — ISBN 0–205–36674–0.

2. *Шнейдер Л. Б.* Функционально-ролевая структура семейных отношений // Психология семейных отношений. Курс лекций. — М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — С. 132–133. — ISBN 5–04–005780–6.

3. *Сатир В.* Как строить себя и свою семью. — М., 1992.

4. *Антонова Л. И., Цветкова Н. А.* Роль семейных традиций и ритуалов в представлениях старших школьников о семье // Современные гуманитарные исследования. — 2000. — № 1.

Информация об авторе

Акрамова Феруза Акмаловна — кандидат психологических наук., доцент, ведущий специалист Научно-практического исследовательского центра «Оила» (Семья) при

Кабинете министров Республики Узбекистан (Республика Узбекистан, 100017, г. Ташкент, ул. Мустакиллик, 5; e-mail: akramova_feruza@mail.ru)

Akramova F. A.

Socio-Psychological Factors of Creating a Strong Family Relationship

The formation of family — marriage relations and the family structure of the population as a whole takes place on a healthy basis. The well-being and longevity of a joint marriage depends on the degree of understanding by both spouses of the basic principles and postulates on which the relationship is built. In this regard, the article reveals the necessary socio-psychological factors for the creation of strong family relations. The results of an express survey conducted among young people are analyzed. On an example of the conducted research recommendations for strengthening of a family are stated.

Keywords: family, family strength, family relations, family values, preparation for family, psychological factors, age of marriage, motives for creating a family.

References

1. Williams Brian Marriott. Families & Intinamte Relationships. — Boston, MA: Pearson, 2005. ISBN 0–205–36674–0.

2. Sneider L. B. Funktsionalno Rolevaya structure semeynyx otnosheniy // Psychology semeynyx otnosheniy. Course lektsiy. — M.: April-Press Izd-vo EKSMO Press, 2000. — S. 132–133. ISBN 5–04–005780–6.

3. Satır V. Kak strong sebya i svoyu Samuel. — M., 1992.

4. Antonova L. I., Tsvetkova N. A. Semeynyx role traditsiy practices predstavleniyax Starship shkolnikov o Family // Sovremennye gumanitarnye issledovaniya. — 2006. — No. 1.

Author

Akramova Feruza Akmalovna — Ph.D., Associate Professor, Leading Specialist of the Scientific and Practical Research Center “Oila” (Family) under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan (Republic of Uzbekistan, 100017, Tashkent, Mustakillik Str., 5; e-mail: akramova_feruza@mail.ru; T. (998 71) 239 46 27; (998 71) 239 10 34).

УДК 314.17

Боброва А. Г., Петракова Ю. Н., Щербина Н. М.

ВЫЗОВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ И ЛИТВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ[1]

В процессе демографического развития Беларусь и Литва столкнулись с рядом негативных тенденций, которые влияют не только на демографическое, но и на социально-экономическое развитие двух стран. В данной статье с помощью методов статистического анализа и экспертных оценок авторы рассматривают основные демографические вызовы Беларуси и Литвы, к которым относятся старение населения, обусловленное в первую очередь низкими показателями рождаемости; высокие показатели смертности, особенно среди мужчин; относительно низкая ожидаемая продолжительность жизни; существенный разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами; миграционное движение, не способствующее стабилизации численности населения.

Ключевые слова: старение населения, рождаемость, смертность, депопуляция, ожидаемая продолжительность жизни, миграция

Демографическая ситуация в Беларуси и Литве

Демографическая ситуация в Беларуси и Литве представляла потенциальную угрозу национальной безопасности с конца 70-х годов XX века, с тех самых пор, когда страны перестали воспроизводить свое население. Однако с реальными вызовами демографическому развитию обе страны вплотную столкнулись только в конце XX столетия, когда был исчерпан накопленный ранее демографический потенциал, численность населения стала убывать за счет превышения количества умерших над количеством родившихся.

На современном этапе негативные тенденции в развитии основных демографических процессов наблюдаются в обеих странах. Общими проблемами в демографическом развитии Беларуси и Литвы являются:

— трансформация структуры населения в сторону увеличения доли населения старших возрастных групп;

— низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий уровень простого воспроизводства;

— высокий уровень смертности во всех регионах, в сельской местности и среди мужчин трудоспособного возраста;

— низкая по сравнению с европейскими странами ожидаемая продолжительность жизни при рождении;

---

[1] © Боброва А. Г., Петракова Ю. Н., Щербина Н. М. Текст. 2018.

Статья подготовлена в рамках НИР ««Демографические проблемы Беларуси и Литвы на современном этапе: вариации, сходства и пути перехода к устойчивому развитию» по договору БРФФИ № Г17ЛИТГ-006 от 22.05.2017.

— негативные тенденции в направлении миграционных потоков.

Современные демографические вызовы в Беларуси

В Беларуси численность населения росла вплоть до начала 1990-х годов, что происходило за счет естественного прироста населения. Впервые смертность превысила рождаемость в 1993 году, а численность населения начала сокращаться в 1994 году [3, с. 154]. Сокращение населения происходило за счет уменьшения численности сельских жителей, численность городских жителей продолжала увеличиваться. В 1995 году численность населения Беларуси составляла 10210,4 тыс. человек, 5430,7 тыс. женщин и 4779,7 мужчин. С 90-х годов естественная убыль населения нарастала, а с начала 2000-х годов ее интенсивность снизилась как за счет сокращения смертности, так и в результате роста рождаемости, особенно в период 2011–2015 годов. На начало 2018 года численность населения Беларуси сократилась до 9491,9 тыс. человек, что на 12,8 тыс. человек меньше по сравнению с началом 2017 года. Естественная убыль населения в 2017 году составила 16,8 тыс. человек, или –1,8 ‰. При неизменных показателях смертности значительно сократился коэффициент рождаемости (с 12,4 ‰ в 2016 г. до 10,8 ‰ в 2017 г.); за 2017 год на 15,2 тыс. чел. сократилось абсолютное число родившихся и составило на 1 января 2018 года 102,6 тыс. детей. Миграционный прирост за 2017 год сократился более чем в 2 раза по сравнению с 2016 годом и составил 3,9 тыс. чел.

Доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, достигнув в 2007–2008 годах 61,9 %, сократилась к началу 2017 года до 57,9 %. Значительны различия данного показателя между сельской и городской местностью. В 2017 году разбежка в показателях сократилась и составила соответственно 50,3 % и 59,1 %. В целом по стране численность населения трудоспособного возраста сокращается с 2007 года, и, согласно перспективным расчетам численности населения, данная тенденция сохранится еще долго (рис. 1).

Возрастная структура населения Беларуси трансформируется в сторону постарения. На начало 2017 года доля населения в возрасте старше трудоспособного составляла 25,3 %, т. е. каждый четвертый житель страны находится в пенсионном возрасте. При этом в сельской местности каждый третий житель (32,5 %), а в городской 23,2 % населения — старше трудоспособного возраста. Рост численности пенсионеров ведет к увеличению государственных трансфертов на обеспечение социальных гарантий для пожилого населения. В экономике увеличивается налоговое бремя на работающее население, изменяется рынок труда, на котором растет спрос на социальных и медицинских работников.

Необходимо в краткосрочной перспективе подготовить рынок бесплатных и платных услуг по уходу, обучению и досугу пожилых людей, а также развивать систему паллиативной медицинской помощи в Республике Беларусь.

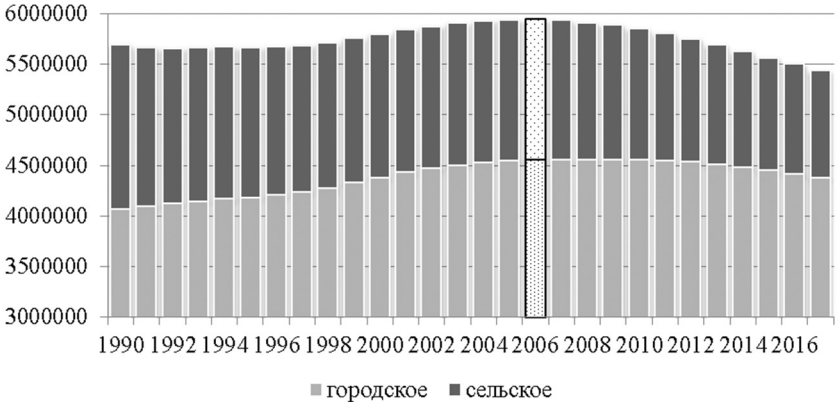


Рис. 1. *Динамика численности трудоспособного населения в Беларуси в 1990–2017 гг., чел.*

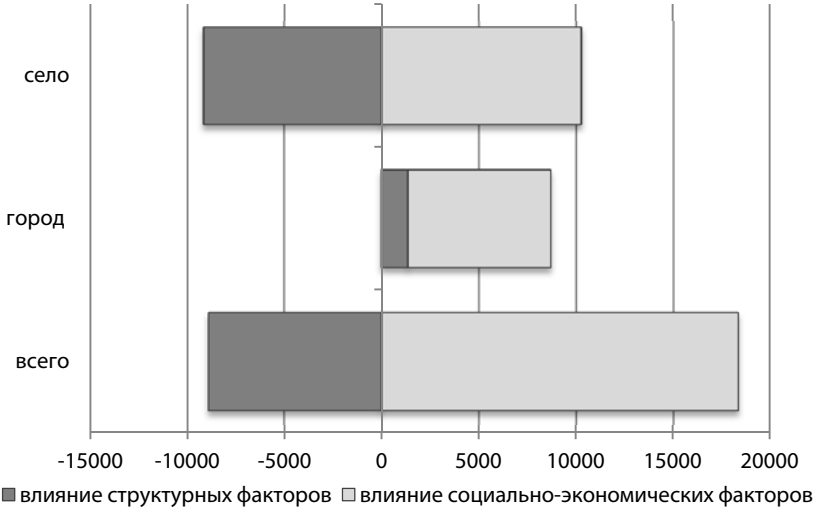


Рис. 2. *Влияние структурных и социально-экономических факторов на динамику рождаемости в Беларуси в 2016 г. по сравнению с 2010 г.*

Низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий уровень простого воспроизводства, является серьезным вызовом демографическому развитию.

На процесс рождаемости влияют две основные группы факторов: структурные (состав населения по полу, возрасту, брачному состоянию и пр.) и социально-экономические (качество жизни населения, особенно материальное положение и жилищные условия, и реализация мер социально-демографической политики).

В первом десятилетии XXI в. в Беларуси структурные факторы оказывали позитивное влияние на демографические процессы. Однако на сегодняшний день изменения в структуре населения препятствуют и будут препятствовать увеличению рождаемости. По этой причине нельзя недооценивать вклад мер демографической политики в рост рождаемости.

В соответствии с методикой, разработанной сотрудниками Института экономики НАН Беларуси, на основе фактических данных о числе женщин и повозрастных коэффициентах рождаемости проведена оценка влияния структурных и социально-экономических факторов на динамику рождений в Беларуси. Так, результаты показали, что если бы не было положительного эффекта от реализации мер социально-экономической и семейной политики, в 2017 году по сравнению с 2011 годом число родившихся значительно сократилось бы по объективным причинам ухудшения структуры женского населения (рис. 2).

Продолжает увеличиваться возраст матери при рождении детей всех очередностей. В 2016 году средний возраст матери при рождении составил 29,2 года, рождения первенца — 26,5 года. При этом численность женщин в возрасте 20–29 лет в 2016 году по сравнению с 2010-м сократилась более чем на 100 тысяч человек, что обусловило сокращение числа рождений первенцев.

В последние годы ситуация еще более усложнилась. Положительное действие социально-экономических факторов сократилось, а отрицательное действие структурных факторов усилилось (рис. 3).

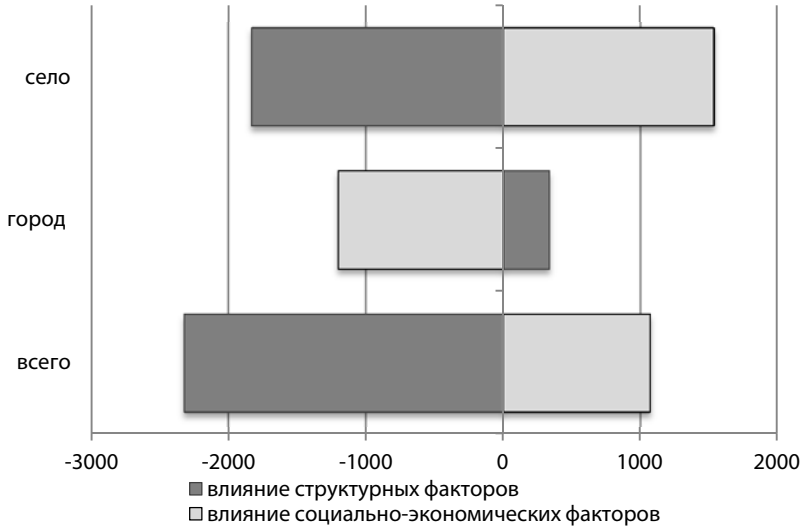


Рис. 3. *Влияние структурных и социально-экономических факторов на динамику рождаемости в Беларуси в 2016 г. по сравнению с 2015 г.*

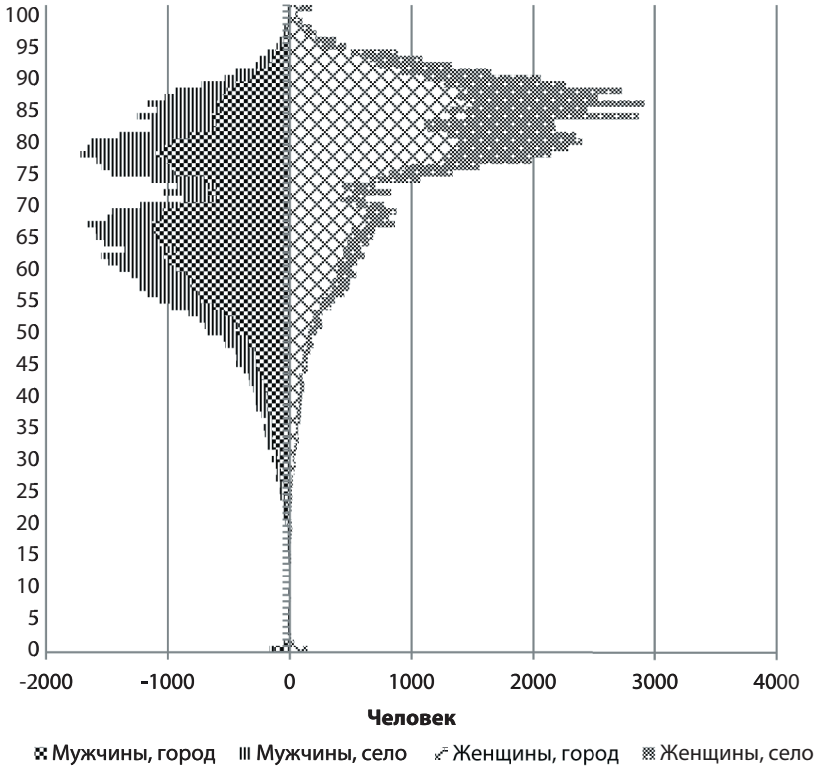


Рис. 4. *Число умерших в Республике Беларусь в 2016 году по однолетним возрастным группам, человек*

В результате в 2016 и 2017 годах произошло сокращение числа родившихся. Число рожденных первых детей сократилось и в абсолютном, и в относительном исчислении — с 50,9 тысячи (42,8 % от всех родившихся) в 2015 году до 41,2 тысячи в 2017 году (40,2 % от всех родившихся).

Ситуацию смягчило то, что в активном детородном возрасте продолжает оставаться многочисленная когорта «бэби-бумов» середины 1980-х годов. Численность женщин в возрасте 30–34 года увеличилась в 2017 году по сравнению с 2015 годом на 12,5 тыс. человек. Своевременная реализация мер демографической политики позволила стимулировать рождение детей у данной когорты женщин всех очередностей, но, прежде всего, третьих детей. Число детей, рожденных у женщин в возрасте 30–34 года, увеличилось с 30,7 тыс. в 2015 году до 31,9 тыс. в 2016-м.

Важно отметить, что в городской местности влияние социально-экономических факторов стало носить негативный характер. Монетарные меры поддержки семей с детьми находят больший эффект среди женщин,

проживающих в сельской местности, а также имеющих низкий уровень оплаты труда. Для работающих женщин необходим комплекс дополнительных стимулов, которые позволят поддержать рождаемость на текущем уровне.

Высокий уровень смертности и низкая по сравнению с европейскими странами ожидаемая продолжительность жизни при рождении оказывают негативное воздействие на демографическое развитие Беларуси.

Рост благосостояния и улучшение качества жизни населения, безусловно, положительно повлияли на улучшение здоровья населения, чему способствовали и специально принятые меры в области улучшения работы здравоохранения в стране. Именно этим можно объяснить перелом в этот период в тенденции ожидаемой продолжительности жизни. В 2017 году ожидаемая продолжительность жизни составила в среднем для населения Беларуси 74,4 года, тем не менее, все еще не достигая уровня стран Евросоюза. Продолжает наблюдаться неравенство в продолжительности жизни: между мужчинами и женщинами — 10 лет, городом и селом — 5 лет.

В структуре умерших в абсолютном выражении преобладают женщины (рис. 4). При этом при соотнесении числа умерших с численностью всего населения проявляется существенное превышение показателей смертности у мужчин над показателями смертности у женщин (в 2017 году — 13,4 и 11,8 ‰, соответственно).

Негативной тенденцией является высокая смертность мужчин в трудоспособном возрасте, обусловленная высокой частотой психических расстройств, полученных травм, отравлений и т. п. вследствие вредных привычек и вредных условий труда.

Смертность от внешних причин у мужчин продолжает оставаться высокой, особенно в трудоспособном возрасте (рис. 5).

Сокращение уровня смертности от предотвратимых причин возможно за счет совершенствования программ профилактики и лечения, а также ранней диагностики с применением передовых технологий, внедрения образовательных программ, направленных на предупреждение развития социально опасных заболеваний. Необходим комплексный план действий, который должен предусматривать как участие каждого отдельного человека, так и действия органов власти. Важным субъектом обеспечения эффективной реализации стратегии здорового образа жизни являются местные органы власти, в силу своих полномочий. Местным и республиканским органам власти рекомендуется предусмотреть повышение не только общей доли бюджетных расходов на здравоохранение, но и повышение той ее части, которая будет направлена на профилактику, что позволит успешно решить задачи по пропаганде здорового образа жизни и формированию у населения самосохранительного поведения.

Низкий объем миграционного прироста не позволяет компенсировать естественную убыль населения. Несмотря на выполнение ряда мероприятий, запланированных в рамках реализации программы, в последние два

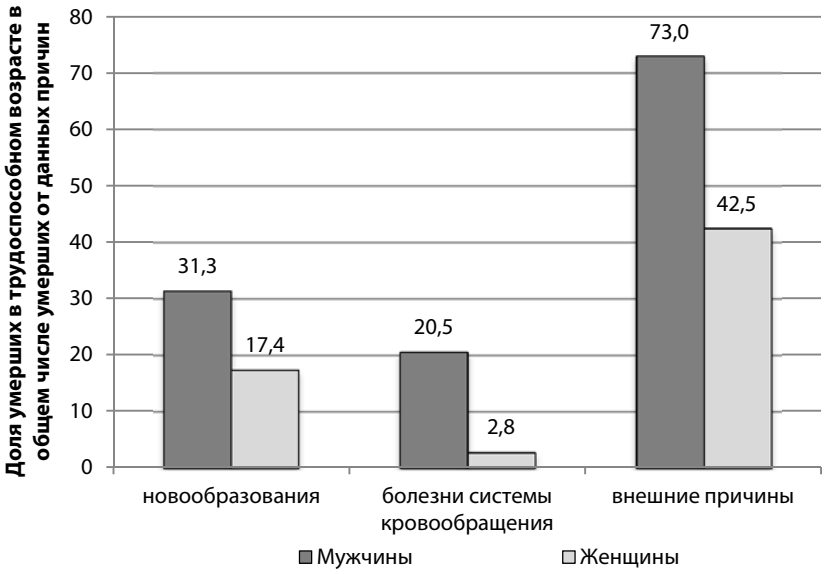


Рис. 5. *Доля умерших в трудоспособном возрасте в общем числе умерших от основных классов причин смерти в Беларуси в 2016 году, %*

года наблюдаются негативные тенденции развития миграционных процессов в Республике Беларусь. За счет сокращения численности прибывших и роста численности выбывших сокращается положительное сальдо внешней миграции: с 18,5 тыс. человек в 2015 году до 3,9 тыс. человек в 2017 году.

В цели Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы в области миграционной политики заложен единственный численный показатель — достижение к 2020 году положительного сальдо внешней миграции в размере 50–70 тыс. чел. Однако его достижение ставилось под сомнение еще при разработке и утверждении данной программы. По ряду причин выполнение прогнозных показателей, заложенных в предыдущей пятилетней программе, было достигнуто вследствие политических и экономических пертурбаций в Украине, что обеспечило значительный рост потока иммигрантов из этой страны. Увеличение сальдо миграции с Украиной составило половину общего миграционного прироста Беларуси, в то же время с 2013 года наблюдается сокращение прибывших и рост выбывших в Российскую Федерацию, что всегда играло ключевую роль для формирования общего миграционного прироста Беларуси (рис. 6). Тенденция украинской миграции оказалась краткосрочной, что подтвердилось сокращением прибывших и ростом выбывших в Украину в 2016–2017 годах. Кроме того, показатели социально-экономического развития за 2016–2017 годы не дают оснований для

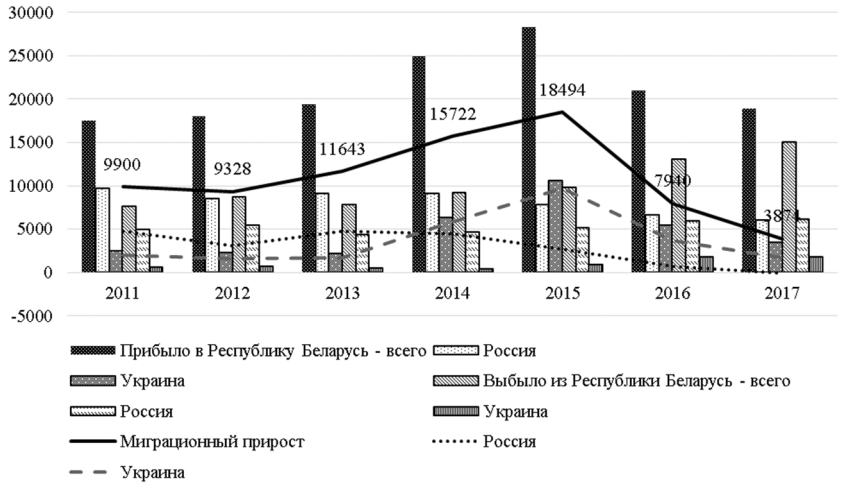


Рис. 6. *Динамика показателей международной миграции в Беларуси 2011–2017 гг., чел.*

увеличения привлекательности нашей страны на глобальном миграционном пространстве.

В категории мигрантов с высшим образованием сокращается численность прибывших и растет численность выбывших, соответственно миграционный прирост лиц с высшим образованием сократился с +3536 в 2015 году до –963 человек в 2017 году.

В последние три года выросла численность эмигрантов в младших трудоспособных возрастах. В 2012 году среди эмигрантов на долю возрастной когорты 20–34 года приходилось 34,9 % выбывших, в 2013 — 39,2 %, в 2015 — 41,3 %, в 2017 — 42,5 %, при сохранении численности прибывших в данной возрастной когорте (за исключением 2014–2015 гг.), происходит снижение притока мигрантов в данных возрастах.

Сокращение притока молодых высококвалифицированных ресурсов негативно сказывается на сохранении демовоспроизводственного потенциала и на качественных характеристиках человеческого потенциала страны.

Поддерживать численность трудовых ресурсов на необходимом для потребностей экономики уровне позволяет трудовая миграция. По официальным данным, в Беларуси наблюдается положительное сальдо трудовой миграции, однако в последние три года показатели миграционного прироста падают за счет сокращения численности трудовых иммигрантов и увеличения численности трудовых эмигрантов. Генезис данной тенденции идентичен ситуации в долгосрочной международной миграции. Однако в трудовой миграции сильнее экономическая детерминанта, соответственно, сокращение уровня доходов населения с 2015 года спровоцировало увеличение численности трудовых эмигрантов (рис. 7).

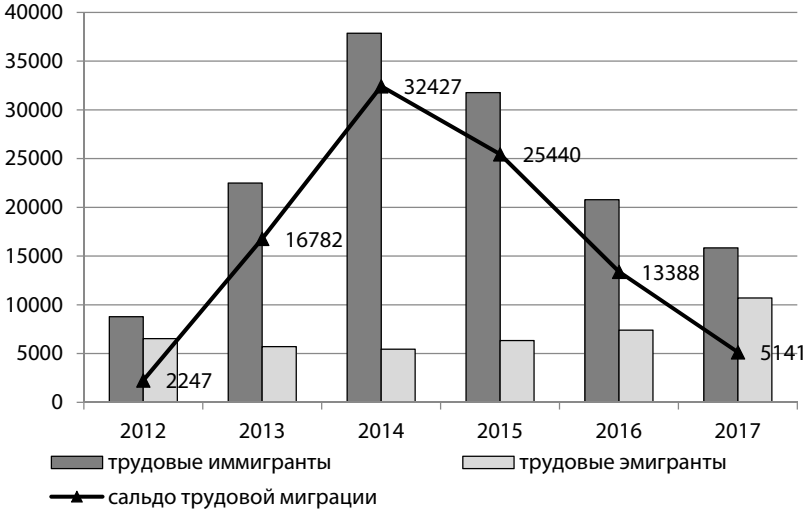


Рис. 7. *Динамика трудовой миграции в Беларуси в 2012–2017 годах, чел.*

Следует отметить, что снижение показателей сальдо трудовой миграции нельзя причислять исключительно к негативным тенденциям, ведь в период рецессии экономики и роста безработицы трудоустройство за рубежом и денежные переводы демпфируют последствия падения уровня доходов населения. Кроме того, несмотря на снижение в последние три года миграционного прироста высококвалифицированных специалистов, среди которых руководители и квалифицированные работники, их численность в два раза выше, чем до украинских событий 2014 года.

Важно понимать, что ввиду открытости границы с Россией официальная статистика не позволяет учесть число мигрантов в полной мере. По данным МВД Российской Федерации, за январь-декабрь 2017 года поставлено на миграционный учет 394,4 тысячи граждан Беларуси, из них для 124,6 тыс. белорусов целью въезда была работа. Такая статистика свидетельствует о существенном занижении миграционного оттока из Беларуси.

Современные демографические вызовы в Литве

В конце XX века Литва столкнулась с депопуляций населения, которая перешла в затяжную стадию и стала серьезным вызовом демографическому развитию страны. С 1990 года численность населения Литвы сократилась более чем на 20 % (с 3 696 034 человек в 1990 г. до 2 876 475 в 2017 г.). В период 2000–2015 гг. темпы депопуляции в Литве нарастали и являлись самыми высокими среди стран Евросоюза — потери населения составляли почти 1 % ежегодно. Депопуляция происходила как за счет естественной

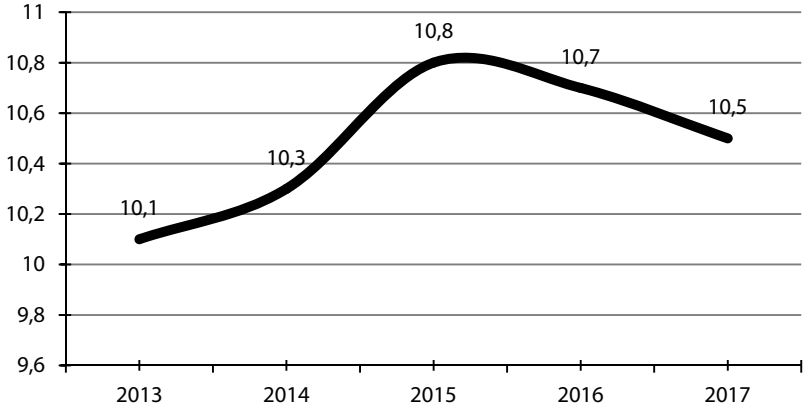


Рис. 8. *Общий коэффициент рождаемости в Литве в 2012–2017 годах*

убыли населения, так и механической. В общей убыли населения Литвы 60 % приходилась на механическую убыль и только 40 % на естественную. По сравнению с переписью населения 1989 года в 2001 году численность населения Литвы уменьшилась почти на 200 тыс. чел. (5 %). В этот период естественный прирост был еще положительным и составил 30,7 тыс. человек, а сальдо миграции отрицательным — 224,5 тыс. человек. В последний межпереписной период (2001–2011 гг.) число жителей Литвы сократилось еще на 430,2 тыс. чел. (12 %). Причем в этот период была уже и естественная (–101,9 тыс.), и механическая убыль (–328,3 тыс.) [1, с. 142]. После вступления Литвы в Европейский союз миграционный отток стал значительным фактором депопуляции. Более высокий уровень экономического развития и качество жизни в большинстве других европейских стран сформировали устойчивые миграционные установки населения. В результате за очень короткий период Литва стала страной, экспортирующей рабочую силу и зависящей от денежных переводов мигрантов.

Значительный вклад в депопуляцию Литвы внесло снижение рождаемости в конце XX века. В 2002 году суммарный коэффициент рождаемости в Литве достиг минимального значения за всю современную историю страны — 1,20. Литовские исследователи В. Станкуниене и А. Ясилиониене выделяют следующие детерминанты, повлиявшие на драматическое снижение рождаемости в Литве в 90-х годах XX века. Во-первых, это общие тенденции снижения рождаемости, характерные для всех западноевропейских стран, объясняемые с точки зрения второго демографического перехода [3]. Во-вторых, это общие для всех постсоветских стран детерминанты, обусловленные социально-экономическими трудностями переходного периода. В-третьих, детерминанты национального уровня, сформировавшиеся под воздействием внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие современной Литвы.

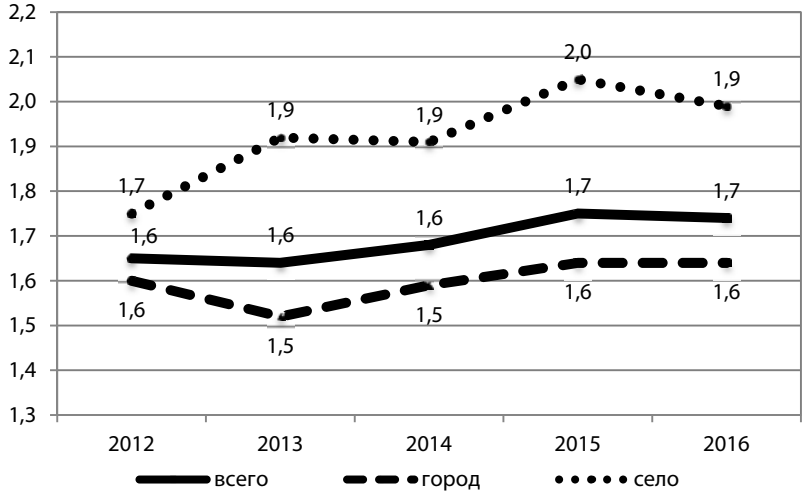


Рис. 9. *Суммарный коэффициент рождаемости в Литве в 2012–2016 годах*

Начиная с 2004 года показатели рождаемости в Литве стали улучшаться под воздействием структурно-демографических и социально-экономических факторов, однако достигнутый к настоящему моменту уровень рождаемости неспособен компенсировать продолжающуюся убыль населения (рис. 8 и 9).

Для обеспечения простого воспроизводства населения Литве необходимо выйти на суммарный коэффициент рождаемости в 2,04. Несмотря на то, что с 2015 года темпы депопуляции несколько замедлились, нерешенность ряда демографических проблем не позволяет выйти на стабилизацию численности населения.

Депопуляция стала вызовом и экономическому развитию Литвы — сокращение численности трудовых ресурсов повлияло на сокращение внутреннего спроса и потребления домашних хозяйств, что в свою очередь привело к падению инвестиций и снижению деловой активности в стране [2]. Предприятия, ориентированные на внутренний рынок, столкнулись с проблемами снижения спроса и сокращения объема производства. Особенно это характерно для сферы услуг и торговли, ориентированных на внутренний рынок. Снижение бизнес-активности ухудшило ситуацию на рынке труда, привело к росту безработицы и снижению доходов населения, что укрепило миграционные настроения жителей Литвы.

Сокращение рождаемости и отрицательное миграционное сальдо привели к старению населения, которое наряду с депопуляцией стало серьезным вызовом демографическому развитию Литвы.

Для оценки демографического старения используются два типа показателей. Показатели первого типа отражают отношение численности

населения старших возрастов к общей численности населения или к численности другого возрастного контингента.

В 2017 году доля лиц старше 65 лет в Литве составляла около 20 % общей численности населения. Исходя из текущих демографических прогнозов возрастная структура трансформируется в сторону увеличения числа лиц старших возрастов и к 2050 году соответствующий показатель возрастет до 32,6 % [6]. Увеличению доли населения старше трудоспособного возраста способствует рост продолжительности жизни (по прогнозу Евростата, продолжительность жизни мужчин в Литве к 2040 году будет достигать 76,1 года, женщин — 84 лет). В Литве отмечается увеличение коэффициента демографической нагрузки. Число пожилых людей в возрасте 65 лет и старше на 100 человек в возрасте от 15 до 64 лет выросло с 27 в 2013 году до 29 в 2017 году. Наиболее интенсивно процессы старения происходят в Утенском, Алитусском и Паневежисском уездах, где более 30 человек старших возрастов приходилось на 100 человек населения в возрасте от 15 до 64 лет.

По экспертным оценкам, число пожилых людей в возрасте 65 лет и старше на 100 человек в возрасте от 15 до 64 лет в Литве возрастет до 38,4 к 2045 году и 41,3 к 2075 году [6]

Ко второму типу показателей демографического старения относятся средний и медианный возраст населения. Международные организации, как правило, используют показатели медианного возраста, поскольку он более устойчив к систематическим искажениям сведений о возрасте, характерным для многих развивающихся стран [2].

Медианный возраст жителей Литвы за последние пять лет увеличился с 42 до 43 лет. Прогнозируется, что к 2045 году медианный возраст в Литве может повыситься до 45,3 года. Уже сейчас в отдельных уездах медианный возраст населения достигает 47–49 лет [2].

Старение населения вызывает такие неблагоприятные последствия, как сокращение трудовых ресурсов и дефицит рабочей силы, замедление экономического роста, увеличение давления на систему социального страхования. Доходов фонда социального страхования Литвы уже недостаточно для финансирования пенсионного обеспечения, в 2016 г. дефицит фонда составил 3,722 млрд евро [6]. В результате старения населения помимо государственных пенсионных расходов увеличиваются расходы на здравоохранение и социальное обслуживание людей старших возрастов. Рост связанных со старением расходов может привести к увеличению государственного долга, вызвать необходимость сокращения других расходов и повышения налогов.

Проблемы депопуляции и старения населения в Литве усугубляются негативными тенденциями в структуре миграционных потоков. По данным Департамента статистики Литвы, больше половины эмигрантов, покинувших Литву в 2017 году, — это молодежь в возрасте 18–35 лет, среди которой высока доля выпускников литовских вузов, уезжающих искать

работу по специальности в Европе сразу по получении диплома. Отток трудоспособного населения и особенно *brain drain* (утечка мозгов) нанес наиболее ощутимый удар по рынку труда Литвы. Так, потеря кадрового потенциала в сфере здравоохранения представляет серьезную угрозу для работы системы медицинской помощи, особенно в условиях интенсивного старения населения Литвы.

Список источников

1. *Красовский К. К., Даугирдас В.* Беларусь и Литва в геодемографическом пространстве Европы // Социально-экономическая география в XXI веке: региональное развитие: материалы Межвузовского республиканского семинара, 17–18 ноября 2016 г., Минск / редкол.: Е. А. Антипова (пред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2017. — С. 142–145.

2. *Манаков А. Г., Суворков П. Э., Станайтис С. А.* Старение населения как социально-демографическая проблема Балтийского региона [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/starenie-naseleniya-kak-sotsialno-demograficheskaya-problema-baltiyskogo-regiona (дата обращения: 07.03.2018).

3. *Шахотько Л. П.* Модель демографического развития Республики Беларусь. — Минск: Беларус. навука, 2009. — 439 с.

4. *Mileris R.* Depopulation Phenomenon of Lithuania: upcoming challenges for the counry´s economy // Economic Review [Электронный ресурс]. URL: https://euba.sk/www_write/files/SK/ekonomicke-rozhlady/er3_2017_mileris_fulltext.pdf (дата обращения: 05.03.2018).

5. *Stankuniene V., Jasilioniene A.* Lithuania: Fertility decline and its determinants // Demographic research [Электронный ресурс]. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/14f8/bfb9f9aa5c84755d03570212089069bb985b.pdf (дата обращения: 26.02.2018

6. World Population Ageing [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WPA2017_Highlights.pdf (дата обращения: 05.03.2018).

Информация об авторах

Боброва Анастасия Григорьевна — кандидат экономических наук, зав. отделом человеческого развития и демографии, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

Петракова Юлия Николаевна — старший научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; e-mail: petra13@mail.ru).

Щербина Наталья Михайловна — заведующий сектором социально-демографической политики, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; e-mail: uwe@tut.by).

Bobrova A. G., Petrakova Y. N., Shcherbina N. M.

Challenges to the Demographic Development of Belarus and Lithuania at the Present Stage

In the current demographic development Belarus and Lithuania have faced with negative trends that affect not only the demographic but also the social and economic development of both countries. In this article on the base of statistical analysis and expert assessments, the authors consider the main demographic challenges of Belarus and Lithuania: the aging of the population, low fertility rates, high mortality rates, especially among men, relatively low life expectancy; gap in the life expectancy of men and women; negative migration trends.

Keywords: aging, fertility, mortality, depopulation, life expectancy, migration

References

1. Krasovski K., Daugirdas V. Belarus and Lithuania in geodemographic area of Europe // Socio-Economic geography in XXI Century. — 2017. — P. 142–145.

2. Manakov A., Suvorkov P., Stajtis S. Aging as socio-demographic problem in Baltic Sea Region [Electronic resourse]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/starenie-naseleniya-kak-sotsialno-demograficheskaya-problema-baltiyskogo-regiona.

3. Shakhotska L. Demography development Model of Republic of Belarus, 2009. — P. 439.

4. Mileris R. Depopulation Phenomenon of Lithuania: upcoming challenges for the counry´s economy // Economic Review [Electronic resource]. URL: https://euba.sk/www_write/files/SK/ekonomicke-rozhlady/er3_2017_mileris_fulltext.pdf.

5. Stankuniene V., Jasilioniene A. Lithuania:Fertility decline and its determinants // Demographic research [Electronic resource]. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/14f8/bfb9f9aa5c84755d03570212089069bb985b.pdf .

6. World Population Ageing [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WPA2017_Highlights.pdf.

Authors

Bobrova Anastacia Grigorievna — Candidate of Economic Sciences, Head of Human Development and Demography Department, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, (Belarus, 220072, Minsk, Surganova str., 1, build. 2; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

Petrakova Yuliya Nikolaevna — Belarus, Minsk, Senior Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, 220072, Minsk, Surganova str., 1, build. 2; e-mail: petra13@mail.ru).

Shcherbina Natalia Mihailovna — Belarus, Minsk, Head of Socio-demographic Policy Sector, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, (Belarus, 220072, Minsk, Surganova str., 1, build. 2; uwe@tut.by).

УДК 614.2 : 616.831–005

Бызов Н. С., Ножкина Н. В.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ПРИ ЦЕРЕБРОВАСКУЛЯРНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ[1]

Одной из ведущих проблем общественного здоровья и здравоохранения в мире и в Российской Федерации является ущерб, наносимый цереброваскулярными заболеваниями. Заболевания системы кровообращения устойчиво занимают лидирующую позицию в структуре общей смертности: в 2017 году в России — 47,8 %, в Свердловской области — 48,2 %. В данном классе болезней доля смертности от цереброваскулярных болезней (ЦВБ) составляет 30,9 %, занимая 2-е место после кардиоваскулярной патологии. В России за 2012–2016 годы общая смертность от ЦВБ в целом по стране снизилась на 15,4 %, а в Свердловской области на 49,1 %. Смертность населения от ЦВБ в трудоспособном возрасте является одним из индикаторов оценки трудового потенциала. Первичная заболеваемость ЦВБ в Свердловской области на 11,3 % ниже по сравнению с Россией, и наблюдается тенденция к снижению заболеваемости. Инвалидность населения в связи с болезнями кровообращения обладает тенденцией к снижению как в России (–18,6 %), так и в Свердловской области (–24,6 %), и занимает второе место после новообразований. Необходимо совершенствование и оценка эффективности оказания медицинской помощи и реабилитации, мониторинга реабилитации на основе современных информационных технологий.

Ключевые слова: цереброваскулярные заболевания, смертность, заболеваемость, инвалидность, организация медицинской помощи, реабилитация

Особое внимание ВОЗ уделяет цереброваскулярным болезням, объявив в 2004 году инсульт глобальной эпидемией. Наибольшая частота инсультов отмечается в странах Восточной Европы. По прогнозам экспертов ВОЗ, к 2020 г. заболеваемость инсультом перейдет рубеж свыше 7 млн случаев в год [1, 2].

Рабочей группой Всемирной организации по борьбе с инсультом [3] с 2016 года реализуется и пропагандируется единая стратегия внедрения, мониторинга и оценки лечения инсульта во всем мире, которая предусматривает применение оптимальных медицинских услуг, критерии успешности их реализации, индикаторы качества оказания помощи и подходы к самоконтролю, включая вопросы реабилитации.

Один из приоритетов государственной политики в России в области охраны здоровья также направлен на борьбу с ЦВБ. С 1 сентября 2015 года в Российской Федерации в 13 субъектах, в том числе и в Свердловской области, началась реализация пилотного проекта «Развитие системы медицинской реабилитации в Российской Федерации» в соответствии с

[1] © Бызов Н. С., Ножкина Н. В. Текст. 2018.

Государственной программой развития здравоохранения до 2024 года. Целями проекта являются переход на «новую» модель организации реабилитации и оценка ее эффективности по сравнению с «традиционной» моделью. Свердловская область приняла участие в его реализации по профилю «нейрореабилитации» [9].

Цель исследования — анализ современных тенденций медико-демографических показателей здоровья населения, связанных с цереброваскулярной патологией, для обоснования совершенствования медико-организационных технологий.

Задачи:

— провести сравнительный анализ уровня, динамики и структуры смертности, заболеваемости и инвалидности населения Свердловской области при цереброваскулярных болезнях;

— выделить основные направления организации оказания медицинской помощи, ориентированные на сохранение и укрепление здоровья населения при цереброваскулярной патологии.

Авторами проведен ретроспективный анализ развития эпидемиологической ситуации в Свердловской области за 2012–2017 годы. Объектом изучения стала совокупность случаев заболеваний, инвалидности и смерти, в частности от цереброваскулярных болезней, и организационные технологии оказания медицинской помощи при данной патологии. В качестве источников информации использованы данные статистических отчетов Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Министерства здравоохранения Российской Федерации и Свердловской области, ФКУ «ГБ МСЭ по Свердловской области». Методы исследования — эпидемиологического анализа, статистический. Оценки достоверности различий относительных величин проводилась с применением *t*-критерия.

Результаты исследования

В Свердловской области в 2016 году в возрастной структуре населения 56,3 % приходилось на лиц трудоспособного возраста, 18,6 % — моложе трудоспособного возраста, 25,1 % — старше трудоспособного. Таким образом, сформировался регрессивный тип населения, происходит процесс его старения. За период с 2012 по 2016 гг. численность людей старше трудоспособного возраста увеличилась на 7,2 %, трудоспособного населения сократилась на 6,5 %. Все это увеличивает социальную нагрузку на экономику региона и систему здравоохранения в частности, влияет на потенциал воспроизводства населения. Коэффициент демографической нагрузки имеет тенденцию к увеличению: в 2016 году он составил 776,2 на 1000 трудоспособного населения, увеличившись по сравнению с 2012 годом на 17,4 % (661,1 на 1000 трудоспособного населения).

В Российской Федерации и в Свердловской области сохраняется высокий показатель общей смертности населения. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, общие коэффициенты

смертности населения в России имеют положительную тенденцию ежегодного снижения (с 13,3 в 2012 г. до 12,9 на 1000 населения в 2016 г.), в области отмечается стабилизация показателя (13,9 в 2012 и 14,0 в 2016 гг. на 1000 населения), однако уже в 2017 году показатель снизился на 5,0 % к 2016 г., составив 13,3 ‰. При этом в 2016 году УрФО вошел в число благополучных территорий по уровню общей смертности и имеет второе ранговое место после Северо-Кавказского по данному показателю в России (12,3 на 1000 населения). Несмотря на тенденцию к снижению общей смертности, Свердловская область является одним из неблагоприятных регионов по данному критерию общественного здоровья как в Российской Федерации (58-е место среди субъектов Российской Федерации), так и в УрФО, имея один из самых высоких уровней общей смертности, оставив позади лишь Курганскую область (–13,6 % в 2016 году). При этом темпы снижения показателя в Свердловской области в 2,8 раза ниже, чем по России.

Во исполнение стратегической цели федеральной и региональной программ развития здравоохранения важным целевым показателем является ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (ОППЖ). По данным ВОЗ, за период с 2000 по 2015 гг. показатели ожидаемой продолжительности жизни возросли на пять лет во всем мире, демонстрируя самые высокие темпы роста с 1960-х годов. Однако серьезные неравенства сохраняются как между странами, так и внутри стран. При этом в России рост ОППЖ с 2012 по 2016 гг. составил с 70,24 до 71,87 года. В Свердловской области с 2005 года показатель ОППЖ приобретает тенденцию к росту, а в период с 2012 по 2016 гг. стабилизируется на отметке 69,77 года, уступая темпам прироста показателя по Российской Федерации. К 2020 году прогнозируется повышение ожидаемой продолжительности жизни до 71 года.

В структуре общей смертности по причинам смерти за 2012–2016 годы в России и Свердловской области первое место занимают болезни системы кровообращения (класс IX МКБ-10), составляя в среднем 52,8 % в России и 48,5 % в Свердловской области; второе место — новообразования (класс II), 13,1 % и 15,7 % соответственно; третье — внешние причины смерти (класс XX), 8,5 % и 10,8 % соответственно.

При этом отмечается превышение уровня смертности в Свердловской области по сравнению с Россией вследствие заболеваний системы кровообращения в среднем на 5,2 %, имея наивысшую разницу в 2016 году (10,4 %), наименьшую в 2012 году (1,9 %). Несмотря на снижение показателя смертности от БСК за этот период в Свердловской области на 10,7 %, темпы ежегодного снижения уступают российским на 10,7 % (табл. 1).

В данном классе болезней по результатам 2016 года доля смертности от цереброваскулярных болезней (*I* 60 — *I* 67) составляет 31,0 % и занимает 2-е место после кардиоваскулярных заболеваний (*I* 20 — *I* 25), на долю которых приходится 53,3 %.

По данным Минздрава России, за период 2012–2016 годов общая смертность от ЦВБ в целом по стране снизилась с 225,6 до 190,8 на 100 тыс.

Таблица 1

Динамика смертности населения за 2012–2016 годы (на 100 тыс. чел. соответствующего населения)

Показатель	2012 г.		2016 г.	
	Россия	Свердловская область	Россия	Свердловская область
Общая смертность	1331,2	1395,2	1289,3	1405
Смертность от БСК	737,1	751,1	616,4	678,3
Смертность от ЦВБ	225,6	287,2	190,8	192,6
в т. ч. в трудоспособном возрасте	33,6	37,6	31,2	34,1

населения (–15,4 %). При этом в Свердловской области в начале исследуемого периода смертность была выше среднероссийского показателя на 27,3 % (287,2 на 100 тыс. населения), а к 2016 году практически разница нивелировалась, составив 192,6 на 100 тыс. населения (на 0,9 % выше).

Смертность от ЦВБ лиц моложе трудоспособного возраста носит единичный характер, не превышая 1–2 случаев в год по региону и не более 100 случаев в стране.

Доля смертности от ЦВБ населения старше трудоспособного возраста стабильно превышает 90,0 %, но в течение 2012–2016 годов уровень смертности снизился на 63,3 % по Свердловской области (с 1121,9 до 686,8 на 100 тысяч населения) и на 28,4 % в России (с 896,2 до 697,8 на 100 тысяч населения). Большее значение смертность населения от ЦВБ имеет в трудоспособном возрасте, являясь одним из индикаторов оценки системы оказания медицинской помощи, направленной на восстановление трудового потенциала. Показатель за период 2012–2016 гг. обладает тенденцией к снижению с 37,6 до 34,1 на 100 тыс. населения (-10,3 %) по Свердловской области и с 33,6 до 31,2 на 100 тыс. населения (-7,7 %) по России. При этом областные темпы снижения смертности превалируют над общероссийскими более чем на треть.

Ситуация в вопросах смертности населения Свердловской области от болезней системы кровообращения, и ЦВБ в частности, может свидетельствовать о распространении факторов риска (образа жизни, биологических, клинических) и об усилении их множественного эффекта на здоровье человека и популяционное здоровье. С другой стороны, это может быть связано с ростом экономического развития, влекущего за собой неблагоприятное влияние социальных детерминант, связанных с политическими, социально-экономическими и культурными преобразованиями. Результат таких изменений отражается и в сфере охраны здоровья граждан в виде укрепления позиций в организации сети учреждений здравоохранения, выделения этапов оказания медицинской помощи, значительного совершенствования диагностических (скрининговых) технологий, реализуемых в первичном звене, и развитии специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи. Таким образом, формируется

Таблица 2

Динамика первичной заболеваемости БСК и ЦВБ за 2012–2016 гг. (на 1000 чел. соответствующего населения)

Показатель	2012 г.		2016 г.	
	Россия	Свердловская область	Россия	Свердловская область
Заболеваемость БСК	26,6	22,8	31,7	28,4
Заболеваемость ЦВБ	6,5	5,7	7,6	6,8
в т. ч. в трудоспособном возрасте	4,3	2	5,3	2,4

проблема приверженности граждан принципу личной ответственности за собственное здоровье.

Заболеваемость, с одной стороны, характеризует распространенность заболеваний в популяции, с другой стороны — доступность оказания медицинской помощи, в том числе профилактической. В структуре общей заболеваемости 1-е место занимают болезни органов дыхания как в России, составляя 24,8 % из всех классов болезней, так и в Свердловской области — 26,2 %, 2-е место — заболевания системы кровообращения — 14,6 % и 11,6 % соответственно. При этом в структуре первичной заболеваемости патология системы кровообращения занимает 6-ю позицию в целом по стране и 7-ю в области.

Динамика уровня общей заболеваемости болезнями системы кровообращения за 2012–2016 гг. имеет тенденцию к увеличению на 9,2 % (с 152,7 до 166,8 ‰) в Свердловской области и на 2,1 % (с 227,5 ‰ в 2012 году до 232,5 ‰ в 2016) в Российской Федерации (табл. 2). В 2017 году в Свердловской области продолжился рост общей заболеваемости до 191,5 ‰ (на 14,8 % по сравнению с 2016 годом).

При этом наблюдается темп прироста данной патологии среди населения с впервые в жизни установленным диагнозом на 24,6 % в Свердловской области (с 22,8 ‰ в 2012 г. до 28,4 ‰ в 2016 г.), и на 16,1 % в Российской Федерации (с 26,6 ‰ в 2012 г. до 31,7 ‰ в 2016 г.), что значительно превышает темп прироста общей заболеваемости по данному виду патологии как в целом по стране, так и по региону. Первичная заболеваемость населения на территории Свердловской области в среднем на 12,9 % ниже показателя по России, при этом в 2017 году показатель повысился до 29,4 ‰.

Значимый вклад в структуру заболеваемости болезнями системы кровообращения вносит первичная заболеваемость ЦВБ: данные болезни занимают 1-е место в структуре заболеваний системы кровообращения как в России, так и в Свердловской области, составляя в среднем за 2012–2016 гг. 23,7 % и 25,8 % соответственно. При этом наблюдается повышение уровня первичной заболеваемости ЦВБ на 14,5 % в России, составив в 2016 году 761,7 на 100 тысяч населения, и в Свердловской области — повышение на 16,2 %, составив 683,7 на 100 тысяч населения в 2016 году. За указанный

период уровень первичной заболеваемости ЦВБ в области на 6,3 % был ниже российского показателя.

Такая ситуация может свидетельствовать, с одной стороны, о повышении выявляемости патологии, с другой стороны, о сохранении низкой приверженности людей принципам здорового образа жизни. Также превалирование данной патологии может отражать влияние на нее особенностей климато-географического положения региона, высокой доли в его отраслевой структуре промышленных производств с вредными условиями труда. Это способствует социальному развитию, реализации региональных приоритетных проектов в сфере совершенствования оказания медицинской помощи, формирования ЗОЖ, внедрения мониторинга факторов риска и их коррекции, раннему выявлению случаев заболеваний и своевременному их лечению, контролю за состоянием здоровья лиц, имеющих заболевания, и активной вторичной и третичной профилактике, в том числе на межсекторальном уровне. Вместе с тем пока сохраняется недостаточная активность населения в вопросах заботы о собственном здоровье и здоровье семьи.

Еще одним критерием комплексной оценки общественного здоровья является инвалидизация. В России первичная инвалидность на 10 тысяч взрослого населения в период с 2014 по 2016 гг. снизилась на 10,6 % (с 62,7 до 56,8) [9]. В УрФО и Свердловской области за данный период времени также наблюдается снижение уровня первичной инвалидности на 10,9 % и 11,9 % соответственно. При этом частота выхода на первичную инвалидность в Свердловской области по сравнению с Россией в среднем на 6,8 % ниже в течение всего исследуемого периода. В структуре первичной инвалидности взрослого населения соотношение лиц старше трудоспособного возраста и лиц трудоспособного возраста в среднем составляет 53 % и 47 % в России и 54,4 % и 45,6 % в Свердловской области. Показатель первичной инвалидности среди трудоспособного населения снизился с 2014 г. к 2016 г. на 9,5 % — с 39,3 до 35,9 на 10 тысяч взрослого населения, но по сравнению с 2015 г. увеличился на 4,4 %, среди лиц старше трудоспособного возраста наблюдается стабильная тенденция к снижению на 17,6 % — с 105,6 до 89,8 на 10 тысяч населения.

В структуре первичной инвалидности по результатам 2016 года на 1-е место вышли новообразования — 31,8 % в России и 37,2 % в Свердловской области, 2-е место занимают болезни системы кровообращения — 31,0 % в России и 23,8 % в области, 3-е место — заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани — 6,3 % в России, а в Свердловской области — нервные болезни (4,9 % от всех причин).

При этом сформировалась тенденция снижения показателя первичной инвалидности вследствие болезней системы кровообращения на 18,6 % в России (с 21,0 в 2014году до 17,7 в 2016 на 10 тысяч населения), а на территории Свердловской области темп снижения уровня инвалидности оказался более выраженным и составил –24,6 % в сравнении с 2014 годом и

1,0 % по сравнению с 2015 (2014 — 15,7; 2015 — 12,7; 2016 — 12,6 на 10 тысяч населения).

При этом официальная статистика инвалидности по причинам представлена исключительно по классам болезней МКБ-10 без нозологической составляющей. В работах Е.Г. Клочевой (2015) приводятся данные, что среди выживших больных, перенесших инсульт, более 75 % становятся инвалидами, у трети из которых имеется зависимость от помощи окружающих, и в дальнейшем они нуждаются в дорогостоящей реабилитации, и только 20 % выживших больных могут быть социализированы и вернуться к трудовой деятельности.

Данные по динамике первичной инвалидности и ее структуре могут свидетельствовать о новом этапе развития реабилитационных технологий, позволивших сократить число лиц, обращающихся за установлением инвалидности. Необходимость эпидемиологического анализа инвалидности вследствие ЦВБ обусловлена развитием у лиц не только нарушений функций органов и систем, требующих контроля и медикаментозной коррекции, но и ограничений жизнедеятельности, снижающих качество жизни пациентов за счет невозможности осуществления своих повседневных обязанностей и привлечения посторонней помощи, в том числе при перемещении в пространстве. Это в свою очередь должно стать основой для прогнозирования инвалидности от ЦВБ, адаптированного внедрения в работу Международной классификации функционирования и дальнейшего планирования организации оказания медицинской помощи, в том числе реабилитации.

Таким образом, достижение благополучия государства в сфере охраны здоровья населения становится не просто приоритетом в политике, а приобретает стратегическое направление развития здравоохранения с формированием целевых показателей успешности реализуемых мероприятий. В ряду таких показателей и смертность от болезней системы кровообращения — 554,9 на 100 тысяч населения.

Достижению поставленных задач способствует становление и развитие трехуровневой системы организации оказания медицинской помощи — организационной технологии, реализуемой с помощью ранжирования медицинской помощи на уровни и распределения на периоды стандартизованных схем лечения пациента. Целью такой системы является соблюдение медицинскими организациями деятельности в рамках установленных видов, форм и условий оказания медицинской помощи, обеспечивая выполнение порядков и стандартов оказания медицинской помощи, и участие в реализации Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи населению Свердловской области. Данная система здравоохранения позволяет на каждом уровне обеспечивать необходимый набор лечебных технологий и рациональное (эффективное) использование ресурсов, что отражено в Государственной программе «Развитие здравоохранения Свердловской области до 2024 года».

Так как одной из задач является снижение первичной инвалидности от заболеваний системы кровообращения и от цереброваскулярных болезней в частности, а также повышение качества жизни больных с данной патологией, возникает необходимость охарактеризовать в преломлении трехуровневой системы неврологическую службу на примере Свердловской области. В состав государственной программы развития здравоохранения области включена подпрограмма развития первичной медико-санитарной помощи населению как основы системы, где медицинскую помощь оказывают врачи-терапевты участковые, врачи-специалисты и медицинский персонал с соответствующим средним специальным образованием [4]. В регионе служба представлена 306 кабинетами врача-невролога в амбулаторных условиях, в том числе 4 ангионеврологических, в пределах которых оказывается лечебно-диагностическая помощь по вторичной и третичной профилактике пациентов с ЦВБ. Однако при организации первичной профилактики в амбулаторно-поликлиническом звене также имеет важное значение проведение всеобщей диспансеризации населения.

Еще двумя подпрограммами являются развитие специализированной медицинской помощи, которая представлена 41 отделением стационаров медицинских организаций области, при этом на 1–2 уровнях развернуто 225 неврологических коек (включая дневные стационары), в том числе на базе 21 учреждения, в которых организованы первичные сосудистые отделения, осуществляющие помощь пациентам с острым нарушением мозгового кровообращения. Третьим уровнем оказания медицинской помощи при ЦВБ являются региональный сосудистый центр на базе ГБУЗ СО «Свердловская областная клиническая больница № 1» и городской центр на базе МАУ «ГКБ № 40» г. Екатеринбурга.

Основными показателями работы амбулаторно-поликлинической неврологической службы являются число обращений в связи с заболеванием и число посещений с целью консультации, медицинского осмотра и неотложного состояния: всего в 2016 году было сделано 1742358 посещений, из которых 42,2 % приходится на обращения по заболеванию, при этом общее число посещений с 2012 года сократилось на 10,4 %, а по сравнению с 2015 годом — на 6,9 %. Обращения в связи с заболеваниями в 2016 году также имеют тенденцию к снижению — на 17,3 % к 2012 году и на 11,1 % к 2015 году.

При описании деятельности стационаров важное значение имеют показатели оборота койки и летальности пациентов, сократившейся на 81,2 % (с 5,2 до 2,87 % в течение исследуемого периода). Это дает возможность говорить о том, что с одновременным ростом числа пациентов с ЦВБ, нуждающихся в госпитализации, повышаются доступность и качество данной помощи.

Оказание скорой медицинской помощи, в которой занято по итогам 2016 года 335,75 бригад, 14,8 % из которых составляют врачебные общепрофильные бригады, и 11,3 % (38 бригад) — специализированные. При

этом количество выездов на 1000 населения увеличилось на 1,2 % за 2012–2016 гг. и на 4,6 % в 2016 г. к 2015 г., а доля госпитализированных пациентов повысилась с 31,6 % в 2015 г. до 34,6 % в 2016 г. В структуре выездов по причинам представлены три лидирующие позиции: 1-е место — сердечно-сосудистые заболевания (26,3 %), 2-е место — травмы (8,8 %), 3-е место — неврологическая патология, в составе которой ЦВБ (8,0 %). Доезд до больного за время менее 20 минут в 2016 году выполнили всего 81,2 % работающих бригад, и на протяжении 3 лет показатель стабилен на данном уровне, но установленный в «дорожной карте» показатель не достигнут (85,5 %).

Следующий шаг — медицинская реабилитация в Свердловской области. Ее развитие осуществляется по основным направлениям: нейрореабилитация, реабилитация пациентов с сердечно-сосудистой патологией и др. Всего в Свердловской области медицинскую помощь по профилю «реабилитации» осуществляют 15 учреждений здравоохранения, в том числе 3 частные организации, и 5 специализированных учреждений. Развернуто 423 койки с круглосуточным пребыванием пациентов в реабилитационных отделениях и 13 коек в дневном стационаре для взрослого населения области. В 2015 году пролечено 12 184 пациентов, а в 2016 году — 13006 пациентов в реабилитационных отделениях и центрах в рамках Территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи.

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.12.2012 № 1705н «О порядке организации медицинской реабилитации» и приказом Минздрава Свердловской области от 22.07.2015 № 1049-п «Об организации медицинской помощи больным с заболеваниями центральной и периферической нервной системы по профилю «медицинская реабилитация» (в редакции приказа от 07.10.2015 № 1520-п) в рамках трехуровневой системы оказания медицинской помощи определена система отбора пациентов с ЦВБ для проведения реабилитационных мероприятий в медицинских организациях на каждом уровне.

В ходе реализации пилотного проекта по развитию системы медицинской реабилитации в Свердловской области организована этапная, строго придерживающаяся принципу преемственности, медицинская помощь с целью снижения инвалидизации, смертности пациентов после инсульта и инфаркта, эффективно использующая ресурсы медицинских организаций. Проект предусматривает проведение организационно-управленческих и образовательных мероприятий, клинической работы и в дальнейшем оценку эффективности реабилитационного лечения. Промежуточные результаты показали, что эффективность реабилитации в медицинских организациях, включенных в пилот, выше. В основу оценки результатов заложены показатели восстановления по шкале Рэнкин, характеризующей ограничения жизнедеятельности у пациента и зависимость от помощи окружающих. Шкала Рэнкин зарекомендовала себя как универсальный

показатель для оценки инвалидизации на 1, 2 и 3 этапах реабилитации, отражающих улучшения при восстановлении функций организма и жизнедеятельности пациентов [5].

Выводы

1. Смертность от болезней системы кровообращения занимает 1-е место в Свердловской области — 48,5 %, среди которых доля цереброваскулярных болезней составляет 30,9 %. Уровень смертности от ЦВБ в Свердловской области снижается — с 2012 г. на 49 %, но остается высоким — 192,6 на 100 тыс. населения. По сравнению с РФ сократилась разница показателя с 23,7 % до менее 1 %.

2. Общая и первичная заболеваемость болезнями системы кровообращения обладает тенденцией к увеличению — на 2,1 % и на 24,6 %, соответственно за 2012–2016 гг. Болезни системы кровообращения занимают 2-е место в структуре общей заболеваемости. Уровень первичной заболеваемости цереброваскулярной патологией обладает тенденцией к увеличению показателя более чем на 16 % как среди всего населения, так и среди лиц трудоспособного возраста.

3. Развитие здоровьесберегающих технологий, совершенствование профилактики и системы оказания медицинской помощи и медико-социальной реабилитации больных с ЦВБ направлено на снижение преждевременной смертности и увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

Список источников

1. Мировая статистика здравоохранения: Мониторинг показателей здоровья в отношении целей устойчивого развития: Доклад ВОЗ. 2017 г.

2. Профилактика и борьба с неинфекционными заболеваниями в Европейском регионе: доклад о ходе работы»: Доклад ВОЗ. 2014 г.

3. Глобальное руководство и план действий по борьбе с инсультом: стратегический план обеспечения качественной помощи при инсульте / Линдсей М. П., Норрвинг Б, Фури К. Л., Доннан Г., Лангхорн П., Дэвис С. — Женева, 2016.

4. Государственная программа Свердловской области «Развитие здравоохранения Свердловской области до 2024 года»: Постановление Правительства Свердловской области от 21.10.2013 № 1267-ПП

5. *Иванова Г. Е., Аронов Д. М., Белкин А. А.*, и др. Пилотный проект «Развитие системы медицинской реабилитации в Российской Федерации» // Вестник восстановительной медицины. — 2016. — № 2(72).

6. *Иванова А. Е., Михайлов А. Ю.* Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России // Социальные аспекты здоровья населения: Электронный научный журнал. — 2017. — № 5(57).

7. *Сабгайда Т. П., Семенова В. Г.* Связь снижения сердечно-сосудистой смертности 2013–2015 годов с изменением смертности от других причин // Социальные аспекты здоровья населения: Электронный научный журнал. — 2017. — № 5(57).

8. *Сайгитов Р. Т., Чулок А. А.* Сердечно-сосудистые заболевания в контексте социально-экономических приоритетов долгосрочного развития России // Вестник РАМН. — 2015. — № 70(3). — С. 286–299.

9. Состояние инвалидности населения Свердловской области. Формирование ИПРА инвалида (ребенка-инвалида) / И. И. Кузнецова. — Екатеринбург, 2017.

10. *Улумбекова Г. Э.* Здравоохранение России. Итоги 2012–2016 гг. Неотложные меры в 2017–2018 гг. Приоритеты развития до 2025 г. — М., 2017.

Информация об авторах

Бызов Никита Сергеевич — старший преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Ножкина Наталья Владимировна — доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Byzov N. S., Nojkina N. V.

Contemporary Issues of Medico-Demographic Consequences and Health Care in Cerebrovascular Diseases

One of the leading public health and health problems in the world and in the Russian Federation is the damage caused by cerebrovascular diseases. Diseases of the circulatory system steadily occupy a leading position in the structure of total mortality: in 2017 in Russia — 47.8 %, in the Sverdlovsk region — 48.2 %. In this class of diseases the share of mortality from cerebrovascular diseases (CVB) is 30.9 %, taking 2nd place after cardiovascular disease. In Russia, in 2012–2016, the total mortality from CVB in the whole country decreased by 15.4 %, and in the Sverdlovsk region by 49.1 %. Mortality from CVB at working age is one of the indicators of labour potential assessment. The primary incidence of CVB in the Sverdlovsk region is 11.3 % lower than in Russia, and there is a tendency to reduce the incidence. Disability of the population due to diseases of blood circulation has a tendency to decrease in Russia (-18.6 %) and in the Sverdlovsk region (-24.6 %), and ranks second after tumors. Therefore, it is necessary to improve and evaluate the effectiveness of medical care and rehabilitation, monitoring of rehabilitation on the basis of modern information technologies.

Keywords: cerebrovascular diseases, mortality, morbidity, disability, organization of medical care, rehabilitation

References

1. World health statistics: health Monitoring in relation to the Objectives of sustainable development: WHO, report. 2017.

2. Prevention and control of noncommunicable diseases in the European region: progress report: WHO, report. 2014.

3. Global leadership and action plan to fight stroke: a strategic plan to ensure quality stroke care / Lindsay M. P., Norrving B., Furi K. L., Donnan G., Langhorne P., Davis S. — Geneva, 2016.

4. State program of Sverdlovsk region “development of health care of Sverdlovsk region until 2024” : decree of the government of Sverdlovsk region from 21.10.2013 № 1267-PP.

5. Ivanov G. E., Aronov D. M., Belkin A. A. The pilot project “development of the system of medical rehabilitation in the Russian Federation”// Herald of restorative medicine. — 2016. — No. 2(72).

6. Ivanova A. E., Mikhailov A. Yu. Evaluation of demographic policy to reduce mortality at the regional level in Russia // Social aspects of public health: Electronic scientific journal. — 2017. — No.5 (57).

7. Sabgayda T. P., Semenova V. G. Connection of the decrease in cardiovascular mortality in 2013–2015 with the change in mortality from other causes // Social aspects of public health: Electronic scientific journal. — 2017. — No. 5 (57).

8. Sagitov R. T., Stocking A. Cardiovascular disease in the context of socio-economic priorities for long-term development of Russia // Bulletin of the Russian Academy of medical Sciences. — 2015. — No. 70(3). P. 286–299.

9. The state of disability of the population of Sverdlovsk region. Formation of disabled IDP (disabled child) / I. I. Kuznetsova. — Yekaterinburg, 2017.

10. Ulumbekova G. E. Health Care Of Russia. The results of the 2012–2016 Urgent measures in 2017–2018 development Priorities up to 2025. — M., 2017.

Authors

Byzov Nikita Sergeevich — senior assistant of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (3, Repina St., Yekaterinburg, Russia).

Nojkina Natalia Vladimirovna — Doctor of Medicine, Professor, Chief of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (3, Repina St., Yekaterinburg, Russia).

УДК 314

Валидова А. Ф.

ВЛИЯНИЕ «МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА» НА РОЖДАЕМОСТЬ ПО ДАННЫМ РОССИЙСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ ДОМОХОЗЯЙСТВ[1]

Меры демографической политики играют важную роль в формировании репродуктивного поведения семей, создавая систему стимулов и сдерживающих факторов для реализации репродуктивных планов. В последние два десятилетия вопрос эффективности демографической политики особенно актуален для России, что связано с неизбежностью старения населения, быстрым ростом нагрузки на трудоспособное население и уменьшением численности женщин, находящихся на пике фертильности. В статье рассмотрено влияние экономических мер по поддержке рождаемости на динамику рождений вторых и последующих детей. На базе данных, полученных в результате анализа обследований российских домохозяйств, сделаны выводы о влиянии «материнского капитала» на интенсивность рождений и календарь рождений в пользу последнего. Данный вывод указывает на недостаточную эффективность демографической политики, имеющую материальную направленность.

Ключевые слова: демографическая политика, материнский капитал, рождаемость, репродуктивное поведение, программы по повышению рождаемости, семейная политика, Центр семьи и демографии АН РТ

Изменение социально-экономической ситуации в России в период проведения экономических реформ привело к тому, что постепенное снижение рождаемости, начавшееся с середины 1960-х гг., вызванное демографическими факторами, сменилось ее резким спадом. В 1990-е гг. Россия столкнулась с проблемой резкого снижения рождаемости, выразившейся в откладывании первых рождений, что привело к уменьшению суммарного коэффициента рождаемости [3, 4]. Таким образом, важнейшей задачей в области социально-демографической политики современной России — страны с низким уровнем рождаемости — стало поддержание демографического роста.

В рамках Концепции демографический политики 2007 г. в России основной акцент сделан на создании стимулов для рождения и воспитания второго ребенка. Одной из основных исследовательских задач анализа результативности действия программ по поддержке семей с детьми является определение роли экономических и внеэкономических факторов, влияющих на репродуктивное поведение российских женщин, и оценка степени их воздействия на принятие решения о рождении второго и последующих детей.

Ключевой теорией, объясняющей связь государственной политики по стимулированию рождаемости и демографического поведения населения,

[1] © Валидова А. Ф. Текст. 2018.

стала неоклассическая экономическая теория, в соответствии с которой решения о рождении ребенка, браке, разводе, найме на работу и т. д. принимаются в процессе анализа выгод и издержек. Согласно ее основоположникам (Беккер, Уиллис, Шульц), решение иметь детей — это сугубо рациональное решение, принимаемое в целях максимизации полезности и зависящее от издержек и выгод, связанных с появлением ребенка, в рамках ограниченного дохода [10, 15, 16]. Данная модель исходит из того, что «спрос на детей» (то есть желание заводить детей) повышается со снижением затрат на ребенка (в результате получения государственных субсидий), или же с увеличением располагаемого дохода (после получения пособий и выплат на ребенка) [13].

Что касается эмпирических исследований, большинство авторов делает выводы о положительном влиянии государственной политики, использующей финансовые стимулы, на рождаемость [11, 14]. Следует однако отметить, что зачастую эффект хотя и положительный, но не столь значительный. Кроме того, ее влияние не столько приводит к увеличению общего количества детей, сколько стимулирует более раннее планирование детей [12]. В работах российских демографов (В.Н. Архангельского, Л.Н. Овчаровой, О.В. Синявской) проанализирована роль государственной демографической и социальной политики в формировании репродуктивного поведения населения и показано, что государство может оказывать влияние на рождаемость населения посредством создания условий, способствующих реализации рождений [1, 2, 5, 8, 9]. Как известно, меры политики по регулированию рождаемости по способу воздействия делятся на экономические, административно-правовые и пропагандистские. Одним из важнейших экономических факторов, влияющих на репродуктивное поведение, являются денежные доходы населения. Экономические меры по повышению рождаемости, которые являются объектом данного исследования, вводятся для компенсации расходов на воспитание детей и несут пронаталистскую цель. К ним относятся социальные трансферты для семей с детьми, дифференциация налогов в зависимости от доходов, льготы и субсидии, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и другие меры.

Введение «материнского капитала» стало инновационной мерой по поддержке семей с детьми, имеющей пронаталистскую цель. В целях стимулирования рождаемости Правительством Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом № 256-ФЗ было принято решение о выплате материнского капитала с 1 января 2007 за рождение второго и последующих детей. Размер выплат материнского капитала изначально составлял 250 000 рублей, в 2015 году сумма выплат достигла 453 026 руб.

Демографические показатели после начала действия мер демографической политики 2007 года, и в частности выплат материнского капитала, продемонстрировали заметный рост. Так, суммарный коэффициент рождаемости вырос с 1,3 в 2006 году до 1,77 в 2016 году, указывая на

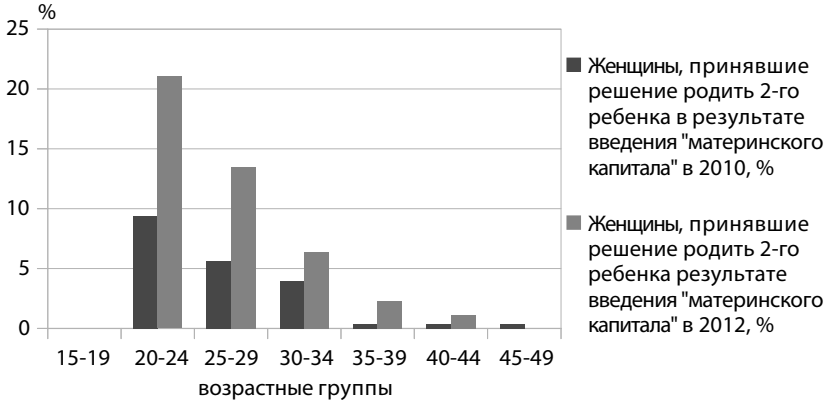


Рис. 1. *Намерения женщин родить второго ребенка под влиянием «материнского капитала». Источник: собственные расчеты по данным РМЭЗ-ВШЭ*

непрерывный рост после введения пронаталистских мер [12][1]. Следует, однако, заметить, что данный показатель рождаемости не дает возможности определить, явилось ли повышение рождаемости результатом роста интенсивности рождений, или же отразило процесс смещения календаря рождений. В этой связи интерес представляет анализ данных репрезентативных выборочных обследований, включающих переменные, характеризующие рождаемость в стране.

Для оценки степени влияния государственной политики рождаемости, и в частности «материнского капитала», Центром семьи и демографии АН Республики Татарстан (РТ) были проанализированы данные двух репрезентативных российских исследований домохозяйств: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (данные по необходимым переменным доступны за 2010 и 2012 годы) и «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проводимое Независимым институтом социальной политики в 2011 г. [6, 7]. Анкеты данных обследований содержат важные вопросы, касающиеся репродуктивного поведения женщин и позволяющие оценить влияние введения «материнского капитала» на решение родить второго и третьего детей. Рисунки 1 и 2 иллюстрируют, как менялся процент женщин по разным возрастным группам, родивших второго и третьего ребенка после введения данной пронаталистской меры и положительно ответивших на вопрос: «Повлияла ли программа «материнского капитала» на Ваше намерение родить еще одного ребенка?» [7].

В целом результаты указывают на относительно невысокий процент женщин, положительно отреагировавших на «материнский капитал».

[1] Российский статистический ежегодник 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm.

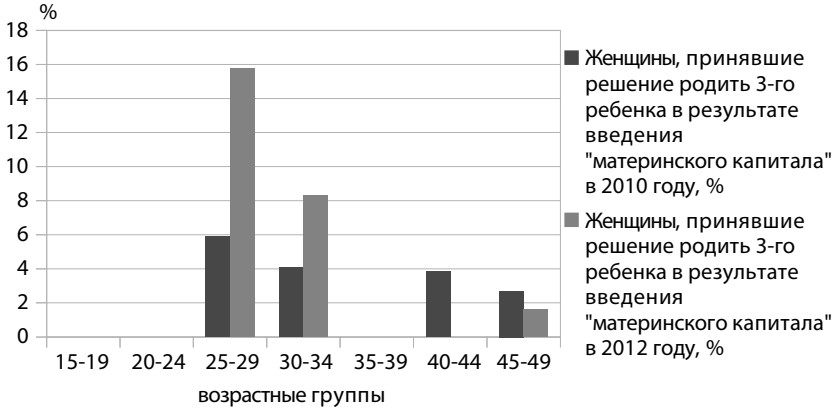


Рис. 2. *Намерения женщин родить третьего ребенка под влиянием «материнского капитала», %. Источник: собственные расчеты по данным РМЭЗ-ВШЭ*

Однако интерес представляет распределение женщин, родивших вторых и третьих детей в ответ на данную меру государственной политики, по возрастным группам. Так, наиболее высокий процент положительно отреагировавших на программу «материнского капитала» демонстрирует возрастная группа 20–24 года, что свидетельствует о привлекательности финансовой поддержки в первую очередь для молодых родителей. Еще одно объяснение дифференциации репродуктивного поведения женщин разных возрастных групп лежит в условиях использования «материнского капитала» — денежная сумма может быть использована сразу после рождения ребенка на приобретение жилья и покрытия ипотеки, что тоже являются стимулирующим фактором для молодых семей.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о влиянии семейной и демографической политики 2007 года преимущественно на календарь рождений, а не на повышение рождаемости реальных когорт. Данный аргумент подтверждается эмпирическими данными обследований — «материнский капитал» в большей степени повлиял на решение заводить вторых детей среди молодых матерей 20–24 лет, что ниже среднего возраста матери при рождении второго ребенка (средний возраст матери для второго ребенка в России составил в 2010 и 2012 гг. 29,4 и 29,1 года соответственно). Следовательно, женщины, признавшие положительное влияние политики поддержки рождаемости, в среднем родили своих вторых детей раньше, чем планировали, в то время как женщины более старших возрастов существенно не изменили свои репродуктивные намерения. Аналогичные результаты дает анализ влияния «материнского капитала» на рождение третьих детей. Так же, как и в случае со вторыми рождениями, средний возраст матери при рождении третьего ребенка «старше» той возрастной группы, которая продемонстрировала наибольшую долю

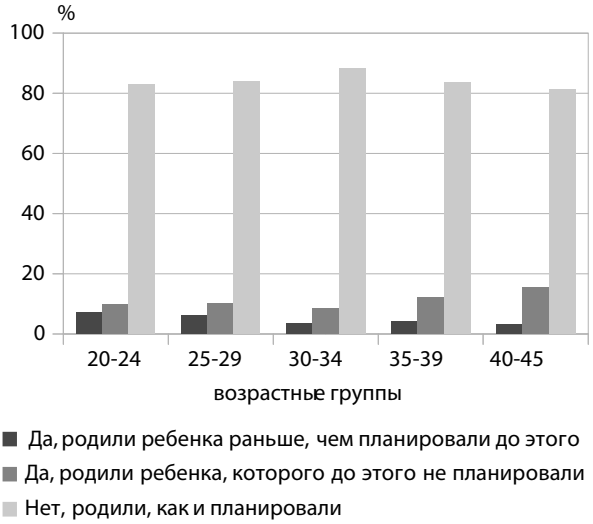


Рис. 3. *Распределение ответов респондентов на вопрос: «Повлияла ли политика по повышению рождаемости 2007 г. на Ваше решение родить еще одного ребенка?», %. Источник: собственные расчеты по данным «РиДМиЖ» (2011)*

положительных ответов на введение «материнского капитала», сыгравшего роль в изменении репродуктивных намерений (рис. 2), а следовательно, мы имеем дело со смещением календаря рождений.

Анализ данных третьей волны репрезентативного обследования домохозяйств «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2011 г., дает очень схожие результаты и служит подтверждением гипотезы о смещении календаря рождений в результате проведения государственной демографической политики [6]. Вопрос, содержащийся в анкете «РиДМиЖ» (2011), сформулирован таким образом, что позволяет разделить влияние политики 2007 года на календарь рождений и интенсивность рождений. Респондентам предложено три варианта ответа на вопрос: «*Повлияло введение в 2007 году новых мер по поддержке семей на Ваше решение родить еще одного ребенка?*»: 1. Да, родили ребенка раньше, чем планировали до этого; 2. Да, родили ребенка, которого до этого не планировали; 3. Нет, родили, как и планировали (рис. 3).

Как и ожидалось, только небольшой процент опрошенных считает, что меры по повышению рождаемости изменили репродуктивные планы населения. Однако немаловажно отметить, что распределение женщин, ответивших положительно о влиянии мер на календарь рождений, смещено в сторону более молодых поколений, тогда как более высокий процент респондентов старших возрастов признает влияние мер на интенсивность рождений.

В свете данного наблюдения можно сделать вывод, что прямая финансовая поддержка в виде «материнского капитала» не оказывает решающего влияния на итоговую рождаемость, а служит стимулом к рождению детей раньше, чем семьи это планировали при отсутствии государственных мер.

Структура механизмов демографической политики России в целом свидетельствует о ее материальной направленности и превалировании экономических стимулов. Однако для обеспечения длительного эффекта от демографических мер только экономические стимулы не являются достаточными.

Опыт зарубежных стран, а также результаты нашего анализа, позволяют сделать вывод в пользу семейно-демографической политики, продиктованной не только стремлением к стимулированию рождаемости, но и идеологией гендерного равенства и заботой об общем благополучии детей и их семей. Создавая благоприятные условия на рынке труда для работающих матерей, государство способно сгладить проблему гендерного разрыва, что в свою очередь влияет на принятие решений о рождении и воспитании детей и повышает уровень рождаемости в стране.

Список источников

1. *Архангельский В. Н.* Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей // Демографические исследования. –2010. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=320#_ftnref5.

2. *Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л.* Результативность демографической политики России. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. — 307 с.

3. *Елизаров В. В.* Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России// Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы / под ред. И. А. Троицкой, А. А. Авдеева. — М., 2011. — 177 с.

4. *Митрофанова Е. С.* Демографическое поведение поколения россиян в сфере семьи и рождаемости //Экономический журнал (ВШЭ). — 2001. — Т. 15. — № 4. — С. 519–542.

5. *Овчарова Л. Н.* Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». № 211. — М.: Московский общественный научный фонд; Независимый институт социальной политики, 2010. — 248 с.

6. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РиДМиЖ). — Единый архив экономических и социологических данных, НИУ ВШЭ, 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3882&T=m.

7. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: http://www.hse.ru/rlms, http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms)».

8. *Синявская О., Захаров С., Карцева М.* Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. — 640 с.

9. *Синявская О. В., Сухова А. С.* Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенство в доступе // Семья в центре социально-демографической политики: сб. аналитических статей под ред. О. В. Синявской. — М.: НИСП, 2009.

10. *Becker G. S.* A Treatise on the family. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.

11. *Blanchet D., Ekert-Jaffe´ O.* The demographic impact of fertility benefits: Evidence from a micro-model and from macro-data. In J. Ermisch & N. Ogawa (Eds.). The family, the market and the state in ageing societies (pp. 79–104). — Oxford, England: Clarendon Press, 1994.

12. *Ermisch J.* The econometric analysis of birth rate dynamics in Britain // The Journal of Human Resources. — 1988. — Vol. 23(4). — P. 563–576.

13. Gauthier Anne Helene, Hatzius Jan. 1997. Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis // Population Studies. — 1997. — Vol. 51. — No. 3. — P. 295–306.

14. *Gauthier A. H.* The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // Population Research and Policy Review. — 2007. — Vol. 26. — P. 323–346.

15. *Schulz T. P.* A Preliminary Survey of Economic Analyses of Fertility // American Economic Review. — 1973. — Vol. 63(2). — P. 71–78.

16. *Willis R.* A new approach to the economic theory of fertility behavior // Journal of Political Economy. — 1973. — Vol. 81. — P. S14-S64.

Информация об авторе

Валидова Асия Фаритовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, 420111, г. Казань, ул. Левобулачная, 36а; e-mail: avalidova@gmail.com

Validova A. F.

"Maternal Capital" Effects on Fertility According to Russian Household Surveys

Demographic policy measures have an undeniable effect on reproductive behavior, creating a set of incentives and constraints for reproductive plans. During the last two decades study of the demographic poicy effectiveness is of particular relevance for Russia due to aging of population, growth of demographic burden on the working population and the decrease of number of women intheir fertility age. Our study aims to evaluate the impact of economic measures of pro-natalist policy settings on the dynamics of second and subsequent childbirths. Based on Russian household surveys, we identified a timing effect of the "maternal capital" introduced in Russia, but the cohort effects of the measures are found insignificant. It allows us to conclude that demographic policy that heavily relies on material incentives is insufficient to effect fertility in the long run.

Keywords: demographic policies, maternal capital, fertility, reproductive behavior, pro-natalist policies, family policy, Family and demography center, Tatarstan Academy of Sciences

References

1. Arhangel'skij V. N. Mneniya o «pomekhah» k rozhdeniyu detej v sem'e i o dejstvitel'nyh trudnostyah realizacii zhelaemogo chisla detej // Demograficheskie issledovaniya. –2010. — No. 3 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=320#_ftnref5.

2. Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E., Rybakovskij L. L. Rezul'tativnost' demograficheskoj politiki Rossii. — M.: Izd-vo «Jekon-Inform», 2016. — 307 s.

3. Elizarov V. V. Stimulirovanie rozhdaemosti i podderzhka semej s det'mi v sovremennoj Rossii// Rozhdaemost' i planirovanie sem'i v Rossii: Istoriya i perspektivy / pod red. I. A. Troickoj, A. A. Avdeeva. — M., 2011. — 177 s.

4. Mitrofanova E. S. Demograficheskoe povedenie pokolenija rossijan v sfere sem'i i rozhdaemostin//Jekonomicheskij zhurnal (VShJe). — 2001. — T. 15. — No. 4. — S. 519–542.

5. Ovcharova L. N. Determinanty reproduktivnogo povedenija naselenija i faktory semejnogo neblagopoluchija: rezul'taty panel'nyh issledovanij. Serija «Nauchnye doklady: nezavisimyj jekonomicheskij analiz», № 211. Moskva, Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond; Nezavisimyj institut social'noj politiki, 2010. — 248 s.

6. Gender and Generation Survey Russia 2011 — Higher School of Economics. Joint Economic and Social Data Archive. http://sophist.hse.ru

7. "Russia Longitudinal Monitoring survey, RLMS-HSE", conducted by National Research University "Higher School of Economics" and OOO "Demoscope" together with Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill and the IInstitute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (RLMS-HSE web sites: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse, http://www.hse.ru/org/hse/rlms)

8. Sinyavskaya O., Zaharov S., Karceva M. Povedenie zhenshchin na rynke truda i detorozhdenie v sovremennoj Rossii // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve / Pod nauch. red. T. M. Malevoj, O. V. Sinyavskoj Nezavisimyj institut social'noj politiki. — M.: NISP, 2007. — 640 s.

9. Sinjavskaja O. V., Suhova A. S. Institucional'nye uslugi po uhodu za det'mi: neravenstva v dostupe. Sem'ja v centre social'no-demograficheskoj politiki: sb. analit. st. /Nezavisimyj in-t soc. politiki. — M., 2009. — S. 73–96.

10. Becker G. S. A Treatise on the family. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.

11. Blanchet D., Ekert-Jaffe´ O. The demographic impact of fertility benefits: Evidence from a micro-model and from macro-data. In J. Ermisch & N. Ogawa (Eds.), The family, the market and the state in ageing societies (pp. 79–104). Oxford, England: Clarendon Press, 1994.

12. Ermisch J. The econometric analysis of birth rate dynamics in Britain // The Journal of Human Resources. — 1988. — Vol. 23(4). — P. 563–576.

13. Gauthier Anne Helene, Hatzius Jan. Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis // Population Studies. — 1997. — Vol. 51. — No. 3. — P. 295–306.

14. Gauthier A. H. The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // Population Research and Policy Review. — 2007. — Vol. 26. — P. 323–346.

15. Schulz T. Paul. A Preliminary Survey of Economic Analyses of Fertility // American Economic Review. — 1973. — Vol. 63(2). — P. 71–78.

16. Willis R. A new approach to the economic theory of fertility behavior // Journal of Political Economy. — 1973. — Vol. 81. — S14-S64.

Author

Validova Asiya Faritovna — PhD in Economics, senior research associate, Family and demography center, Tatarstan Academy of Sciences (Russia, Tatarstan, 420111, Kazan, Levobulachnaya st., 36a, Kazan; e-mail: avalidova@gmail.com).

УДК 614.2

Казанцева А. В., Ножкина Н. В., Ануфриева Е. В., Михалева Н. В.

ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА У ПОДРОСТКОВ[1]

В последнее десятилетие в России сохраняются снижение численности подростков, ухудшение состояния их здоровья. При этом вопросы формирования здорового образа жизни могут быть органично включены в учебно-воспитательный процесс. Цель исследования — на основе мониторинга информированности учащихся подростков о факторах риска для здоровья оценить эффективность реализации профилактических программ в образовательных организациях и предложить пути их совершенствования. Методы — социологический, аналитический, статистический. При сравнении показателей ответов школьников в двух срезах анкетирования наблюдается положительная динамика в снижении распространенности факторов риска. Школьники лучше информированы о них по сравнению со сверстниками из ОСПО. Для эффективности профилактических вмешательств необходимы разработка и внедрение комплексных программ, направленных на снижение распространенности поведенческих факторов риска, здоровьесбережение и формирование установок к здоровому образу жизни подростков при скоординированном межведомственном участии.

Ключевые слова: подростки, факторы риска, здоровьесбережение, образовательные организации

В последнее десятилетие как в Российской Федерации, так и в Свердловской области сохраняются негативные тенденции в формировании общественного здоровья. Важнейшей из них является снижение численности подростков, ухудшение их физического развития и состояния здоровья. Подростковый возраст — это период, для которого характерен ряд ключевых аспектов физического и полового развития, продвижение к социальной и экономической самостоятельности, развитие личности. И при этом — время значительных рисков для здоровья, так как мощное влияние оказывает социальный контекст (ВОЗ, 2014). В формировании здорового образа жизни дети и подростки являются наиболее перспективной возрастной категорией. Именно в детстве происходят усвоение основных объемов информации, выработка фундаментальных жизненных стереотипов [1].

Для подростков естественной является учебная деятельность, поэтому вопросы формирования здорового образа жизни могут быть органично включены в учебно-воспитательный процесс. Согласно федеральным законам № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (2012) и № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011), образовательная организация должна быть местом, обеспечивающим не

[1] © Казанцева А. В., Ножкина Н. В., Ануфриева Е. В., Михалева Н. В. Текст. 2018.

только сохранение, но и укрепление здоровья учащихся. Обучающиеся являются организованным коллективом сверстников и проводят значительную часть времени в образовательных организациях, что дает широкие возможности для профилактических вмешательств. В то же время условия обучения могут являться фактором риска для здоровья молодых людей [2].

Цель исследования — на основе мониторинга информированности учащихся подростков о факторах риска для здоровья и сформированности установок на здоровый образ жизни оценить эффективность реализации профилактических программ в образовательных организациях и предложить пути их совершенствования.

В России с 2000–2017 гг. численность детей подросткового возраста (15–17 лет) сократилась на 50 %, и прогнозируется тенденция к дальнейшему снижению (Росстат, 2017). В Свердловской области численность подростков за 15 лет снизилась на 0,12 млн чел. (в 2 раза по сравнению с 2002 г.) и составила в 2017 г. 2,5 % населения.

В возрастной структуре детской смертности подростки занимают наименьшую долю, и она стабильно сокращается за последние 10 лет (на 64,6 %), составив в 2017 г. 9 % от всех погибших детей.

Общая заболеваемость подростков в России за последнее десятилетие увеличилась на 38,1 %. В Свердловской области уровень общей заболеваемости возрос на 43,2 % (с 2002 г.), достигнув в 2017 г. 1923,3 ‰. При этом уровень общей заболеваемости подростков стабильно ниже, чем у детей 0–14 лет. В структуре общей заболеваемости подростков после болезней органов дыхания (33,4 % в 2017 г.) лидирующие места занимают заболевания, связанные с обучением и образом жизни, на 2-м месте болезни глаза — 10,6 %, на 3-м месте — травмы и отравления — 9,5 %. Увеличивается доля болезней костно-мышечной системы — 6,1 % (рост на 30,2 % за 15 лет), нервной системы — 6,1 % (на 22 %), эндокринной системы — 4,3 % на (62,3 %).

Уровень первичной заболеваемости подростков также возрос — на 46,1 % за 16 лет, достигнув в 2017 г. 1207,1 ‰. Вместе с тем доля первичной заболеваемости в структуре общей заболеваемости составила в 2017г. 62,8 %. В структуре первичной заболеваемости половина случаев составляют болезни органов дыхания, на 2-м месте внешние причины — 15,1 %, далее болезни глаза и придаточного аппарата (5,4 %), болезней органов пищеварения (4,1 %). За изученный период доля впервые выявленных хронических заболеваний растет: болезней глаза на 43,9 %, органов пищеварения на 10,9 %.

В целом подростки формируют 3,4 и 3,8 % общей и первичной заболеваемости всего населения соответственно.

По сравнению с детьми 0–14 лет у подростков регистрируются достоверно более высокие уровни заболеваемости по всем классам соматических заболеваний, за исключением болезней органов дыхания и инфекционных заболеваний.

По данным профилактических медицинских осмотров 2017 года, в структуре патологии преобладают болезни глаза (30 %), костно-мышечной системы (17 %), органов пищеварения (14 %) и эндокринной системы (11 %). Большинство из этих нозологий формируются в процессе получения образования, или их появлению способствует влияние факторов образовательной среды [3].

Эффективно формировать здоровый образ жизни детей и подростков можно, опираясь на знание реального образа жизни детей определенного пола, возраста, коллектива, для чего необходимо постоянно мониторить распространенность среди детей факторов риска развития заболеваний и травматизма [1]. В России с 1997 года ведется мониторинг с использованием международной анкеты «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC), имеющей более 60 показателей, включенных в 4 блока: социальное окружение, показатели здоровья, формы поведения, способствующие здоровью, формы поведения, сопряженные с риском для здоровья.

Проведен сравнительный анализ мнения подростков (15–17 лет), обучающихся в школах и средних профессиональных организациях (ОСПО) Свердловской области. В 2009 году был опрошен 561 школьник, в 2015 году — 271. Также в 2016 г. было опрошено 442 студента ОСПО. Анкеты содержали блоки вопросов: отношение к собственному здоровью, вредные привычки (курение, употребление алкоголя, психоактивных веществ), характер питания, физическая активность.

Мониторинг самооценки здоровья необходим для определения психического и физического благополучия всех молодых людей, а не только клинических подгрупп, а также позволяет оценить, как субъективно ощущаемые молодыми людьми проблемы здоровья побуждают их к поискам медицинских советов и консультаций, приему лекарств и пропускам занятий в школе [1].

Полученные данные свидетельствуют, что подростки, обучающиеся в ОСПО, в 3 раза реже оценивают свое здоровье как хорошее, по сравнению со сверстниками-школьниками. Показатели профилактической активности у студентов ОСПО ниже, чем у сверстников, обучающихся в школах: студенты реже (на 35,5 %) делают профилактические прививки, на 25 % реже рационально питаются, в 2 раза реже принимают витамины. Подростки лишь в 23 % случаев отмечают, что своевременно обращаются к врачу, независимо от места обучения.

Рациональное и сбалансированное питание в подростковом возрасте способствует профилактике заболеваний, повышению работоспособности и успеваемости, физическому и умственному развитию, создает условия для адаптации подрастающего поколения к окружающей среде и оказывает существенное влияние на формирование и состояние здоровья человека на протяжении всей последующей жизни [5, 6]. Большое влияние на фактическое питание в подростковом возрасте оказывают социальные

факторы. Процесс утверждения своей индивидуальности часто предполагает отрицание семейных ценностей и сопровождается растущим влиянием сверстников и возрастающим участием в социальной жизни вне семьи [4]. Нарушения в режиме питания, связанные с невозможностью получить горячее питание, ведут к развитию патологии желудочно-кишечного тракта, пропуск завтрака ведет к ухудшению познавательной функции и школьной успеваемости [7]. По данным анкетирования установлен нерациональный режим питания (прием пищи реже 3 раз в день) у 21 % студентов и 12 % школьников. Ежедневно едят фрукты и овощи лишь 48 % школьников и 36 % студентов. Регулярная физическая активность может значительно улучшить качество жизни как в физическом, так и в психологическом аспектах, повысить школьную успеваемость и когнитивную функцию [8]. Выявлено, что до 60 % подростков имеют низкую физическую активность (при оценке по критериям ВОЗ).

Привычка к курению обычно формируется в подростковом возрасте. Экстравертированность, направленность на общение способствуют началу и развитию курения, вовлечению подростков в компанию курящих, а неуверенность в себе побуждает их самоутверждаться путем усвоения такой взрослой формы поведения (по их мнению), как курение. В подростковом возрасте потребление алкоголя и отношение к спиртному связаны сочетанием генетических и средовых факторов, так, характер употребления алкоголя в ближайшем окружении оказывает влияние на личный прием спиртного [9].

При сравнении показателей ответов школьников в двух срезах анкетирования (2009 и 2015 гг.) наблюдается положительная динамика в снижении распространенности курения и употребления алкоголя. Школьники лучше осведомлены об их вреде по сравнению со сверстниками из ОСПО. У студентов отмечается превышение (до 10 раз) показателей распространенности курения. Практически все студенты ОСПО пробовали, а более 50 % употребляют алкоголь. Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков установлено только у 57,2 % студентов ОСПО. При этом обращают на себя внимание низкие показатели уровня знаний молодежи об опасности употребления наркотических веществ (до 20 % считают, что употребление ПАВ приводит к физической зависимости, при этом об опасности их употребления осведомлены до 80 % подростков-школьников). Полученные результаты требуют усиления работы с подростками по профилактике наркотической зависимости.

Для разработки профилактической агитации важно отметить, что для школьников основными источниками знаний являются родители (73,1 %), медицинские работники (45,8 %), а для студентов — СМИ (65,5 %), преподаватели (34,2 %) и друзья (25 %).

Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки мер, направленных на просвещение обучающихся в разных видах образовательных организаций, объединив знания и умения учителей и

медицинского персонала. Анализ распространенности поведенческих факторов риска среди подростков свидетельствует о необходимости продолжения их профилактики и поиска новых подходов к работе в этом направлении с современными подростками.

В г. Екатеринбурге с 2003 года реализуется программа «Здоровье маленьких горожан», среди направлений которой выделены мероприятия по профилактике заболеваний среди учащихся. Особое внимание в регионе уделяется школьному здравоохранению, с 2009 года в Свердловской области реализуется Концепция «Совершенствование организации медицинской помощи учащимся общеобразовательных учреждений Свердловской области на период до 2025 года». В Концепции заложены принципы мониторинга соматического, психического и социального здоровья школьников и использования методов профилактики, включающих оптимизацию условий обучения, питания, физического воспитания, формирование навыков здорового образа жизни, активной позиции медицинских работников, педагогов, родителей и детей по сохранению и восстановлению здоровья. С 2017 года стартовала образовательная программа «Здоровье школьников», которая включает интерактивные занятия, лекции и семинары для всех участников образовательного процесса: учеников, родителей, педагогов, а также медицинских работников образовательных организаций.

Более низкий уровень информированности и приверженности к здоровьесбережению студентов колледжей может быть связан с иными психосоциальными условиями воспитания и обучения в ОСПО (смешение возрастных контингентов обучающихся, проживание подростков отдельно от родственников), а также с недостаточной профилактической работой непосредственно в образовательной организации.

В связи с этим Городским центром медицинской профилактики г. Екатеринбурга разработан пилотный проект «Здоровый студент», направленный на повышение информированности в отношении факторов риска, формирование установок на здоровый образ жизни, снижение распространенности факторов риска нарушения здоровья среди студентов.

Для эффективности профилактических вмешательств необходимы разработка и внедрение комплексных программ, направленных на снижение распространенности поведенческих факторов риска, здоровьесбережение и формирование установок к здоровому образу жизни подростков при скоординированном межведомственном участии министерств и ведомств в сфере здравоохранения, образования, молодежной политики, культуры и спорта, педагогов образовательных организаций, медработников здравпунктов, участковых врачей-педиатров, медицинских работников отделений организаций медицинской помощи несовершеннолетним в образовательных организациях, детских поликлиник, работников центров (отделений, кабинетов) медицинской профилактики, центров здоровья. Необходима также преемственность на всех этапах формирования

здорового образа жизни детей и подростков (семья, школа, средние специальные и высшие учебные заведения, трудовые коллективы, неформальные объединения). При создании программ по формированию здорового образа жизни следует учитывать возрастные, гендерные различия, тенденции в отношении поведенческих факторов риска, меняющиеся с течением времени.

Для оценки эффективности профилактических вмешательств необходимо внедрение мониторинга факторов риска среди учащихся школ и колледжей, что позволит определять особенности динамики приоритетных факторов риска в организованных коллективах — распространенности, частоты появления факторов риска в процессе обучения, направление, объем и сроки профилактического вмешательства в зависимости от типа образовательного учреждения, года обучения; осуществлять дифференцированные подходы к профилактике на популяционном, групповом, индивидуальном уровнях.

Список источников

1. *Кучма В. Р., Соколова С. Б.* Поведенческие риски, опасные для здоровья школьников XXI века. — М.: Научный центр здоровья детей РАМН, 2017. — 170 с.

2. *Кучма В. Р., Сухарева Л. М., Степанова М. И.* Гигиенические проблемы школьных инноваций. — М.: Научный центр здоровья детей РАМН, 2009.

3. *Баранов А. А, Намазова-Баранова Л. С., Терлецкая Р. Н., Антонова Е. В., Устинова Н. В., Байбарина Е. Н., Чумакова О. В.* Итоги проведения профилактических медицинских осмотров детского населения Российской Федерации в 2014 году // Педиатр. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 33–39.

4. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2009/2010 survey [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/ru.

5. *Кучма В. Р., Чернигов В. В., Горелова Ж. Ю.* О концепции программы «Школьное питание» // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И. И. Мечникова. — 2007. — № 2(2).

6. *Clercq B. D., Abel T., Moor I., Elgar F. J., Lievens J., Sioen I., Deforche B.* Social inequality in adolescents' healthy food intake: the interplay between economic, social and cultural capital // The European Journal of Public Health. — 2016. — DOI: 10.1093/eurpub/ckw236.

7. *Нотова С. И., Бурлуцкая Т. И., Бурлуцкая О. И., Барышева Е. С., Горелова Ж. Ю., Чернова Е. Г.* Особенности питания, элементного статуса организма учащихся и их успеваемость // Вопросы современной педиатрии. — 2007. — Т.6. — № 5.

8. *Marques A., Mota J., Gaspar T., de Matos M. G.* Associations between self-reported fitness and self-rated health, life-satisfaction and health-related quality of life among adolescents // Journal of Exercise Science & Fitness. — 2017. — № 15(1). — С. 8–11. — DOI: 10.1016/j.jesf.2017.03.001.

9. *Alexis C. E., Hermine H. M., Carol A. P., Kenneth S.* Kendler Multiple Mechanisms Influencing the Relationship Between Alcohol Consumption and Peer Alcohol Use. — Alcoholism: Clinical and Experimental Research, 2015. — DOI: 10.1111/acer.12624.

Информация об авторах

Ножкина Наталья Владимировна — доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; e-mail: ozo_usma@mail.ru).

Ануфриева Елена Владимировна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина; e-mail: ozo_usma@mail.ru).

Казанцева Анна Владимировна — ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина; e-mail: ozo_usma@mail.ru).

Михалева Наталья Владиславовна — магистрант кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина; e-mail: ozo_usma@mail.ru).

Nozhkina N. V., Anufrieva E. V., Kazantseva A. V., Mihaleva N. V.

Health and Socio-Related Risk Factors in Adolescents

Number of adolescents and their health status has been decline in the last decade in Russia. The issues of the formation of a healthy lifestyle can be organically included in the educational process. The purpose of the study is to assess the effectiveness of the implementation of preventive programs in educational organizations and to suggest ways to improve them based on monitoring of teenagers' awareness of health risk factors. Methods — sociological, analytical, statistical. When comparing the indicators of students' answers in two sections of the questionnaire, there is a positive trend in reducing the prevalence of risk factors. Pupils are better informed about them in comparison with their peers from college. For the effectiveness of preventive interventions, it is necessary to develop and implement comprehensive programs aimed at reducing the prevalence of behavioral risk factors, health preservation and the formation of attitudes to a healthy lifestyle of adolescents with coordinated interagency participation.

Keywords: teenagers, risk factors, health preservation, educational organizations

References

1. Kuchma V. R., Sokolova S. B. Behavioral risks, dangerous for the health of schoolchildren of the XXI century. — Moscow: Scientific Center for Children's Health, Russian Academy of Medical Sciences, 2017. — 170 p.

2. Kuchma V. R, Sukhareva L. M, Stepanova M. I. Hygienic problems of school innovations. — Moscow: Scientific Center for Children's Health, Russian Academy of Medical Sciences, 2009.

3. Baranov A. A., Namazova-Baranova L. S., Terletskaya R. N., Antonova E. V., Ustinova N. V., Baibarina Ye. N., Chumakova O. V. Results of conducting preventive medical examinations of the children's population of the Russian Federation in 2014 // Pediatrician. — 2017. — T. 8. — No. 1. — P. 33–39.

4. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2009/2010 survey [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/ru.

5. Kuchma V. R., Chernigov V. V., Gorelova Zh. Yu. About the concept of the program "school meals"// Bulletin of the St. Petersburg State Medical Academy. I. I. Mechnikov. — 2007. — No. 2 (2).

6. Clercq B. D., Abel T., Moor I., Elgar F. J., Lievens J., Sioen I., Deforche B. Social inequality in adolescents' healthy food intake: the interplay between economic, social and cultural capital. The European Journal of Public Health. — 2016. DOI: 10.1093/eurpub/ckw236.

7. Notova S. I., Burlutskaya T. I., Burlutskaya O. I., Barysheva E. S., Gorelova Zh. Yu., Chernova E. G. Features of nutrition, elemental status of the body of students and their academic performance // Questions of modern pediatrics. — 2007. — T.6. — No. 5.

8. Marques A., Mota J., Gaspar T., de Matos M. G. Associations between self-reported fitness and self-rated health, life-satisfaction and health-related quality of life among adolescents // Journal of Exercise Science & Fitness. — 2017. — Vol. 15 (1). — DOI: 10.1016/j.jesf.2017.03.001.

9. Alexis C. E., Hermine H. M., Carol A. P., Kenneth S. Kendler Multiple Mechanisms Influencing the Relationship Between Alcohol Consumption and Peer Alcohol Use. — Alcoholism: Clinical and Experimental Research, 2015. — DOI: 10.1111/acer.12624.

Authors

Nozhkina Natalia Vladimirovna — Doctor of Medicine, Professor, Chief of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, 3, Repina St.; e-mail: ozo_usma@mail.ru).

Anufrieva Elena Vladimirovna — PhD, assistant professor of departmentof public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation (Russia, Ekaterinburg, 3, Repina St.; e-mail: ozo_usma@mail.ru).

Kazantseva Anna Vladimirovna — assistant of department of public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation, 3 Repina str., Yekaterinburg, 620014.

Mihaleva Natalia Vladislavovna — graduate student of department of public health and health care of Ural State Medical University the Department of Health of the Russian Federation (Russia, Ekaterinburg, 3, Repina St.; e-mail: ozo_usma@mail.ru).

УДК 314.5

Калачикова О. Н., Груздева М. А.

УЧАСТИЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ В ВОСПИТАНИИ ВНУКОВ КАК ФОРМА ЛИЧНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ[1]

В статье на результатах социологического исследования качества жизни пожилых людей в Вологодской области проанализировано участие прародителей в общении и воспитании внуков. Показано, что сельские представители старшего поколения менее активно реализуют себя в семейной сфере, что связано с миграционным оттоком молодежи в города и нарастанием дистанции между представителями различных поколений.

Ключевые слова: пенсионеры, прародители, внуки, воспитание, общение, социализация

Одним из актуальных демографических вызовов современности является старение населения. По прогнозам экспертов, численность пожилых людей будет постоянно увеличиваться: к 2050 году каждый третий житель России будет старше 60 лет [8]. Результатом изменения возрастной структуры неизменно становится рост нагрузки на трудоспособное население, возрастающая конкуренция на рынке труда между пожилыми людьми и молодежью, увеличение трат на здравоохранение и социальную защиту, неравномерность распределения общественных ресурсов. Эти последствия старения населения обусловлены частичным «перехватом» традиционной семейной функции заботы о детях и пожилых государством. Трансформация современной семьи, в частности переход от многопоколенной семьи к нуклеарной, ставит вопрос об изучении вклада и роли пожилых людей в организации быта, трансляции межпоколенных ценностей, материальном обеспечении.

Особенно остро вопрос о взаимном участии в жизни представителей разных поколений семьи встает по окончании трудовой деятельности родителей, как правило, получивших к этому моменту статус бабушки или деда. Выйдя на пенсию, человек теряет часть своих социальных связей, круг его постоянного общения сужается до родственников и близких друзей, появляется больше времени для общения с детьми и внуками, участия в их воспитании, что дает чувство единения и полезности. В этот период жизни индивида семья играет важную роль, оказывая ему экономическую, социальную и психологическую поддержку [3].

Целью работы стал анализ участия прародителей в воспитании внуков как формы их личной самореализации. С учетом процессов урбанизации, более высоких темпов и глубины старения населения сельских территорий

[1] © Калачикова О. Н., Груздева М. А. Текст. 2018.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16–02–00301 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

акцент был сделан на различиях участия в семейной жизни городских и сельских жителей. Информационной базой послужили данные социологического опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области», проведенного ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (далее ФГБУН ВолНЦ РАН) в 2018 году. В рамках исследования опрошено 1500 человек в возрасте старше 50 лет, выборка квотная, ошибка не превышает 4 %. Отметим, что в работе пойдет речь о пенсионерах по возрасту.

Исследователи отводят важную роль пожилым людям в трансляции ценностей, сохранении идентичности, «цивилизационного кода», что особенно остро востребовано в условиях глобализации, стирания культурных границ между территориями [4, 5, 7]. Вместе с тем констатируется и увеличение коммуникативной дистанции между молодежью и пожилыми людьми как на уровне семьи, так и общества в целом, распространение эйджизма, геронтофобии и межпоколенческих конфликтов [1, 2, 6]. Для анализа существующих тенденций были проанализированы результаты опроса пожилых людей в Вологодской области, в силу особенностей расселения сельскими территориями считаются муниципальные районы области, городскими — города Вологда и Череповец. При анализе города рассмотрены отдельно, ввиду ранее выявленной специфики, Вологда — культурно-административный центр, Череповец — промышленный центр, моногород, на территории которого расположено крупнейшее на Северо-Западе металлургическое производство (ПАО «Северсталь»).

В исследовании для большинства семей вологжан старше 50 лет подтверждена нуклеарность. Чаще всего представители старшего поколения проживают совместно с одним из супругов, 26 % — одни. Вместе с тем, не так мала доля живущих со своими детьми — около четверти делят жилплощадь с совершеннолетними и почти 5 % — с несовершеннолетними детьми. Доля многопоколенных семей, включающих внуков, составляет 11 %. Сложилась ситуация, еще в конце XX века показавшаяся бы парадоксальной: городские прародители чаще живут вместе с внуками (17 % в Вологде, 11 % в Череповце; табл. 1), чем жители сельских территорий (9 %). В городах молодым семьям достаточно сложно приобрести отдельное жилье, что «сподвигает» их жить с родителями. Однако есть и выгоды совместного проживания: городские семьи сталкиваются с большим количеством проблем, в разрешении которых может помочь старшее поколение, в частности взяв на себя часть обязанностей по воспитанию внуков. Это и необходимость отвозить ребенка в образовательные учреждения и на дополнительные занятия, выполнение с ними домашнего задания, ведение хозяйства. Помощь прародителей позволяет сосредоточиться на профессиональной самореализации, повысить конкурентоспособность на рынке труда и уровень жизни.

В селах же население стремительно «стареет», в том числе за счет миграционного оттока молодежи. Молодые люди уезжают в центры экономической деятельности за образованием, работой, более привлекательным

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «*С кем Вы проживаете в настоящее время?*» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	В среднем по региону
Муж / жена	56,5	47,4	63,4	57,9
Живу один / одна	23,7	37,8	22,3	26,4
Ваши совершеннолетние дети	31,1	20,8	21,3	23,5
Внуки	17,2	11,5	8,7	11,4
Ваши несовершеннолетние дети	2,3	7,7	4,5	4,7
Ваши родители (или один из них)	2,5	2,5	5,4	4,0
Родители мужа / жены (или один из них)	1,1	1,6	3,7	2,6
Ваши другие родственники	3,1	2,5	1,8	2,3
Родственники Вашего мужа / жены (кроме родителей)	0,0	1,4	0,0	0,3
Другие проживающие	0,6	0,3	0,3	0,3

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «*Как часто в последнее время Вам удается видеться/общаться…?*», %

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	В среднем по региону
Со своими детьми				
Каждый день	35,0	37,3	24,5	30,1
Несколько раз в неделю	34,7	35,3	20,9	27,7
Несколько раз в месяц и реже	16,7	14,2	20,9	18,3
Несколько раз в год	7,3	4,4	24,6	15,6
Не удаётся видеться	1,1	2,5	2,2	2,0
Затрудняюсь ответить	5,1	6,3	7,0	6,4
С внуками				
Каждый день	23,7	20,5	16,3	19,1
Несколько раз в неделю	33,9	30,4	19,3	25,5
Несколько раз в месяц и реже	17,5	22,5	21,9	21,0
Несколько раз в год	9,9	4,9	24,6	16,3
Не удаётся видеться	1,1	5,2	2,6	2,9
Затрудняюсь ответить	13,8	16,4	15,4	15,3

бытом и качественным досугом. Это обуславливает увеличение территориальной дистанции между родителями и детьми, прародителями и внуками. Показательным является и тот факт, что сельские пенсионеры реже указывают в структуре своего дохода помощь родственников (6 % ответов). Тогда как в городах к такой помощи прибегают значительно чаще — 24 % в Вологде, 19 % в Череповце, что свидетельствует о сохранении

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «*Как часто Вы проводите свое свободное время следующим образом?*» (% выбравших вариант ответа «Занимаетесь воспитанием детей и внуков»)

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	В среднем по региону
Каждый день	26,0	28,2	16,0	21,3
Несколько раз в неделю	28,2	31,8	16,8	23,1
Несколько раз в месяц и реже	22,6	17,5	25,5	22,9
Несколько раз в год	5,6	4,7	25,4	15,7
Никогда	9,3	9,0	5,9	7,5
Затрудняюсь ответить	8,2	8,8	10,5	9,5

функциональных связей, в том числе — совместном ведении домашнего хозяйства.

Сельские пенсионеры реже видятся и общаются как со своими детьми, так и с внуками. Можно предположить, что их встречи связаны с отпусками, каникулами, праздничными днями. Почти половина сельских прародителей видится с внуками не чаще нескольких раз в месяц, из них больше половины — только несколько раз в год. Большая часть городских бабушек и дедушек видят внуков и детей заметно чаще: примерно 70 % общаются с детьми и внуками каждый день или несколько раз в неделю (табл. 2).

Представители старшего поколения оценивают свое участие в непосредственном воспитании детей и внуков менее активно, чем просто встречи и общение. Примерно на 10 % меньше пожилых отмечают, что постоянно (каждый день) свободное время посвящают воспитанию внуков. В данном вопросе закономерно прослеживаются те же различия горожан и селян, так как полноценно заниматься воспитанием внуков на расстоянии затруднительно (табл. 3).

Невозможность полноценного участия в семейной жизни, необходимость помощи и экономическая целесообразность становятся для части пенсионеров причиной оставить работу. В городах доля таких ответов составляет 10 % в Вологде и 8 % в Череповце, в сельской местности жертвуют дополнительным заработком и реализацией в труде только 5 % пенсионеров.

В век информатизации и компьютерных технологий нарастание физической дистанции между представителями различных поколений, проживающих в городской и сельской местности, могло бы быть отчасти сглажено общением посредством инструментов сети Интернет. Вместе с тем, несмотря на расширение покрытия домашним и мобильным Интернетом, 65 % сельских пенсионеров совсем не работают с компьютером (в городах эта цифра составляет 45 и 47 %), и лишь 20 % пользуются Интернетом постоянно, используя возможности для изучения новостей (66 %) и общения (62 %).

Внуки являются психологической потребностью большинства представителей старшего поколения, однако не все из них даже при наличии желания имеют возможность регулярно общаться с ними и участвовать в их воспитании. Так, было выяснено, что дистанция между прародителями и внуками более выражена для сельских пенсионеров. Понятия «к бабушке на выходные» и «лето у бабушки» еще присутствуют в жизни современной семьи, но постепенно уходят в прошлое, чему способствует и транспортная удаленность между ними, и нежелание детей «отрываться от цивилизации». Участие городских пенсионеров и в трудовой деятельности, и в воспитании внуков более распространено, чем у сельских жителей. По окончании трудовой жизни важным фактором вторичной социализации пожилых людей является самореализация в семье, где будут востребованы их знания, опыт и помощь. Отсутствие этой возможности, широко распространенное у сельских жителей, провоцирует комплекс негативных социально-психологических последствий как для самих прародителей, так и для общества в целом. Пусковым механизмом ослабления и разрушения функциональных и эмоциональных связей являются экономические факторы, но «плата» за материальное благополучие лежит в социокультурном поле. В будущем подобная ситуация может повлечь увеличение коммуникационной дистанции, возникновение межпоколенческих конфликтов, нарушение трансляции ценностей между поколениями, «цивилизационного кода». Поэтому в условиях необратимого старения населения эта проблема должна оставаться в поле зрения научных исследований, нужно находить инструменты решения как со стороны общества, так и со стороны государства.

Список источников

1. *Арбер С.* Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2016. — № 2. — С. 59–78.

2. *Барсуков В. Н.* Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств // Социальное пространство. — 2016. — № 5 (7) [Электронный ресурс]. URL: http://sa.vscc.ac.ru/article/2069.

3. *Митанова Е. И.* Отношения пожилых людей со своими внуками (на примере Республики Бурятия) // Сервис plus. — 2009. — № 4.

4. *Сорокин Г. Г., Гаврилюк В. В.* Геронтообразование как способ сокращения межкультурной дистанции поколений // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2017. — № 2. — С. 36–52.

5. *Халилов Г. А.* Роль старшего поколения в процессе социализации личности в семье // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. — 2014. — № 1. — С. 202–205.

6. *Шабунова А. А.* Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. — 2014. — № 2 (70). — С. 7–17.

7. Older Persons in a Family Context [Электронный ресурс]. URL: http://www. jstor.org.

8. World Population Prospects 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources.

Информация об авторах

Калачикова Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а).

Груздева Мария Андреевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а)

Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A.

Participation of Grandparents in the Upbringing of Grandchildren as a form of Personal Self-Realization

The article analyzes the participation of grandparents in the communication and upbringing of grandchildren on the results of a sociological survey of elderly people in the Vologda region. It is shown that rural representatives of the older generation are less active in the family sphere, which is connected with the migration outflow of youth to the cities and the growing distance between the representatives of different generations.

Keywords: pensioners, grandparents, grandchildren, upbringing, communication, socialization

References

1. Arber S. Aging and gender in the global context: the role of family status // Monitoring public opinion: economic and social changes. — 2016. — No. 2. — P. 59–78.

2. Barsukov V. N. Causes and consequences of the conflict of generations as a social problem of “aging” states // Social space. — 2016. — No. 5 (7). URL: http://sa.vscc.ac.ru/article/2069.

3. Mitanov E. I. Relations between the elderly people and their grandchildren (on the example of the Republic of Buryatia) // Service plus. — 2009. — No. 4.

4. Sorokin G. G., Gavrilyuk V. V. Geronto education obrazovanie as a way to reduce the intercultural distance of generations // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. — 2017. — No. 2. — P. 36–52.

5. Khalilov G. A. The role of the older generation in the process of socialization of the individual in the family // Vector of science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology. — 2014. — No. 1. — P. 202–205.

6. Shabunova A. A. Public development and demographic challenges of our time // Problems of territory development. — 2014. — No. 2 (70). — P. 7–17.

7. Older Persons in a Family Context [Electronic resource]. URL: http://www. jstor.org.

8. World Population Prospects 2015 [Electronic resource]. URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources.

Authors

Kalachikova Ol`ga Nikolaevna — Candidate of Economics, Deputy Director, Head of the Department of the Federal State Budget Institution of Science “Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia,160014, Vologda, Gorkogo St., 56A).

Gruzdeva Mariya Andreevna — Candidate of Economics, Senior Researcher, Head of Laboratory of the Federal State Budget Institution of Science “Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia,160014, Vologda, Gorkogo St., 56A).

УДК 612.0 (042.4)

Клименков Г. В.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЗДОРОВЬЮ И БОЛЕЗНИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ[1]

В статье дается пояснение лечебно-профилактического и профилактико-лечебного направлений медицины, приводятся характеристики факторов здоровья и факторов риска для здоровья с позиций вариантов состояния человека и окружающей среды, целей трех уровней профилактики состояний здоровья и болезни, моделей взаимоотношений медицинского работника и индивидуума (больного и здорового), раскрывается матрица «служб здоровья».

Дается объединение направлений медицины в виде составных частей системы экономики знаний, поясняется реализация их через формы взаимоотношений «индивидуум — врач», «врач — больной» и организационные формы здравоохранения. Изменения функционального состояния характеристик индивидуума, определяемые генетической детерминированностью, проявляются по-разному в различные возрастные периоды на разных этапах жизнедеятельности, что может становиться фактором здоровья или риска для здоровья. С позиций практической деятельности медицинского работника применительно к индивидууму необходимо установление приоритетов совокупных конкретных вариантов взаимоотношений окружающей среды и его функционального состояния. Рассмотрение вариантов этих взаимоотношений должно производиться с позиций благоприятности и неблагоприятности, с учетом их деятельности, корригируемости или неустранимости. Изложены содержание и принципы деятельности служб здоровья.

Естественно, что в поддержании стабильного гомеостаза, зависимого от уровня саморегуляции и реализуемого в адаптированности функционального состояния, ведущая роль принадлежит поведенческим реакциям. Последнее является ключевым фактором формирования, сохранения, улучшения, коррекции состояний здоровья, протекания и реабилитации заболевания.

Экономические аспекты здравоохранения в рамках территориально-общественных сообществ напрямую связаны с рассмотрением здоровья и болезни с позиций интеграции направлений медицины и экономики знаний. Идеалом медицины XXI века в территориально-общественных сообществах должна стать медицина профилактическая (медицина здоровья), а в практической деятельности — профилактико-лечебная. Применительно к подготовке и практической деятельности медицинского работника необходимо рассмотрение содержания системы знаний о здоровье и функционировании элементов служб здоровья в здравоохранении как основополагающих составляющих в экономике знаний.

---

[1] © Клименков Г. В. Текст. 2018.

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2018 г.

Ключевые слова: здравоохранение, состояние здоровья, виды благополучия, территориально-общественные сообщества

Территориальное планирование предполагает разработку целой серии документов, связанных с развитием территории, сфер и отраслей. Одной из ведущих сфер, в рамках которой реализуется и национальный проект, является здравоохранение. Экономические аспекты здравоохранения в рамках территориально-общественных сообществ напрямую связаны с рассмотрением здоровья и болезни с позиций интеграции направлений медицины и экономики знаний. Рассмотрим соотношения лечебно-профилактических и профилактико-лечебных направлений медицины в контексте здравоцентристской концепции медицины, моделей взаимодействия медицинского работника и индивидуума, характеристик факторов здоровья и факторов риска для здоровья с позиций вариантов состояния человека и окружающей среды, деятельности «служб здоровья».

1. Лечебно-профилактическое и профилактико-лечебное направления медицины

1.1. Здравоцентристская концепция профилактического направления медицины

Стратегия решения здравоцентристской концепции в территориально-общественных сообществах подразумевает реализацию системы экономики знаний о здоровье и взаимоотношений «медицинский работник — здоровый человек — соответствующие службы здоровья». Эти взаимоотношения должны обеспечить профилактику состояний здоровья здорового человека через управление его здоровьем, а через это — получение полезности, осязаемых и неосязаемых экономических эффектов.

Задачи медицинского работника в первую очередь заключаются в формировании у индивидуума активного отношения к своему здоровью. В итоге — это не просто декларирование принципов, а реализация их через поведение в виде мероприятий. Практические реализации мероприятий, как правило, не связаны со значительными финансовыми затратами.

Организационные решения должны преследовать цель снижения риска вероятного возникновения изменений или нарушений состояний здоровья за счет так называемой немедикаментозной профилактики. Основным элементом службы здоровья должна являться оздоровительная структура, оказывающая влияние на психофизиологические характеристики индивидуума с целью сохранения, улучшения и нормализации здоровья.

Вышеизложенная схема составляющих благополучия индивидуума лежит в основе так называемого профилактико-лечебного направления медицины.

1.2. Схема профилактико-лечебного направления медицины

Объединение направлений медицины в виде составных частей системы экономики знаний, реализация их через формы взаимоотношений

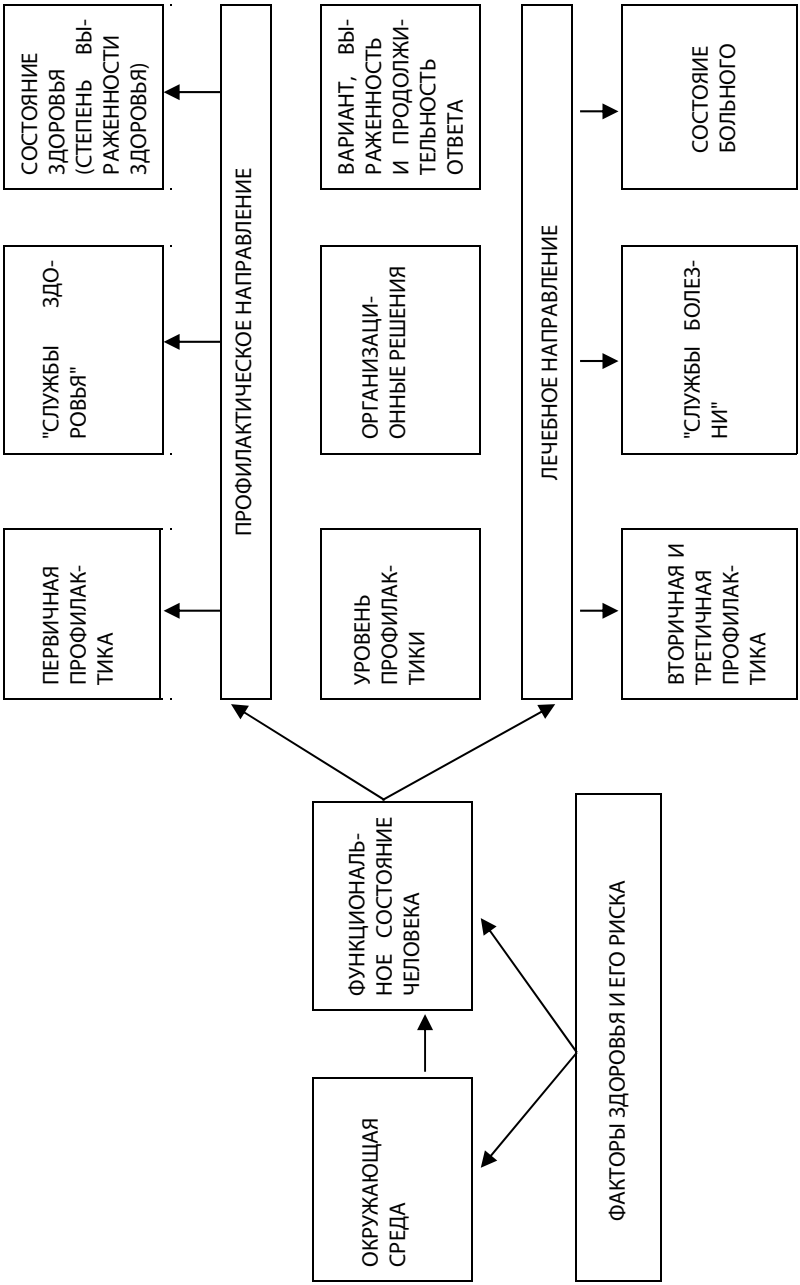


Рис. *Схема профилактико-лечебного направления медицины*

«индивидуум — врач», «врач — больной» и организационные формы здравоохранения представлены на рисунке.

2. Характеристика факторов здоровья и факторов риска для здоровья с позиций вариантов состояния человека и окружающей среды

2.1. Имеющееся и изменяющееся состояние человека

Изменения функционального состояния характеристик индивидуума, определяемые генетической детерминированностью, проявляются по-разному в различные возрастные периоды на разных этапах жизнедеятельности. Это реализуется в формировании адаптированности или ее изменения как особенностей восприятия, обработки и реализации информации. Иначе говоря, функциональное состояние может становиться фактором здоровья или риска для здоровья.

Естественно, что в поддержании стабильного гомеостаза, зависимого от уровня саморегуляции и реализуемого в адаптированности функционального состояния, ведущая роль принадлежит поведенческим реакциям. Последнее является ключевым фактором формирования, сохранения, улучшения, коррекции состояний здоровья, протекания и реабилитации заболевания.

2.2. Состояние окружающей среды как фактор здоровья и риска для здоровья с позиции имеющегося функционального состояния

В зависимости от внутреннего этапа и периода жизнедеятельности отдельные части окружающей среды могут становиться приоритетными в отношении здоровья индивидуума. Они могут стать факторами сохранения, улучшения, коррекции состояний здоровья, причиной заболеваний, предотвращения их, реабилитации здоровья. То есть обычная физическая и социальная среда применительно к индивидууму может становиться фактором как здоровья, так и его риска в зависимости от его функционального состояния. В этом контексте приоритетным является принцип устойчивого развития территории (баланса социальной, экономической, экологической и институциональной составляющих развития территории).

Подводя итоги вышеизложенного, следует считать, что с позиций практической деятельности медицинского работника применительно к индивидууму необходимо установление приоритетов совокупных конкретных вариантов взаимоотношений окружающей среды и его функционального состояния. Рассмотрение вариантов этих взаимоотношений должно производиться с позиций благоприятности и неблагоприятности, с учетом их деятельности, коррегируемости или неустранимости.

И применительно к состоянию здоровья ключевым фактором воздействия на него в этих взаимоотношениях является уровень поведенческой психологии индивидуума. В настоящее время этот термин используется при анализе отношений человека к своему здоровью.

Подразумеваются психические и поведенческие возможности воздействий на здоровье.

3. Цели трех уровней профилактики состояний здоровья и болезни

Практическое интегрирование профилактико-лечебного направления медицины нашло решение в этапности профилактики (классификация Канадской группы по регулярному медицинскому обследованию Министерства здравоохранения и социального обеспечения, 1980). Согласно этой классификации, исходя из целей, выделяют три этапа профилактики.

Первичная профилактика подразумевает снижение риска вероятного возникновения изменений или нарушения состояния здоровья за счет так называемой неспецифической профилактики.

Вторичная профилактика имеет в виду предотвращение, прерывание, минимизирование процесса заболевания или последствий заболевания и лечения еще до того, как возникли необратимые изменения.

Третичная профилактика направлена на замедление прогрессирования необратимых изменений и нарушений выявленного заболевания, дополняемое мерами, уменьшающими снижение нетрудоспособности.

Вплоть до настоящего времени врачи занимаются не первичной профилактикой состояний здоровья (т. е. предотвращением возникновения факторов риска для здоровья), а вторичной (выявлением начальных фаз заболевания и их лечением) и третичной профилактикой (ограничением значительного снижения нетрудоспособности и инвалидизации).

Ущербность медицинского образования в этом звене подчеркнул, в частности, английский специалист К.Тейлор (1982). Многие врачи не создают у больных и представления о том, что большинство болезней имеет не кратковременное, а хроническое течение, и ремиссия — это не выздоровление, а лишь временная «передышка», о чем говорил еще М.Н. Кончаловский (1935).

4. Модели взаимоотношений медицинского работника и индивидуума (больного и здорового)

До настоящего времени фактически существуют три модели взаимоотношений:

1) патерналистическая;
2) совещательно-информационная;
3) информационно-совещательная.

4.1. Патерналистическая модель является результатом требований пациента: «Я больной, вы меня лечите». Характеризуется тем, что сам медицинский работник решает, в каком аспекте и в какой мере информировать больного индивидуума о его состоянии и перспективах лечения. В данном случае информирование пациента о его состоянии осуществляется в зависимости от точки зрения врача.

4.2. Совещательно-информационная модель. Возникла в середине двадцатого века в связи с распространением точки зрения о правах человека, когда получение информации становится правом пациента. В этой модели медицинский работник выступает как друг и учитель, поскольку:

1) должен предоставлять пациенту всю медицинскую информацию, касающуюся его здоровья, и объяснить, какие методы предпочтительнее, убедить его в этом, то есть выступать в качестве эксперта-профессионала;

2) обязан осуществлять помощь больному в выборе лечения, наиболее для него полезного, но за врачом остается последнее слово в выборе лечения;

3) за пациентом, как за автономией, остается право выбора медицинского вмешательства по своему усмотрению и контроля за ходом лечения.

4.3. Информационно-поведенческая модель. Начала реализовываться в связи с расширением аспектов прав пациента. Термин «права пациента» получил распространение более 20 лет назад. Основные их параметры были впервые четко представлены в Лиссабонской декларации по правам пациента Всемирной медицинской ассоциации (1981) [1], а спустя 13 лет (1994) принята Декларация по правам пациента — Декларация ВОЗ о развитии прав пациента в Европе [2], в которой сформированы и детально прописаны принципы основополагающих прав пациента, а именно, право на: (1) информацию; (2) информированное согласие; (3) конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни; (4) уход и лечение.

Что касается информированного согласия, то, в связи с принятием Советом Европы конвенции прав человека и биомедицинской этике [3], одним из пунктов конвенции является требование к соответствующему поведению врача (сестры) — никто не имеет права вмешиваться в мое тело без моего согласия, так как оно принадлежит мне. Согласно этому врач обязан объяснить пациенту, что у него происходит в организме, как, какими препаратами, какими методами он станет его лечить, каковы возможные последствия лечения. В связи с этим пациент дает письменное согласие. Если пациент просит, чтобы ему рассказали все, то необходимо его информировать, но если не просит, то лучше умолчать. Во многом решение данного вопроса — это проблема культурного уровня врача.

Российские законодательные акты, касающиеся прав пациента, соответствуют международным (европейским) стандартам. В связи с вышеизложенным «всеобуч» по вопросам прав пациента является приоритетной задачей органов практического здравоохранения, медицинского образования всего общества. И естественно, что врач и медсестра, выступая не только в роли пожарного, а и архитектора состояния здоровья, должны во взаимоотношениях с индивидуумом использовать информационно-совещательную модель взаимоотношений.

5. Матрица «служб здоровья»

5.1. Принцип деятельности служб здоровья

Роль медицинского работника исходя из задач первичной профилактики — как можно дольше удерживать человека в «службе здоровья» и попытаться не передавать его в «службу болезни». Это предъявляет определенные организационные и функциональные требования к любой из служб здоровья. И руководящим принципом этой оздоровительной инфраструктуры должно быть обеспечение формирования и функционирования индивидуально-динамического донозологического психофизиологического портрета жизнедеятельности человека. Данный принцип должен быть положен в основу функционирования любого из видов центров или диспансеров здоровья (детский сад, общеобразовательное, профессиональное учебное заведение, предприятие, различные уровни государственных и частных оздоровительных структур).

5.2. Содержание деятельности служб здоровья

Этапность функционирования служб здоровья с позиций сохранения, улучшения и коррекции состояний здоровья индивидуума можно представить в виде решения следующих задач:

1) оценка состояния здоровья;

2) информационно-совещательное обеспечение осознания психофизиологических проблем состояния здоровья;

3) выбор методических воздействий по состоянию здоровья исходя из так называемой поведенческой психологии индивидуума, то есть его психических и поведенческих возможностей в отношении к собственному здоровью;

4) формирование индивидуальных поведенческих навыков, то есть автоматизированных действий и умений в отношении собственного здоровья.

Естественно, что различные виды служб здоровья решают его аспекты в виде разной степени их сложности и компетентности.

Исходя из анализа теоретических основ практического решения профилактико-лечебного направления медицины следует считать, что идеалом медицины XXI века в территориально-общественных сообществах должна стать медицина профилактическая (медицина здоровья), а в практической деятельности — профилактико-лечебная. Применительно к подготовке и практической деятельности медицинского работника необходимо: рассмотрение содержания системы знаний о здоровье и функционировании элементов служб здоровья в здравоохранении как основополагающих составляющих в экономике знаний.

Список источников

1. Лиссабонская Декларация по правам пациента Всемирной медицинской ассоциации. Принята 34-й Всемирной Медицинской ассамблеей: Лиссабон, Португалия, сентябрь

— октябрь 1981 года (с учетом изм. и доп., внесенных 47-й Генеральной Ассамблеей. Бали, Индонезия, сентябрь 1995 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-stomatology.ru/star/info/2010/lissabon_declaration.shtml (дата обращения: 25.04.2018).

2. Декларация ВОЗ о развитии прав пациента в Европе. Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе. Принято Европейским совещанием по правам пациента, Амстердам, Нидерланды, март 1994 [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/stonogin_s_w/europe.shtml (дата обращения: 25.04.2018).

3. Совет Европы. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS N 164) (Овьедо, 4 апреля 1997 года) [Электронный ресурс]. URL: http://bioethics.imbp.ru/Principles/Convention.html (дата обращения: 25.04.2018).

Информация об авторе

Клименков Геннадий Владимирович — кандидат технических наук, ст. научн. сотрудник, Пермский филиал ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» (Россия, 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 42/2, e-mail: Kgv_perm@mail.ru).

Klimenkov G. V.

Approaches to Health and Disease Community-Community Health System

The article provides an explanation of the therapeutic and prophylactic and therapeutic areas of medicine, characteristics of health factors and risk factors for health from the standpoint of the options of the state of man and the environment, the objectives of the three levels of prevention of health conditions and disease, models of the relationship of the medical worker and the individual (sick and healthy), reveals the matrix of "health services".

The Union of the directions of medicine in the form of components of system of economy of knowledge is given, through their realization through forms of interrelations "individual-doctor", "doctor-patient" and organizational forms of health care. Changes in the functional state of the individual characteristics determined by genetic determinism, manifests itself differently in different age periods at different stages of life, which can become a factor of health or health risk. From the standpoint of the practical activities of the medical worker in relation to the individual, it is necessary to establish priorities of the aggregate concrete variants of the relationship between the environment and its functional state. Consideration of options these relationships should be made from the standpoint of favorable and adverse, given their activities, corrigiruet or newstroymaster. The content and principles of health services.

It is natural that behavioral reactions play a leading role in maintaining stable homeostasis, which depends on the level of self-regulation and is realized in the adaptability of the functional state. The latter is a key factor in the formation, preservation, improvement, correction of health conditions and rehabilitation of the disease.

Economic aspects of health care within the territorial and social communities are directly related to the consideration of health and disease from the standpoint of the integration of the areas of medicine and the economy of knowledge. The ideal medicine of the XXI century in the territorial and social communities should be preventive medicine (health medicine), and in practice-prevention and treatment. With regard to the training and practical activities of the medical worker, it is necessary to consider the content of the system of knowledge about health and the functioning of the elements of health services in health care as fundamental components in the economy of knowledge.

Keywords: health care, health status, well-being, community community.

References

1. Lisbon Declaration on patient rights of the world medical Association. Adopted by the 34th world Medical Assembly: Lisbon, Portugal, September-October 1981 (subject to changes and addi-

tions made by the 47th General Assembly). Bali, Indonesia, September 1995) [Electronic resource]. URL: http://www.e-stomatology.ru/star/info/2010/lissabon_declaration.shtml (circulation date: 25.04.2018).

2. Declaration of the who about the development of patients' rights in Europe. Declaration of policy in ensuring the rights of patients in Europe. Adopted by the European meeting on patient rights, Amsterdam, Netherlands, March 1994 [Electronic resource]. URL: http://samlib.ru/s/stonogin_s_w/europe.shtml (circulation date: 25.04.2018).

3. The Council Of Europe. Convention for the protection of human rights and dignity in the context of biology and medicine: Convention on human rights and Biomedicine (ETS N 164) (Oviedo, 4 April 1997) [Electronic resource]. — URL: http://bioethics.imbp.ru/Principles/Convention.html (circulation date: 25.04.2018).

Author

Klimenkov Gennady Vladimirovich — candidate of technical Sciences, senior Nauchny employee, Perm branch of Institute of Economics UB RAS (Russia 614046, Perm, Baramzinoy st., 42/2, e-mail: Kgv_perm@mail.ru).

УДК 612.0 (042.4)

Клименков Г. В.

ПРОФИЛАКТИКО-МЕДИЦИНСКИЕ ЗНАНИЯ И УСЛУГИ С ПОЗИЦИИ СБЕРЕЖЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ[1]

В комплексе теоретических исследований и практических разработок в последнее время выделяют вопросы трансформации экономики ресурсов в экономику знаний. Одним из ключевых направлений при этом является разработка теоретических основ сбережения здоровья во взаимосвязи деятельности систем образования и здравоохранения. Основой методологии взаимосвязи образования и здоровья, ключевой с позиции ресурсосбережения и качества жизнедеятельности, являются представления об интеграции основ, содержания, программ и управления образовательно-воспитательной функцией индивидуума, например, через рассмотрение деятельности системы здравоохранения и использования медицинских кадров в границах здравоцентристской парадигмы «здоровье — болезнь» как экономических категорий.

В статье формулируются классические цели медицины, составляющие концепции современной медицины, цель концепции здравоохранения в России, концептуальная модель медицинских услуг применительно к медико-профилактической помощи. Деятельность системы здравоохранения осуществляется в границах четырех направлений: 1) укрепление здоровья, 2) профилактика болезней, 3) лечение, 4) реабилитация. В этих же границах может быть организована и образовательно-воспитательная функция в интеграции деятельности систем образования и здравоохранения.

Особенно важным представляется решение воспитательно-психологических задач формирования и коррекции личных качеств индивидуума, поскольку, во-первых, без поведенческой профилактики повышение уровня индивидуального здоровья невозможно, а во-вторых, в настоящее время вклад медицинских работников в воспитание незначителен. По нашему мнению, последнее в большой степени связано с отставанием процесса подготовки медицинских кадров от требований времени, а также зависит от развития и оснащенности инфраструктуры системы здравоохранения.

Ключевые слова: сбережение здоровья, профилактико-медицинские знания и услуги

В комплексе теоретических исследований и практических разработок в последнее время выделяют вопросы трансформации экономики ресурсов в экономику знаний. Одним из ключевых направлений при этом является разработка теоретических основ сбережения здоровья во взаимосвязи деятельности систем образования и здравоохранения. Основой методологии взаимосвязи образования и здоровья, ключевой с позиции

[1] © Клименков Г. В. Текст. 2018.

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2018 г.

ресурсосбережения и качества жизнедеятельности, являются представления об интеграции основ, содержания, программ и управления образовательно-воспитательной функцией индивидуума, например, через рассмотрение деятельности системы здравоохранения и использования медицинских кадров в границах здравоцентристской парадигмы «здоровье — болезнь» как экономических категорий.

1. Четыре классические цели медицины

Деятельность системы здравоохранения осуществляется в границах четырех направлений: 1) укрепление здоровья, 2) профилактика болезней, 3) лечение, 4) реабилитация. В этих же границах может быть организована и образовательно-воспитательная функция в интеграции деятельности систем образования и здравоохранения.

2. Составляющие концепции современной медицины

Здравоцентристская парадигма современной медицины — учение о состояниях здоровья и болезни — подразумевает, что состояние здоровья является итогом взаимоотношений между окружающей средой и индивидуумом. Составляющими концепции являются факторы здоровья и его риска, функциональное состояние индивидуума и уровень здоровья как результат (ответ). Ответ может быть благоприятный, нейтральный или неблагоприятный, что реализуется в виде тех или иных состояний здоровья или болезни.

Концепция современной медицины

Изложенное выше позволяет сформировать концепцию современной медицины. Ее элементами являются:

1. Составляющие системы знаний о состояниях здоровья и болезни в границах профилактико-лечебного направления медицины.
2. Трансформирование профилактико-лечебного направления для предоставления спектра медицинских услуг.
3. Дополнение профессиональной характеристики врачебного и сестринского дела.

В документах Всемирной организации здравоохранения («Задачи по достижению здоровья для всех», ВОЗ, 1985) [1] были поставлены задачи по переориентированию существующей подготовки и использования кадров здравоохранения, направленности их действий в первую очередь на сохранение здоровья. Исходя из этого возникла необходимость изменения точки зрения на медицинскую помощь, были намечены пути решения данной проблемы.

3. Цель концепции здравоохранения в России

Целью концепции здравоохранения в России является «достижение каждым человеком такого уровня здоровья, который позволяет ему жить

продуктивно в социальном и экономическом плане при максимально возможной продолжительности жизни».

Способ реализации концепции — это различные аспекты профилактико-медицинской помощи. С учетом вышеизложенного, в содержание квалификационных требований к специалисту-медику должна быть включена практическая воспитательная деятельность. И медицинская сестра, и врач как практики в области здравоохранения должны:

1) способствовать осознанию проблем, связанных со здоровьем;

2) оказывать индивидууму или группе лиц помощь в поддержании, улучшении или коррекции здоровья;

3) разрабатывать и принимать меры, направленные на решение проблем различных видов и состояний здоровья.

Вышеупомянутая цель требует переосмысления стандартов сестринской и врачебной деятельности, а также интеграции деятельности медиков и психологов. В связи с этим предлагается дополнить круг сестринских и врачебных обязанностей видами деятельности, направленными на сохранение и повышение уровня индивидуального здоровья. Это, в свою очередь, предполагает следующее.

1. Переосмысление положений профилактического и лечебного направлений медицины с позиций их интеграции, то есть синтеза профилактико-лечебного направления медицины.

2. Переакцентирование медицинских лечебных услуг с позиций их профилактико-медицинской направленности. Это связано с тем, что профилактика как состояний здоровья, так и хронических неинфекционных заболеваний достигается с помощью различных технологий поведения, сочетаемых с приемом лекарств.

3. Коррекция и модификация существующих организационных решений следующим образом:

1) непрерывность преподавания учения о здоровье при подготовке медицинских кадров;

2) оказание профилактико-медицинских услуг всеми медицинскими службами, а не только в «службах здоровья».

В целом в настоящее время назрела необходимость переосмысления концептуальных подходов к врачебному и сестринскому делу (включая сестринский процесс и сестринское действие) применительно к реализации положений здравоцентристской парадигмы в границах профилактико-медицинской помощи. Имеется в виду следующее:

1) считать врачебный и сестринский процесс последовательностью действий, направленных на диагностику состояния здоровья и прогнозирование его изменения, установление проблем, ведущих к его изменению;

2) врачебное и сестринское действие считать профессиональным поведением, связанным с решением конкретных задач сохранения, коррекции и реабилитации здоровья, зафиксированных документально — в истории здоровья индивидуума.

4. Концептуальная модель медицинских услуг применительно к медико-профилактической помощи

В отличие от существующей подразумевается модель комплексных медицинских и психологических воздействий в различных комбинациях, которые обеспечат следующее.

1. Условия для достижения гармонии собственного «я» (духовного, психоэмоционального, соматического, висцерального компонентов), а также гармонии «я» с окружающей средой (микросоциум, производственные и экологические факторы).

2. Управление индивидуальным здоровьем с позиций благоприятного протекания: а) соматических процессов; б) психических процессов; в) психоэмоциональных изменений; г) сомато-психических взаимоотношений; д) психо-соматических взаимоотношений.

3. Оценку эффективности регуляции и саморегуляции деятельности организма с позиций: а) решения воспитательно-психологических задач формирования и коррекции личных качеств индивидуума; б) сохранения, улучшения и коррекции состояния здоровья; в) предупреждения заболеваний; г) процесса реабилитации.

Особенно важным представляется решение воспитательно-психологических задач формирования и коррекции личных качеств индивидуума, поскольку, во-первых, без поведенческой профилактики повышение уровня индивидуального здоровья невозможно, а во-вторых, в настоящее время вклад медицинских работников в воспитание незначителен. По нашему мнению, последнее в большой степени связано с отставанием процесса подготовки медицинских кадров от требований времени, а также зависит от развития и оснащенности инфраструктуры системы здравоохранения.

Список источников

1. Тридцать четвертая сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения. WHA34.36. 22 мая 1981 г. Здоровье для всех — Глобальная стратегия [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.mail.ru/public/s5Gh/997nD5VLH (дата обращения: 25.04.2018).

Информация об авторе

Клименков Геннадий Владимирович — кандидат технических наук, ст.научн.сотрудник Пермского филиала ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» (Россия, 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 42/2, e-mail: Kgv_perm@mail.ru).

Klimenkov G. V.

Preventive Medical Knowledge and Services with the Position of the Health Savings and Economics of Knowledge

The complex of theoretical research and practical developments in recent time, highlight issues of transformation in the economy of resources in the knowledge economy. The key directions are the development of theoretical foundations of health savings in the relationship of education and health care. The basis of the methodology of the relationship between education and health, a key from the standpoint of resource conservation and quality of life, are ideas about the integration of the basics, content, programs and management of the educational function of the individual, for example, through

the consideration of the health system and the use of medical personnel within the boundaries of the paradigm "health-disease" as economic categories.

The article formulates the classical goals of medicine, which make up the concepts of modern medicine, the purpose of the concept of health care in Russia, the conceptual model of medical services in relation to medical and preventive care. The health system operates within the boundaries of four directions: 1) health promotion, 2) disease prevention, 3) treatment, 4) rehabilitation. Within the same boundaries can be organized and educational function in the integration of the education and health systems.

Especially important is the solution of educational and psychological problems of formation and correction of personal qualities of the individual, because, firstly, without behavioral prevention increase the level of individual health is impossible, and secondly, currently the contribution of health professionals in education is insignificant. In our opinion, the latter is to a large extent due to the delay in the process of training medical personnel from the requirements of time, as well as depends on the development and equipping of the infrastructure of the health system.

Keywords: preventive care, preventive and medical knowledge and services

References

1. Thirty-fourth world health Assembly. WHA34.36. On may 22, 1981, Health for all is a global strategy. [Electronic resource]. URL: https://cloud.mail.ru/public/s5Gh/997nD5VLH (circulation date: 25.04.2018).

Author

Klimenkov Gennady Vladimirovich — candidate of technical Sciences, senior Nauchny employee, Perm branch of Institute of Economics UB RAS (Russia, 614046, Perm, Baramzinoy st., 42/2, e-mail: Kgv_perm@mail.ru).

УДК 61.618.111-007.1

Коровина А. В., Лаврентьева И. В.

СОСТОЯНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ, СТРАДАЮЩИХ ГОЛОВНОЙ БОЛЬЮ НАПРЯЖЕНИЯ[1]

Проведено исследование состояния репродуктивной системы 36 девочек-подростков с диагнозом головной боли напряжения. Выявлено своевременное, но замедленное становление менструального цикла с формированием нормогонадотропного гипогонадизма. Установлено наличие генитального инфантилизма в сочетании с мультифолликулярными яичниками, при этом степень инфантилизма коррелировала со степенью тяжести головной боли напряжения.

Ключевые слова: девочки-подростки, головная боль напряжения, репродуктивная функция

Введение

Головная боль относится к часто встречающимся жалобам в детском и подростковом возрасте. Согласно данным исследований, частота встречаемости головной боли возрастает от 3–8 % среди дошкольников до 57–82 % у подростков [1, 5]. По данным ВОЗ, проблема головных болей напряжения (ГБН) у детей и подростков затрагивает 2–7 % детского населения [7]. До начала периода полового созревания мигрень встречается у девочек и мальчиков с одинаковой частотой, после периода полового созревания у девочек в три раза чаще. Большинство авторов считают, что головные боли напряжения в подростковом возрасте являются симптомами вегето-сосудистой дистонии (ВСД) [1, 4, 5, 6]. Так как ВСД развивается в результате нарушения функций периферических и центральных отделов вегетативной нервной системы, то ее проявления могут затрагивать любые системы и органы [3]. В группе риска по развитию ВСД находятся дети с родовыми травмами, недоношенные, те, чьи матери во время беременности перенесли инфекционное заболевание. Подобные проблемы перинатального периода лежат в основе нарушений центрального звена регуляции репродуктивной системы у девочек. Неблагоприятное течение внутриутробного периода повышает риск функциональной недостаточности гипоталамо-гипофизарной системы и может выражаться в нерегулярном менструальном цикле у девочек, либо в затягивании периода его становления [2]. Вероятно, ВСД и нарушение менструальной функции у девочек должны сопутствовать друг другу.

Цель исследования: оценить состояние репродуктивного здоровья девочек-подростков, страдающих головной болью напряжения.

Материалы и методы. Исследование выполнено как нерандомизированное, ретроспективное, когортное. Были обследованы 36 девочек-

[1] © Коровина А. В., Лаврентьева И. В. Текст. 2018.

подростков, менструирующих более одного года и находящихся на стационарном лечении неврологического отделения МАУ ДГБ № 9 г. Екатеринбурга с диагнозом головных болей напряжения (код МКБХ-G44.2). Были проанализированы данные течения беременности и родов матерей девочек, соматическая патология периода детства, характер становления менструальной функции и структура гинекологической патологии. Проведено ультразвуковое исследование органов малого таза (УЗИ) трансабдоминальным датчиком на 5–7-й день спонтанного менструального цикла. Забор крови для оценки гормонального статуса осуществлялся в утренние часы, натощак с 5-го по 7-й день менструального цикла. Определяли тиреотропный гормон (ТТГ), фолликулостимулирующий гормон (ФСГ), лютеинизирующий гормон (ЛГ), эстрадиол (Е2), пролактин (ПРЛ), тестостерон (Т) на автоматическом анализаторе ADVIA Centaur фирмы Bayer (Германия) хемилюминесцентным методом с использованием фирменных диагностических наборов. Статистическая обработка проводилась в пакете Gretl (версия 1.4.1. русифицированная) с использованием методов непараметрической статистики: среднее, стандартное отклонение, доверительный интервал, корреляция.

Результаты исследования и обсуждение. Средний возраст девочек составил 13,3+0,9 лет. Течение беременности у 16 (44,4 %) (95 % ДИ: 42,8; 46) матерей сопровождалось перманентной угрозой прерывания. В 19 (52,7 %) (95 % ДИ: 51,1; 54,3) случаях отмечалась умеренная преэклампсия, которая явилась одним из показаний для оперативного родоразрешения (кесарево сечение в плановом порядке) у семи из этих женщин. Срок гестации на момент родов составил 39+1,2 недель (95 % ДИ: 37,4; 40,6). Первичная слабость родовой деятельности была выявлена у 15 (41,6 %) (95 % ДИ: 40,2; 43) женщин, при этом все случаи стимуляции закончились самопроизвольными родами.

Наиболее частой неврологической патологией, выявленной у девочек на первом году жизни, были пирамидная недостаточность 8 (22,2 %) (95 % ДИ: 21;23,4), гипертензионно-гидроцефальный синдром 11 (30,5 %) (95 % ДИ: 29,3;31,7) и миатонический синдром у 27 (75 %) (95 % ДИ: 73,6; 76,4).

Сопутствующая соматическая патология была представлена хроническим пиелонефритом у 14 (38,8 %) (95 % ДИ: 37,4;40,2) девочек, сколиозом у 9 (25 %) (95 % ДИ: 23,8; 26,2), дискинезией желчевыводящих путей у 19 (52,7 %) (95 % ДИ: 51,4; 54), миопией у 11 (30,5 %) (95 % ДИ: 29,1; 31,8) и хроническим гастритом у 7 (19,4 %) (95 % ДИ: 17,8; 21). Обращает на себя внимание тот факт, что структура соматической патологии ассоциируется с недифференцированной дисплазией соединительной ткани. Неврологическая патология в виде головной боли напряжения распределилась следующим образом: нечастая ГБН отмечалась у 8 (22,2 %) (95 % ДИ: 20,8; 23,6) пациенток, частая ГБН — у 19 (52,7 %) (95 % ДИ: 51,6; 53,8), хроническая ГБН — у 7 (19,4 %) (95 % ДИ: 18; 20,8), возможная ГБН — у 2 (5,5 %) (95 % ДИ:4,1; 6,9).

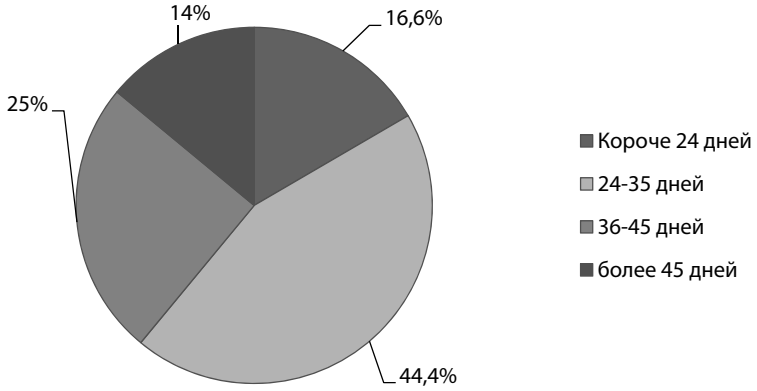


Рис. *Длительность менструального цикла, %*

Средний возраст менархе составил 13,0+1,3 лет, что соответствует популяционному показателю. Показатели формулы развития вторичных половых признаков по Таннеру (4–5 стадия) соответствовали возрастной норме. Длительность становления менструального цикла составила 2,3+0,8 лет. При оценке менструальной функции было выявлена различная длительность менструального цикла (рис.).

Длительность менструального кровотечения не выходила за пределы нормы и составила 5,2+0,8 дня, при этом обильность менструаций, измеряемая в прокладках, варьировалась от скудных (менее двух прокладок в день) до обильных (более 4 прокладок). На обильные менструации жаловались девочки с коротким менструальным циклом. Таким образом, только у 16 (44,4 %) девочек менструальный цикл можно считать нормальным, в то время как 6 (16,6 %) девочек фактически испытывают маточные кровотечения, а остальные 14 (39 %) имеют гипоменструальный синдром.

При оценке гормонального фона было выявлено увеличение уровня ТТГ более 4,0 мМЕ/мл у 2 (5,5 %) пациенток. Эти девочки продолжили обследование у эндокринолога. Остальные показатели гормонального статуса девочек не выходили за рамки норматива для данной лаборатории. Средний уровень ФСГ составил 5,8+0,6 мМЕ/мл (95 % ДИ 4,5; 7,1), ЛГ 6,2+0,8 мМЕ/мл (4,9; 7,5), эстрадиола 132,4+12,6 мМЕ/мл (95 % ДИ 97,4; 167,4), пролактина — 454,2+34,6 мМЕ/мл (95 % ДИ 441,9; 466,5) и тестостерона 1,8+0,4 мМЕ/мл (95 % ДИ 0,6; 3,0). При оценке гормонального статуса обращает на себя внимание низкий уровень эстрадиола практически у всех девочек, при нормальных уровнях гонадотропинов, что свидетельствует о формировании нормогонадотропного гипогонадизма.

Ультразвуковое исследование органов малого таза выявило увеличение среднего объема яичников до 11,4+1,2 см^3 (95 % ДИ 9,8; 13) у 15 (41,6 %) девочек и до 12,2+1,4 см^3 (95 %ДИ 10,1; 14,3) у 7(19,4 %) девочек, что,

вероятно, связано с формированием мультифолликулярных яичников, как проявления нарушения центрального звена регуляции репродуктивной системы. У остальных 14 (38,8 %) пациенток средний объем яичников был 8,2+1,4 см^3 (95 % ДИ: 6,6; 9,8). Средняя длина матки составила 4,4+1,3 см (95 %ДИ 3,9; 4,8), передне-задний размер матки — 2,6+0,4 см (95 % ДИ 2,2; 2,9), а длина шейки матки 3,6+0,8 см (95 % ДИ 2,8; 4,3). Суммарная средняя длина матки с шейкой составила 8,0 см (95 %ДИ 7,6; 8,3). Таким образом, абсолютные размеры матки у девочек соответствовали норме, но соотношение матки к шейке составило 1:1, что говорит о генитальном инфантилизме, связанном, скорее всего, с гипоэстрогенным состоянием. Кроме того, была выявлена корреляционная связь средней силы (0,62) между суммарной длиной матки с шейкой и частым проявлением ГБН, и корреляционная связь средней силы (–0,56) была выявлена между длиной менструального цикла и степенью тяжести ГБН.

Выводы

1. Становление менструальной функции у девочек, страдающих ГБН, начинается своевременно, но затягивается на срок более года.
2. Гормональный фон обследуемых девочек можно охарактеризовать как нормогонадотропный гипогонадизм, при этом клинически это проявляется как в редких менструациях, так и в виде маточных кровотечений.
3. Установленная корреляционная связь между наличием генитального инфантилизма и степенью тяжести ГБН, возможно, отражает вклад недифференцированной дисплазии соединительной ткани в данные патологи, что требует дальнейшего изучения.

Список источников

1. *Будчанова Н. Ю., Делягин В. М., Хондкарян Г. Ш.* Распространенность и особенности клинических проявлений первичных головных болей у школьников // Педиатрия. — 2008. — № 87 (5). — С. 138–140.

2. *Гуркин Ю. А.* Детская и подростковая гинекология : руководство для врачей. — М. : МИА, 2009. — 696 с.

3. *Осипова В. В.* и др. Первичные головные боли: клиника, диагностика, терапия / Осипова В. В., Табеева Г. Р., Тринитатский Ю. В., Шестель Е. А. // Информационное письмо. — 2011. — С. 10–27.

4. Classification and Diagnosis Criteria for Headache Disorders, Cranial Neuralgia and Facial Pain: Headache Classification Committee of the International Headache Society. Second edition // Cefalalgia. — 2004. — No. 24, 1. — P. 1–96.

5. *Strine T. W., Okoro C. A., McGuire L. C., Balluz L. S.* The associations among childhood headaches, emotional and behavioral difficulties, and health care use // Pediatrics. — 2006. — Vol. 117 (5). — P. 1728–1735.

6. *Genizi J., Srugo I., Kerem C. N.* The cross-ethnic variations in the prevalence of headache and other somatic complaints among adolescents in Northern Israel // J. Headache Pain. — 2013. — Vol. 14. — P. 21.

7. World Health Organization. Headache disorders and public health. Education and management implications. WHO. — Geneva, 2004. — 11 p.

Информация об авторах

Коровина Анастасия Валерьевна — ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения России (Россия, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; e-mail: corovina.anastasya@yandex.ru).

Лаврентьева Инна Вадимовна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры акушерства и гинекологии ФПК и ПП и педиатрического факультета ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения России (Россия, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; e-mail: lavr6607@bk.ru).

Korovina A. V., Lavrentieva I. V.

The State of Reproductive Health of Girls-Teenagers, Suffering Tension Headache

We studied the condition of reproductive system of the 36 adolescent girls with tension headache. The timely but slow development of the menstrual cycle with the formation of normogonadotropic hypogonadism was found. The genital infantilism in combination with multifolllicular ovaries in adolescent girls was found, while the degree of infantilism correlated with the severity of the tension headache.

Keywords: adolescent girls, tension headache, reproductive function

References

1. Budanova N. Yu., Delyagin V. M., Khondkaryan G. S. The Prevalence and features of clinical manifestations of primary headaches in schoolchildren // Pediatrics. — 2008. — No. 87 (5). — P. 138–140.

2. Gurkin Y. A. Pediatric and adolescent gynecology : a guide for physicians. — Moscow: MIA, 2009. — 696 p.

3. Osipova V. V. and et al. Primary headaches: clinic, diagnostics, therapy / V. V. Osipova, G. R. Manufactured, Trinitatsky J. V., Chastel E. A. // Information letter. — 2011. — S. 10 — 27.

4. Classification and Diagnosis Criteria for Headache Disorders, Cranial Neuralgia and Facial Pain: Headache Classification Committee of the International Headache Society. Second edition // Cefalalgia. — 2004. — No. 24, 1. — P. 1–96.

5. Strine T. W., Okoro C. A., McGuire L. C., Balluz L. S. The associations among childhood headaches, emotional and behavioral difficulties, and health care use // Pediatrics. — 2006. — Vol. 117 (5). — P. 1728–1735.

6. Genizi J., Srugo I., Kerem C. N. The cross-ethnic variations in the prevalence of headache and other somatic complaints among adolescents in Northern Israel // J. Headache Pain. — 2013. — Vol. 14. — P. 21.

7. World Health Organization. Headache disorders and public health. Education and management implications. WHO. — Geneva, 2004. — 11 p.

Author

Korovina Anastasia — Ural State Medical University (Russia, 620028, Yekaterinburg, Repina st. 3; e-mail: corovina.anastasya@yandex.ru).

Lavrentieva Inna — MD, PhD Department of Obstetrics and Gynecology Ural State Medical University (Russia, 620028, Yekaterinburg, Repina st., 3; e-mail: lavr6607@bk.ru).

УДК 31

Королев С. В.

ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УРОВЕНЬ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ[1]

Уровень потребления алкоголя является одним из важнейших факторов, определяющих демографическую ситуацию (смертность, рождаемость, брачность). В статье на основе региональных статистических материалов проведен анализ динамики потребления алкоголя в Удмуртской Республике в начале XXI века, в том числе по видам алкогольных изделий (крепкий, слабый алкоголь). Особое внимание было уделено рассмотрению причин, факторов снижения потребления алкоголя в России и в Удмуртии в последние годы. Определены проблемы стратегии алкогольной политики в России на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: динамика потребление алкоголя, Удмуртия, алкогольная политика, проблемы

Уровень потребления алкоголя в Российской Федерации в начале XXI века продолжает оставаться на очень высоком уровне. По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия на протяжении почти трех десятилетий с начала 90-х годов XX века регулярно входила в десятку самых пьющих стран мира. С 2008 по 2010 гг. ВОЗ провела масштабные исследования в области потребления алкоголя в странах мира. В результате Россия в этом печальном рейтинге заняла в 2010 году 4-е место, в среднем россияне старше 15 лет выпили 15,1 литра чистого спирта на душу населения. Более тяжелая ситуация наблюдалась только у наших соседей: в Белоруссии — 17,5 литра, Молдавии — 16,8 и Литве — 15,4. Как результат, средняя продолжительность жизни мужчин в России одна из самых низких в мире: в 2012 году — 62 года, это 135-е место, впереди нас такие беднейшие страны, как Бангладеш — 69,5 года, Таджикистан — 67 лет, Папуа — Новая Гвинея — 65 лет, рядом находятся Гаити и Эфиопия — 61 и 59 лет соответственно. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин в России наиболее высокая в мусульманских регионах, там, где нет традиций употребления алкоголя: Ингушетия — 76,51, Дагестан — 73,18 года. В регионах с преимущественно русским населением на 10 и более лет меньше: Орловская область — 63,96, Псковская область — 62,78, Свердловская область — 63,75, Удмуртская Республика — 64,24 года [1].

Если Россия по употреблению алкоголя входила в пятерку самых пьющих стран мира, то Удмуртия — один из «лидеров» в России. В июле 2017 года средства массовой информации региона облетела новость о том, что Удмуртская Республика (УР) «входит в число субъектов РФ с максимальным уровнем продажи спиртосодержащей продукции и делит 6–9 места с Архангельской и Вологодской областями» [2]. Действительно, данные

[1] © Королев С. В. Текст. 2018.

Таблица 1

Продажа алкоголя по регионам Приволжского федерального округа (на душу населения, литров) [3]

Регионы ПФО		1975	1985	2011	2012	2013	2014	2015
1	Кировская область	11,1	8,4	11,2	11,4	10,2	9,3	8,8
2	Удмуртия	8,8	8,3	10,5	11,2	9,7	8,4	7,7
3	Татарстан	8,7	7,7	9,6	9,7	9,0	8,2	7,7
4	Нижегородская обл.	9,9	9,2	8,1	8,2	7,6	7,1	6,8
5	Мари Эл	8,1	9,0	7,9	7,9	7,1	6,9	6,6
6	Пермский край	10,1	9,0	8,5	9,1	8,4	7,4	6,4
7	Чувашия	7,3	7,4	8,5	8,5	7,6	6,9	6,3
8	Пензенкая обл.	8,9	8,2	8,0	8,7	9,8	8,3	6,3
9	Самарская обл.	8,4	7,4	7,8	7,3	6,8	6,2	6,1
10	Ульяновская обл.	9,9	8,2	7,1	7,2	7,0	5,8	6,0
11	Мордовия	7,7	8,1	7,8	8,2	8,0	7,3	5,2
12	Башкирия	8,1	8,0	7,6	9,2	9,5	8,1	5,1
13	Оренбургская обл.	8,9	5,8	6,1	6,6	6,2	5,2	4,8
14	Саратовская обл.	9,3	8,1	7,0	7,5	5,2	4,3	4,4

Госкомстата УР показывают, что Удмуртия среди регионов Приволжского федерального округа занимает уверенное 2-е место, в 2015 году было куплено в среднем 7,7 литра на душу населения, больше выпили только в Кировской области — 8,8 литра, наименьшее в Саратовской области — 4,4 литра. Для сравнения: в 1975 году Удмуртия была на 8-м месте из 14-ти — 8,8 литра, в 1985 году на 4-м месте — 8,3 литра (табл. 1) [3].

Анализ динамики потребления алкоголя в Удмуртии за пятнадцать лет свидетельствует о стабильном высоком уровне потребления алкоголя. Пик приходится на 2012 год — 11,2 литра на душу населения, рост с 2001 года (7,09) — более чем на 4 литра в абсолютном алкоголе. Максимумы потребления водки наблюдаются в 2001 г. — 14,1 литра и в 2008 г. — 14,6 литра, что касается пива, то темпы роста его потребления беспрецедентно высоки, в 2001 году жители Удмуртии выпили 27,03 литра, в 2012 году — 96,13 литра, то есть потребление пива за 10 лет увеличилось более чем в три раза. Потребление других алкогольных изделий также возрастало, вина — с 2,09 литра в 2001 г. до 10,90 в 2010 г., коньяка с 0,13 до 0,47 соответственно [4], однако их общий вклад в количество абсолютного алкоголя по сравнению с водкой и пивом несущественный.

Другая тенденция последних лет — снижение потребления алкоголя, с 2012 по 2016 гг. с 11,2 до 7,5 литра [5], то есть фактически до уровня 2001 года. Каковы же причины падения? Первое — это те ограничительные меры, которые осуществлялись в связи с принятием в 2010 г. Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией на период до 2020 года [5], предусматривающей снижение уровня потребления алкогольной продукции на 55 %. Одной из

Таблица 2

Потребление алкоголя в организациях розничной торговли и общественного питания в Удмуртии (в расчете на душу населения, литров) [4, 5]

Виды алкогольной продукции	1985	2001	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
В абсолютном алкоголе	8,3	7,09	7.49	9,95	10,45	11,22	9,74	8,40	7,73
Водка и ликеро-водочные изделия		14,12	12,19	12,07	13,38	13,06	10,91	9,34	8,96
Пиво		27,03	41,91	80,43	87,28	96,13	82,82	68,79	60,32
Вино		2,09	5,95	10,90	7,95	8,05	5,66	5,93	5,54
Коньяк		0,13	0,16	0,47	0,72	0,63	0,68	0,61	0,60
Шампанское		0,32	0,52	0,95	0,99	1,04	1,01	1,02	0,91
Напитки на основе пива							6,29	5,56	4,86

них является повышение цен на алкоголь, средняя цена на водку за литр в Удмуртии составляла в 2011 году 215,9 руб., в 2015 году увеличилась до 463,4 руб., пиво и вино с 58,51 до 95,63 руб. и 165,7 и 329,8 [3, с. 35] соответственно и превышало инфляцию. Об этом свидетельствует тот факт, что удельный вес продажи алкоголя в суммарном обороте розничной торговли и общественного питания увеличился с 16,4 % в 2011 году до 23,4 % [3, с. 34] в 2015 году. Кроме этого, важную роль сыграли меры, направленные на ограничение продажи алкоголя по времени, месту размещения, запрет рекламы алкоголя на телевидении и продажи пива в неприспособленных помещениях (ларьках, киосках).

Вторая важная причина, которую в официальных отчетах забывают упомянуть, связана с последовательным падением численности молодежи в возрасте с 16 до 29 лет, это категория молодежи, для которой характерны самые высокие объемы потребления алкоголя. Ее численность вследствие демографических проблем 90-х годов снизилась в Удмуртии с 2009 по 2017 гг. на 100 тыс., с 346 054 до 248 550 тыс. человек, соответственно стало снижаться потребление, в особенности пива [8].

Третья причина снижения официальных продаж алкоголя связана с ростом нелегального алкогольного рынка, по причине роста цен на алкогольную продукцию. Действительно спрос на спиртосодержащие жидкости, потребление так называемых «фанфуриков» в стране возросло, в связи с этим известный эксперт алкогольного рынка В.И. Дробиз в своем интервью утверждает, что «все попытки государства ограничить потребление алкоголя провалились», «сокращение произошло за счет того, что нелегальную продукцию выдавили в нелегальный сектор» [9].

Четвертая причина, о которой важно упомянуть, — это пропаганда трезвого образа жизни, которая стала более заметной благодаря деятельности трезвеннических организаций, в том числе в республике, например, движение «За трезвую Удмуртию». Главным идеологом трезвеннического движения является лидер Союза борьбы за народную трезвость

В.Г. Жданов, его видеолекции получили большую популярность в сети. Еще одним достижением трезвых сил стал проект «Общее дело», благодаря которому появились качественно снятые фильмы и видеролики, которые культивируют в молодежной среде идеалы трезвого здорового образа жизни. Становится традицией празднование во многих регионах 11 сентября — Дня трезвости [10]. Об изменении ситуации свидетельствует данные опросов ВЦИОМ: «53 % россиян поддерживают идею ввести полный запрет на продажу алкоголя для людей младше 21 года. Полный запрет алкогольных напитков в стране поддержали бы 13 % населения, это рекордный за последнее десятилетие показатель» [12].

Вместе с тем опыт показывает, что для решения алкогольной проблемы необходимы системные последовательные меры как со стороны государства, так и гражданского общества. А здесь есть определенные проблемы! В 2015 году были вновь снижены цены на алкоголь, например в Удмуртии цена на водку за литр снизилась с 475 до 463 рублей. В первом квартале 2018 года минимальная цена за водку (0,5) составила уже 205 рублей. Количество магазинов и павильонов, осуществляющих розничную торговлю алкоголем в Удмуртии, увеличилось с 2011 по 2015 гг. с 2719 до 3528 [3, с. 19], то есть на 809 ед., а значит, потенциал для алкогольного рынка сохраняется.

Во многом ситуацию в Удмуртии определяет непоследовательная политика на общероссийском уровне. Об этом свидетельствуют следующие факты. Накануне чемпионата мира по футболу в России пивные компании вновь пролоббировали рекламу алкоголя на телевидении, в 2018 году может быть разрешено продавать алкоголь через интернет-магазины, онлайн, проект закона уже подготовлен Минфином и согласован в Мипромторге РФ. Причем не нужно думать, что это тактические ошибки, министр здравоохранения Вероника Скворцова недавно заявила о том, что «задача, стоящая перед властями, структуризация рынка спиртного в стране, ... пока на нем преобладают крепкие напитки. ...Благородные вина, особенно сухие вина, ряд других напитков, которые меньшей градусности, их рынок должен расширяться»[1]. То есть, стратегическая задача государства заключается не в том, чтобы трезвый образ жизни стал нормой, а чтобы перевести россиян с крепкого алкоголя на слабый (пиво, вино и т. д.). Подобные полумеры уже провалились в 70-е годы, когда правительство пыталось нарастить потребление вина, а также в нулевые, в недавний период, когда потребление пива увеличилось более чем в три раза, однако итог и тогда, и сегодня один — рост потребления слабого алкоголя сопровождается ростом потребления крепкого, как говорится, «водка без пива — деньги на ветер». Борьба продолжается!

Список источников

[1] См.: https://www.rbc.ru/society/11/09/2017/59b672579a794739a5af3f6a.

1. Потребление алкоголя в мире [Электронный ресурс]. URL: http://stattur.ru/journal/20170609.

2. Удмуртия входит в десятку регионов с максимальным уровнем продажи алкоголя [Электронный ресурс]. URL: https://udm-info.ru/news/society/14–07–2017/udmurtiya-vhodit-v-10-ku-regionov-rossii-s-maksimalnym-urovnem-prodazhi-alkogolya-333c0e1b-6ab8–4e51-a9bb-e84a5625e777.

3. Рынок алкогольной продукции в Удмуртской Республике: стат. сборник, по каталогу № 151 / Федеральная служба государственной статистики, территориальный орган статистики по УР. — Ижевск, 2016. — С. 28.

4. Торговля Удмуртской Республики 2002–2006: стат. сборник № 215 (7702).

5. Торговля и общественное питание УР (по каталогу № 149) № 272. — Ижевск, 2016.

6. Сидорова Светлана «В Удмуртии потребление алкогольной продукции снизилось на 5 %» [Электронный ресурс]. URL: http://izvestiaur.ru/news/view/12738501.html).

7. Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р [Электронный ресурс]. URL: http://fsrar.ru/policy_of_sobriety/koncepcia.

8. Численность населения по полу и отдельным возрастным группам на начало 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population.

9. Дробиз Вадим «Все попытки государства ограничить потребление алкоголя провалились» // Роман Арсенин. Редакция «ФедералПресс» [Электронный ресурс]. URL: http://fedpress.ru/interview/1960422 12 февраля 2018.

10. 11 сентября — Всероссийский день трезвости [Электронный ресурс]. URL: http://profilaktika.tomsk.ru/?p=17309.

11. Гатинский Андрей. Минздрав заявил о почти двукратном снижении потребления алкоголя [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/11/09/2017/59b672579a794739a5af3f6a.

Информация об авторе

Королев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Удмуртского государственного университета (Россия, 426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: korolevudgu@yandex.ru).

Korolev S. V.

Dynamics and Factors Influencing the Alcohol Consumption in the Udmurt Republic

The level of alcohol consumption is one of the most important factors determining the demographic situation (mortality, fertility, nuptiality).The article analyzes the dynamics of alcohol consumption in the Udmurt Republic at the beginning of the 21st century on the basis of regional statistical materials, including alcohol types (strong, weak alcohol). Particular attention was paid to the consideration of the causes, factors of reducing alcohol consumption in Russia and in Udmurtia in recent years. The problems of the strategy of alcohol policy in Russia at the federal and regional levels are determined.

Keywords: dynamics of alcohol consumption, Udmurtia, alcohol policy, problems

References

1. Consumption of alcohol in the world [Electronic resource]. URL: http://stattur.ru/journal/20170609.

2. Udmurtia is among the top ten regions with the highest level of alcohol sales [Electronic resource]. URL: https://udm-info.ru/news/society/14–07–2017/udmurtiya-vhodit-v-10-ku-

regionov-rossii-s-maksimalnym-urovnem-prodazhi-alkogolya-333c0e1b-6ab8–4e51-a9bb-e84a5625e777.

3. The market of alcoholic products in the Udmurt Republic. The statistical collection, under the catalog № 151 // Federal Service of State Statistics / Territorial Statistics Body on SD. — Izhevsk, 2016. — P. 28.

4. Trade of the Udmurt Republic in 2002–2006: Statistical Digest. No. 215 (7702).

5. Trade and public catering of UR (under the catalog № 149) № 272. — Izhevsk, 2016.

6. Sidorova Svetlana "In Udmurtia, consumption of alcoholic beverages decreased by 5 %" [Electronic resource]. URL: http://izvestiaur.ru/news/view/12738501.html).

7. The concept of the state policy on reducing alcohol abuse and prevention of alcoholism among the population of the Russian Federation for the period until 2020 // Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2009 № 2128-r [Electronic resource]. URL: http://fsrar.ru/policy_of_sobriety/koncepcia.

8. Population by sex and age groups by the beginning of 2017 [Electronic resource]. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population.

9. Drobiz Vadim "All attempts of the state to limit alcohol consumption failed" // Roman Arsenin Editorial staff of "FederalPress" [Electronic resource]. URL: http://fedpress.ru/interview/1960422 12 февраля 2018.

10. September 11 — All-Russian day of sobriety [Electronic resource]. URL: http://profilaktika.tomsk.ru/?p=17309.

11. Gatinsky Andrew. The Ministry of Health announced an almost twofold decrease in alcohol consumption [Electronic resource]. URL: https: //www.rbc.ru/society/11/09/2017/59b672579a794739a5af3f6a.

Author

Korolev Sergey Vladimirovich — Ph. D., Associate Professor Udmurt State University, Institute of Social Communications (Izhevsk, Russia).

УДК 369.742

Костина С. Н., Зайцева Е. В., Кузьмин А. И.

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ[1]

Сложившаяся в России демографическая ситуация потребовала от государства проведения пронаталистской политики. Однако на федеральном уровне большинство мер было направлено на стимулирование рождения второго ребенка. Значительные полномочия по стимулированию и поддержке многодетности были возложены на субъекты Федерации. В итоге существующая система поддержки включает федеральные и региональные меры. Кроме этого, на многодетные семьи распространяются не только специфические меры, но и иные, действующие, во-первых, в отношении семей с детьми, во-вторых, в отношении малоимущих семей.

Целью статьи является анализ практики государственной поддержки многодетных семей в субъектах Российской Федерации. Авторы рассматривают региональные особенности реализации различных мер поддержки — региональных доплат, регионального материнского капитала, налоговых льгот, льготных кредитов, выделения земельных участков и др.

Авторы делают вывод о том, что на сегодняшний день именно региональные власти в значительной степени организуют и реализуют меры государственной поддержки многодетности в России. В то же время сложившаяся практика существенно дифференцирована в региональном разрезе — например, размер материнского капитала в различных субъектах может отличаться в 10 и более раз. Осложняет ситуацию неопределенность на уровне страны содержания понятия многодетности и многодетной семьи, регионы сами устанавливают критерии как многодетности, так и нуждаемости (что является условием получения ряда мер поддержки). Все это не позволяет говорить о наличии единой для страны системы государственной поддержки многодетных семей.

Ключевые слова: многодетность, многодетные семьи, государственная поддержка, материнский капитал, льготы

В современный период в России доля многодетных семей остается достаточно незначительной, а сам феномен многодетности претерпевает трансформацию. Определение категории «многодетная семья» на федеральном уровне не закреплено. Исходя из анализа нормативных правовых актов, в том числе государственных статистических форм, на сегодняшний день под многодетной понимается семья с тремя и большим количеством детей. В соответствии с п. 1 Указа Президента РФ № 451 от 05.05.1992 г. «О мерах социальной поддержки многодетных семей» региональные правительства и иные органы исполнительной власти самостоятельно определяют круг семей, относящихся к многодетным [1]. В большинстве случаев

[1] © Костина С. Н., Зайцева Е. В.. Кузьмин А. И. Текст. 2018.

в субъектах РФ многодетной семьей признается такая семья, в которой воспитывается 3 или более несовершеннолетних детей, в том числе усыновленных. В зависимости от региона необходимое для получения статуса многодетной семьи количество детей колеблется от 2 до 5, а их предельный возраст — от 16 до 23 лет (при условии очной формы обучения).

В целом на территории РФ на 1 января 2017 года в Российской Федерации проживало 1 566 863 многодетных семьи (с тремя и более детьми), в которых воспитывается 5 185 440 детей, таким образом, средний размер многодетной семьи составляет 3,3 ребенка.

Пронаталистская государственная политика в России реализуется на протяжении 10 лет, и население демонстрирует высокую поддержку пронаталистских мер. Пронаталистская политика — политика, направленная на повышение рождаемости и репродуктивное поведение населения в сторону повышения уровня рождаемости, складывается из двух направлений: регулирование условий жизни с целью содействия семьям в удовлетворении существующих у них потребностей в числе детей и регулирование условий жизни таким образом, чтобы повысить потребность в числе детей до уровня, позволяющего нашему обществу избежать демографической катастрофы.

В то же время можно говорить о том, что задачи пронаталистской политики в России связаны с попытками увеличить, прежде всего, количество вторых рождений. В отношении многодетных семей большинство мер носит скорее поддерживающий, а не стимулирующий характер.

Все меры государственной поддержки многодетных семей можно разделить на несколько видов:

1. В зависимости от уровня государственной политики — федеральные и региональные.

2. В зависимости от круга лиц, на которые они распространяются, — на действующие только в отношении многодетных семей и иные, действующие, во-первых, в отношении семей с детьми, во-вторых, в отношении малоимущих семей.

Минимальный перечень мер поддержки на федеральном уровне, предоставляемых многодетным семьям, закреплен в Указе Президента РФ от 05.05.1992 г. К ним относятся, например, скидка на оплату коммунальных услуг; возможность бесплатного обеспечения лекарствами детей младшего возраста, проезда в общественном транспорте, питания детей в учебных заведениях, посещения музеев и выставок; выделение садово-огородных участков; оказание помощи при организации крестьянско-фермерского хозяйства и др. [1].

Социальная помощь многодетным семьям предусмотрена также рядом федеральных законов: «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Согласно им, многодетным семьям предоставляются пособия, предусмотренные для всех граждан, имеющих детей:

по беременности и родам; единовременная выплата женщинам, которые встали на учет на раннем сроке беременности; единовременная выплата при рождении ребенка; ежемесячная денежная выплата по уходу за ребенком; иные выплаты.

Рассмотрим систему поддержки многодетных семей, которая сложилась на региональном уровне. В большинстве регионов страны социальная поддержка по многодетности оказывается адресно на основании правовых актов различного уровня и юридической силы, которые определяют:

— социальный статус и меры социальной поддержки отдельных категорий граждан в наиболее общем случае;

— меры поддержки семей с детьми из средств бюджетов субъектов Федерации;

— меры, адресованные исключительно многодетным семьям.

На региональном уровне для многодетных семей могут быть предусмотрены доплаты к указанным в федеральных законах размерам различных выплат. Например, ежемесячное пособие на ребенка до достижения 16 или 18 лет, условия предоставления и размеры которого определяются в соответствии с требованиями ст. 16 закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», может устанавливаться в повышенном размере в отношении детей из многодетных семей субъектами РФ самостоятельно на основе соответствующих нормативных актов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» в субъектах РФ нуждающимся в поддержке семьям установлена ежемесячная денежная выплата в размере определенного в субъекте прожиточного минимума для детей, назначаемая в случае рождения после 31 декабря 2012 года третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет.

В 2017 году указанная выплата осуществлялась в 67 субъектах Российской Федерации. В отношении 50 субъектов РФ с неблагоприятной демографической ситуацией осуществлялось софинансирование за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета расходных обязательств субъектов, возникающих при назначении ежемесячной денежной выплаты. 17 субъектов Федерации производят выплаты за счет собственных средств. С 1 января 2018 года софинансирование за счет федерального бюджета осуществляется в отношении тех субъектов РФ, в которых сложилась неблагоприятная демографическая ситуация и в которых величина суммарного коэффициента рождаемости не превышает 2. В перечень на 2018 год включены 60 субъектов [3].

Средний размер ежемесячной денежной выплаты в 2017 г. составил 9828,5 рубля. Нуждающимся семьям в регионах, получающих поддержку из федерального бюджета, осуществлены выплаты на 524,3 тысячи детей, что составляет 80,1 % от численности рожденных за 2013–2017 годы третьих и последующих детей [3].

В.В. Рязанский, председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике, считает, что ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка оказывает положительное влияние на рождаемость в тех регионах, где она предусмотрена. В субъектах РФ, в которых ежемесячная денежная выплата осуществлялась при поддержке федерального бюджета, суммарный коэффициент рождаемости за 2013–2015 годы в среднем увеличился на 9,9 %. В тех субъектах, в которых такая выплата производится за счет собственных средств, суммарный коэффициент рождаемости за 2013–2015 годы вырос в среднем на 4,9 %, а в субъектах РФ, в которых такая выплата не производится, — снизился в среднем на 1 %. При этом в целом по РФ суммарный коэффициент рождаемости за указанный период вырос только на 5,1 % [2].

Право семьи на получение данной выплаты зависит от установленного субъектом РФ критерия нуждаемости. В 43 субъектах РФ в качестве критерия нуждаемости установлен среднедушевой денежный доход в регионе, еще в 5 субъектах в размере, близком к среднедушевому денежному доходу в регионе. В этих субъектах в 2013–2015 годах суммарный коэффициент рождаемости в среднем увеличился на 7,2 %.

В 21 субъекте РФ критерием нуждаемости определен региональный прожиточный минимум, что сужает потенциальное число семей, которые могли бы воспользоваться данной мерой поддержки и родить третьего или последующего ребенка, и снижает демографическую результативность данной меры [2]. За 2013–2015 годы суммарный коэффициент рождаемости в этих регионах увеличился в среднем на 2,7 %.

Дополнительные меры поддержки в регионах предусматривают назначение дополнительных детских пособий, учреждение регионального материнского капитала, поддержку беременных и кормящих женщин, установление социальных льгот для многодетных семей и др.

Размер материнского капитала по региональным программам в различных регионах страны может отличаться на порядок (в 10 и более раз). Например, в Курганской области на третьего или последующего ребенка, родившегося с 1 января 2013 года по 31 декабря 2014 года, выдавался региональный материнский капитал в виде единовременной выплаты в размере 25 тыс. рублей (ст. 6.2, введенная областным законом от 31 октября 2012 года № 55). В Ямало-Ненецком автономном округе семьям, в которых был рожден или усыновлен третий ребенок, региональный маткапитал предоставляется в размере 350 тыс. рублей (ст. 5 окружного закона № 73-ЗАО от 01.06.2011 г.).

Как отмечается в аналитических материалах, в субъектах РФ, где размер регионального материнского капитала составляет более 150 тыс. рублей, присутствует более высокий рост уровня рождаемости (за период 2012–2015 годов суммарный коэффициент рождаемости увеличился на 14,4 %, тогда как в регионах, где семейный капитал выплачивается в размере менее 150 тыс. рублей, этот показатель увеличился в меньшей

степени — на 12,9 %). Из этого можно сделать вывод о наличии связи между уровнем рождаемости и оказываемой на региональном уровне материальной поддержкой семей с детьми [4].

Существенно различаются в регионах не только размеры маткапитала для многодетных семей, но и порядок его использования. В субъектах РФ установлены различные варианты использования регионального материнского капитала, не предусмотренные федеральным законом [4]:

1. Наличное подсобное хозяйство. Например, в Республике Бурятия и Тверской области материнский капитал разрешено использовать на приобретение сельскохозяйственных продуктивных животных; в Якутии — на компенсацию стоимости приобретенных сельскохозяйственных животных, тракторов и сельхозмашин; в Орловской области и Ненецком АО — на приобретение сельхозтехники; в Республике Калмыкия и Свердловской области — на садовые, огородные, дачные участки.

2. На приобретение или постройку бани (например, в Ненецком АО).

3. На приобретение или постройку гаража (Ненецкий АО).

4. На повседневные нужды. Частичное направление средств регионального маткапитала на целевые потребительские нужды в форме денежной выплаты на расчетный счет владельца сертификата предусмотрено в Республике Марий Эл, Республике Коми, Магаданской, Оренбургской, Сахалинской, Смоленской областях. Возможность предоставления единовременной денежной выплаты предусмотрена в Калининградской (не более 15 000 руб.) и Нижегородской (10 000 руб.) областях, Республике Мордовия (5000 руб. на третьего ребенка, 6000 руб. на 4-го, 75 000 руб. на 5-го и последующего).

5. На приобретение или постройку дач (Санкт-Петербург, Свердловская область).

6. На ремонт жилья (республики Алтай, Бурятия и Коми, Приморский, Камчатский и Красноярский края, Белгородская, Воронежская, Калининградская, Ленинградская, Магаданская, Мурманская, Нижегородская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Тверская, Тульская области).

7. Улучшение бытовых условий — строительство внутридомовых инженерных систем газо-, водоснабжения, канализации; подключение дома к газораспределительным сетям, водопроводу, канализации; строительство газопровода, приобретение внутридомового газового оборудования (Калмыкия, Краснодарский край, Воронежская, Курская, Ленинградская, Омская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Свердловская, Тверская, Тульская области), переустройство и перепланировка (Республика Коми), ремонт печного отопления и электропроводки (Красноярский край).

8. На лечение — детям и родителям (Хабаровский край, Сахалинская, Челябинская области, ХМАО, ЯНАО), детям и матери (Калининградская область), на санаторно-курортное лечение детей (республики Якутия и Бурятия, Красноярский и Пермский края, Свердловская, Томская, Тульская области, Санкт-Петербург), на отдых и оздоровление детей (Нижегородская

область), на технические средства реабилитации (Красноярский и Пермский края, Ленинградская область).

9. На приобретение мебели и бытовой техники (Бурятия, Калининградская, Мурманская, Тверская области, Ненецкий АО).

10. На покупку автомобиля. Такая мера предусмотрена при условии, что в семье есть ребенок-инвалид (Ненецкий АО, Еврейская АО) или 5 и более детей (Бурятия, Якутия, Пермский, Камчатский, Красноярский края, Санкт-Петербург, Калининградская, Ленинградская области); при наличии семи и более детей — в Мурманской, Новосибирской, Орловской, Самарской, Сахалинской, Смоленской областях. Данная мера может предусматривать покупку отечественного автомобиля (Тверская, Тульская области), а также снегохода, лодки, лодочного мотора (Якутия и Ненецкий АО).

11. На новорожденных (Бурятия, Самарская область).

Кроме этого, некоторые субъекты РФ предусматривают возможность использовать региональный материнский капитал так же, как и на федеральном уровне, — на накопительную пенсию (Мордовия, Новосибирская область).

Указ Президента Российской Федерации от 05.05.1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» обязывал правительства республик в составе Российской Федерации, органы исполнительной власти краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга установить меры социальной поддержки многодетных семей [1].

Регионы должны обеспечить многодетным семьям бесплатную выдачу лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до 6 лет; прием детей в дошкольные учреждения в первую очередь; бесплатный проезд на внутригородском транспорте, бесплатное обеспечение школьной формой либо заменяющим ее комплектом детской одежды, спортивной формой и бесплатное питание для учащихся общеобразовательных школ (последнее также для учащихся профессиональных учебных заведений). Кроме этого, организовать один день в месяц для бесплатного посещения музеев, парков культуры и отдыха, а также выставок [1].

Одной из обязанностей субъектов РФ является оказание содействия многодетным семьям в предоставлении льготных кредитов, а также беспроцентных ссуд и различных дотаций на строительство жилья и строительных материалов. Размер субсидии может составлять до 90 % от стоимости жилья, положенного многодетной семье по нормативам (норма жилой площади устанавливается на каждого члена семьи и составляет в зависимости от региона от 10 до 15 кв. м). Льготные условия ипотечного кредитования заключаются в предоставлении займа на больший срок по сравнению с обычными ипотечными продуктами. Так, если классическая ипотека предусматривает срок до 25 лет, то многодетные семьи могут претендовать на срок ипотеки до 30 или даже 35 лет. При этом и процентная

ставка по таким займам ниже средней на 1–2 %. Для многодетных семей иногда преградой становится первоначальный взнос, поэтому специально для таких семей он снижен до 10 % либо вообще отменен [5].

Во многих регионах практикуется возмещение части процентов, выплачиваемых по ипотечному займу из регионального бюджета. Такая программа, например, успешно действует в Красноярском крае, в котором на основании Закона № 7–2176 от 02.10.2008 г. «О предоставлении социальных выплат на оплату процентной ставки по кредитам, привлеченным гражданами, имеющими четверых и более детей, на улучшение жилищных условий» производится социальная выплата в размере сумм уплаченных процентов по ипотечному кредиту, оформленному многодетной семьей [5].

Субъекты РФ также реализуют такую меру социальной поддержки многодетных семей, как бесплатное предоставление участка земли. После внесения в 2015 году поправок в Земельный кодекс органы власти в регионах могут с согласия многодетных семей вместо этого предоставлять меры по обеспечению жилыми помещениями (предоставление бесплатного социального жилья в собственность; выделение квартир на условиях социального найма; субсидии на частичное погашение стоимости жилья, приобретаемого семьей самостоятельно на коммерческих условиях).

Также мерами поддержки многодетных семей, установленных федеральным законодательством и реализуемых субъектами РФ, выступают налоговые льготы. Среди них — налоговые льготы и послабления для многодетных родителей, организовавших крестьянско-фермерские хозяйства, небольшие предприятия и организации, а также при осуществлении предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя (ИП). Однако на практике региональные органы власти, как правило, не предоставляют никаких налоговых льгот подобной категории предпринимателей, либо ими достаточно сложно воспользоваться в силу многочисленных требований к предоставляемой отчетности.

Наиболее востребованным среди налоговых льгот и вычетов, предусмотренных для многодетных семей, является освобождение от уплаты транспортного и земельного налогов (при этом учитывается собственность одного из родителей). Льготы по земельному налогу могут предоставляться в нескольких формах: скидка на уплату налога до 50 %; снижение базы для исчисления налога (кадастровая стоимость участка); освобождение от уплаты земельного налога. Например, не платят налог на землю многодетные семьи Краснодарского края и Саратовской области. Однако данная льгота не распространяется на участки площадью свыше 1000 кв. м, а также предназначенные для осуществления предпринимательской деятельности. В Москве налоговую базу по данному налогу льготники могут снизить на 1 млн рублей, а в большинстве городов области (Королев, Балашиха, Пущино и др.) им предоставляется скидка в размере 50 % на уплату налога [6].

Что касается транспортного налога, то на настоящий момент льгота может предоставляться в следующих формах: отмена сбора для транспортных средств определенной мощности (например, в Краснодарском крае многодетная семья не платит налог за легковой автомобиль или автобус мощностью менее 150 л. с.); освобождение от транспортного налога только для одного из родителей (г. Москва); предоставление скидки на уплату налога (например, в Республике Татарстан она составляет 50 %) [6].

Во многих регионах РФ многодетные семьи освобождены от уплаты налога на имущество. Например, в г. Рязань такие семьи могут не оплачивать данный сбор по одному объекту от каждого вида недвижимости. Подобные льготы по имущественному налогу предоставляются в городах Нижний Новгород, Новосибирск и Краснодарском крае [6].

Указ Президента РФ «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» устанавливает денежные льготы многодетным семьям в виде скидки не менее 30 % (в некоторых регионах в размере до 50 % — в частности, в Республике Крым и городе Севастополь) — на оплату коммунальных услуг и топлива различных видов при проживании в жилых домах, не имеющих централизованной системы отопления [7].

Помимо различных пособий и выплат многодетным семьям в различных регионах практикуется присвоение почетных дипломов, грамот и иных наград, а также единовременная выплата поощрения при выполнении определенных критериев, например, рождение 5-го ребенка, успешная учеба детей из многодетной семьи и участие в общественной жизни и пр. В зависимости от конкретного региона такие критерии могут быть различны и определяться национальными и культурными особенностями субъекта РФ. Например, в Курганской области при награждении орденом «Родительская слава» предоставляется дополнительное разовое поощрение 50 тыс. руб. в соответствии с постановлением областной администрации № 85 от 16 марта 2009 года.

В дополнение к этому в регионах также устанавливаются дополнительные награды многодетным семьям с разовыми денежными выплатами. В той же Курганской области, в частности, предусматривается единовременное пособие матерям, награжденным знаком отличия «Материнская слава», в размере от 25 до 100 тыс. руб. [7].

Таким образом, исходя из ст. 7 Конституции, каждая многодетная семья Российской Федерации может рассчитывать на социальную поддержку со стороны государства. Подводя итоги, можно говорить о том, что на сегодняшний день именно субъекты РФ в значительной степени организуют и реализуют меры государственной поддержки многодетности в России. В то же время сложившаяся практика существенно дифференцирована в региональном разрезе, что не позволяет говорить о единой для страны системе государственной поддержки многодетных семей. Региональные различия создают проблемы для таких семей, в том числе при их переезде в другой субъект Федерации.

Список источников

1. О мерах социальной поддержки многодетных семей: Указ Президента РФ № 451 от 05.05.1992 г. Документ в данной редакции опубликован не был. Доступ из государственной системы правовой информации.

2. *Рязанский В. В.* О региональных аспектах социальной политики Правительства Российской Федерации // Аналитический вестник. — № 2 (659). [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/media/files/jc20Swer1Ro4IKnZKSGtA0AjGPbOZ9t9.pdf#page=7 (дата обращения: 01.06.2018 г.).

3. Основные результаты работы Министерства труда и социальной защиты за 2012–2017 годы [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/dep_news/32233/ (дата обращения: 01.06.2018 г.).

4. Материнский капитал за третьего ребенка // Материнский капитал.ру [Электронный ресурс]. URL: http://materinskij-kapital.ru/kak-poluchit/za-tretego-rebenka/#2 (дата обращения: 01.06.2018 г.).

5. Региональный материнский капитал при рождении третьего ребенка в 2018 году // Все про материнский капитал [Электронный ресурс]. URL: http://www.materinskiy-semeyniy-kapital.ru/regionalnyj_materinskij_kapital_i_socialnaja_podderzhka_mnogodetnyh_semej/ (дата обращения: 01.06.2018 г.).

6. Многодетная семья: льготы, выплаты, субсидии. Как получить жилье в ипотеку или кредит? // ТопЮрист [Электронный ресурс]. URL: https://topurist.ru/article/53492-mnogodetnaya-semya-lgoty-vyplaty-subsidii-kak-poluchit-zhile-v-ipoteku-ili-kredit.html (дата обращения: 01.06.2018 г.).

7. На какие налоговые льготы могут рассчитывать многодетные семьи в 2018 году? [Электронный ресурс]. URL: https://subsived.ru/lgoty/nalogovye-mnogodetnym (дата обращения: 01.06.2018 г.).

8. Детские пособия и выплаты на ребенка в многодетных семьях [Электронный ресурс]. URL: http://posobie-expert.ru/chastnye-sluchai/mnogodetnym/ (дата обращения: 01.06.2018 г.).

Информация об авторах

Костина Светлана Николаевна — доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: kostinasn@mail.ru.

Зайцева Екатерина Васильевна — доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: katia_zai@mail.ru.

Кузьмин Александр Иванович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kuz53@list.ru; профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19).

Kostina S. N., Zaitseva E. V., Kuzmin A. I.

The State of the System of State Support for Large Families at the Regional Level

The demographic situation in Russia has demanded that the state conduct a pro-natalist policy. However, at the federal level, most of the measures were aimed at stimulating the birth of a second child. Considerable powers to stimulate and support large families were assigned to the subjects of the federation. As a result, the existing support system includes federal and regional measures. In addition, not only specific measures apply to large families, but also to other measures that are effective, firstly, in relation to families with children, and secondly, in relation to low-income families.

The purpose of the article is to analyze the practice of state support for large families in the subjects of Russia. The authors consider regional features of the implementation of various support measures — regional supplements, regional maternity capital, tax incentives, preferential loans, allocation of land, etc.

The authors conclude that, to date, it is the regional authorities that are largely organizing and implementing measures of state support for large families in Russia. At the same time, the current practice is significantly differentiated in a regional context — for example, the size of maternity capital in different subjects may differ by 10 times or more. The situation at country level is complicated by the uncertainty of the concept of having many children and having a large family; the regions themselves establish criteria for both having many children and need (which is a condition for receiving a number of support measures). All this does not allow us to speak about the existence of a single state system of state support for large families.

Keywords: large families, state support, maternity capital, benefits

References

1. On measures of social support for large families. Presidential Decree No. 451 of 05/05/1992. The document in this edition was not published Access from the state system of legal information.

2. *Ryazansky V. V.* On the regional aspects of the social policy of the Government of the Russian Federation // Analytical Bulletin. No. 2 (659). [Electronic resource]. URL: http://council.gov.ru/media/files/jc20Swer1Ro4IKnZKSGtA0AjGPbOZ9t9.pdf#page=7 (access date: 01.06.2018).

3. The main results of the work of the Ministry of Labor and Social Protection for 2012–2017 [Electronic resource]. URL: http://government.ru/dep_news/32233/ (circulation date: 01.06.2018).

4. Maternity capital for the third child // Maternity kapital.ru [Electronic resource]. URL: http://materinskij-kapital.ru/kak-poluchit/za-tretego-rebenka/#2 (access date: 06/01/2018).

5. Regional maternity capital at the birth of the third child in 2018 // All about maternity capital [Electronic resource]. URL: http://www.materinskiy-semeyniy-kapital.ru/regionalnyj_materinskij_kapital_i_socialnaja_podderzhka_mnogodetnyh_semej/ (appeal date: 06/01/2018).

6. Large family: benefits, payments, subsidies. How to get housing in a mortgage or loan? // TopYurist [Electronic resource]. URL: https://topurist.ru/article/53492-mnogodetnaya-semya-lgoty-vyplaty-subsidii-kak-poluchit-zhile-v-ipoteku-ili-kredit.html (appeal date: 01.06.2018).

7. What tax breaks can large families expect in 2018? [Electronic resource]. URL: https://subsived.ru/lgoty/nalogovye-mnogodetnym appeal date: 06/01/2018).

8. Children's allowances and benefits for a child in large families // Child allowance. All about child benefits [Electronic resource] URL: http://posobie-expert.ru/chastnye-sluchai/mnogodetnym/ (appeal date: 01.06.2018).

Authors

Kostina Svetlana Nikolaevna — Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of the Ural Federal University. First President of Russia B. N Yeltsin.

Zaitseva Ekaterina Vasil`evna — Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of the Ural Federal University. First President of Russia B. N Yeltsin.

Kuzmin Alexandr Ivanovich — Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of the Ural Federal University. First President of Russia B. N Yeltsin.

УДК 338.2

Кривенко Н. В.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА[1]

В статье рассмотрены роль человеческого капитала в современной экономике, первоочередные задачи по его сохранению, определены позиции страны в международных рейтингах по общественному развитию. Предложено понятие «конкурентоспособности» человеческого капитала, трудового потенциала населения. Конкурентоспособность человеческого капитала и его структурные составляющие влияют на экономический рост. Выявлены следующие противоречивые тенденции: с одной стороны, высокие показатели образовательного потенциала населения и индекс человеческого развития, с другой — отставание в области инновационного, социального развития, в сфере медицинского обслуживания населения. Проанализированы проблемы бедности, «новых бедных», неравенства в распределении доходов, старения и пенсионного обеспечения населения страны. Изучено состояние научного потенциала страны, угрозы «утечки мозгов», использования интеллектуального потенциала России в качестве «донора человеческого капитала» для мировой науки. Выявлены проблемы трудоустройства молодежи, «избыточного» образования, риск дисбаланса в обеспечении трудовым потенциалом отраслей экономики страны с учетом демографической нагрузки на современное поколение молодежных когорт.

Рассмотрены демографические угрозы, изменение медико-демографических показателей и сальдо миграции в условиях трансформационных процессов экономики России с 1990 по 2016 гг., в зависимости от экономической ситуации в стране, уровня финансирования системы здравоохранения. На основе проведенных исследований сформированы предложения по сохранению человеческого, в том числе трудового, потенциала, здоровья населения страны. На примере Свердловской области показаны возможности сохранения здоровья населения благодаря предупредительным мероприятиям по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний, развитию междисциплинарного и межведомственного подхода, государственно-частного партнерства в здравоохранении.

Ключевые слова: человеческий капитал, рейтинговые позиции, здоровье, здравоохранение, социально-демографическая, экономическая безопасность

Современное состояние развития экономики страны определяется качеством человеческого капитала, его интеллектуальным и

[1] © Кривенко Н. В. Текст. 2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16–06–00048 «Социальная парадигма регионального развития: выбор приоритетов и трансформация экономики»).

образовательным уровнем, состоянием здоровья населения, в том числе трудоспособного, экономической продуктивностью, влияющими на социально-демографическую и экономическую безопасность.

Лауреаты Нобелевской премии Т. Шульц, Г. Беккер [19, 20] предложили многофакторное определение понятия «человеческий капитал», рассматривали для экономического роста стран большую целесообразность крупных инвестиций в образование, здравоохранение, науку, чем в материальное производство.

В. Мельянцев отмечает изменение структуры совокупного капитала в развитых странах Запада и Японии в динамике с 1800 года до начала XXI века: если в начале XIX века доля физического капитала составляла 78–80 %, человеческого капитала — 20–22 %, то с 2000 года данное соотношение поменялось наоборот: 20 % и 80 %. Учитывая, что значительную долю инвестиций в человеческий капитал в передовых странах мира осуществляет государство, можно объяснить технологический прорыв в XX столетии в разрушенной после Второй мировой войны Японии [15].

Россия является страной, обладающей огромными территориями и природными ресурсами. Однако проблемы сохранения, развития, воспроизводства человеческого капитала, увеличения его вклада в экономику страны требуют отдельного рассмотрения и незамедлительного решения на государственном уровне.

На Петербургском международном экономическом форуме-2017 главный исполнительный директор Всемирного банка К. Георгиева отметила: «На наш взгляд, первоочередным для России должны стать инвестиции в человеческий капитал»[1].

Сравнение показателей по данной проблематике на международном уровне позволяет дать определение «конкурентоспособности» человеческого капитала, трудового потенциала населения. Очевидно, что данная величина зависит от интегративной совокупности компонентов, определяющих уровень качества жизни населения, реализации его образовательного потенциала, состояния здоровья, определяя в конечном итоге вклад в экономический рост страны и регионов.

Концепция развития человеческого потенциала является одним из наиболее известных интеллектуальных продуктов, разработанных группой независимых международных экспертов в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). Основным стратегическим инструментом концепции человеческого развития является Индекс человеческого развития (ИЧР)[2], позволяющий оценивать общественное

[1] ВБ: инвестиции в человеческий капитал и улучшение инвестклимата — ключевые реформы для РФ [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/pmef-2017/articles/4306555(дата обращения: 26.05.2018).

[2] Индекс развития человеческого потенциала. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя редакция: 12.05.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info].

развитие, в отличие от традиционных подходов (по национальному доходу), по достижениям в области здоровья и образования. В ООН ежегодно проводится рейтинговая оценка уровня жизни в разных странах с использованием данного показателя. В 2016 году Россия заняла 50-е место из 188 стран по ИЧР, включена в группу стран с высоким уровнем индекса человеческого развития.

Представляют интерес позиции России в других рейтингах, характеризующих качество человеческого потенциала, обеспечение достойного уровня жизни[1]:

— 34-е место из 50 стран в рейтинге эффективности национальных систем высшего образования 2016 г.;

— 34-е место из 188 стран в рейтинге эффективности национальных систем образования 2016 г.;

— 67-е место из 128 стран в рейтинге стран мира по уровню социального развития 2017 г.;

— 116-е место из 140 стран в рейтинге стран мира по уровню счастья 2016 г.;

— 45-е место из 127 стран по уровню инновационного развития 2017 г.;

55-е место из 55 стран в рейтинге стран мира по эффективности систем здравоохранения 2016 г.

Следует отметить противоречивые тенденции: неплохие оценки России, определенные международными экспертами по ряду рейтингов: высокие индекс человеческого развития, уровень высшего образования. Остальные рейтинговые позиции демонстрируют отставание нашей страны по уровню инновационного, социального развития, эффективности медицинского обслуживания населения, выявляют имеющиеся противоречия между образовательным потенциалом, его востребованностью обществом и реализацией, условиями жизнедеятельности, возможностями воспроизводства населения.

Учитывая комплексное содержание рассматриваемого понятия «человеческий капитал», целесообразно рассмотреть различные аспекты обеспечения жизнедеятельности человека в нашей стране.

Один из важнейших показателей, характеризующих уровень социального развития общества и эффективность социальной политики государства, — показатель уровня бедности, определяемой ООН как отсутствие возможностей и выбора у людей удовлетворения жизненно важных человеческих потребностей: прожить долгую, здоровую и созидательную жизнь; быть грамотным; нормально питаться; наслаждаться качеством жизни [3, с. 6–20].

[1] Рейтинг «The Global Innovation Index» [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2017/article_0006.html. (дата обращения: 25.05.2018); Bloomberg: Рейтинг стран мира по эффективности систем здравоохранения в 2016 году. Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/2016/10/08/7306 (дата обращения: 22.05.2018).

М.В. Бикеева отмечает следующие тенденции в России [4]: «Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2000 году составляла 42,3 млн человек, или 29 % общей численности населения. Период экономического роста 2002 — 2007 гг. способствовал положительным сдвигам в материальном положении населения страны и снижению уровня бедности с 24,6 до 13,3 %. Наступивший кризис 2008 года замедлил темпы снижения численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. А начиная с 2012 года наблюдается обострение проблемы бедности, характеризующееся увеличением численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2016 году до 19,8 млн человек, или 13,5 % общей численности населения. Характерной особенностью настоящего времени является появление «новых бедных» — группы работающего населения, которые по образовательному уровню и квалификации никогда и нигде в мире не могут быть бедными. Эту группу представляет население трудоспособного возраста, работающее преимущественно в бюджетной сфере, сельском хозяйстве и др. Доля данной группы населения за анализируемый период многочисленная и составляет 39,3 %» [4].

Коэффициент Джини в России по годам [4]:

2011 — 0,417;
2012 — 0,420;
2013 — 0,419;
2014 — 0,416;
2015 — 0,413;
2016 — 0,412 .

Средний размер коэффициента Джини в странах ОЭСР составляет 0,32. Наиболее высокий его уровень в: Чили (0,50), США (0,40), Британии (0,35), что указывает на самое большое неравенство в распределении доходов. Самый низкий показатель (0,25) зафиксирован в Дании, что выводит ее на первое место по уровню равенства[1].

Таким образом, занимая в мировых рейтингах 45–50-е место по экономическому развитию, наша страна попадает в группу стран с наиболее высоким уровнем неравенства в распределении доходов (0,412).

В глобальном индексе по проблемам старения населения планеты Global Age Watch Index-2013 Россия заняла 78-ю позицию, опередив только ряд развивающихся стран: Афганистан, Черногорию, Пакистан, Нигерию, Палестину. Лидерами пенсионного рейтинга стали Норвегия, Швейцария, Исландия, Швеция и Новая Зеландия [3, с. 6–20].

Характеризуя состояние российской пенсионной системы, А.К. Соловьев отмечает: «В общемировой практике пенсионная система современного общества по своей институциональной сути является

[1] Разрыв между богатыми и бедными в мире продолжает расти [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/business/2015/05/150521_oecd_rich_poor_gap (дата обращения: 24.05.2018).

интегральным индикатором уровня не только социального развития государства, но и его экономического базиса. Критериями социального развития общепризнаны такие показатели, как размер государственной пенсии и нормативно установленный возраст назначения пенсии. Страховая пенсионная реформа в РФ, которая основана на страховых принципах, была направлена на решение двух стратегических проблем: достижения достойного уровня материального обеспечения пенсионеров и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы. Однако глобальные тенденции (демографические и макроэкономические) потребовали внесения серьезных изменений в правительственные программы по решению указанных выше задач. Так, демографический кризис (резкое сокращение рождаемости и рост продолжительности жизни) существенно увеличивает нагрузку на социальный бюджет государства. В свою очередь, макроэкономический и национальный финансовые кризисы существенно сократили доходную часть пенсионного бюджета, которая предназначена для поддержания уровня жизни всех категорий пенсионеров» [18, с. 255].

Опыт Норвегии, одной из наиболее развитых стран мира с высоким уровнем благосостояния, показывает целесообразность создания Центральной инвестиционной компании, переименованной в дальнейшем в Глобальный пенсионный фонд, на средства которого норвежское правительство поддерживает всеобщую систему здравоохранения, обеспечивает бесплатное высшее образование и систему щедрых пенсионных выплат [8, с. 194–195].

Не менее важной задачей является сохранение научного, творческого потенциала населения России.

За период 1992–2015 гг. число научно-исследовательских организаций сократилось на 17,8 %, число конструкторских организаций — в 2,7 раза, число проектных организаций — в 17 раз. В 1992–2000 гг. вследствие системного кризиса 1990-х гг., практической ликвидации отраслевой науки, массовой «утечки мозгов» из страны и сферы НИОКР в отечественной науке произошло сокращение численности работников, занятых в сфере исследований и разработок, на 42 %, в том числе исследователей — на 47 %. С 1989 по 2002 гг. за рубеж уехали более 20 тыс. ученых, и около 30 тыс. ученых работают по временным трудовым контрактам. Эта часть научного потенциала страны представлена наиболее конкурентоспособными учеными, находящимися в самом продуктивном возрасте (30–55 лет), которые должны обеспечивать в нашей стране преемственность научных школ, передавать опыт молодым. В глобальном рейтинге привлечения талантов Россия находится в шестом десятке стран, выступая в роли «донора человеческого капитала» для мировой науки. В 2005–2012 гг. более медленное сокращение общей численности персонала в сфере НИОКР на 10,7 % с небольшим ростом в 2013–2015 гг. пока не привело к ее восстановлению на уровне 2005 года [2, с. 69–80].

Выделяемые средства на науку и исследования все еще недостаточны (расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета в 2016 году составили 0,47 % от ВВП). Желание стать учеными высказывают только 2 % россиян. Миграционный прирост в 7 % обеспечен приезжающими в Россию из стран СНГ (в первую очередь с Украины). Российские ученые эмигрируют в Китай, Германию, США — страны с более развитым научным сервисом [17, с. 14–19]. Анализ публикационной активности российских математиков показал, что их приток в США привел к снижению продуктивности американских математиков, то есть к отрицательному эффекту «перетока знаний» [10, с. 50–53].

Рассматривая проблемы молодежи на рынке труда в России, М.Ф. Черныш, А.В. Быков, Ю.В. Голиусова отмечают фиксацию сужения выбора, насаждение идеалов индивидуализированной трудовой деятельности в современном обществе, «застывание» выпускника вуза в статусе прекариата — при наличии образования отсутствие возможности его реализовать на практике (в западной практике трактуется как «избыточное» образование, «избыточные» знания) [11, с.164–166]. Г.А. Чередниченко на основе динамики занятости молодежи за период с 1999 по 2014 гг. выявила более интенсивную реструктуризацию отраслевой занятости молодежи, чем в масштабах всего населения России в условиях трансформационных процессов современной экономики: значительно уменьшилось число занятой молодежи в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте, немного уменьшилось в здравоохранении, науке, культуре, искусстве; рост большинства рабочих мест в сфере услуг: государственном управлении, финансовой сфере, торговле и т. д. [11, с. 164–166]. Необходимо определять риски в обеспечении трудовым потенциалом экономики страны в отраслевом разрезе с учетом демографической нагрузки на современное поколение молодежных когорт, которое к 2030 году составит основу трудоспособного населения.

Председатель комиссии Общественной палаты РФ по развитию экономики, предпринимательства, сферы услуг и потребительского рынка академик РАН Б. Алешин отмечает: «В Советском Союзе у нас было население 290,0 млн человек, в России стало 147,0 млн человек, численность населения США с 1980-х гг. до нашего времени увеличилась с 250,0 до 329,0 млн человек. Находясь в ситуации, когда мы не растем, не можем ожидать демографического взрыва, уровень оснащенности, интеллекта каждого из 80 миллионов, работающих сегодня, для управления громадной территорией должен быть в несколько раз выше, чем у его конкурентов. Каждый человек должен быть уникально производительным» [9, с. 34–39].

Назревшая смена модели экономического развития предполагает опору на то сравнительное преимущество национальной экономики, которое, во-первых, не подвержено обесценению в силу действия внешних для нашей страны факторов, и, во- вторых, способно все полнее проявляться по мере прогнозируемых структурных изменений в глобальной экономике

XXI века. Единственный претендент на роль главного сравнительного преимущества — человеческий капитал. Требуется перемена мест экономической и социальной политики: из «прицепного вагона» первой вторая должна постепенно перемещаться на роль «локомотива»[1].

Целесообразно подробнее рассмотреть демографические проблемы, состояние здоровья населения страны и проблемы эффективности системы здравоохранения.

На сегодняшний день демографический кризис является одной из существенных угроз национальной экономической безопасности страны. Среди причин усиления этой угрозы следует отметить: известный феномен «работающие бедные», высокая доля на рынке труда России дешевой рабочей силы временных мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья, отток из страны высококвалифицированных специалистов [13, с. 40–61]. Серьезными угрозами являются снижение рождаемости и депопуляция населения.

Другие важнейшие объективные факторы отмечены в Послании Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 года: снижение рождаемости в условиях создания семей малочисленным поколением 90-х годов; сокращение численности населения в трудоспособном возрасте и другие вызовы для экономического роста. «Необходимо ответить на эти вызовы и в предстоящее десятилетие обеспечить устойчивый естественный рост численности населения России[2]».

Н. А. Нестеренко, анализируя современное понятие «здоровье» [16, с. 57–68], отмечает поиск экономико-управленческими науками резервов повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции, так как затраты на использование человеческих ресурсов являются одними из самых значительных составляющих себестоимости продукции или услуг, что привело ряд исследователей [6, с. 131–139; 7, с. 6–7] к определению «социально-экономическое здоровье». «Капитал здоровья» [12, с. 163; 5, с. 135–139] рассматривается отдельно в концепции человеческого капитала с точки зрения возможности полноценной реализации таких составляющих человеческого потенциала, как квалификация, компетентность, мотивация при наличии определенного уровня психофизиологического потенциала здоровья персонала.

Демографические тренды и состояние здоровья населения в условиях трансформационных процессов экономики России характеризуются данными, представленными в таблице.

---

[1] Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада: докл. к XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19–22 апр. 2016 г. М., 2016. 76 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116115025/Доклад о социальной политике (дата обращения: 26.05.2018).

[2] Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957/work (дата обращения: 22.05.2018 г.).

Таблица

Изменение медико-демографических показателей и сальдо миграции в условиях трансформационных процессов экономики России с 1990 по 2016 гг.

Период	Прибыло в РФ, чел.	Выбыло из РФ, чел.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Коэффициент смертности (число умерших на 1000 чел. населения)	Коэффициент естественного прироста, (убыли) на 1000 чел. населения
1990	913233	729467	69,2	11,2	3,9
1995	866857	347338	64,5	15,0	–6,1
2000	359330	145720	65,3	15,3	–6,6
2005	177230	69798	65,4	16,1	–5,9
2010	191656	33578	68,9	14,2	–1,7
2015	598617	353233	71,4	13,0	0,3
2016	575158	313210	71,9	12,9	–0,01

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Изменения в экономике страны, начиная с 1990-х годов, сопровождались падением уровня жизни большей части населения, стрессами, проблемами занятости в условиях массового закрытия предприятий, ухудшением состояния социальной сферы, снижением доступности медицинской помощи, в том числе в результате ликвидации медико-санитарных частей на предприятиях, что привело к резкому ухудшению диспансерной и профилактической работы, росту заболеваемости и смертности населения. Результаты: с 1990 по 2000 гг. рост заболеваемости населения болезнями системы кровообращения (смертность от БСК увеличилась в 1,3 раза), вспышка «социальной» болезни — туберкулеза в этот период: рост заболеваемости в 2,6 раза, смертности — в 2,5 раза, распространение алкоголизма, наркомании и др., беспрецедентная убыль населения.

По данным статистики практически половина рабочих мест — это рабочие места с вредными условиями труда[1], что не способствует сохранению в полной мере трудового потенциала населения, требует в дальнейшем инвестиций на восстановление его здоровья.

Государственные меры по поддержке здравоохранения, реализация национальной программы «Здоровье» в 2006–2014 гг. способствовали увеличению расходов на здравоохранение в России в этот период на 74 %, сокращению показателей смертности в целом и от отдельных причин, увеличению продолжительности жизни населения. На фоне улучшения ресурсного обеспечения, модернизации отрасли увеличилась заработная

[1] Удельный вес работников организаций, имеющих право на компенсации за работу во вредных и (или) опасных условиях труда по видам экономической деятельности // Труд-Эксперт. Управление [Электронный ресурс]. URL: http://www.trudcontrol.ru/press/statistics/23917/udelniy-ves-rabotnikov-organizaciy-imeushih-pravo-na-kompensacii-za-rabotu-vo-vrednih-i-ili-opasnih-usloviyah-truda-po-vidam-ekonomicheskoy-deyatelnosti.

плата медицинских работников, реализован комплекс мероприятий по повышению доступности бесплатной медицинской помощи для населения, эффективности системы здравоохранения.

Рост государственных расходов на здравоохранение в реальном выражении был приостановлен в 2013 г. В последующие годы в связи с развертыванием экономического кризиса и сокращением бюджетных доходов ситуация ухудшилась. Расходы государства на здравоохранение в 2014 г. уменьшились в реальном выражении на 1,0 %, а в 2015 г. — на 2,9 %[1].

Как видно из таблицы, экономическое положение в стране, социальные процессы, медико-демографические показатели взаимосвязаны: в 2016 году в условиях ухудшения экономической ситуации показатель естественного прироста сменился на показатель убыли населения; с 2015 года наблюдается рост числа граждан, уезжающих из страны.

Проведенные исследования развития человеческого капитала, тенденций в состоянии здоровья населения России позволили автору сформировать предложения по сохранению человеческого, в том числе трудового, потенциала, здоровья населения страны:

1. Решение проблем пенсионного обеспечения в стране требует его научного обоснования, должно способствовать повышению продолжительности и качества жизни населения старше трудоспособного возраста.

2. Одним из направлений современной демографической политики должно стать упрощение бюрократической процедуры при получении российского гражданства желающим вернуться в страну соотечественникам из ближнего и дальнего зарубежья.

3. Рациональное использование ограниченных трудовых ресурсов с учетом потребности экономики страны в отраслевом разрезе.

4. Решение вопросов сбалансированности планируемых специальностей для обучения в вузах с потребностями экономики страны, трудоустройства молодежи в соответствии с полученным образованием.

5. Для стимулирования рождаемости в стране требуются дополнительные меры экономического характера: льготное ипотечное кредитование для молодых семей, снижение цен на питание, товары для детей за счет дотаций государства, выплата пособий всем матерям, находящимся в отпусках по уходу за ребенком, и др.

6. Предупредительные мероприятия по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

7. Повышение эффективности системы российского здравоохранения на основе рационального использования ресурсов: усиление первичного звена, обеспечение преемственности лечения на разных этапах оказания

[1] Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада: докл. к XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19–22 апр. 2016 г. М., 2016 76 с. [Электронный ресурс]. URL: http://https://www.hse.ru/data/2016/06/21/1116115025/Доклад о социальной политике (дата обращения: 26.05.2018).

медицинской помощи, широкое применение инноваций в отрасли, активное использование междисциплинарного и межведомственного подходов, государственно-частного партнерства.

Устойчивый тренд 2017 года на сокращение численности страны обусловливает необходимость принятия государственных мер по сокращению смертности населения, в том числе от внешних причин (несчастных случаев, травм, отравлений и т. п.), повышает роль обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Эффективность предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний работников показывает опыт деятельности Свердловского регионального Фонда социального страхования Российской Федерации [1, с. 18–25]. Предупредительные меры направлены на достоверную оценку условий труда, выявление рисков угрозы жизни и здоровью работника на каждом рабочем месте, мониторинг динамики состояния здоровья работников, предупреждение тяжелых хронических заболеваний, профилактику инвалидности трудоспособной части населения.

Доля работающих, занятых на работах с вредными и (или) опасными производственными факторами, в основном в добывающих отраслях, в металлургическом производстве, строительстве и других отраслях, составила в 2017 году в Свердловской области 20,9 %. Увеличение за период с 2007 по 2017 гг. средств Свердловского регионального Фонда социального страхования, направляемых на ежегодное финансирование предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний работников в 2,5 раза, направленных на: приобретение средств индивидуальной защиты — 21 %, проведение периодических медицинских осмотров (ПМО) — 31 %, санаторно-курортное лечение — 39 % и другие цели, способствовало сокращению несчастных случаев на производстве в 2,2 раза, увеличению числа работников, прошедших ПМО, в 1,9 раза, снижению профессиональной заболеваемости на 43 % [1, с. 18–25].

В условиях удорожания медицинской помощи и недостаточности финансирования отрасли целесообразно решение проблем сохранения человеческого капитала, в том числе трудоспособного населения, при интеграции усилий Министерства здравоохранения, других министерств и ведомств.

Появление социально ориентированных кластеров связано с изменением целевых ориентиров развития экономики, которая все более становится направленной на повышение качества жизни населения: улучшение здоровья и снижение смертности, повышение уровня образования, культуры и др. Направления кластерной политики в сфере здравоохранения широко реализуются в Финляндии, Норвегии, Нидерландах, Германии. В г. Баден- Вюртемберге (Германия) в рамках кластеров биотехнологий и медицинской техники проводятся медицинские исследования с разработкой

лекарственных препаратов для лечения онкологических заболеваний, «Долина здоровья» в Нидерландах — кластер биомедицинских исследовательских институтов, компаний по развитию фармацевтической продукции, провайдеров медицинских услуг [14, с. 62–74].

Представляет научно-практический интерес опыт Свердловской области по развитию ядерной медицины на основе междисциплинарного и межведомственного подходов.

На государственном уровне главой государства В. Путиным поставлена задача по формированию программы, направленной на борьбу с онкологическими заболеваниями. В Свердловской области под руководством губернатора Е. Куйвашева реализуются меры по формированию конкурентоспособной и высокотехнологичной медицинской промышленности. Развитие ядерной медицины — один из технологических приоритетов, мероприятия по ее развитию включены в проект концепции Стратегии промышленного и инновационного развития Свердловской области. В регионе создан промышленный кластер производителей радиофармпрепаратов и оборудования. Предприятия — участники кластера в тесной кооперации производят широкий круг радиоизотопной продукции, используемой как стартовый материал при производстве готовых радиофармпрепаратов.

Участники совместного совещания по вопросам развития ядерной медицины министр здравоохранения Свердловской области А. Цветков, ректор Уральского федерального университета В. Кокшаров, представители научной и медицинской общественности, а также бизнес-структур, обсудили вопросы: о перспективах развития технологий ядерной медицины в Свердловской области, иммунотерапии злокачественных новообразований, стратегии развития Циклотронного центра ядерной медицины УрФУ, создания Центра ядерной медицины с радиологическим корпусом на базе университета. Министр здравоохранения Свердловской области А. Цветков отметил: «Необходимо объединение достижений фармацевтической, биотехнологической индустрий, научно-исследовательских изысканий с практическим здравоохранением для проведения эффективной индивидуальной терапии онкологических заболеваний, снижения частоты нежелательных реакций, а также уменьшения расходов на дорогостоящие лекарства и исследования»[1]. Министр предложил разработать «дорожную карту» по реализации всех рассмотренных проектов, представители ряда госкорпораций и бизнес-структур высказали свою заинтересованность в их реализации.

Успешным примером является совместная работа министерств здравоохранения, инвестиций и развития, финансов, строительства и развития инфраструктуры, а также представителей коммерческих структур, государственных и негосударственных медицинских организаций в сфере

[1] Совещание по вопросам развития ядерной медицины в Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: https://minzdrav.midural.ru/news/show/id/3652/news_category/67 (дата обращения: 24.05.2018).

строительства объектов здравоохранения на территории Свердловской области на условиях государственно-частного партнерства. Запланировано строительство здания детской поликлиники в Серове за счет собственных средств ПАО «Надеждинский металлургический завод». Специалистами областного Минздрава и ТФОМС рассматривается проект создания централизованных клинико-диагностических лабораторий с точки зрения экономической эффективности и практической реализации проекта на условиях государственно-частного партнерства.

После посещения центра нейрореабилитации «Клиника института мозга» в ходе визита 2 марта 2018 года в Екатеринбург министра здравоохранения РФ В. Скворцовой, губернатором Свердловской области Е. Куйвашевым дано поручение проработать вопрос подготовки кадров для реабилитационной службы межмуниципальных медицинских центров, строительства пансионата и реабилитационного павильона для обеспечения доступности высокотехнологической реабилитационной помощи в условиях дневного стационара для жителей всей области на условиях государственно-частного партнерства.

Министр здравоохранения Свердловской области А. Цветков отмечает: «Сфера государственно-частного партнерства в Свердловской области развивается активными темпами, и это развитие в полной мере затрагивает отрасль регионального здравоохранения. На текущий момент реализуется или планируется к реализации несколько проектов ГЧП в отношении инфраструктуры здравоохранения на сумму 5,2 млрд рублей»[1].

Учитывая, что в структуре смертности на сосудистые заболевания и онкологию приходится 48 % и 15 %, выбранные направления развития здравоохранения Свердловской области будут способствовать снижению данных показателей.

Приведенные примеры показывают направления совместного межведомственного решения проблем сохранения здоровья населения, повышения доступности и качества медицинской помощи, в том числе высокотехнологичной, укрепления социально-демографической безопасности на региональном уровне.

Проведенные исследования показывают высокий интеллектуальный, образовательный, научный потенциал человеческого капитала России, который находит признание в мировом сообществе, но, к сожалению, не в полной мере реализуется в нашей стране.

Демографические вызовы, сложная геополитическая и экономическая обстановка требуют первоочередного решения задач, с одной стороны, по увеличению вклада человеческого капитала в экономический рост страны, с другой — повышения качества и уровня жизни населения, увеличения рождаемости и сокращения смертности. Только такой двусторонний

[1] В Минздраве Свердловской области обсудили вопросы строительства объектов здравоохранения на условиях государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. URL: http://minzdrav.midural.ru/news/show/id/3642/news_category/67 (дата обращения: 24.05.2018).

процесс, направленный на сохранение человеческого капитала, в том числе трудового потенциала, здоровья населения, будет способствовать обеспечению экономической безопасности на уровне страны и регионов.

Список источников

1. *Альшиц Е. А., Кулькова И. А.* Результативность предупредительных мер по сокращению производственного трвматизма и профессиональных заболеваний // Управленец. — 2018. — № 2 (Т. 9). — С. 18–25.

2. *Амиров Р. А., Егоров Е. В.* Российская наука: вчера, сегодня, завтра // Экономика и управление. — 2018. — № 2 (148). — С. 69–80.

3. *Андрианов В.* Мировое благосостояние и благосостояние граждан России // Проблемы теории и практики управления. — 2018. — № 2. — С. 6–20.

4. *Бикеева М. В.* Статистический анализ дифференциации доходов и уровня бедности н населения Российской Федерации // Экономические исследования и разработки [Электронный ресурс]. URL: http://edrj.ru/article/08–02–2018 (дата обращения: 24.05.2018).

5. *Бугаева И. А.* Социологический анализ здоровья населения и модернизация социокультурной регуляции // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2017. — № 6 (108). — С. 135–139.

6. *Веселкова И. Н.* Демографический и трудовой потенциал населения России // Социология власти. — 2003. — № 3. — С.131–139.

7. *Григорьев Ф. Г.* Актуальные вопросы функционирования здравоохранения в условиях рынка // Здравоохранение Российской Федерации. — 1993. — № 6. — С. 6–7.

8. *Гуань С., Чжан М.* Политэкономия Владимира Путина / под общ. ред. Е. Г. Черновой; науч. ред. Л. В. Попова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. — 330 с.

9. *Гурова Т.* Мы должны быть уникально производительными // Эксперт. — 2018. — № 20 (1074). — С. 34–39.

10. *Дежина И.* Оцифровка экспорта умов // Эксперт. — 2018. — № 17–19 (1073). — С. 50–53.

11. *Демиденко С. Ю.* Молодежь на рынке труда (по материалам круглого стола) // Социс. — 2018. — № 4. — С. 164–166.

12. *Ильинский И. В.* Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1996. — 163 с.

13. Федеральный бюджет России на 2018–2020 годы: новый шаг к победе над дефицитом и инфляцией? / Караваева И. В., Бухвальд Е. М., Павлов В. И., Казанцев С. В., Гельвановский М. И., Иванов Е. А., Коломиец А. Г., Колпакова И. А. // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — № 1. — С. 40–61.

14. *Мельников А. Е.* Социально ориентированная кластеризация экономики региона: особенности и принципы // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2018. — № 2 (Т.19). — С. 62–74.

15. *Мельянцев В.* Счастье от ума // Известия. — 2000. — 17 мая.

16. *Нестеренко Н. А.* Социально-экономический подход к содержанию категории «здоровье» //Экономика и управление. — 2018. — № 2 (148). — С. 57–68.

17. *Смирнова В. Р., Васильева Ю. С.* Построение инновационной экономики России через развитие института интеллектуальной собственности // Инновации. — 2018. — № 3 (233). — С. 14–19.

18. *Соловьев А. К.* Страховая пенсионная реформа как базовое условие устойчивого развития страны // Международный экономический симпозиум-2018: Материалы международных научных конференций 19–21 апреля 2018 г.: V международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика», V международной научной

конференции Соколовские чтения «Бухгалтерский учет: взгляд из прошлого в будущее», г. С-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. — С. 255.

19. *Becker G. S.* Human Capital. — N.Y.: Columbia University Press, 1964.

20. *Shultz T.* Investment in Human Capital. — N.Y., London, 1971. — P. 26–28.

Информация об авторе

Кривенко Наталья Васильевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономической безопасности Института экономики УрО РАН (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: nvkrivenko@yandex.ru).

Krivenko N. V.

Problems of Maintaining Human Capital and Population Health in the Framework of the Socio-Demographic and Economic Security of the Region

The article considers the role of human capital in the modern economy, the priority tasks for maintaining it. Furthermore, I determine the position of Russia in international ratings on social development. I propose the concept of the "competitiveness" of human capital, the labor potential of the population. The competitiveness of human capital and its structural components influence the economic growth. There are following contradictory tendencies. On the one hand, the rate of population educational potential and human development index is high. On the other hand, there is a lag in innovative, and social development, as well as in health services. Moreover, I analyze the problems of poverty, "new poor", inequality in income distribution, aging and pension coverage. I investigate the state of the country's scientific potential, the threat of brain drain, and the use of Russia's intellectual potential as a "donor of human capital" for world science. I identify the problems of youth employment, "excessive" education, risks of imbalance in labor potential in different sectors of the Russian economy, taking into account the demographic burden on the current generation of youth cohorts.

I consider demographic threats, changes in health and demographic indicators and migratory balance in the context of transformation processes in the Russian economy from 1990 to 2016, depending on the economic situation in the country, the level of financing of the health care system. As a result of this research, I propose a way to maintain human potential, including labor potential, and health of the country's population. The example of the Sverdlovsk region shows that preventive measures for reducing occupational injuries and occupational diseases, developing interdisciplinary and interdepartmental cooperation, using public-private partnership in healthcare can contribute to maintaining population health.

Keywords: human capital, rating positions, health, healthcare, socio-demographic security, economic security

References

1. Alshits Ye. A., Kulkova I. A. Effectiveness of Preventive Measures to Reducing Workplace injuries and Occupational Diseases // The Manager. — 2018. — Vol. 9. — No 2. — P. 18–25. DOI: 10.29141/2218–5003–2018–9-2–4.

2. Amirov R. A., Egorov E. V. Russian science: yesterday, today, tomorrow // Economics and management. — 2018. — No. 2 (148). — P. 69–80.

3. Andrianov V. World welfare and welfare of citizens of Russia // Problems of theory and practice of management. — 2018. — No. 2. — P. 6–20.

4. Bikeeva M. V. Statistical Analysis of Differentiation of Income and Poverty Level and Population of the Russian Federation // Economic Research and Development [Electronic resource]. URL: http://edrj.ru/article/08–02–2018 (date of circulation: May 24, 2018).

5. Bugaeva I. A. Sociological analysis of public health and the modernization of socio-cultural regulation // Izvestiya of St. Petersburg State Economic University. — 2017. — No. 6 (108). — P.135–139.

6. Veselkova I. N. Demographic and labor potential of the population of Russia // Sociology of power. — No. 3.3. — P. 131–139.

7. Grigoryev F. G. Actual issues of the functioning of public health in the market conditions // Healthcare of the Russian Federation. — 1993. — No. 6. — P. 6–7.

8. Guan S., Zhang M. Political economy of Vladimir Putin / under the total / Ed. E. G. Chernova; scient. L. V. Popova. — St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg, 2017. — 330 p.

9. Gurova T. We must be uniquely productive // Expert. — 2018. — No. 20 (1074). — P. 34–39.

10. Dezhina I. Digitization of export of minds // Expert. — 2018. — No. 17–19 (1073). — P. 50–53.

11. Demidenko S. Yu. Youth in the labor market (based on the materials of the round table) // Socis. — 2018. — No. 4. — P.164–166.

12. Il'insky I. V. Investing in the future: education in innovative reproduction. — SPb : Publishing house SPbGuEf, 1996. — 163 p.

13. Karavaeva I. V., Buchwald E. M., Pavlov V. I., Kazantsev S. V., Gelvanovsky M. I., Ivanov E. A., Kolomiets A. G., Kolpakova I. A. The Federal Budget of Russia for the years 2018–2020: is it a new step towards victory over deficit and inflation? // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. — 2018. — No. 1. — P. 40–61.

14. Melnikov A. E. Socially oriented clustering of the region's economy: features and principles // Izvestiya Ural State University of Economics. — 2018. — No. 2 (T. 19). — P. 62–74.

15. Melyantsev V. Happiness from the mind // Izvestia. — 2000. — 17 May.

16. Nesterenko N. A. Health Category Content and Its Effect on the Activities of the Sanatorium-Resort Complex: a Socio-Economic Approach // Economics and management. — 2018. — No. 2 (148). — P. 57–68.

17. Smirnova V. R., Vasilieva Yu. S. Construction of innovative economy of Russia through development of the institute of intellectual property // Innovations. — 2018. — № 3 (233). — P. 14–19.

18. Soloviev A. K. Insurance pension reform as a basic condition for sustainable development of the country // International Economic Symposium — 2018: Materials of International Scientific Conferences April 19–21, 2018: V International Scientific and Practical Conference "Sustainable Development: Society and Economy", V International Scientific Conference Sokolov Readings "Accounting: a view from the past to the future". — St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2018.

19. Becker Gary S. Human Capital. — N.Y.: Columbia University Press, 1964.

20. Shultz T. Investment in Human Capital. — N.Y., London, 1971. — P. 26–28.

Author

Krivenko NataliaV. — Doctor of Economics, Leading Research Associate of the Centre for Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Russia, 620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: nvkrivenko@yandex.ru).

УДК 316.4, 314.9

Кучмаева О. В.

МОБИЛЬНОСТЬ ИНВАЛИДОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВЫБОРОЧНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)[1]

Необходимость обеспечения мобильности инвалидов обусловлена увеличением абсолютной и относительной численности людей с инвалидностью, что является мировой тенденцией. На решение данных проблем была направлена принятая ООН в 2006 году Конвенция о правах инвалидов.

Актуальной проблемой российской социальной практики выступает обеспечение физической и социальной мобильности инвалидов, формирование системы мониторинга соблюдения прав инвалидов и доступности для них элементов инфраструктуры. Значительную роль в получении объективной информации о потребностях инвалидов предоставляют данные специальных выборочных исследований.

В 2017 году в России (г. Москва) было проведено исследование, направленное на выявление проблем, связанных с обеспечением доступности для инвалидов инфраструктурных объектов. Объем выборки составил 705 человек, в том числе 429 совершеннолетних инвалидов (60,9 %) и 276 родителей детей-инвалидов (39,1 %), представлявших все округа г. Москвы.

Исследование показало, что в наибольшей степени для инвалидов доступны такие учреждения, как парки, магазины, аптеки, поликлиники и реабилитационные центры. Лишь 35,5 % респондентов полагают, что в городе решаются проблемы с перевозкой инвалидов и парковкой их личного автотранспорта. Пока лишь каждый пятый опрошенный считает, что жизнь в Москве достаточно удобна для инвалидов.

Перспективные направления деятельности касаются различных аспектов формирования доступной среды: от приспособленности жилья до информационной среды и транспортной инфраструктуры. Отдельная проблема, требующая решения, — включенность инвалидов в жизнь местного сообщества. При том, что инвалиды достаточно часто отмечают нерешенность достаточно качественной медицинской помощи, значительное внимание, по их мнению, заслуживает обеспечение доступности услуг, мобильности, свободы передвижения.

Результаты исследования могут стать основой для разработки предложений по формированию эффективной модели обеспечения прав инвалидов посредством создания универсальной безбарьерной среды, учитывающей особенности жизнедеятельности различных групп инвалидов.

Ключевые слова: мобильность инвалидов, права инвалидов, мониторинг положения инвалидов, доступная среда

Необходимость обеспечения мобильности инвалидов обусловлена увеличением абсолютной и относительной численности людей с

[1] © Кучмаева О. В. Текст. 2018.

инвалидностью, что является мировой тенденцией. Более 500 миллионов человек в мире являются инвалидами в результате умственных, физических или сенсорных дефектов; в большинстве стран по меньшей мере 1 человек из 10 имеет физические, умственные или сенсорные дефекты [26]. Данные тенденции обусловили переход от медицинского понимания сущности инвалидности к социальному, необходимость смещения акцентов политики в сторону профилактики инвалидности и создания условий для интеграции инвалидов в общество, учета их потребностей.

На решение данных проблем была направлена принятая ООН в 2006 году Конвенция о правах инвалидов [10]. Она призывает общество использовать модель социального включения — подход, который привел к смещению фокуса с ограничений человека, связанных с его функциональными нарушениями, на барьеры в обществе, которые препятствуют «нормализации жизни» человека с инвалидностью, его доступу к базовым социальным службам.

«Нормализация» не означает, что человек становится «нормальным», то есть человеком без нарушений, этот термин означает, что жизнь человека становится нормальной, такой же, как у других людей. Для людей с функциональными нарушениями нормальная жизнь означает жить в семье, посещать детский сад, школу, колледж или институт, иметь работу, бывать в цирке, театре, музее, кино, заниматься спортом, ездить отдыхать.

«Планом действий Совета Европы по содействию правам и полному участию инвалидов в обществе» (на 2006–2015 гг.) в порядке реализации положений Конвенции особое внимание было уделено необходимости реабилитации инвалидов как приоритетной цели любого общества — для повышения уровня автономии (независимости) инвалида как личности и обеспечения его экономической независимости и полной интеграции в общество. В Санкт-Петербургской декларации «Улучшение качества жизни инвалидов в Европе: доступность, эффективность, новые подходы» (2006 г.) подчеркивалась необходимость действий и ответственности за действия всех ветвей власти в партнерстве с неправительственными организациями в формировании доступности социальной, информационной и производственной инфраструктуры, в предоставлении людям с ограниченными возможностями условий для равноправного участия в жизни общества.

Мобильность инвалидов как объект исследования может рассматриваться в двух аспектах: социальной и физической. При этом положение инвалидов в системе социальной стратификации — профессиональной, политической, экономической и т. п. — зависит от возможности доступа инвалида к таким каналам вертикальной циркуляции, как школа, армия, церковь, семья, брак, собственность. Социальная мобильность инвалидов неразрывно связана с их физической мобильностью, которая обеспечивается созданием доступной среды [1].

Говоря об обеспечении физической мобильности инвалидов, стоит обратить внимание на ст. 20 «Индивидуальная мобильность» Конвенции, в

которой четко определено, что должно выполняться для обеспечения физической мобильности инвалидов. «Государства-участники принимают эффективные меры для обеспечения индивидуальной мобильности инвалидов с максимально возможной степенью их самостоятельности, в том числе путем:

а) содействия индивидуальной мобильности инвалидов избираемым ими способом, в выбираемое ими время и по доступной цене;

б) облегчения доступа инвалидов к качественным средствам, облегчающим мобильность, устройствам, ассистивным технологиям и услугам помощников и посредников, в том числе за счет их предоставления по доступной цене;

в) обучения инвалидов и работающих с ними кадров специалистов навыкам мобильности;

г) побуждения предприятий, которые занимаются производством средств, облегчающих мобильность, устройств и ассистивных технологий, к учету всех аспектов мобильности инвалидов» [10].

То есть социальная мобильность инвалидов представляет собой более широкую трактовку понятия мобильности. Проводить оценку мобильности инвалидов бесспорно нужно и в том, и в другом аспекте, т. е. необходимо характеризовать как физическую, так и социальную мобильность инвалидов, что связано с анализом исполнения ряда требований Конвенции.

Основанный на правах человека подход к инвалидности привел к необходимости обратить основное внимание на барьеры внутри общества, препятствующие доступу человека к основным социальным услугам, полной реализации его потенциала и осуществлению своих прав. Это составляет суть социальной модели инвалидности. Средовые барьеры включают:

— преобладающие отношения и предрассудки, влекущие за собой недооценку возможностей инвалидов;

— политику, практические действия и процедуры местного и национального правительства; структуру систем здравоохранения, социального обеспечения и образования;

— отсутствие доступа к зданиям, транспорту и к целому ряду общественных ресурсов, доступных для остальной части населения;

— воздействие бедности и лишений на общество в целом и, в частности, на лиц с ограниченными возможностями и их семьи.

Еще до ратификации Конвенции о правах инвалидов в Российской Федерации была принята специальная Государственная программа РФ «Доступная среда» на 2011–2015 гг., утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 1297. Ратификация Российской Федерацией в 2012 году Конвенции о правах инвалидов накладывает на страну ряд международных обязательств, в частности, в соответствии с положениями Конвенции этой категории граждан должна быть обеспечена доступность наравне с другими к физическому окружению, транспорту, информации, связи и другим объектам и услугам,

открытым или предоставляемым для населения. От этого напрямую зависят степень свободы лица с ограничениями жизнедеятельности в передвижении и уровень его интеграции в жизнь сообщества, и, соответственно, конкурентоспособность и качество жизни.

По данным Комплексного обследования условий жизни населения, проведенного Росстатом в 2014 году, около 52 % людей с инвалидностью, живущих на втором этаже и выше, не имеют возможности пользоваться лифтом, так как его физически в доме нет. С учетом плохо работающих лифтов до 55 % инвалидов [1] из числа живущих в многоквартирных домах ограничены в доступе к улице. Среди инфраструктурных проблем самая часто упоминаемая проблема состояния дорог и безопасности движения, о ней говорят около 65 % людей с инвалидностью [4, с. 113, 115].

Положение инвалидов в социуме, их социальный, профессиональный, политический и экономический статус зависят от возможности доступа инвалида к таким каналам мобильности, как образование и трудоустройство. Инвалиды, освоившие программы высшего, среднего профессионального и дополнительного образования, имеют гораздо больше шансов получить профессиональную занятость [7]. Важный фактор, способствующий социальной мобильности инвалидов, — это возможность их физической мобильности через создание доступной среды [16].

Значимым условием мобильности инвалидов выступает формирование мобильной городской среды [9], обеспечение их необходимыми средствами связи и коммуникаций [18].

В исследованиях рассматривается проблема доступности различных элементов инфраструктуры среды обитания, обеспечения инвалидов необходимыми транспортными средствами и технологическими системами [8, с. 323–327].

Пока еще во всем мире значительная часть городских и межгородских транспортных систем остается недоступной для людей с ограниченными возможностями. Эксперты по транспорту Всемирного банка разработали методические материалы, которые позволяют предоставлять транспортную инфраструктуру и услуги, которые могут быть доступны для всех пользователей, включая инвалидов [27].

Таким образом, от создания доступной среды напрямую зависят степень свободы лица с ограничениями жизнедеятельности в передвижении и уровень его интеграции в жизнь сообщества, и, соответственно, конкурентоспособность и качество жизни [12, 19, 14, 21, 20, 23].

Исследования рассматривают как значительную проблему одиночество инвалидов, связанное с отсутствием включенности в жизнь местного сообщества [2, 15, 22].

Отмечается значительная региональная дифференциация формирования доступной среды для инвалидов в России [6].

Оценка реализации и эффективности вводимых законодательных мер в интересах инвалидов, положений Конвенции о правах инвалидов,

формирования доступной среды, обеспечения мобильности инвалидов требует объективного мониторинга на основе достоверной количественной и качественной информации.

Решение проблем инвалидов без участия самих инвалидов неэффективно — гласит один из приоритетных принципов Конвенции ООН о правах инвалидов. Исходя из этого, необходимо получение достоверной информации от самих инвалидов для повышения эффективности их интеграции в жизнь общества.

Методы исследования

В разных странах существуют свои особенности организации и модели мониторинга положения инвалидов, но в целом они опираются на следующие методы статистического наблюдения: государственную статистику, переписи и выборочные наблюдения [11]. Данные выборочных обследований позволяют существенно дополнить материалы статистического наблюдения, получить более объективное представление о положении и потребностях инвалидов [3].

Вашингтонская группа по статистике инвалидности разработала матрицу вопросов о положении инвалидов, на основе которых возможно формирование опросов [25].

В странах Европейского союза сбор информации об инвалидах производится в рамках следующих социальных обследований: Европейское обследования здоровья и социальной интеграции, Европейское анкетирование по вопросам здоровья, Обследование доходов и условий жизни, Обследование рабочей силы (дополнительный модуль) [13].

Выборочные обследования, проводимые в России, позволяют дать определенную характеристику ситуации с мобильностью инвалидов, их включенностью в жизнь местного сообщества.

В рамках Комплексного наблюдения условий жизни населения выявляется распространенность активных занятий среди инвалидов. 89,1 % инвалидов полагают, что из-за состояния здоровья они не могут вести активный образ жизни. Причем эта доля весьма велика среди всех социально-демографических групп инвалидов, в том числе достаточно молодых. Среди всего населения доля лиц, считающих, что именно состояние здоровья мешает им вести активную жизнь, составляет 28,8 %.

Достаточно небольшое количество респондентов являются членами каких-либо общественных, добровольных или благотворительных организаций — не более 3 %.

21,9 % инвалидов отметили проблемы с организацией работы и доступностью услуг общественного транспорта в месте их проживания. Причем это даже несколько больше, чем доля пользующихся в обыденной жизни общественным транспортом (15,9 %). Видимо, складывается такая ситуация, что неудобства при пользовании транспортными услугами приводят к отказу от их использования. В целом 54,5 % инвалидов вообще не пользуются

транспортом (ни городским муниципальным, ни частным коммерческим, ни такси, ни личным автомобилем и проч.). То есть более половины российских инвалидов крайне ограничены в своей мобильности из-за недостатков в организации работы и доступности услуг общественного транспорта.

В целом 10,3 % инвалидов регулярно используют Интернет, прежде всего для прочтения новостной информации, игр или для общения в сетях. Однако для покупки товаров или услуг, совершения финансовых операций, дистанционного обучения, получения услуг на сайтах государственных учреждений инвалиды интернет-технологии не используют (доля положительно ответивших не превысила 1 %).

57,2 % инвалидов прибегают к помощи другого человека для своего обслуживания или другой ежедневной деятельности и 46,2 % не могут без посторонней помощи выходить из дома.

Подобные данные еще раз привлекают внимание к проблеме мобильности инвалидов. Однако проводимые исследования не позволяют получить детальное представление о потребностях и оценках ситуации со стороны самих инвалидов, поскольку выявление специфики положения инвалидов не является целью большинства опросов.

В 2017 году по заказу Уполномоченного по правам человека в г. Москве было проведено исследование, направленное на выявление проблем, связанных с обеспечением доступности для инвалидов инфраструктурных объектов столицы.

Исследование позволило выявить основные препятствия, влияющие на мобильность инвалидов и доступность для них объектов городской среды; потребности и реальные возможности получения качественных услуг маломобильными гражданами; информированность таких групп граждан о мерах социальной политики, реализуемых в их интересах, и потребность в дополнительной информации; распространенность нарушений прав маломобильных граждан и эффективность рассмотрения жалоб. Результаты исследования дали возможность сформулировать определенные выводы, предложения по совершенствованию механизма обеспечения и защиты прав маломобильных граждан с учетом их мнений и пожеланий, которые целесообразно учитывать при реализации стратегии социальной политики в интересах инвалидов.

Выборочное обследование было проведено методом анкетирования инвалидов и членов их семей, проживающих в городе Москва. Объем выборки составил 705 человек, в том числе 429 совершеннолетних инвалидов (60,9 %) и 276 родителей детей-инвалидов (39,1 %), представлявших все округа Москвы.

Проблемы маломобильных граждан в столице

Самооценка респондентами материального положения своей семьи свидетельствует, что большинство из них живут «прилично, но скромно» (чуть менее 40 % опрошенных), около 30 % опрошенных считают, что

проблему для них составляют «лишь крупные покупки». В тяжелом материальном положении находятся чуть более 18 % инвалидов (отказывают себе во всем необходимом).

Среди совершеннолетних инвалидов в наиболее тяжелом материальном положении оказались инвалиды с неврологическими нарушениями и нарушениями речи — 27 % и 22 % из них, соответственно, отметили, что они «отказались почти от всего и все средства уходят на еду».

Большая часть взрослых респондентов (в целом почти три четверти опрошенных) находятся вне рынка труда — либо по возрасту, либо по состоянию здоровья, что, разумеется, обостряет их материальные проблемы. Еще одна проблема — недостаточная включенность в социум инвалидов трудоспособного возраста, обеспечение их занятости.

У примерно половины респондентов серьезные проблемы со здоровьем возникли в трудоспособном возрасте. Это значит, что, с одной стороны, они относительно приспособлены к своему недугу, с другой — это могло наложить значимый отпечаток на их трудовую карьеру, семейную жизнь, привести к дезадаптациям. Около 23 % опрошенных имеют серьезные нарушения здоровья с детства, эта категория респондентов, чаще всего, имеет наиболее серьезные патологии, приводящие к существенным ограничениям жизнедеятельности и необходимости многообразных мер социальной поддержки соответственно. В пенсионном возрасте серьезные проблемы со здоровьем возникли лишь у 18,6 % опрошенных. Эти люди чаще имеют какие-либо хронические заболевания, оказывающие влияние на самочувствие, сердечно-сосудистые патологии, неврологические нарушения, связанные со старением организма. Эта категория инвалидов требует несколько иных мер социальной поддержки, поскольку большинство из них ранее были социально активны, трудоспособны, включены в общественную жизнь, им необходима помощь, в целом направленная на поддержание уже приобретенных ранее социальных навыков.

Доступность услуг различных учреждений

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить доступность для них различных учреждений.

В наибольшей степени доступны (ответ «абсолютно доступны») такие учреждения, как парки, магазины, аптеки, поликлиники и реабилитационные центры. Средняя оценка (по 5-балльной шкале) доступности учреждений колеблется в пределах от 3,68 балла для кинотеатров и 3,75 для театров, концертов до 4,26 для парков и 4,15 для поликлиник.

Отдельная проблема, определяющая уровень доступности различного рода учреждений и уровень личной мобильности для инвалидов, — это развитие транспортной инфраструктуры. 83,5 % инвалидов, проживающих в Москве, пользуются в той или иной степени услугами транспорта. Оценка ситуации с мерами, предпринимаемыми в отношении обеспечения доступности транспорта, весьма неоднозначна. Лишь 35,5 % респондентов

полагают, что в городе решаются проблемы с перевозкой инвалидов и парковкой их личного автотранспорта. 26,8 % дали категоричный ответ «нет», и весьма значительная доля (37,7 %) затруднились с ответом.

Средний балл оценки респондентами качества и доступности социального такси по 5-балльной шкале составил лишь 3,06 балла. 28,5 % из воспользовавшихся услугами социального такси оценили оказанные услуги неудовлетворительно.

Составляя рейтинг препятствий на пути доступности образования детей с ограниченными возможностями здоровья на основе мнений их родителей, на первые места стоит поставить «проблемы транспортной доступности и проезда к месту обучения» (18,8 % родителей), отсутствие соответствующей квалификации у педагогов (17,4 %) и несовершенство окружающей среды, включая особенности архитектуры и дизайна, транспорта и других элементов физического пространства (17,0 %).

При организации мер социальной поддержки следует также учитывать, что Москва — очень большой город, и несмотря на ряд мер, направленных на улучшение транспортной доступности для инвалидов, им зачастую все же трудно передвигаться по городу. Транспортная проблема весьма остро стоит для жителей различных районов столицы, она касается лиц с различными видами ограничения мобильности (нарушения слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата) — это и нарушение расписания транспорта, высокие ступени, отношение работников, недостаток светящихся табло и дублирования объявлений.

Значительная часть московских инвалидов находится в преклонном возрасте: 40 % респондентов, опрошенных в ходе опроса, старше 56 лет. Крайне важно создание среды и условий для лиц старших возрастов. Длительное время в столице реализуется достаточно мощная стратегия социальной политики в интересах детей, развивается система инклюзивного образования. Данная ситуация повлияла и на оценку доступности услуг и среды для несовершеннолетних инвалидов.

Нарушения прав инвалидов

Одной из важных задач реализации Конвенции по правам инвалидов и стратегии социальной политики в их интересах выступает обеспечение соблюдения их прав. Лишь 30,1 % респондентов в ходе опроса ответили, что их права не нарушались. Однако 75 % не обращались с жалобами к Уполномоченному по правам человека и около 80 % — в различные ведомства. Данный разрыв подтверждает нежелание инвалидов подавать жалобы, неверие в результат. Доля удовлетворенных результатами рассмотрения жалоб весьма незначительна, средняя оценка по 5-балльной шкале колеблется в районе 3 баллов.

Чаще других говорили о нарушении прав инвалиды с нарушениями зрения (лишь у 24,7 % лиц с нарушениями зрения никогда не случалось нарушения их прав) и с неврологическими заболеваниями (18,9 %).

Причинами обращений с жалобами к Уполномоченному по правам человека выступают нерешенные проблемы в области здравоохранения, жилищные вопросы и вопросы реабилитации и абилитации. Как показывает краткий обзор этих жалоб, практически все проблемы могли бы быть решены без вмешательства уполномоченного при должной организации деятельности.

Наиболее низкие оценки результатов рассмотрения жалоб на работу транспорта (2,48 балла), социальных служб (2,54 балла) и системы здравоохранения (2,64 балла).

Оценка мер поддержки

Полностью удовлетворены мерами поддержки инвалидов в столице лишь 11,1 % опрошенных, в том числе 10,5 % среди взрослых лиц, имеющих инвалидность, и чуть больше 12 % — среди родителей детей-инвалидов. Немного меньше респондентов выбрали жесткую позицию «нет» — 8,2 %.

В основном респонденты отвечали уклончиво, значительно чаще выбирая позиции «скорее да» — 24,7 % в целом по выборке. Позицию «скорее нет» выбрали 34,6 %. Во многом это говорит о том, что люди замечают те меры, которые предпринимаются в Москве для их поддержки, но не считают их достаточными. Многие респонденты (чуть меньше 19 %) и вовсе затруднились ответить на данный вопрос, что, возможно, говорит о их низкой информированности об имеющихся мерах социальной поддержки. Значимых различий в зависимости от нарушений здоровья при ответе на этот вопрос нет.

В определенной степени прояснить мотивацию ответа на данный вопрос позволили ответы респондентов о препятствиях на пути к комфортной жизни и мобильности лиц с ограниченными возможностями здоровья.

На первом месте среди препятствий — «уровень технической готовности различных учреждений», этот вариант ответа выбрали 26,2 % опрошенных. Кроме того, достаточно часто респонденты отмечали такие причины, как отсутствие доступного оборудованного общественного транспорта (17,7 %), несовершенство архитектуры и дизайна (15,3 %), негативное отношение общества к инвалидам (15,3 %). Среди проблем, мешающих чувствовать себя комфортно в городе, инвалиды на первые места выводят технические проблемы, недостаточное обустройство среды. Негативное отношение окружающих — на 4-м месте в рейтинге препятствий.

Пока лишь каждый пятый опрошенный считает, что жизнь в Москве достаточно удобна для инвалидов. Причем в наименьшей степени удовлетворены условиями жизни для инвалидов лица с нарушениями опорно-двигательного аппарата (16,0 %) и зрения (18,4 %).

В ходе исследования респондентам был задан открытый вопрос: «*Что, по Вашему мнению, нужно изменить в городе для более комфортной жизни маломобильных граждан?*». 47,5 % респондентов дали ответ на этот вопрос.

Приведем типичные высказывания респондентов, их можно сгруппировать в несколько подгрупп:

— *Обеспечение доступности учреждений инфраструктуры:* «доступность учреждений инфраструктуры», «побольше парков и удобный подъезд», «обеспечить техническую готовность различных учреждений и домов», «коррекционные школы должны быть в шаговой доступности», «открыть реабилитационные центры в каждом районе», «очень мало спецшкол.

— *Обеспечение доступности транспорта, свободы передвижения по городу:* «работа социального такси», «наладить службу социального такси», «расширить зону парковки для инвалидов», «бесплатный организованный транспорт до культурных учреждений или мероприятий», «больше пандусов и звуковых светофоров», «занизить первые ступени при входе в салон трамвая, автобуса», «обеспечить доступный подъезд инвалидов к станции метро», «понизить бордюры», «правильные архитектурные и ландшафтные решения с учетом маломобильных групп».

— *Оборудование необходимыми техническими средства квартир и домов:* «более оборудованные подъезды, дворы», «все жилые дома должны быть оборудованы лифтами», «оборудовать подъезды и квартиры».

— *Информационная доступность:* «больше информации об оборудованных объектах, школах, музеях, парках», «больше доступной наглядной информации».

— *Обеспечение уровня и качества жизни:* «достойная пенсия», «личный автотранспорт», «тьюторство в повседневной жизни, выделение тьюторов в достаточном количестве», «понижение цен».

— *Более широкое участие инвалидов в жизни общества:* «введение в совет при управах и префектурах представителей детей-инвалидов», «любых инвалидов на работу берут с трудом. Надо сделать предпринимателям и учреждениям льготы, чтобы они принимали инвалидов», «улучшить волонтерское движение».

— *Сокращение формальностей при оказании медицинской помощи, обеспечении лекарственными препаратами, средствами реабилитации, санаторно-курортном лечением, учет интересов инвалидов:* «не придираться при оформлении индивидуальной программы реабилитации», «наладить медицинское обслуживание», «перестать закрывать больницы», «наладить обеспечение лекарственными средствами», «не надо проводить средства реабилитации через медико-социальные экспертные комиссии, достаточно справки врача», «медицинское обслуживание на дому», «чтобы реабилитация была обязательной хотя бы один раз в год», «выдавать технические средства реабилитации, необходимые инвалиду, а не те, что по разнарядке».

Отдельные рекомендации касаются тех или иных категорий лиц с возможностями здоровья, ограничивающими их мобильность.

В частности, для лиц с нарушениями слуха: «понимать особенности восприятия мира глухими людьми, создавать все условия для доступной

среды глухих: а) переводчики, б) субтитры, в) качественные технические средства», «выводить как можно больше бегущей строки в автобусе, метро, электричке, в самолете», «устранение проблем с услугами переводчика», «знание жестового языка специалистами в области медицины, культуры, а также полиции», «студентам дают только 200 часов перевода жестового языка», «об отмене электричек или самолетов объявляется через громкоговоритель, глухим тяжело ориентироваться в среде», «во всех кинотеатрах добавить субтитры, а также в театрах и т. д.»

Для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата: «дорожки для инвалидов-колясочников», «очень узкие двери и проходы в транспорте», «обеспечить остановку общественного транспорта и открывание дверей в фиксированных местах, к которым ведут дорожки; станции метро оборудовать спусками для инвалидов», «спуски, пандусы, въезды в магазины».

Для лиц с нарушениями зрения: «обеспечение табличками для слепых транспорта, аптек», «проложить на тротуарах и полах в учреждениях пупырчатую плитку, по которой двигаются незрячие люди».

Однако динамику изменения ситуации инвалиды оценивают достаточно позитивно. Больше половины респондентов (54 %) уверены, что городские социальные объекты стали более доступными для инвалидов в последние годы.

Выводы

Как видно, ответы респондентов позволяют сформировать направления деятельности для оказания помощи различным группам инвалидов. Сложившаяся структура ответов свидетельствует о необходимости более широкого учета мнений самих инвалидов при разработке и реализации мер социальной политики в их интересах, подтверждает необходимость формирования механизма независимой оценки с участием инвалидов.

Результаты исследования могут стать основой для разработки предложений по формированию эффективной модели обеспечения прав инвалидов посредством создания универсальной безбарьерной среды, напрямую связанной с обеспечением доступности социальных услуг, учетом особенностей их жизнедеятельности.

Направления деятельности касаются различных аспектов формирования доступной среды: от приспособленности жилья до информационной среды и транспортной инфраструктуры. Отдельная проблема, требующая решения, — включенность в жизнь местного сообщества. При том, что инвалиды достаточно часто отмечают нерешенность достаточно качественной медицинской помощи, значительного внимания, по их мнению, заслуживает обеспечение доступности услуг, мобильности, свободы передвижения.

Исследование подтвердило необходимость проведения выборочных обследований целевых групп для обеспечения достоверной информации при проведении мониторинга положения инвалидов.

Список источников

1. *Борисова Ю. С.* Проблемы социальной мобильности людей с ограниченными возможностями в контексте новой социальной политики в отношении инвалидов // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. С. 457–463 [Электронный ресурс]. URL: http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/XIekon-o2.pdf.

2. *Бурдяк А. Я.* Социальное положение инвалидов: проблема одиночества // Народонаселение. — 2016. — № 2. — С. 26–37.

3. *Васин С. А., Горлин Ю. М., Гришина Е. Е., Елисеева М. А., Малева Т. М., Рагозина Л. Г., Рамонов А. В., Тындик А. О.* Организация и проведение комплексного мониторинга положения инвалидов в России в свете Конвенции ООН о правах инвалидов. — М.: РАНХиГС, 2014.

4. Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / под ред. Т. М. Малевой. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017.

5. *Кучмаева О. В., Смелов П. А., Махова О. А.* Статистический мониторинг положения инвалидов // Вопросы статистики. — 2017. — № 1. — С. 3–15.

6. *Махова О. А., Клочкова Е. Н., Леднева О. В.* Дифференциация регионов России по уровню мобильности инвалидов //Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2018. — № 1 (53).

7. Образование как фактор социальной мобильности инвалидов: сб. научных статей / ред.: Д. В. Зайцев; Саратовский государственный технический университет, Центр социальной политики и гендерных исследований. — Саратов, 2007.

8. *Семенов А. Г., Элизов А. Д.* «Доступная мобильность» — альтернатива «инфраструктурной» доступности среды инвалида // Транспортные и транспортно-технологические системы: материалы международной научно-технической конференции / отв. ред. Н. С. Захаров. — Тюмень: Изд-во Тюменского индустриального университета, 2015.

9. *Clarke P., Ailshire J. A., Bader M., Morenoff J. D., House J. S.* Mobility disability and the urban built environment // American Journal of Epidemiology. — 2008. — Vol. 168. — No. 5. — P. 506–513.

10. Convention on the Rights of Persons with Disabilities [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html.

11. Disability Rights Promotion International. Phase I report: Opportunities, methodologies, and training resources for disability rights monitoring. –Toronto, Disability Rights Promotion International, 2003. — 70 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.yorku.ca.

12. *Dori E. Rosenberg Ch. H., Bombardier J. M., Hoffman B.* Physical Activity Among Persons Aging with Mobility Disabilities: Shaping a Research Agenda // Journal of Aging Research. Vol. 2011, Article ID 708510 [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.4061/2011/708510.

13. European Commission. European disability statistics : progress and challenges. [Электронный ресурс]. URL: http://www.transmonee.org/Downloads/2015_TM_meeting/1_3_European_disability_statistics_AGAFITEI.pdf [last accessed: 10.12.2017].

14. *Field M., Jette A.* The Future of Disability in America / Institute of Medicine. — Washington, DC, USA, 2007.

15. *Hodge S., Ecless F.* Loneliness, Social Isolation and Sight Loss. A Literature review conducted for Thomas Pocklington Trust. — Lancaster University December, 2013.

16. Joint position paper on the provision of mobility devices in less-resourced settings. World Health Organization 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/disabilities/publications/technology/jpp_final.pdf.

17. *Linqvist B., Rioux M., Samson R.* Moving forward: Progress in global disability rights monitoring. Toronto, Disability Rights Promotion International, 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.yorku.ca.

18. Making mobile phones and services accessible for persons with disabilities A joint report of ITU — The International Telecommunication Union and G3ict — The global initiative for inclusive ICTs. ITU 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Digital-Inclusion/Persons-with-Disabilities/Documents/Making%20Mobile-English.pdf.

19. *Patla A.,* Shumway-Cook A. Dimensions of mobility: defining the complexity and difficulty associated with community mobility // Journal of Aging and Physical Activity. — 1999. — Vol. 7, No. 1. — P. 7–19.

20. *Rimmer J. H., Riley B. B., Rubin S. S.* A new measure for assessing the physical activity behaviors of persons with disabilities and chronic health conditions: the physical activity and disability survey // American Journal of Health Promotion. — 2001. — Vol. 16, No. 1. — P. 34–45.

21. *Shumway-Cook A., Ciol M. A., Yorkston K. M., Hoffman J. M, Chan L.* Mobility limitations in the Medicare population: prevalence and sociodemographic and clinical correlates // Journal of the American Geriatrics Society. — 2005. — Vol. 53. — No. 7. — P. 1217–1221.

22. *Tually S., Beer A., McLoughlin P.* Housing assistance, social inclusion and people living with a disability, AHURI Final Report. — No. 178. — Melbourne: Australian Housing and Urban Research Institute, 2011.

23. *Washburn R. A., Zhu W., McAuley E., Frogley M., Figoni S. F.* The physical activity scale for individuals with physical disabilities: development and evaluation // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. — 2002. — Vol. 83, No. 2. — P. 193–200.

24. World Bank. 2013. Improving Accessibility to Transport for People with Limited Mobility: A Practical Guidance Note. Washington, DC. World Bank [Электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/17592 License: CC BY 3.0 IGO.

25. Washington Group/Budapest Initiative/UNESCAP/UNICEF Question Development Matrix [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdc.gov/nchs/data/washington_group/WG_matrix_2013.pdf.

26. World Programme of Action Concerning Disabled Persons, adopted by the General Assembly on 3 December 1982, by its resolution 37/52 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/development/desa/disabilities/resources/world-programme-of-action-concerning-disabled-persons.html.

27. World report on disability, WHO and the World Bank, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/en.

Информация об авторе

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, профессор Департамента статистики и анализа данных Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru).

Kuchmaeva O. V.

The Mobility of Persons with Disabilities: Problems and Solutions (Results of a Sample Survey)

The need to ensure mobility of persons with disabilities is due to an increase in the absolute and relative number of people with disabilities, which is a global trend. The United Nations Convention on the rights of persons with disabilities, adopted in 2006, was aimed at solving these problems. The actual problem of the Russian social practice is the provision of physical and social mobility of the disabled, the formation of a monitoring system of the rights of the disabled and the availability of infrastructure elements for them. Special sample surveys provide a significant role in obtaining objective information on the needs of persons with disabilities. In 2017, a study was conducted in Moscow (Russia) to identify problems related to accessibility of infrastructure facilities for disabled people. The sample size was 705 people, including 429 adults with disabilities (60.9 %) and 276 parents of children with disabilities (39.1 %)

representing all districts of Moscow. The study showed that the most accessible institutions for the disabled are parks, shops, pharmacies, clinics and rehabilitation centers. Only 35.5 % of respondents believe that problems with transportation of disabled people and Parking of their personal vehicles are solved in the city. So far, only one in five respondents believes that life in Moscow is comfortable enough for the disabled. Prospective areas of activity relate to various aspects of the formation of an accessible environment: from the adaptation of housing to the information environment and transport infrastructure. The inclusion of persons with disabilities in the local community is a separate issue that needs to be addressed. Despite the fact that disabled people quite often note the lack of high-quality medical care, in their opinion, considerable attention should be paid to ensuring access to services, mobility, freedom of movement. The results of the study can serve as a basis for the development of proposals for the formation of an effective model of ensuring the rights of persons with disabilities through the creation of a universal barrier-free environment, taking into account the characteristics of the activities of different groups of people with disabilities.

Keywords: mobility of persons with disabilities in Russia: towards the implementation of the Convention on the rights of persons with disabilities

References

1. Borisova Yu. S. Problemy sotsialnoy mobilnosti lyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami v kontekste novoy sotsialnoy politiki v otnoshenii invalidov // XI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. — P. 457–463. [Electronic resource]. URL: http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/XIekon-o2.pdf.

2. Burdyak A. Ya. Cotsialnoye polozheniye invalidov: problema odinochestva // Narodonaseleniye. — 2016. — No. 2. — P. 26–37.

3. Vasin S. A., Gorlin Yu. M., Grishina E. E., Eliseyeva M. A., Maleva T. M., Ragozina L. G., Ramonov A. V., Tyndik A. O. Organizatsiya i provedeniye kompleksnogo monitoringa Polozheniya invalidov v Rossii v svete Konventsii OON o pravakh invalidov. — M.: RANKhiGS, 2014.

4. Invalidnost i sotsialnoye polozheniye invalidov v Rossii / pod red. T. M. Malevoy. — M. : Izdatelskiy dom «Delo» RANKhiGS, 2017.

5. Kuchmayeva O. V., Smelov P. A., Makhova O. A. Statisticheskiy monitoring polozheniya invalidov // Voprosy statistiki. — 2017. — No. 1. — P. 3–15.

6. Makhova O. A., Klochkova E. N., Ledneva O. V. Differentsiatsiya regionov Rossii po urovnyu mobilnosti invalidov//Regionalnaya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal. — 2018. — No. 1 (53).

7. Obrazovaniye kak faktor sotsialnoy mobilnosti invalidov. Sbornik nauchnykh statey / Red.: D. V. Zaytsev; Saratovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet. Tsentr sotsialnoy politiki i gendernykh issledovaniy. — Saratov, 2007.

8. Semenov A. G., Elizov A. D. «Dostupnaya mobilnost» — alternativa «infrastrukturnoy» dostupnosti sredy invalida//Transportnyye i transportno-tekhnologicheskiye sistemy: materialy mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii / otv. red. N. S. Zakharov. –Tyumen: Izdatelstvo: Tyumenskiy industrialnyy universitet, 2015.

9. Clarke P., Ailshire J. A., Bader M., Morenoff J. D., House J. S. Mobility disability and the urban built environment // American Journal of Epidemiology. — 2008. — Vol. 168. — No. 5. — P. 506–513.

10. Convention on the Rights of Persons with Disabilities [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html

11. Disability Rights Promotion International. Phase I report: Opportunities, methodologies, and training resources for disability rights monitoring. — Toronto, Disability Rights Promotion International, 2003. — 70 p. [Electronic resource]. URL: http://www.yorku.ca.

12. Dori E. Rosenberg, Charles H. Bombardier, Jeanne M. Hoffman B. Physical Activity Among Persons Aging with Mobility Disabilities: Shaping a Research Agenda // Journal of Aging Research. Vol. 2011, Article ID 708510. Available: http://dx.doi.org/10.4061/2011/708510.

13. European Commission. European disability statistics : progress and challenges [Electronic resource]. URL: http://www.transmonee.org/Downloads/2015_TM_meeting/1_3_European_disability_statistics_AGAFITEI.pdf [last accessed: 10.12.2017].

14. Field M., Jette A. The Future of Disability in America / Institute of Medicine. — Washington, DC, USA, 2007.

15. Hodge S., Ecless F. Loneliness, Social Isolation and Sight Loss. A Literature review conducted for Thomas Pocklington Trust. — Lancaster University, December 2013.

16. Joint position paper on the provision of mobility devices in less-resourced settings. World Health Organization 2011. [Electronic resource]. URL: http://www.who.int/disabilities/publications/technology/jpp_final.pdf.

17. Linqvist B., Rioux M., Samson R. Moving forward: Progress in global disability rights monitoring. Toronto, Disability Rights Promotion International, 2007 [Electronic resource]. URL: http://www.yorku.ca.

18. Making mobile phones and services accessible for persons with disabilities A joint report of ITU — The International Telecommunication Union and G3ict — The global initiative for inclusive ICTs. ITU 2012 [Electronic resource]. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Digital-Inclusion/Persons-with-Disabilities/Documents/Making%20Mobile-English.pdf

19. Patla A., Shumway-Cook A. Dimensions of mobility: defining the complexity and difficulty associated with community mobility // Journal of Aging and Physical Activity. — 1999. — Vol. 7. — No. 1. — P. 7–19.

20. Rimmer J. H., Riley B. B., Rubin S. S. A new measure for assessing the physical activity behaviors of persons with disabilities and chronic health conditions: the physical activity and disability survey // American Journal of Health Promotion. — 2001. — Vol. 16. — No. 1. — P. 34–45.

21. Shumway-Cook A., Ciol M. A., Yorkston K. M., Hoffman J. M, Chan L. Mobility limitations in the Medicare population: prevalence and sociodemographic and clinical correlates // Journal of the American Geriatrics Society. — 2005. — Vol. 53. — No. 7. — P. 1217–1221.

22. Tually S., Beer A., McLoughlin P. Housing assistance, social inclusion and people living with a disability, AHURI Final Report. No. 178. — Melbourne: Australian Housing and Urban Research Institute, 2011.

23. Washburn R. A., Zhu W., McAuley E., Frogley M., Figoni S. F. The physical activity scale for individuals with physical disabilities: development and evaluation // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. — 2002. — Vol. 83. — No. 2. — P. 193–200.

24. World Bank. 2013. Improving Accessibility to Transport for People with Limited Mobility : A Practical Guidance Note. Washington, DC. World Bank. [Electronic resource]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/17592 License: CC BY 3.0 IGO.

25. Washington Group/Budapest Initiative/UNESCAP/UNICEF Question Development Matrix [Electronic resource]. URL: http://www.cdc.gov/nchs/data/washington_group/WG_matrix_2013.pdf.

26. World Programme of Action Concerning Disabled Persons, adopted by the General Assembly on 3 December 1982, by its resolution 37/52 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/development/desa/disabilities/resources/world-programme-of-action-concerning-disabled-persons.html.

27. World report on disability, WHO and the World Bank, 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/en.

Author

Kuchmaeva Oksana V. — Moscow, Russia, doctor of economic Sciences, Professor, Department of statistics and data analysis, National research University Higher school of Economics (Russia, 101000, Moscow, 20 Myasnitskaya st.).

УДК 314.6

Лавренюк Н. М., Третьякова К. В.

БРАЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И МОТИВЫ СОЗДАНИЯ СЕМЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН[1]

Актуальность рассматриваемой темы связана с востребованностью эффективного использования социального потенциала молодежи и крепких, благополучных молодых семей для развития муниципальных образований и республики в целом. В статье раскрываются вопросы структуры, тенденций брачности молодежи в Республике Башкортостан, основанные на данных статистики и социологических исследованиях: рост доли холостых, никогда не состоящих в браке среди молодежи, откладывание официальной регистрации брака и рождения детей на более поздний период, увеличение среднего возраста вступления в первый брак, рост неофициальных браков, рост разводов в первые годы после регистрации. В рамках научно-методического сопровождения правительственной инициативы «Молодая семья 2030» было проведено исследование методом фокус-групп с молодыми семьями, проведено 26 фокус-групповых интервью. Одной из задач исследования является изучение мотивов молодых людей к созданию семьи и заключению официального брака, а также анализ целевых установок молодых людей, еще не имеющих семьи, на ее создание. Затрагиваются вопросы участия муниципальных органов исполнительной власти в решении социально-институциональных вопросов работы с молодыми семьями.

Ключевые слова: молодежь, молодая семья, брачная структура, брачные установки, официальный брак

Брачность молодежи. О негативных тенденциях в развитии института семьи в России ученые-социологи, демографы и экономисты начали говорить еще в начале XX в. П. Сорокин писал о кризисе семьи, на который указывали показатели роста разводов, снижение уровня брачности, рост абортов и внебрачных рождений еще в 1913 г. [5]. В начале XXI столетия также происходят изменения в отношении молодых людей к семье и браку, меняются и модели брачного поведения. Это касается принятия решения о заключении брака, установок на рождение детей, возраста вступления в первый брак. Республика Башкортостан (РБ), несмотря на наличие некоторой этноспецифики, испытывает на себе данные тенденции.

Брачная структура республики практически идентична брачной структуре страны. Рассмотрим отдельно брачную структуру молодежи в РБ. По данным микропереписи населения 2015 г., наибольшая часть молодых людей в возрасте от 16 до 34 лет никогда не состояла в браке — 61 %, в официальном браке — 29 % (в России — 27 %), а указавших статус разведенных

[1] © Лавренюк Н. М., Третьякова К. В. Текст. 2018.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ «ИСИ РБ» за 2018 год.

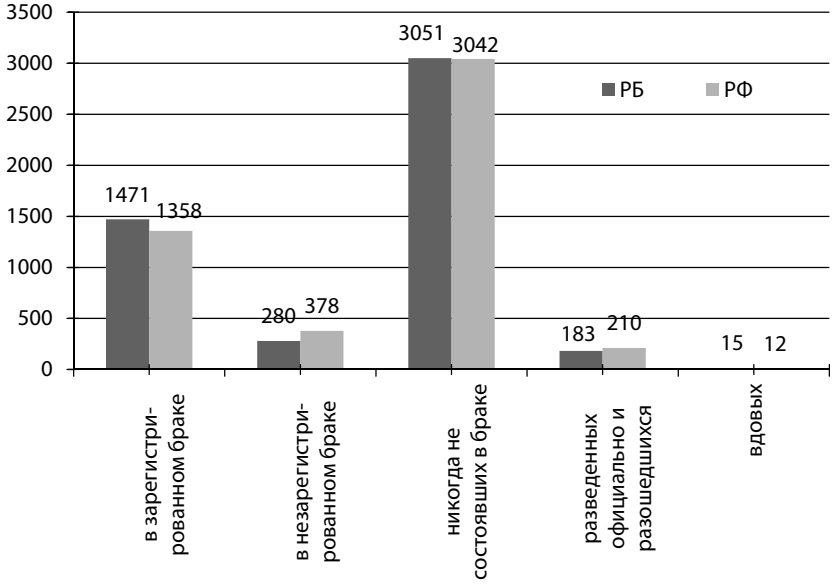


Рис. 1. *Брачное состояние населения России и Башкортостана в возрасте 16–34 лет по данным микропереписи населения 2015 г., на 1000 человек.*

Примечание: на 1000 человек соответствующего пола и возраста, указавших состояние в браке (супружеском союзе), приходится на лиц в возрасте 16–34 лет.

Источник: Материалы микропереписи населения Российской Федерации и Республики Башкортостан 2015 года [Электронный ресурс]. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/census_and_researching/census/microcensus_2015/score_2015; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 10.12.2017)

официально/разошедшихся — 3,7 % (в России — 4,2 %) (рис. 1). Доля незарегистрированных браков в брачной структуре молодежи РБ составляет 5,6 %.

Наблюдаются различия в структуре брачности молодых людей в городской и сельской местности. По данным социологического исследования («Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года», 2015 г.) в брачной структуре и городской, и сельской молодежи республики преобладает доля холостых людей (рис. 2), при этом среди сельской молодежи на 8 % больше доля состоящих в зарегистрированном браке. Для городской молодежи более характерны поздняя регистрация брака и неофициальные брачные сожительства.

Тенденцией брачности является увеличение среднего возраста вступления в первый официальный брак. Это изменение характерно и для Российской Федерации, и для Республики Башкортостан. По данным

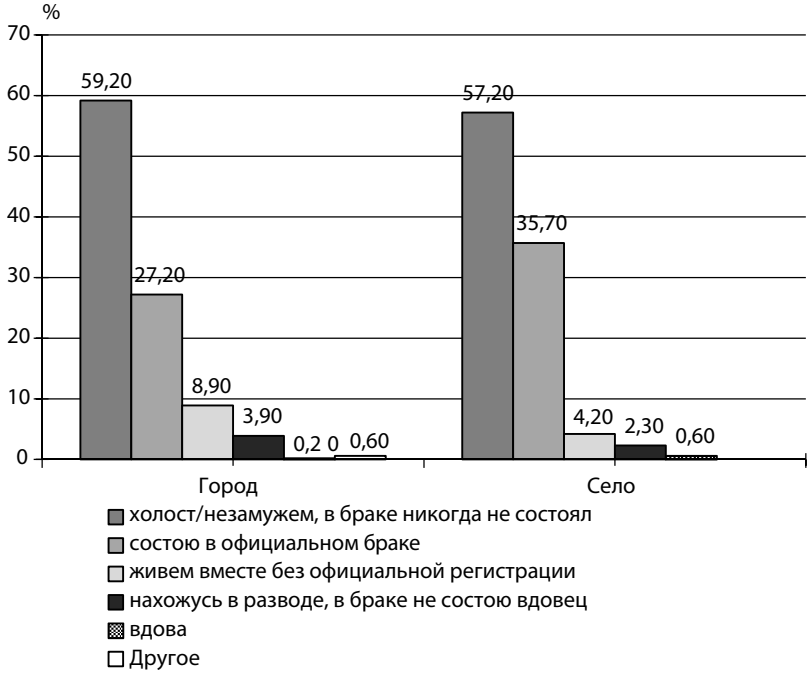


Рис. 2. *Семейное положение в зависимости от места проживания, %. Источник: Социологическое исследование «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года», ЦИЧП ИСИ РБ (ИСППИ РБ). 2015 г. Для анализа отобрана группа 18–30 лет. Общая выборка 6300, отобранная выборка 1660 человек*

Таблица 1

Возраст вступления в первый брак в Республике Башкортостан, лет

Пол	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	2011	2016
Мужчины	24,5	24,1	24,6	24,5	24,3	24,3	24,5	24,7	26,8	28,3
Женщины	22,8	22,1	22,5	22,4	22,2	22,2	22,2	22,3	25,0	26,1

Источники: 1989–1996 гг. расчеты Бурхановой Ф. Б. на основе неопубликованных данных; 2011 г. расчеты И. Б. Утяшевой. 2016 г. — данные Башкортостанстата [Электронный ресурс]. URL URL:http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/a2b8f7004fb37bafa896a8ca6ff6f188/О+браках+и+разводах+в+РБ+в+2016г..pdf. (дата обращения: 10.12.2017).

статистики за 2016 г., в Республике Башкортостан средний возраст заключения первого официального брачного союза у мужчин — 28,3 года, у женщин — 26,1 года (табл. 1).

Среди холостых, никогда не состоявших в браке, в основном молодежь в возрасте 16–24 лет. В группе семейных, официально зарегистрировавших отношения, наибольшую долю имеют молодые люди 25–34 лет.

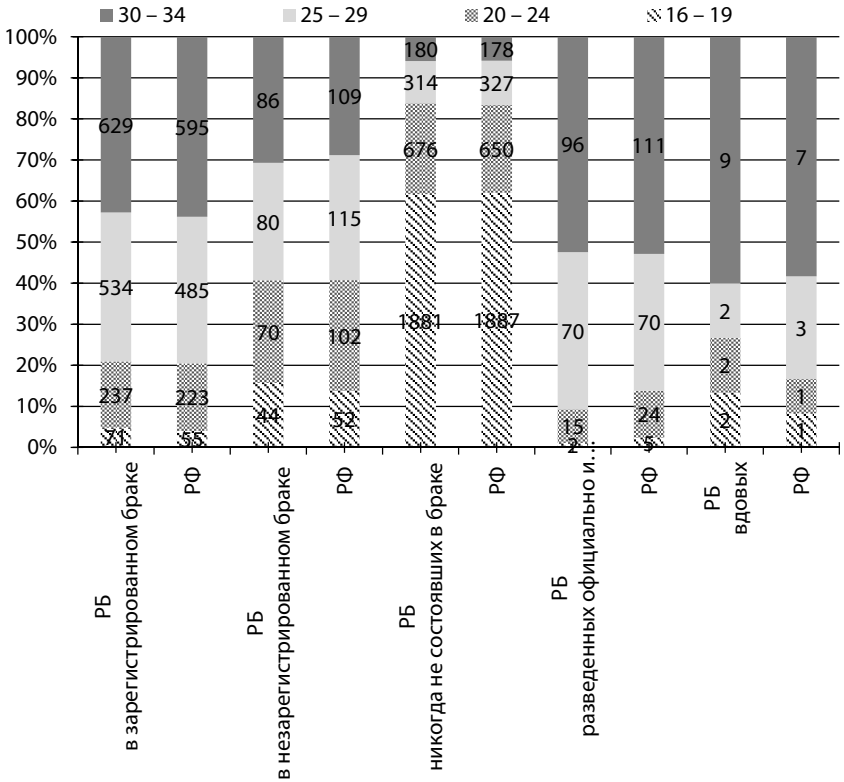


Рис. 3. *Возрастная структура браков населения в возрасте 16–34 лет в РБ и РФ. Примечание: на 1000 человек соответствующего пола и возраста, среди указавших состояние в браке (супружеском союзе), приходится лиц.*

Источник: Материалы микропереписи населения Российской Федерации и Республики Башкортостан 2015 года; Материалы микропереписи населения Российской Федерации 2015 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 10.12.2017)

Неофициальные отношения одинаково распространены среди всех возрастных групп молодежи (рис. 3).

Поздняя регистрация брака связана с адаптацией молодых людей к социально-экономическим условиям. Растет возраст получения общего среднего, профессионального и высшего образования. Молодые люди стараются перед официальной регистрацией отношений получить самостоятельный опыт экономической деятельности, финансовую самостоятельность. Женщины — еще и опыт работы перед выходом в декретный

отпуск. Лояльное отношение в обществе к незарегистрированным бракам и сожительству также влияет на развитие данной тенденции. Анализируя современные поведенческие и ценностные реалии, можем прогнозировать дальнейшее старение первых браков и увеличение возраста рождений первых детей.

Актуальность исследования проблем брачности молодежи, готовности молодых людей создавать семью, выделения молодых семей в отдельный объект продиктована необходимостью изучения проблем молодых семей, связанных с их специфичным социальным положением, с одной стороны, и востребованностью эффективного использования социального потенциала молодежи и крепких, благополучных молодых семей для развития муниципальных образований и республики в целом — с другой [3, с. 4].

В России молодая семья выделяется как отдельный объект социологических и демографических исследований, а также как специфический объект социальной и семейной политики. Впервые как социально-политическая и научная категория «молодая семья» появилась в начале 1980-х гг. и рассматривалась как особый объект работы в решении социально-демографических проблем страны. В официальных документах Российской Федерации молодая семья определяется как семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, при этом возраст каждого из супругов, либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст участников увеличивается до 35 лет) [4].

Проблемы готовности молодых людей к браку включают в себя комплекс вопросов, которые раскрывают нравственные, психологические, экономические, социальные аспекты.

Современное общество предъявляет все больше требований к участникам брачного союза в проявлении ответственности в отношении друг к другу, детям, уровню знаний и умений. Несмотря на рост разводов, растет уровень осознанности молодыми людьми различных аспектов семейной жизни.

Результаты социологического исследования «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (N = 6300 интервью по республиканской выборке, 2015 г., АН РБ) показывают, что молодые люди (18–30 лет) в качестве основных причин, которые мешают созданию семьи, назвали: отсутствие жилищных условий (55,5 %), средств для обеспечения семьи (52,7 %), боязнь ответственности (42,9 %) и неуверенность в завтрашнем дне (28,8 %).

Мотивы создания семьи. Для построения эффективной проектной работы с молодыми семьями, а также в целях исследования потенциала молодежи для социально-экономического развития муниципальных образований, в рамках республиканского пилотного проекта «Молодая семья», инициированного Министерством молодежной политики и спорта РБ, в

июле — ноябре 2017 г. были проведены четыре сессии, 26 фокус-интервью с представителями разных типов молодых семей в муниципальных образованиях разного типа. Цель исследования методом фокус-групп — диагностика целевых групп проекта «Молодая семья» для повышения его эффективности. Объект исследования — молодые семьи с высоким, средним и низким уровнями потенциала включения в социально-экономическое развитие муниципальных образований. Предмет изучения — молодые семьи разного типа в зависимости от наличия детей, уровня дохода, стажа брака и других. Таким образом, было выделено 15 типов молодых семей с различным уровнем потенциала: от семей, состоящих на учете у социальных служб (семьи в тяжелой жизненной ситуации, социально опасном положении) до семей социальных активистов, руководителей НКО и представителей бизнеса.

В исследовании, проведенном в рамках проекта «Молодая семья» методом фокус-групп, одной из задач было изучение целевых установок и причин создания семьи. Респондентами были выделены следующие мотивы создания семьи и принятия решения о регистрации брака:

— любовь, субъективное желание постоянно быть вместе;

— принятие решения о рождении детей или уже фактическая беременность. Следование норме — рождение детей должно происходить в зарегистрированном браке;

— для самореализации, самоутверждения, семья дает мотивацию и вдохновение для развития, зарегистрированный брак повышает социальный статус, дает уважение в обществе;

— семейная жизнь как мотив и самоценность — построение своего семейного быта, совместная жизнь с партнером, наличие и реализация совместных планов (ощущение семьи как личной собственности) (более свойственно женщинам);

— семья — критерий счастья, то есть они создавали семью, чтобы быть счастливыми в полном смысле этого слова (наиболее полная реализация своих женских или мужских потребностей и ресурсов);

— поиск защиты, уход из родительской семьи (чаще неблагополучной), уход от рисков в сложной ситуации: асоциальное поведение в родительской семье, укрытие в новой семье от внешнего мира;

— брак как этап развивающихся отношений, следующий уровень;

— брак как обязательная социальная норма, традиция, которой нужно следовать («так принято»);

— непосредственно к принятию решения подтолкнула встреча «своего» человека (сходство интересов, наличие общей идеи между молодыми людьми);

— давление общества (родителей, родственников, друзей).

Для изучения брачных установок и представлений о семейной жизни у молодых людей были проведены фокус-группы с незамужними девушками и холостыми молодыми людьми (участники 21 до 32 лет). По их

мнению, критериями готовности молодого человека к браку, к созданию семьи являются:

— психологическая зрелость, сформировавшиеся представления об ответственности и осознанность принятого решения («дорасти мозгами»), при этом возраст не всегда играет роль. Есть примеры ранних браков, которые оказались крепкими, при этом брак зрелых, взрослых людей может быть непрочным;

— материальная готовность, финансовая самостоятельность: иметь свое жилье, машину или хотя бы постоянный доход (особенно важно для мужчин);

— получение высшего образования и опыта работы перед заключением брака и рождением детей (особенно важно для женщин);

— наличие партнера, «своего» человека (комфортность общения, ощущение поддержки и полного принятия, понимания и доверия). Некоторые участники говорили о необходимости увидеть в супруге настоящего партнера, с которым можно делать сложные «проекты», которых в семейной жизни будет множество.

Для участников фокус-группы «холостяки» семья — «ценность-цель», так как есть вполне определенные запросы и критерии, сильная мотивация к созданию своих семей. В будущем семья видится как приют спокойствия и умиротворения, среда для дальнейшего поэтапного развития. Ассоциируется со спокойствием, теплом, уютом, вкусной едой; местом и людьми, которые ждут с работы.

Рождение детей — также один из важных этапов в жизни мужчин и женщин, к которому нужно быть готовым. Причем мужчины в большей степени говорят о материальной, финансовой готовности, а женщины — о психологической. Молодые незамужние девушки говорили о том, что для них важно, чтобы процесс воспитания, уход за детьми был не в тягость, не было ощущения лишения. Это не может возникнуть формально, в какой-то момент, когда придет нужный возраст или человек станет готов материально — речь идет именно о психологической зрелости и осознанном желании посвящать этому все свое время.

Молодые люди, которые уже на этапе студенчества зарегистрировали свои отношения, считают именно такую модель (студенческий брак) более обоснованной, так как после окончания университета, когда будет необходимо искать работу, решать проблемы с жильем и т. д. — не лучшее время для свадьбы и развития отношений. Прозвучали мнения, что студенческие семьи более крепкие, так как имеют больший опыт совместной жизни, решения трудностей, умеют договариваться, хорошо знают характеры и интересы друг друга.

Отправной точкой для создания семьи, по мнению всех участников, служит встреча, осознание, что встретил «своего» человека. Чувство страсти и любовь уходят на второй план. В первую очередь должно быть ощущение лучшего друга рядом, партнера во всех делах, который имеет схожее

мировоззрение и интересы, готов поддержать («с таким можно создавать команду, семья тоже, в некотором смысле, проект, и важно, чтобы делали вы его с единомышленником»).

Несмотря на наличие у всех положительных примеров из жизни, когда без регистрации семьи жили «долго и счастливо», у большинства холостых участников есть установки на официальный брак. Официальная регистрация дает чувство защищенности женщине и осознание большей ответственности друг за друга. Для мужчины регистрация брака имеет больше формальный характер, но она дает возможность доказать серьезность своих отношений.

Проблема выбора спутника жизни с позиций незамужних участниц: для создания семьи рядом должен быть человек, которому можно доверять. Девушки выразили желание быть уверенными в стабильности отношений. Также важны чувства — любовь, уважение. При наличии такой уверенности и доверия можно создавать семью раньше, чем появится чувство финансовой независимости и стабильности, так как будет уверенность, что пройдя вместе все трудности, станете только сильнее. («Все остальное вместе наживем и будем только дружнее»). Проблему выбора партнера в современном обществе участницы связывают с наличием большого количества стереотипов и притязаний обоих полов друг к другу, которые часто не совпадают. По словам участниц, молодые люди сейчас достаточно избирательны, партнер должен соответствовать созданному общественным мнением образу красивого, успешного человека. Есть и рациональный подход к выбору — у некоторых установлены критерии, «табу», которые нельзя нарушать — например, муж не должен быть из категорий: «нарциссы», «тираны», «маменькины сынки».

Относительно выбора спутника жизни с позиций холостых молодых людей одним из главных критериев все участники назвали простоту и комфортность в общении, ощущение поддержки, тыла, доверие. В понимании молодых людей, спутница жизни должна понимать возможность появления различных трудностей в семейной жизни и быть готовой поддержать супруга.

По результатам социологического опроса («Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года», 2015 г.), семья занимает одну из первых позиций в системе ценностей молодых людей: более 80 % опрошенных до 30 лет ставят ее на первое место среди других важных сфер жизни. Тем не менее, мы не можем говорить о сохранении традиционных семейных ценностей для молодых людей. Для республики характерны общероссийские тенденции в статистике брачного поведения: снижение уровня брачности, рост разводов, рост незарегистрированных браков.

Рассматривая проблемы семьи, особенно вопросы, касающиеся брачного поведения, установок на создание семьи и последующего развития брачного союза среди молодежи, необходимо уделить внимание молодым

семьям разного типа с разным потенциалом и компетенциями саморазвития и готовности развивать муниципальные образования по месту проживания. Решая проблемы демографической и семейной политики, чаще всего уделяется внимание экономическим, реже социальным проблемам семьи. Как показывают результаты исследований, молодые люди в период брачного выбора и молодые семьи часто сталкиваются с проблемами социально-психологического характера, этнокультурного характера; не имеют навыков решения проблем, появляющихся в процессе семейных отношений.

Таким образом, вопросы брачности молодежи, прочности браков, их устойчивости, с одной стороны, и работа с мотивацией и компетенциями вступающих в брачные отношения, с другой, — актуальная исследовательская повестка и поле для поиска вариантов эффективных совместных решений ученых и представителей органов республиканской и муниципальной властей. В Республике Башкортостан это стратегическая задача.

Список источников

1. Браки и разводы в современном Башкортостане: препринт научно-исследовательской работы / Р. Р. Яппарова, Р. А. Галин, Я. А. Скрябина, Л. М. Хамитов; под ред. Я. А. Скрябиной. — Уфа, БАГСУ, 2012.

2. *Бурханова Ф. Б.* Семья и рождаемость, дети в семье и вне семьи// Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. — Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2013. — С. 47–62.

3. Методические рекомендации по рекрутингу фокус-групп в пилотном проекте «Молодая семья» в муниципальных образованиях Республики Башкортостан / Лавренюк Н. М., Мухамадеева Р. Р., Третьякова К. В. — Уфа: АЭТЕРНА, 2017.

4. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 года № 2403-р // Портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102363167&rdk=&backlink=1 (дата обращения: 5.12.2017).

5. *Сорокин П. А.* Кризис современной семьи // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. — 1997. — № 3.

Информация об авторах

Лавренюк Наталья Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра экономических исследований ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» (Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: cicp@isirb.ru); доцент кафедры социологии и работы с молодежью ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32; e-mail: bashedu.ru).

Третьякова Ксения Валентиновна — научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» (Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: cicp@isirb.ru).

Lavrenyuk N. M., Tretyakova K. V.

Nuptiality of Youth and the Motives of Creating a Family

The relevance of the topic is related to the effective use of the social potential of young people and strong, prosperous young families for the development of municipalities and the Republic

Bashkortostan. The article deals with the structure and trends of marriage of young people in the Republic of Bashkortostan, the motivation of young people to create a family and the conclusion of an official marriage. The article raises questions of participation of municipal executive authorities in the solution of social and institutional issues of work with young families. Some conclusions of the research is made by the method of focus groups with young families, conducted within the framework of scientific and methodological support of the government initiative «Young family 2030».

Keywords: youth, young family, marriage structure, nuptiality, official marriage, the motives of creating a family

References

1. Braki i razvody v sovremennom Bashkortostane: preprint nauchno-issledovatel'skoy raboty / R. R. Yapparova, R. A. Galin, Ya. A. Skryabina, L. M. Khamitov; Pod red. Ya. A. Skryabinoy. — Ufa, BAGSU, 2012.

2. Burkhanova F. B. Cem'ya i rozhdaemost', deti v sem'ye i vne sem'i// Sem'ya i chelovecheskoe razvitie. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Respublike Bashkortostan /pod obshch. red. R. M. Valiakhmetova, F. B. Burkhanovoy, G. F. Khilazhevoy. — Ufa: Izd-vo «Vostochnaya pechat'», 2013. — S. 47–62.

3. Metodicheskie rekomendatsii po rekrutingu fokus-grupp v pilotnom proekta «Molodaya sem'ya» v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Respubliki Bashkortostan / Lavrenyuk N. M., Mukhamadeeva R. R., Tret'yakova K. V. — Ufa: AETERNA, 2017.

4. Osnovy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda : Rasporyazhenie ot 29 noyabrya 2014 goda № 2403-r // Portal pravovoy informatsii. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102363167&rdk=&backlink=1 (data obrashcheniya: 5.12.2017).

5. Sorokin P. A. Krizis sovremennoy sem'i // Vestnik MGU. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. — 1997. — No. 3.

Authors

Lavrenyuk Natalya M. — PHD in sociology, senior researcher, the Center for economic studies of the Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Russia,the Republic of Bashkortostan, Ufa, Kirova st., 15; e-mail: cicp@isirb.ru); Associate Professor of sociology and work with youth of the "Bashkir state University" (Russia, the Republic Bashkortostan, Ufa, Z. Validi St., 32; e-mail: bashedu.ru).

Tretyakova Ksenia V. — researcher, the Center for Human Resource Research of the Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Russia, the Republic of Bashkortostan, Ufa, Kirova str., 15; e-mail: cicp@isirb.ru).

УДК 314.74

Лифшиц М. Л., Неклюдова Н. П.

МИГРАЦИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В РОССИИ[1]

Цель статьи — сравнить влияние различных аспектов внешней и внутренней миграции на распространение социально опасных заболеваний в России, если это влияние есть. Для этого построены панельные регрессионные модели выявления в регионах РФ в 2006–2016 гг. следующих заболеваний: ВИЧ, активный туберкулез, сифилис, наркомания, энтеробиоз, педикулез и хронические вирусные гепатиты. По сравнению с прежними работами авторов на данную тему в модели включены новые переменные. В частности, протестированы пять различных показателей миграции, характеризующих трудовую иммиграцию, приток в регион мигрантов из других стран и других регионов, а также долю в постоянном населении лиц, родившихся в других странах и других регионах. Кроме того, сделана попытка проследить изменение факторов, влияющих на распространение заболеваний, с течением времени. Это позволило скорректировать сделанные ранее выводы. В процессе исследования установлена положительная значимая статистическая связь следующих показателей миграции и заболеваемости: 1) приток иностранных граждан и заболеваемость ВИЧ в 2006–2011 гг.; 2) приток внутренних мигрантов и выявление активного туберкулеза в 2006–2016 гг.; 3) занятость иностранных граждан и заболеваемость сифилисом в 2005 г.; 4) доля в населении внутренних мигрантов и заболеваемость наркоманией в 2005 г.; 5) занятость иностранных граждан и заболеваемость наркоманией в 2006–2016 гг.; 6) приток иностранных граждан и выявление хронических вирусных гепатитов в 2010 г.

Ключевые слова: трудовая иммиграция, социально опасные заболевания, благополучие территории, регионы России

Исторически пространственные перемещения людей играли огромную роль в распространении социально опасных заболеваний, особенно инфекционных. В современном мире, научившемся применять меры предосторожности против многих опасностей, ситуация не столь однозначна и нуждается в исследовании.

Цель статьи — сравнить влияние внешней и внутренней миграции на распространение социально опасных заболеваний в России, если оно есть. Для этого построены панельные регрессионные модели выявления (впервые поставленный диагноз) в регионах РФ в 2006–2016 гг. следующих заболеваний (на 100 тыс. жителей): ВИЧ (объясняемая переменная

[1] © Лифшиц М. Л., Неклюдова Н. П. Текст. 2018.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–010–01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Б1), активный туберкулез (Б2), сифилис (Б3), наркомания (Б4), энтеробиоз (Б5), педикулез (Б6) и хронические вирусные гепатиты (Б7).

В отличие от предыдущих работ авторов, близких по теме, в модели включены пять различных показателей миграции (добавлены три новые переменные, М3-М5).

М1 — численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу или действующий патент на осуществление трудовой деятельности, на 1 тыс. населения, на конец года.

М2 — индекс уровня прибытия в регион международных мигрантов. Коэффициент прибытия международных мигрантов на 100 тыс. населения в РФ принят за 1 в каждый из годов наблюдения. Соответственно, уровень прибытия в каждый субъект РФ рассчитан по отношению к среднероссийскому.

М3 — индекс уровня прибытия в регион мигрантов из других регионов. Рассчитано по аналогии с М2.

М4 — доля в постоянном населении региона лиц, родившихся за пределами страны.

М5 — доля в постоянном населении региона лиц, родившихся в других субъектах РФ.

Переменные М4 и М5 рассчитаны по переписям населения РФ 2002 и 2010 гг. Предполагается, что между переписями показатель меняется линейно. Протестированы также и включены в модели, в случаях их значимости, следующие независимые переменные.

Алк — впервые поставленные диагнозы алкоголизм и алкогольный психоз, на 10 тыс. населения.

Д0104 и Д0509 — доля в населении детей 1–4 лет и 5–9 лет, соответственно, %.

ДГор — доля городского населения, %.

ЖМ — обеспеченность населения жилой площадью, м^2/чел.

ИУО — индекс уровня образования, рассчитан как сумма произведений доли населения с определенным уровнем образования на балл, присвоенный этому уровню: отсутствие образования — 0, начальное общее образование — 1, среднее общее и начальное профессиональное — 3, среднее профессиональное — 4, неоконченное высшее и бакалавриат — 5, высшее и послевузовское — 6.

НацР — фиктивная переменная, принимает значение 1 для «национальных» субъектов РФ (республик и автономных образований) и 0 в остальных случаях.

ОГВ и ОКан — отсутствие в жилище горячей воды или канализации, соответственно, доля домохозяйств, %.

ОКБер — доля беременных женщин, на 1000 населения.

ПлН — плотность населения, человек на кв. км.

Т1 — средняя температура января.

УДД — соотношение денежных доходов населения с прожиточным минимумом, прожиточный минимум в регионе принят за 1.

УЗан — доля занятых в экономике среди населения возрастной группы 15–72 лет, %. Фактор времени (*t*) — фиктивная переменная, принимает значение 1 в 2005 г., 2 в 2006 г., ..., 12 в 2016 г.

Источники данных — Росстат, ЕМИСС и переписи населения 2002 и 2010 гг.

В таблицах 1–5 показаны коэффициенты панельных регрессий полученных моделей. Как правило, в модели включались только значимые факторы, которые поддаются разумному объяснению. В скобках после коэффициентов даны их стандартные ошибки. Звездочками обозначен уровень значимости коэффициента: * — 0,1, ** — 0,05, *** — 0,01, **** — 0,001. *N* — число наблюдений, R2 — коэффициент детерминации. Для каждого заболевания приведено, как правило, более одной модели: для первого года наблюдения и для последующих лет, где один из факторов — заболеваемость в предыдущем году.

Две переменные значимы во всех трех моделях (табл. 1) для ВИЧ: климат и наркомания, причем различия в распространении ВИЧ в регионах в зависимости от климата заметно снижаются, а роль наркомании остается неизменно очень высокой. В 2005 г. наибольшая заболеваемость ВИЧ наблюдалась, как правило, в наиболее урбанизированных и благополучных регионах с относительно высокими денежными доходами населения. Возможно, это связано с тем, что в СССР ВИЧ пришел из-за рубежа, а у жителей более благополучных регионов было, как правило, больше зарубежных контактов. 2006–2011 — годы наиболее быстрого распространения ВИЧ-инфекции, особенно в «ненациональных» регионах, а также в субъектах РФ с низким уровнем алкоголизма. Вполне вероятно, что в этот период приток международных мигрантов на постоянное место жительства является одним из факторов распространения ВИЧ-инфекции, так как переменная М2(t-1) значима в модели Б1.3 на 5 %-м уровне. Затем происходит смена тенденции: в 2012–2016 гг. большее распространение ВИЧ-инфекции наблюдается в менее благополучных регионах, непривлекательных для трудовых мигрантов.

Факторы распространения туберкулеза (табл. 2) мало меняются с течением времени. Принципиально новым является возросшая роль ВИЧ-инфекции и алкоголизма (по-видимому, как показателя уровней самосохранительного поведения населения и общего благополучия/депрессивности региона), а также снижение влияния фактора «национального» субъекта РФ. Остальные различия между моделями в таблице 2 можно, в основном, объяснить корреляционными связями. Коэффициенты корреляции между долей беременных женщин в населении и Б2 стабильно очень высокие: 0,524 в 2005 г., 0,504 в 2011–2016 гг. и 0,559 в 2012–2016 гг. Но именно по этой причине фактор ОКБер незначим в моделях Б2.2, Б2.3 и Б.2.4, так как входящая в них переменная Б2($t-1$) отражает факторы,

Таблица 1

Модели выявления новых случаев ВИЧ

Модели	Б1.1	Б1.2	Б1.3	Б1.4
Constant	–51,27**** (9,09)	3,552** (1,450)	–5,140** (2,560)	0,742 (1,544)
Б4	0,3443*** (0,1273)	0,1859**** (0,448)	0,2141**** (0,0564)	0,3257**** (0,0872)
Т1	–0,7290*** (0,2784)	–0,4054**** (0,0760)	–0,3325**** (0,0856)	–0,2427** (0,0972)
ln(ПлН)	5,093**** (1,129)	—	—	—
УДД	5,323*** (1,918)	—	—	—
Дгор	0,3700*** (0,1415)	—	—	—
Б1($t-1$)	—	0,9134**** (0,0154)	0,8743**** (0,0276)	0,9278**** (0,0186)
t	—	—	0,9169*** (0,3513)	—
ОКан	—	–0,1302**** (0,0392)	—	—
Алк	—	–0,1492** (0,0725)	–0,1478* (0,0800)	—
НацР	—	—	–2,121* (1,300)	—
М2($t-1$)	—	—	2,000** (0,888)	—
М1($t-1$)	—	–0,0709* (0,0378)	—	–0,1527** (0,0642)
N	82	906	498	409
R^2	0,496	0,868	0,785	0,895
Период	2005	2006–2016	2006–2011	2012–2016

неизменно действовавшие в предыдущие периоды. Кроме того, имеется стабильно значимая положительная корреляция между переменными ОКБер и Алк. Ровно такая же ситуация с переменной Т1, только корреляция с Б2 и Алк со знаком минус: в более холодных регионах выше заболеваемость и туберкулезом, и алкоголизмом. Как правило, заболеваемость туберкулезом ниже в регионах с более высоким материальным достатком населения и лучшими жилищными условиями: скученность проживания способствует распространению туберкулеза. Высокая корреляция между ОКБер и Т2 говорит о том, что официальные данные о распространении туберкулеза, скорее всего, сильно занижены. Согласно модели Б2.2, одним из факторов, увеличивающих показатели заболеваемости туберкулезом,

Таблица 2

Модели выявления новых случаев активного туберкулеза

Модели	**Б2.1**	**Б2.2**	**Б2.3**	**Б2.4**
Constant	124,1**** (28,2)	14,69**** (3,14)	4,616** (2,264)	5,871** (2,920)
УДД	–11,09**** (3,15)	—	–0,970* (0,567)	—
Т1	–1,953**** (0,510)	—	—	—
ЖМ	–3,528**** (1,012)	—	—	–0,3429*** (0,1146)
ОКБер	1,811** (0,824)	—	—	—
НацР	–11,96* (6,86)	—	—	—
Б2($t-1$)	—	0,9344**** (0,0084)	0,9669**** (0,0111)	0,8929**** (0,0124)
Б1	—	0,03438**** (0,00835)	0,04052*** (0,01500)	0,02914**** (0,0841)
Алк	—	0,2221**** (0,0462)	0,1262*** (0,0474)	0,4677**** (0,0730)
t	—	–0,4899**** (0,1016)	–0,8858** (0,2233)	—
Узан	—	–0,2223**** (0,0535)	—	—
М3	—	1,100** (0,448)	—	—
N	82	907	494	409
R^2	0,518	0,949	0,950	0,953
Период	2005	2006–2016	2006–2011	2012–2016

является приток внутренних мигрантов. Никакие другие показатели миграции незначимы.

В 2005 г. наибольшая заболеваемость сифилисом (табл. 3) наблюдалась в холодных регионах с большей долей городского населения и высоким уровнем алкоголизма. Значимым фактором являлся также приток международных трудовых мигрантов. Если предположить, что нелегальные трудовые мигранты ехали в те же регионы, что и легальные, то положительная значимость фактора М1 только в модели Б3.1 отражает то обстоятельство, что в 2005 уровень нелегальной занятости иностранных граждан был довольно высоким, а затем снизился. Иностранцы, у которых обнаружен сифилис, по закону обязаны покинуть территорию РФ, поэтому оказывать влияние на распространение этого заболевания могут только нелегальные мигранты, не прошедшие обязательное обследование. В

Таблица 3

Модели выявления новых случаев сифилиса

Модели	Б3.1	Б3.2	Б3.3	Б3.4
Constant	92,04** (28,65)	–4,082 (5,315)	–11,04**** (9,11)	0,257 (0,650)
Т1	–2,890**** (0,732)	–0,3891**** (0,1076)	–0,6655**** (0,1896)	—
Алк	1,536*** (0,568)	—	—	—
Дгор	–1,308*** (0,407)	—	—	—
М1	1,852**** (0,522)	—	—	—
Б3($t-1$)	—	0,7849**** (0,0149)	0,7669**** (0,0210)	0,8276**** (0,0109)
t	—	–0,8769**** (0,2051)	–2,290**** (0,585)	—
ln(ПлН)	—	1,892**** (0,448)	3,011**** (0,796)	0,3248** (0,1511)
ОКБер	—	0,6108**** (0,1735)	1,102**** (0,294)	—
УДД	—	–2,684*** (0,844)	–4,101*** (1,428)	—
N	82	907	494	413
R^2	0,548	0,871	0,846	0,936
Период	2005	2006–2016	2006–2011	2012–2016

последующие годы наибольшая заболеваемость сифилисом была характерна для холодных регионов с низким уровнем денежных доходов, высокой плотностью населения и большей долей беременных женщин в населении. Последние два фактора говорят о том, что реальная заболеваемость сифилисом в стране, возможно, гораздо выше официально фиксируемой. В 2012–2016 гг. корреляция с Б3 переменных ОКБер и Т1 оставалась высокой (0,565 и –0,510 соответственно), однако ни один из этих двух факторов незначим в модели Б3.4. По-видимому, по той причине, что корреляция этих переменных с Б3($t-1$) была в этот период еще выше (0,587 и –0,529 соответственно).

Рассматривая характеристики субъектов РФ с наибольшей заболеваемостью наркоманией (табл. 4), мы видим резкие изменения от периода к периоду. В 2005 г. это регионы с неудовлетворительными жилищными условиями и высокой долей внутренних мигрантов в постоянном населении. В 2006–2011 гг. это наиболее урбанизированные регионы с относительно низким уровнем образования населения. В 2012–2016 это холодные регионы с высокой плотностью населения и большим уровнем присутствия

Таблица 4

Модели выявления новых случаев наркомании

Модели	Б4.1	Б4.2	Б4.3	Б3.4
Constant	40,08**** (8,44)	10,81**** (2,92)	9,373** (3,918)	–1,647* (0,872)
ЖМ	–1,529**** (0,402)	—	—	—
М5	0,3694*** (0,1287)	—	—	—
Б4($t-1$)	—	0,8439**** (0,0156)	0,8377**** (0,0191)	0,8588**** (0,0278)
ДГор	—	0,06245**** (0,01485)	0,07952**** (0,02059)	—
t	—	–0,1399** (0,0548)	–0,4133*** (0,1428)	—
ИУО	—	–3,504**** (0,964)	–2,977** (1,363)	—
М1	—	0,03055** (0,01289)	—	0,04960** (0,01963)
Т1	—	—	—	–0,09538** (0,03938)
ln(ПлН)	—	—	—	0,2932* (0,1577)
N	82	911	498	413
R^2	0,204	0,798	0,810	0,748
Период	2005	2006–2016	2006–2011	2012–2016

международных трудовых мигрантов. Можно предположить, что в 2005 г. распространителями наркотиков были преимущественно внутренние мигранты, а в 2012–2016 гг. — те международные трудовые мигранты, кто заплатил за патент, но не смог найти легальную оплачиваемую работу.

Данные по энтеробиозу, педикулезу и хроническим вирусным гепатитам имеются только с 2009–2010 гг., поэтому по этим заболеваниям приведено только по 2 модели (табл. 5). Между моделями энтеробиоза и педикулеза есть определенное сходство. В обоих случаях значима со знаком плюс доля городского населения. Видимо, сельские жители реже обращаются к врачу и чаще предпочитают от этих двух заболеваний лечиться «народными средствами». Неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия способствуют распространению обоих заболеваний. Еще одно сходство в том, что в обоих случаях в модели входят показатели возрастной структуры населения. Энтеробиозом чаще всего болеют маленькие дети, поэтому в моделях Б5.1 и Б5.2 значима переменная Д0104. А в модели Б6.2 значима переменная Д0509, так как дети 5–9 лет часто привозят педикулез после летнего отдыха в детских лагерях или «в деревне у бабушки».

Таблица 5

Модели выявленного распространения в регионах РФ энтеробиоза и педикулеза и выявления новых случаев хронических вирусных гепатитов

Модели	Б5.1	Б5.2	Б6.1	Б6.2	Б7.1	Б3.4
Constant	–6,53 (43,47)	–57,61**** (13,32)	–0,8843 (0,7884)	–1,0457*** (0,3808)	–132,9*** (47,5)	–8,575* (2,914)
ОКан	3,034**** (0,834)	0,2974* (0,1632)	0,02372** (0,00906)	—	–1,180*** (0,396)	—
Д0104	22,63** (9,86)	5,347**** (1,303)	—	—	—	—
Т1	–2,901** (1,373)	—	—	—	—	—
Б5($t-1$)	—	0,9367**** (0,0156)	—	—	—	—
ДГор	—	0,5629**** (0,1268)	0,07058**** (0,00832)	0,007013**** (0,001835)	—	0,08109** (0,03975)
М4	—	–0,6843* (0,3605)	—	—	—	—
ln(ПлН)	—	—	–0,1212** (0,0494)	—	—	—
ln(Б6($t-1$))	—	—	—	0,8677**** (0,0199)	—	—
ОГВ	—	—	—	0,004619*** (0,001497)	—	—
ИУО	—	—	—	0,2097** (0,0936)	—	—
Д0509	—	—	—	0,02428** (0,01102)	—	—
ОКБер	—	—	—	—	2,971*** (0,920)	—
Узан	—	—	—	—	2,067*** (0,659)	—
Б3	—	—	—	—	0,2674** (0,1214)	0,09655**** (0,02026)
М2	—	—	—	—	10,51* (5,38)	—
Б5($t-1$)	—	—	—	—	—	0,8516**** (0,0146)
УДД	—	—	—	—	—	1,889** (0,822)
N	82	579	83	491	82	492
R^2	0,343	0,920	0,558	0,900	0,452	0,909
Период	2009	2010–2016	2010	2011–2016	2010	2011–2016

Разумеется, есть между моделями энтеробиоза и педикулеза и различия. В модели Б5.2 значима также переменная М4 (со знаком минус), так как международных мигрантов территории с неудовлетворительными жилищными условиями не привлекают для поселения на постоянное место жительства. В моделях педикулеза никакие показатели миграции незначимы. Насколько можно судить по модели Б5.1, энтеробиоз, при прочих равных условиях, чаще встречается в холодных регионах, а в моделях педикулеза показатели климата незначимы. При этом в модели Б6.2 значим фактор ИУО: жители регионов с более высоким уровнем образования чаще обращаются к врачу и реже к «народным средствам». Особенностью моделей для педикулеза является то, что они построены для объясняемой переменной ln(Б6), так как переменная Б6 имеет логнормальное распределение.

Хронические вирусные гепатиты обнаруживают, прежде всего, в благополучных регионах, где есть деньги на обследование и лечение людей. В модели для 2010 г. показателями благополучия выступают высокая занятость населения и обеспеченность жилья канализацией, в модели для 2011–2016 гг. — денежные доходы населения. В обеих моделях значима переменная Б3: видимо, тех, у кого обнаружен сифилис, проверяют и на вирусные гепатиты. Переменная ОКБер значима только в модели для 2010 г., хотя в 2011–2016 гг. ее корреляция с объясняемой переменной была выше. В модели Б7.1 значим также фактор М2. Это неудивительно, так как в большинстве стран исхода распространенность вирусных гепатитов выше, чем в РФ.

Итак, в процессе данного исследования установлена положительная значимая статистическая связь следующих показателей миграции и заболеваемости.

1. Приток иностранных граждан и заболеваемость ВИЧ в 2006–2011 гг.
2. Приток внутренних мигрантов и выявление активного туберкулеза в 2006–2016 гг.
3. Занятость иностранных граждан и заболеваемость сифилисом в 2005 г.
4. Доля в населении внутренних мигрантов и заболеваемость наркоманией в 2005 г.
5. Занятость иностранных граждан и заболеваемость наркоманией в 2006–2016 гг.
6. Приток иностранных граждан и выявление хронических вирусных гепатитов в 2010 г.

В целом проведенная работа показала, что исследование изменений с течением времени характеристик регионов с наибольшей выявленной заболеваемостью является перспективным, а тестирование различных показателей внешней и внутренней миграции позволяет получить более объективную картину.

Информация об авторах

Лифшиц Марина Лазаревна — аспирант, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: lifmarina@yandex.ru).

Неклюдова Наталья Павловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; nnp81@mail.ru).

Lifshitz M. L., Neklyudova N. P.

Migration and Socially Dangerous Diseases in Russia

The purpose of the paper is to compare influence of various aspects of external and internal migration on diffusion of socially dangerous diseases in Russia. Panel regression models of identification in regions of the Russian Federation in 2006–2016 for the following diseases were constructed: HIV, active tuberculosis, syphilis, drug addiction, enterobiosis, pediculosis and chronic viral hepatitis. In comparison with former papers, models included new variables. In particular, five various indicators of migration characterizing labor immigration, inflow to the region of migrants from other countries and other regions and a share in resident population of the persons who were born in other countries and other regions are tested. Besides, the attempt to track change of the factors influencing diffusion of diseases is made. It let the authors to correct the conclusions drawn earlier. In the course of the research positive significant statistical connection of the following indicators of migration and a case rate was established: 1) inflow of foreign citizens and a case rate of HIV in 2006–2011; 2) inflow of internal migrants and detection of active tuberculosis in 2006–2016; 3) employment of foreign citizens and syphilis in 2005; 4) a share in the population of internal migrants and drug addiction in 2005; 5) employment of foreign citizens and drug addiction in 2006–2016; 6) inflow of foreign citizens and detection of a chronic viral hepatitis in 2010.

Keywords: labor immigration, socially dangerous diseases, wellbeing of the territory, regions of Russia

УДК 76.01.07

Новоселов В. М.

ВЗГЛЯД НА БОЛЕЗНЬ ИВАНА ГРОЗНОГО ГЛАЗАМИ ЛЕЧАЩИХ ВРАЧЕЙ В.И. ЛЕНИНА[1]

Изучение истории нашей страны не может быть полноценным без исследований историй болезней ее правителей. Недоступность для врачей-исследователей медицинской документации исторических лиц делает ряд вопросов истории непонятными для самих историков, социологов и политологов.

Автор предлагает посмотреть на историю нашей страны через историю заболевания, которое имело высокую социальную и демографическую значимость. Это neurolues (syphilis, lues) — хроническое инфекционное заболевание с полиорганным поражением и со стадийным течением, вызываемое бледной трепонемой (treponema pallidum). Люэс был одним из самых распространенных заболеваний на территории нынешней России с начала XVI до первой трети XX века. Это заболевание не только снижало демографический потенциал страны, но и в случае болезни первых лиц приводило к плачевным результатам. По мнению автора, данное заболевание у двух правителей нашей страны придало крайне «ожесточенный» колорит двум историческим периодам, известным нам как опричнина и гражданская война.

Автор статьи высказывает свое персональное мнение о том, что корни современного высказывания «врачи-вредители» находятся в глубине вольных трактовок историков о течении и лечении болезней правителей нашей страны.

В основе идеи написать данную статью лежит работа автора с документом, известным под названием «дневник истории болезни В.И. Ленина», который с 1924 года хранится в РГАСПИ в режиме «ограниченного доступа» [1]. Несмотря на продление в 1999 году Росархивом сроков данного режима до 2024 года, работа с данным документом все-таки была разрешена автору руководством данного архива [13, 14, 15]. Автор статьи просит обратить внимание на то, что видит в люэсе только болезнь (pathos, morbus и nosos) и не дает каких-либо морально-этических оценок пути передачи данной инфекции.

Ключевые слова: neurolues, люэс, В. И. Ленин, Иван IV Грозный, опричнина, гражданская война

На сегодня континент, а тем более регион, из которого начала свое победное шествие бледная трепонема, точно не известен. Существуют два наиболее часто обсуждаемых возможных источника и путей появления lues на территории сначала Европы, а затем и Московского княжества, – американский путь и африканский источник. У каждого варианта есть свои сторонники и объективные доводы, что не исключает и другие неизвестные нам варианты.

[1] © Новоселов В. М.

Доктор Цейссль писал в 1876 году: «В конце XV столетия массы людей эпидемически поражались болезненными явлениями (именно накожными страданиями), возникновение которых врачи того времени приписывали или влияниям теллурическим, или влиянию звезд ...врачи начали мало-помалу приходить к убеждению, что описываемые болезненные изменения развиваются путем переноса с одного индивидуума на другого, что такой перенос или заражение происходит преимущественно при половом сношении и начинается с заболевания половых частей. Эти обстоятельства дали повод Фернелиусу Амбианусу (*Fernelius Ambianus*), современнику эпидемии 1492 г., назвать подобные болезни венерическими или венерией, а также „*lues venerea*"; на том же основании эти болезни еще назывались у мужчин *mentulagra* (от *mentula — penis*), а у женщин *pudendagra*» [20]. В 1514 году веронский врач *Hieronymus Frakastorius* вводит в обращение название *syphilis*. У французов он был известен как «*la grosse verole или mal de Naples*», поляки называли его «немецкой» болезнью, голландцы «испанской», португальцы «кастильской», китайцы «кантонской», русские же чаще называли его «французской» болезнью.

Большинство литературных источников указывает, что одна из первых эпидемий люэса в Европе была при осаде Неаполя Карлом VIII в 1495 году среди французского войска. Затем болезнь перешла во Францию и другие государства, и передвижение войск стало важным логистическим элементом распространения болезни в Европе. О дате появления данного страдания на территории Московского княжества сообщают так: «Первое указание на появление сифилиса в Кракове относится к 1495 году (*Meyer Ahrens*); затем через Польшу болезнь эта проникла в Россию в 1499 году. Следующее, отысканное Рихтером, известие находится в Московском государственном архиве, в собрании дипломатических сношений с Польшей: Великий князь Иван Васильевич послал в Литву к своей дочери великой княгине Елене, супруге Александра, 30 мая 1499 года сына боярина Мамонова, по делу об истребовании от великой княгини перемены религии. Вместе с прочими поручениями посол получил приказание осведомиться в Вязьме, не болеет ли кто в Смоленске новой болезнью, которая сопровождается страданиями кожи и называется французскою болезнью, а также правда ли, что эта болезнь занесена туда из Вильны» [3, с. 68]. Таким образом, автор статьи уверен, что появление люэса на территории современных границ России произошло в конце царствования Ивана III.

На основании как современных знаний, так и знания истории медицины, автор высказывает гипотезу, для которой у него есть веские основания, что у царя Ивана Грозного (1530–1584) был приобретенный *lues*, который закончился, в терминологии лечащего врача В.И. Ульянова профессора В.П. Осипова [9], поздним сифилитическим психозом (доктор был основным лечащим врачом упомянутого пациента в период с 5 июля 1923 года по момент смерти 21 января 1924 года, он же один из трех врачей, который констатировал смерть В.И. Ленина) [1]. Изучение истории люэса и его роли

крайне важно вести не столько с позиций знания современной науки, как ее состояния век назад (а именно, с позиций монографий В.П. Осипова, Л.О. Даркшевича, М. Нонне, А.И. Абрикосова, врачей, связанных с историей болезни В.И. Ульянова). Как яркий пример — сегодня средняя глава по нейролюэсу занимает лишь небольшой объем (в среднем это десять страниц текста), тогда как издание, например, главного специалиста Европы по люэсу нервной системы профессора Макса Нонне 1924 года выпуска состояло из 1190 страниц [22]. Именно конец XIX — начало XX века характеризуется резким ростом знаний о данном заболевании, пониманием его механизмов и началом нового научного этапа борьбы с ним. Сегодня же, когда основную победу над люэсом человек уже совершил, стала в значительной степени ненужной такая громоздкая описательная часть медицинской литературы по данной проблеме.

Конечно, как справедливо укажет любознательный историк, обращение к роли болезней правителей в истории без историй болезней правящих лиц носит спорный характер. Но истории болезни царя Ивана IV, жившего в XVI веке, как в свою очередь также справедливо ответит автор статьи, просто не может быть. Тем не менее, есть исторические записи людей, живших в то время, которые точно укладываются в описание клинической картины конкретного заболевания, во временные сроки течения болезни, смены ее клинических форм, есть точное понимание, что царь пользовался конкретным тяжелым металлом, который на протяжении более чем четырех веков применяли только при люэсе. Кроме того, у нас есть данные двух эксгумаций, что резко верифицирует нашу клиническую гипотезу.

Автор исходит только из известных данных:

— в останках Ивана Грозного и его сына при эксгумации 1963 года было обнаружено сверхвысокое содержание ртути, при этом содержание ртути было одинаково как у царя, так и у его сына (анализ тлена показал содержание ртути до 1,3 мг, что в сотни раз выше нормы) [11]. В XVI веке и вплоть до 1960-х годов производные ртути использовались для лечения *neurolues*. Вот как о необходимом лечении ртутью при люэсе пишет в 1901 году профессор Адольф фон Штрюмпель, который через двадцать лет стал врачом-консультантом В.И. Ульянова: «Если в основе паралича лежит сифилис, то назначают ртутные втирания и йодистый калий внутрь» [21]. Йод дополнительно к производным ртути стали применять только в начале XIX века (примечание автора);

— по свидетельству очевидцев, в покоях царя всегда была емкость с ртутью. Гипотеза *neurolues* и соответствующего лечения данного заболевания ртутью не отрицает версию острого или хронического отравления ртутью как причину смерти, о чем часто говорят историки, как и не отрицает смерти царя от других причин. Ртуть имеет прижигающий, антисептический, противовоспалительный, некротизирующий эффекты. «Что касается главнейшего применения ртути, а именно при сифилисе, то оно,

после некоторого колебания, вследствие появления сальварсанов, снова стало обычным, правда, в комбинации с последним» [17, с. 560], что указывает на то, что даже после открытия Эрлиха и создания обширной группы препаратов арсенобензольного ряда ртуть продолжала использоваться для лечения *neurolues*;

— в останках первой жены Ивана Грозного Анастасии (умерла 07.08.1560) также обнаружено при эксгумации, проведенной 1994 году, высокое содержание ртути (половых партнеров, как известно, лечат одновременно, другого лечения кроме ртути не существовало еще 350 лет до открытия Эрлиха). Судебно-химическое исследование останков показало наличие в волосах Анастасии в пересчете на 100 грамм 4,8 мг ртути [11]. Если у первой супруги царя высокое содержание ртути можно хоть как-то связать с использованием ею косметики, которую применяли в XVI веке, то к самому Ивану IV это уже не применимо;

— врожденного *neurolues* (ранее назывался наследственным) у царя Ивана IV не было, о чем свидетельствует отсутствие ряда признаков нарушения развития нервной системы в детском и юном возрасте: нет признаков, объединенных в Гетчинсоновскую триаду, саблевидных периоститов большеберцовых костей, остеохондрита Вегенера. Также нет ягодичной формы затылочной кости, выступающего лба и определенной формы носа. Как правило, новорожденные с *neurolues*, как описывали авторы прошлого, имели старческий (прогерийный) вид в силу гипотрофии и дряблой кожи с увеличенной головой. Дети плохо набирали вес и зачастую не могли сосать материнское молоко. Также у таких детей встречались сифилитическая пузырчатка, пузыри с серозно-гнойным содержимым, которые локализовались на ладонях и подошвах, они часто лопались, открывая эрозию. Часто у таких детей были риниты с гнойным отделяемым, хориоретиниты, гепатоспленомегалия. На коже зачастую была розеолезная и папулезная сыпь [9];

— остеофиты позвоночника царя, обнаруженные археологами при эксгумации его останков, трактуются ими же как следствие артроза, что, по мнению автора, крайне неверно. Основанием для такого вывода являются высказывания самих же историков о том, что эти остеофиты слишком резко выражены, что, по их же словам, нехарактерно для возраста 54 лет. И именно для третичного сифилиса характерны такие гиперостозы. Именно третичный сифилис характеризуется преимущественно органным поражением, чаще поражается именно костная система (что не исключает того, что любые органы могут быть поражены люэсом);

— как правило, подавляющая часть беременностей у больных neurolues заканчивалась мертворождениями или смертями в младенческом возрасте. Следует отметить, что громадное большинство сифилитических плодов умирало недоношенными или именно в первые месяцы после рождения, наследственный *neurolues* давал до 80 % мертворождений. Вот как в 1899 году профессор *Fournier* описывает наблюдения доктора Bertin'a

сифилитической семьи, в которой шесть беременностей закончились очень характерно:

«Первая беременность — выкидыш на шестом месяце,

Вторая — выкидыш на седьмом месяце,

Третья — преждевременные роды на восьмом месяце, мертворожденный,

Четвертая — своевременные роды, сифилитический ребенок умер на 18 дне,

Пятая — своевременные роды, сифилитический ребенок прожил 6 недель,

Шестая — родился сифилитический ребенок, оставшийся в живых».

Интересный исторический факт, что долгое время беременных, больных *neurolues*, не лечили преднамеренно, так как на ртуть смотрели как на средство, «вызывающее аборт... Таким образом, если несчастная сифилитичка, забеременев, являлась молить врача о помощи, то последний ограничивался малоутешительным заявлением, «что пока нельзя ничего сделать, и что она должна запастись терпением и обождать, чтобы беременность продвинулась ближе к родам, или даже разрешилась» [19]. Приблизительно такую же картину мы видим с многочисленными детьми царя — из восьми детей, которые нам известны, до пубертатного возраста дожили лишь двое.

Лечащий врач В.И. Ленина профессор В.П. Осипов пишет: «Степень развития явлений зависит от болезненного процесса, его локализации й периода жизни организма, в котором процесс развивается, так как развитие мозга и его функций в указанных возрастах различно. Как последствие такого раннего сифилиса мозга, наблюдается его недоразвитие, а иногда и неразвитие отдельных долей и даже целого полушария, представляющего лишь сморщенный, неправильно выраженный зачаток, естественное последствие — недоразвитие психической деятельности или зачаточное ее состояние, т. е. умственное и нравственное недоразвитие или дефективность, тупоумие и идиотизм. Очень часто эти болезненные состояния комбинируются с эпилепсией. Часты судороги, менингеальные симптомы, гидроцефалия. Обыкновенно такие дети запаздывают в своем развитии уже с самого раннего возраста, но наблюдаются случаи, относящиеся, очевидно, к слабее выраженному действию сифилитического яда, когда первое детство проходит сравнительно благополучно, а болезненные явления, представляющие характерную картину сифилиса мозга, вспыхивают в возрасте 10–12 лет. И позднее, обращает на себя внимание то, что у таких больных наряду с умственной отсталостью особенно бывают выражены жестокость, грубость, леность и вообще неразвитие этического чувства, что делает их антисоциальными элементами, врагами общества» [9]. Профессор П.В. Никольский указывал, что при врожденном сифилисе возможно, что «ребенок родится без проявлений сифилиса, которые не обнаруживаются в течение многих лет, даже до юношеского и возмужалого возраста, и

только тогда развиваются гуммозные проявления. Это — *syphilis congenita tarda*» [8].

— дети с врожденным *neurolues*, по данным неврологов конца XIX и начала XX века, имели нарушения развития мозга, что приводило к задержке развития интеллекта, которую мы видим, как минимум, у двух из трех выживших детей царя (Федор, согласно высказываниям историков, был слаб умом и находился под постоянной опекой; Дмитрий, очевидно, имел эпилептические приступы, что в понимании врачей начала XX века (когда люэс нервной системы был очень широко распространен) могло быть эпилептиформной стадией менинго-васкулярной формы люэса;

— потомки, речь о двух сыновьях Грозного, в связи с тем, что имели врожденный *neurolues*, или были бездетны, или жизнеспособность их детей была крайнее низка (у Ивана в трех браках детей не было, у второго сына Федора 1592 году родилась дочь, которая умерла, так и не дожив до двух лет). Профессор Л. С. Минор так пишет о вопросе брака таких больных в своей монографии по терапии нервных болезней в 1910 году: «Брак страдающим этой болезнью должен, по моему мнению, быть отсоветован не только в те периоды, когда больные явно заразительны, но и тогда, когда они не заразительны и, по мнению многих сифилидологов, имеют полное право вступить в брак… …Поэтому я лично запрещаю вступать в брак безусловно всем сифилитикам, в каком бы благоприятном состоянии здоровья они ни находились в момент совещания со мной» [6];

— раздражительность, придирчивость, мнительность, подозрительность, тревожность, беспокойное состояние, бессонница были очень характерны для таких пациентов с поражением мозга по мнению неврологов и сифилидологов начала 1920-х годов (это именно тот период, когда научное медицинское знание уже позволило понять этиологию и патогенез заболевания, но не могло излечить таких пациентов, поэтому их было крайне много в психиатрических отделениях страны). Агрессивность (часто родные не узнавали спокойного и доброго до той поры родного отца и мужа), склонность к тратам, сексуальная расторможенность и т. д. также были характерны для таких больных. Все это мы видим и у Ивана Грозного — крайне жестокое поведение царя, убийство собственного сына, множественные браки, что нехарактерно для Руси тех времен. Австрийский посланник фон Бухау так описывает русского царя: «Он так склонен к гневу, что, находясь в нем, испускает пену, словно конь, и приходит как бы в безумие; в таком состоянии он бесится также и на встречных. Жестокость, которую он часто совершает на своих, имеет ли начало в природе его, или в низости подданных, я не могу сказать» [11].

Профессор Л. С. Минор пишет в 1910 году: «Психика зараженного сифилисом субъекта должна быть тщательно оберегаема во всю его жизнь. Все профессии и занятия, располагающие к волнениям, ажиотажу, разочарованиям, длительному страху или огорчениям, должны быть тщательно избегаемы, напр., занятия на бирже, ежедневная азартная игра в карты

и т. п.; крупные деловые предприятия, сопряженные с риском денежным или доброго имени, напр. подряды, выполнение к сроку крупных заказов и т. п.» [6].

Профессор В. П. Осипов пишет: «Принимая во внимание литературные данные *(Nonne, Krause, Kraepelin, Birnbaum, Plaut*) и собственные наблюдения, я считаю правильным выделить следующие клинические разновидности сифилитических психозов, напоминая, что это деление главным образом симптоматическое, что клинические разновидности обусловливаются степенью развития сифилитического яда, локализацией поражений головного мозга и отчасти той индивидуальной почвой, на которую падает вредоносная причина; важное значение имеет также количество и качество проводившегося лечения: неврастеническая форма, сифилитический ложный паралич или псевдопаралич, маникальная форма, депрессивная форма, ступорозная форма, корсаковская форма, эпилептическая и апоплектическая форма, параноидная форма. Приведенные разновидности имеют различные оттенки и часто дают смешанные картины, затрудняющие их обособление, что, впрочем, и не слишком важно, при условии установления основного распознавания» [9].

Автор хотел обратить внимание на высказывание историка, конечно, не имеющего как современных медицинских знаний, так и знаний медицины прошлого, который делает выводы, вносящие максимальное когнитивное искажение в историю медицины отечества: «Обнаружение высокого содержания ртутных соединений в останках Ивана IV и его сына вызвало появление некоторого числа безграмотных, к сожалению, публикаций, в которых ретивые (околонаучные) авторы утверждали, что царь Иван около двадцати последних лет своей жизни болел венерическим заболеванием (сифилисом) — примерно с 1565 года. В средние века, да и много раньше (в Китае три тысячи лет назад!), для лечения таких болезней использовали такие мази. Этим и объяснили значительное количество ртути в организме Ивана IV и царевича Ивана — оказывается, сын также страдал аналогичным недугом, и с того же времени! Авторов идеи не остановило даже то, что старшему сыну царя в 1565 г. было всего десять лет» [11].

В силу всего вышесказанного, гипотеза нейролюэса Ивана Грозного с 1565 года, вероятнее всего в параноидальной форме (в классификации лечащего врача В. И. Ульянова профессора В. П. Осипова с учетом его же поправки, что форма не так уж важна [9]), носит крайне вероятный, на взгляд автора (являющегося клиническим врачом), характер. Как следствие вышесказанного, у Ивана Грозного не могло быть здоровых потомков, так как люэс не умели лечить в XVI веке, а поэтому род Ивана IV и закончился на его сыновьях. Что касается некорректного указания на невозможность «заболеть в десять лет», то следует отметить, что, как показано выше, наоборот, у больных люэсом дети имеют также сифилис с самого рождения, что также не исключает и других путей заражения младенца, например, от

кормилицы, больной сифилисом, бытовой путь или при вариоляции (прививка от оспы, такой путь заражения также был на Руси).

Практически следующие двести лет ситуация с заболеваемостью не меняется, первые меры были приняты только в царствование Екатерины II, когда появляются самые первые статистические данные. В сенатском указе 1763 года упомянуто, что в главном военном госпитале в Петербурге из 671 человека больных солдат «более чем две части одержимых франц-венерою». При Екатерине II, полагавшей проституцию, распространявшей сифилис, реалией жизни, и меры борьбы с нею носили относительно мягкий характер. При последующих императорах — Павле I и Александре I — меры стали более репрессивными, например:

— указом от 1799 года повелено «блядок и непотребных не терпеть в лагере»;

— в указе от 1800 года сказано: «развратных женщин, какие есть и впредь оказываться будут в обоих столицах, отсылать прямо на Иркутские фабрики» (обнаружено 139 женщин, половина из них солдатки, все отправлены в острог в Сибирь). И лишь император Николай I признал проституцию терпимой в России и повелел устройство врачебно-полицейских комитетов. Первый врачебно-полицейский комитет был организован в Санкт-Петербурге в 1844 году, а затем через полгода и в Москве. Комитет возглавлял гражданский губернатор, состоял из штадт-физика, инспектора медицинской конторы, одного из полицмейстеров, главного доктора для чернорабочих и старшего по полиции врача, также при комитете находились два врача по особым поручениям и двенадцать участковых надзирателей. Обязанности по освидетельствованию промышляющих развратом женщин были возложены на штатных и сверхштатных врачей, состоящих при частях города. Выявленные больные *neurolues* немедленно помещались в больницы города за установленную законом плату, освобождались от оплаты те, кто сам обращался больницу без освидетельствования врача. Не допускалось покидать города больным с венерическими болезнями вплоть до полного выздоровления. Для примера, в 1845 году в Москве добровольно поступило в сифилитическое отделение больницы 678 человек чернорабочих, при медицинских осмотрах промышленных предприятий выявлено 182 больных сифилисом. В 1848 году в Москве было 3137 больных сифилисом и венерическими болезнями, при этом число жителей в Москве на 1848 год составляло 349068 человек [3].

Для оценки распространения *neurolues* в России использовались данные по количеству больных *neurolues* среди новобранцев, данные регулярных осмотров войсковых частей, осмотры на фабриках и заводах, поголовные осмотры сел и волостей, осмотры в публичных домах, данные больниц и амбулаторий. Поголовные осмотры показали, что в отдельных селах процент больных доходил до 16 %, среди киргизского населения Астраханской губернии был 17,6 %, а в отдельных местностях достигал 43,8 %. Удалось выяснить, что средняя цифра больных *neurolues* в России за год 711 000

чел., что составляет 66 сифилитиков на 10 000 жителей. При этом заметны значительнее колебания по местностям. Так, самыми неблагополучными губерниями были Ульяновская — 293, Саратовская — 285, Пензенская — 276, Тамбовская — 264, Воронежская — 226, Смоленская — 224 чел. (все данные на 100 000 населения) [8].

Твердое понимание, что именно спирохета является этиологическим началом любой формы данной болезни, распространилось в клиническом сообществе Российской империи перед самой Первой мировой войной, на что указывает изданная в 1913 году монография «Основы патологической анатомии» М.Н. Никифорова, ведущего патологоанатома страны на тот момент: «Сифилис по-видимому вызывается спиральной формы микроорганизмом *Spirochaeta pallidum*... Культивировка его в чистом виде не удается и вообще микроорганизм этот представляется еще недостаточно изученным» [7].

В течение XVI-XVIII веков пациентов с сифилисом часто врачи, в том числе и в Российской империи, лечили только препаратами ртути. В XIX веке присоединилось лечение препаратами йода. Со второго десятилетия двадцатого века к препаратам ртути и йода добавились препараты арсенобензольного ряда. С введением в терапию сальварсана лечение *neurolues* значительно усовершенствовалось — можно разделить лечение *neurolues* на досальварсановую эпоху и период, который можно обозначить сальварсановым успехом.

Почему интересно изучать историю болезни Ивана Грозного через клиническое мышление врачей конца XIX — начала XX века, в частности через мнение врачей В.И. Ульянова? Именно этот период начала XX века характеризуется тремя интересными моментами: понимание причины болезни (этиологии) уже наступило, понимание механизмов (патогенеза) только происходило на тот момент, но полноценных средств лечения *neurolues* еще не было. Это привело к тому, что на фоне огромного количества пациентов с различными формами *neurolues* и скромных попыток лечения данного заболевания появилась экспериментальная медицина лечения *neurolues*, эволюция знания происходила буквально на глазах. И конечно потому, что это были лучшие врачи РСФСР и Западной Европы.

Итак, в случае с Председателем Совнаркома В.И. Ульяновым (в отличие от Ивана IV) у нас есть множество записей. Д.А. Волкогонов пишет следующее: «На свои нервы Ленин жаловался часто. Так, в письме к сестре Марии Ильиничне в феврале 1917 года брат пишет: „работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая". По ряду косвенных признаков Ленин знал о неблагополучии со своими нервами. Так, в его ранних бумагах обнаружены адреса врачей по нервным, психическим болезням, которые проживали в Лейпциге в 1900 году» [2].

Ю.М. Лопухин в своих книгах «Болезнь, смерть и бальзамирование В.И. Ленина. Правда и мифы» (1997 г.) и более поздней «Как умер Ленин. Откровения смотрителя мавзолея» (2014 г.), пишет: «Болезнь В.И. Ленина,

первые признаки которой появились в середине 1921 года, протекала своеобразно, не укладываясь ни в одну из обычных форм мозговых заболеваний. Начальные ее проявления в виде кратковременных головокружений с потерей сознания, дважды случившиеся с ним в 1921 году, как, впрочем, и субъективных ощущений навалившейся тяжелой усталости, мучительные страдания от постоянной бессонницы и головных болей вначале рассматривались близкими (да и лечащими врачами) как признаки переутомления, результат чрезмерного напряжения, последствия многочисленных волнений и переживаний, связанных с революцией, гражданской войной, разрухой, внутрипартийными распрями, первыми, все еще скромными успехами нового строя. «Никаких признаков органической болезни центральной нервной системы, в особенности мозга, налицо не имеется», — таково было заключение немецких профессоров. Все сходились на необходимости длительного отдыха, который, впрочем, как это стало ясно позже, мало ему помогал. Зиму 1921/22 года В.И. Ленин пережил тяжело: вновь появились головокружения, бессонница и головные боли. По свидетельству профессора Даркшевича, приглашенного к нему 4 марта 1922 года, имелись «два тягостных для Владимира Ильича явления: во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, совершенно лишавших его возможности работать так, как он работал раньше, а во-вторых, ряд навязчивостей, которые своим появлением сильно пугали больного» [4, 5].

Макс Нонне в своей монографии «Сифилис и нервная система» пишет, что тяжелые изнуряющие головные боли, продолжающиеся длительное время, годами и десятилетиями, которые могут исчезать на недели или месяцы, а потом снова без какой-либо причины снова появляться, чаще ночью, которые трудно соотнести с какой-то причиной, всегда дают основания врачу заподозрить специфический эндартериит [22].

Лечение таких больных проводили под контролем реакции Вассермана: «В начальных стадиях раннего сифилиса мы руководствуемся серологическими и цитологическими данными цереброспинальной жидкости для регулирования лечения, помня, что сальварсан — наиболее сильно действующее противосифилитическое средство, превосходящее во много раз ртуть, и поэтому центр тяжести лечения должен быть перенесен на сальварсан, который должен применяться правильно и в дозах, достаточных для благоприятного терапевтического действия. В течение первых двух лет мы считаем достаточным 5–6 курсов. Общая курсовая доза неосальварсана от 5,0 до 7,0; разовая доза 0,6–0,9. Курсы проводятся комбинированно с инъекциями ртути… Дальнейшее лечение определяется клиническим наблюдением и последующим систематическим серологическим контролем. В поздней стадии раннего сифилиса, при положительных серологических данных, необходимо энергичное лечение; при отрицательных данных, в случаях плохо или вовсе не леченных, необходимо применить провокацию небольшими дозами неосальварсана и при положительных результатах последней применить энергичное лечение» [9].

1 июля 1922 г. у пациента В.И. Ульянова начат первый курс препарата на основе мышьяка, далее таких курсов будет еще шесть. Также при лечении данного пациента использовали ртутные (использовалась с XVI века до середины XX века), препараты йода (использовали для лечения люэса начиная с XIX века) и препараты висмута (с 1920-х годов). В дневнике лечащих врачей В.И. Ульянова препараты мышьяка отмечены как «арс, арсен, мышьяк, неосальварсан, *ars*, энесол (препарат ртути, содержащий мышьяк — примечание автора), какодил натрия» [1]. Такой ограниченный стиль указания названий лекарств с практически полным отсутствием торговых названий лекарств и заменой их различными сокращениями и их точных дозировок, очевидно, связан с указанием, полученным врачами, ответственными за ведение дневника, в ключе: «ничего не писать в части диагноза и минимально в части лечения».

У пациента В.И. Ульянова исследовали полученный материал на *RW*: 29.05.1922, 12.07.1922, 21.12.1922, 16.02.1923, при этом результаты первых двух реакций не указаны, вторые две реакции указаны как «безусловно отрицательные», но начиная со второй эти реакции делаются уже на антилюэтической терапии арсенобензольными и ртутными препаратами [1].

Возможно ли, чтобы лечащие врачи В.И. Ульянова просто забыли написать результаты *RW*? Открывая медицинскую документацию Ф.Э. Дзержинского, также любезно предоставленную автору руководством РГАСПИ, мы сразу сталкиваемся с анализом *RW* № 13205: «30 декабря 1924 реакция Вассермана дала отрицательный результат» [18]. Ответ автора данной статьи, клинического доктора, только отрицательный, причем в категорической форме: ни один врач не мог забыть указать результаты *RW*, если только на это не было особого указания представителей властей «ни под каким видом не писать результаты *RW*».

Таким образом, на основании понимания многообразного и творческого клинического мышления лечащих врачей и врачей-консультантов пациента В.И. Ульянова, полновесный анализ (в силу объемности) которого остался за границами данной статьи, у автора нет сомнения, что лечащие врачи В.И. Ульянова диагностировали у него люэтическое поражение мозга, лечили только это заболевание и другого лечения не было. Это подтверждено консилиумом иностранных специалистов

Вот что сообщает биохроника за 21 марта 1923 г.: «У Ленина состоялся (в 14 час.) консилиум врачей с участием прибывших из-за границы профессоров С.Е. Хеншена, А. Штрюмпеля, О. Бумке и М. Нонне. После подробного обсуждения истории болезни и всестороннего обследования Ленина врачи дали заключение, что «болезнь Владимира Ильича… имеет в своей основе заболевание соответственных кровеносных сосудов. Признавая правильным применявшееся до сих пор лечение, консилиум находит, что болезнь эта, судя по течению и данным объективного обследования, принадлежит к числу тех, при которых возможно почти полное

восстановление здоровья. В настоящее время проявления болезни постепенно уменьшаются…» [10].

Из этой официальной записи хроники Ленина следует много интересного выводов:

1) признано правильным лечение, которое начато 1 июня 1922 года и продолжалось до дня данного консилиума (уже 10 месяцев);

2) если признано правильным лечение, значит, и диагностика тоже «правильная», т. е. соответствовала самым высоким мировым стандартам на 1920-е годы;

3) мировой уровень стандарта определен уровнем врачей из Европы (лучше этих врачей в Европе не было);

4) лечение за этот период (1.06.1922 по 21.03.1923) не менялось, иначе врачи бы это упомянули;

5) у пациента заболевание именно сосудов, но не атеросклероз сосудов мозга, так как его лечить человечество не может даже сегодня;

6) при данном заболевании сосудов мозга излечение пациента, по мнению консилиума, возможно.

Вот что указано в дневнике за этот день: «Опять было совещание, к которому присоединился Хеншен. Сначала вошли мы с Ферстером и предупредили, что приехали еще врачи, и мы просим, чтобы Владимир Ильич разрешил им войти, но тот отрицательно качал головой. Тогда вошел Обух и категорически заявил, что врачи приехали и им надо посмотреть на пациента, тогда были приглашены Штрюмпель, Хеншен, Бумке, Нонне. Владимир Ильич со всеми ними поздоровался, но, по-видимому, был недоволен этим нашествием. Исследовал Штрюмпель. Когда ближе подошел Нонне, Владимир Ильич сделал жест рукой как бы отойти подальше. После этого было совещание на квартире В.И. Ульянова с Н.А. Семашко и В.А. Обухом. Потом опять поехали к О. Ферстеру и там имели двухчасовое совещание. Вечером к пациенту ездили Крамер и Ферстер. На сегодня ночное дежурство отменяется» [1, с. 196–197].

Фон Штрюмпель, врач-консультант В.И. Ульянова: «Рядом со всеми этими признаками начинающейся умственной слабости обнаруживаются часто, с другой стороны, ненормальная раздражительность. Больной впадает в возбуждение, в гнев и т. п. Обыкновенно, впрочем, это настроение быстро проходит, не оставляя прочного следа. Легко понять, какой страх и опасения эти перемены всей личности больного внушают окружающим, тем более, что вначале они совершенно не могут понять, почему больной «совсем не тот, что был раньше» [21]. Неправда ли, похоже на ситуацию с Иваном Грозным? Профессор В.П. Осипов, основной лечащий врач В.И. Ульянова, пишет в 1923 году: «…часто больные жалуются на тяжесть в голове, неясность и затруднение мышления, умственную и физическую утомляемость, что легко доказывается объективно; раздражительность, придирчивость, мнительность, подозрительность, тревожное и беспокойное состояние…» [9].

А что же история, как болезнь отразилась на нашей истории? Вот отрывок из письма Н.А. Семашко В.И. Ульянову и членам Политбюро ЦК РКП(б) от 21.05.1922 года: «Секретно. Членам Политбюро. Товарищу Ленину. Уважаемые товарищи! Недавно закончившийся Всероссийский съезд врачей проявил, настолько важные и опасные течения в нашей жизни, что я считаю нужным не оставлять членов Политбюро в неведении относительно этих течений, которыми так успешно пользуются кадеты, меньшевики и социалисты-революционеры; тем более что, насколько мне известно, эти течения широко распространены среди не только врачей, но и спецов других специальностей (агрономы, инженеры, техники, адвокаты), и тем более еще, что многие даже ответственные товарищи не только не сознают этой опасности, но легкомысленно склоняют ушко под нашептывание таких спецов... Что же касается изъятия „верхушки" врачей-меньшевиков и социалистов-революционеров (выступавших на съезде докторов Грановского, Магула, Вигдорчика, Левина), то этот вопрос надо согласовать с ГПУ (на каких основаниях, административных или судебно-следственных? Не создать бы популярности их выходкам, имея в виду, что больше съездов не предвидится?)» [12]. Ответ В.И. Ульянова был уже на следующий день: «Секретно. Поручить т. Дзержинскому (ГПУ) при помощи т. Семашко выработать план мер и доложить Политбюро в недельный срок» [16]. Как следствие, указанные в письме врачи были арестованы и высланы.

Макс Нонне, ведущий специалист Европы по нейросифилису, врач-консультант В.И. Ульянова, работавший в Гамбурге, в своей монографии «Сифилис и нервная система» пишет, что тяжелые изнуряющие головные боли, продолжающиеся длительное время, годами и десятилетиями, которые могут исчезать на недели или месяцы, а потом снова без какой-либо причины снова появляться, чаще ночью, которые трудно соотнести какой- то причиной, всегда дают основания врачу заподозрить у пациента нейросифилис в форме эндартериита. Очень часто болезнь начинается с продромальных признаков — головной боли, бессонницы, раздражительности, отвращения и неспособности к даже периодическим умственным усилиям, уменьшения памяти [22].

У В.И. Ульянова уже через несколько дней после данного письма Ф.Э. Дзержинскому будет первый инсульт. Таким пациентам, как В.И. Ульянов, которых в те годы было очень и очень много, врачи того времени рекомендовали завершить все финансовые заботы, уволиться с работы и уехать в деревню. Данный же пациент, приехавший в Российскую империю, наиболее вероятно, уже длительно страдая люэтическим поражением сосудов мозга в определенной неврастенической форме (поздний *neurolues* в современном клиническом понимании), принимает не просто политические решения, а крайне жесткие решения, которые привели как к незаконному захвату власти, так и ее удержанию ценой больших человеческих потерь.

В лечении и консультациях пациента В.И. Ульянова принимали участие двадцать четыре врача (и два руководителя здравоохранения), которые отмечены в дневниках дежурных врачей, на мнении которых, хоть и поданном в такой необычной форме, как дневник, основываются выводы автора, который выдвигает гипотезу, что был весомый вклад конкретного заболевания у Председателя совнаркома В.И. Ульянова в мировоззренческую нетерпимость и идейную одержимость лидера большевизма, ожесточенность постреволюционного периода.

Многочисленные высказывания, что врачи лечили данного пациента не от того, и то, что у него, как и у всех правителей, заболевания протекают не как у остальных граждан страны, следует отнести только к отсутствию глубоких медицинских знаний у высказывающихся. Автор статьи имеет свое персональное мнение, что корни современного тезиса «врачи-вредители» находятся в глубине вольных трактовок историками течения и лечения болезней правителей нашей страны.

Автор данной работы выражает глубокую благодарность директору РГАСПИ Андрею Константиновичу Сорокину за предоставленную возможность ознакомиться с документом «Дневник истории болезни В.И. Ленина с 28 мая 1922 г. по 21 января 1924 г.», которая позволила поставить точку в его многолетней работе.

Список источников

1. Дневник истории болезни В. И. Ленина с 28 мая 1922 г. по 21 января 1924 г. Подлинник, машинопись с правками неизвестного // РГАСПИ. Фонд 16. Дело 10. Опись 2.

2. *Волкогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет. — М., 1997.

3. *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования. — Санкт-Петербург, 1871.

4. *Лопухин Ю. М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. — М., 1997.

5. *Лопухин Ю. М.* Как умер Ленин. Откровения смотрителя мавзолея. — М., 2014.

6. *Минор Л. С.* Краткая терапия нервных болезней. — М., 1910.

7. *Никифоров М. Н.* Основы патологической анатомии. — М., 1913.

8. *Никольский П. В.* Сифилис и венерические болезни. — Москва; Ленинград, 1928.

9. *Осипов В. П.* Частное учение о душевных болезнях. — Петроград, 1923.

10. Официальная биохроника В. И. Ульянова периода 1922–1924 годы. Том XII [Электронный ресурс]. URL: www.leninism.su.

11. *Панова Т. Д.* Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна. — М., 2003.

12. *Письмо Н. А.* Семашко В. И. Ленину и членам Политбюро ЦК РКП(б) от 21 мая 1922 года // РГАСПИ. Фонд 2. Опись 1 (цитирование по архиву А. Н. Яковлева).

13. Письмо РГАСПИ № 801 от 15.11.2017 г. в адрес Новоселова В. М.

14. Письмо РГАСПИ № 65 от 03.02.2017 г. в адрес Новоселова В. М.

15. Письмо РГАСПИ № 216 от 10.04.2017 г. в адрес Новоселова В. М.

16. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) по письму Н. А. Семашко о съезде врачей от 22 мая 1922 года // АП РФ. Фонд 3. Опись 58. Дело 175. Лист 1 (цитирование по архиву А. Н. Яковлева).

17. *Скворцов В. И.* Курс фармакологии. — Москва; Ленинград, 1929.

18. Фильмокопии медицинской документации Ф. Э. Дзержинского // РГАСПИ. Фонд 76. Дело 30.

19. *Фурнье Ж. А.* (Fournier Jean-Alfred). Учение о сифилисе: пер. с франц. / под ред. профессора А. И. Поспелова. — М., 1899.

20. *Цейссль Др.* Основы патологии и терапии сифилиса и связанных с ним венерических болезней: пер. с нем. — М., 1876.

21. *Штрюмпель А.* Руководство по частной патологии и терапии внутренних болезней для врачей и студентов: пер. с нем. — М., 1896.

22. *Nonne M.* Syphilis und Nervensystem. Ein Handbuch in zwanzig Vorlesungen. — Berlin, 1924.

Информация об авторе

Новоселов Валерий Михайлович — директор автономной некоммерческой организации «Научно-медицинский геронтологический центр» (Россия,143005, Московская область, г. Одинцово, ул. Кутузовская, 33, помещение 1; e-mail: novoselovvm@mail.ru).

Novoselov V. M.

Lues in the History Of Russia

The study of the history of our country can not be complete without examining the histories of the diseases of its rulers (for example, V. I. Lenin). The article suggests looking at the history and demography of the country through the history of the medicine of the disease, which had a high medico-social and demographic significance in the history of our country. This article is based on a document known as "diaries of doctors VI. Ulyanov (Lenin), which since 1924 is in the "limited access". One of the authors received access to this document with the phrases "as an exception" and "for scientific purposes".

Keywords: history, syphilis, lues, V. I. Lenin, Ivan IV, oprichnina, civil war.

References

1. Diary of the medical history of VI. Lenin from May 28, 1922 — January 21, 1924. The original, typing with the corrections of the unknown // RGASPI. Fund 16. Case 10. Inventory 2. P. 410.

2. Volkogonov D. A. Lenin. Political portrait. — Moscow, 1997.

3. Lopukhin Yu. M. Disease, death and embalming V. I. Lenin. — Moscow, 1997.

4. Kuznetsov M. Prostitution and syphilis in Russia. Historical and statistical research. — St. Petersburg, 1871.

5. Lopukhin Yu. M. How Lenin died. Revelations of the ranger of the mausoleum. — Moscow, 2014.

6. Minor L. S. Brief therapy of nervous diseases. — Moscow, 1910.

7. Nikiforov M. N. Fundamentals of pathological anatomy. — Moscow, 1913.

8. Nikolsky P. V. Syphilis and venereal diseases. — Moscow; Leningrad, 1928.

9. Osipov V. P. Private doctrine of mental illness. — Petrograd, 1923.

10. Official biochronic V. I. Lenin. Vol. XII [Electronic resource]. URL: www.leninism.su.

11. Panova T. D. The Kremlin tombs. History, destiny, mystery. — Moscow, 2003.

12. Letter from N. A. Semashko V. I. Lenin and members of the Politburo of the Central Committee of the RCP (B.) Of May 21, 1922 // RGASPI. Fund 2. Inventory 1 (archive of A. N. Yakovlev).

13. Letter from the RGASPI № 801 of 15.11.2017 to Novoselov V. M.

14. Letter of RGASPI № 65 of 03.02.2017 to Novoselov V. M.

15. Letter from RGASPI № 216 dated 10.04.2017 to Novoselov V. M.

16. Resolution of the Politburo of the Central Committee of the RCP (B.) On the letter of N. A. Semashko about the congress of doctors on May 22, 1922 // AP RF. Fund 3. Inventory 58. File 175. Sheet 1(archive of A. N. Yakovlev).

17. Skvortsov V. I. Course of pharmacology. — Moscow; Leningrad, 1929.

18. Film copies of medical documentation F. E. Dzerzhinsky // RGASPI. Fund 76. Case 30.

19. Fournier A. F. The doctrine of syphilis: тranslation from French / Edited by Professor A. I. Pospelov. — Moscow, 1899.

20. Zeissl Dr. Fundamentals of pathology and therapy of syphilis and associated venereal diseases: тranslation from German. — Moscow, 1876.

21. Strumpel A. A guide to private pathology and therapy of internal diseases for doctors and students. Translation from German. — Moscow, 1896.

22. Nonne M. Syphilis und Nervensystem. Ein Handbuch in zwanzig Vorlesungen. — Berlin, 1924.

Author

Novoselov Valery M. — director Non-profit organization «Scientific Medical Gerontological Center» (Russia, 143005, Moscow Region, Odintsovo, Kutuzovskaya, 33–1; e-mail: novoselovvm@mail.ru).

УДК 614.1:314.422.2

Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Казанцева А. В., Васянина А. К.

СНИЖЕНИЕ МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ К ЗАДАЧАМ ПО УСТРАНЕНИЮ НЕРАВЕНСТВА[1]

Анализ тенденций изменения младенческой смертности является важной основой для принятия органами управления здравоохранением решений для достижения положительных результатов. Выполнено ретроспективное сплошное исследование случаев смерти детей в возрасте до одного года в Свердловской области за 2012–2017 гг. Отмечается снижение младенческой смертности до уровня ниже целевых показателей — до 4,7 на 1000 родившихся живыми. Наиболее выражено снижение показателей по классам состояний перинатального периода и врожденных аномалий, что свидетельствует об улучшении оказания медицинской помощи новорожденным и женщинам в период беременности и родов. В структуре младенческой смертности в 2017 году 42,6 % составили состояния перинатального периода, 14,9 % — врожденные аномалии,12,8 % — внешние причины смерти. Наблюдается различие уровней и структуры младенческой смертности на территориях области: в сельской местности показатели выше по сравнению с городской в 1,7 раза, в отдаленных административных округах — в 1,6 раза выше, чем в областном центре, в отдаленных территориях больше доля случаев смерти детей на дому, особенно от внешних причин. Эти особенности указывают на неравные условия доступности, качества оказания медицинской помощи и влияния различных социальных факторов. В последние годы шире применяются телемедицинские технологии, возросла доля больных, которым оказана высокотехнологичная медицинская помощь, до 17,6 % снижена доля детей до года, умерших в стационарах первого уровня.

Ключевые слова: младенческая смертность, причины смерти, влияние факторов

Введение

Анализ тенденций изменения младенческой смертности (МС) является важной основой для принятия органами управления здравоохранением решений по разработке мер, направленных на достижение положительных результатов [6]. На глобальном и национальном уровнях смертность детей в возрасте до одного года обоснованно входит в число важнейших медико-демографических показателей, характеризующих состояние социально-экономического развития и благополучия региона. Одной из задач Государственной программы развития здравоохранения в Российской Федерации [1] является достижение уровня МС не выше 5,8 на 1000 родившихся живыми к 2018 году. В Европейском регионе, по данным Всемирной

[1] © Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Казанцева А. В, Васянина А. К. Текст. 2018.

организации здравоохранения (ВОЗ), уровень МС в 2016 году составлял 8,3 на 1000 родившихся живыми [5].

Цель исследования — изучить тенденции изменения уровня и структуры младенческой смертности в Свердловской области для обоснования коррекции управляемых факторов.

Материалы и методы

Выполнено ретроспективное сплошное наблюдение, объектом изучения которого явились случаи смерти детей в возрасте до одного года в Свердловской области за период с 2012 по 2017 гг. В качестве источников информации использованы данные Федеральной службы государственной статистики и Управления по Свердловской области и Курганской области[1], отчеты Министерства здравоохранения Свердловской области, базы данных мониторинга за детской смертностью Свердловской областной детской клинической больницы № 1. Методы исследования — эпидемиологического анализа, статистический. Статистическая обработка выполнялась с применением программы Excel 7.0, для оценки достоверности различий показателей применен *t*-критерий.

Результаты исследования

Возраст до года как наиболее уязвимый возраст вносит наибольший вклад в детскую смертность — в Свердловской области в 2016 г. 55,4 % детей умерло на первом году жизни. Проведенный анализ данных по младенческой смертности показал, что в регионе за период 2012–2017 гг. продолжалась тенденция к снижению смертности детей в возрасте до 1 года — с 7,3 до 4,7 на 1000 родившихся живыми ($p < 0{,}001$). Достигнутый уровень МС лучше целевого показателя, установленного Территориальной программой государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи [4] — 6,0 на 1000 родившихся живыми. При этом на протяжении всего данного периода по уровню МС Свердловская область относится к благополучным регионам (в 2016 году 50-е место среди всех субъектов РФ), а показатели ниже среднероссийских — 8,6 и 6,9, соответственно.

Снижение МС происходит как в городской местности (в 2016 году в 1,3 раза ниже по сравнению с 2012 годом), так и в сельской (на 4 %), но в городской местности сохраняется более низкий уровень МС: в 2016 году 5,3 и 8,8 на 1000 родившихся живыми, соответственно, то есть в 1,7 раза меньше.

Меняется структура умерших по месту смерти за счет увеличения учреждений более высокого уровня: в перинатальных центрах доля умерших возросла с 22,9 % в 2012 году до 33,9 % в 2017 году, в областных центрах 17,1 %, в межмуниципальных педиатрических центрах 8,9 %; доля умерших в учреждениях I уровня (центральные районные и городские, детские больницы, родильные отделения по месту жительства) сократилась с 35,9

[1] См.: http://www.gks.ru, http://sverdl.gks.ru

до 17,6 %. Неизменной остается доля детей, умерших на дому, — 20,2 % в 2017 году.

Выявлено значительное неравенство в показателях МС по административным управленческим округам (таблица). Так, наиболее высокие показатели регистрируются в отдаленных округах области (до 7,5 на 1000 родившихся живыми), а наиболее низкие — в областном центре (г. Екатеринбург, 4,6 на 1000 родившихся живыми). Наблюдаемая разница по сравнению с г. Екатеринбургом достигает: по уровню младенческой смертности — в 1,6 раза (Северный округ), неонатальной смертности — в 1,8 раза (Западный и Горнозаводской округа), постнеонатальной смертности — в 1,8 раза (Северный округ). В Северном и Восточном округах наблюдаются наиболее высокие уровни постнеонатальной смертности (до 4,3 на 1000 родившихся живыми) с наиболее высокой долей детей, умерших в возрасте от 1 до 12 месяцев — 57,3 % и 57,4 % соответственно (по сравнению с 50,0 % в среднем по области).

На различия в показателях младенческой смертности между управленческими округами могут оказывать влияние разные условия обеспечения доступности, маршрутизации и качества оказания медицинской помощи

Таблица

Показатели младенческой смертности по управленческим округам Свердловской области, 2016 год

Показатели	Управленческие округа					
	Западный	Южный	Северный	Восточный	Горнозаводской	г. Екатеринбург
Младенческая смертность, на 1000 родившихся живыми	6,4	6,3	7,5	6,1	6,7	4,6
Неонатальная смертность, на 1000 родившихся живыми	3,8	3,0	3,2	2,6	3,8	2,1
Постнеонатальная смертность, на 1000 родившихся живыми	2,6	3,3	4,3	3,5	2,9	2,4
Доля постнеонатальной смертности в младенческой смертности, %	40,6	52,4	57,3	57,4	43,3	52,2
Причины младенческой смертности, на 1000 родившихся живыми:						
состояния перинатального периода	3,1	3,0	2,4	2,1	3,2	1,8
внешние причины смерти	1,0	0,9	2,4	1,0	1,2	0,5
врожденные пороки	0,6	0,6	1,1	1,2	0,5	0,8
инфекционные болезни	0,9	0,6	1,3	0,7	0,5	0,2

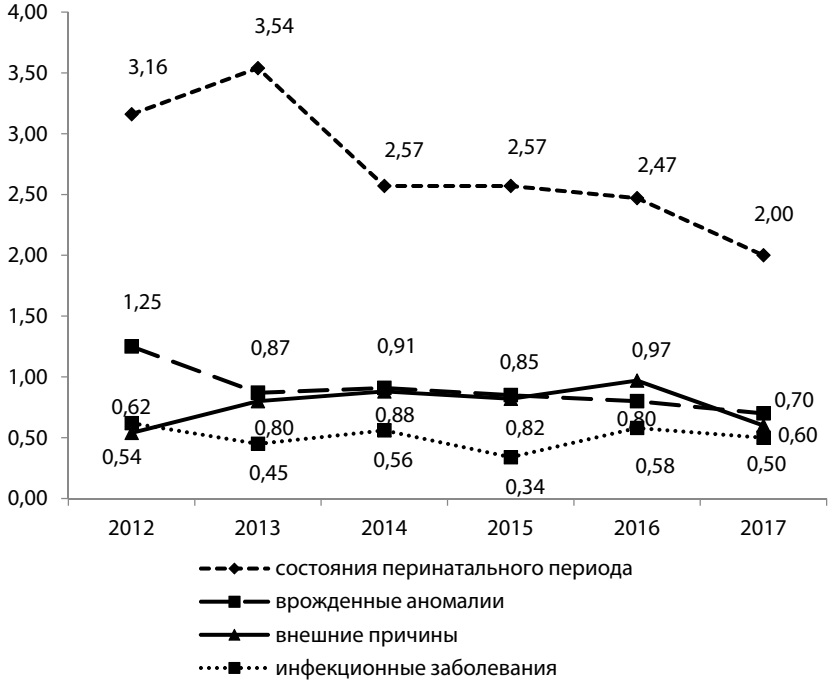


Рис. *Младенческая смертность от отдельных причин в Свердловской области, 2012–2016 гг. (на 1000 родившихся живыми)*

в отдаленных территориях по сравнению с г. Екатеринбургом, а также может свидетельствовать о более выраженном влиянии на смерть детей социальных факторов на неблагополучных территориях

В структуре МС лидируют отдельные состояния перинатального периода (в 2017 году 42,6 %), на втором месте находятся врожденные аномалии (14,9 %), на третьем — внешние причины смерти (12,8 %). При этом более выражена положительная динамика смертности от малоуправляемых причин смерти — состояний перинатального периода (в 1,6 раза, $p < 0{,}05$) и врожденных аномалий (в 1,8 раза, $p < 0{,}05$), что может свидетельствовать об улучшении оказания в Свердловской области медицинской помощи новорожденным и женщинам в период беременности и родов.

Как представлено в таблице, по уровню младенческой смертности от отдельных причин также выявлены различия между управленческими округами. Повышенный уровень МС от состояний перинатального периода характерен для Западного, Южного и Горнозаводского округов (различия с г. Екатеринбургом в 1,8 раза). МС от врожденных пороков имеет наиболее высокий уровень в Северном и Восточном округах, что свидетельствует о

несвоевременном их выявлении. В то же время от управляемых причин (внешние причины и инфекционные заболевания) наиболее высокие показатели зарегистрированы в Северном округе (превышение над показателями г. Екатеринбурга — в 4,8 и 6,5 раза, соответственно), что может указывать на влияние социальных факторов и несвоевременное обращение за медицинской помощью.

Положительная динамика показателей МС в целом и по отдельным причинам наблюдается во всех управленческих округах, кроме Западного (показатель МС остался на уровне 6,4 на 1000 родившихся живыми).

Высоким сохраняется уровень смертности от внешних причин, которая выше в сельской местности — в 2016 году на 35 %, что может свидетельствовать о влиянии социально-экономических факторов. Более половины случаев смерти от внешних причин происходят на дому; в 37 % случаев — это смерти от механической асфиксии в результате совместного сна ребенка с родителями и аспирации инородных предметов, которые чаще наблюдаются в семьях высокого социального риска и при наличии алкоголизма.

При этом в г. Екатеринбурге и Восточном округе на дому умирает до 80,0 % от общего числа умерших от внешних причин. Без учета умерших на дому, наиболее высокие показатели МС от травм и отравлений наблюдались в Северном и Горнозаводском округах (0,8 на1000 родившихся живыми), а наименьшие — в г. Екатеринбурге и Восточном округе (0,1 и 0,2 на 1000 родившихся живыми, соответственно), что может свидетельствовать о различии в условиях оказания медицинской помощи в неотложной и экстренной форме в различных округах на территории Свердловской области.

Таким образом, решение проблемы роста МС от внешних причин требует усиления работы с социально неблагополучными семьями на основе межведомственного подхода: проведение окружных выездных совещаний по алгоритмам оказания помощи, информирование родителей о требованиях, необходимых для сохранения жизни и здоровья детей, мониторинг семей высокого социального риска, патронажи в выходные и праздничные дни, временное помещение детей в Дом ребенка. В совместной работе с главами муниципальных образований акцентируется внимание на необходимости организации помощи неблагополучным семьям, в том числе по трудоустройству.

В снижении младенческой смертности значимую роль играют своевременность и доступность медицинской помощи независимо от места проживания. Маршрутизация детей в Свердловской области осуществляется на основании соответствующих приказов Минздрава России [3] и Минздрава Свердловской области [4] с ростом в последние годы доли детей, направляемых на госпитализацию в учреждения III уровня оказания медицинской помощи (Областной перинатальный центр, городской перинатальный центр Детской городской больницы № 10, Уральский научно-исследовательский институт охраны материнства и младенчества),

внедряются телемедицинские технологии при консультировании тяжелых пациентов специалистами учреждений III уровня. Так, например, в 2016 году после консультаций в Свердловском областном реанимационно-консультативном центре новорожденных была произведена перегоспитализация тяжелых детей в Областную детскую клиническую больницу № 1 в 61,6 % случаев (по сравнению с 42,7 % в 2014 году), что свидетельствует о повышении доступности высокотехнологичной медицинской помощи детям первого года жизни.

В 2016 году среди детей до года, умерших в условиях стационара (79,8 % от числа умерших), большинство умирало в медицинских организациях II уровня (40,8 %) и III уровня (39,9 %), в то время как в учреждениях I уровня умерло 19,4 %. При этом на учреждения III уровня приходится в основном неонатальная смертность (74,6 %), а на учреждения I уровня — постнеонатальная (69,6 %).

Однако по МС от внешних причин наибольший уровень показателя отмечается в учреждениях I уровня — в 2016 г. 6,8 на 1000 родившихся живыми, что в 7,6 раза выше, чем в среднем по области (0,9 ‰), в то время как в учреждениях III уровня, куда госпитализируются пациенты с наиболее тяжелой патологией, — только 0,8 ‰. Особенно высок показатель смертности от внешних причин в учреждениях I уровня в Северном округе как отдаленной территории области — 22,7 ‰.

Выявленные существенные различия показателей уровня и структуры МС на разных территориях в границах одного субъекта Федерации при достигнутом низком среднеобластном уровне МС являются свидетельством различной выраженности воздействия социальных детерминант. Для дальнейшего снижения МС в Свердловской области необходимо поставить задачи по устранению существующего неравенства, что потребует усиленного внимания к решению комплекса социально-экономических проблем, которые оказывают неблагоприятное влияние на условия ухода за детьми в семьях жителей сельской местности и отдаленных территорий области. Повышение доступности и качества оказания специализированной медицинской помощи, в том числе экстренной и неотложной, беременным женщинам и детям первого года жизни на территориях с повышенным уровнем МС может быть достигнуто при условии надлежащего контроля за маршрутизацией этой группы пациентов в учреждения II и III уровней, устранения дефицита медицинских кадров в первичном звене, повышения квалификации медицинских работников, взаимодействия медицинских и социальных служб для организации медико-социального сопровождения семей из групп риска.

Выводы

В Свердловской области наблюдаются положительные тенденции снижения младенческой смертности до 5,8 на 1000 родившихся живыми, что лучше установленных целевых показателей. Более выражена

положительная динамика смертности от малоуправляемых причин смерти — состояний перинатального периода (в 1,3 раза, $p < 0{,}05$) и врожденных аномалий (в 1,6 раза, $p < 0{,}05$), что свидетельствует об улучшении оказания медицинской помощи новорожденным и женщинам в период беременности и родов.

Выявлено неравенство в уровне младенческой смертности на территории области: показатель выше в сельской местности по сравнению с городской — в 1,7 раза (5,3 ‰ и 8,8 ‰, соответственно), в отдаленных округах области по сравнению с областным центром — в 1,6 раза (до 7,5 ‰ и 4,6 ‰, соответственно); выявлены различия между округами по уровню смертности от отдельных причин, что указывает на влияние условий обеспечения доступности, маршрутизации и качества оказания медицинской помощи в отдаленных территориях, а также социальных факторов на неблагополучных территориях.

В структуре младенческой смертности при сохранении лидирующей позиции состояний перинатального периода (в 2016 г. 42,6 %) на втором месте находятся врожденные аномалии (14,9 %), на третьем — внешние причины смерти (12,8 %). Смертность от внешних причин выше в сельской местности — в 2016 году на 35 %, что свидетельствует о влиянии социально-экономических факторов. В более половины случаев смерть происходит на дому, их них 37 % — от механической асфиксии в результате совместного сна ребенка с родителями и аспирации инородных предметов.

Увеличивается доля больных, которым оказывается высокотехнологичная медицинская помощь с применением телемедицинских технологий, что способствует улучшению перенаправления тяжелых пациентов при госпитализации и снижению доли детей до года, умерших в стационарах I уровня (до 17,6 %).

Для дальнейшего снижения МС необходимо устранять неравенство в обеспечении социально-экономических условий ухода за детьми в сельской местности и отдаленных территориях области, обеспечивать доступность специализированной медицинской помощи и маршрутизацию пациентов, организацию медико-социального сопровождения семей из групп повышенного риска.

Список источников

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 1640 [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/71848440/ (дата обращения: 06.05.2018 г.).

2. О совершенствовании медицинской помощи новорожденным детям на территории Свердловской области : приказ Министерства здравоохранения Свердловской области от 4.10.2017 № 1687п / Министерство здравоохранения Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: https://minzdrav.midural.ru/uploads/document/3574/1687-p.pdf (дата обращения 6.05.2018 г.).

3. Порядок оказания педиатрической помощи : утв. Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16.04.2012 № 366н [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70183024/ (дата обращения 6.05.2018 г.).

4. Территориальная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Свердловской области на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов: утв. Постановлением Правительства Свердловской области от 29.12.2016 г. №955-ПП / Министерство здравоохранения Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://minzdrav.midural.ru/uploads/document/3139/955-pp.pdf (дата обращения 3.03.2018 г.).

5. Probability of dying per 1000 live births / World Health Organization [2018] [Электронный ресурс]. URL: http://apps.who.int/gho/data/view.main.CM1300R?lang=en (дата обращения 03.05.2018 г.).

6. Reaching the every newborn national 2020 milestones: country progress, plans and moving forward // World Health Organization. — 2017. — 73 p.

Информация об авторах

Ножкина Наталья Владимировна — доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Зарипова Татьяна Викторовна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Казанцева Анна Владимировна — кандидат медицинских наук, ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Васянина Анастасия Константиновна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Nozhkina N. V., Zaripova T. V., Kazantseva A. V., Vasyanina A. K.

Infant Mortality Reduce in Sverdlovsk Region: from Achieving Target Indicators to Eliminating Inequalities

Analysis of trends in infant mortality is an important basis for health authorities to develope measures aimed at achieving positive results. A retrospective comprehensive study of deaths of children under one year in the Sverdlovsk region for the period from 2012 to 2017 was carried out The positive dynamics of infant mortality reduce to a level below the target values, mainly due to the perinatal period and congenital anomalies, was revealed, that shows an improvement of medical care for newborns and women during pregnancy and childbirth. There is inequality in infant mortality in the region: it is higher in rural areas compared to urban — 1.7 times, in remote districts compared to the regional center — 1.6 times, which indicates the influence of conditions of accessibility, routing and quality of medical care in remote areas, the impact of social factors in disadvantaged areas. In the structure of infant mortality 42.6 % are perinatal conditions,14.9 % — congenital anomalies,12,8 % — external causes of death. Deaths from external causes were occurred at home in 50 %. The share of patients who received high-tech medical care with medical technologies increased, that improves the redirection of heavy patients and reduce the proportion of infants who died in the first level of hospitals (up to 17.6 %).

Keywords: infant mortality, causes of death, influence of factors.

References

1. The State programme of the Russian Federation "Health promotion": approved by resolution of the Government of the Russian Federation dated 26.12.2017 № 1640 [online]. Information and law Portal "Garant". URL: http://base.garant.ru/71848440/ (cited 2018 May 6) (In Russ.).

2. On improving medical care newborns on the territory of Sverdlovsk region: order of the Ministry of health of the Sverdlovsk region from 4.10.2017 № 1687-p [online]. Ministry of health of the Sverdlovsk region. URL: https://minzdrav.midural.ru/uploads/document/3574/1687-p.pdf (cited 2018 May 6) (In Russ.).

3. The procedure for providing paediatric treatment: approved by the order of Ministry of health and social development of the Russian Federation from 16.04.2012 № 366-n [online]. Information and law Portal "Garant". URL: http://base.garant.ru/70183024/ (cited 2018 May 6) (In Russ.).

4. Territorial program of State guarantees of free medical assistance to citizens in the Sverdlovsk region in the year 2017: approved by resolution of the Government of Sverdlovsk region from 29.12.2016 № 955-pp [online]. Ministry of health of the Sverdlovsk region. URL: http://minzdrav.midural.ru/uploads/document/3139/955-pp.pdf (cited 2018 May 6) (In Russ.).

5. Probability of dying per 1000 live births [online]. World Health Organization. 2018. URL: http://apps.who.int/gho/data/view.main.CM1300R?lang=en (cited 2018 May 6).

6. Reaching the every newborn national 2020 milestones: country progress, plans and moving forward // World Health Organization. 2017. 73 p.

Authors

Nozhkina Natalia Vladimirovna — Doctor of Medicine, Professor, Chief of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, 3 Repina St.).

Zaripova Tatjana Viktorovna — Candidate of Medicine, Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, 3 Repina St.).

Kazantseva AnnaVladimirovna — Candidate of Medicine, Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, 3 Repina St.).

Vasyanina Anastasia Konstantinovna — Candidate of Medicine, Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, 3 Repina St.).

УДК 614.1: 314.424:616.3+338.054.23

Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Ошкордина А. А.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОТЕРЬ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ ОРГАНОВ ПИЩЕВАРЕНИЯ[1]

Болезни органов пищеварения — одна из частых причин смерти, которая в России имеет тенденцию к росту. Цель исследования — оценить социально-демографический и экономический ущерб в результате смертности населения Свердловской области по данному классу заболеваний. Применены методы эпидемиологического анализа, статистический, экономический. Установлено, что в Свердловской области смертность от болезней органов пищеварения за пять лет возросла на 21,0 %. Случаи смерти характерны для взрослого населения от 30 до 70 лет (69,2 %). Среди умерших мужчины составили 54,2 %; лица трудоспособного возраста — 40,5 %, среди них 52,4 % нигде не работали. В структуре причин смерти лидируют циррозы печени 32,8 %. У мужчин выше доля алкогольной болезни печени (16,0 %) и болезней поджелудочной железы (11,5 %). Экономический ущерб в результате преждевременной смертности от болезней органов пищеварения за 2015–2016 годы составил 1,26 миллиарда рублей.

Ключевые слова: смертность, болезни органов пищеварения, экономический ущерб

Введение

Актуальность проблемы смертности от болезней органов пищеварения для Российской Федерации, где среди причин смерти они занимают четвертое место, более выражена, чем для других стран мира (шестое место в глобальном масштабе и в Европейском регионе) [1, 7]. В последние годы наблюдается рост смертности по этому классу заболеваний (более чем на 10 % с 2011 года), преимущественно за счет алкогольных циррозов, что может рассматриваться как признак маргинализации населения [2]. Смерть от болезней органов пищеварения более чем в 60 % случаев происходит преждевременно (в возрасте до 60 лет) [4, с. 43–44], что способствует снижению трудового потенциала России.

Представленное исследование проведено с целью оценки социально-демографического и экономического ущерба, наносимого смертностью вследствие болезней органов пищеварения в Свердловской области.

Материалы и методы

Оценка социально-экономического ущерба проведена путем сплошного ретроспективного исследования за период 2012–2016 гг. на базе Свердловской области. В качестве объекта исследования были выбраны случаи смерти по классу XI «Болезни органов пищеварения» Международной

[1] © Ножкина Н. В., Зарипова Т. В., Ошкордина А. А. Текст. 2018.

статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра (МКБ-10).

Применены методы эпидемиологического анализа, статистический и экономический.

Информация получена из официальных источников Министерства здравоохранения Свердловской области и Федеральной службы государственной статистики. Использованы данные статистической отчетности по смертности населения области ГБУЗ СО «МИАЦ» и данные статистических сборников Росстата.

Медико-социальные характеристики умерших и оценка экономического ущерба изучены на основе электронной базы данных «Танатос» за 2015–2016 гг., которая содержит сведения «медицинских свидетельств о смерти» (учетная форма № 106/у-08), выданных медицинскими организациями Свердловской области. Характеристики рассмотрены в целом и с разбивкой по полу и возрасту. Соблюдены все этические требования.

Возрастные группы определены согласно статистическому подходу, принятому в Российской Федерации, согласно которым к детям относятся лица в возрасте до 17 лет включительно, к взрослому населению — с 18 лет и старше; к населению трудоспособного возраста — мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 лет; к населению в возрасте экономической активности — 15–72 года.

Оценка причин смерти проводилась с разбивкой по трехзначным и четырехзначным рубрикам МКБ-10 [6] по электронной базе данных с учетом подходов к оценке смертности, принятых Всемирной организацией здравоохранения [7] и Росстатом. Для оценки использованы сведения по основной (первоначальной) причине смерти, которые являются основой для формирования статистики смертности населения.

При оценке экономического ущерба применен метод расчета недополученных доходов [3]. В качестве целевой группы взяты лица трудоспособного возраста как группы населения с потенциально наиболее значительным экономическим ущербом. Для расчетов взяты следующие составляющие ущерба: социальные выплаты в связи с потерей кормильца; упущенная выгода в производстве валового внутреннего продукта вследствие снижения численности лиц, занятых в экономике; стоимость непрожитых (потерянных) лет.

Статистическая обработка проведена с помощью пакета программ Microsoft Excel с расчетом интенсивных и средних показателей, достоверность различий — по критериям хи-квадрат и Стьюдента.

Результаты исследования

В последние годы показатель смертности в Свердловской области, повторяя общероссийские тенденции, после периода снижения в 2003–2013 гг. до 13,9 на 1000 населения, в 2014–2016 гг. стабилизировался на уровне около 14 ‰. Однако по болезням органов пищеварения (БОП)

показатель смертности растет — с 2012 г. на 21,0 %, и стабильно превышает аналогичный общероссийский показатель — в 2016 году в 1,2 раза ($p < 0{,}001$), причем разрыв все более увеличивается.

Болезни органов пищеварения в структуре причин смерти населения стоят на 4-м месте, при этом их доля в Свердловской области за 2012–2016 годы возросла с 5,1 до 6,0 % ($p < 0{,}001$), превысив среднероссийский показатель (5,2 %). Выявлены гендерные различия — доля БОП среди мужчин выше по сравнению с женщинами: 6,3 % и 5,5 %, соответственно ($p < 0{,}001$).

Среди умерших от данных заболеваний, как и в целом по России, преобладают мужчины — 54,2 %, и показатель смертности от БОП среди мужчин в 1,4 раза превышает аналогичный показатель среди женщин (96,8 по сравнению с 69,3 на 100 000 населения, $p < 0{,}001$).

Случаи смерти по данному классу болезней характерны для взрослого населения 30 лет и старше — 98,6 %, причем 69,2 % умирают, не дожив до 70 лет. Мужчины умирают в более молодом возрасте: до 70 лет — 82,3 % по сравнению с 56,1 % среди женщин ($p < 0{,}001$).

На трудоспособный возраст приходится 40,5 % смертей от БОП, а среди мужчин — 54,0 % по сравнению с 22,7 % среди женщин ($p < 0{,}001$). Эти показатели выше по сравнению с общей структурой смертности, где на лиц трудоспособного возраста в 2012–2016 гг. в среднем приходилось 26,3±0,4 %: среди мужчин 40,4±0,6 %, среди женщин — 11,3±0,2 % ($p < 0{,}001$), что обусловливает особую значимость смертности от БОП в плане оценки экономического ущерба для общества.

Среди умерших от БОП большая часть — жители городов (79,3 %) и только 15,8 % — жители сельской местности, что соответствует структуре населения области по месту жительства; лица без определенного места жительства составили 3,0 %. Более половины умерли в стационаре — 62,3 %, дома умерли 26,2 %, а 10,6 % — в другом месте (на улице, в подъезде и т. п.).

Для умерших изучаемой группы характерен низкий социальный статус. Так, не имели профессионального образования 43,5 %, а высшее профессиональное образование имели только 8,8 %. Среди лиц трудоспособного возраста были трудоустроены лишь 9,1 %, официально зарегистрированы как безработные 23,1 %, пенсионеры и инвалиды составили 13,4 %, а 52,4 % не работали и не имели официальных источников дохода.

В структуре причин смерти от болезней органов пищеварения (табл. 1) лидируют: болезни печени, в том числе циррозы (32,8 %) и алкогольная болезнь печени (13,8 %); далее следуют сосудистые болезни кишечника (13,5 %), язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки (12,3 %) и болезни поджелудочной железы (10,0 %).

Особенностью структуры смерти мужчин является более существенная доля алкогольной болезни печени (16,0 % по сравнению с 11,1 % среди женщин, $p < 0{,}001$) и болезней поджелудочной железы (11,5 % по сравнению с

Таблица 1

Структура причин смерти от болезней органов пищеварения в Свердловской области (2016 г.), %

Причины смерти	Умершие от болезней органов пищеварения			В том числе лица трудоспособного возраста		
	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
Цирроз печени	33,6	34,3	31,0	43,5	41,5	48,6**
Алкогольная болезнь печени	13,8	16,0	11,1*	22,8	21,9	25,2
Сосудистые болезни кишечника	12,7	9,9	17,8*	2,1	2,6	0,8
Язва желудка и двенадцатиперстной кишки	12,2	13,0	11,2	8,0	8,8	6,0
Болезни поджелудочной железы	9,6	11,5	8,2*	12,8	14,4	8,6*
Другие	18,1	15,3	20,7	10,9	10,9	10,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: различия по полу достоверны: * $p < 0{,}001$, ** $p < 0{,}05$.

8,2 %, $p < 0{,}001$). У женщин, напротив, выше доля сосудистых болезней кишечника — 17,8 % по сравнению с 9,9 % среди мужчин ($p < 0{,}001$), в результате чего структура причин смерти у них меняется, и эти заболевания выходят на второе место.

В трудоспособном возрасте роль цирроза, алкогольной болезни печени и болезней поджелудочной железы как причин смерти выше — 43,5 %, 22,8 %

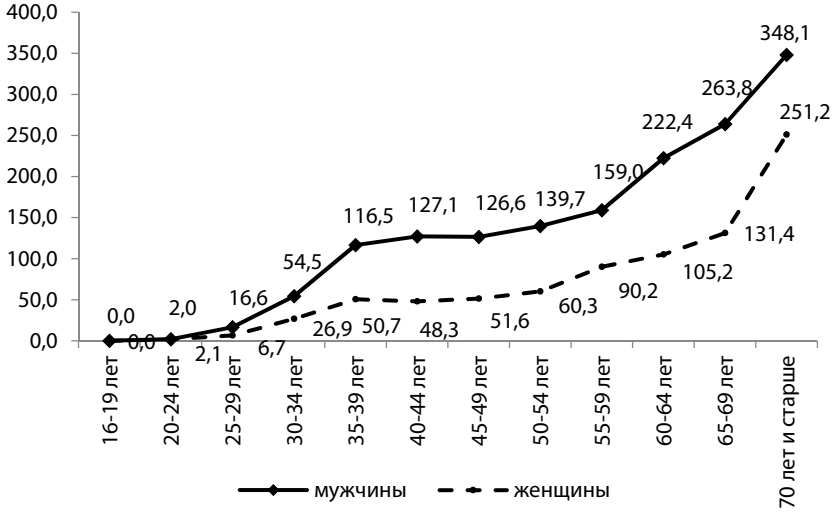


Рис. *Повозрастные показатели смертности населения от болезней органов пищеварения, Свердловская область, 2015–2016 гг. (на 100 000 лиц соответствующей возрастной группы)*

и 12,8 % в структуре смертности от БОП соответственно, или в 1,3, в 1,7 и в 1,3 раза соответственно ($p < 0{,}001$), в то время как доля язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки меньше, а сосудистых болезней кишечника — всего 2,1 %. При этом среди женщин трудоспособного возраста доля цирроза и алкогольной болезни печени выше, чем среди мужчин — 48,6 % и 25,2 % по сравнению с 41,5 % и 21,9 %, соответственно ($p < 0{,}05$).

Анализ выявил два периода роста повозрастных показателей смертности (рис.) — с 25 до 39 лет (с 2,0 до 116,5 на 100 000 у мужчин и с 2,1 до 50,7 на 100 000 у женщин соответствующей возрастной группы, $p < 0{,}001$) и с 55 лет и старше. Период замедления темпов прироста смертности наблюдается в возрастным интервале с 40 до 54 лет, когда у мужчин рост уровня показателя замедляется, а у женщин даже выявлено его некоторое снижение (до 48,3 ‰ в возрастной группе 45–49 лет). В возрастной группе 70 лет и старше, повторяя общие тенденции, показатели достигают максимального значения (до 348,1 ‰ у мужчин и 251,2 ‰ у женщин).

По отдельным нозологическим группам выявлены особенности повозрастной динамики показателя смертности. Так, среди мужчин отмечены пики смертности с последующим периодом снижения перед подъемом в старших возрастных группах: от циррозов печени — в возрастной группе 35–39 лет (до 60,7 ‰), от алкогольной болезни печени — 40–44 года (до 31,6 ‰), от болезней поджелудочной железы — 50–54 года (до 18,5 ‰). Среди женщин рост показателей менее выражен и идет более плавными темпами.

Определение социально-экономического ущерба от преждевременной смертности населения является важным этапом при оценке эффективности и взаимосвязанности экономической и социальной политики. Экономическая оценка ущерба, наносимого в результате смертности экономически активного населения территории, представляет важную составляющую региональных характеристик и должна учитываться при разработке программ, направленных на охрану здоровья населения и улучшение демографической ситуации.

В Свердловской области за период с 2015 по 2016 гг. произошло снижение среднегодовой численности населения на 1,3 тыс. человек (табл. 2), а численности населения в возрасте экономической активности (15–72 года) вследствие смертности и старения населения — на 17,8 тыс. человек. Среди умерших более половины (в 2016 году 53,8 %) составляют лица в возрасте экономической активности, более 65 % из которых — мужчины.

Таким образом, результаты оценки показывают, что в связи с преждевременной смертностью населения трудоспособного возраста по причине БОП в Свердловской области суммарно за 2015–2016 годы был недополучен валовой региональный продукт (недополученный экономический эффект) в размере 1,26 миллиарда рублей.

Экономические оценки в системе здравоохранения необходимы для выбора управленческих решений и разработки методических подходов в

Таблица 2

Экономический ущерб от смертности населения по болезням органов пищеварения в Свердловской области

Показатели	2015 г.	2016 г.
Среднегодовая численность населения, тысяч человек	4328,7	4330,0
Среднегодовая численность населения в возрасте экономической активности, тысяч человек	3186,3	3168,4
Валовой региональный продукт, тысяч руб. на душу населения в год	428,7	438,6
Недополученный вследствие смертности от БОП валовой региональный продукт, млн рублей, всего в т. ч.: мужчины женщины	636,6 468,1 168,5	625,0 450,9 174,1

определении планируемых и фактических расходов на программы и мероприятия по охране здоровья, а также анализа объемов общественного производства, недополученных вследствие медико-социальных потерь.

Выводы

В Свердловской области смертность от болезней органов пищеварения за пять лет возросла на 21,0 %; повозрастные показатели смертности существенно возрастают с 25 до 39 лет; 54,2 % умерших составляют мужчины, уровень смертности мужчин в 1,4 раза выше, чем среди женщин; лица трудоспособного возраста составили 40,5 %, что обусловливает значимость оценки экономического ущерба, связанного с данной проблемой.

Для умерших характерен низкий социальный статус: без профессионального образования 43,5 %; среди лиц трудоспособного возраста трудоустроены лишь 9,1 %, а 52,4 % не работали и не имели официальных источников дохода.

Среди причин смерти лидируют циррозы печени (32,8 %), алкогольная болезнь печени (13,8 %), сосудистые болезни кишечника (13,5 %), язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки (12,3 %) и болезни поджелудочной железы (10,0 %). У мужчин выше доля алкогольной болезни печени (16,0 %) и болезней поджелудочной железы (11,5 %), у женщин — сосудистых болезней кишечника (17,8 %). В трудоспособном возрасте выше доля цирроза (43,5 %) и алкогольной болезни печени (22,8 %).

В связи с преждевременной смертностью по причине болезней органов пищеварения за 2015–2016 годы в Свердловской области экономический ущерб составил 1,26 миллиарда рублей.

Список источников

1. Демография. Федеральная служба государственной статистики. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения:11.05.2018).

2. Иванова А. Е., Михайлов А. Ю. Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России // Социальные аспекты здоровья населения.

2017. № 5(57). [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/914/30/lang,ru/ (дата обращения: 11.05.2018).

3. Козлова О. А., Нифантова Р. В., Макарова М. Н. Методические вопросы оценки экономического ущерба от смертности населения, занятого в экономике региона // Экономика региона. — 2017. — № 13. — Вып. 2. — С. 511–523.

4. Новоселов В. П., Бабенко А. И., Никифоров Д. Б., Бабенко Е. А. Распространенность патологических процессов, приводящих к летальному исходу от болезней системы кровообращения, органов дыхания и пищеварения // Вестник судебной медицины. — 2016. — № 1. — Т. 5. — С. 41–46.

5. Сабгайда Т. П., Семенова В. Г. Связь снижения сердечно-сосудистой смертности 2013–2015 годов с изменением смертности от других причин // Социальные аспекты здоровья населения. — 2017. — № 5 (57). [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/915/30/lang,ru/ (дата обращения: 11.05.2018).

6. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision. World Health Organization. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://apps.who.int/classifications/icd10/browse/2016/en (дата обращения:11.05.2018).

7. Disease burden and mortality estimates. World Health Organization. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/estimates/en/index1.html (дата обращения: 11.05.2018).

Информация об авторах

Ножкина Наталья Владимировна — доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации» (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Зарипова Татьяна Викторовна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Ошкордина Алла Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики социальной сферы ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» Министерства образования и науки Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45).

Nozhkina N. V., Zaripova T. V., Oshkordina A. A.

Socio-Demographic and Economic Aspects of Damage from Diseases of the Digestive System

Diseases of the digestive system are the frequent causes of death, which in Russia tends to increase. The aim of the study is to assess the socio-demographic and economic damage as a result of mortality in the Sverdlovsk region in this class of diseases. The methods of epidemiological analysis, statistical, economic are applied. It was found that in the Sverdlovsk region the death rate from diseases of the digestive system increased by 21.0 % over five years. 69.2 % of deaths are in the age between 30 and 70 years old. Men amounted to 54.2 % among dead, persons of working age — 40.5 %, among them 52.4 %. were nonworking. In the structure of causes of death liver cirrhosis is 32.8 %. The proportion of alcoholic liver disease and pancreatic disease is higher among men (16.0 % and 11.5 %). Economic damage as a result of premature death from diseases of the digestive system for 2015–2016 amounted to 1.26 billion rubles.

Keywords: mortality, diseases of the digestive system, economic losses

References

1. Demographics. Federal State Statistics Service. 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (cited 2018 May 11).

2. Ivanova A. E., Mikhailov A. Yu. Assessment of population policy aimed at reducing mortality at the regional level in Russia // Social'nye aspekty zdorov'a naselenia. 2017. № 57(5) [Electronic resource]. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/914/30/lang,ru/ (cited 2018 May 11) (In Russian).

3. Kozlova O. A., Nifantova R. V., Makarov M. N. Methods of the assessment of economic losses caused by the mortality of the population employed in regional economy // Ekonomika regiona. — 2017. — No. 13 (2). — P. 511–523 (In Russ.).

4. Novoselov V. P., Babenko A. I., Nikiforov D. B., Babenko E. A. Prevalence of pathological processes that lead to death from cardiovascular diseases, respiratory and digestive system // Bulletin of Forensic Medicine. — 2016. — No.1. — Vol. 5. — P. 41–46 (In Russ.).

5. Sabgayda T. P., Semenova V. G. Relationship between decline in cardiovascular mortality in 2013–2015 and change in mortality from other causes // Social'nye aspekty zdorov'a naselenia. 2017. № 57(5) [Electronic resource]. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/915/30/lang,ru/ (cited 2018 May 110 (In Russian).

6. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision. World Health Organization. 2018 [Electronic resource]. URL: http://apps.who.int/classifications/icd10/browse/2016/en (cited 2018 May 11).

7. Disease burden and mortality estimates. World Health Organization. 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/estimates/en/index1.html (cited 2018 May 11).

Authors

Nozhkina Natalia Vladimirovna — Doctor of Medicine, Professor, Chief of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, Repina St., 3).

Zaripova Tatjana Viktorovna — Candidate of Medicine, Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, Repina St., 3).

Oshkordina Alla Anatolievna — Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economics in the social sphere, Ural State University of Economics (Russia, Ekaterinburg; 8th of March St./ Narodnaya Volya St., 62/45).

УДК 616.831-005.1

Остапчук Е. С.

ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ В ОСТРОМ ПЕРИОДЕ ИНСУЛЬТА[1]

С целью определения вероятности возникновения тревожно-депрессивных нарушений в остром периоде мозгового инсульта проведено исследование 153 больных (79 мужчин и 74 женщин) в возрасте 24–88 лет. Частота возникновения эмоциональных расстройств превалировала у женщин, по сравнению с мужчинами, вне зависимости от возраста. При этом тревожно-депрессивные нарушения чаще выявлялись при отсутствии или при минимально выраженных неврологических нарушениях. Полученные данные указывают на необходимость выявления и лечения эмоциональных расстройств (медикаментозно и с привлечением психологов, психотерапевтов) уже в остром периоде инсульта у пациентов без выраженного неврологического дефицита.

Ключевые слова: инсульт, депрессия, тревога

В России в структуре смертности второе место после заболеваний сердца занимают сосудистые заболевания мозга (39 %), а острые нарушения мозгового кровообращения являются проблемой медицинской и социальной значимости, глобальной эпидемией, угрожающей жизни и здоровью населения всего мира. Инсульт оказывается лидирующей причиной инвалидизации. Его тяжелым последствием является серьезная утрата функциональной состоятельности, без скидок на возраст, пол, этническое происхождение, страну. В России 31 % перенесших инсульт больных нуждаются в посторонней помощи, еще 20 % не могут самостоятельно ходить, лишь 8 % выживших больных способны вернуться к прежней работе. Кроме этого, инсульт накладывает особые обязательства на членов семьи больного [3].

Инвалидность после инсульта определяется не только очаговыми неврологическими нарушениями, но и эмоциональными нарушениями, среди которых ведущие места занимают тревога и депрессия. Развитие депрессии у больного, перенесшего инсульт, повышает риск смерти в ближайшие годы. Депрессия и тревога, возникающие после инсульта, оказывают негативное влияние на процесс реабилитации, качество жизни, соматическое здоровье. По обобщенной оценке Hackett et al. [4], распространенность постинсультной депрессии составляет примерно 33 %, тогда как частота выявления депрессии у пожилых варьирует, по данным статистики, от 9 до 30 % в целом и от 15 до 75 % в общей соматической практике [2].

У человека, перенесшего инсульт, часто нарушаются взаимоотношения с окружающим миром, изменяется в той или иной мере и сама личность

[1] © Остапчук Е. С. Текст. 2018.

больного — происходит его психическая и социальная дезадаптация. Поэтому задачей не только врачей, методистов по лечебной гимнастике, логопедов, психологов, но и родных и близких больного, иначе говоря, всех, кто участвует в процессе реабилитации, является восстановление его социальных контактов, бытовых навыков и в определенной мере трудоспособности.

Степень, характер и длительность восстановления утраченных вследствие инсульта функций весьма вариабельны, у многих больных восстановление бытовых и социальных навыков первое время может несколько отставать от восстановления движений, и негативный вклад в реабилитационный процесс могут внести тревожно-депрессивные расстройства, отчетливо дезорганизующие приспособительное поведение.

Целью нашего исследования явился анализ распространенности и степени выраженности тревожно-депрессивных нарушений острого периода инсульта в зависимости от пола, возраста пациентов и ряда иных медико-социальных составляющих.

Материал, методы исследования

Наблюдались 153 пациента в остром периоде мозгового инсульта в возрасте от 24 до 88 лет, средний возраст 54,05 года. Из них 79 (51,6 %) мужчин и 74 (48,4 %) женщины. Мужчины в возрасте от 24 до 77 лет (средний возраст 53,4 ± 12,5года) перенесли 48 (60,8 %) ишемических инсультов, 17 (21,5 %) паренхиматозных кровоизлияний и 14 (17,7 %) субарахноидальных кровоизлияний. Женщины в возрасте от 30 до 88 лет (средний возраст 54,0 ± 11,4года) перенесли 44 (59,5 %) ишемических инсульта, 12 (16,2 %) паренхиматозных кровоизлияний и 18 (24,3 %) субарахноидальных кровоизлияний.

Критериями включения в исследование были: 1) церебральный инсульт, установленный клинически и подтвержденный с помощью методов нейровизуализации; 2) острый период инсульта в соответствии с общепринятыми критериями; 3) стабильное общее состояние и ясность сознания; 4) отсутствие тяжелых нарушений речи, препятствующих речевому контакту с больным; 5) отсутствие хронических психических расстройств в анамнезе. Для уточнения характера инсульта и локализации ишемического или геморрагического очага всем пациентам проводили исследования головного мозга с помощью МРТ и КТ.

Для оценки состояния эмоциональной сферы использована Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS) [1]. Проводили сопоставление наличия или отсутствия симптомов тревоги и/или депрессии в зависимости от количества баллов: 0–7 баллов — норма при отсутствии достоверно выраженных симптомов тревоги и депрессии, 8–10 баллов – субклинически выраженная тревога/депрессия, более 11 баллов — клинически выраженная тревога/депрессия. Все обследованные пациенты с целью облегчения проведения дальнейших клинических исследований были

подразделены на 2 основные группы: с отсутствием (от 0 до 7 баллов) и с наличием симптомов тревоги/депрессии.

Статистическую обработку полученных результатов выполняли методами вариационной статистики с применением программ SPPS 20 и MS Excel. Для сравнения двух независимых групп по количественному признаку использован *t*-критерий Стьюдента. Также для сравнения выделенных подгрупп пациентов между собой по количественным признакам использовали непараметрический дисперсионный анализ по Крускаллу — Уоллису. В случае выявления статистически значимых различий между группами проводили дополнительный анализ множественных сравнений *Z* Крускалла — Уоллиса для определения того, какие именно группы статистически значимо отличаются от других. Для сравнения групп по качественному признаку использовали критерий χ^2. Различия считали статистически достоверными при $p < 0{,}05$.

Результаты и их обсуждение

Нарушения эмоциональной сферы в остром периоде инсульта были представлены в виде тревоги у 38 (24,8 %) пациентов: субклинический вариант — у 24 (15,7 %), клинический — у 14 (9,2 %). Депрессия выявлена у 26 (17 %) пациентов: субклинический вариант — у 19 (12,4 %), клинический — у 7(4,6 %).

Субклинический и клинически значимый уровни тревоги в остром периоде инсульта преобладали у женщин — 31 (41,9 %) по сравнению с мужчинами — 7 (8,9 %); $OR = 1{,}5$ (95 % ДИ 1,3–1,9), $p < 0{,}000$. Данная закономерность выявлена во всех возрастных периодах: в молодом возрасте 2 (11,8 %) мужчин и 6 (46,2 %) женщин ($p = 0{,}049$), в среднем возрасте 4 (12,1 %) мужчины и 13 (36,1 %) женщин ($p = 0{,}027$), в пожилом и старческом возрасте 1 (3,4 %) мужчина и 12 (48 %) женщин ($p < 0{,}000$).

Тревога у женщин оказалась наиболее характерной при возникновении ишемического инсульта ($n = 21$; 47,7 %) и паренхиматозного кровоизлияния ($n = 4$; 33,3 %). У мужчин признаки тревоги выявлены только в 6 (12,5 %) наблюдениях, а при паренхиматозных кровоизлияниях тревожные расстройства не выявлялись ($p = 0{,}021$). При возникновении субарахноидального кровоизлияния тревога оказалась вообще нехарактерной.

С учетом выявленной тревоги нами проанализированы социальные факторы. Так, субклинический и клинический уровень тревоги выявлен у 2 (10,5 %) мужчин и 12 (57,1 %) женщин, закончивших среднюю школу ($OR = 2{,}1$ (95 % ДИ 1,2–3,5), $p = 0{,}009$); у 2 (4,8 %) мужчин и 11 (35,3 %) женщин со средним специальным образованием ($OR = 1{,}6$ (95 % ДИ 1,1–2,1), $p < 0{,}000$) и у 3 (16,7 %) мужчин и 8 (32 %) женщин с высшим образованием ($p = 0{,}3$). Таким образом, высокий уровень образованности сопряжен с низким уровнем тревожности.

Высокий уровень тревоги преобладал у работающих женщин ($n = 16$; 41 %) по сравнению с работающими же мужчинами ($n = 4$; 7,7 %); $OR = 1{,}5$

(95 % ДИ 1,1–2,1), $p < 0,000$. Среди занятых физическим трудом данные показатели были следующими: 25 (24,8 %) женщин и 4 (6,5 %) мужчины ($OR = 2,0$ (95 % ДИ 1,4–2,9), $p < 0,000$).

Уровень тревоги у женщин, по сравнению с мужчинами, превалировал при наличии следующих факторов:

а) впервые возникший инсульт: 22 (43,1 %) женщины и 3 (5,4 %) мужчин ($p < 0,000$);

б) ишемическая болезнь сердца: 3 (60 %) женщины и 1 (6,7 %) мужчина ($p = 0,03$);

в) мерцательная аритмия: 4 (44,4 %) женщины и 0 % мужчин ($p = 0,026$);

г) сахарный диабет: 7 (53,8 %) женщин и 1 (8,3 %) мужчина ($p = 0,03$);

д) курение: 8 (61,5 %) женщин и 3 (20 %) мужчины ($p < 0,000$);

е) артериальная гипертония: 26 (40,6 %) женщин и 6 (9,1 %) мужчин ($p < 0,000$);

ж) отягощенная наследственность по сердечно-сосудистым заболеваниям: 22 (40,2 %) женщины и 5 (9,8 %) мужчин ($p < 0,000$).

Высокий уровень тревоги у женщин наблюдался при отсутствии неврологической симптоматики: у 9 (30 %) женщин и у 2 (4,9 %) мужчин ($p = 0,006$) или при наличии минимального неврологического дефицита: у 18 (58,1 %) женщин и у 4 (16 %) мужчин ($p = 0,002$). При умеренной и грубой неврологической симптоматике значительных различий по уровню тревоги между мужчинами и женщинами не выявлено.

Среди женщин тревога оказалась более характерной для таких локализаций поражения головного мозга, как подкорковые области ($n = 9$; 47,4 %) и зоны, получающие кровоснабжение из средней мозговой артерии ($n = 16$; 43,2 %). Аналогичные показатели для мужчин составили 1 (5 %) и 1 (2,9 %); $p < 0,0000$.

Факт хирургического лечения в остром периоде инсульта также повышал уровень тревоги у женщин ($n = 12$; 46,2 %) по сравнению с мужчинами ($n = 3$; 8,1 %); $p = 0,001$.

Таким образом, тревожные расстройства острого периода инсульта характерны преимущественно для женщин, в особенности с низким уровнем образования, при наличии сердечно-сосудистых заболеваний и при незначительном неврологическом дефиците.

Субклинический и клинически значимый уровень депрессии в остром периоде инсульта также преобладал у женщин ($n = 19$; 25,7 %) по сравнению с мужчинами ($n = 7$; 8,9 %); $OR = 1,2$ (95 % ДИ 1,0–1,4), $p = 0,009$. Депрессия у женщин отчетливо сопряжена с возникновением ишемического инсульта ($n = 14$; 31,8 %) по сравнению с мужчинами ($n = 6$; 12,5 %); $p = 0,04$. При возникновении паренхиматозного и субарахноидального кровоизлияний депрессия нехарактерна.

Наличие депрессии в остром периоде инсульта не зависело от уровня образования пациентов. Субклинический и клинический уровень депрессии чаще наблюдался у работающих женщин ($n = 10$; 25,6 %) по сравнению

с работающими же мужчинами ($n = 4$; 7,7 %); $p = 0{,}037$. Возникновение депрессии у женщин превалировало в случаях первого инсульта (23,5 % женщины и 7,1 % мужчин, $p = 0{,}028$) и при наличии артериальной гипертонии (23,4 % женщин и 7,6 % мужчин, $p = 0{,}015$). Интересным представляется факт большей частоты наличия депрессии у женщин, находящихся в браке ($p = 0{,}017$) и при высоком уровне их алкоголизации ($p = 0{,}005$) и курения ($p = 0{,}012$).

Субклинический и клинический уровень депрессии характерен для женщин без неврологической симптоматики (20 % женщин и 2,4 % мужчин, $p = 0{,}037$), тогда как при наличии различной степени неврологического дефицита значимых различий по уровню депрессии между мужчинами и женщинами не выявлено.

Наличие депрессии не зависело от стороны и области поражения головного мозга ($p > 0{,}05$), но при локализации церебрального патологического процесса в зоне кровоснабжения средней мозговой артерии депрессивное расстройство наиболее характерно для женщин (18,8 % женщин и 9,3 % мужчин, $p = 0{,}016$).

Таким образом, инсульт, как эмоционально значимое событие, делит жизнь человека на «до» и «после». После инсульта, также как и после какой-либо другой психологической травмы, происходит потеря смысла и картины мира, рушатся базовые установки относительно окружающего. Человек, сравнивая себя с тем, каким он был до инсульта, часто себя воспринимает с недостаточным самоуважением. С болезнью часто связаны чувство неуверенности, переживание собственной несостоятельности, разочарование в себе, когда человек боится показаться другим ненормальным. Инсульт приносит потери не только здоровью, любимой работе, естественному кругу общения, но и своему статусу — как в семье, так и в профессии. Глава семьи становится зависимым и реально беспомощным человеком, которому необходим уход. Часто человек уже не в состоянии вернуться и к своей профессии.

Человек, перенесший инсульт, часто чувствует себя одиноким, бесполезным, не важным для других людей, не включенным в их жизнь, стесняется своей инвалидности и в физическом смысле, и в социальном.

Восстановительные мероприятия, проводимые на госпитальном и реабилитационном этапе лечения острого нарушения мозгового кровообращения, в основном направлены на пациентов с наличием неврологической симптоматики умеренной и грубой степени выраженности. Исходя из наших данных исследования, субклинический и клинический уровень тревоги и депрессии в остром периоде инсульта наиболее характерен для лиц, перенесших впервые в жизни острый инсульт с минимальным неврологическим дефицитом. Поэтому, несмотря на отсутствие необходимости в физической и логопедической реабилитации пациентов, необходимо выявление эмоциональных нарушений и хорошая психологическая и медицинская реабилитация с целью восстановления пациента в социуме.

Инсульт требует кардинальной смены образа жизни для преодоления растерянности, принятия ограничений после болезни, нахождения нового стиля и образа жизни.

Список источников

1. *Белова А. Н., Щепетова О. Н.* Шкалы, тесты и опросники в медицинской реабилитации: руководство для врачей и научных работников. — М.: «Антидор», 2002.

2. *Мякотных В. С., Мякотных К. В., Леспух Н. И., Боровкова Т. А.* Депрессивные расстройства у больных пожилого и старческого возраста в период восстановительного лечения после перенесенного ишемического инсульта //Успехи геронтологии. — 2012. — № 3. — С. 433–441.

3. *Стаховская Л. В.* Инсульт: Руководство для врачей / под ред. Л. В. Стаховской, С. В. Котова. — М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2013. — 400 с.

4. *Hackett M. L., Yapa C., Parag V.* et al. Frequency depression after stroke: a systematical review of observational studies // Stroke. — 2005. — Vol. 36. — P. 1330–1340.

Информация об авторе

Остапчук Екатерина Сергеевна — кандидат медицинских наук, врач-невролог БУ ХМАО-Югры «Сургутская клиническая травматологическая больница» (Россия, г. Сургут, Нефтеюганское шоссе, 20); e-mail: Ostapchukes2008@mail.ru).

Ostapchuk E. S.

Anxiety — Depressive Disorders in Acute Stroke

In order to determine the probability of occurrence of anxiety-depressive disorders in an acute period of cerebral stroke, 153 patients (79 men and 74 women) aged 24 to 88 years were examined. The frequency of occurrence of emotional disorders prevails in women, regardless of age. At the same time, anxiety-depressive disorders in the acute period of stroke were more often detected in the absence or minimally expressed neurological disorders. This circumstance pays attention to the need to identify and treat emotional disorders (medically and with the help of psychologists / psychotherapists) in an acute period of stroke in patients without a neurological deficit with the goal of fully recovering them in society.

Keywords: stroke, depression, anxiety

References

1. Belova A. N., Schepetova O. N. Scales, tests and questionnaires in medical rehabilitation: a guide for doctors and researchers. — Moscow: Antidor, 2002.

2. Myakotnykh V. S., Myakotnykh K. V., Lespukh N. I., Borovkova T. A. Depressive disorders in elderly and senile patients during the period of restorative treatment after a previous ischemic stroke // Successes of gerontology. — 2012. — No. 3. — P. 433–441.

3. Stakhovskaya L. V. Stroke: A guide for doctors / Ed. L. V. Stakhovskoy, S. V. Kotov. — M .: “Medical Information Agency”, 2013. — 400 s.

4. Hackett M. L., Yapa C., Parag V. et al. Frequency depression after stroke: a systematical review of observational studies // Stroke. — 2005. — Vol. 36. — P. 1330–1340.

Author

Ostapchuk Ekaterina Sergeevna — Candidate of Medical Sciences, neurologist of the «Surgut Clinical Traumatology Hospital» (Russia, Surgut, Nefteyuganskoye shosse, 20; e-mail: Ostapchukes2008@mail.ru).

УДК 613.6:616–057

Рослая Н. А., Базарова Е. Л.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ВРЕДНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ[1]

Вредные профессиональные факторы могут служить триггерами в развитии наиболее часто встречающихся форм общесоматической патологии различных органов и систем. Разнообразие неблагоприятных эффектов может быть вызвано сочетанным и комбинированным действием вредных производственных факторов, превышающих гигиенические нормативы. Установленные статистически значимые связи между воздействием вредных производственных факторов и нарушениями состояния здоровья работников доказывают высокий профилактический потенциал мер по уменьшению их экспозиции на рабочих местах как мощного резерва снижения не только профессиональной, но и общей заболеваемости.

Ключевые слова: вредные профессиональные факторы, состояние здоровья работающего населения

Сохранение трудового потенциала страны, формирование и сохранение профессионального здоровья и долголетия является основой социальной политики государства [1]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) уделяет сохранению здоровья трудоспособного населения пристальное внимание, поскольку это является залогом успешного экономического и социального развития любого государства. Здоровье работающих является ведущим критерием и компонентом надежной эксплуатации объектов, потенциально опасных для здоровья рабочих [8]. В 1994 г. Всемирная организация здравоохранения приняла Глобальную стратегию «Медицина труда для всех», в которой подчеркивается, что каждому должна быть предоставлена возможность активно участвовать в работе без риска для здоровья [6].

Урал — один из наиболее насыщенных промышленными предприятиями регионов России. Его особенность характеризуется громадным объемом предприятий нефте- и газодобычи, горно-металлургической, горнодобывающей, машиностроительной промышленности и атомно-промышленного комплекса. Уральский федеральный округ (УрФО) обеспечивает 90 % добычи природного газа, 68 % нефти, 42 % продукции металлургического комплекса Российской Федерации. Налоговые отчисления предприятий двух субъектов РФ в составе УрФО формируют более трети федерального бюджета России (ХМАО-Югра — 25,8 %) и ЯНАО — 7,3 %.

В Уральском федеральном округе проживает 12 308 тыс. человек, из которых более половины (52,0 %) составляет экономически активное население, обеспечивающее предложение рабочей силы для производства

[1] © Рослая Н. А., Базарова Е. Л. Текст. 2018.

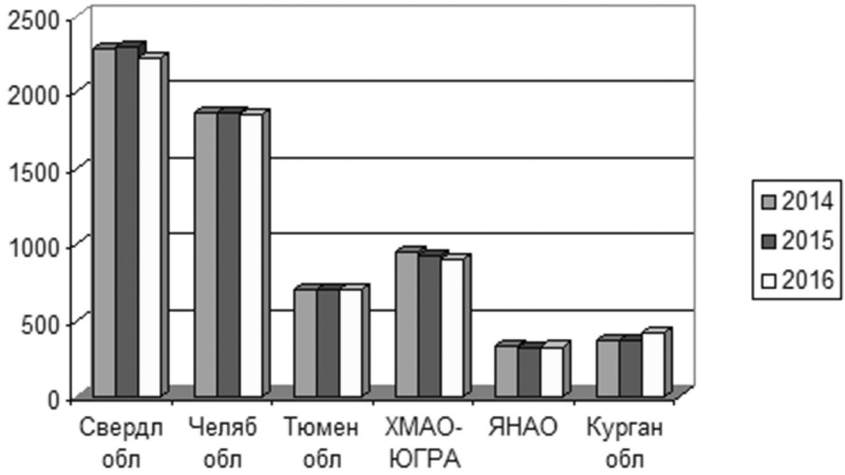


Рис. 1. *Численность экономически активного населения Уральского федерального округа (2014–2016 гг.). тыс. чел.*

товаров и оказания различных услуг. Необходимо отметить тенденцию к снижению численности экономически активного населения в округе на 1,3 % в сравнении с 2014 г., наблюдаемую в Свердловской области и Ханты-Мансийском автономном округе (рис. 1).

Удельный вес населения трудоспособного возраста по УрФО находится на уровне 59,7 %. Число рабочих мест, являющихся вредными и (или) опасными, в 2016 г. составило 616,7 тысячи, снизившись на 18,8 % в сравнении с 2014 г. (рис. 2). За последние два года отмечается снижение доли лиц, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда, что связано с введением специальной оценки условий труда (СОУТ), при проведении которой не учитываются все воздействующие на работника вредные производственные факторы (ВПФ), особенно напряженность трудового процесса, электромагнитных полей и др. В частности, полностью исключены интеллектуальные и эмоциональные нагрузки и режим работы, уменьшено число показателей в сенсорных и монотонных нагрузках, а те, которые остались, применимы лишь к некоторым видам труда (например, операторы и диспетчеры). Многие важные критерии оценки условий труда при СОУТ не используются, как это происходит при производственном контроле и было при аттестации рабочих мест, поэтому значительный контингент рабочих мест просто выпадает из сферы СОУТ. По данным управлений Роспотребнадзора Свердловской и Челябинской областей, как, по-видимому, и в стране в целом, химические вещества и промышленные аэрозоли идентифицируются как ВПФ только на тех рабочих местах, где работники непосредственно обслуживают технологическое оборудование. На работников соседних, не изолированных от вредного участка

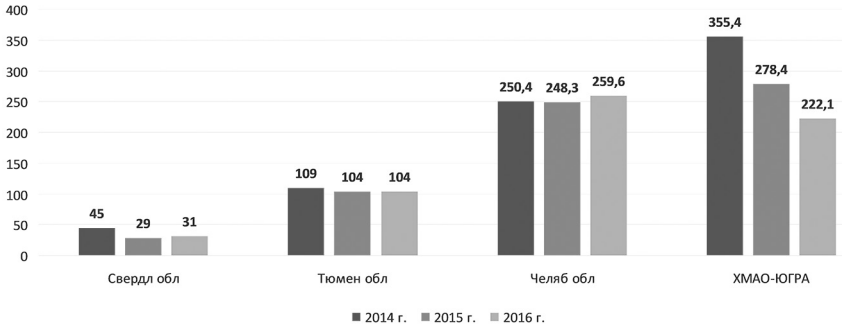


Рис. 2. *Число рабочих мест, являющихся вредными и/или опасными (тыс.)*

производственных помещений (ремонтные службы, службы главного энергетика и механика, крановщики с неостекленными кабинами и др.), это не распространяется. Световая среда идентифицируется как ВПФ только по искусственному освещению и только при выполнении прецизионных работ с величиной объектов различения менее 0,5 мм. В результате значительных различий при санитарно-гигиенической оценке условий труда и проведении СОУТ в УрФО возникают проблемы при оформлении санитарно-гигиенических характеристик условий труда работника (СГХ) при подозрении у него профессионального заболевания. На сегодняшний день наблюдается «двойной подход» к оценке условий труда: за счет разобщения методик идентификации ВПФ и оценки условий труда, применяемых для целей СОУТ (классификатор) и для производственного лабораторного контроля (Р 2.2.2006–05), одно и то же рабочее место в системе СОУТ может быть оценено оптимальными или допустимыми условиями труда, в системе производственного лабораторного контроля — вредными.

Основным и наиболее доступным механизмом выявления профессиональных, производственно обусловленных и общих заболеваний, а также организации эффективного динамического наблюдения за состоянием здоровья работающего населения, являются предварительные и периодические медицинские осмотры, цель которых — определение соответствия состояния здоровья работника поручаемой работе, динамическое наблюдение за его состоянием здоровья, своевременное выявление заболеваний, препятствующих выполнению данной работы. Критериями качества медицинских осмотров являются профилактика и своевременное выявление начальных форм профессиональных заболеваний и ранних признаков воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов на здоровье работников, формирование групп риска по развитию профессиональных заболеваний.

Анализ результатов проведения обязательных периодических медицинских осмотров лиц, занятых в условиях воздействия вредных и опасных производственных факторов в 2017 году, показал, что в Свердловской

области в целом было осмотрено 1231,3 тыс. человек (92,3 % от числа нуждающихся). 93,4 % от числа лиц, прошедших ПМО, не имели медицинских противопоказаний к работе. При этом увеличилось число лиц, нуждающихся в амбулаторном обследовании и лечении, в диспансерном наблюдении (20,2 %), что свидетельствует об ухудшении состояния здоровья работников и требует разработки и внедрения на предприятиях медико-профилактических мероприятий, направленных на раннюю диагностику и профилактику заболеваний, препятствующих выполнению трудовых обязанностей. В то же время выявляемость подозрений на профессиональные заболевания снизилась более чем в 3 раза — от 3,4 в 2012 г. до 1,05 на 10 тыс. осмотренных в 2017 г.

В настоящее время многие эксперты признают качество проведения ПМО неудовлетворительным, поскольку они плохо выполняют свою основную функцию — диагностику ранних стадий общих заболеваний. Эффективность и качество проведения ПМО напрямую зависят от уровня подготовки и информированности специалистов, участвующих в медосмотрах, в вопросах профпатологии [6].

Степень влияния вредных факторов и условий труда на здоровье работников традиционно оценивается по уровню профессиональной заболеваемости [3]. Начиная с 2011 г. уровень профессиональной заболеваемости в субъектах УрФО снижается. В 2017 г. данный показатель был выше среднероссийского только в Челябинской области и ХМАО-Югре (рис. 3). Регистрируемый в настоящее время уровень профзаболеваемости не может служить истинной характеристикой состояния здоровья работников, занятых во вредных и опасных условиях, так как в России нет объективных условий для снижения уровня заболеваемости. Таким образом, данный показатель не может служить истинным показателем здоровья работающего населения, а его снижение свидетельствует о снижении доступности специализированной профпатологической помощи.

При решении вопросов охраны здоровья работающих особую актуальность приобретают задачи снижения вредного воздействия производственных факторов на рабочих местах как за счет снижения экспозиционных, дозовых нагрузок, так и за счет защиты временем воздействия и стажем. Для разрешения этих проблем введены новые научно обоснованные концепции, в том числе концепция профессионального риска (ПР), то есть вероятность повреждения (утраты) здоровья или смерти работника, связанная с исполнением им обязанностей по трудовому договору [4].

На современном этапе развития важнейшей задачей медицины труда является оценка популяционно значимых, угрожающих здоровью работающих факторов риска на производстве — индукторов и триггеров профессиональной и общесоматической патологии, оценка степени связи их уровней с нарушениями здоровья, выделение профессионально обусловленных форм заболеваний для дальнейшей разработки мер по сохранению здоровья [2]. Оценка профессионального риска с позиций гигиены

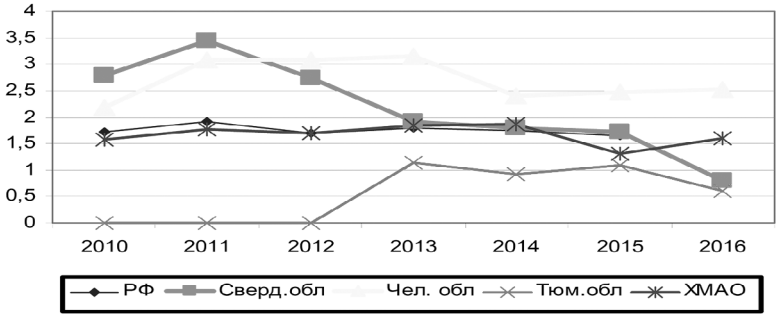


Рис. 3. *Динамика профессиональной заболеваемости в Российской Федераци и субъектах Уральского федерального округа, раз*

труда и медицины включает оценку вероятных источников нарушения здоровья, куда входят факторы производственно-средового и трудового процесса, выявление по медицинским критериям нарушения здоровья, профессиональных и профессионально обусловленных заболеваний и разработка превентивных мер. Такой подход предложен ВОЗ для определения профессионального риска [8].

В «Стратегии развития российской медицинской науки до 2025 г.» утверждается необходимость «изменения приоритетов при планировании стратегий укрепления здоровья населения, а именно, смещение акцента от клинического подхода в сторону профилактических программ» [9]. Гигиенические нормативы до настоящего времени остаются основными инструментами гигиенической оценки влияния на здоровье работников ВПФ. В рамках задач по сохранению здоровья и профессионального долголетия работников с вредными условиями труда в процессе мониторинга выделяют группы повышенного риска, куда входят работники с вредными условиями труда, у которых ожидаемая или наблюдаемая частота неблагоприятных эффектов в состоянии здоровья превышает таковую относительно профессиональных групп, работающих вне контакта с ВПФ. Для интегральной оценки профессионального риска чаще используют четыре основных критерия: оценка условий труда, изучение профессиональной и профессионально обусловленной заболеваемости, в том числе и доля лиц с признаками профзаболеваний. Условия труда, в соответствии с имеющимися гигиеническими критериями и факторами потенциальной опасности, разделены на 4 уровня: оптимальные, допустимые, вредные и опасные. В качестве неблагоприятных факторов производственной среды учитываются: химические, физические (шум, вибрация, ультразвук), биологические, продукты нанотехнологий и пр. В данных терминах группы повышенного риска составляют работники, условия труда которых относятся к вредным по уровню превышения нормативов воздействия по одному или более производственным факторам [7].

Целью нашего исследования являлось установление причинно-следственных связей между вредными производственными факторами и распространенностью хронической патологии (РХП), заболеваемостью с временной утратой трудоспособности (ЗВУТ) у работников производства титановых сплавов.

Объектом исследования послужило металлургическое объединение по производству титановых сплавов, включающее плавильные, кузнечные, прокатные, сварочные цехи, цехи механической обработки, заводской инфраструктуры. В работе применяли информационно-аналитический метод. РХП изучали по результатам периодических медицинских осмотров (ПМО) работников, имеющих контакт с вредными и опасными производственными факторами, за 2010—2014 гг. Всего за 5 лет осмотрено 44 336 человек. Средний возраст их составил 41,2 ± 0,23 года; средний стаж — 15,1 ± 0,30 года. Проанализированы данные гигиенического мониторинга на 5500 рабочих местах за 15 лет. Оценку статистической значимости связи «воздействие — заболевание» проводили по критерию соответствия χ^2 ($P < 0{,}05$ при χ^2 выше 3,84). Разработка базируется на положениях доказательной медицины и методологии оценки риска в медицине труда [7]. Оценку зависимости заболеваемости от стажа работы во вредных условиях труда проводили с помощью критерия корреляции Пирсона.

Работники производства титановых сплавов подвергаются воздействию комплекса вредных факторов производственной среды физической природы (шума, общей и локальной вибрации, электромагнитных полей, микроклимата, освещенности, ультрафиолетового излучения, инфразвука, аэрозолей преимущественно фиброгенного действия — титана, железа, алюминия, графита, абразивов, асбеста), химических факторов (металлов, входящих в состав титановых сплавов, неорганических кислот — серной, азотной, соляной, плавиковой; щелочей, формальдегида, аэрозолей индустриальных масел в составе смазочно-охлаждающих жидкостей и технологических смазок и продуктов их термодеструкции — углерода оксида, акролеина и др.), тяжести и напряженности трудового процесса. В последнее десятилетие отмечается увеличение объема работ по зачистке поверхностей изделий абразивом — карбидом кремния на бакелитовом связующем. По результатам аттестации рабочих мест, условия труда у 79,2 % работников предприятия отнесены к вредным. Класс условий труда 3.1 (малый профессиональный риск) установлен у 23,8 % работников предприятия, класс 3.2 (средний риск) — у 34,6 %, класс 3.3 (высокий риск) — у 16,5 %, класс 3.4 (очень высокий риск) — у 4,0 %, класс 4 (сверхвысокий риск) — у 0,3 % работников. Превышение гигиенических нормативов по шуму наблюдается на рабочих местах 49,0 % работников; тяжести труда — 10,3 %; освещенность ниже ПДУ отмечается у 14,1 %; пониженная температура — 8,5 %; тепловое излучение не соответствует гигиеническим нормативам у 7,2 %; электромагнитное поле — 6,9 %; общая вибрация — 3,9 %;

локальная вибрация — 0,8 %; напряженность трудового процесса — 1,9 %; загазованность выше ПДК — у 1,0 %; запыленность — 0,2 % работников.

Среднегодовая профессиональная заболеваемость составила 5,6±1,1 случая на 10000 работников. В структуре профессиональной заболеваемости преобладают болезни органов дыхания (64,3 % от общего числа заболеваний) и кожи (4,8 %), обусловленные воздействием пыли титановых сплавов, заболевания опорно-двигательного аппарата от воздействия физических перегрузок (26,3 %), нейросенсорная тугоухость от воздействия шума (2,3 %), вибрационная болезнь (2,3 %).

По результатам ПМО, распространенность лиц с хронической патологией составила в среднем 89,8 % от числа осмотренных. У 61,1 % работников предприятия наблюдались болезни глаза, у 29,5 % — системы кровообращения, у 20,1 % — нервной системы; 13,4 % — органов дыхания; 12,1 % — пищеварения, у 5,7 % — кожи, у 6,2 % — эндокринной системы; 4,3 % — уха; 4,0 % — новообразования; 2,4 % — мочеполовой системы; у 1,0 % — психические расстройства. Гипергликемия свыше 6,1 ммоль/л отмечена у 10,3 % обследованных работников, повышенное артериальное давление — у 30,6 %, избыточная масса тела и ожирение — в сумме у 58,4 %. Между распространенностью хронической патологии в целом и стажем работы во вредных условиях труда имеется прямая корреляционная связь ($r = 0{,}53$; $t = 93{,}4$). Прямые достоверные корреляционные связи установлены между стажем работы во вредных условиях труда и болезнями системы кровообращения ($r = 0{,}31$), костно-мышечной системы (0,3), глаза (0,28).

Заболеваемость с временной утратой трудоспособности (ЗВУТ) в среднем на предприятии по строке 30 (всего) отчетной формы 16ВН составила 120,9±11,16 случая и 1589,6±93,85 дня нетрудоспособности на 100 работающих, что соответствует сверхвысокому уровню профессионального риска и критериям средней степени профессиональной обусловленности ($RR = 1{,}61$). При сравнении с заболеваемостью работающего населения Свердловской области в днях нетрудоспособности высокая степень профессиональной обусловленности выявлена для ЗВУТ болезнями костно-мышечной системы ($RR = 2{,}31$); уха (2,52); средняя степень — болезнями кожи (1,92), малая — болезнями органов дыхания (1,50); пищеварения (1,41), нервной системы (1,30). Отмечается тенденция к статистически значимому превышению заболеваемости болезнями системы кровообращения у работников изучаемого производства над показателями группы сравнения ($RR = 1{,}49$; $0{,}1 > P > 0{,}05$). Длительно болеющие лица составили 5,4 % от числа заболевших, часто болеющие — 2,4 %.

Нами изучено влияние 34 факторов производственной среды и трудового процесса, установлены 287 статистически достоверных пар связей между действием этих факторов и нарушениями здоровья работников. В таблицу внесены показатели риска (*RR*, *EF*) при воздействии трех популяционно значимых для данного производства факторов, повреждающему воздействию каждого из которых подвергается более 10 % работников

Таблица 1

Показатели риска при воздействии вредных производственных факторов на заболеваемость работников производства титановых сплавов

Зависимости «Фактор риска — патология»	РХП		ЗВУТ	
	RR	***EF***	***RR***	***EF***
Шум (> ПДУ) — болезни уха	1,26*	20,63*	1,54*	35,06*
Шум (> ПДУ) — болезни органов дыхания	1,14*	12,28*		
Шум (> ПДУ) — болезни кожи	1,31*	23,66*	1,11*	9,91*
Шум (> ПДУ) — болезни костно-мышечной системы	1,07*	6,54*	1,09*	8,26*
Шум (> ПДУ) — гипергликемия	1,29*	22,48*		
Шум (> ПДУ) — психические расстройства	1,33*	24,81*		
Шум (> ПДУ) — повышенное артериальное давление	1,08*	7,41*		
Шум (> ПДУ) — болезни глаза			1,21*	17,36*
Шум (> ПДУ) — болезни мочеполовой системы			1,65*	39,39*
Шум (> ПДУ) — гинекологическая патология			1,27*	21,26*
Шум (> ПДУ) — осложнения беременности, родов и послеродового периода			1,13*	11,5*
Шум (> ПДУ) — болезни нервной системы	1,05	4,76*		
Шум (> 80 ДБА) — болезни уха			1,59*	37,11*
Шум (> 80 дБА) — болезни костно-мышечной системы			1,10*	9,09*
Шум (> 80 дБА) — болезни глаза			1,23*	18,70*
Шум (> 80 ДБА) — болезни мочеполовой системы			1,68*	40,48*
Шум 51–80 дБА, > ПДУ — болезни кожи			1,12*	10,71*
Шум 51- 80 дБА, > ПДУ — новообразования			1,20*	16,67*
Шум 51–80 дБА, > ПДУ — болезни мочеполовой системы			1,07*	6,54*
Шум 51–80 дБА, > ПДУ — гинекологическая патология			1,18	15,25*
Шум 51–80 дБА, > ПДУ — осложнения беременности			1,11*	9,91*
Тяжесть труда — болезни костно-мышечной системы	1,16*	13,79*	1,17*	14,53*
Тяжесть труда — психические расстройства	3,37*	70,33*		
Тяжесть труда — болезни уха	1,88*	46,81*	1,42*	29,58*
Тяжесть труда — повышенное артериальное давление	1,18*	15,25*		
Тяжесть труда — гипергликемия	1,27*	21,26*		
Тяжесть труда — болезни кожи	1,26	20,63*		
Тяжесть труда — болезни мочеполовой системы			1,68*	40,48*
Тяжесть труда — патология беременности, родов и послеродового периода			1,61*	37,89*
Титан — болезни костно-мышечной системы	1,06*	5,66*	1,07*	6,54*
Титан — болезни органов дыхания	1,23*	18,7*		
Титан — болезни глаза			1,20*	16,67*
Титан — болезни уха	1,20*	16,67*	1,50*	33,33*
Титан — болезни кожи	1,56*	35,90*	1,12*	10,71*
Титан — болезни органов пищеварения	1,11	9,91*		
Титан — гипергликемия	1,21*	17,36*		
Титан — болезни мочеполовой системы			1,55*	35,48*
Титан — патология беременности, родов и послеродового периода			1,12*	10,71*

Примечание: * — различия с группой сравнения статистически достоверны при $p < 0,05$.

производства и являющихся доминирующими причинами профессиональных заболеваний: шум, тяжесть трудового процесса и аэрозоль титана.

В действии каждого фактора можно отметить специфически, патогенетически обусловленное влияние на органы-мишени (шум — болезни уха, тяжесть труда — болезни костно-мышечной системы, титан — болезни органов дыхания) и неспецифическое воздействие этих факторов, связанное с их влиянием на организм как универсальных стрессоров, общебиологических раздражителей политропного действия, обусловленные изменениями эндокринной, иммунной, центральной нервной систем через нарушения нейрогуморальной регуляции, гомеостаза, процессов метаболизма, антиоксидантного статуса. Отмечается вклад перечисленных факторов как в РХП, так и ЗВУТ. Воздействие шума способствовало росту острой и хронической заболеваемости болезнями уха, кожи, костно-мышечной системы, распространенности болезней органов дыхания, нервной системы, психических расстройств, повышенного артериального давления и гипергликемии, увеличивало ЗВУТ болезнями глаза, мочеполовой системы, гинекологической патологии, осложнений беременности и родов. Риск нарушений здоровья возрастал не только при шуме с эквивалентными уровнями звука выше 80 дБА , но и от 51 до 80 дБА, в частности, у данной группы работников отмечалась более высокая ЗВУТ, обусловленная новообразованиями, болезнями кожи, мочеполовой системы, гинекологической патологией, осложнениями беременности. Следует учитывать, что ПДУ шума от 50 до 80 дБА применяются для высоконапряженных видов деятельности у операторов, пользователей ПЭВМ. На данных рабочих местах сочетается воздействие шума с напряженным трудовым процессом, гиподинамией и ЭМП от ПЭВМ. Полученные данные о повышенной частоте нарушений здоровья от воздействия шума таких уровней еще раз подтверждают правильность принципа дифференцированного нормирования шума с учетом степени напряженности работ.

Воздействие физических перегрузок способствует увеличению риска РХП костно-мышечной системы в 1,16 раза и ЗВУТ — в 1,17 раза, болезней уха — в 1,88 и 1,42 раза соответственно; приводит к росту распространенности психических расстройств в 3,37 раза, болезней кожи — в 1,26; гипергликемии — в 1,27 раза, повышенного артериального давления — в 1,18 раза; увеличивает ЗВУТ болезнями мочеполовой системы в 1,69 раза и патологии беременности и родов — в 1,61 раза. Воздействие титана способствует увеличению риска РХП костно-мышечной системы в 1,06 раза и ЗВУТ болезнями костно-мышечной системы — в 1,07 раза, болезнями уха — в 1,20 и 1,50 раза, болезнями кожи — в 1,56 и 1,12 раза соответственно; приводит к росту РХП органов дыхания в 1,23 раза, пищеварения — в 1,11 раза; гипергликемии — в 1,21 раза, повышенного артериального давления — в 1,18 раза; увеличивает ЗВУТ болезнями мочеполовой системы в 1,55 раза и патологии беременности и родов — в 1,12 раза. Учитывая, что

критерием отнесения заболеваний к профессионально обусловленным является относительный риск более 1,5 [2], при воздействии титана к ним можно отнести болезни кожи и мочеполовой системы.

Представляет интерес также выявление причин заболеваний, превышающих по частоте общепопуляционные показатели и сопровождающихся наибольшими трудопотерями для предприятия. На болезни костно-мышечной системы наибольшее влияние, по результатам нашего исследования, оказало воздействие коксов (RR 1,97), инфразвука (1,51), локальной вибрации (1,25), физических перегрузок, диоксида азота (1,17), аэрозоля масла, гидрофторида (1,14), абразивов, серной кислоты (1,13), альдегидов (1,12), теплового излучения, углерод оксида, гидрохлорида (1,11), общей вибрации, пониженной температуры воздуха, железа, алюминия, марганца (1,10), шума (1,09), недостаточной освещенности (1,08), титана, электростатического и постоянного магнитного полей (1,07). Риск возникновения болезней уха достоверно повышало воздействие сварочного аэрозоля (RR 4,01), инфразвука (3,81), ультрафиолетового излучения (2,11), ванадия, марганца (2,04), альдегидов (1,93), тяжести труда, повышенной температуры воздуха (1,88), хрома (1,75), железа (1,77), кремния диоксида кристаллического (1,74), никеля (1,64), общей вибрации (1,61), шума (1,54), титана (1,50), пониженной температуры воздуха, абразивов (1,46), углерод оксида (1,47), локальной вибрации (1,43), теплового излучения (1,42), масла, алюминия (1,38), озона (1,32), диоксида азота (1,31), серной кислоты (1,26).

Достоверно повышало риск развития болезней кожи воздействие ультрафиолетового излучения (RR 1,73), асбеста (1,69), серной кислоты (1,61), повышенной температуры воздуха (1,60), титана (1,56), углерод оксида (1,52), хрома (1,47), диоксида кремния кристаллического(1,39), общей вибрации, алюминия (1,36), никеля (1,33), пониженной температуры воздуха (1,32), шума (1,31), диоксида азота (1,29), железа (1,26), масел нефтяных индустриальных, озона (1,22). На болезни органов дыхания достоверное влияние оказало воздействие свинца при выполнении паяльных работ электромонтерами по ремонту технологического оборудования (RR 1,93), гидрофторида (1,61), ванадия (1,58), марганца (1,4), гидрохлорида (1,34), серной кислоты (1,33), повышенной температуры воздуха, масла индустриального (1,24), железа (1,28), титана (1,23), диоксида азота (1,22), диоксида кремния кристаллического, углерод оксида, пониженной температуры воздуха (1,15), шума (1,14), ЭМП ПЭВМ (1,08), абразивов, хрома (1,06), алюминия (1,04). Риск развития нарушений органов пищеварения достоверно повышало воздействие ионизирующего излучения (RR 1,73), ванадия (1,64), абразивов (1,24), никеля (1,23), хрома (1,20), неблагоприятной световой среды (1,15), масел нефтяных индустриальных (1,12). На развитие болезней нервной системы достоверное влияние оказали выполнение зрительно напряженных работ класса 3.2 (RR 2,97), воздействие локальной вибрации (1,44), хрома, диоксида кремния кристаллического (1,31), общей вибрации (1,28), никеля (1,24), аэрозоля масла, железа (1,11).

Представляет интерес идентификация ВПФ, оказавших влияние на развитие таких социально значимых заболеваний, как болезни органов кровообращения, новообразования и нарушения репродуктивной функции. На развитие болезней системы кровообращения достоверное влияние оказало воздействие инфразвука (RR 2,42), гидрохлорида (1,18), выполнение зрительно напряженных работ (1,58). На частоту повышенного артериального давления оказали влияние инфразвук (RR 1,52), свинец (1,40), диоксид кремния кристаллический (1,22), физические перегрузки, тепловое излучение (1,18), соединения железа (1,17), альдегиды (1,16), диоксид азота, масла, абразивы (1,12), шум (1,08). Риск развития новообразований достоверно повышало воздействие свинца (RR 1,85), ЭМП ПЭВМ (1,58), шума 50–80 дБА (1,20), электростатических и постоянных магнитных полей (1,18). Риск осложнений беременности, родов и послеродового периода достоверно повышало воздействие коксов (RR 3,19), соединений железа (1,73), тяжести труда (1,61), хрома (1,56), никеля (1,55), абразивов (1,50), электростатических и постоянных магнитных полей (1,18), шума (1,13), титана (1,12).

Таким образом, превышение острой и хронической заболеваемости работников, подвергающихся воздействию производственных факторов, над популяционными показателями и показателями лиц с оптимальными и допустимыми условиями труда, наличие статистически значимой связи заболеваемости с уровнями вредных факторов по показателям относительного риска и этиологической фракции, зависимость заболеваемости от стажа работы во вредных условиях труда свидетельствуют о наличии связи нарушений здоровья с работой.

Выводы

1. Вредные производственные факторы могут служить триггерами в развитии наиболее часто встречающихся форм общесоматической патологии различных органов и систем. Органами-мишенями воздействия вредных производственных факторов являются кожа, зрительный и слуховой анализаторы, органы дыхания, костно-мышечная, мочеполовая, эндокринная, репродуктивная, иммунная, нервная системы, системы пищеварения, кровообращения. Разнообразие неблагоприятных эффектов может быть вызвано сочетанным и комбинированным действием вредных производственных факторов, превышающих гигиенические нормативы.

2. Установленные статистически значимые связи между воздействием вредных производственных факторов и нарушениями здоровья доказывают высокий профилактический потенциал мер по уменьшению их экспозиции на рабочих местах как мощного резерва снижения не только профессиональной, но и общей заболеваемости.

Список источников

1. Актуальные проблемы медицины труда: сборник трудов / под ред. академика РАМН Н. Ф. Измерова. — М.: ГУ НИИ медицины труда РАМН, 2012. — 368 с.

2. *Базарова Е. Л., Рослый О. Ф., Тартаковская Л. Я. Рослая Н. А.* Совершенствование методологии оценки индивидуального профессионального риска // Медицина труда и пром. Экология. — 2016. — № 10. — С. 5–9.

3. *Жаворонок Л. Г.* Совершенствование статистики профессиональной заболеваемости в современных условиях на основе компьютерных технологий: автореф. дис. … д-ра мед. наук: 14.00.07. — М., 2004. — 47 с.

4. *Измеров Н. Ф.* Оценка профессионального риска и управление им — основа профилактики в медицине труда // Гигиена и санитария. — 2006. — № 5. — С. 14–16.

5. Профессиональная патология: нац. руководство / под ред. Н. Ф. Измерова. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. — 784 с.

6. Профессиональный риск для здоровья работников : рук-во / под ред. Н. Ф. Измерова и Э. И. Денисова. — М.: Тровант, 2003. — 448 с.

7. *Соловьев В. Ю.* Концепция выделения групп повышенного риска среди персонала производств с опасными условиями труда //Анализ риска здоровью. — 2013. — № 3. — С. 27–33.

8. Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации до 2025 г.: утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2580-р.

Информация об авторах

Рослая Наталья Алексеевна — доктор медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФБГОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Минздрава России (Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Базарова Екатерина Ливерьевна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры гигиены и экологии ФБГОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Минздрава России (Россия, Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Roslaya N. A., Bazarova E. L.

Modern Trends in the Effect of Harmful Occupational Factors on the State of Health of the Working Population

Harmful occupational professional factors can serve as triggers in the development of the most common forms of somatic pathology of various organs and systems. A variety of adverse effects can be caused by combined and combined effects of harmful production factors exceeding hygienic standards. The established statistically significant links between the impact of harmful factors and violations of the health status of workers prove the high preventive potential of measures to reduce their exposure in the workplace as a powerful reserve to reduce not only occupational, but also the overall morbidity.

Keywords: harmful occupational factors, state of health of the working population

References

1. Actual problems of occupational medicine. Collection of works of the Institute. Edited by academician of RAMS N. F. Measured. — M .: Research Institute of Occupational Therapeutics, Russian Academy of Medical Sciences. 2012. — 368 p. (In Russ.)

2. Bazarova E. L., Rosly O. F., Tartakovskaya L. Ya., Roslaya N. A. Perfection of methodology of an estimation of individual professional risk // Med. Labor and Industrial Ecology. — 2016. — No. 10. — P. 5–9. (In Russ.)

3. Zhavoronok L. G. Perfection of statistics of occupational morbidity in modern conditions on the basis of computer technologies: the author's abstract. dis. ... Dr. honey. Sciences: 14.00.07 — M., 2004. — 47 p. (In Russ.)

4. Izmerov N. F. The occupational risk assessment and management is the basis of prevention in occupational medicine // Hygiene and Sanitation. — 2006. — No. 5. — P. 14–16. (In Russ.)

5. Professional pathology: national guidelines / Izmerov N. F., editor. — M.: GEOTARMediaPubl., 2011. — 784 p. (In Russ.)

6. Professional health risk for workers (Manual) / Ed. N. F. Izmerov and E. I. Denisov. — M .: Твант, 2003. — 448 p. (In Russ.)

7. Solov'ev V. Yu. The concept of allocation of risk groups among the personnel of the enterprises with dangerous working conditions // Health Risk Anal ysis. — 2013. — No. 3. — P. 27–33. (In Russ.)

8. The strategy of medical science development in Russian Federation up to 2025 Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of 28.12.2012, the № 2580-R. (In Russ.)

Authors

Roslaya Natalia Alekseevna — Doctor of Medicine, Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, Repina St., 3).

Bazarova Ekaterina Liverievna — Candidate of Medicine, Associate Professor of the Department of Hygiene and ecology, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation» (Russia, Ekaterinburg, Repina St., 3).

УДК 316.42

Шаталова Н. И.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МОДЕЛИРОВАНИЮ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕМЬИ КАК СПОСОБ ЕЕ НАУЧНОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ[1]

В целях приведения в соответствие социальных нормативов с нормативами поведения семьи рассмотрена принципиальная возможность конструирования модели семьи как способа существования общества. В статье делается попытка применения программно-целевого типологического подхода к решению данной задачи. Обобщение многочисленных работ ведущих специалистов в области моделирования позволяет выделить методологические подходы и ключевые звенья, характеризующие механизм, возможность и научную обоснованность моделирования данного социального процесса. Исходной аналогией является тождество и различие процесса бытия семьи с непрерывно движущимся потоком. Показаны тождество и различия основных понятий, характеризующих природные процессы и процесс бытия семьи. Основополагающее значение при моделировании имеют понятия, характеризующие функциональный поток существования семьи. Рассмотрены основные понятия, характеризующие функциональный поток поведения семьи. На основании предложенной методики показана возможность конструирования модели функционирования семьи как социального института. На рисунках предложена конструкция данной модели.

Ключевые слова: семья, семья — общество, поведение семьи, методология модельного анализа семьи, теоретические предпосылки моделирования, динамическая модель взаимодействия семьи и общества, социальные нормативы, матричная модель семьи, тензорная модель функционирования семьи

В основу подходов к методологии моделирования семьи взято положение о семье как способе существования общества, как одной из форм, через которую проходит его экономическая, социальная, духовная жизнь, через которую общество воспроизводит себя. Это единство проявляется во всех аспектах и в динамике развития общества.

Названное единство, развивающееся во времени и в пространстве, в свою очередь, предполагает в настоящее время разработку социологических принципов взаимодействия его системных составляющих (семья — общество), в силу всеобщности семейного существования людей и необходимости адресного подхода к решению проблем социальной жизнедеятельности семьи, а также укреплению экономической самостоятельности семьи, усилению ответственности и заинтересованности ее в воспитании активного, дисциплинированного, трудолюбивого работника.

В соответствии с этим возникает необходимость создания динамической модели взаимодействия семьи и общества.

[1] © Шаталова Н. И. Текст. 2018.

Семья — наиболее консервативный социальный институт общества, и разрушение старого уклада экономической и социальной жизни ее коснулось не в той мере, как, к примеру, системы производства или системы распределения. Она по-прежнему живет, производит и воспитывает потомство. Потому основной задачей в настоящее время является сохранение стабильности и выполнения ею своих основных функций.

Вторым немаловажным подходом является необходимость системного, непрерывного ресурсного обеспечения семьи и мероприятий, предупреждающих ее вырождение, причем системность во времени и в пространстве. Необходимость такого подхода продиктована тем, что воспитание и перевоспитание имеют неодинаковую стоимость. Перевоспитание — это вторичная, часто непродуктивная затрата средств обществом. К тому же девиантный член общества не способен создавать, он только потребляет и разрушает. Такой дисбаланс необходимо предупреждать.

Предложенный подход может быть реализован на основе системного управления процессом общественной жизнедеятельности семьи на основе создания механизма рационального взаимодействия, взаимовлияния семьи и общества. Учитывая особенности семьи как социального института — ее территориальную и психологическую обособленность, трудно рассчитывать на всесторонний охват семьи таким механизмом, да это и не нужно. Необходимо привести в соответствие социальные нормативы с нормативами поведения семьи. Очевиден в этом случае метод программно-целевого типологического подхода к решению поставленных задач, обладающий большими преимуществами по сравнению с попытками и практикой усилий отдельных социальных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность и будущее семьи.

Постоянное требование к современной науке о человеке — усиление ее практической отдачи, постановка на службу научного обоснования, гибкости и динамичности управления. Это повышает роль моделирования исследуемых социальных объектов. По своей сущности моделирование — это способ познания социальных объектов на их моделях, т. е. опосредованное изучение, в процессе которого на вспомогательной системе (модели), замещающей в познавательном процессе оригинал, создается возможность получения нового знания о предмете исследования. При помощи модели можно проводить измерение характеристик интересующего объекта, фиксацию результатов эмпирического исследования и выражение их в понятиях конкретной науки, а также объяснять, раскрывать сущность анализируемого явления. Сделаем попытку разработать методологию модельного анализа для такого неординарного объекта, как семья. Модель позволяет проверить истинность некоторых высказанных нами положений, а также оценивать будущее состояние такого комплексного явления, как семья. Работа над созданием модели только начинается, и первый ее этап предусматривает разработку методологии исходных теоретических предпосылок моделирования. Следующим этапом будет наполнение «костяка»

предложенной модели конкретными эмпирическими данными (впрочем, такие данные могут иметься у читателя).

В специальной литературе дается достаточно обоснованная полная характеристика процесса моделирования, выделяются основные его этапы, элементы, важнейшие черты и признаки. Но в основном описание ведется на примере технических, химических, биологических и других физических и естественных систем. В меньшей мере раскрывается механизм моделирования социально-экономических явлений. Отмеченное объясняется соответствующим уровнем познания законов развития процессов гидродинамики, термодинамики, квантовой механики, и др., позволяющим вполне определенно описать их действие. Между тем поиск представления о моделях социальных объектов часто ведется на случайной основе, а сами модели и уровень их обоснованности также оставляют желать лучшего.

Такая проработка проблемы, разумеется, не может удовлетворять современной потребности построения функционально-прогностических моделей. Возрастает необходимость определения исходных основ, теоретических посылок и механизма моделирования социально-экономических явлений, в том числе комплексного бытия семьи.

Обобщение многочисленных работ ведущих специалистов позволяет выделить методологические подходы и ключевые звенья, характеризующие механизм и научную обоснованность моделирования. Общим для них является прежде всего геометризация познаваемых объектов природы и общества [см. 11, с. 38, 140, 184]. В результате предполагается: формирование конфигурации, макета явления с последующим исчислением изучаемых процессов как пространственно-временного континуума; определенное отождествление потока данных о функционировании объекта с движением потока жидкости и его гидродинамическими характеристиками [см. 3, с. 35]; выделение неизменных сущностных характеристик физической величины рассматриваемого объекта — инварианта [см.: 10, с. 26]; выявление завершенного функционального цикла, отражающего определенную целостность взаимодействия исследуемого объекта в пространстве и во времени —«исток — сток» [см. 9, с. 26]; выделение «устойчивого источника развития, комплексного противоречия —«импеданс» [см. 15, с. 15–18]; выявление способа приведения объекта из существующего состояния в состояние ожидаемое —«дивергенция»; определение меры количественного и качественного изменения объекта и его развития —«система размерностей» [см. 1, с. 59–61]; выявление системы данных о функционировании объекта; формирование алгоритма счета, основанного на простом силлогизме и объединении в интегральный силлогизм (основой силлогизма является сам «поток» функционирования такого объекта, как семья); определение направленности и этапности процесса развития и моделирования изучаемого явления; учет закона сохранения энергии, ресурсов, информации и т. д., преобразования их из одного вида

в другой; выявление структурной единицы изучаемого объекта (структурная единица характеризует уровень, место объекта в системе, признаки его структуры и содержания).

Перечисленные ключевые звенья характеризуют преимущественно моделирование физических, химических, биологических и физиологических явлений. Разумеется, они не могут быть механически перенесены на моделирование социального явления. В то же время необходимо помнить, что развитие теории моделирования естественных, экономических и социальных наук диалектически взаимосвязано с развитием геометрии, изучающей, по определению А. Пуанкаре, «некоторую группу движений» и потому создающей для них определенное гносеологическое единство [14, с. 398, 452–453]. Поэтому можно сделать вывод, что механизмы моделирования природы и социально-экономических явлений в том числе семьи, аналогичны по форме. Однако они различаются по сущности, характеру, направленности и содержанию самих ключевых звеньев. Четкое выявление последних применительно к социальным системам в значительной степени расширит сферу комплексного моделирования и его использования в практике управления организацией функционирования семьи на уровне общества. В этой связи необходимо пояснить отдельные положения, провести определенную аналогию между подходами к исследованию естественных и социальных процессов и на их основе показать определенное тождество и различие в моделировании.

Исходной аналогией, на наш взгляд, является тождество и различие процесса бытия семьи с непрерывно движущимся потоком. Это позволяет при изучении шире использовать опыт естественных наук. Простое наложение известных теоретических выводов и положений геометрии, гидродинамики, термодинамики и др. на движение человеческой материи и человеческого сознания дает возможность увидеть отдельные явления бытия семьи в новом ракурсе и сформулировать необходимые рекомендации для практики ее совершенствования и соответствия времени.

Перечисленные в таблице 1 характеристики потока бытия семьи, по существу, составляют основу механизма ее моделирования. В результате такого многоаспектного подхода создается возможность не пропустить важные элементы при анализе и синтезе и создать весьма сложные модели, отражающие реальную сложность объекта. Названные в таблице понятия и явления требуют некоторого пояснения.

Рассмотрение процесса бытия семьи как потока с учетом конкретно-исторических условий среды имеет методологическое значение для изучения наиболее характерных, повторяющихся важнейших черт и свойств объектного и субъектного ее существования. Это обусловливает ее познание и служит исходной теоретической посылкой моделирования.

Понятия, характеризующие функциональный поток, имеют основополагающее значение. Например, категории экономического и социального статуса семьи, состояния и уровня занятости ее взрослых членов,

Таблица 1

Тождество и различия основных понятий, характеризующих природные процессы и процесс бытия семьи

Поток — процесс	
Природный	**Социально-экономический (семья)**
Поток — совокупность движений вещества или системы веществ природы	Процесс бытия семьи, лежащий в основе развития общества и производства в конкретных исторических условиях среды
Характеризуется:	
1. Неоднородностью, единством совокупности и разнообразием видов потоков и их структуры	1. Сложностью структуры и содержания функциональной направленности, неоднородностью существования, состояния занятости и специализации и т. д.
2. Наличием центрального (определяющего) потока и сопутствующих (поступательного, вихревого, левого, правого и т. д.)	2. Наличием основных функций, определяющих степень рализованности семьей своих задач и вспомогательных, обеспечивающих выполнение ее субцелей
3. Истоком и стоком, стадиями	3. Началом, окончанием и стадиями семейного существования человека
4. Мощностью — работой, произведенной физическим телом в единицу времени	4. Мощностью — мерой реализации семьей ее основных и вспомогательных функций
5. Объемом, макетом, конфигурацией	5. Численностью, составом, структурой занятости
6. Законом сохранения энергии	6. Сохранением семьи как социального института, обусловленным социально-биологическими потребностями общества
7. Структурной единицей (например, квантом поля)	7. Структурной единицей расчета — величиной коэффициента детности семьи
8. Координатами — величинами, определяющими точки на плоскости или в пространстве	8. Координатами — величинами, определяющими статус семьи (число детей, среднедушевой доход, обеспеченность предметами длительного культурно-бытового пользования и др.)
9. Инвариантом — неизменяющимся свойством, величиной, объектом относительно преобразований пространства, систем координат явления	9. Инвариантом — социальным самочувствием семьи на данный временной отрезок
10. Законом преобразования его координат или свойств	10. Законом преобразования семьи в ходе ее функционирования, непрерывным изменением ее качественно-количественных особенностей

Окончание табл. на след. стр.

Окончание табл. 1

11. Тензором — величиной, задаваемой числами и законами их преобразования; является развитием и обобщением вектора и матрицы	11. Законом развития — преобразованием качественных свойств по законам природы и общества
12. Импедансом — реактивным сопротивлением	12. Комплексным противоречием между желаемым и возможным, между природой человека и репродуктивной способностью
13. Дивергенцией — преобразованием	13. Разбалансом — способом развития путем становления новой супружеской пары
14. Направленностью и этапами развития	14. Направленностью и этапами развития — количественно-возрастного, экономического; ориентацией развития, выражающейся системой целей, задач, критериев и показателей прошлого, настоящего и будущего семьи
15. Матричным представлением в виде системы физических величин	15. Матричным представлением — системой показателей, характеризующих выполнение семьей ее основных и вспомогательных функций
16. Исходными, промежуточными и конечными данными	16. Исходными, промежуточными и конечными данными о функционировании семьи по этапам ее жизни
17. Простым и интегральным силлогизмом измерения	17. Порядком исчисления простых и сложных характеристик ее функционирования

структуры семьи отражают многогранность и неоднородность потока функционирования всего общества, обусловленную неодинаковой степенью специализации, кооперации и разделения труда. Они берутся за основу построения модели функционирования семьи. При создании обществом условий для реализации семьей ее основных функций значительно возрастает результативность осуществления всех других (хотя мы не отрицаем важности всех остальных функций, которые в отдельном субъектном существовании семьи могут носить определяющий характер: например, эмоционально-сексуальная близость супругов может определять успешность их экономического, а особенно репродуктивного поведения). Для каждой семейной пары важно найти оптимальные и наиболее рациональные пропорции сочетания функций. Выявление данных пропорций значительно облегчает познание объекта и разработку модели, в большей степени отражающей реальный поток функционирования семьи на современном этапе развития страны, а также определить пути повышения ее эффективности. Определение оптимальных соотношений между основными и вспомогательными функциями — важная задача моделирования семьи. В каждом конкретном случае признаки основных и вспомогательных могут быть свойственны различным функциям семьи. Нахождение

наиболее рациональных пропорций между ними открывает варианты направлений развития и возможности выбора наиболее предпочтительного для конкретной семейной пары. Это важно для разработки рекомендаций по реализации социальной политики общества.

Начало и окончание стадий жизнедеятельности семьи представляет собой временные интервалы, в течение которых наблюдаются определенные количественные и качественные изменения объекта исследования. Эта величина характеризует интенсивность потока функционирования семьи и является базовой для прогнозирования ее состояния. Каждый новый цикл характеризуется, в свою очередь, качественными изменениями или скачком ее развития (например, определение ребенка в школу, получение им профессии и обретение экономической самостоятельности, или вступление в брак, или физическое отделение от родительской семьи и т. п.).

Мощность как мера реализации семьей ее основных и вспомогательных функций, а также затраты на ее поддержание в нормальном состоянии. Однако следует различать мощность как реальное и возможное достижение определенных результатов. Данная категория также относится к числу исходных, отражает важнейшие черты и стороны объекта.

Соотношение реализованного и нереализованного характеризует эффективность функционирования семьи, помощи государства и общества, применяемых способов воздействия на психологическое состояние семьи, методов общественного воспитания. Полнореализованная семья обеспечивает простое воспроизводство населения. Например, в городе Екатеринбурге семей, имеющих одного и менее ребенка, 38,1 %, что говорит о низкой степени реализованности семей. Подобна статистика и по России в целом. Важнейшей задачей науки и практики является определение наиболее рациональных способов, форм и методов стимулирования выполнения семьей своих основных и вспомогательных функций.

Неблагоприятное соотношение численности мужчин и женщин детородного возраста, усугубляющееся тем, что, по сравнению с женщинами, мужчины чаще проявляют девиантные особенности поведения (преступность, наркомания, алкоголизм и др.) и потому оказываются вне семьи, приводит к увеличению числа детей, воспитываемых одним родителем (чаще всего женщиной), рожденных вне брака или в распавшемся браке. Практика показывает, что установленная государством система жизнеобеспечения такой семьи не позволяет ей существовать полнореализованно. Дополнение категории мощности анализом причинно-следственных связей полнореализованности и неполнореализованности углубляет познание процесса ее бытия и прогнозировать жизнеспособность.

Категория «объем», («конфигурация», «макет») представляет собой многомерное количественное и качественное отражение видов и форм семьи, уровней ее экономической и хозяйственно-бытовой деятельности, их особенностей в конкретных условиях определенного образа жизни. Эта

категория позволяет посредством количественных величин определять и наблюдать состояние и развитие исследуемого объекта. Она дает возможность выделить незначительное количество важнейших величин, которые обеспечивают целостное представление о семье, и построить макет ее модели. В основе этого лежат количество и возраст детей, формы и уровни занятости, имущественное состояние семьи, качество жизни и др.

Сохранение стабильности семьи как социального института заключается в том, что, несмотря на многочисленные мрачные прогнозы, она не исчезает и, думается, даже не имеет такой тенденции. Другое дело, что семья изменилась. Введение категорий *полнореализованности и неполнореализованности* позволяет говорить даже о семье из одного человека, если он живет как самостоятельная хозяйственно-экономическая единица, а другие функции семьи (у мужчин даже репродуктивная, которая проявляется в рождении внебрачных детей, которые вместе со своей матерью образуют уже семью из двух человек) реализуются в жизни с разными партнерами.

Моделирование объекта должно быть определенным, конкретным, что потребовало ввести в систему характеристик категорию «*структурная единица*». Структурная единица должна отвечать ряду требований, предъявляемых к категориям данного класса: отражать в обобщенном виде сущность явления, обладать количественной и качественной мерой, иметь достаточную выборку репрезентативности, удобно измерять процесс функционирования объекта. На наш взгляд, такой единицей может быть признан *коэффициент детности семьи*. Использование такой структурной единицы при рассмотрении бытия семьи позволяет определить степень тождества и различий семей и их наиболее предпочтительные варианты. Это вводит в наш категориальный аппарат пространственно-временную и мерную определенность. Факторы, определяющие детность семей, играют функциональную роль. Они обусловливают направления, источники, темпы развития общественного производства и имеют соответствующее значение для моделирования. Функционирование семьи как минимум имеет три координаты. К ним относятся: сами функции семьи во всем их многообразии, необходимые для оптимальной жизнедеятельности; ресурсы, потребляемые для обеспечения ее функционирования; результаты реализации ею своих функций (детность).

Инвариант потока функционирования семьи — это неизменяющиеся характеристики на данный пространственно-временной отрезок. Эти характеристики задаются через систему целей, субцелей и важнейших показателей жизни семьи, что отражается в жизненных планах супругов и намерениях, системе оценок, особенностей норм и критериев семейной жизни. Неизменным свойством является непреходящая даже с возрастом забота о детях, которая выражается в стремлении обеспечить их быт, заработать достаточно материальных средств, обеспечить их социальную и физическую безопасность и т. д. Более конкретное проявление

инварианта выражается в планировании количества детей и установлении семьей стандарта потребления. Однако в условиях перехода к рыночной экономике существенным образом меняется характер инварианта. Если в дорыночной экономике преимущественно выделялись стороны затратного порядка (в том числе и дети рассматривались только как «едоки»), то в условиях рынка есть тенденция рассматривать детей как экономическую необходимость (в фермерских хозяйствах дети с малых лет помогают родителям, а подростки работают практически на равных; с изменением пенсионного обеспечения в более выгодном положении оказываются родители, воспитавшие трудолюбивых детей).

Закон преобразования семьи или ее свойств в ходе функционирования в конечном итоге проявляется в движении самого потока ее бытия по фазам и этапам, которые имеют в каждом конкретном случае свое содержание и свою последовательность. Например, существуют этапы совместного существования супругов (в частности, психологи отмечают ряд «точек риска»: после 7, 14 и 20 лет супружеской жизни), этапы появления, физического и социального взросления детей, этапы стабилизации экономического статуса и т. п. Чередование этапов в каждом конкретном случае обеспечивает рациональное протекание жизнедеятельности. Отклонение часто чревато потерями. Например, юный возраст вступления в брак, родовая нагрузка на женщину с интервалом менее двух лет, ранняя помощь детей своим родителям вызывают у человека повышенные издержки здоровья, психическое утомление, которое может перейти в переутомление и привести к стойкому снижению здоровья. Поэтому совокупность фаз жизнедеятельности семьи и их чередование служат одним из основных звеньев, которые необходимо учитывать при построении модели.

Тенденция развития — преобразования качественных и количественных свойств семьи по законам природы и общества проявляется в смещении акцентов, изменении удельного веса различных функций семьи по фазам ее жизни, формам, видам и уровням ее экономической деятельности. Сопоставление в таком разрезе данных за несколько периодов существования семьи из расчета характера наполненности потребительской корзины (отклонение от средней по региону на данный момент), наличия сбережений с учетом затрат общества на ее обеспечение и результатов жизнедеятельности позволит, во-первых, получить среднестатистический вариант функционирования семьи; во-вторых, определить пути, виды, направления, уровни помощи семье.

Комплексное противоречие между желаемым и возможным для объектного и субъектного бытия семьи характеризует различия в скорости движения по фазам ее существования. Оно обеспечивает определенную устойчивость показателей, характеризующих жизнедеятельность семьи (уровень брачности, число разводов на число заключаемых браков, численность среднестатистической семьи, численность многодетных семей и семей с одним родителем и т. д.), объясняет направление расходования

имеющихся резервов, раскрывает направления работы общества по дальнейшему совершенствованию семьи, а также ее моделей.

Разбаланс — это отделение как способ развития семьи, пространственно-временное и психологическое самоопределение мужчины и женщины относительно семейного положения, частичная передача ресурсов родительских семей в новую семью (в виде приданого, покупки жилья, средств производства, предметов потребления и т. п.). Разбаланс осуществляется в соответствии с определенными требованиями, предъявляемыми стандартами жизни, формами собственности к структуре благосостояния новой семьи. Разбаланс по стадиям и циклам жизнедеятельности семьи в соответствии с тенденциями ее развития образует естественную модель движения, раскрывает функциональную характеристику.

Выделение целей, задач, критериев, важнейших показателей функционирования семьи есть социально-экономическая и социально-технологическая форма мобилизации субъекта и объекта управления на достижение ранее определенных результатов, это способ ориентации модели.

Система социологических (а частично — и экономических) мерных величин, квантифицированных показателей есть форма проявления факторов, тенденций и законов преобразования исследуемого потока бытия изучаемого объекта. Выявление обобщенных показателей позволит определить целостную количественную и качественную характеристику данного процесса и его модели.

Анализ ключевых звеньев процесса жизнедеятельности семьи раскрывает наши подходы к ее моделированию.

Рассмотрим теперь *концептуальную модель семьи.*

Концептуальная модель представляет собой сравнительно упрощенную, целостную систему знаний, обобщенно характеризующую во взаимосвязи и взаимодействии сущность, структуру, формы и способы проявления, тенденции развития и оптимизации. Объектом моделирования служит современная семья в представленных конкретных поведенческих проявлениях. Большую помощь в данном случае может оказать таблица тождеств и различий основных понятий, характеризующих природные процессы и процесс функционирования семьи. Она устраняет элемент неопределенности при построении модели. Материал таблицы 2 позволяет целенаправленно формировать, определять исходные посылки модели, ее схему, важнейшие признаки, комплексно изучать направленность и закономерности развития объекта. Последовательное рассмотрение построенной модели с опорой на ключевые понятия — звенья — дает возможность планомерно контролировать ход разработки проблемы.

Типы семей зависят от их конкретного поведения в обществе и внутри себя.

Вначале рассмотрим хронологические, фазовые типы семьи. Это в первую очередь фазы ее существования. Взяв за основание выполнение важнейшей задачи семьи, можно выделить 5 основных фаз:

Таблица 2

Группировка семей по качеству жизни

Наличие предметов, обеспечивающих качество жизни семьи	Уровень прожиточного минимума		
	Ниже	**На уровне**	**Выше**
1. Не имеют подсобного хозяйства и предметов, указанных в п. 2, 3, 4.	1.1	2.1	3.1
2. Не имеют подсобного хозяйства, но имеют предметы длительного хозяйственно-бытового пользования (стиральная машина, холодильник, телевизор и т. п.)	1.2	2.2	3.2
3. Не имеют подсобного хозяйства, но имеют автомашину и предметы, указанные в п. 2.	1.3	2.3	3.3
4. Не имеют подсобного хозяйства, но имеют видеокамеру, видеомагнитофон, персональный компьютер и предметы, указанные в п. п. 2, 3.	1.4	2.4	3.4.
5. Имеют подсобное хозяйство, но не имеют предметов, перечисленных в п.6,7,8	1.5	2.5	3.5
6. Имеют подсобное хозяйство и предметы длительного хозяйственно-бытового пользования	1.6	2.6	3.6
7. Имеют подсобное хозяйство, автомашину и предметы, перечисленные в п. 6	1.7	2.7	3.7
8. Имеют подсобное хозяйство, предметы, перечисленные в п. п. 6, 7 и видеокамеру, видеомагнитофон, персональный компьютер	1.8	2.8	3.8

1. От заключения брака до рождения первого ребенка;
2. Период адаптации к новому статусу (родителей);
3. Бытие в статусе родителей;
4. Период выделения детей в самостоятельные семейные единицы и адаптация к новому статусу старших родителей (бабушки и дедушки);
5. Период смены социальных ролей: с положения опекающих на положение опекаемых.

Разумеется, жизнедеятельность каждой конкретной семьи имеет свои собственные закономерности: дети могут не родиться, брак может распасться, может произойти смерть одного из супругов и т. п. Мы рассматриваем только типичный вариант существования.

По количеству детей можно традиционно выделить три типа семей: однодетные, двухдетные и многодетные (трое и более детей).

По уровню экономической обеспеченности можно выделить экономически сильные, среднеобеспеченные и экономически слабые семьи.

По уровню качества жизни семьи их можно разделить на 3 основных типа, в которые включается еще по 8 групп, выделение которых необходимо, так как денежный прожиточный минимум семьи во многом дополняется тем, что было нажито в предыдущие годы или получено в наследство (см. табл. 2).

Существование семьи образует естественную социально-экономическую архитектуру с определенными потребностями в определенном типе личности, необходимом для решения целей конкретного общества в человеке определенного качества. Различные типы образа жизни служат основой формирования соответствующих типов концептуальных моделей и их классификации. Каждая из моделей будет иметь общие и отличительные черты и отражать свою специфику, что позволяет разработать их типовые варианты.

Теории и практике известно множество разнообразных моделей: древовидные, цепные и т. д. Значительное преимущество имеют матричные модели. Они характеризуют моделируемое явление во взаимосвязи его элементов по вертикали и горизонтали. Это создает возможность рассчитать интегрированные и дифференцированные показатели динамики явления. В зависимости от потребностей исследования и выделенных признаков, матричная модель может быть представлена в виде совокупности срезов не только по горизонтали, но и в вертикальной плоскости [см. 12, с. 138–140], иными словами, иметь форму объемного пространства.

Матричный подход служит основой тензорного моделирования, которое обладает определенными преимуществами при построении и расчетах матричной модели. Тензорную модель упрощенной формы можно представить в виде каркаса дома, каждый этаж и комната которого имеют четкую адресность, координаты и характеристику. В зависимости от целей построения моделей, их можно подразделять на перспективные и оперативные. В каждом конкретном случае используются определенные подходы, требования к разработке, структуре и содержанию модели семьи; анализ опирается на ключевые понятия, перечисленные в таблице тождеств и различий.

В основе концептуальной модели семьи лежат три вектора:

— фазы существования семьи;

— типы семей по качеству жизни (3 основных типа, в которые входят по 8 групп);

— коэффициент детности семьи, характеризующий состояние выполнения ею своей основной функции, который мы определяем по формуле:

$$1 - (\text{Дс} : \text{Ди}),$$

где Дс — детность среднестатистическая по региону; Ди — детность конкретной семьи (индивидуальной, по школе, дошкольному учреждению, району, предприятию и т. п.). Необходимо отметить, что если среднестатическая детность больше индивидуальной, то коэффициент детности будет иметь отрицательное значение, что окажет влияние на все расчеты.

Сказанное может быть представлено в виде схемы тензорной модели (рис. 1).

По линиям *AD* и *BC* откладываются фазы существования семьи; по линиям *AB* и *DC* — типы семей по качеству жизни: внутри каждого из трех

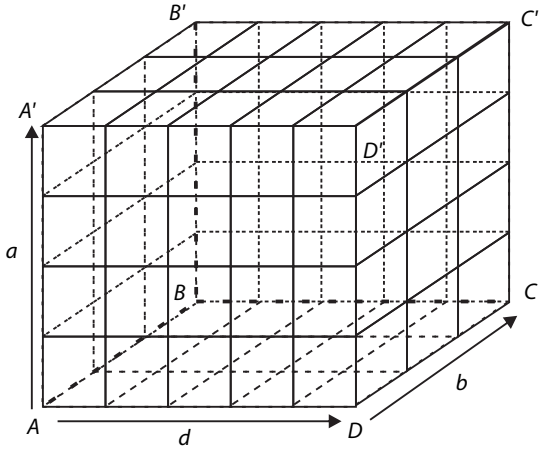


Рис. 1. *Пример тензорной модели функционирования семьи*

типов откладывается по 8 групп (на компактном рисунке это изобразить невозможно). По линиям AA', BB', CC', DD' откладываются коэффициенты детности семьи. Будучи построенной для конкретной или совокупной семьи, модель показывает вполне объективную картину ее состояния.

Определение характеристики и тенденций развития сводится к исчислению величины объема конкретного «кирпичика» (тензора) данной модели, который находится путем умножения длины на высоту и ширину.

Используем метод упрощенного расчета матриц, предложенный Г. Кроном [см. 10, с. 81, 285, 289–291]. Для удобства обозначим $AA' = a$; $AD = d$; $DC = \mathrm{b}$.

В результате характеристика отдельных сторон функционирования семьи определяется:

$$v_1 = \sum_{j=1}^{m}(a_1 \cdot d_j \cdot b_1);\ v_2 = \sum_{i=1}^{n}\sum_{k=1}^{r}(a_i \cdot d_1 \cdot b_k);\ v = a \cdot d \cdot b,$$

где $a = \sum_{i=1}^{n} a_i;\ \ d = \sum_{j=1}^{m} d_j;\ \ b = \sum_{k=1}^{r} b_k.$

Структурная единица измерения служит числовым масштабом эффективности функционирования семьи, инструментом анализа и синтеза ее исследования, а в практике — контроллером наблюдаемых изменений в ее развитии или деградации. Расчет ведется в комплексе по фазам жизни семьи, применительно к конкретной модели. Это дает возможность следующего:

— получить сопоставимую и целостную характеристику состояния семьи в сложившихся условиях по уровням качества жизни и детности;

— определить мерный числовой норматив, имеющий количественную и качественную величину;

— оптимизировать в конкретной модели меру развития и меру использования ресурсов, ресурсы, затрачиваемые на формирование работника;

— привести в соответствие с эталоном концептуальные модели бытия конкретной семьи;

— адаптировать модель к конкретным условиям или новым задачам и разработать обоснованные мероприятия по изменению сложившихся условий и дальнейшему, более рациональному использованию потенциала семьи в обществе.

В ходе дифференциации функций семьи на основные и обслуживающие можно выявить наиболее продуктивные формы, методы и тенденции ее существования, выявить наиболее рациональные пути и направления распределения и использования ресурсов общества. Посмотреть, где необходимо сконцентрировать особое внимание, ресурсы и соответственно упорядочить организационную структуру и технологию управления. Это позволит решить задачу умелого использования наличного потенциала семьи, те возможности, которые имеются в обществе.

Путем выделения в потоке бытия семьи отдельных фаз ее существования, в соответствии с конкретными условиями, можно найти наиболее рациональное взаимосочетание степени проявления в семье различных ее функций и установить ориентацию ее потока на повышение меры гармоничной реализации всех функций. Особенно это важно в условиях разбаланса семьи, когда необходимо сократить временной промежуток между ее разбалансом и приведением в сбалансированное состояние (рис. 2)

На рисунке 2 отражается общий вид процесса оптимизации потенциала семьи по фазам изменений в обществе.

Аналогично производится оптимизация и других векторных направлений ее функционирования (напряженности выполнения дневной нормы, величины потребляемых ресурсов). Важно обратить внимание на то, что существуют основные функции, которые служат выполнению цели семьи, а также те, которые обеспечивают субцели. Такое выделение в конкретных условиях способствует более четкой ориентации всего потока и его

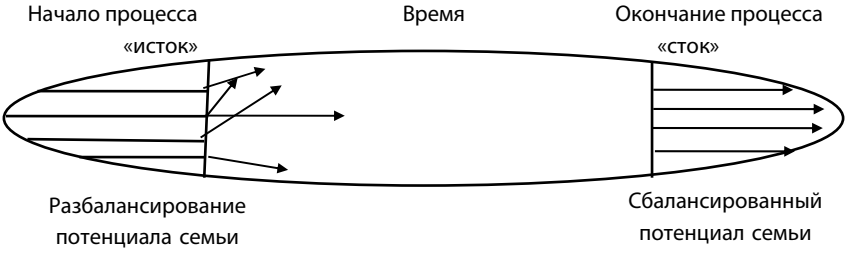


Рис. 2. *Процесс движения потенциала семьи в условиях изменений в обществе*

элементов на определенное направление, что поможет концентрировать ресурсы посредством наиболее рационального их использования и увеличит эффективность решения поставленных задач за счет реализации резервов, вскрытых при ориентации и переориентации процессов-потоков.

Адаптация концептуальной модели к конкретной семье или к конкретной общности предполагает:

— во-первых, выявление характерных ее признаков, конкретных форм бытия, уровней развития и т. д.;

— во-вторых, определение и учет важнейших закономерностей, тенденций, факторов и способов совершенствования;

— в-третьих, выявление системы количественных и качественных показателей, комплексно отражающих функционирование семьи, общества, отрасли, региона, школы и каждой в отдельности.

На этом этапе определяется в соответствии с уровнем подхода (семья отдельного работника, школа, регион, общество) тип модели. На основе анализа противоречий выявляются закономерности, тенденции и пути ее дальнейшего развития, важнейшие факторы, которые обусловливают ее стабилизацию. Комплексным показателем противоречий служит отклонение от оптимальной модели, принятой на каждом уровне в данный период времени и в условиях данного состояния общества. Это, в конечном итоге, объективно порождает соответствующие внутренние и внешние факторы и тенденции в характеристике, развитии и стабильности семьи, определение пропорций, способов и форм приведения ее в разбалансированное и сбалансированное состояние, что необходимо для такого управления взаимодействием семьи и общества, которое учитывает тенденции и перспективы, а не отражает только вчерашний день.

Адаптация концептуальной модели к конкретной семье предполагает: во-первых, выявление ее характерных признаков, конкретных форм бытия, уровней развития и т. д.; во-вторых, определение и учет важнейших закономерностей, тенденций, факторов и способов совершенствования экономической помощи; в-третьих, выявление системы количественных и качественных показателей, комплексно отражающих семью общества, региона, и каждую конкретную семью в богатстве ее проявлений.

Список источников

1. *Бартини Р. О., Кузнецов П. Г.* О множественности геометрии и множественности физик // Проблемы и особенности современной научной методологии. — Свердловск, 1979.

2. *Балабанов С. С., Наук Б., Саралиева З. Х.*-М. Типология мотивов иметь или не иметь детей // СоцИс. — 2009. — № 3. — С. 129–136.

3. *Берг А. И., Бирюков Б. В.* Кибернетика — путь решения проблем управления // Кибернетика: современное состояние. — М.: Наука, 1980.

4. *Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

5. *Голофаст В. Б.* Функции семьи. Семья и личность. — М., 1974.

6. *Давыдов С. А.* Использование эвристических процедур при моделировании социальных объектов // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР.

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Владивосток, 2016. — С.. 20–22.

7. *Изосина Е. В., Прошкина К. В.* Особенности применения моделирования в современной социологии // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Владивосток, 2016. — С. 31–32.

8. Корпоративное обучение персонала организации: монография / Шаталова Н. И., Брюхова О. Ю., Пьянова Л. А. и др.; под ред. Шаталовой Н. И. — Екатеринбург: УрГУПС, 2011. — 280 с.

9. *Кошкин Л.* Универсальные роторные // Знание — сила. — 1985. — № 9.

10. *Крон Г.* Тензорный анализ сетей. — М.: Сов. радио, 1978.

11. *Команцу М.* Многообразие геометрии. — М.: Знание, 1981.

12. *Мересте У. И.* О матричном методе анализа эффективности общественного производства // Экономика и математические методы. — 1982. — Т. 18, вып. 1.

13. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. — М.: Академический проект, 2002.

14. *Пуанкаре А.* Об основных гипотезах геометрии // Основания геометрии: избр. соч. — М., 1974. — Т. 3.

Информация об авторе

Шаталова Нина Ивановна — доктор социологических наук, профессор (Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66, Уральский государственный университет путей сообщения; e-mail: nish8290@mail.ru).

Shatalova N. I.

Theoretical Approach to Family Functioning Modeling as a Method of Its Scientific Analysis and Forecasting

In order to bring social norms in compliance with the norms of family behavior, the fundamental possibility of constructing a family model as a way of society's existence is examined. The article attempts to apply the program-target typological approach to address this problem. The generalization of numerous works of leading specialists in the modeling field enables to pinpoint methodological approaches and key elements characterizing the mechanism, possibility and scientific validity of modeling this social process. The initial analogy is the equivalence and difference in the process of being a family with a continuously moving flow. Equivalence and differences of the main concepts characterizing natural processes and the process of family being are shown. The concepts that characterize a functional stream of a family's existence have a fundamental value while modeling. The basic concepts characterizing the functional flow of family behavior are examined. Based on the proposed methodology, the possibility of constructing a family functioning model as a social institution is shown. The construction of this model is presented in the figures.

Keywords: family, family-society, family behavior, family model analysis methodology, theoretical prerequisites of modeling, dynamic model of family and society interaction, social norms, matrix family model, tensor model of family functioning

References

1. Bartini R. O., Kuznetsov P. G., 'On the multiplicity of geometry and the multiplicity of physics,' Problems and features of modern scientific methodology, Sverdlovsk, 1979.

2. Balabanov S. S., Typology of motives to have or not to have children (SocIs, 2009).

3. Berg A. I., Biryukov B. V., 'Cybernetics as a way of solving management problems.' Cybernetics: the current state, Moscow: Nauka, 1980.

4. Davydov S. A., 'The use of heuristic procedures in the modeling of social objects' The problems of modeling social processes: Russia and the Pacific Rim countries. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, 2016, pp. 20–22.

5. Golofast V. B., Functions of the family. Family and personality. (Moscow, 1974).

6. Izosina E. V., Proshkina K. V., 'Features of the application of modeling in modern sociology' The Problems of modeling social processes: Russia and the Pacific Rim countries. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, 2016, pp. 31–32.

7. Koshkin L., 'Universal Rotary' Knowledge is Power, 1985.

8. Krohn G., Tensor analysis of networks. (Moscow: Soviet. radio, 1978).

9. Komanzu M. The Diversity of Geometry. (Moscow: Knowledge, 1981).

10. Mereste U. I., 'About a matrix method of the analysis of efficiency of social production' Economy and mathematical methods, 1982, T.18, issue 1.

11. Parsons T. About the structure of social action. (Moscow: Academic Project, 2002).

12. Poincaré A. 'On the basic hypotheses of geometry' Bases of geometry: selected works, Moscow, 1974, T. 3.

13. Shatalova N. I., Bryukhova O. U., Pyanova L. A. and others, Corporate training of the organization's personnel edited by Shatalova N. I. (Ekaterinburg: USURT, 2011, 280 p.).

14. Weber, M., Selected works: translated from German. / M. Weber; general edition U. N. Davydova (Moscow: Progress, 1990, 808 p.).

Author

Shatalova Nina Ivanovna — Doctor of Sociology (Russia, Sochi).

УДК 249.65(043)

Шевалдина Е. И.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ[1]

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой качества оказания медицинской помощи населению в Кировском районе города Уфа, проанализированы ответы респондентов на ряд вопросов, связанных с медицинским обслуживанием населения.

Ключевые слова: медицинская помощь, качество медицинской помощи, сервис в медицинских учреждениях, удовлетворенность населения

Для оценки качества оказания медицинской помощи населению субъективный фактор имеет немаловажную роль, так как именно субъективная оценка отражает реальные нужды и запросы людей и их представление о том, какой должна быть медицинская помощь [1, с. 287]. В исследовании предпринята попытка определить удовлетворенность населения оказываемой ему медицинской помощью. В трактовке удовлетворенности во внимание берутся следующие предпосылки: удовлетворенность медицинской помощью — это оценочный показатель, интегрирующий отражение объективного оказания медицинской помощи населению и эмоциональное восприятие ее личностью. Этот показатель формируется на основе субъективных оценок по 100 %-ной шкале санитарно-гигиенических условий, эффективности и качества работы лечебно-профилактических учреждений, а также мнения об уровне квалификации медицинского персонала. Принималось во внимание и то, что уровень удовлетворенности в значительной степени зависит от непосредственного опыта общения респондента с лечебно-профилактическими учреждениями и вынесенных личных впечатлений от предъявляемых им требований.

В результате опроса установлено, что среди респондентов раз в год болеет 78,8 %, раз в полгода — 18,4 %, каждый месяц — 2,8 %. В случае заболевания среди опрошенных большую долю занимают лица, обращающиеся к врачу, когда болезнь уже достаточно проявилась (3–5-й день) — 79,8 %, при резком ухудшении состояния к врачу обращается 13,6 %, в первый же день при появлении малейших признаков заболевания к врачу обращается 6,6 %. При этом ответы респондентов имеют различия, когда вопросы касаются заболевания их детей [2, с. 188]. Так, в первый день заболевания ребенка, при появлении малейших признаков болезни, к врачу обращаются 14,0 %. При резком ухудшении здоровья ребенка — 3,6 %, когда болезнь уже достаточно проявила себя — 82,4 %.

Среди опрошенных граждан наибольшую долю составляют лица, предпочитающие обращаться в случае заболевания в поликлинику по месту жительства — 59 %, обращаются в поликлинику по месту работы (учебы)

[1] © Шевалдина Е. И. Текст. 2018.

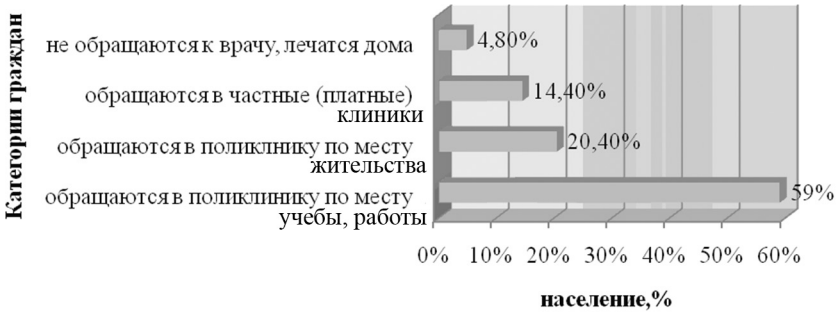


Рис. 1. *Наиболее избираемый гражданами Кировского района ГО г. Уфа вид медицинской помощи, % опрошенных*

Рис. 2. *Наиболее избираемый гражданами Кировского района ГО г. Уфа вид медицинской помощи при заболевании ребенка, % опрошенных*

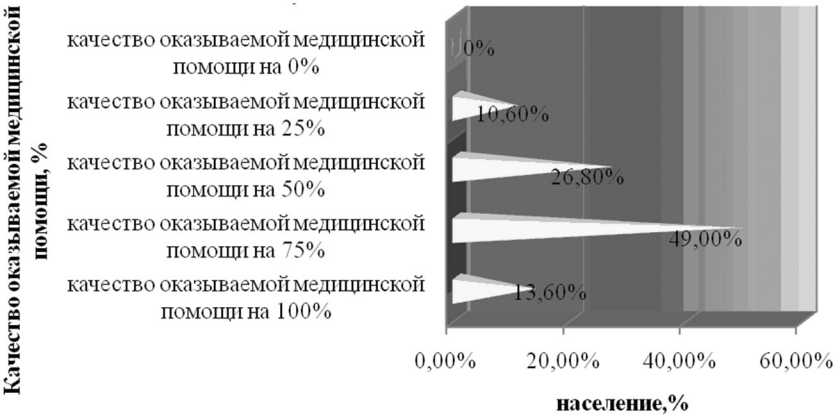


Рис. 3. *Оценка населением Кировского района ГО г. Уфа качества оказываемой по месту жительства медицинской помощи, % опрошенных*

— 20,4 %, в платные (частные) клиники за медицинской помощью обращаются 14,4 %, лечатся самостоятельно, не обращаясь к врачу, 4,8 % (рис. 1).

Следует отметить, что большинство респондентов ответили, что при заболевании ребенка обращаются за оказанием медицинской помощи в

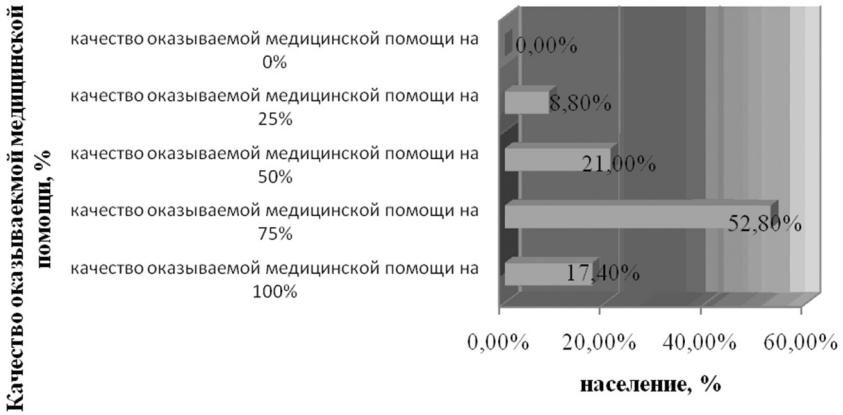


Рис. 4. *Оценка населением Кировского района ГО г. Уфа качества медицинской помощи, оказываемой в стационаре, % опрошенных*

поликлинику по месту жительства 79,2 %, предпочитают платные (частные) клиники — 18,4 %, осуществляют самостоятельное лечение, не обращаясь к врачу, — 2,4 % (рис. 2).

В выборе вида медицинской помощи большинство затруднились ответить — 65,0 %, бюджетные медицинские учреждения выбрали 20,6 %, частные (платные) клиники — 14,4 %.

Среди респондентов на 100 % доверяют врачам — специалистам по месту жительства 10,8 %, на 75 % доверяют врачам 53,8 % опрошенных, на 50 % доверяют 29 %, на 25 % — 6,4 %. Врачам — специалистам по месту работы (учебы) на 100 % доверяют 12,4 %, на 75 % — 55 %, на 50 % — 29,0 %, на 25 % — 3,6 %. Врачам, оказывающим медицинскую помощь в частных клиниках, на 100 % доверяют 8,4 % опрошенных, на 75 % — 44,2 %, на 50 % — 39 %, на 25 % доверяют 8,4 % граждан, участвующих в опросе.

Качество оказываемой по месту жительства медицинской помощи среди опрошенных граждан оценили на 100 % — 13,6 % населения, на 75 % качество медицинской помощи оценили 49 %, на 50 % — 26,8 % опрошенных, на 25 % — 10,6 % граждан, участвующих в опросе (рис. 3).

Качество медицинской помощи, оказываемой в стационаре, на 100 % оценили 17,4 % респондентов, на 75 % — 52,8 %, на 50 % данный вид медицинской помощи оценили 21 % опрошенных, на 25 % — 8,8 % граждан, участвующих в опросе (рис. 4).

При этом среди опрошенных граждан 76,8 % ответили, что у них не проявлялись симптомы болезни после лечения, 13,6 % ощущали симптомы болезни после окончания лечения, 9,6 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

На вопрос о том, насколько развит сервис в бюджетных медицинских учреждениях, 23,4 % опрошенных оценили его на 75 %, 54,2 % оценили

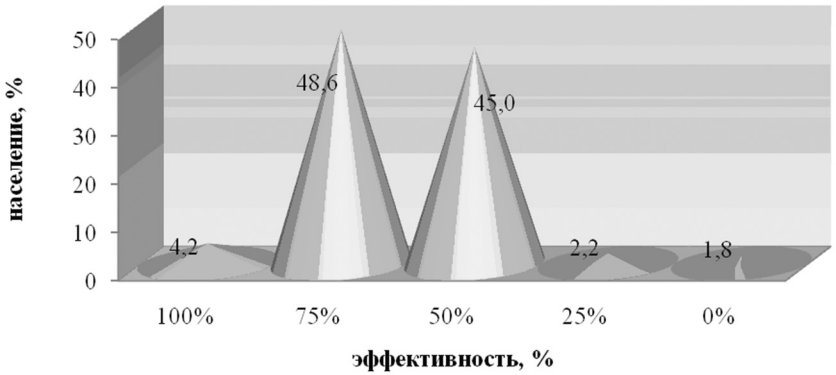


Рис. 5. *Оценка населением Кировского района ГО г. Уфа эффективности деятельности органов управления в сфере управления качеством медицинской помощи, % опрошенных*

сервис в бюджетных медицинских учреждениях на 50 %, 22,4 респондента — на 25 %. При этом среди опрошенных граждан никто не оценил развитие сервиса в бюджетных медицинских организациях на 100 %.

Следует отметить, что на вопрос о том, насколько развит сервис в частных (коммерческих) медицинских клиниках, 8,8 % опрошенных граждан оценили его на 100 %, 79,0 % респондентов дали оценку 75 %, 7 % оценили развитие сервиса на 50 %, на 25 % исследуемый показатель оценили 5,2 % участвующих в опросе граждан.

Среди опрошенных доступной по цене качественную медицинскую помощь считает 68,8 %, при этом 31,2 % считают ее недоступной.

В результате опроса выявилось, что среди респондентов в органы независимой экспертизы по случаю конфликтов с медицинскими учреждениями случалось обращаться 1,8 %. Случаи летальных исходов по вине врача среди опрошенных граждан были у 0,4 %.

Среди граждан, участвующих в опросе, эффективность деятельности органов управления в сфере управления качеством медицинской помощи на 100 % оценили 4,2 %, на 75 % оценили 48,6 % опрошенных, на 50 % — оценили 45 % опрошенных, на 25 % — оценили 2,2 % и 1,8 % опрошенных граждан, ответивших, что деятельность органов управления в области здравоохранения неэффективна (рис. 5).

На вопрос о том, насколько эффективно реализуется Приоритетный национальный проект «Здоровье» на территории Кировского района ГО г. Уфа, на 100 % оценили результаты проекта 7,2 % опрошенных, на 75,0 % оценили 53,0 % опрошенных, на 50 % — 34,4 % опрошенных, на 25 % — 5,4 % опрошенных (рис. 6).

На вопрос, эффективна ли политика органов управления, направленная на улучшение качества медицинской помощи, 4,2 % опрошенных оценили

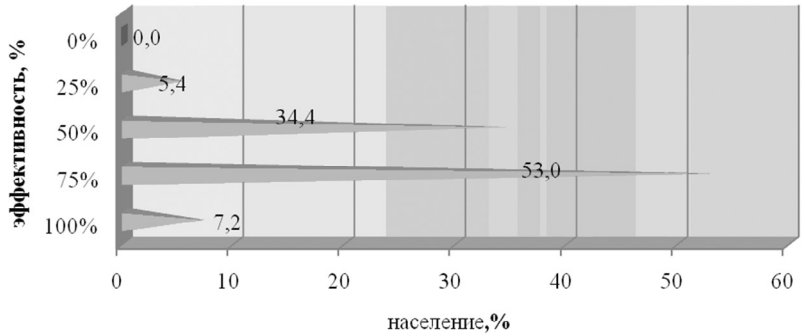


Рис. 6. *Оценка населением Кировского района ГО г. Уфа эффективности реализации Приоритетного национального проекта «Здоровье», %*

эффективность на 100 %, 46,8 % респондентов оценили указанный показатель на 75 %, на 50 % эффективность деятельности органов управления в области повышения качества медицинской помощи оценили 45 % опрошенных, на 25 % оценили его 2,2 % населения. При этом следует отметить, что 1,8 % населения считают политику органов управления, направленную на улучшение качества медицинской помощи, неэффективной.

Таким образом, можно заключить, что в среднем удовлетворенность населения Кировского района ГО г. Уфа качеством медицинской помощи составляет 48 % [3, с. 80].

Среди предложений населения по улучшению управления качеством медицинской помощи доминируют: улучшение лекарственного снабжения больничных учреждений, повышение квалификации медицинского персонала, увеличение числа медицинских пунктов с дежурными врачами [4, с. 219].

Список источников

1. *Шевалдина Е. И., Шевалдина Ю. С.* Демографические показатели трудовых ресурсов в Республике Башкортостан // Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности: материалы международной научно-практической конференции / Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал. — 2016. — С. 286–288.

2. *Шевалдина Е. И.* Образ жизни родителей и здоровье детей // Ватандаш. — 2008. — № 10. — С. 187–192.

3. *Шевалдина Е. И.* Основные направления регулирования демографических процессов в Республике Башкортостан: учебное пособие. — Уфа, 2015.

4. *Шевалдина Ю. С., Шевалдина Е. И.* Организационная система управления качеством медицинской помощи в ГО г. Уфа // Наука сегодня: теория и практика: сб. научных трудов II Международной заочной научно-практической конференции. — 2016. — С. 218–220.

Информация об авторе

Шевалдина Елена Ивановна — кандидат социологических наук, доцент, Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ) (Россия, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1; e-mail: info@rusoil.net).

Shevaldina E. I.

Development in the Sphere of Sports and Recreation Service

The article deals with the issues related to the assessment of the quality of medical care in the Kirov district of Ufa, analyzed the answers of respondents to a number of questions related to health care.

Keywords: medical care, quality of medical care, service in medical institutions, satisfaction of the population.

References

1. Shevaldina E. I., Shevaldina Y. S. Demographic characteristics of labour resources in the Republic of Bashkortostan // Economics and law: theoretical and practical issues of the day. Materials of international scientific-practical conference. Non-state educational institution of higher professional education "Moscow Academy of Economics and law", Ryazan branch. — 2016. — P. 286–288.

2. Shevaldina E. I. lifestyle of the parents and children's health // Vatandas. — 2008. — No. 10. — P. 187–192.

3. Shevaldina E. I. Main directions of regulation of demographic processes in the Republic of Bashkortostan. Tutorial. — Ufa, 2015.

4. Shevaldina Y. S., Shevaldina E. I. Organizational quality management system of medical care in Ufa // Science today: theory and practice collection of scientific works of the II International correspondence scientific-practical conference. — 2016. — P. 218–220.

Author

Shevaldina Elena Ivanovna — candidate of sociological science, associate professor, Ufa state oil technical University (UGNTU) (Russia, Ufa, Kosmonavtov St., 1; e-mail: info@rusoil.net).

УДК 249.65(043)

Шевалдина Е. И.

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН[1]

В статье рассматриваются вопросы, связанные с теоретическими аспектами управления сферой физкультуры и спорта, анализируется современная ситуация в городе Уфа, изучены цели и задачи государственной политики в области физкультуры и спорта, нормативно-правовая база, существующие проблемы.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, спортивно-оздоровительный комплекс, физическая подготовка, спортклубы, фитнес-клубы

Развитие сферы спортивно-оздоровительных услуг зависит не только от происходящих в стране изменений, определяющих необходимость утверждения на государственном и муниципальном уровнях власти базовых положений предоставления данных услуг, но и от того, какое место занимают спортивно-оздоровительные мероприятия в современном обществе. В результате можно выделить несколько уровней предоставления спортивно-оздоровительных услуг: федеральный, региональный, муниципальный, образовательных школ, спортивных секций, санаториев, отдельных групп, массовый. В данной статье рассмотрим один из основополагающих уровней сферы спортивно-оздоровительных услуг — муниципальный и проведём его анализ на примере Октябрьского района Уфы.

В первую очередь рассмотрим общую демографическую ситуацию в районе на основании официальных статистических источников и проведем анализ и ранжирование населения, пользующегося услугами сферы спортивно-оздоровительных услуг. По данным 2015 года, население ГО г. Уфа составляет 1105667 человек. Численность женщин преобладает над численностью мужчин (54,5 и 45,5 % соответственно), на 1000 женщин приходится 835 мужчин. Доля лиц моложе трудоспособного возраста — 15,4 %, трудоспособного возраста — 65,2 %, старше трудоспособного возраста — 19,4 %.

Уфа состоит из 7 административных районов. Октябрьский район по численности населения является самым крупным. По данным статистической отчетности, население Октябрьского района составляет 241 238 человек (на 1 января 2015 г.), из них: 131 474 женщин, 109 764 мужчин, 37 150 лиц моложе трудоспособного возраста, 157287 лиц трудоспособного возраста, 46 801 лиц старше трудоспособного возраста [1, с. 287].

По потреблению спортивно-оздоровительных услуг население можно разделить на следующие потребительские группы:

1) По полу и возрасту:

— дошкольники 3–6 лет,

[1] © Шевалдина Е. И. Текст. 2018.

— школьники 7–17 лет,
— взрослые мужчины 18–60 лет,
— взрослые женщины 18–55 лет,
— мужчины пенсионного возраста,
— женщины пенсионного возраста.

2) По семейному положению:
— не женат/незамужем,
— женат/замужем, нет детей или 1 ребенок,
— женат/замужем, 2 детей и более в возрасте до 18 лет.

3) По уровню образования:
— высшее,
— среднее специальное,
— неоконченное высшее,
— среднее общее,
— неполное среднее.

4) По роду занятий:
— учащийся / студент,
— работающий / служащий,
— частный предприниматель,
— домохозяйка,
— безработный,
— пенсионер.

Потребительские предпочтения при выборе вида и поставщика спортивно-оздоровительных услуг определяются по следующим факторам:
— удобный график работы,
— удобство расположения,
— укомплектованность спортивным оборудованием,
— хорошее техническое состояние спортивного объекта,
— доступная стоимость услуг,
— высокая квалификация тренеров и инструкторов,
— возможность заниматься различными видами спорта в одном месте,
— известность/репутация спортивного клуба,
— наличие дополнительных услуг,
— наличие системы скидок.

На основании данных о демографических характеристиках и потребительских предпочтениях основных потребительских групп можно выделить 4 основных сегмента потребителей спортивно-оздоровительных услуг, при этом будем учитывать, что средняя заработная плата за 2015 год в Уфе составляет 26000 руб.

Сегмент «А». Доля мужчин и женщин в сегменте примерно одинакова (51 % женщин и 49 % мужчин). В данном сегменте большая доля людей старшего возраста, чем в других сегментах. Основными целями занятий физической культурой и спортом являются:
— поддержание и укрепление здоровья;

— профилактика заболеваний;
— желание получить положительные эмоции;
— желание похудеть и повысить внешнюю привлекательность.

Наиболее популярные виды спорта: плавание, фитнес, силовые виды спорта.

Большинство представителей данного сегмента занимаются спортом 2–3 раза в неделю. Представители данного сегмента выше, чем представители других сегментов, оценивают свой спортивный объект по характеристике «удобный график работы». Основными факторами выбора спортивного объекта для данного сегмента потребителей являются возможность заниматься различными видами спорта в одном месте и наличие дополнительных услуг. В данном сегменте выше, чем в других, доля имеющих высшее образование, работающих на руководящих должностях, женатых/замужем, имеющих детей старше 18 лет [3, с. 28].

Сегмент «Б». Доля мужчин и женщин в сегменте примерно одинакова (51 % женщин и 49 % мужчин). Основными целями занятий физической культурой и спортом являются:
— желание укрепить здоровье;
— получить положительные эмоции;
— похудеть и повысить внешнюю привлекательность;
— поддержание высокой работоспособности.

При этом доля желающих укрепить здоровье с помощью физической культуры и спорта выше, чем в других сегментах. Наиболее популярные виды спорта: плавание, фитнес, силовые виды спорта.

Основными факторами выбора спортивного объекта для данного сегмента являются удобство расположения, доступная стоимость услуг и наличие системы скидок. Большинство представителей сегмента занимаются спортом 2–3 раза в неделю. Большая часть из них имеют высшее образование [3, с. 29].

Сегмент «В». В данном сегменте преобладают женщины (56 %). Около трети данного сегмента находятся в возрасте 30–39 лет. Основными целями занятий спортом являются:
— желание укрепить здоровье;
— получить положительные эмоции;
— похудеть и повысить внешнюю привлекательность
— проведение физкультурно-оздоровительного и спортивного досуга.

Наиболее популярные виды спорта: плавание, фитнес, танцевальные программы, йога.

Основными факторами выбора спортивного объекта для данного сегмента являются удобный график работы, хорошее техническое состояние, доступная стоимость услуг и удобство расположения. Около половины представителей данного сегмента занимаются спортом 1–2 раза в неделю. Доля имеющих высшее образование в данном сегменте выше, чем в других сегментах [3, с. 30].

Сегмент «Г». В данном сегменте преобладают мужчины (63 %), большая часть (34 %) представителей сегмента молодого возраста. Основными целями занятий спортом являются:

— желание получить положительные эмоции;

— повысить внешнюю привлекательность;

— поддержание высокой работоспособности;

— участие в различных видах активного отдыха.

Наиболее популярные виды спорта: плавание, фитнес, силовые виды спорта.

Основными факторами выбора спортивного объекта для данного сегмента являются известность/репутация спортивного объекта и высокая квалификация тренеров и инструкторов. Половина представителей сегмента занимается спортом 3 раза в неделю. Среди представителей данного сегмента больше людей, имеющих незаконченное высшее образование, чем среди представителей остальных сегментов. Для данного сегмента характерно большее число учащихся/студентов [3, с. 31].

Важно заметить, что среди основных сегментов потребителей платных спортивно-оздоровительных услуг практически не встречаются пенсионеры и дети до 18 лет [2, с. 190]. Это связано с низкими доходами данных групп населения. Поэтому для них важно предоставить возможность пользоваться спортивно-оздоровительными услугами на льготных условиях.

Среди множества направлений физической культуры и спорта для массовых занятий наиболее популярными являются следующие:

— свободное плавание в бассейне как метод оздоровления, закаливания, поддержания физической формы и физического развития;

— фитнес-тренировки (аэробика, танцевальные направления, силовые занятия, дыхательная гимнастика, пилатес, каланетика, йога), как специализированные занятия физическими и дыхательными упражнениями в целях оздоровления, поддержания физической формы и физического развития;

— веллнес-технологии как сочетание методик оздоровления организма и достижения состояния физического и душевного благополучия;

— занятия и тренировки по циклическим, процессуальным, игровым видам спорта и единоборствам, осуществляемые на основе платности, выработанных тренером программ с целью физического развития и оздоровления;

— занятия и тренировки по организованному туризму с использованием специфических природно-географических возможностей (горные лыжи, рафтинг, дайвинг, кайтинг, виндсерфинг, скалолазание), предоставляемые туристскими организациями и их партнерами, с целью оздоровления и физического развития.

На основании анализа основных сегментов потребителей можно сделать вывод, что основными видами спортивно-оздоровительных услуг,

которые предпочитают потребители, являются плавание и занятия в спортивных залах, для чего необходимо расширение инфраструктуры спортивных сооружений района новыми бассейнами и спортивными залами. С этой целью также необходимо совершенствование муниципальной политики в сфере физической культуры и спорта.

Очевидно, что в последнее время интерес к здоровому образу жизни и спорту в нашей стране значительно возрос. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования «Перспективы и эффективные пути развития физической культуры и спорта в Республике Башкортостан», проведенного Министерством молодежной политики и спорта в РБ в 2014 году. Анализ данных показал, что физическими упражнениями в свободное время не занимаются и не хотели бы заниматься только 7,6 % молодых людей, 18 % опрошенных обращаются к физкультурным занятиям несколько раз в неделю, 52,9 % занимаются спортом от случая к случаю и 22 % респондентов хотели бы заниматься. Полученные данные позволяют утверждать, что физкультурно-спортивная деятельность, наряду с другими видами деятельности, входит в образ жизни молодых людей [1, с. 287].

Проанализируем спортивно-оздоровительный комплекс Октябрьского района ГО г. Уфа. В районе функционируют 11 детско-юношеских спортивных школ, где проводится подготовка спортсменов на профессиональном уровне, 9 спортивно-оздоровительных комплексов, баз и дворцов спорта, на базе которых проводится подготовка спортсменов для профессионального спорта, а также они используются для массовой физической культуры и спорта. Также в Октябрьском районе расположены 11 спортивных клубов по разным направлениям спорта. Членами данных спортивных клубов являются как дети, так и взрослые. Для детей, которые не занимаются профессиональным спортом на базе детско-юношеских спортивных школ, но заинтересованы в занятиях на любительском уровне, в Октябрьском районе действуют 11 подростковых спортивных клубов, где тренируют по различным направлениям боевых искусств, футболу, хоккею, гимнастике, шахматам.

Помимо муниципальных спортивных организаций в Октябрьском районе представлены 24 коммерческих фитнес-клубов и спортивных залов, предлагающих достаточно широкий выбор групповых занятий, силовых тренировок, занятий с персональными тренерами. Коммерческие предложения спортивно-оздоровительных услуг представлены как для взрослых, так и для детей.

Ценовая политика в подобных клубах достаточно разная. Как правило, в клубах более высокого уровня сервиса и обслуживания необходимо приобретение годовой клубной карты, в клубах среднего ценового сегмента возможно приобретение абонемента на 1 месяц, в клубах низкого ценового сегмента возможно посещение разовых занятий. Цена посещений определяется уровнем сервиса в клубе, качеством обслуживания,

современностью оборудования и профессионализмом тренеров, а также временем посещений (как правило, посещение в вечернее время стоит дороже, и варьируется от 700 до 3800 руб. за 1 месяц занятий). В условиях рыночной экономики наиболее профессиональные тренеры являются наиболее высокооплачиваемыми, а значит и наиболее дорогими. Таким образом, получается, что качественные спортивно-оздоровительные услуги теоретически доступны каждому жителю района, а фактически далеко не всем, так как для многих выделить из семейного бюджета сумму, необходимую для посещения фитнес-клуба всеми членами семьи, не представляется возможным [2, с. 191]. Для пенсионеров посещения спортивных занятий в таких условиях становятся вообще недоступными.

Одним из самых популярных видов массового спорта является плавание в бассейне. Долгое время в Октябрьском районе Уфы функционировал всего один бассейн спортивного комплекса «Урал», в настоящее время в районе работает 8 бассейнов.

Рассчитаем обеспеченность плавательными бассейнами населения Октябрьского района по методике расчета показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных округов и районов Республики Башкортостан.

Обеспеченность плавательными бассейнами в муниципальном образовании определяется по формуле:

$$\text{плавательный бассейн} = \frac{S_{\text{факт}}}{N / 10000}, \qquad (1)$$

где $S_{\text{факт}}$ — фактическая площадь плавательных бассейнов, расположенных на территории муниципального образования (кв. м зеркала воды), площадь плавательных бассейнов для взрослых 1285 м^2; N — среднегодовая численность населения муниципального образования за соответствующий расчетный период (человек), по данным Росстата, за 2015 г. составляет 241 238 чел.

Для Октябрьского района г. Уфы эта цифра будет 53,3 кв. м. Согласно методике определения нормативной потребности субъектов Российской Федерации в объектах физической культуры и спорта норматив обеспеченности населения плавательными бассейнами составляет 750 кв. метров зеркала воды на 10000 населения муниципального образования. То есть фактически Октябрьский район обеспечен плавательными бассейнами всего на 7,1 %.

По той же методике рассчитаем обеспеченность спортивными залами по формуле (2) и плоскостными сооружениями по формуле (3) в Октябрьском районе.

Обеспеченность спортивными залами:

$$\text{спортивные залы} = \frac{S_{\text{факт}} / 1000}{N / 10000}, \qquad (2)$$

где $S_{факт}$ — фактическая площадь спортивных залов, расположенных на территории муниципального образования (кв. м), площадь спортивных залов 5700 м^2.

Для Октябрьского района г. Уфы эта цифра будет 0,23 тыс. кв. м. Норматив обеспеченности населения спортивными залами населения составляет 3,5 тыс. кв. метров площади спортивных залов на 10000 населения муниципального образования. То есть фактически Октябрьский район обеспечен спортивными залами всего на 6,75 %.

Обеспеченность плоскостными спортивными сооружениями:

$$\text{плоскостные спортивные сооружения} = \frac{S_{факт} / 1000}{N / 10000}, \qquad (3)$$

где $S_{факт}$ — фактическая площадь плоскостных спортивных сооружений, расположенных на территории муниципального образования (кв. м), площадь спортивных залов 5700 м^2.

Для Октябрьского района г. Уфы эта цифра будет 13,3 тыс. кв. м. Норматив обеспеченности населения плоскостными спортивными сооружениями для обеспечения минимальной двигательной активности населения составляет 19,5 тыс. кв. метров площади плоскостных сооружений на 10000 населения муниципального образования. То есть фактически Октябрьский район обеспечен спортивными залами на 68 %. Достаточно высокий процент обеспеченности обусловлен тем, что в Октябрьском районе находится ряд крупных плоскостных спортивных сооружений, единственных в городе. Это горнолыжный комплекс, ипподром. Также крупные спортивные объекты — Дворец спорта и СОК им. Салавата Юлаева и достаточно большая спортивная зона ПКиО «Кашкадан».

Специфика предоставления спортивно-оздоровительных услуг связана с удовлетворением потребностей в получении комплекса взаимодополняющих услуг в удобном для потребителя месте и в определенное время. При этом особенностью спортивно-оздоровительных услуг, отличающей их от других видов услуг, будет их неоднородность, что требует развития соответствующей инфраструктуры. Участие государства, бизнеса и общественных организаций в развитии рынка спортивно-оздоровительных услуг формирует предпосылки для расширения организационно-экономических форм хозяйствования в исследуемой сфере.

В результате диагностики сферы спортивно-оздоровительных услуг в Октябрьском районе можно сделать следующие выводы:

1. В районе представлены спортивно-оздоровительные услуги, предоставляемые как муниципальными, так и коммерческими организациями.

2. Обеспеченность плавательными бассейнами составляет 7,1 %, спортивными залами — 6,75 %, плоскостными спортивными сооружениями — 68 %.

3. Для привлечения к занятиям спортом и физической культурой большего количества населения необходимо создание спортивных сооружений

и организаций, где люди могли бы заниматься бесплатно или за небольшую плату. Особенно это касается взрослых и пожилых людей, так как в сфере детских и подростковых спортивно-оздоровительных услуг представлено 33 муниципальных и несколько частных спортивных организаций, в то время как для взрослых — только спортивно-оздоровительные услуги частного характера.

В заключение следует отметить, что, как показало проведенное исследование, уже сформировавшийся спрос на спортивно-оздоровительные услуги, с одной стороны, требует строительства новых объектов, предоставляющих спортивно-оздоровительные услуги, а, с другой, является недостаточным для реализации государством основной целевой направленности в данной сфере — ведения здорового образа жизни. В этой связи вовлечение всё большего количества занимающихся в сферу спортивно-оздоровительных услуг представляет собой комплексную задачу по удовлетворению возросших запросов населения в качественных и дифференцированных видах спортивно-оздоровительных услуг, а также обеспечению эффективного функционирования спортивно-оздоровительного комплекса города Уфы [4, с. 220].

Список источников

1. *Шевалдина Е. И., Шевалдина Ю. С.* Демографические показатели трудовых ресурсов в Республике Башкортостан // Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности: материалы международной научно-практической конференции / Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал. — 2016. — С. 286–288.

2. *Шевалдина Е. И.* Образ жизни родителей и здоровье детей // Ватандаш. — 2008. — № 10. — С. 187–192.

3. *Шевалдина Е. И.* Основные направления регулирования демографических процессов в Республике Башкортостан: учебное пособие. — Уфа, 2015.

4. *Шевалдина Ю. С., Шевалдина Е. И.* Организационная система управления качеством медицинской помощи в ГО г. Уфа // Наука сегодня: теория и практика: сб. научных трудов II Международной заочной научно-практической конференции. — 2016. — С. 218–220.

Информация об авторе

Шевалдина Елена Ивановна — кандидат социологических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ) (Россия, Республика Башкортостан, ул. Космонавтов, 1; e-mail: info@rusoil.net).

Shevaldina E. I.

Development in the Sphere of Sports and Recreation Service

The article is concerned with the problem of physical training and sport management, it analyzes the current situation in Ufa, it studies the purposes and aims of national policy in the field of physical training and sport, the rules and regulations as well as the current problems.

Keywords: physical training and sport, sports and fitness complex, physical training, sports clubs, fitness clubs

References

1. Shevaldina E. I., Shevaldina Y. S. Demographic characteristics of labour resources in the Republic of Bashkortostan // Economics and law: theoretical and practical issues of the day. Materials of international scientific-practical conference. Non-state educational institution of higher professional education "Moscow Academy of Economics and law", Ryazan branch. 2016. P. 286–288.

2. Shevaldina E. I. lifestyle of the parents and children's health // Vatandas. — 2008. — No. 10. — P. 187–192.

3. Shevaldina E. I. Main directions of regulation of demographic processes in the Republic of Bashkortostan. Tutorial. — Ufa, 2015.

4. Shevaldina Y. S., Shevaldina E. I. Organizational quality management system of medical care in Ufa // Science today: theory and practice collection of scientific works of the II International correspondence scientific-practical conference. 2016. P. 218–220.

Author

Shevaldina Elena Ivanovna — candidate of sociological science, associate professor, Ufa state oil technical University (UGNTU) (Russia, Ufa, Kosmonavtov St., 1; e-mail: info@rusoil.net).

УДК 31, 316.

Шелуханова Л. В.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ, ИМЕЮЩЕЙ РЕБЕНКА ДО ТРЕХ ЛЕТ[1]

В данной статье актуализируется роль различных факторов, влияющих на качество и уровень жизни семей с детьми. Особое внимание уделяется молодой семье, в которой воспитывается ребенок в возрасте от полутора до трех лет, так как именно она находится в наиболее уязвимом социально-экономическом положении. В данной статье анализируется набор ресурсов данной семьи, а также определяются ее основные проблемы и трудности.

Ключевые слова: молодая семья, ресурсы семьи, социальный капитал, ресурсы семейного капитала

В современном обществе положение молодой семьи, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, достаточно неустойчиво. Процесс перехода от патриархальной семьи к семье современного типа влечет за собой множество изменений в сфере семейно-брачных отношений. В свою очередь, на социальном капитале современной семьи отражаются различные социально-экономические факторы. Сложившаяся ситуация делит молодые семьи на несколько категорий. Одна часть таких семей имеет возможность решать проблемы материального и иного характера, другая — неспособна решать проблемы без помощи со стороны государства и постепенно переходит в категорию семей группы риска. Данные факторы, влияющие на качество и уровень жизни семей с детьми, называют ресурсами семьи. Данные ресурсы используются для удовлетворения различных потребностей семьи и определяются как ее ресурсный потенциал [2, с. 376–378].

Каждая семья обладает определенным набором ресурсов семейного капитала, которые, в свою очередь, должны инвестироваться в детей. Количество же имеющихся у семьи ресурсов будет влиять на качество будущего капитала ребенка.

Семейный капитал представляется в виде совокупности разного вида ресурсов, передающихся от родителей к ребенку: экономический капитал — доходы, человеческий капитал — образование родителей, социальный капитал — плотность внутренних и внешних социальных сетей [4, с. 236–245].

Более высокая успеваемость ребенка напрямую зависит от высоты человеческого капитала родителей. Социальный и культурный капитал семьи также является положительным фактором в образовательных возможностях ребенка [1, с. 64–69].

В России именно семьи, имеющие детей от полутора до трех лет, находятся в наиболее уязвимом положении, так как семья перестает получать пособие по уходу за детьми. Для данных категорий семей характерна

[1] © Шелуханова Л. В. Текст. 2018.

социальная депривация — ограничение материальных и духовных ресурсов, необходимых для выживания, полноценного развития и социализации детей.

Такие семьи оказались в наиболее тяжелом положении, так как менее защищены, в частности в связи с постоянным ростом цен на продукты питания и одежду, отставанием индексации зарплаты от инфляционных процессов и другими причинами. Здесь существует риск того, что семья, не сумевшая приспособиться к новым условиям жизни, будет и в дальнейшем входить в число малообеспеченных семей с неблагоприятной эмоциональной атмосферой.

По словам первого заместителя министра финансов России Татьяны Нестеренко, 35 % россиян, которые попадают в категорию бедных, — это молодые семьи с двумя детьми[1]. По мнению министра труда и социальной защиты Максима Топилина, около 60 % всех бедных семей в России — семьи с детьми[2].

Россия не может показывать высокие темпы роста при серьезном расслоении общества. Доход определяет готовность семьи к рождению ребенка, способность обеспечить ребенка всем необходимым для его жизнедеятельности.

Государству необходимо понимать, что вернуться к модели многодетной семьи, которая преобладала в структуре населения до XX века, уже невозможно, но поддерживать рождаемость на должном уровне, развивать и поддерживать меры государственных гарантий для молодой семьи просто необходимо.

В 2018 году был принят ряд мер, направленных на стимулирование рождаемости, на улучшение демографической ситуации в ближайшем будущем.

Среди наиболее эффективных мер по стимулированию рождаемости в ближайшей перспективе (2018–2020 гг.) можно выделить следующие:

1) поддержка многодетных семей и семей со скромными доходами, для того чтобы стимулировать рождение второго и третьего ребенка;

2) введение с 2018 года ежемесячных выплат молодым семьям при рождении первого ребенка до достижения им полутора лет;

3) продление программы материнского капитала с расширением сферы его использования.

Для семей, в которых ребенок посещает ДОУ, предусмотрены как федеральные, так и региональные компенсации. Федеральные выплаты назначаются в соответствии с Федеральным законом № 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 года без учета доходов семьи, то есть всем:

— на первого ребенка она составляет 20 %,

— на второго ребенка — 50 %,

[1] См.: 2016/1340199_minfin_bolee_treti_bednyx_eto_molodye_semji_s_dvumja_detmi.html.

[2] См.: https://www.rbc.ru/society/06/09/2017/59aff6859a794749b39bc2bb.

— на третьего и последующих детей — 70 % от среднего размера родительской платы.

Далее, льготу на оплату ДОУ имеют семьи с тремя и более детьми. Данная семья оплачивает 50 % от стоимости образовательного учреждения и также пользуется компенсационными выплатами. Дети-инвалиды, дети с туберкулезной интоксикацией, дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей посещают детсады бесплатно.

Несколько лет назад реализация программы материнского (семейного) капитала была направлена на побуждение к рождению вторых и последующих детей. Современная тенденция говорит о том, что рождение первых детей падает. Сегодня для многих молодых пар финансовый вопрос стоит на первом месте.

Еще 5–6 лет назад национальная стратегия, реализованная посредством программы материнского капитала, была направлена на побуждение людей к расширению семей и рождению вторых и третьих детей. Сегодня же для многих молодых людей, только вступивших в трудовую деятельность, финансовый вопрос становится камнем преткновения и в желании завести первенца.

Четыре года подряд наблюдается уменьшение числа рождений первых детей: в 2014 году родилось 25 539 первых детей, в 2015 году — 24 832, а в 2016 году — 22 511, в 2017 году — 19 543.

Это симптом действия демографической волны 1992–1999 годов, когда произошло резкое снижение рождаемости. В настоящее время рожденные в тот период дети сами становятся родителями, и поэтому объективно рождаемость в 2016–2025 годах вновь должна уменьшиться[1].

Доля регистрации рождения первенцев в семьях в г. Казани по итогам 2017 года уменьшилась на 10 % и составила 45 % (9842 акта). Данный показатель выше республиканского, который составил 40 %[2].

На преодоление указанных проблем направлены дополнительные меры по стимулированию рождаемости и социальной поддержке семей с детьми, принятые в конце 2017 г. на федеральном и региональном уровнях.

В Республике Татарстан имеются и такие выплаты, которые напрямую зависят от среднедушевого дохода семьи. Так, семьи, в которых родился первенец, и среднедушевой доход которых не превышает 1,5-кратную величину прожиточного минимума (на 1 января 2018 г. сумма составляет 13 713 руб.) в месяц, имеют право на ежемесячное пособие в размере 8 490 руб.

В Татарстане с 1 января 2018 г. введены новые меры социальной поддержки женщин, постоянно проживающих в сельской местности, при рождении первого и третьего ребенка: женщине в возрасте до 25 лет при рождении первого ребенка полагается единовременная выплата в размере

[1] См.: http://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1249747.pdf.

[2] Там же.

50 тыс. руб.; женщине в возрасте до 29 лет при рождении третьего ребенка — единовременная выплата в размере 100 тыс. руб.

Следующим, не менее актуальным вопросом остается феномен «отложенной рождаемости». Современная женщина с высоким уровнем образования ориентирована на повышение своего профессионального статуса, профессиональной самореализации. В современной социокультурной ситуации наблюдается смещение рождения ребенка у женщин в сторону более старших возрастных когорт.

О тенденции повышения возраста материнства и откладывания рождений на более поздние возраста, которая характерна для развитых стран, можно судить по изменению среднего возраста матери при рождении первого ребенка.

По оценкам за 2000–2014 гг., средний возраст матери при рождении первого ребенка повысился во всех странах СНГ, кроме Азербайджана. Наибольшее повышение среднего возраста матери при рождении первого ребенка наблюдалось на Украине (на 2,7 года), в Белоруссии (на 2,4 года) и в Армении (на 2,0). В Киргизии и Узбекистане оно составило не более полугода, причем при сравнении с промежуточными значениями (за 2010 год) отмечалось снижение показателя, как и в Азербайджане [3, с. 122] В 2013 г. средний возраст матери при рождении первенца в России составил 25,2 года.

Ранее уже было сказано о том, что одним из факторов «взросления» материнства является накопление женщиной человеческого капитала через получение образования.

Время рождения первого ребенка зависит от дохода, образования, опыта и стажа. Современные женщины все чаще откладывают материнство, предпочитая цели профессионального становления и развития, а также закрепления на рабочем месте, пытаясь таким образом снизить карьерные риски и потери, связанные с рождением ребенка.

Женщины с более высоким уровнем образования и большим стажем работы чаще откладывают рождение первого ребенка. Наблюдается и обратная связь: женщины, поздно рожающие первого ребенка, больше инвестируют в человеческий капитал и уровень их дохода выше [5].

Произошла значительная трансформация семейных ценностей, так, получение образования и построение карьеры для многих современных женщин выходит на первый план, и норма в отношении возраста первого рождения сдвигается как минимум к 25 годам, а зачастую и в более поздние возраста. Можно говорить о том, что рождение ребенка является одним из элементов самореализации его родителей.

В таких условиях государству необходимо позаботиться о том, чтобы возрастная планка первых родов была бы значительно ниже, чем в сегодняшних условиях. Необходимо стимулировать деторождение и создавать комфортные для него условия. Нужно создавать большее количество детских садов и бесплатных спортивных секций, кружков, тогда будет возможность полноценно вырастить ребенка.

Тенденция более позднего материнства наиболее характерна для женщин из крупных городов, в которых складываются наиболее благоприятные условия для получения высокооплачиваемых рабочих мест.

Женщины из крупных городов в наибольшей степени нацелены на более поздний срок откладывания рождения детей. По данным Департамента образования, в Москве доля рожденных детей увеличивается с возрастом матерей. Так, в группе матерей 30–34 лет количество рожденных детей на 10 % превышает общероссийские показатели, в группе 35–39 лет — на 17 %, а в группе 40–44 лет — на 31 % [3, с. 122].

Можно сделать вывод о том, что в системе дошкольного образования в последние годы увеличивается количество детей, матери которых старше 30 лет. Запросы родителей данной возрастной категории в системе дошкольного и младшего школьного образования отличаются от запросов более молодых родителей в силу их жизненного опыта и общих представлений о воспитании детей.

Проанализировав данные проблемы, можно сделать вывод о том, что общий анализ демографической ситуации и результативности недостаточно сводить к элементарному рассмотрению процентов рождаемости. Для выявления индикаторов и переменных капитала российской семьи с детьми дошкольного и младшего школьного возраста необходимо учитывать целый комплекс вопросов: «отложенная» рождаемость, «качество и условия» воспитания, помощь со стороны государства, ситуации на рынке труда.

Следующим индикатором, позволяющим выявить основные проблемы и особенности семей с детьми дошкольного и раннего школьного возраста, является анализ различных аспектов, связанных с организацией жизни ребенка в семье.

Каждая семья обладает определенным набором ресурсов семейного капитала, которые, в свою очередь, должны инвестироваться в детей. Количество же имеющихся у семьи ресурсов будет влиять на качество будущего капитала ребенка.

Семейный капитал представляется в виде совокупности разного вида ресурсов, передающихся от родителей к ребенку: экономический капитал — доходы, человеческий капитал — образование родителей, социальный капитал — плотность внутренних и внешних социальных сетей [4].

С целью оценки качества ресурсов семейного капитала, полноты их инвестирования от родителей к детям нами были разработаны и систематизированы виды ресурсов семьи, а также приведены причины недостаточного инвестирования их в детей.

Ресурсы социального капитала:

1. Экономические — уровень личного месячного дохода родителей, качество жилищных условий, количество сбережений семьи, количество долгов семьи, частота и характер пользования платными услугами, отсутствие критических материальных ситуаций, наличие льгот, пособий.

2. Интеллектуальные — уровень образования родителей, возможности и способности к анализу происходящих процессов, творческий ресурс родителей.

3. Социальные — степень приобщения ребенка к труду, стимулирование ребенка, приобщение его к социальным нормам, стандартам поведения, приобщение ребенка к семейным традициям и ценностям.

4. Физические — общение родителя с ребенком, отсутствие командировок, свободное от работы времени, совместный отдых, помощь со стороны родственников, частота стимулирования и мотивации к достижениям, выраженная в похвале за определенные успехи, поощрения, контроль со стороны родителей.

Причины недостаточного инвестирования ресурсов семейного капитала:

1) низкое материальное положение семьи;

2) низкие показатели физического присутствия родителя, частые командировки;

3) отсутствие межличностного общения между родителем и ребенком;

4) отсутствие контроля со стороны родителя;

5) отсутствие стимулирования ребенка;

6) отсутствие примера мужского либо женского ролевого поведения;

7) недостаточная помощь со стороны государства;

8) чрезмерный автократический либо снисходительный стиль воспитания.

Каждая семья уникальна набором определенных проблем и методов для их разрешения. Набор ресурсов семейного капитала выступает методом урегулирования жизненных проблем.

Человеческий капитал, выраженный в физическом присутствии родителя, очень важен. Ребенок в полной мере должен овладевать социальными нормами и ролями. Недостаток внимания со стороны родителей приводит к внутриличностным конфликтам и к отсутствию связи с ребенком. Острота проблемы заключена именно в этом, так как все виды социального капитала между собой неразрывно взаимосвязаны.

В данной связи необходим анализ структурных особенностей родительских воспитательных стратегий на различных этапах дошкольного и раннего школьного детства.

Следующим показателем, влияющим на процесс социализации ребенка, оказывающим большое значение в процессе накопления внутриличностного капитала, является система дошкольного и школьного образования подрастающих поколений, а также родительские ожидания в отношении школьных программ.

В заключение вышесказанного следует обобщить, что проблемы детей дошкольного и раннего школьного возраста являются актуальными и требуют детального рассмотрения. Вышеперечисленные особенности

существенным образом сказываются на процессе социализации подрастающих поколений.

Список источников

1. Ильдарханова Ч. И. Методологические альтернативы исследования образовательного капитала семьи // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 64–69.

2. Кудрявцева Т. А., Федулова А. Б. Ресурсный подход к изучению молодой семьи в обществе риска // Молодой ученый. — 2017. — № 5. — С. 376–378.

3. Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад /отв. ред. С. В. Захаров. — М.: Изд дом Высшей школы экономики, 2016.

4. Шафиков М. Т. Потенциал: сущность и структура // Социально-гуманитарные знания. — 2002. — № 1. — С. 236–245.

5. Blackburn, Bloom, Neumark 1993; Caucutt, Guner, Knowles 2002.

Информация об авторе

Шелуханова Людмила Валерьевна — научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, Республика Татарстан, г. Казань, Левобулачная. 36 а; e-mail: gailj_07@bk.ru).

Shelyhanova L. V.

Resource Potential of a Modern Family Family Who Has Child Up to Three Years

In this article, the role of various factors affecting the quality and standard of living of families with children is actualized. Particular attention is paid to the young family, in which a child aged from one and a half to three years is brought up, since it is in the most vulnerable socio-economic situation. This article analyzes the resources of this family, as well as its main problems and difficulties.

Keywords: young family, family resources, social capital, resources of family capital

References

1. Ildarkhanova Ch. I. Methodological alternatives to the study of the educational capital of the family // Knowledge. Understanding. Skill. — 2012. — No. 3. — P. 64–69.

2. Kudryavtseva T. A., Fedulova A. B. Resource approach to the study of a young family in a risk society // Young scientist. — 2017. — No. 5. — P. 376–378.

3. Population of Russia 2014: the twenty-second annual demographic report / otv. Ed. S. V. Zakharov. — Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016.

4. Shafikov M. T. Potential: essence and structure // Social and humanitarian knowledge. — 2002. — No. 1. — P. 236–245.

5. Blackburn, Bloom, Neumark 1993; Caucutt, Guner, Knowles 2002.

Author

Shelukhanova Lyudmila Valerievna — researcher of the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Levobulachnaya 36a; e-mail: gailj_07@bk.ru).

Научное издание

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА
В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
IX Уральский демографический форум
Международная научная конференция

Сборник статей

Том 1

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук.
Протокол № 3 от 26.06.2018. Рег. № 07(18).

Редактор Сафьянова О. Л.
Компьютерная верстка Кузовковой С. В.

Подписано в печать
Формат 60 × 84/16. Бумага писчая.
Усл. п. л. 41. Усл. изд. л. 42. Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Телефон/факс: (342) 350-78-28, 350-78-49.
E-mail: azhur.ek@mail.ru, http: www.ajur.ur.ru.